
Живописная
Россія.
ИЗДАНІЕ, ТОВ.

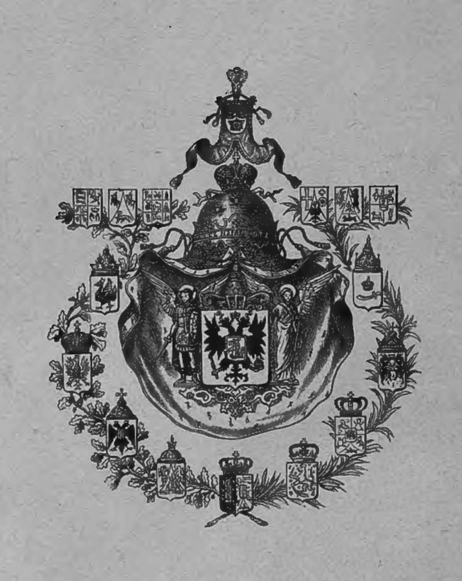

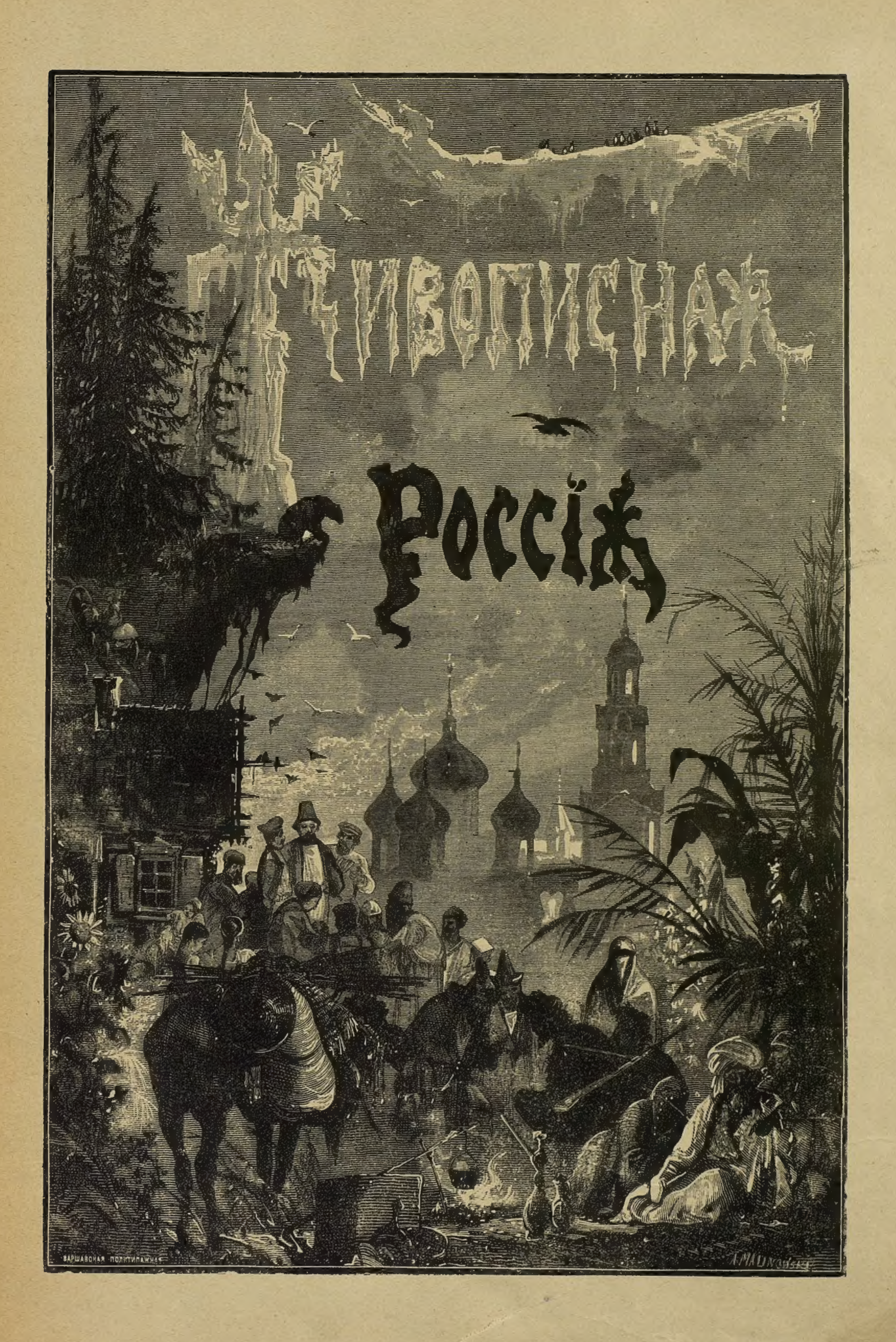

ТОВАРИЩЕСТВО М.О.

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ

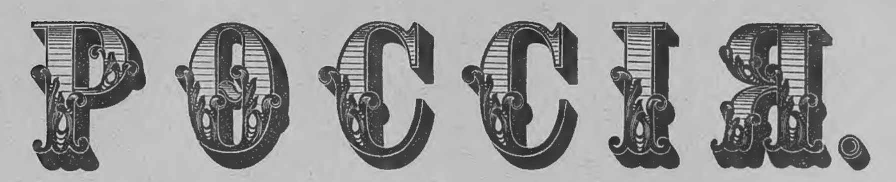
ТОМЪ IV.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Живописная
Россія
Варшавская политипажня

ЖИВОПИСНАЯ

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

ВЪ ЕГО

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ.

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

П. П. СЕМЕНОВА,

ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ:

Варшавская, Калишская, Кѣлецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сувалкская и Сѣдлецкая губерніи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СЪ 261 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ И 22 ОТДѢЛЬНЫМИ КАРТИНАМИ, РѢЗАННЫМИ НА ДЕРЕВѢ.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный дворъ, № 21.*

МОСКВА, *Кузнецкій мостъ, № 12.*

1896

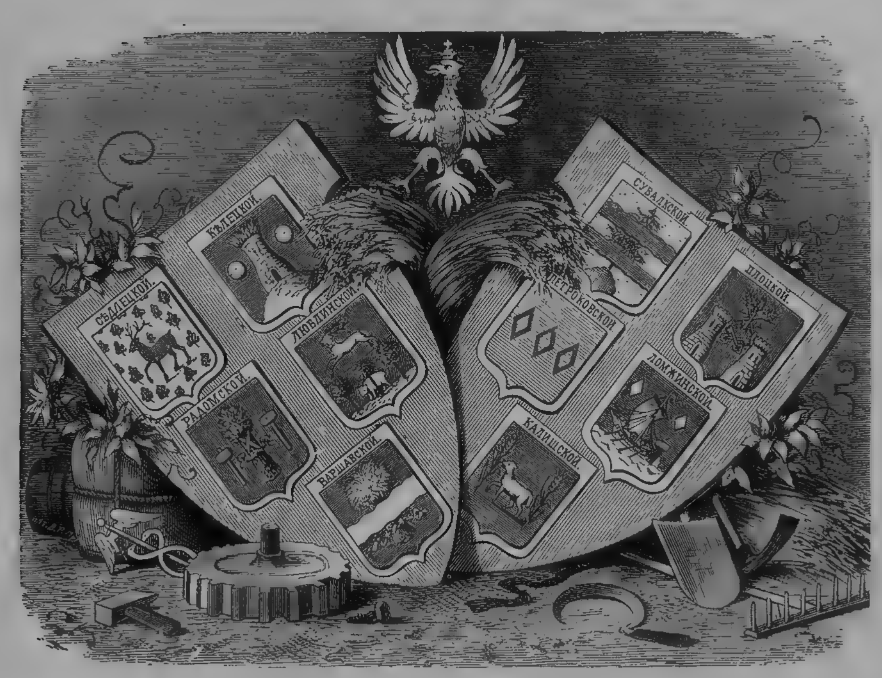
Дозволено цензурою. Спб., 25 сентября 1896 года

Типографія Тов. М. О. Вольфъ, Спб., В. О., 16 л., д. № 5.

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ.

Варшавская, Калишская, Кѣлецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сувалкская и Сѣдлецкая губерніи.

Гербы губерній.

ОЧЕРКЪ I.

ПЕРВОБЫТНЫЯ ВРЕМЕНА.

Изслѣдованія пещеръ.—Каменныя могилы.——Языческія кладбища.—Кострища.—Музеи. — Идолы. — Каменныя, кремневыя, бронзовыя, золотыя, серебряныя и желѣзныя выкопки.—Городища.—Дѣятели на поприщѣ археологіи.—Замки.

Разоблачать замогильную жизнь человѣка первобытнаго — задача не легкая; не письмена, но страшные облики смерти говорятъ здѣсь о жизни. Изъ смерти выясняется жизнь и своимъ стремительнымъ обликомъ поучаетъ насъ о жизни первобытнаго человѣка. Смерть и жизнь идутъ тутъ рядомъ, потому что ихъ останки въ могилахъ. Эти истлѣвшіе костяки, эти камни, прикрывающіе прахъ, этотъ песокъ, привезенный издалека, если его не было на мѣстѣ, это оружіе и эти орудія, которыя находимъ возлѣ костяка, этотъ горшокъ съ яствами, этотъ кубокъ съ питьемъ.—таковы краснорѣчивыя письмена, которыя надобно выучиться читать и понимать ихъ значеніе.

(«О значеніи и знаменательности памятниковъ.»)

А. И. КИРКОРЪ.

зысканія первобытныхъ древностей въ предѣлахъ нынѣшняго царства Польскаго никогда не были ведены систематически и не представляютъ еще положительныхъ данныхъ, на которыхъ можно бы было основывать выводы и заключенія о первобытныхъ поселенцахъ этой страны.

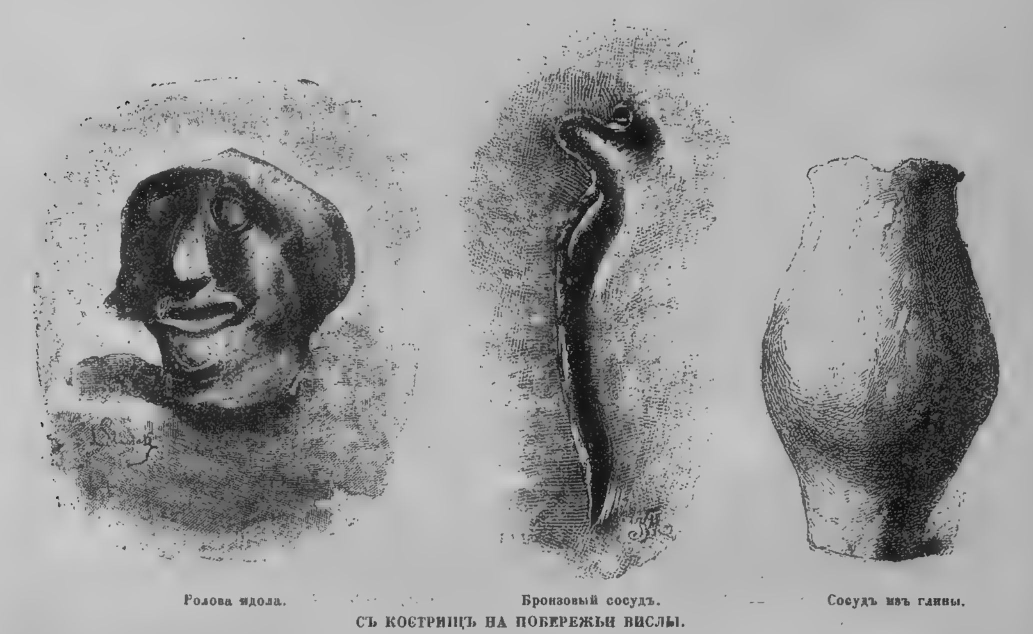
Немногія лица, интересовавшіеся древней археологіей Царства Польскаго, производившія въ странѣ раскопки доисторическихъ предметовъ или собиравшія ихъ, были ученые теоретики, но не систематическіе изслѣдователи, отъ этого то и польза отъ ихъ археологической дѣятельности для науки весьма небольшая. Труды ихъ не проложили пути къ будущимъ изслѣдованіямъ, не разъяснили намъ древней культуры данныхъ мѣстностей, не познакомили съ доисторическими погребальными обычаями, не указали даже, какіе преимущественно памятники древностей находятся въ въ той или другой мѣстности и какія между ними отличія.

Янъ Завиша, первый изъ поляковъ, около 20 лѣтъ тому назадъ, началъ строго научныя, систематическія изслѣдованія пещеръ въ окрестностяхъ Ойцова. Изслѣдованія его убѣждаютъ, что одновременно съ мамонтомъ, пещернымъ медвѣдемъ и другими исчезнувшими животными, на побережьи Вислы жилъ и человѣкъ. Пещерныя выкопки Завиши дозволили ему образовать единственный въ своемъ родѣ музей, находящійся и нынѣ въ его домѣ, въ Варшавѣ.

Кромѣ Завиши, нѣмецкій археологъ Грубе изъ Бреславля изслѣдовалъ нѣсколько неболь-

шихъ пещеръ (гротовъ) въ Кѣлецкой губерніи, нашелъ въ нихъ кости исчезнувшихъ животныхъ, каменныя, кремневыя и костяныя орудія и даже черепа. Изысканія г. Грубе, однако, еще не представляютъ убѣдительныхъ фактовъ, удостовѣряющихъ, что побережья Вислы были заселены въ древнѣйшемъ періодѣ. Черепа, найденные Грубе въ гротѣ, называемомъ Лисіонка (Кѣлецкой губ.), по увѣренію изслѣдователя, были перемѣшаны съ костями допотопныхъ животныхъ; другіе же найдены на 33 сант. выше костей мамонта. Рождается еще другое сомнѣніе: гротъ Лисіонка имѣетъ въ ширину отъ 107 до 133 сант. и только въ одномъ мѣстѣ достигаетъ двухъ метровъ. Вышина его отъ 2 метр. до 2 метр. 60 сант.—Спрашивается, какимъ же образомъ такой великанъ, какъ мамонтъ, могъ сюда входить и двигаться? Естественное поэтому предположеніе, что кости этихъ звѣрей могли быть занесены сюда случайно водою.

Болѣе достовѣрными свидѣтельствами заселенія страны въ то отдаленное время, когда металлы еще не были извѣстны, могутъ служить каменные гробы, въ которыхъ, кромѣ костяковъ, находили издѣлія изъ камня, кремня, костей и глины. Замѣчательно, что съ такими же

Голова идола. Бронзовый сосудъ. Сосудъ изъ глины.
СЪ КОСТРИЦЪ НА ПОБЕРЕЖЬИ ВИСЛЫ.

издѣліями находили въ каменныхъ гробахъ и урны или пепельницы съ сожженными останками, доказывающія, что въ этой странѣ еще въ глубокой древности существовалъ обычай трупосожиганія, а равно наводящія на мысль, что оба обычая въ ту отдаленную эпоху (именно—шлифованнаго камня) т. е., погребеніе усопшихъ въ каменныхъ гробахъ и трупосожиганіе существовали одновременно.

Окрестности Сандомира и Плоцка болѣе другихъ представляютъ памятниковъ доисторической эпохи, по крайней мѣрѣ, на сколько это открыто по сіе время, ибо край, вообще, еще мало изслѣдованъ и еще далеко неизвѣстно, какія могутъ быть послѣдствія болѣе тщательныхъ и систематическихъ изслѣдованій. Еще въ 1817 году, въ Сандомирскомъ округѣ, въ Журовникахъ, недалеко отъ Вислицы, случайно открытъ каменный гробъ, построенный изъ большихъ каменныхъ плитъ. Внутри лежалъ костякъ, а въ черепѣ вонзенная сѣкира изъ кремня. Въ томъ же Сандомирскомъ уѣздѣ, какъ свидѣтельствуетъ варшавскій археологъ, профессоръ Іосифъ Пржиборовскій, въ Гарбовѣ, близъ Завихоста, а также въ Пенцицахъ, найдены каменные

Каменныя ворота въ Ойцовѣ по дорогѣ въ гротъ Локетка.

гробы съ костяками и кремневыми издѣліями. Пржиборовскій указываетъ также на каменныя гробницы, устроенныя въ видѣ каменныхъ подваловъ въ Лелевѣ и Андинѣ, напоминающія извѣстные датскіе могильные погреба. Альфредъ Будзинскій открылъ такіе же погреба въ Піонтницѣ. Лелевскіе погреба имѣютъ крышу, составленную изъ шести большихъ камней, каждая же стѣна состоитъ изъ пяти гранитныхъ плитъ въ два аршина вышиною. Тотъ же Пржиборовскій сообщаетъ любопытныя извѣстія о каменномъ гробѣ въ Окалевѣ, при почтовой дорогѣ изъ Радзына въ Парчевъ. Гробъ построенъ въ видѣ большого четыреугольника изъ камней, а внутри его находился костякъ, лошадиная челюсть, сосудъ изъ глины и три кремневыхъ сѣкиры. На такіе же два гроба указываетъ Пржиборовскій въ браницѣ Суховольской на рѣкѣ Тысьменицѣ. Въ Стружевѣ, близъ Глушина, большая могила изъ камней, сложенныхъ въ видѣ кургана, а въ ней костякъ. Много и другихъ такого же рода каменныхъ гробовъ въ царствѣ Польскомъ, но далеко не всѣ еще изслѣдованы. Во всѣхъ приведенныхъ нами гробахъ были костяки. Но есть такого же устройства каменные гробы, въ которыхъ находили урны, какъ напр., въ Куявахъ въ Любранцѣ, Служевѣ, Петрковѣ, Радзѣевѣ, Ліомпольнѣ, Осницѣ близъ Плоцка, въ Грушевѣ, въ Прошовскомъ, гдѣ въ однихъ гробахъ были костяки, а въ другихъ урны, лошадиные остовы и каменныя сѣкиры; при урнахъ вездѣ находили каменныя и кремневыя издѣлія.

Каменная фигура въ Новомъ Слупѣ, у «Лысой горы»

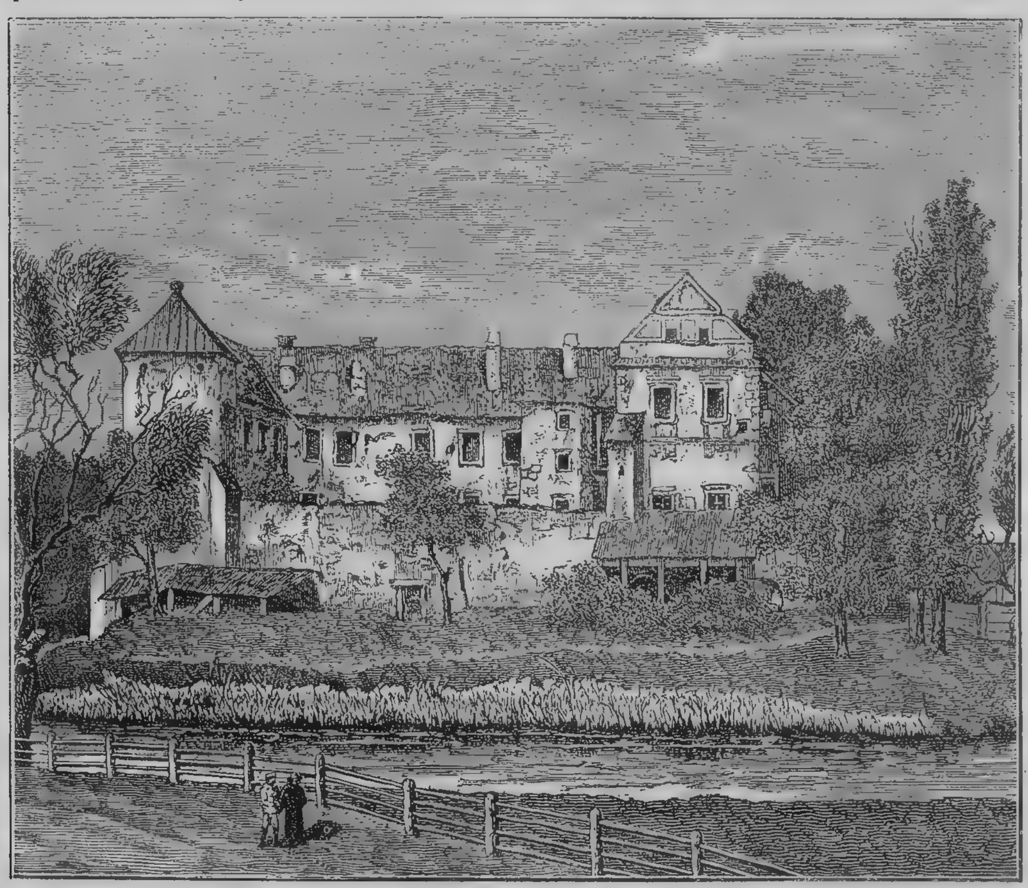
Обычай устраивать каменные гробы долго еще существовалъ и послѣ того, когда уже металлы были извѣстны. Въ Познани и въ западной Пруссіи было нѣсколько случаевъ нахожденія въ такихъ гробахъ не только бронзовыхъ, но и желѣзныхъ издѣлій. Весьма интересно слѣдующее открытіе въ Хелмнѣ, близъ Грудзіондза. Здѣсь изъ камней былъ составленъ большой правильный кругъ, имѣвшій въ поперечникѣ 15 метровъ. Въ срединѣ стояли двѣ урны, когда же разрыли глубже, подъ урнами найденъ былъ костякъ и при немъ монета временъ императора Ѳеодосія Великаго. Изъ этого выводятъ заключеніе, что въ IV столѣтіи совершено погребеніе не сожженнаго человѣка, а потомъ надъ нимъ воздвигнута была могила изъ камней и въ ней погребены въ урнѣ останки сожженнаго человѣка. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, дѣйствительно ли это были урны и были ли въ нихъ пепелъ и не дожженныя кости? Можетъ быть, это были не урны, но обыкновенные глиняные сосуды, которые ставили покойнику съ яствами и питьемъ. Могли въ нихъ быть и кости, но не человѣческія. Въ такомъ случаѣ костякъ и сосуды могли быть одновременнаго происхожденія. Сосуды съ яствами и питьемъ обыкновенно ставили въ верхней части могилы, надъ костякомъ; только въ Литвѣ горшки находятся почти всегда въ ногахъ покойника.

Замковая башня въ Ливѣ (Сѣдлецкой губ.).

Нахожденіе костяковъ въ предѣлахъ нынѣшняго царства Польскаго принадлежитъ къ исключительнымъ случаямъ и знаменуетъ древнѣйшій періодъ, именно—шлифованнаго камня. Изъ позднѣйшихъ эпохъ—бронзовой и желѣзной—нѣтъ ни костяковъ, ни кургановъ, которыми

изобилуетъ Литва и вся Русь. На побережьи Вислы и ея притоковъ, въ нынѣшнемъ царствѣ Польскомъ, въ великихъ княжествахъ Краковскомъ и Познанскомъ, а также въ западной Пруссіи покойниковъ сожигали и пепелъ складывали въ урны. Урны эти, вмѣстѣ съ бронзовыми или желѣзными предметами, а равно съ яствами и питьемъ, въ горшкахъ, мискахъ, кубкахъ, зарывали въ землю. Въ другихъ мѣстахъ, напр., въ восточной Галиціи, кострища не были отдѣлены отъ кладбищъ: гдѣ сожигали, тамъ и погребали. Тамъ весьма рѣдки даже самыя кладбища, ибо надъ каждымъ покойникомъ, иногда двумя, насыпали курганъ; на побережьи же Вислы сохранились языческія кладбища, занимающія иногда довольно значительное

Развалины замка въ Шидловцахъ (Радомской губ.).

пространство, въ которыхъ погребены тысячи покойниковъ. Кладбища эти большею частью носятъ слѣды только обрядной стороны похоронъ, т. е., заключаютъ въ себѣ однѣ урны съ приставками, но нѣтъ никакихъ слѣдовъ самихъ кострищъ, т. е., мѣстъ, гдѣ сожигались тѣла Для трупосожиганія, вѣроятно, назначались особыя мѣста, исключительно для этого предназначенныя. Такъ какъ пепелъ, оставшіяся несожженными кости складывались въ урны вмѣстѣ съ разными предметами и издѣліями, то на мѣстѣ, гдѣ было трупосожиганіе, не оставалось никакихъ слѣдовъ; но должны бы сохраниться самыя кострища, которыхъ, однако, намъ не удалось найти. Въ восточной Галиціи, напротивъ, кострища весьма явственны. Тамъ тѣла сожигались или на землѣ съ гладко и твердо убитой глиной или же на небольшихъ каменныхъ

плитахъ. Пепелъ, недогорѣвшія кости, разныя издѣлія, смѣшивались съ обломками горшковъ и другихъ сосудовъ и, какъ намъ кажется, здѣсь пепла и костей вовсе не складывали въ урны: мнѣ, по крайней мѣрѣ, ни разу не удалось отыскать ихъ. Совсѣмъ другое на кладбищахъ побережья Вислы. Вездѣ урны тщательно уставлены, образуютъ группы, такъ какъ при каждой урнѣ непремѣнно найдется нѣсколько сосудовъ (иногда до семи), не только съ яствами, но и съ небольшими кубками, вѣроятно, для питья, маленькими чашечками съ ручками, называемыми *черпачками*, замѣнявшими, какъ слѣдуетъ полагать, ложки. Горшки большею частью съ покровами изъ круглаго глинянаго продырявленнаго таза, но бываютъ покровы и въ родѣ мисы. Урна обыкновенно съ большимъ брюхомъ, со съуженною шейкою, прикрытая такою мисою краями внизъ, напоминаетъ собою боровикъ. Этотъ способъ при-

Развалины замка въ Пилавѣ (Варшавской губ.).

Развалины замка въ Черскѣ (Варшавской губ.).

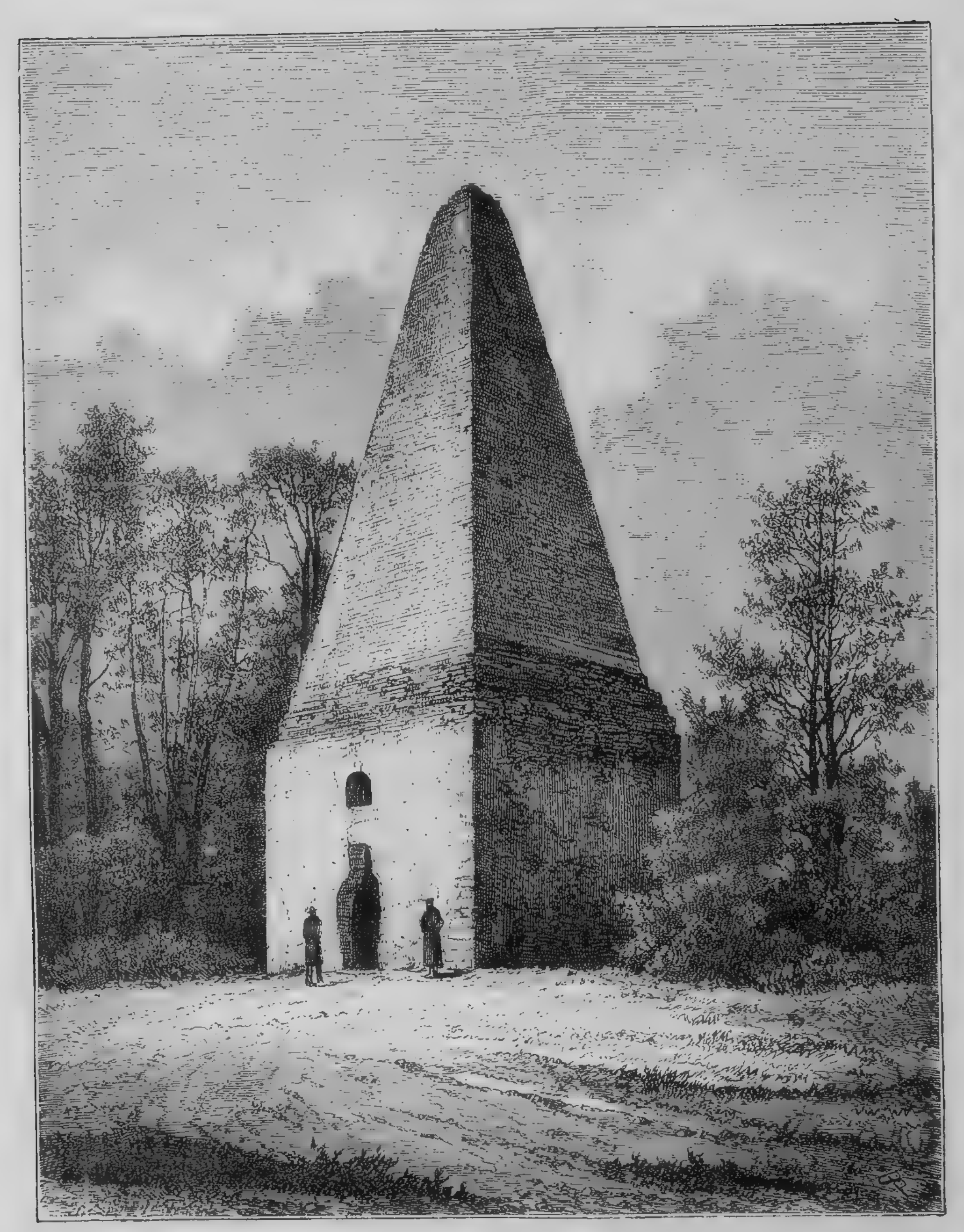
крытія доказываетъ своего рода практичность: миса служитъ крышкою, по снятіи же ея—годилась и для употребленія. Чрезвычайно интересенъ этотъ, такъ сказать, замѣчательный бытъ, раскрывающій передъ нами культуру угасшихъ поколѣній, ихъ нравы, обычаи, трогательную

заботливость объ усопшихъ. Мы видимъ доказательства строгаго соблюденія для насъ непонятныхъ, вѣроятно, религіей или обычаемъ освященныхъ, обрядностей. Такъ, напр., въ каждой почти могилѣ, на ряду съ хорошо выжженными и тщательно отдѣланными урною и другими сосудами къ ней приставленными, непремѣнно стоитъ большой неуклюжій горшокъ, первобытной ручной работы, изъ глины съ пескомъ смѣшанной, иногда даже съ примѣсью соломы. Не случайно онъ попалъ сюда, такъ какъ такіе горшки находимъ почти всегда при каждой группѣ глиняныхъ сосудовъ. Вѣроятно, религіозная обрядность или преданіе непремѣнно требовали, чтобы именно такой горшокъ былъ здѣсь поставленъ. Въ числѣ предметовъ, оставленныхъ покойнику, какъ-то: оружія, женскихъ украшеній и т. п., изъ бронзы, желѣза, серебра, — очень часто можно встрѣтить обдѣланный кремень, ножъ, топорикъ или что-либо въ этомъ родѣ. Очевидно, кремень въ этихъ случаяхъ былъ чѣмъ то завѣтнымъ, религіознымъ, талисманомъ. Необходимо напомнить, какъ долго каменныя и кремневыя издѣлія пользовались у древнихъ народовъ особеннымъ уваженіемъ. Юпитеръ, прекрасно отлитый изъ бронзы, держалъ, однако, въ рукахъ каменный молотъ. Евреи очень долго употребляли для обрѣзанія исключительно кремневые ножи.

Развалины замка въ Крупѣ (Люблинской губ.).

Въ Галицкой Подоліи найдено очень много черепковъ отъ разныхъ глиняныхъ сосудовъ (изъ которыхъ только немногіе оказались цѣлыми), замѣчательныхъ тѣмъ, что онѣ раскрашены въ разные узоры въ строго византійскомъ стилѣ. Такіе же раскрашенные сосуды попадаются и на Покутьи; на побережьи же Вислы единственный случай находки такого раскрашеннаго сосуда—это найденный мною на языческомъ кладбищѣ въ Мокржишевѣ, на берегу Вислы, недалеко отъ Сандомира, маленькій горшочекъ. Онъ стоялъ внутри большой урны съ пепломъ и пережженными костями. Вышина его всего 45 милиметровъ, съ ручкою, довольно красиво отдѣланною. Дно его очень мало (19 милим.), сдѣлано безъ соблюденія пропорціи, нѣсколько искривлено, такъ что прямо онъ не можетъ стоять. На этомъ горшочкѣ нарисованы темнобронзовыя линіи въ два ряда, огибающія горшочекъ; такая же линія огибаетъ нижнюю часть.

Гробница въ Крупѣ (Люблинской губ.).

Въ самой же срединѣ нарисованы три спирали, изгибами своими образующія три концентрическихъ круга. Цвѣтъ спиралей не одинаковъ, одна яснѣе, другія—темнѣе. Рисунокъ этотъ напоминаетъ намъ этрусскую символику. Такія же спирали видимъ на металлическихъ украшеніяхъ,

найденныхъ въ Парни, въ Валентино, въ Чехіи и въ Литвѣ. Такой же рисунокъ виденъ и на большой урнѣ, найденной въ Чехіи и находившейся въ собраніи Пахта.

Орнаментовка глиняныхъ сосудовъ, находимыхъ на побережьи Вислы, весьма любопытна. Большею частью она состоитъ изъ линій, иногда листьевъ, симметрически окружающихъ сосудъ или взаимно пересѣкающихся изогнутыхъ линій. Бываетъ иногда очень замысловатая орнаментовка, почти всегда состоящая изъ линій или листьевъ, разнообразно, то какъ будто свертывающихся, то снова выпрямляющихся, окружающихъ средину урны. Еще любопытнѣе украшенія на весьма древнихъ сосудахъ изъ каменной эпохи, состоящихъ преимущественно

Развалины замка въ Завепржицахъ (Люблинской губ.).

изъ значковъ, по всей вѣроятности, вдавленныхъ ногтемъ или кремневымъ ножемъ и огибающихъ сосудъ вокругъ.

Великанъ-урна, самая высокая изъ всѣхъ, какія были найдены въ этомъ краѣ, случайно открыта въ Миклушовицахъ, въ 7 верстахъ отъ г. Бохни, близъ рѣки Рабы, притока Вислы. Она имѣетъ въ вышину 68 сантиметровъ, окружность въ срединѣ 1 метръ 39 сант.; окружность шеи 88 сант., поперечникъ же дна всего только 21 сант. Одна сторона нѣсколько выдается впередъ и вообще, какъ это можно замѣтить на рисункѣ, она не отличается правильностью формы, хотя въ общемъ, сравнительно, довольно красива. Замѣчательно то, что эта урна изъ грубой, мало пережженной глины, кажется несомнѣнно ручной первобытной работы. Можно, однако, предположить, что она сдѣлана при помощи плетеной изъ прутьевъ корзины, которую облѣпливали глиной; это доказывается нѣкоторою шероховатостью внутри урны. Урна эта находится въ музеѣ краковской академіи наукъ.

Говоря о привислинскихъ кладбищахъ, необходимо замѣтить, что въ нихъ мы не замѣтили

ни малѣйшихъ слѣдовъ заупокойныхъ тризнъ, тогда какъ въ другихъ славянскихъ земляхъ, напр., въ Галицкой Подоліи, слѣды тризнъ весьма явственны. Тамъ на кладбищѣ и въ курганныхъ могилахъ случалось находить множество костей домашнихъ животныхъ, а печи, на которыхъ сожигалось мясо, заключали иногда до 60 сант. угля. Надобно полагать, что заупокойныя тризны въ Привислинскомъ краѣ совершались не на кладбищахъ, а на кострищахъ, т. е., въ мѣстахъ, гдѣ сожигались покойники.

Дорога на Лысую гору къ монастырю Св. Креста.

Въ Варшавѣ и въ предѣлахъ царства Польскаго, кромѣ упомянутыхъ нами Яна Завиши и Іосифа Пржиборовскаго, изслѣдованіями доисторическихъ древностей занимались извѣстный археологъ, профессоръ Варшавскаго университета Самоквасовъ, а также весьма способный антропологъ, д-ръ Дудревичъ. Кромѣ того извѣстны своими трудами по части археологіи Сигизмундъ Глогеръ, занимавшійся изслѣдованіями въ разныхъ мѣстахъ царства Польскаго и открывшій нѣсколько доисторическихъ станцій; римско-католическій священникъ Брикчинскій и г. Тарчинскій въ Плоцкой губерніи; священникъ Сярковскій въ Келецкой губерніи; присяжный повѣренный Северинъ-Тыменецкій въ Калишской. Еще прежде, въ Плоцкой губерніи г. Гембаржевскій собиралъ матеріалъ для составленія точнаго указателя мѣстностей, въ которыхъ находятся памятники доисторическихъ древностей; трудъ этотъ продолжилъ систематически г. Брикчинскій и собралъ обильный матеріалъ для составленія подробной археологической карты Плоцкой губерніи.

Въ Варшавѣ нѣсколько лѣтъ сряду издавались археологическіе сборники (wiadomosci archeologiczne), въ которыхъ помѣщали свои труды по части изслѣдованій первобытныхъ древностей князь Ѳаддей Любомирскій, извѣстный польскій ученый и покровитель научныхъ предпріятій, Янъ Завиша, Пржиборовскій и др. Потомъ нѣкоторое время издавался даже археологическій журналъ, мало, впрочемъ, занимавшійся первобытными древностями.

Изслѣдованіями, въ отношеніи славянскихъ древностей вообще, занимались Ходаковскій (Чарноцкій), гр. Потоцкій, Суровецкій, Чацкій, Лелевель, Мацѣевскій, Бѣлевскій, Паплонскій, К. Сенкѣвичъ, Мадейскій, Войцицкій, Ольшевскій, Собѣщанскій, Шульцъ и др. Особенно замѣчательны труды Суровецкаго «О началѣ Славянскихъ народовъ» (Кіевъ, 1824), «О письменахъ руническихъ, «О средствахъ увеличенія историческихъ свѣдѣній и ознакомленіе съ древними славянами» и др.— Шафарикъ сознается, что Суровецкій первый вдохнулъ въ него

мысль изслѣдованія славянскихъ древностей («Über die Abkunft der slaven nach Lorenz Surowiecki, 1828).—Извѣстны труды Чацкаго и Лелевеля особенно по части нумизматики и миѳологіи. Замѣчательные труды заслуженнаго славянскаго дѣятеля Мацѣевскаго ничего не дали положительнаго по части доисторической археологіи. Собѣщанскій обогатилъ историческую археологію. Крашевскій въ своемъ сочиненіи, «Искусство у Славянъ», указалъ на многія выкопки, могилы и кладбища доисторическія, въ числѣ прочихъ и въ царствѣ Польскомъ, но собственныхъ изслѣдованій здѣсь вовсе не представилъ.

Развалины замка въ Хенцинахъ (Кѣлецкой губ.).

Во второй половинѣ текущаго столѣтія собирателями доисторическихъ древностей, въ числѣ разныхъ другихъ лицъ, являются графъ Александръ Пржездецкій, Карлъ Байеръ и Болеславъ Подчашинскій. Пржездецкій собиралъ, какъ историческія достопамятности, такъ и выкопки доисторическихъ предметовъ, лично имъ произведенныхъ или же пріобрѣтенныхъ отъ другихъ лицъ. Довольно богатое собраніе достопамятностей и выкопокъ завѣщано имъ краковскому археологическому кабинету при Ягеллонскомъ университетѣ.

Болеславъ Подчашинскій былъ страстнымъ любителемъ и собирателемъ всякаго рода древностей и рѣдкостей. Онъ успѣлъ составить довольно значительную коллекцію каменныхъ, кремневыхъ и костяныхъ издѣлій, богатую коллекцію бронзовыхъ предметовъ, издѣлій изъ золота, серебра, желѣза, коллекцію урнъ и разныхъ сосудовъ изъ глины. Все это собраніе древностей послѣ смерти Подчашинскаго пріобрѣтено Краковскою академіею наукъ за три тысячи гульденовъ и нынѣ хранится въ академическомъ музеѣ древностей.

Монастырь Св. Креста на Лысой горѣ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Варшавѣ существовало общество любителей наукъ съ библіотекою и музеями. Со всѣхъ сторонъ разныя случайныя выкопки древностей присылались въ общество, гдѣ и оставались большею частью безъ научнаго разъясненія. Всѣ эти предметы потомъ перевезены въ Петербургъ. Въ настоящее время въ Варшавѣ нѣтъ ни одного публичнаго музея съ доисторическими древностями.

Предметовъ, имѣющихъ миѳологическое значеніе, немного найдено по сіе время въ царствѣ

Польскомъ. Было нѣсколько идоловъ въ обществѣ любителей наукъ; идолы эти перевезены въ Петербургъ.

Какъ въ отношеніи предметовъ, имѣющихъ миѳологическое значеніе, такъ и вообще доисторическихъ древностей нынѣшняго Царства Польскаго, заграничные польскіе музеи гораздо богаче Варшавы; они имѣются въ Краковѣ, Львовѣ, Познани, Торнѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, а также и у частныхъ лицъ.

На всемъ протяженіи побережья Вислы и ея притоковъ много древнихъ городищъ, но не многія изъ нихъ сохранили свой первобытный видъ. На другихъ же, какъ и вообще въ Славянскихъ земляхъ, воздвигнуты укрѣпленные замки или монастыри, сохранившіе тоже слѣды укрѣпленій. «Ясна гура», съ прославленною чудотворною иконою Божіей Матери въ Ченстоховѣ, несомнѣнно была въ древности городищемъ, точно также какъ «Лысая гора» въ Сандомирѣ съ монастыремъ бенедиктиновъ и мн. др. Мы представляемъ здѣсь рисунки замковъ, воздвигнутыхъ на древнихъ городищахъ, а нынѣ находящихся въ развалинахъ: въ Ливнѣ, въ Шидловцѣ, въ Пилавѣ, въ Черскѣ, въ Крупѣ, въ Завепржицахъ и въ Хенцинахъ.

Многое еще не изслѣдовано, многое разрушено невѣжествомъ и предразсудками, но пробудившаяся въ послѣднее время дѣятельность на археологическомъ поприщѣ сулитъ намъ, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ болѣе полное выясненіе культуры древнихъ жителей этой страны.

А. К. Киркоръ.

Послѣдніе слѣды развалинъ.

ОЧЕРКЪ II.

ПОЛЬША ДО РАЗДѢЛА.

Происхожденіе польскаго государства. — Мечиславъ. — Болеславъ Храбрый. — Болеславъ Смѣлый. — Владиславъ Германъ. — Болеславъ Кривоустый. — Междуцарствіе. — Казиміръ Справедливый. — Лешекъ Бѣлый. — Тевтонскій орденъ. — Болеславъ Стыдливый. — Монголы. — Лешекъ Черный. — Владиславъ Локетекъ. — Казиміръ Великій. — Вислицкій договоръ. — Людовикъ Венгерскій. — Ядвига и Ягелло. — Соединеніе съ Литвой. — Владиславъ Варненчикъ. — Казиміръ. — Ягайлончикъ. — Александръ. — Сигизмундъ I. — Сигизмундъ II. — Августъ. — Протестанты. — Генрихъ Валуа. — Стефанъ Баторій. — Сигизмундъ III. — Владиславъ. — Янъ. — Казиміръ. — Корибутъ Вишневецкій. — Янъ Собѣскій. — Августъ II. — Причины упадка Польши

Не было государства въ Европѣ, противъ котораго въ новое время, при общей борьбѣ за существованіе, не злоумышляли бы его сосѣди, на которое они не направляли бы грозныхъ войскъ со всѣхъ сторонъ, и, однако, даже сравнительно небольшія націи сумѣли удержаться и выйти побѣдоносно изъ этой борьбы, потому что физической силѣ они противопоставили свою нравственную силу, силу своей внутренней сосредоточенности, самопожертвованія, порядка и согласія. Поляки, когда ихъ дѣлили сосѣди, не были несоразмѣрно слабѣе ни одного изъ нихъ ни пространствомъ страны, ни числомъ населенія, ни матеріальнымъ благосостояніемъ, ни умственнымъ развитіемъ; даже превышали каждаго, если не въ одномъ, то въ другомъ отношеніи, и, однако, лишь одни поляки пали и притомъ безъ борьбы, безъ настоящей борьбы, на которую ихъ хватило бы.

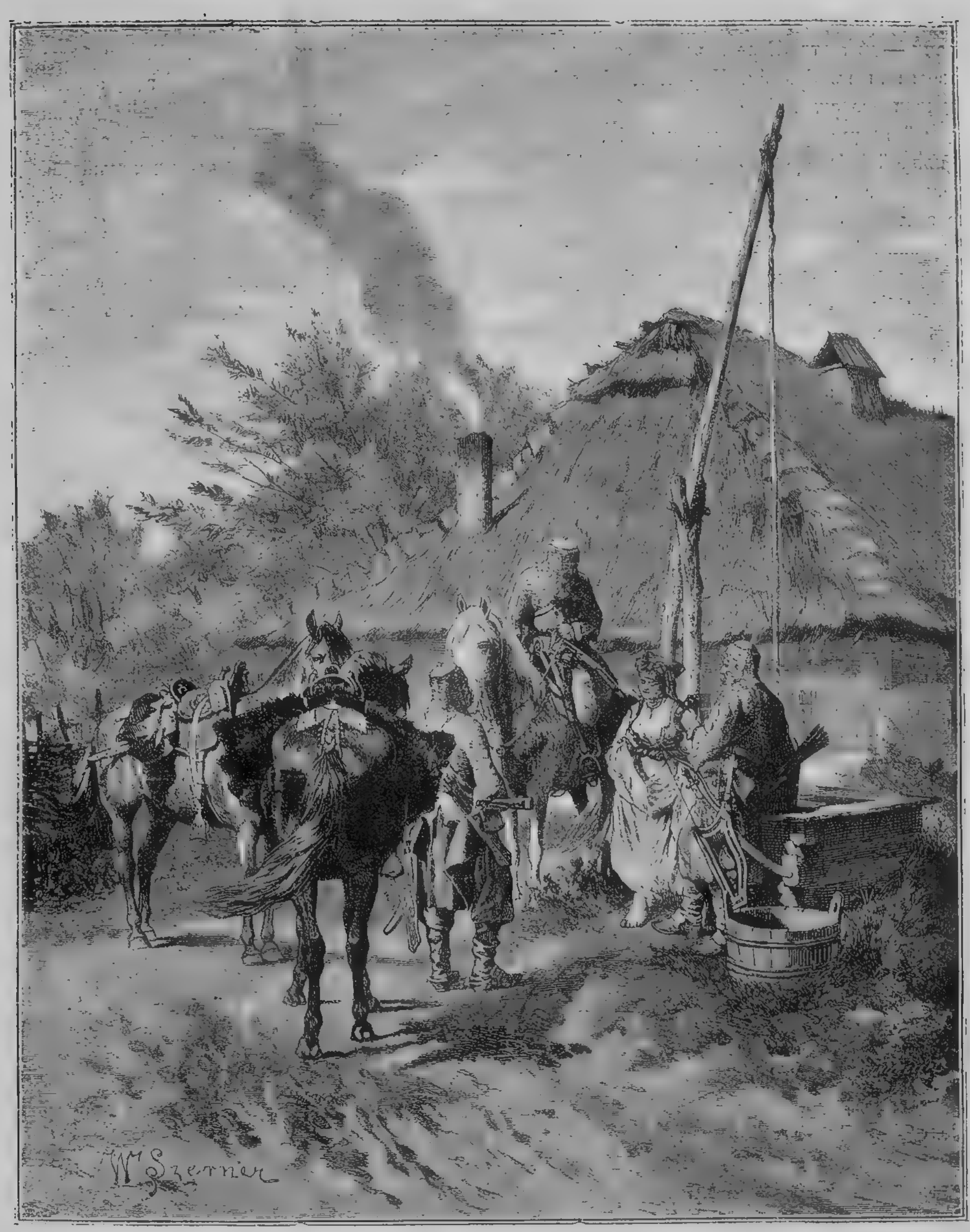
М. Бобржинскій.

Первыя опредѣленныя свѣдѣнія о славянахъ мы встрѣчаемъ у древнихъ писателей. Не подлежитъ сомнѣнію, что народы, обозначенные у Плинія, Тацита, Птоломея именемъ венедовъ, были славяне. Болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія появляются, однако, только у византійскихъ писателей V столѣтія, гдѣ онѣ извѣстны уже подъ названіемъ антовъ и даже славянъ. Эти племена занимали тогда пространства и мѣстности, покинутыя германцами,—отъ источниковъ Волги и Днѣпра до Эльбы и до Чернаго, Средиземнаго и Адріатическаго морей. Одно изъ этихъ племенъ, — именно лехитское,—окончательно поселилось на сѣверѣ отъ Чехіи, между Эльбой и Вислой и образовало впослѣдствіи польскій народъ. Нѣсколько десятковъ или, въ крайнемъ случаѣ, нѣсколько сотъ семей, связанныхъ узами родства и жившихъ въ одной мѣстности, составляли одинъ «народъ». Каждый народъ держался особнякомъ отъ другихъ народовъ. Высшею властью было «вѣче», т. е., собраніе всего народа, во главѣ котораго стояли старшины. Вѣче рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ, справляло судъ и, вообще, постановляло рѣшенія по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ. Выполненіе рѣшеній вѣча принадлежало старшинамъ и, по преимуществу, князьямъ тамъ, гдѣ они были. Общины были исключительной формой землевладѣнія.

Какимъ образомъ это первоначальное общественное устройство перешло въ государственную форму,—исторія не объясняетъ, точно также, какъ не объясняютъ этого явленія тѣ сказочныя преданія, которыя сохранились въ польскомъ народѣ и которыя были соединены въ одно цѣлое первымъ польскимъ историкомъ Длугошемъ. Преданія о войнахъ съ поморскими народами имѣютъ характеръ поморскій. Преданіе о Кракусѣ, убивающемъ дракона на Вавелѣ и основывающемъ Краковъ, а также преданіе о Вандѣ, бросающейся въ Вислу, — принадлежатъ скорѣе миѳологіи, чѣмъ исторіи. Въ фигурѣ Лешка, добывающаго себѣ корону огромнаго государства на бѣгахъ и раздѣляющаго это государство между двадцатью сыновьями,— можно видѣть смутное сознаніе общаго происхожденія, сознаніе, сохранившееся въ племенахъ, составившихъ впослѣдствіи польскій народъ. Болѣе польскимъ и историческимъ можно считать преданіе о Пястѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно разсказано древнѣйшимъ польскимъ лѣтописцемъ Галлусомъ.

Попель, князь гнѣзненской земли, и Пястъ, простой землепашецъ, одновременно праздновали постриженіе своихъ сыновей. Случилось такъ, что въ это время пришли въ Гнѣзно два пилигрима. Отвергнутые Попелемъ, они были радушно приняты Пястомъ. Въ благодарность за гостепріимство пилигримы совершили чудо и такъ размножили яство и питье, что Пястъ пригласилъ князя Попеля и его гостей къ себѣ на праздникъ. При постриженіи сынъ Пяста былъ названъ Земовитомъ (земо—земля; витъ—витязь,—слѣдовательно, названіе Земовитъ означаетъ: покоряющій землю). Вскорѣ послѣ этого Попель былъ изгнанъ; онъ нашелъ убѣжище на островѣ, гдѣ его съѣли мыши. Земовитъ-же, избранный княземъ, значительно расширилъ предѣлы государства и былъ любимъ народомъ. Сынъ его Лешекъ и внукъ Земомыслъ—шли по его слѣдамъ, покоряя сосѣдніе народы; а сынъ этого Земомысла—Мешко или Мечиславъ является уже строго исторической личностью. Преданіе это, кромѣ своей эпической красоты, имѣетъ еще то преимущество, что объясняетъ происхожденіе польскаго государства соединеніемъ подъ властью одного верховнаго князя славянскихъ племенъ, жившихъ по берегамъ рѣки Варты. Такое предположеніе наиболѣе вѣроятно, тѣмъ болѣе, что оно довольно удовлетворительно объясняетъ и позднѣйшую внутреннюю организацію Польши. Сильныя нападенія нѣмцевъ на полабскихъ славянъ въ IX столѣтіи, безъ всякаго сомнѣнія, должны были отразиться и на польскихъ славянахъ. Среди замѣшательствъ, возникшихъ вслѣдствіе этого, власть князей-воиновъ должна была усиливаться на счетъ власти вѣча. Одинъ изъ такихъ князей, вѣроятно, гнѣзненскій, а, можетъ быть, даже и Земовитъ, подчинилъ себѣ князя сосѣдняго народа, затѣмъ другого, третьяго и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока не покорили всѣхъ польскихъ племенъ.

Мешко или Мечиславъ вступилъ на познанско-гнѣзненскій престолъ въ 960 году и былъ, какъ говоритъ лѣтопись, «погруженъ въ заблужденіе язычества, живя съ семью женами въ многоженствѣ». О его правленіи мы знаемъ весьма мало; знаемъ только, что его война съ нѣмцами, вторгшимися въ Лехію, не принесла ему счастья; Мешко принужденъ былъ признать верховную надъ собой власть нѣмецкаго императора и платить дань. Убѣжденный, что на полѣ битвы ему нельзя тягаться съ нѣмцами, Мешко, тѣмъ не менѣе, нашелъ средство не только оградить себя отъ нѣмецкаго ига, но и направилъ свой народъ на тотъ путь развитія и цивилизаціи, который давалъ нѣмцамъ такое преимущество надъ нимъ. Женившись въ 965 году на христіанкѣ, дочери чешскаго князя Болеслава, Домбровнѣ, Мешко и самъ перешелъ въ христіанство. Спустя нѣсколько лѣтъ, въ 968 году онъ основалъ первое епископство въ Познани. Водвореніе христіанства имѣло весьма важныя послѣдствія для нарождающейся Польши: оно ее ставило подъ непосредственное покровительство двухъ величайшихъ могуществъ тогдашняго христіанскаго міра: папы и нѣмецкаго императора. Входя въ постоянныя сношенія съ нѣмцами, часто бывая въ Кедлинбургѣ, резиденціи императора, Мешко знакомился съ обычаями и нравами тогдашнаго цивилизованнаго міра, установилъ извѣстную администрацію,

Древніе польскіе воины.

организовалъ войско на нѣмецкій ладъ, обезпечивая себя такимъ образомъ отъ нападеній другихъ варварскихъ племенъ. Передъ смертью (въ 992 г.), слѣдуя древнему славянскому обычаю, Мешко раздѣлилъ свое государство между пятью сыновьями. Старшій сынъ, Болеславъ, названный впослѣдствіи Храбрымъ, изгналъ мачиху и братьевъ и сталъ управлять

государствомъ одинъ. Чрезвычайная энергія и рѣшительность, слава, пріобрѣтенная на полѣ брани,—дѣлаютъ Болеслава постояннымъ польскимъ народнымъ героемъ. Его побѣды и завоеванія въ Силезіи, Хорватіи, Моравіи и южной Руси упрочили польское государство и сдѣлали его сильнымъ; но въ особенности важны заслуги Болеслава по отношенію къ внутренней государственной организаціи, которую онъ по возможности старался сдѣлать правильной и полной. На Русь онъ напалъ въ 1018 г. приглашенный Святополкомъ, который былъ женатъ на его дочери. Болеславъ взялъ Кіевъ, ударилъ мечемъ своимъ, въ знакъ побѣды, по златымъ воротамъ. Мечъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ «щербца». Покоривъ Ярослава, Болеславъ посадилъ на престолъ Святополка. Изъ Кіева онъ захватилъ большія сокровища, которыя употребилъ на сооруженіе церквей въ своемъ государствѣ. Онъ же увезъ съ собою сестру Ярослава, прекрасную Предиславу. Въ 1025 году онъ приказалъ епископамъ короновать себя. Болеславъ Храбрый, называемый также Великимъ, первый подраздѣлилъ Польшу на повѣты, построилъ много городовъ и замковъ; при немъ состоялъ совѣтъ изъ 12 вельможъ, съ которыми онъ объѣзжалъ свои области для исполненія правосудія. При немъ же возникли классы рабовъ, крестьянъ и шляхты. Умеръ въ 1025 г. на 58 году жизни, «тревожимый мрачными предчувствіями»,—какъ говоритъ лѣтописецъ.

Предчувствія эти не обманули его. Болеславъ оставилъ послѣ себя трехъ сыновей: Оттона, Мешка и Добромира или Болеслава. Такъ какъ отецъ отстранилъ отъ престола старшаго, Оттона, то въ управленіе государствомъ вступилъ Мешко. Едва лишь Мешко успѣлъ короноваться, какъ изгнанный Оттонъ взбунтовалъ противъ него лужичанъ. Вслѣдствіе этого возникла война съ императоромъ Конрадомъ II, который, разбивъ Мешко, отдалъ польскій престолъ Оттону. Междоусобицы между Мешко и Оттономъ продолжались съ перемѣнчивымъ счастіемъ нѣсколько лѣтъ. Послѣ смерти Мешко на польскій престолъ вступилъ малолѣтній сынъ его, Казимиръ, бывшій подъ опекой матери своей, Риксы. Казимиръ, усмиривъ пруссаковъ, поморянъ, мазуровъ, постарался залѣчить раны, нанесенныя королевству прежними междоусобицами. Онъ строилъ деревни, города, церкви, заботился о благосостояніи страны и заслужилъ названіе «Возобновителя» (реставратора). Послѣ Казимира на польскій престолъ вступилъ сынъ его, Болеславъ, прозванный Смѣлымъ, «извѣстный своею щедростью и воинственнымъ духомъ». Въ Кіевѣ правилъ тогда Изяславъ, дѣдъ Болеслава съ материнской стороны. Изгнанный кіевлянами, онъ обратился къ Болеславу за помощью. Болеславъ занялъ Кіевъ и возвратилъ великокняжескій престолъ Изяславу. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ польскій король жилъ въ Кіевѣ; польскія войска производили всякаго рода безчинства; Болеславъ былъ гордъ; кіевлянки — красивы; польское рыцарство мало-по-малу теряло воинственный духъ. Вспыхнулъ бунтъ,—поляки тайно были перерѣзаны, а король «бѣжалъ изъ Кіева», какъ говоритъ русскій лѣтописецъ. Возвратившись изъ Кіева, Болеславъ Смѣлый въ 1074 году сажаетъ на венгерскій престолъ Гейзу; въ 1076 снова помогаетъ Изяславу и вмѣстѣ съ тѣмъ борется съ чехами и поморянами. Въ 1075 году является въ Польшу польскій легатъ; Болеславъ ссорится съ епископомъ Станиславомъ, котораго и убиваетъ собственноручно въ 1079 году въ одной изъ краковскихъ церквей. Затѣмъ факты, разсказываемые средневѣковыми лѣтописцами, имѣютъ вполнѣ легендарный характеръ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что постоянныя войны Болеслава чрезвычайно изнуряли рыцарство. Въ теченіе продолжительнаго отсутствія «господъ», челядь, оставшаяся дома, принялась бунтовать, забирать женъ и дѣтей «господъ», грабить. Услыхавъ объ этомъ, рыцарство бросило короля, занятаго войной на Руси и возвратилось домой для водворенія правового порядка. Взбѣшенный король внезапно возвратился съ войны и началъ жестоко преслѣдовать, какъ тѣхъ, которые его оставили, такъ и тѣхъ, которые производили безпорядки. Жестокость короля не встрѣчала никакихъ границъ въ чувствѣ справедливости, его развратъ и страсти—никакихъ предѣловъ. Станиславъ, епископъ краковскій, рѣшился, однако, поднять свой голосъ, публично порицалъ поведеніе короля и, наконецъ,

произнесъ противъ него проклятіе. Всѣ начали сторониться отъ Болеслава, возникли заговоры. Видя торжество епископа, король рѣшилъ однимъ ударомъ покончить съ этой оппозиціей. Въ то время, какъ Станиславъ совершалъ богослуженіе въ церкви «на Скалкѣ» въ Краковѣ, взбѣшенный король появился у дверей церкви и приказалъ рыцарству убить епископа. Рыцарство съ ужасомъ отступило; тогда Болеславъ съ мечемъ въ рукѣ вбѣжалъ въ церковь и собственноручно умертвилъ прелата. Народъ и рыцарство возстали и король принужденъ былъ бѣжать. Такъ объясняетъ историческіе факты легенда, возникшая подъ вліяніемъ канонизаціи Станислава. Нѣсколько иначе представляется, однако, дѣло съ точки зрѣнія исторіи.

Безъ всякаго сомнѣнія, Болеславъ Смѣлый взялъ за образецъ себѣ своего предка Болеслава Храбраго и войной хотѣлъ удержать цѣлость государства, расширить его границы, но въ то же время, онъ не обладалъ политическимъ умомъ. Всѣ его войны имѣли характеръ случайный, безцѣльный. Кромѣ того, эти войны не сопровождались необходимыми внутренними реформами. Тогдашнія европейскія международныя отношенія были чрезвычайно благопріятны Польшѣ. Между императоромъ Генрихомъ IV и папой Григоріемъ VII началась продолжительная борьба изъ-за гегемоніи. Григорій, произнося противъ Генриха проклятіе, имѣлъ противъ него союзниковъ. Въ ту минуту, какъ побѣжденный императоръ у воротъ Каноссы молилъ о прощеніи, въ Польшу направлялся польскій легатъ, вводилъ въ польской церкви реформы, давалъ Болеславу возможность установить болѣе тѣсныя и непосредственныя сношенія съ Римомъ и такимъ образомъ поднять свое значеніе и вліяніе въ христіанскомъ мірѣ. Этого можно было достигнуть, однако-жъ, при одномъ лишь условіи, — необходимо было признать себя слугой церкви, гарантировать польскому престолу вліяніе въ государствѣ и даже безпрекословно исполнять всѣ распоряженія, идущія изъ Рима. Этого Болеславъ не сумѣлъ и не могъ сдѣлать. Католическая церковь въ Польшѣ, установленная силой королемъ, была по преимуществу политическимъ учрежденіемъ и такъ-же какъ на востокѣ, всецѣло подчинялась королевской власти. Могъ-ли Болеславъ идти на перекоръ исторической традиціи и ослабить такимъ образомъ собственную власть? Отсюда неизбѣжная борьба между королемъ и польскими епископами, стремящимися къ той же независимости, которую обезпечила за собой католическая церковь на западѣ. Грубая сила одержала временную побѣду, но вскорѣ принуждена была уступить нравственной силѣ. Епископы нашли дѣятельную поддержку въ рыцарствѣ, которое точно также стремилось къ извѣстной независимости отъ королевской власти. Въ Великой Польшѣ, въ родинѣ Пястовъ, гдѣ королевскія власти пустили было глубокіе корни,— недоставало необходимыхъ элементовъ и смѣлости въ дѣятельной оппозиціи. Но не то было въ такъ называемой Хробатіи. Тамъ введеніе первоначальныхъ признаковъ цивилизаціи объяснялось не цивилизаторской дѣятельностью королей, а связями съ Чехіей. Пясты присоединили Хробатію къ своему государству, но въ то же время принуждены были оставить не тронутыми много общественныхъ учрежденій. Такимъ образомъ въ Хробатіи общество сохранило болѣе самостоятельности, дворянство было сильнѣе, образовалась нѣкоторая административная автономія. Не мудрено поэтому, что въ эту-то часть польскаго государства, въ Краковъ, уже со временъ Болеслава Храбраго, сталъ переходить центръ тяжести и столицы всего государства; не мудрено также, что здѣсь польскіе епископы отыскали болѣе элементовъ для противодѣйствія абсолютизму Пястовъ. Убійство Станислава, благодаря своимъ послѣдствіямъ, сблизило Польшу съ западомъ, выработало стремленіе къ свободѣ и къ самодѣятельности общества, хотя, къ сожалѣнію, на счетъ монархическаго принципа. Съ минуты смерти епископа несчастіе стало преслѣдовать короля. Народъ отшатнулся отъ него, но движенія, какъ кажется, ограничились старинной Хробатіей, т. е., окрестностями Кракова. Кромѣ духовенства, возбуждавшаго противъ короля смуты, были еще и другія причины недовольства. Въ тогдашней Хробатіи существовалъ еще славянскій церковный обрядъ, введенный, какъ полагаютъ, Кирилломъ и Меѳодіемъ; Станиславъ стремился къ упраздненію его, между тѣмъ

какъ Болеславъ защищалъ. Какъ бы то ни было, но оппозиція противъ короля взяла верхъ и король принуженъ былъ бѣжать въ 1080 г. Онъ нашелъ убѣжище въ Венгріи, гдѣ оставался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но затѣмъ слѣды его исчезаютъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ умеръ въ 1089 году въ какомъ-то монастырѣ въ Коринтіи. Съ изгнаніемъ изъ Польши старшей линіи Пястовъ, на польскій престолъ вступаетъ младшая въ лицѣ, неизвѣстнаго до сихъ поръ въ исторіи, Владислава Германа.

Владиславъ былъ младшимъ братомъ Болеслава и отличался чрезвычайной слабостью характера. Партія вельможъ, предоставившая ему польскій престолъ, полновластно управляла государствомъ, внося безпорядокъ и раздоры. Вскорѣ возникли и настоящія междоусобицы среди вельможъ, оспаривавшихъ другъ у друга власть; между ними наибольшею властью и довѣріемъ Владислава Германа пользовался краковскій воевода (палатинъ) Сѣцѣхъ. Въ сущности дѣйствительнымъ королемъ былъ онъ: управлялъ политикой, объявлялъ войны, заключалъ миръ, засѣдалъ въ судѣ, распоряжался администраціей. Если къ этому мы прибавимъ, что Сѣцѣхъ былъ человѣкъ необыкновеннаго ума и необыкновенной энергіи, то легко поймемъ, что власть, которою онъ пользовался, угрожала не только вельможамъ, но даже и самой династіи Пястовъ, которыхъ ожидала судьба, постигшая во Франціи меровинговъ, судьба, уготовленная имъ карловингами. Если въ XII столѣтіи въ Польшѣ не царствовали потомки Сѣцѣха, то это зависитъ не столько отъ междоусобицъ, сколько отъ рѣшительности сыновей Германа: незаконнаго его сына Збигнѣва и Болеслава Кривоустаго, сына, котораго Владиславъ имѣлъ отъ первой жены Юдиѳи. Въ 1095 году, явившись и вооружившись силою у тѣнъ Бреславля, Збигнѣвъ, поддерживаемый силезскимъ каштеляномъ Магнусомъ, требуетъ, чтобы отецъ призналъ его права. Германъ удовлетворяетъ требованіямъ Збигнѣва и даетъ ему въ удѣлъ Силезію. Сѣцѣхъ, недовольный такимъ исходомъ дѣла, возбуждалъ постоянныя волненія среди его подданныхъ, такъ что Збигнѣвъ, потерявъ терпѣніе, снова схватился за оружіе. Въ кровавомъ сраженіи Сѣцѣхъ побѣдилъ, взялъ въ плѣнъ Збигнѣва, отнялъ у него Силезію и на мѣсто Магнуса посадилъ своего родственника, Войслава. Но это было послѣднее торжество гордаго временщика; какъ духовенство, такъ и вельможи соединились въ одинъ тѣсный союзъ и настояли, чтобы король удалилъ Сѣцѣха, освободили Збигнѣва и назначили удѣлы, какъ ему, такъ и брату его, Болеславу Кривоустому. Тѣмъ не менѣе, Сѣцѣхъ и на этотъ разъ сумѣлъ возвратить себѣ довѣріе короля, вслѣдствіе чего возникла междоусобная война между королемъ, управляемымъ Сѣцѣхомъ и сыновьями короля. Война эта кончилась тѣмъ, что Болеславъ и Збигнѣвъ атаковали отца въ Плоцкѣ и заключили съ нимъ мирный трактатъ въ 1097 году, при посредничествѣ Мартина, гнѣзненскаго архіепископа. Сѣцѣхъ былъ окончательно изгнанъ; королю оставлена была Мазовія, а остальную часть государства Збигнѣвъ и Болеславъ раздѣлили между собой. Въ 1102 году Владиславъ умеръ. Болеславъ Кривоустый получилъ королевскій престолъ, какъ владѣтель Кракова.

Безъ всякаго сомнѣнія, Болеславъ Кривоустый былъ однимъ изъ величайшихъ польскихъ королей. Германъ оставилъ послѣ себя государство, ослабленное продолжительными междоусобицами, чѣмъ въ особенности воспользовались чехи и нѣмцы. Отсюда и прежде всего—продолжительная борьба съ нѣмцами, которую принужденъ былъ вести Болеславъ. Непосредственною причиною всѣхъ этихъ войнъ былъ братъ короля, Збигнѣвъ, завистливый и честолюбивый, желавшій захватить Краковскій престолъ. Онъ возбуждалъ противъ него сосѣдей и часто самъ нападалъ на владѣнія Болеслава. Со вступленія своего на престолъ (въ 1102 г.) до 1111 г. Болеславъ почти не слѣзалъ съ лошади, отражая нападенія. Онъ пробовалъ примириться со Збигнѣвымъ, но когда попытки къ примиренію не удались, Болеславъ, захвативъ его въ плѣнъ, приказалъ умертвить. Не менѣе рѣшительной была его борьба съ нѣмецкимъ императоромъ Генрихомъ V. Напрасно нѣмцы осаждали силезскія крѣпости; Болеславъ постоянно ихъ тревожилъ, преслѣдовалъ нечаянными нападеніями до тѣхъ поръ, пока нѣмецкія войска,

Взятіе Бѣлгорода Болеславомъ Кривоустымъ.

изнуренныя походами черезъ болота и лѣса, болѣзнями, постоянными нападеніями, голодомъ и холодомъ, не начали, наконецъ, отступать. При такихъ условіяхъ отступленіе равнялось полному пораженію. Это пораженіе легенда объясняетъ сраженіемъ, потеряннымъ нѣмцами при Бреславлѣ; легенда говоритъ, что поле сраженія было усѣяно трупами, которые были пожираемы цѣлыми стадами собакъ; отсюда названіе «собачьяго поля», которое получила эта мѣстность. Такая побѣда надъ императоромъ дала Болеславу огромное преимущество передъ сосѣдними государствами. Чехи, которые постоянно держались нѣмцевъ и Збигнѣва, принуждены были первые уступить; они заключили съ Болеславомъ перемиріе въ 1111 году. Съ Соломономъ венгерскимъ и сыномъ его Стефаномъ Болеславъ точно также находился въ дружбѣ. На Руси онъ поддержалъ зятя своего Ярослава, князя Владимірскаго, а враждебнаго себѣ Володаря онъ измѣннически взялъ въ плѣнъ въ 1118 г.

Другимъ великимъ дѣломъ царствованія Болеслава Кривоустаго было крещеніе Поморія (Помераніи). Для средневѣковой Польши возвращеніе береговъ Балтійскаго моря, потерянныхъ послѣ смерти Болеслава Храбраго,—было дѣломъ величайшей важности. Нѣмцы давно уже протягивали руки къ Поморью, но Болеславъ предупредилъ ихъ. Завоеваніе Поморья онъ представилъ какъ вопросъ жизни всего польскаго народа; и народъ понялъ его; вскорѣ Поморье было завоевано, но сразу не было возможности ассимилировать всю страну и надѣлить ее польской организаціей. Король принужденъ былъ оставить мелкихъ удѣльныхъ или вассальныхъ князей, гарантируя себѣ ихъ повиновеніе и принятіе всей странѣ христіанства. Въ дѣлѣ водворенія христіанства, польское духовенство принесло ему мало помощи; руководимое политикой, это духовенство стремилось къ господству надъ государствомъ и не обращало вниманія на свои дѣйствительныя обязанности. Но Болеславъ нашелъ настоящаго апостола для Поморья въ видѣ Оттона, епископа Бамбергскаго, который долгое время гостилъ при польскомъ дворѣ и находился съ королемъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Подъ охраною и съ помощью Болеслава, Оттонъ въ 1125 и 1129 годахъ ввелъ христіанство въ покоренную страну, и епископство, основанное Болеславомъ въ Юлинѣ, сдѣлалось центральнымъ пунктомъ для дальнѣйшей проповѣди христіанства. Все это происходило въ ту минуту, когда въ Западной Европѣ начались крестовые походы. Польша не принимала въ нихъ участія, потому что по сосѣдству, сначала на Поморьѣ, потомъ въ Пруссіи, она отыскала ту же самую христіанскую миссію, которую и выполнила самымъ блестящимъ образомъ.

Тѣмъ не менѣе, царствованіе Болеслава Кривоустаго имѣло столь же важное значеніе и для всей Польши. Для польскаго народа существовали тогда два лишь источника цивилизаціи. Однимъ изъ этихъ источниковъ была организація государства, заимствованная у нѣмцевъ. Эти организаціи не только обезпечивали за народомъ его политическое существованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляли въ народѣ уваженіе къ закону, пріучали его къ жертвамъ на пользу общества, къ солидарности и труду. Въ этихъ условіяхъ Польша находилась уже и раньше Болеслава Кривоустаго, но только въ его царствованіе возникаетъ высшее, управляющее и интеллигентное сословіе. Другимъ источникомъ цивилизаціи была церковь. Только христіанство могло духовно развить, по крайней мѣрѣ, высшія слои общества. Тѣмъ не менѣе, это вліяніе долгое время не существовало. Хотя христіанство оффиціально существовало въ Польшѣ еще со времени Мѣшко, однако, народъ по прежнему оставался языческимъ. Это главнымъ образомъ зависѣло отъ духовенства, которое до конца XI столѣтія состояло исключительно изъ иностранцевъ и было, къ тому же, слишкомъ малочисленно. Національная ненависть къ нѣмцамъ отнимала у духовныхъ-нѣмцевъ всякую возможность благотворно вліять на народъ; они, поэтому, жили особнякомъ, въ монастыряхъ. Французы и итальянцы, которыхъ народъ предпочиталъ, являлись въ Польшу лишь изрѣдка и то въ самомъ незначительномъ количествѣ. Одиннадцатое столѣтіе, до реформы Григорія VII, есть, собственно говоря, вѣкъ упадка католичества. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь обратить вниманіе на бене-

диктинцевъ, которые считаются на западѣ дѣйствительными учителями Европы. Въ Польшу они явились тогда, когда духъ ихъ великаго основателя давно исчезъ среди нихъ, поэтому и въ Польшѣ не играли они никогда выдающейся роли и не имѣли вліянія. Бѣлое духовенство, въ особенности низшее, женатое, не могло уберечь себя отъ вліянія, оказываемаго на него вслѣдствіе столкновенія съ почти варварскимъ еще народомъ, и не мудрено, что оно по преимуществу заботилось о своихъ матеріальныхъ выгодахъ. Епископы, естественно, находились подъ вліяніемъ королей, которые, поддерживая церковь, считали ее учрежденіемъ политическимъ, а епископовъ—первыми своими сановниками. Лишь царствованіе Болеслава Кривоустаго совершаетъ поворотъ къ лучшему въ этомъ отношеніи. Въ его время при кафедральныхъ и монастырскихъ церквахъ начинаютъ основываться школы; въ низшихъ школахъ, такъ называемыхъ trivium, преподавались риторика, грамматика, діалектика,—очевидно латинская,—съ чтеніемъ при этомъ нѣкоторыхъ латинскихъ авторовъ; въ высшихъ, такъ называемыхъ quadrivium, преподавались ариѳметика, геометрія, астрологія и музыка, т. е., главнымъ образомъ церковное пѣніе; ко всему этому присоединялись еще философія и богословіе. Нерѣдко духовные, окончивши эти школы, стремились за-границу, въ особенности въ знаменитую богословскую школу Парижа. Благодаря такому движенію, съ концомъ XI и началомъ XII столѣтія, возникаетъ дѣйствительное польское духовенство, которое, понятно, могло имѣть болѣе благотворное вліяніе на народъ, нежели иностранцы, зачастую не знавшіе ни обычаевъ, ни языка страны. Такъ, до конца XI столѣтія, среди этихъ иностранцевъ - духовныхъ не нашлось ни одного, который бы занялся исторической лѣтописью. Только въ царствованіе Болеслава Кривоустаго его духовникъ, извѣстный подъ именемъ Галлуса, до такой степени проникся любовью къ народу и величіемъ дѣятельности Болеслава, что написалъ (на латинскомъ, конечно, языкѣ) живо набросанную исторію его царствованія до (1113 г.), упомянувъ предварительно вкратцѣ о его предшественникахъ, на сколько народная память сохранила о нихъ воспоминаніе.

Болеславъ Кривоустый умеръ въ 1139 году, оставивъ послѣ себя пять сыновей разнаго возраста; старшему, Владиславу, было 34 года отъ роду, Болеславу Кудрявому — 22, Мечиславу — 18, Генриху — 16, и младшему, Казиміру — не болѣе одного года отъ роду. Такая значительная разница въ возрастѣ заставила Болеслава Кривоустаго прибѣгнуть въ распредѣленіи своего наслѣдства къ системѣ сеньората, вмѣсто простого распредѣленія удѣловъ. Владиславъ получилъ Силезію съ частію Новой Мархіи и округа Сѣрадза и Ленчицы. Второму сыну, Болеславу, достались Мазовія и Куявія съ Кульмомъ и Добржиномъ; Мечиславъ получилъ Гнезно и Калишъ, Познань и Померанію съ частію Новой Мархіи; Генрихъ получилъ Сендомиржъ и Люблинъ. Благодаря такому распредѣленію, Польша, со смертью Болеслава Кривоустаго, вступаетъ въ періодъ удѣльной системы и продолжительныхъ междоусобицъ въ теченіе почти полутора-столѣтія. Весьма понятно, что старшій сынъ, Владиславъ, получившій Краковъ, съ которымъ былъ связанъ сеньоратъ и великокняжеское достоинство, захотѣлъ подчинить себѣ остальныхъ братьевъ, сосредоточить власть надъ Польшею въ одномъ лицѣ; онъ послѣдовалъ въ этомъ отношеніи совѣтамъ своей честолюбивой жены, Агнесы, дочери австрійскаго Леопольда. Но счастіе измѣнило ему: Владиславъ II, разбитый на-голову, изгнанный, принужденъ былъ искать убѣжища при дворахъ Конрада III и Фридриха Барбороссы. На великокняжескій престолъ вступилъ тогда (1149) Болеславъ IV, по прозванію Кудрявый. Изгнанный Владиславъ уговорилъ императора Фридриха Барбороссу заступиться за его права. Послѣдствія этого вмѣшательства были пагубны для Польши: она навсегда потеряла Силезію, которая досталась сыновьямъ Владислава. Покончивъ такимъ образомъ войну съ нѣмцами, Болеславъ напалъ на пруссаковъ; въ этой послѣдней войнѣ погибъ его братъ Генрихъ, удѣлъ котораго Сандомиржъ перешелъ къ пятому сыну Болеслава Кривоустаго,—Казиміру. Болеславъ Кудрявый умеръ въ 1173 году, оставивъ послѣ себя единственнаго сына Лешка. На великокняжескій престолъ вступилъ тогда Мечиславъ III, старый

князь Великой Польши. Съ необыкновенной энергіей принялся Мечиславъ за подавленіе междоусобицъ и частныхъ возстаній, но столь же мало успѣшно, какъ и его предшественники. Партія малопольскихъ вельможъ, соединившись противъ него, выдвинула претендентомъ на престолъ Казимира. Борьба эта между двумя вѣтвями дома Пястовъ, старшей и младшей, тянулась съ перемѣннымъ счастіемъ цѣлыхъ двадцать девять лѣтъ, въ теченіе которыхъ Мечиславъ былъ четыре раза изгоняемъ изъ Кракова и опять возвращался. Въ концѣ концовъ побѣда осталась на сторонѣ Казимира, прозваннаго Справедливымъ; но междоусобицы долгое время не прекращались еще. Казимиръ умеръ въ 1194 году, заключивъ съ Венгріей трактатъ, по которому Карпатскій хребетъ сдѣлался границей между двумя государствами.

Казимиръ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: Лешка Бѣлаго и Конрада. Сеньоратъ перешелъ къ старшему, Лешку. Тѣмъ не менѣе, Мечиславъ, поддерживаемый воеводой Николаемъ, снова овладѣлъ краковскимъ престоломъ. Раздоры партій сдѣлали то, что и по смерти Мечислава, (въ 1202 г.) престолъ перешелъ къ сыну его Владиславу Ласконогому; но въ 1206 г., какъ только воевода Николай умеръ, Владиславъ уступилъ престолъ Лешку Бѣлому. Владиславъ бѣжалъ въ Познань.

Возвышенію Лешка Бѣлаго, по преимуществу, способствовала его военная слава, которую онъ пріобрѣлъ, разбивъ на-голову въ 1205 году при Завихости Романа Галицкаго. Но побѣдой этой онъ все-таки не сумѣлъ воспользоваться; мирныя условія, заключенныя въ Галичѣ въ 1220 году окончательно и на продолжительное время отстранили вліяніе Польши на Русь. Теперь, однако, историческій интересъ сосредоточивается главнымъ образомъ на двухъ пунктахъ: на Мазовіи и на Великой Польшѣ. Какъ тутъ, такъ и тамъ совершаются событія, имѣвшія огромное вліяніе на дальнѣйшее историческое развитіе Польши.

Въ Мазовіи царствовалъ братъ Лешка, Конрадъ, — человѣкъ заносчивый и дикій. Его удѣлъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ язычествомъ: пруссаками, литовцами. Это были сѣверныя границы тогдашней Польши. Въ XI и XII столѣтіяхъ Польша не разъ нападала на языческихъ пруссаковъ, но тѣмъ не менѣе не завоевала ихъ. Язычество существовало тамъ до 1210 г. Въ этомъ году монахъ христіанъ началъ проповѣдывать среди пруссаковъ христіанство. Но такъ какъ польскіе и поморскіе князья постоянно угнетали новообращенныхъ христіанъ, то съ 1217 года пруссаки начали снова свои опустошительные наѣзды на Мазовію. Кондрадъ только въ укрѣпленномъ Плоцкѣ считалъ себя болѣе или менѣе въ безопасномъ положеніи. Съ цѣлью обороны Мазовіи Конрадъ рѣшился основать рыцарскій орденъ. Первая его попытка въ этомъ отношеніи не удалась. Тогда онъ рѣшился призвать на помощ тевтонскій орденъ. Великій магистръ Германъ съ радостью принялъ предложеніе Конрада, тѣмъ болѣе, что орденъ, изгнанный изъ Венгріи, искалъ убѣжища. Германъ выхлопоталъ отъ императора эдиктъ, на основаніи котораго все, что завоюютъ меченосцы, будетъ ихъ собственностью, и орденъ, будетъ подчиненъ одному лишь императору и пр. Въ концѣ 1227 года состоялось окончательное соглашеніе меченосцевъ съ Конрадомъ.

Между тѣмъ въ томъ же самомъ году Лешко намѣревался идти походомъ на Святополка поморскаго; но Святополкъ напалъ на него невзначай и въ кровавой битвѣ Лешко былъ убитъ. Въ это время въ Мазовіи укрѣплялись меченосцы. Въ 1228 году они получили отъ Конрада привилегію, на основаніи которой вся Хелминская земля переходила въ ихъ собственность на вѣчныя времена. Такимъ образомъ, меченосцы сразу сильно укрѣпились въ Польшѣ. Съ тѣхъ поръ исторія Польши получаетъ особенное направленіе,—начинается новый фазисъ—борьба съ нѣмцами, на этотъ разъ болѣе трудная и сложная. Меченосцы въ огромныхъ размѣрахъ начинаютъ колонизацію нѣмецкихъ «гостей». Начало этой колонизаціи дали силезскіе князья, женясь на нѣмкахъ, во всемъ подражая нѣмцамъ и окружая себя ими. Къ тому же и время способствовало этому. Это—время крестовыхъ походовъ, чудесъ, мистицизма, монастырей. Польша начинаетъ наполняться монастырями. Всѣ они по большей части состоятъ изъ нѣмцевъ-

монаховъ; поляки съ трудомъ были принимаемы. И монастыри эти, главнымъ образомъ, способствуютъ нѣмецкой колонизаціи; поселяясь на пустопорожнихъ мѣстахъ, монастыри выписываютъ изъ Германіи нѣмцевъ и освобождаютъ ихъ отъ податей. Вскорѣ нѣмецкому вліянію подчиняются и города. Съ XIII столѣтія польскіе города начинаютъ получать «магдебургское право»,—совершенно чуждое польской національности, но чрезвычайно выгодное нѣмецкимъ колонистамъ. Краковъ получаетъ магдебургское право уже въ 1211 году, вмѣстѣ со многими другими городами. Такимъ образомъ, города дѣлаются почти совершенно нѣмецкими.

Послѣ убитаго Лешко остались вдова его Гржимислава и малолѣтній сынъ Болеславъ, прозванный впослѣдствіи Стыдливымъ. Опекуномъ его былъ Конрадъ мазовецкій, стремившійся завладѣть всѣмъ наслѣдіемъ Болеслава. Вслѣдствіе этого Гржимислава уступила вмѣстѣ съ опекой надъ малолѣтнимъ сыномъ и весь краковскій удѣлъ Генриху Бородатому. Это вызвало продолжительную и упорную борьбу между Конрадомъ и Генрихомъ. Эта междоусобная война

Оборона Ольштина (Петроковской. губ.)

продолжалась долго, до 1238 года, когда умеръ Генрихъ. Послѣ окончательнаго воцаренія Болеслава Стыдливаго, миръ въ государствѣ водворился и лучшіе дни, казалось, настали для Польши, какъ вдругъ нашествіе монголовъ снова разстроило эти надежды на будущее. Поработивъ Русь, монголы въ 1241 году бросились на Венгрію тремя различными путями, изъ которыхъ одинъ проходилъ черезъ Польшу. Раздробленные и несогласные между собою Пясты не могли противостоять этому нашествію. Тѣмъ не менѣе, малопольское рыцарство съ необыкновенною настойчивостью отстаивало у монголовъ каждую пядь земли. Послѣ двухъ небольшихъ пораженій оно соединилось въ третій разъ и въ сраженіи подъ Хмѣльникомъ почти все было вырѣзано. Монгольскія полчища, сжегши Сандомиржъ, Краковъ и Бреславль, остановились лишь подъ Лигницомъ, гдѣ ихъ ожидалъ князь Генрихъ Набожный. Монголы и на этотъ разъ одержали побѣду, но, встрѣтивъ сильный отпоръ, не рѣшились подвигаться

далѣе на западъ. Главныя ихъ силы направились въ Венгрію и Моравію; опустошивши эти страны, они вернулись на востокъ, но ихъ отряды еще въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ раззоряли и опустошали Польшу. Въ 1259 году великая орда снова сожгла Сандомиржъ и Краковъ, но въ 1288 году оба эти города, снова отстроенные заново, устояли противъ третьяго нападенія монголовъ. Не осталась праздной зрительницей и языческая Литва, помогая разорять и опустошать Польшу постоянными набѣгами. Даже Даніилъ, князь Галицкій, призналъ надъ собой верховную власть монголовъ, помогалъ имъ опустошать Польшу и, пользуясь ея полнымъ безсильемъ, захватилъ Люблинъ. Папы взывали къ Европѣ съ цѣлью образовать крестовый походъ противъ монголовъ, но Европа, занятая своими внутренними дѣлами, не думала выступать на защиту цивилизаціи. Одна лишь Польша своею геройскою защитой спасла Европу отъ монгольскаго ига. Но все это, тѣмъ не менѣе; пагубно отзывалось на ея внутреннемъ развитіи. Въ то время, какъ Западъ, участвуя въ походахъ, борясь въ Испаніи съ маврами, превосходившими Европу въ просвѣщеніи, въ то время, какъ изъ всей этой борьбы Европа быстро развивалась,—Польша принуждена была бороться съ азіатскимъ варварствомъ, отъ котораго не было никакой возможности что-либо заимствовать.

Было очевидно, что несчастіе Польши заключается въ раздробленности ея силы, въ пагубной удѣльной системѣ. Не мудрено, поэтому, что польское рыцарство въ концѣ концовъ пришло къ убѣжденію, что единственное спасеніе польскаго народа заключается въ единеніи, или вѣрнѣе, въ объединеніи всего государства, въ «собираніи» польскихъ земель подъ одною могущественною властью. То же самое движеніе къ единовластію и вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ, встрѣчаемъ мы и въ исторіи Руси того же времени. Въ концѣ XIII вѣка движеніе это уже вполнѣ ясно обозначилось. Польскій народъ искалъ князя, который бы сталъ во главѣ этого движенія и довершилъ великое дѣло объединенія.

Такимъ княземъ, однако-жъ, не могъ быть Лешекъ Черный, сынъ Казимира Куявскаго, князь серадзкій, который послѣ смерти Болеслава Стыдливаго получилъ Краковскій и Сандомиржскій удѣлы. Это былъ человѣкъ энергичный и воинственный, но въ то же время онъ былъ большимъ приверженцемъ нѣмецкихъ обычаевъ, исключительно искалъ опоры и поддержки въ нѣмецкихъ городахъ, постоянно находился въ раздорахъ съ краковскимъ епископомъ и малопольскимъ рыцарствомъ. Борьба его съ Конрадомъ черскимъ и нашествіе татаръ въ 1287 году окончательно сгубили его. Лучшія надежды внушало правленіе Пржемыслава II, который послѣ смерти дяди своего Болеслава Набожнаго соединилъ подъ своею властью всю Великую Польшу. Постоянно ведя войну съ силезскими князьями, Пржемыславъ вошелъ въ союзъ съ поморскимъ княземъ Мецугомъ, послѣ смерти котораго присоединилъ къ своимъ владѣніямъ все Поморье и даже овладѣлъ на нѣкоторое время Краковымъ въ 1290 году.

Того же самаго политическаго направленія придерживался и Владиславъ Локетекъ, князь брестъ-куявскій, который послѣ своего брата Лешка Чернаго унаслѣдовалъ серадзское княжество. Уже въ 1288 году Локетекъ боролся съ онѣмеченнымъ силезскимъ княземъ Продусомъ, котораго послѣ смерти Лешка нѣмецкое мѣщанство призвало на малопольскій престолъ. Нѣмцы до такой степени господствовали въ Польшѣ, что послѣ смерти Генриха, ни Владиславъ Локетекъ, ни Пржемыславъ не въ состояніи были удержаться въ Краковѣ. На польскій престолъ заявилъ свои права новый претендентъ, Венцеславъ, король Чешскій. Какъ только нѣмецкая партія въ Малой Польшѣ избрала королемъ Венцеслава, онъ занялъ, несмотря на сопротивленіе Локетка, землю Сандомиржскую и Куявскую. Локетекъ, оставленный рыцарствомъ, принужденъ былъ бѣжать, и Венцеславъ оказался господиномъ всей Польши, за исключеніемъ одной лишь Мазовіи. Торжественная коронація Венцеслава увѣнчала это дѣло объединенія. Царствованіе Венцеслава, хотя и непродолжительное, тѣмъ не менѣе оказало благотворное вліяніе на внутреннее развитіе Польши, водворивъ въ странѣ сильную власть и административный порядокъ. Но Венцеславу не суждено было долго царствовать въ Польшѣ. Противъ

него образовалась европейская коалиція, состоящая изъ папы Бонифація VIII, императора Альбрехта и Карла-Роберта Анжуйскаго, который, благодаря дружбѣ папы и императора, сидѣлъ теперь на венгерскомъ престолѣ. Къ этой коалиціи присоединился также и Локетекъ. Только смерть Венцеслава въ 1305 году, однако, открыла Владиславу Локетку доступъ къ польскому престолу. Своей желѣзной рукой онъ соединилъ подъ своею властью почти всѣ польскія земли, но долго и упорно принужденъ былъ бороться съ самовластьемъ отдѣльныхъ князей и вельможъ. Въ его царствованіе окончательно организуется польская шляхта; этому обстоятельству въ особенности способствовало объединеніе земель, совершенное Локеткомъ, въ особенности вслѣдствіе своей борьбы съ тевтонскимъ орденомъ. Возстаніе въ Помераніи послужило этому поводомъ. Владиславъ Локетекъ обратился за помощью къ ордену. Меченосцы вмѣстѣ съ Владиславомъ подавили возстаніе, заняли Померанію, но съ тѣмъ, однако-жъ, чтобы изгнать оттуда Локетка и оставить за собой Померанію. Долгое время Владиславъ Локетекъ хотѣлъ рѣшить дѣло примиреніемъ, но убѣдившись, что это невозможно даже при посредничествѣ папскаго престола, польскій король, заручившись союзомъ поморскихъ князей и Карла Роберта, — осадилъ въ 1326 году Бранденбургъ и вскорѣ возвратилъ Польшѣ потерянное Поморье. Теперь впервые возникла мысль польско-литовскаго союза противъ меченосцевъ. Началомъ этого союза былъ бракъ королевича Казимира на дочери великаго князя литовскаго Гедимина, Альдонѣ. Меченосцы со своей стороны ищутъ союзниковъ въ Чехіи и среди мазовецкихъ и силезскихъ князей. Возобновившаяся такимъ образомъ война въ 1328 году въ началѣ была благопріятна Польскому оружію. Замѣтивъ свой промахъ, меченосцы объявляютъ войну Литвѣ и отправляютъ туда Іоанна, короля Чешскаго. Разоривъ половину Литвы, король чешскій направился къ Польшѣ, захватилъ Добржинскую землю и въ качествѣ польскаго короля продалъ ее вмѣстѣ съ Поморьемъ меченосцамъ. Послѣ непродолжительнаго перемирія борьба возобновилась съ прежней энергіей. Меченосцы потерпѣли пораженіе, но Польша не могла возвратить себѣ ни Добржинской земли, ни Поморья. Едва лишь было заключено перемиріе, какъ Владиславъ Локетекъ въ 1333 году умеръ.

Тяжелое наслѣдіе принялъ Казимиръ, сынъ Локетка, когда онъ въ 1333 году вступилъ на престолъ своего отца. Владиславъ Локетекъ воспитался среди полнѣйшей политической дезорганизаціи въ концѣ XIII столѣтія. Большія несчастія, постоянная и упорная борьба, сдѣлали его героемъ и мудрымъ правителемъ. Совершенно иначе представляется намъ Казимиръ. Онъ воспитался, какъ наслѣдникъ престола могущественнаго государства, не имѣлъ соперниковъ, получилъ самое тщательное для тогдашняго времени воспитаніе и, гостя по долгу при венгерскомъ дворѣ, имѣлъ возможность познакомиться съ высшей цивилизаціей, которую принесли въ Венгрію французы вмѣстѣ съ Карломъ Робертомъ Анжуйскимъ. Контрастъ между этой цивилизаціей и одичалой, вслѣдствіе продолжительныхъ раздоровъ, Польшей произвелъ на умъ его неизгладимое впечатлѣніе. Не мудрено поэтому, что, вступивъ на престолъ послѣ смерти отца, Казимиръ рѣшилъ покончить борьбу во что бы то ни стало и поднять Польшу на ту степень цивилизаціи, на которой уже находилась Европа. Не теряя времени, пользуясь посредничествомъ Карла Роберта, Казимиръ заключаетъ съ чехами вѣчный міръ въ 1336 году въ Вышеградѣ. Вслѣдствіе этого и меченосцы сдѣлались сговорчивѣе. Вмѣсто Поморья, оставшагося за ними, меченосцы обязались возвратить Казимиру Куявы и Добржинскую землю. Не желая, однако-жъ, брать на себя одного отвѣтственности въ заключеніи подобнаго мира, Казимиръ настоялъ еще на одномъ условіи: мирный договоръ долженъ бытъ подтвержденъ со стороны меченосцевъ папою, а со стороны Казимира — польскимъ народомъ. Этотъ пунктъ мирнаго договора далъ поводъ къ возникновенію споровъ и замѣшательствъ, продолжавшихся цѣлыхъ семь лѣтъ. Польскіе вельможи, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, возстали на такой миръ; на ихъ сторонѣ оказался и папа. Тѣмъ не менѣе, новый приговоръ папскихъ легатовъ въ 1339 году, принудившій тевтонскій орденъ къ возврату Польшѣ всѣхъ захваченныхъ земель,

встрѣтилъ твердое сопротивленіе со стороны закона, такъ что поляки въ 1343 году принуждены были подписать первоначальный мирный трактатъ.

Болѣе успѣшно велъ Казимиръ другое дѣло—дѣло присоединенія къ Польшѣ Червонной Руси. Послѣ татарскаго нашествія старинная Русь, Кіевская область, потеряла послѣднія силы: Кіевъ сдѣлался ничтожнымъ городомъ; окрестности его представляли пустыню, по которой разбросаны были черепа и кости человѣческіе; Литовцы свободно гуляли по Приднѣпровью, истребляя и послѣднее, что осталось послѣ татаръ; защищаться было некому. Народъ разбѣгался или въ сѣверо-восточныя русскія области или на западъ, гдѣ въ уголкѣ прикарпатскомъ уцѣлѣло еще русское княжество, поддержанное знаменитымъ Даніиломъ Романовичемъ. Но и въ этомъ уголкѣ, несмотря на татарское опустошеніе, доканчивалась старинная усобица между Мономаховичами и Ольговичами; Мономаховичъ Даніилъ Романовичъ долженъ былъ бороться съ Ольговичемъ—Ростиславомъ, сыномъ Михаила черниговскаго. Во время татарскаго нашествія оба они—и Даніилъ и Ростиславъ съ отцами, скрывались въ Польшѣ, но какъ только татары схлынули, начали воевать другъ съ другомъ; война эта окончилась въ 1249 году битвою на рѣкѣ Сапи, гдѣ Ростиславъ потерпѣлъ отъ Даніила совершенное пораженіе съ союзниками своими, венграми и поляками. Такъ кончилась послѣдняя усобица между Мономаховичами и Ольговичами на юго-западѣ. Даніилъ окончательно утвердился на галицкомъ столѣ, но отъ Батыя съ Волги пришелъ къ нему грозный зовъ, и Даніилъ отправился въ Орду. Ханъ отпустилъ его съ ласкою; но не будучи въ состояніи помириться съ мыслью, что долженъ остаться подданнымъ хана, Даніилъ началъ хлопотать, какъ бы свергнуть татарское иго. Съ одними средствами своего Галича да Волыни, гдѣ княжилъ братъ его, Василько, этого сдѣлать было нельзя, — надобно было вступить въ союзъ со всѣми сосѣдними европейскими государствами и предпринять крестовый походъ на татаръ, общихъ враговъ всего христіанства; но о крестовомъ походѣ, въ союзѣ съ католическими державами, нельзя было думать безъ соединенія съ папою, и потому Даніилъ завелъ сношенія съ Римомъ насчетъ этого соединенія. Папа очень обрадовался, прислалъ Даніилу вѣнецъ королевскій, писалъ въ разныя стороны о необходимости крестоваго похода противъ татаръ, но такъ какъ посланія папскія не имѣли никакого послѣдствія, то Даніилъ скоро прервалъ сношенія свои съ Римомъ, удержавъ, однако, титулъ королевскій, и сталъ думать, какъ бы собственными средствами избавиться отъ татаръ. Для этого онъ началъ укрѣплять города, не позволялъ ханскимъ воеводамъ утвердиться въ низовьяхъ Днѣстра и вступилъ въ явную войну со слабымъ воеводою Куремсою; но когда вмѣсто Куремсы пришелъ другой сильный воевода Бурундай, то Даніилъ увидѣлъ невозможность бороться съ татарами и принужденъ былъ по ихъ требованію разорить укрѣпленія своихъ городовъ. Но если Даніилъ не имѣлъ успѣха съ татарами, за то былъ счастливъ въ войнахъ съ другими своими сосѣдями. Въ это время Литва начала усиливаться, благодаря ослабленію русскихъ княжествъ и единовластію, которое началъ утверждать въ ней князь Миндовгъ, варваръ хитрый и жестокій, не разбиравшій средствъ для достиженія своихъ цѣлей; несмотря на это, Даніилъ счастливо воевалъ съ нимъ, и по смерти Миндовга, сынъ его Войшелкъ призналъ свою зависимость отъ брата Даніилова, Василька волынскаго. Такъ же удачно шла война съ ятвягами, которые наконецъ обѣщались служить Даніилу и строить города въ землѣ своей. Такіе успѣхи прославили Даніила среди сосѣдей, которые искали его союза и помощи; вслѣдствіе этого Даніилъ принималъ участіе въ войнѣ Венгровъ съ Чехами за Австрію, которой престолъ былъ тогда праздненъ; по уговору съ венгерскимъ королемъ, сынъ Даніиловъ, Романъ, женился на сестрѣ умершаго австрійскаго герцога Фридриха и въ приданое бралъ Австрію, но венгерскій король обманулъ Романа, не далъ ему помощи противъ чешскаго короля Оттокара, и Даніилъ долженъ былъ отказаться отъ надежды посадить сына своего на австрійскій престолъ. Кромѣ военныхъ подвиговъ, Даніилъ славился также своею правительственною распорядительностью; послѣ татарскаго опустошенія онъ успѣлъ привести

въ цвѣтущее состояніе: населилъ, обстроилъ города, усилилъ промышленность, торговлю. Но должно замѣтить, что Даніилъ, желая населить города свои, наполнялъ ихъ, подобно сосѣдямъ своимъ, князьями польскими, чужестранцами, нѣмцами, поляками, армянами, жидами; отъ этого городское населеніе галицкаго княжества, богатое и сильное, но чуждое русской народности, не имѣло патріотизма, не могло содѣйствовать поддержанію независимости Галиціи. Даніилъ умеръ между 1264 и 1266 годомъ, почти въ одно время съ Александромъ Невскимъ.

По смерти Даніила галицкая земля раздѣлилась между тремя его сыновьями, Львомъ, Мстиславомъ и Шварномъ, а Волынь осталась по прежнему за дядею ихъ, Василькомъ Романовичемъ. Въ Литвѣ сынъ Миндовговъ, Войшелкъ, пошелъ въ монахи и отдалъ всѣ свои владѣнія Шварну Даниловичу, женатому на его сестрѣ. Но Шварнъ скоро умеръ бездѣтнымъ, и Литовцы опять вызвали Войшелка изъ монастыря для управленія княжествомъ. Войшелкъ былъ убитъ братомъ Шварна Львомъ Даниловичемъ, который хотѣлъ пріобрѣсти себѣ Литву, но не получилъ успѣха въ этомъ дѣлѣ, и литовцы выбрали себѣ князя изъ своего народа. Послѣ нихъ галицкое княжество унаслѣдовалъ сынъ Льва, Юрій I-й. Тѣмъ не менѣе, жизненый вопросъ для галицкаго княжества остался прежній—борьба съ татарами. Вслѣдствіе этого сыновья Юрія I-го, Андрей и Левъ, вошли въ сношенія съ великимъ княземъ литовскимъ Гедиминомъ. Въ 1319—1333 гг. Гедиминъ взялъ Кіевъ и присоединилъ его къ Литвѣ. Гедиминъ, видя успѣхи своего оружія, мечталъ уже о завоеваніи всей Руси; только въ княжествѣ галицкомъ удержался сынъ Андрея, Юрій II. Но съ его смертію въ 1335 г. исчезла династія Романовичей. Теперь Галицкая Русь, лишенная собственной династіи, окруженная со всѣхъ сторонъ могущественными сосѣдями, принуждена была выбирать между ними. Надъ нею по

Древній польскій щитъ съ изображеніемъ Ченстоховской Божіей Матери.

прежнему висѣло татарское иго; съ юга къ ней протягивали руки венгры, — народъ совершенно ей чуждый; съ сѣвера—угрожала ей языческая Литва, которая не въ состояніи была обезпечить за нею развитія и цивилизаціи. Въ виду такого положенія не мудрено, что Червонная Русь выбрала Польшу, какъ народъ, съ которымъ ее соединяли происхожденіе и близость языка, какъ страну, съ которою она была соединена самымъ тѣснымъ образомъ, и торговый путь, идущій черезъ Краковъ и Львовъ, и какъ государство, которое соединившись теперь въ рукахъ Локетка и Казимира, могло защищаться отъ татарскихъ нашествій. Когда, поэтому, послѣ смерти Юрія II татары вздумали хозяйничать въ Галицкой Руси, народъ посадилъ на тронѣ Болеслава мазовецкаго, племянника Юрія. Множество поляковъ поселилось въ Галиціи и такимъ образомъ

Локетекъ въ Ойцовскомъ гротѣ.

еще болѣе укрѣпило связь между Польшею и Червонною Русью. Въ 1340 году умеръ бездѣтнымъ Болеславъ, и Казимиръ, устранивъ всѣхъ претендентовъ на галицкій престолъ, завладѣлъ Русью въ 1341 году, освободилъ ее отъ татарскаго ига; претензіи венгровъ онъ удовлетворилъ деньгами, а литовцевъ онъ принудилъ въ признаніи этого завоеванія. Благодаря укрѣпленію своему подъ Сакомъ и Бугомъ, Польша овладѣла верховьями Вислы, такъ что теперь Висла сдѣлалась внутреннею польскою рѣкою, главною артеріею ея торговыхъ сношеній.

Внутренняя политика Казимира свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ его умѣ и о сознаніи того, въ чемъ нуждалась Польша его эпохи. Не мудрено поэтому, что въ исторіи Польши онъ получилъ названіе «великаго». Онъ былъ великъ, потому что, сберегая силы націи, воздерживаясь отъ безпорядка, изнурительныхъ войнъ, онъ сумѣлъ направлять эти силы на внутренній

Битва подъ Сокалемъ (Плоцкой губ.).

органическій трудъ. Казимиръ Великій помогалъ всѣми средствами нѣмецкой колонизаціи, не боясь германизаціи, поддерживалъ промышленность и торговлю, ища путей не только на Руси и въ Германіи, а и въ Италіи, Венгріи, Фландріи, и даже въ отдаленной Москвѣ. Въ его время вся торговля, какъ съ востокомъ, такъ и западомъ, соединилась въ польскихъ городахъ. Эти города, пользуясь привилегіей «складовъ», не пускали къ себѣ ни одного иностраннаго купца, но покупали у него привезенный товаръ и отправляли его въ другую сторону, назначая уже отъ себя цѣну. Желая ускорить приливъ капиталовъ къ государству и такимъ образомъ поднять промышленность и королевскіе доходы, Казимиръ поощрялъ населеніе въ Польшѣ евреевъ, опредѣлилъ ихъ отношенія особенными привилегіями и взялъ ихъ даже подъ свое личное покровительство. Даруя, кромѣ того, польскимъ населеніямъ нѣмецкое право, организуя крестьянскій бытъ на нѣмецкій ладъ, — Казимиръ тѣмъ самымъ удвоилъ производительныя силы страны. Крестьянинъ, освобожденный отъ тяжелыхъ пошлинъ и изнурительныхъ войнъ, достигъ небывалаго до сихъ поръ благосостоянія и назвалъ Казимира «королемъ мужиковъ». Примѣру короля послѣдовала шляхта; занявшись земледѣліемъ, она начала перерождаться. Когда въ Великой Польшѣ и Мазовіи недоставало земель этой шляхтѣ, они переселялись толпами на востокъ, въ Червонную Русь, въ Люблинъ. Вмѣстѣ съ развитіемъ нѣмецкой колонизаціи въ Польшѣ возникли и искусства, принесенныя нѣмцами. Мнѣніе, высказанное еще Длугошемъ, что Казимиръ Великій «нашелъ Польшу деревянной, а оставилъ ее каменной»,—вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ. Только во времена Казимира и по его иниціативѣ стали строиться въ Польшѣ каменные замки, башни, ворота, ратуши, сукенницы (гостинные дворы) и даже частные дома, и романскій стиль уступилъ мѣсто готическому.

Заботясь о благосостояніи народномъ, Казимиръ не забывалъ и духовныхъ благъ, которыхъ недоставало Польшѣ: мы говоримъ о просвѣщеніи. Церковь, бывшая въ эту эпоху представительницей не только нравственности, но и просвѣщенія, имѣла въ Казимирѣ защитника и союзника. Онъ распространилъ во всемъ государствѣ школы, въ особенности приходскія, существовавшія въ городахъ. Въ нихъ преподавалась наука, подготовлявшая учениковъ съ изученію богословія и юриспруденціи; въ Польшѣ уже существовали свѣтскіе люди, знавшіе латинскій языкъ и въ судахъ могли исполнять обязанности писцовъ. Кромѣ того, многіе поляки стали ѣздить за-границу, съ желаніемъ или пріобрѣсти при дворахъ рыцарскія манеры, или же покончить свое образованіе въ европейскихъ университетахъ, въ особенности парижскомъ, болонскомъ и пражскомъ. Тѣмъ не менѣе, просвѣщеніе, поощряемое Казимиромъ Великимъ, имѣло по преимуществу практическій характеръ. Оно не создало никакой литературы, такъ что все польское XIV столѣтія оставило лишь одну хронику, хотя и написанную съ большимъ талантомъ и несомнѣннымъ политическимъ тактомъ. Хроника эта обнимаетъ царствованіе Казимира и его наслѣдника Людовика до 1384 года; авторомъ ея былъ Янко изъ Чарнкова, гнѣзненскій архидіаконъ и подканцлеръ королевства. Взамѣнъ этого, тогдашніе доктора и магистры римскаго и каноническаго права занимаютъ самые высокіе посты въ польской духовной іерархіи, являются приближенными короля, наполняютъ его канцеляріи. Желая расширить это юридическое образованіе, Казимиръ Великій основываетъ въ 1364 году, съ соизволенія папы Урбана V, университетъ въ Краковѣ, по образцу болонскаго. За его царствованіе въ немъ не было еще богословскаго отдѣленія, но юриспруденція стояла на первомъ планѣ.

Въ теченіе сорока лѣтъ продолжалась эта внутренняя работа организаціи, но плоды ея были видны уже спустя нѣсколько лѣтъ. Несмотря на вышеградскій миръ, Польша тѣмъ не менѣе въ царствованіе Казимира заняла значительное положеніе среди государствъ Европы; дружбы съ Польшею искали папы, императоры, короли и въ каждомъ политическомъ дѣлѣ голосъ Казимира Великаго имѣлъ не малое значеніе. Самымъ важнымъ, однако-жъ, дѣломъ въ царствованіе Казимира Великаго былъ такъ называемый статутъ вислицкій. До Казимира

каждая провинція, каждый городъ, имѣли свои права. Теперь пришлось совершить это законодательное объединеніе Польши. Съ этою цѣлью Казимиръ созвалъ въ 1347 году великополянъ въ Піотрковъ, а малополянъ въ Вислицу, которые, разсмотрѣвъ различныя права и привилегіи, установили вислицкій статутъ. Статутъ отличаетъ стараго шляхтича отъ новаго. Въ шляхетствѣ установляются извѣстныя степени. Кметъ имѣетъ право на переселеніе, исполнивъ извѣстныя обязанности по отношенію къ владѣльцу; владѣлецъ же со своей стороны не имѣетъ права присвоивать себѣ имущество кмета, умершаго безъ наслѣдниковъ. За убійство кмета вислицкій статутъ устанавливаетъ штрафъ въ 10 гривенъ (болѣе 36 рублей); за убійство новаго шляхтича—30 гривенъ, а стараго—60 гривенъ. Землей имѣетъ право владѣть только шляхтичъ; дочери получаютъ приданое деньгами, а сыновья наслѣдуютъ по отцѣ землю. Всякій, пользующійся рыцарскимъ правомъ, обязанъ защищать государство. Статутъ ничего не говоритъ о городахъ и мѣщанахъ, такъ какъ города, какъ извѣстно, управлялись нѣмецкимъ или магдебургскимъ правомъ. Для своего времени статутъ вислицкій былъ дѣйствительнымъ и чрезвычайно важнымъ шагомъ впередъ, такъ какъ установлялъ извѣстную, опредѣленную организацію, вводилъ порядокъ въ управленіи, ограничивалъ власть шляхты и расширялъ права крестьянъ.

Со смертью Казимира Великаго (въ 1370 г.), который послѣ себя не оставилъ мужского наслѣдника, не всѣ еще Пясты вымерли. Они раздѣлились на пять вѣтвей, изъ которыхъ старшая вѣтвь, ведущая свое начало отъ Владислава II, сына Болеслава Кривоустаго, имѣла еще много представителей. Вторая вѣтвь, исходящая отъ Мечислава Стараго, изсякла со смертью короля Пржемыслава, убитаго въ 1296 году. Родоначальникомъ третьей былъ Казимиръ Справедливый. Сынъ Казимира II Справедливаго, Лешекъ Бѣлый, былъ родоначальникомъ мало-польской вѣтви. Отъ другого сына Казимира, Конрада, происходили князья куявскіе и мазовецкіе. Къ куявскимъ князьямъ принадлежалъ Казимиръ Великій; со смертью этого короля представителемъ князей куявскихъ оказался Владиславъ Бѣлый, князь гнезненскій, въ Куявахъ; представителемъ князей мазовецкихъ былъ Земовитъ III. А такъ какъ о силезскихъ Пястахъ, онѣмеченныхъ, находившихся въ зависимости отъ чешскаго короля, — не могло быть и рѣчи при замѣщеніи польскаго престола, то Владиславъ Бѣлый и Земовитъ III оказались князьями, имѣвшими наиболѣе правъ на наслѣдство Казимира. Владиславъ гнезненскій не сумѣлъ воспользоваться своимъ правомъ; онъ велъ жизнь полную приключеній, потерялъ свой удѣлъ, долго блуждалъ по Европѣ и въ концѣ концовъ вступилъ въ дижонскій монастырь. Земовитъ, наоборотъ, имѣлъ право думать, что польскій престолъ достанется ему. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе условія, заключеннаго Казимиромъ Великимъ съ Карломъ Робертомъ, польскій престолъ перешелъ къ сыну послѣдняго, Людовику. Двѣ партіи, главнымъ образомъ, управляли тогда Польшей. Велико-польская партія, состоявшая по преимуществу изъ мелкой шляхты, была консервативна и придерживалась династіи Пястовъ; она была предана Земовиту. Болѣе могущественной партіей, однако, оказалась партія мало-польскихъ вельможъ, занимавшихъ всѣ высшія должности, понимавшихъ политику Казимира и поддерживавшихъ ее изъ-за личныхъ видовъ. Они очень хорошо понимали, что Польша потеряла уже безвозвратно характеръ патріархальнаго государства, что отношенія короля къ народу основаны на взаимномъ договорѣ; они желали окончательно утвердить этотъ договоръ и лучшимъ для этого средствомъ нашли уничтоженіе наслѣдственности и призваніе на польскій престолъ чужеземнаго государя, которому они могли бы поставить извѣстныя условія. Не мудрено поэтому, что они воспользовались мыслью Казимира, и въ 1355 году отправили посольство въ Буду, гдѣ и заключили договоръ съ царствовавшимъ уже послѣ смерти Карла Роберта Людовикомъ. Людовикъ принялъ условія малопольскихъ вельможъ и обязался уважать всѣ права шляхты, не собирать чрезвычайныхъ налоговъ и на свой счетъ вести войны за границами государства. Подобныя же привиллегіи, данныя большинству городовъ, склонили на его сторону также и мѣщанство.

Король Людовикъ венгерскій вступилъ на польскій престолъ въ 1370 году, но не выполнилъ надеждъ народа. Людовикъ почти исключительно занимался венгерскими дѣлами, а на Польшу смотрѣлъ какъ на источникъ доходовъ. Желая отдѣлить Червонную Русь отъ Польши, онъ прежде всего отдалъ ее Владиславу, князю опольскому, а потомъ, населивъ ее венграми, въ концѣ концовъ присоединилъ ее къ Венгріи. Это произвело сильное неудовольствіе въ народѣ и шляхта, не любившая Людовика, начала волноваться. Со своей стороны, Людовикъ, сдѣлавъ регентшей въ Краковѣ свою мать (дочь Владислава Локетка) Елисавету, сгруппировалъ вокругъ нея свою партію. Шляхта волновалась; въ Великой Польшѣ они призывали изъ дижонскаго монастыря Владислава Бѣлого и боролись отъ его имени; на улицахъ Кракова убивали и рѣзали венгровъ; но вельможи, которымъ правленіе Людовика было выгодно, продолжали держать его сторону. Такимъ образомъ, приходилось вступить въ переговоры съ королемъ. Людовикъ, не имѣя сыновей, желалъ обезпечить польскій престолъ за одной изъ своихъ дочерей. Въ концѣ концовъ, польская шляхта согласилась на это условіе послѣ того, какъ король ясно опредѣлилъ отношенія правительства къ рыцарству. Вслѣдствіе этого, еще при своей жизни, Людовикъ назначилъ Польшу старшей дочери Маріи и ея мужу Сигизмунду, маркизу Бранденбургскому. Едва лишь они отправились въ Польшу, какъ Людовикъ, въ 1382 году, скоропостижно умеръ.

Польская шляхта, чувствуя, что Марія не въ состояніи удержаться на польскомъ престолѣ, образовала съѣздъ въ Радомскѣ, 25 ноября 1382 года. Съ Наленчами во главѣ тамъ образовалась конфедерація; Марія и Сигизмундъ были устранены отъ престола и было рѣшено отдать престолъ той изъ дочерей Людовика, которая постоянно будетъ жить въ государствѣ, чего Марія, какъ венгерская королева, выполнить не могла. На другомъ съѣздѣ, въ Вислицѣ, радомскій договоръ былъ подтвержденъ шляхтою, которая требовала, чтобы Сигизмундъ немедленно выѣхалъ изъ Польши. Но съ отъѣздомъ Сигизмунда появился новый кандидатъ на польскій престолъ — Земовитъ, князь мазовецкій, поддерживаемый однимъ изъ могущественнѣйшихъ великопольскихъ вельможъ Бартошемъ изъ Виссембурга. Земовитъ имѣлъ множество сторонниковъ среди великопольской шляхты и когда королева Елисавета освободила поляковъ отъ вѣрности Маріи и отдала польскій престолъ второй своей дочери Ядвигѣ, то великопольская шляхта рѣшила выдать ее замужъ за Земовита. Противъ этого проекта протестовала, однако, малопольская шляхта. На новомъ съѣздѣ въ Кошицахъ Елисавета обѣщала вскорѣ прислать въ Польшу Ядвигу и, несмотря на обрученіе Ядвиги съ Вильгельмомъ австрійскимъ, она оставила за поляками право выбора для своей дочери мужа. Между тѣмъ, Земовитъ, добиваясь престола оружіемъ, захватилъ Куявы и Ленницу и на съѣздѣ въ Серодзѣ въ 1383 году провозглашенъ шляхтою королемъ. Возмущенные этимъ малополяне обратились за помощью къ венграмъ, которые, подъ начальствомъ Сигизмунда, вступили въ Польшу и страшно опустошили всю Мазовію. Въ концѣ концовъ, послѣ многихъ междоусобицъ, уговоровъ и уступокъ, королева Ядвига пріѣхала въ Польшу въ октябрѣ 1384 года.

Коронація Ядвиги совершилась въ Краковѣ 15 октября 1384 года. Вслѣдъ за этимъ начались интриги изъ-за руки «прекрасной» королевы, или, вѣрнѣе, изъ-за короны польской. Главными претендентами выступили Земовитъ и Владиславъ Опольчинъ, въ то время какъ сама Ядвига желала отдать свою руку Вильгельму австрійскому, исполняя такимъ образомъ желаніе своего покойнаго отца и покоряясь тайному влеченію своего сердца. Но, благодаря малопольскимъ вельможамъ, уже въ слѣдующемъ году выступаетъ новый претендентъ, Ягайло, великій князь литовскій, обѣщая принять римско-католическое исповѣданіе, присоединить Литву къ Польшѣ и быть королемъ «на всю землю ляхскую».

Малопольскіе вельможи, видя въ этомъ, какъ важную свою пользу, такъ и пользу для государства, охотно согласились на предложеніе Ягайло, и, несмотря на сопротивленіе Ядвиги, любившей Вильгельма австрійскаго, несмотря на появленіе даже въ Краковѣ Вильгельма,—

въ Волковыскѣ былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго поляки «берутъ себѣ господиномъ и королемъ литовскаго князя и обезпечиваютъ за нимъ, дарятъ и отказываютъ ему высокодостойную Ядвигу, королеву польскую для соединенія ея съ нимъ законнымъ бракомъ». Ягайло съ громадною свитою своихъ родныхъ братьевъ, литовскихъ бояръ и польскихъ пановъ пріѣхалъ въ Краковъ 12 февраля 1386 года. Крещеный въ католическую вѣру 15 февраля того-же года, онъ былъ названъ Владиславомъ. Спустя три дня совершилось его вѣнчаніе съ Ядвигою; въ тотъ же день Ягайло обнародовалъ документъ вольностей для шляхты, расширявшій ея привеллегіи кашицкаго договора. Коронація его имѣла мѣсто 4 марта 1386 года. Такимъ образомъ, совершился одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ въ исторіи восточной Европы; но совершился онъ, главнымъ образомъ, благодаря нѣмецкому напору. Безъ тевтонскаго ордена и его политики, Польша и Литва,—эти два враждебные народа,—никогда бы не слились въ одно государственное цѣлое. Но опасность, угрожавшая тогда Литвѣ со стороны тевтонскаго ордена, ослабленіе Польши, которая точно также уступила вліянію меченосцевъ, принудили эти два народа къ соединенію и тѣсному союзу противъ тевтонскаго ордена. Съ тѣхъ поръ начинается усиленіе Польши на счетъ тевтонскаго ордена до окончательнаго уничтоженія меченосцевъ; съ тѣхъ поръ начинается точно также лучшая, наиболѣе блестящая, эпоха въ исторіи Польши.

Не сразу, однако, началась эта борьба на жизнь и смерть между Польшею и тевтонскимъ орденомъ. Борьбѣ этой должно было предшествовать болѣе тѣсное сближеніе Польши и Литвы и утвержденіе въ Литвѣ польскаго вліянія и цивилизаціи. Литовцы, погруженные въ язычество, выступили на историческое поприще значительно позднѣе поляковъ. Въ извѣстномъ отношеніи можно сказать, что исторія въ Литвѣ приняла болѣе счастливое направленіе, чѣмъ въ Польшѣ. Польша организовала изъ себя государство, въ которомъ всесильная шляхта въ значительной степени ослабляла власть королевскую. Литва, напротивъ, пришла къ сильной феодальной организаціи. Князь, взамѣнъ военной службы и послушанія себѣ, отдавалъ всю страну извѣстному количеству бояръ во владѣніе; эти бояре, въ свою очередь, дѣлили свои владѣнія между рыцарствомъ, обязывая его къ военной повинности и къ дани; рыцарство, наконецъ, безусловно подчиненное боярамъ, держало въ неволѣ весь остальной народъ. Такимъ образомъ, никто въ Литвѣ не имѣлъ земельной собственности, никто,— за исключеніемъ немногихъ бояръ,—не пользовался личною свободой. Такого рода государственный строй благопріятствовалъ сильной военной организаціи, хотя въ то же время тормозилъ внутреннее развитіе и цивилизацію. Но, собственно говоря, только съ великаго князя Гедимина (1315—1337) Литва сдѣлалась сильнымъ языческимъ государствомъ. Гедиминъ успѣшно воевалъ съ меченосцами, былъ въ сношеніяхъ съ Локеткомъ, вошелъ даже въ сношенія съ Римомъ и поддерживалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что римскіе папы не въ состояніи удержать меченосцевъ отъ постоянныхъ нападеній на Литву. Убѣдившись, что отъ Запада ему ждать нечего, онъ обратилъ свое вниманіе на Востокъ; онъ подчинилъ себѣ Витебскъ, Полоцкъ, Минскъ, Новгородокъ и даже Владиміръ, Луцкъ и Кіевъ. На этихъ русскихъ владѣніяхъ, главнымъ образомъ, покоились силы великихъ князей литовскихъ; оттуда они получали свои громадные доходы, заимствовали политическую организацію, перенимали нравы и даже языкъ. Послѣ смерти Гедимина, на великокняжескій престолъ вступилъ сынъ его Ольгердъ, оставляя своимъ братьямъ отдѣльные удѣлы. Ольгердъ продолжалъ систему своего отца. Съ помощью брата своего, Кейстута, князя на Жмуди, онъ постоянно воевалъ съ меченосцами; при помощи другого брата, Люборна, князя на Волыни, боролся съ Казимиромъ Великимъ и мѣшалъ ему завоевать южную Русь. Въ то же время Ольгердъ на-голову разбилъ татаръ подъ Синими водами въ 1363 году и съ помощью третьяго брата, Каріата, началъ населять Подолъ. До какой степени въ это время усилилось русское вліяніе въ Литвѣ, видно изъ того, что Ольгердъ, желая жениться на русской княжнѣ, принялъ христіанство по греческому обряду. Ольгердъ умеръ въ 1377 году, оставивъ двѣнадцать сыновей, изъ числа которыхъ Ягайло вступилъ на великокняжескій престолъ.

Ягайло былъ уже новымъ типомъ; не довѣряя оружію, не любя военныхъ походовъ, скрытный, неразборчивый на средства, онъ сблизился съ Западомъ и меченосцами. Кровавая борьба возникла между Ягайломъ, Кейстутомъ и самымъ способнымъ изъ сыновей Кейстута, Витовтомъ. Ягайло вошелъ въ союзъ съ меченосцами, чтобы уничтожить своего дядю Кейстута; Кейстутъ, въ свою очередь, опережая его, осадилъ столичный городъ Вильно, лишилъ Ягайло великокняжескаго престола, но погибъ, благодаря своему легкомыслію. Довѣрившись своему племяннику Ягайло, который тайно снова вошелъ въ союзъ съ меченосцами, Кейстутъ пріѣхалъ въ его лагерь и былъ измѣннически умервщленъ. Витовтъ бѣжалъ къ меченосцамъ и помогалъ имъ въ походѣ противъ Ягайло. Но уже въ 1384 году онъ примирился съ Ягайло, который въ это время женился на Ядвигѣ.

Теперь Ягайло пришлось выполнить обязательства, данныя польскому народу. Первое обязательство заключалось въ крещеніи Литвы. Въ 1387 году Владиславъ-Ягайло отправился въ Литву, сопровождаемый множествомъ польскихъ пановъ и духовенства. На обращеніе литовскаго народа въ христіанство были употреблены всевозможныя средства: подкупы, уговоры, принужденія. Изъ всѣхъ этихъ средствъ самымъ дѣйствительнымъ оказались награды, даваемыя за принятіе крещенія. Съ этою цѣлью Ягайло обнародовалъ актъ вольностей, въ силу котораго всѣ, принявшіе католичество, пользовались правами и преимуществами польскаго гражданина. Само собой разумѣется, что всѣ эти вольности касались только литовскихъ бояръ. Народъ, находившійся въ рабствѣ, ничего не получилъ. Единственною приманкою для народа были бѣлые балахоны, которые давались всѣмъ ново-окрещеннымъ. Столь-же рѣшительны были средства принужденія. 22 февраля былъ обнародованъ въ Вильнѣ другой актъ, въ силу котораго всякій, сопротивляющійся принять христіанскую религію, будетъ къ этому «принужденъ» тѣлесными наказаніями, т. е., пытками. Затѣмъ былъ собранъ весь языческій народъ и было приступлено къ уничтоженію языческихъ боговъ. Такъ-называемый «божественный», «неугасаемый огонь» былъ потушенъ; священные дубы пали подъ ударами топоровъ; священныя змѣи были умерщвлены. Смотря на все это, язычники рыдали, не смѣя, однако-жъ, сопротивляться. Послѣ этого приступлено было къ крещенію. Язычниковъ собирали въ громадныя группы, мужскія и женскія, и крестили ихъ, кропя святой водой. Каждая мужская или женская группа получала одно и то-же имя, мужское или женское... Окрестивъ такимъ образомъ Вильно, Ягайло отправился въ дальнѣйшій путь по Литвѣ и въ каждомъ мѣстѣ пребыванія повторялись тѣ же самыя сцены. Благочестивый король не только приказывалъ священникамъ крестить, но самъ крестилъ и приказывалъ то-же самое дѣлать князьямъ и польскимъ вельможамъ. Вездѣ разрушались языческіе храмы, вездѣ на ихъ мѣсто водружались кресты и строились часовни. Это апостольское путешествіе продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, совершенно измѣняя весь строй общественной жизни, всѣ общественныя отношенія. Литовскій бояринъ, гордый только что полученными католическими привилегіями, стремился болѣе и болѣе походить на свой польскій образецъ, на польскую свободную шляху. Правда, между литовскимъ бояриномъ и польскимъ шляхтичемъ лежали пока еще цѣлыя пропасти,—но уже и это относительное освобожденіе было благодѣяніемъ для страны, которая до сихъ поръ коснѣла въ варварствѣ и управлялась восточнымъ деспотизмомъ. Гораздо медленнѣе и труднѣе совершалась духовная перемѣна. Въ Литвѣ, какъ и во всѣхъ новообращенныхъ въ христіанство странахъ, — христіанство принуждено было бороться со старыми религіозными предразсудками. Отсюда возникла странная смѣсь христіанства съ язычествомъ: большинство, толпа, служило, такъ сказать, двумъ богамъ. Въ одинаковой степени не довѣряя, какъ одному, такъ и другому, боясь обоихъ, литовскій народъ находилъ для себя самымъ выгоднымъ подражать тому новообращенному венгерскому королю, который говаривалъ, что онъ достаточно богатъ, чтобы приносить жертвы, какъ языческимъ богамъ, такъ и христіанскому Богу, или тѣмъ славянамъ, которые, возвратившись къ язычеству, поставили

Королева Ядвига оказываетъ помощь, раненному при постройкѣ костела

изображеніе св. Витта на своемъ языческомъ алтарѣ. Не дальше ушелъ въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ и самъ король Ягайло. Исполняя всѣ обряды католической религіи самымъ тщательнымъ образомъ, онъ въ то же время придерживался всякихъ языческихъ суевѣрій. Въ особенности женщины съ особенной настойчивостью возвращались къ язычеству. Языческіе жрецы принуждены были принять христіанство. О послѣднемъ языческомъ первосвященникѣ на Литвѣ, Лиздейко, изгнанномъ изъ храма Перкуна, въ народѣ ходили слухи, что онъ нашелъ убѣжище въ Керновѣ и тамъ, среди дикаго лѣса, скрывался. Но несостоятельность самого язычества не допускала народа къ болѣе дѣятельной оппозиціи. Когда католическій патеръ окрестилъ дѣтей новообращенныхъ родителей, эти послѣдніе погружали ихъ снова въ священныя языческія рѣки, какъ бы вторично языческі крестя ихъ. Послѣ христіанской исповѣди справлялись языческія «бесѣды» съ жертвоприношеніями. Христіанскую Матерь Божію смѣшивали съ матерью Перкуна,—Перкуніей или Перкунашеле.... При такомъ порядкѣ вещей правительству приходилось дѣйствовать энергично. Было основано епископство въ Вильнѣ, вездѣ строились церкви, приготовлялись священники, которые могли бы объяснять народу догматы христіанской религіи.

Легко можно себѣ представить съ какою злобою смотрѣли меченосцы на эти зачатки цивилизаціи, насаждаемые теперь на Литвѣ поляками. Орденъ терялъ добычу, которую уже считалъ своею, терялъ цѣль своего существованія—насажденіе христіанства среди язычниковъ. Но такъ какъ добровольно уступить полякамъ эту добычу онъ не могъ, то борьба оказалась неизбѣжной. Они воспользовались недовольствомъ братьевъ Ягайло и взволновали Русь, но и эти ихъ попытки не удались: Витовтъ помирился съ Ягайло въ 1392 году, который возвратилъ ему великокняжескій престолъ. И Польша снова заняла видное политическое положеніе въ восточной Европѣ, чему въ особенности способствовало вторичное присоединеніе Червонной Руси къ Польшѣ. Не только меченосцы, но и другія европейскія державы смотрѣли на Польшу съ завистью и боязнью. Такъ, Сигизмундъ венгерскій и Владиславъ чешскій, не вступая въ открытый союзъ съ меченосцами противъ Польши, тѣмъ не менѣе играли недостойную комедію обмана; они навязывали себя въ качествѣ посредниковъ, брали съ меченосцевъ деньги, обѣщали идти войной на Польшу, а въ дѣйствительности желали только погубить или, по крайней мѣрѣ, ослабить, какъ тевтонскій орденъ, такъ и Польшу. Поэтому и миръ, заключенный въ 1404 году не имѣлъ никакого значенія, это было лишь приготовленіе къ окончательной борьбѣ, къ которой приготовлялись обѣ враждующія стороны. И, дѣйствительно, война вспыхнула въ слѣдующемъ же году. Витовтъ занялъ Жмудь, захваченную прежде орденомъ; политика войны востержествовала тоже и въ Польшѣ и 15 іюля 1410 года враги встрѣтились подъ Грюнвальдомъ,—сраженіе, которое по размѣрамъ своимъ не представляло до сихъ поръ ничего подобнаго въ средневѣковой исторіи. Ни одно изъ тогдашнихъ европейскихъ государствъ не въ состояніи было выставить такихъ громадныхъ вооруженныхъ силъ,— потому что феодальная система ослабляла силы европейскихъ государствъ. Короли зависѣли отъ доброй воли или каприза своихъ вассаловъ и къ тому же нуждались въ деньгахъ. Совершенно въ другомъ положеніи находились Польша и орденъ. Оба эти государства не знали въ своей исторической жизни феодализма и, въ теченіе ста лѣтъ приготовляясь къ смертельной борьбѣ, были такъ организованы, что въ данную минуту могли воспользоваться всѣми своими силами. Такимъ образомъ, на поляхъ Грюнвальда долженъ былъ разрѣшиться столѣтній споръ между германизмомъ, представителемъ котораго былъ орденъ, и славянствомъ, во главѣ котораго стояла тогдашняя Польша. На этотъ разъ побѣда осталась за славянствомъ, благодаря главнымъ образомъ энергіи и военному генію Витовта. Къ сожалѣнію, поляки не сумѣли немедленно воспользоваться побѣдой и война затянулась. Только въ 1411 году въ Торнѣ былъ заключенъ миръ, въ силу котораго Польша получила Добржинскую землю, а Литва—Жмудь. Тѣмъ не менѣе, грюнвальдское пораженіе лишило орденъ его обаянія; ослабленіе и упадокъ

ордена съ этой минуты дѣлается очевиднымъ, а Польша въ соединенiи съ Литвой сдѣлалась однимъ изъ могущественнѣйшихъ государствъ тогдашней Европы. На съѣздѣ въ Городлѣ въ 1413 году совершилась другая унiя: унiя польской шляхты съ литовскими боярами, которые получили польскiе гербы. Кромѣ того, въ Литвѣ учреждено было воеводство и каштелянство, вводя въ Литву польскую государственную организацiю и приготовляя такимъ образомъ болѣе тѣсный союзъ между двумя народами. Въ виду этого болѣе тѣснаго союза двухъ народностей, городельскiй съѣздъ установилъ кромѣ того, чтобы возобновлялись отъ времени до времени подобные съѣзды въ Люблинѣ или Парчовѣ, гдѣ бы рѣшались главнѣйшiя государственныя дѣла. Главнымъ, однако-жъ, постановленiемъ унiи было рѣшенiе, что послѣ смерти Ягайло и Витовта, ни Литва не будетъ выбирать себѣ великаго князя безъ согласiя поляковъ, ни Польша — короля безъ согласiя литовцевъ.

Такимъ образомъ, былъ окончательно введенъ въ политическую жизнь Польши и Литвы не только принципъ унiи этихъ двухъ народностей, но также и принципъ избиранiя королей со всякимъ устраненiемъ наслѣдственности королевской власти. Городельская унiя, хотя и установила перiодическiе съѣзды польской и литовской шляхты, но тѣмъ не менѣе не склонила литовцевъ отказаться отъ ихъ личныхъ стремленiй независимо отъ Польши. За то съѣзды окончательно вошли въ политическiе нравы государства. Съѣзды эти обыкновенно были двухъ родовъ: первый родъ съѣздовъ состоялъ изъ епископовъ и главнѣйшихъ должностныхъ лицъ; они имѣли мѣсто обыкновенно весной. Съѣзды второго рода состояли почти исключительно изъ государственныхъ дѣятелей, собирались осенью и приготовляли дѣла для разсмотрѣнiя весеннихъ съѣздовъ. Такимъ образомъ, польская монархiя фактически превратилась въ олигархiю. На польскомъ престолѣ находился Владиславъ-Ягайло, — человѣкъ спокойный, но чрезвычайно честолюбивый. Будучи подозрительнымъ и скрытнымъ, онъ никогда не опирался продолжительно на того или другого совѣтника, но въ то же время допускалъ влiянiе на себя различнымъ лицамъ. Такимъ образомъ, Польшею въ сущности управляли политическiя партiи, изъ которыхъ каждая поочередно имѣла въ государственныхъ дѣлахъ перевѣсъ, благодаря тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ. Вокругъ короля образовалась, такимъ образомъ, сильная олигархическая партiя; въ этой партiи польская церковная iерархiя составляла отдѣльную, но идущую впереди, фракцiю. Прошли тѣ времена, когда польская церковь удовлетворялась самоуправленiемъ, даннымъ ей государствомъ; теперь принятiе христiанства Литвой и обращенiе Ягайло выдвинули польскую церковь на первый планъ и церковная iерархiя достигла первенствующаго положенiя въ государствѣ, никому не думая уступать. Это положенiе, занятое духовными сановниками, было тѣмъ болѣе прочное, что оно основывалось на европейскомъ образованiи и серьезномъ знанiи. Въ духовные шли люди способные, честолюбивые, молодые, которымъ судьба не позволяла сдѣлаться влiятельными вельможами. Еще до принятiя священническаго сана они получали викарiи, пробства, пребендiи, что давало имъ средства усовершенствовать свои знанiя и развить умъ. Въ прежнiя времена за образованiемъ приходилось ѣздить за-границу. Казимировскiй университетъ почти исключительно имѣлъ направленiе юридическое и по смерти великаго короля, среди междоусобицъ, окончательно упалъ. Тѣмъ не менѣе, церковная iерархiя, достигнувъ преобладанiя въ государствѣ, подумала поднять его значенiе. Королева Ядвига, умирая (въ 1399 году) отказала все свое состоянiе на пользу университета и Ягайло добросовѣстно выполнилъ послѣднюю волю покойной королевы. Такимъ образомъ, былъ основанъ, съ разрѣшенiя папы Бонифацiя IX, въ 1400 году университетъ, состоявшiй изъ четырехъ отдѣловъ или факультетовъ: богословiи, юриспруденцiи, физики, (такъ называлась медицина) и свободныхъ наукъ. Науки преподавались въ очень широкомъ объемѣ. Свободныя науки заключали въ себѣ филологiю, философiю, политику, естественныя науки, математику и астрономiю; онѣ преподавались по сочиненiямъ Аристотеля, Цицерона, Птоломея и разныхъ средневѣковыхъ писателей. На юридическомъ факультетѣ

объяснялось католическое и римское право,—на медицинскомъ—сочиненія Гиппократа, Галена, Авиценны; на богословскомъ — священное писаніе Петра Ломбарди и Ѳомы Аквитинскаго. Философское отдѣленіе было приготовительнымъ для трехъ другихъ факультетовъ. Образцомъ новаго университета долженъ былъ быть уже Парижъ, а не Болонья. На мѣсто студенческой республики, въ которой юридическія науки играли главнѣйшую роль и господствовалъ свѣтскій духъ, какъ въ Болоньи, возникъ университетъ съ полумонастырскимъ устройствомъ, гдѣ преобладающимъ значеніемъ пользовалось богословіе, а власть сосредоточивалась въ рукахъ профессоровъ, ректора и краковскаго епископа. Подъ опекой краковскаго университета, какъ высшаго учебнаго заведенія, находились въ Пултускѣ, Познани, Плоцкѣ, Варшавѣ, Львовѣ и другихъ городахъ — низшія школы, такъ-называемыя академическія колоніи, въ которыхъ преподавались лишь приготовительныя науки по образцу философскаго отдѣленія въ Краковѣ. Такимъ образомъ, краковскій университетъ съ обще-европейскимъ направленіемъ, наполненный молодежью, не только польскою, но изъ Чехіи, Венгріи и Германіи, знакомилъ молодыхъ людей во всей полнотѣ съ тѣми знаніями, въ которыхъ сосредоточивалась тогдашняя наука, представительницей которой была тогдашняя статистика съ сильно богословскимъ оттѣнкомъ. То же направленіе поддерживалось и доканчивалось заграничными путешествіями, такъ что полякъ, послѣ продолжительнаго пребыванія за-границей, возвращаясь на родину, не былъ уже простодушнымъ селяниномъ эпохи Пястовъ, но человѣкомъ, находившимся на уровнѣ тогдашняго высшаго образованія. Самые способные изъ нихъ занимали въ свою очередь университетскія кафедры, или же работали въ качествѣ секретарей въ канцеляріяхъ епископовъ и короля, и, такимъ образомъ, имѣли право подняться, достигнуть высшихъ должностей.

Меченосцы представляли свое пораженіе подъ Грюнвальдомъ, какъ побѣду варварства, ереси и язычества надъ дѣломъ католической церкви и цивилизаціи и, указывая на себя, какъ на защитниковъ этой церкви и этой цивилизаціи, требовали защиты и помощи закона. Но если послѣ грюнвальдскаго пораженія орденъ не могъ уже подняться, — то очевидно, что Польша наконецъ, сорвала съ него маску и доказала, что не орденъ, а она является на этотъ разъ защитницей церкви и цивилизація. Для этого вскорѣ представился удобный случай на костантскомъ соборѣ, созванномъ въ 1414 году для уничтоженія гуситской ереси. Польское посольство, во главѣ котораго стоялъ Николай Тромба, гнезненскій архіепископъ, принимая самое дѣятельное участіе во всѣхъ работахъ собора,— доказало, что Польша и теперь имѣетъ людей, которые смѣло могутъ соперничать съ самыми авторитетными учеными Запада.

Владиславъ Ягайло умеръ въ 1434 г. слѣдовательно, царствовалъ безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ и умеръ на восемьдесятъ третьемъ году жизни; онъ былъ женатъ четыре раза: на Ядвигѣ венгерской († въ 1399 г.), на Аннѣ Цилейской († въ 1416 г.), на Елисаветѣ изъ Пилецкихъ Грановской († 1420 г.) и Софіи, русской княжнѣ, дочери Юрія, князя Ольшанскаго. Отъ послѣдней жены Ягайло имѣлъ двухъ сыновей: Владислава Варненчика и Казимира Ягайлончика.

Владиславу III Варненчику было всего 10 лѣтъ, когда умеръ престарѣлый Ягайло. Это обстоятельство возбудило снова раздоры среди вельможъ; тѣмъ не менѣе, съ помощью Збигнѣва олучницкаго, епископа краковскаго, Владиславъ былъ признанъ королемъ и коронованъ въ Краковѣ въ 1434 году. До совершеннолѣтія короля были установлены правители или «провиторы» въ каждомъ воеводствѣ, съ ежегоднымъ жалованьемъ въ 50 гривенъ. Съ другой стороны, по смерти Витовта въ 1430 году, Свидригайло надѣялся получить литовскій великокняжескій престолъ. Съ этою цѣлью онъ воспользовался татарами, Русью, чехами и даже выступилъ противъ великаго князя Сигизмунда. Поляки въ помощь Литвѣ прислали 3,000 рыцарства. Въ 1435 году Свидригайло былъ на-голову разбитъ и Сигизмундъ остался намѣстникомъ. Въ 1439 году, достигнувъ совершеннолѣтія, Владиславъ совершилъ присягу передъ народомъ на петроковскомъ съѣздѣ и вступилъ въ управленіе королевствомъ. Въ слѣдующемъ году венгры, испу-

ганные увеличенiемъ могущества турокъ, предложили Владиславу венгерскiй престолъ. Владиславъ принялъ и уже въ апрѣлѣ выѣхалъ въ Венгрiю въ сопровожденiи четырехъ тысячъ польской шляхты. Между тѣмъ, въ минуту королевскаго отъѣзда изъ Литвы пришло извѣстiе, что князья Иванъ и Александръ Чарторыжскiе умертвили великаго князя Сигизмунда. На его мѣсто король назначилъ брата своего Казимира. Владиславъ былъ коронованъ въ томъ же году королемъ венгерскимъ. Вскорѣ возникла война съ турками. Первый походъ былъ вполнѣ удаченъ; въ Сигединѣ было заключено десятилѣтнее перемирiе; за исключенiемъ Болгарiи, которая осталась подъ властью Турцiи, остальные славяне и войска были освобождены. Тѣмъ не менѣе, при помощи папы, Владиславъ нарушилъ это перемирiе и въ 1444 году снова напалъ на Турцiю. Разбитый на-голову подъ Варной, король въ томъ же году умеръ. Въ Польшѣ долгое время не вѣрили, что Владиславъ умеръ; говорили, что король въ неволѣ, что продолжаетъ бороться. Это обстоятельство отдалило на нѣкоторое время избранiе короля.

Казимиръ, страстно любившiй Литву, долгое время не хотѣлъ вступить на польскiй престолъ, предлагаемый ему поляками; и только въ 1446 году, когда съѣздъ въ Петроковѣ провозгласилъ королемъ Болеслава, князя мазовецкаго, Казимиръ принялъ предложенiе и былъ коронованъ въ Краковѣ. Казимиръ стремился къ полному самодержавiю. Такимъ образомъ, признавъ въ 1448 году папой Николая V, Казимиръ получилъ отъ него право утвержденiя епископовъ и настоятелей монастырей, вслѣдствiе чего онъ въ извѣстной степени получилъ власть надъ духовенствомъ. Съ другой стороны, не желая подтвердить ни правъ, ни привилегiй королевства, ему казалось, что онъ въ состоянiи будетъ сломать оппозицiю шляхты. Взамѣнъ этого, Казимиръ выдавалъ множество такъ-называемыхъ королевскихъ посланiй, съ помощью которыхъ вмѣшивался въ атрибуты судовъ, администрацiй, государственнаго хозяйства. Такъ какъ вислицкiй статутъ не отвѣчалъ уже потребностямъ Польши, а со времени варженскаго статута законодательная дѣятельность королей прiостановилась,—то, понятно, господствовала всеобщая безурядица, когда начали ссылаться на обычаи. Наконецъ, послѣ шестилѣтней постоянной борьбы король, увидѣвъ, что дѣло доходитъ до открытаго возстанiя, подтвердилъ прежнiя привиллегiи. При такихъ обстоятельствахъ въ 1454 году случилось событiе обще-европейской важности. Въ то время, когда король праздновалъ свою свадьбу въ Краковѣ, явились въ польскую столицу прусскiе послы съ предложенiемъ отдать во власть короля польскаго всю Пруссiю. И, дѣйствительно, состоянiе Пруссiи, благодаря порядкамъ тевтонскаго ордена, было поистинѣ отчаяннымъ. Притѣсненiе превосходило все, что только возможно себѣ представить. Предложенiе прусскихъ пословъ было принято королемъ, но война съ меченосцами тѣмъ не менѣе оказалась неизбѣжною. Шляхта съ радостью приняла ее. Шляхта знала, что король, нуждаясь въ ней, сдѣлаетъ ей существенныя уступки; король, въ свою очередь, во внѣшней войнѣ видѣлъ усиленiе своей власти и свое освобожденiе отъ олигархiи. Тѣмъ не менѣе, польскiе вельможи, во главѣ которыхъ стоялъ Збигнѣвъ олесницкiй, воспротивились присоединенiю Пруссiи къ Польшѣ. Но король на этотъ разъ рѣшился сломить волю польскихъ вельможъ; онъ обратился къ людямъ болѣе молодымъ, между которыми первую роль играли доктора римскаго и каноническаго права. Всѣ они были страстными приверженцами независимости государства стремясь къ преобразованiю стараго порядка вещей, и въ особенности — открытыми врагами теократическаго правленiя, которое со времени царствованiя Владислава Ягайло все болѣе и болѣе прiобрѣтало значенiя. Съ ихъ помощью Казимиръ сломилъ оппозицiю совѣта и война была рѣшена. Издавъ актъ присоединенiя Пруссiи къ Польшѣ, Казимиръ въ маѣ вступилъ въ присоединенныя земли съ армiей. Меченосцы располагали нѣсколькими только крѣпостями, но рѣшились защитить ихъ; къ тому же изъ Германiи приближались войска. Король Казимиръ созвалъ поэтому повсемѣстное ополченiе великопольскихъ земель. Рыцарство собралось быстро и грозило разогнать нѣмцевъ батогами. Король явился въ лагерь 12 августа и тогда рыцарство выступило со своими требованiями и получило такъ-называемую

церенвицкую привиллегію. Тѣмъ временемъ непріятель подошелъ и въ битвѣ подъ Хойницей разбилъ на-голову польское рыцарство. Съ польской стороны погибло болѣе 3,000 человѣкъ и цвѣтъ польскаго рыцарства. Король былъ утѣшенъ послами прусскихъ городовъ, которые обѣщали ему всякую помощь. На этомъ основаніи, въ октябрѣ того-же года, несмотря на зимнюю пору, король вторично созвалъ рыцарство со всѣхъ коронныхъ земель съ цѣлью отмстить за хойницкое пораженіе. Съ рыцарствомъ король выступилъ въ Нишаву, гдѣ намѣревался переправиться черезъ Вислу. Тутъ снова повторилась церенвицкая смута. Шляхта до тѣхъ поръ не хотѣла переправиться черезъ Вислу, пока король не приметъ средства для искорененія злоупотребленій. Каждое воеводство заявляло свои требованія и такимъ образомъ возникъ цѣлый рядъ статутовъ для каждой земли, подъ общимъ названіемъ нешавскаго статута.

Статуты эти дѣлятся по своему содержанію на три части. Въ первой части опредѣлены обязанности короля; во второй организація суда; третья часть посвящена общественно-политическимъ отношеніямъ. Главною отличительною чертою нешавскаго статута является очевидное стремленіе шляхты занять первенствующее мѣсто въ государствѣ, т. е., другими словами, подчинить всѣ другія сословія шляхтѣ. Такъ, статутъ даруетъ шляхтѣ свободу торговли; города принуждаются къ выдачѣ бѣглыхъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ особенномъ параграфѣ формально постановлено, что власть введенія новыхъ установленій, а также созваніе шляхты къ ополченію, исключительно принадлежатъ шляхетскимъ сеймамъ. Великая Польша опредѣляетъ мѣсто своихъ сеймовъ въ Шродзѣ, серодзская земля — въ Серадзѣ. Малая Польша, — страна по преимуществу олигархическая,—не опредѣлила мѣста своихъ сеймовъ. Получивъ эти привилегіи, рыцарство двинулось въ хелминскую землю. Но походъ тѣмъ не менѣе ничѣмъ не кончился. Въ Лашинѣ король отпустилъ шляхту, которая не одобрила собиранія дани на дальнѣйшее веденіе войны. Этотъ неудачный походъ прежде всего имѣлъ слѣдствіе полнѣйшаго недовѣрія пруссаковъ къ Польшѣ. Распространились даже слухи, что Торнъ и Данцигъ думаютъ присоединиться къ нѣмцамъ, что Королевецъ (Кенигсбергъ) уже перешелъ къ нѣмцамъ и польское дѣло погибаетъ въ Пруссіи. Вслѣдствіи этого, въ 1455 году снова было созвано ополченіе, которое и двинулось въ Пруссію. Но олигархія и тутъ помѣшала дѣлу, къ тому же голодъ и недостатокъ въ пищѣ принудили поляковъ къ отступленію. Тутъ шляхта издала цѣлый рядъ постановленій, которыя хотя и не вошли въ жизнь, тѣмъ не менѣе важны, какъ проявленіе чрезвычайнаго значенія, до котораго достигла шляхта. Въ этихъ постановленіяхъ участвовала по преимуществу партія дѣйствія, стремившаяся, во что бы то ни стало, къ радикальной государственной реформѣ. Эта партія требуетъ, чтобы кмети и духовные платили лишнюю дань; чтобы духовенство, кромѣ того, отдавало на потребности государства половину своихъ доходовъ; чтобы король съ частью рыцарства на всю зиму поселился въ Торнѣ для наблюденія за прусскими дѣлами. Эти постановленія были провозглашены на базарахъ и городскихъ площадяхъ всей Польши. Начались поборы съ духовенства и современный лѣтописецъ, возмущенный этимъ порядкомъ, пишетъ: «во всемъ этомъ оказалось потакательство совѣтниковъ и грубіянство крестьянъ; они накликали на короля позоръ, налагая на Божьихъ слугъ, какъ бы на невольниковъ и наемниковъ, не покорною просьбою, а приказомъ вышеупомянутые поборы». Тѣмъ не менѣе, эта первая попытка не удалась. Петроковскій съѣздъ окончательно ихъ устранилъ; но, во всякомъ случаѣ, дѣло касалось полнѣйшаго торжества шляхты, и хотя эта первая проба не удалась, шляхта тѣмъ не менѣе настойчиво стремилась осуществить свое самодержавіе до тѣхъ поръ, пока не достигла наконецъ цѣли, чѣмъ и погубила Польшу.

Война съ меченосцами по прежнему продолжалась, съ обѣихъ сторонъ веденная неумѣло. Казимиръ Ягайлончикъ упорно настаивалъ на своемъ. Всѣхъ перипетій этой продолжительной борьбы королевской власти со шляхтой не можемъ здѣсь разсказывать, и если мы упоминаемъ объ ней, то потому только, что, благодаря ей, внутренняя организація Польши окончательно

измѣнилась. Въ концѣ двѣнадцатилѣтней войны, послѣ того, какъ погибло болѣе 300 тысячъ человѣкъ и весь лѣвый берегъ Вислы остался въ польскихъ рукахъ,—великій магистръ предложилъ миръ, который и былъ заключенъ въ Торнѣ 19 октября 1466 года. На основаніи этого трактата Польша возвращала себѣ данцигское Поморье (Померелію) съ землями хелминской и михаловской; къ ней же переходилъ Мальборгъ, котораго Казиміръ не хотѣлъ оставить меченосцамъ, а также варминское княжество. Восточная Пруссія съ Королевцемъ осталась меченосцамъ съ признаніемъ, однако-жъ, верховенства польской короны.

Кромѣ торнскаго мира, царствованіе Казимира Ягайлончика ознаменовалось еще тремя событіями, имѣвшими важное значеніе. Первымъ изъ этихъ событій была организаціи польскаго сейма въ 1468 году въ Петроковѣ, на которомъ мы видимъ двухъ депутатовъ (пословъ) изъ каждой коронной земли; это было первымъ рѣшительнымъ шагомъ шляхты къ полнѣйшему самодержавію. Вторымъ событіемъ было значительное увеличеніе могущества великаго княжества московскаго. Царствовалъ тогда въ Москвѣ Іоаннъ III Васильевичъ. Освободивши великое княжество Московское изъ подъ татарскаго ига, онъ подчинилъ себѣ Новгородъ и угрожалъ Литвѣ. Въ 1482 году вмѣстѣ съ Мартиномъ Корвиномъ онъ даже затѣвалъ походъ противъ Польши, который, однако-жъ, не осуществился. Только впослѣдствіи обнаружилась крайняя опасность такого сосѣдства для Польши. Третьимъ, наконецъ, событіемъ было избраніе въ короли Чехіи пятнадцатилѣтняго Владислава, старшаго сына Казимира. Король Казиміръ хотѣлъ всѣмъ своимъ сыновьямъ оставить по престолу. Владиславъ былъ уже королемъ чешскимъ; оставались еще три сына: Янъ Ольбрихтъ, Александръ и Сигизмундъ. Когда въ 1490 году умеръ Мартинъ Корвинъ, король венгерскій, Казиміръ предложилъ Ольбрихта въ кандидаты на венгерскій престолъ; тѣмъ не менѣе рядомъ съ другимъ кандидатомъ явился также и братъ Ольбрихта—Владиславъ чешскій. Между братьями возникла вражда: Ольбрехтъ, разбитый подъ Кошицами, принужденъ былъ уступить свои права брату. Казиміръ умеръ въ Гроднѣ 1492 года. Передъ смертью онъ заклиналъ поляковъ избрать себѣ въ короли Ольбрихта, а Александра сдѣлать великимъ княземъ литовскимъ.

Литва, не дожидаясь поляковъ, предложила престолъ Александру. Въ Литвѣ, съ теченіемъ времени, изчезло воспоминаніе о городельской уніи и теперь они открыто стремились къ полнѣйшей отъ Польши независимости. Въ Польшѣ собрался петроковскій съѣздъ для избранія короля. Рядомъ съ Ольбрихтомъ появился въ качествѣ кандидата на престолъ князь Янушъ мазовецкій. Тѣмъ не менѣе, Янъ Ольбрихтъ былъ избранъ королемъ и короновался въ Краковѣ.

Вмѣстѣ со смертію Казимира шляхетская анархія, сдерживаемая до тѣхъ поръ желѣзной рукой Казимира,—снова приподняла голову. Литовскіе бояре посадили на великокняжескій престолъ Александра, выторговавъ себѣ новыя привиллегіи; польскіе-же паны въ свою очередь, собираясь на выборный съѣздъ въ Петроковѣ, имѣли въ виду выговорить себѣ подобнаго же рода привиллегіи. Они предлагали польскій престолъ различнымъ кандидатамъ и въ томъ числѣ даже князьямъ мазовецкимъ. Видя эту анархію, Янъ Ольбрихтъ вступилъ въ Петроковъ съ вооруженною силою и заставилъ себя признать королемъ. Руководимый своимъ бывшимъ наставникомъ итальянцемъ Буонакорси, извѣстнымъ подъ именемъ гуманиста Калимаха, новый король, во избѣжаніе новыхъ замѣшательствъ, заключилъ въ 1492 году трактатъ съ братомъ своимъ Владиславомъ въ Буддѣ, въ силу котораго братья гарантируютъ другъ другу помощь на случай внутреннихъ междоусобицъ. Тѣмъ не менѣе. Янъ Ольбрихтъ вступилъ въ союзъ также и со шляхтой. Два великихъ сейма были посвящены этому дѣлу. На нихъ были обезпечены права шляхты, былъ введенъ порядокъ въ земскіе и городскіе суды. Къ несчастью, Ольбрехтъ въ этихъ уступкахъ пошелъ слишкомъ далеко. Такъ, шляхта получила возможность присвоить себѣ всѣ церковныя помѣстья во вредъ интеллигенціи, развивавшейся изъ духовнаго сословія; еще вреднѣе для будущаго Польши были другія уступки: шляхта была освобождена

отъ всякихъ налоговъ; мѣщане потеряли право земельной собственности; привилегіи, данныя также евреямъ, были уничтожены; крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ. Такимъ образомъ, съ этой минуты королевская власть въ Польшѣ навсегда теряла законодательную власть; народъ оказался прикрѣпленнымъ къ землѣ, и вся власть во всей своей полнотѣ переходила теперь въ руки сеймовъ, т. е., другими словами—въ руки шляхты. Подобныя уступки примирили шляхту съ королемъ, которая стала его поддерживать противъ олигархіи магнатовъ. И теперь сильная, спокойная Польша могла позаботиться о внѣшнихъ дѣлахъ.

Прежде всего оказался необходимъ походъ въ Валахію. Благосостояніе Польши и Литвы главнымъ образомъ основано было на торговлѣ, въ которой Польша и Литва являлись посредниками между Западомъ и Востокомъ на двухъ важнѣйшихъ торговыхъ путяхъ того времени,—путяхъ, соединявшихъ Балтійское море съ Чернымъ. Первый путь начинался въ Крыму и черезъ Кіевъ и Вильно направлялся въ Королевецъ и Ригу. Началомъ второго былъ Бѣлградъ, дальнѣйшими станціями: Сучова (столица Валахіи), Львовъ, Краковъ, гдѣ этотъ путь раздѣлялся съ одной стороны на Бреславль, съ другой на Данцигъ. Теперь оба эти пути были заняты татарами и турками. Польшѣ поэтому приходилось возвратить ихъ себѣ, завоевывая такимъ образомъ Крымъ съ одной стороны и Бѣлградъ съ другой. На первый разъ — дѣло касалось выполненія первой задачи. Но дорога на Бѣлградъ шла черезъ Валахію, которую турки могли всегда занять, а съ нею отпереть себѣ путь на Русь и Польшу. Такимъ образомъ, походъ въ Валахію былъ весьма важнымъ дѣломъ польской политики. Тѣмъ не менѣе успѣха не послѣдовало. Прежде всего братья Ольбрихта не выполнили условій. Одинъ Александръ, великій князь литовскій, выслалъ небольшой отрядъ, самъ-же съ литовскимъ войскомъ стоялъ въ Бреславлѣ, угрожая татарамъ и наблюдая за Москвой. Неспособный Владиславъ венгерскій не только не прислалъ помощи, но не удержалъ даже венгровъ отъ поддержки валаховъ. Ольбрихтъ осадилъ, однако, Сучову, но постоянныя нападенія Стефана съ татарами, недостатокъ припасовъ, возбудили неудовольствіе въ лагерѣ, а потому рѣшено было возвратиться, проходя черезъ буковинскій лѣсъ; тутъ-то и потерпѣли поляки полное пораженіе. На этомъ, однако, не кончилось. На Польшу напалъ султанъ Баязетъ. Турки опустошали Червонную Русь до тѣхъ поръ, пока суровая зима не принудила ихъ къ отступленію. Это была первая война поляковъ съ турками. Это ужасное пораженіе привело Ольбрихта въ отчаяніе; мысль кровавой мести постоянно его мучила; онъ мечталъ о лигѣ Польши съ Литвой противъ турокъ, но смерть его, наступившая въ 1501 году, уничтожила эти планы. Буковинское пораженіе, тѣмъ не менѣе, имѣло и хорошія для Польши послѣдствія. Южная Русь, оттиснутая отъ моря татарами и турками, потеряла свои торговые пути — Днѣстръ, Бугъ и Днѣпръ, потеряла основы своего экономическаго благосостоянія и, такимъ образомъ, принуждена была искать тѣснаго союза съ Польшею. Съ другой стороны, быстрый ростъ московскаго царства заставилъ Литву искать болѣе тѣснаго сношенія съ Польшею. Вслѣдствіе этого унія между Польшею и Литвою была возобновлена, и когда бракъ Александра съ Еленою, дочерью царя Ивана, не отстранилъ новой войны, когда Путивль, Брянскъ и Доробужъ попали въ руки царя Ивана, когда Константинъ Острожскій, гетманъ литовскій, потерпѣлъ пораженіе при Ведрошѣ, — литовцы бросились въ объятія поляковъ. Подъ вліяніемъ этихъ событій состоялся выборъ Александра королемъ польскимъ и подтвержденіе уніи въ Мельникѣ въ 1501 году. Обѣ стороны обязались вмѣстѣ избирать королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, вмѣстѣ присутствовать на сеймахъ и вмѣстѣ вести войны.

Послѣ коронаціи король Александръ выѣхалъ немедленно на Литву, чтобы приготовиться къ войнѣ съ Москвою; война эта, однако, не привела ни къ какимъ результатамъ и съ помощью папы и венгерскаго короля былъ заключенъ миръ въ 1504 году. Польша, между тѣмъ, постоянно подвергалась нападеніямъ татаръ, а въ Литвѣ возникли раздоры и междоусобицы, благодаря князю Михаилу Глинскому, любимцу короля. Глинскій, ненавидя Яна Забржезин-

скаго, воеводу трокскаго, уговорилъ короля отнять у него воеводство. Это вызвало всеобщее негодованіе. На сеймѣ въ Радомѣ въ 1505 году Литва высказалась противъ короля. Этотъ же сеймъ имѣетъ важное значеніе еще и тѣмъ, что шляхта выторговала себѣ новыя привиллегіи, которыя окончательно измѣнили всю будущность Польши. Радомскій сеймъ постановилъ, что король не имѣетъ права рѣшать дѣлъ безъ единогласнаго соизволенія сенаторовъ и земскихъ пословъ (sine communi consensu); съ этой минуты можно считать существованіе, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, знаменитаго впослѣдствіи «liberum veto». Затѣмъ было рѣшено, что только шляхтичъ имѣетъ право быть епископомъ, прелатомъ или каноникомъ, исключая совершенно «плебеевъ».

Въ маѣ 1506 года Литва снова подверглась нападенію татаръ. Король обнародовалъ всеобщее ополченіе, а самъ, хотя больной, отправился въ Литву, гдѣ должна была собираться шляхта, а оттуда въ Вильно. Главное начальство надъ арміей было поручено Михаилу Глинскому, который и разбилъ на-голову татаръ подъ Клецкомъ. Извѣстіе объ этой побѣдѣ застало короля уже умирающимъ. Онъ умеръ въ 1506 году, не оставивъ послѣ себя потомства.

Литовцы, боясь, чтобы «гордый побѣдою» князь Михаилъ Глинскій не захватилъ великокняжескаго престола, о которомъ давно мечталъ, предложили его Сигизмунду, пятому сыну Казимира Ягайлончика. Въ Польшѣ на петроковскомъ съѣздѣ онъ точно также былъ провозглашенъ королемъ. Любимецъ покойнаго короля Александра, Глинскій, проведшій долгое время за-границею, умѣвшій вездѣ пріобрѣсти расположеніе умовъ, былъ искусенъ въ дѣлѣ ратномъ. Сильная привязанность Александра къ Глинскому, могущество и богатство послѣдняго, возбудили зависть и вражду въ остальныхъ панахъ литовскихъ. Новый король, Сигизмундъ, былъ уже предубѣжденъ противъ князя Михаила и явно склонялся на сторону враговъ его. Тогда Глинскій удалился отъ двора въ свои имѣнія и завелъ переписку съ великимъ княземъ московскимъ, который обѣщалъ ему помощь на всѣхъ его непріятелей. Въ 1507 году начались непріятельскія дѣйствія вступленіемъ московскихъ полковъ въ литовскую землю; Глинскій волновалъ Русь и соединился съ войсками царя Василья; Сигизмундъ не видѣлъ возможности кончить съ успѣхомъ эту войну и рѣшился прекратить ее важнымъ пожертвованіемъ со своей стороны, именно уступилъ царю Василью въ вѣчное владѣніе пріобрѣтенія Іоанна III. Вѣчный миръ или докончаніе, какъ тогда называли, было заключено въ сентябрѣ 1508 года, при чемъ Глинскимъ и ихъ пріятелямъ выговоренъ былъ свободный выѣздъ изъ Литвы въ Москву. Понятно, что Михаилъ Глинскій не могъ быть доволенъ этимъ миромъ: онъ потерпѣлъ полную неудачу въ своихъ замыслахъ, принужденъ былъ покинуть родную страну, отказаться отъ богатыхъ владѣній, за которыя великій князь московскій не могъ вознаградить его ни обширными волостями, ни важнымъ значеніемъ при дворѣ своемъ. Вотъ почему даровитый, ловкій и дѣятельный Глинскій употреблялъ всѣ усилія на возвращеніе себѣ прежняго положенія, для чего должна была служить новая война Москвы съ Литвою. Обстоятельства благопріятствовали; Альбрехтъ, маркграфъ бранденбургскій и вмѣстѣ магистръ тевтонскаго ордена, готовился къ войнѣ съ королемъ польскимъ; императоръ, другіе князья нѣмецкіе и ливонскіе поддерживали его. Поводомъ къ войнѣ послужилъ слухъ о непріятностяхъ, которымъ подвергается сестра великаго князя, Елена, въ Литвѣ, и стараніе короля Сигизмунда возбудить крымскихъ татаръ противъ Москвы. Война началась въ 1512 году; три раза царь Василій осаждалъ Смоленскъ, но только въ 1514 году этотъ крѣпкій городъ принужденъ былъ къ сдачѣ. Глинскій надѣялся, что великій князь отдастъ ему Смоленскъ, но обманулся въ своей надеждѣ, и видя, что ему нечего больше ждать отъ Москвы, завелъ сношенія съ королемъ Сигизмундомъ, который охотно принималъ его опять къ себѣ на службу; но переговоры эти были открыты, Глинскій схваченъ и въ оковахъ отвезенъ въ Москву.

Торжество взятія Смоленска было помрачено сильнымъ пораженіемъ, которое потерпѣли

московскія войска у Орши 8 сентября 1514 года: здѣсь князь Константинъ Острожскій, начальствовавшій снова полками литовскими, отомстилъ москвичамъ за ведрошское пораженіе. Но король не могъ извлечь для себя никакой пользы изъ оршанской побѣды, не могъ возвратить себѣ Смоленска, пріобрѣтеніе котораго для царя Василія служило достаточнымъ вознагражденіемъ за всѣ потери. Послѣ оршанской битвы война продолжалась еще семь лѣтъ безъ всякаго особеннаго успѣха съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ, въ 1522 году заключено было перемиріе, при чемъ Смоленскъ остался за Москвою до заключенія вѣчнаго мира; но вѣчнаго мира между Москвою и Литвою не увидятъ ни шестнадцатый, ни первая четверть семнадцатаго столѣтій, именно, благодаря Смоленску, который обѣ стороны могли уступить на-вѣки только въ самой крайности.

Слѣдуетъ, однако-жъ, прибавить, что московская война не была изолированнымъ фактомъ; она была, если можно такъ выразиться, первымъ признакомъ цѣлой новой системы, которая возникла въ международныхъ сношеніяхъ Европы въ началѣ XVI столѣтія. Средневѣковое преобладаніе папства и имперіи окончательно упало. Вслѣдствіе этого рознь и вражда между отдѣльными государствами значительно обострились. Не имѣя теперь высшаго трибунала, который бы рѣшалъ спорныя дѣла, европейскія государства не могли существовать независимо; поэтому каждому изъ нихъ приходилось искать союзниковъ. Такимъ образомъ возникали союзныя группы, уравновѣшивавшія отдѣльныя силы. Отсюда новая система, названная системой европейскаго равновѣсія. Въ царствованіе Сигизмунда I-го Польша должна была занять видное мѣсто въ системѣ этого равновѣсія. Всѣ ея внѣшнія дѣла: война съ Москвой, окончательное уничтоженіе тевтонскаго ордена, захватъ береговъ балтійскаго моря, борьба съ татарами, покореніе береговъ Чернаго моря и, наконецъ, дѣло наслѣдства Ягайлоновъ въ Чехіи и Венгріи,—всѣ эти дѣла могли быть разрѣшены только съ помощью этой системы равновѣсія. Въ своихъ намѣреніяхъ Сигизмундъ нашелъ драгоцѣнную помощь въ канцлерѣ Янѣ Ласскомъ. Подъ его вліяніемъ король обратилъ прежде всего вниманіе на преобладаніе Польши въ Чехіи и Венгріи, преобладаніе, которому угрожали теперь растущія претензіи Габсбурговъ. На престолѣ этихъ государствъ сидѣлъ престарѣлый и неспособный Владиславъ Ягайлончикъ. Сынъ его, еще ребенокъ, былъ такого слабаго здоровья, что не надѣялись на его жизнь. Такимъ образомъ, наслѣдство переходило съ большей вѣроятностью къ дочери Владислава, Аннѣ. Императоръ Максимиліанъ I-й рѣшилъ женить одного изъ своихъ сыновей на Аннѣ и такимъ образомъ пріобрѣсти для габсбургскаго дома Чехію и Венгрію. Но Ласскій сумѣлъ уничтожить планы Габсбурговъ, приведя къ желаемому успѣху бракъ Сигизмунда съ Варварою Запольскою, дочерью одного изъ самыхъ вліятельныхъ венгерскихъ магнатовъ, который, стремясь самъ къ престолу, былъ врагомъ Габсбурговъ. Вслѣдствіе этого возникла чрезвычайно любопытная

Сигизмундъ I вручаетъ дипломы на дворянство членамъ краковской академіи (1535 г.).

дипломатическая борьба. Видя союзъ Польши съ Запольскимъ, Максимиліанъ началъ интриговать противъ Сигизмунда, онъ уговаривалъ Москву къ войнѣ противъ него, склонилъ магистра тевтонскаго ордена къ непокорности и хвасталъ, что организуетъ коалицію противъ Польши. Съ цѣлью противодѣйствовать этимъ замысламъ, Ласскій, въ качествѣ польскаго примаса, отправился въ Римъ въ лютеранскій соборъ; но прежде, чѣмъ успѣлъ сдѣлать тамъ что либо, Сигизмундъ, несмотря на оршанскую побѣду, устрашился угрозъ Максимиліана. Партія, противная Ласскому, взяла верхъ; во главѣ этой партіи стоялъ Шадловецкій и Петръ Томицкій. Габсбурги подкупили ихъ и польская политика стала благопріятствовать Австріи. Максимиліанъ выдалъ свою внучку Марію за Людовика, сына Владислава, а внука своего Фердинанда женилъ на Аннѣ, дочери Владислава, и такимъ образомъ обезпечилъ за Габсбургами чешскій и венгерскій престолы, въ случаѣ бездѣтной смерти Людовика. Сигизмундъ на все согласился.

Тѣмъ временемъ Янъ Ласскій возвратился изъ Рима. Въ королевскомъ совѣтѣ возникла ожесточенная борьба между Ласскимъ и Томицкимъ. Король склонялся на сторону Томицкаго, но выслушивая обоихъ, онъ обоимъ дозволилъ вести отдѣльную политику,—одному оффиціальную, другому—неоффиціальную. Не мудрено, что вслѣдствіе этого польская дипломатія того времени, несмотря на цѣлый рядъ способныхъ дипломатовъ,—была неосновательна, безъ опредѣленной цѣли. Ласскій агитировалъ въ Венгріи противъ Габсбурговъ, подъ вліяніемъ-же Томицкаго Сигизмундъ женился въ 1518 году на родственницѣ императора, Бонѣ, дочери Джіованни Сфорца, миланскаго дука. Эта итальянская княжна принесла ему въ приданое имѣніе, находящееся въ Италіи; изъ-за этого имѣнія возникали постоянные споры, а такъ какъ они могли быть окончены только при помощи Габсбурговъ, то король держалъ ихъ сторону.

Нигдѣ, однако-жъ, слабость Сигизмунда не проявилась въ такой степени, какъ въ прусскомъ дѣлѣ. Оставленные въ Пруссіи меченосцы, хотя совершенно обезсиленные, не могли, конечно, забыть своего прежняго могущества; они постоянно интриговали съ нѣмцами и готовили полякамъ различныя ловушки. Но все населеніе Пруссіи было до такой степени на сторонѣ Польши, что ей осталось только сорвать уже совершенно созрѣвшій плодъ. Въ 1510 году умеръ великій магистръ Фридрихъ саксонскій; на его мѣсто былъ избранъ Альбрехтъ бранденбургскій. Для Польши такой выборъ былъ крайне опасенъ, такъ какъ онъ обезпечивалъ ордену помощь Бранденбургіи противъ Польши. Тѣмъ не менѣе, Сигизмундъ не протестовалъ противъ этого избранія. Послѣ продолжительныхъ споровъ, война съ орденомъ все-таки возникла въ 1520 году. Война эта давно была ожидаема, популярна. Польскимъ войскамъ удалось добраться до Кенигсберга и разбить бранденбургскія войска у Данцига. Несмотря на то, что король не обнаружилъ въ данномъ случаѣ никакой энергіи и согласился на перемиріе, положеніе Альбрехта было отчаянное. Князья поморскій и мекленбургскій, король Даніи, заключили съ Сигизмундомъ союзъ; папа и императоръ, видя, что протестантизмъ находитъ прозелитовъ въ орденѣ, отказались помогать ордену. Меченосцы были окружены поляками и дѣло тевтонскаго ордена казалось совершенно погибшимъ. Въ данномъ случаѣ Польшею руководила не одна только месть; настало время, когда Польша принуждена была подумать о своихъ естественныхъ границахъ, т. е., другими словами о пріобрѣтеніи береговъ Балтійскаго моря. Было уже очевидно, что изъ-за обладанія этимъ моремъ будутъ соперничать всѣ сѣверныя государства: Швеція, Данія, Германія, Россія. Но Сигизмундъ, подчиняясь вполнѣ вліянію Томицкаго, подалъ руку помощи Альбрехту, возвратилъ взятыя крѣпости, дозволилъ на принятіе ими протестантизма и провозгласилъ себя княземъ Пруссіи, подъ верховенствомъ Польши.

Внутреннія дѣла Польши были не лучше. Интрига господствовала при самомъ королевскомъ дворѣ. Давнишніе совѣтники Сигизмунда—Янъ Ласскій, Шидловецкій, Томицкій—сошли въ могилу; правда, что ихъ мѣсто занялъ Янъ Тарновскій—гетманъ и Самуилъ Мацейовскій—краковскій епископъ, но оба они находились вполнѣ подъ вліяніемъ королевы Боны. Хитрая итальянка окружила себя интриганами: Гамрозомъ, Собоцкимъ, Дзержговскимъ и стала управ-

лять государствомъ. Цѣлью этой интриги было собрать огромное состояніе; никакими средствами для достиженія этой цѣли королева Бона не пренебрегала. Не мудрено поэтому, что полнѣйшая распущенность и продажность водворились въ государствѣ: шляхта оказалась недовольною и вскорѣ дошла до открытаго бунта. Всѣ роптали на политику Сигизмунда. Бунтъ, правда, не имѣлъ особенно вредныхъ для государства послѣдствій, но Европа увидѣла, что престижъ престола въ Польшѣ исчезъ, что сенатъ упалъ, вслѣдствіе подкуповъ, и что шляхта не имѣла собственной программы и подчинялась горсткѣ демагоговъ.

Послѣ смерти Сигизмунда I-го въ 1548 году на польскій престолъ вступилъ сынъ его, Сигизмундъ II Августъ, коронованный еще при жизни отца. Король Августъ, послѣ смерти первой своей жены Елисаветы австрійской, управляя Литвой, познакомился тамъ съ красивой Варварой Радзивилловой и женился на ней тайно въ 1547 году. Дѣло это вызвало значительную бурю на петроковскомъ сеймѣ. Сеймъ открылъ свои засѣданія 1-го ноября 1548 г. Послы, устами Петра Баратынскаго, стали требовать, чтобы король разошелся съ Варварой; наконецъ пали передъ нимъ на колѣни. Король, смутившись, снялъ шапку и потребовалъ времени на размышленіе. Но на другой день рѣшительно отказался исполнить просьбу пословъ. Вслѣдствіе этого возникла страшная буря, и сеймъ, видя упорство короля, подумывалъ уже объ низложеніи его; во всякомъ случаѣ, слѣдствіемъ настойчивости короля было раздраженіе между королемъ и шляхтой. Сигизмундъ-Августъ, несмотря на сопротивленіе сейма, открылъ суды; шляхта, въ свою очередь, не хотѣла признавать этихъ судовъ. Отсюда, — раздоры и безпорядки. Король обратился къ шляхтѣ съ особеннымъ манифестомъ и, несмотря на крики, торжественно въѣхалъ въ Краковъ съ Варварою. Шляхта требовала вторичнаго созванія сейма; на этомъ сеймѣ сенатъ призналъ за королемъ судебную власть; затѣмъ былъ поднятъ вопросъ о несправедливомъ жалованіи должностей и достоинствъ. Третьимъ дѣломъ сейма было дѣло князя Станислава Оржеховскаго, который навлекъ на себя проклятье перемысльскаго епископа за то, что хотѣлъ жениться на Софіи Страшовной. Необходимо замѣтить для большей ясности, что реформаторскія идеи Лютера, и въ особенности Кальвина, сильно распространялись въ это время въ Польшѣ. Еще въ царствованіе Сигизмунда Стараго, множество изъ шляхты приняли протестантизмъ, но эти диссиденты, какъ ихъ звали, не составляли еще особенной силы, хотя Сигизмундъ и обнародовалъ противъ нихъ эдиктъ, которымъ запрещались религіозныя пропаганды, выписка и печатаніе еретическихъ книгъ, и проч. Тѣмъ не менѣе всѣ эти запрещенія не приводили ни къ какимъ результатамъ и съ вступленіемъ на престолъ Станислава-Августа диссиденты сдѣлались уже силою въ государствѣ. Тогда-то именно и возникло дѣло Оржеховскаго. Шляхта давно уже негодовала на судебную власть клира. Проклятіе, произнесенное священникомъ, отнимало у шляхтича честь, конфисковало состояніе и прогоняло изъ государства. Очевидно, что духовенство злоупотребляло этимъ правомъ; часто случалось, что за не врученную десятину шляхтичъ подвергался проклятію и всѣмъ ея послѣдствіямъ, вопреки даже едлинской привилегіи 1433 года, въ силу которой шляхтичъ не могъ быть ни посаженъ въ тюрьму, ни наказуемъ раньше приговора королевскаго или земскаго суда. Не мудрено поэтому, что шляхта ухватилась за дѣло Оржеховскаго, чтобы сбросить съ себя это иго духовенства. Протестанты же съ другой стороны надѣялись, что король, покаравъ несправедливый поступокъ епископа, тѣмъ самымъ уничтожитъ de facto запрещеніе вступать въ бракъ священникамъ и такимъ образомъ самъ вступитъ на лоно реформы. Оржеховскій былъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ польскихъ писателей и ораторовъ того времени. Избравъ духовное поприще, онъ долго учился въ Вартембергѣ, лично зналъ Меланхтона и хотя не принялъ реформы, но настаивалъ на нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ церкви и въ особенности настаивалъ на браки священниковъ. Женившись на Софьѣ Страшовной, и, такимъ образомъ, подтверждая свои слова дѣломъ, онъ былъ проклятъ епископомъ не по установленной формѣ.

Твардовскій вызываетъ передъ Сигизмундомъ-Августомъ тѣнь его первой жены, Варвары.

Оржеховскій обратился къ защитѣ сейма и просилъ, чтобы король не давалъ епископамъ королевскихъ правъ, что одинъ лишь король имѣетъ право конфисковать состояніе и изгонять

изъ государства лицъ, уличенныхъ въ измѣнѣ. Когда же Оржеховскій началъ говорить противъ безбрачнаго состоянія священниковъ, то епископы, вставъ съ своихъ мѣстъ, прервали его рѣчь. Король отложилъ дѣло до другого раза. На этомъ въ сущности дѣло въ сеймѣ и кончилось. Оржеховскій обратился тогда съ жалобой къ папѣ. Но и это не помогло; король подтвердилъ приговоръ епископа и приказалъ привести его въ исполненіе Кмитѣ. Вся шляхта была между тѣмъ на сторонѣ Оржеховскаго и Кмитъ, боясь привести въ исполненіе приговоръ, медлилъ, и ожидалъ собранія сейма. Сеймъ былъ созванъ въ февралѣ 1552 года; почти всѣ сеймики дали своимъ посламъ инструкцію не подымать никакого вопроса, ни на что не соглашаться до тѣхъ поръ, пока король не ограничитъ власть епископовъ и не возьметъ назадъ приговора. Дошло до того, что мало-польская шляхта угрожала ополчиться противъ духовенства. Не смотря на это, король остался при своемъ. Тѣмъ временемъ реформы все больше и больше распространялись въ Польшѣ. Спустя годъ епископы приступили къ судамъ надъ еретиками; несмотря на это, протестантизмъ распространяется; появляются секты соцініановъ, братьевъ моравскихъ, антитринатаріевъ и проч. Король созываетъ сеймъ на 1555 годъ. На этомъ сеймѣ шляхта снова рѣшается энергично выступить противъ духовныхъ судовъ. Начались шумныя пререканія между духовенствомъ и шляхтой; сенатъ старался примирить обѣ стороны. Наконецъ былъ изготовленъ проектъ слѣдующихъ 4 пунктовъ, которые король обѣщалъ отправить въ Римъ: 1) обѣдня и всякая другая церковная служба должна быть на польскомъ языкѣ; 2) дозволяется причащаться подъ двумя видами; 3) священники имѣютъ право жениться; 4) долженъ быть созванъ народный соборъ. Съ этимъ проектомъ былъ отправленъ въ Римъ Станиславъ Моцейовскій, каштелянъ сандомиржскій. Само собой разумѣется, что папа не утвердилъ проэкта, дѣлающаго изъ Польши протестантское государство; даже больше, папа выслалъ въ Польшу своего нунція Липомани, веронскаго епископа, который открылъ длинный рядъ самыхъ строгихъ экзекуцій и въ Сохачевѣ, напр., приказалъ сжечь трехъ жидовъ и какую-то дѣвушку. Негодованіе противъ него было всеобщее. Когда въ 1555 году онъ входилъ въ сеймовую залу, то послы встрѣтили его возгласомъ: «Salve progenies viperarum!»

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ диссидентовъ и реформаціи король Сигизмундъ-Августъ оказался не только не дальновиднымъ политикомъ, но и человѣкомъ замѣчательно безхарактернымъ. Онъ не сталъ на сторонѣ Рима, но и не поддерживалъ народной церкви. Какъ бы защищая католичество, онъ издавалъ эдикты, которые не приводились въ исполненіе; въ интересахъ диссидентовъ онъ отправлялъ посольства въ Римъ. Въ шляхтѣ король поселилъ къ себѣ недовѣріе, но охотно сносясь съ иновѣрцами, разыгрывая изъ себя роль защитника реформаціи, обращаясь невѣжливо съ папскимъ нунціемъ,—онъ этимъ самымъ помогалъ развитію въ Польшѣ реформаціи, поставилъ въ фальшивое положеніе духовенство и приготовлялъ взрывъ бури, которую не имѣлъ ни смѣлости, ни желанія потушить. Но, поступая такимъ образомъ, можетъ быть, Сигизмундъ-Августъ боялся войны и религіозныхъ раздоровъ, имѣя въ виду цѣлость государства и обращая вниманіе на сосѣдей? Ничуть не бывало. Реформація, внося внутри государства извѣстныя несогласія,— дѣйствовала тѣмъ не менѣе въ интересахъ его, сближала Польшу съ Пруссіей,— страной почти протестантскою, сближала ее также и съ Русью, для которой народная церковь представляла меньше опасностей, чѣмъ католичество. Наиболѣе точно и ярко эту програму народной церкви формулировало русское дворянство, представляя его какъ бы звеномъ, связывающимъ западную церковь съ восточной.

Ко всему этому необходимо прибавить, что никогда еще Польша не имѣла такъ мало враговъ. Австрія, угрожаемая Турціей, искала съ Польшею союза; Турція, въ свою очередь, сосредоточивъ всѣ свои силы противъ Австріи, возобновила миръ съ Польшею. Крымскіе татары, борясь съ московскимъ великимъ княжествомъ, оставили въ покоѣ Польшу, которая къ тому же была поддерживаема казаками. Опасная нѣкогда Валахія до такой степени теперь упала, что польскіе вельможи: Сенявскіе, Ласскіе, Мелецкіе собственными силами нападали

на нее, поддерживая каждый своихъ собственныхъ кандидатовъ. Германія, слишкомъ занятая реформаціей, не могла думать о новомъ походѣ на востокъ. Слѣдовательно, единственную опасность могла представить восточная граница Польши. Тамъ, на сѣверѣ отъ Жмуди, у устьевъ Двины, находилась страна, извѣстная подъ названіемъ Инфлантовъ (Ливонія). Завладѣвъ страной еще въ XIII столѣтіи, нѣмцы организовали тамъ рыцарскій орденъ. Ливонскій орденъ находился въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Пруссіей; послѣ секуляризаціи Пруссіи орденъ быстро сталъ клониться къ упадку, въ особенности благодаря внутреннимъ раздорамъ, въ которыхъ нерѣдко принимала участіе и Польша; въ концѣ концовъ, орденъ заключилъ съ Польшею союзъ. Но за этими внутренними дѣлами Ливоніи скрывалось дѣло гораздо большей важности. Царь Іоаннъ Грозный, освободившись отъ своихъ опекуновъ, покорилъ Казань и Астрахань, сталъ теперь думать о соединеніи всѣхъ земель русскихъ подъ своимъ скипетромъ;

Свадьба Сигизмунда-Августа съ Елизаветою, эрцгерцогинею австрійскою.

но Іоаннъ въ то же время очень хорошо сознавалъ, что ему не справиться съ его западными сосѣдями, пока онъ не откроетъ доступъ въ Москву европейской цивилизаціи. Такъ высказалось стремленіе начать дѣятельныя торговыя связи съ Западною Европою; но эти связи должны были зависѣть отъ произвола сосѣднихъ приморскихъ государствъ, обыкновенно враждебныхъ Россіи; своихъ гаваней на Балтійскомъ морѣ у московскаго государства не было. Это запертое положеніе было тѣмъ болѣе нестерпимо, что чувствовалась сильная потребность въ просвѣщеніи, которое начало тогда сильно распространяться въ Западной Европѣ, а людей, которые бы могли принести это просвѣщеніе въ Москву, ученыхъ и художниковъ, не пропускали враждебные сосѣди: они боялись, что московское государство, и безъ того уже для нихъ опасное, будетъ гораздо страшнѣе, если пріобрѣтетъ просвѣщеніе. Больше другихъ боялось Москвы самое слабое изъ сосѣднихъ государствъ, — Ливонское; ливонцы больше

другихъ хлопотали о томъ, чтобы науки не проникали въ Москву; но этими поступками они, разумѣется, усиливали только въ московскомъ правительствѣ желаніе пріобрѣсти балтійскіе берега. Еще въ 1547 году Іоаннъ отправилъ въ Германію саксонца Шлитте съ порученіемъ набрать тамъ какъ можно болѣе ученыхъ и ремесленниковъ. Шлитте набралъ слишкомъ сто человѣкъ и привезъ ихъ уже въ Любекъ, какъ ливонское правительство представило императору Карлу V опасность, какая можетъ произойти отъ этого для Ливоніи и другихъ сосѣднихъ странъ, и достигла того, что Карлъ далъ магистру ливонскаго ордена полномочіе не пропускать въ Москву ни одного ученаго и художника. Іоаннъ, занятый тогда важными дѣлами на востокѣ, не могъ отомстить Ливоніи за это недоброжелательство; но когда потомъ въ 1554 г. ливонскіе послы пріѣхали въ Москву съ просьбою о продолженіи перемирія, то царь велѣлъ объявить имъ, что они прежде должны заплатить ему дань за Юрьевскую (Дерптскую)

Поднесеніе писателемъ Козаковскимъ Сигизмунду-Августу своего „Сатура".

область, что они обязаны сдѣлать по старымъ договорамъ съ великими князьями русскими. Епископъ дерптскій обѣщалъ выплатить всѣ недоимки и не исполнилъ обѣщанія. Тогда въ 1558 году русское войско вступило въ Ливонію и страшно опустошило ее; были взяты Нарва, Нейгаузъ, Дерптъ и другіе менѣе значительные города, числомъ до двадцати. Не будучи въ въ состояніи противиться Москвѣ собственными силами, магистръ Кетлеръ обратился къ сосѣднимъ государствамъ съ просьбою о помощи; Швеція и Данія, кромѣ безполезнаго ходатайства за Ливонію передъ царемъ, не оказали никакой помощи, но Польша вступилась въ дѣло въ качествѣ союзника Ливоніи. Союзъ съ Польшею не принесъ магистру Кетлеру никакой выгоды; русское войско продолжало опустошать Ливонію, брать города, разбивать малочисленные нѣмецкіе отряды, которые осмѣливались выходить къ нему навстрѣчу. Орденскія владѣнія распадались: эзельскій епископъ продалъ этотъ островъ датскому королю Фридриху II,

Дворъ Генриха Валежича (Анжуйскаго или Валуа).

который отдалъ его брату своему Магнусу; Ревельцы поддались Швеціи; наконецъ въ 1561 году Кетлеръ уступилъ Ливонію Польшѣ, а самъ взялъ себѣ Курляндію и Семигалію съ титуломъ герцога и съ вассальными обязанностями къ Польшѣ; война у Москвы съ Литвою началась, по обычаю, опустошительными набѣгами; но въ началѣ 1563 года самъ Іоаннъ съ большимъ войскомъ и нарядомъ двинулся къ литовскимъ границамъ и взялъ Полоцкъ, — городъ важный самъ по себѣ и особенно по отношенію къ Ливоніи, по торговой связи его черезъ Двину съ Ригою; большая побѣда, одержанная литовцами, не могла вознаградить короля за лишеніе Полоцка и онъ просилъ перемирія, уступилъ всѣ города и земли, занятые московскими войсками. Только въ 1570 году заключено было перемиріе на три года. Между тѣмъ Іоаннъ видѣлъ, какъ трудно было владѣть приморскими городами Ливоніи и потому, чтобы облегчить это дѣло, хотѣлъ дать Ливоніи нѣмецкаго правителя, который бы вошелъ въ вассальныя отношенія къ царю. Онъ предложилъ датскому принцу Магнусу, владѣтелю Эзеля, быть такимъ королемъ Ливонскимъ. Магнусъ согласился, въ 1570 году пріѣхалъ въ Москву и объявленъ былъ женихомъ племянницы царской, дочери казненнаго Владиміра Андреевича Старицкаго.

Къ этому примѣшались еще и внутреннія затрудненія въ Польшѣ. Вопросъ заключался въ болѣе крѣпкомъ соединеніи Литвы съ Польшею; полякамъ особенно хотѣлось имѣть благословенныя природою русскія области: Подолье, Волынь, Малороссію, и за эти-то области у нихъ шли сильныя распри съ литовцами. При бездѣтномъ Сигизмундѣ-Августѣ, которымъ оканчивалась ягеллонская династія, вопросъ о соединеніи Литвы съ Польшею поднялся съ новою силою и рѣшенъ былъ на люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году. Литовцы сначала и тутъ сильно упорствовали, но потомъ должны были согласиться на унію, когда увидали, что не поддерживаются русскими; а русскимъ было все равно, быть ли въ соединеніи съ Литвою или Польшею, такъ какъ литовскіе вельможи вели себя по отношенію къ русскому народонаселенію вовсе не такъ, чтобы могли заслужить его привязанность.

Король Сигизмундъ-Августъ умеръ 7 іюля 1572 года; съ нимъ прекратилась ягеллонская династія и престолъ былъ объявленъ избирательнымъ. Во время безкоролевія власть переходила къ примасу, и только онъ имѣлъ право созывать съѣзды. Примасъ Уханскій созвалъ съѣздъ въ Ловичѣ. Но на этотъ съѣздъ прибыли только великополяне, такъ какъ коронный маршалъ Янъ Фарлей, диссидентъ, собралъ вельможъ малопольскихъ въ Краковѣ; русскіе собрались въ Глипянахъ. Вслѣдствіе этого общій съѣздъ для избранія короля назначенъ былъ на 7 января 1573 года въ Варшавѣ. Когда на этомъ съѣздѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, кому принадлежитъ право выбора короля, то Янъ Замойскій внесъ проектъ, по которому это право принадлежитъ всей шляхтѣ Рѣчи Посполитой. Время избранія было назначено на 7 апрѣля, на поляхъ деревни Камене, около Варшавы. Въ назначенный день и въ назначенное мѣсто съѣхалось болѣе ста тысячъ шляхты. Кандидатами на престолъ явились: эрцгерцогъ австрійскій Эрнестъ, Генрихъ анжуйскій (Валуа), Іоаннъ, король шведскій и царь Иванъ. Взоры очень многихъ, особенно литовско-русскихъ православныхъ, обратились къ Москвѣ. Давши знать Іоанну о смерти Сигизмунда-Августа, паны польскіе и литовскіе тутъ же объявили ему о желаніи своемъ видѣть второго его сына, царевича Θеодора, королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. Но Іоаннъ не хотѣлъ давать сына въ короли, хотѣлъ самъ быть королемъ, и не столько хотѣлъ быть королемъ польскимъ, сколько великимъ княземъ литовскимъ безъ Польши. Іоаннъ медлилъ, не отправлялъ своихъ пословъ на сеймъ, а между тѣмъ французскій посолъ, Монлюкъ, не щадилъ ни лести, ни обѣщаній и успѣлъ составить сильную партію, которая провозгласила королемъ Генриха анжуйскаго, брата французскаго короля Карла IX. Pacta conventa, организованные сеймомъ и принятые Монлюкомъ, были утверждены Генрихомъ; Генрихъ обѣщалъ, что сохранитъ всѣ права и вольности; что не женится безъ согласія сената; что не будетъ думать о наслѣдникѣ; что безъ согласія сената не будетъ высылать за-границу пословъ и не будетъ

принимать пословъ иностранныхъ государствъ; что каждые два года будетъ созывать сеймы; что онъ постоянно будетъ окруженъ четырьмя сенаторами; если же что либо учинитъ противъ законовъ, то народъ будетъ считать себя освобожденнымъ отъ присяги въ вѣрности. Наконецъ, было рѣшено, что Генрихъ женится на королевнѣ Аннѣ, сестрѣ короля Сигизмунда-Августа. Съ этими условіями было отправлено посольство въ Парижъ. Генрихъ принялъ всѣ условія, за исключеніемъ брака съ Анной,—брака, рѣшеніе котораго было отложено на послѣ; въ то же время, онъ колебался заключить миръ съ диссидентами. Но когда Зборовскій сказалъ: «Если этого не примешь, то королемъ не можешь быть»,—Генрихъ подписалъ; былъ заключенъ союзъ съ Франціей и новоизбранный король отправился въ Польшу, куда пріѣхалъ 24 января 1574 года. Во время коронаціи въ Краковѣ, въ то время какъ король приступилъ къ присягѣ, Фарлей выступаетъ впередъ и громогласно обращаетъ вниманіе на пунктъ варшавскаго сейма, относящійся къ диссидентамъ: «Si non jurabis, non regnabis!» Говорятъ даже, что, произнеся эту фразу онъ схватилъ корону рукой. Случилось также и другое событіе, которое рѣшительно поссорило короля съ поляками. Во время празднествъ коронаціи, былъ устроенъ турниръ, на которомъ поссорились двое вельможъ: Самуилъ Зборовскій и Янъ Тарновскій. Они стали драться; Ваковскій, перемышльскій каштелянъ, вмѣшался въ дѣло, желая ихъ помирить, но получилъ ударъ отъ Зборовскаго и тутъ же умеръ. По закону, Зборовскій долженъ былъ быть казненъ, состояніе конфисковано и имя — лишено чести. Но такъ какъ обѣ стороны были вліятельны, то начались интриги у короля, который въ теченіе цѣлаго поста не объявлялъ своего приговора; наконецъ онъ присудилъ Зборовскаго къ изгнанію и конфискаціи состоянія, но безъ лишенія чести. Состояніе было отдано брату Зборовскаго, который возвратилъ его сыну убійцы. Это рѣшеніе вызвало ропотъ всей шляхты. Надъ французами издѣвались; писались пасквили, въ которыхъ упрекали «Мамелюка» (Монлюка) въ томъ, что онъ лгалъ, когда подписывалъ pacta conventa; ежедневно находили убитыхъ французовъ на улицахъ. Все это возмущало короля; къ тому же въ казнѣ не было денегъ. Поэтому, когда въ Краковъ пришло извѣстіе о смерти брата короля, Карла IX, Генрихъ тайкомъ выѣхалъ изъ Кракова и направился прямо во Францію. Это событіе окончательно возмутило всю шляхту. Сенатъ созвалъ конвокаційный сеймъ на 10 августа въ Варшавѣ. Собранныя стороны, безъ Литвы (которая принуждена была наблюдать за своими восточными границами), написали актъ конфедераціи для собственной защиты и рѣшили отправить посольство къ Генриху съ предложеніемъ: возвратиться въ Польшу не позднѣе 12 мая 1575 года; въ противномъ случаѣ будетъ новый выборъ короля. Генрихъ не пріѣхалъ, но на сеймъ прибылъ посолъ султана Амурати, который совѣтовалъ выбрать въ короли или Яна Костку, воеводу сандомиржскаго, или короля шведскаго, или Стефана Баторія, воеводу трансильванскаго. Образовались, однако, двѣ партіи: шляхта провозгласила «королемъ» Анну Ягеллонку съ тѣмъ, чтобы выдать ее замужъ за Стефана Баторія. Съ другой же стороны примасъ съ сенатомъ провозгласили королемъ императора Максимиліана. Обѣ партіи назначили пословъ къ своимъ электорамъ и съѣзды: примасъ въ Ловичѣ, а шляхта — въ Енджейовѣ. Императоръ медлилъ согласіемъ, но Баторій сразу согласился. Его избраніе было подтверждено и Баторій присягнулъ сохранять pacta conventa.

Послѣ сейма король Баторій отправился въ Варшаву, гдѣ ему подчинился примасъ, а также Литва и Великая Польша. Партія Максимиліана окончательно ослабла. Пруссія признала свои вассальныя обязанности въ Торнѣ. Одинъ лишь Данцигъ не призналъ короля и, вѣрный Максимиліану, поднялъ знамя бунта. Данцигъ, «довѣряя своимъ башнямъ и рвамъ», не смотря на королевскихъ пословъ, не хотѣлъ признать Баторія королемъ. Когда, поэтому, Баторій увидѣлъ, что примиреніе невозможно, онъ позвалъ данцигскихъ жителей къ себѣ на судъ; когда они не явились, онъ объявилъ ихъ бунтовщиками и созвалъ сеймъ въ Торнѣ. Сеймъ не утвердилъ, однако-жъ, налоговъ, необходимыхъ для веденія войны, но король заложилъ свои

драгоцѣнности и выступилъ противъ Данцига. Взявъ Данцигъ, Стефанъ сдѣлался «паномъ польской Венеціи».

Стефанъ Баторій, вступая на престолъ, обѣщалъ возвратить Литвѣ области, завоеванныя у нея московскими государями, и хотѣлъ сдержать обѣщаніе. Кромѣ личныхъ достоинствъ, достоинства искуснаго полководца, средства успѣха у Баторія были: искусная, закалившаяся въ бою наемная пѣхота, венгерская и нѣмецкая, исправная артиллерія, быстрое наступательное движеніе, которое давало ему огромное преимущество передъ врагомъ, принужденнымъ растянуть свои полки по границамъ, надъ врагомъ, не знающимъ, откуда ждать нападенія, наконецъ, надъ врагомъ, въ искусствѣ ратномъ далеко отставшемъ отъ западныхъ сосѣдей своихъ, ибо до сихъ поръ почти во всѣхъ значительныхъ битвахъ въ чистомъ полѣ русскія войска оставались побѣжденными. Іоаннъ думалъ, что война, предпринятая за Ливонію, будетъ ведена въ Ливоніи, и потому отправилъ большое войско туда; но Баторій лѣтомъ 1579 года осадилъ Полоцкъ и взялъ его послѣ упорнаго сопротивленія, взялъ крѣпость Соколъ также со страшною рѣзнею; въ 1580 году взялъ Велижъ, Усвятъ, Великія Луки. Съ другой стороны шведскій полководецъ Делагарди вошелъ въ Корелью, взялъ Кексгольмъ и удачно дѣйствовалъ противъ русскихъ владѣній въ Эстоніи. Въ 1581 году Баторій взялъ крѣпость Островъ и осадилъ Псковъ, подъ стѣнами котораго и остановились его успѣхи. Псковъ славился, какъ первая крѣпость, въ московскомъ государствѣ, ибо въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ главною заботою псковичей было укрѣпленіе своего города, подверженнаго безпрестаннымъ нападеніямъ нѣмцевъ; теперь обветшавшія укрѣпленія были возобновлены, городъ снабженъ артиллеріею, воеводою былъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, человѣкъ энергичный, способный вдохнуть мужество въ войско. Всѣ приступы Баторія были отбиты. Но зато съ другой стороны удачно дѣйствовали шведы; Делагарди взялъ Нарву, гдѣ погибло восемь тысячъ русскихъ, взялъ русскіе города: Иванъ-городъ, Ямъ, Копорье. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда начались мирные переговоры съ Баторіемъ при посредничествѣ папскаго посла, іезуита Поссевина. Іоаннъ, угрожаемый опасною войною съ Баторіемъ, отправилъ къ папѣ Григорію XIII посла съ грамотою, въ которой жаловался на Баторія и объявилъ желаніе быть съ папою и

Стефанъ Баторій.

императоромъ германскимъ въ согласіи на всѣхъ недруговъ. Григорій воспользовался случаемъ и отправилъ въ Москву іезуита Поссевина, которому наказалъ внушить московскому государю мысль о необходимости принять католическое исповѣданіе. Но Поссевинъ, поговоривши съ Іоанномъ, увидѣлъ, что мало надежды склонить его къ принятію католицизма, и потому во время мирныхъ переговоровъ явно держалъ сторону Баторія. Переговоры ихъ, ведшіеся въ деревнѣ Киверова Горка, недалеко отъ Запольскаго Яма, кончились въ январѣ 1582 года тѣмъ, что заключено было перемиріе на десять лѣтъ, при чемъ Іоаннъ уступилъ Баторію всѣ свои завоеванія въ Ливоніи, равно какъ и Полоцкъ. Ливонія была раздѣлена на три воеводства: венденское, дерптское и парнавское.

Созванный въ 1584 году сеймъ принужденъ былъ заняться весьма важнымъ дѣломъ. Самуилъ Зборовскій, изгнанный изъ Польши еще при Генрихѣ Валуа за убійство Ваковскаго, отправился къ казакамъ, которые избрали его своимъ атаманомъ; съ ними онъ дѣлалъ нападенія на Турцію, — что причиняло Рѣчи Посполитой значительныя затрудненія. Увѣренный въ томъ, что Стефанъ Баторій получилъ престолъ главнымъ образомъ благодаря Зборовскимъ, оскорбленный тѣмъ, что король не вознаградилъ Зборовскихъ такъ, какъ они этого желали, ненавидѣвшій, наконецъ, Замойскаго, который женился на племянницѣ короля, Гризельдѣ, Зборовскій съ братьями затѣвалъ заговоръ противъ короля и, несмотря на приговоръ, свободно разъѣзжалъ по Польшѣ. Когда онъ, однако-жъ, переступилъ границы краковскаго старостава, Замойскій, въ качествѣ старосты, приказалъ его схватить въ деревнѣ Печмы у вдовы Владковой, заключилъ въ краковскомъ замкѣ и наконецъ казнилъ. Дѣло это вызвало большой шумъ на сеймѣ 1585 года. Вся семья Зборовскихъ собралась. Сперва разбиралось дѣло Владковой, которая жаловалась на нападеніе вооруженныхъ людей ея дома. Затѣмъ, началось дѣло Зборовскихъ, которые и были въ концѣ концовъ приговорены къ потери чести и къ изгнанію. Такимъ образомъ, самовольная олигархія, представителемъ которой былъ Зборовскій, была нѣсколько подавлена, благодаря энергіи и настойчивости Баторія.

Анна Ягеллонка, жена Стефана Баторія.

Между тѣмъ внѣшнія обстоятельства снова принимали серьезный оборотъ. Іоаннъ Грозный умеръ. Ослабленное московское государство дало Стефану Баторію широкое поле для будущихъ плановъ; онъ уже думалъ о соединеніи его съ Польшею и проектировалъ уже походъ на Царь-

градъ во главѣ всего христіанскаго міра. Въ 1586 году былъ заключенъ трактатъ съ папой, все было обдумано.... Стефанъ Баторій разсчитывалъ броситься на Турцію съ 170 тысячами войска. Кромѣ того, Баторій разъ навсегда желалъ опредѣлить порядокъ престолонаслѣдія

Печать Стефана Баторія.

Сабля Стефана Баторія.

Факсимиле.

послѣ своей смерти и окончательно сломать олигархію. Былъ назначенъ сеймъ и король пріѣхалъ въ Гродно,—сеймики были благопріятны замысламъ Стефана; будущее Польши сосредоточилось теперь на Баторіи... Но великій король скоропостижно умеръ 12 декабря 1586 года, отъ простуды, или вѣрнѣе—отравленный.

Лишь только кончина Баторія сдѣлалась извѣстною, Зборовскіе приготовились защищать своего кандидата; Замойскіе—своего. Обѣ враждебныя партіи съ вооруженною силою явились на сеймъ. Замойскій съ 5,000 опытнаго рыцарства укрѣпился подъ Повонзками, Зборовскіе съ 10,000 такихъ же рыцарей расположились подъ Повсиномъ; въ серединѣ между ними поле, на которомъ должны были происходитъ выборы. Неизбѣжно дѣло дошло бы до открытой борьбы, если-бы не вмѣшательство примаса королевства. Кандидатами на престолъ были: австрійскіе принцы Фердинандъ, Эрнестъ, Максимиліанъ и Матвѣй; ихъ поддерживали Зборовскіе. Литва желала Ѳедора Ивановича, московскаго царя; наконецъ королева Анна и Замойскій поддерживали Сигизмунда, шведскаго принца. Карнковскій, примасъ королевства, оскорбленный Зборовскими, провозглашаетъ королемъ Сигизмунда; шведскіе послы тутъ же подписываютъ pacta conventa. Зборовскіе въ свою очередь провозглашаютъ королемъ Максимиліана и обѣ стороны отправляютъ своихъ пословъ къ электорамъ. Съѣздъ въ Вислицѣ, однако, подтвердилъ избраніе Сигизмунда. Между тѣмъ, Максимиліанъ подписавъ pacta conventa, не долго думая, направляется съ вооруженной силой прямо на Краковъ, который защищалъ Замойскій. Осада

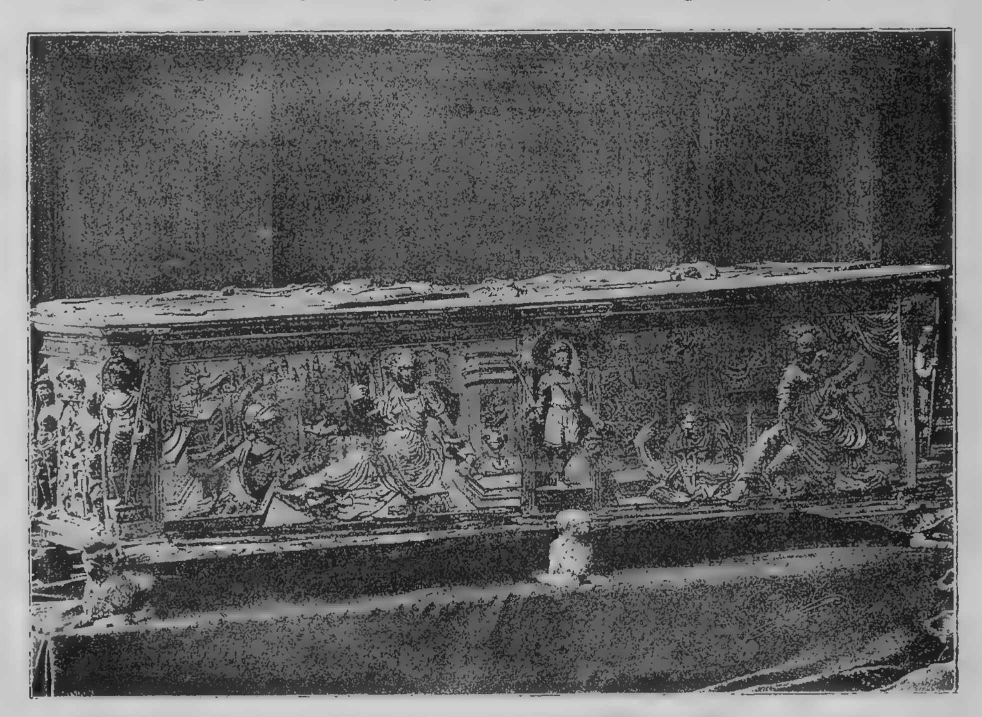
Серебряныя вазы временъ Стефана Баторія.

окончилась ничѣмъ, но въ это время Сигизмундъ высадился въ Данцигѣ и счастливо прибылъ въ Краковъ 9 декабря.

Рѣшительно находившійся подъ вліяніемъ іезуитовъ, Сигизмундъ III окончательно перешелъ на сторону габсбурговъ и такимъ образомъ лишился дружбы морскихъ государствъ — Франціи, Голландіи, Англіи, и вызвалъ войну Польши съ Турціей, какъ союзника Австріи. Для іезуитовъ, для которыхъ Сигизмундъ III былъ простымъ орудіемъ, Польша была средствомъ, съ помощью котораго іезуиты хотѣли утвердить свою власть надъ всею Европою. Такая политика, восторжествовавшая теперь съ восшествіемъ Сигизмунда на престолъ, была не только не національною, но и во всѣхъ отношеніяхъ вредною для Польши. Польша, окруженная государствами, которыя рано или поздно отпали отъ римскаго католицизма,—Россіей, которая давнымъ давно уже забыла о флорентійской уніи, Швеціей, которая только что отпала отъ католицизма, на западѣ — нѣмецкими государствами, принявшими протестантство, — Польша, говоримъ мы, становясь теперь во главѣ католическаго міра,—неизбѣжно должна была бороться со всѣми своими сосѣдями. Входя въ союзъ съ Австріей, Польша обязывалась забивать протестантизмъ въ Чехіи, Венгріи, Германіи; возвратить Швецію на лоно католической церкви и сдѣлать Россію католической. Замойскій, который, какъ искренній патріотъ и человѣкъ умный, не могъ поддерживать такой политики, попалъ въ немилость. Сигизмундъ III окружилъ себя людьми

ничтожными и интриганами. На сеймѣ 1589 года Замойскій, пользуясь удобной минутой, внесъ проектъ, чтобы всѣ дебаты сейма рѣшались большинствомъ голосовъ. Было очевидно, что это былъ первый шагъ, который направлялъ Польшу къ порядку, первое условіе будущаго благоустройства. Но и въ данномъ случаѣ Сигизмундъ оказался противъ Замойскаго. Замойскій былъ чрезвычайно популяренъ, такъ что принятіе сеймомъ предложенія Замойскаго ставило этого послѣдняго у кормила власти, дѣлало его какъ бы первымъ министромъ. Этого не могъ допустить Сигизмундъ и съ помощью партіи Опалинскаго предложеніе Замойскаго было отвергнуто.

Польша въ рукахъ Сигизмунда III была только удобнымъ орудіемъ для шведско-католической политики до такой степени, что, женившись на Аннѣ австрійской, король вошелъ въ тайные уговоры съ Австріей съ тѣмъ, что онъ соединитъ или даже передастъ Польшу Австріи, если только Габсбурги помогутъ ему удержаться на шведскомъ престолѣ. Это уже была явная

Гробница Стефана Баторія.

измѣна Польшѣ. Для защиты интересовъ государства Замойскій созвалъ въ Ендржеевѣ такъ называемый инквизиціонный сеймъ, на которомъ онъ и выступилъ, какъ гласный обвинитель короля.

Послѣдствія личной анти-польской политики короля вскорѣ обнаружились. Польша не имѣла непосредственной причины ссориться съ Турціей, но такой войны желала Австрія. Когда же австрійскія подстрекательства не удались, то Австрія начала волновать казаковъ съ тѣмъ, чтобы они нападали на Турцію, надѣясь, что этимъ средствомъ она вызоветъ войну между Турціей и Польшею. Но Замойскій и на этотъ разъ не допустилъ до разрыва; онъ вступилъ съ войскомъ въ Молдавію, изгналъ оттуда господарей, поддерживаемыхъ Австріей, обезпечивъ такимъ образомъ за Турціей верховенство въ Молдавіи, и упрочилъ миръ съ Польшею. Но всѣ эти усилія Замойскаго остались безрезультатными въ виду личной политики короля

и интригъ іезуитовъ, которыхъ все вниманіе теперь было направлено въ сторону Москвы. Тамъ приготовлялись событія первой важности. Послѣ смерти Ѳеодора Іоанновича на московскій престолъ былъ избранъ Борисъ Годуновъ, такъ какъ второй сынъ Іоанна Грознаго, Дмитрій, былъ убитъ въ Угличѣ еще при жизни отца. Тѣмъ временемъ въ послѣднихъ годахъ XVI вѣка появился въ Москвѣ бойкій, смышленый, грамотный молодой человѣкъ Григорій Отрепьевъ. Онъ проживалъ въ дворахъ вельможъ, подозрительныхъ царю, а потому самъ сдѣлался подозрителенъ. Желая спастись отъ грозящей ему бѣды, Отрепьевъ находитъ убѣжище въ Чудовомъ монастырѣ и поступаетъ даже къ патріарху Іонѣ для книжнаго письма. Но здѣсь дерзкія рѣчи его, что онъ будетъ царемъ въ Москвѣ, навлекли на него новую бѣду; царь Борисъ

Королева Екатерина, заключенная въ замкѣ съ будущимъ Сигизмундомъ III на рукахъ.

велѣлъ сослать Отрепьева въ Кириллово-бѣлозерскій монастырь, но приказаніе не было исполнено, и молодой монахъ убѣжалъ изъ Чудова монастыря и послѣ долгихъ странствій пробрался за литовскую границу. Въ концѣ концовъ онъ попалъ къ князю Адаму Вишневецкому, которому онъ при первомъ удобномъ случаѣ открылъ, что онъ — московскій царевичъ Дмитрій, сынъ царя Іоанна Васильевича, спасенный отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ, которые вмѣсто него убили другаго, подставленнаго ребенка. Вишневецкій повѣрилъ, и вѣсть о московскомъ царевичѣ, чудесно спасшемся отъ смерти, быстро распространилась въ Польшѣ. У одного изъ польскихъ пановъ, сандомиржскаго воеводы Мнишка, жившаго въ Самборѣ, самозванцу очень понравилась дочь Марина. Мнишки были ревностные католики; принятіе католицизма всего болѣе помогало Отрепьеву, такъ какъ ставило на его сторону духовенства и

въ особенности іезуитовъ; Лжедимитрій позволилъ францисканскимъ монахамъ обратить себя въ католицизмъ. Въ началѣ 1604 года Мнишекъ провезъ Лжедимитрія въ Краковъ, гдѣ папскій нунцій Рангони представилъ его королю Сигизмунду. Король находился въ большомъ затрудненіи; съ одной стороны ему хотѣлось помочь самозванцу и такимъ образомъ завести смуту въ московскомъ государствѣ; съ другой—страшно было нарушить перемиріе. Сигизмундъ рѣшился употребить такую хитрость: онъ призналъ Отрепьева московскимъ царевичемъ, хотя и не публично, назначилъ ему ежегодное содержаніе, но не хотѣлъ помогать ему явно войскомъ отъ имени правительства польскаго, а позволилъ вельможамъ частнымъ образомъ помогать царевичу. Вести дѣло поручено было Мнишку, который съ торжествомъ привезъ царевича въ Самборъ, гдѣ тотъ предложилъ руку свою Маринѣ. Предложеніе было принято, но свадьба отложена до утвержденія Дмитрія на престолѣ московскомъ. Въ октябрѣ 1609 года Лжедимитрій вошелъ во главѣ значительнаго войска въ предѣлы московскаго государства. Сѣверскіе города начали ему сдаваться, не сдался одинъ Новгородъ-Сѣверскій, гдѣ засѣлъ воевода Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, любимецъ царя Бориса. Борисъ выслалъ войско подъ начальствомъ перваго боярина, Мстиславскаго, который встрѣтился съ войсками самозванца подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ. Самозванецъ разбилъ Мстиславскаго. Такъ какъ Мстиславскій былъ раненъ, то на его мѣсто былъ присланъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Самозванецъ ударилъ на царское войско отъ Добрыничка, но несмотря на необыкновенную храбрость, потерпѣлъ пораженіе, вслѣдствіе многочисленныхъ пушекъ въ царскомъ войскѣ. Годуновъ сильно обрадовался, думалъ, что дѣло съ самозванцемъ кончено, но радость его не была продолжительна; скоро пришло извѣстіе, что самозванецъ не истребленъ, а усиливается. 4,000 донскихъ казаковъ явились къ нему въ Путивль, а между тѣмъ московскіе воеводы ничего не дѣлали. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда умеръ царь Борисъ. Послѣ него остался сынъ Ѳеодоръ и жители Москвы присягнули ему. Къ войску Шуйскаго, отозваннаго въ Москву, отправленъ былъ Басмановъ, прославившійся защитой Новгорода-Сѣверскаго. Но Басмановъ увидѣлъ, что ничего нельзя было сдѣлать съ войскомъ, которое и прежде не имѣло рукъ отъ недоумѣнія, а теперь еще болѣе было ослаблено нравственно вслѣдствіе смерти Бориса. Видя, что воеводы самые способные, могшіе придать воодушевленіе войску, не хотятъ Годунова, Басмановъ рѣшился измѣнить сыну своего благодѣтеля и вмѣстѣ съ другими объявилъ войску, что истинный царь есть Дмитрій и полки безъ сопротивленія провозгласили его государемъ. Самозванецъ двинулся по дорогѣ въ Москву, гдѣ Плещеевъ и Пушкинъ возмутили народъ и свели съ престола царя Ѳеодора. Лжедимитрій былъ провозглашенъ царемъ. Пріѣздъ въ Москву Марины Мнишекъ со множествомъ поляковъ, которые вели себя дерзко, женитьба царя на полькѣ некрещеной возбуждала неудовольствіе въ Москвѣ, которымъ поспѣшилъ воспользоваться Шуйскій вмѣстѣ съ другими боярами. Устроено было возстаніе; толпы заговорщиковъ хлынули на Красную площадь, гдѣ уже сидѣли на коняхъ бояре. Шуйскій повелъ народъ въ Кремль, на «злаго еретика». Лжедимитрій увидѣлъ, что сопротивленіе безполезно, выскочилъ изъ окна и разбился; его схватили и убили. Между тѣмъ, другія толпы народа били поляковъ. Тесть самозванца, Мнишекъ, съ родственниками, равно какъ послы королевскіе, пріѣхавшіе на свадьбу, были спасены боярами, Марину также не тронули и отвезли изъ дворца къ отцу. Царемъ былъ провозглашенъ Шуйскій.

Въ то время какъ остатки польскаго войска, приведеннаго въ Россію самозванцемъ, продолжали бороться съ арміей Шуйскаго, Польша принуждена была начать войну со Швеціей. Еще во времена Сигизмунда-Августа и Стефана Баторія шведы воспользовались войной между Россіей и Польшей изъ-за Ливоніи и, имѣя въ своихъ рукахъ Эстонію, укрѣпились тамъ. Польша смотрѣла на это сквозь пальцы, утѣшая себя мыслью, что, по крайней мѣрѣ, Швеція не допускаетъ Россію къ Балтійскому морю. Такимъ образомъ, отношенія Польши къ Швеціи были дружественны и эту дружбу должно было еще усилить избраніе Сигизмунда III. Вышло

однако-же иначе. Сигизмундъ, вступивъ послѣ смерти отца въ 1592 году на шведскій престолъ, сдѣлался ненавистенъ шведскому народу за свои католическія тенденціи и вслѣдствіе этого потерялъ престолъ, который теперь былъ занятъ Карломъ, принцемъ Судерманскимъ. Желая теперь втянуть Польшу въ войну съ Карломъ, король поручилъ веденскому старостѣ, начать враждебныя дѣйствія въ Эстоніи въ 1600 году и такимъ образомъ вызвалъ нападеніе Карла на Эстонію. Такимъ образомъ, начался второй актъ великой борьбы изъ-за Балтійскаго моря, которая только въ XVII столѣтіи окончилась торжествомъ скандинавскаго и нѣмецкаго элементовъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ Замойскій очистилъ Ливонію отъ шведовъ, а когда они въ 1605 году снова возобновили нападеніе, Ходкевичъ разбилъ ихъ на-голову при Кирхгольмѣ. Эта побѣда обезпечивала за Польшею всю Ливонію и Эстонію, но Сигизмундъ ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ заключить мира съ Карломъ, котораго считалъ бунтовщикомъ и, жертвуя счастіемъ своего народа, своимъ личнымъ желаніямъ, этимъ самымъ далъ начало разорительной для Польши шестидесятилѣтней шведской войнѣ, которая, ослабляя оба государства, въ концѣ концовъ принесла пользу лишь одной Россіи.

Кирхгольмской побѣдой нельзя было воспользоваться, и потому еще, что въ то же самое время въ самой Польшѣ началась ужасная драма,—бунтъ Зебржидовскаго. Причины бунта лежали въ той же политикѣ Сигизмунда, политикѣ, враждебной интересамъ польскаго народа. Всѣ недовольные элементы шляхты сгруппировались послѣ смерти Замойскаго вокругъ Николая Зебржидовскаго, Януша Радзивилла, Яна Гербута и Станислава Стадницкаго, у которыхъ были, разумѣется, и свои личные интересы. На съѣздахъ въ Стенжицѣ, Люблинѣ и Сандомиржѣ оказалось полное недовольство шляхты политикой короля. Среди множества требованій, заявленныхъ шляхтой, одно требованіе особенно важно. Оно заключалось въ томъ, чтобы король удалилъ отъ двора иностранцевъ и іезуитовъ и вмѣсто нихъ учредилъ постоянный совѣтъ, состоящій изъ трехъ сенаторовъ, избираемыхъ сеймомъ. Подобнаго рода совѣтъ, составлявшій какъ бы парламентское министерство, былъ единственнымъ средствомъ водворенія согласія между королевскою властью и народомъ. Но король не исполнилъ желанія шляхты и, думая лишь о скорѣйшемъ подавленіи бунта, со своей стороны собралъ съѣздъ въ Вислицѣ, на которомъ подтвердилъ всѣ анархическія права шляхты и даже присягнулъ, что въ своей внѣшней политикѣ будетъ руководствоваться совѣтами сенаторовъ. Такимъ образомъ, не думая о порядкѣ и благоустройствѣ государства, Сигизмундъ выставилъ противъ бунтующей олигархіи,—анархію королевскую и шляхетское своеволье. Бунтъ былъ подавленъ усиліями Жолкевскаго, но политика Сигизмунда отъ этого не вступила на болѣе раціональную дорогу. Не подлежитъ сомнѣнію, что съ этой минуты начинается рѣшительный упадокъ Рѣчи Посполитой. Хотя недостатокъ крѣпкой власти сталъ уже чувствоваться еще въ царствованіе Сигизмунда I-го, но во время первыхъ Ягайлоновъ не существовало еще такихъ шляхетскихъ привилегій, которыя бы дѣлали государственный порядокъ немыслимымъ. Впослѣдствіи же привилегіи появились, но среди народа, еще полнаго жизни, онѣ были лишь мертвою буквою, которая въ царствованіе Баторія уже потеряла всякое фактическое значеніе. И только бунтъ Зебржидовскаго придалъ шляхетскимъ привиллегіямъ жизненное значеніе. Бунтъ установилъ всеобщее убѣжденіе, что эти привиллегіи—спасительны и что, только благодаря имъ, будущность Польши обезпечена. Бунтъ, такимъ образомъ, своими послѣдствіями создалъ изъ Польши мертвое тѣло, не способное на дальнѣйшее развитіе. Пагубный компромиссъ, съ помощью котораго бунтъ былъ подавленъ,—обезсилилъ королевскую власть и велъ государство къ полному упадку, но во внѣшней политикѣ сразу не проявился ничѣмъ. Польша была переполнена вооруженными толпами, имѣла высокоталантливыхъ предводителей, жаждала войны. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Сигизмундъ и началъ войну съ Москвой, Турціей и Швеціей. Началось, конечно, съ московскаго государства. Въ началѣ царствованія Шуйскаго Сигизмунду, угрожаемому долго сильнымъ возмущеніемъ подданныхъ, было не до Москвы. Но, какъ мы видѣли,

возмущеніе это кончилось торжествомъ короля, который имѣлъ теперь возможность заняться дѣлами внѣшними, а между тѣмъ въ дѣла московскаго государства вмѣшалась Швеція, держава ему враждебная, и Шуйскій заключилъ съ Карломъ IX вѣчный союзъ противъ Польши. При такихъ обстоятельствахъ Сигизмундъ не могъ оставаться болѣе въ покоѣ; съ другой стороны послы польскіе, возвратившіеся изъ Москвы, увѣряли короля, что бояре за него, что стоитъ только ему показаться съ войскомъ въ предѣлахъ московскихъ, какъ бояре заставятъ Шуйскаго отказаться отъ престола и провозгласятъ царемъ королевича Владислава, сына Сигизмунда. Едва лишь началась война, какъ пришлось постановить какое-либо рѣшеніе. Когда король осадилъ Смоленскъ, Жолкевскій, во главѣ шестидесятытысячнаго польскаго войска, разбилъ въ 1610 году войско Шуйскаго и шведовъ, безъ всякаго препятствія дошелъ до стѣнъ Москвы и разогналъ поляковъ, сражавшихся съ русскими вмѣстѣ съ новымъ самозванцемъ и Мариною. Тогда московскіе бояре собрались въ думу, низложили съ престола Шуйскаго, предложили престолъ Владиславу и, пригласивъ Жолкевскаго въ Москву, выработали условія выбора. Новый царь долженъ былъ обязаться не покушаться на православную церковь и права бояръ, ввести польское правило: neminem captivabimus, принести съ собой союзъ съ Польшею и побѣдить новаго самозванца. Тѣмъ не менѣе, Сигизмундъ не принялъ этихъ условій, надѣясь побѣдить Москву безъ всякихъ условій, самому занять царскій престолъ и открыть Россію для католической пропаганды. И дѣйствительно, въ 1611 г. король взялъ Смоленскъ, въ Москвѣ возникли междоусобицы, но король не спѣшилъ. Только когда, вслѣдствіе неплатежа жалованья, польскія войска начали возмущаться и возвращаться въ Польшу, Сигизмундъ съ остатками арміи пошелъ на Москву, но когда подошелъ къ ея стѣнамъ, — въ ней уже не было поляковъ. Польскій гарнизонъ въ Кремлѣ принужденъ былъ сдаться бунтовавшемуся народу. Сигизмундъ принужденъ былъ возвратиться въ Польшу, а въ Москвѣ былъ избранъ пятнадцатилѣтній Михаилъ Романовъ. Въ 1616 г. новый царь осадилъ Смоленскъ; въ это время Сигизмундъ отправилъ съ многочисленнымъ войскомъ Ходкевича за русскою короною для Владислава, но было уже поздно; русскій народъ соединился вокругъ новой династіи. Въ сентябрѣ 1618 года Владиславъ рѣшился двинуться прямо къ Москвѣ. Соединившись подъ стѣнами столицы съ казаками Сагайдачнаго, поляки повели приступъ, но потерпѣли неудачу у Арбатскихъ и Тверскихъ воротъ. Послѣ этой неудачи начались переговоры о мирѣ; уполномоченные съѣзжались сначала подъ Москвою, на рѣкѣ Прѣснѣ (теперь прѣсненскіе пруды), потомъ, когда Владиславъ перешелъ къ сѣверу, на переяславскую дорогу, то переговоры производились въ самой Москвѣ; наконецъ было положено съѣхаться въ деревнѣ Деулинѣ (отъ Троицы въ 3 верстахъ), гдѣ 1-го декабря заключили перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ съ уступкой Польшѣ Смоленска и Сѣверской земли, при чемъ Владиславъ не отказался отъ правъ своихъ на московскій престолъ.

На это поспѣшное хотя и выгодное перемиріе Польша принуждена была согласиться, въ виду новой войны съ Турціей. Причины этой войны были чисто внѣшнія. Въ 1615 году казацкій гетманъ Конашевичъ Сагайдачный, помогавшій Владиславу въ его борьбѣ съ Москвой, сжегъ два главныхъ торговыхъ турецкихъ города на Черномъ морѣ — Требизонтъ и Синопъ. Долгое время Турція терпѣливо выносила эти постоянныя нападенія казаковъ и постоянно жаловалась Польшѣ, но Польша не принимала никакихъ средствъ. Другой причиной войны была Валахія. Польскіе вельможи постоянно нападали на Валахію, находившуюся подъ протекторатомъ Турціи. Этому помогала Австрія, надѣясь этимъ средствомъ втянуть Сигизмунда въ войну съ Турціей. Обстоятельства благопріятствовали этому. Въ Чехіи разразилась тридцатилѣтняя война, въ которой могущество габсбурговъ было угрожаемо протестантскими народами; Австрія, поэтому, во имя католицизма, потребовала помощи отъ Сигизмунда, который сейчасъ же отправилъ войско подъ предводительствомъ Лиссовскаго противъ Семиградскаго принца, который, во главѣ венгерской оппозиціи и подъ опекой Турціи, боролся съ императоромъ. Это было явнымъ нарушеніемъ мира, заключеннаго между Польшею и Турціей въ

Сигизмундъ III въ мастерской золотыхъ дѣлъ мастера.

1617 году. Несмотря на огромныя потери поляковъ въ этой войнѣ, Польша все-таки осталась побѣдительницей и миръ былъ возобновленъ.

Но война возгорѣлась съ новою силою съ другой стороны, со стороны Швеціи. Кирхгольмская побѣда не закончила шведской войны, а только замедлила ее; военныя дѣйствія медленно, но продолжались, какъ со стороны поляковъ, такъ и стороны шведовъ. Но теперь, въ минуту возникновенія тридцатилѣтней войны, шведскій престолъ занималъ сынъ Карла IX, молодой Густавъ Адольфъ, который хотѣлъ стать во главѣ защиты сѣверныхъ протестантовъ и даже мечталъ о престолѣ габсбурговъ. Сигизмундъ, союзникъ габсбурговъ, считавшій себя законнымъ королемъ шведскимъ и постоянно думавшій о возвращеніи себѣ шведскаго престола, —былъ опаснымъ врагомъ для Густава Адольфа. Пользуясь, поэтому, войной Польши съ Турціей, онъ занялъ въ 1621 году Ливонію и захватилъ Ригу, Митаву и другіе города, заключилъ съ Радзивилломъ перемиріе и потребовалъ, чтобы Сигизмундъ отказался отъ своихъ правъ на шведскій престолъ. Упорный въ своихъ желаніяхъ, Сигизмундъ и на этотъ разъ не принялъ предложеній и продолжалъ войну. Густавъ Адольфъ въ 1626 году, въ союзѣ съ прусскимъ герцогомъ, занялъ польскую Пруссію, за исключеніемъ Данцига и Торна. Правда, въ слѣдующемъ году гетманъ Конецпольскій нѣсколько разъ разбилъ Густава Адольфа, но не въ состояніи былъ изгнать его изъ Пруссіи. Тогда шведскій король вторично предложилъ миръ Сигизмунду съ возвратомъ Польшѣ Пруссіи, Курляндіи, Ливоніи и даже Эстоніи. При посредничествѣ Франціи приступлено было къ переговорамъ, но Сигизмундъ и на этотъ разъ не согласился отказаться отъ своихъ правъ на шведскій престолъ и только въ 1627 году согласился въ въ Альтмаркѣ на шестилѣтнее перемиріе. Польша потеряла свои порты на Балтійскомъ морѣ, а Швеціи были развязаны руки для дѣйствій въ Германіи. Безъ всякаго сомнѣнія, польскіе интересы были сильно забиты тридцатилѣтней войной, и Польшѣ необходимо было вмѣшаться въ эту борьбу католицизма съ протестанскимъ миромъ, но къ несчастью на польскомъ престолѣ сидѣлъ Сигизмундъ III, король, который ради религіозной пропаганды и своей личной шведской политики жертвовалъ самыми жизненными интересами государства. Онъ окружилъ себя пышнымъ дворомъ въ своей столицѣ, которую перенесъ изъ Кракова въ Варшаву, такъ какъ Варшава съ 1573 года сдѣлалась центромъ выборовъ и сеймовъ. Мрачный, неразговорчивый, сосредоточенный въ себѣ, не сообщающійся, онъ никогда не внушалъ довѣрія шляхтѣ. Глубоко религіозный, прекрасно образованный, онъ ввелъ извѣстный порядокъ при дворѣ, развлекался астрологіей, дѣятельно занимался государственными дѣлами, но отдаляя отъ себя наиболѣе заслуженныхъ и достойныхъ людей, Сигизмундъ до смерти остался вѣрнымъ ученикомъ іезуитовъ и орудіемъ ихъ политики. Само собой разумѣется, что эта политика не могла привести Сигизмунда къ союзу съ Франціей и протестантскими державами. Сигизмундъ, становясь на сторону католицизма и габсбургскаго дѣла, вовлекалъ Польшу во враждебныя отношенія съ могущественными сосѣдями и лишалъ ее вліянія на дѣла Западной Европы.—Сигизмундъ умеръ въ Варшавѣ 30 апрѣля 1632 года.

Послѣ непродолжительнаго безкоролевья, на польскій престолъ былъ избранъ Владиславъ IV, сынъ Сигизмунда III. Владиславъ IV былъ весьма мало похожъ на своего отца. На сколько отецъ имѣлъ скрытный характеръ, на столько сынъ былъ откровененъ; на сколько первый былъ упрямъ, на столько второй—уступчивъ; на сколько первый не любилъ народа и не уважалъ его правъ, на столько второй—былъ народолюбецъ; на сколько первый былъ горячимъ католикомъ, на столько второй отличался вѣротерпимостью и ненавидѣлъ іезуитовъ. Были, однакожъ, и общія черты между отцомъ и сыномъ. Владиславъ, конечно, не думалъ о католической пропагандѣ въ Москвѣ и въ Швеціи, но не забылъ о своемъ избраніи на московскій престолъ и мечталъ о шведскомъ престолѣ, для чего и надѣялся воспользоваться военными силами Польши.

Въ 1633 году окончилось перемиріе съ Москвой. Война началась удачно для русскихъ,

Шеинъ съ Измайловымъ осадили Смоленскъ, который отбивался восемь мѣсяцевъ и готовъ уже былъ сдаться по недостатку припасовъ, какъ получилъ помощь въ лицѣ короля Владислава, пришедшаго съ большою арміею. Владиславъ сбилъ русскихъ съ выгоднаго положенія и отрѣзалъ Шеину московскую дорогу. Съ конца октября русскіе начали терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; господствовали смуты и безпорядокъ. Наконецъ, въ январѣ 1634 года, Шеинъ, угнетаемый голодомъ, холодомъ и сильною смертностью, вошелъ въ сношенія съ королемъ и согласился отступить отъ Смоленска, оставивъ весь обозъ и артиллерію во власти поляковъ. Выпустивши Шеина изъ подъ Смоленска король двинулся къ Бѣлой, надѣясь легко взять этотъ городъ, но вышло иначе. Русскіе сдѣлали удачную вылазку, въ которой погибло много поляковъ, терпѣвшихъ съ своей стороны отъ голода и болѣзней, а между тѣмъ приходили вѣсти, что турецкое войско приближается къ границамъ Польши. Въ такихъ обстоятельствахъ королю нужно было какъ можно скорѣе заключить миръ съ Москвою, миръ вѣчный, который бы упрочилъ за Литвою пріобрѣтенія Сигизмунда. Съѣздъ полномочныхъ былъ назначенъ на рѣчкѣ Поляновкѣ: русскіе уступили всѣ города, отданные въ Деулинѣ, кромѣ Серпѣйска; кромѣ того заплатили 20,000 рублей. За это Владиславъ отказался отъ всѣхъ правъ своихъ на московскій престолъ и согласился признать за московскими государями царскій титулъ. Въ началѣ 1635 года для закрѣпленія мира присягою королевскою отправился въ Польшу великій посолъ князь Львовъ-Ярославскій, которому удалось уговорить поляковъ отпустить въ Москву тѣла бывшаго царя Василія Ивановича Шуйскаго, брата его Дмитрія и жены послѣдняго. Тѣло царя Василія съ торжествомъ было принесено въ Москву и погребено въ Архангельскомъ соборѣ.

Гетману Конецпольскому удалось побить турокъ и миръ съ Турціей былъ вскорѣ заключенъ на выгодныхъ для Польши условіяхъ. Также быстро и также безъ всякихъ почти результатовъ окончилась и начатая война со Швеціей. За то внутреннія дѣла пріобрѣли болѣе важное значеніе. Въ 1635 году сеймъ рѣшилъ подавить казацкія движенія, для чего Конецпольскій и выстроилъ крѣпость Кудакъ. Это вызвало всеобщее возстаніе казаковъ подъ начальствомъ Павлюка. Послѣ долгой борьбы, гетманъ Потоцкій подавилъ возстаніе и въ 1638 году сеймъ уничтожилъ привилегіи казаковъ и рѣшилъ переименовать ихъ въ «хлоповъ», чѣмъ и занялись Конецпольскій съ Потоцкимъ. Казакамъ были навязаны польскіе комиссары и полковники, а большую часть народонаселенія прикрѣпили къ землѣ. Въ степяхъ Украйны, подъ защитою Кудака, снова начали строиться громадныя состоянія Вишневецкихъ, Конецпольскихъ, Калиновскихъ, Потоцкихъ, наѣхали іезуиты и вся польская шляхта питала надежду, что на этотъ разъ порядокъ рѣшительно водворился въ Украйнѣ. Подъ вліяніемъ второй своей жены, Маріи Гонзаго, король Владиславъ помышлялъ объ изгнаніи татаръ изъ Крыма и Турокъ изъ Европы. Это должно было быть нѣчто въ родѣ громаднаго крестоваго похода всей Европы противъ невѣрныхъ. Планъ этотъ былъ поддерживаемъ папой, Венеціей, Испаніей и Франціей. Былъ даже заключенъ тайный союзъ, такъ какъ король зналъ, что народъ, довольный продолжительнымъ миромъ, «какъ спокойный зритель у береговъ моря, созерцающій бунтующую передъ нимъ бурю волнъ», не согласится на войну. Тайну знали лишь канцлеръ Оссолинскій и великій гетманъ Конецпольскій Венеціи обязались выплачивать въ теченіе двухъ лѣтъ по 500 тысячъ талеровъ. Король собралъ войска на границѣ и дѣлалъ приготовленія на собственныя средства. Къ несчастью, умеръ Конецпольскій, король потерялъ важнаго помощника, но тѣмъ не менѣе не отказался отъ своихъ плановъ. Королева отдала все свое приданое на предполагаемую войну. Войска уже собирались около Львова, но король встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ вельможахъ. Приходилось, поэтому, созвать сеймъ. Сеймъ, конечно, принудилъ короля отказаться отъ войны, ограничилъ королевскую милицію въ 1,200 человѣкъ, и рѣшилъ немедленно распустить войско. Король уступилъ, такъ какъ хотѣлъ, чтобы его единственный сынъ когда-либо занялъ польскій престолъ. Къ несчастью, сынъ умеръ въ слѣдующемъ году

Опечаленный король отправился въ Вильно, когда узналъ о возстаніи Богдана Хмельницкаго. Онъ уже собирался ѣхать въ Украину, какъ 20 мая 1648 года умеръ въ Меречи, на берегу Нѣмана, въ минуту, когда опасность народнаго возстанія разразилась надъ Рѣчью Посполитой.

Казацкій сотникъ Зиновій Богданъ Хмельницкій, давно извѣстный своею храбростью, оскорбленный однимъ польскимъ чиновникомъ и не нашедшій себѣ управы, въ концѣ 1647 года убѣжалъ въ Запорожье, оттуда въ Крымъ; уговорилъ хана дать ему татарское войско и съ этимъ войскомъ явился опять въ Запорожье, куда бѣжали къ нему толпы недовольныхъ изъ Малороссіи. Узнавши объ этомъ возстаніи, два польскихъ гетмана, Потоцкій и Калиновскій, пошли весною 1648 года на встрѣчу къ Хмельницкому, но потерпѣли пораженіе въ двухъ битвахъ—при Желтыхъ Водахъ и при Корсуни: оба гетмана попались въ плѣнъ и отведены были въ Крымъ. Такое блистательное начало взволновало всю Украину: крестьяне поднимались противъ пановъ, духовенство проповѣдывало освобожденіе православныхъ отъ притѣснителей-католиковъ, ненависть сословная соединилась съ ненавистью религіозною. Въ это опасное для государства время умеръ король Владиславъ. Но дѣятельность правительства, оставшагося безъ главы, усиливаетъ возстаніе: вся Украйна наполняется загонами или вооруженными отрядами, составленными преимущественно изъ возставшихъ крестьянъ, называвшихся гайдамаками. Жители польскихъ мѣстечекъ и селъ обыкновенно принимали гайдамаковъ, какъ избавителей, соединялись и вмѣстѣ разрушали господскіе дома, умерщвляли пановъ. Кромѣ пановъ ненависть возставшихъ особенно обращалась на жидовъ, бывшихъ орудіями панскихъ притѣсненій, также на католическое духовенство и церкви католическія. Поляки платили жестокостями за жестокости. Между тѣмъ Хмельницкій съ главными силами поразилъ осенью поляковъ подъ Пилавою, проникнулъ до Львова въ Галицію и взялъ окупъ съ этого богатаго города. Хмельницкій осаждалъ Замостье, когда получилъ вѣсть объ избраніи новаго короля, Яна Казимира, брата Владислава Король прислалъ ему приказаніе отступить въ Украйну и тамъ дожидаться польскихъ комиссаровъ для начатія мирныхъ переговоровъ. Хмельницкій повиновался; переговоры дѣйствительно начались въ 1649 году, но не привели ни къ чему. Война снова возгорѣлась и на этотъ разъ польскими войсками командовалъ самъ король Янъ-Казимиръ. Мы не будемъ разсказывать всей этой войны, достаточно извѣстной изъ русской исторіи. Скажемъ только, что 8 февраля 1654 года состоялась въ Переяславлѣ общая рада. «Паны полковники, есаулы, сотники, все войско Запорожское и всѣ православные христіане,—говорилъ Хмельницкій на радѣ,—видно нельзя намъ жить болѣе безъ царя, такъ выбирайте изъ четырехъ,—царя турецкаго, хана крымскаго, короля польскаго и царя православнаго Великой Россіи, царя восточнаго, котораго уже шесть лѣтъ мы безпрестанно умоляемъ быть нашимъ царемъ и паномъ. Царь турецкій—бусурманъ: извѣстно какую бѣду терпятъ отъ него наши братья, православные греки; крымскій ханъ тоже бусурманъ: подружившись съ нимъ, потерпѣли мы бѣды: объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ нечего и говорить! А православный христіанскій царь восточный одного съ нимъ благочестія: кромѣ его царской руки мы не найдемъ лучшаго пристанища. Кто не захочетъ насъ послушать, тотъ пусть идетъ куда хочетъ: вольная дорога»! Тутъ закричало множество голосовъ: «хотимъ подъ царя восточнаго! Лучше намъ умереть въ нашей благочестивой вѣрѣ, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганцу»! Давши присягу, Хмельницкій со старшинами отправилъ посольство въ Москву просить объ утвержденіи разныхъ правъ за Малороссіею, и государь утвердилъ слѣдующія: войску запорожскому быть всегда въ числѣ 60,000; казаки имѣютъ право выбирать гетмана; права шляхты и городовъ остаются прежнія; въ городахъ правителями быть изъ малороссіянъ, имъ-же и доходы собирать,— гетманъ имѣетъ право принимать иностранныхъ пословъ, давая объ нихъ знать государю; но если эти послы придутъ съ предложеніями вредными для государя, то задерживать ихъ и дожидаться указа царскаго; съ турецкимъ же султаномъ

и польскимъ королемъ безъ царскаго указа не ссылаться. Этотъ переходъ казаковъ въ подданство Москвы вызвалъ новую войну: войну московскаго государства съ Польшею. 18 мая 1654 года царь Алексѣй выступилъ самъ въ походъ противъ Польши по дорогѣ къ Смоленску и тотчасъ-же началъ получать извѣстія о сдачѣ городовъ русскому войску; 5 іюня государь приступилъ къ Смоленску; и сюда гонецъ за гонцами пріѣзжали съ извѣстіями о взятіи литовскихъ городовъ разными воеводами и о побѣдахъ; 10 сентября сдался и Смоленскъ. Лѣтомъ слѣдующаго 1655 года бояринъ князь Яковъ Черкасскій разбилъ литовскаго гетмана Радзивилла и взялъ столицу Литвы Вильно; вслѣдъ затѣмъ сдалися Ковно и Гродно. Съ другой стороны Хмельницкій съ московскими воеводами дѣйствовалъ противъ поляковъ на юго западѣ; взятъ былъ Люблинъ. Съ третьей стороны, мѣру несчастій Рѣчи Посполитой переполнило нападеніе шведовъ.

Янъ-Казимиръ, несмотря на настаиванія Франціи, не хотѣлъ заключить вѣчнаго мира со Швеціей; онъ надѣялся, что, усмиривъ казаковъ, онъ справится и со Швеціей. Между тѣмъ обстоятельства перемѣнились. Дочь Густава Адольфа отреклась отъ престола въ 1654 году въ пользу своего двоюроднаго брата Карла Густава, который далъ новое направленіе шведской политикѣ,—онъ хотѣлъ прославиться побѣдителемъ. Польша, съ которой было заключено только перемиріе,—представляла удобное поле дѣятельности. Въ 1655 году шведскій король прервалъ переговоры о мирѣ и вступилъ съ двумя арміями въ Великую Польшу и Литву. Тогда то именно польская шляхта, собранная для войны со Швеціей, потерявъ всякій патріотизмъ, возбуждаемая враждебными королю Опалинскимъ и Янушемъ Радзивилломъ,—сдалась и перешла подъ протекторатъ Карла Августа. Это было неизбѣжное послѣдствіе политики Сигизмунда III, который, жертвуя интересами государства ради своихъ собственныхъ династическихъ интересовъ, пріучилъ шляхту отдѣлять интересы короля отъ интересовъ народа. Нашествіе шведовъ было понято какъ дѣйствіе, направленное лишь противъ короля. Шляхта думала, что, отрекаясь отъ помощи королю, принимая протекторатъ Карла Густава, она устраняетъ причину войны. Почти безъ борьбы шведскія войска заняли Варшаву и, подвигаясь въ глубь Малой Польши, шведы осадили Краковъ и, несмотря на геройскую защиту Гарнецкаго, принудили Краковъ къ капитуляціи. Въ нѣсколько мѣсяцевъ Карлъ Августъ завоевалъ всю Польшу, за исключеніемъ земель, занятыхъ московскимъ государствомъ и казаками, а Янъ-Казимиръ принужденъ былъ искать убѣжища въ Силезіи. Таковы были послѣдствія внутренней анархіи и фальшиво понимаемой внѣшней политики Польши.

Шляхта польская, подчиняясь своему «протектору», думала, что найдетъ въ немъ дѣйствительнаго опекуна, который возьметъ на себя всѣ тяжести государства, обезпечитъ за шляхтой полную независимость и благосостояніе. На дѣлѣ оказалось, однако-жъ, что Карлъ Августъ не способенъ былъ на подобную роль. Не ему приказывали, а онъ самъ приказывалъ. Деспотизмъ и притѣсненія шведскихъ генераловъ, постоянное грабительство жителей шведскими войсками,—скоро раскрыли глаза шляхтѣ. Шляхта увидала свою ошибку и отступилась отъ шведовъ. Первымъ проявленіемъ этого поворота была геройская оборона въ 1655 году монастыря въ Ченстоховѣ, подъ предводительствомъ Стефана Замойскаго и настоятеля монастыря Августина Кордецкаго. Шведскій генералъ Мюллеръ принужденъ былъ отступить послѣ пяти-недѣльной осады и многочисленныхъ штурмовъ Ченстохова. Фактъ этой обороны поднялъ народный духъ. Этимъ воспользовался король Янъ-Казимиръ. Онъ пріѣхалъ въ Львовъ, и вскорѣ началась усиленная борьба со шведами на всѣхъ пунктахъ. Король Карлъ Августъ, не будучи въ состояніи подойти къ Львову, принужденъ былъ начать отступленіе до самой Пруссіи и искать помощи у Бранденбургскаго курфюрста. Янъ-Казимиръ, собравъ значительное войско, возвратилъ на время даже Варшаву, но вскорѣ послѣ этого, послѣ трехъ-дневной битвы подъ Прагой, принужденъ былъ отступить. Всѣ усилія поляковъ не могли окончательно выгнать шведовъ изъ Польши. Шведы превосходили поляковъ военной организаціей, имѣли въ своихъ

рукахъ крѣпости, были въ союзѣ съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ, съ Фридрихомъ Вильгельмомъ прусскимъ и даже съ Богданомъ Хмельницкимъ, и съ ними начали переговоры о раздѣлѣ Польши. Польша принуждена была искать помощи извнѣ и нашла ее во Франціи. При ея посредствѣ, когда Карлъ Августъ умеръ, былъ заключенъ миръ. Янъ-Казимиръ отъ своего имени и отъ имени своихъ наслѣдниковъ отказался отъ своихъ правъ на шведскій престолъ, сохраняя, однако, до смерти титулъ шведскаго короля. Швеція отреклась отъ всѣхъ своихъ завоеваній въ Польшѣ, Западная Двина была признана границей обоихъ государствъ и Курляндія перешла къ Польшѣ.

Между тѣмъ, сеймъ, собранный въ 1658 году, не согласился подтвердить договоръ, заключенный съ московскимъ государствомъ, и это послужило началомъ новой войны. Но вторая польская война далеко не была такъ удачна для Москвы, какъ первая. Осенью 1658 года воевода Юрій Долгорукій разбилъ и взялъ въ плѣнъ литовскаго гетмана Гонсѣвскаго, а въ юнѣ 1660 года другой воевода, князь Хованскій, потерпѣлъ страшное пораженіе у Полонки отъ Чарнецкаго. Въ 1661 году русскіе потерпѣли новыя неудачи въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Въ Малороссіи Юрій Хмельницкій отказался отъ гетманства и постригся въ монахи. Въ преемники ему былъ избранъ Тетеря, присягнувшій королю. На лѣвой сторонѣ Днѣпра избранъ въ гетманы Брюховецкій, который скоро, послѣ своего избранія, увидѣлъ у себя на лѣвой сторонѣ самого Яна-Казимира съ поляками и казаками правой стороны. Король воевалъ удачно въ концѣ 1663 года и началѣ 1664 г.; онъ занялъ почти всю Малороссію, но успѣхи его были остановлены подъ Глуховымъ, который отлично оборонялся, а между тѣмъ князь Ромодановскій и Брюховецкій стали успѣшно дѣйствовать противъ поляковъ, и король, снявши осаду съ Глухова, долженъ былъ уйти за Десну. Оба государства, и Московское и Польское, истощенныя продолжительной войной, сильно желали ея прекращенія, но продолжительные переговоры не вели ни къ чему; Москва, послѣ такихъ пожертвованій, не могла отказаться отъ Малороссіи и отъ всѣхъ завоеваній; поляки же прямо говорили: «для чего намъ уступать вамъ что либо, когда обстоятельства перемѣнились, когда вы истощены, безъ союзниковъ, а мы свободны отъ всякихъ другихъ враговъ и въ союзѣ съ ханомъ крымскимъ»? Слѣдовательно, миръ былъ возможенъ только въ томъ случаѣ, когда новый какой нибудь ударъ постигалъ то или другое государство и заставлялъ его спѣшить миромъ съ тяжелыми для себя пожертвованіями. Такіе именно удары постигли Польшу. Любомирскій, оскорбленный противникомъ, во главѣ которыхъ стояла королева, поднялъ знамя возстанія противъ короля. Потомъ, преемникъ Тетери на западной сторонѣ Днѣпра, гетманъ Дорошенко поддался турецкому султану и этимъ самымъ поднималъ турокъ и татаръ противъ Польши, которая и должна была поспѣшить миромъ съ Россіей. Въ 1667 году въ деревнѣ Андрусовѣ было заключено перемиріе на тринадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ: царь Алексѣй отказался отъ Литвы, но пріобрѣлъ Смоленскъ, Сѣверскую страну и ту часть Малороссіи, которая оставалась за Москвой въ послѣднее время, т. е., по лѣвую сторону Днѣпра. На правой же сторонѣ Днѣпра Москва удержала только Кіевъ на два года.

Янъ-Казимиръ ясно видѣлъ, что пагубной турецкой войны Польша можетъ избѣжать только союзомъ съ Франціей, но такъ какъ этотъ союзъ оказался невозможнымъ, то Янъ-Казимиръ, подавленный народными несчастіями и потерей жены, рѣшился отказаться отъ престола и переселился во Францію. Шляхта выбрала королемъ Корибута-Вишневецкаго. Но избраніе, совершившееся въ 1669 году, было протестомъ шляхты противъ олигархіи вельможъ. Къ сожалѣнію, всякій шагъ, который шляхта дѣлала въ этомъ направленіи, былъ въ то же время проявленіемъ ея полнѣйшаго упадка и совершеннѣйшей потери политическаго чутья. Избраніе Вишневецкаго было перчаткой, брошенной казакамъ и Франціи. Молодой человѣкъ, нечаянно попавшій на престолъ, безъ способностей, заслугъ и вліянія, не найдя въ шляхтѣ другой помощи, кромѣ бурныхъ и безсмысленныхъ конфедерацій, — принужденъ былъ искать

Михаилъ Вишневецкій по избраніи на царство спрашиваетъ благословеніе у своей матери.

опоры извнѣ и, не найдя ея во Франціи, обратился къ Австріи. Избраніе Вишневецкаго, отодвигая внутреннія реформы, приводило къ войнѣ съ казаками, татарами и Турціей, которая въ то время готовилась къ окончательной борьбѣ съ Австріей. Понятно поэтому, что весь конецъ XVII вѣка ознаменовался борьбой поляковъ съ татарами и турками. Но шляхтѣ легче было безсмысленно вызывать войны, чѣмъ вести ихъ. Когда Дорошенко перешелъ на сторону Турціи и султанъ объявилъ войну Польшѣ, — шляхта, собравшись на съѣздъ, вмѣсто того, чтобы готовиться къ войнѣ, устроила конфедерацію и ругала французскую партію. Тѣмъ временемъ турки, занявъ Каменецъ, подошли къ Львову и продиктовали Вишневецкому позорный миръ въ Бугачѣ. Польша теряла Подолію и Украину и кромѣ того обязалась платить ежегодную дань. Это была рѣшительная минута, которой и воспользовалась такъ называемая французская партія для приведенія коренной реформы. Собѣсскій, поддерживаемый примасомъ Прожмовскимъ, рѣшилъ окончательно покончить со своевольемъ шляхты, разсѣять глупую конфедерацію, устранить отъ престола неспособнаго короля и усадить на его мѣстѣ герцога де-Лонгвиль. Собѣсскій собралъ войско и, послѣ двухъ успѣшныхъ встрѣчъ со шляхетскою партіею, остановился подъ Варшавой въ Ловичѣ. Достаточно было еще одного удара и Собѣсскій былъ увѣренъ въ успѣхѣ, но Собѣсскій колебался. Осуществленіе реформы было отложено, начались переговоры съ королемъ, Турціи была отказана дань. Съ тридцатитысячнымъ войскомъ Янъ Собѣсскій одержалъ подъ Хотиномъ блестящую побѣду надъ турками въ то время, какъ король Вишневецкій умиралъ во Львовѣ.

Медальонъ Собѣсскаго.

Слѣдовало ожидать, что Янъ Собѣсскій, спасатель народа, избранный въ короли послѣ смерти Вишневецкаго, будетъ придерживаться французской партіи, партіи реформъ. И дѣйствительно, первые годы царствованія Яна III Собѣсскаго ясно обнаруживаютъ эту политику, но не долго продолжалось это направленіе. Вмѣсто реформъ на первый планъ выступила борьба съ татарами и турками, и для этой цѣли состоялось примиреніе съ Пруссіей и Австріей. Какимъ образомъ это случилось? Съ давнихъ поръ въ Польшѣ существовала сильная французская партія. Подчиняясь господствующей модѣ во всей Европѣ, и въ Польшѣ подражали всему, что выходило изъ версальскаго двора. Французскій языкъ и литература проникли въ Польшу, въ особенности, благодаря путешествіямъ поляковъ во Францію. Стали являться переводы произведеній французскихъ трагиковъ. Не это, однако-жъ, придавало силу французской партіи. На сторонѣ французской партіи находилась даже и шляхта, боявшаяся войнъ съ Турціей, войнъ, которыя неизбѣжно должны были возникнуть вслѣдствіе союза съ Австріей. Но король Янъ имѣлъ дѣло съ такъ называемой «золотой вольностью» шляхты, которая стѣсняла его дѣятельность; онъ имѣлъ точно также дѣло съ полнымъ упадкомъ народа, упадкомъ, который дошелъ до того, что каждое государство съ помощью подкупа могло образовать въ Польшѣ свою собственную партію и производить безпорядки на сеймахъ. Епископы—сенаторы подчинялись приказамъ изъ Рима, и единственное чувство, оставшееся въ шляхтѣ, — религіозное, — было возбуждено на войну противъ турокъ. Такимъ образомъ, король Янъ находился подъ давленіемъ Австріи, Рима, духовенства и шляхты. Не мудрено, что онъ уступилъ этому давленію. Кромѣ того, король совершенно подчинялся вліянію своей жены, которая заставляла его дѣлать все, что ей угодно. «Марусенка» была французскаго происхожденія, но смертельно возненавидѣла Людовика XIV за то, что французскій король не хотѣлъ сдѣлать пэромъ Франціи ея отца, маркиза д'Аркіена. Хотя позднѣе Людовикъ и желалъ исправить ошибку, но королева уже не хотѣла и думать о французскомъ союзѣ и толкнула короля Яна въ объятья Австріи.

Вторая половина царствованія Яна III есть цѣлый рядъ великихъ дѣяній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и великихъ несчастій, созданныхъ Польшѣ этимъ австрійскимъ союзомъ. Уже въ 1683 г. турецкія полчища, подъ предводительствомъ Кары Мустафы, направились къ Вѣнѣ. Австрійская столица, окруженная турками, уже готова была сдаться; ужасъ объялъ весь христіанскій міръ. Единственная надежда Леопольда лежала на Собѣсскомъ и польскій король выступилъ на помощь Австріи во главѣ 22,000 арміи. Геройство польской арміи спасло Вѣну.

Портретъ Собѣсскаго.

Турецкая армія была разсѣяна, а весь турецкій лагерь, въ которомъ были несмѣтныя богатства, попалъ въ руки побѣдителей. Собѣсскій преслѣдовалъ турокъ и подъ Пархонами вторично разбилъ ихъ, изгоняя изъ Венгріи. Всѣ эти великія дѣянія удержали на время несомнѣнный упадокъ народа, воспитывая въ немъ рыцарски-религіозный духъ. Удивительно полнымъ типомъ этой новой рыцарской шляхты можно считать Яна Пассека, какъ онъ рисуется въ своихъ запискахъ. Шляхтичъ безъ всякихъ политическихъ убѣжденій, поклонникъ «золотой воль-

ности» и всего гніющаго строя Рѣчи Посполитой, безъ образованія, но краснорѣчивый ораторъ, благочестивый, мягкій въ обращеніи,—онъ, какъ солдатъ, слѣпо довѣряется своему предводителю, который ведетъ его за собой, бросается, очертя голову, въ опасность, не щадитъ собственной крови, потому что борется изъ-за высшей идеи, которая освѣщаетъ весь его жизненный путь. Этотъ рыцарскій духъ отразился даже въ литературѣ и создалъ двухъ значительныхъ поэтовъ—Веспазіона Коховскаго и Венцеслава Потоцкаго.

Собѣсскій передъ войскомъ.

Это поднятіе духа не могло долго удержаться, потому что союзъ съ Австріей приготовилъ Польшѣ и Собѣсскому новыя несчастія и униженія. Возвратившись съ вѣнскаго похода, гдѣ онъ легко могъ убѣдиться въ вѣроломствѣ Австріи, Собѣсскій, имѣя въ виду окончаніе турецкой войны, старался привлечь и Россію въ эту христіанскую лигу. Онъ не мѣшалъ внутреннему развитію Россіи, и не поколебался даже заключить съ нею вѣчный миръ въ 1686 году, по которому, взамѣнъ помощи противъ татаръ, Россія получила Смоленскъ и Черниговъ. При подтвержденіи этого мира слезы навернулись на глазахъ Собѣсскаго: такъ тяжелъ былъ этотъ миръ для Польши и такъ выгоденъ для Россіи. Но все это ни къ чему не послужило; цѣлый рядъ неудачъ, испытанныхъ имъ въ войнѣ съ Турціей въ Молдавіи, окончательно ожесточилъ характеръ короля. Между тѣмъ, общественный упадокъ шелъ своимъ чередомъ. Замужество Варвары Радзивилловной, наслѣдницы громаднаго состоянія, наслѣдства ординаціи Замойскихъ,—вотъ важнѣйшія дѣла, которыя обращали на себя вниманіе общества и для которыхъ созывались и распускались сеймы. Въ Литвѣ партія Сапѣги окончательно завладѣла всѣмъ среди упорной и продолжительной борьбы съ другими партіями. Даже Франція, до тѣхъ поръ поддерживающая въ Польшѣ всякую попытку къ

Собѣсскій подъ Хотиномъ (Калишской губ.).

реформѣ, увидѣвъ Польшу среди своихъ враговъ и, создавъ въ Польшѣ свою собственную партію, помогала общественному разложенію, лишь бы обезсилить Польшу и сдѣлать для себя

безвредной. Среди этой безурядицы въ 1696 году умеръ Янъ III Собѣсскій, проклиная міръ, въ которомъ «растутъ лишь — грѣхъ, злоба и измѣна!»

Непопулярность отца перешла къ королевичу Якову; его споры съ матерью Маріей Казимирой о наслѣдствѣ по отцѣ, равнодушіе Австріи, въ виду враждебнаго настроенія Франціи, сдѣлали то, что надежда попасть на престолъ окончательно улетучилась для Якова. Дѣло дошло до того, что королемъ польскимъ долженъ былъ сдѣлаться тотъ, кто больше заплатитъ. На этомъ основаніи началась безобразная борьба между двумя кандидатами: французскимъ герцогомъ Конти, поддерживаемымъ Людовикомъ XIV черезъ своего посланника Полиньяка, и Фридрихомъ Августомъ Саксонскимъ, который съ этою цѣлью принялъ даже

Прощаніе Собѣсскаго съ женою передъ вѣнскимъ походомъ.

католичество. Французскій кандидатъ слишкомъ скоро растратилъ деньги; когда дѣло коснулось выборовъ,—ему недостало денегъ, и Фридрихъ Августъ одержалъ побѣду.

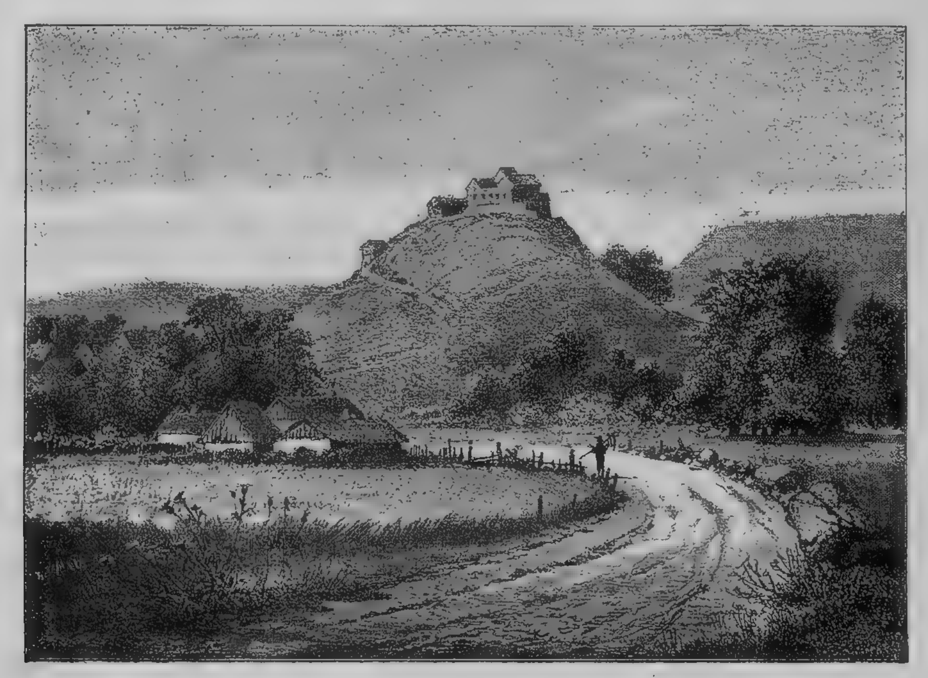
Избраніе Августа II, поддерживаемаго Австріей и Россіей, окончательно уничтожило въ Польшѣ французское вліяніе; тѣмъ не менѣе, Августъ II, какъ герцогъ Саксонскій, могъ не быть подъ вліяніемъ польскихъ магнатовъ, могъ сдерживать ихъ своеволіе, могъ возстановить падающую и ослабѣвающую власть и, въ случаѣ нужды, поддержать ее саксонскимъ войскомъ. Что Августъ именно такимъ образомъ понималъ свое избраніе, — не подлежитъ сомнѣнію. Августъ II не только своимъ громаднымъ ростомъ напоминалъ Людовика XIV: во французскомъ королѣ онъ видѣлъ свой политическій идеалъ,—и хотѣлъ играть на востокѣ такую же роль, какую Людовикъ игралъ на западѣ. Маленькая Саксонія не дозволяла ему играть подобной роли; поэтому онъ не поколебался пожертвовать ею, принять католицизмъ съ тѣмъ, чтобы, сдѣлавшись королемъ Польши, сдѣлать изъ нея первостепенное государство въ Европѣ. Для этого, конечно, прежде всего нужно было водворить внутренній порядокъ, усилить правитель-

Въѣздъ Собѣсскаго въ Вѣну.

ственную власть, уничтожить своеволье шляхты. Въ этомъ намѣреніи его поддерживалъ министръ Флеммингъ. Къ сожалѣнію, Августъ II, имѣя такія высокія намѣренія, не былъ тѣмъ человѣкомъ, который бы могъ привести ихъ въ исполненіе. Человѣкъ развратный и распущенный, онъ истрачивалъ свои доходы на безумныя оргіи, разорялъ Саксонію и давалъ Польшѣ примѣръ разврата. Саксонское войско, введенное въ Польшу, вмѣсто того, чтобы поддерживать порядокъ, занималось грабежомъ, какъ бы въ странѣ непріятельской. Не мудрено поэтому, что польское общество возненавидѣло своего короля и мечтало объ его низложеніи.

Первымъ дѣломъ Августа былъ походъ для возврата Польшѣ Каменца, взятаго турками въ 1672 году. Этотъ походъ послужилъ, однако-жъ, Августу предлогомъ ввести саксонскія войска въ Польшу; вмѣсто осады Каменца, польскія и саксонскія войска въ лагерѣ, между

Олешки, замокъ, принадлежавшій прежде Собѣсскимъ, мѣсто рожденія Яна III

Львовомъ и Бржежономъ, начали между собой опасные раздоры. Къ счастью, Турція, истощенная продолжительными войнами, согласилась заключить миръ, въ силу котораго, уступая Австріи — Венгрію и Словонію, Россіи — Азовъ, она уступала Польшѣ Каменецъ-Подольскій. Такимъ образомъ, исчезъ и предлогъ держанія саксонскихъ войскъ въ Польшѣ. Августъ имѣлъ отличный предлогъ удержать ихъ въ Литвѣ. Вліятельная семья Сапѣговъ, захвативши въ свою руку власть въ Литвѣ еще со временъ Ивана III, — позволяла себѣ страшныя злоупотребленія и вызвала противъ себя шляхетское возстаніе. Король перешелъ на сторону шляхты, которая, разбивъ войско Сапѣговъ подъ Ольkeниками, лишила ихъ всѣхъ литовскихъ имѣній. Въ то, однако, время, когда Августъ намѣревался усилить власть въ Польшѣ, — на востокѣ начался послѣдній актъ великой драмы изъ-за обладанія Балтійскимъ моремъ. Война Россіи со Швеціей оказалась необходимой. Съ другой стороны, Россія имѣла цѣлью вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши. Петръ I, въ качествѣ союзника, впуталъ посаженнаго съ его помощью на

польскій престолъ короля Августа II въ Сѣверную войну. Никогда еще Польша не была въ такомъ разстроенномъ положеніи, какъ въ то время; сдвинутая, такъ сказать, съ своего фундамента казацкими возстаніями, въ эпоху Сѣверной войны она совсѣмъ расшаталась. Шведскій король, разбивъ своего соперника, вошелъ въ границы Польши, взялъ Варшаву, Краковъ и Торнъ. Тогда малопольскія земли образовали конфедерацію въ Сандомиржѣ для поддержки короля Августа, но Сапѣга, примасъ Радзейовскій и Лещинскій организовали контръ-конфедерацію и провозгласили въ 1704 году, по требованію Карла XII, безкоролевье и избрали королемъ Станислава Лещинскаго, которому протежировалъ шведскій король. Въ отвѣтъ на это избраніе, Августъ и поддерживавшая его шляхта вошли въ союзъ съ Петромъ I. Русское войско выступило противъ шведовъ въ Литвѣ. Несмотря на эту помощь, Карлъ XII и сторонники Лещинскаго имѣли значительныя преимущества. Августъ, чувствуя, что почва уходитъ изъ подъ его ногъ,

Собѣсскій и его семья.

въ отчаяніи принялъ планъ раздѣла Польши между Пруссіей и Литвою. Электоръ Бранденбургскій, который уже въ 1701 году, пользуясь смутами, короновался, какъ прусскій король, и этимъ самымъ обнаружилъ свои намѣренія по отношенію къ польской Пруссіи,—теперь занялъ эти земли; Петръ овладѣлъ Литвой, Августъ временно возвратилъ себѣ Варшаву. Эти планы были разстроены Карломъ. Онъ, благодаря своимъ быстрымъ движеніямъ, выгналъ Августа изъ Польши, разбилъ его и помогавшія ему войска подъ Ольkениками въ Литвѣ, затѣмъ вступилъ неожиданно въ Саксонію и принудилъ Августа въ 1706 году отказаться отъ польской короны. Этого трактата не признала Россія и та часть поляковъ, которая подъ предводительствомъ Шембека заключила съ Россіей новый союзъ. Карлъ XII обратился тогда противъ Россіи. Извѣстно, чѣмъ кончилась эта война; разбитый подъ Полтавою, Карлъ принужденъ былъ бѣжать въ Турцію. Побѣда подъ Полтавой отняла всякую надежду сторонникамъ Станислава Лещинскаго. Августъ съ помощью Россіи возвратился въ Польшу; онъ заключилъ миръ съ

королемъ прусскимъ, который, подружившись съ Петромъ, договаривался съ русскимъ императоромъ объ окончательномъ завоеванiи Швецiи и раздѣлѣ Польши. Между тѣмъ Карлу XII удалось впутать Турцiю въ войну съ Россiей. Петръ пошелъ въ Молдавiю черезъ степь, въ лѣтнiй зной, истомившiй его войско; молдаванскiй господарь Кантемиръ обѣщалъ приготовить запасы для русскихъ, но, какъ слабый между двумя сильными, сначала хитрилъ, боясь турокъ, притворился вѣрнымъ султану и объявилъ себя за Россiю только тогда, когда передовыя войска царскiя подошли къ Яссамъ. Далеко не всѣ вельможи молдаванскiе послѣдовали его примѣру и присоединенiе Кантемира мало помогло Петру; запасы не были приготовлены. 9 iюля на берегу рѣки Прута Петръ былъ окруженъ турками, которыхъ было до 200,000. Нападенiя турокъ были отбиты съ большимъ урономъ для нихъ; несмотря на то, положенiе русскаго войска было отчаянное. На военномъ совѣтѣ было рѣшено предложить миръ визирю,

Собѣсскiй садитъ дерево въ Вилиновѣ.

и тотъ согласился принять предложенiе, потому что съ одной стороны янычары волновались и не хотѣли сражаться съ русскими, храбрость которыхъ недавно испытали; съ другой—пришло извѣстiе, что русскiй генералъ Ренне, отряженный Петромъ, взялъ Браиловъ и грозилъ разрушить мостъ на Дунаѣ. Но условiя мира, разумѣется, не могли быть выгодны для Петра; онъ долженъ былъ возвратить туркамъ Азовъ и три построенныя имъ крѣпости, обязался не вмѣшиваться въ дѣла Польши и дать Карлу XII свободный проѣздъ въ его королевство. Августъ II, потерявъ покровительство Петра, рѣшился безъ его помощи измѣнить положенiе вещей въ Польшѣ. Это вызвало возстанiе шляхты и страшныя междоусобицы; тѣмъ не менѣе Августъ имѣлъ возможность подавить возстанiе; но шляхта обратилась къ покровительству Петра и просила его посредничества. Русское войско вторично вступило въ Литву, явился русскiй посланникъ въ роли посредника и продиктовалъ трактатъ мира въ 1716 году, въ кото-

ромъ шляхта видѣла обезпеченіе своей свободы. По этому трактату въ Польшѣ не должно быть войска болѣе 18,000, а власть военачальника (гетмана) сдѣлалась независимою отъ короля и подлежала только одному сейму. Но сеймы въ Польшѣ того времени обыкновенно не доходили до конца, а *срывались*, потому что каждый изъ сеймовыхъ пословъ могъ своимъ несогласіемъ не допускать проектамъ обращаться въ законы. Поэтому гетманъ могъ властвовать надъ войскомъ по произволу. Съ этого времени русскій посланникъ въ Варшавѣ сталъ имѣть прямое вліяніе на внутреннія и внѣшнія дѣла Польши. Августъ былъ обязанъ русскому царю тѣмъ, что удержался на престолѣ; онъ тяготился этимъ положеніемъ, но ничего не могъ сдѣлать. Россія могла всегда расшевелить противную ему партію въ Польшѣ. Трактатъ мира, продиктованный русскимъ посланникомъ, былъ принятъ такъ называемымъ патификаціоннымъ сеймомъ молча, поэтому и самъ сеймъ былъ названъ *нѣмымъ*.

Съ этой минуты Польша потеряла, собственно говоря, свою независимость, и начинается такъ называемый періодъ раздѣловъ. Прежде, однако, чѣмъ перейти къ этому періоду, необходимо сказать нѣсколько словъ о причинахъ, приведшихъ Польшу къ такому быстрому и безповоротному упадку.

Конецъ XVII и начало XVIII столѣтій можно считать важнымъ моментомъ въ политической исторіи Европы. Эпоха колебаній и исканіе государственныхъ формъ—закончились; всѣ европейскія государства преобразовались въ такой государственный и политическій организмъ, который имѣлъ въ своемъ основаніи крѣпкую и сплоченную централизацію. Вездѣ равительства сосредоточивали въ своихъ рукахъ не только верховную власть, но и всѣ народныя силы; сложная и правильная администрація обезпечивала быстрое и неуклонное выполненіе распоряженій центральной власти, а постоянная армія поддерживала внѣшнюю политику. Такую, по преимуществу, организацію приняли три государства, окружавшія Польшу: Австрія, Пруссія и Россія. Австрія, благодаря Карловицскому миру въ 1699 году, окончательно вытѣснила турокъ изъ Венгріи и вмѣстѣ съ тѣмъ подавила окончательно всѣ революціонные элементы. Благодаря прагматической санкціи Карла VI, она соединила во-едино всѣ свои разнохарактерныя части—нѣмецкія, чешскія, венгерскія—въ одну государственную сущность, въ одну австрійскую монархію, въ которой существовала одна центральная власть въ Вѣнѣ, одни финансы, одно войско. Пруссія, соединенная въ 1611 г. съ Бранденбургомъ, получила въ 1660 г. признаніе Польшею своей независимости и работала теперь также дѣятельно надъ своимъ перерожденіемъ въ духѣ той же централизаціи. За Фридрихомъ I-мъ въ 1702 г. былъ признанъ королевскій титулъ; Фридрихъ II-й, работая въ томъ-же духѣ, возвысилъ Пруссію на степень

Памятникъ Собѣскому въ костелѣ капуциновъ въ Варшавѣ.

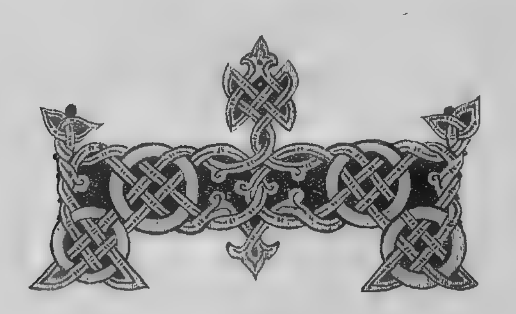
первоклассной европейской державы и началъ борьбу съ Австріей изъ-за гегемоніи. Наконецъ, Петръ Великій, принявъ въ 1721 году титулъ Русскаго Императора, создалъ новѣйшую Россію,— государство, грозное своею военною силою, государство, которое, взявъ послѣ смерти Карла XII Эстонію и Ливонію, пріобрѣло Балтійское море и, благодаря этому, господствовало надъ всею восточною Европою и начало борьбу съ Турціей, уже расшатанной.

И вотъ среди этихъ абсолютныхъ, чисто милитарныхъ державъ, Польша оказалась по своей организаціи такою, какою ее сдѣлалъ пацификаціонный сеймъ 1717 года, безъ всякой внутренней организаціи, безъ сильной власти, безъ значительной арміи, при полной невозможности приступить къ какимъ бы то ни было реформамъ въ этомъ отношеніи. Въ XVII столѣтіи въ Польшѣ не было недостатка въ военной силѣ; сила эта раззоряла государство, но въ минуту опасности Польша, тѣмъ не менѣе, имѣла опытнаго и храбраго солдата, который подъ предводительствомъ талантливыхъ военачальниковъ могъ дѣлать чудеса. Въ началѣ XVIII столѣтія отношенія совершенно перемѣнились. Военное искусство сосредоточилось главнымъ образомъ на артиллеріи и пѣхотѣ, которыхъ въ польскомъ войскѣ, состоявшемъ изъ кавалеріи, почти совершенно не было; новая тактика требовала прежде всего правильной военной организаціи и послушанія, которыхъ не можетъ замѣнить даже величайшая личная храбрость. И въ такую-то минуту пацификаціонный сеймъ, хотя и опредѣлилъ извѣстные налоги на постоянную армію, но сократилъ ее до смѣшного. Не мудрено къ тому-же, что общая государственная дезорганизація отразилась также и на военной администраціи. Вслѣдствіе возмутительныхъ злоупотребленій едва-лишь половина опредѣленнаго числа, т. е., 12,000 человѣкъ, были вооружены; объ артиллеріи и пѣхотѣ не было и рѣчи, послушаніе совершенно не существовало, значительная часть арміи состояла изъ иностранцевъ, военный духъ окончательно исчезъ. Такимъ образомъ, пацификаціонный сеймъ можно считать такимъ-же компромиссомъ, какимъ закончилось сто лѣтъ тому назадъ возстаніе Зобржодовскаго. Тогда народъ и всѣ партіи сказали себѣ: зачѣмъ намъ бороться изъ-за переустройтсва государства, если всѣ наши усилія не должны ни къ чему привести; вѣдь съ «золотою вольностью» мы будемъ имѣть и золотой внутри миръ! Теперь весь народъ повторилъ то же самое умозаключеніе, примѣняя его къ внѣшней политикѣ: зачѣмъ намъ заботиться о содержаніи значительной военной силы и прежняго политическаго вліянія, коль скоро все это такъ дорого стоитъ; не лучше-ли отказаться отъ всякаго голоса въ Европѣ и дать нашимъ сосѣдямъ гарантіи въ томъ, что мы никому не будемъ мѣшать, и когда мы сдѣлаемся совершенно безсильными, то всѣ оставятъ насъ въ покоѣ! Н. И. Костомаровъ въ своемъ сочиненіи—«Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», касаясь причинъ разложенія Польши, дѣлаетъ, между прочимъ, такую характеристику: «Въ чемъ состоятъ первобытныя свойства поляка, опредѣлившія его историческій характеръ? Кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что польскій народъ, какъ и все славянское племя, въ большей или меньшей степени представляетъ избытокъ и господство сердечности надъ умомъ. Начиная отъ времени Болеслава Храбраго и кончая послѣдними судорожными порывами къ утраченной самобытности, поляки всегда дѣйствовали преимущественно подъ вліяніемъ сердца; умъ и воля подчинялись у него этому влеченію и часто парализовались имъ. Народныя добродѣтели и пороки объясняются этимъ свойствомъ; полякъ легко воспламеняется, когда затрогивается его сердце, и легко охлаждается, когда сердце отъ утомленія начинаетъ биться тише; легко довѣряется тому, кто льститъ желанію его сердца, и въ обоихъ случаяхъ легко попадается въ самообольщеніе и обманъ: голосъ холоднаго, здраваго разсудка, хотя бы самый дружескій, ему противенъ; увлекаясь чувствомъ, онъ считаетъ возможнымъ невозможное для его силъ, затѣваетъ великое дѣло и не кончаетъ его, дѣлается несостоятельнымъ, когда для дѣла оказывается недостаточно сердечныхъ порывовъ, а нужны холодное обсужденіе и устойчивый трудъ; онъ способенъ къ чрезвычайной дѣятельности, но не надолго и можетъ скоро впасть въ лѣнь и апатію; онъ добръ до безпредѣльности и способенъ на величайшія самопо-

жертвованія въ пользу добраго дѣла въ минуту увлеченія, но рѣдко способенъ вести его съ постоянствомъ, можетъ бросить его на полъ-дорогѣ, легко сдѣлаться свирѣпымъ, жестокимъ, но также по увлеченію сердца и не надолго. Не въ натурѣ поляка — ни постоянная долгая дружба, ни упорная мстительность. При первомъ непріятномъ на его сердце впечатлѣніи онъ разсорится съ вѣрнѣйшимъ другомъ, измѣнитъ ему, но за то легко протянетъ руку заклятому врагу, если тотъ удачно польститъ его чувству. Его легко поднять до восторга и довести до унынія; отъ этого онъ часто бываетъ чрезмѣрно кичливъ и заносчивъ, но часто падаетъ духомъ и унижается въ несчастіи, то чрезвычайно храбръ, то чрезвычайно труслив, то черезчуръ бурливъ и неугомоненъ, то черезчуръ падатливъ. Этимъ свойствомъ объясняются тѣ многочисленные ропоты и конфедераціи, которыя послѣ шума и треска оканчивались примиреніемъ и покорностью власти. Сигизмундъ III и Августъ II надѣлали Польшѣ много дурного; противъ нихъ возставали, составляли конфедераціи, но ихъ не выгоняли, какъ выгоняли французы своихъ бурбоновъ, или англичане своихъ Стюартовъ; поляки, пошумѣвши, побурливши, побившись, наконецъ, между собой изъ-за этихъ королей, мирились съ ними самымъ нѣжнѣйшимъ образомъ. Паны безпрестанно между собой ссорились и дрались, но Капулетти и Монтекки въ Польшѣ не бывало; родовая вражда не въ духѣ поляковъ; надѣлавши другъ другу пакостей въ порывѣ сердечной злости, они часто мирились и запивали венгерскимъ свои недоразумѣнія. Въ исторіи польскихъ войнъ есть примѣры изумительной рыцарской отваги и храбрости; но бывали случаи, когда польское войско безъ боя разбѣгалось по лѣсамъ и бросало оружіе, какъ это было, между прочимъ, при Пилавцахъ въ войнѣ съ Хмельницкимъ. Гостепріимство и радушіе, въ чемъ едва-ли какой народъ сравнится съ поляками, изъ той же безграничной и безразсудной сердечности; природѣ поляка нужно было веселое общество, какъ воздухъ, и онъ легкомысленно ставитъ послѣднюю копѣйку ребромъ для удовлетворенія этой потребности. Польское легкомысліе вошло у всѣхъ въ пословицу, но никто не скажетъ, чтобы оно происходило отъ врожденной тупости или недостатка способностей; напротивъ, поляки—народъ очень даровитый, но сердечность увлекала ихъ за предѣлы разсудка, вводила въ ошибочные взгляды, приводила къ промахамъ; и только горькій опытъ, охлаждающій сердечныя увлеченія, заставлялъ ихъ увидать истину; отсюда и польская пословица: «мудръ полякъ послѣ бѣды»; но самый опытъ рѣдко исцѣлялъ поляка; при первомъ случаѣ онъ впадалъ въ новое самообольщеніе. Та-же легкомысленная сердечность увлекала поляка незамѣтно къ порокамъ, несправедливостямъ, низостямъ и преступленіямъ; сердечность, располагавшая пановъ къ гостепріимству и веселой жизни, приводила ихъ къ потребности увеличивать свои средства, а не пріучивъ себя думать надъ тѣмъ, что сердцу хочется, панъ не обращалъ большого вниманія на то, что эти средства доставлялись ему крайнимъ угнетеніемъ его подданныхъ, захватомъ чужой собственности и даже продажею чести и отечества. Послѣднее, такъ позорившее Польшу передъ концомъ ея существованія, происходило болѣе отъ необдуманности, чѣмъ отъ разсчетливаго презрѣнія къ отечеству. Полякъ, часто готовый на все дурное изъ корысти,—готовъ былъ по влеченію сердца безкорыстно раздѣлить свое состояніе съ другими. Панъ, у котораго отъ безалабернаго управленія тысяча крестьянъ доведены были до крайней нищеты, до униженія человѣческаго достоинства, часто въ сущности былъ добродушный человѣкъ, держалъ въ своемъ дворѣ толпу бѣдной шляхты, защищалъ и выводилъ въ люди своихъ кліентовъ, не жалѣлъ для ихъ пользы ни денегъ, ни заботъ. Поляки съ поконъ вѣка кричали о свободѣ, но свобода у нихъ была только сердечная, а никакъ не разумная; послѣдняя стремится къ тому, чтобы всему обществу было хорошо, чтобы склонности и побужденія каждаго лица подчинялись потребности общаго добра, идеалъ ея — порядокъ, гармонія; при свободѣ сердечной, не управляемой умомъ, мало думаютъ или совсѣмъ не думаютъ о томъ, что прямо не соприкасается съ побужденіями сердечной жизни. Человѣкъ, въ сущности добродушный, желаетъ, чтобы было хорошо только тѣмъ, кого онъ часто видитъ и съ кото-

рыми дѣлитъ только свои сердечныя ощущенія, а до тѣхъ, съ кѣмъ соединяетъ его только идея, ему мало дѣла. Такъ, подчасъ польскому пану, живущему въ Великой Польшѣ, кормившему и одѣвавшему десятки или даже сотни шляхетскихъ семей, которыхъ довольство доставляло ему безкорыстное наслажденіе, мало прилегала къ сердцу судьба соотечественниковъ, терпѣвшихъ раззореніе отъ татаръ гдѣ-нибудь на Волыни. Свобода сердечная ищетъ только удовлетворенія частныхъ склонностей и симпатій; идеалъ ея — безпорядокъ, потому что безъ всеуравнивающаго ума, дающаго всему мѣсто и время, размѣры и границы, невозможно согласить разнообразія личныхъ свойствъ и побужденій. Польша это сознавала и въ продолженіе вѣковъ не затруднялась говорить открыто, что она существуетъ безпорядкомъ (nie rziedem Polska stoi). Мы не знаемъ, существовалъ-ли другой подобный народъ, который признавалъ бы нормальнымъ состояніемъ общества безпорядокъ. Гдѣ такая свобода,—свобода безпорядка,—тамъ непремѣнно должна была образоваться крайняя аристократія, неравенство сословій и порабощеніе однихъ другими. Въ Польшѣ такъ и было: сначала сословіе ляховъ или шляхты поработило сословіе кметей, или хлоповъ, а потомъ и среди его образовалось неравенство, которое было тѣмъ уродливѣе, что существовало фактически подъ легальнымъ признаніемъ равенства». Понятно, что при подобномъ порядкѣ вещей никакая реформа учрежденій, никакія улучшенія въ правленіи, законодательствѣ, никакіе способы къ возвышенію экономическихъ силъ, никакія средства внѣшней защиты не могли ей помочь. Гибель ея лежала въ глубинѣ польскаго характера, который былъ способенъ усвоить и полюбить подобную жизнь. Спасти Польшу могло только перевоспитаніе народа, но такое перевоспитаніе, которое бы измѣнило съ корнемъ весь народный характеръ, создало другого поляка: прежній уже никуда не годился. Нѣтъ ничего невозможнаго для воспитанія, оно всесильно надъ человѣкомъ, и нѣтъ на землѣ народа, котораго бы оно не въ силахъ было измѣнить, передѣлать, облагородить и развить. Но, чтобы въ Польшѣ принялось, усвоилось и развилось новое воспитаніе, которое могло-бы создать новое польское общество, для этого нужно было много времени. Исторія не ждетъ опоздавшихъ.

В. Чуйко.

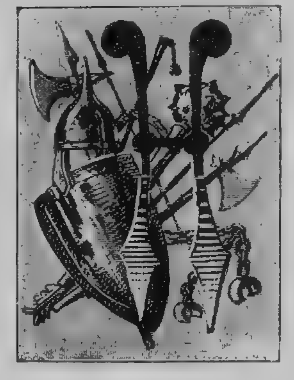
ОЧЕРКЪ III.

ПОЛЬША ВО ВРЕМЯ РАЗДѢЛА.

Станиславъ Лещинскій — Августъ III. — Чарторыжскіе. — Станиславъ Понятовскій. — Попытки реформы. — Вліяніе Россіи. — Барская конфедерація. — Попытка похищенія короля. — Планы раздѣла Польши. — Первый раздѣлъ. — Свиданіе короля Станислава съ императрицей Екатериной II въ Коневѣ. — Конституція 3-го мая. — Тарговицкая конфедерація. — Второй раздѣлъ. — Сеймъ въ Гродно. — Заговоры. — Революція. — Косцюшко. — Война. — Мацѣевице. — Плѣнъ Косцюшко. — Третій раздѣлъ.

„Не было эпохи, въ которой бы ученая Европа съ большимъ интересомъ присматривалась къ проявленіямъ внутренняго народнаго возрожденія, какъ въ царствованіе Станислава Августа."

н. в. гоффманъ.

На мрачномъ фонѣ упадка польскаго общества выступаютъ исключительныя, хотя и рѣдкія фигуры, въ которыхъ, среди многихъ отрицательныхъ сторонъ и дѣлаемыхъ ошибокъ, таилась глубокая политическая мысль и опредѣленное направленіе. Люди эти работали для лучшей будущности, отъ времени до времени нарушали всеобщую тишину; окруживъ себя приверженцами, стремились къ смѣлымъ задачамъ, но до послѣднихъ дней XVIII столѣтія не въ состояніи были вывести народа изъ того состоянія нравственнаго оцѣпенѣнія, въ которомъ онъ находился. Съ мыслью о политическомъ переустройствѣ Польши, первою выступила вліятельная семья Потоцкихъ, во главѣ которой стояли Іосифъ Потоцкій — кіевскій воевода, и Ѳедоръ Потоцкій — примасъ. Чрезвычайно популярные, они, естественно, желали играть выдающуюся политическую роль. Потоцкіе чувствовали ту политическую зависимисть, въ которую попала Польша, намѣревались стряхнуть ее, не спрашивая себя,—возможно-ли это исполнить, не измѣняя того политическаго общественнаго строя, который существовалъ. Смерть Августа II была для нихъ удобнымъ предлогомъ. Рѣшительно выступивъ на политическую арену, обезпечивъ за собой союзъ другихъ вліятельныхъ магнатовъ, въ особенности Станислава Понятовскаго и Чарторыжскихъ, они рѣшили не допускать къ престолу саксонской династіи и ни одного изъ кандидатовъ, которымъ покровительствовали другія державы, но избрать непремѣнно Пяста, въ лицѣ популярнаго Станислава Лещинскаго, и избраніе это провести съ помощью силы противъ возможныхъ попытокъ сосѣднихъ государствъ, мѣшавшихся во внутреннія дѣла государства. Лещинскій, который со времени своего отреченія жилъ заграницей, принялъ предложеніе и, тѣсно связанный съ Людовикомъ XV, женившемся на его дочери Маріи, привезъ въ Польшу обѣщаніе дѣятельной помощи Франціи. Усилія эти

привели къ тому, что значительное большинство шляхты, съѣхавшейся на избирательное поле около Варшавы, провозгласило Лещинскаго (10 августа 1733 г.) королемъ. Тѣмъ не менѣе, Фридрихъ Августъ, сынъ Августа II, не остался бездѣятельнымъ. Избраніе Лещинскаго, тестя французскаго короля, обезпечивало въ Польшѣ вліяніе Франціи, чего ни Австрія, ни Россія допустить не могли. Кромѣ того, признавая прагматическую санкцію Карла XI, обезпечивавшую за его дочерью Маріей-Терезой австрійскій престолъ, саксонскій электоръ упрочивалъ за собой помощь австрійскаго двора, для привлеченія-же на свою сторону Россіи пожертвовалъ Курляндіей. Это герцогство, какъ вассальное отъ Польши, получилъ въ 1561 году великій магистръ меченосцевъ Кеттелеръ, въ вознагражденіе за возвратъ Сигизмунду-Августу Ливоніи. Въ 1711 году прекратилась династія Кеттелеровъ, но осталась вдова послѣдняго герцога Анна Іоанновна, дочь царя Ивана Алексѣевича; она заявляла свои права на престолъ, который вопреки Польшѣ (требовавшей присоединенія Курляндіи къ польскому государству) и вопреки Августу II (желавшему отдать курляндское герцогство незаконному сыну своему Морицу Саксонскому) и получила, и когда въ 1730 году сѣла на русскомъ престолѣ, имѣла возможность распоряжаться. Она желала отдать престолъ своему фавориту, Бирону, и заранѣе получила на это согласіе Фридриха-Августа, обѣщавъ ему помощь Россіи. Нѣкоторая часть шляхты, съ Любомірскимъ и Вишневецкимъ во главѣ, поддерживая саксонскаго кандидата, перешла на Прагу и съ помощью русскихъ и саксонскихъ войскъ, вступившихъ въ Польшу, избрала королемъ Фридриха-Августа 5 октября 1733 г.

Станиславъ Лещинскій.

Началась неизбѣжная война, но сторонники Лещинскаго и Потоцкихъ, устраивая многочисленныя конфедераціи, не имѣли достаточно энергіи и удовольствовались незначительными стычками съ непріятелемъ. Никто, въ сущности, не желалъ драться и всѣ уступали силѣ. Правда, Франція начала войну на Рейнѣ и въ Италіи, —войну за польскій престолъ,—но вела ее ради своихъ личныхъ цѣлей, пользуясь именемъ Лещинскаго и Польши лишь для виду. Между тѣмъ какъ польскія и русскія войска заняли Рѣчь Посполитую, Августъ III короновался въ началѣ 1734 года въ Краковѣ. Лещинскій принужденъ былъ отойти къ Данцигу. Осажденный тамъ союзнымъ войскомъ послѣ пораженія Іосифа Потоцкаго, который спѣшилъ къ нему на помощь съ большимъ отрядомъ, видя невозможность дальнѣйшей защиты, Лещинскій, переодѣтый въ крестьянское платье, бѣжалъ изъ крѣпости, и Данцигъ сдался. Лещинскаго принялъ Фридрихъ-Вильгельмъ въ Кенигсбергѣ, въ Тарнобржегѣ образовалась въ его пользу конфедерація, но Августъ, поддерживаемый Россіей, вскорѣ уничтожилъ ее и получилъ всеобщее признаніе. Франція, оставляя Польшу, заключила съ Австріей въ 1735 году вѣнскій миръ, въ силу котораго Лещинскій подписалъ отреченіе взамѣнъ Лотарингіи, которую получилъ пожизненно.

Паденіе короля Станислава Лещинскаго отразилось чрезвычайно вредно на польскомъ

обществѣ. Его съ трудомъ можно было возбудить къ обнаруженію народной независимости; эта послѣдняя попытка оказалась безуспѣшной, а потому польское общество потеряло окончательно энергію и вѣру въ себя. Хотя Іосифъ Потоцкій постоянно думалъ о планахъ увеличенія военныхъ силъ, о конфедераціи противъ Россіи и о пріобрѣтеніи помощи Швеціи и Турціи, но всѣ эти планы разбивались въ самомъ зародышѣ не о могущество Россіи, но главнымъ образомъ объ общую апатію польской шляхты, которая въ царствованіе Августа III дошла до послѣднихъ предѣловъ и создала себѣ извѣстный лозунгъ: «при королѣ саксонскомъ кушай, пей и распускай поясъ». Эта шляхта нашла въ Августѣ III такого короля, который во всемъ подражалъ ей. Отстраняя отъ себя всѣ политическія заботы, оставляя веденіе дѣла своимъ фаворитамъ, сперва Сулковскому, потомъ Брюлю, Августъ III заботился лишь о собственной утробѣ, разнообразя свою жизнь лишь ханжествомъ. Получивъ польскій престолъ, благодаря

Осада Данцига.

Австріи и Россіи, не будучи въ состояніи удержаться на немъ безъ ихъ помощи, онъ перешелъ окончательно,—а вмѣстѣ съ нимъ и Польша,—подъ ихъ зависимость.

Несмотря на все это, однако жъ, и теперь, какъ и прежде, нашлись личности, среди всеобщей апатіи и анархіи, которыя въ состояніи были создать нѣчто въ родѣ политическаго плана, для осуществленія котораго они готовы были прибѣгать къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. На этотъ разъ такими личностями были Чарторыжскіе, — Михаилъ, сперва подканцлеръ, а впослѣдствіи канцлеръ литовскій, и Августъ, русскій воевода. Они росли и воспитывались подъ французскимъ вліяніемъ и, ловко поддерживая Августа II, они вскорѣ пріобрѣли популярность и значеніе. Отдавъ сестру свою Констанцію за Станислава Понятовскаго, онъ сумѣлъ привлечь на свою сторону этого замѣчательнаго человѣка, который изъ самаго обыкновеннаго шляхтича, перейдя на сторону Августа II, пріобрѣлъ высокое положеніе и, въ качествѣ воеводы мазовецкаго, сдѣлался необыкновенно вліятельнымъ государственнымъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе, главною причиною величія Чарторыжскихъ былъ бракъ Августа Чарторыжскаго на

одной изъ Сенявскихъ, которая принесла въ приданое громадное состояніе и такое многочисленное родство, что это сдѣлало ихъ всесильными, и съ тѣхъ поръ ихъ не называли иначе въ Польшѣ, какъ «фамиліей». Какъ и всѣ тогдашніе магнаты, Чарторыжскіе были необыкновенно горды, были нравственно испорчены и не стѣснялись насчетъ выбора средствъ для достиженія своихъ цѣлей, но они превосходили тогдашнюю польскую аристократію политическимъ умомъ, образованіемъ и правильнымъ взглядомъ на международныя отношенія тогдашней Европы. Послѣ смерти Августа II они оказались въ лагерѣ Лещинскаго, за котораго стояли Франція и Понятовскій; видя, однако-жъ, что дѣло Лещинскаго падаетъ, они довольно рано перешли на сторону Августа III и, участвуя въ успокоеніи государства, взволнованнаго столькими бѣдствіями, они пріобрѣли тѣмъ болѣе значительное вліяніе, чѣмъ грознѣе отъ времени до времени выступали оппозиція Потоцкихъ и ихъ военные планы, направленные противъ Россіи.

Чарторыжскіе кромѣ того ловко пользовались новымъ направленіемъ, даннымъ уже Лещинскимъ. Король-изгнанникъ, поселившись въ Лотарингіи, не забылъ своей родины и написалъ сочиненіе «Свободный Голосъ». Это, дѣйствительно, можно сказать, былъ первый свободный голосъ, раздавшійся въ тогдашней анархической Польшѣ. Въ этомъ сочиненіи Станиславъ Лещинскій указываетъ на причины упадка Рѣчи Посполитой и средства спасти государство. Кромѣ этого Лещинскій группировалъ вокругъ себя польскую молодежь, развивая въ ней здоровые политическіе взгляды. Эти молодые люди потомъ отправлялись назадъ въ Польшу и являлись какъ бы піонерами высшей цивилизаціи и внутренней реформы. Къ нимъ, между прочимъ, принадлежатъ: Богомолецъ Залусскій и Станиславъ Копорскій.

Подчиняясь этому новому направленію, принужденные принимать во вниманіе условія времени, Чарторыжскіе не могли перейти на сторону Потоцкихъ, не могли покровительствовать политикѣ чувства, которая, всегда готовая на бурныя и рѣзкія проявленія, не имѣла никакихъ шансовъ на успѣхъ и въ то же время могла навлечь на расшатанное государство самыя ужасныя бѣдствія. Внутренняя реформа, устраненіе «золотой вольности» и liberum veto, установленіе сильной центральной власти, армія и финансы,—вотъ въ общихъ чертахъ цѣль политики Чарторыжскихъ. Эта цѣль совершенно ясно намѣчена въ извѣстномъ сочиненіи Станислава Понятовскаго: «Письмо польскаго шляхтича». Вокругъ Чарторыжскихъ группировались новые люди, но общество не измѣнялось, время уходило, а Рѣчи Посполитой по прежнему грозила опасность окончательнаго паденія. Не удивительно поэтому, что Чарторыжскіе не хотѣли ждать осуществленія своихъ плановъ. Они рѣшили дѣйствовать немедленно, но легальнымъ путемъ, въ союзѣ съ королемъ, или вѣрнѣе, со всемогущимъ саксонскимъ министромъ, Фридрихомъ Брюлемъ. Тѣмъ не менѣе проекты реформъ, внесенные на сеймы 1744 и 1750 годовъ, — относительно увеличенія арміи и доходовъ, уничтоженія liberum veto,—встрѣтили сильное сопротивленіе. Главное сопротивленіе оказала Франція и Пруссія изъ боязни, что Польша, усилившись внутренно, войдя въ союзъ съ Саксоніей и Австріей,—войдетъ такимъ образомъ въ ряды ихъ враговъ. Къ несчастью, державы эти легко могли въ самой Польшѣ отыскать себѣ союзниковъ. Такими союзниками сдѣлались Потоцкіе, которые, руководствуясь лишь слѣпою ненавистью къ Чарторыжкимъ, пожертвовали этой ненависти счастіе государства. Сеймы 1744 и 1750 годовъ, «сорванные» подъ ихъ вліяніемъ, разошлись, ничего не рѣшивъ. Такимъ образомъ, Польша осталась безъ арміи и безъ финансовъ. Въ войнѣ за наслѣдственность послѣ смерти Карла VI, а также въ семилѣтней войнѣ, въ которой вся Европа и даже Августъ III, въ качествѣ саксонскаго электора, принимали дѣятельное участіе, одна лишь Рѣчь Посполитая осталась нейтральной съ тѣмъ, однако-жъ, исключеніемъ, что русская армія избрала Польшу, какъ главный пунктъ дѣйствій противъ Пруссіи, устраивала магазины, забирала съѣстные припасы и лошадей и хозяйничала, какъ въ собственной странѣ, между тѣмъ какъ Фридрихъ II, прусскій король, наводнялъ Польшу

фальшивыми деньгами, грабилъ фуражъ и людей и употреблялъ всяческія насилія. Нейтральное государство сдѣлалось какимъ-то постоялымъ дворомъ. Эти несчастія еще увеличивались безобразной борьбой партій, не разборчивыхъ на средства. Предлогомъ этой борьбы становилась всякая вакансія староства, каждый сеймъ и сеймикъ, и даже каждая сессія трибуновъ. Этотъ неуспѣхъ на легальномъ пути толкнулъ Чарторыжскихъ на путь конфедерацій. Они выступили со своими планами въ 1752 году въ чрезвычайно удобную для себя минуту, когда

Графиня Маріанна Потоцкая.

оппозиція, вслѣдствіе смерти Іосифа и Ѳедора Потоцкихъ, ослабѣла. Но и на этотъ разъ ихъ усилія ни къ чему не привели. Ловкій французскій посланникъ Брольи отыскалъ оппозицію новаго предводителя въ лицѣ великаго гетмана короннаго Яна-Клемента Браницкаго. Браницкій парализовалъ всѣ усилія Чарторыжскихъ создать конфедерацію. Положеніе Чарторыжскихъ тѣмъ болѣе пострадало, что даже Брюль, видя паденіе ихъ вліянія, разошелся съ ними и образовалъ новую, третью партію, — дворцовую, — поставивъ во главѣ этой партіи короннаго

маршала Мнишка. Чарторыжскіе, убѣдившись, что оппозиція сильна лишь союзомъ и подержкой сосѣднихъ державъ, стремившихся укрѣпить въ Польшѣ анархію, — пришли къ мнѣнію, что и реформы нельзя будетъ провести безъ подобной же поддержки. Потоцкіе были поддерживаемы Франціей и Пруссіей, Чарторыжскіе обратились къ Россіи. Въ 1762 году обстоятельства благопріятствовали подобному союзу. Послѣ смерти Елисаветы и Петра III, на русскомъ престолѣ сѣла женщина поистинѣ геніальная, Екатерина II, которая, войдя въ тѣсный союзъ съ Пруссіей, обезпечила себѣ этимъ самымъ и большое вліяніе на Польшу, парализуя вліяніе французское и австрійское. Съ Екатериной Чарторыжскіе вошли въ непосредственныя сношенія еще при жизни императрицы Елисаветы, посредствомъ молодого Станислава Понятовскаго, высланнаго къ петербургскому двору. Теперь они обратились къ ней съ просьбой поддержать предполагаемую конфедерацію. Екатерина, выславъ русское войско въ 1763 году въ Литву, удержала, однако-жъ, вспышку конфедераціи, вслѣдствіе совѣтовъ прусскаго короля, который указывалъ ей на опасности для Пруссіи и Россіи отъ усиленія Польши. Между тѣмъ, въ самой Польшѣ рѣшительный шагъ Чарторыжскихъ вызвалъ крайнее раздраженіе партій. Уже совершенно готовую борьбу остановила смерть Августа III, 5 октября 1763 года.

Памятникъ Маріаннѣ Потоцкой въ костелѣ камедуловъ, на Бѣлянахъ, подъ Варшавой.

Тѣмъ не менѣе, Чарторыжскіе не отступили отъ своихъ проектовъ. Организуя свою партію, они заручились участіемъ примаса Лубенскаго, — личности важной во время безкоролевія, собрали военныя силы, которыми могли распоряжаться и,—что важнѣе всего,—пріобрѣли покровительство Россіи. Это покровительство Россія обѣщала подъ точно опредѣленными условіями. Россія безусловно исключала всякую иностранную кандидатуру на престолъ и, поддерживая кандидатуру Станислава Понятовскаго, требовала, однако, сохраненія свободнаго избранія. Противъ этой силы соединились партіи дворцовая и народная, подъ предводительствомъ гетмана Браницкаго въ одну «гетманскую» партію, которая надѣялась на свою популярность и на поддержку Франціи и Австріи. Все это, тѣмъ не менѣе, ни къ чему не повело. Франція и Австрія боялись и не хотѣли выступать въ Польшѣ противъ Россіи и Пруссіи. Старшій сынъ Августа III Фридрихъ-Христіанъ скоропостижно умеръ 7 декабря 1763 года; начались тайные раздоры изъ-за престола между предводителями гетманской партіи—гетманомъ Браницкимъ, воеводой кіевскимъ Селезьимъ Потоцкимъ и люблинскимъ воеводой Станиславомъ Любомирскимъ, такъ что гетманская партія была обезсилена этимъ раздоромъ. Уже на сеймикахъ, предшествовавшихъ конвокаційному сейму, Чарторыжскіе стращали русскими войсками и одержали побѣду. 7-го мая 1764 года конвокаційный сеймъ собрался въ Варшавѣ. Обѣ партіи явились на сеймъ съ вооруженной силой; тѣмъ не менѣе, гетманская партія, видя превосходство Чарторыжскихъ, поддерживаемыхъ русскими войсками, не рѣшалась вступить въ открытую борьбу и оставила Варшаву. Радзивиллъ съ частью войска выступилъ въ Литву, Браницкій направился къ югу и оба, оказавшись совершенно неспособными, въ концѣ концовъ, безъ борьбы отступили за-границу. Тѣмъ временемъ Чарторыжскіе, избавившись противниковъ, утвердили конфедерацію, образованную въ Вильнѣ, назначили время избранія короля на 27 августа и приступили къ осуществленію внутреннихъ реформъ. Эти реформы касались четырехъ самыхъ важныхъ вопросовъ. 1) Для поднятія городовъ отъ видимаго упадка,

имъ былъ возвращенъ старинный самосудъ. Въ пользу городовъ было также приступлено къ реформѣ такъ называемыхъ ассессорскихъ судовъ, составлявшихъ послѣднюю инстанцію для мѣщанъ и подданныхъ королевскихъ помѣстій. Произнесеніе приговоровъ было отнято канцлеромъ и перенесено на всю коллегію ассессоровъ съ большинствомъ голосовъ. 2) Такимъ же образомъ были преобразованы и шляхетскіе суды,—земскіе и городскіе,—уничтожая въ нихъ слишкомъ явныя злоупотребленія и, въ особенности, трибуналы. 3) Былъ изданъ новый подробный уставъ для порядка на сеймахъ, при отсутствіи котораго сеймы обыкновенно кончались ничѣмъ. 4) Важнѣйшею, однако-жъ, реформою была организація правительственной власти въ формѣ двухъ комиссій: военной и финансовой. Во всѣхъ этихъ реформахъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть много недостатковъ, но принявъ во вниманіе то, что Чарторыжскіе принуждены были считаться, какъ съ рѣшеніями Россіи, такъ и съ предразсудками шляхты, необходимо согласиться, что этими реформами они заслужили благодарность отечества, потому что направили государство на путь внутренняго обновленія. На избирательномъ сеймѣ 7 сентября былъ избранъ единогласно королемъ любимецъ Екатерины — Станиславъ Понятовскій: «Это,— говоритъ Костомаровъ, — можно сказать, былъ типъ поляка XVIII столѣтія, соединявшій въ себѣ всѣ коренныя свойства національнаго характера со свойствами европейской знатной особы своего времени. Отъ природы онъ получилъ счастливую память, живое воображеніе, блестящій, но никакъ не глубокій умъ, способенъ былъ на остроумныя выходки, бѣгло и свободно говорилъ, особенно въ томъ кругу, гдѣ ему вѣрили и цѣнили его слова,—въ совершенствѣ владѣлъ нѣсколькими европейскими языками, читалъ и просматривалъ много книгъ, много видалъ во время своего путешествія по Европѣ, посѣщалъ общества тогдашнихъ европейскихъ знаменитостей и потому въ высокой степени набрался того лоску, за которымъ польскіе паны ѣздили по Европѣ. Поэтическаго уклада въ его натурѣ не было; но онъ любилъ до страсти искусства и зналъ въ нихъ толкъ, насколько наслышался и начитался о нихъ; еще болѣе онъ былъ любитель и почитатель прекраснаго пола и въ отношеніи къ нему отличался чрезмѣрнымъ непостоянствомъ и вѣтренностью. До сихъ поръ въ Лазенковскомъ дворцѣ, имъ построенномъ, показываютъ цѣлую стѣну портретовъ любовницъ послѣдняго польскаго короля. Перемѣняя ихъ, какъ наряды, онъ былъ, однако, внимателенъ къ ихъ услугамъ и, уволивъ ихъ отъ своего сердца, давалъ имъ большіе пенсіоны и тѣмъ увеличивалъ свои расходы и долги. Вообще въ немъ не было ни знака скупости,—щедрый для другихъ и расточительный для себя, онъ любилъ самъ пожить въ свое удовольствіе, любилъ и вокругъ себя видѣть веселыя и довольныя лица. Нравомъ онъ былъ мягокъ и кротокъ; не видно въ немъ было того самодурства, которымъ такъ часто отличались и даже чванились польскіе паны, избалованные своимъ богатствомъ и раболѣпствомъ передъ собою другихъ; воспитанный до шестнадцатилѣтняго возраста подъ надзоромъ матери, онъ носилъ на себѣ тотъ отпечатокъ женственности, который часто остается на тѣхъ, которые въ отрочествѣ испытывали сильное вліяніе матушекъ и тетушекъ; при томъ же европейскія привычки, усвоенныя въ путешествіи, не дозволили въ немъ укорениться полуазіатскимъ признакамъ польской мужественности. Въ обращеніи онъ былъ до того любезенъ, что принцъ де-Линь призналъ его любезнѣйшимъ паче всѣхъ государей своего времени. Эта любезность не мѣшала ему въ то же время быть двоедушнымъ, хитрымъ, недовѣрчивымъ; за то въ затруднительныхъ положеніяхъ для своего ума

Княгиня Изабелла Чарторыжская, урожденная Флемингъ.

и воли онъ былъ даже черезъ чуръ довѣрчивъ. Обладая свойствомъ обворожать и привлекать къ себѣ людей, онъ не умѣлъ привязывать ихъ, не въ силахъ былъ возбуждать ихъ и управлять ими, напротивъ, самъ подчинялся нравственному могуществу другихъ и всегда почти зависѣлъ отъ окружающей его среды. Никогда не показывалъ онъ ни запальчивости, ни злобы, не терпѣлъ ссоръ и всегда старался примирять другихъ и улаживать недоразумѣнія и борьбу страстей, выдумывая какую нибудь середину на половинѣ. Чувство мщенія ему было незнакомо; его иногда обижали такъ, что доводили до слезъ; все сносилъ онъ и готовъ былъ первый протянуть руку заклятому врагу. Онъ не могъ ни къ чему глубоко и сильно привязаться; поверхностность, лживость и слабодушіе—обычныя качества охотниковъ до женскаго естества—отражались въ его поступкахъ; свои убѣжденія онъ мѣнялъ почти также, какъ любовницъ, и съ трудомъ могъ возвыситься до общей идеи, подъ которую подходили бы его понятія и поступки; у него всегда на первомъ планѣ были частныя отношенія; его занимали желанія и планы удовлетворить ту или другую сторону, поставить себя въ извѣстное положеніе къ такимъ-то лицамъ, узнать: какъ думаютъ тотъ или другой и въ какихъ отношеніяхъ они находятся между собою. Дѣятельность его была чрезвычайная, но почти всегда обращалась на второстепенные предметы, и въ ней недоставало крѣпкой нити, связывающей ея направленія. Въ своихъ сужденіяхъ онъ нерѣдко отличался здравымъ взглядомъ и находчивостью, когда предметъ обсужденія не требовалъ особенной дальнозоркости и глубокомыслія, но всегда высказывался съ нѣкоторымъ колебаніемъ и часто подчинялся мнѣнію другихъ, когда видѣлъ противъ себя упорство. Онъ склоненъ былъ приставать къ смѣлымъ и отважнымъ предпріятіямъ, но безъ увлеченія, и менѣе, чѣмъ кто нибудь, былъ способенъ геройски противостать обстоятельствамъ и легко склонялся подъ ихъ гнетомъ; за то былъ хвастливъ, приписывалъ себѣ вчинаніе такого дѣла, въ которомъ онъ слѣдовалъ за другими, такія мысли, которыя онъ заимствовалъ отъ другихъ, и величался такими доблестями, какихъ у него не было. Таковъ былъ этотъ послѣдній польскій король, поставленный Екатериной съ тѣмъ, чтобы служить ей послушнымъ орудіемъ. Владѣя изумительной способностью узнавать людей, Екатерина не обманывалась въ немъ никогда и, дѣлая его королемъ, не надѣялась отъ него твердой и незыблемой преданности; она, безъ сомнѣнія, предвидѣла его двоедушіе и коварство въ отношеніи къ ней, но это не мѣшало ея планамъ, напротивъ, скорѣе вело къ цѣли. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать изъ того, что впослѣдствіи императрица нѣсколько разъ внушала своимъ министрамъ въ Польшѣ не полагаться на постоянство короля, нравъ котораго, какъ она писала, ей давно извѣстенъ».

Этотъ портретъ будетъ не полонъ, если мы не присоединимъ къ нему портрета Екатерины II, написаннаго тѣмъ же историкомъ. Для Польши наступило время, когда вся ея судьба находилась въ рукахъ русской императрицы. «Русская императрица составляла по характеру діаметральную противоположность съ польскимъ королемъ, ея подручникомъ. На сколько онъ былъ мало способенъ сосредоточить себя всего для идеи, на столько она только и существовала для сознанной и предвзятой идеи. Правда, и въ ней можно было замѣтить пороки вѣка, которыми заражена была большая часть вѣнчанныхъ особъ; чувственность и нѣкоторая суетность и ей были не чужды, но за то въ ней былъ геніальный умъ и геніальная воля. Нѣмка по происхожденію, призванная судьбой на престолъ русскаго государства, она охватила во всей цѣльности его историческое значеніе, усвоила его прошлыя, завѣтныя преданія, глубоко и разносторонне постигла его тогдашнее положеніе, предвидѣла и устраивала его будущее. Величіе и благосостояніе Россіи было ея идеаломъ, она хотѣла сдѣлать Россію сильнѣйшею державою въ свѣтѣ, а потому поставила Польшу въ вѣчную зависимость отъ Россіи, а если будетъ нужно—и уничтожить ее; она думала ниспровергнуть турецкую имперію, освободить славянъ и грековъ, ослабить Швецію, привязать Австрію и Пруссію и поставить ихъ въ необходимость быть, такъ сказать, на буксирѣ у Россіи, и въ то же время создать изъ Россіи

внутри благоустроенное государство, развить промышленность, торговлю, благосостояніе и просвѣщеніе. Въ ней было столько же твердости и послѣдовательности, сколько въ Станиславѣ-Августѣ мягкости и слабодушія, но въ то же время въ ней не было увлеченія; она боролась съ препятствіемъ только до тѣхъ поръ, пока успѣхъ былъ несомнѣненъ; ея смѣлыя и широкія предпріятія сдерживались благоразуміемъ и осторожностью; она умѣла остановиться на полдорогѣ, чтобы выждать время, и при удобномъ случаѣ начать снова прерванный путь; за то, когда была надежда на успѣхъ дѣла, ее уже не останавливали никакія частныя отношенія, никакіе посторонніе виды, ни кровь, ни бѣдствія поколѣній не принимались ею въ разсчетъ, когда нужно было достигнуть цѣли — черта общая истиннымъ людямъ идеи. Она умѣла привлекать къ себѣ людей не такъ, какъ польскій король, который выигрывалъ только то, что его называли любезнымъ; она привязывала ихъ такъ, что они дѣлались ея орудіями и служили часто даже невольно ея видамъ. Политика ея нерѣдко была двоедушна и коварна, но это было не то легкое двоедушіе, которое почти никогда не покидало польскаго короля. Екатерина прибѣгала къ нему только тогда, когда приходилось бороться съ врагомъ его же оружіемъ; безъ нужды она была пряма и искренна. Она не прощала зла и измѣны такъ любовно, какъ Станиславъ Понятовскій; она или презирала ихъ вовсе, когда не считала ихъ важными, или же мстила безъ послабленія, когда они ей мѣшали. Понятно, что съ такою покровительницей Польшѣ было плохо: у поляковъ не было ни самостоятельности, ни силы, ни государственнаго благоразумія на столько, чтобы Екатерина могла ихъ уважать; но они не способны были предаться ей искренно и безусловно, чтобы она могла ихъ полюбить: она ихъ презирала и этимъ презрѣніемъ запечатлѣны всѣ ея дѣйствія до самаго конца».

Главнымъ образомъ и прежде всего Екатерина боялась, что безграничная анархія въ Польшѣ позволитъ Австріи и въ особенности Пруссіи протянуть руку за легкою добычей; она желала Польшу сохранить для Россіи единой и нераздѣльной и съ этою цѣлью старалась подавить слишкомъ значительные порывы анархіи. Дѣятельное и на видъ безкорыстное вмѣшательство и безъ того отдавало ей въ руки Рѣчь Посполитую безъ всякаго вниманія на сосѣднія державы. Къ тому же Россія очень хорошо понимала, что польское правительство, установленное съ ея помощью, не будетъ въ состояніи въ теченіе долгаго времени обойтись безъ ея покровительства и сдѣлается или ея орудіемъ, или падетъ вооруженное противъ нея. Назначивъ посломъ въ Польшу князя Рѣпнина, Екатерина неуклонно стремилась къ окончательному подчиненію себѣ Польши. Взамѣнъ покровительства Россіи, Рѣпнинъ потребовалъ союза съ Россіей и воздержанія отъ дипломатическихъ сношеній съ державами. Какъ отвѣтили на подобное желаніе король и Чарторыжскіе? Эти политики могли быть оправдываемы тѣмъ, что не только обновляли государство внутри, но и устраняли опасность раздѣла. Эта политика не исключала возможности болѣе самостоятельнаго существованія, освобожденія отъ постороннихъ вліяній, но все это могло осуществиться только вслѣдствіе полнаго внутренняго возрожденія, среди совершенно исключительныхъ условій. А до тѣхъ поръ необходимо было подчиниться обстоятельствамъ. Между тѣмъ, Чарторыжскіе, сдѣлавъ уже такъ много, не сумѣли идти до конца, не рѣшились потерять свою популярность и подчиниться безусловно требованіямъ Россіи. Они отвергли предлагаемый союзъ, дозволявшій Польшѣ имѣть свою армію въ 50,000, человѣкъ и отстранились даже отъ короля, который хотѣлъ по прежнему держаться Россіи. Такимъ образомъ, поляки, при самомъ воцареніи короля, поставленнаго Россіей, раздражали противъ себя Россію и Пруссію, — двѣ сильныя сосѣднія державы, съ которыми они, по своей слабости, бороться были не въ состояніи. Русскія войска тотчасъ расположились въ королевскихъ имѣніяхъ. Король, слыша около себя ропотъ, хотѣлъ угодить полякамъ и показать, что онъ не намѣренъ быть орудіемъ Екатерины, а желаетъ царствовать самостоятельно; онъ вступилъ въ тайное сношеніе съ Турціей, жаловался на Россію, что она поступаетъ съ Польшею, какъ съ подвластною страною, располагаетъ свои войска на польскихъ

земляхъ безъ воли націи, хочетъ, какъ видно, держать въ Польшѣ постоянный гарнизонъ. Турціи, ненавидѣвшей Россію, ничего не стоило изъявить сочувствіе Польшѣ, но она ничѣмъ ей не помогла, а между тѣмъ Екатеринѣ стали извѣстны сношенія короля съ Турціей, она испытала слишкомъ скоро его коварство; ясно стало, что русская императрица не можетъ имѣть къ польскому королю довѣрія.

Вслѣдъ за тѣмъ Екатерина II подняла дѣло о не-католикахъ въ Польшѣ и требовала, чтобы имъ были возвращены политическія права и свобода совѣсти. Въ фанатической шляхтѣ поднялся страстный протестъ; Чарторыжскіе присоединились къ протестамъ и открыто стали противъ Россіи. Россія отвѣчала имъ на это тѣмъ, что перестала имъ покровительствовать, присоединилась къ противной имъ партіи и остановила осуществленіе большей части реформъ. Послѣ этого оставалось прибѣгнуть къ средству рѣшительному, которое заранѣе государыня приказала употребить въ случаѣ крайности—составить другую конфедерацію въ пользу не-католиковъ. На Рѣпнина было возложено это трудное порученіе, и Подосскій началъ собирать враговъ короля и «фамиліи» (Чарторыжскихъ). Рѣпнинъ издалъ декларацію, гдѣ объяснялъ, что императрица желаетъ полякамъ добра и спокойствія и поэтому вынуждена послать во владѣнія Рѣчи Посполитой войска для защиты слабыхъ противъ могущественныхъ. При этомъ именемъ своей государыни онъ ручался за цѣлость и нераздѣльность Польши. Къ декларацій прилагалось письмо Панина, завѣдывавшаго въ Россіи иностранными дѣлами; оно приглашало поляковъ соединиться дружно за свою свободу и права. Декларація съ письмомъ была разослана по всей Польшѣ на разныхъ языкахъ. Въ то же время болѣе тридцати тысячъ русскаго войска вошло въ Польшу. Былъ планъ устроить разомъ на различныхъ концахъ Польши и Литвы конфедераціи, а потомъ соединить ихъ въ одну и маршаломъ этой конфедераціи сдѣлать Карла Радзивила, бѣжавшаго послѣ неудачнаго сопротивленія при избраніи въ короли Понятовскаго за-границу. Онъ жилъ въ Дрезденѣ и находился разомъ подъ опалой императрицы и польскаго короля. Рѣпнинъ снесся съ Радзивиломъ. Ему отъ имени императрицы обѣщано примиреніе и забвеніе прошлаго, возвращеніе всѣхъ правъ, снятіе секвестра съ имѣній, все это съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ на себя званіе маршала общей конфедераціи, заявилъ себя защитникомъ свободы совѣсти, не притѣснялъ бы въ своихъ имѣніяхъ православныхъ и диссидентовъ, возвратилъ бы имъ церкви и позволилъ строить новыя. Ему внушали, что, защищая разновѣрцевъ, онъ не сдѣлаетъ ничего преступнаго противъ собственной римско-католической религіи, которая остается по прежнему господствующей въ государствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него въ числѣ условій, потребовали, чтобы онъ впредь велъ себя скромно и благообразно. Такое условіе было необходимо, потому что «Panie Kochanku» былъ большой руки самодуръ. Легкомысленный, расточительный до безразсудства, вѣчно веселый и вѣчно пьяный, равно добродушный и буйный, этотъ панъ забулдыга, по ограниченности ума, былъ всегда склоненъ къ тому, чтобы его водили за носъ, но всегда былъ увѣренъ, что дѣлаетъ такъ, какъ самому хочется, и ему казалось, что все кругомъ его слушается. Партія его въ Литвѣ была чрезвычайно велика; никто щедрѣе его не кормилъ и не поилъ братью-шляхту, никто не способенъ былъ дороже купить ее для своихъ прихотей. Радзивиллъ передъ тѣмъ, въ видахъ низложенія Екатерины, покровительствовалъ самозванкѣ княжнѣ Таракановой, но, получивъ дружелюбныя предложенія отъ Россіи, оставилъ претендентку и прибылъ въ Литву. Въ Вильнѣ духовенство, городской магистратъ, нѣсколько тысячъ прибывшей нарочно шляхты встрѣчали его съ радостными воскли-

Князь Карлъ Радзивиллъ.

Сцена совѣщанія поляковъ передъ отвѣтомъ Рѣпнину относительно впуска русскихъ войскъ

цаніями; съ нимъ былъ не покидавшій его русскій полковникъ Карръ. Русскія войска будто для почести провожали его. Выстрѣлы русскихъ пушекъ раздавались во славу его возвращенія вмѣстѣ съ радостнымъ гуломъ виленскихъ колоколовъ.

Сборное мѣсто конфедераціи былъ Радомъ; туда отправился и Радзивиллъ. Конфедерація согласилась на требованіе Россіи. О низложеніи короля нечего было и думать. Впрочемъ, самъ Радзивиллъ былъ противъ этого и изъявилъ желаніе признать его королемъ, когда уже случилось такъ, что онъ избранъ и коронованъ. «Насъ подманили словно пташекъ на клей,— говорили послѣ спохватившіеся поляки,—обольстили, ослѣпили отдаленными надеждами на перемѣну главы государства. Хотѣли мы оборонять свою вольность, а стали невольниками, хотѣли охранять святую вѣру, и нарушаемъ ее. Такая подлость у насъ господствуетъ: хоть и видимъ, что всѣ наши поступки несомнѣнно пагубны, однако, не стыдимся самымъ гнуснѣйшимъ образомъ привыкать къ рабству». Конфедерація была перенесена въ Варшаву, но тутъ на сеймикахъ и на сеймѣ внезапно обнаружилась сильнѣйшая оппозиція. Эта оппозиція, состоявшая изъ шляхетскихъ депутатовъ, не имѣвшихъ никакой политической программы, не могла, однако, произвести никакого сопротивленія. Делегація, выбранная сеймомъ подъ предводительствомъ Подосскаго, примаса, редактировала радомскій манифестъ и составила трактатъ, гарантировавшій Польшѣ со стороны императрицы, всѣ ея владѣнія и кардинальныя права, съ признаніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ правъ диссидентовъ, а сеймъ 1768 года утвердилъ рѣшенія делегаціи.

Н. В. Рѣпнинъ.

Въ то же время шляхта, во главѣ которой стоялъ Адамъ Красинскій, епископъ Каменецкій, приступила къ дѣятельному протесту противъ вліянія Россіи. Іосифъ Пулавскій, староста барецкій, организовалъ 29 февраля 1768 года въ городѣ Барѣ конфедерацію, которая вслѣдствіе этого была названа «барской». Были отправлены посланцы въ Турцію; самъ епископъ поѣхалъ въ Саксонію, Парижъ; вездѣ возбуждалъ сочувствіе къ судьбѣ своего отечества, умолялъ о дарованіи помощи Польшѣ противъ насилія. Между тѣмъ, составленная конфедерація быстро разрослась. За сборищемъ въ Барѣ появились сборища въ другихъ мѣстахъ. Образовалось военное ополченіе. Русскія войска вступили съ ними въ борьбу. Война была партизанскаго характера. Край пришелъ въ смятеніе; торговля остановилась, мирное сообщеніе задерживалось; вербунки въ войска конфедератовъ, вымогательства припасовъ и денегъ отягощали народъ городской и сельскій. Несмотря, однако, на храбрость конфедератовъ, они не могли успѣшно противостоять регулярной русской арміи. Тѣмъ временемъ въ Украйнѣ, подъ предводительствомъ Гонты и Желѣзняка вспыхнуло крестьянское возстаніе, которое могло быть подавлено только Стемпковскимъ ужасными жестокостями. Война съ Россіей, начатая Турціей, война, на которую конфедераты особенно надѣялись, окончилась пораженіемъ Турціи. Конфедерацію поддерживала также Франція, отправивъ въ Польшу

своего генерала Дюмурье; съ конфедераціей заигрывала и Австрія, — но все это не помогло. Программа конфедераціи, направленная противъ внутреннихъ реформъ, отталкивала отъ нея короля и лучшихъ людей, которые видѣли надежду только въ реформахъ и въ поддержаніи королевскаго правительства; тѣмъ не менѣе Станиславъ-Августъ и Чарторыжскіе воспротивились желанію Россіи составить контръ-конфедерацію; напротивъ, король искалъ поддержки дипломатической, но все это было напрасно. Внѣшнее вмѣшательство не состоялось, конфедераты не послушались Красинскаго; наконецъ, конфедерація, вмѣсто того, чтобы сойтись съ правительствомъ и такимъ образомъ увеличить свои силы, скомпрометировала себя передъ лицомъ Европы провозглашеніемъ безкоролевія (9 августа 1770 года) и неудачнымъ похищеніемъ короля. Вотъ какъ эту послѣднюю попытку разсказываетъ Костомаровъ:

«Конфедерація, потерпѣвъ пораженія, одно за другимъ, рѣшилась прибѣгнуть къ отчаянному средству,—овладѣть королемъ, котораго объявили лишеннымъ короны. Порученіе это взялъ на себя нѣкто Стравинскій. Пулавскій дозволилъ ему сдѣлать это съ тѣмъ условіемъ, чтобы короля привели къ нему живымъ. Стравинскій подобралъ себѣ товарищей: Луковскаго, Козьму Косинскаго и тридцать конфедератовъ. Они отправились въ Варшаву подъ видомъ мужиковъ, доставляющихъ сѣно въ доминиканскій монастырь. Ксендзы были съ ними въ согласіи. За городомъ приготовили карету, куда слѣдовало посадить плѣннаго короля. Выбрали темную ночь съ 3 на 4 ноября. Король посѣщалъ тогда своего дядю, канцлера Чарторыжскаго. Онъ возвращался отъ него ночью въ каретѣ, въ сопровожденіи сидѣвшаго съ нимъ адъютанта, двухъ гайдуковъ и нѣсколькихъ человѣкъ придворной прислуги. Заговорщики условились говорить между собой по-русски, чтобы мимоходящіе принимали ихъ за русскихъ. На Медовой улицѣ напали они на королевскую карету, дали нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ, одного гайдука убили, другого ранили; служители разбѣжались. Короля вытащили изъ кареты за ноги, били его, нанесли легкую рану саблею по головѣ и потащили съ собою по грязи, такъ что онъ находился въ срединѣ, а впереди, сзади и по бокамъ шли толпою заговорщики и громко говорили между собой порусски. Жители домовъ, услышавшіе выстрѣлы, отворяли окна и спрашивали: что тамъ такое? а заговорщики порусски отвѣчали имъ, что они русскіе солдаты, поймали бѣглаго и ведутъ. Потомъ короля посадили верхомъ на лошадь и повезли за городъ. Но въ Маримонти, подъ Варшавой, его конь упалъ въ ровъ и сломалъ себѣ ногу. Король завязъ въ грязи; пока его вытаскивали, нашли другую лошадь и сажали его на нее, большая часть заговорщиковъ успѣла отъѣхать отъ него впередъ. Близъ короля остался только Косинскій съ шестью конфедератами. Они повезли короля далѣе, но въ темнотѣ сбились съ дороги и попали въ болото; тутъ имъ показалось, что идутъ русскіе, и всѣ разбѣжались, исключая Косинскаго. Король обратился къ нему и сталъ краснорѣчиво умолять спасти его. Косинскій такъ тронулся, что бросился къ ногамъ короля и сталъ просить, чтобы ему даровали впослѣдствіи прощеніе. Король обѣщалъ. Тогда Косинскій привезъ его на хуторъ какого-то нѣмца; оттуда дали знать въ Варшаву. За королемъ пріѣхала карета и отвезла обратно во дворецъ. Пулавскій между тѣмъ изъ Ченстохова приближался къ Варшавѣ, вопервыхъ для того, чтобы выманить оттуда русское войско и облегчить заговорщикамъ взятіе короля, во-вторыхъ, чтобы принять плѣнника, когда заговорщикамъ удастся добыть его. Первое ему удалось: русскія войска вышли, оставивъ въ городѣ только двѣсти человѣкъ, но короля не пришлось ему увидать. Такой поступокъ сильно возмутилъ противъ конфедератовъ сосѣднія державы. Императрица Марія-Терезія, король прусскій Фридрихъ II, императрица Екатерина прислали къ нему свои дружескія поздравленія. Тогда-то поданъ былъ благовидный предлогъ, какъ-бы въ наказаніе полякамъ, обрѣзать ихъ государство. Самъ король Станиславъ-Августъ съ этихъ поръ всецѣло, хотя все-таки не искренно, отдался Россіи. Онъ увидѣлъ, что не только его корона, но и безопасность жизни зависятъ отъ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ это происшествіе охладило его къ католичеству. Обстоятельства его похищенія тому содѣй-

ствовали. Провожавшіе его гайдуки были протестанты. Хозяинъ нѣмецъ, къ которому привезли его въ Маримонти, былъ также протестантъ. Напротивъ, ксендзы участвовали въ заговорѣ и благословляли покушеніе. Оно казалось плодомъ того же фанатизма, который нѣкогда руководилъ кинжаломъ Равольяка. При свиданіи съ папскимъ нунціемъ Станиславъ-Августъ не утерпѣлъ, чтобы не сказать ему: «Вотъ слѣдствія благословенія, которое вы дали Пулавскому».

Конфедерація была окончательно разсѣяна Суворовымъ и вслѣдъ затѣмъ наступилъ такъ называемый первый раздѣлъ Польши, наступившій такъ быстро вслѣдствіе колеблющагося положенія Австріи. Вслѣдствіе причинъ, чисто нравственныхъ, Марія-Терезія долгое время не хотѣла согласиться на раздѣлъ; въ этомъ поддерживалъ ее Кауницъ. Австрія готова была придти на помощь Польшѣ и съ этою цѣлью искала поддержки Франціи, которая, однако, отказалась явно вмѣшиваться въ польскія дѣла. Такимъ образомъ, со стороны Австріи все дѣло кончилось на добрыхъ намѣреніяхъ; но тайные переговоры Австріи съ Франціей возбудили подозрѣніе петербургскаго двора. Подъ давленіемъ этого подозрѣнія Россія въ началѣ 1772 года согласилась на проектъ раздѣла Польши, составленный Фридрихомъ. Въ то время и Австрія, боясь увеличенія силъ Россіи и Пруссіи, подъ вліяніемъ Іосифа, сына Маріи-Терезіи, рѣшилась занятіемъ части Польши обезпечить себя. 5 августа 1772 года былъ подписанъ тремя дворами трактатъ перваго раздѣла Польши. Въ виду совершеннѣйшей безпомощности Рѣчи Посполитой, изнуренной въ конецъ барской конфедераціей, въ виду совершенной апатіи остальной Европы, — Пруссія взяла себѣ Вармію, воеводства мальборгское, поморское, хелминское и часть Куявъ, оставляя, однако, Польшѣ Данцигъ и Торнъ. Австрія пріобрѣла воеводства краковское и сандомержское по Вислу, Червонную Русь и часть Подола, — Россія получила воеводства мстиславское, витебское, полоцкое, часть минскаго и Ливонію.

Подъ давленіемъ угрозъ заинтересованныхъ державъ Станиславъ-Августъ принужденъ былъ созвать сеймъ. Сеймъ долженъ былъ назначить изъ среды себя делегацію, которая и вступитъ въ переговоры съ державами и подпишетъ уступку польскихъ земель. Маршалкомъ сейма былъ выбранъ князь Адамъ Понинскій: ему дали по 3,000 червонцевъ въ мѣсяцъ. Литовскимъ маршалкомъ на сеймѣ былъ Михаилъ Радзивиллъ. Большая часть депутатовъ была подкуплена; жалованье имъ было разное: за то, чтобы молчать, платили отъ 200 до 300 червонцевъ въ мѣсяцъ, а тѣмъ, которые должны были отличаться краснорѣчьемъ, поболѣе. Многіе послѣ, взявши деньги, уклонились вовсе отъ присутствія на этомъ сеймѣ. Сеймъ былъ конфедерованъ. Король долженъ былъ добровольно признать конфедерацію послѣ того, какъ русскій посланникъ Штакельбергъ объявилъ ему, что если онъ не признаетъ ея, то 50,000 русскаго войска войдетъ въ Польшу. Было также рѣшено, что сеймъ не долженъ прекратиться и по прошествіи опредѣленнаго срока, но можетъ оставаться въ видѣ конфедераціи до тѣхъ поръ, пока не покончитъ внутренняго устройства Польши. «Делегаціи нечего было разсуждать объ уступкѣ земель; нужно было согласиться на то, что велятъ. Поэтому, трактатъ о раздѣлѣ безъ затрудненій былъ составленъ и поданъ на утвержденіе сейму въ сентябрѣ. За тѣмъ, оставалось еще устройство правленія и порядка, и по этому вопросу сеймъ не закрывался цѣлыхъ два съ половиною года. Делегація нарочно медлила: главные заправилы извлекали себѣ личныя выгоды изъ того, чтобы это дѣло какъ можно долѣе тянулось. По польскимъ обычаямъ, когда въ краѣ объявлялись конфедераціи, тогда временно закрывались всѣ обычные суды и судопроизводства поручались комиссіямъ, зависящимъ отъ конфедераціи. Понинскому, великому канцлеру Млодзеевскому и ихъ заговорищамъ это было на руку. Они назначали въ судѣ, кого хотѣли и выигрывали въ судахъ, что угодно.... Делегація, сообразно желаніямъ посланниковъ, особенно русскаго, Штакельберга, начертала образъ правленія для Польши. Рѣчь Посполитая оставалась по прежнему съ избирательнымъ правленіемъ, съ liberum veto, съ сенатомъ и сеймомъ. Постановлено, чтобы только природный полякъ изъ рода Пястовъ, имѣющій шляхетское

достоинство и владѣющій въ Польшѣ недвижимыми имѣніями, могъ быть избранъ въ короли; дѣти и внуки бывшаго короля не могли быть тотчасъ послѣ него выбираемы. Эти правила включены въ число коренныхъ, или такъ называемыхъ, кардинальныхъ законовъ: они состояли изъ прежнихъ съ прибавкой новыхъ, каковы, напримѣръ, признаніе свободы и правъ православныхъ и диссидентовъ. Шляхтичъ, убившій или ранившій хлопа, долженъ былъ быть судимъ въ судѣ, какъ и за шляхетскаго человѣка, и за убійство подвергался смертной казни, а помѣщикъ лишался права судить и наказывать своихъ крестьянъ, а долженъ быть отдавать ихъ суду. Около короля установленъ совѣтъ, называемый постояннымъ (постоянный совѣтъ). Онъ состоялъ изъ тридцати шести членовъ; изъ нихъ восемнадцать выбирались изъ сенаторовъ, но въ число ихъ входили министры безъ выбора, по своимъ должностямъ принадлежавшіе къ этому совѣту, а восемнадцать изъ шляхетства. Выборы производились въ сеймѣ секретными голосами. Этотъ совѣтъ, вмѣстѣ съ королемъ, имѣлъ значеніе верховнаго правительства. Король предсѣдательствовалъ въ этомъ совѣтѣ, но не могъ поступать противъ воли большинства голосовъ. Король не могъ самовольно назначать епископовъ, костеляновъ и комиссаровъ въ правительственныхъ комиссіяхъ, но за нимъ оставлялось право назначать въ другія должности по прежнему. Постоянный совѣтъ наблюдалъ за всѣмъ механизмомъ внутренняго управленія, правосудьемъ, военной силой и велъ сношенія съ иностранными державами. Вслѣдствіе этого онъ раздѣлялся на пять департаментовъ: 1) иностранныхъ дѣлъ, 2) полиціи, 3) правосудія, 4) скарбовый (финансовый), 5) войсковый. Подъ вѣдомствомъ этихъ департаментовъ были комиссіи, завѣдывавшія ближайшимъ образомъ, соотвѣтствующими ближайшими вѣтвями управленія; войсковая, скарбовая, маршалковская (полицейская), асессорская (надъ городами). Но однимъ изъ важнѣйшихъ учрежденій того времени была эдукаціонная комиссія подъ предсѣдательствомъ виленскаго епископа Масальскаго; она должна была завѣдывать ходомъ просвѣщенія и всѣми учебными заведеніями Рѣчи Посполитой. Только съ этихъ поръ воспитаніе, находившееся въ рукахъ монаховъ и духовенства, зависящаго отъ папы, получило правильный ходъ и надзоръ со стороны правительства и могло сдѣлаться національнымъ. Число войска положено увеличить до тридцати тысячъ. Установлены правила о военной дисциплинѣ, обращено вниманіе на то, чтобы солдатъ не допускать до своевольства надъ жителями. Положено увеличить государственные доходы до тридцати милліоновъ злотыхъ, и съ этою цѣлью установлена генеральная классификація подымнаго, собираемаго въ городахъ, сообразно значенію городовъ и по качеству облагаемыхъ податью домовъ, а также гоноваго и шеленжнаго съ производства горячихъ напитковъ. Установлена подать съ гербовой бумаги. Установлены покровительственныя правила для производства отечественныхъ мануфактуръ и съ этою цѣлью уволены отъ пошлины матеріалы изъ-за границы для фабрикъ; поручено королю выдавать привиллегіи и льготы обывателямъ и компаніямъ, учреждающимъ фабрики, и скарбовой комиссіи вмѣнено въ обязанность поощрять составленіе компаній для отыскиванія металловъ и другихъ земныхъ богатствъ. Были покушенія вообще облегчить судьбу народа. Одинъ изъ пословъ, Орачевскій, сказалъ за простой народъ такую рѣчь: «Обратите вниманіе на тѣхъ несчастныхъ дѣтей народа, которыя доставляютъ вамъ обиліе и благополучіе; допустите въ ожесточенныя сердца ваши мысль, что вашъ убогій рабочій не получаетъ никакой награды за свой трудъ, кромѣ новаго труда для себя; ему суждено трудиться для пользы рода человѣческаго и не думать о своемъ собственномъ улучшеніи; онъ работникъ на васъ съ дѣтства, и въ молодости, и въ зрѣломъ возрастѣ, и въ старости, пока у него силъ стаетъ, и за все это въ дряхлости онъ часто долженъ питаться отъ милосердія другихъ, и не рѣдко, не находя состраданія, мерзнетъ и голодаетъ и все-таки жалуется не на насъ, а на горькую судьбу свою». Тѣмъ не менѣе, для простого народа ничего не было сдѣлано. Вообще надо отдать справедливость этому сейму: никогда не было произведено такихъ важныхъ перемѣнъ и учрежденій; никогда въ Польшѣ не было такой дѣятельности, клонившейся къ улучшеніямъ и благоустрой-

ству. Утвержденный порядокъ со всѣми учрежденіями приняла на себя Россія; двѣ другія державы только гарантировали цѣлость государства. Съ тѣхъ поръ русскій посланникъ является въ Польшѣ представителемъ той верховной власти, которая находилась въ Петербургѣ. Одинъ изъ современниковъ такъ описываетъ тогдашнее состояніе Рѣчи Посполитой: «Русскій посланникъ сталъ вице-королемъ Польши; его креатуры наполняли постоянный совѣтъ. Рѣчь Посполитая сдѣлалась для русскихъ войскъ какъ бы своимъ краемъ. Король, казалось, имѣлъ особое право по отношенію къ посланнику, но это было только обольщеніе. Правда, Россія наблюдала, чтобы королю было хорошо подъ ея властью, но въ то же время она хотѣла, чтобы, какъ король, такъ и магнаты, нуждались въ протекціи отъ Россіи. Россійскій посланникъ употреблялъ довѣріе къ себѣ магнатовъ противъ короля, а довѣріе короля противъ магнатовъ, дабы, ссоря ихъ безпрестанно, ставить въ необходимость искать у него покровительства».

Безпристрастно оцѣнивая дѣятельность и работы постояннаго совѣта приходится, тѣмъ не менѣе, заключить, что онъ не имѣлъ ни средствъ, ни возможности уничтожить вѣковую анархію въ Польшѣ. Навязанный сверху, непонятый обществомъ и поэтому неподкрѣпляемый имъ, этотъ совѣтъ не могъ самъ собой замѣнить тѣхъ общественныхъ факторовъ, которые еще не были тронуты анархіей и которые могли одни возродить падающее государство. Такимъ факторомъ было стремленіе къ просвѣщенію. Политическая анархія возникла въ Польшѣ уже въ началѣ XVI столѣтія, Польша никогда не могла у себя устроить сильнаго правительства, съ конца XVIII столѣтія «золотая вольность» господствовала въ силу вѣковой традиціи. Самымъ сильнымъ аргументомъ «золотой вольности» было утвержденіе, что Польша, только благодаря ей, была въ XVI и XVII столѣтіяхъ велика и сильна. Поэтому, до тѣхъ поръ, пока историческія изслѣдованія не показали, какъ обманчивы были подобныя утвержденія, — ни одинъ изъ политическихъ дѣятелей, желавшій политическихъ реформъ, не имѣлъ возможности опереться на какой нибудь другой, лучшей традиціи. Въ гораздо лучшихъ условіяхъ находился всякій дѣятель на поприщѣ просвѣщенія. Историческая польская традиція не только не стѣсняла его, но даже помогала его усиліямъ. Ему достаточно было возбудить воспоминанія величія и блеска, которыми нѣкогда Польша блистала, достаточно было указать на «золотой вѣкъ» великихъ писателей, чтобы установить желаемый образецъ стремленій въ будущемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пропаганда мрака, исходящая изъ іезуитскихъ школъ въ XVII столѣтіи, была навязана искусственно и насильно. Вѣдь сама теорія «золотой вольности» только тѣмъ и оправдывала разнузданную свободу, что признавала за польской шляхтой всѣ добродѣтели, безъ насилія и правительственной власти. Эта теорія, гибельная для государства, поддерживала, однако-жъ, просвѣщеніе и литературу, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, до половины XVII столѣтія, а за тѣмъ поддержала, по крайней мѣрѣ, сознаніе, что шляхтичъ-анархистъ долженъ быть во всякомъ случаѣ просвѣщеннымъ гражданиномъ. Шляхта плохо училась, потому что школы никуда не годились, но все таки училась. Литературный вкусъ испортился, но число издаваемыхъ книгъ не уменьшилось. Отсюда, Станиславъ Конорскій встрѣтилъ сильное препятствіе со стороны іезуитовъ въ своихъ реформахъ, но въ польскомъ народѣ нашелъ готовую и благопріятную почву. Благодаря вліянію общественнаго мнѣнія, которое рѣшительно высказалось за піярскія школы, даже іезуиты стали думать объ улучшеніи своихъ школъ. Немудрено поэтому, что новыя школы, а также болѣе частыя путешествія молодыхъ людей за-границу принесли свои плоды уже черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, несмотря на постоянныя политическія бури. Все польское общество пошло по слѣдамъ французской цивилизаціи. Многіе бросались на литературу, а когда на польскомъ престолѣ очутился Станиславъ-Августъ, — человѣкъ любившій науки и искусства, — то это направленіе было поддерживаемо имъ. Появились политическія и литературныя газеты, возникъ въ 1765 году постоянный польскій театръ въ Варшавѣ, Іосифъ Залусскій подбиралъ обществу громадную

библіотеку. Такимъ образомъ возникла въ Польшѣ литература, извѣстная подъ названіемъ «станиславовской литературы», отличавшаяся своимъ опредѣленнымъ направленіемъ и поражающая своимъ богатствомъ. Теперь слабыя стороны этой литературной школы очевидны, что, во всякомъ случаѣ, они образовали литературный польскій языкъ, возбудили вниманіе къ исторіи и естественнымъ наукамъ. Въ 1773 году случилось событіе, которое только облегчило это стремленіе къ просвѣщенію: былъ уничтоженъ орденъ іезуитовъ. Фактъ этотъ имѣлъ огромное значеніе для будущаго польскаго народа. Уничтоженіе іезуитовъ случилось именно въ тотъ моментъ, когда судьба Польши находилась въ рукахъ шайки безнравственныхъ людей: делегаціи, дѣйствовавшей подъ предсѣдательствомъ Адама Понинскаго въ Варшавѣ. Подъ предлогомъ «люстраціи» по-іезуитскихъ капиталовъ они надѣялись присвоить ихъ себѣ; но по почину Хрептовича была учреждена такъ называемая «эдукаціонная комиссія», долженствовавшая завѣдывать народнымъ просвѣщеніемъ. Злоупотребленія, допущенныя при раздачѣ по-іезуитскихъ имѣній, дѣлали недостаточными средства эдукаціонной комиссіи. Въ 1780 году постоянный совѣтъ назначилъ визитацію, которая открыла большія упущенія. Предсѣдатель комиссіи, Массальскій, заимообразно бралъ изъ кассы деньги и проигрывалъ ихъ. Ему за это не сдѣлали ничего; назначены были только надежные кассиры, и доходы комиссіи, приведеные въ порядокъ, возвысились до 2.311,000 золотыхъ. Комиссія раздѣлена была на отдѣлы: Великопольскій, Малопольскій, Мазовецкій, Полѣсскій, Литовскій, Украинскій, Волынскій, Жмудскій и Піарскій. Въ распоряженіи послѣдняго были школы піарскаго ордена, а первые восемь отдѣловъ завѣдывали устройствомъ и содержаніемъ школъ, каждый въ отведенномъ ему участкѣ страны. Ксендзъ Гугонъ Коллонтай получилъ порученіе преобразовать краковскую академію; онъ перемѣнилъ многихъ профессоровъ, замѣстилъ устарѣлыхъ молодыми и болѣе знакомыми съ ходомъ наукъ въ Европѣ, усилилъ преподаваніе математики, указалъ, чтобы преподаваніе физики примѣнялось къ пользамъ жизни, а въ естествознаніи обращено было особое вниманіе на предметы, производимые природою Польши; установилъ, чтобы профессора составляли программы своего преподаванія и подавали деканамъ, указали на новѣйшихъ авторовъ для руководства при изложеніи наукъ, учредилъ для студентовъ экзамены съ тою цѣлью, чтобы не дать имъ лѣниться, и опредѣлилъ посылать достойнѣйшихъ за-границу для усовершенствованія въ наукахъ. Въ виленской академіи ввели медицину и усилили естественныя науки, въ томъ числѣ астрономію, для которой былъ тогда въ Вильнѣ знаменитый ученый Погобутъ. При академіяхъ устроили учительскія семинаріи для наполненія учительскихъ мѣстъ въ среднихъ заведеніяхъ. Курсъ ихъ былъ трехгодичный. Академіи были не только высшими училищами, но и начальственными мѣстами надъ школами, которыя были подчинены академическимъ совѣтамъ. Эти совѣты наблюдали надъ системой правильнаго преподаванія и посылали визитаторовъ по школамъ. Вообще въ школахъ введено и усилено преподаваніе исторіи, естественнаго права, географіи, математики, физики и естественныхъ наукъ. Вмѣсто латинскаго языка предписано преподавать науки на польскомъ и внушать дѣтямъ любовь къ своему родному слову. Направленіе новаго ученія клонилось къ тому, чтобы оно непосредственно и прямо приносило пользу въ жизни. Такимъ образомъ, положили ввести въ школѣ преподаваніе сельскаго хозяйства, чтобы дѣти получили понятіе о землѣ, ея свойствахъ, разныхъ видахъ сельской производительности и о полезныхъ изобрѣтеніяхъ, которыя могли быть въ свое время введены для умноженія сельскаго дохода. Въ разныхъ мѣстахъ предполагали основать спеціальныя заведенія механики и архитектуры. Наконецъ предположено было завести школы для простого народа, по приходамъ. Такъ какъ былъ ощутителенъ крайній недостатокъ учебныхъ книгъ, то въ Варшавѣ образовалось общество для изданія элементарныхъ учебныхъ руководствъ и назначены для того преміи. Скоро начали появляться опыты разныхъ учебниковъ. Въ составленіи этихъ проектовъ принимали особенно дѣятельное участіе Іоакимъ Хрептовичъ, одинъ изъ умнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей въ Польшѣ. Блистательнѣе всего въ

Польшѣ казалось воспитаніе въ корпусѣ кадетъ, гдѣ было около восьмидесяти учениковъ. Директоромъ его былъ князь Адамъ Чарторыжскій, содержавшій нѣкоторыхъ учениковъ на свой счетъ. Здѣсь хорошо преподавались точныя науки, отечественный языкъ и новые языки. Здѣсь обращалось вниманіе на выработку въ юношествѣ политическихъ чувствъ и честныхъ убѣжденій. Изъ этого-то заведенія вышли Костюшко, Нѣмцевичъ, и вообще кружокъ людей, отличавшихся въ послѣдней борьбѣ за существованіе Польши. Вмѣсто прежняго монашескаго, рабскаго, эгоистическаго направленія, юношамъ внушали гражданское мужество, отвагу свободной мысли и готовность на самопожертвованіе.

Обращено было также вниманіе на искусства. Въ Варшавѣ была основана школа живописи и Польша скоро имѣла замѣчательнаго своего художника Шмуглевича. Заведена была также школа музыки. Молодые люди посылались за-границу для усовершенствованія въ изящныхъ искуствахъ. Варшавская сцена заблистала истинными талантами: Богуславскій, Витковскій, Овсинскій, Свѣжовскій, Трускуловская и пр. Въ драматической отечественной поэзіи отличались писатели: Красицкій, Дроздовскій, Адамъ Чарторыжскій, Юліанъ Нѣмцевичъ, актеръ Богуславскій. Вообще, отечественная поэзія всѣхъ родовъ украсилась произведеніями Игнатія Красицкаго, писателя талантливаго и разнообразнаго, остроумнаго сатирика, автора, между прочимъ, нравоописательнаго романа «Панъ Подстовичъ», — не глубокаго и игриваго лирика Трембецкаго, Княжнина, сатирика Венгерскаго, Шимоновскаго, Карпинскаго, Езерскаго. Въ разработкѣ отечественной исторіи отличались: Нарушевичъ—авторъ «Исторіи польскаго народа», Альбертранди, Котовичъ, оставившій драгоцѣннѣйшее описаніе обычаевъ и быта въ восемнадцатомъ столѣтіи, Когновицкій, написавшій біографію Сапѣгъ, Ѳедоръ Островскій, оставившій капитальный трудъ по исторіи польской церкви, Самуилъ Бантке, только что начавшій свое учено-литературное поприще. По естественнымъ наукамъ поляки могутъ съ честью указать на Клюка, Юндзилла, химика Андрея Снядецкаго, Губе, Рогалонскаго; астрономовъ Погобута и Яна Снядецкаго, геолога Сташица, бывшаго также замѣчательнымъ публицистомъ. Словомъ, по всѣмъ отраслямъ знанія являлись у поляковъ писатели. Но кругъ интересовавшихся успѣхомъ отечественной литературы былъ не великъ; большинство польской публики оставалось ей чуждымъ; аристократія предпочитала читать французскія книги; обыватели почти ничего не читали; въ любомъ гостепріимномъ обывательскомъ домѣ, гдѣ сходились сотни гостей, имена всѣхъ этихъ писателей были почти никому неизвѣстны.

Въ политической литературѣ видное мѣсто занимало сочиненіе Сташица: «Размышленія о жизни Яна Замойскаго». Тутъ начертана цѣлая политическая программа возрожденія Польши. Авторъ менѣе всего говоритъ о Янѣ Замойскомъ, но распространяется о воспитаніи, судопроизводствѣ, избраніи королей, сеймахъ, исполнительной власти, о торговлѣ, правахъ сословій, военной силѣ, доходахъ и расходахъ, о системѣ податей, вообще, о всѣхъ предметахъ общественнаго устройства, возбуждавшихъ тогда вопросы и пренія; излагаетъ недостатки и злоупотребленія, бывшія въ Польшѣ по всѣмъ этимъ частямъ, представляетъ планы и соображенія объ ихъ исправленіи. Онъ врагъ избирательнаго правленія. Оно можетъ быть хорошо только у дикихъ и отъ нихъ получило начало; въ наше время при избирательномъ правленіи короны могутъ быть раздаваемы только деньгами, хитростями и кознями,—говоритъ онъ. По его мнѣнію, надобно было ввести въ Польшѣ наслѣдственное правленіе и вручить корону какому-нибудь изъ сильныхъ сосѣдственныхъ царствующихъ домовъ. Если уже никакъ нельзя ввести наслѣдственности, то пусть, по крайней мѣрѣ, избираютъ въ короли своихъ, а не изъ чужихъ, и въ такомъ случаѣ, предлагалъ такой оригинальный способъ: выбирать воеводъ большинствомъ голосовъ, и изъ всѣхъ воеводъ сеймъ пусть большинствомъ выберетъ третью часть въ кандидаты на королевское достоинство, а изъ нихъ, когда умретъ король, выбирается ему преемникъ жребіемъ. Увеличить войско онъ думалъ посредствомъ учрежденія военныхъ поселеній: слѣдовало освободить отъ панщины королевскихъ и панскихъ хлоповъ и

надѣлить ихъ землею извѣстной пропорціи, и за эту землю водворенный на ней поселянинъ обязанъ ходить на ученье и въ теченіе пятидесяти лѣтъ числиться въ военномъ званіи; вмѣсто прежнихъ подстаростъ, экономовъ и комиссаровъ управляли бы ими офицеры. Онъ допускалъ мѣщанъ и крестьянъ въ дѣлахъ государственныхъ и давалъ имъ право посылать пословъ на сеймы и вообще уничтожилъ сословное различіе гражданскихъ правъ. По отношенію къ сосѣдямъ, Сташицъ благоволитъ къ реформамъ Іосифа II, Россіи предсказываетъ внутреннія потрясенія на томъ основаніи, что тамъ народъ находился почти въ такой же неволѣ, какъ въ Польшѣ, а о бранденбургскомъ домѣ отзывается съ ненавистью: вспоминаетъ козни Фридриха II, впущеніе въ Польшу фальшивой монеты, насилія отъ прусскихъ войскъ и раздѣлъ Польши, котораго главнымъ виновникомъ признаетъ прусскаго короля.

Книга Сташица вызвала обширную политическую литературу, въ особенности въ виду собиравшагося четырехъ-лѣтняго сейма (1788 — 1791). Политическое движеніе было очень значительно. Какъ у кормила власти, такъ и въ самомъ обществѣ обнаружились элементы, ожидавшіе только случая, чтобы приступить къ дѣлу реформы. Этотъ случай встрѣтился какъ разъ въ 1788 году. Россія, обезпечивъ за собой политическое вліяніе въ Польшѣ послѣ перваго раздѣла, обратилась противъ Турціи; съ этою цѣлью заключила съ Австріей союзъ, заняла въ 1783 году Крымъ и въ 1787 году начала вмѣстѣ съ Австріей новую войну, въ которой Турція обнаружила необыкновенную энергію. Этотъ новый союзъ повліялъ на ослабленіе союза Россіи съ Пруссіей. Россія вмѣстѣ съ Австріей имѣла въ виду увеличеніе своихъ границъ на востокѣ безъ участія Пруссіи,—поводъ совершенно достаточный для Пруссіи дѣйствовать враждебно противъ этихъ двухъ державъ и, возбуждая новыя замѣшательства въ Польшѣ,—вознаградить себя насчетъ этой послѣдней. Эта новая опасность для Польши имѣла, однако-жъ, ту пользу, что возбуждая враждебныя отношенія между державами, она тѣмъ самымъ ослабляла внѣшнее давленіе и позволяла Польшѣ заняться внутренней органической работой. Польша имѣла на выборъ три пути: союзъ съ Россіей, союзъ съ Пруссіей, или полный нейтралитетъ, какъ по отношенію къ одной, такъ и по отношенію къ другой державѣ. Худшее было—союзъ съ Пруссіей, такъ какъ онъ могъ состояться только цѣной уступки Пруссіи Данцига, Торна и части Великой Польши, и кромѣ того, Польша не была увѣрена, что Пруссія, получивъ это вознагражденіе, не будетъ вынуждена затѣять серьезную борьбу съ Россіей изъ-за остальной Польши. Такимъ образомъ, было очевиднымъ, что союзъ Польши съ Пруссіей по необходимости имѣлъ результатомъ примиреніе Россіи съ Пруссіей насчетъ Рѣчи Посполитой, т.-е., цѣною новаго раздѣла.

Гораздо выгоднѣе былъ для Польши союзъ съ Россіей, такъ какъ одна Россія имѣла несомнѣнный интересъ не допускать увеличенія Австріи и Пруссіи насчетъ Польши. Подобный союзъ, связанный, очевидно, съ извѣстной зависимостью отъ Россіи, обезпечивалъ за Польшею ея границы и давалъ возможность внутреннимъ реформамъ. О такомъ союзѣ именно мечталъ Станиславъ-Августъ и съ этою цѣлью отправился въ Каневъ для личной встрѣчи съ Екатериной. Императрица предприняла путешествіе въ южную Россію, куда пригласила на свиданіе и союзника своего Іосифа II. Пробывши полтора мѣсяца въ Каневѣ, Станиславъ-Августъ 8-го мая, наконецъ, дождался Екатерины. Императрица прибыла въ Каневъ въ великолѣпной галерѣ, въ сопровожденіи другихъ шести галеръ, на которыхъ помѣщались ея сановники и придворные. Безбородко и князь Барятинскій отправились къ королю приглашать его. Съ ближайшими особами своей партіи—Мнишкомъ, Тышкевичемъ, Камаржевскимъ, Нарушевичемъ, Шидловскимъ, Моровскимъ, Бышевскимъ и Киркоромъ и съ двумя иностранными министрами, Уйсвортсомъ и Мэсонне, король отправился къ государынѣ на десяти-весельномъ суднѣ при громѣ музыки и пушечныхъ выстрѣлахъ. Свиданіе было не долгое. Король обѣдалъ съ императрицей, потомъ вмѣстѣ съ Потемкинымъ дѣлалъ визиты русскимъ сановникамъ и генераламъ подъ именемъ графа Понятовскаго, вечеромъ воротился къ императрицѣ, вмѣстѣ съ ней

крестилъ ребенка у графа Тарновскаго, вмѣстѣ съ нею смотрѣлъ, какъ другіе — Штакельбергъ, Мамоновъ и Потемкинъ играли въ карты, участвовалъ въ веселомъ разговорѣ, слушалъ любезныя остроты принца де-Линь; наконецъ, императрица дала ему почувствовать, что время разставаться. Станиславъ-Августъ шопотомъ сказалъ Потемкину: — Есть-ли надежда, что можно оставаться долѣе? — Нѣтъ,—отвѣчалъ Потемкинъ. Вслѣдъ затѣмъ Потемкинъ ввелъ короля въ особый кабинетъ и тамъ императрица сказала ему:—«Уже поздно; я знаю, что вы приглашали гостей на ужинъ; плаваніе продолжительно, это вынуждаетъ меня, къ моему сожалѣнію, проститься съ вашимъ величествомъ». Король выразилъ сожалѣніе, что такъ мало дозволили ему бесѣдовать съ его покровительницею.—«Не допускайте къ себѣ черныхъ мыслей; разсчитывайте на мою дружбу и мои намѣренія, дружелюбныя къ вамъ и вашему государству»,— сказала Екатерина. Этимъ кончилось свиданіе. Король, во время бесѣды съ императрицей, подалъ ей собственноручно еще одну записку о польскихъ дѣлахъ, но не получилъ отъ нея отвѣта подъ тѣмъ предлогомъ, что она не успѣла ее прочитать. Станиславъ-Августъ, естественно, былъ недоволенъ этимъ свиданіемъ, прождавши семь недѣль въ Каневѣ. «Бѣдный король!—замѣчаетъ въ своихъ запискахъ де-Линь,—за три мѣсяца онъ истратилъ три милліона злотыхъ только ради того, чтобы повидать императрицу въ продолженіе трехъ часовъ». — Во всякомъ случаѣ, формально союзъ не былъ заключенъ. Усилія короля были парализованы Ксаверіемъ Браницкимъ и Щенснымъ Потоцкимъ, которые, полагаясь на дружбу Потемкина, предлагали союзъ съ конфедераціей, имѣвшей образоваться противъ усиленія королевской власти. Кромѣ того, Россія боялась, что ея союзъ съ Польшей дастъ Пруссіи предлогъ образованія въ Польшѣ конфедераціи, враждебной Россіи.

Польшѣ, такимъ образомъ, осталась политика нейтралитета. Она могла работать надъ внутреннимъ возрожденіемъ. Таково именно было направленіе большинства пословъ на сеймѣ, который открылся 8 октября 1788 года подъ предсѣдательствомъ Станислава Малоховскаго въ Варшавѣ. Этотъ духъ новаго сейма былъ такъ силенъ, что на первыхъ засѣданіяхъ должны были отойти на второй планъ всѣ элементы анархіи. И, несмотря на все это, дѣятельность сейма въ своихъ непосредственныхъ послѣдствіяхъ не только не была полезна, но даже принесла вредъ. Люди, шедшіе къ одной цѣли, оживляемые однимъ и тѣмъ же стремленіемъ, не сумѣли идти вмѣстѣ. Болѣе благоразумные политики группировались вокругъ короля, который, безъ всякаго сомнѣнія, указывалъ на лучшій путь. Не ссорясь съ Пруссіей, король не хотѣлъ раздражать Россіи и желалъ, по крайней мѣрѣ, формально удержать гарантированную Россіей форму правленія, т.-е., постоянный совѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ развить энергію, усилить власть, улучшить финансовую часть и въ особенности усилить армію. Эта политика короля встрѣчала препятствіе со стороны горячихъ патріотовъ, которые, благодаря своей горячности, оказались въ большинствѣ. Тогда то именно и обнаружилось, что просвѣщеніе подвинуло народъ въ отношеніи нравственномъ и умственномъ, но не въ отношеніи политическомъ.

Патріотическая партія, враждебная политикѣ умѣренности и благоразумія,—весьма понятно, —сдѣлалась орудіемъ Пруссіи. Пруссія, устраненная отъ австро-русскаго союза, обратила все свое вниманіе на Польшу и рѣшилась возбудить ее противъ Россіи. Съ этою цѣлью, благодаря усиліямъ своихъ посланниковъ, сначала Бухгольца, а потомъ Лукцина, прусская интрига направила патріотическую партію сначала противъ политики Станислава-Августа, а потомъ, поддерживая внутреннія реформы, Пруссія старалась, чтобы она была направлена противъ Россіи. Къ несчастію, успѣхъ былъ полный. Станиславъ-Августъ, видя всѣ свои усилія парализованными, уступалъ патріотической партіи и въ концѣ концовъ совершенно соединился съ нею. Подъ вліяніемъ этихъ различныхъ вліяній начались работы сейма. Работы эти были направлены главнымъ образомъ къ ниспроверженію той формы правленія, которая была установлена подъ давленіемъ Россіи. На этомъ основаніи, изъ вѣдѣнія постояннаго совѣта

была выдѣлена армія, за тѣмъ были отправлены посланники къ различнымъ европейскимъ дворамъ, инструкція этимъ посланникамъ была составлена особой сеймовой депутаціей; наконецъ, былъ упраздненъ и постоянный совѣтъ. Такимъ образомъ, король былъ лишенъ почти всякой власти, которая цѣликомъ перешла въ руки сейма, т. е.—другими словами, въ руки патріотическаго большинства. Печальную картину представлялъ собою сеймъ. Рядомъ съ полнѣйшимъ незнакомствомъ политическихъ дѣлъ, рядомъ съ напыщеннымъ ораторствомъ, бывшимъ въ модѣ въ концѣ XVIII столѣтія,—возникло еще одно печальное явленіе: оппозиція, дѣйствовавшая не искренно. Кромѣ сторонниковъ короля и патріотовъ, на сеймѣ засѣдали сенаторы и послы, которые защищали «золотую вольность» и анархію, или по убѣжденію, или по личнымъ выгодамъ. Эти-то именно сенаторы и послы горячо поддерживали нападенія на постоянный совѣтъ, предвидя, что въ сеймѣ они будутъ дѣлать, что угодно. Послѣ уничтоженія совѣта, когда вся исполнительная власть перешла въ руки сейма, они искусно достигли своего. Маскируясь патріотизмомъ, блистая пышными фразами, они сумѣли затягивать пренія и парализовать дѣятельность сейма. Среди нихъ своимъ краснорѣчіемъ отличался Суходольскій, а также гетманъ Браницкій. Въ концѣ концовъ, черезъ годъ засѣданій сейма, Рѣчь Посполитая очутилась безъ денегъ и безъ средствъ защиты. Къ счастью, Россія смотрѣла сквозь пальцы на то, что дѣлалось въ Польшѣ; занятая войной съ Турціей, она почти не вмѣшивалась въ польскія дѣла. Зная, что за патріотической партіей дѣйствуетъ Пруссія, Россія уступила даже требованіямъ Польши, вывела изъ Польши свои войска и даже, по совѣту Кауница, не обнаружила неудовольствія въ виду проектовъ союза, который былъ предложенъ Польшѣ Пруссіей. Взамѣнъ Данцига и Торна, Пруссія обѣщала помощь Рѣчи Посполитой для возврата Галиціи. Но всѣхъ этихъ условій не могла осуществить патріотическая партія. Оппозиція, подъ предводительствомъ Браницкаго, дѣйствовавшая подъ вліяніемъ Россіи, возстановила общественное мнѣніе противъ какихъ-бы то ни было территоріальныхъ уступокъ. Пришлось ограничиться тѣмъ, что Пруссія обѣщала защищать цѣлость и нераздѣльность Рѣчи Посполитой противъ сосѣдей, ничего не упоминая о Данцигѣ и Торнѣ. Само собой разумѣется, что этотъ союзъ, не приносившій никакой выгоды Пруссіи, былъ заключенъ только съ тѣмъ, чтобы поставить Россію и Польшу въ еще болѣе враждебныя отношенія.

Въ Польшѣ, къ несчастью, повѣрили искренности этого союза, и общество, видя себя освобожденнымъ отъ внѣшняго давленія, съ жаромъ бросилось на внутреннюю реорганизацію. На первый разъ было очевиднымъ, что Рѣчь Посполитая прежде всего нуждается въ сильной организованной правительственной власти. Готовый уже проектъ реформы встрѣтилъ, однако-жъ, сильную оппозицію со стороны сторонниковъ «золотой вольности». Рѣшено было, поэтому, увеличить число пословъ и такимъ образомъ усилить сеймъ. Усиленный сеймъ собрался въ декабрѣ 1790 года и уже приступилъ къ реорганизаціи, какъ вдругъ политическій горизонтъ совершенно измѣнился. Министерство Питта, враждебное Россіи, пало въ Англіи. Пруссія, видя себя изолированной, начала сближаться съ Россіей. Въ виду этой опасности, патріотическая партія рѣшила дѣйствовать энергично и безотлагательно. Съ согласія короля былъ редактированъ проектъ новой конституціи, основанный на приготовительныхъ работахъ сейма, и рѣшено было провести его разомъ. Пользуясь тѣмъ, что послы оппозиціи еще не съѣхались послѣ праздника Пасхи, король 3 мая 1791 года внесъ проектъ конституціи и большинство приняло его. Въ виду важности для послѣдующихъ событій этого проекта констиступціи 3 мая, считаемъ необходимымъ привести его цѣликомъ:

«1) Господствующая народная религія есть и будетъ вѣра римско-католическая во всѣхъ ея правахъ. Переходъ изъ господствующей религіи въ другое вѣроисповѣданіе запрещается подъ страхомъ наказанія за отступничество. Но такъ какъ сама эта вѣра учитъ насъ любить своихъ ближнихъ, то всѣмъ людямъ, какого бы то ни было исповѣданія, мы обязаны предо-

ставить спокойствіе въ дѣлахъ вѣры и защиту отъ правительства, а потому мы обезпечиваемъ свободу всякаго обряда и всякой религіи въ польскихъ краяхъ, согласно туземнымъ постановленіямъ.

«2) Уважая память предковъ нашихъ, какъ учредителей свободнаго правленія, мы утверждаемъ шляхетскому сословію всю свободу, льготы, преимущества и первенство въ частной и общественной жизни, въ особенности всѣ права, постановленія и привилегіи, справедливо и законно дарованныя этому сословію королями Казимиромъ Великимъ, Людовикомъ Венгерскимъ, Владиславомъ Ягелло и Витовтомъ, братомъ его, великимъ княземъ литовскимъ, а также Владиславомъ и Казимиромъ Ягеллоновичами, Яномъ-Альбрехтомъ, Александромъ, Сигизмундомъ I и Сигизмундомъ-Августомъ, послѣднимъ изъ рода Ягеллоновъ, утверждаемъ, упрочиваемъ и признаемъ ненарушимыми. Признаемъ достоинство шляхетскаго званія въ Польшѣ равнозначительнымъ всякому благородному сословію, существующему гдѣ бы то ни было. Вся шляхта равна между собою не только въ исканіи служебныхъ должностей и въ отправленіи службы отечеству, приносящей честь, почести и выгоды, но и по отношенію къ равному пользованію привилегіями и преимуществами, присвоенными шляхетскому званію. Сверхъ всего желаемъ, чтобы сохранились свято и ненарушимо всѣ существовавшія искони для права личной безопасности, личной свободы и собственности недвижимой и движимой, торжественно ручаясь, что не допустимъ никакого измѣненія или исключенія изъ правъ, въ ущербъ чьей бы то ни было собственности; напротивъ, верховная власть и установленное ею правительство отнюдь не будутъ, подъ предлогомъ jurium regalium или подъ какимъ-либо инымъ видомъ, предъявлять притязанія на шляхетскую собственность по частямъ или въ цѣлости. Въ силу чего желаемъ, чтобы безопасность личности и всякой собственности, кому бы то ни было принадлежащей по закону, какъ истинная связь общества, какъ зѣница обывательской свободы, уважалась, ограждалась и утверждалась, и на будущее время оставалась уважаемою, огражденною и ненарушимою. Признаемъ шляхту первѣйшею охранительницею вольности и ей, какъ единой твердынѣ отечества, поручаемъ святыню настоящей конституціи во огражденіе доблести, гражданства и чести каждаго шляхтича.

«3) Уставъ, состоявшійся на текущемъ сеймѣ подъ названіемъ «Наши королевскіе свободные города въ государствахъ Рѣчи Посполитой», желаемъ сохранять въ полнотѣ и объявляемъ его частью настоящей конституціи, какъ законъ, дающій польской свободной шляхтѣ, для безопасности ея свободы и цѣлости общаго отечества новую, истинную и дѣйствительную силу.

«4) Земледѣльческій классъ, изъ рукъ котораго течетъ источникъ изобилія, составляющій самое многочисленное населеніе народа и при томъ самую дѣйствительную силу страны, какъ по справедливости, человѣколюбію и христіанскимъ обязанностямъ, такъ и въ видахъ собственной нашей здраво понимаемой пользы, принимаемъ подъ покровительство закона и правительства страны, и постановляемъ, чтобы съ этихъ поръ, если владѣльцы съ крестьянами своихъ имѣній положительно установятъ какія нибудь льготы, надѣлы и условія, то эти льготы, надѣлы и условія, будутъ-ли они заключены съ цѣлыми громадами или съ каждымъ жителемъ по одиночкѣ, должны имѣть значеніе обоюднаго и взаимнаго обязательства, подлежащаго покровительству правительства по силѣ существеннаго смысла уговора и по содержаніи такихъ надѣловъ и условій. Такіе договоры и вытекающія изъ нихъ обязательства, принятыя добровольно владѣльцемъ земли, будутъ обязывать не только его самого, но и его наслѣдниковъ, или пріобрѣвшихъ отъ него право на владѣніе, такъ что они не могутъ самовольно ихъ измѣнять. Равномѣрно и крестьяне какого бы то ни было имѣнія не иначе могутъ быть увольняемы отъ добровольно принятыхъ условій и надѣловъ и съ ними соединенныхъ повинностей, какъ только сообразно со способами и условіями, какія значатся въ постановленномъ договорѣ, который будетъ для нихъ въ точности обязателенъ навсегда или на срочное время,

смотря по тому, какъ онъ составленъ. Обезпечивъ такихъ образомъ владѣльцевъ при ихъ доходахъ, проистекающихъ отъ принадлежащихъ имъ крестьянъ, и желая сколько возможно содѣйствовать умноженію народонаселенія въ странѣ, объявляемъ полную свободу всѣмъ вновоприбывающимъ, а равно и тѣмъ, которые, прежде удалившись изъ страны, захотятъ снова воротиться въ отечество, до такой степени, что каждый, или вновь откуда бы то ни было прибывшій въ государства Рѣчи-Посполитой, или назадъ возвратившійся туда, какъ только ступитъ ногою на польскую землю, вполнѣ свободенъ и воленъ заниматься, какимъ хочетъ промысломъ и гдѣ хочетъ, заключать договоръ на осѣдлость, работу или оброкъ, проживать въ городахъ и селахъ, оставаться въ Польшѣ или возвратиться въ тотъ край, куда захочетъ, выполнивши обязательства, принятыя на себя добровольно.

«5) Всякая власть въ человѣческомъ обществѣ исходитъ взъ воли народа. Чтобы цѣлость государствъ Рѣчи Посполитой, гражданская свобода и общественный порядокъ навсегда оставались въ равновѣсіи, правительство польскаго народа, по волѣ настоящаго сейма, должно состоять изъ трехъ властей, т. е., изъ законодательной въ собранныхъ чинахъ, исполнительной въ королѣ и стражѣ, и судебной въ юрисдикціяхъ, учрежденныхъ для этой цѣли, или же долженствующихъ быть учрежденными.

«6) Сеймъ или собранные чины раздѣляются на двѣ Избы: посольскую и сенаторскую, подъ предсѣдательствомъ короля. Посольская Изба, какъ выраженіе и средоточіе народнаго всевластія, должна быть святынею законодательства. Поэтому, въ посольской Избѣ будутъ первоначально рѣшаться всѣ проекты: 1) законовъ вообще, т. е., конституціонныхъ, гражданскихъ, уголовныхъ и касающихся установленія постоянныхъ податей, и по этимъ предметамъ предложенія отъ трона воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ, поданныя на разсмотрѣнія, и представленныя Избѣ въ посольскихъ инструкціяхъ, должны быть рѣшаемы прежде другихъ; 2) проекты сеймовыхъ опредѣленій, касающихся временныхъ налоговъ, качества монеты, общественныхъ долговъ, народнаго хозяйства, по случаю наградъ, раскладки общественныхъ расходовъ ординарныхъ и эстра-ординарныхъ, войны, мира, окончательной ратификаціи союзныхъ и торговыхъ договоровъ, всякихъ дипломатическихъ актовъ и договоровъ, принадлежащихъ къ народному праву, провѣрка исполнительныхъ магистратуръ и тому подобныхъ статей, соотвѣтствующихъ главнымъ народнымъ потребностямъ, между которыми первенство въ порядкѣ разсмотрѣнія принадлежитъ предложеніямъ, обращеннымъ къ Избѣ отъ королевскаго трона. Обязанности сенаторской Избы, составленной изъ епископовъ, воеводъ, каштеляновъ и министровъ, подъ предсѣдательствомъ короля, имѣющаго право одинъ разъ дать свой голосъ (votum), а другой—разрѣшать paritatem (равенство голосовъ) лично, или посылкою въ Избу своего мнѣнія,—таковы: 1) каждый законъ по формальномъ прохожденіи черезъ посольскую Избу долженъ немедленно быть посылаемъ въ сенатъ, или принимать, или задерживать для дальнѣйшаго народнаго обсужденія, указаннаго въ законѣ о большинствѣ голосовъ; и въ первомъ случаѣ, принятіе закона будетъ давать ему силу и святость, а въ послѣднемъ, задержавіи, остановитъ его дѣйствія до будущаго ординарнаго сейма, и если на послѣднемъ состоится вторичное согласіе, то пріостановленный законъ долженъ быть принятъ сенатомъ; 2) каждое сеймовое опредѣленіе по вышеизложеннымъ предметамъ, которое посольская Изба немедленно должна посылать сенату, вмѣстѣ съ посольскою Избою рѣшать большинствомъ голосовъ, а установленное закономъ большинство въ соединенныхъ Избахъ будетъ приговоромъ и волею государственныхъ чиновъ. — Сенаторы и министры, въ предметахъ, касающихся отчетовъ по ихъ должностямъ въ стражѣ и комиссіяхъ, безъ рѣшающаго голоса, будутъ въ то время засѣдать въ сенатѣ только для объясненій по вопросамъ сейма. Долженъ всегда существовать готовый сеймъ. Законодательный и ординарный сеймъ должны возобновляться каждые два года и продолжаться сообразно содержанію закона о сеймахъ. Готовый сеймъ, созванный по мѣрѣ настоятельной надобности, будетъ дѣлать постановленія только о такихъ

предметахъ, по поводу которыхъ онъ созванъ, или о такихъ нуждахъ, которыя встрѣтились послѣ его созванія. Никакой законъ не можетъ быть отмѣненъ на томъ самомъ ординарномъ сеймѣ, на которомъ постановленъ. Комплектъ сейма будетъ состоять изъ числа особъ, указаннаго нижеписаннымъ закономъ, какъ для Избы посольской, такъ и для сенаторской. — Утверждаемъ торжественно законъ о сеймикахъ, установленный на настоящемъ сеймѣ, какъ самую дѣйствительную основу гражданской свободы. — Какъ въ законодательствѣ не всѣ могутъ участвовать и народъ въ этомъ случаѣ изображаетъ себя черезъ своихъ представителей, или пословъ, добровольно выбранныхъ, то мы установляемъ, что выбранные на сеймикахъ послы, сообразно настоящей конституціи, въ дѣлахъ законодательства и всякихъ народныхъ потребностей вообще, должны быть уважаемы, какъ представители цѣлаго народа, образуя собою средоточіе всеобщаго довѣрія. — Все вездѣ должно быть рѣшаемо большинствомъ голосовъ, а потому liberum veto, всякаго рода конфедераціи и конфедераціонные сеймы, какъ противные духу настоящей конституціи, ниспровергающіе правительство и разстраивающіе общество, уничтожаются повсюду. Въ предупрежденіе, съ одной стороны, насильственныхъ и частыхъ перемѣнъ народной конституціи, съ другой, сознавая потребность усовершенствованія оной по испытаніи ея послѣдствій для общественнаго благосостоянія, назначаемъ черезъ каждые двадцать пять лѣтъ пересмотры и исправленія конституціи. Такой конституціонный экстро-ординарный сеймъ будетъ отправляться на основаніи особаго о немъ закона.

«7) Совершеннѣйшее правленіе не можетъ существовать безъ сильной исполнительной власти. Благополучіе народовъ зависитъ отъ справедливыхъ законовъ, а благія послѣдствія законовъ—отъ ихъ исполненія. Опытъ научилъ насъ, что пренебреженіе этою частью правленія преисполнило Польшу несчастіями, почему, обезпечивши для свободнаго польскаго народа власть издавать для себя законы и право надзора за всякою исполнительною властью и выбора должностныхъ лицъ для магистратуръ, верховную власть исполненія законовъ передаемъ королю съ совѣтомъ, который будетъ называться «Стражею законовъ» — Исполнительная власть строго обязана соблюдать законы и исполнять ихъ. Она должна оказывать свою дѣятельность тамъ, гдѣ дозволено закономъ и, гдѣ законы требуютъ надзора, принуждать и даже прибѣгать къ силѣ. — Всѣ магистратуры всегда обязаны ей повиновеніемъ, и въ ея рукахъ находится понужденіе непослушныхъ и забывающихъ свои обязанности. — Исполнительная власть не можетъ установлять законовъ, толковать ихъ, налагать подъ какимъ бы то ни было именемъ податей или поборовъ, дѣлать государственные долги, принимать раскладку казенныхъ доходовъ, учиненную сеймомъ, объявлять войну, заключать мирные договоры и окончательно утверждать дипломатическіе акты. Но она можетъ входить во временныя сношенія съ иностранными державами, улаживать непріятности, возникающія для безопасности или спокойствія страны, о чемъ обязана доносить ближайшему сеймовому собранію. — Польскій престолъ на всегда установляемъ и объявляемъ избирательнымъ по фамиліямъ. Испытанныя бѣдствія безкоролевія, періодически низпровергавшія правленіе, необходимость обезпечить судьбу каждаго обитателя польской земли и пресѣчь навсегда пути вліянію иностранныхъ государствъ, воспоминаніе несчастій нашего отечества во времена продолжительно царствовавшихъ фамилій, необходимость отвратить чужеземцевъ отъ честолюбивыхъ замысловъ на польскій престолъ, а польскихъ вельможъ обратить къ единственной заботливости о народной свободѣ,—указали намъ, въ видахъ предусмотрительности, сдѣлать польскій престолъ наслѣдственнымъ. — Итакъ, постановляемъ, что по кончинѣ нынѣшняго короля (да продлитъ его дни благость Божія), нынѣшній саксонскій-князь избиратель будетъ въ Польшѣ царствовать. Династія будущихъ польскихъ королей начнется съ Фредерика-Августа, а преемниками его на польскомъ престолѣ будутъ его наслѣдники въ мужскомъ колѣнѣ и старшій сынъ будетъ вступать на престолъ послѣ родителя. Если же нынѣшній князь-избиратель не будетъ имѣть потомства мужескаго пола, то супругъ

его дочери, избранный имъ для нея съ согласія государственныхъ чиновъ, начнетъ наслѣдственную линію въ мужескомъ колѣнѣ на польскомъ престолѣ. — Поэтому мы объявляемъ дочь князя избирателя Марію Августу-Непомуцену польскою инфантою, оставляя за народомъ никакимъ ограниченіемъ не подлежащее право избрать на престолъ другой домъ, по прекращеніи перваго. — Каждый король, вступая на престолъ, учиняетъ присягу Богу и народу: сохранять настоящую конституцію и условія принятія короны, pacta conventa, которыя будутъ заключены съ нынѣшнимъ саксонскимъ княземъ-избирателемъ, какъ съ назначеннымъ на престолъ, и будутъ его обязывать, какъ издавна бывало. — Особа короля священна и неприкосновенна для всякаго. Онъ самъ собою ничего не дѣлаетъ, а потому и не отвѣтственъ передъ народомъ ни за что. Онъ долженъ быть не самовластителемъ, а отцомъ и главою народа, и такимъ его признаетъ и объявляетъ законъ и настоящая конституція. — Доходы, указанные въ условіяхъ принятія короны (pacta conventa) и присвоенныя трону преимущества, предоставленныя настоящею конституціею будущему избраннику престола, не могутъ быть нарушаемы.—Всѣ публичные акты, трибуналы, суды, магистратуры, монета, штемпеля должны быть подъ королевскимъ именемъ. — Королю предоставляется всякая возможность дѣлать добро и потому дается право помилованія (jus agratiandi) осужденныхъ на смерть, исключая государственныхъ преступниковъ. Королю принадлежитъ верховное распоряженіе вооруженными силами во время войны и наименованіе командировъ войска, однако, съ свободою смѣны ихъ по волѣ народа; право выдавать офицерамъ патенты на чины, назначать должностныхъ лицъ, епископовъ, сенаторовъ сообразно закону, а также и министровъ, какъ первыхъ дѣятелей исполнительной власти. — Придаваемая королю въ помощь Стража для надзора за соблюденіемъ и исполненіемъ законовъ будетъ состоять: 1) изъ примаса или главы польскаго духовенства и вмѣстѣ презуса эдукаціонной комиссіи, который можетъ быть замѣненъ въ Стражѣ первымъ по порядку епископомъ, безъ права подписывать резолюціи; 2) изъ министровъ, именно: министра полиціи, министра печати, министра belli (войны), министра скарба (казны) и министра печати или иностранныхъ дѣлъ; 3) изъ двухъ секретарей, изъ которыхъ одинъ будетъ вести протоколъ Стражи, а другой протоколъ иностранныхъ дѣлъ, оба безъ рѣшающаго голоса. — Наслѣдникъ престола, по выходѣ изъ малолѣтства, давши присягу конституціи, можетъ присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ Стражи, но безъ голоса.— Сеймовый маршалъ, избранный на два года, будетъ входить въ число засѣдающихъ въ Стражѣ, но безъ участія въ резолюціяхъ, единственно на случай созванія готоваго сейма: если же онъ сознаетъ крайнюю необходимость созвать сеймъ, а король противится этому, то онъ долженъ разослать посламъ и сенаторамъ окольныя письма, приглашая ихъ собраться на готовый сеймъ, изложивъ имъ поводы такого созванія. Случаи необходимаго созванія сейма могутъ быть только слѣдующіе: 1) въ крайнихъ обстоятельствахъ, касающихся народнаго права, особенно, когда по сосѣдству возникаетъ война; 2) въ случаѣ внутренняго смятенія, угрожающаго странѣ революціею, или когда произойдетъ столкновеніе между магистратурами; 3) когда угрожаетъ опасность всеобщаго голода; 4) если отечество осиротѣетъ отъ смерти короля, или отъ опасной его болѣзни. — Всѣ резолюціи въ Стражѣ будутъ производиться въ упомянутомъ выше составѣ. Королевское рѣшеніе, по выслушаніи всѣхъ мнѣній, должно имѣть перевѣсъ, дабы существовала единая воля въ исполненіи законовъ; посему, каждая резолюція должна выходить изъ Стражи подъ королевскимъ именемъ, и за подписомъ руки

Станиславъ-Понятовскій.

его, и, сверхъ того, должна быть подписана однимъ изъ министровъ, засѣдающихъ въ Стражѣ, такимъ образомъ подписанная, она будетъ обязательна въ повиновеніи ей и будетъ приведена въ исполненіе комиссіею или какою нибудь магистратурою въ тѣхъ, однако, предметахъ, которые настоящею конституціею не исключены. Въ случаѣ, если бы ни одинъ министръ не хотѣлъ подписать рѣшенія, король откажется отъ него, а если бы онъ упорствовалъ, то сеймовый маршалъ долженъ просить о созваніи готоваго сейма, и если король будетъ откладывать созваніе, самъ созоветъ его. — Въ случаѣ, если-бы большинство двухъ-третей секретныхъ голосовъ соединенныхъ Избъ сейма пожелали перемѣны министра или въ Стражѣ, или въ его должности, король немедленно долженъ назначить на его мѣсто другого. — Въ тѣхъ видахъ, чтобы Стража народныхъ законовъ обязана была строжайшею отвѣтственностью за всякое ихъ нарушеніе, постановляемъ: если министры будутъ обвинены депутаціею, назначенною для изслѣдованія ихъ дѣятельности, въ нарушеніи законовъ, они должны отвѣчать своею личностью и своимъ имуществомъ, Во всякихъ такихъ обвиненіяхъ собранные чины, рѣшивъ дѣло простымъ большинствомъ голосовъ, отсылаютъ обвиненныхъ министровъ къ сеймовымъ судамъ, для справедливаго, соразмѣрнаго ихъ преступленіямъ, наказанія или, при доказанной невинности, для увольненія отъ суда и наказанія. — Для надлежащаго приведенія въ дѣйствіе исполнительной власти учреждаются отдѣльныя комиссіи, состоящія въ связи со Стражею и обязанныя ей повиновеніемъ. Комиссары въ эти комиссіи будутъ избраны сеймомъ для отправленія своихъ должностей въ продолженіе времени, указаннаго закономъ. Этихъ комиссій четыре: 1) воспитанія (эдукаціонная), 2) полиціи, 3) войска и 4) казны (скарба). — Установленныя на текущемъ сеймѣ воеводскія комиссіи для порядка, равнымъ образомъ подчиненныя надзору Стражи, будутъ получать предписанія отъ вышеупомянутыхъ посредствующихъ комиссій, смотря по предметамъ, принадлежащимъ власти и обязанностямъ каждой изъ нихъ.

«8) Судебная власть не можетъ отправляться ни законодательною властью, ни королемъ, но предоставляется магистратурамъ, на тотъ конецъ установленнымъ и выбраннымъ. Она должна быть привязана къ извѣстнымъ мѣстамъ такъ, чтобы всякій вблизи себя могъ находить правосудіе, а преступникъ вездѣ видѣлъ надъ собою грозную руку правительства. Вслѣдствіе этого установляемъ: 1) Суды первой инстанціи для каждаго воеводства, земли или повѣта, въ которые судьи будутъ выбираться на сеймикахъ. Суды первой инстанціи всегда должны быть готовы оказывать правосудіе тѣмъ, которые въ немъ нуждаются. Апелляція на эти суды будетъ восходить въ главные трибуналы, учрежденные для каждой провинціи и составленные равномѣрно изъ выбранныхъ на сеймикахъ особъ. Эти суды, какъ первой, такъ и послѣдней инстанціи, будутъ *земянскими* судами для шляхты и всѣхъ земскихъ собственниковъ въ ихъ дѣлахъ съ кѣмъ бы то ни было de causi juris et facti (по поводу права и факта). 2) Сохраняемъ судебныя юрисдикціи во всѣхъ городахъ, сообразно съ закономъ настоящаго сейма о свободныхъ королевскихъ городахъ. 3) Оставляемъ для каждой провинціи референдарскіе суды въ дѣлахъ свободныхъ поселянъ, по давнимъ правамъ подчиненныхъ этимъ судамъ. 4) Сохраняемъ суды задворные, асессорскіе, реляційные и курляндскіе. 5) Исполительныя комиссіи будутъ имѣть суды по дѣламъ, принадлежащимъ ихъ администраціи. 6) Кромѣ судовъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ для всѣхъ сословій будетъ учрежденъ верховный судъ, называемый сеймовымъ, гдѣ будутъ засѣдать особы, выбранныя при каждомъ открытіи сейма. Этотъ судъ будетъ судить преступленія противъ народа и короля или государственныя (crimina status). Предписываемъ особамъ, назначеннымъ отъ сейма, составить новый кодексъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ.

«9) Регентствомъ будетъ стража, а во главѣ ея будетъ королева, а въ случаѣ ея отсутствія — примасъ. Регентство можетъ состояться только въ трехъ случаяхъ: 1) при малолѣтствѣ короля; 2) при болѣзни, сопряженной съ умопомѣшательствомъ; 3) если-бы король былъ взятъ въ плѣнъ на войнѣ. Малолѣтство считается до весемнадцати-лѣтняго возраста, а посто-

янное умопомѣшательство короля не иначе можетъ быть объявлено, какъ по признанію большинства трехъ четвертей противъ одной голосовъ соединенныхъ Избъ готоваго сейма. Въ этихъ трехъ случаяхъ примасъ польской короны обязанъ немедленно созвать сеймъ, а если-бы примасъ уклонялся отъ этой обязанности, то сеймовый маршалъ разошлетъ окольныя письма къ посламъ и сенаторамъ. Готовый сеймъ учредитъ очередь засѣданія министровъ въ регентствѣ и уполномочитъ королеву заступить мѣсто короля въ его обязанностяхъ. Когда-же король, въ первомъ случаѣ, совершеннолѣтія, или во второмъ — совершенно выздоровѣетъ, или въ третьемъ — возвратится изъ плѣна, то регентство обязано дать отчетъ въ своей дѣятельности и отвѣчать передъ народомъ, на ординарномъ сеймѣ, за время своего управленія, личностями и имуществомъ своихъ членовъ.

«10) Королевскіе сыновья, которыхъ конституція предназначаетъ къ престолонаслѣдью, есть первыя дѣти отечества и потому надзоръ за ихъ хорошимъ воспитаніемъ принадлежитъ народу, впрочемъ, безъ нарушенія родительскихъ правъ. Правящій государствомъ король, вмѣстѣ со Стражею и съ назначеннымъ отъ государственныхъ чиновниковъ надзирателемъ надъ воспитаніемъ королевичей, будетъ заниматься воспитаніемъ ихъ. Во время регентства воспитаніе ихъ будетъ поручено этому регентству вмѣстѣ съ упомянутымъ надзирателемъ. Въ обоихъ случаяхъ надзиратель, назначенный отъ государственныхъ чиновъ, обязанъ доноситъ каждому ординарному сейму о воспитаніи и успѣхахъ королевичей. На эдукаціонной комиссіи лежитъ обязанность составить и представить для утвержденія сейму инструкцію о воспитаніи королевскихъ сыновей, дабы въ ихъ воспитаніи твердыя правила внѣдряли въ умъ будущихъ наслѣдниковъ престола заранѣе религію, любовь къ добродѣтели, отечеству, свободѣ и польской конституціи.

«11) Народъ обязанъ самъ себя защищать отъ нападеній и оберегать свою крѣпость. Всѣ обыватели суть охранители народной цѣлости и свободы. Войска есть ни что иное, какъ извлеченная изъ всей общей силы народа и приведенная въ порядокъ, оборонительная сила. Народъ обязанъ награждать и уважать свое войско, которое исключительно посвящаетъ себя его оборонѣ. Войско обязано охранять границы и всеобщее спокойствіе, словомъ, должно быть сильнѣйшимъ щитомъ народа. Для непогрѣшительнаго исполненія своего назначенія, войско должно оставаться въ повиновеніи у исполнительной власти и, сообразно съ содержаніемъ закона, обязано принести присягу на вѣрность народу и королю и на оборону народной конституціи. Народное войско можетъ быть употребляемо на защиту страны вообще, на охраненіе крѣпостей и границъ, и на вспоможеніе закону, если-бы кто оказался ему непослушнымъ.»

Въ то время какъ полякъ ликовалъ по поводу обнародованія майской конституціи, долженствовавшей по мнѣнію прогрессистовъ усилить королевскую власть и обезпечитъ Рѣчь Посполитую отъ вліянія сосѣднихъ державъ, — эти державы и по преимуществу Россія держали себя въ сторонѣ отъ всякаго вмѣшательства въ польскія дѣла и не высказывали своего мнѣнія о новомъ переворотѣ. Но въ международной политикѣ вскорѣ наступила минута, которая развязала руки Россіи. Минутой этой была французская революція. Съ цѣлью защиты заключеннаго въ Temple Людовика XVI и монархическихъ принциповъ, императоръ Леопольдъ организовалъ вмѣстѣ съ Пруссіей коалицію противъ Франціи. Это случилось мѣсяца черезъ два послѣ 3-го мая 1791 года. Польская конституція пришлась на руку коалиціи, такъ какъ усиленная Польша, казалось, обезпечивала Австрію отъ возможной дѣятельности Россіи. Поэтому то Леопольдъ условился съ Пруссіей поддерживать польскую конституцію и хлопотать, чтобы и Россія признала ее. Эти благопріятныя для Польши условія вскорѣ, однако, исчезли. Въ началѣ 1792 года Екатерина заключила миръ съ Турціей, обратила свое вниманіе на польскія дѣла и протестовала противъ саксонской династіи на польскомъ престолѣ, и видя неудобство рѣшительно выступить противъ Польши, защищаемой Пруссіей и Австріей, возбу-

дила волненія. Въ такую критическую минуту умеръ Леопольдъ II; наслѣдникъ его, Францискъ I, исключительно занятый Франціей, не обращалъ вниманія на Польшу. Война, начатая съ Франціей въ апрѣлѣ 1792 года, не привела ни къ какимъ результатамъ; Пруссія убѣдилась, что эта война не принесетъ ей желаемыхъ выгодъ и, вслѣдствіе этого, разрывая союзъ съ Польшею, соединяется съ Россіей. Такимъ образомъ, у Россіи были развязаны руки въ Польшѣ.

Уже 18 мая 1792 года Россія объявила черезъ своего посланника, Булгакова, о вступленіи русскихъ войскъ въ предѣлы Рѣчи Посполитой для возвращенія прежней, гарантированной формы правленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и по желанію Россіи, Щенсный Потоцкій, Ксаверій Браницкій и Северинъ Ржевускій организовали конфедерацію въ Тарговицѣ для уничтоженія конституціи 3 мая. Такимъ образомъ, противъ новаго правленія явилась не только русская армія, но и внутренній врагъ. Война началась разомъ на двухъ пунктахъ. Литовскій корпусъ, подъ начальствомъ иностранца, рекомендованнаго Пруссіей, Людвига принца Виртембергскаго, былъ разбитъ почти безъ борьбы. Польскій корпусъ, подъ начальствомъ Іосифа князя Понятовскаго, племянника короля, отступилъ. Подъ прикрытіемъ русскихъ войскъ, тарговицкая конфедерація продолжала организоваться, стягивая въ свои ряды шляхту, которая еще недавно приняла конституцію. Король Станиславъ-Августъ также приступилъ послѣ нѣкотораго колебанія къ конфедераціи, съ цѣлью спасти престолъ. Онъ пробовалъ было спасти Рѣчь Посполитую назначеніемъ великаго князя Константина Павловича своимъ наслѣдникомъ, но когда Россія отстранила этотъ проектъ, онъ созвалъ министерскій совѣтъ и, получивъ въ совѣтѣ большинство голосовъ, приступилъ къ конфедераціи, по желанію Россіи. Лучшіе патріоты и наиболѣе способные генералы ушли за-границу и народъ, оставленный самому себѣ, перешелъ подъ управленіе тарговицкой конфедераціи. Конфедерація уничтожила важнѣйшія постановленія четырехлѣтняго сейма, проектировала новую форму правленія и, конфискуя имѣнія своихъ враговъ, обогащала ими своихъ сторонниковъ. Это хозяйничаніе не долго, однако, продолжалось. Уже присоединеніе короля къ конфедераціи было значительнымъ ударомъ для ея предводителей, которые организовали его главнымъ образомъ противъ него. Тѣмъ временемъ по настоянію Пруссіи начались переговоры о второмъ раздѣлѣ Польши. Прусскія войска вступили въ предѣлы Рѣчи Посполитой, и 23 января 1793 года былъ заключенъ союзъ раздѣла между Пруссіей и Россіей. Когда трактатъ о раздѣлѣ былъ уже окончательно подписанъ, и прусскій король ввелъ свои войска въ Польшу, англійскій посолъ, узнавъ объ этомъ 29 января, обратился къ Маркову съ просьбою, удѣлить ему, какъ представителю союзной державы, свѣдѣнія,—какія мѣры принимаются по отношенію къ Польшѣ,—и вмѣстѣ сообщилъ ему свои основанія на счетъ слуховъ о предстоящемъ раздѣлѣ. «Подобный поступокъ въ такую минуту,—говорилъ Уисвортъ, — до крайности опасенъ и, вѣроятно, обратитъ въ противную сторону общественное мнѣніе въ Англіи, которое теперь благопріятно защищаемому нами дѣлу; такимъ образомъ, онъ помѣшаетъ согласію, столь желаемому и полезному. Кромѣ того, такое сильное средство напугаетъ и другія страны, которыя уже готовы учавствовать въ войнѣ противъ Франціи. Поступокъ этотъ повлечетъ въ высшей степени непопулярность предпріятію противъ Франціи и поможетъ французамъ сильнѣе, чѣмъ сколько они сами надѣются».— «Поступокъ, котораго вы боитесь,— отвѣчалъ Марковъ,— не будетъ исполненъ; въ этомъ можете увѣрить вашъ дворъ. Я не беру на себя предсказывать то, что будетъ позже, но въ настоящее время дѣло стоитъ на основаніи объявленій его величества прусскаго короля и не принимается дальнѣйшихъ шаговъ, которые могли бы обезпокоить Польшу». Въ это время появилась зловѣщая нота Бухгольца. Въ ней было сказано, что въ Польшѣ сталъ распространяться духъ французскаго демократизма и правила ужасной секты: якобинскіе агенты находятъ себѣ поддержку, открываются революціонные клубы; въ особенности Великая Польша отравлена этимъ ядомъ и скрываетъ въ себѣ большое число поклонниковъ фальшиваго патріотизма; ихъ связи

съ французскими клубами внушаютъ прусскому королю опасеніе за безопасность собственныхъ владѣній и принуждаютъ его прибѣгнуть къ дѣйствительнымъ средствамъ. Обязанный продолжать войну противъ Франціи, вмѣстѣ съ союзными государствами, король прусскій совѣтывался съ австрійскимъ и россійскимъ дворами, и оба союзные двора признали, что здравая политика не дозволяетъ оставлять въ Польшѣ свободными руки заговорщиковъ и, такимъ образомъ, имѣть съ тылу у себя непріятеля, котораго зловредныя попытки могутъ сдѣлаться источникомъ новыхъ безпокойствъ, тѣмъ болѣе, что пограничные края прусскаго государства уже испытали всякаго рода нарушенія территоріи со стороны поляковъ. По этой причинѣ прусскій король рѣшился ввести въ Польшу значительную часть войска подъ командою генерала Мелендорфа, для удержанія въ этомъ краѣ спокойствія. На жителяхъ лежитъ обязанность принять эти войска и снабжать ихъ продовольствіемъ, а генералъ Мелендорфъ обязанъ платить за доставленное и удерживать подначальныя ему войска въ надлежащей дисциплинѣ. Генеральная конфедерація на эту ноту поручила канцлеру Молоховскому дать отвѣтъ въ такомъ смыслѣ: «Дѣло конституціи 3 мая со всѣми вредными его послѣдствіями для спокойствія отечества уже уничтожено при помощи императрицы и генеральная конфедерація отъ 28 ноября 1792 года уже запретила всякіе клубы, угрожая суровымъ наказаніемъ ихъ составителямъ; затѣмъ, туземное польское правительство имѣетъ достаточно силы для удержанія спокойствія, особенно при сильной и великодушной помощи императрицы, почему проситъ прусскаго короля удалить изъ предѣловъ Рѣчи Посполитой свои войска, и въ надеждѣ, что прусскій король исполнитъ ея просьбу, не дѣлаетъ никакихъ распоряженій относительно содержанія прусскихъ войскъ, введенныхъ въ Польшу. Что же касается до нарушенія прусской территоріи, то конфедерація желаетъ знать подробно, въ чемъ оно состоитъ и кто виноватъ въ этомъ, дабы предать виновныхъ достойному наказанію».

Я. Е. Сиверсъ.

Въ то же самое время конфедерація отправила письмо къ Екатеринѣ: жаловалась на поступокъ прусскаго короля, замѣчала, что онъ производитъ тяжелое впечатлѣніе на умы, просила о содѣйствіи императрицы къ тому, чтобы убѣдить прусскаго короля отмѣнить свои приказы, и выражалась такъ: «мы не боимся за наши лучшія провинціи, колыбель польскаго государства, но Рѣчь Посполитая, возстановленная вашимъ величествомъ, желаетъ не имѣть другого счастія, какъ пользоваться спокойствіемъ и цѣлостью, достигнутыми собственными возможными усиліями и благодѣяніями вашего величества».

Привести въ исполненіе планъ второго раздѣла Екатерина поручила не Булгакову, который былъ отозванъ, а Сиверсу, который умѣлъ самыя непріятныя дѣла обработывать такимъ образомъ, что люди, получившіе непріятность, не сердились на него, оставались къ нему въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Несмотря на старость, это былъ человѣкъ въ высокой степени дѣятельный и проницательный, легко схватывавшій положеніе, въ которомъ находился, узнающій насквозь и оцѣнивающій людей, не пылкій, не заносчивый, ни на минуту не терявшій своего достоинства, хладнокровно разсматривающій вещи въ ихъ надлежащемъ видѣ, не злой и не упрямый, не дѣлавшій ничего по своенравію, безмѣрно терпѣливый, мягкій къ человѣческому несчастію, но твердый какъ камень въ исполненіи избраннаго средства, не податливый къ впечатлѣніямъ и потому не способный ни выйти изъ себя, ни дать провести себя. Для него въ дѣлѣ было одно дѣло; онъ видѣлъ ясно цѣль свою, умѣлъ находить прямыя дороги и

простѣйшія средства, ведущія къ этой цѣли, не отступалъ отъ нихъ ни на шагъ, не бросался въ сторону, не размѣнивался на мелочи; добродушный съ виду и съ постоянною добродушною улыбкою, вѣжливый въ обращеніи, онъ не вдавался въ реторику, умѣлъ помолчать тамъ, гдѣ нужно было молчаніемъ сказать болѣе, чѣмъ языкомъ, говорилъ мало и дѣльно, и даромъ не отступалъ отъ своего слова. Въ рескриптѣ императрицы къ новому послу говорилось слѣдующее: «извѣстно вамъ, на какихъ основаніяхъ взаимно полезныхъ и сосѣдственной тишинѣ благопріятствующихъ съ начала нашего вступленія на престолъ нашъ хотѣли мы учредить сношенія наши съ республикою польскою. Пріобрѣтенное нами въ правительствѣ ея вліяніе устремлялось всегда на учрежденіе вольности и независимости ея съ предохраненіемъ законныхъ правъ согражданъ ея. Но всѣ сіи подвиги, вмѣсто должнаго имъ признанія, произвели злобу къ государству нашему, междоусобную зависть и кровопролитные мятежи, кои прекратились наконецъ раздѣломъ, въ 1773 году въ дѣйство произведеннымъ. Не можетъ быть, конечно, ни одного поляка, нѣсколько свѣдущаго о дѣлахъ, который бы не зналъ, сколь приступленіе наше къ таковой мѣрѣ вынуждено было обстоятельствами, и сколь и тутъ умѣли мы ограничить собственныя наши права въ предѣлахъ крайней умѣренности, но и воздержать лакомство и алчность другихъ дворовъ, въ ономъ съ нами участвовавшихъ. Казалось бы по всѣмъ вѣроятностямъ, что вышеупомянутое событіе послужитъ поученіемъ и убѣжденіемъ для края, что дальняя цѣлость и спокойствіе польскихъ владѣній зависятъ нераздѣльно отъ соблюденія тѣснаго и непрерывнаго согласія съ нами и державою нашею. Но время и весьма короткое доказало, что легкомысліе, надменность, вѣроломство и неблагодарность, сему народу свойственныя, не могутъ быть исправлены иже самими бѣдствіями; ибо, какъ скоро управляющіе оными увидали насъ озабоченными двумя явными войнами и происками потаенныхъ нашихъ завистникомъ, то не усомнились поползнуться на расторженіе всѣхъ торжественныхъ съ нами обязательствъ и на разные всякаго рода оскорбительные поступки, какъ противъ насъ самихъ, такъ особливо противъ войскъ нашихъ и даже противъ подданныхъ нашихъ, по невиннымъ своимъ промысламъ въ Польшѣ находившихся, увѣнчавъ напослѣдокъ всѣ сіи неистовства опроверженіемъ въ третій день мая 1791 года формы правленія, нашимъ ручательствомъ утвержденной. Перемѣна, столь несвойственная кореннымъ пользамъ государства нашего, не могла быть отъ насъ долго терпима, и мы твердо положили оную уничтожить при первомъ удобномъ случаѣ, который намъ и представился въ замиреніи нашемъ съ Портою Оттоманскою. Уважая вышеозначенныя нарушенія торжественныхъ договоровъ и разныя обиды, намъ отъ поляковъ причиненныя, имѣли бы мы неоспоримое право приступить къ исполненію нашего намѣренія и точнымъ объявленіемъ войны. Но упреждая напрасное пролитіе крови и предпочитая вездѣ и всегда способы кротости и человѣколюбія, мы прибѣгнули къ средству, въ Польшѣ издавна извѣстному и въ чрезвычайныхъ случаяхъ обыкновенно употребляемому, т. е., къ составленію новой конфедераціи. Для сего велѣли мы призвать ко двору нашему изъявившихъ гласно неудовольствіе ихъ о перемѣнахъ, въ ихъ отечествѣ воспослѣдовавшихъ, отъ короны генерала артиллеріи графа Потоцкаго и польскаго гетмана Ржевусскаго, а отъ Литвы находящагося въ службѣ нашей генералъ-поручика Коссаковскаго; скоро присоединились къ нимъ коронный великій гетманъ Браницкій и человѣкъ до 12 разныхъ чиновъ изъ рыцарства. Но сколь ни малолюдно сіе число, однако-жъ, при соглашеніи съ министерствомъ нашимъ о предварительныхъ мѣрахъ и о началахъ будущаго правленія примѣчено было разнообразіе видовъ, не предвѣщающихъ ни единодушія, ни прочности въ созидаемомъ зданіи, какимъ бы образомъ оно ни устроилось. Одни помышляли о сохраненіи или распространеніи преимуществъ чиновъ ихъ, другіе о пріобрѣтеніи оныхъ, а третьи, исключа ручательство наше на форму правленія, хотѣли сохранить армію польскую въ томъ количествѣ, которое опредѣлилъ ей послѣдній сумасбродный сеймъ. Словомъ, мало изъ нихъ, или, лучше сказать, никто, кромѣ генерала артиллеріи графа Потоцкаго, не занимались прямо благомъ отечества, согласуя

оное съ выгодами сосѣдей его, и не примѣшивая къ этому личныхъ и корыстолюбивыхъ видовъ. Но какъ главный вопросъ состоялъ не въ раздробленіи сихъ видовъ и паче въ поспѣшеніи предположеннымъ дѣламъ, то и повелѣли ихъ наискорѣе отправить къ начальникамъ войскъ нашихъ, а симъ съ разныхъ сторонъ вступать въ предѣлы польскіе и тамъ подъ защитою оружія нашего обнародовать генеральную конфедерацію, которая и взяла свое бытіе подъ именемъ Тарговицкой. Его величество призналъ, наконецъ, конфедерацію. Но сколь поступокъ сей былъ не чистосердеченъ, то явно изобличается его поведеніемъ; ибо не говоря о тѣхъ коварныхъ предложеніяхъ, которыя онъ намъ чинилъ, въ намѣреніи поссорить насъ съ другими сосѣдственными дворами, мы достовѣрно знаемъ, что онъ и по нынѣ продолжаетъ возбуждать и питать въ польскомъ народѣ злобу и недоброжелательство къ намъ и войскамъ нашимъ, въ чемъ они довольно и предуспѣли, ибо вседневно обнаруживаются разные знаки таковыхъ непріятныхъ расположеній, и особливо самымъ непристойнымъ неуваженіемъ къ главнымъ начальникамъ помянутыхъ войскъ нашихъ. Къ вящему доказательству сей строптивости духа, нынѣ тамъ господствующаго, долженствуетъ служить собственное признаніе главныхъ чиновъ присланной сюда конфедерацкой делегаціи, что какъ скоро войска наши выступятъ изъ предѣловъ Польши, то все тамъ подъ ихъ щитомъ установленное въ мгновеніе ока ниспровергнуто будетъ. Но не столько заботимся мы симъ могущимъ воспослѣдовать событіямъ, сколько расположеніемъ нынѣшняго пагубнаго французскаго ученія до такой степени, что въ Варшавѣ развелись клубы на подобіе якобинскихъ, гдѣ сіе гнусное ученіе нагло проповѣдуется, и откуда легко можетъ распространиться до всѣхъ краевъ Польши и, слѣдовательно, коснуться и границы ея сосѣдей. Нѣтъ мѣръ предосторожности и строгости, каковыхъ въ опасеніе столь лютаго зла оправдать не долженствовало. Рѣшительный отзывъ короля прусскаго принудилъ насъ войти въ ближайшее соображеніе всѣхъ обстоятельствъ и околичностей, въ ономъ встрѣчающихся. Тутъ усмотрѣли мы очевидно и ощутительно: во 1) что по испытанности прошедшаго и по настоящему расположенію вещей и умовъ въ Польшѣ, т. е. по непостоянству и вѣтренности сего народа, по доказанной его злобѣ и ненависти къ нашему, а особливо по изъявляющейся въ немъ наклонности къ разврату и неистовствамъ французскимъ, мы въ немъ никогда не будемъ имѣть ни спокойнаго, ни безопаснаго сосѣда, иначе какъ приведя его въ сущее безсиліе и немогущество; во 2) что податливостью нашею на предложенія короля прусскаго и послѣдуемымъ за тѣмъ его отпаденіемъ отъ Римскаго императора въ настоящемъ ихъ общемъ дѣлѣ, мы подвергаемъ сего естественнаго и важнаго союзника нашего такимъ опасностямъ, что слѣдствія онаго вовсе опровергнутъ европейское равновѣсіе, и безъ того уже потрясенное нынѣшнимъ положеніемъ Франціи, и въ 3) что король Прусскій, ожесточенный безполезностью употребленныхъ имъ издержекъ, не взирая и на отчужденіе наше отъ его видовъ, можетъ, по извѣстной горячности его нрава, или теперь силою завладѣть тѣми землями, или для достиженія къ тому надежнѣйшаго способа, навлечь на насъ новыя отяготительныя хлопоты, къ усугубленію которыхъ сами поляки готовы будутъ сдѣлаться первымъ орудіемъ. Сіи и многія другія уваженія рѣшили насъ на дѣло, которому началомъ и концомъ предполагаемъ избавить земли и грады, нѣкогда Россіи принадлежавшіе, единоплеменниками ея населенные и созданные, и единую вѣру съ нами исповѣдующіе, отъ соблазна и угнетенія имъ угрожающихъ».

Конфедераціонный сеймъ назначенъ былъ въ Гроднѣ. Маршаломъ сейма избранъ былъ Пулавскій. Сиверсъ, прибывъ въ Гродно, помѣстился во второмъ ярусѣ трехъ-этажнаго дома Сапѣги, — первый ярусъ онъ отдалъ для хозяйственныхъ принадлежностей, а третій для своихъ чиновниковъ. Чтобы въ Гроднѣ послы были сговорчивѣе, рѣшено было двинуть поближе къ городу корпусъ войска; Игельстромъ былъ готовъ къ услугамъ по приказанію Сиверса. Онъ приказалъ заранѣе приготовить кантониръ-квартиры для корпуса, но въ самый городъ не рѣшался вводить много войска, а поставилъ тамъ только четыре роты егерей.

До времени слѣдовало хранить молчаніе. Тайна раздѣла должна была грянуть внезапно, какъ бомба, на Польшу. Самого Сиверса бралъ невольный страхъ, съ приближеніемъ дня, въ который должна была рѣшиться судьба государства. Въ ожиданіи королевскаго пріѣзда, Сиверсъ безпрестанно писалъ Станиславу-Августу и посылалъ ему одну за другой горькія, хотя позолоченныя пилюли, торопя его ѣхать въ Гродно. Король не отрекался ѣхать, но жаловался на судьбу и громко говорилъ своимъ родственникамъ, что не подпишетъ трактата о раздѣлѣ, если ему его поднесутъ; но американецъ Литльпажъ, вмѣстѣ и любимецъ короля, и шпіонъ Игельстрома, объявилъ послѣднему, что король ему съ глазу на глазъ сказалъ, что все сдѣлаетъ, что ему велятъ, разсуждая такимъ образомъ: большинство голосовъ составляетъ народъ, а что народъ приговоритъ, то не будетъ преступленіемъ подписать.

Наконецъ, пришло воскресенье 27 марта. «Наступилъ день,—писалъ Сиверсъ своей дочери,—памятный и знаменитый въ исторіи Польши, Россіи и Пруссіи». Въ мѣстечкѣ Полонномъ, на Волыни, опубликовано было генераломъ Кречетниковымъ объявленіе отъ императрицы всероссійской. Объяснивъ въ началѣ поводы, заставившіе императрицу приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ, Кречетниковъ продолжалъ: «Моя всемилостивѣйшая государыня.... постановила, наконецъ, принять подъ свою державу и на вѣчныя времена присоединить къ Россійской Имперіи всѣ края съ обитателями ихъ въ нижеописанныхъ границахъ, а именно: начиная линію отъ селенія Друи, лежащаго на лѣвомъ берегу Двины, на углу границы Семигаліи и, проведя ее на Нарочь и Дуброву, оттуда, слѣдуя по частному рубежу виленскаго воеводства на Столпцы, потомъ на Несвижъ, потомъ до Пинска, а оттуда переходя черезъ Куневъ между Вышеградомъ и Новой Греблей, близъ границы Галиціи, съ которой соединяясь и слѣдуя по ней до рѣки Днѣстра, оттуда, идя внизъ по рѣкѣ Днѣстру, доходитъ до Ягодзина, до пункта, прежде составлявшаго границу между Россіею и Польшею. Всѣ земли, города и повѣты, занимаемые вышеописанною линіею новой границы между Россіею и Польшею, будутъ навсегда оставаться подъ скипетромъ Россійской Имперіи; обыватели этихъ провинцій и жители всякаго званія поступятъ въ число россійскихъ подданныхъ». Въ то же время на противоположномъ концѣ умиравшей Польши былъ опубликованъ другой манифестъ отъ имени прусскаго короля, подобнаго же содержанія, съ обозначеніемъ земель, долженствовавшихъ войти въ составъ Пруссіи.

Открывшійся сеймъ въ Гроднѣ не хотѣлъ уступать требованіямъ ни Россіи, ни Пруссіи. Король Станиславъ-Августъ, послѣ значительнаго промедленія явившійся, наконецъ, въ Гродно, объявилъ сейму, что онъ приступилъ къ Тарговицкой конфедераціи подъ условіемъ неприкосновенности польскихъ владѣній, что онъ никоимъ образомъ не будетъ содѣйствовать уступкѣ польскихъ провинцій, въ надеждѣ, что и сеймъ будетъ поступать точно также. Но Сиверсъ и прусскій посолъ Бухгольцъ потребовали, чтобы сеймъ немедленно выбралъ и уполномочилъ комиссію для переговоровъ съ ними. Король настаивалъ, чтобы не соглашались на комиссію, а вмѣсто того отправили бы посольство къ дружественнымъ дворамъ съ просьбою о посредничествѣ. Не смотря на то, большинствомъ 107 голосовъ противъ 24, было рѣшено выбрать комиссію, но уполномочить и вести переговоры только съ Сиверсомъ, а не съ Бухгольцомъ. 13 іюня начались въ Гроднѣ конференціи у Сиверса съ сеймовою комиссіею. Угроза, что русскій посолъ сочтетъ дальнѣйшую проволочку дѣла за объявленіе войны, заставила сеймъ принять предложенный Россіею договоръ, согласиться на уступку требуемыхъ земель. 11 іюля договоръ былъ подписанъ. 13 іюля Бухгольцъ потребовалъ отъ сейма назначенія новой комиссіи для переговоровъ объ уступкахъ въ пользу Пруссіи. Сиверсъ поддержалъ требованіе прусскаго посла. Не смотря на то, оно было встрѣчено упорнымъ сопротивленіемъ со стороны сейма: воспоминаніе о поведеніи Пруссіи въ 1788 году возбуждало сильную ненависть къ недавнимъ великодушнымъ союзникамъ. Сеймъ затянулъ дѣло. Угроза Бухгольца, что генералъ Мелендорфъ начнетъ непріятельскія дѣйствія, не помогла; Сиверсъ ввелъ русскихъ солдатъ въ замокъ,

гдѣ происходило засѣданіе сейма; комиссія была уполномочена подписать договоръ объ уступкѣ требуемыхъ Пруссіею земель, но съ условіями, напримѣръ, чтобы архіепископъ примасъ жилъ въ Польшѣ, но пользовался доходами съ имѣній, отходящихъ къ Пруссіи; что договоръ объ уступкѣ земель не прежде будетъ подтвержденъ, какъ по заключеніи торговаго договора между Пруссіею и Польшею. Бухгольцъ потребовалъ безусловнаго подписанія договора. Это повело къ сильному волненію на сеймѣ. Нѣкоторые депутаты позволили себѣ рѣзкія выходки противъ обоихъ дворовъ и ихъ представителей. Сиверсъ велѣлъ схватить четырехъ депутатовъ (Краснодемскаго, Шидловскаго, Микорскаго и Скаржинскаго) и выпроводить изъ Гродно. Тутъ-то 23 сентября послѣдовало знаменитое *нѣмое* засѣданіе, когда депутаты думали, что могутъ отмолчать свои земли. Сиверсъ велѣлъ объявить, что онъ не выпуститъ депутатовъ изъ залы, пока не заговорятъ, не выпуститъ и короля. Пробила полночь — молчаніе; пробило три часа утра — молчаніе. Наконецъ, раздался голосъ Анквича, депутата краковскаго: «Молчаніе есть знакъ согласія», сказалъ онъ. Сеймовый маршалъ Бѣлинскій обрадовался и три раза предложилъ вопросъ: уполномочиваетъ ли сеймъ комиссію на безусловное подписаніе договора съ Пруссіей? Глубокое молчаніе. Тогда Бѣлинскій объявилъ, что рѣшеніе состоялось единогласное. 25 сентября договоръ былъ подписанъ. Съ Россіею заключенъ былъ договоръ, по которому обѣ державы взаимно ручались за неприкосновенность своихъ владѣній, обязывались подавать другъ другу помощь въ случаѣ нападенія на одну изъ нихъ, при чемъ главное начальство надъ войскомъ принадлежало той державѣ, которая выставитъ большее число войска; Россія могла во всѣхъ нужныхъ случаяхъ вводить свои войска въ Польшу; безъ вѣдома Россіи Польша не могла заключать союза ни съ какою другою державою; безъ согласія императрицы Польша ничего не можетъ измѣнить въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Число польскаго войска не должно превышать 15,000, и не должно быть менѣе 12,000.

Такъ произошелъ второй раздѣлъ Польши. Трактатъ, заключенный съ Польшею, имѣлъ значеніе ступени къ окончательному овладѣнію Польшею и къ полному прекращенію ея независимости. Этотъ трактатъ неизбѣжно долженъ былъ скоро нарушиться со стороны поляковъ, и Россія, въ наказаніе за это, лишила бы Польшу того, что даровалось ей трактатомъ. Такъ бывало всегда въ исторіи, когда сильное государство покоряло слабое или ослабѣвшее. Всегда, прежде окончательнаго покоренія, слабое ставится въ тяжелое положеніе зависимости отъ сильнаго, при видимой, кажущейся самостоятельности, и это вызываетъ взрывъ. Сильное государство называетъ такой взрывъ мятежемъ, нарушеніемъ правъ своихъ, усмиряетъ возстаніе и, въ необходимости предупредить его повтореніе, стѣсняетъ или вовсе уничтожаетъ оставшіеся признаки независимости слабаго. Въ русской исторіи довольно примѣровъ подобныхъ переходныхъ положеній. Россія въ этомъ отношеніи съ Польшею шла по слѣдамъ прежнихъ вѣковъ. Россію влекли къ этому обстоятельства.

Сеймъ назначилъ посольство къ Екатеринѣ съ цѣлью благодарить ее. Посольство это поручено было Тышкевичу. Патріоты замѣчали, что благодарить совсѣмъ неумѣстно за тѣ благодѣянія, которыя, по ихъ мнѣнію, не принесли пользы Польшѣ; въ особенности не считали они умѣстнымъ благодарить императрицу за содѣйствіе Пруссіи къ отобранію земель отъ Рѣчи Посполитой. Сеймъ разошелся. Король уѣхалъ. Сиверсъ приказалъ удалить войско изъ Гродно и уѣхалъ въ Варшаву за королемъ. De facto, онъ былъ истинный глава и правитель Польши. Открывая свои засѣданія, постоянный совѣтъ былъ подъ контролемъ Сиверса, и всѣ его постановленія должны были показываться русскому министру. Онъ распоряжался произвольно личностью поляковъ и всѣхъ жившихъ въ Польшѣ. Самъ король находился подъ строгимъ надзоромъ и не могъ ничего дѣлать безъ воли Сиверса. Каждый шагъ Станислава-Августа слѣдили и обо всемъ доносили русскому посланнику. Слуга-французъ передавалъ Сиверсу свѣдѣнія о домашней жизни польскаго короля. Сиверсъ обращался съ королемъ, хотя очень вѣжливо, но какъ будто съ подданнымъ императрицы. «Я надѣюсь, говорилъ король,

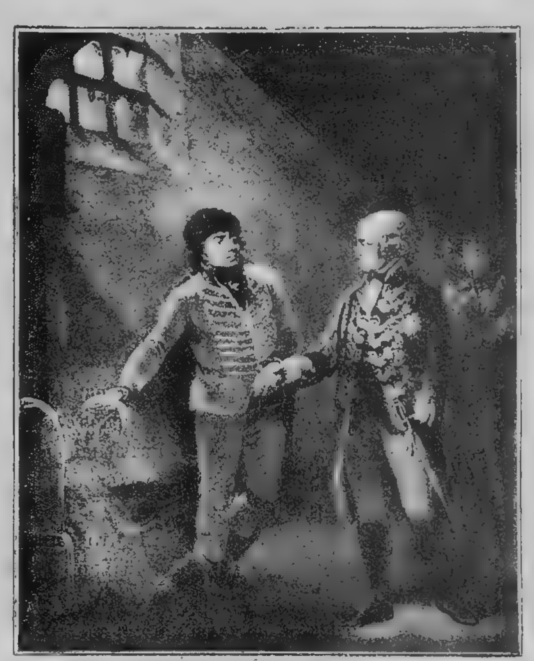
на великодушіе Императрицы».—«Надѣяться можете, ваше величество, если будете поступать законно и не будете придерживаться партій».

2-го декабря Сиверсъ былъ отозванъ; прощаясь съ нимъ, король просилъ увѣрить государыню въ его преданности и покорности. Сиверсъ обѣщалъ. Король обнималъ его, цѣловалъ и говорилъ: «Ахъ, какъ жаль, что вы покидаете Польшу. Прежде она васъ боялась, теперь начинаетъ уважать и любить». Онъ далъ ему, кромѣ Бѣлаго Орла, прощальный подарокъ, картину и свой портретъ.

Весьма понятно, что послѣ второго раздѣла, при полномъ ослабленіи правительственной власти у приверженцевъ конституціи 3-го мая оставалось только одно средство дѣйствовать въ пользу проиграннаго дѣла: составлять заговоры, возбуждать неудовольствія въ жителяхъ, и дожидаться удобнаго случая для поднятія возстанія. Это былъ естественный ходъ вещей, и такое именно направленіе приняли политическія дѣла въ Польшѣ. Въ то время, какъ король и правительство во всемъ подчинялись требованіямъ новаго русскаго посланника Игельстрома, главнымъ дѣятелемъ заговора въ Варшавѣ оказался графъ Дзялынскій. Къ нему вскорѣ присоединился вліятельный варшавшій купецъ, Коностасъ. Изъ неизданныхъ показаній Коностаса въ Петербургѣ оказывается, что онъ родомъ былъ изъ Венгріи, въ 1780 году переѣхалъ въ Варшаву, служилъ сначала у купца Гаугофера, а въ 1785 году открылъ собственную банкирскую контору. Въ моментъ второго раздѣла, онъ былъ купеческимъ старшиной и ратманомъ въ магистратѣ. Коностасъ и Дзялынскій привлекли къ заговору Закржевскаго, человѣка очень виднаго, поборника конституціи 3 мая и бывшаго муниципальнымъ президентомъ въ Варшавѣ до отмѣны конституціи. Вскорѣ къ этимъ тремъ главнымъ дѣятелямъ присоединились и многіе другіе. Рѣшено было начать дѣйствовать не прежде, какъ будетъ извѣстно: 1) Какъ расположено общество въ другихъ городахъ? 2) Какъ расположены военные въ провинціи? въ Варшавѣ же заговорщики вполнѣ могли положиться на войско, потому что офицеры были главными дѣятелями въ распространеніи революціоннаго духа. 3) Имѣетъ-ли государст' о довѣріе къ Косцюшкѣ? 4) Приметъ-ли Косцюшко на себя опасное званіе предводителя возстанія? 5) Могутъ-ли заговорщики положиться хотя на тайную помощь Австріи, по крайней мѣрѣ, на дружественный нейтралитетъ, чтобы изъ австрійскихъ областей получалось все нужное для войны? 6) Начнетъ-ли Турція или Швеція войну противъ Россіи и Пруссіи? 7) Нельзя-ли получить отъ Франціи взаймы денегъ? 8) Нельзя-ли начать вездѣ вдругъ, обезоружить войска русскія и прусскія? Если возстаніе пойдетъ успѣшно, то заговорщики намѣревались отправить въ Петербургъ курьера къ императрицѣ съ просьбой, позволить возстановить конституцію 3 мая, и востребовать отъ Пруссіи земли вооруженною рукою; за это заговорщики готовы были отдать Россіи такую часть земель въ Украйнѣ и Подоліи, какую Россія признаетъ нужною, кромѣ того, наслѣдство польскаго престола должно быть отдано одному изъ членовъ русской императорской фамиліи.

Косцюшко, самый видный дѣятель этой эпохи, принадлежалъ къ старинной дворянской семьѣ въ Литвѣ. Онъ родился 16 февраля 1746 года въ Новогрудскомъ уѣздѣ. Послѣ ученія въ варшавскомъ кадетскомъ корпусѣ онъ отправился въ Парижъ для окончанія образованія; возвратившись въ Польшу, поступилъ въ военную службу въ качествѣ инженернаго офицера; болѣзнь однако заставила его вскорѣ выйти въ отставку и выѣхать опять во Францію. Тогда въ Америкѣ вспыхнула война за независимость. Косцюшко отправился въ Филадельфію и поступилъ въ волонтеры. Вскорѣ онъ былъ замѣченъ Вашингтономъ, который назначилъ его комендантомъ крѣпости Унтпуэнтъ. Въ 1783 году война между Соединенными Штатами и Англіей, какъ извѣстно, окончилась. Косцюшко возвратился въ Польшу такимъ-же патріотомъ, какимъ выѣхалъ. Сначала онъ велъ уединенную жизнь, но послѣ образованія Тарговицкой конфедераціи, онъ выступилъ защитникомъ конституціи 3-го мая и въ рядахъ польскаго войска сражался съ русскою арміей, подобно Іосифу Понятовскому. Когда дѣло оказалось проигран-

нымъ, онъ выѣхалъ во Францію, и въ засѣданіи 26 августа 1792 года французское Національное Собраніе пожаловало его титуломъ французскаго гражданина. Въ началѣ 1794 года Косцюшко жилъ въ Лейпцигѣ и тамъ-то нашли его заговорщики, которые предложили ему начальство надъ революціонной милиціей при возстаніи, готовившемся въ Польшѣ. Посланцы объявили, что Варшава хочетъ во что бы то ни стало свергнуть невыносимое иго, что неудовольствіе растетъ въ странѣ день ото дня, что рѣшено защищать варшавскій арсеналъ, который русскіе хотятъ непремѣнно взять. Косцюшко отвѣчалъ, что единственное его желаніе—сражаться за отечество и если десять человѣкъ согласны, то онъ охотно пойдетъ въ одинадцатые, но прибавилъ, что Варшава—не Польша; если варшавяне начнутъ—тѣмъ хуже для нихъ; если они хотятъ дѣйствительно предпринять защиту отечества, то должны снестись съ жителями и войскомъ во всей Польшѣ и запастись средствами для борьбы. Рѣшено было, что Косцюшко отправится въ Краковъ. Пріѣхавъ въ окрестности Кракова, увидѣвшись съ генераломъ Водзицкимъ и бригадиромъ Монжетомъ, Косцюшко убѣдился, что ничего еще не сдѣлано, и уѣхалъ въ Римъ, оставя письмо къ генераламъ, въ которомъ увѣрялъ, что всегда будетъ съ ними для защиты отечества.

Посѣщеніе заключеннаго Косцюшко императоромъ Павломъ.

Между тѣмъ медлить было невозможно; въ Польшѣ умы сильно волновались слухами объ уменьшеніи арміи. Дзялынскій и Коностасъ всѣми силами старались отсрочить вспышку. 25 февраля назначена была конференція у камергера Венгерскаго; собралось человѣкъ болѣе 70. Тутъ уже не говорили, начинать-ли безъ Косцюшко или нѣтъ, но начинать-ли черезъ два дня или нѣтъ? Коностасъ началъ говорить, чтобы предпріятіе было отложено на 5 или на 6 дней, до полученія отвѣта отъ Косцюшко, но артиллерійскій капитанъ Миллеръ выхватилъ шпагу и, замахнувшись на Коностаса, закричалъ: «я вижу, что ты измѣнникъ; ты нарочно къ намъ присоединился, чтобы мѣшать намъ и средства къ спасенію государства отдать въ руки враговъ, потому-что гдѣ будутъ черезъ пять или шесть дней храбрые воины и оружіе наше, когда уже сегодня начинаютъ уменьшать ихъ! Лучше умереть съ оружьемъ въ рукахъ, ибо странно предположить, чтобы враги не знали о нашихъ движеніяхъ. Они нарочно притворяются для того, чтобы послѣ уменьшенія арміи тѣмъ удобнѣе перехватить насъ». Собраніе разошлось, но на другой день все было извѣстно Игельстрому. Онъ немедленно распорядился, чтобы за всѣми пріѣзжающими изъ-заграницы былъ строгій надзоръ, съ цѣлью отыскать между ними Косцюшко. Также былъ отданъ приказъ схватить Венгерскаго, Коностаса и другихъ подозрительныхъ лицъ. Дзялынскій былъ отправленъ въ Кіевъ, но Коностасъ былъ предувѣдомленъ и скрылся.

Мѣру уменьшенія арміи положено было исполнить къ 15 марта. Бригада Мадолинскаго, стоявшая между Бугомъ и Наревомъ, прямо объявила, что не допуститъ до сокращенія своихъ кадръ. Игельстромъ немедленно отправилъ противъ нее отрядъ русскаго войска, но Мадолин-

скій рѣшился на отчаянное предпріятіе: вдоль прусскихъ границъ пробраться въ Галицію и тамъ со всею бригадою вступить въ австрійскую службу. Около Млавы онъ перешелъ прусскую границу и гоня передъ собой малые отряды прусскихъ гусаръ, переправился черезъ Вислу у Вышеграда въ 7 миляхъ отъ Варшавы. Отсюда пошелъ двумя дорогами; одинъ отрядъ направился черезъ Южную Пруссію, другой — варшавскимъ округомъ до Иновходзя, гдѣ перешедши Пилицу, направилъ путь черезъ Сандомирское воеводство къ Кракову. Игельстромъ отправилъ за ними войско подъ начальствомъ генерала Тормасова.

Объ этихъ событіяхъ Косцюшко узналъ въ Дрезденѣ. Онъ немедленно выѣхалъ въ Польшу съ Зайопченомъ, братомъ Колонтая и Дмуховскимъ. Въ Краковѣ онъ провозгласилъ возстаніе 24 марта. Соединившись съ Мадолинскимъ и набравши толпы повстанцевъ, вооруживъ крестьянъ косами, топорами и пиками, Косцюшко выступилъ изъ Кракова. 4 апрѣля подъ деревнею Рацлавицами встрѣтилъ отрядъ генерала Тормасова и сломалъ его, пользуясь перевѣсомъ силъ и невыгодой положенія русскихъ. Съ другой стороны вторженіе Мадолинскаго въ прусскія границы встревожило пруссаковъ; войско ихъ начало стягиваться и приближаться къ Варшавѣ, сносясь съ Игельстромомъ на счетъ совокупнаго дѣйствія противъ Косцюшко. Игельстромъ согласился на вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу, но въ Варшавѣ волненіе приняло опасный характеръ. Въ 1780 году пріѣхалъ изъ Познани въ Варшаву башмачникъ, Янъ Килинскій—молодой, ловкій, красивый, краснобай. Килинскій въ короткое время пріобрѣлъ извѣстность у варшавскихъ дамъ, сдѣлался моднымъ башмачникомъ, купилъ два каменныхъ дома, сталъ членомъ магистрата. Такимъ образомъ, по своему положенію Килинскій могъ оказать возстанію дѣятельную помощь. Ксендзъ Мейеръ свелъ его съ заговорщиками Килинскій присоединился къ заговорщикамъ и сталъ работать среди черни, подготовляя возстаніе и раздавая деньги. 17 апрѣля возстаніе вспыхнуло въ четыре часа утра. Изъ арсенала выѣхалъ отрядъ конной гвардіи и ударилъ на русскій пикетъ, который стоялъ съ двумя пушками между казармами и желѣзными воротами Саксонскаго сада. Пикетъ отступилъ; вслѣдъ за этимъ выѣхала вся конная гвардія; вскорѣ къ гвардіи присоединились жители, — ремесленники, лакеи, извощики. Главный пунктъ нападенія повстанцевъ была квартира Игельстрома на Медовой улицѣ. Толпа нѣсколько разъ напирала на домъ и всякій разъ была отражаема русскими войсками. Короля разбудили въ 5 часовъ. Къ нему пріѣхалъ маршалъ Постояннаго Совѣта, графъ Анквичъ съ извѣстіемъ, что отъ его дома снятъ почетный караулъ; вслѣдъ за Анквичемъ пріѣхалъ во дворецъ великій маршалъ Мошинскій и великій гетманъ Ожаровскій, которые не знали, что значитъ вся эта суматоха въ городѣ. Король сначала посылаетъ за своею конною гвардіей и за уланами, но ихъ не находитъ: они отправились къ арсеналу и пороховому магазину. Король сошелъ внизъ на дворцовый дворъ, чтобы увѣриться, тутъ-ли по крайней мѣрѣ обычные караулы, и запретилъ имъ двигаться съ мѣста, потомъ вышелъ въ сопровожденіи пяти или шести человѣкъ, посмотрѣть, что дѣлается на улицѣ, и видитъ, что вооруженныя толпы куда-то бѣгутъ. Минутъ десять спустя раздается шумъ сзади: гвардейцы, которые сейчасъ дали ему слово не двигаться съ мѣста, бѣгутъ; во дворцѣ не остается ни одного караульнаго. Часъ спустя является магистратъ съ объявленіемъ, что онъ потерялъ всякую власть надъ мѣщанами, которые разломали оружейныя лавки и соединяются съ возставшими войсками. Король посылаетъ своего брата къ Игельстрому съ предложеніемъ выйти изъ города съ русскими войсками, чтобы ему, королю, можно было успокоить городъ. Игельстромъ отвѣчаетъ, что принимаетъ предложеніе, и посылаетъ племянника своего для переговоровъ съ королемъ. Вмѣстѣ съ молодымъ Игельстромомъ ѣдутъ Бышевскій и Мокрановскій съ цѣлью защищать его отъ народа; но разъяренная толпа кидается на Игельстрома и умерщвляетъ его. Бышевскій, хотѣвшій защищать его, самъ тяжело раненъ. Когда убили молодого Игельстрома, король вышелъ на балконъ и сталъ говорить народу, что надо выпустить Игельстрома съ войскомъ изъ города. Народъ закричалъ, что русскіе могутъ выйти,

Во время войны.

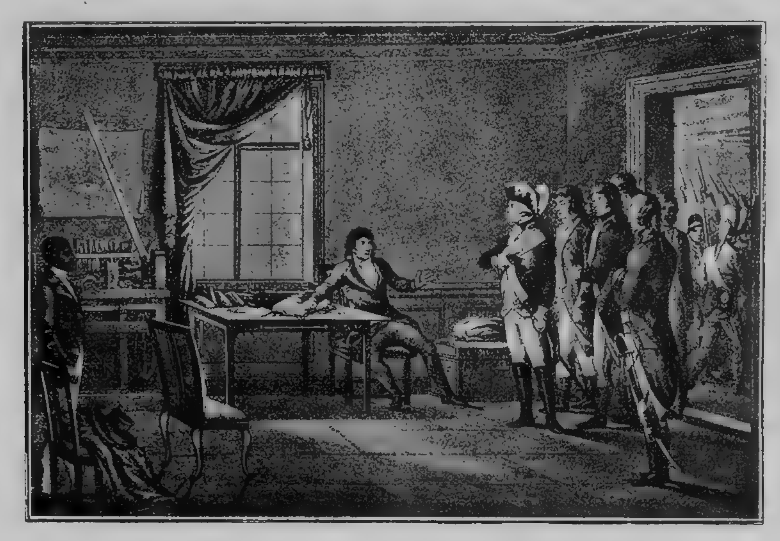
положивши оружіе. Король отвѣчалъ, что русскіе никогда на это не согласятся; тогда въ толпѣ раздались оскорбительные для короля крики и онъ долженъ былъ прекратить разговоръ. Между тѣмъ на улицахъ, между повстанцами и отрядами русскихъ войскъ завязался сильный бой, чрезвычайно невыгодный для русскихъ, такъ какъ русскія войска привыкли дѣйствовать въ чистомъ полѣ, а не въ тѣсныхъ улицахъ; въ одномъ мѣстѣ, одинъ русскій баталіонъ, шедшій для соединенія съ своими, встрѣтилъ ихъ, но принялъ за поляковъ и такъ попотчивалъ пушечными ядрами, что тѣ должны были рвануться въ сторону. Послѣ этого понятно, что большая часть русскихъ войскъ, стянувшихся подъ начальствомъ генерала Новицкаго, ушла изъ Варшавы, не зная, что дѣлается у квартиры Игельстрома.

А тамъ, между тѣмъ, продолжалась борьба съ удвоенной энергіей. Въ первый день отбиты были всѣ нападенія повстанцевъ. Ночью Игельстромъ сжегъ всѣ секретныя бумаги, но не рѣшался оставить своей квартиры и выйти изъ города, хотя ему и представляли, что на другой день можетъ быть плохо, такъ какъ о русскихъ войскахъ, которыя могли бы прійти къ нему на помощь, не было слышно. На улицѣ аттака повторилась. Игельстромъ, оставивъ отрядъ для защиты квартиры, съ остальнымъ войскомъ перешелъ на площадь Красинскихъ, такъ какъ сдѣлалось очевиднымъ, что на Медовой долго нельзя было удержаться. Но тутъ, русскіе попали въ перекрестный огонь. Видя невозможность удержаться на площади Красинскихъ, Игельстромъ началъ отступленіе. Съ огромными затрудненіями онъ выбрался за городъ и въ Повонзкахъ соединился съ пруссаками.

Какъ только русскіе оставили городъ, приступлено было къ учрежденію революціоннаго правительства. Закржевскій былъ провозглашенъ муниципальнымъ президентомъ Варшавы, а Мокрановскій — военнымъ начальникомъ города. Кромѣ того, въ ратушѣ былъ учрежденъ правительственный совѣтъ, въ которомъ засѣдалъ и Килинскій. Члены совѣта послали сказать королю, что сохраняютъ въ отношеніи къ нему уваженіе, но повинуются лишь Косцюшкѣ, и требуютъ, чтобы онъ не покидалъ Варшавы. Король въ отвѣтъ предложилъ имъ вести себя не по якобински, уважать религію и позаботиться о полиціи. 1-го мая пріѣхалъ курьеръ отъ Косцюшки. Генералиссимусъ одобрилъ все, сдѣланное въ Варшавѣ, назначилъ Мокрановскаго своимъ наслѣдникомъ; предлагалъ взять предосторожности, чтобы Станиславъ-Августъ не уѣхалъ изъ Варшавы, ни съ кѣмъ не переписывался, чтобы всѣ особы, близкія къ королю, были арестованы. Вслѣдствіе этого, члены новаго правительства явились во дворецъ съ требованіемъ, чтобы одинъ изъ вліятельнѣйшихъ приверженцевъ Россіи, виленскій епископъ князь Масальскій, отдалъ имъ драгоцѣнный крестъ, полученный отъ русской императрицы послѣ подписанія гродненскаго трактата. Затѣмъ явился Мокрановскій, съ требованіемъ — арестовать епископа и выдать правленію. Король отказался; тогда правленіе само распорядилось и арестовало Масальскаго, Скарчевскаго, епископа Хелмскаго, и Мошинскаго, великаго маршала. Народъ волновался и требовалъ казни лицъ, извѣстныхъ своею приверженностію Россіи; вслѣдствіе этого, 9 мая были повѣшены гетманъ коронный Ожаровскій, гетманъ литовскій Забѣлло, Анквичъ; народъ требовалъ казни Масальскаго и епископа повѣсили, не смотря на протестъ папскаго нунція Литты. 28 мая, по распоряженію генералиссимуса былъ образованъ верховный правительственный совѣтъ, и члены этого совѣта, Закржевскій и Коллонтай явились къ королю и показали ему подлинное предписаніе Косцюшки, что верховный совѣтъ обязанъ отдавать почетъ королю и сообщать ему обо всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ.

По выходѣ изъ Варшавы, Игельстромъ соединился съ пруссаками; отрядъ его состоялъ всего изъ 250 человѣкъ. Пришедши въ Ловичъ, онъ стянулъ къ себѣ около 7,000 войска. Генералъ Денисовъ стоялъ съ своимъ корпусомъ въ Щекоцинахъ, на рѣкѣ Пилицѣ, къ сѣверу отъ Кракова; въ двухъ миляхъ отъ Щекоцинъ, въ Жерновцѣ стояли пруссаки подъ начальствомъ генерала Фавра. Вскорѣ явился туда и самъ король Фридрихъ Вильгельмъ II, съ войскомъ. Пруссаки спѣшили наступательными движеніями, съ цѣлью, прежде всего, не дать

возстанію распространиться въ областяхъ, присоединенныхъ къ Пруссіи, а потомъ — воспользоваться малочисленностью русскихъ войскъ въ Польшѣ и взять себѣ здѣсь первенствующую роль, которая бы дала возможность пріобрѣсти хорошій кусокъ при третьемъ, послѣднемъ раздѣлѣ: этотъ раздѣлъ былъ теперь несомнѣненъ. 6-го іюня Косцюшко напалъ на соединенныя русскія и прусскія войска при Щекоцинахъ и потерпѣлъ пораженіе. Затѣмъ, русскій генералъ Дерфельденъ поразилъ при Хелмѣ поляковъ, бывшихъ подъ начальствомъ Зайончека, а 15 іюня Краковъ сдался пруссакамъ. Косцюшко былъ въ отчаянномъ положеніи. Желая поднять крестьянъ, онъ разослалъ универсалъ, въ которомъ стращалъ шляхту, что Москва старается поднять польскихъ крестьянъ, указывая имъ на ихъ злую долю. Косцюшко требовалъ, чтобы крестьянинъ былъ лично объявленъ свободнымъ, чтобы рабочіе дни были уменьшены; чтобы землевладѣлецъ могъ отнимать у крестьянина землю, только доказавши передъ судомъ, что тотъ не исполняетъ своихъ обязательствъ; чтобы землевладѣльцы и управляющіе за притѣсненія крестьянъ отвѣчали передъ судомъ, какъ виновники въ намѣреніи погубить дѣло національнаго возстанія. Но универсалъ этотъ возбудилъ въ шляхтѣ ропотъ и остался

Императоръ Павелъ у Косцюшки, во время его заключенія.

безъ исполненія. Косцюшко, тѣмъ не менѣе, поспѣшилъ къ Варшавѣ и ввелъ свои войска въ линіи ея укрѣпленій. Туда же направился и король прусскій и 13 іюля осадилъ ее, подкрѣпляемый русскими войсками, которыми предводительствовалъ Ферзенъ, смѣнившій Игельстрома. Въ то же время начались болѣе дѣятельные переговоры объ окончательномъ раздѣлѣ. Король прусскій къ ужасу своему узналъ, что императоръ Францъ хочетъ пріобрѣсти себѣ южные города Польши — Люблинъ, Хелмъ, Краковъ и Сендомиржъ. Фридрихъ отправилъ въ Петербургъ Тауэнцина, который долженъ былъ внушать русскому министерству, что король желаетъ для себя земель между Силезіею, южною Пруссіею и Вислою; король считаетъ полезнымъ, чтобы между Россіей и Пруссіей находилось небольшое отдѣльное владѣніе: это владѣніе Тауэнцинъ долженъ былъ предложить графу Зубову, съ условіемъ, чтобы тотъ поддержалъ прусскія требованія противъ австрійскихъ. Но вскорѣ пришла вѣсть, что король прусскій отступилъ отъ Варшавы. Въ Петербургѣ были крайне недовольны пруссаками. Императрица заявила, что она проситъ короля отказаться отъ воеводства Краковскаго и Сендомиржскаго, необходимыхъ для Австріи; что касается русской доли, то самая природа указала границы —

Бугъ и Нѣманъ; да еще къ Россіи отойдетъ Курляндія, потому что при двухъ прежнихъ раздѣлахъ, Россія не получила приморскихъ городовъ. Вся остальная Польша отдавалась Пруссіи съ городомъ Варшавой. При этомъ третьемъ раздѣлѣ Россія получила 2,000 съ чѣмъ-то квадратныхъ миль, Австрія — 1,000, Пруссія — 700. Но пока шли эти переговоры, судьба Польши рѣшалась русскимъ оружіемъ. Туда былъ отправленъ Суворовъ, хотя званіе главнокомандующаго получилъ графъ Румянцевъ-Задунайскій. Разбивъ корпусъ Сѣраковскаго при монастырѣ Крупицѣ, Суворовъ спѣшилъ соединиться съ Ферзеномъ. Косцюшко, въ свою очередь, рѣшился соединиться съ остаткомъ корпуса Сѣраковскаго, съ Пининскимъ и напасть на Ферзена, не допуская его до соединенія съ Суворовымъ. Обѣ арміи встрѣтились 9 октября при селеніи Мацѣевицахъ. Русскіе превосходили числомъ войска и орудій; у поляковъ было выгоднѣйшее положеніе. Сраженіе было кровопролитное и кончилось полною побѣдою русскихъ. Поляковъ погибло не менѣе 5,000 и взято въ плѣнъ 1,500, большею частью, раненыхъ. Уронъ русскихъ былъ также значителенъ. Честь дѣла принадлежитъ Денисову; Ферзенъ явился только

Императоръ Павелъ возвращаетъ Косцюшкѣ саблю.

къ концу битвы. Польскіе генералы: Каминскій, Сѣраковскій, Княжевичъ, бригадиръ Конецъ, Нѣмцевичъ — были взяты въ плѣнъ. Около пяти часовъ вечера явился въ главную квартиру отрядъ русскихъ солдатъ, которые несли полумертваго человѣка: то былъ Косцюшко. Кровь покрывала его тѣло и голову, лицо было блѣдно-синее. Говорятъ, что падая раненый, Косцюшко воскликнулъ свое извѣстное—«finis Poloniae». Какъ сложилась легенда объ этой фразѣ — неизвѣстно, но въ 1803 году, въ письмѣ къ графу Сегюру онъ отрицаетъ это извѣстіе: «прежде всего, — пишетъ онъ, — до окончанія сраженія, я былъ почти смертельно раненъ и очнулся только два дня спустя, когда уже находился въ рукахъ моихъ враговъ. Потомъ, если подобное слово непослѣдовательно и преступно въ устахъ каждаго поляка, то оно было бы гораздо болѣе послѣдовательнымъ и преступнымъ въ моихъ устахъ. Я не былъ послѣднимъ полякомъ, съ моею смертью Польша не могла и не должна была кончиться».

Съ плѣномъ Косцюшко кончается его политическая роль. Попавъ въ плѣнъ, Косцюшко былъ отправленъ въ Петербургъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Онъ былъ освобожденъ только съ восшествіемъ на престолъ императора Павла, черезъ два года послѣ сра-

женія при Мацѣевицахъ. Императоръ милостиво обошелся съ Косцюшко, предложилъ ему значительную пенсію и высокое военное положеніе въ имперіи; но Косцюшко отказался и просилъ позволенія выѣхать за границу. Проживъ болѣе года въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ пріѣхалъ во Францію, надѣясь, что Директорія сдѣлаетъ что-либо для возстановленія независимости Польши. Но сама Директорія погибала въ «борьбѣ съ равнодушіемъ Европы». Съ восшествіемъ на престолъ Наполеона, Косцюшко возобновилъ свои усилія столь же безуспѣшно. Въ отчаяніи, онъ поселился въ Фонтенбло и провелъ тамъ, въ уединеніи, нѣсколько лѣтъ. 1814 годъ нѣсколько оживилъ его: онъ обратился къ императору Александру, прося его объ облегченіи судьбы Польши. Императоръ отнесся къ послѣднему герою Польши съ самымъ милостивымъ вниманіемъ и долгое время находился съ нимъ въ перепискѣ. Косцюшко навсегда покинулъ Францію и поселился въ Швейцаріи въ Соверѣ, у своего брата. Тамъ онъ кончилъ жизнь 15 октября 1817 года.

Возстаніе въ Литвѣ было потушено еще легче. Ясинскій былъ главнымъ двигателемъ виленскаго возстанія. Русскій генералъ Арсеньевъ, благодаря своей невнимательности, попался въ плѣнъ, гетманъ Коссаковскій былъ повѣшенъ. Но возстаніе тѣмъ не менѣе было безсильно долго бороться. Въ Литвѣ не было ни людей, ни войска, ни денегъ, а русскіе отряды перекрещивали Литву во всѣхъ направленіяхъ. Вскорѣ русскіе появились подъ Вильною. Польскій главнокомандующій Віельгорскій, больной нравственно и физически, сдалъ команду генералу Хлевинскому, который и очистилъ Вильну. Русскія войска вступили въ городъ 12 августа.

Памятникъ Косцюшкѣ въ Яновѣ Любельскомъ.

Въ Варшавѣ вѣсть о плѣнѣ Косцюшко была встрѣчена отчаяніемъ. Верховный совѣтъ назначилъ на его мѣсто генерала Вовржеxецкаго. Сдѣланы были разныя распоряженія; всѣ войска сосредоточены около столицы; всѣхъ жителей заставили работать надъ укрѣпленіями Праги, но было очевидно, что Варшава не можетъ долго защищаться. Суворовъ, который хотѣлъ предупредить прусскаго короля, 4 ноября на разсвѣтѣ началъ аттаку пражскихъ укрѣпленій. Въ короткое время всѣ укрѣпленія были взяты, людей не жалѣли съ обѣихъ сторонъ, 8000 поляковъ погибло, вся ихъ артиллерія досталась русскимъ. Прага, состоявшая преимущественно изъ деревянныхъ домовъ, представляла однѣ обгорѣвшія трубы и кучи пепла. Бомбы много зажгли домовъ и въ самой Варшавѣ.

Въ виду этихъ событій, верховный совѣтъ рѣшился сдать Варшаву. Къ Суворову сначала отправленъ былъ Игнатій Потоцкій; но Суворовъ не принялъ Потоцкаго, объявивши, что не войдетъ въ сношенія ни съ однимъ изъ главъ мятежа. Тогда магистратъ назначилъ трехъ уполномоченныхъ депутатовъ, которые и подписали съ Суворовымъ условія сдачи: жителямъ обѣщана была личная и имущественная безопасность и прощеніе прошлаго; они всѣ были обезоружены.

Король писалъ Екатеринѣ: «Судьба Польши въ Вашихъ рукахъ, Ваши могущество и мудрость рѣшатъ все; какова бы ни была судьба, которую Вы назначаете мнѣ лично, я не могу забыть своего долга по отношенію къ моему народу, умоляя за него великодушіе Вашего Императорскаго Величества. Польское войско уничтожено, но народъ существуетъ; но и народъ скоро станетъ погибать, если Ваши распоряженія и Ваше великодушіе не поспѣшатъ къ нему на помощь. Война прекратила земледѣльческія работы, скотъ взятъ, крестьяне, у

которыхъ житницы пусты, избы сожжены, тысячами убѣжали заграницу; многіе землевладѣльцы сдѣлали то же по тѣмъ же причинамъ. Польша уже начинаетъ походить на пустыню, голодъ неизбѣженъ на будущій годъ, въ особенности, если другіе сосѣди будутъ продолжать уводить нашихъ жителей, нашъ скотъ и занимать наши земли. Кажется, право поставить границы другимъ и воспользоваться побѣдой принадлежитъ Той, Которой оружіе все себѣ подчинило». Екатерина отвѣчала: «Судьба Польши, которой картину Вы мнѣ начертали, есть слѣдствіе началъ, разрушительныхъ для всякаго порядка и общества, почерпнутыхъ въ примѣрѣ народа, который сдѣлался добычей всевозможныхъ крайностей и заблужденій. Не въ моихъ силахъ было предупредить гибельныя послѣдствія и засыпать подъ ногами польскаго народа бездну, выкопанную ея руководителями, и въ которую онъ, наконецъ, увлеченъ. Всѣ мои заботы въ этомъ отношеніи были заплачены неблагодарностью, ненавистью и вѣроломствомъ. Конечно, надобно ждать теперь ужаснѣйшаго изъ бѣдствій, голода; я дамъ приказаніе на этотъ счетъ, сколько возможно это обстоятельство, вмѣстѣ съ извѣстіями объ опасностяхъ, которымъ Ваше Величество подвергались среди разнузданнаго народа варшавскаго, заставляетъ меня желать, чтобы Ваше Величество, какъ можно скорѣе, переѣхали изъ этого виновнаго города въ Гродно. Ваше Величество должны знать мой характеръ: я не могу употреблять во зло моихъ успѣховъ, дарованныхъ мнѣ благостію провидѣнія и правдою моего дѣла. Слѣдовательно, вы можете покойно ожидать, что государственные интересы и общій интересъ спокойствія рѣшатъ на счетъ дальнѣйшей участи Польши».

Король Станиславъ-Августъ, которому не хотѣлось покинуть Варшаву, послѣ долгихъ колебаній, простился, наконецъ, съ главнокомандующимъ и выѣхалъ въ Гродно. Тамъ онъ подписалъ, 25 ноября 1795 года, въ годовщину своей коронаціи, актъ своего отреченія отъ престола, и затѣмъ послѣ смерти императрицы Екатерины (17 ноября 1796 г.) переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ умеръ черезъ два года, 12 февраля 1798 года. Послѣ взятія Варшавы, дипломатическіе переговоры продолжались еще цѣлый годъ и только 20 октября 1795 года былъ подписанъ трактатъ объ окончательномъ раздѣлѣ Польши. Станиславъ-Августъ царствовалъ 31 годъ и умеръ на шестьдесятъ шестомъ году отъ роду. Вся страна между рѣками Пилицей, Бугомъ и Нѣманомъ перешла къ Пруссіи, вмѣстѣ съ Варшавой; Краковъ съ линіей Пилицы, Вислы и Буга — къ Австріи; остальная часть Польши вошла въ составъ Россіи.

Несомнѣнно, что раздѣлъ Польши является характернѣйшимъ фактомъ во всей новѣйшей исторіи человѣчества. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на это событіе,—оно несомнѣнно было актомъ исторической необходимости. И замѣчательно, что, строго говоря, систематическій ростъ каждой изъ трехъ частей Польши въ умственномъ, нравственномъ, гражданскомъ и экономическомъ отношеніяхъ—начался именно послѣ раздѣла. Насколько до настоящаго времени успѣла выросте часть Польши, доставшаяся Россіи въ такомъ ужасномъ, угнетенномъ состояніи,—это читатели увидятъ ниже, изъ очерковъ, посвященныхъ описанію экономическаго, хозяйственнаго и промышленнаго состоянія Привислинскаго края.

В. Чуйко.

ОЧЕРКЪ IV.

ПОЛЬША ПОСЛѢ РАЗДѢЛА.

После раздѣла. — Пруссія, Россія, Австрія. — Наполеоновскія войны. — Проектъ возстановленія Польши. — Наполеонъ въ Варшавѣ. — Варшавское герцогство. — 1812 годъ. — Князь Іосифъ Понятовскій. — Вѣнскій конгрессъ.

Іосифъ Понятовскій.

„Кто измѣнилъ Адаму невинному, Давиду святому, Соломону мудрому, Самсону сильному, Абсолону прекрасному?— По истинѣ никто, кромѣ женщины“.

(Изъ «Памятника XV ст.», приводимаго Бессоновымъ и Макушевымъ).

Пруссія, получившая наиболѣе богатую часть Польши, съ столицею Варшавой, ввела въ офиціальныя сношенія и въ администрацію нѣмецкій языкъ. Этотъ же языкъ былъ введенъ въ школѣ, какъ главный учебный предметъ. Весь административный составъ былъ замѣненъ нѣмцами. Кромѣ того, Пруссія употребила другое средство для укрѣпленія своего вліянія въ прусской Польшѣ. Такъ какъ послѣ возстанія, земельная собственность находилась въ ужасномъ состояніи раззоренія, то прусское правительство изъявило готовность помочь земледѣльцамъ выйти изъ ихъ бѣдственнаго положенія, посредствомъ денежныхъ займовъ, дѣлаемыхъ у прусскаго правительства, на значительныхъ впрочемъ процентахъ. Шляхта, по прежнему расточительная и желавшая блестѣть, съ радостью воспользовалась предложеніемъ правительства; но такъ какъ она, по истеченіи срока займа, не имѣла возможности выплачивать капитала съ процентами, то огромное количество земель перешло такимъ образомъ въ собственность правительства. Съ этого момента начинается та система германизаціи, которая существуетъ и понынѣ въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ.

Россія, въ свою очередь, приняла совершенно другую политику въ русской Польшѣ. Послѣ смерти императрицы Екатерины, императоръ Павелъ освободилъ Косцюшко и его товарищей; извѣстная автономія была сохранена и за Польшею; администрація по большей части по прежнему состояла изъ поляковъ и польскій языкъ по прежнему остался оффиціальнымъ языкомъ администраціи. Той же системы придерживался и Александръ I. Въ его царствованіе въ особенности просвѣщеніе приняло значительное развитіе. Дѣятельность князя Адама Чарторыжскаго, тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ въ Россіи и заботы извѣстнаго Чацкаго, основателя Кременецкаго института, принесли огромную пользу русской Польшѣ. Виленскій университетъ, основанный въ 1578 году и преобразованный на новыхъ началахъ въ 1803 году, — остался на долгое время блестящимъ памятникомъ этой эпохи.

Что касается Австріи, которая, такъ сказать, была принуждена принять участіе въ третьемъ раздѣлѣ, то ея управленіе въ доставшейся ей части Польши было наиболѣе тяжелымъ. Галиція, сдѣлалась, если можно такъ выразиться, австрійскимъ складочнымъ магазиномъ, втеченіи постоянныхъ войнъ Австріи съ Франціей; австрійскіе полки, побитые на Рейнѣ, на Дунаѣ, въ Италіи, пополняли въ Галиціи свои ряды. Вскорѣ эта богатая провинція была окончательно раззорена. Краковскій университетъ, существовавшій уже четыре столѣтія, былъ закрытъ. Вмѣсто него, Австрія открыла во Львовѣ высшую школу, изъ которой польскій элементъ былъ окончательно изгнанъ. Историческіе польскіе памятники австрійское правительство также мало уважало. Такъ, старинный королевскій замокъ Пястовъ и Ягеллоновъ былъ превращенъ въ казармы. Личная свобода была также значительно стѣснена. Въ то время, какъ Пруссія и Россія были гораздо либеральнѣе въ своемъ управленіи, первая — послѣ базельскаго трактата, вторая — съ восшествіемъ на престолъ императора Павла, — Австрія наполняла поляками казематы Шпильберга, Ольмюца и Монкача.

Въ такомъ относительномъ затишьи прошло около двѣнадцати лѣтъ. Событія въ Европѣ, наступившія съ 1806 годомъ, отразились также и въ Польшѣ. Наполеонъ, провозглашенный императоромъ, очутился лицомъ къ лицу съ новой коалиціей державъ. Европейская война возгорѣлась съ прежней энергіей на Рейнѣ. Взятіе Мюнхена, Ульма и занятіе Вѣны слѣдовали быстро другъ за другомъ. 2-го декабря Наполеонъ одержалъ побѣду надъ русскими и австрійскими войсками при Аустерлицѣ. Слѣдствіемъ этой побѣды былъ Пресбургскій миръ, которымъ Австрія признавала Наполеона итальянскимъ королемъ и уступала ему Венецію, Далматію и часть Албаніи. Этотъ миръ упрочилъ господство Наполеона въ Европѣ. Жозефъ Бонапартъ былъ сдѣланъ неаполитанскимъ королемъ, а Луи Бонапартъ—королемъ Голландіи. Почти вся Европа находилась въ зависимости отъ императора французовъ, — протектора германскаго союза. Но война возгорѣлась снова, благодаря интригамъ прусскаго короля.

Въ то время, Фуше, по приказанію Наполеона, имѣлъ свиданіе съ Косцюшко, который жилъ тогда въ Фонтенбло. Онъ приглашалъ польскаго генерала стать во главѣ революціи въ прусской Польшѣ. Но Косцюшко, изведавшій послѣ трактата Кампо-Форміо и Люневиля силу обѣщаній Наполеона, — отказался участвовать въ этомъ дѣлѣ, если, впрочемъ, императоръ не обяжется формально возстановить царство Польское. «Я только тогда вмѣшаюсь въ ваши шашни въ Польшѣ, — сказалъ Косцюшко Фуше, — когда французское правительство гарантируетъ моей родинѣ національное правительство, либеральную конституцію и возстановитъ ее въ ея прежнихъ границахъ». — Ну, а если васъ отправятъ въ Польшу силой? — возразилъ герцогъ Отрантскій. — «Тогда я скажу всей Польшѣ, что я не свободенъ и ни къ чему не причастенъ»! — Въ такомъ случаѣ мы обойдемся безъ васъ, — отвѣчалъ Фуше и вышелъ. Угроза была исполнена. Въ то время, какъ императорская полиція слѣдила за каждымъ поступкомъ Косцюшко, Наполеонъ обнародовалъ отъ его имени прокламацію къ польскому народу, прокламацію, въ которой онъ приглашалъ поляковъ присоединиться къ прусской арміи.

Іенская побѣда рѣшила на этотъ разъ судьбу Пруссіи. Наполеонъ торжественно вступилъ въ Берлинъ. 7-го ноября французская армія вступила въ Познань; вездѣ она была встрѣчаема самымъ радушнымъ образомъ. Пруссаки передали князю Іосифу Понятовскому Варшаву, а сами выступили въ ночь на 28 ноября. На другой день Варшава была занята Моро, а генералъ Гувіонъ Сенъ-Сиръ былъ назначенъ варшавскимъ губернаторомъ. Всѣ военныя польскія силы получили приказъ собраться около Ловича, чтобы выйти въ походъ 1 января 1807 года.

18 декабря Наполеонъ пріѣхалъ въ Варшаву. Но первыя слова, сказанныя императоромъ членамъ высшей административной палаты, не особенно были благопріятны для будущаго Польши. Наполеонъ жаловался на страну и на климатъ и потребовалъ громаднаго провіанта для своей арміи. Когда одинъ изъ членовъ замѣтилъ, какъ трудно исполнить желаніе импера-

тора, въ особенности по отношенію къ вину, котораго въ Польшѣ нѣтъ, — Наполеонъ отвѣчалъ: «Messieurs, point d'excuses, si non je vous abandonne; je vous laisse au bâton russe je mets le feu et je m'en vais». Съ этой минуты французы обращались съ Польшей, какъ съ завоеванной страной; тѣмъ не менѣе, поляки продолжали еще надѣяться на Наполеона.

Подъ предсѣдательствомъ Малаховскаго, прежняго маршала сейма, французы учредили административную комиссію, состоявшую изъ шести членовъ. Русскіе, отступившіе сначала передъ французской арміей, начали теперь наступательную войну по направленію къ Бугу и Нареву. Даву переправился черезъ Бугъ 11 декабря, Бессіеръ, Ожеро, Ней и принцъ Понте-Корви нападали на прусско-русскія войска, — маршалъ Ланнъ встрѣтился около Пултуска съ корпусомъ Бенингсена и одержалъ значительную побѣду. Съ другой стороны, Буксгевденъ

Площадь «Золотыхъ крестовъ», въ Варшавѣ, въ 1809 году.

былъ разбитъ Моро, Даву и Ожеро. Несмотря на все это, Сультъ не успѣлъ подойти и отрѣзать путь отступленія русскимъ. Король прусскій отступилъ изъ Кенигсберга къ Мемелю.— Послѣ этой короткой кампаніи, Наполеонъ возвратился въ Варшаву, гдѣ провелъ нѣсколько недѣль. Въ это время князь Іосифъ Понятовскій, военный министръ, продолжалъ высылать на театръ военныхъ дѣйствій новые полки. Послѣ короткаго отдыха походъ былъ объявленъ 1 февраля 1807 года. Къ этому времени и русская армія, состоявшая изъ шестидесяти тысячъ человѣкъ, начала наступательныя дѣйствія. Встрѣча двухъ непріятельскихъ армій состоялась при Эйлау, 7 и 8 февраля. Русскіе намѣревались обойти французскую армію и перенести театръ военныхъ дѣйствій подальше отъ русской границы. Долгое время успѣхъ колебался, наконецъ французы взяли верхъ. То же самое случилось и во время сраженія при Фридландѣ.

Наполеонъ занялъ Тильзитъ 19 іюня и вскорѣ было заключено перемиріе, во время котораго состоялось знаменитое Тильзитское свиданіе двухъ императоровъ. Миръ былъ заключенъ 7 іюля. Въ мирномъ трактатѣ статья о Польшѣ была редактирована слѣдующимъ образомъ: «Провинціи, которыя 1-го января 1772 года составляли часть прежняго Царства Польскаго, и которыя впослѣдствіи въ различныя эпохи перешли во владѣніе Пруссіи, составятъ въ будущемъ (за исключеніемъ тѣхъ, которыя упомянуты въ предыдущемъ параграфѣ и въ параграфѣ 9) собственность Саксонскаго короля подъ названіемъ «герцогства Варшавскаго» и будутъ управляемы конституціей, гарантирующей свободу и привиллегіи жителей этого герцогства, согласно спокойствію сосѣднихъ государствъ». Данцигъ былъ объявленъ свободнымъ городомъ.

Новая конституція, данная или вѣрнѣе навязанная Варшавскому герцогству, была подписана Наполеономъ 22 іюля въ Дрезденѣ. Въ законодательствѣ и исторіи Польши эта конституція всегда будетъ имѣть почетное мѣсто, потому что ею въ первый разъ фактически и легально уничтожилось крѣпостное состояніе. Административная комиссія была упразднена, ея мѣсто занялъ государственный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Станислава Малаховскаго. Наполеонъ назначилъ Шарля Серзо французскимъ представителемъ въ Варшавѣ. Саксонскій король, Фридрихъ-Августъ, тотъ самый, которому былъ предложенъ польскій престолъ конституціей 3-го мая 1791 года, сдѣлался теперь герцогомъ варшавскимъ. Вскорѣ армія была организована на новыхъ началахъ. Двѣнадцать полковъ инфантеріи и шесть кавалеріи содержались на счетъ польской казны; легіонъ Вислы — на счетъ Франціи. Кромѣ того, въ Варшавѣ была основана инженерная школа.

Въ 1808 году, когда Наполеонъ посадилъ на испанскій престолъ своего брата Жозефа, часть польской арміи была отправлена въ Испанію для защиты претензій новаго короля. Во время этой кровопролитной борьбы, когда фанатики-монахи выступали съ распятіемъ среди рѣзни, польскія войска покрыли себя безсмертною славою. Въ особенности они отличились взятіемъ Саррагосы и переходомъ черезъ Само-Сіерра. Благодаря этимъ дѣламъ, Мадридъ былъ занятъ французскими войсками. Наполеонъ возвратился въ Парижъ. Польскіе полки были оставлены въ Испаніи.

Въ то время, какъ это происходило въ Испаніи, Польша продолжала свою внутреннюю организацію на французскій манеръ, но важнѣйшее обѣщаніе конституціи, — національное представительство, — не было еще выполнено. Фридрихъ-Августъ, искренно желавшій содѣйствовать благосостоянію Варшавскаго Герцогства, исполнилъ желаніе поляковъ и съ своимъ семействомъ пріѣхалъ въ Варшаву въ концѣ 1808 года, ко времени, когда должны были открыться сеймики. Первый сеймъ былъ открытъ 10 марта 1809 г. рѣчью саксонскаго короля на польскомъ языкѣ. Островскій былъ избранъ президентомъ. Самыми важными мѣрами были: установленіе налога въ 48 милліоновъ польскихъ злотыхъ и принятіе кодекса Наполеона. Довольно сильная оппозиція возникла по поводу вліянія государственнаго совѣта на рѣшенія сейма. Фридрихъ-Августъ хотѣлъ уже закрыть сеймъ и возвратиться въ Дрезденъ, но Островскій предупредилъ разрывъ и убѣдилъ короля сдѣлать кое-какія уступки. Въ этомъ случаѣ Островскаго поддержалъ представитель Франціи, по мнѣнію котораго «Палата была въ своемъ правѣ и не должна была отступать».

Не успѣлъ сеймъ закрыться, какъ Австрія вооружилась снова противъ Франціи и заняла Польшу арміей въ 45 тысячъ человѣкъ подъ предводительствомъ эрцгерцога Фердинанда. Патріотическое движеніе и ненависть къ французскому игу вспыхнули во всей Германіи; Австрія стала во главѣ этого движенія и новая кампанія была объявлена. Кампанія эта, какъ извѣстно, окончилась взятіемъ Вѣны французами. Со своей стороны поляки, оставленные самимъ себѣ, поддерживали борьбу съ эрцгерцогомъ Фердинандомъ. Эрцгерцогъ давалъ самыя блестящія обѣщанія, но государственный совѣтъ, несмотря на печальное состояніе страны, не принялъ пред-

ложенія и обратился къ патріотизму націи. Національная гвардія занимала важнѣйшіе пункты Варшавы, а князь Іосифъ Понятовскій съ войскомъ расположился въ четырехъ миляхъ отъ Варшавы, въ Рашинѣ. 19-го апрѣля австрійцы атаковали его; Понятовскій принужденъ былъ отступить и войти въ Варшаву. Но вскорѣ пришлось очистить и Варшаву. Она была занята австрійцами 23 апрѣля. Государственный Совѣтъ съ архивами переѣхалъ въ Тыкоцинъ, а польская армія расположилась въ Прагѣ, уничтоживъ мостъ черезъ Вислу. На военномъ совѣтѣ восторжествовало мнѣніе Домбровскаго. Было рѣшено идти на Галицію. Спустя десять дней Понятовскій занялъ Люблинъ. Затѣмъ генералъ Сокольницкій взялъ Сандомиржъ, а генералъ Лепелетье — Замосць. Рожнецкій занялъ Львовъ 28 мая. Станиславъ Замойскій былъ избранъ президентомъ временнаго правительства—въ Замосцѣ. Эрцгерцогу Фердинанду пришлось думать о собственномъ спасеніи; онъ тайно оставилъ Варшаву, а за нимъ и австрійское войско. Мирнымъ вѣнскимъ трактатомъ (14 октября 1809 г.) новая часть Галиціи и половина соляныхъ копей Велички были присоединены къ герцогству Варшавскому. Весь 1810 годъ ушелъ на реорганизацію арміи. Внутреннія реформы также не заставили себя ждать. Эти реформы, главнымъ образомъ, касались народнаго просвѣщенія, благодаря Станиславу Потоцкому и Сташицу. Краковскій университетъ былъ реорганизованъ вторично; къ главной варшавской школѣ была присоединена школа права, организованная по образцу парижской школы права и проч.

Памятникъ въ лѣсу «Гола», подъ «Бѣлой Радзивиловской».

Но политическій горизонтъ снова омрачился. И дѣйствительно, континентальная система, учрежденная Наполеономъ противъ Англіи, привела къ войнѣ съ Россіей. Польскія войска, остававшіяся въ Испаніи, возвратились на родину, европейскія арміи направлялись къ русскимъ границамъ. Трактатъ 14 марта 1812 года, заключенный между Франціей и Англіей былъ очень благопріятенъ независимосси Польши. Однимъ изъ секретныхъ параграфовъ этого трактата, Наполеонъ гарантировалъ Австріи Иллирію, взамѣнъ Галиціи, которая должна была отойти къ герцогству Варшавскому. Такимъ образомъ, герцогство Варшавское становилось почти могущественной державой съ 17 милліонами населенія.

2 іюня Наполеонъ былъ уже въ Познани; 24-го его армія переправилась черезъ Нѣманъ въ Ковно, а 28-го императоръ вступилъ въ Варшаву. Аббонь де-Прадтъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ французскимъ посланникомъ въ Варшавѣ, и баронъ Биньонъ—chargé d'affaires—въ Вильнѣ. Въ то время какъ въ Вильну вступалъ Наполеонъ, старый князь Адамъ Чарторыжскій,

генералъ подольскихъ земель, открылъ сеймъ и, съ разрѣшенія Фридриха-Августа, совѣтъ министровъ предложилъ націи составить конфедераціи съ цѣлью независимости Польши. Сеймъ превратился въ общую конфедерацію. Прокламація конфедераціи призывала всѣхъ къ оружію; но это движеніе было сразу парализовано, когда французскіе представители заявили, что Наполеонъ, имѣя армію, на которую онъ можетъ положиться, не нуждается въ національной войнѣ. Великая армія вступила въ Россію... Результаты кампаніи 1812 года слишкомъ извѣстны и было бы лишнее повторять ихъ здѣсь. Съ отступленіемъ французской арміи, Литва была снова занята русскими. Польская армія была почти совсѣмъ уничтожена. Изъ восьмидесяти тысячъ осталось не болѣе 8. Часть этихъ остатковъ была назначена защищать Данцигъ, Торнъ, Люблинъ, Замосць; другая часть, подъ начальствомъ Домбровскаго, слѣдовала за французской арміей въ Германію; остальные держались нѣкоторое время въ Ченстоховѣ. Этотъ послѣдній отрядъ подъ начальствомъ Понятовскаго, увеличившись до 13 тысячъ человѣкъ, оставилъ Краковъ 2 мая 1813 года и присоединился къ французамъ въ Саксоніи, пройдя, съ разрѣшенія Австріи, черезъ Силезію и Богемію. Съ тѣхъ поръ до самаго Парижа этотъ отрядъ раздѣлялъ всѣ бѣдствія французской арміи.

Пруссія, сначала союзница Наполеона, перешла теперь на сторону Россіи. Австрія нѣкоторое время придерживалась нейтралитета, но въ концѣ концовъ присоединилась къ коалиціи и объявила войну Франціи. Лейпцигское сраженіе нанесло окончательный ударъ могуществу Наполеона. Король саксонскій попалъ въ плѣнъ; князь Іосифъ Понятовскій, который во время компаніи 1813 года былъ сдѣланъ маршаломъ, погибъ въ волнахъ Эльстера.

Прежде чѣмъ перейти къ событіямъ, ознаменовавшимъ собою послѣднія минуты польской исторіи, мы принуждены сказать нѣсколько словъ о жизни и дѣятельности князя Іосифа Понятовскаго, воспоминаніе о которомъ до сихъ поръ живо сохранилось въ Польшѣ и Франціи, и который былъ названъ польскимъ баярдомъ. Іосифъ Понятовскій родился 7 мая 1766 года въ Вѣнѣ и на шестнадцатомъ году отъ роду вступилъ въ ряды австрійской арміи, въ которой занималъ выдающееся положеніе его отецъ, инженерный генералъ. Уже въ 1787 году онъ отличился подъ начальствомъ генерала Лаудона въ войнѣ противъ Турціи. Несмотря, однако-жъ, на преимущества, которыми онъ пользовался, молодой Понятовскій оставилъ австрійскую службу и возвратился въ Польшу, какъ только убѣдился, что его присутствіе можетъ быть ей полезно. Сеймъ 1788 года приступилъ къ новой организаціи военныхъ силъ Польши. Понятовскій показалъ необыкновенную дѣятельность въ этомъ дѣлѣ и былъ назначенъ главнокомандующимъ. Мы уже видѣли, какое участіе онъ принималъ въ компаніи 1792 года. Когда король Станиславъ-Августъ, его дядя, присоединился къ тарговицкой конфедераціи, Іосифъ Понятовскій сложилъ съ себя командованіе арміей и выѣхалъ за-границу. Но когда въ 1794 году вспыхнуло въ Польшѣ возстаніе, Понятовскій возвратился и присоединился къ Косцюшко. Обѣ защиты Варшавы доказали снова его военный геній и прославили его имя. Наступилъ третій раздѣлъ Польши и Понятовскій вторично принужденъ былъ отправиться въ изгнаніе. Живя въ полномъ уединеніи въ Вѣнѣ, Понятовскій отклонилъ предложенія императрицы Екатерины и императора Павла, которые предлагали ему вступить въ русскую службу. Съ переходомъ Варшавы въ прусское владѣніе, Понятовскій поселился около столицы, въ своемъ имѣніи, Яблонной, и оставилъ это убѣжище только въ 1806 году съ приближеніемъ французовъ. Онъ не долго колебался и опять поступилъ въ военную службу. Назначенный военнымъ директоромъ, онъ воспротивился тому, чтобы польскія войска носили трехцвѣтную кокарду, и настоялъ на томъ, что польская армія образовала отдѣльный корпусъ. Послѣ тильзитскаго мира онъ управлялъ военнымъ министерствомъ. Нѣсколько позднѣе, въ 1809 году, когда Австрія объявила войну, Понятовскій снова выступилъ энергичнымъ дѣятелемъ. Послѣ вступленія австрійцевъ въ Варшаву, — австрійскія войска намѣревались овладѣть Прагой, которую занялъ Понятовскій,—Понятовскій объявилъ, что если австрійцы это сдѣлаютъ, то онъ не поколеблется

самъ сжечь Варшаву, начиная съ собственнаго дворца, находящагося по сосѣдству съ королевскимъ замкомъ. Эта угроза испугала австрійцевъ и они не исполнили своего намѣренія. Послѣ кампаніи 1809 года, Наполеонъ написалъ Понятовскому собственноручное письмо, къ которому присоединилъ орденъ почетнаго легіона, почетную саблю и уланскій «shano», вышитый руками неаполитанской королевы Каролины. Саксонскій король, въ свою очередь, пожаловалъ ему въ Варшавскомъ герцогствѣ значительную земельную собственность.

Въ 1811 году король саксонскій выбралъ его въ качествѣ своего представителя въ Парижѣ на торжественной церемоніи крещенія римскаго короля. Съ наступленіемъ кампаніи 1812 года, Понятовскій снова вступилъ во французскую армію. Но Понятовскій отличился по преимуществу въ кампаніи 1813 года. 16-го октября въ лейпцигскомъ сраженіи онъ обнаружилъ

Князь Іосифъ Понятовскій.

необыкновенную энергію. Вечеромъ въ приказѣ по арміи Наполеонъ писалъ: «Желая дать князю Понятовскому послѣдній знакъ своего уваженія и тѣснѣе связать съ судьбами Франціи, я возвышаю его въ достоинство маршала имперіи». Послѣ безпрестанныхъ стычекъ, Понятовскому 19-го октября поручено было защищать арьергардъ отступавшей французской арміи. Непріятельскія войска занимали уже предмѣстія Лейпцига; Понятовскій имѣлъ подъ своимъ начальствомъ всего семьсотъ человѣкъ пѣхоты и шестьдесятъ улановъ; не обращая вниманія на малочисленность отряда, онъ бросился на пруссаковъ; тутъ онъ былъ раненъ, но, несмотря на это, продолжалъ сражаться до тѣхъ поръ, пока не получилъ третьей раны. Несмотря на отчаянную храбрость польскаго отряда, пришлось отступить. Понятовскій переплылъ рѣку Плейссе, но, достигнувъ береговъ Эльстера, онъ замѣтилъ, что со всѣхъ сторонъ окруженъ

непріятелемъ. Въ отчаяніи онъ бросился въ рѣку; ослабленный борьбой въ теченіе нѣсколькихъ дней потерею крови отъ ранъ, не будучи въ состояніи даже поднять свою саблю, Понятовскій потонулъ, несмотря на всѣ усилія его адъютанта Глешана спасти его, который погибъ вмѣстѣ съ нимъ. Его тѣло было найдено только 24 октября. Впослѣдствіи, когда его тѣло было бальзамировано и перевезено въ Польшу, народный трауръ по героѣ выразился трогательнымъ образомъ: отъ границы до самой Варшавы все польское населеніе провожало его останки. Императоръ Александръ разрѣшилъ въ 1816 г. похоронить Понятовскаго въ краковскомъ каѳедральномъ соборѣ, гдѣ онъ лежитъ между Собѣсскимъ и Косцюшко. Кромѣ того, была разрѣшена подписка съ тѣмъ, чтобы воздвигнуть памятникъ въ его честь. Памятникъ былъ порученъ знаменитому Торвальдсену и долженъ былъ быть поставленъ на одной изъ варшавскихъ площадей; но императоръ Николай приказалъ перелить его въ пушки послѣ событій 1831 года. Скромный монументъ въ Рейхенбахскомъ саду въ Лейпцигѣ указываетъ на мѣсто, съ котораго Понятовскій бросился въ рѣку. Этотъ монументъ былъ воздвигнутъ польской арміей послѣ кампаніи 1813 года.

Съ этой минуты судьба окончательно измѣнила Наполеону. Онъ одержалъ еще нѣсколько незначительныхъ побѣдъ надъ арміей коалиціи между Рейномъ и Парижемъ, но эти побѣды не измѣнили хода войны. Передъ своимъ отреченіемъ Наполеонъ освободилъ поляковъ, окружавшихъ его, отъ присяги ему и ходатайствовалъ за нихъ передъ императоромъ Александромъ. Русскій императоръ манифестомъ отъ 24 декабря 1812 г. простилъ всѣхъ поляковъ, служившихъ во французской арміи. Временную администрацію Польши онъ ввѣрилъ князю Любецкому, подъ наблюденіемъ Ланского и Новосильцева. Онъ дозволилъ польской арміи возвратиться на родину; генералъ Красинскій привелъ ея остатки, которые были поставлены подъ начальство великаго князя Константина Павловича.

Вѣнскій конгрессъ открылся и пренія не окончились еще, какъ пришло извѣстіе о высадкѣ Наполеона во Франціи. Въ виду этой новой опасности, конгрессъ поспѣшилъ подписать трактатъ 3 мая 1815 года. Этимъ трактатомъ судьба Польши была окончательно рѣшена. Вотъ главные параграфы конгресса, касающіеся Польши: «Герцогство Варшавское, за исключеніемъ провинцій и округовъ, о которыхъ говорилось въ предшествующихъ параграфахъ, присоединяется къ Россійской имперіи. Его Императорское Величество оставляетъ за собой право надѣлить эту провинцію, пользующуюся отдѣльной администраціей, такимъ развитіемъ, какое найдетъ нужнымъ ей дать. Русскій императоръ присоединяетъ къ другимъ своимъ титуламъ титулъ короля польскаго. Поляки, подданные Россіи, Австріи и Пруссіи, будутъ имѣть національное представительство и учрежденія въ той формѣ, въ которой каждое изъ правительствъ найдетъ нужнымъ и удобнымъ даровать имъ». Вторая статья опредѣляетъ границы той части бывшаго Варшавскаго герцогства, которая отходитъ къ владѣніямъ короля прусскаго подъ названіемъ великаго герцогства Познанскаго. Статьями 3, 4 и 5 соляныя копи Велички переходятъ къ владѣніямъ императора австрійскаго, уже владѣльца на основаніи прежнихъ раздѣловъ Галиціи, къ которой теперь присоединяются округа Тарнопольскій и Чортковскій. Статья 6 объявляетъ Краковъ на вѣчныя времена свободнымъ и независимымъ городомъ, подъ протекторатомъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Статья 11 даруетъ полную амнистію тѣмъ, которые участвовали въ предшествовавшихъ событіяхъ.

Такъ закончила свое существованіе независимая Польша.

В. Чуйко.

ОЧЕРКЪ V.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И УПРАВЛЕНІЕ.

Статутъ Казимира Великаго и его значеніе для всего послѣдующаго законодательства.—Противодѣйствіе сеймовъ изданію полнаго собранія аконовъ.— Старинные суды, пытки и казни.— Volumina Legum.— Сенатъ и государственный совѣтъ. — Позднѣйшее управленіе Польшею.

„Такъ какъ Законъ Божій есть даръ Божій, то мы всѣ должны быть послушны ему, въ особенности потому, что безъ него Рѣчь Посполитая, какъ тѣло безъ души, не можетъ ни существовать въ своей силѣ, ни управляться."

„СТАТУТЪ".

ридическіе обычаи въ Польшѣ представляли въ отдаленное отъ насъ время чрезвычайно большое разнообразіе. Они развились изъ народныхъ понятій, мѣстныхъ обычаевъ и условій дѣйствительной жизни, а потому каждая область, составлявшая старинную Польшу, отличалась своимъ законодательствомъ болѣе или менѣе отъ другихъ ея частей. Такое различіе отразилось впослѣдствіи и въ письменномъ законодательствѣ, какъ это видно при сличеніи узаконеній, дѣйствовавшихъ въ Великой и въ Малой Польшѣ, статутовъ земель Краковской, Ленчицкой и княжества Мазовецкаго, т. е. всѣхъ тѣхъ главныхъ частей, изъ которыхъ состояла Лехія или первоначальная Польша. Когда же при Владиславѣ Локтекѣ всѣ эти части слились въ одно государство,—сынъ Владислава Казиміръ Великій задумалъ ввести въ своемъ королевствѣ общіе для всего государства законы и поручилъ способнымъ для этого людямъ заняться записью и сводкою обычнаго права. Первымъ составленнымъ такимъ образомъ уложеніемъ былъ «Статутъ Казимира Великаго», называемый обыкновенно «Вислицкимъ Статутомъ». Въ этотъ статутъ вошли не только законы уголовные и гражданскіе, но также порядокъ судопроизводства и разнаго рода постановленія, такъ что упомянутый статутъ является исходною точкою въ дальнѣйшемъ развитіи польскаго законодательства. Съ этимъ статутомъ сообразовались уже всѣ послѣдующіе законодатели.

Конечно, первоначальное законодательство въ Польшѣ, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ Европы, представляетъ только отрывочныя статьи, расположенныя безъ той строгой системы, какая требуется отъ современнаго законодательства. Здѣсь многое было не предусмотрѣно, почти все было высказано условно на тотъ или другой возможный случай; тѣмъ не менѣе «Вислицкій Статутъ» принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ памятникамъ законодательства средневѣковой Европы.

Хотя «Статутъ» этотъ и былъ написанъ на общеупотребительномъ въ ту пору въ католическихъ странахъ латинскомъ языкѣ, тѣмъ не менѣе онъ представляетъ сборникъ такихъ законовъ, основы для котораго были почерпнуты преимущественно изъ народнаго быта, и только немногіе изъ нихъ составлены самими авторами статута.

Однимъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ каждаго гражданскаго права,—если смотрѣть на него съ нынѣшней точки зрѣнія,—представляется вопросъ о правахъ семейныхъ. Такого отдѣла въ «Вислицкомъ Статутѣ» не имѣется. Это объясняется тѣмъ, что въ ту пору всѣ основные вопросы о правахъ такого рода (напримѣръ, о власти въ семьѣ мужа и отца) не подлежали разсмотрѣнію свѣтскаго суда и разрѣшались на основаніи церковнаго или каноническаго права, а въ иныхъ случаяхъ—по силѣ народныхъ обычаевъ.

Личныя же права, въ главнѣйшихъ чертахъ, опредѣлены въ «Вислицкомъ Статутѣ» слѣдующими положеніями. Личность сыновей считалась тождественною съ личностью ихъ отца; такая тождественность, согласно понятіямъ того времени, выражалась, между прочимъ, въ томъ, что сыновья имѣли право употреблять отцовскую печать. Женщины не могли лично вести въ судахъ своихъ дѣлъ, но должны были дѣйствовать черезъ повѣренныхъ, называвшихся впослѣдствіи «патронами» или «меценисами». Малолѣтними считались не достигшіе 12-тилѣтняго возраста, но въ Великой Польшѣ была въ этомъ отношеніи нѣкоторая разница. Тамъ совершеннолѣтіе полагалось: для мужчины—по достиженіи 15-ти; а для дѣвицы—12-ти лѣтъ. Въ послѣдующее время, касательно совершеннолѣтія, польское законодательство установило три различные срока, а именно: мужчина, по достиженіи 18-ти лѣтъ, освобождался изъ-подъ опеки, въ какой онъ до этого времени находился, какъ несовершеннолѣтній, и ему отдавалось имѣніе въ личное управленіе; съ 20-тилѣтняго возраста онъ могъ распоряжаться принадлежавшимъ ему имѣніемъ по своему усмотрѣнію, но тѣмъ не менѣе не имѣлъ права ни продать, ни заложить своего недвижимаго имущества ранѣе 24 лѣтъ. Къ сиротамъ назначались опекуны, но они не имѣли права вести въ судахъ дѣла опекаемыхъ ими лицъ, и разсмотрѣніе такихъ дѣлъ отлагалось до совершеннолѣтія опекаемыхъ. Изъ этого правила допускались исключенія только по особо уважительнымъ причинамъ. Вообще же дѣло опеки опредѣлено въ «Статутѣ» Казимира Великаго съ достаточною для того времени точностью. Родители не были отвѣтственны за проигрыши ихъ дѣтей въ кости и вообще за ихъ долги, и не были обязаны, если только они сами не пожелаютъ, давать за дочерьми приданое и выдѣлять сыновей изъ своего имущества. Сынъ и дочь не могли произвольно выйти изъ семьи.

Далѣе, на основаніи «Статута» можно сдѣлать выводы о сословныхъ распорядкахъ въ тогдашней Польшѣ. Прямыхъ на то указаній въ «Статутѣ» не имѣется, но истолкователи его пришли, на основанія опредѣляемыхъ въ немъ наказаній, состоявшихъ исключительно въ денежной пени, къ такимъ главнымъ заключеніямъ. «Milites» были воины — шляхтичи; «scartabelli» — были ихъ товарищи; рядовые воины набирались изъ земледѣльцевъ, или крѣпкихъ землѣ, или свободныхъ, называвшихся вообще «кметями». Въ «Статутѣ» упоминается, между прочимъ, и о баронахъ, которые были свѣтскими сановниками и засѣдали въ совѣтѣ государя вмѣстѣ съ высшими духовными лицами или прелатами. По совѣщаніи съ этими лицами, король издавалъ законы, такъ какъ дѣйствительные сеймы въ Польшѣ были учреждены только въ 1468 году, а законодательная власть перешла къ нимъ лишь въ 1505 году.

Оскорбленія между шляхтою, по «Статуту», были такъ же строго преслѣдуемы, какъ и убійства. За обозваніе кого-нибудь сыномъ развратницы,—если оскорбитель не могъ доказать этого—виновный долженъ былъ пролаять, какъ собака.

О городскихъ обывателяхъ въ «Статутѣ» упоминается только вскользь: одинъ разъ — по вопросу о захватѣ пустопорожнихъ мѣстъ, другой—объ отпускѣ товаровъ въ кредитъ. Впрочемъ, о городскихъ жителяхъ излишне было и распространяться, потому, что въ Польшѣ

города стали управляться особымъ, такъ называемымъ «нѣмецкимъ», правомъ и пользовались большою самостоятельностію.

О крестьянахъ, участь которыхъ была предметомъ особенной заботливости со стороны короля Казимира, прозваннаго «королемъ хлоповъ», встрѣчается въ «Статутѣ» не мало особыхъ постановленій. Казимиръ называетъ «насиліемъ» стародавній обычай, въ силу котораго владѣльцы земли отбирали у крестьянъ и мѣщанъ, умершихъ безъ прямыхъ наслѣдниковъ, принадлежавшія имъ пустоши, и узаконилъ, что земли эти должны переходить къ ближайшимъ родственникамъ умершаго. Здѣсь же упоминается о крестьянскихъ имуществахъ, какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ вообще, изъ чего слѣдуетъ заключить, что въ Польшѣ крестьяне имѣли земли, принадлежавшія имъ на правѣ собственности. Въ пользу же крестьянства «Статутъ» Казимира Великаго постановилъ, что если крестьянинъ убѣжитъ отъ своего господина, то срокъ на розыскъ бѣглеца полагается только впродолженіи одного года; если же господинъ обращался съ бѣглецомъ строго, то онъ лишается права требовать его возвращенія, буде крестьянинъ заплатитъ ему 3 гривны и внесетъ годовой оброкъ. «Статутъ» различаетъ уже поселянина-поляка отъ поляка-нѣмца; этотъ послѣдній былъ только «чиновникомъ», арендаторомъ, тогда какъ первый обязанъ былъ платить подати и отбывать личныя повинности.

Что касается евреевъ, которымъ также покровительствовалъ Казимиръ, то «Статутъ» его подтверждаетъ тѣ права, какія далъ имъ въ 1264 году калишскій князь Болеславъ-Набожный, и постановляетъ, что евреи могутъ брать въ недѣлю полгроша процентовъ съ гривны, но что вмѣстѣ съ тѣмъ они могутъ отдавать взаймы свои капиталы только на два года; по истеченіи же этого срока приращеніе его процентами прекращается. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ запрещено было принимать въ залогъ земли.

Истолкователи «Статута», на основаніи встрѣчающихся въ немъ выраженій, полагаютъ, что въ Польшѣ существовали такія помѣстья, съ правомъ владѣнія которыми соединена была обязанность отправлять воинскую повинность; владѣльцы такихъ имѣній должны были выставлять на свой счетъ дружины и идти сами съ ними въ походъ, хотя бы и за-границу государства, безъ всякаго за то вознагражденія. Такія имѣнія были освобождены отъ всякихъ поборовъ и налоговъ.

При Казимирѣ Великомъ сталъ выводиться обычай владѣть имуществомъ сообща всѣмъ семействомъ. Братья могли дѣлить между собою наслѣдственное имѣніе, но, при продажѣ однимъ изъ нихъ доставшейся ему части, другіе братья имѣли право выкупить эту часть у его пріобрѣтателя—чужеродца.

«Статутъ» Казимира опредѣлилъ, между прочимъ, и давность владѣнія. Въ силу этого «Статута», владѣніе какимъ-либо имуществомъ впродолженіи трехъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ обращало его въ безспорную собственность обладателя. «Статутъ» опредѣлилъ, между прочимъ, спорный вопросъ о границахъ поземельныхъ владѣній и о правѣ рыбной ловли въ рѣкахъ. Вообще главною задачею составителя «Статута», по отношенію къ частной собственности, было предотвратить всякіе споры и тяжбы и установить спокойное и мирное владѣніе. Въ этихъ видахъ въ «Статутѣ» чрезвычайно тщательно разработаны вопросы о давности и — что въ особенности замѣчательно—разработаны на началахъ, противоположныхъ римскому праву, основъ котораго въ ту пору такъ усердно придерживались законодатели во всей Западной Европѣ.

Статьи, касающіяся правъ наслѣдства, разработаны въ «Статутѣ» крайне кратко, и это объясняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ мѣстные обычаи предпочитались писанному закону. Изъ постановленій же, относящихся къ этому предмету, видно, что, по смерти родителей, оставшееся послѣ нихъ имущество дѣти ихъ дѣлили между собою такимъ образомъ, что сыновья брали себѣ землю, а дочери—деньги. При неимѣніи дѣтей ближайшими наслѣдниками признавались племянники.

Относительно размѣра приданаго дочерямъ въ «Статутѣ» не имѣется никакихъ статей, и

онъ постановляетъ только, что если отецъ далъ приданое дочери, то братья не обязаны выдавать его ей во второй разъ. Но если отецъ умретъ, не давъ или не назначивши дочери приданаго, то братья ея, въ шляхетскихъ семействахъ, обязаны, соразмѣрно съ полученнымъ ими самими наслѣдствомъ, выдать своимъ сестрамъ не свыше 100 и не менѣе 40 гривенъ. Затѣмъ, на основаніи выраженій «Статута», правда, не совсѣмъ ясныхъ, слѣдуетъ допустить, что имъ было установлено между супругами общее владѣніе имуществомъ. Кромѣ того, въ «Статутъ» внесено нѣсколько статей относительно наслѣдства жены послѣ мужа.

Въ «Статутѣ» Казимира Великаго вовсе о завѣщаніяхъ не упоминается. Съ своей стороны король только подтвердилъ законъ одного изъ князей ленчицкихъ и куявскихъ, изданный въ 1254 году и предоставлявшій каждому шляхтичу право отказывать по записи свое имущество въ пользу церквей, помимо кровныхъ наслѣдниковъ. Составленіе такихъ записей было, однако, впослѣдствіи запрещено Сигизмундомъ I.

О королевскихъ пожалованіяхъ «Статутъ» постановилъ, что пожалованія остаются въ своей силѣ, хотя бы на нихъ и не было дано королевской привиллегіи, въ особенности, если имущество было пожаловано за военныя заслуги и при томъ лицу, павшему на полѣ битвы.

Въ отношеніи имущественныхъ обязательствъ въ «Статутѣ» встрѣчаются лишь упоминанія въ общихъ словахъ: о продажѣ, займѣ, выигрышѣ и залогѣ. Какъ бы въ дополненіе къ этимъ статьямъ «Статута», Казимиръ въ 1361 году обнародовалъ особое постановленіе, въ силу котораго продажа недвижимыхъ имуществъ могла быть признана дѣйствительною только тогда, когда относительно ея существовало письменное удостовѣреніе.

О неисправныхъ должникахъ была установлена такая мѣра: должникъ отдавался заимодавцу, который могъ держать его подъ стражею, но если бы онъ убѣжалъ изъ-подъ стражи, не совершивъ при этомъ никакого преступленія, то этимъ самымъ навсегда освобождался отъ платежа лежавшаго на немъ долга.

«Статутъ» Казимира—несомнѣнно чрезвычайно важный памятникъ законодательства. Подобно тому, какъ у насъ «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича, несмотря на отдѣльно издаваемыя законоположенія, служило въ теченіе почти двухъ столѣтій основою всего нашего законодательства, и упомятутый «Статутъ» былъ основою для дальнѣйшаго развитія законодательства въ Польшѣ. Не только при Ягеллоновичахъ, но и впослѣдствіи, при избирательныхъ короляхъ, не было издано никакого общаго устава и уложенія, но издавались только отдѣльныя постановленія въ дополненіе или въ измѣненіе тѣхъ или другихъ статей «Статута», въ который сводились вновь издаваемые законы, и который былъ переведенъ съ латинскаго на польскій языкъ. Переводъ «Статута», написаннаго средневѣковою латынью, т. е., съ введеніемъ въ нее вновь фабрикуемыхъ словъ и съ добавкою латинскихъ выраженій, заимствованныхъ какъ изъ римскаго права, такъ и у истолкователей его—нѣмецкихъ легистовъ, было дѣломъ не легкимъ, тѣмъ болѣе, что польской юридической терминологіи въ то время, можно сказать, вовсе не существовало. Вообще «Статутъ» изложенъ языкомъ неяснымъ, такъ что нѣкоторыя его статьи и отдѣльныя выраженія донынѣ еще не вполнѣ выяснены и требуютъ ученыхъ коментаріевъ.

При королѣ Александрѣ Ягеллончикѣ была предпринята весьма важная законодательная работа: король приказалъ Яну Ласкому собрать всѣ узаконенія, изданныя послѣ появленія «Статута» Казимира Великаго, и, составивъ изъ нихъ сводъ, внести ихъ въ «Статутъ». По отзывамъ польскихъ юристовъ, трудъ Ласкаго былъ исполненъ неудачно, тѣмъ не менѣе составленный имъ сводъ былъ напечатанъ и въ 1505 году утвержденъ королемъ. Сводъ Ласскаго былъ единственный сборникъ, имѣвшій въ Польшѣ оффиціальное значеніе.

Сигизмундъ I пожелалъ исправить недосмотры и неполноту этого изданія и составилъ съ этою цѣлью «депутацію» изъ 6 членовъ, называемую обыкновенно «корректурою Тамицкаго», по фамиліи одного изъ упомянутыхъ членовъ, и трудъ этой депутаціи былъ напечатанъ въ 1532 году, но одинъ изъ могущественныхъ въ ту пору магнатовъ Кмита убѣдилъ въ 1534 году

сеймъ отвергнуть работу депутаціи, такъ что она не получила правительственнаго утвержденія.

Гораздо болѣе удачнѣе достигнуты были законодательныя цѣли Сигизмунда въ его наслѣдственномъ государствѣ — въ литовско-русскомъ княжествѣ. Тамъ при немъ, безъ всякаго противодѣйствія шляхты, былъ введенъ такъ называемый «старый литовскій Статутъ», составленный въ 1529 году, но такъ какъ статутъ этотъ не имѣлъ силы въ предѣлахъ собственной Польши, то мы и не считаемъ нужнымъ говорить о немъ.

Сигизмундъ II Августъ тоже старался дать Польшѣ хорошо изданные законы, но и его попытка была неудачна. Между тѣмъ въ Литвѣ вторично былъ изданъ съ поправками «Литовскій Статутъ», извѣстный подъ именемъ «волынскаго» и получившій обязательную силу въ 1566 году. Въ Польшѣ же законодательныя работы шли такимъ путемъ. Король поручилъ одному изъ тамошнихъ законовѣдовъ Якубу Пжилуцкому напечатать уложеніе, имъ составленное, и надѣялся, что эта законодательная работа получитъ утвержденіе польскаго сейма. Пжилуцкій исполнилъ волю короля въ 1553 году, и въ предисловіи къ означенному изданію было объявлено желаніе короля, чтобы книга эта получила значеніе статута Казимира Великаго, но, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, такое желаніе Сигизмунда-Августа не осуществилось. Въ 1562 году король объявилъ, что онъ, усматривая необходимость, чтобы польскіе законы и статуты сдѣлались болѣе доступными, призналъ за нужное перевести ихъ съ латинскаго языка на польскій. Вслѣдствіе этого онъ назначилъ нѣсколько особъ для сличенія перевода и объясненій всѣхъ дѣйствовавшихъ въ Польшѣ узаконеній. Въ числѣ такихъ лицъ былъ Янъ Гербуртъ (изъ Фульштына), исполнившій волю короля, переведя статуты въ 1557 году и издавъ свой переводъ въ 1570 году. Сверхъ того, въ 1563 году Гербуртъ издалъ еще статуты и на латинскомъ языкѣ, расположивъ входящіе въ нихъ предметы въ алфавитномъ порядкѣ. Но ни тотъ, ни другой трудъ Гербурта не получили утвержденія со стороны сейма и только доставили ему почетную извѣстность, какъ ученому и трудолюбивому юристу. Книги его употребляли при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ, и на нихъ дѣлались ссылки, хотя ссылки эти и не могли имѣть обязательной силы, какъ сдѣланныя на частное, а не на правительственное изданіе.

Заботы объ изданіи новаго статута не прекращались и при Сигизмундѣ III, и въ этомъ отношеніи король, какъ и двое упомянутыхъ его предшественниковъ были гораздо счастливѣе въ Литвѣ. Тамъ былъ изданъ «Литовскій Статутъ» въ третій уже разъ, и изданіе это, получивъ въ 1588 году королевское утвержденіе, сдѣлалось обязательнымъ съ 6-го января 1589 года. Статутъ этотъ былъ напечатанъ на языкахъ польскомъ и русскомъ. Въ другой области, подвластной Польшѣ—въ Пруссіи, законодательныя работы шли также успѣшно, и въ 1598 году тамошняя шляхта представила поправки мѣстныхъ узаконеній, и польскій сеймъ утвердилъ ихъ.

Необходимо замѣтить, что подобный способъ исправленія законодательства имѣлся въ виду и прежде у самихъ поляковъ. Еще на сеймѣ 1589 года была назначена особая депутація, на которую возложено было исправленіе или «корректура» мѣстныхъ узаконеній, дѣйствовавшихъ въ коронныхъ или польскихъ областяхъ, а также изысканіе способовъ для сокращенія производства судебныхъ процессовъ. Но депутація эта не сдѣлала ничего.

Во главѣ свѣтскихъ лицъ, бывшихъ членами означенной депутаціи, находился воевода краковскій Николай Фирлей, и онъ склонилъ нѣкоего Яна Янушевскаго составить сводъ законовъ, который въ 1600 году и былъ напечатанъ въ Краковѣ; но изданіе это, не будучи утверждено сеймомъ, осталось только частнымъ руководствомъ для справокъ и соображеній. Что же касается вопроса о сокращеніи производства судебныхъ процессовъ, то этимъ занялся Янъ Свожовскій, писарь земли Львовской. Онъ написалъ относительно этого небольшой проектъ, который король приказалъ напечатать; но проектъ этотъ не получилъ одобренія со стороны

сейма и потому остался безъ послѣдствій. Въ 1726 году, при королѣ Августѣ II, исправленіемъ законовъ занялся Станиславъ Кожуховскій, при чемъ онъ придерживался мысли Гербурта, т. е., расположилъ узаконенія въ алфавитномъ порядкѣ (ordine alphabeti ad ideam Herborti). Трудъ его обнималъ пространство времени отъ 1550 года до 1732, но и этотъ трудъ не удостоился одобренія сейма, хотя въ 1764 году сеймъ, отдавая должную справедливость этому изданію, какъ ученой работѣ; назначилъ наслѣдникамъ Кожухевскаго значительную денежную награду.

Въ томъ же самомъ году, когда вышло изданіе Кожуховскаго, предпринято было монахами піарскаго ордена чрезвычайно важное для исторіи польскаго законодательства изданіе, подъ названіемъ «Volumina legum». Изданіе это соотвѣтствуетъ нашему «Полному Собранію Законовъ», съ тою впрочемъ существенною разницею, что восходитъ къ несравненно болѣе отдаленному времени. Къ 1739 году вышло уже 6 томовъ этого сборника. Затѣмъ, въ царствованіе Станислава-Августа Понятовскаго, вышли еще два тома, вмѣщающіе въ себѣ законодательные акты, доходящіе до 1780 года. Постановленія слѣдовавшихъ затѣмъ сеймовъ 1782, 1784 и 1786 годовъ, а также постановленія «четырехлѣтняго» сейма и послѣдняго сейма, происходившаго въ 1730 году въ Гроднѣ, изданы были въ 1793 году. Затѣмъ всѣ эти сборники были въ 1861 году изданы въ Петербургѣ Іосафатомъ Огрызкою.

Независимо отъ изданія піаровъ, во время правленія Понятовскаго, въ Польшѣ заботились объ исправленномъ изданіи прежнихъ статутовъ. Такъ еще на конфедераціи, состоявшейся послѣ смерти короля Августа II, учредили комиссію для исправленія и изложенія законовъ и для составленія узаконеній о наслѣдствѣ. Труды свои комиссія эта должна была представить на разсмотрѣніе коронаціоннаго сейма, но она къ этому времени работы своей окончить не успѣла. «Корректура» трибунала или такъ называемая ординація была предписана на сеймѣ 1768 года, но постановленіе это осталось безъ послѣдствій, и на сеймѣ 1776 года для составленія кодекса избрали бывшаго канцлера Андрея Замойскаго, внушивъ ему, что естественная справедливость должна быть поставлена выше всего, что поэтому онъ не долженъ придерживаться прежнихъ узаконеній, если они были составлены не въ понятіяхъ и не въ духѣ народа. При этомъ внушили ему еще и то, чтобы онъ по возможности, удержалъ и такія прежнія начала, которыя подходятъ подъ воззрѣнія на истинную справедливость, и отмѣнилъ бы все то, что можетъ возбуждать сомнѣніе и въ обывателяхъ, и въ судьяхъ. Замойскій съ жаромъ принялся за этотъ трудъ, въ основу котораго были положены такія прекрасныя начала. При этомъ ему весьма много содѣйствовали: Шенбекъ, епископъ плоцкій, и Хребтовичъ, подканцлеръ литовскій. Проэктъ, написанный Замойскимъ, клонился главнымъ образомъ къ улучшенію положенія крестьянъ, но въ 1780 году онъ былъ отвергнутъ на сеймѣ. Въ такомъ же духѣ, какъ и Замойскій, составилъ вскорѣ послѣ него проектъ новаго кодекса Антоній Трембицкій въ 1789 году. Трудъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что, послѣ присоединенія къ Пруссіи польскихъ провинцій, прусское правительство придало ему въ этихъ провинціяхъ обязательную силу. Такое же значеніе въ округѣ Нотецкомъ получилъ и латинскій сборникъ Гербурта.

При учрежденіи герцогства Варшавскаго всѣ прежніе статуты и уставы были отмѣнены и обязательную силу дѣйствующихъ законовъ получило только «Volumina Legum».

Весьма чувствительный и, можно даже сказать, коренной переворотъ въ польскомъ законодательствѣ произвело введеніе въ упомянутое герцогство «кодекса Наполеона», безспорно первенствующаго изъ всѣхъ законодательныхъ трудовъ, проявившихся въ теченіе нынѣшняго столѣтія. Несмотря на нѣкоторые недостатки, кодексъ этотъ отличается сжатостью, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленностью и ясностью изложенія. Гражданскій кодексъ Наполеона получилъ въ герцогствѣ Варшавскомъ законную силу съ 1-го мая 1808 года. Обязательнымъ былъ признанъ французскій оригиналъ, переведенный на польскій языкъ ксендзомъ Ксаверіемъ Шанявскимъ, каноникомъ Варшавской кафедры и профессоромъ права. Переводъ этотъ, безъ озна-

ченія имени переводчика, вышелъ въ томъ же году подъ заглавіемъ: «Kodex Napole na z przypisami»; имъ руководствовались всѣ судебныя учрежденія, если только самый переводъ не противорѣчилъ въ томъ или въ другомъ мѣстѣ съ подлинникомъ. Переводъ этотъ выдержалъ четыре изданія, пятое же изданіе появилось съ прибавленіемъ къ переводу на польскій языкъ еще и перевода на латинскій. Изданы были еще и другіе переводы этого кодекса въ Польшѣ. Введенный первоначально во всей полнотѣ въ герцогствѣ Варшавскомъ и потомъ распространенный на все вновь возникшее царство Польское, кодексъ Наполеона впослѣдствіи подвергся здѣсь нѣкоторымъ ограниченіямъ. Такъ въ 1818 году былъ изданъ особый уставъ объ ипотекахъ, дополненный въ 1825 году новыми узаконеніями. Въ томъ же году книга 1-ая этого кодекса была подвергнута пересмотру, а въ 1836 году былъ обнародованъ особый законъ о правахъ супруговъ, при чемъ личныя ихъ отношенія были согласованы съ каноническими уставами римско-католической церкви. Что же касается имущественныхъ отношеній супруговъ, то книга 1-ая послѣ 1825 года сохранила свою силу, да и нынѣ большая часть гражданскихъ законовъ, относящихся къ правамъ семейственнымъ, основывается въ царствѣ Польскомъ на кодексѣ Наполеона.

Точно также и торговый французскій уставъ былъ введенъ въ 1809 году въ герцогство Варшавское; нѣкоторыя же изъ его статей и донынѣ еще не утратили своей силы.

Какъ на главные недостатки кодекса Наполеона, польскіе юристы указывали на то, что система его составленія, несмотря на всю ея простоту, была все-таки довольно ошибочна: что въ немъ очень часто встрѣчаются такія отвлеченныя опредѣленія, которыя затрудняютъ точное примѣненіе его къ практическимъ вопросамъ и требуютъ научныхъ, болѣе или менѣе туманныхъ истолкованій; что онъ, стараясь опредѣлить съ излишнею мелочностію отношенія между родителями и дѣтьми, уже слишкомъ много ограничиваетъ власть первыхъ и вслѣдствіе этого открываетъ правительству широкій путь для вмѣшательства въ семейныя дѣла.

Что касается порядка производства гражданскихъ дѣлъ въ царствѣ Польскомъ, то порядокъ этотъ съ открытіемъ тамъ новыхъ судебныхъ учрежденій, на основаніи «Судебныхъ Уставовъ» 1864 года совершенно измѣнился.

Обращаясь затѣмъ въ частности къ развитію уголовнаго законодательства въ предѣлахъ нынѣшняго царства Польскаго, мы должны сказать слѣдующее.

Въ первобытной Польшѣ, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, письменныхъ уголовныхъ законовъ не было, и при наложеніи наказанія на виновнаго руководствовались только народными обычаями, или, въ иныхъ случаяхъ, личными взглядами и чувствами судей. Съ тѣмъ вмѣстѣ, однако, не мало понятій о значеніи, видахъ и примѣненіи уголовныхъ взысканій заимствовалось изъ–чужа, и въ особенности сильное измѣненіе въ области понятій обо всемъ этомъ произвело введеніе христіанства. Прежде всего, оно до извѣстной степени укротило жажду личной мести и побудило обиженныхъ и потерпѣвшихъ искать суда противъ обидчика, ослабляя тѣмъ господствовавшее прежде самоуправство, при которомъ дѣлается невозможнымъ существованіе правильныхъ гражданскихъ и уголовныхъ судовъ.

Первыми судьями въ Польшѣ явились князья, а потомъ назначаемые ими или избираемые мѣстнымъ населеніемъ особые судьи. Первоначальнымъ видомъ наказанія въ Польшѣ была денежная пеня или «окупъ», который производился всегда скотомъ, потомъ спеціально конями, а наконецъ и гривнами. Вмѣстѣ съ этимъ установились, однако, и жестокія казни: изуродованіе виновнаго, битье его палками до смерти, отсѣченіе головы, избіеніе камнями и повѣшеніе. Король Болеславъ Великій, первый изъ польскихъ королей, устроилъ въ своемъ государствѣ правильные суды, въ которыхъ, на равныхъ правахъ, были судимы и шляхта и кмети. Король произносилъ приговоръ, и виновный былъ тотчасъ же наказываемъ. Въ тѣхъ судахъ, гдѣ король не присутствовалъ, дѣла уголовныя рѣшали назначенные имъ судьи. Король, однако, удерживалъ за собою право, какъ уменьшить наказаніе, такъ и даровать виновному безусловное

помилованіе. Сохранилось указаніе, что въ отношеніи людей знатныхъ такое помилованіе не было полнымъ. Объявивъ такому виновному прощеніе, король приглашалъ его съ собою въ баню и тамъ изрядно угощалъ розгами. Наиболѣе виновные были по его повелѣнію предаваемы смертной казни, которой, смотря по обстоятельствамъ дѣла, подвергались и обѣ стороны: и жалобщикъ, и отвѣтчикъ.

При введеніи христіанства, каноническое право хотя и получило чрезвычайно важное значеніе, но тѣмъ не менѣе не осилило въ конецъ прежняго обычнаго права, установившагося еще подъ вліяніемъ языческихъ понятій, а только служило для него указаніемъ или дополненіемъ. Измѣна родинѣ наказывалась изгнаніемъ изъ предѣловъ отечества и лишеніемъ всего имущества; за разбой, соединенный съ убійствомъ, назначалась смертная казнь, и виновный былъ объявляемъ «безчестнымъ» — infamis, причемъ каждому предоставлялось право убить его безнаказанно. Обыкновенный убійца въ ссорѣ подвергался уплатѣ такъ называемой «головщизны»—за шляхтича 12 гривенъ, за кметя 3 гривны. Мечиславъ Старый попытался было усилить строгость наказаній, но эта попытка не имѣла успѣха и была причиною его изгнанія. На съѣздѣ въ Ленчицѣ, происходившемъ въ 1180 году прелаты и сановники обдумывали законодательныя мѣры для обузданія грабежей, которые въ ту пору бывали очень часты.

При Казимирѣ Справедливомъ и при Лешкѣ Бѣломъ уголовныя наказанія въ Польшѣ становились все болѣе разнообразными, и чѣмъ болѣе дробилась Польша на независимыя княжества, тѣмъ болѣе возникало въ ней уголовныхъ судилищъ. Уголовные суды отправляли также и вельможи на бывавшихъ по временамъ въ стародавней Польшѣ съѣздахъ или вѣчахъ. При разборѣ уголовныхъ дѣлъ имѣлись въ виду не столько кара по закону, сколько склоненіе къ миру враждующихъ между собою сторонъ. Начальствовавшія въ городахъ лица, называвшіяся впослѣдствіи старостами, также имѣли право суда уголовнаго. Со временемъ, при введеніи въ Польшу магдебургскаго или хелмскаго права, города, пользовавшіеся этимъ правомъ, получили, въ лицѣ своихъ магистратовъ, еще особое право — «право меча», т. е., могли постановлять надъ виновными смертные приговоры. Шляхта была обязана отдавать подвластныхъ ей людей въ распоряженіе городскихъ судовъ; но ей удобнѣе было пользоваться судами такихъ мѣстечекъ, которымъ было предоставлено право магдебургское, а слѣдовательно и «право меча». Судьи этихъ мѣстечекъ находились въ большей или меньшей зависимости отъ магнатовъ и шляхты и потому были податливы на строгіе приговоры; вслѣдствіе этого смертная казнь надъ простыми людьми получила въ Польшѣ весьма большое распространеніе. Только при Станиславѣ-Августѣ Понятовскомъ города и мѣстечки, хотя и имѣвшіе магдебургское право, лишены были «права меча», и это послѣднее было оставлено лишь за тѣми изъ нихъ, которые могли доказать, что они получили его по особой королевской привилегіи. Всѣ суды обыкновенно приговаривали къ смертной казни тѣхъ, которые оказывались виновными въ поджогѣ, грабежѣ и убійствѣ, въ покушеніи на жизнь короля и въ изнасилованіи. Если кто ранилъ кого-нибудь въ присутствіи короля, тому пробивали спицею руку. За воровство сѣкли жестоко. Но несмотря на введеніе наказаній такого рода, денежныя пени отмѣнены не были и размѣръ ихъ опредѣляли закономъ, сообразно съ важностью преступленія.

Уголовные законы между тѣмъ разрознивались въ Польшѣ все болѣе, какъ вслѣдствіе прилива въ нее представителей иноплеменниковъ, такъ и вслѣдствіе раздробленія Польши на отдѣльныя княжества. Генрихъ Бородатый позволилъ селиться въ польскихъ областяхъ нѣмцамъ, которые внесли туда не только свои обычаи, но и свои узаконенія и даже цѣлые уставы. Важнѣйшимъ изъ нихъ было широко распространившееся не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ такъ называемое магдебургское право, представлявшее отдѣльную и даже вполнѣ самостоятельную юрисдикцію въ Польскомъ королевствѣ. Евреи въ 1264 году выпросили у

Болеслава, князя великопольскаго, утвержденія составленнаго ими особаго статута. Поселившимся въ предѣлахъ Польши армянамъ Казимиръ Великій дозволилъ управляться ихъ собственными законами. Кромѣ коренныхъ польскихъ статутовъ, мазовецкаго, великопольскаго и ленчицкаго, были еще статуты прусскій, поморскій, собственно въ королевствѣ Польскомъ, не говоря уже о статутахъ литовскомъ и бѣлорусскомъ, имѣвшихъ силу внѣ коронныхъ областей.

Между тѣмъ дѣйствіе нѣмецкаго или магдебургскаго права, называвшагося у поляковъ «хелминскимъ», расширялось все далѣе. Послѣднее изъ этихъ названій получило право потому, что впервые оно дано было въ 1241 году нѣмецкими рыцарями городу Хелму. Въ 1244 году магдебургское право введено было и въ Краковѣ, гдѣ значительная часть городского населенія изъ нѣмцевъ.

При дальнѣйшемъ развитіи уголовнаго права въ Польшѣ наиболѣе суровыя кары назначались за отцеубійство и за похищеніе и изнасилованіе женщины. За убійство шляхтича — или, какъ тогда выражались, «за голову шляхтича»—денежная пеня понизилась до 30 гривенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ была установлена особая пеня въ 15 гривенъ за убійство только-что пожалованнаго шляхтича. За раны, побои и оскорбленія были назначены, съ большею противъ прежняго опредѣленностію, болѣе значительныя денежныя пени. Впослѣдствіи пеня за убійство шляхтича была возвышена до 120 гривенъ, и къ этому было прибавлено еще шестинедѣльное тюремное заключеніе «на днѣ башни»—in fundo. Убійство ни въ какомъ случаѣ не могло остаться безнаказаннымъ, хотя бы родственники убитаго и желали простить виновнаго. Если убійца успѣвалъ убѣжать, то его называли «банитомъ»—изгнанникомъ. Судебные приговоры исполняли старосты подъ своею личною отвѣтственностію. Въ 1532 году состоялось постановленіе, въ силу котораго простолюдинъ, убившій или только ранившій шляхтича, безъ всякаго къ тому повода, долженъ былъ быть наказанъ смертью. Въ тоже время состоялось однако и другое постановленіе, направленное противъ своеволія шляхты, а именно: городскимъ судьямъ предоставлено было право забирать подъ стражу и судить тѣхъ шляхтичей, которые учинятъ убійство или произведутъ безпорядки.

Стефанъ Баторій потребовалъ, чтобы виновнымъ, заключеннымъ въ тюрьму, не было оказываемо никакого послабленія, а между тѣмъ тюремное заключеніе вообще было въ Польшѣ очень неудобно, въ особенности для тѣхъ, которыхъ сажали на «дно башни». Каждый посидѣвшій въ подземельи или наживалъ тяжкую болѣзнь отъ бывшей тамъ сырости, или терялъ зрѣніе вслѣдствіе постоянно господствовавшаго тамъ непроницаемаго мрака. При Стефанѣ Баторіи, на сеймѣ, происходившемъ въ 1581 году, возвышена была денежная пеня за убійство простолюдина шляхтичемъ. Виновный въ такомъ преступленіи шляхтичъ долженъ былъ заплатить 30 гривенъ, и одна половина этой пени шла въ королевскую казну, а другая отдавалась семейству или ближайшему родственнику убитаго. Если же простолюдинъ убивалъ равнаго ему по званію человѣка, то подлежалъ смертной казни. Между тѣмъ размѣръ денежной пени за убійство увеличивался и дошелъ въ исходѣ XVI вѣка за убійство холоднымъ оружіемъ до 240 гривенъ, а за убійство оружіемъ огнестрѣльнымъ до 480 гривенъ. Кромѣ того, было постановлено, что если виновный попытается уклониться отъ уплаты денегъ бѣгствомъ, то онъ будетъ объявленъ «банитомъ» и, въ случаѣ его поимки, казненъ смертію. Хотя по закону возвратившійся банитъ могъ быть безнаказанно убитъ каждымъ, но на дѣлѣ этого не допускалось, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ знатнымъ лицамъ.

Замѣчательно, что со времени Стефана Баторія и до царствованія короля Августа II не произошло никакихъ важныхъ измѣненій въ польскомъ уголовномъ законодательствѣ. Мало того, къ нему, въ продолженіе этого времени, не было сдѣлано никакихъ существенныхъ добавленій. Только въ 1726 году было установлено наказаніе за мужеубійство, и кромѣ того въ томъ же году въ отношеніи убійства были уравнены всѣ сословія: за такое преступленіе,

какъ шляхтичъ, такъ и хлопъ одинаково должны были подлежать смертной казни. Но своеволіе шляхты на первыхъ порахъ не допускало такого уравненія. Тѣмъ не менѣе время дѣлало свое: сословные предразсудки ослабѣвали, и происходившій въ 1768 году сеймъ обнародовалъ слѣдующее замѣчательное постановленіе: «Такъ какъ не только божескіе законы, но и наши отечественные народные уставы, какъ напримѣръ, «Статутъ Литовскій» въ главѣ I, раздѣлѣ 12, и конституція 1726 года, подъ названіемъ человѣкоубійство, требуютъ и повелѣваютъ, чтобы никто своевольно, отважно, умышленно и добровольно, въ надеждѣ на окупъ деньгами, не проливалъ человѣческой крови, и такъ какъ жизнь человѣческую не подобаетъ оцѣнивать деньгами, то симъ торжественно объявляется, что съ сего времени какъ шляхтичъ за убійство шляхтича, такъ и хлопъ за убійство хлопа будетъ наказанъ смертью. Если же шляхтичъ, со злости, а не случайно, добровольно и съ умысломъ убьетъ хлопа, то онъ подлежитъ смертной казни и уже не можетъ освободиться отъ нея уплатою «гловщизны» тому господину, которому принадлежалъ убитый, и долженъ быть въ подлежащемъ судѣ приговоренъ къ отсѣченію головы. При этомъ обѣимъ сторонамъ предоставляются во всей полнотѣ тѣ способы доказательствъ, которые указаны въ упомянутомъ Статутѣ великаго княжества литовскаго и въ сеймовыхъ конституціяхъ. Что же касается ранъ или увѣчья какого-либо члена, то по такимъ дѣламъ должна быть оказываема совершенная справедливость потерпѣвшимъ, и это предоставляется усмотрѣнію и строгому безпристрастію судей и судовъ съ тѣмъ, чтобы они наказывали за такіе поступки, соображаясь съ тяжестію ранъ и съ общественнымъ положеніемъ пострадавшихъ».

Смертная казнь въ Польшѣ производилась такимъ образомъ. Приговоренный къ ней назывался «деликвентомъ». При произнесеніи приговора обвинявшая сторона,—а если обвинителемъ былъ «инстигаторъ», т. е. прокурорская власть, то судъ — уговаривались съ палачемъ объ исполненіи казни. За нѣсколько дней до казни инстигаторъ или секретарь суда приводилъ къ обвиненному ксендза. Двери той комнаты, гдѣ содержался осужденный, были отворены настежъ, и его только стерегла приставленная къ дверямъ стража. Мало того, на обязанности суда было стараться о томъ, чтобы осужденнаго посѣщали сколько возможно болѣе. Здѣсь выражалось то, что общество, исполняя надъ нимъ требованія закона, тѣмъ не менѣе примирялось съ нимъ, если его, преступника, удаленнаго отъ общества, все таки посѣщаютъ люди. Въ продолженіе этихъ дней осужденному не было отказа ни въ ѣдѣ, ни въ питьѣ. Онъ могъ просить ѣсть и пить все, что только ему вздумается. Въ день исполненія казни, площадь передъ ратушью посыпали пескомъ, а передъ тюрьмою, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ разставляли войско, или только молодыхъ челядниковъ. Они составляли изъ себя кругъ, въ который входили: ксендзъ, инстигаторъ, секретарь или какой нибудь чиновникъ судебнаго вѣдомства, а также и палачъ. По исполненіи казни, трупъ умершаго клали въ гробъ, при чемъ голову полагали между колѣнъ. Въ большихъ городахъ казненныхъ хоронили въ подвалѣ назначеннаго для того костела, а въ городахъ небольшихъ — на общемъ кладбищѣ. Толпа съ неистовствомъ бросалась на то мѣсто, гдѣ была совершена казнь, и старалась схватить горсть окровавленнаго песку, потому что, по повѣрью, имѣніе такого песку приносило счастье, если его примѣшивать къ пищѣ или къ питью.

Если преступникъ былъ приговоренъ къ повѣшенію, тогда его вели подъ висѣлицу, которая въ давнее время стояла передъ каждымъ судебнымъ мѣстомъ и какъ бы замѣняла собою вывѣску. Женщинъ не вѣшали, но ихъ или душили, или топили въ рѣкахъ. Иногда осужденнаго, по приговору суда, забивали палками до смерти или только били ими передъ казнью.

Сжиганіе на кострѣ, или закапываніе женщинъ живыми производилось всегда, какъ и пытки подъ висѣлицею и всѣ казни, кромѣ отсѣченія головы, помощниками палача. Подъ висѣлицею производили также и четвертованіе и колесованіе. Тѣло повѣшенныхъ, а также

члены четвертованныхъ или колесованныхъ оставались на висѣлицѣ или подъ висѣлицею до тѣхъ поръ, пока вороны не съѣдали мяса, и кости распадались.

Высшимъ судамъ предоставлено было право помилованія; маршалъ также могъ освободить отъ казни каждаго преступника. Если преступникъ, веденный на казнь, брался совершить что-нибудь необыкновенное, и если онъ, будучи жидомъ, изъявлялъ желаніе принять христіанство, то его иногда освобождали отъ смертной казни. Чацкій разсказываетъ, что изъ Венгріи въ Польшу былъ занесенъ обычай, въ силу котораго, если осужденному изъ холостыхъ мужчинъ дѣвушка развратнаго поведенія бросала платокъ, а онъ объявлялъ, что женится на ней, то освобождался отъ смертной казни. Иногда знатные магнаты, а также иностранные послы успѣвали выпросить у короля помилованіе виновному. Нѣкоторымъ монашескимъ орденамъ предоставлено было въ Польшѣ просить въ великую пятницу о пощадѣ одного изъ приговоренныхъ къ смертной казни. Если осужденный успѣвалъ бѣжать въ церковь, и тамъ скрыться, то его нельзя было взять, и однажды маршалъ Бѣлинскій, извѣстный своею строгостію, держалъ въ тѣсной осадѣ монастырь доминикановъ въ Варшавѣ, выжидая, когда выйдетъ оттуда скрывшійся тамъ преступникъ. Мало того, бывали случаи, что палачъ отказывался приводить въ исполненіе приговоръ надъ такимъ осужденнымъ, который, по выходѣ изъ церкви, былъ взятъ и снова отправленъ на казнь. Такой осужденный въ общественномъ мнѣніи считался невиннымъ, и польскіе богословы съ своей стороны твердо отстаивали такое вѣрованіе.

Шляхтичу полагался только одинъ видъ смертной казни — отсѣченіе головы, и исключеніе изъ этого общаго правила дѣлалось чрезвычайно рѣдко. Надъ шляхтичемъ смертный приговоръ исполняли обыкновенно въ «пивницѣ», т. е., въ погребѣ гдѣ держали крѣпкіе напитки. Во время казни въ городскихъ церквахъ происходилъ звонъ, и казненнаго хоронили съ обыкновенными почестями. Издержки по исполненію смертнаго приговора надъ хлопомъ обязанъ былъ уплатить его господинъ. Если частный обвинитель не могъ найти палача, то осужденнаго въ день, назначенный для исполненія надъ нимъ приговора, выпускали на свободу безъ всякаго наказанія.

Польскіе уголовные законы, сравнительно съ уголовными закоными, дѣйствовавшими въ Литвѣ и въ Руси, были гораздо снисходительнѣе. Литовскій Статутъ уже издавна не допускалъ «окупа» въ случаѣ убійства и установилъ за это преступленіе безразлично смертную казнь, какого бы званія ни былъ преступникъ, если только убійство было умышленное. Смертной казни за убійство отца, матери, брата, сестры предшествовало жестокое наказаніе розгами, а трупъ убійцы бросали въ рѣку въ мѣшкѣ, въ который сажали собаку, пѣтуха, змѣю и кота. Отравителямъ, прежде исполненія надъ ними смертнаго приговора, ломали кости. За изгнаніе плода женщина подлежала отсѣченію головы. Вообще же можно замѣтить, что въ большинствѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ по уголовнымъ законамъ Польши постановлялась денежная пеня, въ Литвѣ и въ Руси была установлена смертная казнь.

Послѣ раздѣла королевства Польскаго, въ той его части, которая досталась Пруссіи, введенъ былъ прусскій уголовный кодексъ, который сохранилъ свою силу и при учрежденіи герцогства Варшавскаго, а въ части, доставшейся Австріи, сталъ дѣйствовать австрійскій кодексъ. Россіи же, при первыхъ раздѣлахъ Польши, достались такія области, гдѣ имѣлъ обязательную силу Литовскій Статутъ. Когда же подъ власть ея перешло нынѣшнее царство Польское, то тамъ дѣла уголовныя разрѣшались на основаніи прусскаго кодекса, съ добавленіемъ къ нему нѣкоторыхъ статей изъ мѣстныхъ узаконеній, такъ какъ французскій уголовный кодексъ не былъ введенъ тамъ. Изъ всего этого составили особое уголовное уложеніе, которое и было издано въ 1830 году въ Варшавѣ, подъ заглавіемъ «Kodex karzacy dla królewstwa polskiego». Впослѣдствіи на царство Польское было распространено дѣйствующее въ имперіи «Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и испра-

вительныхъ». Въ первый разъ «Уложеніе» это на языкахъ польскомъ и русскомъ было издано въ 1848 году въ Варшавѣ.

Представивъ общій очеркъ исторіи польскаго законодательства, мы должны теперь перейти къ исторіи судоустройства въ старинной Польшѣ.

Первоначально судъ въ Польшѣ творили, какъ это велось и у другихъ славянскихъ народовъ, объѣзжая по временамъ свои владѣнія. Такой способъ судебнаго разбирательства былъ, однако, возможенъ только при небольшомъ пространствѣ государства и при ограниченномъ возникновеніи такихъ дѣлъ, которыя требовали судебныхъ рѣшеній. Но личный судъ государя сдѣлался не только неудобнымъ, но и невозможнымъ, при возрастающемъ числѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ и при постепенномъ расширеніи границъ государства. Тогда личность королевскую пришлось замѣнить довѣренными отъ государя лицами, т. е., представителями его власти — судьями, и тогда въ воеводствахъ и въ отдѣльныхъ земляхъ, составлявшихъ Польшу, стали возникать суды низшіе, рѣшеніе которыхъ можно было обжаловать на высшемъ судѣ — на вѣчахъ, называвшихся по-латыни «colloquia generalia». Вѣча собирались по временамъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ. На нихъ предсѣдательствовалъ самъ король, а съ нимъ, въ качествѣ его совѣтниковъ, засѣдали прелаты, и на этихъ вѣчахъ рѣшались окончательно жалобы, принесенныя на неправильныя постановленія воеводскихъ и земскихъ судовъ. Но къ присутствію государя на вѣчахъ, по упомянутымъ уже причинамъ, представлялось все болѣе и болѣе затрудненій, а потому, взамѣнъ вѣча, право апелляціонной инстанціи получили воеводскіе и земскіе суды по отношенію къ низшимъ, подвѣдомственнымъ имъ новоучрежденнымъ судамъ, и теперь въ высшихъ судахъ особу государя стали замѣнять воеводы, каштеляны и другіе высшіе сановники. Но высшіе суды пришли постепенно въ упадокъ, утративъ свое первоначальное значеніе, и уже при Сигизмундѣ I на одномъ изъ сеймовъ было высказано предположеніе объ учрежденіи одного верховнаго суда для всего королевства. Судъ этотъ долженъ былъ рѣшать приносимыя ему жалобы, безъ всякой на рѣшеніе его аппеляціи. Но предположеніе это было отвергнуто, и сеймъ, въ уповаиіи на безусловное безпристрастіе государя, постановилъ, что жалобы на всѣ судебныя постановленія можетъ рѣшать исключительно одинъ только государь. Но такой порядокъ повлекъ за собою большое неудобство, такъ какъ тяжбы, въ ожиданіи королевскаго рѣшенія, длились безконечно. Въ виду этого пришлось обратиться къ избирательному началу, и нѣкоторыя области королевства сами начали устроивать свои собственные суды. Стефанъ Баторій предоставилъ такое право всѣмъ областямъ королевства, и дѣло впослѣдствіи дошло уже до того, что король не могъ какъ учреждать новые суды, такъ и упразднять суды уже существовавшіе и удержалъ за собою только то преимущество, что всѣ суды постановляли свои рѣшенія отъ имени королевскаго величества.

Что же касается сеймовыхъ судовъ, разбиравшихъ важнѣйшія дѣла, то они оставались подъ предсѣдательствомъ самого короля, который въ этихъ судахъ объявлялъ свои мнѣнія, согласно съ большинствомъ голосовъ, подаваемыхъ сенаторами. Съ 1588 года къ участію въ обсужденіи дѣлъ на сеймовыхъ судахъ были, наравнѣ съ сенаторами, допущены такъ называемые послы или депутаты отъ шляхты. Число такихъ депутатовъ не было опредѣлено, и они обыкновенно являлись въ числѣ двѣнадцати — двадцати человѣкъ, но бывали и такіе сеймы, гдѣ число судей-пословъ достигало до 54 человѣкъ. Сеймовые суды хотя разсматривали собственно дѣла по государственнымъ преступленіямъ и по преступленіямъ должности, но тѣмъ не менѣе до нихъ доходили порою и общія, гражданскія и уголовныя дѣла. Дѣятельность ихъ не прекращалась съ окончаніемъ сейма, но они безъ перерыва засѣдали отъ одного срочнаго сейма до другого, а мѣстомъ ихъ засѣданія долженъ былъ быть только тотъ городъ, въ которомъ пребывалъ король. Въ судахъ этихъ засѣдали всѣ сенаторы, министры и тридцать областныхъ депутатовъ, избранныхъ на сеймѣ большинствомъ голосовъ такимъ образомъ,

чтобы въ общемъ числѣ депутатовъ, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ приходился на каждое воеводство. При разборѣ дѣлъ должны были присутствовать въ этихъ судахъ не менѣе 26 членовъ, по-ровну изъ сенаторовъ и изъ пословъ. Однѣ изъ дѣлъ рѣшались въ сеймовомъ судѣ открытыми, а другія закрытыми голосами. Въ случаѣ равенства голосовъ, окончательное рѣшеніе зависѣло отъ короля, а по дѣламъ объ оскорбленіи величества король устранялся отъ рѣшенія, и голосъ его замѣнялся голосомъ старѣйшаго изъ сенаторовъ. Кромѣ того, король, по конституціи 1669 года, не могъ присутствовать въ судѣ, когда тамъ разбиралось какое-либо дѣло, касавшееся, хотя бы и косвенно королевской власти.

Кромѣ сеймоваго суда, въ Польшѣ былъ еще другой высшій судъ, называвшійся «реляційнымъ». Названіе его происходитъ отъ латинскаго слова «relatio», т. е. донесеніе, потому что короли отдавали нѣкоторыя дѣла на разсмотрѣніе и рѣшеніе сенаторовъ или коронныхъ сановниковъ, которые потомъ и представляли королю о нихъ свои донесенія. Сигизмундъ-Августъ, вдобавокъ къ «реляційному суду» учредилъ еще судъ канцлерскій, поручая разсмотрѣніе иныхъ дѣлъ канцлеру. Канцлерскія рѣшенія, если только того не желалъ самъ канцлеръ, не доходили до суда реляційнаго. Главнымъ предметомъ разбирательства въ судѣ реляційномъ были дѣла герцогства Курляндскаго, при чемъ большая часть дѣлъ возникала изъ препирательствъ тамошняго рыцарства съ герцогами.

Канцлерскіе суды назывались также «ассесорскими», такъ какъ ассесорами или засѣдателями въ этихъ судахъ были референдаріи и одинъ или двое изъ королевскихъ секретарей. Въ суды эти сенаторы могли являться только по приглашенію канцлера, но постояннаго права на это имъ предоставлено не было. При канцлерскомъ судѣ состояло двѣнадцать присяжныхъ патроновъ или повѣренныхъ. Имъ вмѣнено было въ обязанность: быть скромными, трезвыми и являться въ судъ, основательно ознакомившись съ дѣломъ и принося съ собою надлежащіе документы и справки. За уклоненіе отъ этихъ правилъ они подвергались денежному штрафу въ пользу госпиталя, а при болѣе важныхъ упущеніяхъ — и наказанію, назначенному судомъ.

Что касается судовъ «маршалковскихъ», то они имѣли слѣдующее значеніе.

На великомъ маршалкѣ лежала обязанность наблюдать за безопасностію, спокойствіемъ и тишиною въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пребывалъ король, и потому вѣдѣнію маршалковскихъ судовъ подлежали дѣла, соотвѣтствовавшія обязанностямъ маршала. Этому суду, при сказанномъ условіи, были подвѣдомы безъ исключенія всѣ лица, какое бы положеніе они ни занимали, а въ бытность короля въ Варшавѣ юрисдикція этого суда была распространена не только на самый городъ, но и на всѣ его окрестности, на разстояніи цѣлой мили. Въ члены маршалковскаго суда избирали сенаторовъ и мѣстныхъ жителей изъ шляхетскаго сословія. Между прочимъ судъ маршалковскій вѣдалъ дѣла о таксѣ на жизненные припасы въ мѣстахъ королевскаго пребыванія. Обжалованіе рѣшеній этого суда не допускалось, а власть его была чрезвычайно велика, такъ что онъ имѣлъ право постановлять и смертные приговоры.

Суды скарбовыхъ комиссій были учреждены и въ Вильнѣ; они завѣдывали всѣми судебно-финансовыми и судебно-торговыми дѣлами. Къ дѣламъ такого рода были отнесены: о неплатежѣ налоговъ, о промышленныхъ договорахъ между шляхтичемъ и купцомъ, о векселяхъ, о мѣрѣ и вѣсѣ, о сборахъ на мостахъ и перевозахъ, о расхищеніи или растратѣ казенныхъ или общественныхъ суммъ. Подсудность этимъ судамъ распространялась безразлично на всѣхъ: на духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, на шляхтичей и на мѣщанъ. Предсѣдателемъ суда былъ въ Варшавѣ королевскій подскарбій—въ родѣ нынѣшняго министра финансовъ—а при отсутствіи его—старѣйшій изъ сенаторовъ. При этомъ судѣ состояло 15 присяжныхъ патроновъ.

Для окончательнаго рѣшенія земскихъ дѣлъ въ Польшѣ существовали два «главныхъ трибунала». Одинъ изъ нихъ былъ учрежденъ собственно для королевства, другой—для великаго княжества Литовскаго. Сигизмундъ I, проведши большую часть жизни въ Литвѣ, испросилъ у сейма дозволеніе замѣнить себя по рѣшенію земскихъ дѣлъ уполномоченными отъ него

Сигизмунда, на что сеймъ и согласился. Преемникъ Сигизмунда I, Сигизмундъ-Августъ не пожелалъ лишить себя прежней королевской прерогативы; но впослѣдствіи, пользуясь положеніемъ дѣлъ при его преемникѣ, нѣкоторыя воеводства устроили у себя свои мѣстные суды, чтобы въ нихъ окончательно рѣшать земскія дѣла. Избранному въ короли Генриху Валуа шляхта подала прошеніе объ утвержденіи этихъ судовъ, а король Стефанъ Баторій не только утвердилъ существовавшіе уже до него суды, но и дозволилъ повсюду въ Польшѣ открывать подобныя учрежденія, предоставивъ, впрочемъ, жителямъ областей отказываться, если они пожелаютъ, отъ такого права, но съ тѣмъ, чтобы, для облегченія короля, былъ учрежденъ одинъ общій для всего королевства трибуналъ для разбора земскихъ дѣлъ. По постановленію сейма, такое высшее судилище было учреждено въ 1578 году для всей Рѣчи Посполитой. При этомъ, однако, шляхта не желала допустить сенаторовъ къ участію во вновь учрежденномъ трибуналѣ, и, наконецъ, дѣло покончили на томъ, чтобы въ трибуналѣ засѣдали въ равномъ числѣ и сенаторы, и выборные судьи, и чтобы кромѣ того по дѣламъ, касающимся духовенства, принимали въ судѣ участіе особые депутаты и духовные, и свѣтскіе, тоже въ равномъ числѣ, т. е. по шести человѣкъ съ каждой стороны. По образцу польскаго трибунала, были учреждены впослѣдствіи особые трибуналы въ Литвѣ, на Руси и въ воеводствѣ Черниговскомъ, а земскія дѣла по прусской провинціи начали поступать въ коронный трибуналъ, съ правомъ аппеляціи на его рѣшеніе къ королю. Польскій или коронный трибуналъ состоялъ изъ десяти духовныхъ депутатовъ, избиравшихся церковными капитулами, и двадцати одного свѣтскаго депутата, которыхъ избирали на депутатскихъ сеймахъ. Коронный трибуналъ въ назначенное время засѣдалъ поочередно то въ Петроковѣ, то въ Люблинѣ. Предсѣдатель трибунала получалъ изъ казны Рѣчи Посполитой ежегодно жалованья 10,000 злотыхъ, а маршалокъ 20,000 злотыхъ. Въ пользу же депутатовъ назначены были поступавшія въ трибуналъ судебныя пошлины. При равенствѣ голосовъ дѣло передавалось вновь на разсмотрѣніе трибунала, личный составъ котораго измѣнялся, такъ какъ не всѣ наличные его члены обязаны были присутствовать въ каждомъ засѣданіи. Голоса собирались три раза, два раза открытою, а одинъ разъ закрытою ихъ подачею. Члены трибунала, по конституціи 1726 года, приносили по своей должности присягу дважды: разъ при вступленіи въ свои обязанности, а другой—по окончаніи исправленія ихъ Въ послѣднемъ случаѣ они присягали, что рѣшали дѣла, по крайнему ихъ разумѣнію, съ полнымъ безпристрастіемъ и не принимали никакихъ подарковъ. Депутатъ, не принесшій такой присяги и уѣхавшій изъ того мѣста, гдѣ происходили засѣданія трибунала, считался нарушителемъ присяги и на будущее время не былъ допускаемъ къ занятію какой-либо общественной должности.

Замѣчательно, между прочимъ, постановленіе конституціи 1726 года относительно вмѣшательства женщинъ въ дѣла, производившіяся въ трибуналахъ. Въ этомъ постановленіи сказано, что дамы, не имѣющія никакихъ дѣлъ, пріѣзжаютъ въ города, гдѣ происходятъ засѣданія трибуналовъ, и, поселившись тамъ, дѣлаются посредницами между сторонами черезъ мужей и депутатовъ. Въ виду этого, сеймъ возстановилъ приказъ Казимира Великаго, чтобы женщины, не имѣющія въ судахъ дѣлъ, не пріѣзжали временно въ тѣ города, гдѣ открываются судебныя засѣданія. Судъ въ трибуналахъ производился отъ имени королевскаго величества.

Однимъ изъ древнѣйшихъ учрежденій въ Польшѣ должно считать суды «подкоморскіе» или межевые. Они являются еще во времена Пястовъ, задолго до Казимира Великаго. Аппеляціонныя жалобы на эти суды приносимы были въ трибуналы. Если споръ о землѣ происходилъ между шляхтичемъ и королемъ, то въ такомъ случаѣ учреждалась особая комиссія изъ сенаторовъ и комиссаровъ. Опредѣленная судебнымъ рѣшеніемъ межа означалась насыпкою холма, подлѣ котораго приносили присягу и спорившіяся стороны, и ихъ свидѣтели. Особыми комиссіями разрѣшались также споры о межахъ между духовенствомъ и міврянами.

Весьма важное значеніе имѣли въ Польшѣ суды «гродскіе». «Гродомъ» въ Польшѣ назы-

вался королевскій замокъ съ принадлежавшими къ нему мѣстечками, селами, деревнями, угодьями и пустошами. Первоначально гродами завѣдывали каштеляны, но со временемъ короли, какъ управленіе гродами, такъ и отправленіе правосудія ввѣрили старостамъ, а потому гродскіе суды назывались также и «старостинскими». Рѣшенія ихъ постановлялись не отъ имени королевскаго, но отъ имени самого старосты; исключеніе въ этомъ случаѣ составляла только Мазовія, гдѣ старосты судили отъ имени короля. Правомъ суда старосты пользовались лишь тогда, когда староство оставалось за королемъ; если же оно было кому-либо жалуемо, или кѣмъ-либо взято въ аренду, то такое лицо, хотя и распоряжавшееся въ «гродѣ», не имѣло права суда. Суды гродскіе имѣли свои засѣданія или въ самихъ гродахъ, или въ такихъ повѣтовыхъ городахъ, гдѣ находились королевскіе замки. По особенно-важнымъ уголовнымъ и вообще спѣшнымъ дѣламъ гродскіе суды должны были собираться и не въ положенные для того сроки. Суды эти разбирали дѣла: объ изнасилованіи женщинъ, о разбоѣ, о поджогѣ, о грабежѣ и т. д. Впослѣдствіи уголовная юрисдикція «гродскихъ» судовъ была расширена, но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ запрещено было принимать къ своему разсмотрѣнію дѣла, касавшіяся имущественныхъ сдѣлокъ, такъ какъ дѣла этого рода были подвѣдомственны «земскимъ» судамъ. Гродскіе суды имѣли весьма обширное право суда. Они могли постановлять смертные приговоры, въ виду очевидныхъ доказательствъ и производимаго подъ присягою слѣдствія, а также по принесеніи присяги обвиняющею стороною, если ею выставлены были семь присяжныхъ свидѣтелей. Но такая присяга была отмѣнена конституціею 1768 года. Въ нѣкоторыхъ воеводствахъ, вмѣсто старостъ, были въ особые судьи.

Кромѣ упомянутыхъ судовъ, въ Польшѣ существовали еще суды, называвшіеся «поточными». Юрисдикціи этого суда — по примѣру суда краковскаго съ такимъ же названіемъ — подлежали пребывавшіе временно, не имѣвшіе осѣдлости въ столицѣ шляхтичи и мѣщане. Вѣдѣнію этого же суда подлежали дѣла о своевольной охотѣ въ мѣстахъ, назначенныхъ исключительно для короля. Этому же суду могли тяжущіеся, по добровольному между собой соглашенію, предоставить для рѣшенія всякое спорное дѣло. При отъѣздѣ маршалка съ королемъ изъ столицы, поточный судъ вступалъ въ его полицейскія обязанности по сохраненію тишины и спокойствія въ Варшавѣ.

Выше мы упомянули о судахъ «земскихъ». Они состояли изъ судьи, подсудка и писаря или секретаря. Суды эти были собственно шляхетскими судами; въ члены его избирали сами шляхтичи—обыватели четырехъ кандидатовъ, а король выдавалъ одному изъ нихъ свою привиллегію. Избираемые въ члены земскаго суда должны были имѣть свою осѣдлость или въ той провинціи, въ которую входило воеводство, и должны были исполнить особую присягу передъ своими избирателями. Земскіе суды три раза въ годъ открывали свои засѣданія въ опредѣленные сроки и въ назначенныхъ мѣстахъ. Суды эти дѣйствовали отъ имени королевскаго величества. Они завѣдывали всѣми дѣлами, касавшимися поземельной собственности, какъ-то: о нарушеніи состоявшихся относительно найма ея контрактовъ, о крѣпостныхъ записяхъ, завѣщаніяхъ, залогахъ и т. п. Аппеляціи на рѣшеніе земскихъ судовъ поступали въ трибуналъ. Писарь участвовалъ въ рѣшеніи дѣлъ наравнѣ съ судьею и подсудкомъ. Аппеляція на рѣшеніе земскаго суда допускалась только по такимъ дѣламъ, въ которыхъ цѣнность иска была не ниже 50 злотыхъ.

Вдобавокъ къ общимъ описаннымъ нами судамъ, въ Польшѣ существовали еще суды пограничные, военные и городскіе.

Пограничные суды были установлены въ первый разъ въ силу Андрусовскаго договора, заключеннаго между Польшею и Россіею. Первоначально они были открыты только на литовско-московской границѣ. Въ эти суды мѣстные обыватели избирали двухъ пограничныхъ судей, которые, условившись съ русскими властями о времени и мѣстѣ съѣзда, должны были сообща съ ними разбирать споры и пререканія по дѣламъ пограничнымъ и наказывать за сдѣланныя

подданными того и другаго государства преступленія, безъ всякой апеляціи со стороны обвиненныхъ. Приговоры этихъ судовъ приводились въ Рѣчи Посполитой въ исполненіе «гродскими» судами. Съѣзды пограничныхъ судей съ русскимъ начальствомъ были два раза въ годъ. По договору Польши съ Россіею въ 1768 году, были учреждены пограничные суды на новыхъ основаніяхъ. Суды новаго устройства разбирали рѣшительно всѣ дѣла, безъ различія сословій тѣхъ лицъ, которыя были къ нимъ, такъ или иначе, прикосновенны. Пограничныхъ судей сталъ назначать самъ король, и они получали жалованье изъ казны Рѣчи Посполитой; на этотъ расходъ ежегодно назначалось по 50,000 злотыхъ. Предполагалось устроить такіе суды и на границахъ Польши съ Австріей и Пруссіей. Короли нерѣдко дѣлали предложенія по этому вопросу, но сеймъ, подъ разными предлогами, отклонялъ ихъ.

Военные суды были въ Польшѣ позднѣйшимъ учрежденіемъ. Они возникли только въ 1776 году и были соединены съ военнымъ департаментомъ, подвѣдомственнымъ военной комиссіи. Суды эти рѣшали всѣ дѣла, относившіяся къ лицамъ, какъ состоявшимъ въ военной службѣ, такъ и бывшимъ въ отставкѣ. Апеляціонныя жалобы на ихъ рѣшенія приносились военному департаменту. Гражданскіе споры между обывателями и лицами военнаго вѣдомства не подлежали, однако, вѣдѣнію этихъ судовъ, но поступали на разсмотрѣніе судовъ земскихъ, гродскихъ или городскихъ, смотря по тому, къ какому разряду населенія принадлежали тяжущіеся, и затѣмъ дѣла эти могли поступать оттуда на апеляцію, на основаніи общихъ правилъ судопроизводства. Суды военные состояли исключительно изъ лицъ военнаго званія.

Суды городскіе исполняли въ отношеніи городскихъ обывателей тѣ же самыя судебныя обязанности, какія съ своей стороны исполняли суды гродскіе и земскіе по отношенію къ шляхтѣ. Они разбирали дѣла, возникавшія между горожанами, руководствуясь тѣмъ правомъ, какимъ пользовался городъ, т. е. магдебургскимъ или хелминскимъ. О правѣ этомъ мы скажемъ впослѣдствіи, когда будемъ говорить объ административной организаціи въ бывшемъ королевствѣ Польскомъ. Наконецъ, были еще суды «радейскіе» (radziejskie), состоявшіе изъ председателя и одиннадцати членовъ, называвшихся «radcy», т. е. совѣтниками. Суды эти, отправлявшіе правосудіе и по закону, и по совѣсти, имѣли, кромѣ судебной власти, еще и право назначать къ сиротамъ попечителей и опекуновъ. Если же, при разсмотрѣніи дѣлъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, открывались какіе-либо признаки уголовнаго дѣянія, то они не входили въ разбирательство такихъ дѣлъ, но препровождали ихъ въ суды «войтовскіе», которые состояли изъ «войта» и двѣнадцати «лавниковъ». Апеляціи на рѣшенія этихъ судовъ подавали въ радейскій судъ, а оттуда онѣ переходили въ судъ ассесорскій.

Кромѣ разбора дѣлъ въ установленныхъ судахъ допускались, въ силу польскаго гражданскаго права, еще и другіе способы ихъ рѣшенія. Такъ, при разрѣшеніи споровъ по дѣламъ межевымъ, отдѣленіе межеваго суда выѣзжало въ ту мѣстность, которая была предметомъ спора. Такой съѣздъ назывался «кондесценціею». По дѣламъ тяжебнымъ допускалась еще особая форма суда, такъ называемый «компромиссъ», т. е. изъявленіе желанія обѣими сторонами изъять ихъ дѣло изъ вѣдѣнія судовъ обыкновенныхъ и предоставить рѣшеніе его тѣмъ судьямъ, которыхъ изберутъ сами тяжущіеся. Суды эти назывались «полюбовчыми», и рѣшенія ихъ ни въ какомъ случаѣ не могли быть обжалованы. Если же въ этихъ судахъ мнѣнія членовъ до такой степени расходились одно съ другимъ, что ихъ невозможно было согласить, то при такомъ условіи дѣло, разсмотрѣнное въ полюбовномъ судѣ, шло на окончательное рѣшеніе трибунала. Случалось нерѣдко, что обѣ стороны предоставляли рѣшить ихъ дѣло единогласно судьѣ, избранному ими самими. Допускалось также подавать въ суды каждой сторонѣ примирительный проектъ, такъ называемый «кондуктъ», который въ случаѣ несогласія на него другой стороны былъ принимаемъ въ соображеніе при рѣшеніи спорнаго дѣла.

Адвокатура была искони принадлежностію судовъ въ Польшѣ. Тамошніе адвокаты назывались отъ латинскаго слова «pater»—патронами, а наиболѣе извѣстнымъ изъ нихъ присвои-

валось, въ видѣ особеннаго почета, названіе «меценатовъ» (maecenas). Оба эти слова употреблялись въ общемъ смыслѣ для означенія покровители. Уже «Статутъ Вислицкій» допустилъ участіе «патроновъ» въ судахъ, въ качествѣ защитниковъ обвиняемыхъ и повѣренныхъ тяжущихся сторонъ. При Янѣ-Ольбрехтѣ патроны имѣли званіе доктора правъ. При Сигизмундѣ I извѣстные ученые и знатные шляхтичи гордились званіемъ патрона Во время Ягеллоновичей патронами въ трибуналахъ и въ земскихъ судахъ могли быть только шляхтичи. Во всѣхъ же другихъ судахъ, въ качествѣ патроновъ, имѣли право являться и простолюдины. Лица военнаго званія, собственно въ коронѣ, не могли быть патронами. Желавшій быть патрономъ долженствовалъ принести особую присягу. Число патроновъ было различно въ томъ или другомъ судѣ. Такъ, въ трибуналѣ число ихъ не могло превышать тридцати человѣкъ, въ ассесорскомъ — не болѣе двѣнадцати, въ военномъ департаментѣ — шестнадцати.

Хотя въ прежнее время званіе патрона, называвшагося иногда и прокураторомъ, пользовалось, какъ мы замѣтили, чрезвычайно-большимъ почетомъ, но постепенно оно стало утрачивать свое важное значеніе. Въ корпорацію патроновъ стали поступать преимущественно неимущіе шляхтичи и бѣдные простолюдины, хлопотавшіе всего болѣе изъ-за денегъ, а потому не всегда добросовѣстно поступавшіе въ отношеніи своихъ кліентовъ или, такъ называемыхъ «паціентовъ». По поводу этого не мало появилось въ Польшѣ направленныхъ противъ нихъ злыхъ сатиръ. Тогда и установилась разница между патрономъ и «меценатомъ». Это послѣднее названіе давали только богатымъ адвокатамъ, которые являлись въ судъ не ради денежной наживы, но только изъ желанія помочь бѣднымъ и обиженнымъ, не имѣвшимъ возможности хорошо заплатить способному и дѣловому защитнику. Предпочтительно же названіе меценатовъ давали такимъ адвокатамъ, которые вели защиту въ высшихъ инстанціяхъ, рѣшавшихъ дѣла безапелляціонно. Въ этихъ судахъ адвокатъ не велъ уже защиты устно, но долженъ былъ изложить свои доводы на бумагѣ и прочитать ихъ въ засѣданіи суда, что, конечно, требовало большей обдуманности и болѣе точнаго знанія закона, а также и обстоятельствъ самого дѣла, нежели словесная, очень часто пропускаемая мимо ушей защита. Замѣтимъ, что хотя, какъ мы сказали, патрономъ не могъ быть военный, но тѣмъ не менѣе патрону нужно было умѣть хорошо владѣть саблею, такъ какъ нерѣдко, послѣ защиты въ судѣ, ему приходилось отбиваться отъ нападеній со стороны его противниковъ, проигравшихъ, по его милости, свое дѣло.

По учрежденіи герцогства Варшавскаго, прежняя польская адвокатура была устроена на новыхъ основаніяхъ. Тамъ установлены были четыре разряда повѣренныхъ: «obroncy» — собственно защитники при мировыхъ судахъ; патроны — при трибуналѣ; адвокаты — при апелляціонномъ судѣ; и меценаты — при высшихъ судахъ, а впослѣдствіи и при сенатѣ. Меценатъ, впрочемъ, имѣлъ право ходатайствовать и защищать во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ. Такое устройство измѣнилось нѣсколько при обращеніи герцогства Варшавскаго въ царство Польское, и затѣмъ, при введеніи тамъ въ дѣйствіе «Судебныхъ Уставовъ 1864 года», адвокатура была организована на началахъ этихъ «Уставовъ».

Принадлежностію уголовнаго судопроизводства въ старинной Польшѣ была такъ называемая «инквизиція», но эта инквизиція не имѣла ни малѣйшаго сходства ни съ духовною, ни съ политическою инквизиціею, существовавшею во многихъ западно-католическихъ странахъ. Въ Польшѣ инквизиціею называлось собственно слѣдствіе, предшествующее обвиненію. Слѣдствіе, какъ и всюду, состояло въ удостовѣреніи самого факта преступленія, развѣдкѣ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ было совершено дѣяніе, вызывающее судебное преслѣдованіе, и записываніи показаній какъ самого обвиненнаго, такъ и свидѣтелей — за и противъ него. Впрочемъ, польскіе суды назначали слѣдствіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны для подтвержденія обвиненія, или оправданія не представляли ясныхъ доказательствъ. Слѣдствіе производилось обыкновенно двумя лицами, и только въ крайнихъ случаяхъ оно могло быть

произведено единолично. Слѣдователь, передъ началомъ своихъ дѣйствій, обязанъ былъ принести особую присягу. Неправильное или недостаточное слѣдствіе могло быть произведено вторично. Результаты слѣдствія слѣдователь обязанъ быль хранить въ тайнѣ. По дѣламъ чрезвычайной важности король могъ прямо отъ себя поручить тремъ своимъ чиновникамъ произвести слѣдствіе. Такое же право предоставлено было и трибуналамъ.

Сообразно съ понятіями прежнихъ вѣковъ, и польское законодательство при допросахъ обвиняемыхъ допускало пытки, позаимствовавъ ихъ отъ нѣмцевъ. Въ польской юридической терминологіи онѣ назывались «конфессатами». Въ теченіе трехъ столѣтій онѣ были въ Польшѣ главною принадлежностію судебнаго слѣдствія. Самыми употребительными видами пытокъ тамъ были: вытягиваніе членовъ у повѣшеннаго за поясъ человѣка, прикрѣпленіемъ тяжестей къ рукамъ и ногамъ; сдавливаніе и завинчиваніе пальцевъ; притягиваніе ремнями къ лѣстницѣ и затѣмъ растягиваніе членовъ веревками; забивка острыхъ спицъ подъ ногти и капаніе на тѣло кипящей смолы или растопленнаго олова. Человѣкъ, хотя и безвинно подвергнутый пыткѣ, считался уже опозореннымъ на всю жизнь. Оправданному послѣ пытки человѣку доносчикъ долженъ былъ заплатить вознагражденіе за понесенныя имъ муки. На пыткѣ позволялось держать допрашиваемаго не долѣе, какъ въ теченіе одного часа, но за то пытку можно было повторять три раза въ день. При пыткѣ находился всегда членъ суда, который записывалъ показанія пытаемаго и составлялъ протоколъ о производствѣ пытки. Пытка была отмѣнена въ Польшѣ въ 1776 году.

Представителями нынѣшняго прокурорскаго надзора — но не съ тѣми разнообразными обязанностями, какіе нынѣ присвоены этому надзору во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ — были такъ называемые «инстигаторы». Въ первый разъ объ инстигаторахъ упоминается въ царствованіе Сигизмунда-Августа, подъ 1565 годомъ. Главною обязанностью инстигатора было обвиненіе въ политическихъ преступленіяхъ, какъ-то: въ измѣнѣ Рѣчи-Посполитой и въ оскорбленіи королевскаго величества; по дѣламъ этого рода инстигаторъ долженъ былъ, однако, предварительно совѣщаться съ великимъ маршалкомъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ надзоръ за имѣніями, назначенными на королевскій столъ и обязанъ былъ возбуждать обвиненіе противъ подскарбія, всякаго великаго сановника, старостъ, сборщиковъ податей и вообще противъ каждаго, кто такъ или иначе наноситъ ущербъ казнѣ или королевскому имуществу. Онъ могъ даже возбудить обвиненіе противъ всего шляхетскаго сословія поголовно. По конституціи 1776 года инстигаторъ получалъ въ коронѣ ежегодно жалованья по 7,000 злотыхъ; но въ Литвѣ жалованье инстигатора было ограничено 4,000 злотыхъ. По дѣламъ же частныхъ лицъ онъ имѣлъ право возбудить обвиненіе лишь тогда, когда его объ этомъ просила потерпѣвшая сторона. Въ судахъ инстигаторы засѣдали или только съ совѣщательнымъ, или же съ рѣшающимъ голосомъ, смотря по тому, принадлежалъ-ли судъ къ высшей или низшей инстанціи. Званіе инстигатора было въ большомъ почетѣ, и лицо, носившее его, причислялось къ первостепеннымъ сановникамъ королевства. Прежде всего отъ нихъ требовалось безукоризненной нравственности и безусловной честности.

Такъ называемые «трибунальные инстигаторы» были только въ родѣ нынѣшнихъ судебныхъ приставовъ, наблюдавшіе за порядкомъ въ залѣ засѣданій трибунала. На должность трибунальныхъ инстигаторовъ поступали обыкновенно лица только изъ бѣдной шляхты.

По дѣламъ, подлежащимъ суду церковному, въ Польшѣ имѣло силу общее каноническое право римско-католической церкви. Преслѣдованіе расколовъ и ереси, при содѣйствіи свѣтской власти, было возложено на духовенство, а для огражденія церкви отъ ея враговъ и оскорбителей, была введена въ Польшѣ инквизиція, далеко, впрочемъ, не достигшая ни такой силы, ни такого страшнаго значенія, какія она получила въ нѣкоторыхъ католическихъ государствахъ. Въ Польшѣ инквизиція дѣйствовала такъ слабо, что даже можно сомнѣваться, чтобы она была тамъ постояннымъ учрежденіемъ. Слѣды существованія здѣсь инквизиторовъ обна-

руживаются въ царствованіе Казимира Великаго, такъ какъ около этого времени встрѣчаются подписи жившаго въ Сѣрадзѣ «inkwisytora niegodziwosci (privitatis) въ Велунѣ». При Владиславѣ III состоялось королевское повелѣніе о томъ, чтобы инквизиторамъ во всѣхъ случаяхъ оказывали содѣйствіе, а обвиненныхъ ими — казнили. Казимиръ Ягеллончикъ въ 1454 году постановилъ, чтобы инквизиторы исправляли свои обязанности на всемъ пространствѣ королевства Польскаго, чтобы обвиняемыхъ сажали по ихъ указаніямъ подъ крѣпкую стражу, и по требованію же инквизиторовъ предавали такихъ лицъ свѣтскому суду. При Сигизмундѣ I по приказанію инквизитора, монаха доминиканскаго ордена Николая, свѣтская власть сожгла одного еврея въ Краковѣ на рыночной площади. Инквизиція въ Польшѣ была, впрочемъ, не государственнымъ, а только церковнымъ учрежденіемъ; въ 1555 году изъ вѣдѣнія ея были изъяты шляхтичи, а затѣмъ она совершенно исчезла, не оставивъ послѣ себя никакихъ ужасныхъ воспоминаній среди поляковъ.

Ознакомивъ нашихъ читателей въ общихъ чертахъ съ исторіею польскаго законодательства и судоустройства, мы должны теперь перейти къ исторіи внутренняго управленія въ старинной Польшѣ.

Въ самое отдаленное время государи польскіе имѣли надъ своими подданными неограниченную власть. Впослѣдствіи личный ихъ произволъ стали ограничивать высшіе представители церкви и сильные вельможи, но только въ 1339 году, при вступленіи на польскій престолъ королевича венгерскаго Людовика, былъ составленъ договоръ между королемъ и польскою шляхтою. Затѣмъ права шляхты были увеличены при Ягелло и его преемникахъ, изъ которыхъ Сигизмундъ I предоставилъ шляхтѣ право избирать королей. При избираемыхъ короляхъ права шляхты утвердились еще болѣе, такъ что собственно она управляла государствомъ, выражая свою волю на сеймахъ. Несмотря однако на это, король въ общей системѣ управленія королевствомъ какъ бы олицетворялъ собою первенствующее сословіе; вторымъ послѣ него былъ сенатъ, а шляхта — только третьимъ. Такъ одинъ лишь король имѣлъ право созывать своимъ универсаломъ какъ обыкновенные, такъ и чрезвычайные сеймы, постановленія или конституціи которыхъ безъ его утвержденія не могли получить надлежащей силы. Король, по понятію поляковъ, считался никогда не умирающимъ, и въ силу этого воззрѣнія тамъ установился обычай хоронить умершаго короля только тогда, когда ему былъ уже избранъ преемникъ. Честь королю отдавали поклономъ, и въ прежнее время никогда шляхтичъ не становился передъ нимъ на колѣна. Только однажды былъ такой случай, а именно, когда члены сейма просили короля Сигизмунда-Августа, чтобы онъ расторгъ свой бракъ съ Варварою Радзивиллъ. Но впослѣдствіи преклонять колѣна передъ государемъ вошло у поляковъ въ обычай, по этикету, установившемуся въ западно-европейскихъ государствахъ. Полный королевскій титулъ постепенно расширялся, и Станиславъ-Августъ Понятовскій именовался уже такъ: «король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, жмудскій, кіевскій, волынскій, подольскій, инфляндскій, смоленскій, сѣверскій и черниговскій». По конституціи 3-го мая 1791 года предполагалось утвердить въ Польшѣ наслѣдственную королевскую власть, и все это указывало на то, что вопреки господствующему мнѣнію королевскій санъ не только не терялъ въ Польшѣ своего прежняго обаянія, но что, напротивъ, обаяніе это усиливалось.

Слѣдующимъ послѣ короля представителемъ власти былъ въ Польшѣ сенатъ, явившійся при своемъ первоначальномъ возникновеніи чѣмъ-то въ родѣ вѣча, изъ котораго выдѣлялись

ближайшіе къ королю совѣтники — «comites» и епископы. Опредѣленное же упоминаніе о сенатѣ встрѣчается первый разъ въ сказаніяхъ Матеуша Холявы во времена Болеслава Кривоустаго, а именно Холява разсказываетъ о томъ, какъ король этотъ всталъ среди «сената» и обнялъ Петра (изъ Ксёржа) за то, что онъ взялъ въ плѣнъ князя Володаря. Послѣ того все чаще и чаще упоминается о королевскомъ совѣтѣ, состоявшемъ изъ прелатовъ и бароновъ и соотвѣтствовавшемъ сенату. По раздѣленіи Польши на княжества, каждое изъ нихъ имѣло особый совѣтъ или сенатъ. Только епископы собирались на соборы или синоды изъ всѣхъ областей раздѣленной Польши въ одно общее собраніе и допускали на свои совѣщанія князей и самыхъ знатныхъ вельможъ. Но затѣмъ, когда Польша стала вновь объединяться въ одно государство, то тотчасъ изъ прелатовъ и бароновъ образовался сенатъ, и тогда въ составъ его вошли: архіепископы, епископы, воеводы и каштеляны. Окончательно же сенатъ въ Польшѣ, какъ и вообще всѣ ея государственныя учрежденія, установились только въ половинѣ XVI столѣтія. Право назначать сенаторовъ принадлежало и королю, и сейму, который представлялъ королю на утвержденіе своихъ кандидатовъ. Никто не могъ быть сенаторомъ, если не былъ уроженцемъ Польши. Съ 1550 года сенаторомъ, хотя бы и изъ духовныхъ лицъ, могъ быть только природный шляхтичъ, а съ 1773 года, вдобавокъ къ этому, непремѣнно и католикомъ. Сенаторы приносили присягу въ томъ, что будутъ постановлять справедливые приговоры, хранить государственныя тайны, и станутъ вѣрою и правдою служить королю и Рѣчи-Посполитой.

Число сенаторовъ въ Польшѣ не всегда было одинаково. Съ 1529 года въ составъ его вошли члены отъ Мазовіи, а при Сигизмундѣ-Августѣ — изъ Подлѣсья, Волыни, Кіевской области, Литвы и Пруссовъ. Стефанъ Баторій увеличилъ число сенаторовъ. При Владиславѣ IV званіе сенаторовъ было предоставлено епископу смоленскому, а также воеводѣ и каштеляну черниговскому. Въ 1658 году казакамъ было обѣщано, что митрополитъ кіевскій греческаго обряда и пять епископовъ православной церкви будутъ допущены въ сенатъ, но обѣщаніе это впослѣдствіи не было исполнено.

При королѣ Сигизмундѣ III число сенаторовъ было слѣдующее: архіепископовъ 2, епископовъ 15, воеводъ и равныхъ съ ними по званію лицъ 37, въ томъ числѣ три каштеляна и одинъ староста, каштеляновъ вообще 82, министровъ 10, всего же — 146 сенаторовъ.

Опредѣленія свои сенатъ постановлялъ или на сеймахъ, или же и помимо сеймовъ, какъ въ общихъ, такъ и въ частныхъ своихъ собраніяхъ. Еще въ 1453 году положено было, чтобы при королѣ постоянно находилось четыре сенатора, которые и назывались «резидентами». Постановленіе это было подтверждено въ 1573 году, при чемъ въ званіи сенаторовъ при королѣ должны были состоять: архіепископъ или епископъ, одинъ изъ воеводъ и два каштеляна. На сеймахъ сенаторы имѣли право «veto»; но замѣчательно, что только два изъ нихъ во все время существованія сената воспользовались этимъ правомъ. Не было также ни одного случая, чтобы сенаторъ «сорвалъ» сеймъ, потому что, какъ говорили поляки, «послѣ такого поступка ему пришлось бы удирать отъ сабель и палокъ». Безъ позволенія сейма сенаторы не могли выѣзжать изъ отечества, и только во время царствованія королей изъ саксонскаго дома поѣздка въ Саксонію не считалась выѣздомъ за границу.

Съ 1466 года магистръ тевтонскаго ордена, подчиненнаго Польшѣ, считался, по особо предоставленному ему на сеймѣ праву, первымъ польскимъ сенаторомъ, хотя никто изъ магистровъ никогда не засѣдалъ въ сенатѣ. Когда Альбрехтъ Бранденбургскій, одинъ изъ магистровъ упомянутаго ордена, былъ сдѣланъ наслѣдственнымъ герцогомъ прусскимъ, то и ему король Сигизмундъ I, предоставилъ первое мѣсто въ сенатѣ, но потомъ право это было у него отнято, въ виду того, что онъ, какъ сильное лицо, не могъ имѣть особаго вліянія на выборы короля. Существенное значеніе сената, какъ высшей государственной власти, заключалось въ слѣдующемъ: безъ приложенія канцлеромъ государственной печати королевскій декретъ не

имѣлъ никакой обязательной силы, а между тѣмъ, сенатъ имѣлъ право привлечь канцлера къ отвѣтственности за приложеніе имъ печати къ такимъ актамъ, которые представляли нарушеніе законовъ, или были направлены въ ущербъ сословнымъ или сеймовымъ правамъ. Такимъ образомъ, при полной неприкосновенности особы самого короля, но при установленной отвѣтственности канцлера передъ сенатомъ, власть королевская въ Польшѣ была ограничена подобно тому, какъ ограничена она въ нынѣшнихъ конституціонныхъ государствахъ, путемъ отвѣтственности министровъ передъ палатами.

Важнѣйшимъ проявленіемъ государственной жизни въ старинной Польшѣ были, конечно, сеймы, выродившіеся постепенно изъ древней славянской самобытной жизни — «громады». Въ этомъ проявленіи государственной жизни въ Польшѣ не было рѣшительно никакихъ позаимствованій изъ государственныхъ учрежденій западно-европейскихъ народовъ, но было только самостоятельное развитіе коренной славянщины. Сеймы въ сущности были ничто иное, какъ тѣ же самыя вѣча, какія были у насъ въ Новгородѣ-Великомъ, Ростовѣ, Владимірѣ-на-Клязьмѣ и другихъ исконныхъ русскихъ городахъ, гдѣ нѣкогда вполнѣ установилось народоправство, или гдѣ проявлялись слѣды его существованія, болѣе или менѣе уже подавленнаго личною властью князя. Такими вѣчами или общими сеймами — ym watny colloquia generalia — были сеймы въ Вислицѣ при Казимирѣ Великомъ и въ Нѣшавѣ при Казимирѣ Ягеллончикѣ. Въ 1507 году на сеймѣ коронаціонномъ было объявлено, что король будетъ пересматривать записи королевскихъ имѣній, и что тѣ, которые будутъ недовольны рѣшеніями по этому дѣлу, будутъ имѣть право обратиться съ жалобами къ общему сейму, такъ что въ этомъ случаѣ власть сейма была поставлена выше власти королевской. Въ 1510 году въ Великой Польшѣ были учреждены срочные частные съѣзды или «сеймики», а въ 1520 году въ первый разъ упоминается въ письменныхъ памятникахъ о «земскихъ послахъ», т. е., представителяхъ на сеймѣ, избранныхъ тѣми областями или воеводствами, которыя входили въ составъ королевства Польскаго.

Вступая на польскій престолъ, Сигизмундъ-Августъ объявилъ: «дабы дѣла общественныя шли въ надлежащемъ порядкѣ, мы будемъ созывать и общіе, и повѣтовые сеймы въ сроки, опредѣленные для того Статутомъ». Спустя двѣнадцать лѣтъ, сеймы установились въ окончательной формѣ, что и было выражено въ актѣ, утвердившемъ соединеніе Литвы съ Польшею. Въ актѣ этомъ упоминается объ общихъ для обоихъ народовъ сеймахъ. Самымъ главнымъ изъ числа такихъ сеймовъ былъ упомянутый сеймъ. Онъ состоялся въ 1569 году въ Люблинѣ, и на немъ были утверждены правила относительно короннаго совѣта (rady koronnej) или сената, при чемъ общіе сеймы были признаны первенствующимъ государственнымъ учрежденіемъ, и Варшава была назначена мѣстомъ, гдѣ они должны были происходить. Въ 1573 году было постановлено, что сеймы должны собираться черезъ каждые два года, при чемъ королю было предоставлено право, сверхъ срочныхъ сеймовъ, созывать еще и чрезвычайные. Хотя при первоначальномъ возникновеніи общихъ сеймовъ мѣстомъ собранія ихъ и была назначена Варшава, но съ 1673 года было постановлено, что два сейма сряду должны происходить въ Варшавѣ, а третій, слѣдующій послѣ нихъ — въ Гроднѣ. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что въ чрезвычайныхъ случаяхъ сеймы собирались и въ другихъ городахъ Литвы и Польши, какъ-то: въ Торуни, Краковѣ, Брестъ-Литовсквѣ и Люблинѣ. Представители сейма пользовались особеннымъ покровительствомъ и исключительною защитою закона; когда въ 1710 году одинъ изъ польскихъ генераловъ ранилъ какого то сеймоваго посла, то былъ за это приговоренъ къ смерти и разстрѣлянъ. Такой же казни въ 1738 году, за своеволіе на сеймѣ, подверглись жолнеры, составлявшіе при сеймѣ почетный караулъ. Въ огражденіе чести и безопасности сейма установился обычай, чтобы сеймъ не прекращалъ своихъ засѣданій до тѣхъ поръ, пока не будетъ наказанъ оскорбитель или всего сейма, или въ частности одного изъ членовъ его.

Сеймы открывались по отслуженіи молебствія съ большею торжественностью. На сеймѣ каштеляны засѣдали на лавкахъ, и только сенаторы имѣли кресла. Передъ открытіемъ сейма маршалокъ и члены сейма являлись къ королю для цѣлованія его руки, а потомъ король назначалъ въ раздачу староства и разныя коронныя имѣнія магнатамъ и шляхтѣ. Раздача эта дѣлалась по представленію пословъ отъ воеводствъ. Удостовѣреніе такихъ представленій, равно какъ и раздача «вакансовъ» непосредственно самимъ королемъ не были для него обязательны, и онъ могъ оставить тѣ и другія имѣнія нерозданными до слѣдующаго сейма. Впрочемъ, большею частью и сами послы ограничивались только почтительнымъ напоминаніемъ королю объ открывшихся въ воеводствѣ «вакансахъ», не указывая отъ себя на тѣхъ лицъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы отдать то или другое имѣніе за оказанныя этими лицами особыя заслуги.

Тѣ послы, которые имѣли званіе сенаторовъ, говорили на сеймѣ, сидя въ креслахъ, а всѣ прочіе — стоя и обратясь лицомъ къ королевскому трону. Каждый посолъ имѣлъ право сдѣлать на сеймѣ предложеніе и возбудить вопросъ словесно, не излагая предварительно ничего на бумагѣ, и такой порядокъ былъ главною причиной пререканій и споровъ на сеймѣ, а также и причиною ихъ продолжительности, такъ какъ предложенія и вопросы, дѣлаемые на сеймѣ, захватывали членовъ его врасплохъ, и не мало требовалось времени только для того, чтобы хорошенько разъяснить требованія оратора и познакомиться съ обстоятельствами разсматриваемаго дѣла. Если послѣ троекратнаго вопроса со стороны маршалка: «согласенъ-ли сеймъ съ мнѣніемъ посла?» — слѣдовало молчаніе, то оно признавалось согласіемъ, и принятое такимъ образомъ предложеніе считалось утвержденнымъ со стороны всего сейма.

Предложенія относительно законодательства могли вносить тѣ лица, которыя не состояли послами, при томъ только условіи, чтобы такія предложенія были предварительно разсмотрѣны на сеймикахъ. Но главнымъ образомъ такія предложенія дѣлалъ самъ король. Когда совѣщанія шли на сеймѣ медленно, то король черезъ сенаторовъ напоминалъ сейму объ ускореніи замедлившихся дѣлъ. Въ иныхъ случаяхъ совѣщанія сейма происходили по націямъ, т. е. поляки и литвины совѣщались особо, но и тѣ, и другіе приходили другъ къ другу въ «избу», т. е. въ палату, въ качествѣ постороннихъ слушателей. Въ то время, когда сеймъ занимался своими дѣлами, король съ сенаторами разрѣшалъ дѣла судебныя, внесенныя на разсмотрѣніе сеймоваго суда. Если послы не успѣвали окончить всѣхъ подлежавшихъ ихъ разсмотрѣнію дѣлъ на одномъ сеймѣ, то тогда прибѣгали къ такъ называемому «рецесу», т. е. отлагали нерѣшенныя дѣла до слѣдующаго сейма. По окончаніи сейма, постановленія его или «конституціи» прочитывались громогласно, въ присутствіи самого короля. Если противъ какой-либо конституціи возражалъ хоть одинъ членъ, то онъ этимъ самымъ срывалъ сеймъ. Такой произволъ со стороны пословъ установился только со времени Яна-Казимира.

Кромѣ такихъ законодательныхъ или конституціонныхъ сеймовъ, существовали въ Польшѣ еще и избирательные сеймы для выбора королей; сеймы конфедераціонные, состоявшіе изъ членовъ, противодѣйствовавшихъ королю, или постановленіямъ собраннаго имъ сейма; сеймы «конвокаціонные», составлявшіеся послѣ смерти короля какою-либо партіею для подготовки избранія на престолъ намѣченнаго ею кандидата; сеймы коронаціонные, открывавшіеся на другой день послѣ коронованія короля и продолжавшіеся двѣ недѣли. Въ этихъ послѣднихъ сеймахъ участвовали не только послы отъ земель или воеводствъ, но и отъ городовъ, т. е. и не шляхтичи. Сеймы эти созывались для утвержденія тѣхъ распоряженій, которыя состоялись со времени кончины прежняго государя до избранія новаго.

Кромѣ общихъ или, такъ сказать, государственныхъ сеймовъ сперва для одной только Польши, а потомъ и общихъ какъ для нея, такъ и для соединенной съ нею Литвы, въ обѣихъ этихъ частяхъ Рѣчи Посполитой, были еще мѣстные сеймы или вѣча (colloquia). Они происходили за шесть недѣль передъ открытіемъ общаго для обоихъ государствъ сейма. На

этихъ мѣстныхъ сеймахъ избирались послы, предназначаемые для поѣздки на общій сеймъ и получавшіе при этомъ инструкціи отъ своихъ избирателей. Какъ избраннымъ, такъ и избирателемъ могъ быть только «поссесіонатъ», т. е. лицо, владѣвшее поземельною собственностью. Когда «liberum veto» установилось на общемъ сеймѣ, то въ подражаніе этому и мѣстные сеймы или — какъ ихъ обыкновенно называли — сеймики завели у себя такой же обычай. Вслѣдствіе этого сеймики были часто срываемы, а потому изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ это случалось, иной разъ не являлись послы и на общій сеймъ, такъ какъ они не могли быть выбраны на прекратившихся сеймикахъ. По возвращеніи съ общаго сейма, послы должны были сообщить своимъ избирателямъ обо всемъ, что тамъ происходило, должны были представить «реляцію», для выслушанія которой созывался новый сеймикъ, называвшійся «реляцыйнымъ». Наконецъ были еще сеймики: «депутатскіе» — для выбора депутатовъ въ трибуналы; хозяйственные или «экономическіе», на которыхъ обсуждались вопросы объ устройствѣ дорогъ, мостовъ, о сбереженіи лѣсовъ и т. д., и наконецъ, «элекційные» — для избранія лицъ на выборныя должности.

Послѣ паденія Польши, на нѣкоторое время исчезли и польскій сенатъ, и польскіе сеймы; но по прошествіи нѣкотораго времени, и сенатъ, и сеймы были возстановлены, но уже не съ прежнимъ значеніемъ и не въ первобытномъ видѣ. Произошло это въ 1807 году, при учрежденіи Наполеономъ I герцогства Варшавскаго, отданнаго имъ подъ власть короля саксонскаго. При учрежденіи въ герцогствѣ новаго сената, министры уже не входили въ составъ его; не было тамъ также ни маршалковъ, ни канцлеровъ, ни гетмановъ. Въ общемъ составѣ 18 сенаторовъ могли быть только: епископы, каштеляны и воеводы, по шести человѣкъ отъ каждаго изъ этихъ разрядовъ. Герцогъ, по конституціи, могъ, впрочемъ, увеличить число сенаторовъ, но не свыше 30-ти, и притомъ только временно. Въ 1809 году предѣлы герцогства были расширены, присоединеніемъ къ нему четырехъ департаментовъ, отнятыхъ Наполеономъ отъ Пруссіи, и тогда число сенаторовъ въ герцогствѣ умножилось прибавкою къ нимъ еще четырехъ каштеляновъ и четырехъ воеводъ. Въ это то время у поляковъ вошло въ обыкновеніе говорить: сенаторъ-воевода, сенаторъ-каштелянъ, но прежнія названія по мѣстностямъ, какъ напримѣръ, воевода краковскій, воевода познанскій уже исчезли. Главною обязанностью новаго сената была провѣрка выборныхъ листовъ въ депутаты на сеймъ, составляемыхъ префектами департаментовъ, на которые раздѣлено было герцогство Варшавское, по образцу французской имперіи, и затѣмъ сенатъ имѣлъ высшій судебный и полицейскій надзоръ во всемъ герцогствѣ, такъ что новый польскій сенатъ далеко не имѣлъ того высокаго положенія, какое занималъ во времена Рѣчи Посполитой.

Учрежденное въ силу Вѣнскаго трактата въ 1815 году царство или королевство Польское было собственно продолженіемъ существовавшаго герцогства. Поэтому и сенатъ новаго королевства былъ только продолженіемъ сената, учрежденнаго въ герцогствѣ. Тѣмъ не менѣе сенатъ королевства или царства представлялся болѣе важнымъ и болѣе вліятельнымъ учрежденіемъ, сравнительно со своимъ соименнымъ предшественникомъ. Въ конституціи, данной царству Польскому, число сенаторовъ опредѣлялось тѣмъ, что оно не можетъ превышать половины числа членовъ палаты, а такъ какъ въ палатѣ число пословъ или депутатовъ простиралось до 129, то наибольшее число сенаторовъ могло доходить до 64. Въ число это входили и особы императорско-королевской фамиліи, имѣвшіе званіе сенаторовъ по праву рожденія. По конституціи, они могли засѣдать и подавать свои мнѣнія въ сенатѣ, по достиженіи ими восемнадцатилѣтняго возраста. Но они не считались постоянными членами сената, и изъ всѣхъ ихъ только одинъ великій князь Михаилъ Павловичъ — да и то лишь одинъ разъ — засѣдалъ въ присутствіи сената въ 1830 году. Чрезвычайно важнымъ правомъ сената въ царствѣ Польскомъ было то, что онъ на мѣста убывающихъ воеводъ и каштеляновъ имѣлъ право представлять на утвержденіе императора-царя своихъ кандидатовъ черезъ намѣстника

царства. Представленный кандидатъ долженъ былъ имѣть не менѣе 35-ти лѣтъ отъ роду и платить по крайней мѣрѣ 2,000 злотыхъ ежегоднаго налога. Сенатъ не былъ теперь учрежденіемъ, представлявшимъ на утвержденіе государя проекты, составлявшіеся на сеймѣ; но онъ самъ имѣлъ законодательное право и потому долженъ былъ заботиться, чтобы въ составъ его входили люди знающіе и опытные. Государственный совѣтъ представлялъ сенату отчеты о положеніи дѣлъ въ царствѣ, и отъ сената зависѣло преданіе суду сенаторовъ, министровъ, начальниковъ управленій и референдаріевъ, но въ дѣлахъ этого рода онъ не имѣлъ права собственнаго почина и дѣлалъ распоряженія по этой части или вслѣдствіе непосредственныхъ указаній верховной власти, или вслѣдствіе предложеній намѣстника, или наконецъ, по жалобѣ сейма. Этотъ сенатъ, какъ и прежній, занимался повѣркою обывательскихъ правъ, а также дѣлами шляхетскихъ сеймиковъ и городскихъ общинъ. Кромѣ того, онъ разбиралъ права на почетные титулы и утверждалъ въ княжескомъ, графскомъ, баронскомъ, а также дворянскомъ достоинствахъ. Сенатъ въ царствѣ Польскомъ состоялъ по прежнему изъ епископовъ, воеводъ и каштеляновъ. Министры въ сенатѣ не присутствовали, если они не были воеводами и каштелянами. Въ 1830 году въ сенатѣ, кромѣ епископовъ, засѣдали 14 воеводъ и 35 каштеляновъ.

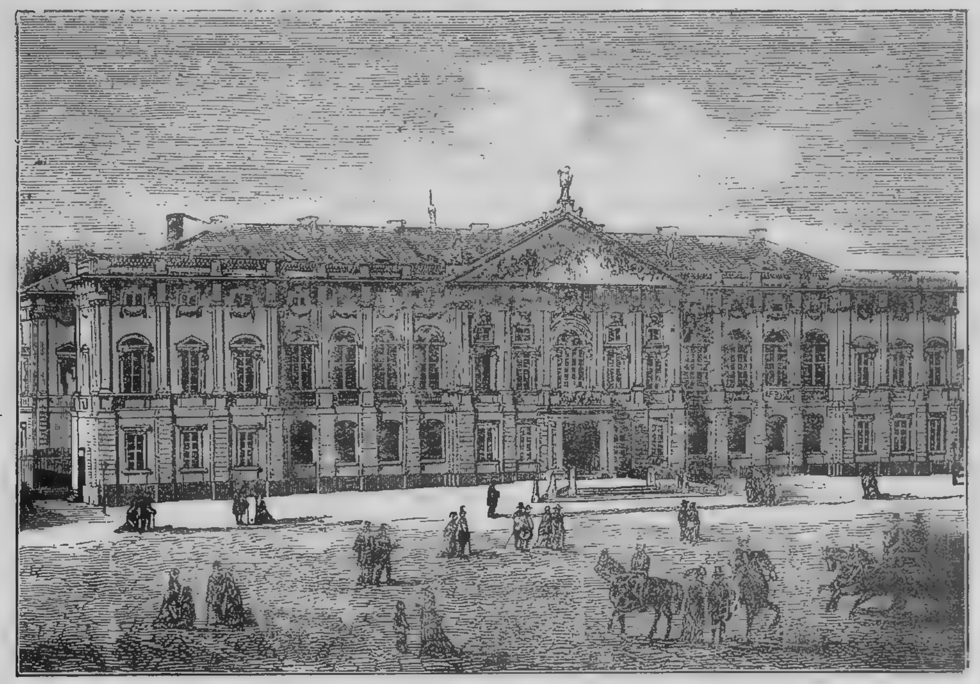
По подавленіи возстанія, 1832 года, былъ введенъ въ царство Польское, взамѣнъ прежней конституціи, такъ называемый «Органическій Статутъ», уничтожившій сенатъ въ прежнемъ его значеніи и въ личномъ его составѣ. Въ это время въ Варшавѣ былъ образованъ IX-ый департаментъ общаго для всей имперіи правительствующаго сената, и на общее его собраніе были перенесены обязанности прежняго государственнаго совѣта въ царствѣ Польскомъ. Но за тѣмъ 14 (26) марта 1861 года общее собраніе варшавскихъ департаментовъ сената и обязанности его переданы возстановленному государственному совѣту царства Польскаго.

Въ прежней Польшѣ государственнаго совѣта не существовало. Онъ былъ учрежденъ только при образованіи герцогства Варшавскаго въ 1807 году, но кругъ его обязанностей былъ опредѣленъ еще позднѣе, а именно только въ 1810 году. Въ царствѣ Польскомъ, какъ мы замѣтили выше, онъ былъ упраздненъ, но потомъ возстановленъ снова. Онъ раздѣлялся на четыре департамента: законодательный, въ которомъ разрабатывались законодательные проекты, а также разсматривались дѣла, относившіяся къ вѣдѣнію герольдіи; финансово-административный, занимавшійся всѣми вопросами по финансовой части, и судебный, входившій въ разсмотрѣніе всѣхъ поступавшихъ въ совѣтъ просьбъ и жалобъ на дѣйствія служащихъ и на нарушеніе ими законовъ, но при этомъ требовалось, чтобы предварительно каждая жалоба была разсмотрѣна въ надлежащей правительственной комиссіи. Государственный совѣтъ, въ качествѣ судебной инстанціи, разсматривалъ и тяжебныя дѣла, если онѣ касались администраціи, а также и дѣла, возникавшія по пререканіямъ съ таможеннымъ вѣдомствомъ.

Выше мы замѣтили, что польскіе сеймы, по уничтоженіи политической самостоятельности Польши, на нѣкоторое время прекратились, но что потомъ они снова были возстановлены, сперва въ герцогствѣ Варшавскомъ, а потомъ и въ царствѣ или королевствѣ Польскомъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ возстановленные сеймы далеко разнились съ тѣми, которые бывали въ прежней самостоятельной Польшѣ. Польскіе сеймы на новыхъ основаніяхъ были установлены въ силу двухъ конституцій — одной, данной 22 іюля 1807 года герцогству Варшавскому, и другой, данной 27 ноября 1815 года, царству Польскому. Несмотря, однако, на многія измѣненія, и возобновленные сеймы сохранили отпечатокъ польской старины. Какъ въ герцогствѣ, такъ и въ царствѣ, сеймы должны были собираться каждые два года. Сеймы эти, какъ и прежніе, состояли изъ двухъ палатъ или «избъ», но государь не участвовалъ лично въ засѣданіяхъ сеймовъ, но только или утверждалъ ихъ постановленія по представленію намѣстника, или, напротивъ, налагалъ на нихъ свое «veto». Починъ вносимыхъ на сеймы предложеній принадлежалъ исключительно правительству, и уже не сеймъ избиралъ, но

самъ государь, по своему усмотрѣнію, назначалъ сеймоваго маршала. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что конституція 1815 года была составлена въ болѣе либеральномъ духѣ, нежели конституція 1807 геда. Конституція царства предоставляла болѣе правъ и сенату и сейму, чѣмъ конституція герцогства, хотя власть законодательная вполнѣ была присвоена одному только государю.

Сеймъ въ герцогствѣ Варшавскомъ могъ продолжаться только 15 дней. Онъ состоялъ изъ палаты сенаторовъ, въ которой засѣдали, на равныхъ правахъ съ воеводами и каштелянами, римско-католическіе епископы. Въ палатѣ «пословъ» или депутатовъ засѣдало 60 представителей отъ повѣтовъ и 40 представителей отъ «гминъ» или общинъ. Составленный такимъ образомъ сеймъ не имѣлъ уже никакихъ политическихъ правъ. Онъ занимался только вопросами о налогахъ и обязанъ былъ доставлять правительству денежныя средства, почерпаемыя

Зданіе бывшаго сената въ Варшавѣ (Судебная Палата).

изъ этого общественнаго источника. Разрѣшено было, однако, сейму дѣлать представленія о какихъ-либо измѣненіяхъ въ законахъ гражданскихъ и уголовныхъ. Сенаторовъ назначалъ король Саксонскій, въ качествѣ владѣтельнаго герцога Варшавскаго, но новое герцогство состояло съ королевскимъ только въ династическомъ соединеніи. Въ палатѣ депутатовъ засѣдали выборныя лица. Выборы ихъ производились или на шляхетскихъ сеймикахъ, на которыхъ избирались собственно послы, или на «гминныхъ», т. е., общинныхъ сходкахъ, на которыхъ избирались депутаты; Варшава избирала 8 депутатовъ. На сеймикахъ избирателемъ могъ быть каждый шляхтичъ, достигнувшій 21-го года и пользовавшійся правами мѣстныхъ уроженцевъ. На сходкахъ правомъ голоса пользовался каждый изъ обывателей не-шляхетскаго званія, каждый владѣлецъ или хозяинъ ремесленнаго заведенія и купецъ, имѣвшій лавку, стоимость которой была не ниже 10,000 злотыхъ; всѣ плебаны, священники—викаріи, ученые,

артисты, каждый унтеръ-офицеръ или солдатъ, раненый въ сраженіи, а также и всѣ офиперы какого бы чина ни было. Лица военнаго званія не имѣли права голоса лишь въ томъ случаѣ, когда были на постоѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходила сходка. Какъ сеймики, такъ и сходки могли заниматься только выборами и не имѣли права дѣлать никакихъ другихъ постановленій или заявленій. Кажда сходка должна была состоять не менѣе, какъ изъ 600 человѣкъ, имѣвшихъ право голоса. Пословъ выбирали не на одинъ только предстоявшій сеймъ, но на извѣстное число лѣтъ.

Порядокъ веденія дѣлъ на общемъ сеймѣ былъ теперь установленъ совершенно новый вовсе несогласный съ старо-польскими шляхетскими преданіями. Собравшаяся палата пословъ избирала закрытыми голосами три комиссіи: одну по дѣламъ финансовымъ, другую по дѣламъ гражданскаго законодательства и третью по дѣламъ законодательства уголовнаго. Государственный совѣтъ, т. е., министры, составлялъ проекты и, смотря по ихъ существу, передавалъ ихъ на разсмотрѣніе въ одну изъ упомянутыхъ комиссій. Здѣсь проекты обсуждались въ присутствіи министра, который потомъ вносилъ ихъ въ государственный совѣтъ для дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Предсѣдательствовалъ въ палатѣ или на сеймѣ маршалъ, и онъ во всякое время могъ прекратить пренія, заявивъ, что обсуждаемый вопросъ уже достаточно выяснился. Если проектъ, представленный палатѣ министромъ, былъ ею принятъ, то онъ послѣ того шелъ на утвержденіе сената; если же проектъ былъ отвергнутъ ею, то оставался безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Съ своей стороны сенатъ былъ охранителемъ конституціи, такъ какъ онъ былъ организованъ по образцу сената французской имперіи, учрежденнаго Наполеономъ I. Изъ сената постановленія сейма представлялись на окончательное усмотрѣніе короля-герцога, который, въ случаѣ своего несогласія съ сенатомъ, передавалъ постановленія сейма на новое разсмотрѣніе палаты; но если и на этотъ разъ палата не соглашалась съ мнѣніемъ герцога, то онъ имѣлъ право распустить ее и назначить новые выборы пословъ и депутатовъ. Въ такомъ случаѣ, вопросы по финансовой части оставались въ такомъ положеніи, въ какомъ они находились до сейма, еще въ продолженіе одного года, а вопросы по законодательству, какъ гражданскому, такъ и уголовному, оставались безъ всякаго измѣненія. Въ случаѣ несогласія сената съ королемъ-герцогомъ, этотъ послѣдній имѣлъ право увеличить число сенаторовъ такъ, чтобы въ сенатѣ составилось требуемое число голосовъ, согласныхъ съ волею верховной власти. При неуспѣшности такой мѣры, государь имѣлъ право не только обнародовать постановленія сейма въ видѣ закона, безъ согласія сената, но могъ и прямо отъ себя издать такой законъ, который бы противорѣчилъ и постановленію сейма и мнѣнію сената. Разсужденій при дѣлаемыхъ постановленіяхъ не допускалось, и при голосованіи въ этомъ случаѣ члены сейма могли только произносить или «да», или «нѣтъ».

Поляки были недовольны данною имъ въ герцогствѣ конституціею, видя въ ней даже не простой снимокъ съ совершенно-чуждыхъ имъ французскихъ государственныхъ учрежденій, но и съ значительными сокращеніями, сравнительно съ учрежденіями, послужившими подлинникомъ. Въ особенности ихъ смущало право короля-герцога распускать палату, чего вовсе не было въ сеймовыхъ обычаяхъ старинной Польши; смущалъ ихъ также и краткій срокъ, назначенный для сейма, тогда какъ треть изъ этого короткаго промежутка времени приходилось употребить на разныя подготовленія и на исполненіе торжественныхъ обрядностей. Хотя на сеймѣ и не было явной оппозиціи герцогу и его правительству, но втайнѣ она усиливалась все болѣе, преимущественно же въ виду того, что министры сдѣлались почти полновластными распорядителями всѣхъ государственныхъ дѣлъ. Независимо отъ этого, и сеймовыя коммисіи, при участіи въ нихъ министровъ, получили на практикѣ гораздо болѣе значенія, нежели самъ сеймъ. Наконецъ, всѣ очень хорошо понимали, что истиннымъ властителемъ въ герцогствѣ Варшавскомъ былъ не податливый король саксонскій, а императоръ французовъ, и что король-герцогъ, къ которому, по отношеніямъ его семейства къ Польшѣ, перешли ста-

ропольскія преданія, хотя и желалъ бы сдѣлать многое для поляковъ, но не въ силахъ былъ предпринять что-либо въ этомъ направленіи безъ воли своего повелителя.

Подъ дѣйствіемъ конституціи 1807 г. происходили три сейма: въ 1809, 1811 и 1812 годахъ; изъ нихъ послѣдній былъ созванъ въ противность конституціи, только вслѣдствіе тѣхъ особыхъ военныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ тогда находился край. Сеймъ этотъ обратился въ конфедерацію противъ короля Саксонскаго и провозгласилъ возстановленіе королевства Польскаго, но это не имѣло никакого успѣха.

По возстановленіи королевства или царства Польскаго, присоединеннаго по вѣнскому трактату къ Россійской имперіи, польскіе сеймы хотя и сохранили главныя основы сеймовъ, установленныхъ для герцогства, но по отзывамъ самихъ поляковъ въ этомъ отношеніи послѣдовали и нѣкоторыя улучшенія въ либеральномъ духѣ. На этихъ сеймахъ, согласно старинѣ, явились три представительства: государь, сенатъ и «изба» пословъ или палата депутатовъ. Хотя государь теперь и не участвовалъ постоянно—какъ это велось прежде—въ засѣданіяхъ сеймовъ, но все же онъ лично открывалъ и закрывалъ эти засѣданія, что уже весьма замѣтно, само по себѣ, возвышало значеніе сейма. Значеніе сейму придавало еще и то обстоятельство, что великій князь Константинъ Павловичъ, имѣвшій право, какъ членъ императорской фамиліи, засѣдать въ сенатѣ, не пользовался этимъ правомъ, но принималъ «мандатъ» въ палатѣ пословъ. Хотя сеймъ собирался по прежнему разъ въ два года, но за то срокъ его засѣданій былъ увеличенъ вдвое, а именно: вмѣсто прежнихъ 15 дней, теперь засѣданія сейма продолжались 30 дней. Кромѣ того, императоръ-король могъ по конституціи еще продолжить и болѣе этотъ срокъ, а также отсрочить, распустить обыкновенный и созвать чрезвычайный сеймъ. Кромѣ того теперь представители сейма были лично ограждены такимъ важнымъ правомъ, какого не было постановлено въ конституціи герцогства, а именно: членъ сейма не могъ быть взятъ подъ стражу безъ разрѣшенія на то со стороны палаты. Дѣятельность сейма стала въ царствѣ обширнѣе, нежели была она въ герцогствѣ, такъ какъ сеймъ получилъ право заниматься вопросами объ увеличеніи или объ уменьшеніи налоговъ, о способѣ ихъ собиранія и разверсткѣ между плательщиками. Сейму предоставлено было также право разсматривать и установлять бюджетъ и опредѣлять порядокъ отбыванія воинской повинности. Наконецъ, сеймъ могъ заниматься разсмотрѣніемъ всѣхъ вообще вопросовъ, которые угодно будетъ передать государю на обсужденіе палаты, такъ что собственно по принципу сеймъ не былъ отчужденъ и отъ вопросовъ политическаго свойства. Въ финансовомъ отношеніи чрезвычайно важное значеніе имѣла для сейма та статья конституціи, въ силу которой, въ случаѣ не утвержденія сеймомъ новаго представленнаго ему бюджета, прежній бюджетъ долженъ былъ сохранять свою силу; но ни въ какомъ случаѣ онъ не могъ оставаться безъ пересмотра долѣе, какъ четыре года. Засѣданія какъ сената, такъ и палаты должны были происходить публично, но по желанію десятой части членовъ, какъ въ сенатѣ, такъ и въ палатѣ, двери залы засѣданій могли быть закрыты для публики. Каждый проектъ долженъ былъ переходить черезъ обѣ палаты. Отчетъ о положеніи дѣлъ въ царствѣ, присланный изъ государственнаго совѣта въ сенатъ, прочитывался въ соединенномъ засѣданіи палаты передъ

Древнѣйшая польская царская печать.

началомъ сейма. Въ этомъ случаѣ былъ сохраненъ обычай, установившійся во время существованія Рѣчи Посполитой. Сенатъ и палата въ отдѣльности представляли государю свои мнѣнія по поводу прочитаннаго въ нихъ отчета. Личный составъ членовъ посольской «избы» долженъ былъ обновляться каждыя шесть лѣтъ для права быть и избирателемъ и избираемымъ. Въ царствѣ Польскомъ былъ установленъ имущественный цензъ, не существовавшій въ герцогствѣ. Такъ для того, чтобы получить право быть избраннымъ въ депутаты, нужно было платить ежегодно налогу не менѣе 100 злотыхъ. Возрастъ на такое право былъ тоже измѣненъ, сравнительно съ прежнимъ. Теперь требовалось, чтобы депутатъ имѣлъ не 21 годъ, а по крайней мѣрѣ 30 лѣтъ. Этимъ имѣлось въ виду придать болѣе основательности и зрѣлости народному представительству и удалить изъ палаты проявленіе политическихъ увлеченій какъ національными порывами, такъ и вообще тогдашними либеральными теоріями. Отъ участія въ выборахъ были совершенно устранены всѣ военно-служащіе. Право голосованія на выборахъ получили профессора, учителя и всѣ лица, занимавшіеся образованіемъ юношества.

Вообще же конституціею, предоставленною царству Польскому, поляки были гораздо болѣе довольны, нежели тою конституціей, которая была дана герцогству Варшавскому. Но сущность новой конституціи была значительно ограничена добавкою, сдѣланною въ 1823 году и объявленною только въ 1825 году передъ самымъ сеймомъ. Добавка эта обращала собранія какъ сената, такъ и палаты въ засѣданія закрытыхъ комитетовъ. Хотя въ періодъ времени отъ введенія конституціи до 1832 года, въ силу ея должно было быть 8 сеймовъ, но на дѣлѣ ихъ было только пять, а именно: въ 1818, 1820, 1825 годахъ и два сейма въ 1830 году. Всѣмъ этимъ сеймамъ, вопреки конституціи, ни разу не было представлено бюджетовъ, потому что—какъ объявлялось сейму со стороны правительства—министры не успѣвали заготовлять бюджетовъ и вслѣдствіе этого, главнымъ занятіемъ всѣхъ означенныхъ сеймовъ былъ только пересмотръ кодекса Наполеона и приноровленіе этого кодекса къ потребностямъ царства Польскаго. Но и это дѣло не ладилось, потому что если на одномъ сеймѣ принимали какую нибудь поправку, то на другомъ, подъ вліяніемъ новыхъ соображеній, отвергали ее. Въ депутаты отъ общинъ избираемы были преимущественно ксендзы, а нерѣдко и епископы. Но и тѣхъ, и другихъ, по истеченіи шестилѣтія, перестали выбирать, такъ какъ избиратели не желали допускать клерикальнаго вліянія на сеймѣ, и потому сеймъ 1830 года имѣлъ уже характеръ чисто-свѣткаго собранія. Тогдашніе поляки сѣтовали между прочимъ на то, что на сеймѣ велись очень продолжительные и совершенно безполезные разговоры только изъ желанія многихъ представителей блеснуть своимъ краснорѣчіемъ, въ чемъ особенно упрекали профессоровъ варшавскаго университета. Но если на сеймы и являлись говоруны, то тѣмъ не менѣе тамъ было не мало и вполнѣ дѣловыхъ людей, основательно разсуждавшихъ о дѣлахъ, и притомъ отличавшихся политическимъ тактомъ и прозорливостью.

Намъ не разъ приходилось упоминать о воеводахъ, каштелянахъ и старостахъ, но мы тамъ говорили о нихъ собственно, какъ о лицахъ, входившихъ въ составъ высшаго государственнаго управленія. Независимо, однако, отъ такого значенія, упомянутыя лица имѣли еще и другое весьма важное значеніе въ мѣстномъ управленіи или администраціи прежней Рѣчи Посполитой. Такъ какъ мы переходимъ теперь къ очерку этого управленія, то намъ и слѣдуетъ прежде всего объяснить, въ чемъ именно заключались прямыя обязанности воеводъ, и какой кругъ дѣятельности былъ внѣ сената, какъ существовавшаго во времена Рѣчи Посполитой, такъ и послѣ ея паденія, сперва въ герцогствѣ Варшавскомъ, а потомъ и въ королевствѣ или царствѣ Польскомъ.

Воеводство въ старинной Польшѣ представляло болѣе или менѣе обширную область въ опредѣленныхъ административныхъ границахъ. Такое раздѣленіе Польши восходитъ ко временамъ еще до-христіанскимъ, такъ какъ еще въ языческую пору существовало двѣнадцать

воеводствъ. Каждое воеводство раздѣлялось на «повѣты» и «земли». Все государство польское слагалось главнымъ образомъ изъ трехъ какъ бы политически-самостоятельныхъ провинцій или трехъ народовъ Великой и Малой Польши—или такъ называемый Короны—и Литвы съ съ Русью. Къ «Коронѣ» или собственно къ королевству Польскому принадлежала Великая Польша, съ княжествомъ Мазовецкимъ, а также и Малая Польша. Къ великому княжеству Литовскому присоединялись Жмудь и Русь. Въ отношеніи церковнаго управленія каждая изъ упомянутыхъ провинцій представляла архидіэцезію, подраздѣленную на діэцезіи, такъ точно провинція представляла административную единицу, подраздѣленную на воеводства, повѣты и земли.

Каждое воеводство имѣло свой гербъ, и гербы воеводствъ были носимы при коронаціяхъ и погребеніяхъ польскихъ королей.

Въ 1807 г. при учрежденіи герцогства Варшавскаго, территорія его, по образцу тогдашней императорской Франціи, была раздѣлена на департаменты, но въ 1815 году, при возстановленіи королевства Польскаго, были снова учреждены въ его предѣлахъ воеводства. Въ 1832 году воеводства были упразднены, и царство Польское раздѣлено на губерніи, которыхъ въ 1867 году было десять, но потомъ происходили новыя распредѣленія границъ губерній, то увеличивавшее, то уменьшавшее предшествовавшее число губерній, а также и ихъ пространство.

Старинное зданіе трибунала въ Петроковѣ.

Слово воеводство—слово общеславянское, и значеніе его вполнѣ понятно каждому славянину, безъ всякихъ филологическихъ толкованій. Но толкованіе этого слова требуется, однако, для объясненія историческаго значенія воеводъ во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Такъ впослѣдствіи это слово утратило свой первоначальный основной смыслъ и стало означать не только лицо, предводительствующее войскомъ, но и такое лицо, которое получило особую силу по дѣламъ политическимъ и по дѣламъ внутренняго управленія края. Такимъ образомъ, въ Польшѣ хотя званіе воеводы и утратило свой прежній односторонній смыслъ, но за то получило еще большее значеніе, тогда какъ, напримѣръ, у насъ въ Россіи воеводы въ прошломъ столѣтіи сдѣлались незначительными административными чиновниками, были не болѣе, какъ только городничими и исправниками. Важное значеніе и обширная власть воеводы опредѣлялась въ Польшѣ слѣдующимъ изреченіемъ на латинскомъ языкѣ: «Poloniae princeps militiae et Palatinus comes». Кромѣ этого, воеводы въ Польшѣ были ближайшими совѣтниками государей. Со времени раздѣленія Польши на особыя княжества, число воеводъ тамъ увеличилось, и замѣчательно, что хотя княжества и исчезали, но воеводства, однажды учрежденныя въ нихъ, безпрерывно продолжали свое существованіе. Такимъ образомъ, воеводы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было князей, являлись старѣйшинами мѣстнаго населенія, и этимъ объясняется, почему въ Польшѣ такъ высоко ставили званіе воеводы: съ званіемъ этимъ свыкся народъ издавна и видѣлъ въ воеводахъ не только знатныхъ сановниковъ, но и какихъ-то своихъ исконныхъ первоначальниковъ. Воеводы были правители областей, поставленные отъ короны, и завѣдывали всѣми мѣстными дѣлами, на сколько шляхетская вольность и городское, весьма широкое самоуправленіе допускало, въ лицѣ начальства, вмѣшательство государственной власти въ дѣла земскія и городскія. Кромѣ того, воеводамъ преимущественно предоставлялись сенаторскія кресла. Положеніе воеводъ въ Литвѣ и на Руси значительно разнилось отъ поло-

женія воеводъ коронныхъ, но вопросъ объ этомъ не входитъ въ программу настоящей нашей статьи. Мы только замѣтимъ, что на всемъ пространствѣ Рѣчи Посполитой воеводы были главными, и можно даже сказать, единственными въ Польшѣ представителями такъ называемой нынѣ административной власти, и такое ихъ значеніе, утраченное въ герцогствѣ Варшавскомъ, было возстановлено въ царствѣ Польскомъ и сохранилось тамъ до 1832 года.

Званіе каштеляна, какъ указываетъ и самое это слово — латинское, по своему происхожденію—не было кореннымъ польскимъ званіемъ, какъ званіе воеводы. Впрочемъ, хотя оно и было позаимствовано съ Запада, но тѣмъ не менѣе было очень древнее въ Польшѣ, такъ какъ о каштелянахъ упоминается еще въ 1045 году. Они завѣдывали главными или столичными городами Польши, и нерѣдко о нихъ упоминается въ письменныхъ актахъ, какъ о лицахъ, которымъ была предоставлена и судебная власть. Въ XIII вѣкѣ всѣ главные «гроды» имѣли уже каштеляновъ. На ряду съ каштелянами стали появляться и старосты, названіе которыхъ было прямо изъ народно-польскихъ понятій, и къ которымъ начала переходить судебная власть, принадлежавшая прежде каштелянамъ. Хотя такой переходъ и не упрочился окончательно, но тѣмъ не менѣе, званіе старосты стало принижать званіе каштеляновъ, и при королѣ Людовикѣ было въ Польшѣ двадцать старостъ, пользовавшихся судебною властью, въ ущербъ каштелянамъ. Когда въ XVI столѣтіи, прежній королевскій совѣтъ преобразовался въ сенатъ, то каштеляны вошли въ составъ этого высшаго учрежденія. По сеймовой конституціи 1569 года установлено было 35 старшихъ и 49 младшихъ каштеляновъ, но въ 1775 году такое раздѣленіе каштеляновъ на два разряда было отмѣнено. Каштелянамъ не дозволено было принимать ни выборныхъ должностей, ни такихъ, которыя могли бы, по нынѣшнему устройству государственнаго управленія, считаться должностями министровъ. Такъ они не могли быть ни канцлерами, ни маршалками, ни подскарбіями. Главною обязанностію каштеляна было участвовать въ военное время въ «посполитомъ рушеньѣ», т. е. въ мѣстномъ поголовномъ ополченіи, въ качествѣ предводителя этой рати. Каштеляновъ назначалъ король, и въ обычаѣ было называть каштеляна просто «панъ», съ прибавленіемъ къ этому слову названія той мѣстности, гдѣ каштелянъ правилъ эту должность; такъ напримѣръ, говорили «панъ краковскій, панъ познанскій», подразумѣвая подъ этимъ каштеляна краковскаго и каштеляна познанскаго. Въ предѣлахъ царства Польскаго, званіе каштеляна удержалось до 1832 года, и оно тамъ постоянно пользовалось большимъ почетомъ, хотя названіе ихъ по старо-польски только панами и вывелось изъ употребленія.

Выше мы замѣтили, что старосты явились въ качествѣ судей; но, кромѣ того, они еще собирали въ предѣлахъ своего вѣдомства всѣ подати, слѣдовавшія въ королевскую казну. Такъ какъ въ прежнее время гражданская власть тѣсно была связана съ военной, то старосты имѣли и эту послѣднюю: они въ гродахъ были комендантами, тогда какъ каштеляны начальствовали внѣ укрѣпленій, въ походахъ и въ сраженіяхъ. Старосты завѣдывали также и хозяйственною частью въ королевскихъ имѣніяхъ. Они обязаны были имѣть надзоръ за лѣсами, за обработкой полей, за рыбной ловлей и должны были отвѣчать передъ королемъ за всякій убытокъ. Впослѣдствіи всѣ королевскія имѣнія были обращены въ староства. Имѣнія эти отдавались или заслуженнымъ шляхтичамъ, или королевскимъ любимцамъ, и лица, владѣвшія ими временно, пользовались званіемъ старостъ. При Станиславѣ-Августѣ Понятовскомъ староства были отмѣнены, и потому званіе старостъ рѣдко встрѣчалось уже и въ герцогствѣ Варшавскомъ, а въ царствѣ Польскомъ оно уже вовсе не существовало, такъ какъ къ этому времени прежніе старосты, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, вымерли.

Послѣ отмѣны конституціоннаго управленія въ царствѣ Польскомъ, администрація его представилась въ слѣдующемъ видѣ.

Во главѣ управленія царствомъ стоялъ императорско-царскій намѣстникъ, которому было ввѣрено попеченіе о всемъ краѣ, и которому были подчинены всѣ мѣстныя власти, какъ

военныя, такъ и гражданскія. При намѣстникахъ было двѣ канцеляріи: собственная и дипломатическая, черезъ послѣднюю велись сношенія съ правительствомъ сосѣднихъ государствъ, а также съ посольствами и консульствами. Доклады по дѣламъ царства Польскаго восходили до государя, черезъ статсъ-секретаря царства Польскаго, жившаго въ Петербургѣ. Кромѣ того, при государственномъ совѣтѣ состоялъ особый комитетъ по дѣламъ царства Польскаго. По указу отъ 19-го февраля (2-го марта) 1864 года, въ царствѣ Польскомъ былъ образованъ учредительный комитетъ, для введенія въ дѣйствіе изданнаго того же года «Положенія» объ устройствѣ быта крестьянъ въ царствѣ Польскомъ.

Далѣе къ центральнымъ правительственнымъ учрежденіямъ царства Польскаго принадлежалъ административный совѣтъ царства, состоявшій изъ главныхъ директоровъ, предсѣдательствовавшихъ въ правительственныхъ коммиссіяхъ, изъ генералъ-контролера и другихъ лицъ, назначаемыхъ высочайшею властью. Что касается правительственныхъ коммиссій, то онѣ, соотвѣтственно главнымъ отраслямъ управленія, были слѣдующія.

Правительственная коммисія для внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, подраздѣлявшаяся на нѣсколько департаментовъ или отдѣленій; коммисія народнаго просвѣщенія; правительственная коммиссія юстиціи съ прокуратурой и финансовая коммиссія. Въ видѣ особыхъ управленій, существовали въ царствѣ Польскомъ: управленіе путей сообщенія, почтовое вѣдомство, коммиссія погашенія долговъ царства Польскаго, контрольная палата, эмиритальная комиссія, польскій банкъ, управленіе императорскихъ дворцовъ и администрація княжества Ловичскаго.

Въ 1832 году, взамѣнъ прежнихъ воеводствъ, были открыты губерніи, согласно съ «Учрежденіемъ о губерніяхъ», дѣйствовавшимъ въ ту пору въ имперіи. Губерніи были раздѣлены на уѣзды, которые, однако, были подвѣдомственны не выборнымъ исправникамъ, а «начальникамъ уѣздовъ». Въ значительныхъ городахъ были учреждены магистраты подъ предсѣдательствомъ бургомистровъ, а въ самыхъ значительныхъ учрежденія эти состояли подъ предсѣдательствомъ президентовъ. Лицамъ этимъ было предоставлено право суда полиціи исправительной. Сельскія гмины или общины были поставлены подъ ближайшій надзоръ войтовъ.

Важнѣйшая перемѣна во внутреннемъ управленіи царства Польскаго, введенная въ 1862 году, состоялась вслѣдствіе высочайшаго указа 24 мая (5 іюня) 1861 года. Въ силу этого указа, въ царствѣ Польскомъ были учреждены уѣздные и губернскіе совѣты. Уѣздные совѣты изъ состава своихъ членовъ выбирали членовъ въ присутствіе по устройству быта крестьянъ, членовъ губернскихъ совѣтовъ, въ дорожный комитетъ, а также мировыхъ судей, предсѣдателей благотворительныхъ учрежденій и членовъ рекрутскихъ присутствій. Обязанностію уѣздныхъ совѣтовъ было: помогать администраціи, принимать участіе во всемъ, что касалось благоустройства уѣзда, и содѣйствовать администраціи во всемъ, что относилось къ мѣстному управленію, а также завѣдывать правильною раскладкою податей и повинностей, «постойкой» и «подводкой». Уѣздные совѣты могли участвовать въ общемъ управленіи уѣзда, дѣлая отъ себя представленія по извѣстнымъ предметамъ администраціи. Они могли также выражать свое мнѣніе по тѣмъ вопросамъ, которые передавались на ихъ разсмотрѣніе правительственною властью.

Что касается губернскихъ совѣтовъ, то имъ предоставлены были заботы о развитіи сельскаго хозяйства, мѣстныхъ промысловъ и торговли, объ устройствѣ дорогъ и водяныхъ путей, и попеченіе надъ бѣдными, благотворительными учрежденіями и мѣстами заключенія. Этимъ же совѣтамъ предоставлено было вести дворянскія родословныя книги. Всѣ постановленія уѣздныхъ совѣтовъ по дѣламъ, подлежавшимъ ихъ вѣдомству и касавшимся вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ или иначе, другихъ уѣздовъ той же губерніи, какъ напримѣръ, направленія дорогъ, вопросы о мѣрѣ участія уѣздовъ въ какомъ-либо общеполезномъ предпріятіи и т. д., подлежали обсужденію въ губернскихъ совѣтахъ. Губернаторъ дѣлалъ съ своей стороны предложенія губернскому совѣту, а этотъ послѣдній имѣлъ право высказывать свое мнѣніе относительно поступившихъ къ нему предложеній. Взаимныя сношенія губернскихъ совѣтовъ между собою допу-

щены не были, точно такъ же, какъ и между совѣтами уѣздными и городскими. Эти послѣдніе совѣты, въ силу упомянутаго выше указа, были учреждены въ Варшавѣ и другихъ значительныхъ городахъ царства Польскаго, и имъ было дано право завѣдывать мѣстнымъ городскимъ хозяйствомъ и благотворительными учрежденіями, а также дѣлать подлежащимъ властямъ представленія о нуждахъ и пользахъ города.

Указомъ отъ 14-го (26) марта 1861 года, былъ, какъ мы уже замѣтили прежде, возстановленъ въ царствѣ Польскомъ государственный совѣтъ, первоначально учрежденный въ 1807 году, при образованіи герцогства Варшавскаго. Вѣдѣнію этого совѣта подлежали всѣ высшія отдѣльныя правительственныя учрежденія, существовавшія въ царствѣ Польскомъ. Государственный совѣтъ состоялъ изъ членовъ административнаго совѣта и изъ особыхъ членовъ, назначенныхъ къ постоянному или временному присутствованію.

По прекращеніи послѣднихъ волненій въ царствѣ Польскомъ, все управленіе въ немъ было преобразовано. Прежнія правительственныя коммисіи были упразднены, и всѣ отрасли управленія поступили подъ непосредственное вѣдѣніе надлежащихъ министерствъ въ имперіи, такъ что администрація царства слилась вполнѣ съ высшею администраціею всего государства, и нынѣ царство Польское управляется на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ управляются тѣ мѣстности имперіи, которыя состоятъ въ главномъ завѣдываніи генералъ-губернаторовъ.

Е. Карновичъ.

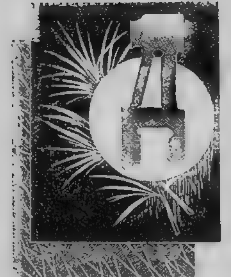
ОЧЕРКЪ VI.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Начальныя школы въ X ст.—Монахи Бенедектины.—Фарныя школы.—Вліяніе нѣмецкаго элемента въ городахъ и мѣры противъ этого.—Грамотность королей.—Грамотность въ XIII ст.—Воспитаніе женщинъ.—Образованіе духовенства.—Краковская академія, какъ разсадникъ просвѣщенія.—Академическія колоніи.—Протестантскія училища.—Религіозная борьба.—Частныя училища.—Образованіе за границею.—Каѳедральныя училища.—Новиціаты.—Іезуиты и ихъ коллегіи.—Академія въ Замостьѣ Яна Замойскаго.—Піарскія школы.—Реформы Станислава Конарскаго.—Піарскія коллегіи.—Діалоги и театръ.—Конviктъ Театиновъ.—Кадетскій корпусъ въ Варшавѣ.—Ремесленное училище.—Элементарныя школы.—Смѣшеніе языковъ.—Господство латыни.—Мода на французовъ.—Польскій языкъ преобладающій.—Изгнаніе іезуитовъ.—Эдукаціонная комиссія и ея плодотворная дѣятельность.—Училище законовѣдѣнія и администрація.—Пятнадцатилѣтнее существованіе Варшавскаго университета.—Училища.—Музыкальный институтъ.—Политехническое училище.—Школа раввиновъ.—Институтъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ.—Институтъ гувернантокъ.—Воскресныя школы.—Обсерваторія.—Р.-К. Духовная Академія.—Преобразованія училищъ.—Учебный округъ.—Юридическіе курсы.—Каѳедры законовѣдѣнія въ Петербургѣ и Москвѣ.—Мацѣевскій, Губе, Чайковскій, Спасовичъ и др.—Медико-хирургическая академія.—Маркизъ Велепольскій.—Преобразованіе училищъ.—Приготовительные курсы.—Главная школа.—Мяновскій—Плебанскій.—Противуанархическая сходка студентовъ.—Варшавскій университетъ.—Общество Любителей наукъ.—Книгохранилище и древлехранилище въ Пулавахъ.—Библіотеки.—Типографіи.—Архивы.

«Общественное образованіе было политическимъ орудіемъ въ рукахъ нашихъ съ 1831 по 1861 г., но въ 1861 г. оно же обратилось какъ политическое орудіе противъ насъ. Можемъ ли мы и должны ли мы оставаться на этой же почвѣ? Надобно себѣ рѣшительно сказать, что нѣтъ... Достаточно, если поляки будутъ учиться русскому языку, какъ необходимому для нихъ предмету общаго образованія.

НИКОЛАЙ МИЛЮТИНЪ.

Древняя Польша, принадлежала къ общей семьѣ Славянъ, составляла съ нею одно цѣлое, какъ въ отношеніи нравовъ и обычаевъ, такъ и языка. Могли существовать нѣкоторыя особенности, свойственныя тому или другому поколѣнію, но не слишкомъ рѣзкія и поддающіяся общему языческому культу, который проникалъ въ земли Лехитовъ и Хробатовъ изъ Греціи и Рима.

Нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы до Мечислава существовали какія-либо училища. Первыми наставниками въ Польшѣ являются монахи Бенедиктины. Не подлежитъ сомнѣнію, что они были въ Польшѣ уже въ X столѣтіи и занимались воспитаніемъ, конечно, въ предѣлахъ весьма ограниченныхъ. Мы видимъ ихъ въ это время въ Мендзыжечѣ. Но потомъ, при Мечиславѣ II заставили ихъ удалиться. Болеславъ Храбрый является особеннымъ покровителемъ Бенедиктиновъ. Въ 1006 г. онъ основалъ для нихъ монастырь на Лысой горѣ, нынѣ Св. Креста, въ Сандомирской губерніи, а въ 1010 г. въ Сѣцѣховѣ. Затѣмъ въ 1044 г. Казимиръ Монахъ, осно-

валъ монастырь Бенедиктиновъ въ Тынцѣ, близъ Кракова, и первый настоятель его Ааронъ учредилъ училище. Извѣстно, что Бенедиктины св. литургію и все богослуженіе совершали на славянскомъ языкѣ. Понятно, что и преподаваніе было на томъ же языкѣ. Были еще монастыри этихъ же монаховъ въ Могильнѣ, въ Плоцкѣ. Конечно это было только начало развитія училищнаго дѣла, на массы вовсе не распространявшагося. Въ 1237 г. архіепископъ гнезненскій Фульно издалъ циркуляръ предписывавшій, чтобъ при всѣхъ приходскихъ костелахъ были заведены училища. Въ XIV столѣтіи, съ самаго начала были уже школы въ Люблинѣ, Сандомирѣ, Калишѣ, Косцянѣ, Ловичѣ, въ Варшавѣ, гдѣ ректоромъ былъ нѣкто Ганко. Школы въ это время раздѣлялись на высшія при каѳедральныхъ соборахъ, въ которыхъ преимущественно приспособлялись къ духовному сану и низшія при монастыряхъ и приходскія. Во всѣхъ этихъ школахъ учили по-латыни, по-нѣмецки и немного по-польски, за исключеніемъ школъ Бенедиктиновъ, гдѣ славянскій языкъ былъ первенствующимъ.

Еще въ XIII столѣтіи многимъ городамъ даровано было «магдебургское право». Въ эти города наѣхало много нѣмцевъ съ береговъ Рейна и Эльбы. Нѣмцы, привыкшіе уже дома къ школамъ, требовали ихъ на новыхъ мѣстахъ своего поселенія. Такимъ образомъ положено начало городскимъ, такъ называемымъ «фарнымъ» школамъ, потому что основывались онѣ обыкновенно при фарныхъ костелахъ. Учителями большею частью были нѣмцы. На это обращено было вниманіе ленчицкаго синода въ 1285 г., гдѣ архіепископъ гнезненскій Іаковъ Свинка съ другими епископами издали постановленіе, которымъ предписывалось, чтобы распорядителями городскихъ школъ непремѣнно были мѣстные жители, именно поляки. Постановленіе это было неудобоисполнимо, покрайней мѣрѣ въ началѣ, такъ какъ поляки были неграмотны. Съ этого-то времени начинается преобладающее вліяніе нѣмцевъ во многихъ городахъ, отсюда проистекали многочисленныя распри, нерѣдко доходившія до кровавыхъ столкновеній. Такое положеніе продолжалось довольно долго, пока народныя массы не поглотили нѣмецкаго элемента и пока сами нѣмцы не ополячились. Въ польскихъ городахъ до сихъ поръ очень много потомковъ древнихъ нѣмецкихъ переселенцевъ. Довольно указать на фамиліи многочисленныхъ Миллеровъ (съ разными прибавленіями: Гольцъ, Крумъ, Ридъ и т. д.), Шульцевъ, Шмидтовъ, Шпоровъ, Фуксовъ, Майеровъ, Вейгелевъ, Шварцевъ, Фридлейновъ и др. Все это—давно уже истые поляки: многіе изъ нихъ не знаютъ даже по-нѣмецки.

Въ XIII и XIV столѣтіяхъ обращалось особенное вниманіе на чистописаніе, не только четкое и красивое, но даже артистическое. Въ этомъ отношеніи въ особенности достигли высокаго совершенства Бенедиктины. Въ Тынцѣ, подъ Краковомъ, гдѣ былъ первенствующій ихъ монастырь и при немъ правильно организованная школа, долгое время сохранялось множество рукописей, прекрасно написанныхъ и раскрашенныхъ золотомъ и красками. И теперь можно видѣть во всѣхъ публичныхъ библіотекахъ въ Польшѣ, въ капитульныхъ архивахъ и ризницахъ, въ монастырскихъ и частныхъ библіотекахъ много такихъ рукописей, заключающихъ св. литургіи, каноны, статуты, кодексы, грамоты, привиллегіи и т. под. Разумѣется, все это писалось по латыни, тѣмъ не менѣе есть положительныя доказательства, что уже въ XIII столѣтіи польскій языкъ былъ письменнымъ и, слѣдовательно, ему учили въ тогдашнихъ училищахъ. Сохранились костельныя пѣсни и проповѣди, писанныя по польски. Крещеніе и бракосочетаніе совершались на польскомъ языкѣ. Въ древнѣйшихъ городскихъ актахъ конца XIII и въ XIV ст. можно нерѣдко встрѣтить цѣлые періоды, писанные по польски.

Всѣ существовавшія школы были въ рукахъ духовенства, за исключеніемъ немногихъ городскихъ школъ, гдѣ были учителями нѣмцы. Всѣ лѣтописи и сохранившіеся письменные памятники составлены духовными. Просвѣщеніе не могло распространяться на массы; шляхта и богатые вельможи оставались безграмотными. Нельзя удивляться этому, такъ какъ даже не многіе изъ королей той эпохи умѣли читать и писать. Болеслава Храбраго считаютъ очень развитымъ для своего времени: дальновиднымъ, глубокомысленнымъ и, тѣмъ не менѣе, нѣтъ

положительныхъ доказательствъ, чтобы онъ былъ грамотенъ. Первымъ грамотнымъ королемъ Польши считаютъ Казимира-монаха. Со второй же половины XIII столѣтія князья изъ рода Пястовъ получаютъ уже систематическое образованіе, конечно, подъ исключительнымъ вліяніемъ духовенства.

На образованіе женщины не обращалось никакого вниманія. Уже въ XIII столѣтіи существовали въ Польшѣ женскіе ордена доминиканов, францисканов, норбертановъ и др. Эти обязаны были знать по-латыни, чтобы понимать бревіары и молитвословы. Вѣроятно, они учили княженъ и дочерей вельможъ, воеводъ, кастеланов, гетмановъ и др. Извѣстенъ молитвенникъ на польскомъ языкѣ королевы Ядвиги. Но все это — только исключенія; есть несомнѣнныя доказательства (Андрей Гляберъ изъ Кобылина), что даже въ царствованіе Сигизмунда I, т. е., въ XVI ст., рѣдкая изъ женщинъ высшаго сословія умѣла читать и писать. Въ XIII и въ XIV ст. составлялись хоры изъ женщинъ и онѣ пѣли во всѣхъ костелахъ священныя пѣсни по-польски, но эти пѣсни заучивались ими наизусть.

Невольно рождается вопросъ, гдѣ же само духовенство, державшее просвѣщеніе въ своихъ рукахъ, получало образованіе? За границею и преимущественно въ Парижѣ, а затѣмъ въ Римѣ, Падуѣ, Болоньи и въ другихъ итальянскихъ городахъ. Св. Станиславъ (Щепановскій), св. Чеславъ, Кадлубекъ, Матвѣй Герба Холева, архидіаконъ Николай, Мартинъ Полякъ, епископъ Иво, архіепископъ Скотницкій — получили образованіе въ Парижѣ, или въ итальянскихъ академіяхъ.

Съ конца XIV ст. разсадникомъ просвѣщенія на всю страну является Краковъ. Здѣсь, въ 1364 г. Казиміръ Великій, въ пригородной деревнѣ Баволъ, изъ которой потомъ образовалось предмѣстье Казимиръ, основалъ высшее учебное заведеніе — Studium generale, вообще называемое Академіею. Такимъ образомъ краковская академія основана почти одновременно съ прагскою и вѣнскою. Великій король издалъ статутъ, коимъ обдуманно опредѣлены значеніе и власть новаго учрежденія, по образцамъ итальянскихъ академій въ Падуѣ, Болоньѣ и др. Въ то же время назначено было соотвѣтственное помѣщеніе и опредѣлены средства на ея содержаніе. Статутъ изданъ въ Духовъ день 1364 г.; но по другимъ источникамъ начало академіи относятъ къ 1347 г. Папа Урбанъ V подтвердилъ особымъ бреве статутъ Казимира. Городъ же Краковъ выдалъ обязательство, что со своей стороны будетъ въ точности исполнять постановленія статута.

Мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній объ академіи послѣ кончины Казимира Великаго; кажется, что во времена Людовика Венгерскаго и матери его, правительницы Венгріи и Польши, Елисаветы, извѣстной своею расточительностью и вообще при безпорядкахъ, обуревавшихъ въ то время Польшу, краковская академія была лишена средствъ содержанія и едва ли не была совсѣмъ закрыта. Извѣстно только, что Ядвига, супруга короля Владислава Ягайлы въ 1397 г. рѣшилась установить учрежденіе своего дѣда. Она исходатайствовала новое бреве отъ папы Бонифація IX, которымъ подтверждался прежній статутъ и пожертвовала собственныя драгоцѣнности на постройку зданій для академіи въ самомъ городѣ, въ улицѣ св. Анны, гдѣ они и нынѣ существуютъ. Кончина королевы въ 1399 г. не дозволила ей довершить начатаго, тѣмъ не менѣе дѣло уже было подвинуто на столько, что Ягайло, въ слѣдующемъ году, торжественно открылъ академію, назначивъ первымъ ея канцлеромъ Петра Выша, епископа краковскаго, бывшаго профессора казимировской академіи. Этотъ же Вышъ прочелъ первую лекцію въ новооткрытой академіи о каноническомъ правѣ. Статутъ, данный Ягайломъ 14 августа 1400 г., подтверждаетъ все, что уже заключалось въ статутѣ Казимира Великаго. Академія состояла изъ четырехъ факультетовъ: богословскаго, законовѣдѣнія, философіи и медицины. Въ первомъ было четыре профессора, но потомъ число ихъ увеличилось до двѣнадцати; во второмъ было сначала восемь, а потомъ только четыре; на медицинскомъ было только два, а на философскомъ лишь одинъ, но впослѣдствіи число профессоровъ значительно увеличилось.

Дальнѣйшая судьба краковской академіи не входитъ въ програму предпринятаго нами описанія, т.-е. въ предѣлахъ нынѣшняго царства польскаго. Скажемъ только, что вліяніе академіи было очень велико, хотя и не всегда благотворно; изъ академіи посылали учителей въ Варшаву, Плоцкъ и другіе города. Конечно учителя эти были воспитаны исключительно въ богословскомъ духѣ, были мало свѣдущи въ свѣтскихъ наукахъ; тѣмъ не менѣе, все же не было недостатка въ учителяхъ. Кромѣ того, академія постоянно заботилась объ увеличеніи числа школъ, послѣдствіемъ чего было то, что, какъ видно изъ ревизій костеловъ начала XVI ст., со временъ Сигизмунда I почти не было приходскаго костела, при которомъ бы не состояло школы; значитъ, грамотность распространялась довольно успѣшно. Въ приходскихъ училищахъ преподавали: молитву Господню, чтеніе, письмо, начала ариѳметики, катихизисъ, латынь; кромѣ того, учили церковному пѣнію, служенію во время литургіи и другимъ костельнымъ обрядностямъ. Въ нѣкоторыхъ городскихъ школахъ учили также и греческому языку.

Училища, состоявшія въ вѣдѣніи краковской академіи, которыхъ она снабжала учителями, бакалаврами, магистрами, а иногда и докторами философіи, назывались «академическими колоніями». Главнѣйшія изъ нихъ находились: въ Бѣлой на Подляськи, князей Радзивилловъ съ значительною библіотекою; въ Хочѣ, въ воеводствѣ Калишскомъ; въ Едлинскѣ, въ воеводствѣ Сандомирскомъ; въ Калишѣ—высшее училище; въ Ленчицѣ, въ Калишской губ.; въ Ловичѣ, въ Варшавской губ., состояла изъ трехъ классовъ; въ Новомъ мѣстѣ Корчинѣ, въ Сандомирской губ.; въ Олькушѣ, въ Кѣлецкой губ.; въ Опатовѣ, въ Радомской губ.; въ Пинчовѣ, въ Келецкой губ.; въ Піотрковѣ, нынѣ Петроковъ; въ Плоцкѣ; въ Пултускѣ, Ломжинской губ.; въ Радомѣ; въ Скѣрнѣвицахъ, въ Варшавской губ.; въ Варшавѣ; въ Влоцлавкѣ и Вольборѣ (Варшавской губ.).

Грамотность и вообще просвѣщеніе со второй половины XV ст. болѣе и болѣе распространялись въ странѣ. Есть много доказательствъ особенной заботливости въ этомъ отношеніи епископовъ, капитуловъ и вообще духовенства. Самое содержаніе школъ, уплата жалованья учителямъ, содержаніе бѣдныхъ учениковъ производились на счетъ духовенства. Главный надзоръ за школами и учителями, наблюденіе за системою преподаванія постоянно оставались въ рукахъ духовенства. Мѣстный настоятель былъ всегда начальникомъ школы, такъ что даже наказывать учениковъ никто не имѣлъ права, кромѣ приходскаго настоятеля. Надзоръ духовенства за городскими училищами значительно усилился со времени распространенія реформатскихъ ученій. Духовные пробсты обязаны были строго слѣдить, чтобы въ преподаваніе не проникала ересь, особенно тамъ, гдѣ учителемъ былъ нѣмецъ. Визитаторами училищъ были архидіаконы, представлявшіе отчеты епископамъ, послѣдніе же о мѣрахъ и средствахъ къ распространенію народнаго образованія совѣщались въ собраніи синодовъ.

Въ XVI ст. начали распространяться въ странѣ протестантскія училища: кальвинскія, лютеранскія, социніанскія, чешскихъ братьевъ; но существованіе ихъ было непродолжительно. Главною, образцовою протестантскою школою считалась находившаяся въ Пинчовѣ. Она состояла изъ четырехъ классовъ. Въ четвертомъ (т.-е. самомъ младшемъ) учили читать и писать по-польски, а также преподавали протестантскій катихизисъ. Въ третьемъ и второмъ классахъ преимущественно преподавали латинскій и греческій языки, съ переводами изъ нихъ на польскій. Въ первомъ классѣ, т.-е. старшемъ, учили риторикѣ, переводили съ польскаго на латинскій и греческій языки, преподавали логику. Кромѣ того, въ пинчовской главной школѣ преподавали нѣмецкій языкъ и ариѳметику. Учили также и музыкѣ. Еженедѣльно происходили диспуты на латинскомъ языкѣ. Въ протестантскихъ школахъ строго соблюдались нравственныя начала; не было никакого потворства дѣтямъ знатныхъ вельможъ. Ни одинъ ученикъ не могъ держать при себѣ денегъ. Вообще признано, что преподаваніе въ этихъ школахъ было лучше, болѣе приспособлено къ жизни и требованіямъ времени, нежели въ монастыряхъ католическихъ; но, къ сожалѣнію, и протестантскіе наставники заботились не столько

о томъ, чтобы приготовлять полезныхъ дѣятелей, сколько о распространеніи протестантизма. Религіозная борьба заглушала всѣ жизненныя потребности и разжигала страсти. Независимо отъ общаго преподаванія, каждое воскресенье происходили лекціи богословія и церковной обрядности, объясненіе писемъ св. Павла. По воскресеньямъ и въ другіе дни произносились тенденціозныя проповѣди, въ которыхъ брань и ругательства на католиковъ сыпались градомъ, что, конечно, волновало умы и разжигало страсти молодежи.

Кромѣ школъ содержимыхъ католическимъ духовенствомъ, а равно протестантами, уже во второй половинѣ XVI столѣтія, видимъ въ нѣкоторыхъ городахъ частныя училища, учреждаемыя зажиточными лицами, заботившимися о распространеніи просвѣщенія. Вельможи выписывали для своихъ дѣтей домашнихъ учителей изъ Германіи, но были и поляки. Сеймъ 1542 г. подчинилъ вѣдѣнію духовенства какъ частныя училища, такъ и домашнихъ наставниковъ. Но этимъ попеченіе объ образованіи не оканчивалось: заграничныя академіи и университеты, особенно же лейпцигскій, кенигсбергскій, прагскій и др., были переполнены учащимися поляками. Многіе воспитывались также въ Италіи, особенно въ Падуѣ.

Духовныхъ семинарій вовсе не было. Онѣ возникли лишь въ концѣ XVI столѣтія. Подготовляющіеся къ духовному званію учились при каѳедральныхъ училищахъ, а потомъ въ краковской академіи, нѣкоторые же—заграницею. Монашескіе же ордены содержали такъ называемые «новиціаты», въ которыхъ учили преимущественно латинскому языку и обрядности. Монахи доминиканы, славившіеся въ эту эпоху своимъ проповѣдничествомъ, отличались воспитаніемъ отъ всѣхъ другихъ; вообще же монашеское духовенство было грубо, необразованно. Число женскихъ школъ при монастыряхъ францисканoвъ, доминикановъ и др. постоянно увеличивалось. Ихъ посѣщали не только дочери дворянъ, но въ городахъ и дочери наиболѣе зажиточныхъ мѣщанъ. Тѣмъ не менѣе, въ большинствѣ образованіе женщинъ было самое поверхностное. О крестьянскомъ сословіи и говорить нечего; оно оставалось совершенно невѣжественнымъ. Были случаи, что зажиточные крестьяне, особенно же подгородные, посылали своихъ сыновей въ школы, но король Александръ I воспретилъ воспитываться крестьянамъ, разрѣшивъ, однако, изъ семейства посылать въ школу одного только сына. Повелѣніемъ этого же короля не дозволялось духовнымъ лицамъ изъ низшихъ сословій достигать званія канониковъ, т. е., членовъ капитуловъ (архимандритовъ).

Послѣ смерти Сигизмунда I, какъ извѣстно, въ царствованіе сына его, Сигизмунда-Августа не допускавшаго стѣсненія свободы совѣсти, реформатское ученіе сильно распространилось п всему краю. Много знатнѣйшихъ вельможъ перешло въ кальвинство. Другіе покровительствовали социніанскому ученію и сами принадлежали къ нему. Въ городахъ болѣе прививалось лютеранство. Школы, основанныя ими, какъ уже сказано выше, были лучше католическихъ. Духовенство католическое, епископы и самая краковская академія не въ состояніи были вести борьбу съ протестантами. Между тѣмъ въ это время, на западѣ Европы славились уже іезуиты, какъ высокимъ своимъ образованіемъ, такъ и устройствомъ школъ. Епископъ Вармійскій, кардиналъ Станиславъ Гозіусъ, присутствуя на тридентскомъ соборѣ, имѣлъ случай ближе познакомиться съ іезуитами и оцѣнить ихъ по достоинству. По его приглашенію іезуиты пріѣхали въ Вармію (1564) и здѣсь основали первую свою въ Польшѣ коллегію (1569). Всѣ прочіе епископы старались подражать кардиналу Гозіусу. Въ іезуитахъ они видѣли единственныхъ спасителей отъ поглощенія реформатскими ученіями польскаго католицизма. Исторія достаточно доказываетъ намъ, съ какимъ успѣхомъ оправдали они возложенное на нихъ довѣріе. Сигизмундъ Августъ нисколько не препятствовалъ ихъ распространенію въ Польшѣ, хотя и не оказывалъ имъ никакого особеннаго покровительства. При Баторіи іезуиты получили уже большую силу, но эта сила и вліяніе на общественныя и государственныя дѣла особенно выяснились въ царствованіе поклонника ихъ и благодѣтеля, Сигизмунда III. Послѣдствія извѣстны. Іезуиты захватили въ свои руки образованіе юношества, уничтожили протестантскія

ученія, подчинили своей власти знатнѣйшихъ вельможъ и сановниковъ и даже самихъ епископовъ.

Коллегіи іезуитовъ съ училищами распространялись очень быстро. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ, собственно въ предѣлахъ нынѣшняго царства Польскаго: въ Пултускѣ съ 1565; въ Люблинѣ съ 1582; въ Калишѣ съ 1590; въ Сандомирѣ съ 1602; въ Плоцкѣ съ 1607; въ Ломжѣ съ 1609; въ Равѣ съ 1622; въ Петроковѣ съ 1677; въ Варшавѣ съ 1668; въ Ленчицѣ съ 1750. Кромѣ того были еще школы у іезуитовъ при ихъ резиденціяхъ и миссіяхъ.

Несомнѣнно, значеніе іезуитовъ въ Польшѣ было громадное; но ихъ сила и вліяніе въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Малороссіи были еще значительнѣе. И понятно, въ Польшѣ они вели борьбу только съ высшимъ дворянствомъ, возвращая ихъ изъ протестантства въ католичество; въ Литвѣ же и тѣмъ болѣе въ Бѣлоруссіи предстояла борьба болѣе усиленная, борьба съ народомъ, съ городскими учителями, упорно отстаивавшими свою вѣру. Осуществленіе идеи о подчиненіи православныхъ римскому престолу посредствомъ выдуманной уніи, веденіе этого дѣла, руководство уніатскими епископами и духовенствомъ—открывали іезуитамъ широкое поле дѣятельности, тогда какъ въ Польшѣ собственно никакой борьбы не было. Поладивъ при сильномъ покровительствѣ Сигизмунда III съ магнатами и возвративъ ихъ въ католичество, бороться было не съ кѣмъ и некого совращать. Вотъ почему и коллегій іезуитскихъ въ самой Польшѣ было меньше, чѣмъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Вотъ почему многіе изъ обычаевъ и обрядовъ древне-славянскихъ сохранились и уцѣлѣли до сихъ поръ въ самомъ Краковѣ и другихъ мѣстахъ Польши, тогда какъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, они совершенно уничтожены, не потому, что онѣ обще-славянскія, а потому, что онѣ были православныя. Довольно вспомнить здѣсь, напр., о лампадахъ, зажигаемыхъ передъ иконами въ домахъ. Обычай этотъ существуетъ и до сихъ поръ въ Краковѣ и другихъ мѣстахъ, тогда какъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, вы ни въ одномъ уже католическомъ домѣ не встрѣтите лампады. Подобныхъ примѣровъ много. Но іезуитамъ въ Польшѣ пришлось вести тяжелую борьбу съ католическимъ же духовенствомъ, неохотно уступавшимъ имъ свои права и вліяніе. Имъ пришлось вести продолжительную борьбу съ Краковскою академіею, съ нѣкоторыми епископами. Мы видѣли, что даже въ новой столицѣ государства, въ Варшавѣ, они добились учрежденія коллегіи лишь подъ конецъ XVII столѣтія. Мало этого, Сигизмундъ III, по просьбѣ іезуитовъ, 19 января 1612 г. особенною привиллегіею познанскимъ іезуитамъ, дозволилъ имъ преобразовать существовавшую тамъ коллегію въ академію, съ двумя факультетами, философскимъ и богословскимъ и съ правомъ удостоивать ученыхъ степеней бакалавра, магистра и доктора. Краковская академія сочла себя обиженною. Такія права она считала исключительно только ей принадлежащими. Отправили депутацію къ королю, но тотъ отвергъ ея просьбу. Тогда епископъ краковскій представилъ дѣло на разсмотрѣніе сейма. Сеймъ потребовалъ, чтобы король объявилъ несостоятельною данную привилегію; но король упорствовалъ и не послушался сейма. Послѣ этого епископъ отправилъ депутата къ папѣ Павлу V съ жалобою. Папа принялъ сторону краковскаго епископа и академіи, передавъ дѣло въ конгрегацію кардиналовъ. Послѣдняя 21 октября 1613 года признала незаконнымъ существованіе академіи въ Познани, какъ нарушающее исконныя права ягеллонской академіи въ Краковѣ. На этомъ основаніи папа буллою 14 ноября того же года утвердилъ рѣшеніе конгрегаціи и велѣлъ закрыть познанскую академію. Это былъ жестокій ударъ, нанесенный королю и іезуитамъ.

Составъ іезуитскихъ коллегій, програма и система преподаванія были рутинныя, общія для всѣхъ коллегій. Этотъ вопросъ, впрочемъ, мы уже исчерпали въ III томѣ «Живописной Россіи». Замѣтимъ лишь, что съ теченіемъ времени несостоятельность преподаванія и пріемовъ, употреблявшихся іезуитами, постепенно сдѣлались очевидными для всѣхъ. Прежнее обаяніе исчезло, число противниковъ постоянно возрастало и іезуиты довольно плачевно доживали свой вѣкъ, особенно послѣ удара, который имъ нанесенъ былъ піаромъ Конарскимъ.

Мы должны упомянуть о выдающемся событіи конца XVI столѣтія, при жизни Сигизмунда III, въ то еще время, когда іезуиты были въ славѣ, значеніи и силѣ, — когда общественное мнѣніе считало ихъ лучшими педагогами въ цѣлой Европѣ. Событіе это имѣетъ высокое обще-человѣческое значеніе и доказываетъ, что во всякое время могутъ найтись люди съ высшими взглядами, опередившіе свое время,—люди, готовые жертвовать всѣмъ для общаго блага.

Мы говоримъ о великомъ гетманѣ коронномъ, другѣ и ревностнѣйшемъ слугѣ Баторія, знаменитомъ Иванѣ Замойскомъ. Онъ не признавалъ пользы обученія іезуитами, которую признавали король и все государство; онъ же, наоборотъ, признавалъ необходимымъ искать способовъ болѣе благотворнаго образованія. Замойскій не сочувствовалъ іезуитамъ, не раздѣлялъ убѣжденій Сигизмунда III и всѣхъ его придворныхъ, преклонявшихся предъ іезуитами. Зная, что осуществленіе его задушевной мысли не понравится королю, предвидя на своемъ пути тысячи преградъ, онъ однако рѣшился дать примѣръ высокаго, самоотверженнаго поступка на пользу отечества. Другого такого патріота во все царствованіе Сигизмунда III не было въ Польшѣ. Съ нимъ могли только равняться литовскіе знаменитые дѣятели Левъ Сапѣга, Христофоръ Радзивиллъ; но въ дѣлѣ просвѣщенія, по сравненіи съ Замойскимъ, даже и ихъ можно назвать отсталыми.

Замойскій въ 1593 г. основалъ академію въ своемъ Замостьѣ (Люблинской губ.) изъ трехъ факультетовъ: законовѣдѣнія, филологіи и медицины. Потомъ, въ 1648 г. былъ прибавленъ еще и богословскій факультетъ. Сигизмундъ III не утвердилъ академіи и былъ озлобленъ на Замойскаго; папа же Климентій VIII буллою 1594 г. не только одобрилъ учрежденіе этой академіи, но и даровалъ ей разныя права и преимущества, сравнявъ ее въ этомъ отношеніи съ другими академіями, и предоставилъ ей права удостоивать ученыхъ степеней доктора философіи, медицины и законовѣдѣнія. Такое подтвержденіе правъ академіи папою вполнѣ гарантировало ея существованіе. Офиціально же призналъ ее лишь король Михаилъ Корыбутъ Вишневецкій грамотою, данною въ 1669 г. Академія находилась въ Замостьѣ, городѣ принадлежавшемъ Замойскому, нынѣ въ Люблинской губерніи. Въ этой-то академіи въ первый разъ въ Польшѣ началось преподаваніе городскихъ уставовъ (ortele). Первымъ ректоромъ былъ Мельхіоръ Стефанидесъ. Профессора выписывались изъ Кракова и изъ-за границы. Сначала было десять профессоровъ, но потомъ число ихъ увеличилось, но медицинскій факультетъ все же не достигъ полнаго развитія, потому что трудно было найти способныхъ преподавателей. Янъ Замойскій обезпечилъ содержаніе академіи своими имѣніями. Семь профессоровъ получали по 230 золотыхъ, а три по 150. Для поощренія профессоровъ, въ 1600 г., онъ учредилъ при мѣстномъ соборѣ званія декана, схоластика, кустоша и четырехъ каноникоwъ, занимавшихъ въ то же время разныя кафедры въ академіи и получавшихъ по своему званію особое вознагражденіе. Наслѣдникъ Замойскаго, сынъ его, великій канцлеръ Ѳома, сдѣлалъ новыя записи, которыя потомъ постоянно возрастали. Жена великаго канцлера Ѳомы, Екатерина, рожденная княжна Острожская, пожертвовала 2,000 злотыхъ въ годъ на содержаніе духовной семинаріи при академіи. Было много приношеній отъ профессоровъ и частныхъ лицъ. Замѣчательно, что нѣкто Барковскій, докторъ медицины и профессоръ академіи, завѣщалъ ей 18,000 зол. на увеличеніе содержанія профессора священной и всеобщей исторіи. Въ академіи преподавались, кромѣ богословскихъ, слѣдующіе предметы: народное право, гражданскіе законы, каноническое право, математика, логика и метафизика, практическая философія, грамматика, риторика, поэзія и медицинскія науки. Всѣ профессора жили въ одномъ большомъ зданіи, вмѣстѣ и обѣдали. Зданія подъ помѣщеніе академіи, а равно для квартиръ профессоровъ воздвигнуты были основателемъ Яномъ и сыномъ его Ѳомою Замойскими.

Канцлеромъ академіи считался епископъ холмскій. На мѣстѣ отъ его имени дѣйствовалъ, въ качествѣ ближайшаго наблюдателя, прелатъ схоластикъ, главнымъ же начальникомъ академіи былъ ректоръ, избираемый ежегодно всѣми профессорами и пятью студентами. Кромѣ

того, ректоръ отъ себя назначалъ четырехъ профессоровъ и одного студента — совѣтниками правленія. Эти пять человѣкъ вмѣстѣ съ ректоромъ составляли академическій сенатъ, управлявшій дѣлами академіи, завися впрочемъ отъ главнаго блюстителя, какъ выше сказано, прелата-схоластика, заступавшаго мѣсто канцлера. Послѣдній однако обязанъ былъ каждые три года, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ посѣтить Замостье для ревизіи академіи и подвѣдомственныхъ ей учрежденій. Сначала былъ избираемъ одинъ деканъ на всю академію, но потомъ каждый факультетъ избиралъ себѣ особаго декана. Впрочемъ, значеніе ихъ было не велико, такъ какъ все зависѣло отъ ректора. Студенты, еще по заведенному Яномъ Замойскимъ порядку, раздѣлялись на пять національностей, именно: поляковъ, литовцевъ, русскихъ, прусско-инфляндцевъ и чужеземцевъ. Каникулы въ академіи продолжались всего три недѣли. Студентамъ строго воспрещалось носить сабли, посѣщать питейные дома, играть въ кости или карты. Разговорнымъ языкомъ между студентами былъ латинскій, или греческій. Провинившіеся подвергались денежнымъ штрафамъ, карцеру и въ важныхъ случаяхъ тѣлесному наказанію. Всѣ эти взысканія могли быть назначаемы только совѣтомъ академіи, съ утвержденія ректора. При поступленіи въ академію достаточные вносили 10 тогдашнихъ грошей, менѣе достаточные—6 грошей, бѣдные же—ничего не платили. Для послѣднихъ учреждены были двѣ бурсы, въ которыхъ они содержались на счетъ завѣщателей: въ первой—на счетъ основателя Замойскаго, во второй — на счетъ доктора философіи Лаврентія Старингеля. Кромѣ того, несостоявшіе въ бурсахъ бѣдные студенты получали стипендіи изъ особыхъ источниковъ, находившихся въ распоряженіи академіи.

При академіи, съ самаго основанія ея, находилась библіотека, постоянно увеличивавшаяся приношеніями разныхъ лицъ. Была также собственная типографія.

Во время несчастной войны въ царствованіе Іоанна Казимира, а потомъ въ шведскую войну въ началѣ XVIII столѣтія, академія много пострадала, лишившись значительной части своего имущества. Число профессоровъ уменьшилось; нѣкоторыя каѳедры были совсѣмъ незаняты. Въ 1746 епископъ Ласкарисъ, по порученію Ѳомы Замойскаго, люблинскаго воеводы и замостскаго ордината, возстановилъ прежній порядокъ въ академіи, назначилъ 16 профессоровъ, обезпечилъ ихъ содержаніе, расширилъ преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ.

Сто девяносто лѣтъ существовала эта академія, служа единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ для русскаго и другихъ сосѣднихъ воеводствъ. Въ 1774 г. австрійское правительство, которому досталось Замостье, или Замость, превратило академію въ лицей, а потомъ — совсѣмъ упразднило его.

Несостоятельность тогдашняго іезуитскаго воспитанія сознавалась весьма многими въ Польшѣ еще въ XVII столѣтіи. Сознавалъ ее и король Владиславъ IV. Онъ находилъ необходимымъ возбудить соперничество, но для этого ни одинъ изъ орденовъ не былъ на столько подготовленъ, чтобы не только превзойти, но даже сравняться съ іезуитами въ отношеніи образованія, главное же—педагогической системы. Въ это время началъ славиться въ Европѣ недавно основанный орденъ піаровъ, исключительно занимавшихся обученіемъ юношества. По собственной иниціативѣ, въ 1641 году, король обратился въ Римъ съ просьбою о высылкѣ піаровъ въ Польшу. Но въ это время бушевала тридцатилѣтняя война. Шведы взяли въ 1642 г. Оломунецъ (Ольмюцъ) и вытѣснили изъ него піаровъ. Послѣдніе прибыли въ Варшаву. Король милостиво ихъ принялъ и снабдилъ средствами для основанія училища. Оно было открыто уже послѣ смерти короля въ 1657 году. Наслѣдовавшій Владиславу IV, Іоаннъ Казимиръ, бывшій самъ іезуитомъ, конечно, не могъ сочувствовать піарамъ, какъ соперникамъ іезуитовъ. Тѣмъ не менѣе піары нашли большое сочувствіе въ вельможахъ, доставившихъ имъ средства основывать свои коллегіи и школы въ Польшѣ и Литвѣ. Въ предѣлахъ нынѣшняго царства Польскаго, кромѣ Варшавы, они основали школы въ Ломжѣ, Ловичѣ, Луковѣ, Ополѣ, Петроковѣ, Радомѣ, Хоминѣ, Варенжѣ и другихъ мѣстахъ.

Іезуиты сначала относились довольно равнодушно къ такому распространенію піарскихъ школъ; но когда школы эти стали обильно наполняться учащимися, когда многіе изъ воспитанниковъ іезуитскихъ коллегій перешли къ піарамъ, іезуиты приняли свои мѣры, чтобы парализовать такую дѣятельность. Между тѣми и другими возгорѣлась самая ожесточенная борьба, продолжавшаяся во все время ихъ существованія.

Организація піарскихъ училищъ немногимъ отличалась отъ іезуитскихъ. Онѣ имѣли иного рода превосходство—нравственное и гражданственное, какъ увидимъ ниже. Главнымъ начальникомъ каждой школы считался «провинціалъ» (главный смотритель надъ монастырями) той области, въ которой находилась школа. Провинціалы, время отъ времени посѣщая піарскія коллегіи, осматривали училище, вникая до мельчайшихъ подробностей, въ точности ли исполняются училищные уставы. Главный же начальникъ всѣхъ піаровъ, генералъ ордена, иногда поручалъ подобныя ревизіи особо командируемымъ лицамъ.

Во главѣ каждой піарской коллегіи находился ректоръ, отъ котораго зависѣла школа. Онъ назначалъ преподавателей, перемѣщалъ или удалялъ ихъ, производилъ испытанія воспитанниковъ два раза въ годъ, разрѣшалъ всякаго рода недоразумѣнія. Ближайшимъ его помощникомъ былъ префектъ (директоръ или инспекторъ). Онъ былъ руководителемъ школы — принималъ учениковъ, распредѣлялъ уроки, слѣдилъ за успѣхами учащихся, наказывалъ виновныхъ. Наблюденія его не ограничивались только классами: онъ обязанъ былъ ежемѣсячно посѣщать ихъ училища, а больныхъ — ежедневно. Учителя получали высшее образованіе въ краковской академіи и въ высшихъ піарскихъ училищахъ въ Радомѣ и Ловичѣ; нѣкоторыхъ же посылали даже въ Римъ. Каждая школа состояла изъ семи классовъ, въ которыхъ преподавали законъ Божій, языки польскій и латинскій, ариѳметику, геометрію, логику, метафизику и т. д. Обращалось особенное вниманіе не на одинъ только латинскій языкъ, но и на польскій; воспитанники знакомились съ польскою литературою, писали сочиненія не только по-латыни, но и по-польски, говорили рѣчи. Правда, были и у піаровъ, точно также, какъ у іезуитовъ напыщенные діалоги, ораціи, разныя вычурныя поздравленія, диспуты и т. п. извращенія здраваго смысла; кромѣ того, воспитанники были слишкомъ обременены богослуженіемъ; но, несмотря даже на все это, направленіе было болѣе практическое: видна была забота о подготовленіи полезныхъ гражданъ для государства. Такъ, напр., воспитанники устраивали въ своей средѣ родъ сеймовъ, на которыхъ касались вопросовъ: объ обязанностяхъ пословъ на дѣйствительныхъ сеймахъ, о необходимости увеличенія войска и средствахъ его содержанія, о вѣротерпимости, о допущеніи диссидентовъ занимать общественныя должности, объ учрежденіи военныхъ госпиталей, устройствѣ крѣпостей и многихъ другихъ подобныхъ вопросахъ. Воспитанники такимъ образомъ уже съ юныхъ лѣтъ привыкали думать и заботиться объ общественныхъ и государственныхъ нуждахъ. Самое же важное достоинство піарскихъ школъ заключалось въ томъ, что хотя онѣ отягчали молодежь излишними молебствіями, но не порождали фанатизма и ханжества, не подстрекали противъ иновѣрцевъ и евреевъ. Такое направленіе шло въ совершенный разрѣзъ съ іезуитскими коллегіями. При томъ же въ піарскихъ школахъ была видна особенная заботливость о нравственности воспитанниковъ, о внушеніи имъ любви и уваженія къ законности и порядку, такъ что почти не было примѣра, чтобы піарскіе воспитанники производили какіе либо уличные безпорядки, нападенія, безчинства, въ чемъ, какъ извѣстно, іезуитскіе студенты отличались почти ежедневно. Не мудрено поэтому, что піарскія училища были оцѣнены по достоинству и ихъ ставили выше іезуитскихъ, хотя въ отношеніи системы преподаванія они не слишкомъ превзошли послѣднихъ.

Въ піарскихъ школахъ не полагалось никакой платы за ученіе. Для дѣтей достаточныхъ родителей содержались конвикты, въ которыхъ за условленную плату они получали квартиру, столъ и все необходимое. Совершенно бѣдные, называемые «пауперами», тоже принимались въ школу; но они не были похожи на пауперовъ іезуитскихъ, отличавшихся всякими безчинствами и даже

воровствомъ, напр., говядины изъ мясныхъ лавокъ, фруктовъ и овощей изъ садовъ и т. п. Однихъ піары содержали на собственный счетъ, употребляя ихъ за то на разныя домашнія работы въ свободные отъ ученія часы. Такой пауперъ рубилъ дрова, топилъ печи, а потомъ садился на училищную скамью вмѣстѣ съ другими. Нѣкоторыхъ пауперовъ содержали на свой счетъ болѣе достаточные воспитанники, иные жили добровольными приношеніями, но всѣ учились, проходили трудную школу жизни и многіе изъ нихъ выходили въ люди.

Таково было положеніе піарскихъ училищъ до 1740 г., когда послѣдовалъ рѣзкій поворотъ къ лучшему. Преобразователемъ явился монахъ Станиславъ Конарскій. Происходя изъ древняго дворянскаго рода (отецъ его и старшій братъ были кастеланами), онъ съ юныхъ лѣтъ имѣлъ возможность присмотрѣться къ воспитательнымъ порядкамъ, существовавшимъ въ то время въ Польшѣ; потомъ, будучи уже піаромъ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Римѣ, гдѣ занималъ должность профессора краснорѣчія, посѣтилъ Францію и другія страны, гдѣ присматривался и изучалъ педагогическія начала, которыми руководствовались тамъ, въ особенности же извѣстную парижскую коллегію «de quatres nations de Plessis»,—написалъ по этому предмету нѣсколько статей и возвратился на родину со славою и зрѣлымъ планомъ кореннаго преобразованія учебно-воспитательнаго дѣла. Онъ рѣшилъ раньше всего учредить образцовое заведеніе, которое служило бы примѣромъ для всѣхъ другихъ. Но, прежде всего, необходимо было озаботиться пріисканіемъ способныхъ учителей, знакомыхъ съ новыми методами преподаванія. Съ этою цѣлію, избравъ болѣе способныхъ, онъ самъ сталъ имъ разъяснять новыя педагогическія начала и въ то же время преподавать имъ тѣ предметы, которые наиболѣе интересовали ихъ. Подготовленныхъ онъ отправлялъ заграницу или на собственный счетъ (на что родной братъ его пожертвовалъ 3,000 дукатовъ), или же въ качествѣ наставниковъ сыновей вельможъ, отправлявшихся за границу для усовершенствованія въ наукахъ. Приспособивъ все необходимое, Конарскій открылъ въ 1740 г. въ Варшавѣ «Collegium nobilium». Сначала нанято было помѣщеніе, но вскорѣ же начата постройка новаго, соотвѣтствующаго потребностямъ этого заведенія, зданія. Пожаръ истребилъ часть зданія, причемъ сгорѣла довольно обширная и хорошо организованная библіотека; но вскорѣ все было возстановлено и приведено въ порядокъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ приступилъ къ устройству коллегіи, къ постройкѣ зданія и прочимъ необходимымъ приспособленіямъ, требовавшимъ значительныхъ затратъ, почти вовсе безъ средствъ,—такъ онъ былъ увѣренъ, что его заботы встрѣтятъ сочувствіе въ населеніи и найдутся люди, которые охотно пожертвуютъ на это капиталы. Такъ и вышло. Въ самое короткое время собрана была сумма 194,660 золотыхъ. Сумму эту составили 17 человѣкъ. Въ числѣ ихъ дядя его, Янъ Тарло, воевода Сандомирскій, одинъ пожертвовалъ 104,400 золотыхъ. Кромѣ того, Дорота Тарло, вдова воеводы Люблинскаго, подарила коллегіи имѣніе Зеленки съ двумя фольварками. Суммы этой было однако не достаточно, потому что одно зданіе стоило до 300,000; но послѣдующія пожертвованія и доходы, получаемые за содержаніе воспи-

Станиславъ Конарскій.

танниковъ, дали возможность покрыть всѣ издержки. Король Августъ III снабдилъ Конарскаго привилегіею, которою подтвердилъ основаніе коллегіи и принялъ ее подъ свое попечительство, назначивъ притомъ саксонскихъ офицеровъ для подготовки воспитанниковъ коллегіи по воинской службѣ и преподаванія имъ началъ военнаго искусства. Іезуитскіе «діалоги», которые ввели у себя и піары, были совершенно изгнаны Конарскимъ. Это былъ родъ театральныхъ представленій, въ которыхъ миѳологическіе боги, нерѣдко вмѣстѣ съ христіанскими святыми и даже за одно съ Іисусомъ Христомъ, витійствовали по-латыни въ арлекинскихъ костюмахъ, высокопарно, съ двусмысленными аллегоріями, безъ всякаго поэтическаго вдохновенія, даже безъ здраваго смысла. Конарскій же, познакомившись въ Парижѣ съ настоящимъ театромъ, зналъ Корнеля, Расина и др., уничтожилъ латинскіе діалоги и ввелъ на сцену лучшихъ тогдашнихъ французскихъ писателей, для чего устроилъ особый театръ, рядомъ со зданіемъ коллегіи. Въ этомъ театрѣ играли воспитанники, со временемъ же онъ послужилъ началомъ постоянной польской сцены въ Варшавѣ.

Преобразованія Конарскаго были направлены къ тому, чтобы избавить воспитаніе отъ прежней рутинности, сдѣлать его народнымъ, такъ, чтобы оставляющій учебное заведеніе выносилъ изъ него зачатки полезнаго гражданина, любящаго свое отечество, былъ знакомъ не съ одними только латинскими классиками, но хорошо зналъ народный языкъ и литературу, былъ свѣдущъ въ законовѣдѣніи и естествознаніи. Программа преподаванія, составленная Конарскимъ была обширна и пополнялась тѣми предметами, которые вовсе не преподавались въ іезуитскихъ и прежнихъ піарскихъ коллегіяхъ. Она заключала въ себѣ основательное изученіе литературы и краснорѣчія латинскаго и польскаго языковъ; исторію польскую и всеобщую; географію; философскія науки—логику, этику, метафизику; народное законовѣдѣніе; изученіе лѣтописей, статутовъ и т. д.; политическія науки; математику съ алгеброй и геометріей; физику, естественныя науки и т. д. Для воспитанниковъ, жившихъ въ самомъ конвиктѣ при коллегіи, а равно въ піарской духовной семинаріи, обязательно было слушать особое преподаваніе языковъ французскаго и нѣмецкаго; для желающихъ преподавался греческій, еврейскій и итальянскій языки; семинаристы же обязательно должны были изучать греческій и еврейскій языки. Наконецъ, жившимъ въ конвиктѣ преподавалась военная и гражданская архитектура, а также рисованіе и черченіе.

Конарскій независимо отъ общей программы составилъ инструкціи о методѣ преподаванія, обращая особенное вниманіе на то, чтобы изложеніе было живое, удобопонятное, дѣйствующее преимущественно на развитіе умственныхъ способностей. По каждому предмету собраны были соотвѣтствующія руководства, выписанныя имъ изъ Италіи, Франціи и Германіи. Школа по системѣ Конарскаго должна была заставлять мыслить, знакомить прежде всего съ отечествомъ, съ его нуждами, чтобы каждый могъ приносить ему пользу на томъ, или другомъ поприщѣ. Инструкціи Конарскаго развивали идеи высокой нравственности, любви къ отечеству и самопожертвованія. Изъ этихъ инструкцій былъ составленъ впослѣдствіи самимъ же Конарскимъ подробный статутъ, которымъ должны были руководствоваться начальствующія лица и преподаватели въ піарскихъ училищахъ. Трудолюбіе этого человѣка было изумительно. Онъ самъ составлялъ учебники, написалъ превосходную по времени латинскую грамматику; издалъ особое сочиненіе, съ цѣлію раскрыть глаза, какъ преподавателямъ, такъ и населенію въ отношеніи того вреда, какой приносила устарѣлая и отжившая свой вѣкъ прежняя система народнаго образованія; представилъ грустныя ея послѣдствія въ искаженіи языка, испещреннаго латинскими фразами, какъ неестественны, высокопарны, вообще, вычурны рѣчи, произносимыя на сеймахъ, въ трибуналахъ, съ церковной каѳедры и т. д. Руководимый этою мыслью, Конарскій дѣйствовалъ неутомимо всевозможными путями и онъ по справедливости считается преобразователемъ не только школъ, но и языка, очищеннаго имъ, облагороженнаго.

Его система преобразованія училищъ вводилась постепенно во всѣхъ піарскихъ учили-

щахъ, сначала въ Радомѣ и Ловичѣ, а потомъ во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. Ему суждено было дожить до осуществленія своихъ задушевныхъ идей. Еще при его жизни и большею частію благодаря его личнымъ, неутомимымъ стараніямъ, почти всѣ піарскія коллегіи съ училищами снабжены были библіотеками, кабинетами и музеями естественныхъ предметовъ.

Конарскій умеръ въ 1773 г., на 73 году жизни; но съ нимъ не кончилась плодотворная дѣятельность воспитанныхъ имъ піаровъ. Ихъ школы до послѣдняго времени всегда считались лучшими.

Конарскій заставилъ и іезуитовъ хотя отъ части измѣнить свою систему; но дни ихъ были уже сочтены.

Въ 1702 г. прибыли въ Варшаву изъ Италіи монахи Театины и основали въ 1716 г. нѣчто въ родѣ конвикта, а потомъ въ 1755 г. построили собственный домъ и въ немъ открыли конвиктъ для дворянъ. Всѣ преподаватели были итальянцы, не знавшіе по-польски. Они старались во всемъ подражать піарамъ, содержали даже небольшой театръ, на которомъ играли итальянскія піесы. Театръ, конечно, никто не посѣщалъ, потому что каждому было пріятнѣе видѣть на сценѣ у піаровъ піесы богомольца и другихъ польскихъ драматурговъ, хотя ихъ еще было не много. Театины учили рисованію, музыкѣ, фехтованію, даже верховой ѣздѣ. Изъ предметовъ они превосходно преподавали математику, что заставило даже короля Станислава-Августа отдать въ ихъ конвиктъ племянника своего, Станислава Понятовскаго. Несмотря на это, они не могли соперничать съ піарскимъ конвиктомъ, надѣлали много долговъ и въ 1783 г. навсегда оставили Варшаву.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ (1764), Станиславъ-Августъ основалъ въ Варшавѣ кадетскій корпусъ на 20 кадетъ, опредѣливъ на содержаніе ихъ изъ собственнаго кабинета 200,000 злотыхъ въ годъ. Сеймъ прибавилъ къ этому 400 т., такъ что корпусъ получалъ въ годъ 600 т., но потомъ сумма эта была уменьшена. Корпусъ былъ исключительно шляхетскій: не только кадеты, но и офицера, состоящіе при корпусѣ, должны были быть изъ потомственныхъ дворянъ. Король считался капитаномъ корпуса; князь Адамъ Чарторыжскій, генералъ подольскихъ земель—поручикомъ, онъ же былъ и комендантомъ корпуса. Въ корпусѣ преподавали высшую математику, физику, всеобщую и польскую исторію, географію, литературу, политическую экономію, языки французскій и нѣмецкій, учили рисованію, фехтованію, верховой ѣздѣ, музыкѣ и, конечно, разнымъ воинскимъ ученіямъ. Корпусъ раздѣлялся на бригады, въ каждой по 20 человѣкъ. При корпусѣ была библіотека, большое собраніе географическихъ картъ, математическихъ и физическихъ инструментовъ, была даже собственная типографія. Офицера, выходившіе изъ корпуса, были люди вполнѣ образованные. Хотя онѣ не были основательно ознакомлены ни съ однимъ изъ преподаваемыхъ предметовъ, но въ общемъ были свѣдущи настолько, что, затѣмъ, сами уже могли пролагать себѣ путь къ дальнѣйшему усовершенствованію. Изданы были особые учебники собственно для воспитывающихся въ корпусѣ по части математическихъ наукъ, географіи, исторіи, нравственности, даже миѳологіи. Король самъ во все вникалъ, на все обращалъ вниманіе и часто посѣщалъ заведеніе.

Въ 1761 г. въ мѣстечкѣ Ополѣ, основано было первое ремесленное училище. Основателемъ его былъ родной братъ Станислава Конарскаго, Игнатій. Учили разнымъ мастерствамъ, и кромѣ того піары преподавали начальныя науки. Сеймъ 1764 г. подтвердилъ это училище.

Въ городахъ и мѣстечкахъ вездѣ существовали приходскія, или элементарныя училища, въ которыхъ учили чтенію, письму, началамъ ариѳметики, даже немного по-латыни, проходили катихизисъ и обучали церковному пѣнію. За то въ деревняхъ существовавшія прежде школы при костелахъ и монастыряхъ почти совсѣмъ закрылись и народъ не получалъ никакого образованія.

Среди дворянства, особенно въ домахъ аристократовъ, французскій языкъ сталъ самымъ моднымъ. Лучшее цвѣтущее время польскаго языка и литературы было въ царствованіе

Сигизмунда I и Сигизмунда-Августа. Не даромъ XVI столѣтіе называютъ золотымъ вѣкомъ. Со временъ Баторія польская рѣчь начинаетъ искажаться латынью. Баторій очень плохо зналъ польскій языкъ. Всѣ его рѣчи на сеймахъ и въ частныхъ разговорахъ произносились по-латыни Но умный король хорошо понималъ, что это обидно для народнаго самолюбія и потому старался латинскую свою рѣчь испешрить польскими словами. Ему подражалъ Сигизмундъ III, тоже не знавшій по-польски. Приближенные ко двору разумѣется стали подражать двору. Іезуиты, изъ которыхъ въ началѣ бóльшая часть была изъ иностранцевъ, закрѣпили этотъ обычай. Такимъ образомъ, установился не только разговорный, ораторскій, но даже письменный латинско-польскій языкъ. Смѣшеніе языковъ считалось приличнымъ, доказывало высшее воспитаніе; іезуитскія же школы подготовляли къ этому молодое поколѣніе. Со временъ Владислава IV до Августа II, короли говорили по-польски, но обычай вкоренился слишкомъ глубоко и никто не заботился о возстановленіи гражданскихъ правъ народнаго языка. Въ царствованіе Августа II и Августа III, послѣдовалъ новый переворотъ. Оба короля не знали по-польски, плохо знали и по-латыни. Придворнымъ языкомъ сдѣлался французскій. И вотъ новое теченіе—стали изучать французскій языкъ, выписывать французовъ, среди которыхъ являлись нерѣдко люди безнравственные, невѣжественные, передававшіе своимъ воспитанникамъ вмѣстѣ съ французскимъ языкомъ разные пороки, извращенныя понятія, циническое направленіе. Возстановителемъ гражданскихъ правъ польскаго языка, правильнаго направленія воспитанія,—какъ мы знаемъ уже,—является Конарскій. При дворѣ Станислава-Августа и въ средѣ аристократіи говорили по-французски, но переломъ, однако, былъ уже сдѣланъ и польскій языкъ сдѣлался, наконецъ, господствующимъ.

Буллою папы Климента XIV отъ 21 іюля 1773 года уничтоженъ орденъ іезуитовъ. Учебныя заведенія, учрежденныя ими, очутились безъ руководителей и наставниковъ, безъ всякихъ средствъ. Но остались громадныя имѣнія, принадлежавшія имъ, остались и весьма значительные капиталы, которыхъ они не успѣли, или не могли припрятать. Тогда, по предложенію Іоахима Хрептовича, вице-канцлера литовскаго, сеймъ, подъ предсѣдательствомъ Адама Понинскаго въ 1775 г., опредѣлилъ оставшееся послѣ іезуитовъ движимое и недвижимое имущество употребить на народное образованіе. Для завѣдыванія этимъ имуществомъ, равно вообще для завѣдыванія народнымъ просвѣщеніемъ, учреждена была «эдукаціонная коммисія» подъ предсѣдательствомъ виленскаго епископа, князя Игнатія Масальскаго, съ тѣмъ, чтобы послѣ него были всегда примасы королевства, т. е., архіепископы гнѣзненскіе. Членами комиссіи назначены: Хрептовичъ, князь Михаилъ Понятовскій, епископъ плоцкій, въ послѣдствіи примасъ; Сулковскій, воевода гнѣзненскій; князь Адамъ Чарторыжскій, генералъ подольскій, Андрей Замойскій и др. Впослѣдствіи членами этой комиссіи были разныя лица, между прочими Антоній Малаховскій, воевода мазовецкій, Цѣцишевскій, епископъ луцкій, потомъ митрополитъ; генералъ Мокроновскій; князь Михаилъ Радзивиллъ, виленскій кастеланъ; извѣстный писатель Іуліанъ Урсинъ-Нѣмцевичъ и др. Секретаремъ былъ извѣстный ученый Григорій Пирамовичъ. Послѣднее засѣданіе этой комиссіи происходило 10 апрѣля 1794 года. Знаменитая библіотека Залускихъ тоже состояла въ вѣдѣніи эдукаціонной комиссіи.

Въ 1775 г. назначены были особые люстраторы, для пріема оставшихся послѣ іезуитовъ имуществъ. Люстраторы нашли все въ ужасномъ положеніи, все почти было уже расхищено. Все движимое было распродано, лѣса вырублены, луга и земли захвачены сосѣдями. Іезуиты, предчувствуя свою участь, конечно, позаботились заранѣе обратить все, что было возможно, въ свою пользу; по ихъ удаленіи управляющіе довершили расхищеніе. Нужно было привести дѣла въ порядокъ, уцѣлѣвшіе капиталы, хранившіеся въ банкахъ или у частныхъ лицъ, роздать желающимъ взаймы на удобныхъ условіяхъ, подъ залоги недвижимыхъ имуществъ; имѣнія роздать въ арендное содержаніе. Съ этою цѣлію учреждены были особыя комиссіи, одна для Польши, другая для Литвы и еще особая, судебная, для разрѣшенія спорныхъ вопро-

совъ. Но и эти комиссіи не помогли дѣлу. Имѣнія захватили сами распредѣлители, или отдавали своимъ друзьямъ и родственникамъ за безцѣнокъ, капиталы — подъ вымышленныя, или ничего не стоящія обезпеченія. Довольно сказать, что воевода гнезненскій, князь Сулковскій, занялъ подъ залогъ имѣнія своего Лешно 584,658 злотыхъ. Обезпеченіе оказалось недостаточнымъ и вся эта громадная сумма пропала. Въ 1776 г. злоупотребленія были обнаружены, но только на сеймѣ 1781 г. приняты были строгія и рѣшительныя мѣры къ прекращенію безпорядковъ и обузданію своеволія.

Учебное дѣло однако не остановилось. Гдѣ только была іезуитская коллегія, тамъ устроено училище. Край былъ раздѣленъ на учебные округи. Такъ, въ предѣлахъ нынѣшняго царства Польскаго, въ Великопольскомъ округѣ, основаны училища въ Калишѣ; въ Малопольскомъ— въ Кельцахъ, Пинчовѣ, Сандомирѣ, Люблинѣ; въ Мазовецкомъ — въ Варшавѣ, Пултускѣ-Равѣ, Ленчицѣ. Школы раздѣлялись на среднія и низшія. По инціативѣ Игнатія Потоцкаго и подъ его руководствомъ образовано было общество для изданія элементарныхъ книгъ. Денежныя награды за это были довольно значительны, отъ 50 до 150 дукатовъ за книгу, причемъ высшія награды назначались за сочиненія по части агрономіи, физики и механики. Вообще, сочиненія этого рода назначались не только для учениковъ, но и для учителей, какъ руководства, особенно же для учрежденныхъ заботливостью эдукаціонной комиссіи въ разныхъ мѣстахъ учительскихъ семинарій. Въ 1783 г. комиссія издала свой уставъ' который и въ настоящее время не лишенъ значенія, не только въ историческомъ, но и въ педагогическомъ отношеніи. Эдукаціонная комиссія много сдѣлала для народнаго образованія. Избирались способные визитаторы, которые разъѣзжали по училищамъ. Лучшіе изъ воспитанниковъ посылались за-границу для дальнѣйшаго образованія и по возвращеніи назначались учителями. Устраивались кабинеты, библіотеки, анатомическіе музеи, ботаническіе сады, конвикты для бѣдныхъ воспитанниковъ, строились новыя зданія подъ помѣщеніе училищъ. Станиславъ-Августъ установилъ особыя медали для награды отличныхъ воспитанниковъ. На этихъ медаляхъ съ одной стороны представлено было изображеніе короля, а съ другой надпись: «Diligentiae». Заводились и приходскія училища, хотя въ небольшомъ числѣ. Пирамовичъ написалъ особую книжку объ обязанностяхъ приходскихъ учителей. Для нихъ же были основаны двѣ школы, въ родѣ семинарій, въ Ловичѣ и Кѣльцахъ, для практическаго ихъ подготовленія. Женскіе пансіоны состояли въ вѣдѣніи ректоровъ высшихъ училищъ гимназій, и для нихъ изданы были особыя инструкціи.

Во время герцогства варшавскаго учреждена была палата народнаго образованія, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго ученаго, Станислава Потоцкаго. Въ этой палатѣ засѣдали Копчинскій, Сташицъ, Линде и др. Линде былъ также предсѣдателемъ особаго общества для изданія элементарныхъ книгъ. Въ 1812 году палата эта преобразована въ дирекцію публичнаго образованія.

Съ образованіемъ варшавскаго герцогства родилась мысль введенія въ законодательство кодекса Наполеона. Главнымъ сподвижникомъ распространенія просвѣщенія явился графъ Феликсъ Лубенскій. Поддерживаемый княземъ Іосифомъ Понятовскимъ, онъ рѣшился, для приготовленія молодыхъ юристовъ, основать «Училище законовѣдѣнія и администраціи»; но въ тогдашней директоріи встрѣтилъ недоброжелательство, особенно со стороны одного изъ директоровъ, Станислава Малаховскаго. Послѣдній оказалъ такое давленіе, что Лубенскому отказано было въ средствахъ для осуществленія его мысли. Тогда Лубенскій приступилъ къ дѣлу съ собственными средствами, а на помѣщеніе училища пожертвовалъ собственныя палаты въ Варшавѣ. Противники сочли этотъ шагъ ослушаніемъ, своевольствомъ, но вслѣдъ затѣмъ, именно, 18 марта 1808 года, герцогъ варшавскій, король саксонскій Фридрихъ-Августъ особымъ рескриптомъ утвердилъ основаніе училища для преподаванія въ немъ кодекса Наполеона, гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, римскаго и естественнаго права, а также отношеній къ

администраціи и полиціи. Курсъ преподаванія назначенъ трехлѣтній. Шанявскій перевелъ кодексъ Наполеона на польскій языкъ. Въ числѣ профессоровъ былъ извѣстный ученый И. В. Бандтке. Въ 1811 г. къ училищу законовѣдѣнія прибавлена особая «школа администраціи», въ которой преподавалась политическая экономія, статистика, о фабрикахъ и ремеслахъ, о внутренней и внѣшней торговлѣ и, наконецъ, финансовая наука.

Памятный для поляковъ 1815 годъ воскресилъ царство Польское, въ предѣлахъ указанныхъ Вѣнскимъ трактатомъ. Императоръ Александръ I въ самомъ началѣ явилъ большую милость польскому народу учрежденіемъ 19 (7) ноября 1816 г. въ Варшавѣ королевскаго университета, въ составъ котораго вошли означенныя училища законовѣдѣнія и администраціи, а также и медицинскихъ наукъ. Университетъ состоялъ изъ пяти факультетовъ: богословскаго,

Институтъ слѣпыхъ въ Варшавѣ.

законовѣдѣнія и администраціи, медицинскаго, математическаго и изящныхъ искусствъ. Ректоромъ избранъ былъ ученикъ Конарскаго, піаръ Войцѣхъ Швейковскій. Выборъ его постоянно повторялся во все время существованія варшавскаго университета. Изъ числа профессоровъ болѣе выдающіяся личности: Бандтке, Красинскій, гр. Скарбекъ, Вацлавъ-Александръ Мацѣевскій, тогда юноша (недавно умершій) знаменитый историкъ и славистъ. Въ 1825 г. профессоромъ уголовнаго права былъ назначенъ воспитанникъ того же университета, извѣстный ученый, Ромуальдъ Губе, недавно умершій въ званіи сенатора.

Ректоръ университета, генеральный инспекторъ, пять декановъ—составляли совѣтъ, завѣдывающій дѣлами университета. Совѣтъ былъ подчиненъ попечителю и предсѣдательствующему въ правительственной комиссіи исповѣданій и народнаго образованія. При университетѣ для образованія учителей существовалъ отдѣлъ стипендіатовъ, педагогическій институтъ и особый

отдѣлъ кандидатовъ, изъ коихъ болѣе отличившихся высылали заграницу для дальнѣйшаго образованія.

30 марта 1830 г. императоръ Николай I повелѣлъ именовать Варшавскій университетъ «Александровскимъ», а 31 октября 1831 г. послѣдовало закрытіе университета.

Съ 1812 г. училища раздѣлялись на три отдѣла, изъ коихъ высшія, такъ называемыя «воеводскія», назывались лицеями. Такое распредѣленіе существовало до 1830 года.

Въ этотъ періодъ существовали также и спеціальныя училища. Такъ въ 1811 г. основанъ былъ музыкальный институтъ, преобразованный изъ драматическаго училища. Въ 1810 г. изъ Щучина переведенъ въ Варшаву институтъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, существовавшій до сихъ поръ. Кромѣ многихъ женскихъ пансіоновъ частныхъ и существовавшихъ при монастыряхъ, въ 1822 г. былъ учрежденъ институтъ гувернантокъ. Наконецъ, въ 1825 г. учреждено политехническое училище, а въ 1826 школа раввиновъ. Кромѣ элементарныхъ или приходскихъ училищъ, существовали также воскресныя ремесленныя школы и школы для евреевъ. Въ 1829 г. учреждена въ Варшавѣ постоянная астрономическая обсерваторія.

Въ 1830 г. въ Варшавѣ состояло 17 среднихъ учебныхъ заведеній, въ нихъ преподавателей 242, учениковъ 3,807, женскихъ учебныхъ заведеній 31, учениць 830; нисшихъ училищъ 97, учащихся обоего пола 2,296, а всего учебныхъ заведеній 139, учащихся 6933.

Въ 1833 г. учреждены губернскія гимназіи и гимназіи 2 разряда.

По закрытіи Александровскаго университета, взамѣнъ богословскаго факультета, существовала въ Варшавѣ главная семинарія, но въ 1836 г. (16 октября), вмѣсто нея, по Высочайшему повелѣнію, открыта римско-католическая духовная академія, въ которой получало образованіе постоянныхъ сорокъ клириковъ, состоявшихъ на содержаніи академіи; но сверхъ того могли посѣщать академическія лекціи приходящіе, жившіе внѣ академіи, содержавшіеся на свой собственный счетъ, но только такіе, которые съ успѣхомъ окончили уже одну изъ епархіальныхъ семинарій. При академіи состоялъ ректоръ, вице-ректоръ или инспекторъ, семь профессоровъ для богословскихъ предметовъ, пять для общихъ, кромѣ того лекторы и провизоры. Академія давала степени: студента, кандидата, магистра и доктора богословія. Послѣднюю могъ получить магистръ только по истеченіи двухъ лѣтъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, академія закрыта. Воспитанники католическихъ семинарій привислинскаго края получаютъ высшее образованіе въ Петербургѣ, въ римско-католической духовной академіи.

Въ 1839 г. послѣдовало совершенное преобразованіе училищъ въ царствѣ Польскомъ и образованъ варшавскій учебный округъ, зависѣвшій отъ министра народнаго просвѣщенія. Гимназіи были преобразованы изъ 8-ми классныхъ въ 7-ми классныя. Въ нихъ преподавали, конечно поверхностно, семь языковъ, исторію, математику и другіе обще-образовательные предметы. Попечителемъ назначенъ былъ генералъ-маіоръ Окуневъ. Въ 1840 году учреждена реальная гимназія. 22 апрѣля того же года, предписано преподавать въ варшавской гимназіи законовѣдѣніе, а затѣмъ 5 мая того же года, открыты курсы правовѣдѣнія, въ которыхъ преподавали: сводъ законовъ Россійской имперіи, исторію римскаго права и польскаго законодательства, гражданское и уголовное право въ царствѣ Польскомъ, торговое право, нотаріальное и ипотечное. Кромѣ того на этихъ же курсахъ преподавалась исторія и статистика Россіи, русская литература и латинскій языкъ. Въ декабрѣ 1840 года утверждены штаты юридическихъ курсовъ, или классовъ. Директоромъ курсовъ назначенъ былъ Леопольдъ Суминскій. Въ числѣ преподавателей былъ и знаменитый Мацѣевскій. Онъ читалъ исторію польскаго законовѣдѣнія. Русскую литературу читалъ Петръ Алексѣевъ, исторію же и статистику Россіи—Николай Павлищевъ.

Безпорядки 1846 г. и столкновеніе студентовъ съ инспекторомъ Сестеромъ, вызвали совершенное упраздненіе юридическихъ курсовъ, да кромѣ того закрыты были пятый, шестой и седьмой классы въ гимназіяхъ въ Варшавѣ, Плоцкѣ и Щебрешинѣ.

Одновременно съ этими курсами, въ 1840 г. при петербургскомъ и московскомъ университетахъ, открыты были каѳедры законовѣдѣнія, собственно для уроженцевъ царства Польскаго. Въ Москвѣ преподавали профессора Циммерманъ и Павловскій; литовскій статутъ читалъ бывшій виленскій профессоръ Коровицкій. Въ Петербургѣ же лекціи читали на польскомъ языкѣ: Ромуальдъ Губе, бывшій профессоръ варшавскаго университета, и Кипріанъ Заборовскій. Послѣ Губе, въ 1848 г., былъ назначенъ Антонъ Чайковскій, воспитывавшійся въ Краковскомъ университетѣ. Въ царствованіе же императора Александра II, 29 января 1859 г., повелѣно было, для усиленія преподаванія для польскихъ уроженцевъ, существовавшія въ Москвѣ каѳедры упразднить, а вмѣсто того увеличить преподаваніе въ Петербургѣ. Такимъ образомъ въ Пететербургѣ образовалось четыре кафедры: польскаго законовѣдѣнія, обязательныхъ

Зданіе Варшавскаго университета.

гражданскихъ законовъ, нотаріата и ипотеки. Профессорами были Чайковскій, Карлъ Губе, Лагуна и Будинскій. Всѣ они читали по-польски. Кромѣ того, Владиславъ Даниловичъ Спасовичъ читалъ по-русски уголовное право и Ивановскій международное право тоже по-русски. Впрочемъ, двѣ послѣднія каѳедры предназначены были для всѣхъ вообще слушателей. Нельзя не замѣтить, что это учрежденіе особыхъ каѳедръ для польскихъ уроженцевъ, когда на мѣстѣ не было уже ни одного высшаго учебнаго заведенія, принесло обильные плоды, и польское юношество въ значительномъ числѣ спѣшило на берега Невы, чтобы пользоваться оказанною ему милостью. Каѳедры эти существовали до конца 1861 года.

Въ 1857 г. основана въ Варшавѣ медико-хирургическая академія, которая потомъ, какъ увидимъ дальше, вошла въ составъ главной школы.

Мы видѣли, что по закрытіи варшавскаго университета, въ теченіе слишкомъ тридцати

лѣтъ, край былъ лишенъ разсадника высшаго образованія. Не было ни одного высшаго учебнаго заведенія. Духовная академія, нѣсколько лѣтъ существовавшіе юридическіе курсы, да открытая въ 1857 г. медико-хирургическая академія, какъ спеціальныя учрежденія, не могли удовлетворять нуждамъ и сознаваемой всѣми крайней необходимости болѣе широкаго умственнаго развитія и подготовленія юношества къ серьезнымъ наукамъ. Но еще печальнѣе и гибельнѣе для края было то, что даже число среднихъ учебныхъ заведеній значительно уменьшилось, право же вступленія въ нихъ было стѣснено и затруднено. Въ гимназію могли поступать только дѣти дворянъ и чиновниковъ. До 1830 года было 15 гимназій. Изъ нихъ осталось только 7. На все царство Польское оставалось едва около 1,200 начальныхъ школъ.

Таково было положеніе народнаго образованія въ 1861 году, когда извѣстный маркизъ Велепольскій, снискавшій довѣріе монарха, приступилъ къ колосальнымъ реформамъ по учебной части, реформамъ, послѣдствія которыхъ и теперь еще такъ благодѣтельны для края, хотя главная ихъ основа подверглась измѣненію, такъ какъ народный языкъ лишенъ былъ въ краѣ своихъ гражданскихъ правъ.

Польскій историкъ Іоахимъ-Іосифъ-Венедиктъ Лелевель.

Существовавшая прежде комиссія исповѣданій и народнаго просвѣщенія была возстановлена и директоромъ ея, или министромъ назначенъ графъ Александръ Велепольскій, маркграфъ Гонзаго Мышковскій. На этомъ посту онъ успѣлъ подготовить все необходимое къ реформамъ и вскорѣ назначенъ былъ начальникомъ гражданскаго управленія царства Польскаго, а на его мѣсто, какъ директоръ, поступилъ въ іюнѣ 1862 года докторъ филологіи, Казимиръ Кржижицкій, бывшій чиновникъ II отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Но Кржижицкій былъ только точнымъ исполнителемъ стремленій маркиза Велепольскаго.

Система преобразованій Велепольскаго по народному воспитанію, составленная въ комиссіи исповѣданій и народнаго просвѣщенія, высочайше одобрена 8 іюня 1862 г.

Прежде всего маркизъ Велепольскій обратилъ вниманіе на начальныя школы. Желая оградить сельскихъ учителей отъ многочисленныхъ учебныхъ соглядатаевъ и ревизоровъ, стѣснявшихъ только развитіе болѣе плодотворной дѣятельности, Велепольскій примѣнился къ постановленіямъ эдукаціонной комиссіи 1808 года, подчинивъ школьныхъ учителей: въ городахъ— надзору бургомистра и двухъ выборныхъ, въ деревняхъ же — войту гмины и тоже двумъ выборнымъ со стороны землевладѣльцевъ. Въ обоихъ случаяхъ къ нимъ присоединенъ еще и мѣстный священникъ. На всѣ вообще элементарныя училища въ царствѣ установленъ одинъ инспекторъ, состоящій въ то же время членомъ совѣта воспитанія, т. е. высшаго

педагогическаго учрежденія. Число школъ съ 1,114 увеличено до 3,000, въ томъ числѣ 285 нѣмецкихъ.

Среднія учебныя заведенія, т. е. гимназіи и уѣздныя училища, непосредственно подчинены коммиссіи исповѣданій и просвѣщенія. Первые четыре класса уѣздныхъ училищъ по преподаванію сравнены съ этими же классами гимназій такъ, чтобы изъ нихъ могли прямо поступать въ пятый классъ гимназій. Но въ уѣздныхъ училищахъ прибавленъ еще пятый классъ, имѣвшій троякое значеніе, для тѣхъ, которые заканчиваютъ свое воспитаніе уѣзднымъ училищемъ и намѣрены быть учителями элементарныхъ школъ, а также и для всѣхъ тѣхъ, которыя желаютъ глубже ознакомиться съ математикою и естественными науками. Число гимназій увеличено до 13, уѣздныхъ училищъ — до 23. Благородный институтъ, закрытое заведеніе исключительно для богатыхъ учениковъ перемѣщенъ въ Люблинъ подъ именемъ лицея, но съ допущеніемъ и приходящихъ учениковъ, съ доступомъ въ него и не однихъ дворянъ, но и прочихъ сословій. Въ зданіе бывшаго института въ Варшавѣ переведенъ дѣвичій институтъ изъ Пулавъ и, кромѣ того, учреждена шестиклассная высшая казенная женская школа. Въ Пулавахъ, вмѣсто дѣвичьяго института, основанъ политехническій и земледѣльческій институтъ, раздѣленный на пять отдѣловъ: механиковъ, гражданскихъ инженеровъ, горныхъ инженеровъ, агрономовъ и лѣсоводовъ.

Пулавы на Вислѣ.

Главная же забота маркиза Велепольскаго состояла въ учрежденіи университета, названнаго сначала «главною школою». Заботясь объ осуществленіи своей завѣтной мысли, чтобы не терять времени, пока будетъ утвержденъ статутъ главной школы, Велепольскій учредилъ «приготовительные курсы», высочайше одобренные 20 сентября 1861 г. Открытіе ихъ послѣдовало 28 сентября того же года. Множество молодыхъ людей, поступившихъ на эти курсы, слушали языки и литературу польскую и русскую, знакомясь въ то же время съ литературою другихъ славянскихъ народовъ; всеобщук исторію и географію; физику и математическія науки; наконецъ, языки латинскій, греческій нѣмецкій и французскій.

Существованіе этихъ курсовъ продолжалось лишь до основанія «главной школы», открытіе которой послѣдовало на основаніи высочайшаго повелѣнія 25 (13) ноября 1862 года. Главная школа составилась изъ четырехъ факультетовъ: медицинскаго, въ составъ котораго вошла существовавшая уже въ Варшавѣ медико-хирургическая академія; физико-математическаго, юридически-административнаго и историко-филологическаго. Профессора раздѣлялись на ординарныхъ, экстраординарныхъ, адъюнктовъ и приватъ-доцентовъ. Каждый факультетъ избиралъ

себѣ на два года декана. Ректоръ избирался на три года, но на первое время онъ былъ назначенъ безъ выборовъ совѣтомъ управленія. Университетскій совѣтъ состоялъ изъ ректора, предсѣдательствовавшаго въ немъ, четырехъ декановъ и 8 ординарныхъ профессоровъ, по два отъ каждаго факультета; для разрѣшенія же болѣе важныхъ вопросовъ по преподаванію, или для замѣщенія преподавательскихъ вакансій — въ совѣтъ приглашались всѣ ординарные профессора. Хозяйственною частью завѣдывало правленіе изъ ректора и четырехъ декановъ. При опредѣленіи виновности студента въ правленіи засѣдало особое лицо, изъ законовѣдовъ, состоявшее университетскимъ судьею. За слушаніе лекцій студенты платили только по 10 рублей въ полугодіе. При двухъ факультетахъ: физико-математическомъ и филологическо-историческомъ учреждены были двѣ учительскія семинаріи, по двѣнадцати вакансій въ каждой, для студентовъ-стипендіатовъ, подготовлявшихся къ педагогической дѣятельности.

Вся власть надъ начальными школами предоставлена была уѣзднымъ совѣтамъ и губернскимъ правленіямъ. Среднія же учебныя заведенія подчинялись непосредственно директору комиссіи исповѣданій и народнаго просвѣщенія, при которомъ состоялъ особый «совѣтъ воспитанія», подъ его предсѣдательствомъ, изъ двухъ визитаторовъ училищъ, ректора главной школы, директоровъ главной библіотеки и музеевъ, инспектора начальныхъ училищъ и лицъ, назначаемыхъ изъ числа педагоговъ и спеціалистовъ главнымъ совѣтомъ управленія.

Маркизъ Велепольскій.

При главной школѣ была образована большая библіотека изъ книго-хранилищъ закрывшихся заведеній, а равно—изъ принадлежавшихъ кодификаціонной комиссіи и департаментамъ сената.

Маркизу Велепольскому предстояло большое затрудненіе въ выборѣ профессоровъ, конечно изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Такихъ оказалось не много. Пришлось обратиться въ Краковъ, въ Познань и другіе польскіе города. Каждый спеціалистъ, заявившій свои способности и знанія, въ качествѣ ли преподавателя, или автора сочиненій, обратившихъ на себя вниманіе спеціалистовъ, могъ надѣяться на полученіе каѳедры по избранному имъ предмету. Еще затруднительнѣе былъ выборъ ректора главной школы, по положенію назначаемаго на первые три года правительствомъ. Крживицкій указалъ маркизу на Іосифа Мяновскаго, жившаго тогда въ Италіи, почти никому неизвѣстнаго въ Варшавѣ. Но Мяновскій пользовался во всемъ польскомъ обществѣ другого рода извѣстностью, какъ лицо, долго сидѣвшее въ виленскихъ казематахъ, человѣкъ благородныхъ правилъ и, наконецъ, ученый профессоръ и опытный врачъ. Такой выборъ снискалъ общее одобреніе. Мяновскому было тогда 58 лѣтъ. Онъ былъ профессоромъ физіологіи въ виленской медико-хирургической академіи, былъ любимъ и уважаемъ всѣми, какъ врачъ, и еще болѣе—какъ человѣкъ. Послѣ казни Конарскаго (15 февраля 1839 г.) и осужденія всѣхъ другихъ, обвиненныхъ въ злоумышленныхъ дѣйствіяхъ, члены бывшей политической комиссіи неохотно разставались съ насиженными уже теплыми мѣстечками. Явилась необходимость создать новое дѣло. Посыпались доносы и болѣе ста человѣкъ было арестовано. Въ число ихъ попали профессора Мяновскій и Вэлькъ. Особенно сильно обвиняли перваго и онъ бы несомнѣнно погибъ, если бы не особенный случай, спасшій его и проложившій ему путь къ будущей широкой дѣятельности. Для повѣрки и ближайшаго разслѣдованія дѣла императоръ Николай Павловичъ командировалъ въ Вильно флигель-адъютанта полковника Владимира Ивановича Назимова. Сначала успѣли до такой степени его опутать, что онъ повѣрилъ въ существованіе тайнаго заговора и донесъ объ этомъ государю; но потомъ,

ознакомившись ближе съ дѣломъ, познакомившись лично со всѣми арестованными, Назимовъ сталъ сомнѣваться. Пригласивъ Мяновскаго и еще нѣсколько человѣкъ изъ числа арестованныхъ въ присутствіе, онъ велѣлъ позвать главнаго доносчика, на показаніяхъ котораго основывалось обвиненіе, для «очныхъ ставокъ». На поставленные вопросы доносчикъ подробно разсказалъ, какъ онъ давно знаетъ лично Мяновскаго, какъ часто бывалъ у него и пр. Тогда Назимовъ сказалъ ему: «укажите мнѣ, который здѣсь Мяновскій». Доносчикъ оторопѣлъ, сталъ всматриваться въ присутствующихъ и, наконецъ, указавъ на одного изъ арестованныхъ, сказалъ: «вотъ это — профессоръ Мяновскій». Но это было совершенно другая личность. Само собою обнаружилась низкая интрига. Вскорѣ послѣ этого Государь пріѣхалъ въ Ковно на маневры. Назимовъ уже ожидалъ Государя и прямо заявилъ ему: «Ваше Величество, я Васъ обманулъ!» Послѣ этого присланъ былъ въ Вильно сенаторъ Кавелинъ, вполнѣ оправдавшій дѣйствія В. И. Назимова. Затѣмъ по высочайшему повелѣнію, въ день тезоименитства императора, 6 декабря 1841 г. болѣе ста арестантовъ были освобождены. Виновные члены политической комиссіи подвергнуты примѣрному взысканію. Профессора Мяновскаго Назимовъ самъ вывелъ изъ заключенія. Они вмѣстѣ отправились въ Петербургъ, гдѣ Мяновскій назначенъ былъ профессоромъ медико-хирургической академіи. Вскорѣ онъ былъ назначенъ придворнымъ врачемъ герцога Лейхтенбергскаго и великой княгини Маріи Николаевны, при которыхъ и состоялъ до конца ихъ жизни. Въ короткое время Мяновскій сдѣлался любимцемъ не только студентовъ, но и многочисленной публики, особенно въ высшихъ слояхъ общества. Правдивый, честный, любящій, онъ привлекалъ къ себѣ сердца. Какъ краснорѣчивый профессоръ, ученый писатель, опытный и счастливый врачъ, — онъ занималъ въ теченіе многихъ лѣтъ выдающееся мѣсто въ Петербургѣ.

Польскій историкъ, Александръ Вацлавъ Мацѣевскій.

Этого-то человѣка пригласилъ маркизъ Велепольскій въ Варшаву занять должность ректора, въ которой онъ и оставался во все время существованія главной школы. Вліяніе его на студентовъ было очень велико. Онъ дѣйствовалъ на нихъ силою логики, убѣжденій, чувства. Они понимали его и высоко цѣнили. Подъ его мирнымъ, строго легальнымъ управленіемъ, при томъ въ такое время, когда слишкомъ бушевали страсти, когда господствовалъ даже терроръ, когда молодое поколѣніе, не принадлежавшее къ составу главной школы, не могло противустоять увлеченіямъ, наговорамъ, подстрекательствамъ, сотнями уходило въ возстаніе и гибло, студенты главной школы не только устояли противъ искушеній, но даже и противодѣйствовали всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами анархической пропагандѣ: они были подъ обаяніемъ величія и благородства, подъ вѣяніемъ высшихъ цѣлей и внушеній, какія исходили на нихъ со стороны доблестнаго ректора и нѣкоторыхъ профессоровъ.

Нельзя впрочемъ не замѣтить, что Мяновскій засталъ уже хорошо подготовленную почву въ слушателяхъ главной школы. Уже въ приготовительныхъ курсахъ, нѣкоторые изъ профессоровъ, особенно же профессоръ Плебанскій, какъ удостовѣрено его же слушателями, успѣли внушить къ себѣ такое довѣріе, а ихъ лекціи имѣли такое сильное вліяніе, что за весьма немногими исключеніями, слушатели не только трезво смотрѣли на событія тогдашняго бурнаго времени, но даже находили въ себѣ достаточно мужества, чтобы, по мѣрѣ возмож-

ности, противодѣйствовать стремленіямъ крайней революціонной партіи. Поэтому именно, когда прошло лишь мѣсяца два со дня открытія главной школы и въ началѣ 1863 года закипѣла страшная буря, охватившая весь край, и вожаки повстанья требовали, чтобы студенты массами отправлялись въ банды, подъ угрозою, что уклонившіеся отъ этого будутъ сочтены вѣроломными и трусами,—студенты всѣхъ факультетовъ поспѣшили устроить сходку въ залахъ анатомическаго театра (на улицѣ «Згода»). Цѣлью сходки была не демонстрація противъ правительства, но простое совѣщаніе. Предложены были весьма серьезные вопросы, слѣдуетъ ли пожертвовать добытымъ съ такимъ трудомъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, въ угоду возбужденному общественному мнѣнію, или же, наоборотъ, необходимо отстоять существованіе главной школы, не принимая никакого участія въ революціонномъ движеніи.

Рѣчи затянулись за полночь. Нашлось лишь нѣсколько голосовъ, требовавшихъ участія въ мятежѣ; громадное же большинство, точнѣе всѣ, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, торжественно заявили, что они не примутъ никакого участія въ революціонномъ движеніи, что они призваны трудомъ и любовью къ наукѣ служить своему отечеству.

Историкъ Іосифъ Шуйскій.

Эта торжественная клятва была въ точности исполнена. Сходка эта имѣла громадное значеніе для края. Она сохранила учрежденіе, сохранила и тысячи юношей отъ безвременной гибели. Въ Галиціи не поняли такого здраваго, легальнаго поведенія и прислали имъ въ подарокъ «бабье веретено».

Достовѣрныя статистическія данныя даютъ возможность понять ту роль, какую сыграли варшавскіе студенты главной школы. Положительно извѣстно, что изъ общаго количества студентовъ, которыхъ считалось свыше 1,500, въ 1862—1863 годахъ было замѣшано только 13 человѣкъ, а въ 1863—1864—72 человѣка.

Маркизъ Велепольскій, какъ извѣстно, вскорѣ палъ. Его преемники неблагосклонно смотрѣли на главную школу. Тѣмъ не менѣе, основы ея были такъ прочны, поведеніе наставниковъ, преподавателей и студентовъ такъ легально, что только черезъ семь лѣтъ, съ измѣнившимися политическими взглядами и новымъ направленіемъ рушилось дѣло, созданное маркизомъ Велепольскимъ.

Мы уже замѣтили, что нѣкоторыхъ профессоровъ для высшей школы пришлось выписывать изъ-за границы, именно, изъ Познани, Кракова, Праги. Укажемъ на болѣе выдающіяся личности: Францишка Болемира Квѣта, чеха изъ Праги, и Іосифа Пржиборовскаго изъ Познани, которые читали славянскую филологію и пользовались большою любовію и уваженіемъ своихъ слушателей. Сигизмундъ Венцлевскій (состоявшій потомъ профессоромъ во львовскомъ университетѣ), Антонъ Мѣржинскій и Вольфрамъ преподавали классическую филологію. Іосифъ Ковалевскій, другъ и товарищъ Мицкевича, знаменитый европейскій оріенталистъ, бывшій потомъ ректоромъ казанскаго университета, деканъ варшавской главной школы, читалъ исторію востока. Глубокое впечатлѣніе производилъ молодой профессоръ Іосифъ Казимиръ Плебанскій, о которомъ мы уже упомянули, родомъ изъ Познани, воспитанникъ вроцлавскаго и берлинскаго университетовъ, новостью взглядовъ увлекавшій молодежь; его лекціи посѣщались сотнями слушателей. Онъ читалъ энциклопедію университетскихъ наукъ, сравнительную географію, всеобщую исторію; но о чемъ бы онъ ни говорилъ, онъ умѣлъ примѣниться къ

бурнымъ современнымъ обстоятельствамъ и обливать холодною водою горячія головы. Ему главная школа многимъ обязана сохраненіемъ въ ней легальности и трезваго взгляда на бушевавшія въ то время волны своевластія. Впослѣдствіи онъ былъ редакторомъ варшавской библіотеки. Извѣстный польскій писатель Александръ Тышинскій (изъ Вильно) читалъ исторію польской литературы; Струве и Павлицкій—философію (послѣдній нынѣ профессоромъ въ краковскомъ университетѣ); Паплонскій—сравнительную грамматику. На медицинскомъ факультетѣ славились профессора: Халубинскій, Гирштовтъ, Бродовскій, Гойеръ. Натансонъ читалъ химію, Александровичъ — ботанику, Вржесневскій — зоологію, Юркевичъ—минералогію; Фронцевичъ, бывшій профессоръ въ Краковѣ — математику, Барановскій — астрономію. На юридическомъ факультетѣ наибольшею извѣстностью пользовались: Янъ Воловскій, оберъ-прокуроръ IX департамента сената (въ Варшавѣ) и Валентій Дуткевичъ, членъ правительственной комиссіи въ царствѣ Польскомъ.

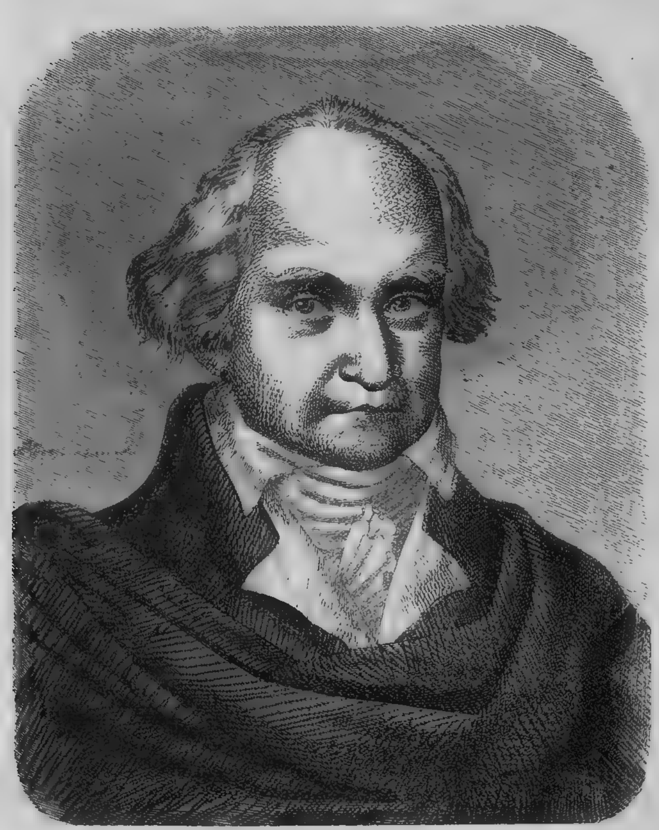

Графъ Игнатій Красицкій, архіепископъ Гнезненскій.

Подъ конецъ 1869 г. главная школа была преобразована въ университетъ, съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ и съ примѣненіемъ къ нему устава русскихъ университетовъ.

Въ 1800 году было основано въ Варшавѣ ученое «общество любителей наукъ». Мысль объ учрежденіи его принадлежала графу Станиславу Солтыку. 16 ноября 1800 г. въ его домѣ собрались мѣстные ученые и литераторы и установили общество, главною цѣлью котораго было соблюденіе правильности родного языка и распространеніе полезныхъ знаній. Членами-основателями были люди, пользовавшіеся извѣстностью, какъ ученые, а именно, кромѣ Солтыка, Ѳаддей Чацкій, канцлеръ Хрептовичъ, князь Адамъ Чарторыжскій, епископъ Игнатій Красицкій, Матушевичъ, графъ Мостовскій, Іосифъ Оссолинскій, Игнатій и Станиславъ Потоцкіе,

Александръ князь Сапѣга, Валентинъ Соболевскій, Станиславъ Сташицъ, Вороничъ, Трембицкій поэтъ. Затѣмъ они уже избрали членами историка епископа Альбертранди, Дмоховскаго, Каменскаго, поэта Францискa Карпинскаго, знаменитаго Линде, Іосифа Осинскаго, астронома Почебута, Пирамовича, астронома Яна Снядецкаго, гр. Михаила Волицкаго. Предсѣдателемъ избранъ былъ епископъ Альбертранди. Извѣстный ученый гр. Ф. Скарбекъ въ одной изъ своихъ статей характерно объясняетъ это избраніе. Альбертранди,—говоритъ гр. Скарбекъ,—мужъ ученый, до того былъ преданъ наукѣ и въ особенности исторіи, что превосходно зналъ все, что совершалось въ прошломъ, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что дѣлается вокругъ него въ настоящемъ. Поэтому то, — говоритъ Скарбекъ, — его и избрали предсѣдателемъ.

Иванъ Снядецкій.

Статутъ общества былъ утвержденъ королемъ прусскимъ 1 іюля 1802 г. Потомъ Фридрихъ-Августъ, король саксонскій, особою грамотою, данною въ Дрезденѣ 30 апрѣля 1808 г., подтвердилъ права общества. Такое же подтвержденіе послѣдовало и со стороны императора Александра I 12 (24) марта 1816 года.

Общество раздѣлялось на четыре отдѣленія: физико-математическое, историческое, литературное и изящныхъ искусствъ. Оно имѣло ежемѣсячныя засѣданія, сначала въ частныхъ помѣщеніяхъ, а потомъ пріобрѣло собственный домъ. Съ самаго начала общество озаботилось пріобрѣтеніемъ библіотеки, основаніемъ которой послужили 6,000 книгъ, подаренныхъ княземъ Александромъ Сапѣгою и имъ же пожертвованные 100 тысячъ злотыхъ, проценты отъ которыхъ употреблялись на покупку книгъ. Было много и другихъ пожертвованій, такъ что въ скоромъ времени образовалась довольно значительная библіотека. Сташицъ подарилъ минералогическій кабинетъ, послужившій началомъ образованія естественно-историческихъ коллекцій. Частныя лица жертвовали разныя достопримѣчательности, случайныя выкопки въ землѣ и т. п. Извѣстный генералъ Домбровскій подарилъ большое число древняго оружія, собраніе картъ, рисунковъ, видовъ, плановъ, собственную библіотеку; изъ всѣхъ этихъ приношеній устроенъ былъ особый залъ, носившій имя Домбровскаго. Такимъ образомъ при обществѣ уже состоялъ одинъ изъ первыхъ въ краѣ археологическій музей первобытныхъ древностей, въ которомъ были предметы, имѣвшіе большое значеніе въ миѳологическомъ отношеніи; но въ научномъ отношеніи, музей этотъ мало принесъ пользы. Тогдашніе ученые слишкомъ мало обращали вниманія на доисторическое прошлое славянъ.

Альбертранди умеръ въ 1808 году на 77 г. жизни. Онъ далъ обществу направленіе чисто научное, такъ сказать, классическое. Замѣчательный труженикъ, свободно говорившій и писавшій на семи языкахъ, привезшій изъ путешествія своего болѣе ста объемистыхъ томовъ однихъ выписокъ, относящихся до исторіи Польши, собственноручно сдѣланныхъ имъ въ архивахъ въ Римѣ, Упсалѣ и Стокгольмѣ, конечно не сочувствовалъ, да и не понималъ значенія литературныхъ трудовъ. На его мѣсто избранъ былъ извѣстный въ то время геологъ, бывшій потомъ министромъ, Станиславъ Сташицъ, прославившійся также своею филантропіею.

Сташицъ былъ человѣкъ ученый, но по природѣ болѣе впечатлительный и лучше понимавшій нужды и положеніе общества. При немъ началась болѣе оживленная дѣятельность; обращалось вниманіе на то, чтобы и внѣ общества занимались науками и литературою. Общество на своихъ публичныхъ актахъ поощряло къ трудамъ, награждало и содѣйствовало своими учеными пособіями. Назначались конкурсныя сочиненія и лица, съ успѣхомъ исполнившія задачи, награждались золотыми и серебряными медалями. Такъ, знаменитый Иванъ Снядецкій былъ награжденъ золотою медалью за сочиненіе о Коперникѣ; доктору Лернату изъ Вильно была присуждена медаль за его трудъ о моровомъ повѣтріи; доктору Фіалковскому — такая же медаль за составленіе инструкціи для сохраненія народнаго здравія; Фальковскому — за основаніе института для глухонѣмыхъ; студенту университета, Цыприсинскому, была присуждена серебряная медаль за статистическое описаніе Сандомирскаго округа. Невольно бросается въ глаза, что на конкурсныя задачи по исторіи и литературѣ не было прислано ни одного сочиненія. Тѣмъ не менѣе, само общество, руководимое Сташицомъ, заботилось о составленіи общей исторіи Польши, а также исторіи польской литературы. Съ этою цѣлью членамъ его было поручено составленіе отдѣльныхъ монографій, какъ, напр., по исторіи: Чайковскому, Коллонтаю, Іосифу Оссолинскому, кн. Чарторыжскому, Нѣмцевичу и др.; по исторіи литературы: Станиславу Потоцкому, Венжику, Нѣмцевичу, Липинскому, Вороничу, Бродзинскому и др. Многія монографіи были уже составлены, оставалось только слить ихъ въ одно цѣлое, проредактировать и издать; но этого къ сожалѣнію не успѣли сдѣлать: дни общества были сочтены. Наконецъ, нельзя не указать также и на то, что общество постоянно заботилось объ осуществленіи весьма важной задачи, именно, объ установленіи единства въ правописаніи, и съ этою цѣлью издавало правила и инструкціи.

Коперникъ.

За все время тридцатилѣтняго существованія, общество издало 21 томъ своихъ «Записокъ», въ которыхъ кромѣ отчетовъ о засѣданіяхъ, помѣщено много ученыхъ статей по разнымъ предметамъ, свидѣтельствующихъ о степени развитія наукъ въ описываемое время. Тогдашнія знаменитости, какъ Чацкій, Снядецкій, Линде, Копчинскій, Альбертранди, Суровецкій, Раковецкій, Свенцкій и др. — помѣщали здѣсь свои статьи; трое же послѣднихъ и Веселовскій напечатали нѣсколько статей о славянскихъ древностяхъ. Конечно, нѣкоторыя статьи устарѣли, наука далеко ушла впередъ, тѣмъ не менѣе, онѣ свидѣтельствуютъ о значительномъ и серьезномъ распространеніи знаній въ то время и любви къ наукѣ. Въ «Запискахъ» помѣщено также болѣе пятидесяти біографій членовъ общества, представляющихъ для насъ большой интересъ. Такъ, мы находимъ тамъ біографіи Богуша, Чацкаго, Хрептовича, Красицкаго, Игнатія Потоцкаго, Сташица и другихъ тогдашнихъ знаменитостей.

По мысли общества, главнымъ же образомъ, стараніями предсѣдателя его, Сташица, на счетъ добровольныхъ пожертвованій и значительнаго приношенія со стороны самаго Сташица, воздвигнутъ въ Варшавѣ памятникъ Копернику, сооруженный знаменитымъ Тордвальсеномъ и поставленный передъ зданіемъ общества. Но Сташицъ не дожилъ до его открытія. Онъ умеръ въ 1826 г. Открытіе памятника послѣдовало съ большею торжественностью въ 1829 г., причемъ вновь избранный предсѣдатель общества, извѣстный польскій поэтъ и историкъ, Іуліанъ Урсинъ Нѣмцевичъ, произнесъ прочувствованную рѣчь. Памятникъ и теперь стоитъ на томъ же мѣстѣ, служа вмѣстѣ съ тѣмъ памятникомъ плодотворной и благородной дѣятельности общества.

Въ 1829 году императоръ Николай пожертвовалъ въ пользу общества восемь тысячъ злотыхъ (1,200 руб.).

Въ 1831 году общество упразднено. Въ теченіе тридцатилѣтняго существованія общества, всѣхъ членовъ въ немъ было 371, въ 1831 г. въ живыхъ состояло 226, въ томъ числѣ 80 иностранцевъ, изъ нихъ 13 русскихъ.

Въ 1836 г. библіотека и всѣ коллекціи общества перевезены въ Петербургъ. Въ числѣ такъ называемыхъ достопримѣчательностей былъ перевезенъ небольшой желѣзный сундучекъ, наглухо запертый, безъ всякой надписи. Сундучекъ хранился въ публичной библіотекѣ въ одной изъ залъ, но никто не зналъ, что въ немъ заключается. Въ 1857 г. по распоряженію тогдашняго директора библіотеки, барона М. А. Корфа, сундучекъ былъ вскрытъ и въ немъ оказался маленькій гробикъ, покрытый бархатомъ, съ золотыми позументами, а въ немъ нѣсколько косточекъ. Какъ потомъ выяснилось (при содѣйствіи особаго чиновника, служившаго тогда въ синодѣ, командированнаго въ Варшаву для пріема коллекцій общества), кости эти были взяты генераломъ Домбровскимъ изъ гроба короля Станислава Лещинскаго, во время странствія польскихъ легіоновъ, въ Нанси. По высочайшему повелѣнію эти останки были погребены въ католической церкви св. Екатерины (на Невскомъ), въ томъ же склепѣ, гдѣ покоится прахъ короля Станислава-Августа Понятовскаго.

Въ исторіи просвѣщенія Польши важную роль играли въ первой четверти нынѣшняго столѣтія Пулавы, переименованныя въ 1831 году въ Новую Александрію. Пулавы находятся въ Люблинской губерніи, въ семи миляхъ отъ Люблина, на берегу Вислы, въ очаровательной мѣстности. Въ XVII столѣтіи это была волость, принадлежавшая великому коронному гетману Сѣнявскому. Уже тогда Пулавы славились своимъ великолѣпіемъ, образцовымъ французскимъ паркомъ, прекрасными зданіями и богатыми коллекціями изящныхъ искусствъ. Гетманъ Сѣнявскій былъ сторонникомъ короля Августа II. Во время борьбы послѣдняго съ Карломъ XII, шведскія войска напали на Пулавы, разгромили и сожгли всѣ зданія. Страшныя неистовства совершались на глазахъ Карла XII, который, стоя на противоположномъ берегу Вислы, любовался пожарищемъ. Отъ прежнихъ Пулавъ осталось только пепелище. Потомъ, когда послѣдняя изъ рода Сѣнявскихъ Софія вышла за князя Августа Чарторыжскаго, Пулавы поступили въ ихъ владѣніе. Сынъ князя Августа, князь Адамъ, генералъ подольскихъ земель, и его супруга

Изабелла, рожденная Флемингъ, возстановили прежнее значеніе Пулавъ. Здѣсь построено было нѣсколько прекрасныхъ зданій, богато украшенныхъ и наполненныхъ сокровищами наукъ и искусствъ. Но неумолимый рокъ тяготѣлъ надъ Пулавами. Въ 1794 г., послѣ битвы подъ Мацѣевицами, Пулавы опять подверглись сожженію и раззоренію.

Послѣ третьяго раздѣла Польши, началось опять возрожденіе Пулавъ. Воздвигнуто было большое готическое зданіе, а также зданіе, названное храмомъ Сивиллы, предназначенное для помѣщенія библіотеки, картинной галерреи, древностей, достопамятностей. Громадныя суммы жертвовали Чарторыжскіе на пріобрѣтеніе замѣчательнѣйшихъ произведеній искусствъ. Многочисленное собраніе польскихъ достопримѣчательностей сдѣлало Пулавы польскою Валгаллою. Процвѣтанію и увеличенію сокровищъ храма Сивиллы болѣе всего содѣйствовала княгиня Изабелла, жена князя Адама. Это была умнѣйшая изъ современныхъ полекъ и въ то же время страстная любительница наукъ, литературы и искусствъ. Она сама была писательницею. Ея «Ogrody» (1806) и «Pielgrzym w Dobromilu» (1816) пользовались заслуженною извѣстностью. Проживъ почти пятьдесятъ лѣтъ въ Пулавахъ, она знала каждый предметъ, сама участвовала въ устройствѣ музейныхъ коллекцій и потому ей всего соотвѣтственнѣе было составить подробный каталогъ предметовъ, хранившихся въ храмѣ Сивиллы, что она и исполнила. Каталогъ, ею составленный, носилъ заглавіе: «Главный каталогъ историческихъ памятниковъ въ Пулавахъ». Въ 1823 г. умеръ мужъ ея, князь Адамъ; но сильнымъ пособникомъ ея остался сынъ ихъ, тоже князь Адамъ, пользовавшійся при Александрѣ I большимъ значеніемъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, и потомъ— какъ начальникъ учебнаго округа, въ составъ котораго входили всѣ девять сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерній. Какъ попечитель учебнаго округа, разъѣзжая по округу, онъ имѣлъ полнѣйшую возможность добывать какъ изъ частныхъ древне-хранилищъ, такъ и изъ монастырскихъ библіотекъ и даже храмовъ рѣдкія изданія книгъ, рукописи, случайныя выкопки и разные предметы, имѣвшіе историческое или археологическое значеніе, а также картины, гравюры, рисунки и т. п. Все это скоплялось въ Пулавахъ и содержалось въ большомъ порядкѣ. Библіотека пулавская, въ отношеніи рѣдкихъ изданій и рукописей, считалась первою въ Польшѣ. Сюда съѣзжались ученые, литераторы, артисты для изысканій и работъ, а нѣкоторые, въ преклонныхъ лѣтахъ, находили здѣсь пріютъ на всю жизнь. Значеніе Пулавъ въ научномъ и артистическомъ отношеніи было громадное. Не только высшіе польскіе сановники, знаменитые иностранцы, но даже коронованныя лица пріѣзжали удивляться Пулавами. Въ 1805 г. императоръ Александръ I посѣтилъ эту польскую Валгаллу. Былъ здѣсь и театръ, для котораго извѣстный польскій поэтъ Княжнинъ писалъ драмы и оперы. Образовалась цѣлая школа такъ называемыхъ пулавскихъ поэтовъ.

Дворецъ князей Чарторыжскихъ въ Пулавахъ.

Но испытанія судьбы для Пулавъ еще не кончились. Два раза Пулавы превращались въ развалины, но вотъ новый ураганъ, страшный ураганъ 1831 года низвергъ и разрушилъ всѣ многолѣтніе труды и усилія, да еще разрушилъ съ странною причудливостью, нанося удары съ той стороны, откуда менѣе всего могли ожидать ихъ Чарторыжскіе.

У князя Адама Чарторыжскаго, генерала подольскаго, и жены его Изабеллы была дочь Маріанна, почти насильно выданная замужъ въ 1784 г. за Людовика, герцога Виртембергскаго, племянника Фридриха II, короля прусскаго. Она развелась съ нимъ въ 1792 г.—но оставила сына, находившагося потомъ въ русской службѣ. Случилось такъ, что этотъ сынъ ея, а слѣдовательно внукъ княгини Изабеллы, командовалъ отрядомъ, напавшимъ въ 1831 г. на Пулавы. Онъ, стоя на противоположномъ берегу Вислы, производилъ страшную пальбу въ пулавскія зданія, въ гнѣздо его дѣда, бабушки и матери. Казаки же въ это время приступили къ грабежу, но подоспѣвшіе уланы Дверницкаго успѣли отстоять Пулавы хоть на короткое время. Это лишь дало возможность сохранить большую часть пулавскихъ сокровищъ, перевезенныхъ въ Сѣняву, тоже имѣніе Чарторыжскихъ, но уже въ Галиціи, куда спаслася и княгиня Изабелла, гдѣ она и жила потомъ до самой смерти, постигшей ее въ 1835 г. на 85 году жизни. Все, что осталось въ Пулавахъ, было перевезено потомъ въ Петербургъ. Между тѣмъ въ Сѣнявѣ княгиня Чарторыжская приводила въ порядокъ библіотеку и разныя коллекціи. Сынъ ея, князь Адамъ, поставилъ себѣ задачею увеличивать собранія. Въ Парижѣ, въ отелѣ Ламбертъ, у него устроенъ былъ цѣлый музей. Часть книгъ, рукописей и другихъ предметовъ хранилась также въ Курникѣ графовъ Дзялынскихъ, въ великомъ княжествѣ Познанскомъ (дочь кн. Адама была за гр. Иваномъ Дзялынскимъ). Наконецъ, нынѣшній представитель этой линіи рода Чарторыжскихъ, кн. Владиславъ всѣ накопленныя сокровища науки и искусствъ перевезъ изъ Сѣнявы, Курника и Парижа въ Краковъ, гдѣ они помѣщены въ древней городской башнѣ, называемой Флоріанскою, увеличивъ весьма значительно средства для ученыхъ артистическихъ и археологическихъ изслѣдованій. Собранія кн. Чарторыжскаго состоятъ изъ библіотеки, въ которой много рѣдкихъ не только польскихъ, но и славянскихъ изданій, изъ архива, заключающаго богатѣйшее собраніе рукописей, грамотъ, актовъ, писемъ и т. д. Всѣ выписи и многочисленные историческіе матеріалы, собранные по повелѣнію короля Станислава-Августа для Нарушевича, теперь находятся въ этомъ архивѣ; далѣе картинная галлерея, рѣдкое собраніе гравюръ, эстамповъ и рисунковъ, богатое собраніе оружія, археологическихъ выкопокъ древностей временъ доисторическихъ и, наконецъ, отдѣлъ достопамятностей.

Монахи Бенедиктины первые были основателями библіотекъ въ Польшѣ. Бенедиктины отличались калиграфическимъ искусствомъ и еще болѣе своимъ необыкновеннымъ терпѣніемъ, съ какимъ они списывали громаднѣйшіе фоліанты, разукрашенные золотомъ, серебромъ и красками. Ихъ рисунки и отчетливое письмо на пергаментѣ—какъ было сказано уже выше—и теперь еще приводятъ въ удивленіе. Первыя библіотеки, заведенныя ими, находились въ Сандомирѣ и на Лысой Горѣ, нынѣ Святокрестной. Изъ исторіи извѣстно, что въ 1260 году татары сожгли бенедиктинскія библіотеки въ Сандомирѣ и на Лысой горѣ. Въ XIV и XV столѣтіи самыя значительныя библіотеки были въ Сандомирѣ, Мѣховѣ, Опатовѣ, Сѣцѣховѣ. Перепиской книгъ занимались не одни бенедиктины, но также мѣховиты, цистерсы и норбертанцы. Въ 1464 г. въ Плоцкѣ помѣщена была библіотека короля Владислава, собранная имъ и увеличенная плоцкимъ епископомъ Сциборомъ. Въ XVI столѣтіи нигдѣ въ Польшѣ не было такой богатой библіотеки, какъ въ Вильнѣ, собственной библіотеки Сигизмунда-Августа. Она досталась потомъ іезуитамъ. Богата была также библіотека Замойскаго, въ которой было собрано рѣшительно все, что гдѣ-либо напечатано до того времени. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія, въ Варшавѣ, Іосифъ-Андрей Залускій, номинальный кіевскій епископъ, сталъ собирать книги въ значительномъ числѣ. Это былъ библіоманъ въ полномъ значеніи этого слова. Онъ отказывалъ себѣ во многихъ, даже въ необходимыхъ удобствахъ, жертвуя всѣмъ на пріобрѣтеніе книгъ. Ему помогалъ братъ его Андрей-Хризостомъ Залускій, вармійскій епископъ и потомъ великій канцлеръ коронный. Онъ передалъ свою библіотеку брату, и библіотеку короля Яна Собѣсскаго, впрочемъ обѣ незначительныя; но главное, онъ подарилъ на помѣщеніе библіотеки свой дворецъ въ Варшавѣ. Іосифъ Залусскій въ теченіе тридцатилѣтней

неутомимой дѣятельности собралъ триста тысячъ томовъ. Но еще прежде, въ 1747 году, 3 августа, онъ открылъ публичную библіотеку, назначивъ первымъ ея библіотекаремъ ученаго Даніила Яноцкаго. Въ то время, по числу книгъ, только вѣнская и мюнхенская библіотеки могли сравниться съ варшавскою. Изъ частныхъ же лицъ того времени, онъ первый собралъ столько книгъ. Однихъ рукописей насчитывалось до 20,000. Залускій умеръ въ 1774 г. Тогда библіотека поступила въ вѣдѣніе эдукаціонной комиссіи, главнымъ же ея распорядителемъ былъ ученый Онуфрій Копчинскій, извѣстный авторъ польской грамматики. Въ 1795 г. библіотека Залускаго была привезена въ Петербургъ, гдѣ и нынѣ находится въ публичной библіотекѣ. Въ первомъ отчетѣ Оленина, напечатанномъ въ 1809 г., показано, что въ публичную библіотеку въ Петербургѣ поступило изъ привезенныхъ собраній Залускаго 262,640 томовъ, 24,573 рисунка и 10,000 рукописей.

Залускій нашелъ подражателей, хотя и не столь усердныхъ. Конарскій, о которомъ мы уже говорили, серьезно занимался устройствомъ библіотекъ при піарскихъ коллегіяхъ. Самъ Станиславъ-Августъ собиралъ книги, преимущественно извѣстнѣйшихъ авторовъ и лучшихъ дорогихъ изданій. У него было 20,000 томовъ. Библіотекаремъ былъ епископъ Альбертранди.

Іосифъ-Андрей Залускій, епископъ кіевскій.

Общество любителей наукъ основало тоже свою библіотеку, какъ уже мы знаемъ, открытую для публики въ 1811 г.

Во время варшавскаго герцогства, министръ графъ Лубенскій собралъ много книгъ изъ монастырей, изъ Пултускаго капитула, изъ добровольный приношеній, и такимъ образомъ завелъ библіотеку, которая послужила основаніемъ библіотеки учебнаго округа. Ее соединили съ библіотекою варшавскаго лицея и она была открыта въ 1817 году. Потомъ, въ 1819 г., изъ всѣхъ закрытыхъ монастырей книги были переданы въ эту библіотеку, что значительно увеличило ее. Извѣстный Линде былъ ея первымъ директоромъ. Онъ самъ привезъ изъ монастырей до 50,000 книгъ и 1,500 рукописей. Въ 1830 г. библіотека состояла уже изъ 120 тысячъ томовъ. Но въ 1834 г. большая часть книгъ и рукописей была перевезена въ Петербургскую публичную библіотеку.

И вотъ опять началось собираніе книгъ для образованія мѣстной библіотеки учебнаго вѣдомства. Библіотека общества любителей наукъ, частію остававшаяся въ Варшавѣ, послужила для нея началомъ. Затѣмъ въ 1840 и 1843 году, по Высочайшему повелѣнію, прислано изъ Петербурга 21,669 томовъ. Поступали также книги изъ вновь упраздненыхъ монастырей и изъ другихъ источниковъ, такъ что въ 1860 году считалось; 92,363 книги, 353 рукописи и 4,613 монетъ и медалей. Въ настоящее время число это значительно возросло.

Кромѣ этой, въ Варшавѣ въ настоящее время находятся еще большія библіотеки: 1) маіо-

ратства графовъ Замойскихъ, первоначально перевезенная изъ Замосця и потомъ увеличившаяся; 2) маіоратства графовъ Красинскихъ, заключающая въ числѣ библіографическихъ рѣдкостей много старо-славянскихъ печатныхъ книгъ; и 3) Виляновская, основанная кн. Любомирскими и отъ нихъ перешедшая къ гр. Потоцкимъ. Въ юго-западныхъ губерніяхъ былъ удивительно ученый библіоманъ, Свидзинскій, богатый тамошній помѣщикъ, всю жизнь посвятившій собиранію особенно рѣдкихъ изданій, а также разныхъ коллекцій. Передъ смертью онъ завѣщалъ свою библіотеку Варшавѣ, предоставивъ распоряженіе ею маркизу Велепольскому, и назначилъ довольно крупную сумму на постройку зданія для помѣщенія ея. Послѣ продолжительной тяжбы по этому случаю, библіотека и всѣ собранія Свидзинскаго вошли въ составъ маіоратской библіотеки гр. Красинскихъ, въ слѣдующемъ составѣ: книгъ 12,449, брошюръ 5,988, рукописей 942, разныхъ актовъ, грамотъ и автографовъ 6,000, кромѣ того, минцъ-кабинетъ, картинная галлерея, богатое собраніе рисунковъ и археологическая коллекція древностей.

Книгопечатаніе вводилось медленнѣе, чѣмъ въ Краковѣ и въ Литвѣ. Старѣйшею типографіею здѣсь считается въ Пултускѣ, Ломжинской губ., основанная въ 1539 году; потомъ въ Люблинѣ, еврейская типографія, устроенная въ 1559 г.; затѣмъ, съ 1622—1680 г. было уже пять польскихъ типографій и сверхъ того типографіи іезуитовъ и тринитаріевъ; въ Пинчовѣ, Кѣлецкой губ., въ 1563 г.; въ Ловичѣ, Варшавской губ., въ 1566 г.; въ Замостьѣ, Люблинской губ., Яна Замойскаго, въ 1595; въ Лущовѣ, тоже въ Люблинской губ., подъ конецъ XVI столѣтія; въ Сейнахъ, Сувалкской губ. и Калишѣ, въ 1603 г.; въ Раковѣ, Радомской губ., въ 1659 г.; въ Петроковѣ, въ 1714 г; въ Сандомирѣ, въ 1716 г. Наконецъ, въ Ченстоховѣ, въ Кѣльцахъ, въ Сѣдльцахъ, въ Плоцкѣ и Радомѣ типографіи основаны въ позднѣйшее время.

Въ Варшаву, въ концѣ XVI столѣтія, съ великимъ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ пріѣзжалъ краковскій типографъ Шарфенбергеръ, для печатанія статутовъ, конституцій и сеймовыхъ рѣчей, но только—временно. Первая постоянная типографія въ Варшавѣ устроена въ 1624 г. Яномъ Россовскимъ. Въ 1643 г. Петръ Элертъ основалъ тоже типографію, а въ 1684 году и Шрейберъ, продавшій потомъ свою типографію піарамъ. Дюфуръ съ 1784 по 1790 г. печаталъ въ своей типографіи кирилицей священныя книги для русскихъ старообрядцевъ. Вообще въ царствованіе Станислава-Августа, въ Варшавѣ было девять типографій. Корпусъ кадетовъ имѣлъ собственную типографію.

Въ Варшавѣ и по настоящее время существуетъ «Главный Архивъ царства Польскаго». Въ историческомъ отношеніи въ немъ наиболѣе замѣчательны книги «метрики коронной». Это акты, содержавшіеся канцлерами и вице-канцлерами, называвшіеся метрикой (libri vegestra metrica) и заключавшіе въ себѣ всякого рода грамоты, привиллегіи, дипломы, пожалованія старостствъ, законы, одобренные во время сеймовъ, инструкціи посламъ, договоры съ иностранными державами, договоры о перемиріяхъ, мирахъ и т. п. Здѣсь же хранятся акты «Sigillata», содержаніе актовъ заключающихся въ метрикѣ. Книги эти заведены въ царствованіе Іоанна Казимира, съ 1658 г. Далѣе протоколы и акты генеральныхъ конфедерацій, маршальскихъ судовъ и т. п. Наконецъ, весьма важный историческій матеріалъ — это «тайный архивъ», заключающій акты особенной важности, дипломатическіе, фамильные и др. Акты эти хранились въ Краковѣ, откуда перевезены въ Варшаву въ 1764 году; въ 1795 году они были отправлены въ Петербургъ, откуда часть ихъ была отдана прусскому правительству, но по тильзитскому договору 1807 г. возвращены въ Варшаву, гдѣ и находятся понынѣ.

А. К. Киркоръ.

ОЧЕРКЪ VII.

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Недостатокъ народнаго эпоса.—Лѣтописи.—Галлусъ.—Кадлубекъ.—Башко.—Длугошъ.—Пѣснь Богородицѣ.—Рей.—Кохановскій.—Гроховскій.—Мясковскій.—Шимоновичъ.—Клиновичъ.—Скарга.—Потоцкій.—Коховскій.—Морштынъ.—Пассекъ.—Кордецкій.—Матушевичъ.—Венгерскій.—Красицкій.—Нарушевичъ.—Театръ.—Нѣмцевичъ.—Эпоха романтизма.—Бродзинскій.—Мальчевскій.—Украинскіе поэты.—Гощинскій.—Лелевель.—Мицкевичъ.—Словацкій.—Красинскій.—Историческій романъ.—Винцентій Поль.—Кондратовичъ.—Направленія и духъ современной польской литературы.

> *«Литература занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи цивилизаціи каждаго народа, какъ продуктъ его умственныхъ силъ и творческой фантазіи».*
>
> ВЛ. ЗОТОВЪ
> (Ист. Всем. лит., т. I)

Недостаточно изучить политическую исторію народа, чтобы знать его; его культура, исторія его умственнаго развитія, постепенные фазисы, черезъ которые проходили его нравственная и умственная жизнь, его сердце и мысль даютъ дѣйствительный и безошибочный ключъ къ пониманію его исторіи, къ условіямъ его жизни, къ вѣроятной будущности, ожидающей его. Въ литературѣ выражаются не одна внѣшность его политическихъ событій, а самый духъ народа, его органическія потребности, его умственный и нравственный складъ, характеръ и особенности его темперамента, его идеальныя стремленія. Понятно, поэтому, что литература народа тѣсно связана съ одной стороны — съ его политической исторіей, и съ другой — находится въ зависимости отъ общаго теченія идей и культуры сосѣднихъ народовъ, духовная жизнь которыхъ развилась раньше и, поэтому, тѣмъ сильнѣе вліяетъ на него, чѣмъ онъ первобытнѣе и ниже въ культурномъ отношеніи. Такимъ образомъ, въ литературѣ даннаго народа мы, во-первыхъ, изучаемъ его расовый темпераментъ, духовную структуру, присущую ему, лежащую въ основѣ всѣхъ произведеній его генія, и во-вторыхъ, тѣ вліянія, которыя онъ получаетъ извнѣ. Словомъ, духовная жизнь народа слагается изъ его расоваго организма, и затѣмъ постепенно измѣняется подъ вліяніемъ духовнаго общенія съ другими народами. Но это общеніе возможно только при условіи уже извѣстной опредѣленной культуры: совершенно первобытный народъ не подчиняется внѣшнимъ вліяніямъ, онъ живетъ особнякомъ, замкнутый въ своей народной жизни, недоступный пока къ понятіямъ высшаго порядка. Поэтому, такъ называемая народная литература, литература пѣсенъ, былинъ,

народнаго эпоса—есть самый оригинальный и самобытный періодъ, тотъ періодъ, когда наиболѣе ярко, — хотя и въ узкихъ предѣлахъ народныхъ понятій,—выражается духъ и умственная организація народа.

По отношенію къ польскому народу необходимо, однакожъ, замѣтить, что собственно народнаго эпоса у поляковъ нѣтъ. Въ эпоху принятія христіанства поляками, народъ находился на чрезвычайно низкой степени умственнаго развитія. Польская литература не имѣетъ не только такого эпоса, какъ «Пѣснь о полку Игоревѣ», или «Краледворская рукопись», но и вообще никакого литературнаго памятника, содержаніе котораго было бы основано на языческомъ міровоззрѣніи. Народная литература жила устнымъ преданіемъ, въ пѣснѣ. Самое принятіе христіанства способствовало этому недостатку народнаго творчества. Съ введеніемъ христіанства по латинскому обряду, народная литература оказалась подавленной наплывомъ внѣшней латинской культуры, благодаря школамъ, которыя были основываемы католическимъ духовенствомъ. Латинскій языкъ сдѣлался обязательнымъ какъ въ школѣ, такъ и въ общественной жизни. Латинская литература пришла въ Польшу вмѣстѣ съ религіей; вскорѣ и поляки стали писать полатыни, такъ что въ теченіе семи вѣковъ историческаго существованія народа о письменной, народной литературѣ на польскомъ языкѣ не могло быть и рѣчи. Устная литература не имѣла никакой связи и общности съ письменной: народъ пѣлъ пѣсни на своемъ народномъ языкѣ, литература-же письменная была латинской. Литературнымъ языкомъ былъ языкъ латинскій. Лѣтописцы писали полатыни; на этомъ-же языкѣ былъ составленъ первый кодексъ земскаго права, такъ называемый, Вислицкій статутъ. Немудрено, поэтому, что латинская литература въ Польшѣ довольно богата и разнообразна.

Несмотря на то, что вплоть до XVI столѣтія польская исторіографія исключительно находилась въ рукахъ духовенства,—въ польскихъ лѣтописяхъ почти незамѣтно вѣяній религіознаго аскетизма, столь свойственнаго среднимъ вѣкамъ; авторы лѣтописей, очевидно, люди энергичные, принимавшіе дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, практичные, горячіе патріоты, иногда глубокіе политики. Къ нимъ прежде всего принадлежитъ Мартинъ Галлусъ (около 1113 г.), современникъ Болеслава Кривоустаго, первый польскій лѣтописецъ; хотя онъ былъ иностранцемъ, но долгая жизнь въ Польшѣ сроднила его съ народомъ до такой степени, что въ его латыни можно отмѣтить множество полонизмовъ. Затѣмъ мы видимъ другого лѣтописца, на этотъ разъ уже природнаго поляка, Винцентія Кодлубка (1160—1223). Онъ былъ краковскимъ епископомъ въ царствованіе Казиміра Справедливаго; его лѣтопись, заключающая въ себѣ всѣ преданія о происхожденіи польскаго народа, была очень популярна и преподавалась въ школахъ. Къ нимъ слѣдуетъ причислить Добислава Башко (1253), Янко изъ Чарнкова (1324), гнѣзненскаго архіепископа, описавшаго времена Казиміра Великаго и короля Людовика Венгерскаго.

Первымъ польскимъ историкомъ въ точномъ значеніи этого слова является Янъ Длугошъ (1415—1480), другъ кардинала Збигнева Олесницкаго и короля Казиміра Ягеллончика, воспитатель королевскихъ дѣтей, ученый, дипломатъ, патріотъ. Его Historia polonica является единственнымъ источникомъ исторіи царствованія трехъ первыхъ Ягеллончиковъ. Онъ не біографъ подобно Галлусу и не резонерствующій миѳографъ, подобно Винцентію Кадлубку, онъ критикъ, группирующій явленія. Онъ прежде всего и вездѣ — духовное лицо; поэтому, онъ— моралистъ. Осыпанный милостями короля — онъ не льститъ ему; въ изгнаніи — онъ не негодуетъ на своихъ личныхъ враговъ. То же самое безпристрастіе Длугошъ обнаруживаетъ и при обсужденіи политическихъ событій. Такъ, когда прусскіе города прислали пословъ съ просьбой къ королю польскому, присоединить ихъ къ Польшѣ, Длугошъ долго колебался. Конечно, ему было извѣстно, что эти провинціи принадлежали польской церкви, которая тамъ основывала епископства, но онъ не былъ увѣренъ въ политическихъ правахъ польскаго короля на эти земли. Желая выяснить дѣло, онъ рылся въ архивахъ, припоминалъ, но когда ему были

показаны оффиціальные акты, дипломы, — тогда онъ убѣдился въ правотѣ дѣла и не поколебался оказать королю важныя услуги въ переговорахъ Прусской войны. Несмотря на свой патріотизмъ, онъ, благодаря тому же безпристрастію, указываетъ на недостатки тогдашнихъ законовъ, упрекаетъ шляхту за ея буйства, легкомысліе, гордость. Вотъ какъ, между прочимъ, онъ описываетъ національный польскій характеръ: «Каждый народъ имѣетъ извѣстныя качества и извѣстные пороки, которые можно бы назвать національными. Польскій характеръ по преимуществу склоненъ къ зависти и клеветѣ, потому-ли, что онъ унаслѣдовалъ эти пороки отъ своихъ предковъ, потому-ли, что къ этому располагаетъ нѣчто существующее въ воздухѣ и въ таинственномъ вліяніи климата и звѣздъ, потому-ли, наконецъ, что поляки завистливы къ другимъ, изъ желанія быть имъ равными. Нѣкоторые авторы думаютъ, что Хамъ есть родоначальникъ поляковъ и всѣхъ славянъ и что, посмѣявшись надъ своимъ отцомъ Ноемъ, онъ оставилъ проклятіе на своихъ потомкахъ. Этотъ народъ мало произвелъ геніальныхъ людей, но и тѣхъ, которыхъ произвелъ, не сумѣлъ оцѣнить». Шляхту и крестьянъ онъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «Польская шляхта больше всего любитъ славу и богатство. Они ищутъ опасностей и презираютъ смерть. Они легко ручаются своимъ словомъ и съ такою же легкостью забываютъ свои обѣщанія. Они завистливы къ своимъ равнымъ и притѣсняютъ своихъ подданныхъ. Расточительные въ словахъ и жизни, они вѣрны своему монарху, привѣтливы съ иностранцами и самые гостепріимные изъ всѣхъ христіанскихъ народовъ. Крестьяне, склонные къ пьянству, легко ссорятся и всегда оканчиваютъ ссору ударами и зачастую убійствами. Небрежные къ своему добру, они завидуютъ добру другого, но не отступаютъ отъ трудовъ и утомленія. Они отлично переносятъ холодъ и голодъ; нетерпѣливы, жадны къ новостямъ, имѣютъ характеръ жестокій и хитрый въ одно и тоже время». Въ другомъ мѣстѣ Длугошъ описываетъ испорченность своего вѣка такъ: «Въ эту эпоху замѣчена была значительная перемѣна въ нравахъ Польши (около XV столѣтія); испорченность сдѣлалась всеобщею. Дворяне обнаруживали позорный цинизмъ; свои волоса они подстригали спереди и завивали ихъ въ локоны самаго скандальнаго франтовства; они украшали лентами свои кафтаны, что въ прежнія времена не дозволялось даже женщинамъ. Я знаю такихъ, которые, растранжиривъ свое состояніе, достаютъ деньги преступными средствами; знаю и такихъ, которые не сдѣлавъ ничего, постоянно разглагольствуютъ о своемъ героизмѣ. Они имѣютъ страсть исправлять не самихъ себя, а лицъ, выше ихъ стоящихъ. Гордые, краснобаи, настоящіе герои подмостковъ. Я не говорю лишь о единичныхъ примѣрахъ: это національная страсть. Мы тщеславны и легкомысленны; мы издѣваемся надъ нашими законами и статутами и, вопреки Богу и закону, мы устраиваемъ себѣ жизнь, которая когда-нибудь кончится какой-либо страшной катастрофой. Все это происходитъ отъ того, что пока провидѣніе еще щадитъ насъ, уготовливая намъ, можетъ быть, судьбу, худшую судьбѣ приговоренныхъ, судьбу проклятыхъ». Мицкевичъ въ своемъ курсѣ славянской литературы, совершенно вѣрно замѣчаетъ, что величіе польскаго историка становится очевиднымъ при сравненіи его съ извѣстнѣйшими европейскими писателями, его современниками. XV столѣтіе—эпоха историковъ. Нѣсколько лѣтъ послѣ Длугоша, Филиппъ Комминъ написалъ свои мемуары; лѣтъ двѣнадцать послѣ этого родился Макіавели. Комминъ изображаетъ въ еще болѣе неблагопріятныхъ чертахъ французское дворянство. Онъ не вѣритъ въ феодализмъ; отрицаетъ духовное преданіе, отдѣляетъ политику отъ нравственности. Его предшественники (Жуанвилль, Вильгардуэнъ) объясняли событія непосредственнымъ вмѣшательствомъ провидѣнія; онъ-же видѣлъ причину всѣхъ событій въ страстяхъ и интересахъ. Онъ прежде всего восхищается ловкостью, и поэтому-то особенно преданъ Людовику XI. Что же касается Макіавели, то его система достаточно извѣстна. Умъ страстный, испорченный, Макіавели имѣлъ лишь одну идею — возстановленіе единства Италіи. Но это единство онъ основывалъ не на реальныхъ интересахъ, а на туманныхъ воспоминаніяхъ древности и на утопіи, которую самъ себѣ создалъ.

Влiянiе Макiавели, впрочемъ, сказалось и въ Польшѣ. Одинъ изъ учениковъ его, человѣкъ значительнаго таланта, Буонакорси, поселился въ Польшѣ и игралъ тамъ значительную роль. Въ польско-латинской литературѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Калимаха. Будучи любимцемъ короля Яна Ольбрихта, онъ занималъ высокiй дипломатическiй постъ. Въ исторической литературѣ онъ извѣстенъ разсказомъ о походѣ Владислава III на турокъ и о геройской его смерти при Варнѣ. Мы указываемъ здѣсь на главныхъ писателей-историковъ, писавшихъ по латыни, но вообще, эта польско-латинская литература очень богата, разнообразна и въ ней встрѣчаются произведенiя значительнаго таланта.

Тѣмъ не менѣе, собственно о польской письменности въ этотъ перiодъ, т.-е. до XVI столѣтiя, не можетъ быть и рѣчи. Историческими изслѣдованiями доказано, что въ далекомъ прошломъ въ Польшѣ употреблялась кирилица, а бенедиктинцы употребляли ее вплоть до XIII вѣка. Но и въ этомъ отношенiи западно-европейская культура, пришедшая вмѣстѣ съ христiанствомъ оказала свое влiянiе: кирилица была вытѣснена въ XIII вѣкѣ латинскимъ алфавитомъ. Что же касается до рукописей, писанныхъ кирилицей, то всѣ они погибли, такъ какъ католическое духовенство, боясь влiянiя гусситовъ, уничтожало ихъ. Древнѣйшимъ памятникомъ письменности на польскомъ языкѣ можно считать извѣстную церковную пѣснь о Богородицѣ, авторомъ которой предполагается св. Войцехъ, пражскiй епископъ, крестившiй поморянъ. Пѣснь эта пѣлась воинами, отправлявшимися на войну. До самаго паденiя Польши она считалась народнымъ польскимъ гимномъ. Памятникъ этотъ, несмотря на свою древность, не представляетъ, однакожъ, особеннаго интереса: первоначальный текстъ пѣсни погибъ. Древнѣйшiя ея списки принадлежатъ: одинъ 1408 г., другой—1456 г. Съ каждымъ вѣкомъ текстъ медленно искажался введенiемъ новыхъ оборотовъ, такъ что въ концѣ текстъ этотъ оказался почти чистымъ, современнымъ польскимъ языкомъ, между тѣмъ, какъ по всѣмъ вѣроятностямъ, первоначально онъ подходилъ ближе къ чешскому, чѣмъ къ польскому.

Только къ концу XIII столѣтiя принадлежатъ первые переводы на польскiй языкъ священнаго писанiя и первые литературные опыты, принадлежащiе, конечно, духовной литературѣ. Но странно, что всѣ эти опыты носятъ на себѣ несомнѣнный характеръ гуссицизма и протестантства. Католицизмъ водворялъ, какъ это понятно, латынь; протестъ противъ католицизма возникъ въ средѣ гусситовъ-протестантовъ, которые формою этого протеста избрали народную польскую рѣчь. Въ XV вѣкѣ появилась первая книга, написанная по польски. Это —турецкая хроника такъ называемаго «Янычара». Авторомъ этой хроники оказался сербъ, Михаилъ Константиновичъ. Онъ попалъ въ плѣнъ къ туркамъ и вступилъ въ войско янычаръ. Былъ въ Грецiи, Сирiи, Месопотамiи; былъ свидѣтелемъ важнѣйшихъ сраженiй Магомета II и взятiя Константинополя. Боязнь опасностей, которыми угрожали Европѣ турки, внушила ему мысль изучить Турцiю и дать христiанамъ свѣдѣнiя объ этомъ государствѣ. Хроника, написанная имъ по-польски, и есть, собственно говоря, сборникъ этихъ свѣдѣнiй. Въ ней встрѣчаются и для нашего времени драгоцѣннѣйшiя подробности о жизни турокъ, о ихъ нравахъ и военныхъ привычкахъ. Часто янычаръ приводитъ подлинныя слова, слышанныя имъ отъ имамовъ и улемовъ; онъ передаетъ анекдоты изъ жизни Магомета и Амурата, знаетъ всѣ суевѣрiя турокъ. Необходимо, однакожъ, прибавить, что янычаръ очень невѣжественъ относительно географiи и исторiи: для него, рѣка Евфратъ, напр., вытекаетъ изъ земного рая и вливается въ Черное море; Египетъ, по его мнѣнiю, городъ. Несмотря, однакожъ, на это невѣжество, книга представляетъ значительный и серьезный интересъ.

Въ началѣ XVI столѣтiя, польское дворянство, такъ называемая шляхта была въ полномъ расцвѣтѣ своей рыцарской жизни; темныя стороны этой жизни еще не были замѣтны, почти не существовали. За то, привлекательныя стороны рыцарства,—гостепрiимство, семейныя добродѣтели, нѣкоторое наивное добродушiе,—эти черты, присущiя вообще славянству,—поражали въ польской шляхтѣ. Идеи, переносимыя съ запада, находили себѣ благопрiятную

почву въ польскомъ дворянствѣ: образованность быстро распространялась и эта образованность носила на себѣ печать гуманизма. Немудрено, поэтому, что въ такой средѣ, — привиллегированной, но не исключительной еще и узкой, — польская литература должна была, наконецъ, явиться. И дѣйствительно, въ шестнадцатомъ столѣтіи она является роскошнымъ гуманитарнымъ цвѣткомъ. Разсадникомъ ея была, разумѣется краковская академія, находившаяся въ то время въ полномъ своемъ развитіи, богатая учеными и талантами. Но въ особенности высокое мѣсто занимаетъ первый, говоря хронологически, польскій писатель Рей изъ Нагловицъ.

Рей принадлежалъ къ старинному шляхетскому роду, поселившемуся въ Краковѣ. Молодость свою онъ провелъ въ русскихъ земляхъ, въ Червонной Руси. Вѣроятно, въ дѣтствѣ онъ говорилъ порусски. Краковская академія была въ то время единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Отецъ Рея, однако, не желая съ нимъ разставаться, воспиталъ его въ деревнѣ. Понятно, что такое образованіе не могло быть особенно значительнымъ. Рей, кое-что зналъ, но очень плохо, и неопредѣленно. На двадцатомъ году жизни, молодой человѣкъ поступилъ на службу къ одному польскому магнату, — такимъ образомъ начиналась обыкновенно общественная карьера всякаго шляхтича. Магнатъ, замѣтивъ его способности, заставилъ его читать; Рей, стыдясь своего невѣжества, среди блестящаго краковскаго двора, принялся изучать латинскій языкъ и съ жаромъ поглощалъ всѣ книги, попадавшіяся ему подъ руку: богословскія, историческія, политическія, полемическія. Свѣдѣнія, пріобрѣтенныя такимъ образомъ, не отличались систематичностью, но своеобразно развили умъ молодого человѣка. Рей пристрастился къ литературѣ и вскорѣ самъ началъ писать. Началъ онъ, — какъ это понятно, съ религіозныхъ трактатовъ и стиховъ. Но поэтическаго дара у него не было. Стихъ его тяжеловатъ, форма не художественна. Гораздо важнѣе его проза. Тутъ онъ является писателемъ необыкновенно оригинальнымъ и талантливымъ. Лучшее его сочиненіе имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Зеркало или жизнь честнаго человѣка» (1567 г.). Рей начинаетъ съ сотворенія міра. Вселенная, по его мнѣнію, очень похожа на Рѣчь Посполитую. Планеты и кометы, которыя, по его мнѣнію, управляютъ земнымъ шаромъ, нѣчто въ родѣ сословій старой Польши. Отсюда — теорія рока, предопредѣленія. Для противодѣйствія этому предопредѣленію, человѣкъ одаренъ безсмертной душой. Она освѣщаетъ путь жизни; заповѣди Господни даны ему въ качествѣ орудія противъ страстей; имъ помогаютъ: воспитаніе и соотвѣтственныя занятія. Послѣ этого краткаго введенія, Рей примѣняетъ свою философскую систему къ Польшѣ. По его мнѣнію, — высшимъ существомъ на землѣ есть польскій шляхтичъ; все, что ниже его, — крестьянинъ, иностранецъ, — недостойны вниманія, такъ какъ единственною, достойною человѣка жизнью есть жизнь общественная, а такая жизнь, въ его время, была доступна только шляхтѣ. Затѣмъ, онъ даетъ совѣты молодымъ людямъ, матерямъ; говоритъ о семейной жизни, общественной; затрогиваетъ всѣ высшіе интересы, объясняя ихъ примѣрами, анекдотами, случаями. Сочиненіе Рея важно не этими совѣтами, а множествомъ живо схваченныхъ характеристикъ, которыя чрезвычайно важны для историческаго пониманія времени.

Рей.

Такъ, значительную часть своего сочиненія Рей посвящаетъ правиламъ, которымъ долженъ слѣдовать общественный и политическій дѣятель. И тутъ то, именно, Рей даетъ намъ любопытныя подробности объ администраціи въ Польшѣ его временъ. Знаете-ли вы, напр., какъ собирались подати? Сеймъ утверждаетъ извѣстную подать, по стольку-то съ души. Прекрасно. Чиновникъ, съ закономъ въ рукахъ, является въ село. Старшина, старый, хитрый мужикъ, зная въ чемъ дѣло, принялъ уже всѣ предосторожности. Большую часть жителей села онъ отправилъ въ лѣсъ. Теперь онъ является къ чиновнику, почесывая затылокъ и ко-

выряя въ носу (по выраженію Рея),—и указываетъ ему на безлюдье. Чиновникъ ругается, но ничего не можетъ сдѣлать и возвращается во свояси съ пустыми руками. Рей даетъ множество подобныхъ примѣровъ. Правительственнаго агента населеніе терпѣть не могло; его обманывали, надували, издѣвались надъ нимъ. Вотъ почему всякій предпочиталъ общественную и политическую дѣятельность: жизнь депутата, народнаго представителя на сеймѣ. Представитель отвѣчаетъ за свободу и безопасность государства. Рей понимаетъ всю важность этихъ обязанностей и говоритъ, что депутатъ долженъ съ такимъ-же благоговѣніемъ относиться къ общественному дѣлу, съ какимъ онъ относится къ таинствамъ. Но вѣнцомъ публичнаго поприща считалось сенаторство. Такъ какъ, по мнѣнію Рея, число вредныхъ наклонностей человѣка соотвѣтствуетъ числу смертныхъ грѣховъ, то авторъ преподаетъ совѣты какъ уберечься отъ жадности, разврата, гордости и проч. Онъ больше озабоченъ государствомъ, чѣмъ личнымъ счастіемъ сенаторовъ. Государство было, конечно, сильно, могущественно, но въ немъ были уже зародыши упадка. Король, не могущій безконтрольно управлять, разсчитывалъ лишь на преданность подданныхъ. У Рея мы встрѣчаемъ подробности о нѣкоторыхъ обычаяхъ, которыя бы въ настоящую минуту показались очень странными. Такъ, напр., иногда магнаты завѣщали королю свои земли; громадныя суммы денегъ дарились королю. Одинъ изъ писателей, современныхъ Рею, удивляется, что съ нѣкотораго времени этотъ обычай выводится въ шляхтѣ. Зародыши упадка находились въ привиллегіяхъ нѣкоторыхъ сословій и въ полно свободѣ злоупотреблять ими. До тѣхъ поръ, пока эти привиллегіи сдерживались чувствомъ патріотизма,—они служили на пользу общаго блага; но этотъ порядокъ вещей былъ, во всякомъ случаѣ, не долговѣченъ. Онъ былъ непонятенъ иностранцамъ. Политическая жизнь Польши ни въ чемъ не была похожа на политическую жизнь остальной Европы. Не мудрено, поэтому, что европейскіе писатели ничего не понимали въ польской конституціи. Во времена Франциска I или Генриха VIII, французы и англичане не понимали значенія преній польскихъ сеймовъ, они не понимали, какимъ образомъ король былъ обязанъ стоять съ непокрытой головой передъ простыми шляхтичами. Во всякомъ случаѣ Рей и писатели ему современные даютъ множество матеріаловъ для пониманія частной и общественной жизни тогдашней Польши, въ своеобразномъ, необыкновенно свѣжемъ и оригинальномъ языкѣ.

Если Рей, по справедливости, считается родоначальникомъ польской прозы, то Яна Кохановскаго съ такимъ же правомъ можно назвать творцемъ польской поэзіи. Кохановскій былъ нѣсколько моложе Рея; первоначальное воспитаніе онъ пріобрѣлъ въ деревнѣ, подъ наблюденіемъ матери и затѣмъ, окончивъ курсъ въ Краковской академіи, долгое время путешествовалъ по Германіи, Италіи, Франціи. По возвращеніи на родину, его ожидало блестящее общественное поприще, но онъ предпочелъ жениться и поселился въ своемъ имѣніи, Чернолѣсьѣ, гдѣ хозяйничая занимался литературой и поэзіей.

Въ юности Кохановскій писалъ на латинскомъ языкѣ, но будучи въ Парижѣ, онъ познакомился съ Ронсаромъ, который, вѣроятно, и навелъ его на мысль писать на родномъ языкѣ. Современники называли Кохановскаго княземъ польскихъ поэтовъ. Для польской поэзіи, онъ, дѣйствительно, имѣетъ огромное значеніе. Онъ, можно сказать, создалъ польскій поэтическій языкъ, придалъ ему гибкость и гармонію, надѣлилъ его мелодіей и художественной красотой. Съ обнародованія первыхъ его стихотвореній прошло болѣе трехсотъ лѣтъ, но и теперь еще онѣ не потеряли своего значенія и обаянія. Послѣдующіе за ними поэты были забыты, а между тѣмъ нѣкоторыя произведенія Кохановскаго перешли въ народъ. Одинъ изъ псалмовъ Давида, въ переводѣ Кохановскаго, сдѣлался пѣсней всего польскаго народа. Вообще его поэтическіе переводы псалмовъ Давида выполнены мастерски и считаются въ польской литературѣ классическими. Къ лучшимъ поэтическимъ произведеніямъ Кохановскаго, принадлежатъ такъ называемые «Treny» — нѣчто въ родѣ элегіи, и «Fraszki» — шутливыя стихотворенія, въ которыхъ много остроумія и жизни.

Янъ Кохановскій.

Кохановскій въ высокой степени проникся лучшими образцами древне-греческой и древне-римской литературы. Онъ много подражалъ древнимъ и написалъ даже трагедію въ грече-

скомъ стилѣ и съ греческимъ содержанiемъ: «Отъѣздъ греческихъ пословъ». Зародышемъ драмы въ Польшѣ, какъ и въ остальной Европѣ, была, какъ извѣстно, средневѣковая духовная мистерiя. Кохановскiй, тѣмъ не менѣе, не понялъ того драматическаго богатства, которое лежало въ мистерiи, — онъ не былъ реформаторомъ. Онъ писалъ для меньшинства образованныхъ людей по латинской и греческой литературѣ и проникнутыхъ классическими воспоминанiями. Поэтому и трагедiю свою онъ написалъ въ строго классическомъ стилѣ. Содержанiемъ для своей трагедiи Кохановскiй взялъ незначительный эпизодъ изъ Илiады. Улиссъ и Менелай явились въ качествѣ пословъ къ троянцамъ съ требованiемъ возвратить имъ Елену. Парисъ составляетъ себѣ партiю приверженцевъ; Антеноръ между тѣмъ доказываетъ необходимость отдать жену Менелая. Елена, которая у Кохановскаго является болѣе возвышенной женщиной, чѣмъ у Гомера, съ тревогой ожидаетъ рѣшенiя своей судьбы. Явившiйся троянецъ объявляетъ ей, что голосъ страсти взялъ верхъ надъ разсудкомъ и что посламъ отказано. Тутъ же являются и послы; Улиссъ предсказываетъ паденiе трона, управляемаго неопытными и пристрастными людьми; Менелай призываетъ месть боговъ и проклинаетъ троянцевъ. Послѣ ухода пословъ является Кассандра съ своими зловѣщими пророчествами. Трагедiя кончается извѣстiемъ, что греки высадились на берегъ и война началась. Вся трагедiя Кохановскаго проникнута глубокимъ пониманiемъ древности и безспорно является замѣчательнымъ художественнымъ произведенiемъ. Несмотря, однакожъ, на это, — его классическая трагедiя не оказала никакого влiянiя на дальнѣйшiй ходъ литературы. Весь строй тогдашней польской жизни противорѣчитъ тому классическому направленiю и Кохановскiй остался одинокимъ, безъ послѣдователей, безъ школы.

Понятно послѣ этого, что вслѣдъ за Кохановскимъ польская поэзiя приняла другое направленiе, которое указываетъ на непосредственно приближающiйся упадокъ. Лирическая поэзiя падаетъ почти окончательно; поэтическiя произведенiя наполняются миѳологiей и воспоминанiями классической древности. Къ этому направленiю принадлежатъ, между прочимъ, Станиславъ Гроховскiй (1554—1612), и Гаспаръ Мясковскiй (1549—1622). Рядомъ съ этимъ направленiемъ возникаетъ новое, — болѣе для насъ важное, потому что ближе выражающее народныя требованiя, — идиллiя и сатира. Возникновенiе идиллiи и сатиры въ Польшѣ, очевидно, находится въ связи съ подобнымъ же литературнымъ теченiемъ западной Европы, но имѣло кромѣ того и свои спецiально мѣстныя условiя. Въ своемъ «Курсѣ польской литературы» г. Спасовичъ объясняетъ эти условiя слѣдующимъ образомъ. По его мнѣнiю, Польша въ эту минуту переживаетъ одинъ изъ тѣхъ кризисовъ, отъ которыхъ зависитъ дальнѣйшая судьба государства. Шляхта (дворянство) развилась уже на столько, что была всѣмъ. Такъ какъ въ Польшѣ собственно городское населенiе было крайне ничтожно своею численностью, а такъ называемаго средняго сословiя и вовсе не было, то понятно, что въ общественномъ устройствѣ Польши можно принимать только два сословiя: шляхту и крестьянство. Общественныя заботы шляхты сводились на то, чтобы быть просвѣтительницей народа. Задачи эти, уже въ XVI столѣтiи на столько были очевидны, что почти вся тогдашняя литература, сознательно или безсознательно, сосредоточилась на нихъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны возникла идиллiя, съ Шимановичемъ во главѣ (школа галицкихъ поэтовъ) — типы и картины сельскаго быта, и съ другой — сатира съ Клоновичемъ во главѣ, задавшаяся цѣлью въ большинствѣ случаевъ осмѣивать пороки и сословную исключительность шляхты. Правда, что эти стремленiя польской поэзiи шестнадцатаго столѣтiя, никогда не были осуществлены: никакая внутренняя необходимость не заставляла шляхту сроднится съ народными массами тѣмъ болѣе, что шляхта очень хорошо понимала, что осуществленiе этихъ стремленiй привело бы ее къ полному слiянiю съ народомъ. Къ тому же, необходимо также принять во вниманiе, что государство находилось въ цвѣтущемъ состоянiи, никакiя тучи не предвѣщали болѣе или менѣе близкаго политическаго упадка и какiя бы то ни было демократическiя ре-

формы казались ненужными. Шляхта почила на лаврахъ. Отъ этого сладкаго сна разбудила ее только соціальная революція въ формѣ казацкихъ войнъ. Раздавивъ эту революцію жертвой страшныхъ усилій, шляхта уединилась въ границахъ самаго строгого консерватизма, вслѣдствіе чего выступили съ особенною яркостью всѣ ея слабыя стороны, дающія обильный матеріалъ сатирѣ. Такимъ образомъ, ходъ общественно-политической жизни опредѣлилъ и господствующее направленіе литературы.

Къ наиболѣе талантливымъ представителямъ польской идилліи принадлежитъ Шимановичъ, который, по принятому тогда обычаю, писалъ свою фамилію по гречески—Симонидесъ. Шимановичъ воспитывался въ краковской академіи, долгое время путешествовалъ во Франціи и Италіи, гдѣ познакомился съ извѣстнымъ гуманистомъ Скалигеромъ - сыномъ, вліяніе котораго ясно чувствуется въ политическихъ произведеніяхъ Шимановича. Идилліи Шимановича имѣютъ всѣ недостатки, присущіе этого рода поэзіи: тривіальность и нѣкоторую пошлость, когда въ идилліи поэтъ стремится къ буквальному подражанію природы, и искусственную сантиментальность, когда идеализируя своихъ героевъ, поэтъ надѣляетъ ихъ чувствами и мыслями, совершенно несоотвѣтственными ихъ бытовымъ условіямъ. Желая сдѣлать своихъ героевъ-польскихъ мужиковъ болѣе правдоподобными, Шимановичъ впадаетъ въ другую ошибку: заставляетъ ихъ шутить такъ, какъ шутили бы городскіе мѣщане, или заставляетъ ихъ вести между собой разговоры, надѣляя ихъ остроуміемъ и любезностью, которыя можно услышать только въ гостиной. Съ этой точки зрѣнія, идиллія его не представляетъ поэтому особеннаго интереса. Гораздо любопытнѣе для насъ тотъ отдѣлъ его идиллій, въ которомъ поэтъ заставляетъ народъ жаловаться на свою судьбу, на притѣсненія шляхты, раскрывая такимъ образомъ соціальныя раны, присущія тогдашнему общественному польскому организму. Въ этихъ идилліяхъ Шимановичъ является не только художникомъ, но и гражданиномъ твердыхъ убѣжденій, который осмѣливается говорить горькую правду сословію, бывшемъ всѣмъ въ государствѣ и вовсе не намѣревавшемся выслушивать подобныя истины.

Отъ подобнаго направленія идилліи до сатиры одинъ только шагъ. Этотъ шагъ былъ сдѣланъ Клоновичемъ. Онъ подобно Шимановичу воспитывался въ краковской академіи, затѣмъ, поселившись въ Люблинѣ, былъ писаремъ мѣстнаго суда и бурмистромъ. Жизнь Клоновича была подвержена разнаго рода превратностямъ; его сочиненія преслѣдовались, а іезуиты передъ его смертію до такой степени его преслѣдовали, что онъ принужденъ былъ молить о прощеніи за то, что въ 1600 году издалъ брошюру, подъ заглавіемъ: «Equitis poloni in Iesuitos actio prima», въ которой доказывалъ, что отцы-іезуиты болѣе занимаются интригами нежели наукой и что они повредили Польшѣ, взявъ въ свои руки народное образованіе. Съ чисто художественной точки зрѣнія, Клоновича нельзя назвать особенно выдающимся поэтомъ: стихъ его плохъ, растянутъ, не блещетъ образами, однообразенъ. Тѣмъ не менѣе его описанія природы заслуживаютъ вниманія: въ нихъ много свѣжести и правды. Гораздо важнѣе его сатира, которая подъ его перомъ принимаетъ самые разнородныя и неожиданныя формы. Такъ на польскомъ языкѣ онъ написалъ обширную поэму, подъ заглавіемъ: «Мѣшокъ Іуды». Это нѣчто въ родѣ юридическаго трактата о воровствѣ и другихъ подобныхъ же средствахъ пріобрѣтенія во вредъ другими. Предатель Христа, Іуда носилъ у пояса пестрый мѣшокъ, сдѣланный изъ четырехъ различныхъ шкуръ: волчьей, лисьей, рысьей и львиной. Этимъ четыремъ сумкамъ отвѣчаютъ четыре способа пріобрѣтеній: воровство, обманъ, ростовщичество, грабежъ. Поэтъ подробно и обстоятельно описываетъ всѣ эти способы. Дойдя, наконецъ, до «львиной шкуры»,—онъ останавливается, объясняя, что тутъ приходится молчать, такъ какъ «писать объ этой шкурѣ» опасно. Подъ львинымъ грабежомъ, Клоновичъ, вѣроятно, понималъ притѣсненія и самоуправство польскихъ магнатовъ. Подобныхъ намековъ въ сатирахъ Клоновича—множество. Еще любопытнѣе для насъ другое произведеніе Клоновича, поэма, написанная на латинскомъ языкѣ «Victoria Deorum» (побѣда боговъ). По внѣшней формѣ это

нѣчто въ родѣ эпизода изъ борьбы титановъ съ Юпитеромъ: титаны-это шляхта, борющаяся съ престоломъ; Юпитеръ—монархическая власть. Клоновичъ не признаетъ никакихъ привилегій рожденія; по его мнѣнію, тотъ только хорошо рожденъ, кто добродѣтеленъ. Но видя фактъ существованія шляхты, Клоновичъ согласенъ примириться съ привелигированнымъ сословіемъ, но требуетъ, чтобы эти привилегіи основывались на добродѣтели, а не на случайномъ рожденіи и состояніи. Исходя отъ этой идеи, Клоновичъ подвергаетъ критикѣ все соціальное устройство тогдашней Польши, самымъ больнымъ мѣстомъ котораго была родовая аристократія.

Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія Польша снова переживала кризисъ, но на этотъ разъ уже другого характера,—кризисъ религіозный. Протестантизмъ сталъ оказывать вліяніе въ польскихъ провинціяхъ. Постоянныя сношенія шляхты съ западной Европой, и въ особенности съ Германіей, открыли путь протестантизму въ Польшу. Шляхта и магнаты, путешествуя по Германіи, легко подчинялись новому религіозному движенію, многіе оставили католицизмъ и переходили въ протестантство. Возвратясь на родину, они проповѣдывали новое ученіе и, конечно, находили прозелитовъ. Вскорѣ въ Польшѣ оказалось много протестантовъ самыхъ разнообразныхъ сектъ. Но это протестантское движеніе было поверхностно и дѣйствовало только въ средѣ богатой шляхты, магнатовъ. Не мудрено поэтому, что оно не могло долго сохранять свою интенсивность. Нѣсколько крупныхъ дѣлъ (какъ напр. дѣло Оржеховскаго), преслѣдованія сдѣлали свое дѣло. Протестантизмъ польскій уступилъ въ борьбѣ и тѣ же магнаты, которые прежде такъ легкомысленно переходили изъ католицизма въ протестантизмъ, увлеченные новинкою, теперь подчинились отцамъ-іезуитамъ и возвратились на лоно католической церкви. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ политической явилась также и религіозная реакція. Католицизмъ восторжествовалъ и, конечно, торопился воспользоваться побѣдой. Эта реакція тѣсно связана съ тогдашними обширными политическими планами. Замѣчательно, что тогдашнее торжество католицизма совпало съ самымъ значительнымъ расширеніемъ границъ Польши. Государство, казалось, было въ цвѣтущемъ состояніи, сильно, могущественно и преобладало въ международной политикѣ, въ особенности, на востокѣ. На престолѣ сидѣлъ вѣрный ученикъ іезуитовъ, король Сигизмундъ III и этотъ союзъ государства съ католицизмомъ привелъ къ планамъ еще большаго расширенія на востокѣ. Предполагалось образованіе шляхетско-католической федераціи или предоставленіе престола одному изъ великихъ князей московскихъ, или же возведеніе на московскій престолъ лица, которое бы приняло на себя выполненіе плановъ польской политики. Само собой разумѣется, что главными двигателями этого движенія были іезуиты. Между ними были люди талантливые и умные. Но самою выдающеюся личностью явился Петръ Повенскій, извѣстный подъ именемъ Скарги, который благодаря своему увлекательному краснорѣчію былъ названъ «Златоустымъ». Вліяніе его было безспорно велико и тѣсно связано съ политическими событіями.

Скарга воспитывался въ краковской академіи и, сдѣлавшись католическимъ священникомъ, нѣкоторое время былъ каноникомъ львовскаго капитула и соборнымъ проповѣдникомъ во Львовѣ. Его аскетическая натура не удовлетворялась, однако, этимъ положеніемъ. Отправившись въ Римъ онъ вступилъ въ орденъ іезуитовъ и, возвратившись на родину, занялъ выдающееся духовное положеніе въ Вильнѣ. Онъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ короля Сигизмунда и вскорѣ оказался самымъ вліятельнымъ духовнымъ дѣятелемъ въ Польшѣ, въ особенности благодаря своему независимому характеру. Всю свою энергію и дѣятельность Скарга направилъ на борьбу съ сектантами, протестантами и схизматиками (православными), на поддержку королевской власти. Сочиненія Скарги — разнообразны; тутъ есть богословскіе трактаты и произведенія, касавшіяся исторіи церкви и проповѣди. Мы касаемся только его политическихъ проповѣдей, произносимыхъ имъ на сеймахъ. Несмотря на весь свой талантъ, Скарга былъ стѣсняемъ въ своихъ догматическихъ произведеніяхъ: только въ своихъ поли-

тическихъ рѣчахъ высказался во всей своей силѣ его талантъ. Черта, характеризующая эти рѣчи, есть горячій патріотизмъ. Скарга—патріотъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Безъ всякаго сомнѣнія, для того, чтобы начать такую смѣлую борьбу съ врагами католической церкви въ Польшѣ, нужна была недюжинная храбрость. На него клеветали, интриговали противъ него, угрожали убить его. Два раза, онъ, говорятъ, получилъ пощечину. Но ничто его не смущало; онъ не умѣрилъ грознаго тона своихъ рѣчей и съ прежнею храбростью продолжалъ начатое дѣло. Въ исторіи онъ видѣлъ только два народа, которые вполнѣ осуществляютъ идею отечества: избранный народъ, т. е., народъ израильскій и польскій народъ. Доказательство этого, онъ видитъ въ томъ, что одна лишь Польша имѣетъ длинную серію королей, между которыми не было ни одного тирана. Кромѣ того свобода, которой пользуется Польша, есть также, по его мнѣнію, доказательство особаго покровительства провидѣнія. По его мнѣнію, политическая и соціальная организація Польши — совершенна, потому что она основана на тѣхъ же самыхъ началахъ, какъ и человѣческій организмъ. Надъ тѣломъ душа, по мнѣнію Скарги, не имѣетъ власти абсолютной, а лишь власть конституціонную; душа, такъ сказать, выполняетъ лишь функціи польскаго короля, управляющаго республикой. Поэтому-то, польскую свободу онъ называетъ золотой. Въ среднихъ вѣкахъ, какъ извѣстно, золото было синонимомъ совершенства. Въ этомъ смыслѣ одна изъ папскихъ буллъ была названа Золотой буллой. Такъ что золотая свобода Скарги была свобода, по преимуществу, совершенная свобода, гарантировавшая отдѣльнымъ лицамъ всестороннее и полное развитіе, дѣлая ихъ отвѣтственными за ихъ поступки. Скарга любитъ и защищаетъ Польшу, но дѣйствительная Польша отлична отъ Польши, созданной его воображеніемъ: онъ отдѣляетъ ее отъ лицъ. Скарга находилъ, что поколѣніе, къ которому онъ обращался, находилось на вредномъ пути. Вотъ напр., начало одной изъ его рѣчей, сказанной въ сенатѣ: «Наблюдая за вами здѣсь, я узнаю ваши нравы, ваши привычки, я вижу народную язву во всемъ ея ужасѣ». И онъ обращаетъ вниманіе на притѣсненія, которыми страдаетъ народъ. «А этотъ потъ, эта кровь нашихъ крестьянъ, не перестающая литься и отъ которой вся эта земля сдѣлалась красною, — какое ужасное будущее приготовляютъ они (шляхта) этому королевству! Я не знаю во всемъ христіанскомъ мірѣ другого государства, гдѣ бы народъ былъ такъ притѣсняемъ. А вы, которые такъ возстаете противъ деспотизма, котораго никто не намѣренъ вамъ навязать,—лицемѣрные проповѣдники! Почему не хотите вы измѣнить этотъ позорный законъ? Эти крестьяне—ваши ближніе; они такіе же поляки, какъ и вы; они говорятъ однимъ съ вами языкомъ и даже одной съ вами родины. Прежде христіане освобождали своихъ рабовъ, принявшихъ крестъ и сдѣлавшихся ихъ братьями во Христѣ, а вы, вы осмѣливаетесь держать въ рабствѣ христіанъ, вашихъ соотечественниковъ! Знаю я, что не всѣ вы такъ поступаете; но тѣ, которые совершаютъ эти преступленія, какъ могутъ не краснѣть они въ виду всего христіанскаго міра, котораго членами они себя считаютъ?» — Въ своихъ рѣчахъ Скарга говоритъ самыя горькія истины шляхтѣ; предсказываетъ несчастіе Польшѣ, не въ символической и загадочной формѣ, какъ это мы видимъ у израильскихъ пророковъ, а самымъ точнымъ и опредѣленнымъ образомъ. Печальная будущность кажется ему фактомъ, описаннымъ въ исторіи, которой страницы онъ перелистываетъ. Вотъ, напр., какъ онъ говоритъ о внутреннихъ раздорахъ партій, въ ту самую минуту, когда поляки одерживали блестящія побѣды надъ шведами, русскими, татарами. «Врагъ, который выжидаетъ случая раздавить васъ, приблизиться къ вамъ, пользуясь вашей слабой стороной, скажетъ вамъ: «Теперь, когда ихъ сердца не въ согласіи между собой, они погибли!»—И онъ воспользуется этой роковой минутой для васъ, столь благопріятной его тираніи. Ваши враги ждутъ этого случая и скажутъ: «Ихъ ноги поскольз-

Скарга.

нулись, они падаютъ, намъ остается только уничтожить ихъ»! По слѣдамъ вашихъ раздоровъ явится чужеземное иго, которое поглотитъ всю вашу свободу, которой вы такъ кичитесь, и которая сдѣлается сказкой будущаго и будутъ служить предметомъ насмѣшки міра, ибо дѣти ваши, съ ихъ богатствами, съ ихъ семьями умрутъ въ нищетѣ въ рукахъ врага, который будетъ ихъ ненавидѣть. Обширныя земли, государства нѣкогда независимыя, въ союзѣ съ Польшею, воплощенныя въ ваше государство, дѣлающія васъ столь могущественными, столь опасными вашимъ врагамъ, — отдѣлятся отъ типа этой націи, ибо ваши раздоры порвутъ таинственныя связи, соединяющія ихъ. Ваша родина будетъ подобно хижинѣ сторожа, поставленной близъ сада, въ которомъ уже собраны всѣ плоды, хижина теперь уже ненужная, разваливающаяся, оставленная на произволъ зимнихъ бурь. Ваша родина, нѣкогда мать столькихъ націй, будетъ оплакивать свое долгое вдовство, презираемая и преслѣдуемая вашими врагами. Вашъ языкъ,—единственный языкъ, среди славянскихъ нарѣчій, избранный свободой,—будетъ уничтоженъ, а ваше поколѣніе выродится и остатки этого поколѣнія разбредутся по міру, и вы будете принуждены испытать ужасную метаморфозу — принять нравы и привычки народа, который васъ ненавидитъ и презираетъ...»

Среди этой пророческой рѣчи, Скарга былъ прерванъ прибытіемъ курьера, который привезъ извѣстіе о большой побѣдѣ, одержанной надъ шведами гетманомъ Ходкевичемъ. Всѣ бросились на колѣни, сенаторы и нунціи. Скарга, послѣ Te Deum'а продолжалъ: «Какъ спасти это несчастное королевство? Я бы долженъ, подобно Исаіѣ, съ босыми ногами, покрытый рубищемъ, идти и кричать вамъ: неисправимые грѣшники, противящіеся закону Господнему,— васъ ограбятъ и обнаружатъ всю вашу нищету; ваша злоба, подобно высокой и толстой стѣнѣ, падетъ и задавитъ васъ въ ту минуту, когда вы меньше всего этого ожидаете. Я долженъ былъ бы, подобно Іереміи, явиться передъ вами, съ ногами въ оковахъ, съ цѣпью на шеѣ и кричать вамъ: такъ и ваши предводители будутъ въ оковахъ и пойдутъ въ рабство! Я бы долженъ явиться передъ вами въ рубищѣ и показать его вамъ, какъ оно превратится въ прахъ, такъ ваша слава и ваше величье погибнутъ... Кто надѣлитъ меня столькими слезами, чтобы плакать день и ночь надъ несчастьемъ дѣтей моей отчизны? И такъ, ты—вдова, прекрасная земля, мать столькихъ дѣтей! Я вижу тебя плѣнницей, гордое королевство! Ты оплакиваешь своихъ сыновей и не находишь никого, кто бы захотѣлъ утѣшить тебя. Твои прежніе друзья измѣняютъ тебѣ; твои предводители, твои воины, гонимые какъ стадо, проходятъ по землѣ, не останавливаясь и не находя убѣжища. Наши церкви и наши алтари преданы врагу, мечъ виситъ надъ нами; нищета ожидаетъ насъ, а Господь всетаки говоритъ: «Иди, иди!» — Но куда пойдемъ мы, Господи? «Иди умирать, тотъ кто долженъ умереть; иди страдать тотъ, кто долженъ страдать!»

Эти грозныя филиппики взяты изъ различныхъ политическихъ проповѣдей Скарга, озаглавленныхъ: «Призывъ къ покаянію».

По мнѣнію Мицкевича, безспорно компетентнаго судьи въ этомъ вопросѣ, Скарга осуществляетъ собой идеалъ оратора-патріота. Форма его краснорѣчія также совершенна, какъ форма Боссюэ и Массильона. Она даже исчезаетъ подъ наплывомъ содержанія, между тѣмъ, какъ у французскихъ ораторовъ форма всегда замѣтна; чувствуется, что они говорятъ передъ публикой, которая относится критически къ каждой ихъ фразѣ. Напротивъ того, Скарга никогда не думаетъ о фразѣ. Скаргой блестящимъ образомъ заканчивается сигизмундовскій періодъ польской литературы, названный золотымъ періодомъ. Онъ усовершенствовалъ въ высокой степени польскую прозу, но въ то же время придалъ этой прозѣ характеръ стиля древняго Рима; онъ создалъ нѣсколько безспорно великихъ писателей и въ цѣломъ былъ вѣрнымъ выразителемъ общественнаго и государственнаго строя тогдашней Польши.

Наступившее затѣмъ семнадцатое столѣтіе явилось эпохою переходною не только въ Польшѣ, но въ и восточной Европѣ. Въ особенности въ Польшѣ эта переходная эпоха выразилась

рѣзко. Шляхта достигла всѣхъ свободъ, къ которымъ стремилась; казалось, что шляхетскій идеалъ былъ осуществленъ; оставалось, слѣдовательно, охранять его. Такимъ образомъ, общественный консерватизмъ замѣнилъ собою прежнюю кипучую дѣятельность и идеальныя стремленія; жизнь казалась полна движенія, но въ этомъ движеніи не было задачъ. Отсюда—другое явленіе, не менѣе печальное. Народное образованіе, высшимъ представителемъ котораго въ Польшѣ была краковская академія, находилось въ полнѣйшемъ упадкѣ; изъ боязни къ новымъ вліяніямъ, академія прервала всѣ сношенія съ иностранными учеными и остановилась на схоластикѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, протестантскія школы были основаны во множествѣ и краковская академія оказалась не въ состояніи бороться съ ними. Видя, что протестантизмъ такимъ образомъ укореняется въ Польшѣ и поражаетъ католицизмъ, высшее духовенство нашло только одно средство бороться съ ними, — оно призвало іезуитовъ. Вскорѣ іезуитскія коллегіи явились повсюду и привились съ необыкновенною легкостью. При полнѣйшемъ господствѣ іезуитскаго направленія, поддерживаемаго правительствомъ, протестанты должны были уступить; ихъ школы мало-по-малу закрывались и все народное образованіе перешло въ руки іезуитовъ. Вліяніе іезуитовъ было такъ велико, что перешло даже къ ихъ врагамъ. Такъ, всѣ главнѣйшіе православные противники церковной уніи, вышли изъ іезуитскихъ школъ. Естественнымъ результатомъ этого вліянія была испорченность вкуса и пустота содержанія, какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ. Критическій духъ былъ подавленъ, наука разошлась съ жизнью, превратилась въ школьную сушь; литература, отказавшись отъ разработки общественныхъ вопросовъ, потеряла свое значеніе и серьезность, сдѣлалась забавой и вскорѣ приняла именно этотъ характеръ забавы. Польскій языкъ, получившій такое широкое развитіе въ предшествующій періодъ, былъ теперь въ пренебреженіи. Шляхта бѣгло говорила по-латыни, а когда говорила по-польски, то пересыпала польскія фразы латинскими выраженіями, до такой степени, что по временамъ трудно было понять, что это за галиматія.

Было бы однако ошибочно полагать, что эпоха эта была лишена талантовъ. Напротивъ, нѣкоторые изъ тогдашнихъ поэтовъ, какъ, напр., Венцеславъ Потоцкій, Веспасіанъ Коховскій, Андрей Морштынъ заслуживаютъ полнаго вниманія.

Изъ произведеній Венцеслава Потоцкаго особенно извѣстна поэма—«Хотимская война». Прежде эта поэма была приписываема Липскому, затѣмъ Писарскому, наконецъ Шайноха въ 1854 году доказалъ, что авторъ ея—Потоцкій (1622—1696). Въ 1620 году поляки близъ Яссъ потерпѣли страшное пораженіе отъ турокъ. Великій коронный гетманъ Жолкіевскій былъ убитъ, Конецпольскій попалъ въ плѣнъ. Въ слѣдующемъ году, Польша вынесла страшное турецко-татарское нашествіе; султанъ Османъ намѣревался уже выстроить мечеть въ Краковѣ и дѣлилъ уже всю Польшу на пашалыки. Его армія состояла изъ 300,000 человѣкъ. Польша выставила противъ этой арміи всего 65,000 польскаго и запорожскаго войска подъ начальствомъ Ходкевича. Поляки укрѣпились около хотимскаго замка. Турки боролись съ поляками въ этомъ мѣстѣ цѣлыхъ 40 дней и, ничего не сдѣлавъ, принуждены были отступить. Таково содержаніе поэмы Потоцкаго. Ее однако-жъ нельзя назвать эпической. Канвой поэмы послужили Потоцкому мемуары Якова Собѣсскаго, отца короля, въ которыхъ авторъ, не прибавляя отъ себя ничего, создалъ, если можно такъ выразиться, стихотворный пересказъ мемуаровъ, безъ всякихъ прибавленій и дополненій, безъ вымысла и фантазіи, — пересказъ, въ которомъ такъ много жизни, такъ много превосходныхъ характеристикъ, что читатель невольно поддается обаянію разсказа и какъ бы переживаетъ описываемыя событія. Главными достоинствами поэмы являются юморъ, высокій лиризмъ, наблюдательность и превосходныя описанія.

Венцеславъ Потоцкій, безъ всякаго сомнѣнія, человѣкъ своего времени, но еще болѣе полнымъ представителемъ польскаго семнадцатаго столѣтія, является другой поэтъ, Веспасіанъ Лечуя Коховскій. Первоначально Коховскій учился въ краковской академіи, но вскорѣ бросилъ ученіе и сталъ вести рыцарскую жизнь, принимая участіе въ шведской и казацкой войнѣ.

Всѣ характеристическія особенности шляхтича-рыцаря отразились въ его произведеніяхъ (по преимуществу лирическихъ) съ необыкновенною яркостью. Коховскій—горячій католикъ, повинующійся постановленіямъ церкви, какъ солдатъ повинуется командѣ, какъ отъ грѣха избѣгающій всякаго вольнодумства, относящійся ко всякой ереси, какъ испанецъ. Получивъ въ сраженіи рану, онъ приписываетъ этотъ случай недостатку вѣры; не мудрено поэтому, что значительное число его поэтическихъ произведеній носитъ на себѣ характеръ спеціально религіозный. Онъ былъ патріотъ и шляхчичъ—вотъ его характеристика. Онъ учавствовалъ во всѣхъ войнахъ своего времени, на королевскихъ выборахъ, сеймахъ, конфедераціяхъ, — и при всякомъ случаѣ, онъ выражалъ въ поэтическихъ произведеніяхъ желанія и стремленія средней шляхты. Въ 1651 году онъ находился при Янѣ-Казимирѣ, ненавидѣлъ «хлопство» вмѣстѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ, называя его «поколѣніемъ Каина». Впослѣдствіи, вмѣстѣ съ большинствомъ шляхты, Коховскій дѣйствовалъ противъ королевской власти. Послѣ избранія Яна Собѣсскаго Коховскій былъ его вѣрнымъ слугой до самой своей смерти. Подъ конецъ жизни въ немъ произошелъ какой-то странный душевный переворотъ. Миѳологію,—представленіями которой онъ такъ много пользовался въ своихъ прежнихъ произведеніяхъ,—онъ совершенно отбросилъ, постоянно читалъ Библію и, подражая пророкамъ Стараго Завѣта, высказалъ свою вѣру въ будущее Польши. Печальное положеніе своей родины онъ чувствовалъ очень живо, но, полагаясь на провидѣніе, думалъ, что Польша выйдетъ побѣдительницей изъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Въ его мистическихъ произведеніяхъ конца жизни уже замѣтенъ тотъ мессіанизмъ, который въ первой половинѣ XIX столѣтія сдѣлался господствующимъ въ польской литературѣ. Въ натурѣ Коховскаго, какъ и въ его поэтическихъ произведеніяхъ олицетворялись, такъ сказать, наиболѣе характерныя особенности поляка,—рыцарская отвага, формальность католицизма и своеобразный мистицизмъ позднѣйшаго времени.

При направленіи, данномъ іезуитами, и при рыцарскомъ характерѣ времени, понятно, въ XVII столѣтіи должны были принять особенное развитіе не строго историческія работы, а мемуары, лѣтописи, хроники, записки. Критическій смыслъ, объективный взглядъ на событія были утеряны; съ другой стороны въ XVII столѣтіи Польша постоянно воюетъ и эти войны приводятъ ее на край пропасти. Не мудрено, что исторія отходитъ на второй планъ, а мемуары выступаютъ на первый. Мы дѣйствительно имѣемъ прекрасную и богатую литературу мемуаровъ XVII столѣтія. Но самымъ великимъ польскимъ писателемъ въ этомъ отношеніи является Янъ-Хризостомъ Пассекъ, мазовецкій шляхтичъ, дравшійся подъ начальствомъ Чарнецкаго со шведами въ Польшѣ и Даніи, съ русскими въ Литвѣ, сопутствовавшій московскимъ посламъ въ ихъ путешествіи изъ Москвы въ Варшаву, побившій однажды въ ссорѣ Мазепу, будущаго казацкаго гетмана, бывшій любимцемъ королей Яна-Казимира и Собѣсскаго, и наконецъ, пройдя, какъ говорится, огонь, воду и мѣдныя трубы, поселившійся въ Краковѣ, гдѣ умеръ въ глубокой старости. Пассекъ вовсе не писатель ни по призванію, ни по намѣреніямъ. Свои мемуары онъ писалъ не для публики и потомства; онъ не сообщалъ ихъ даже ни своей женѣ, ни дѣтямъ. Принимаясь за составленіе ихъ, онъ просто желалъ пережить снова годы своей юности. Такимъ образомъ онъ описалъ свои похожденія въ рядѣ простыхъ, безпритязательныхъ воспоминаній, въ которыхъ, однако, такъ много художественнаго творчества, такъ много непосредственной жизни, что Пассекъ съ полнымъ правомъ можетъ занять не послѣднее мѣсто классическаго писателя Польши. Вотъ, напр., его описаніе взятія одной шведской крѣпости:

«Мы спорили о томъ, кто изъ насъ будетъ имѣть право отсѣчь голову этому красивому шведскому офицеру. Въ это время солдаты забрались въ подвалы, гдѣ находились бочки съ порохомъ. Одинъ проклятый драгунъ вошелъ туда съ зажженнымъ фитилемъ, — взрывъ состоялся. Господи! какой громъ! Весь замокъ взлетѣлъ на воздухъ, и вмѣстѣ съ нимъ всѣ его мраморныя украшенія. По близости отъ насъ, въ углу замка, находилась башня съ терассой,

тамъ были глыбы мрамора, называемыя статуями; и дѣйствительно, они вполнѣ походили на живыхъ существъ. Я ихъ не видалъ, когда они были въ цѣлости и на ногахъ, но я разсмотрѣлъ многія изъ нихъ послѣ взрыва. Одна изъ этихъ статуй была брошена взрывомъ въ нашу сторону, — она представляла самое великолѣпное зрѣлище; солдаты прибѣгали и осматривали ее съ восторгомъ. Въ первыя минуты всѣ думали, что это супруга коменданта, окаменѣвшая отъ ужаса. Она имѣла видъ прекрасной дамы со скрещенными руками и богатыми украшеніями. Тѣло ея мнѣ показалось очень красивымъ и такой нѣжности, что нужно было коснуться его, чтобы убѣдиться, что это камень. Эта башня служила бельведеромъ королю шведовъ. Онъ входилъ туда для отдохновенія, устраивалъ тамъ праздники, организовалъ танцы, потому что оттуда ему легко было обозрѣть все его маленькое королевство. Когда крѣпость была взята штурмомъ, шведы просили капитуляціи, что они могли бы получить, если бы башня не была взорвана. Но башня, со всѣми своими укрѣпленіями взлетѣла на воздухъ, а вмѣстѣ съ нею и шведы отправились на облака. Потомъ я слышалъ, какъ они падаютъ въ море, точно лягушки. Бѣдные лютеранцы. Они совершили ловкое отступленіе, убѣгая отъ насъ прямо въ небо, но войти туда имъ не удалось. Святой Петръ закрылъ калитку, говоря: «А, измѣнники! вы отказались отъ поклоненія святымъ, утверждая, что ихъ заступничество ничего не стоитъ, и теперь вы являетесь поселиться между нами? Вы изгнали изъ вашей страны іезуитовъ, называя ихъ разбойниками. Не вы-ли были причиной того вихря, который унесъ храбраго шляхтича Боболу въ полномъ вооруженіи, отъ Сандомира на другую сторону Вислы. Къ счастью онъ не умеръ отъ этого путешествія и находится въ полномъ здравіи.—Отчего это? Да оттого, что поляковъ защищаютъ ангелы, а васъ — дьяволы; полюбуйтесь же теперь на защиту, которую они вамъ оказываютъ». Такимъ образомъ описывая сраженія, Пассекъ является въ настоящемъ смыслѣ юмористомъ, тѣмъ болѣе своеобразнымъ, что подобнаго рода юморъ былъ обыкновеннымъ тономъ разговора тогдашней шляхты. Пассекъ на своемъ вѣку множество разъ дрался на дуэли,—это тоже было въ модѣ тогдашней шляхты. Дрались за честь короля, за честь своей политической партіи, за честь семьи друзей. Не было бала, торжественнаго собранія, которое бы не оканчивалось дуэлями. И всегда дрались на сабляхъ. Пассеку случалось драться съ тремя или четырьмя противниками разомъ; случалось ударить по головѣ одного, затѣмъ отсѣчь руку брату перваго и послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ драться еще съ родственниками и друзьями. По количеству его дуэлей легко угадать количество ранъ, полученныхъ имъ, о которыхъ онъ впрочемъ ничего не говоритъ въ своихъ запискахъ. По временамъ приходилось драться, чтобы имѣть право жить въ сосѣднемъ воеводствѣ. Онъ разсказываетъ, что одинъ магнатъ не могъ спокойно говорить о немъ, не могъ терпѣть его въ своемъ воеводствѣ: «но проколовъ саблей нѣсколько кафтановъ, говоритъ онъ, я успѣлъ завязать съ нимъ самыя дружескія сношенія».

Такая жизнь объясняетъ тѣ удивительныя сраженія, которыя выпадали на долю польской кавалеріи съ русскими арміями и съ шведской инфантеріей, которая всегда оказывалась въ бѣгствѣ. Ясно также, какъ трудно было управлять государствомъ, состоящимъ изъ людей, подобныхъ Пассеку. Нашъ авторъ имѣлъ всѣ характерныя черты своихъ соотечественниковъ, но не сохранилъ всѣхъ ихъ отрицательныхъ свойствъ. Онъ былъ послушенъ своимъ начальникамъ, всегда подавалъ голосъ за корону, не любилъ конфедерацій и много разъ былъ въ опасности, какъ другъ и приверженецъ короля. Въ войнѣ онъ не заботится о планахъ главнокомандующаго, не обсуждаетъ мѣръ и результатовъ похода; зато онъ съ удивительнымъ талантомъ описываетъ различные эпизоды, стычки, въ которыхъ участвовалъ, дуэли, частныя сраженія и стычки аванпостовъ. Онъ съ удивительнымъ умѣніемъ и чутьемъ схватываетъ поэтическую сторону каждаго сраженія.

Вотъ, напр., подробности одного эпизода въ сраженіи подъ Могилевымъ: «Генералъ Долгорукій съ 70,000 человѣкъ занялъ позицію въ четырехъ миляхъ отъ нашего лагеря. Присту-

паютъ къ военному совѣту. Литовскій генералъ хочетъ выжидать врага; русскій генералъ, казалось, хотѣлъ атаковать. У насъ приготовляются, ждутъ; но врагъ не являлся. Почему? Ужь не струсилъ-ли онъ? Не можетъ быть,—съ арміей гораздо болѣе численной, чѣмъ наша. Захвачено нѣсколько плѣнниковъ; ихъ допрашиваютъ о причинѣ этой неподвижности и нашъ генералъ узнаетъ, что русскіе ждутъ подкрѣпленія въ 40,000 казаковъ, которые идутъ ускореннымъ маршемъ. Что дѣлать? Но скоро опять собирается военный совѣтъ. Соглашаются, что лучше предупредить зло, чѣмъ сопротивляться ему. Переходимъ черезъ рѣку и каждый говоритъ себѣ, если дѣло въ томъ чтобъ побѣдить, то это невозможно. Что же касается бѣгства, то оно тѣмъ болѣе невозможно, если, однако, не устроить проходъ по брюху русской арміи. Послѣ аванпостныхъ стычекъ русскіе двигаются впередъ и ихъ массы, густыя и пестрыя кажутся точно маковки или поля ржи различныхъ цвѣтовъ. Стрѣлки получаютъ приказъ войти въ ряды. Воевода держитъ намъ рѣчь: «Во имя того, для котораго вы приносите въ жертву вашу кровь», — кричитъ онъ. Обѣ арміи находятся другъ передъ другомъ. Однако, масса въ 12,000 человѣкъ выдѣляется изъ русской арміи; кажется, что русскій генералъ приготовляетъ нападеніе. «И такъ, друзья, — говоритъ воевода,—намъ приходится начинать и проходя около меня прибавляетъ: во имя Господа, впередъ!» Тогда, засучивъ рукава до локтей, онъ принимается за дѣло и сраженіе начинается. Пятнадцать тысячъ литовскихъ всадниковъ атакуютъ русскихъ и заставляютъ ихъ отступить. Въ теченіе моей долгой военной службы, я никогда не видѣлъ моихъ соотечественниковъ, которые дѣйствовали бы съ такой энергіей. Всѣ согласны съ тѣмъ, что еслибъ мы всегда такъ дѣйствовали, то могли бы завоевать всю вселенную. Нужно, однако, сознаться, что бояре внушаютъ порядочный страхъ. Видя эти густыя бороды, чувствуешь нѣчто въ родѣ почтенія, какъ бы приходилось драться съ собственными предками. Воевода снова подбѣгаетъ къ намъ: «Теперь, друзья, съ помощью Господа, впередъ! Атакуйте!» Его кирасирскій полкъ двигается, цѣлый лѣсъ польскихъ пикъ устремляется на врага, какъ на стѣну; къ счастью бояре, которые щекотливы по отношенію къ ихъ брюху, не выжидаютъ пикъ; точно сверло мы проникаемъ въ ихъ ряды; дѣлаемъ обходъ и прорываемъ такимъ образомъ отступленіе. Для всѣхъ совершенно ясно, что такою чудотворною побѣдою мы обязаны лишь особенному покровительству Бога; я никогда не забуду и буду всѣмъ разсказывать о томъ, что случилось со мной въ этомъ сраженіи. Участвуя въ схваткѣ съ русской кавалеріей, мы выдержали на нашемъ флангѣ залпъ почти въ упоръ цѣлаго батальона, а между тѣмъ потеряли только одного всадника. Да, пословица права: «солдатъ стрѣляетъ, а Богъ направляетъ пулю».

Въ такомъ тонѣ, онъ описалъ сраженія съ русскими, пруссаками, трансильванцами, шведами. Его записки, наполненныя фактами, непосредственно связаны съ исторіей. Пассекъ какъ бы угадалъ родъ историческаго романа. Авторы французскихъ мемуаровъ слишкомъ озабочены общими идеями, обсуждаютъ военные планы, занимаются результатами кампаніи, не входя въ детали. Любопытныя эти подробности изъ жизни солдатъ, наблюденія за движеніями, частныя стычки находятся только въ школѣ историческаго романа, собственно говоря, у Вальтеръ-Скотта напр.,—но и это не можетъ сравниться съ тѣмъ, что даетъ намъ Пассекъ. Поэтому-то главнымъ образомъ, его личныя воспоминанія имѣютъ весь интересъ историческаго романа, съ тѣмъ, однако, преимуществомъ, что Пассекъ ничего не придумываетъ, а разсказываетъ лишь то, что видѣлъ и что пережилъ. Пассекъ не предвидѣлъ, что настанетъ день, когда онъ будетъ зачисленъ въ ряды лучшихъ польскихъ классиковъ. Дѣйствительно, языкъ его вполнѣ классическій. Онъ имѣетъ легкость, грацію и свободу прозы лучшихъ французскихъ хроникеровъ. У Пассека, между тѣмъ, нигдѣ не встрѣчается ни малѣйшихъ иностранныхъ оборотовъ; онъ оригиналенъ въ высшей степени, живой, безъ книжныхъ оборотовъ. Читая его воспоминанія, кажется, что вы слышите оживленный разсказъ, а не сказаніе, разсчитанное на извѣстный литературный эфектъ. Пассекъ, если можно такъ выразиться, бро-

саетъ свои фразы, нисколько не заботясь, въ какомъ одѣяніи они явятся передъ читателями. Къ тому-же, кажется, что онъ никогда не можетъ истощить богатаго матеріала, который имѣется въ его памяти. По временамъ, среди описанія сраженія, онъ вспоминаетъ о томъ или другомъ своемъ товарищѣ, прерываетъ описаніе и принимается разсказывать тяжбы и ссоры, которыя онъ имѣлъ съ ними. Пассекъ—представитель, такъ сказать, буржуазной, мѣщанской части тогдашней Польши. Съ ея героической стороной насъ знакомятъ мемуары знаменитаго Кордецкаго, защитника Ченстохова.

Еще большій историческій интересъ, въ особенности для иностранцевъ, представляетъ другой писатель Матушевичъ. Это былъ шляхтичъ средней руки, интриганъ, ловкій человѣкъ. Не понравившись Чарторыжскимъ, онъ перешелъ въ противоположный лагерь, къ Браницкимъ, Радзивилламъ и, несмотря на свои способности, только подъ конецъ жизни пріобрѣлъ извѣстное положеніе, вслѣдствіе участія, принимаемаго имъ въ Радомской конфедераціи. Его «Воспоминанія» относятся къ концу XVII и началу XVIII столѣтій; въ нихъ, какъ бы въ зеркалѣ, отражается эпоха короля Августа III, съ поразительной правдой. Цѣлая пропасть отдѣляетъ Матушевича отъ Пассека: нравы понизились, общественное благо превратилось въ пустую фразу, представительное правительство казалось утопіей; все продажно; пьянство принимаетъ характеръ эпидеміи. Общественное разложеніе дошло до крайнихъ своихъ предѣловъ и не мудрено, что противъ него явилась политическая реакція. Люди, видѣвшіе это, намѣревались совершить крутой политическій переворотъ, уничтожить «liberum veto», ввести хоть кое-какой порядокъ на сеймахъ, провести реформу судовъ, ограничить власть гетмановъ и министровъ, увеличить армію и налоги. Реформа, такимъ образомъ начатая, стремилась къ усиленію королевской власти и къ перемѣнѣ выборнаго принципа на принципъ престолонаслѣдія. Представителемъ этой реформы была такъ называемая «фамилія» Чарторыжскихъ. Приверженцы реформы были сильны и могущественны, вліятельны, они энергично принялись за дѣло и вскорѣ, подъ ихъ вліяніемъ возникла цѣлая политическая литература, тѣсно связанная съ раціонализмомъ XVIII вѣка въ Европѣ. Къ болѣе выдающимся дѣятелямъ этой литературы принадлежатъ: Яблоновскій, король Лещинскій, Залусскій, Конарскій и многіе другіе.

Со вступленіемъ на престолъ короля Станислава Августа Понятовскаго, это разложеніе, общественное и политическое, проявилось во всемъ своемъ развитіи. Вслѣдствіе этого и литература этой эпохи принимаетъ особенную окраску. Польша переживала кризисъ, который долженъ былъ рѣшить ея дальнѣйшее существованіе. Понятно, что всѣ умы были направлены въ одну сторону и литература эпохи Понятовскаго является тѣсно связанною съ политикой. Литература эта имѣетъ, однако, совершенно опредѣленный характеръ; она является какъ бы подражаніемъ французской литературѣ XVIII столѣтія. Иначе въ сущности и не могло быть. Мечты о реформѣ въ Польшѣ идутъ непосредственно изъ Франціи. Популярная философія французскихъ энциклопедистовъ, боровшаяся оружіемъ здраваго разсудка, во имя правъ человѣка, — какъ нельзя болѣе подходила къ польскому обществу XVIII столѣтія: философія эта точно освѣщала и объясняла критически внутренній бытъ этого общества, а затѣмъ указывала и на возможный выходъ. Всѣ представители тогдашней польской литературы и мысли—раціоналисты на манеръ Вольтера и Руссо. Они съ презрѣніемъ смотрѣли на древнія учрежденія Польши, на ея «варварство». Понятно, что главная сила этой литературы сосредоточивается въ сатирѣ. Сатирики поэтому и занимаютъ первое мѣсто въ этой эпохѣ.

Первый изъ этихъ сатириковъ, Венгерскій (1755—1787), представляетъ собой полнѣйшій типъ польскаго западника тогдашняго времени. Будучи бѣднаго происхожденія, онъ, благодаря своему таланту, устроился при дворѣ. Его злой языкъ надѣлалъ ему множество враговъ. Въ 1779 году, вслѣдствіе пасквиля, написаннаго имъ на Екатерину II, Венгерскій принужденъ былъ оставить Польшу и переселиться за границу. Онъ посѣтилъ Францію, Италію, Америку, Англію и умеръ въ Марсели на 33 году отъ рожденія отъ чахотки. Венгерскій во многомъ

похожъ на Вольтера. Съ несомнѣннымъ остроуміемъ онъ издѣвается надъ предметами, для народа самыми священными; онъ прибѣгаетъ къ скабрезнымъ разсказамъ, къ цинизму, иногда доходящему до крайнихъ предѣловъ безцеремонности и откровенности. Вслѣдствіе этого многіе изъ его произведеній до нашего времени остаются въ рукописяхъ.

Другой сатирикъ Станиславъ Трембецкій (1723—1812) былъ уже открытымъ атеистомъ и эпикурейцемъ. Французская литература XVIII столѣтія со своею распущенностью и сенсуализмомъ отыскала въ немъ наиболѣе яркаго представителя въ Польшѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, вмѣстѣ съ Красицкимъ, Трембецкій принадлежитъ къ наиболѣе талантливымъ писателямъ вѣка Станислава-Августа. Его заслуга по отношенію къ развитію польскаго языка не подлежитъ сомнѣнію; многія выраженія и слова, вошедшія нынѣ въ польскій литературный языкъ, принадлежатъ ему. Языкъ его вообще красивъ, образенъ, выразителенъ; стиль превосходенъ и яркъ; тѣмъ не менѣе его сатира напоминаетъ скорѣе эпикурейца, неимѣющаго никакихъ идеаловъ и равнодушнаго къ человѣчеству, чѣмъ негодующаго гражданина. Другъ короля, онъ употреблялъ весь свой талантъ на лесть. Равнодушный къ бѣдствіямъ своей родины онъ одинаково льститъ и императрицѣ Екатеринѣ и іезуитамъ; послѣ второго раздѣла Польши, Трембецкій въ звучныхъ стихахъ утѣшалъ возвращавшихся изъ Гродно депутатовъ и даже какъ будто ликовалъ, придумавъ нѣчто въ родѣ славянофильской или вѣрнѣе панславистской теоріи примиренія всѣхъ славянскихъ народностей. Человѣкъ безспорно остроумный и талантливый, оказавшій безспорныя услуги языку, Трембецкій тѣмъ не менѣе занимаетъ весьма второстепенное мѣсто даже въ литературѣ эпохи Станислава-Августа.

Болѣе интересное явленіе представляетъ собою графъ Красицкій, епископъ варминскій. Въ XVIII столѣтіи въ Польшѣ, точно также какъ и во Франціи, духовное званіе доставляетъ почести и завидное поприще; разумѣется, что такого рода духовные менѣе всего были духовными, это были свѣтскіе люди, для которыхъ сутана была чѣмъ-то въ родѣ почетнаго мундира, доставлявшаго доступъ въ лучшее общество. Аббаты во Франціи и епископы въ Польшѣ были въ модѣ. Красицкій смотрѣлъ на свой санъ точно такимъ же образомъ. Это былъ вельможа въ полномъ значеніи этого слова. Послѣ продолжительнаго пребыванія за границей, онъ вернулся въ Варшаву, гдѣ всѣхъ восхищалъ своимъ остроуміемъ и сдѣлался любимцемъ гостиныхъ: его біографы наивно разсказываютъ, что король Станиславъ-Августъ, убѣдившись въ его остроуміи, сдѣлалъ его варминскимъ епископомъ. Какъ писатель, Красицкій безспорно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ польской литературѣ: онъ, безъ всякаго сомнѣнія, одинъ изъ остроумнѣйшихъ людей своего вѣка, и самый остроумный славянинъ. Если онъ не особенно оригиналенъ въ своихъ шуточныхъ поэмахъ, то во всякомъ случаѣ форма ихъ необыкновенно изящна и граціозна. Послѣ перваго раздѣла Польши (1772) варминское епископство перешло во владѣніе Пруссіи, и Красицкій — до тѣхъ поръ сенаторъ Рѣчи Посполитой—теперь сдѣлался подданнымъ короля Прусскаго. Съ тѣхъ поръ обычное мѣстопребываніе Красицкаго былъ епископскій замокъ въ Гейльсбергѣ. По временамъ онъ ѣздилъ въ Берлинъ, живалъ въ Сансуси у короля-философа, въ обществѣ Вольтера. Вскорѣ епископъ сдѣлался искреннимъ поклонникомъ короля прусскаго: оба они были раціоналисты. Тамъ онъ писалъ свои шуточныя поэмы, въ которыхъ насмѣхается надъ монахами и проповѣдываетъ раціоналистическія идеи XVIII столѣтія. Напрасно, однако, сравнивать его съ Вольтеромъ: несмотря на все свое остроуміе, Красицкій гораздо добродушнѣе Вольтера въ насмѣшкѣ и въ немъ не было той выдающейся публицистической жилки, которая такъ обаятельно дѣйствуетъ въ Вольтерѣ. Многіе не безъ недоумѣнія спрашивали себя: пристало-ли архіепископу издѣваться надъ своими подчиненными, надъ священниками и монахами, вмѣсто того, чтобы исправлять ихъ, но Красицкій издѣвался надъ ними не изъ ненависти къ католическому духовенству и католицизму, какъ это дѣлалъ Вольтеръ, а просто вслѣдствіе моды, тогда всюду господствовавшей; въ сущности же, несмотря на всю свою приверженность къ раціонализму, Красицкій былъ прежде всего индифе-

рентистъ. Красицкій извѣстенъ своими сатирами; его подражатели, хотя и болѣе ѣдкіе, чѣмъ онъ, не обладаютъ его заразительной веселостью, его граціей чисто французской. Въ этомъ отношеніи, онъ мало славянинъ и полякъ. Мицкевичъ въ своемъ курсѣ литературы, не безъ основанія говоритъ, что всякій разъ когда славянинъ хочетъ быть злымъ, онъ дѣлается неловкимъ, неуклюжимъ и грубымъ. Добродушіе—выдающаяся черта славянина. Вотъ почему Красицкій, воспитанный среди энциклопедистовъ, впитавшій въ себя всѣ идеи французскаго раціонализма XVIII столѣтія, съ необыкновеннымъ талантомъ и гибкостью натуры усвоившій себѣ французское остроуміе, — менѣе всего былъ выразителемъ польскаго національнаго духа; онъ былъ только выразителемъ моды, господствовавшей тогда въ Польшѣ, какъ и во всей остальной Европѣ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать за Красицкимъ образовательнаго и воспитательнаго значенія. Рѣчь Посполитая переживала тогда страшный кризисъ: для спасенія государства пришлось переустроивать его за-ново отъ верхушки до основанія; раскрылись національныя раны, безсилье общества, анархія. Поднятіе умственнаго уровня, образованіе, — вотъ, что оказалось главною заботою времени. Польша дѣлала энергическія усилія въ этомъ отношеніи; такъ называемая эдукаціонная комиссія преобразовывала учебныя заведенія, литература оживилась, и король покровительствовалъ ей, но литература эта, несмотря на весь блескъ ея, была лишь подражаніемъ, или вѣрнѣе, отголоскомъ французской литературы, мало пригодной къ исключительному положенію Польши и нисколько не отвѣчающей характернымъ особенностямъ поляка. Литература эта оказывала поэтому мало вліянія и теперь является явленіемъ любопытнымъ, но мало объясняющимъ дѣйствительное настроеніе тогдашняго общества.

Адамъ Нарушевичъ.

Совершенную противуположность Красицкому составляетъ поэтъ, критикъ и историкъ Нарушевичъ (1733—1796). Красицкій стоялъ на точкѣ зрѣнія французскаго раціонализма, Нарушевичъ же стоитъ на почвѣ чисто народной, и поэтому въ немъваженъ не столько писатель сколько гражданинъ и патріотъ. Какъ бы важны ни были его поэтическія произведенія, — онъ тѣмъ не менѣе пріобрѣтаетъ особенное значеніе какъ историкъ. Нарушевичъ — это польскій Карамзинъ; онъ, если можно такъ выразиться, создалъ форму для будущей польской исторіи, далъ готовый методъ. Король Станиславъ-Августъ полюбилъ бывшаго іезуита, оцѣнилъ его талантъ и сдѣлалъ его придворнымъ исторіографомъ, давши ему помѣщеніе въ королевскомъ замкѣ. Ему были доставлены государственные документы и архивы, и Нарушевичъ энергично принялся за дѣло. Пять лѣтъ усидчиваго, упорнаго труда было достаточно для появленія въ печати первыхъ шести томовъ «Исторіи польскаго народа»: Нарушевичъ довелъ свою исторію до вступленія на престолъ Ягайлоновъ. Онъ думалъ продолжать свою исторію и довести ее до вступленія на престолъ Станислава-Августа, но политическая буря, которая готовилась надъ Польшею, помѣшала осуществленію этого намѣренія. Король собирался въ Каневъ на свиданіе съ императрицей Екатериной. По желанію короля Нарушевичъ сопутствовалъ королю. Императрица обласкала польскаго историка, подарила ему дорогой перстень и назначила ему пенсію. Возвратившись въ Варшаву, Нарушевичъ написалъ «Дневникъ путешествія короля Станислава-Августа на Украину въ 1787 году». Этотъ дневникъ составляетъ богатый историческій матеріалъ. Но съ тѣхъ поръ онъ уже больше не принимался за свою «Исторію». Политическія событія, смѣнявшіяся съ быстротой молніи, грозная буря, нависшая надъ Польшею, не благопріятствовали кабинетному труду ученаго; Нарушевичъ чувствовалъ себя гражданиномъ и патріотомъ и съ горечью глядѣлъ на готовящееся мрачное будущее. Имъ все больше и

больше овладѣвала меланхолія. Послѣ тарговицкой конфедераціи онъ потерялъ большую часть своего луцкаго епископства. Этотъ ударъ, касавшійся его личной жизни, Нарушевичъ перенесъ совершенно равнодушно. Король Станиславъ хотѣлъ повидаться съ своимъ бывшимъ исторіографомъ; Нарушевичъ пріѣхалъ въ Семятичъ, имѣніе княжны Яблоновской и тамъ въ послѣдній разъ видѣлся съ королемъ. Когда его спросили, принялся-ли онъ снова за свою исторію,— Нарушевичъ отвѣчалъ: «Теперь заниматься писаніемъ исторіи? Нѣтъ; пусть кто хочетъ другой оканчиваетъ мою книгу, я же не возьму больше пера въ руки». Онъ совершенно уединился въ своемъ епископскомъ дворцѣ; печальный, равнодушный ко всему,—онъ интересовался только природой. Умеръ онъ въ 1796 году. Извѣстность Нарушевичъ пріобрѣлъ первоначально своими стихотвореніями. И это совершенно понятно: тогдашнее польское общество, воспитанное іезуитами, тѣмъ болѣе восхищалось стихотвореніями, въ которыхъ дутая напыщенность формы худо скрывала безсодержательность идеи. Тѣмъ не менѣе, Нарушевичъ и какъ поэтъ имѣетъ нѣкоторое значеніе: чувство красоты безспорно присуще его поэзіи.

Рядомъ съ этимъ первостепеннымъ талантомъ, вѣкъ Станислава-Августа создалъ другихъ, менѣе талантливыхъ писателей,—Карпинскаго, Княжнина, Заблоцкаго. Но на всѣхъ этихъ писателяхъ лежитъ какая-то печать отчаянія и грусти. Нарушевичъ кончилъ жизнь въ меланхоліи. Княжнинъ,—граціозный, легкій поэтъ, проводившій жизнь при роскошномъ дворѣ Чарторыжскихъ,—сошелъ съ ума, когда узналъ о сраженіи при Мацеевицахъ. Заблоцкій, послѣ раздѣла Польши, окончательно оставилъ свою литературную дѣятельность и сдѣлался монахомъ. Всѣ эти люди были жертвами ихъ любви къ родинѣ. Несмотря на раціонализмъ вѣка, на вкусы эпохи,—они все-таки остались патріотами и гражданами и не вынесли паденія Польши.

Группа политическихъ писателей четырехлѣтняго сейма очень многочисленна и заключаетъ въ себѣ первоклассные таланты и недюжинные умы: къ ней принадлежатъ Сташицъ, Коллонтай, Китовичъ, Снядецкій и многіе другіе. Мы уже упоминали о нихъ въ очеркѣ исторіи, и такъ какъ писатели эти важны своею политическою ролью, которую имъ пришлось играть въ послѣдніе дни Рѣчи Посполитой, то здѣсь мы не возвратимся къ нимъ. Но существуетъ еще одна область литературы, которую нельзя обойти, говоря о вѣкѣ Станислава-Августа, мы говоримъ о театрѣ и драматической литературѣ.

Въ царствованіе Станислава-Августа былъ открытъ старый Варшавскій театръ; это дало начало и развитіе драматической литературѣ въ Польшѣ. Такъ называемыя мистеріи появились въ Польшѣ еще въ среднихъ вѣкахъ; но только при Владиславѣ IV появился настоящій театръ. Это были по большей части придворные спектакли, устраиваемыя въ торжественныя праздненства. Вскорѣ вкусъ къ театральнымъ представленіямъ распространился и въ обществѣ. Въ монастыряхъ, въ домахъ вельможъ, часто устраивались спеклакли, съ діалогами и комедіями. Они-то и представляютъ собою дѣйствительный зародышъ польскаго театра. Трагедіи носили на себѣ еще отпечатокъ религіозныхъ мистерій, но въ діалогахъ, комедіяхъ и такъ называемыхъ интермедіяхъ,—уже просвѣчиваетъ народный колоритъ. Главное содержаніе этихъ представленій заключалось въ сатирѣ. Среди, сохранившихся діалоговъ, нельзя не упомянуть о діалогѣ Петра Барвека подъ заглавіемъ: «Изъ крестьянъ въ короли». Въ этой «комедіи», нѣтъ никакой интриги, фабулы. Опьяненіе мужика, надѣваніе на него королевской одежды, почести, оказываемыя ему, какъ королю, затѣмъ возвратъ его въ прежнее состояніе, въ рубище, — все это не болѣе, какъ фарсъ, довольно грубый. Тѣмъ не менѣе однако, въ этой комедіи, характеры и типы рисуются уже ярко, стихъ превосходенъ, множество чертъ, нравовъ и обычаевъ, такъ что эту комедію можно считать настоящей литературной жемчужиной эпохи Владислава IV. По смерти этого короля и съ вступленіемъ на престолъ Яна-Казимира театръ упалъ. Миръ, которымъ такъ долго наслаждалась Польша внутри, теперь исчезъ, враги со всѣхъ сторонъ окружали государство, началось вторженіе, вскорѣ поставившее Польшу на край пропасти. Чума, передъ которой народъ толпами спасался въ лѣсахъ, господствовала

въ ужасающей степени. Такъ что только послѣ удаленія шведовъ, Андрей Морштынъ представилъ переводъ корнелевскаго Сида, написавъ оригинальный къ нему прологъ въ 1661 году. Въ этомъ прологѣ Висла въ торжественныхъ словахъ, привѣтствуетъ короля и королеву. Морштынъ первый ввелъ подражательность французскому театру. Но развитіе драматической литературы уже не остановилось; несмотря на формы и правила французскаго псевдо-классицизма, въ этихъ діалогахъ были затрогиваемые самые животрепещущіе національные вопросы. Такъ, вскорѣ послѣ смерти Яна Собѣсскаго, когда австрійскій дворъ интриговалъ съ цѣлью пріобрѣсти польскую корону, въ Варшавѣ былъ представленъ діалогъ, въ которомъ выступало царство Польское, воплощенное въ женщину, оплакивающую смерть героя-короля. За нею ухаживаютъ поклонники, которымъ она отказываетъ въ своей рукѣ. Тогда выступаетъ на сцену Венгерская земля, неся громадную глыбу золота, а нѣмецъ съ закрученными усами, съ огромными шпорами, бьетъ ее желѣзнымъ кнутомъ. Невѣста спрашиваетъ, кто эта несчастная?—Я—Венгерская земля,—отвѣчаетъ несчастная. Любезная сосѣдка! У тебя много поклонниковъ, но не выбирай ради Бога, нѣмца!

Юліанъ Нѣмцевичъ.

Эпоха двухъ саксонскихъ королей, когда понизился вмѣстѣ съ нравами и умственный уровень, — была роковою также и для театра. Заслуги возрожденія театра безспорно принадлежатъ Станиславу-Августу. Вмѣстѣ съ открытіемъ стараго варшавскаго театра, интересъ къ театральнымъ представленіямъ снова возникъ. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи былъ Богуславскій, который содержалъ театръ въ самыя бурныя времена и поднялъ его, не щадя никакихъ усилій. Богуславскій былъ по призванію актеръ. Взявъ варшавскій театръ, онъ не только самъ игралъ, но и писалъ для театра. Въ 1794 году онъ поставилъ свою оперу, которая имѣла необыкновенный успѣхъ и достигла болѣе ста представленій. Театръ его процвѣталъ, но политическія событія погубили дѣло. Король Станиславъ-Августъ принужденъ былъ переселиться въ Петербургъ, дворъ исчезъ, общественная жизнь въ Варшавѣ затихла. Но Богуславскій не унывалъ. Оставивъ Варшаву, онъ открылъ театръ во Львовѣ, затѣмъ является въ Калишъ, въ Познань. Послѣ установленія герцогства Варшавскаго онъ снова возвратился въ Варшаву и возобновилъ тамъ свою дѣятельность. Богуславскій умеръ въ 1827 году, написавъ болѣе 80 пьесъ. Какъ драматическій писатель, онъ безспорно имѣетъ нѣкоторое значеніе, но главныя его заслуги заключаются преимущественно спеціально въ театральномъ дѣлѣ, которое онъ поддерживалъ и развилъ. Изъ драматическихъ писателей того времени, нельзя не упомянуть о Янѣ Дроздовскомъ, написавшемъ комедію «Bigos hultajski» прекрасными стихами и съ большимъ остроуміемъ, а также о Нѣмцевичѣ, который написалъ одну изъ лучшихъ комедій на польскомъ языкѣ: «Возвращеніе депутата»—комедію, имѣвшую значительное политическое вліяніе въ свое время.

Мы упомянули о Нѣмцевичѣ. Нѣмцевичъ, какъ писатель, хотя и мало талантливый, имѣлъ огромное вліяніе. Его дѣятельность обнимаетъ почти цѣлое столѣтіе: родился онъ въ 1755 году. Его жизнь была также бурна, какъ и тѣхъ поколѣній, съ которыми онъ прожилъ ее. Онъ былъ политическимъ ораторомъ и поэтомъ. Какъ поэтъ онъ перепробовалъ всѣ роды,—драмы, трагедіи, комедіи, сатиры, басни, эпиграммы, идилліи; какъ прозаикъ, онъ преимущественно былъ

историкомъ, авторомъ мемуаровъ, но въ тоже время онъ былъ и публицистомъ. Какъ драматическій писатель,— онъ не умѣлъ ярко очерчивать типы, не умѣлъ совладать съ формой. Какъ историкъ, въ немъ недостаетъ эрудиціи: во всѣхъ его историческихъ произведеніяхъ чувствуется тонъ краснорѣчія, но онъ подражаетъ классикамъ и отягощаетъ свои труды цитатами и примѣчаніями. Нѣмцевичъ никогда не былъ художникомъ, онъ всегда и вездѣ былъ гражданиномъ; литература была для него лишь средствомъ политическаго вліянія. Поэтому Нѣмцевича можно назвать памфлетистомъ, но памфлетистомъ, котораго вліяніе было чрезвычайно велико. Воспитанный въ кадетскомъ корпусѣ, основаннымъ Станиславомъ-Августомъ, Нѣмцевичъ долгое время путешествовалъ въ Европѣ и долго жилъ во Франціи въ самое горячее время первой революціи. Этимъ обстоятельствомъ объясняются его политическія теоріи. Въ Польшу онъ возвратился поклонникомъ французской революціи. Онъ защищалъ революцію и считалъ представительное правительство самой высшей государственной формой. онъ думалъ, что только установленіе прочнаго и сильнаго представительнаго правленія можетъ спасти Польшу отъ кризиса, въ которомъ она находилась. Послѣ паденія конституціи 3 мая, большинство политическихъ дѣятелей въ Польшѣ пришло въ положительное отчаяніе и уже не видѣло никакого спасенія. Нѣмцевичъ, наоборотъ, несмотря на свои конституціонныя теоріи, еще сохранялъ надежды. Онъ эмигрировалъ, но эти надежды никогда не оставляли его. На родину онъ возвратился вмѣстѣ съ Косціушко. Подъ Мацеевицами онъ попалъ въ плѣнъ въ одно время съ Косціушко и былъ отправленъ въ Петербургъ. Послѣ смерти Екатерины, онъ былъ освобожденъ. Императоръ Павелъ предлагалъ ему увеличить его состояніе, лишь бы онъ остался въ Польшѣ, но Нѣмцевичъ предпочелъ изгнаніе и уѣхалъ въ Америку. Вмѣстѣ съ польскими легіонами, онъ еще разъ возвратился въ Польшу, но, увидѣвъ безполезность усилій, окончательно поселился въ Европѣ, гдѣ и умеръ.

Для Польши, какъ впрочемъ и для остальной Европы, настало теперь время романтизма. Романтизмъ тѣсно связанъ съ общественной и политической исторіей Европы, но въ Польшѣ онъ усложнился еще особеннымъ элементомъ, который и далъ польской романтической школѣ особенную окраску. Элементъ этотъ—потеря политической независимости: онъ оставилъ свою печать на всей послѣдующей литературѣ. Тѣсно связанный съ народными повѣріями, увлеченный прошлымъ, воспитанный въ несчастіи и изгнаніи, на поляхъ послѣднихъ битвъ, рѣшавшихъ судьбу Польши, польскій романтизмъ не есть явленіе чуждое народному духу, вызванное подражаніемъ Западной Европѣ или модѣ; напротивъ, онъ явился выразителемъ народной скорби и поэтому, только съ появленіемъ романтизма, польская литература стала на дѣйствительно народную почву и въ ней воскресъ духъ національности. Съ этой точки зрѣнія исторія польскаго романтизма представляетъ высокій интересъ.

Говоря точно, польскій романтизмъ возникаетъ вмѣстѣ съ появленіемъ на литературномъ поприщѣ Казимира Бродзинскаго (1791—1835). Бродзинскій былъ сыномъ бѣднаго галиційскаго шляхтича. Чрезвычайно впечатлительный и робкій, Бродзинскій былъ воспитанъ на нѣмецкой литературѣ, и лучшее его произведеніе, поэма «Wiesław» по своей основной идеѣ есть не болѣе, какъ подражаніе «Герману и Доротеѣ» Гете. Когда сѣверная часть Галиціи вошла въ составъ герцогства варшавскаго, Бродзинскій вступилъ въ польскую армію, совершалъ вмѣстѣ съ французами походъ 1812 года, былъ въ Москвѣ, испыталъ всѣ ужасы отступленія великой арміи и въ битвѣ подъ Лейпцигомъ былъ взятъ въ плѣнъ пруссаками. Съ 1815 года онъ поселился въ Варшавѣ. гдѣ получилъ каѳедру польской литературы въ Варшавскомъ университетѣ. Въ настоящее время поэтическія произведенія Бродзинскаго мало читаются; послѣ Мицкевича онъ потерялъ свою прелесть и оригинальность. Его поэтическія заслуги ограничиваются тѣмъ, что онъ первый далъ тонъ и форму будущему польскому романтизму. Въ его поэтическихъ произведеніяхъ и въ особенности въ его лекціяхъ уже является въ довольно опредѣленной формѣ тотъ польскій мессіанизмъ, который впослѣдствіи охватилъ собою почти

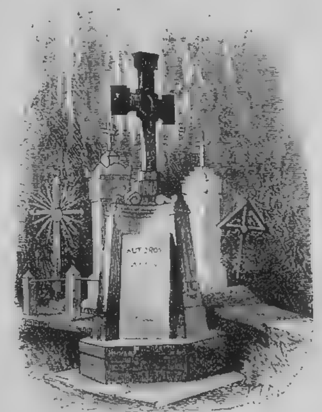
все польское романтическое движеніе. Такъ въ замѣчательной рѣчи «О польской народности», читанной 3 мая 1831 года въ «обществѣ друзей наукъ» и въ воззваніи къ «братьямъ-изгнанникамъ», этотъ мессіанизмъ уже виденъ совершенно ясно. Польскій народъ, по его мнѣнію, есть Коперникъ въ нравственномъ мірѣ... Задачей его было опредѣлить права престола и народа на самомъ небѣ...

Въ то самое время, какъ Бродзинскій своими произведеніями и лекціями расчищалъ дорогу польскому романтизму, —возникла, совершенно отъ него независимо, новая школа, уже совершенно романтическая. Школа эта пріобрѣла названіе польско-украинской, потому что основными поэтическими мотивами этой школы была народно-южно-русская поэзія. Величайшимъ представителемъ этой школы, является Антоній Мальчевскій (1793—1826). Мальчевскій, подобно Бродзинскому служилъ въ арміи Наполеона, путешествовалъ долго по Европѣ и умеръ еще молодымъ человѣкомъ въ Варшавѣ. Подобно лорду Байрону, онъ искалъ поэтическихъ впечатлѣній въ Швейцаріи и Италіи; онъ былъ проникнутъ байронизмомъ и даже былъ знакомъ съ великимъ англійскимъ поэтомъ. Единственная оставшаяся послѣ него поэма «Марія» основана на дѣйствительномъ фактѣ. Сынъ одного польскаго магната (Потоцкаго) женится на дочери простого дворянина. Гордый магнатъ объявляетъ бракъ недѣйствительнымъ. Съ другой стороны, отецъ молодой дѣвушки, бѣдный, но столь же гордый, не хочетъ принять своего зятя у себя. Въ концѣ концовъ, магнатъ дѣлаетъ видъ, что примиряется. Съ нашествіемъ татаръ, онъ высылаетъ своего сына во главѣ отряда защищать земли бѣднаго дворянина. Въ это время, онъ самъ окружаетъ домъ дворянина и приказываетъ умертвить молодую дѣвушку. Молодой человѣкъ возвратившись находитъ мертвой свою молодую жену.

Казимиръ Бродзинскій.

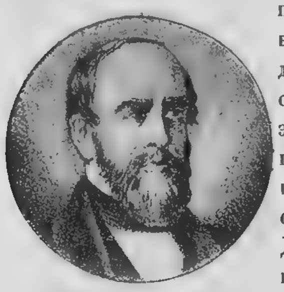
Таковъ планъ этой поэмы. Формой своею она напоминаетъ поэмы лорда Байрона. Характеры дѣйствующихъ лицъ, очерченныя съ необыкновеннымъ талантомъ, описанія и въ особенности чувство прекраснаго отличаютъ эту поэму отъ всѣхъ тогдашнихъ поэтическихъ произведеній. Очевидно, что главною задачею Мальчевскаго было изобразить столкновенія страстей, испорченность и паденіе польскаго магнатства. Но, подобно Байрону, онъ по преимуществу является лирическимъ поэтомъ: это нѣчто въ родѣ автобіографіи; онъ часто самъ выступаетъ на сцену и по тону, по необыкновенной свѣжести и силѣ выраженія, ясно, что многое изъ того, что онъ описываетъ,— онъ самъ переживалъ, не только мыслью и воображеніемъ, а въ дѣйствительности. Подобно Байрону, Мальчевскій грѣшитъ также усиленными, мелодраматическими эффектами, злоупотребленіемъ аллегоріи и метафоръ, но несмотря на всѣ эти погрѣшности, его поэма сдѣлалась въ Польшѣ любимѣйшимъ и популярнѣйшимъ произведеніемъ. Необыкновенная свѣжесть чувства, которыми согрѣта поэма, роскошный языкъ, первостепенный талантъ увлекаютъ читателя даже самаго предубѣжденнаго.

Памятникъ на могилѣ Мальчевскаго въ Варшавѣ.

Одновременно съ Мальчевскимъ нѣсколько другихъ украинскихъ поэтовъ,— Падура, Грабовскій, Богданъ Залѣсскій, Гощинскій разработывали украинскую поэзію,—явленіе совершенно новое въ польской литературѣ и точно также имѣющее тѣсную связь съ романтизмомъ. На казачество они смотрѣли, какъ на органическую часть польскаго народа и польской исторіи.

Первый изъ нихъ Падура возънмѣлъ смѣлую мысль сдѣлаться народнымъ пѣвцомъ, составляя пѣсни на народномъ нарѣчіи, т. е., на малорусскомъ языкѣ. Онъ исколесилъ всю Украину, пѣшкомъ, и въ особенности мѣста, гдѣ нѣкогда находилась Сѣчь Запорожская. Въ своихъ путешествіяхъ онъ встрѣтился и вскорѣ подружился съ Венцеславомъ Ржевусскимъ, чрезвычайнымъ эксцентрикомъ, который, живя долго на востокѣ, сдружился съ арабами, принялъ ихъ нравы и одежду и въ теченіе остальной жизни именовалъ себя эмиромъ Тадзьэль-Форомъ. Падура поселился въ имѣніи Ржевусскаго, писалъ свои пѣсни, которыя распростанялись въ народѣ. Эти пѣсни долгое время не появлялись въ печати, такъ что и самъ Падура сдѣлался какъ бы сказочной личностью, до тѣхъ поръ пока не издалъ ихъ въ Варшавѣ. Другой изъ этихъ польско-украинскихъ поэтовъ, Грабовскій, болѣе извѣстный какъ авторъ историческихъ повѣстей въ жанрѣ Вальтеръ-Скотта, жилъ въ Кіевѣ, много вліялъ на Кулиша и умеръ въ Варшавѣ. Остальные два—Залѣсскій и Гощинскій обнаружили дѣйствительно поэтическій талантъ. Залѣсскій по преимуществу лирикъ, воспѣвающій Украйну. Подобно своимъ современникамъ, Залѣсскій ощутилъ на себѣ вліяніе тогдашняго польскаго мистицизма и вмѣстѣ съ другомъ своимъ Мицкевичемъ сдѣлался даже послѣдователемъ секты Товьянскаго, хотя впослѣдствіи и вернулся на лоно католической церкви. Подъ вліяніемъ мессіанизма, онъ старался въ поэмѣ «Duch od stepu» изобразить исторію человѣчества. Несмотря, однако, на отдѣльныя красоты этой поэмы, – въ цѣломъ она является произведеніемъ неудачнымъ. Поэтъ разсказываетъ исторію своей души до рожденія: мать Украины отдала на воспитаніе эту душу русалкамъ; по волѣ провидѣнія, эта душа спускается на землю, воплощается въ человѣка, тоскуетъ по своей небесной родинѣ и мыслью переживаетъ всѣ главные моменты жизни человѣчества, при чемъ оказывается, что виной всѣхъ несчастій является гордый разумъ, возстающій противъ вѣры, и плотскія страсти. Однимъ словомъ, это нѣчто въ родѣ проповѣди средневѣковаго монаха. Большаго вниманія заслуживаютъ эпическія пѣсни Залѣсскаго. Въ нихъ много поэтическихъ красотъ, хотя въ общемъ много и искусственной фальши. Казаки Залѣсскаго не дѣйствительные казаки, а такъ сказать, балетные, одѣтые въ трико, принаряженные и необыкновенно воинственные. Грабовскій опредѣлилъ отношеніе украинскихъ поэтовъ къ Украйнѣ слѣдующимъ образомъ: Мальчевскій изображалъ шляхетскую Украину, Залѣсскій — казачью,

Богданъ Залѣскій въ молодые годы своей жизни.

Богданъ Залѣскій подъ конецъ своей жизни.

Гощинскій — гайдамацкую. Среди этой группы, Гощинскій, безспорно, самый крупный талантъ.

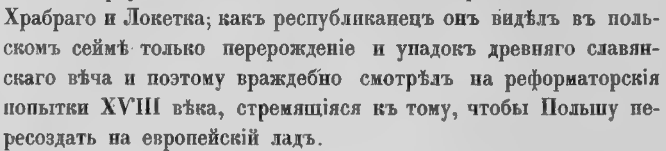
Гощинскій принадлежалъ къ главнымъ дѣятелямъ революціи 1830 года, въ этой революціи онъ участвовалъ дѣятельно, затѣмъ явился въ Галицію; потомъ превратился въ мистика и въ послѣдователя Товьянскаго и послѣ 1840 года совершенно перересталъ заниматься литературой. Народнымъ поэтомъ его можно назвать въ томъ отношеніи, что все его міросозерцаніе есть міросозерцаніе народное. Его личный темпераментъ выражается только въ томъ, что изъ этого народнаго созерцанія онъ беретъ лишь мрачныя краски, дикія, трагическія. Гощинскій тѣмъ болѣе является постояннымъ, дѣйствительнымъ романтикомъ, что онъ олицетворяетъ, такъ сказать, всѣ силы природы: онъ вѣрилъ въ существованіе тѣхъ таинственныхъ силъ природы, по отношенію къ которымъ простолюдинъ гораздо ближе, чѣмъ ученый натуралистъ потому, что тѣсная связь съ природой исчезаетъ у цивилизованнаго человѣка, между тѣмъ какъ въ народѣ она живетъ вполнѣ. Однимъ словомъ, съ Гощинскимъ сдѣлалось тоже самое, что случилось съ нѣкоторыми гуманистами XVI столѣтія, которые до такой степени были увлечены древностью, что усвоили себѣ даже религіозныя воззрѣнія древнихъ. Не мудрено поэтому, что безпорядочность и неумѣренность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайная сила колорита являются характеристическими особенностями его поэзіи. Гощинскій писалъ немного; наиболѣе значительнымъ его произведеніемъ есть поэма «Каневскій замокъ» и предметомъ своимъ имѣетъ кровавыя событія народнаго возстанія, извѣстнаго подъ названіемъ «Калищизны» (1768), которые были подавлены ужасными мѣрами польскаго правительства. Несмотря на всѣ поэтическія красоты этой поэмы,—она по преимуществу имѣетъ соціальное значеніе. Гощинскій взялъ фабулой историческое событіе и представилъ его съ поразительнымъ безпристрастіемъ, съ глубокимъ пониманіемъ роковаго значенія характера кровавой расправы. Спустя нѣсколько лѣтъ, Шевченко взялъ предметомъ своей поэмы тоже самое событіе; но представилъ его совершенно иначе. У Шевченко нѣтъ и помина историческаго безпристрастія; его казаки, ходившіе «какъ ходили гайдамаки со святыми ножами» и Гонта, который «рѣзалъ» собственныхъ дѣтей, рожденныхъ отъ католички, потому только, что они католики,—все это обнаруживаетъ дикій фанатизмъ народной мести, ни въ какомъ случаѣ не могущій быть предметомъ поэтическаго произведенія.

Северинъ Гощинскій.

Украинская школа, создавъ въ главныхъ своихъ представителяхъ, Мальчевскомъ и Гощинскомъ, роскошные поэтическіе цвѣты, оказалась тѣмъ не менѣе недолговѣчной и вскорѣ замолкла безъ послѣдователей и безъ особеннаго вліянія. Польскій романтизмъ перешелъ цѣликомъ въ Литву и тутъ создалъ произведенія уже дѣйствительно великіе и безсмертные. Лелевель, какъ историкъ, является только проявленіемъ этого романтизма. Въ это время виленскій университетъ былъ въ расцвѣтѣ своей славы. На профессорскихъ каѳедрахъ, іезуитовъ замѣнили нѣмецкіе и итальянскіе ученые, лекціи читались на польскомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ началѣ 1814 года, каѳедру всеобщей исторіи занялъ Іоахимъ Лелевель, бывшій студентъ этого-же университета. Обладая умомъ вполнѣ кабинетнымъ, настойчивый, исключительно погруженный въ свои любимыя изслѣдованія исторіи, не знающій жизни и не желающій ее знать, Лелевель работалъ чрезвычайно много по самымъ разнообразнѣйшимъ предметамъ, писалъ о древней Индіи, о царствованіи Станислава-Августа, о меркантильной политикѣ древняго Карѳагена, о древнихъ славянахъ, составлялъ руководства по исторіи, издавалъ матеріалы къ исторіи польскаго права. Въ исторіи польской Лелевель по преимуществу работалъ

надъ эпохой Пястовъ. Впрочемъ онъ не долго былъ профессоромъ виленскаго университета. Попечителемъ назначенъ былъ извѣстный Новосильцевъ и начались преслѣдованія студентовъ. Лелевель однимъ изъ первыхъ былъ отставленъ отъ каѳедры и переѣхалъ въ Варшаву, принималъ тамъ дѣятельное участіе въ революціи 1830 года и послѣ революціи переселился за границу. Поселившись въ Брюсселѣ, онъ продолжалъ свои занятія исторіей и умеръ въ 1861 году почти въ нищетѣ.

Лелевель создалъ цѣлую историческую школу, которая долгое время имѣла значительное вліяніе, и только въ послѣднее время встрѣтила въ Польшѣ сильныхъ противниковъ. Историческая теорія Лелевеля есть не болѣе какъ проявленіе польскаго романтизма—стремленіе погрузиться въ народность, исканіе въ ней дѣйствительныхъ началъ жизни и раціональныхъ объясненій. Другими словами заботой этой школы было отыскать въ общеславянскихъ началахъ такіе элементы, которые бы не находились въ другихъ народностяхъ. Такимъ элементомъ для Лелевеля была славянская община. Какъ демократъ, Лелевель не могъ одобрять притѣсненій крестьянъ въ XI вѣкѣ, былъ склоненъ преувеличивать объединительныя стремленія Болеслава Храбраго и Локетка; какъ республиканецъ онъ видѣлъ въ польскомъ сеймѣ только перерожденіе и упадокъ древняго славянскаго вѣча и поэтому враждебно смотрѣлъ на реформаторскія попытки XVIII вѣка, стремящіяся къ тому, чтобы Польшу пересоздать на европейскій ладъ.

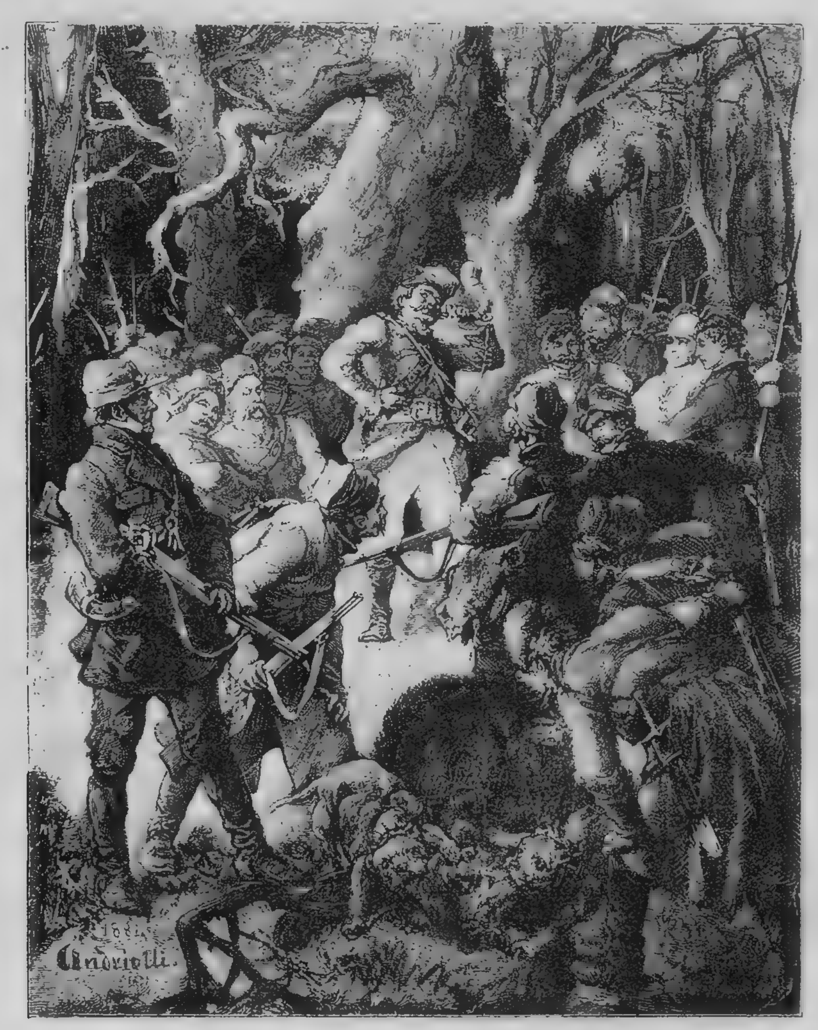
Мицкевичъ.

Подъ вліяніемъ политическихъ событій и сильнаго общественнаго броженія, въ виленскомъ университетѣ между студентами стали образовываться различнаго рода общества, имѣвшія по преимуществу цѣли спеціально литературныя. Въ 1820 году образовалось одно изъ такихъ обществъ, подъ названіемъ общества «филаретовъ». Душою его былъ нѣкто Ѳома Занъ. Общество филаретовъ напоминало во многомъ нѣмецкіе тугендбунды и возникло въ самый разгаръ реакціи въ Россіи. Вскорѣ оно подверглось преслѣдованіямъ и вмѣстѣ съ нимъ исчезли цвѣтущія времена виленскаго университета. Несмотря однакожъ на кратковременность своего существованія, общество филаретовъ имѣло чрезвычайно полезное и благотворное вліяніе. Наиболѣе значительнымъ и впослѣдствіи извѣстнымъ членомъ этого общества былъ Адамъ Мицкевичъ.

Мицкевичъ родился 24 декабря 1798 года въ Новогрудскомъ уѣздѣ, Минской губ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ родительскомъ домѣ; затѣмъ онъ учился въ доминиканской школѣ въ Новогрудкѣ. На четырнадцатомъ году своей жизни онъ былъ свидѣтелемъ событія, которое оставило сильное впечатлѣніе въ молодомъ поэтѣ,—похода Наполеона въ Россію, осуществившагося въ самый разгаръ вновь возникшихъ надеждъ польскихъ патріотовъ, видѣвшихъ въ Наполеонѣ спасителя Польши. Домъ родителей Мицкевича былъ превращенъ въ главную квартиру короля Вестфальскаго. Въ 1815 г. Мицкевичъ окончилъ доминиканскую школу и былъ отправленъ въ Вильно, въ университетъ, на филологическій факультетъ. Въ Вильнѣ онъ работалъ много и усидчиво, но первые его поэтическіе опыты этой эпохи не представляютъ ничего особеннаго и не указываютъ на будущее поразительное развитіе его таланта. Это были поэтическіе опыты по большей части въ дидактическомъ родѣ, по формѣ и содержанію еще совершенно юные. На новое, романтическое направленіе направилъ его первый—Занъ, проповѣдывавшій не только «правду въ поэзіи, но и поэзію въ правдѣ». Подъ вліяніемъ Зана, Мицкевичъ создалъ себѣ нѣчто въ родѣ новой эстетической теоріи. Для него источникомъ поэзіи являются дѣйствительность и правда; поэзія всегда и всюду рождается

изъ чувства и привязанности къ народу. Отсюда увлеченіе народной поэзіей. Первымъ плодомъ этихъ эстетическихъ воззрѣній былъ первый набросокъ поэмы «Дѣды», впослѣдствіи значительно расширенный и дополненный.

Въ 1820 году, окончивъ университетъ, Мицкевичъ получилъ мѣсто учителя латинскаго и польскаго языковъ въ ковенской гимназіи. Въ Ковнѣ, замкнутый въ самомъ себѣ, не встрѣчая симпатіи въ обществѣ окружавшихъ его людей, Мицкевичъ окончилъ вторую и четвертую

Эпизодъ изъ поэмы «Панъ Тадеушъ» Мицкевича.

часть «Дѣдовъ», развивъ первоначальную мысль поэмы до размѣровъ народнаго эпоса. Въ Ковнѣ же имъ была написана «Гражина». Его поэтическія работы, однако, были прерваны внезапно. Въ Вильнѣ начались преслѣдованія филаретовъ; Мицкевичъ, котораго принадлежность къ обществу обнаружилась, былъ арестованъ и былъ отправленъ въ Одессу, гдѣ надѣялся получить каѳедру въ Ришельевскомъ лицеѣ. Надежды эти, однако, не осуществились. Тѣмъ не менѣе, Мицкевичъ посѣтилъ Крымъ. Тутъ въ первый разъ открылся ему востокъ;

онъ сталъ изучать восточную поэзію и вскорѣ въ Москвѣ издалъ небольшой томикъ своихъ крымскихъ сонетовъ. Въ Москвѣ-же, гдѣ Мицкевичъ былъ причисленъ къ канцеляріи генералъ-губернатора, былъ написанъ имъ «Конрадъ Валленродъ»,—одно изъ важнѣйшихъ произведеній первой эпохи его поэтическаго творчества. Въ Москвѣ Мицкевичъ вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность: Полевой приглашалъ его писать въ «Телеграфѣ», онъ подружился съ княземъ Петромъ Вяземскимъ; многіе московскіе литераторы, — и въ томъ числѣ братья Кирѣевскіе, Баратынскій, Полевой, Шевыревъ, Соболевскій,— на прощаніе подарили ему кубокъ съ вырѣзаннымъ на немъ стихотвореніемъ Кирѣевскаго.

Бюстъ Мицкевича, работы Штейнмана.

Портретъ Мицкевича, приложенный къ первому полному парижскому изданію сочиненій поэта

Въ Москвѣ и затѣмъ въ Петербургѣ Мицкевичъ жилъ жизнью свѣтскаго человѣка, бывалъ въ высшемъ обществѣ, подружился съ писателями и въ особенности съ Пушкинымъ. Его пятилѣтнее пребываніе въ Россіи сильно повліяло на него, и въ общемъ это вліяніе было благотворно. Мицкевичъ стряхнулъ съ себя провинціализмъ, сдѣлался человѣкомъ свѣтскимъ, многое, что было въ немъ неяснаго и темнаго, теперь пришло въ сознаніе; онъ сдѣлался менѣе одностороннимъ, понятія расширились, горизонтъ мысли увеличился. Вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаніе собственной народности выразилось въ немъ теперь ярче, онъ сталъ глубже вникать въ историческія судьбы польскаго народа и тутъ, въ Петербургѣ, въ немъ проснулись впервые его патріотическія стремленія. Человѣкъ всесторонне образованный, Мицкевичъ въ Петербургѣ много читалъ Шиллера и Маккіавелли и пропитался ихъ политическимъ романтизмомъ. Таково поэтическое происхожденіе «Конрада Валленрода», оконченнаго въ Петербургѣ, поэмы, для которой онъ взялъ эпиграфомъ извѣстныя слова итальянскаго патріота: «Dovete adunque sapere come sono due generazioni da combatere... bisogna essere volpe e leone...» Онъ давно уже стремился за-границу, въ Германію и Италію, «въ страну святыхъ чудесъ», какъ впослѣдствіи сказалъ Хомяковъ... и теперь онъ имѣлъ возможность исполнить свое желаніе.

Мицкевичъ выѣхалъ вмѣстѣ съ молодымъ польскимъ поэтомъ Одынцемъ; былъ въ Веймарѣ у Гете, затѣмъ отправился въ Римъ. Въ Римѣ онъ познакомился съ извѣстнымъ аббатомъ

Ламенэ, и это знакомство сильно повліяло на его религіозныя воззрѣнія. Мицкевичъ всегда былъ человѣкомъ религіознымъ, вѣрующимъ; теперь эта религіозность приняла слегка мистическій оттѣнокъ, отчасти подъ вліяніемъ идей Ламенэ, отчасти-же вслѣдствіе несчастной любви. Съ этой минуты въ немъ начинаетъ совершаться поворотъ, впослѣдствіи значительно отразившійся на его поэтическихъ произведеніяхъ. Онъ покинулъ Римъ внезапно, въ 1830 году и, хотя не надѣялся на революцію въ Польшѣ и не желалъ ея, но тѣмъ не менѣе, когда она вспыхнула въ Варшавѣ, Мицкевичъ счелъ своею обязанностью отправиться на поле брани. Но въ то время, когда онъ направлялся въ Познань черезъ Парижъ, революція была подавлена; Варшава была занята русскими войсками 8 сентября, а 5 октября остатки польскаго войска переходили уже прусскую границу... Мицкевичъ возвратился въ Парижъ, разбитый нравственно, потерявшій и тѣ немногія надежды, которыя еще жили въ его сердцѣ. До тѣхъ поръ онъ мало интересовался политикой, по крайней мѣрѣ въ практическомъ отношеніи; но теперь онъ сдѣлался горячимъ патріотомъ, явился публицистомъ и ораторомъ польской эмиграціи въ Парижѣ. Поэтъ однако не умеръ въ немъ, только его поэтическая дѣятельность послѣ 1830 г. нѣсколько измѣнила свой характеръ. Она пріобрѣла рѣзко патріотическій оттѣнокъ съ сильнымъ мистико-романтическимъ колоритомъ. Подъ вліяніемъ этого новаго направленія онъ написалъ 3-ю часть своихъ «Дѣдовъ». Фонъ этой замѣчательной поэмы, въ формѣ драмы,— дѣйствительное событіе, бывшее въ Вильнѣ во время студенчества тамъ Мицкевича. Вся поэма составлена изъ ряда драматизированныхъ сценъ, происходящихъ въ Вильнѣ, отчасти въ домѣ «сенатора», стараго развратника, который среди оргіи, при звукахъ моцартовскаго менуэта изъ «Донъ-Жуана», ведетъ слѣдствіе и приказываетъ производить пытки, отчасти—въ тюрьмѣ, гдѣ арестованные сходятся только на бесѣду... За сенаторомъ ухаживаютъ и интригуютъ двѣ личности: ректоръ университета и докторъ, котораго въ концѣ поэмы убиваетъ громъ. Все это живо схвачено съ дѣйствительности. Но Вильно, оргіи, слѣдствіе, — все это не болѣе какъ аксессуары для болѣе яркаго изображенія главнаго героя, Конрада. Одно уже это названіе показываетъ на байронизмъ Мицкевича, и на связь по идеѣ, которую Конрадъ «Дѣдовъ» имѣетъ съ «Конрадомъ Валленродомъ», «который не нашелъ дома счастія, потому что его не было въ отечествѣ». Конрадъ—поэтъ (весьма вѣроятно, что въ немъ Мицкевичъ воспроизвелъ свое собственное душевное состояніе); онъ много духовно страдаетъ вслѣдствіе несчастій его родины. Весь интересъ поэмы сосредоточенъ на Конрадѣ, въ «импровизаціи» котораго Мицкевичъ изобразилъ всю психологію духа тогдашней польской эмиграціи и своего собственнаго. Во многомъ эта импровизація напоминаетъ Гетевскаго «Фауста» и «Манфреда» Байрона. Демоничность натуры, мистическая обстановка, борьба человѣческой мысли, — все это напоминаетъ Гете и Байрона. Разница однако та, что Фаустъ и Манфредъ—скептики, между тѣмъ какъ Конрадъ —человѣкъ вѣрующій и тутъ въ экзальтированной вѣрѣ ищущій нравственнаго выхода.

Антонъ Эдуардъ Одынецъ.

Вскорѣ послѣ окончанія 3 части «Дѣдовъ» Мицкевичъ принялся за свою эпическую поэму

«панъ Тадеушъ». Первоначально, поэма должна была имѣть незначительные размѣры и въ мысли поэта скорѣе была шуткой, развлеченіемъ, но по мѣрѣ того, какъ трудъ подвигался, поэма достигла большихъ размѣровъ и превратилась въ настоящій эпосъ. Главнымъ содержаніемъ поэмы является историческая ненависть между русскими и поляками. Рядомъ съ богатымъ помѣщикомъ доживаютъ послѣдніе остатки бѣдной шляхты, — бурные слѣды еще недавней анархіи, готовые драться съ кѣмъ попало, лишь бы драка представлялась какъ дѣло патріотическое. Вдали уже виднѣется Наполеонъ «этотъ богъ войны, окруженный легіонами полковъ, вооруженный тысячью орудій»; его-то и ожидаютъ всѣ эти анархическіе элементы шляхты. Съ появленіемъ его, исчезаютъ личныя ссоры и дрязги и всѣ группируются вокругъ него. Наполеонъ изображенъ поэтомъ, какъ воплощеніе французской революціи, какъ человѣкъ, которому дано раздавить старый міръ и обновить новый; при его посредничествѣ должно наконецъ совершиться слитіе космополитическихъ стремленій съ народною традиціей.

Впечатлѣніе, произведенное «Паномъ Тадеушемъ», было громадно. Но поэта занимали уже другого рода идеи. Плановъ новыхъ произведеній у него было много, но ни одинъ изъ нихъ вполнѣ не былъ выполненъ; даже «Дѣды» остались неоконченными. Мицкевичъ работалъ только тогда, когда приходило вдохновеніе, а вдохновеніе приходило теперь все рѣже и рѣже. Мицкевичъ женился. Явились дѣти, заботы; въ 1837 году онъ написалъ по-французски три драмы: «Les confédérés de Bur», «Jacques Jasinski» и «Le chateau de Cracovie». Послѣдняя драма куда-то затерялась, а отъ двухъ первыхъ остались только незначительные отрывки. Въ 1839 году онъ принялъ каѳедру латинской литературы въ Лозаннѣ, а черезъ годъ французское правительство предложило ему каѳедру славянскихъ литературъ въ «Collège de France». Но мистицизмъ овладѣлъ поэтомъ окончательно. Вмѣсто исторіи славянскихъ литературъ Мицкевичъ принялся излагать съ каѳедры странныя политическія и религіозныя докрины и въ концѣ концовъ принужденъ былъ оставить каѳедру.

Странный этотъ переворотъ былъ слѣдствіемъ знакомства его съ Товянскимъ. Еще въ 1832 году, Мицкевичъ въ Дрезденѣ издалъ книгу подъ заглавіемъ «Книга польскаго народа и польское пилигримство». Книга эта написана библейскимъ языкомъ. Это нѣчто въ родѣ политико-мистическаго катехизиса польской молодежи. Послѣ крестовыхъ походовъ «и свобода въ Европѣ,—говоритъ Мицкевичъ,— стала распространяться медленно, но постоянно; отъ королей свобода переходила къ великимъ панамъ, а эти послѣдніе, будучи свободными, распространяли ее на шляхту, а отъ шляхты свобода переходила въ города и вскорѣ должна была снизойти къ народу, и все христіанство должно было быть свободно, а всѣ христіане — какъ братья равные». Правители міра сего испортились и теперь поклоняются новому золотому тельцу —интересу. Упадокъ Польши объясняется авторомъ тѣмъ, что польскій народъ никогда не поклонялся личному интересу и служилъ добру, не будучи эгоистомъ. Когда Польша возвратитъ себѣ свою независимость, войны прекратятся. Въ ожиданіи этого, изгнаннымъ должно жить между собой согласно и въ мирѣ, не искать покровительства сильныхъ міра сего, не учиться у нынѣшнихъ мудрецовъ (Вольтера и Гегеля, которыхъ Мицкевичъ называетъ ядомъ, и у Гизо и Кузена, которые не болѣе какъ пустыя мельницы). Вся эта странная книга, наполненная мистическими образами и представленіями, была плодомъ распространившагося въ сороковыхъ годахъ мнѣнія среди польской эмиграціи о появленіи новаго мессіи, въ которомъ идея будущности найдетъ свое воплощеніе (incarnation), а потомъ — осуществленіе (realisation). Когда общественный воздухъ пропитанъ такого рода мистическими представленіями, навѣрное можно предсказать, что явится и воплощеніе ихъ въ лицѣ новаго самозваннаго мессіи. Такъ дѣйствительно и случилось. Мессіей сдѣлался нѣкто Андрей Товянскій (1898—1878), бывшій судья въ Вильнѣ, мечтатель, человѣкъ безъ всякаго образованія, но съ юныхъ лѣтъ мечтавшій о религіозной реформѣ, мистикъ, вѣровавшій въ чудеса и видѣнія. Подобно многимъ изъ своихъ современниковъ, Товянскій поклонялся Наполеону. Наконецъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что

настала пора осуществить идеи христіанства, съ которыми по его мнѣнію сливались и судьбы Польши. Его проповѣдь на родинѣ не имѣла успѣха; поэтому онъ выѣхалъ заграницу искать прозелитовъ среди польской эмиграціи. Онъ познакомился съ Мицкевичемъ и въ немъ встрѣтилъ почву совершенно готовую. Вскорѣ великій поэтъ, которымъ окончательно и безвозвратно овладѣлъ мистицизмъ, сдѣлался горячимъ послѣдователемъ новаго пророка и сталъ проповѣдывать новую религію на лекціяхъ въ Collège de France. Въ концѣ 1847 года, когда Пій IX занялъ папскій престолъ, Мицкевичъ отправился въ Римъ, чтобъ представить вопросъ о мессіанизмѣ на разсмотрѣніе святого отца. Разумѣется, эта попытка осталась безъ результатовъ. Въ 1849 году онъ издавалъ журналъ, посвященный дѣлу мессіанизма, подъ заглавіемъ: «La tribune du peuple», но и эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Въ мартѣ 1855 года умерла жена Мицкевича; въ іюнѣ Наполеонъ III отправилъ его въ Константинополь съ порученіемъ повліять между тамошними поляками на образованіе польскаго легіона противъ Россіи. Но въ Константинополѣ онъ встрѣтилъ лишь однѣ непріятности и не прошло нѣсколькихъ недѣль, какъ поэтъ заболѣлъ холерой и умеръ. Трупъ Мицкевича былъ перевезенъ во Францію и похороненъ на кладбищѣ Монморанси.

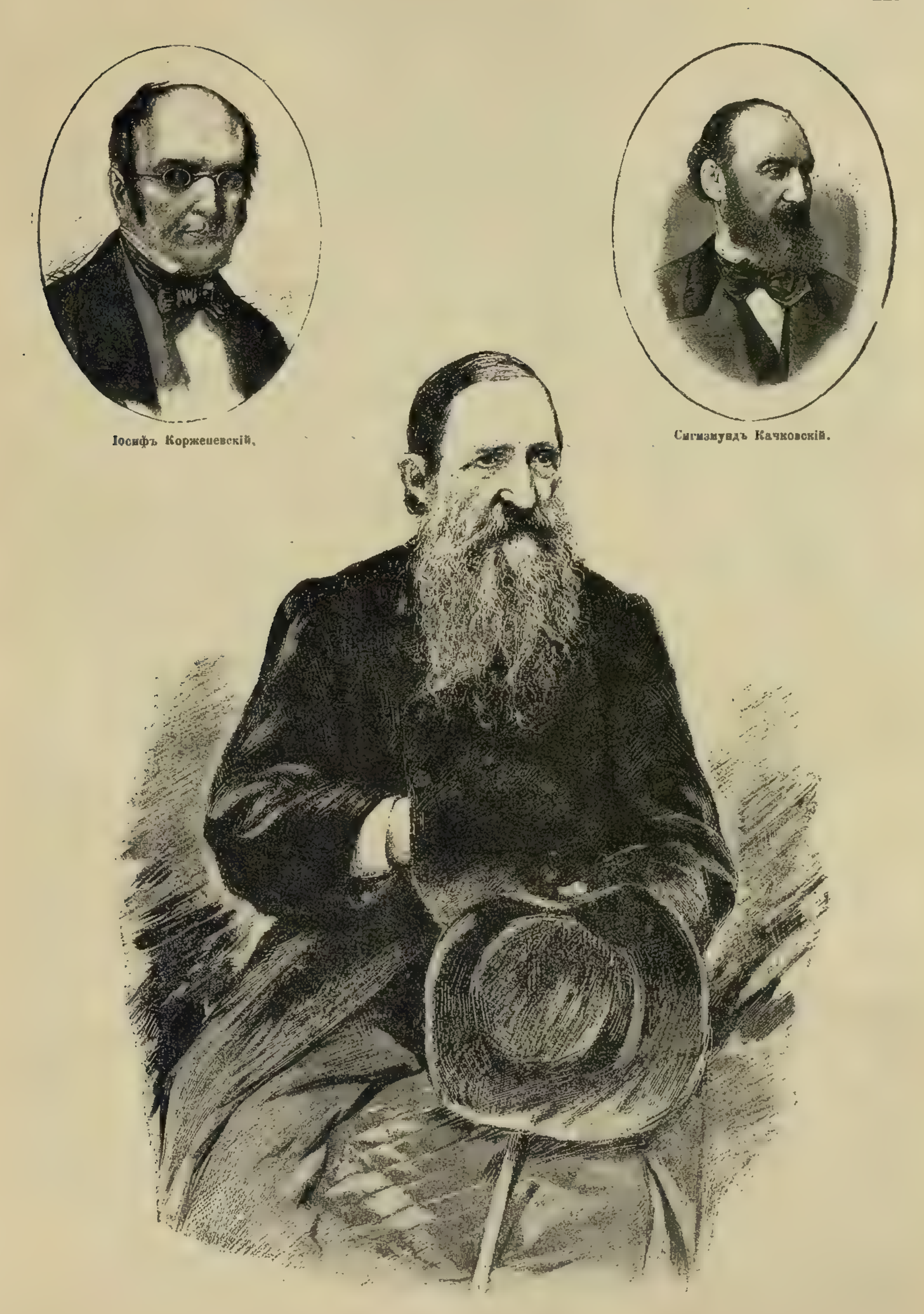
Мицкевичъ представляетъ собою высшее выраженіе польскаго романтизма. Романтизмъ, какъ литературная школа, появился въ Европѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, вмѣстѣ съ попытками реставрировать обветшалыя государственныя формы, уничтоженныя французской революціей. Немудрено, поэтому, что въ литературѣ, романтизмъ явился тоже, какъ своеобразная реставрація тѣхъ идей и ученій, которыя встрѣтили отпоръ во французской революціи. Отсюда —возвратъ къ католицизму и поэзіи среднихъ вѣковъ. Такимъ образомъ въ началѣ романтизмъ былъ явленіемъ поворотнымъ въ исторіи европейской мысли: онъ явился поборникомъ мистицизма среднихъ вѣковъ и старой дореволюціонной монархіи; но вмѣстѣ съ изученіемъ поэзіи среднихъ вѣковъ, романтики набросились на изученіе хроникъ, а отъ хроникъ перешли къ народной поэзіи, какъ къ источнику всякой поэзіи. Это обстоятельство обновило литературу, дало ей новое направленіе, открыло искусству новые горизонты. Рядомъ съ этимъ историческимъ теченіемъ, романтизмъ явился, какъ протестъ противъ школы псевдо-классицизма. Всѣ эти причины и теченія создали въ Европѣ то, что теперь мы называемъ романтизмомъ. Въ Польшѣ, романтическое движеніе явилось подобнымъ же образомъ, хотя выразилось въ нѣсколько другихъ формахъ и получило нѣсколько другое направленіе. Такое громадное потрясеніе польскаго общества, какое было вызвано паденіемъ польскаго государства, не могло не оказать самаго значительнаго вліянія на умы. Романтическое теченіе въ Польшѣ точно также стремилось къ реставраціи польскаго прошлаго; оно точно также наткнулось на старую монархію, на католицизмъ среднихъ вѣковъ, на народную поэзію, оно точно также было живымъ протестомъ противъ сухой и холодной подражательности польской въ восемьнадцатомъ столѣтіи французамъ, и точно также явилось какъ обновленіе въ литературѣ и въ жизни. Въ Польшѣ, однако, романтизмъ принялъ окраску горячаго патріотизма, какъ прославленіе старыхъ государственныхъ и общественныхъ формъ, и наконецъ, въ эмиграціи — религіознаго мистицизма, перешедшаго вскорѣ къ мессіанизму Товянскаго. Мицкевичъ можетъ считаться величайшимъ представителемъ этого движенія. Натура—богато надѣленная поэтическимъ элементомъ, Мицкевичъ не могъ не подчиниться вліянію времени и главныхъ т ченій эпохи: онъ—романтикъ-патріотъ и романтикъ-мистикъ въ высшемъ значеніи этого слова. Въ первыхъ частяхъ «Дѣдовъ» уже замѣтно вліяніе народной поэзіи, возвратъ къ народной легендѣ и сказанію. Въ «Валленродѣ» мы видѣли нѣчто въ родѣ политической программы дѣйствія на фонѣ средневѣковой поэмы взятъ изъ борьбы языческой Литвы съ меченосцами; въ третьей части «Дѣдовъ» тотъ-же патріотизмъ съ примѣсью философскаго мистицизма, въ «панѣ Тадеушѣ» наконецъ польская эпопея прошлаго...

Но польскій романтизмъ не остановился на Мицкевичѣ; великій поэтъ, очевидно, не исчерпалъ еще всего его содержанія. Почти одновременно съ нимъ появились два поэта, крупнаго

таланта, которые развили элементы, лежавшіе въ польскомъ романтизмѣ до его крайнихъ послѣдствій. Мы говоримъ о Словацкомъ и Красинскомъ.

Словацкій былъ сынъ профессора виленскаго университета; онъ родился въ 1809 году въ Кременцѣ. Окончивъ университетъ онъ нѣкоторое время служилъ въ Варшавѣ въ министерствѣ финансовъ; но это занятіе рѣшительно не соотвѣтствовало характеру молодого Словацкаго, который уже и тогда пристрастился къ поэзіи. Это было время первыхъ проблесковъ польскаго романтизма, вскорѣ послѣ появленія «Конрада Валенрода». Словацкому было не болѣе четырнадцати лѣтъ, когда появились первыя поэмы Мицкевича. Онъ ихъ читалъ съ увлеченіемъ и пропитался духомъ романтизма. Первыя стихотворенія Словацкаго были напечатаны въ Варшавѣ въ концѣ 1830 г. Его письма къ матери очень любопытны, обнаруживая его тогдашнее настроеніе, которое одинъ изъ біографовъ его, Малецкій, называетъ поэтическимъ воззрѣніемъ поэта на жизнь, т. е. особенной способностью замѣчать и воспроизводить тѣ лишь только черты внѣшняго міра, которыя способны вызвать эстетическое впечатлѣніе. Онъ былъ проникнутъ теоріей искусства для искусства. Голова его постоянно работала въ этомъ направленіи. Отсюда, особенный характеръ его психическаго темперамента,—всѣ страсти и чувства Словацкаго исходили изъ головы, т. е. источникомъ ихъ было воображеніе. Богатство его воображенія такъ велико, что по временамъ даже вредитъ совершенству формы. Отсюда всѣ достоинства и всѣ недостатки его поэзіи: богатство образовъ и представленій, совершенство и гармонія стиха, яркій колоритъ, но въ то же время цѣлость, теряющаяся въ подробностяхъ и значительное несовершенство формы. Покоряясь фантазіи и поэтическому воображенію жизни въ такой же степени, какъ и въ своей поэтической дѣятельности, Словацкій, въ началѣ 1831 года, вслѣдствіе какого-то недоразумѣнія съ матерью, внезапно выѣхалъ изъ Варшавы за границу, взявъ паспортъ отъ тогдашняго революціоннаго правительства въ Польшѣ. Это обстоятельство рѣшило его судьбу: онъ добровольно сдѣлался изгнанникомъ; но это не помѣшало ему всецѣло погрузиться въ свои литературныя занятія. Уже въ 1833 году появились два небольшихъ тома; въ нихъ помѣщены двѣ драмы: «Миндовгъ» и «Марія Стюартъ» и нѣсколько поэмъ и стихотвореній лирическаго содержанія. Дѣйствіе всѣхъ этихъ поэмъ происходитъ или въ языческой Литвѣ, или на Днѣпрѣ или на Востокѣ. Пріемъ совершенно байроновскій; герои его ходульны, таинственны, мрачны. Но несмотря на эту подражательность, талантъ молодого поэта выступаетъ мѣстами съ удивительною полнотой и указываетъ на богатую поэтическую организацію. Странная, почти совершенная гармонія его умственныхъ воззрѣній съ его поэтическимъ темпераментомъ создаетъ тѣ яркія краски и то направленіе поэзіи, которыя мы замѣчаемъ въ Словацкомъ. Словацкій вообще съ презрѣніемъ смотрѣлъ на дюжинныхъ людей, отзывался презрительно о толпѣ, и поклонялся только натурамъ сильнымъ, деспотическимъ, словомъ, демоническимъ натурамъ: такіе люди, конечно, и сами несчастны, но они создаютъ все, что является великимъ въ человѣчествѣ. Конечно, подобный взглядъ могъ порождать недоразумѣнія въ самомъ поэтѣ; и дѣйствительно, подобныя недоразумѣнія легко замѣтить въ его первыхъ поэмахъ. Тоже самое мы замѣчаемъ и въ его первыхъ двухъ драмахъ; герой его литовской драмы Миндовгъ, принявшій христіанство для того, чтобы получить престолъ съ помощью папы, гибнетъ отъ рукъ народа, не могущаго простить ему его политическаго отступничества. Гораздо удачнѣе его «Марія Стюартъ». Весь интересъ драмы сосредоточенъ на психическомъ анализѣ. Шотландская королева изображена Словацкимъ въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ; народъ ее ненавидитъ, но она возбуждаетъ любовь во всякомъ при-

Юлій Словацкій.

Іосифъ Корженевскій.

Сигизмундъ Качковскій.

Іосифъ Игнатій Крашевскій.

ближающемся къ ней; любовью этой она пользуется легкомысленно и необдуманно. Отсюда Словацкій выводитъ всѣ дальнѣйшія событія ея жизни.

Этотъ первый сборникъ его произведеній былъ принятъ публикой довольно холодно. Молодой поэтъ, искавшій славы, сознававшій свой талантъ, отправился путешествовать. Онъ поѣхалъ въ Швейцарію, а оттуда въ Италію. Познакомившись въ Неаполѣ съ другимъ польскимъ поэтомъ, Сигизмундомъ Красинскимъ, Словацкій отправился въ Египетъ, въ Сирію, въ Палестину и въ Бейрутѣ написалъ поэму «Ангелы». Въ 1838 году онъ возвратился въ Парижъ, гдѣ жилъ почти безвыѣздно въ теченіе десяти лѣтъ. Лучшимъ его произведеніемъ, написаннымъ въ это время, можно считать поэму «Кордьянъ», которая очень понравилась. Въ этой поэмѣ уже совершенно незамѣтно вліяніе Байрона. «Кордьянъ»—это, если можно такъ выразиться, продолженіе Конрада изъ 3-ей части «Дѣдовъ» Мицкевича. Конрадъ, обновленный и возрожденный патріотизмомъ, создаетъ себѣ извѣстную цѣль въ жизни и стремится къ ней, жертвуя всѣмъ; другимъ словомъ, это типъ польскаго революціонера послѣ 1830 г. Поэма задумана превосходно, но испорчена нѣкоторыми преувеличеніями въ духѣ романтизма. Поэма начинается странно, даже эксцентрично. Въ то время, какъ Господь почіетъ отъ трудовъ своихъ (создавъ въ шестой день человѣка,—Наполеона!) черти наканунѣ перваго дня XIX столѣтія усиленно принимаются создавать людей, которые въ теченіе всего столѣтія, будутъ портить и искажать, что было создано Богомъ. Изъ сатанинскаго котла выходятъ поочередно: Хлопицкій, Чарторыжскій, Лелевель, Круковецкій, однимъ словомъ всѣ предводители возстанія 1830 года. Является поколѣніе безсильное, искаженное, истерическое, неудержимое въ своихъ желаніяхъ. Однимъ изъ такихъ дѣтей вѣка является Кордьянъ. Едва онъ вышелъ изъ пеленокъ, какъ уже думаетъ о самоубійствѣ. Во второмъ дѣйствіи, Кордьянъ испилъ уже всѣ наслажденія, оттолкнулъ отъ себя продажную любовь, вмѣсто благословенія получилъ отъ папы совѣтъ не быть гордымъ и повиноваться властямъ, послѣ чего, конечно, онъ теряетъ всякую вѣру, и, неизвѣстно зачѣмъ, взбирается на Монбланъ. Настоящая драма начинается съ 3-го дѣйствія. Мы присутствуемъ на засѣданіи тайнаго общества: члены раздѣлены на двѣ партіи; одна, во главѣ которой стоитъ бѣлый какъ лунь президентъ, не хочетъ политическаго убійства; другая, представителемъ которой является Кардьянъ, требуетъ его. Президентъ не названъ, но читатели узнали въ немъ Нѣмцевича. Не смотря на фальшь основной идеи, послѣднія три дѣйствія поэмы написаны съ замѣчательнымъ талантомъ.

Мы не имѣемъ возможности подробно разбирать каждое изъ произведеній Словацкаго. До 1849 года, т. е. до самой своей смерти, Словацкій писалъ постоянно и много; такимъ образомъ поочередно являлись: «Поэма объ адѣ», «Отецъ зачумленныхъ», «Въ Швейцаріи», «Вацлавъ», «Балладина», «Лилла Венеда», «Мазепа», «Беніовскій», «Король Духъ» и др. Большинство этихъ поэмъ и драмъ взяты изъ историческаго прошлаго Польши, но неудержимая фантазія поэта увлекаетъ его постоянно въ заоблачный міръ и нарушаетъ гармоническую цѣлость формы. Мѣстами встрѣчаются истинно шекспировскія черты, стихъ всегда поразительной красоты, мысль всегда глубокая, хотя и не всегда вѣрная, но избытокъ воображенія увлекаетъ поэта въ мистицизмъ и дѣлаетъ иногда непонятнымъ то, что онъ хотѣлъ сказать. Не боясь ошибиться, можно сказать, что Словацкій великій поэтъ, который, однакожъ, не оставилъ ни одного истинно великаго произведенія, поэтъ съ задатками необыкновенной силы и таланта, но испорченный избыткомъ фантазіи и преувеличеніями романтизма. Тамъ гдѣ эта фантазія сдерживается сюжетомъ или самимъ поэтомъ, Словацкій, достигаетъ удивительнаго совершенства формы, красоты и мысли. Къ такимъ стихотвореніямъ принадлежитъ между прочимъ его «Гробъ Агамемнона». Въ немъ, какъ и во всемъ, что писалъ Словацкій, есть намекъ на роковую судьбу Польши,—но намекъ, вылившійся изъ глубины души поэта, истерзанной долгими страданіями и сомнѣніями. Вотъ отрывокъ этого стихотворенія въ переводѣ Н. Берга:

Не зрѣть мнѣ Термопилъ; меня отъ Термопилъ
Отгонятъ призраки спартанскихъ патріотовъ:
Не мнѣ, рабу рабовъ, касаться сихъ могилъ,

Не мнѣ, рожденному въ отечествѣ илотовъ!
У славныхъ Термопилъ героевъ билась рать:
Не мнѣ святой ихъ прахъ ногами попирать!
Тамъ духу вѣщему спартанцевъ слышны клики;
Непобѣдимыхъ горсть была невелика,
Но,—всѣ они легли!. . ихъ мужескіе лики
Могли бы пристыдить любого поляка!...
Нѣтъ, жутко, страшно мнѣ стоять межъ ихъ рядами,
Гремя позорными невольника цѣпями!
Что отвѣчалъ бы я, какой почуялъ стыдъ,
Когда бы дивная разверзлася могила—
И предо мною всталъ изъ гроба Леонидъ
И провѣщалъ мнѣ: „а много-ли васъ было?
И чѣмъ окончили вы яркую борьбу?"—
Что было-бъ отвѣчать мнѣ, жалкому рабу?
У Термопилъ врагамъ отомщена обида:
Лежитъ безъ пышнаго, златого контуша,
Покрытый ранами трупъ голый Леонида!
Въ застывшемъ мраморѣ лица его—душа
Героя свѣтится, что палъ въ неравномъ боѣ—
И долго плакала Эллада по героѣ!...
О Польша! вѣрь ты мнѣ: покуда дремлешь ты
И душу ангела въ нечистомъ носишь тѣлѣ,—
Покинь о счастіи несбыточномъ мечты
И знай: дни прошлаго на вѣки улетѣли!...

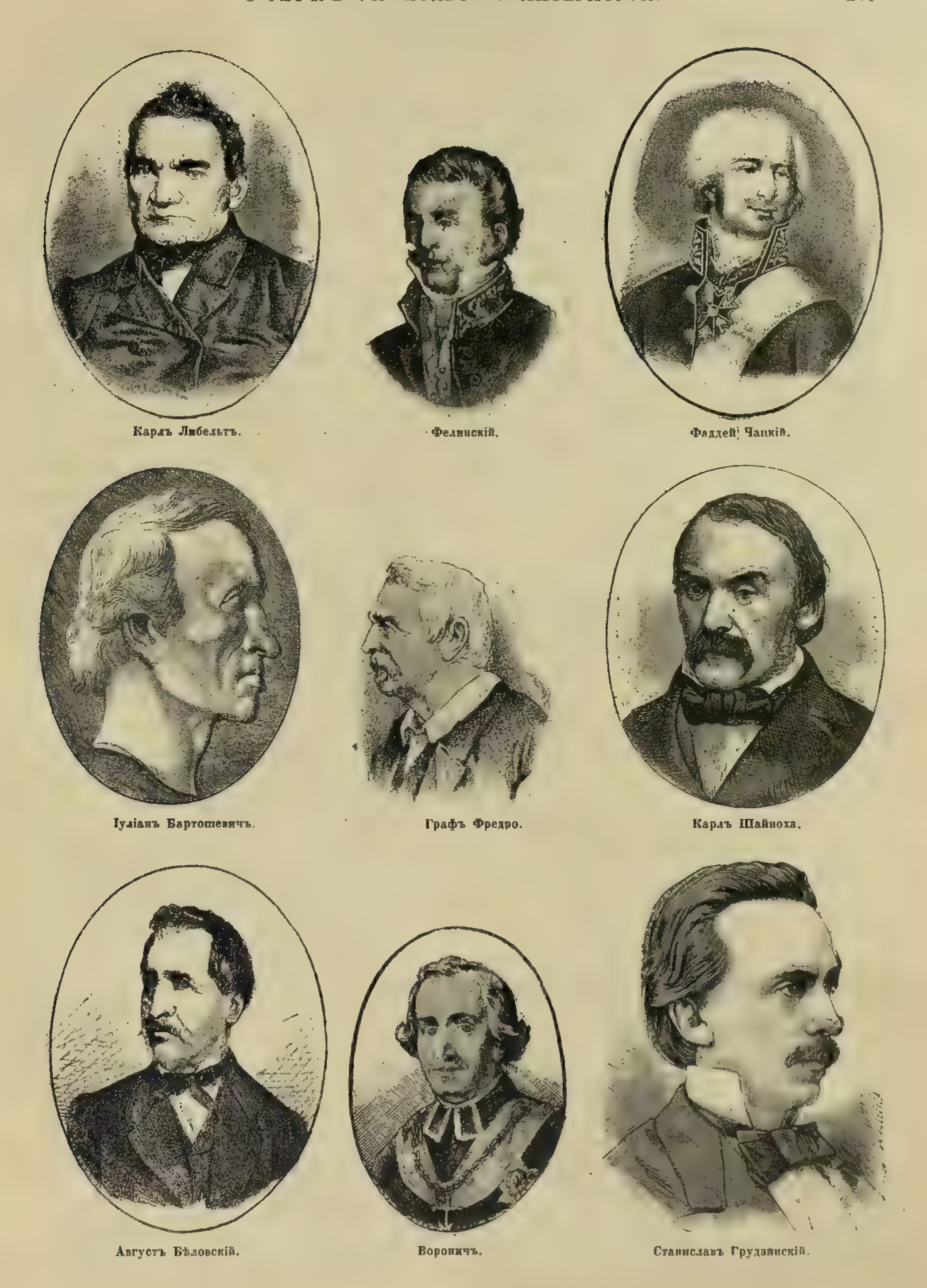
Мистическій элементъ, который все болѣе и болѣе замѣчался въ произведеніяхъ Словацкаго и достигъ крайнихъ своихъ предѣловъ въ послѣдней поэмѣ «Король Духъ», развился въ немъ вслѣдствіе сближенія его съ Товянскимъ. Несмотря на слабости, такъ сказать, его темперамента,—на крайнее тщеславіе, на жажду славы,—Словацкій способенъ былъ глубоко чувствовать и страдать. Въ немъ было одно противорѣчіе, которое можно объяснить только его польскимъ происхожденіемъ: несмотря на то, что Словацкій былъ въ душѣ пантеистъ, и пантеистъ совершенно искренній,—онъ тѣмъ не менѣе стоялъ на почвѣ религіи; отъ католицизма отдѣляли его только узкія воззрѣнія «фарисеевъ, которые вмѣсто пути къ Богу, показывали узкую тропинку, полную фальши, по которой только человѣческіе гады могли ползать». Понятно, что когда появился реформаторъ (Товянскій), Словацкій, никогда не отличавшійся проницательностью, — послѣдоралъ за Товянскимъ одинъ изъ первыхъ. Ему казалось, что теперь онъ нашелъ то, чего тщетно искалъ до тѣхъ поръ, и что изъ пустого мечтателя онъ сдѣлался, наконецъ, настоящимъ дѣятельнымъ человѣкомъ. Съ тѣхъ поръ онъ совершенно измѣнился; сталъ жить въ Парижѣ какъ аскетъ, избѣгалъ знакомствъ, почти ни съ кѣмъ не видался. То преувеличенное сознаніе своей геніальности, которымъ онъ всегда отличался, превратилось теперь въ страсть фанатика, который считаетъ свои идеи вдохновеніемъ свыше и презираетъ людей, которые не раздѣляютъ мнѣній, имѣющихъ въ его глазахъ полную очевидность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Словацкій сталъ чрезвычайно небрежно относиться къ формѣ своихъ произведеній. Краковскія событія 1846 года и затѣмъ февральская революція во Франціи оставили на Словацкомъ сильное впечатлѣніе,—казалось, что послѣднія надежды оставили его. Въ іюнѣ 1848 года онъ видѣлся въ послѣдній разъ съ матерью въ Бреславлѣ, затѣмъ возвратился во Францію, заболѣлъ и умеръ въ Парижѣ 3 апрѣля 1849 года на рукахъ друга, Феликса Фединскаго, тогда еще студента, бывшаго впослѣдствіи варшавскимъ архіепископомъ.

Еще болѣе странное явленіе представляетъ собой другой великій польскій поэтъ, Сигизмундъ Красинскій. Отецъ его былъ адъютантомъ Наполеона I-го, и затѣмъ генераломъ польскихъ войскъ въ арміи Наполеона. Мать поэта происходила изъ рода Радзивилловъ; она была женщиной чрезвычайно образованной, но умерла, когда Сигизмундъ былъ еще ребенкомъ. Молодой Красинскій учился дома. Въ 1825 году онъ вступилъ въ варшавскій лицей, затѣмъ перешелъ въ варшавскій университетъ на юридическій факультетъ. Еще будучи студентомъ

онъ написалъ небольшую историческую повѣсть, въ которой старался изобразить Валленштейна. Въ 1828 году онъ выѣхалъ изъ Варшавы въ Швейцарію. Въ Женевѣ онъ познакомился съ Мицкевичемъ и Одынцемъ. Онъ хотѣлъ продолжить свое пребываніе за границей, но по настоянію отца принужденъ былъ возвратиться въ Варшаву. Отецъ повезъ сына въ Петербургъ, гдѣ молодой поэтъ долженъ былъ поступить на государственную службу. Но отъ этой необходимости, рѣшительно не отвѣчающей его наклонностямъ, избавили его нервныя страданія и болѣзнь глазъ, — вслѣдствіе, какъ говорятъ, потрясеній, испытанныхъ имъ послѣ событій 1830 года. Въ теченіе всего своего пребыванія въ Петербургѣ, Красинскій только два раза вышелъ изъ своей комнаты: его возили представлять ко двору. Послѣ чего онъ получилъ отставку и заграничный паспортъ, съ которымъ немедленно уѣхалъ въ Вѣну. Изъ Вѣны Красинскій переѣхалъ въ Италію, гдѣ познакомился съ Словацкимъ. Уже въ 1835 году онъ написалъ «не-божественную комедію»—драму, которая сразу дала ему репутацію великаго поэта. Драма эта, или вѣрнѣе драматическая поэма, уже носитъ на себѣ яркую печать индивидуальнаго, своеобразнаго творчества, которымъ отличались и всѣ послѣдующія его произведенія. Своеобразіе и оригинальность этого творчества заключается въ томъ, что Красинскій въ искусствѣ является метафизикомъ, воплощающимъ помощью искусства самыя абстрактныя идеи. Пріемъ этотъ напоминаетъ пріемъ Гете въ «Фаустѣ». Каждая поэма Красинскаго является, если можно такъ выразиться, философской теоремой, изложенной при помощи образовъ и представленій, и слѣдовательно, всегда символически. Эти философскія темы по временамъ поэтъ объясняетъ въ предисловіяхъ (какъ напр., въ предисловіи къ «Разсвѣту»), а иногда высказываются и прямо въ текстѣ (напр., «Псалмъ Вѣры»). О цѣляхъ и значеніи поэзіи Красинскій выработалъ себѣ довольно странныя и во всякомъ случаѣ оригинальныя понятія: «Поэзія,— писалъ онъ,—есть вѣчное предвидѣніе величайшихъ формъ, которыя на землѣ или въ небѣ когда-либо будутъ реализованы». Шекспиру онъ удивляется, но видимо не любитъ его: «Я предпочитаю одну драму Шиллера всѣмъ драмамъ Шекспира. Шиллеръ иначе выступаетъ, въ немъ виденъ полубогъ. Молодость вездѣ у него является, весна всюду расцвѣтаетъ и у гроба героевъ и послѣ ихъ смерти цвѣты и звѣзды осыпаютъ ихъ могилы. Шекспиръ—великій мастеръ диссонанса... наблюдалъ явленія, но не проникалъ въ глубь причинъ. Онъ совершалъ опыты надъ характерами, какъ физикъ или химикъ надъ веществами. Онъ знаетъ, что люди страдаютъ, что сердца разрываются, что льется кровь и слезы, но не знаетъ, зачѣмъ, на что и почему.... Шекспиръ похожъ на тѣхъ дипломатовъ, которые доказываютъ, что величайшія революціи и перевороты и войны вытекаютъ изъ какой нибудь мелкой интриги. Интрига была, конечно, но было и еще кое-что—перстъ Божій! Тутъ кончается Шекспиръ и начинается Шиллеръ!» Это странное воззрѣніе на Шекспира объясняется не только личными предпочтеніями Красинскаго, но также и его общимъ міровоззрѣніемъ. Онъ думаетъ и вѣритъ, что истинной поэзіей является правда, но правда не настоящаго, а будущаго: все, о чемъ поэзія мечтаетъ, осуществится когда-либо. Отсюда слѣдуетъ, что значеніе имѣютъ только мечтанія. Понятно, почему такъ называемая политика мало интересуетъ Красинскаго. Для Красинскаго вся современная западно-европейская цивилизація, вмѣстѣ съ польской культурой, съ ея идеалами, съ ея христіанствомъ—умираетъ. «Знаю,— пишетъ онъ,— что наша цивилизація приближается къ смерти; знаю, что приближается время, когда новыя преступленія явятся покорить старыя, но знаю также, что они ничего не создадутъ, ничего не построятъ: они пройдутъ по лону земли, какъ конь Атиллы! И тогда только то, чего ни ты, никто въ

Графъ Сигизмундъ Красинскій.

Карлъ Либельтъ. Фелинскій. Фаддей Чацкій.

Іуліанъ Бартошевичъ. Графъ Фредро. Карлъ Шайноха.

Августъ Бѣловскій. Вороничъ. Станиславъ Грудзинскій.

мірѣ не знаетъ, не понимаетъ,—прійдетъ, выдѣлится изъ хаоса.... и новый міръ создастся, но тогда, мои и твои кости будутъ прахомъ!»

Въ этихъ словахъ заключена основная мысль «не-божественной комедіи». Яркими поэтическими красками Красинскій изображаетъ умирающее общество въ лицѣ графа Генриха. Красное знамя, какъ угроза этому обществу, постоянно показывается; въ виду конвента, утопіи 1848 года, интернаціонала, Красинскій увѣренъ, что этому обществу грозитъ страшная опасность. Въ главной сценѣ драмы встрѣчаются два человѣка: графъ Генрихъ—представитель умирающаго общества и Панкратій—представитель новыхъ стремленій. Особенность, однако, заключается въ томъ, что графъ Генрихъ также мало вѣритъ въ идеалы прошлаго, какъ Панкратій—въ идеалы будущаго. Графъ Генрихъ даже поколебался, когда Панкратій сказалъ ему: «если ты любишь правду, если ты искалъ ее искренно, если ты — дѣйствительно человѣкъ, какимъ человѣкъ долженъ быть, то встань, оставь домъ свой и иди за мной». Но примиреніе разумѣется невозможно. Борьба на жизнь и смерть возгорается; графъ Генрихъ побѣжденъ и убитъ. Панкратій торжествуя вступаетъ на терассу замка; онъ чувствуетъ, что исполнилъ пока только половину задачи, что необходимо населить эти пустыни, создать земной рай. Но въ эту минуту его поражаетъ страшное видѣніе на небесахъ. Панкратій падаетъ и восклицаетъ: Galilee vicisti—ты побѣдилъ, галлилеянинъ! Видѣніе это—есть именно та правда будущаго, отъ котораго одинаково далеки какъ утилитиризмъ Панкратія, такъ и расовые предразсудки графа Генриха. Въ томъ же духѣ и въ той же манерѣ написалъ Красинскій и поэму въ прозѣ — «Иридіонъ», считающуюся польскими критиками лучшимъ произведеніемъ поэта. Передать содержаніе этой поэмы, также какъ и всѣхъ другихъ произведеній Красинскаго, очень трудно, почти невозможно, такъ какъ приходится почти на каждомъ шагу объяснять метафизическое значеніе образовъ и представленій героевъ и лицъ, въ которыхъ поэтъ всегда воплощаетъ ту или другую идею. Поэтъ въ «Иридіонѣ» изобразилъ яркими красками картину паденія языческаго Рима, месть грековъ, порабощенныхъ Римомъ и разцвѣтающее новое, христіанское общество. Несмотря на то, что содержаніе поэмы взято изъ древняго міра,—она находится въ тѣсной связи съ содержаніемъ «Конрада Валленрода». Извѣстно, какъ Мицкевичъ рѣшаетъ вопросъ въ этой поэмѣ о возрожденіи Польши; Красинскій даетъ совершенно другой отвѣтъ на вопросъ, можетъ-ли месть явиться средствомъ возрожденія. Красинскій рѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ любви и примиренія. Въ послѣднихъ стихахъ поэмы высказана эта мысль, нѣсколько отрывочно, абстрактно и символически, вслѣдствіе чего она трудно была понимаема современниками.

Новое направленіе, принятое Красинскимъ зависѣло отъ многихъ причинъ, между которыми главную однако-же роль играло его изученіе философіи Гегеля; къ ученію Гегеля онъ относится отрицательно; онъ думаетъ, что можно создать отдѣльную славянскую философію примиреніемъ романскаго эмпиризма съ нѣмецкимъ идеализмомъ. Свои философскія теоріи Красинскій излагалъ въ рифмованныхъ поэмахъ. Онъ былъ мыслителемъ, но остался въ то же время и поэтомъ; по его мнѣнію, мысль есть цвѣтокъ, вырастающій изъ чувства. Эта точка зрѣнія позволила ему своеобразно взглянуть на такъ называемый польскій вопросъ. Въ 1842 году онъ издалъ лирическую поэму «Разсвѣтъ», въ которой это новое направленіе совершенно ясно опредѣляется. Дѣйствительныхъ причинъ паденія Польши Красинскій еще не знаетъ, поэтому онъ воспѣваетъ прошлое. Какъ истый аристократъ, онъ видитъ одни лишь совершенства въ славныхъ предкахъ, несшихъ знамя идеальныхъ стремленій, неосуществившихся въ прошломъ, но долженствующихъ осуществиться въ будущемъ. Конечною цѣлью этихъ стремленій, разумѣется, является возрожденіе Польши; но возрожденіе это Красинскій отодвигаетъ въ даль, теряющуюся въ туманѣ и трудно опредѣлимую. Тѣмъ не менѣе тогдашнія событія Европы, личныя неудачи и несчастія въ жизни оказали свое вліяніе и на Красинскаго. Онъ ушелъ въ себя и почти пересталъ писать; съ 1846 г. по 1859 г. (годъ его смерти)

Красинскій написалъ только четыре поэмы, изъ которыхъ послѣдняя—«Psalm dobrej woli»—считается лучшимъ его произведеніемъ. Поэтъ только изрѣдка пріѣзжалъ въ Варшаву, гостилъ въ имѣніи отца и снова уѣзжалъ за границу. Въ 1858 году умеръ его отецъ, съ которымъ поэтъ почти ни въ чемъ не сходился. Черезъ годъ послѣ смерти отца умеръ и самъ Красинскій,—младшій и послѣдній изъ трехъ великихъ поэтовъ польскаго романтизма.

Кромѣ этого главнаго теченія лирической поэзіи, польскій романтизмъ имѣлъ еще нѣсколько подобныхъ теченій, оправдываемыхъ точно также общественными и политическими событіями времени. Весьма понятно, что это литературное возрожденіе Польши въ народномъ смыслѣ должно было породить собой поклоненіе прошлому; такимъ образомъ явился историческій польскій романъ. Главнымъ представителемъ и родоначальникомъ этой школы явился Генрихъ Ржевусскій. Онъ былъ сыномъ магната, который, какъ разсказываетъ Крашевскій, любилъ на досугѣ разсказывать анекдоты добраго стараго времени. Надѣленный прекрасною памятью, остроуміемъ, подражательностью, художественною впечатлительностью, сынъ запомнилъ разсказы старика и изъ этихъ разсказовъ создалъ впослѣдствіи замѣчательное произведеніе—«Записки Соплицы». Художественную цѣнность этихъ мелкихъ разсказовъ и житье-бытье старой шляхты Ржевусскій, какъ кажется, не подозрѣвалъ и наивно разсказывалъ ихъ въ Римѣ, среди своихъ соотечественниковъ, между которыми находился и Мицкевичъ. Мицкевичъ былъ пораженъ художественною прелестью этихъ анекдотовъ и посовѣтовалъ Ржевусскому написать ихъ. Такимъ образомъ возникъ небольшой сборникъ шляхетскихъ разсказовъ, породившій собою цѣлую литературу. Польскій шляхтичъ добраго стараго времени сдѣлался прототипомъ, идеализирующимъ прошлое польской шляхты. По слѣдамъ Ржевусскаго пошли почти всѣ польскіе беллетристы тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, между которыми есть люди съ большимъ беллетристическимъ талантомъ, какъ напр., Корженевскій, Качковскій; даже Крашевскій подчинился вліянію этой школы и хотя относился къ ней отрицательно, но все-таки написалъ много романовъ въ духѣ школы. Этотъ «старошляхетскій эпосъ» почти исключительно овладѣлъ польской литературой. Возникновеніе его въ Польшѣ совпадаетъ съ возникновеніемъ историческаго романа въ Европѣ, но нигдѣ историческій романъ не расцвѣлъ въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, какъ въ Польшѣ. Это обстоятельство, однако, объясняется очень просто. Послѣ бурныхъ событій конца XVIII столѣтія польскій народъ очутился въ совершенно новыхъ условіяхъ соціальной жизни. Понятно, что мысль и стремленіе, отвернувшись отъ настоящаго, погрузились въ прошлое, ища въ немъ тѣхъ идеаловъ, которыхъ не находили въ настоящемъ. Простой оптическій обманъ идеализировалъ это прошлое; старый шляхтичъ сталъ рисоваться въ формахъ героя,—типическаго, колоссальныхъ размѣровъ.

Графъ Генрихъ Ржевусскій.

Еще Словацкій, который постоянно въ теченіе всей своей жизни обращался къ прошлому Польшѣ, угадалъ однакожъ съ проницательностію генія вредныя послѣдствія этого увлеченія прошлымъ и въ стихотвореніи, отрывокъ изъ котораго мы привели (гробъ Агамемнона), совѣтовалъ сбросить «этотъ жчучій плащъ Дефониры», красный контушъ и золотой поясъ и замѣнить старошляхетскіе идеалы на идеалы общечеловѣческіе. Но его не слушали. Съ пылкимъ увлеченіемъ беллетристы и поэты воспѣвали контуши и конфедератки, шляхетское буйство и сеймы, оканчивавшіеся дракой.

Рядомъ съ этимъ историческимъ романомъ возникла и соотвѣтствующая ему школа поэзіи. Во главѣ этой школы, которая поставила себѣ главною цѣлью воспѣваніе плошлаго, стоятъ два талантливыхъ поэта: Винцентій Поль и Людвикъ Кондратовичъ. Если критическіе взгляды на дѣятельность Мицкевича, Красинскаго, Словацкаго еще не вполнѣ установились и могутъ въ будущемъ еще измѣниться, даже въ значительной сравнительно мѣрѣ, то этого нельзя

сказать о поэтахъ, появившихся послѣ 1850 года. Какъ Поль, такъ и Кондратовичъ—далеки отъ новаторства; оба—пѣсенники, разсказчики, оба—люди религіозные и безусловные поклонники традицій прошлаго. Кажется на первый взглядъ, что по своимъ стремленіямъ и началамъ, это два родныхъ брата, но если ихъ сравнить другъ съ другомъ, то окажется огромная между ними разница. Въ Кондратовичѣ добровольное подчиненіе старымъ формамъ и поклоненіе старинѣ были неизмѣнны, являлись со всѣми признаками непоколебимаго убѣжденія основою теоретическаго мышленія; въ этихъ убѣжденіяхъ онъ воспитался, ими онъ пропитался

Викентій Поль.

на всю жизнь; но рядомъ съ этимъ поклоненіемъ прошлому, поклоненіемъ, котораго Кондратовичъ никому не навязывалъ, существовалъ также и искренній интересъ ко всѣмъ реальнымъ условіямъ жизни, интересъ, мотивированный большимъ сочувствіемъ ко всему слабому и подавленному. Этотъ гуманизмъ, это демократическое чувство, благодаря которому Кондратовичъ стоялъ всегда на сторонѣ великихъ народныхъ массъ, а не выдѣляющихся надъ уровнемъ этихъ массъ личностей, — сдѣлали то, что Кондратовичъ ни на одну минуту не отошелъ въ сторону отъ главнаго теченія нашего вѣка; благодаря этому демократическому чувству этотъ вѣрующій, этотъ человѣкъ традицій никогда не былъ противникомъ стремленій вѣка и вели-

кихъ умственныхъ сокровищъ нашего времени. Самый скромный изъ людей, Кондратовичъ, не идеями, а тенденціями значительно опережалъ современное ему польское общество, какъ представитель и провозвѣстникъ новой эпохи. Винцецій Поль, наоборотъ, — всегда воспѣвалъ только возвышенное, грандіозное, и другого полета, кромѣ орлинаго, не понималъ; если случайно онъ привязывался къ угнетеннымъ и несчастнымъ, и воспѣвалъ ихъ, — то обстрактно, теоретично, какъ тотъ король идиллій, который восклицаетъ: какъ счастливы мужики! — а между тѣмъ никогда не отречется отъ своей короны и съ мужиками не станетъ жить.

Поэтическую дѣятельность Поля можно подраздѣлить на два періода,—до 1846 г. и послѣ 1846 г. До 1846 г. въ Полѣ еще замѣчаются демократическія тенденціи; народъ,—собственно простой народъ, — въ его поэтическихъ работахъ играетъ еще значительную роль, занимаетъ если не главную, то одну изъ видныхъ ролей. Послѣ 1846 г. все это сразу и круто измѣняется Какія были причины такой рѣзкой перемѣны? Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя событія въ жизни Поля проливаютъ яркій свѣтъ. Въ февралѣ 1846 года, во время такъ называемой галиційской рѣзни (Поль жилъ въ Галиціи), когда крестьяне вырѣзали помѣщиковъ (въ чемъ, какъ существуетъ предположеніе, не осталось безучастнымъ и австрійское правительство),—Поль точно также пострадалъ. На его усадьбу Маріамполь напали вооруженные крестьяне, имущество было расхищено, часть рукописей пропала, жена его подверглась побоямъ, когда вздумала защищать мужа; самъ Поль былъ привязанъ къ дереву, его избили и онъ чуть-чуть не былъ убитъ; затѣмъ, его привезли во Львовъ и посадили въ тюрьму. Раззоренный, онъ принужденъ былъ давать уроки, писать статьи въ газетѣ, размѣниваться на мелкіе гроши. Затѣмъ, въ 1848 году осуществился, такъ называемый, славянскій съѣздъ въ Прагѣ. Въ видѣ привѣтствія Поль отправилъ въ съѣздъ поэму: «Slowo, i slawa»,—нѣчто въ родѣ панславистскаго манифеста, въ которомъ впервые обнаружилась ясно эта перемѣна направленія Поля.

Памятникъ Викентію Полю въ соборѣ Св. Креста въ Варшавѣ.

Въ чемъ заключается панславизмъ Поля? Прежде всего Поль вмѣстѣ съ московскими славянофилами считаетъ весь западъ гнилью; одна лишь славянщина представляется ему какою-то аркадіей, въ которой люди, въ видѣ идиллическихъ пастушковъ, никогда не ошибаются, никогда не ссорятся, не вредятъ другъ другу, а живутъ какъ братья, соединенные взаимною любовью. Все зло, какое въ нихъ существуетъ,—идетъ отъ запада. Но эта славянщина утопична, потому что славянами Поль признаетъ только поляковъ и чеховъ, т. е. только католическо-западный славянскій міръ, совершенно игнорируя южныхъ и восточныхъ славянъ. Но въ основѣ этихъ взглядовъ, въ Полѣ мало-по-малу возникаетъ реакція, ненависть ко всему европейскому прогрессивному, новому. Онъ удалился и отъ политики, и отъ современной жизни, все болѣе и болѣе углубляясь въ поклоненіе польскому XVIII вѣку, ища осуществленія своихъ идеаловъ въ шляхетствѣ. Отсюда всѣ его поэмы послѣдняго періода, гдѣ онъ превозноситъ буйство шляхты и пьянство магнатовъ. Паденіе гражданской честности, подкупы, буйства, распущенность нравовъ, политическія интриги безъ всякаго разбора въ средствахъ,— вотъ это хваленое польское XVIII столѣтіе, которое можно изучить подробно въ мемуарахъ, напр. Матушевича, и которымъ восхищаются Поль, Качковскій, Ржевусскій и цѣлая фаланга польскихъ романистовъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Они создали, какъ мы уже сказали, своеобразный историческій романъ, особенную литературную школу, нѣчто въ родѣ романтизма, котораго характерной особенностью былъ не только въ Польшѣ, но и въ

Европѣ, возвратъ къ средневѣковой старинѣ, къ мистическимъ вѣрованіямъ прошлаго. Къ несчастью, въ Польшѣ благодаря особымъ общественнымъ условіямъ, этотъ романтизмъ не достигъ своего окончательнаго развитія, не нашелъ своего естественнаго выхода, какъ въ Европѣ,—онъ не разрѣшился въ народное демократическое чувство; онъ застылъ въ своемъ обожаніи прошлаго и не понялъ его, онъ искалъ его въ смыслѣ идеализаціи и поэтому явился не освобождающимъ элементомъ поэзіи, а орудіемъ политическаго консерватизма.

Въ настоящую минуту этотъ романтизмъ въ польской литературѣ не только ослабѣлъ, но и выдохся. Со смертью его представителей, оживлявшихъ его своимъ художественнымъ талантомъ, съ перемѣной условій общественной жизни, а главнымъ образомъ, — съ перемѣной самыхъ взглядовъ польскаго общества, онъ принужденъ былъ уступить другой, болѣе трезвой школѣ реализма, и въ польской литературѣ имѣетъ, несомнѣнно, великое и благотворное будущее.

Людовикъ Кондратовичъ (Владиславъ Сырокомля).

Совершенно другую литературную физіономію представляетъ собою Кондратовичъ. У него были и другія цѣли и другія задачи. Онъ хотѣлъ быть не только народнымъ, но и простонароднымъ поэтомъ. Въ этомъ отношеніи, онъ имѣлъ много общаго съ другимъ народнымъ поэтомъ, съ Тарасомъ Шевченко. Несмотря на различіе въ положеніи, въ первоначальномъ происхожденіи, въ воспитаніи, Кондратовичъ былъ шляхтичъ, который сроднился съ народомъ, любилъ его и жилъ въ немъ. Шевченко вышелъ непосредственно изъ крестьянской среды, былъ пропитанъ традиціями казачины, неизвѣстно какъ воспитался,—подобно громадному дубу въ пустой украинской степи. У обоихъ та-же простота и свѣжесть впечатлѣній, одинаковая любовь къ убогой природѣ ихъ родины (Кондратовичъ былъ родомъ изъ Новогрудскаго уѣзда, т. е. черноруссъ, также какъ Мицкевичъ), тотъ-же реализмъ въ изображеніи самыхъ простыхъ предметовъ, по преимуществу изъ народнаго быта, та же глубина чувства,—у Кондратовича съ большею чувствительностью и шутливостью, у Шевченко—съ большею страстностью; то же неумѣніе реализировать историческія темы и, наконецъ, та же неспособность создать школу послѣдователей. Тарасъ Шевченко, какъ былъ одинокъ, такъ и остался имъ, подобной пустынной украинской степи: нужно много времени и много особенныхъ условій, пока эта степь заростетъ молодыми дубами, а можетъ быть прежде, чѣмъ она выростетъ,—промышленность, желѣзныя дороги, сахарные заводы совершенно измѣнятъ условія быта Украины. Совершенно другое представляетъ Кондратовичъ, который выросъ и воспитался въ великой, полной выработанныхъ формъ, поэтической школѣ. Въ то время, какъ Кондратовичъ умиралъ, эта школа приходила къ концу, исчерпавъ все свое содержаніе. Всякое общество тѣмъ болѣе утопаетъ въ идеалахъ, чѣмъ менѣе имѣетъ возможности создать нѣчто реальное въ общественномъ отношеніи. Новое польское общество безгранично было влюблено въ свои полусонныя поэтическія грезы, такъ какъ въ теченіе болѣе, чѣмъ полувѣка, этому обществу не оставалось ничего другого, какъ только мечтать; не было возможности говорить, соединять руки для какого бы то ни было, хотя бы самаго мелочного, но свободнаго и открытаго дѣла. Но всякая постройка оканчивается тогда, когда является недостатокъ въ матеріалѣ, когда

Эдуардъ Любовскій.

Генрихъ Сенкевичъ.

Петръ Хмѣлевскій.

Болеславъ Прусъ (Александръ Словацкій).

прекращается доступъ возобновляющихся впечатлѣній. Кромѣ того, время осуществило нетерпѣливо давно ожидаемыя перемѣны, крайне важныя для общества, — освобожденіе крестьянъ; въ общественной игрѣ карты были перетасованы, возникла путаница, раздоръ, явились диссонансы, какъ всегда, когда сталкиваются противоположные элементы и матеріальные интересы, когда возникаетъ неурегулированная обычаемъ и рутиной борьба за существованіе. Съ увѣренностью можно сказать, что если бы даже и не явилась пагубная въ своихъ послѣдствіяхъ буря 1863 года, общественная жизнь въ Польшѣ потекла бы совершенно инымъ русломъ, наступилъ бы поворотъ къ свободной критикѣ, къ позитивизму, рѣшительно необходимому для оплодотворенія изнуренной общественной почвы. Кондратовичъ значительно, во многихъ отношеніяхъ, былъ выше своей эпохи и, благодаря своимъ тенденціямъ, былъ дѣйствительнымъ, настоящимъ наваторомъ. Поэзія школы оканчивала въ немъ свою эволюцію, возвращалась къ источникамъ, изъ которыхъ возникла первоначально,—къ народу; падала, какъ созрѣвшій плодъ, съ цѣлью погрузиться въ землю, чтобы дать изъ себя начало новымъ въ будущемъ росткамъ, но сразу не могла создать ничего цѣльнаго и была чрезвычайно трудна для подражанія, такъ какъ вся ея прелесть заключается въ искреннемъ полетѣ воображенія, не въ богатствѣ и разнообразіи предметовъ, не въ манерѣ пѣнія и не въ методѣ, но въ томъ, что есть самаго индивидуальнаго и субъективнаго въ пѣніи художника, въ томъ, что самъ этотъ художникъ, по существу своей натуры, былъ прежде всего, такъ сказать, музыкальнымъ инструментомъ, гармонически звучащимъ и чрезвычайно сильно,—при всякомъ ощущеніи.

Такъ кончилъ свое существованіе польскій романтизмъ. Послѣ 1863 года наступаетъ реакція не только въ общественной жизни, но и въ литературѣ,—и въ литературѣ, можетъ быть еще въ большей степени, чѣмъ въ общественной жизни. Печальныя событія осудили окончательно и безповоротно романтическія грезы, прошедшее поблекло и отъ мечтаній общество перешло къ заботамъ положительной жизни. Вмѣстѣ съ этимъ и умственное движеніе пошло по другому направленію.

Останавливаясь на этомъ поворотѣ польской мысли послѣ 1863 года, невольно приходитъ на умъ и судьба русской литературы. Какъ тутъ, такъ и тамъ однѣ и тѣ же причины вызвали почти однѣ и тѣ же послѣдствія, и если пробужденіе умственной жизни, послѣ долгаго застоя, совершалось въ Россіи раньше, чѣмъ въ Польшѣ, если затѣмъ русская мысль пошла дальше, болѣе опредѣлилась, приняла болѣе общественно-политическій характеръ, то это было лишь слѣдствіе чисто мѣстныхъ причинъ, дѣйствовавшихъ различно въ Польшѣ и Россіи. Причины эти — крестьянская реформа и, въ связи съ нею, переворотъ въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ. Реформы, которыя въ другихъ государствахъ Европы давно уже совершались, и даже въ нѣкоторыхъ частяхъ бывшей Рѣчи-Посполитой лѣтъ двадцать тому назадъ, — для Россіи, Литвы и Царства Польскаго наступили только послѣ 1863 года. Въ теоріи соотвѣтствующая желаніямъ передовыхъ людей почти столѣтіе тому назадъ, неоднократно разсматриваемая и развиваемая, реформа только теперь нашла свое практическое осуществленіе, не такое, конечно, какое было желательно большинству интеллигенціи, но какое было указано выше. Подобно тому, какъ послѣднею Польша вступила въ среду европейскихъ народовъ при посредствѣ религіи, такъ послѣднею же она избавилась отъ остатковъ средневѣковаго строя. Крестьянинъ сдѣлался не только человѣкомъ, не только собственникомъ, но и гражданиномъ. Въ особенности въ Польшѣ крестьянская реформа вызвала немедленныя перемѣны въ экономическомъ строѣ жизни. Развитіе промышленности и торговли, постройка желѣзныхъ дорогъ, наплывъ капиталовъ—вотъ немедленныя послѣдствія реформы.

Такой новый порядокъ вещей, требовавшій болѣе точнаго вниманія къ практическимъ условіямъ жизни, не могъ не повліять на складъ идей и убѣжденій общества, на его поведеніе, на его взгляды по отношенію къ прошлому и настоящему. Жизнь лихорадочная, уходящая съ одной стороны на легкомысленныя выходки, а съ другой—на безплодныя усилія,—не могла

уже быть идеаломъ людей, которымъ угрожало матеріальное раззореніе. Вотъ почему необходимость труда органическаго, мелкаго, медленнаго, но постояннаго и энергическаго, заступала мѣсто вулканическихъ порывовъ или жизненной апатіи. Эти стремленія, вызванныя жизнью, пріобрѣли особенное значеніе, когда были освѣщены современной наукой. Въ этомъ отношеніи, открытіе главной школы въ Варшавѣ имѣло огромное значеніе. Хотя свѣтъ науки проникалъ въ молодое поколѣніе медленно, но онъ все-таки проникалъ. Изъ лекцій профессора Струве молодежь узнала, что за-границей давно уже бушевала буря матеріализма, буря, которую возбудили Молешотъ, Фогтъ, Бюхнеръ, и о которой въ Польшѣ до тѣхъ поръ не было ни слуху, ни духу. Изъ лекцій Плебанскаго они узнали о новомъ направленіи въ исторіи, созданномъ Боклемъ. Дарвинъ проникъ въ Польшу только въ 1866 году, да и то посредствомъ брошюры священника Вартенберга, направленной противъ дарвинизма. О Контѣ, Литре, Стюартѣ Миллѣ были кое-какіе намеки и раньше, но болѣе опредѣленно молодежь узнала о нихъ только въ 1863 году изъ «Варшавской библіотеки». О Ренанѣ и его «Исторіи христіанства» были какіе-то туманные газетные намеки, но болѣе опредѣленнаго понятія никто не имѣлъ. Какая-то дама, вѣроятно увлеченная изящнымъ слогомъ Ренана, заявила о своемъ намѣреніи перевести «Жизнь Іисуса», но варшавскія газеты подняли такой вой по этому поводу, что

Марія Конопницкая.

Деотыма (Ядвига Лущевская).

Клементина Гофманъ.

намѣреніе было оставлено. Таковы были факторы, возбуждавшіе критическую мысль польской молодежи, которая въ концѣ концовъ, должна-же была спросить себя, въ какомъ отношеніи находится польское просвѣщеніе къ просвѣщенію европейскаго запада? Конечно, тѣснаго понятія объ этомъ молодое поколѣніе не могло имѣть, но уже знали, что за границей давно извѣстны такія истины или теоріи, о которыхъ представители тогдашней польской мысли не имѣли понятія, что за границей разсматриваются вопросы необыкновенной важности религіозной, философской, общественной, экономической, въ то время какъ въ Польшѣ повторялись лишь старыя пѣсни; что за границей всѣ идеи, всѣ отношенія подлежали точному анализу, въ то время, какъ въ Польшѣ все еще ссылались на авторитетъ преданія; что однимъ словомъ, за границей, наука, искусство были господствующимъ элементомъ жизни, между тѣмъ какъ Польша предавалась мечтаніямъ или страстнымъ порывамъ чувства. Во имя этой-то «науки» и выступило молодое литературное поколѣніе.

Група молодыхъ людей, выступивъ, подъ знаменемъ науки на борьбу со старымъ литературнымъ поколѣніемъ, продолжавшимъ мечтать, съ поколѣніемъ перезрѣвшихъ романтиковъ, сосредоточилась въ «Варшавскомъ Еженедѣльномъ обозрѣніи» и нѣсколько позднѣе въ «Niwie». Полемика возникла съ необыкновенной силой и страстностью; молодые приверженцы науки, во главѣ которыхъ стоялъ тогда Александръ Свентоховскій, не щадили ничего въ своихъ противникахъ: ни самолюбія, ни авторитета, ни возраста, ни пола и, наконецъ, разразились нѣкотораго рода манифестомъ, написаннымъ Свентоховскимъ, подъ заглавіемъ: «Мы и вы». «Вы всѣ,—говорится въ этомъ манифестѣ,—которымъ на защиту вашихъ взглядовъ остались однѣ только сѣдины, помните, что и солнце имѣетъ полдень. Неужели вы хотите продлить возможно дольше вашъ закатъ съ тѣмъ только, чтобы заря наступила позднѣе? Неужели вы будете еще жаловаться, что мы несправедливо нападаемъ на васъ? Признавали ли вы въ насъ нѣчто такое, что слѣдуетъ внести на общій счётъ? Признавали ли вы насъ за людей, способныхъ работать рядомъ съ вами? Ничего вы этого не сдѣлали, а между тѣмъ жалуетесь, что мы и сами заявили о себѣ, или вѣрнѣе, что мы заставили васъ признать себя. Допустивши даже, что ваша роль еще не окончена, почему вы не давали намъ права дѣйствовать? Думаете ли вы, что вы одни имѣете понятіе о чести, любви къ добру, чувствѣ красоты? Думаете ли вы, что молодой груди все это чуждо, что сердце наше не дрожитъ, воображеніе не воспламеняется, изъ глазъ не льются слезы, что мы не страдаемъ, не любимъ, и только ненавидимъ, презирая все?...»— Таково было начало этой борьбы между старымъ и новымъ поколѣніями, между клерикально-консервативнымъ направленіемъ и прогрессивными стремленіями. Очевидно, на этихъ общихъ фразахъ и взаимныхъ обвиненіяхъ нельзя было оставаться,—пришлось подвергнуть болѣе опредѣленной критикѣ взгляды и воззрѣнія. Молодое поколѣніе выступило подъ знаменемъ прогресса и знанія, не задавая себѣ вопроса, какіе взгляды слѣдуетъ считать прогрессивными. Безъ сомнѣнія, болѣе серьезные умы уже выработали себѣ извѣстныя религіозныя, политическія и общественныя воззрѣнія, но всѣ эти воззрѣнія не были сгрупированы въ програму, не составили идей партіи. Теперь, когда возникла дѣйствительная борьба, пришлось позаботиться объ этомъ. Самая жизнь указала на главнѣйшіе вопросы времени. Экономическія отношенія занимали первое мѣсто; затѣмъ было дано широкое мѣсто естественнымъ наукамъ въ примѣненіи къ сельскому хозяйству и промышленности; тронуты были вопросы о безполезности классическаго образованія, наконецъ, какъ отрасль экономическихъ отношеній, выступилъ такъ называемый женскій вопросъ. Однимъ словомъ, въ Польшѣ семидесятыхъ годовъ почти буквально повторялось то, что мы видѣли въ русской литературѣ въ шестидесятыхъ. Все это не составляло еще какого бы то ни было опредѣленнаго міровоззрѣнія. Въ концѣ концовъ, такимъ міровоззрѣніемъ явился позивитизмъ.

Конечно, было нѣсколько писателей, которые основательно были знакомы съ позитивизмомъ, но большинство какъ сторонниковъ позитивизма, такъ и его враговъ, довольствовалось

на-скоро гдѣ-то нахватанными фразами. Отсюда возникли довольно странныя понятія о томъ, что такое позитивизмъ. Дѣйствительныхъ сторонниковъ позитивизма въ Польшѣ было очень мало: одинъ добросовѣстный соціологъ—Болеславъ Ломоновскій, и одинъ плохой компиляторъ—Антонъ-Августъ Эгеръ. Другіе не хотѣли признать главной основы позитивизма, не хотѣли признать трехъ фазисовъ мысли, не хотѣли согласиться на классификацію наукъ и пр. Необходимо прибавить, что подобно тому какъ сторонники польскаго романтизма, въ началѣ его возникновенія, считали это названіе совсѣмъ не подходящимъ къ польской поэзіи, — такъ и теперь сторонники позитивизма не разъ говорили себѣ, что позитивизмъ не характеризуетъ того направленія мысли, въ которомъ они шли. Почему-же однако они приняли это слово? Да, просто потому, что не нашли другого, а такъ какъ позитивизмомъ сначала стали заниматься во Франціи и Англіи, то они думали, что слово позитивизмъ слѣдуетъ принять какъ «nom de guerre». Безусловно была принята только основа позитивизма, — то, что философія должна стоять на почвѣ спеціальныхъ наукъ и выводить изъ нихъ общіе законы.

Благодаря этой школѣ польскаго позитивизма, умственное движеніе приняло широкіе размѣры и имѣло благотворные результаты. Возникли новые журналы, появились талантливые публицисты и популяризаторы, стали переводить лучшія иностранныя сочиненія по исторіи, философіи, естественнымъ наукамъ, политикѣ, явились оригинальные труды, не лишенные значенія, какъ напр., Охоровича—«о воспитаніи характера», Свентоховскаго—«о высшемъ и среднемъ воспитаніи женщины». Къ сожалѣнію, необходимо прибавить, что старая пресса консервативно-клерикальная держала себя, по отношенію къ своимъ противникамъ, съ крайнею безтактностью. Вмѣсто спокойнаго указыванія на слабыя стороны позитивистовъ, эта пресса только ругалась и — что хуже — прибѣгала къ средству, къ которому обыкновенно прибѣгаютъ политическія партіи, къ инсинуціи, на которую невозможно было отвѣчать открыто. Такъ «Варшавская газета» обвиняла позитивистовъ въ непатріотичности; по временамъ дѣло доходило до комизма; такъ, напр., съ цѣлью уронить позитивизмъ, консерваторы разсказывали, что Контъ былъ человѣкъ безнравственный, что развелся съ своей женой и пр.; какой-то шутникъ изъ «Варшавскаго Курьера» разсказалъ анекдотъ о какомъ-то шалопаѣ, который не хотѣлъ ужинать въ ресторанѣ своего отца, прибавляя серьезно: «для позитивиста нѣтъ ничего святого; онъ презираетъ даже... котлеты, приготовленныя роднымъ отцомъ!» Словомъ, не было такой глупости, такой подлости, въ которой-бы не обвинялись позитивисты. Къ этому присоединилось еще обвиненіе — обвиненіе весьма важное въ Польшѣ — въ томъ, что позитивисты не имѣютъ никакого уваженія къ идеаламъ прошлаго: позитивисты съ самаго начала призывали къ трезвымъ взглядамъ на вещи, къ труду и были противниками революціоннаго движенія. Но поэтому понятно, они не могли говорить открыто, оставались по неволѣ въ общихъ сферахъ, постоянно указывая на необходимость поднять матеріальный бытъ народа. За это старая пресса обозвала позитивистовъ «трезвыми», а позитивисты въ отместку обозвали стариковъ «пьяными». По мнѣнію консерваторовъ позитивисты оказались людьми, которымъ будетъ всегда хорошо тамъ, гдѣ они найдутъ хорошія матеріальныя условія; однимъ словомъ, позитивисты были провозглашены отступниками отъ народнаго дѣла, измѣнниками. Далѣе въ этомъ направленіи идти

Александръ Свѣнтоховскій.

было невозможно. Борьба, видимо, пришла къ крайнимъ своимъ проявленіямъ и должна была закончится не отступленіемъ, а утомленіемъ съ обѣихъ сторонъ. Но въ это время, какъ возникалъ этотъ фазисъ, въ Галиціи и Познани борьба приняла другой политическій оборотъ и трезвые политическіе взгляды на прошлое польскаго народа и на настоящее его политическое положеніе возникли тамъ не среди прогрессистовъ, а среди консерваторовъ. Роли измѣнились, потому что почва, на которой пришлось дѣйствовать, была другая.

Въ это время Австрія даровала автономію Галиціи. Умственная жизнь, благодаря относительной свободѣ, быстро возродилась, политическая литература сильно расцвѣла. Прогрессисты, пользуясь свободой слова, дѣйствовали на общество возбуждающимъ образомъ, въ смыслѣ патріотическаго движенія. Но болѣе умѣренные элементы начали группироваться, примиряясь, во имя общаго народнаго блага, съ пріобрѣтеннымъ statu quo. Органомъ этихъ умѣренныхъ оказалось «Польское обозрѣніе» графа Станислава Тарновскаго. Органъ выступилъ съ программой консервативно-клерикальной; не эта программа, однакожъ, обратила главнымъ образомъ на себя вниманіе. Органъ графа Тарновскаго пріобрѣлъ дѣйствительную извѣстность и популярность политическимъ памфлетомъ «Портфель Станчика», написаннымъ необыкновенно рѣзко и бойко. Въ немъ былъ осмѣянъ неразумный, авантюристскій патріотизмъ, нелѣпость стремленій къ манифестаціямъ, демонстраціямъ, жалкимъ фразамъ, политиканству. Для борьбы съ этимъ галиційскимъ консерватизмомъ были основаны во Львовѣ два органа: «Польскій дневникъ» и «Народная газета».

Вездѣ, во всѣхъ частяхъ старой Польши, русской, австрійской и прусской, со второй половины 1874 года наступаетъ сильная реакція идеализма и клерикализма противъ прогрессивныхъ, реалистическихъ, либеральныхъ стремленій. Споры двухъ враждебныхъ лагерей утихли, умы успокоились; какъ та, такъ и другая сторона начала выражаться нѣсколько осмотрительнѣе, начавъ искать доказательства своихъ положеній не въ чувствахъ и нравственныхъ наклонностяхъ, но въ трезвой и ясной логикѣ. Возникъ, однако, печальный фактъ: полемика, которая отъ времени до времени прерываетъ газетный сонъ, имѣетъ теперь уже не столько характеръ борьбы изъ-за мнѣній и убѣжденій, сколько защиту и обвиненіе отдѣльныхъ лицъ или отдѣльныхъ органовъ печати. Перенесенная съ арены общихъ взглядовъ и мнѣній на личности и домашнія дрязги, эта полемика, а вмѣстѣ съ ней и вообще литературное движеніе безсильно и мелко.

Тѣмъ не менѣе, одна опредѣленная черта возникаетъ во всемъ этомъ движенія. Черта эта заключается въ убѣжденіи, что время политическаго авантюризма и революціонныхъ движеній безвозвратно прошло и не желательно. Это убѣжденіе одинаково сильно въ Галиціи, Познани и въ Царствѣ Польскомъ. Какъ слѣдствіе такого убѣжденія является сознаніе въ необходимости «органическаго труда» на пользу общества, сохраненіе національности, но безъ желанія осуществленія политическихъ мечтаній, осужденныхъ временемъ. Отсюда въ Познани возникла рѣзкая оппозиція противъ германизаціи; отсюда-же возникло примиреніе галиційскихъ поляковъ съ Австріей, отсюда-же, наконецъ и въ Царствѣ Польскомъ мы видимъ все болѣе и болѣе укрѣпляющееся сознаніе, что примиреніе съ Россіей является для поляковъ дѣломъ спасенія. Такое положеніе вещей тѣмъ болѣе пріятно, что успокоенное и окрѣпшее польское общество найдетъ въ себѣ силы къ дальнѣйшему умственному труду, въ чемъ невозможно сомнѣваться, видя, какъ много новыхъ талантовъ во всѣхъ отрасляхъ появляется въ настоящую минуту въ польской литературѣ.

В. Чуйко.

ОЧЕРКЪ VIII.

БЫТЪ ПОЛЬСКАГО НАРОДА.

Поляки—какъ чисто-славянское племя и ихъ раздѣленіе на вѣтви. – Особенности каждой изъ этихъ вѣтвей.— Отличіе курпевъ отъ всѣхъ другихъ польскихъ народностей.— Польскіе обычаи, обряды, пѣсни и сказки.

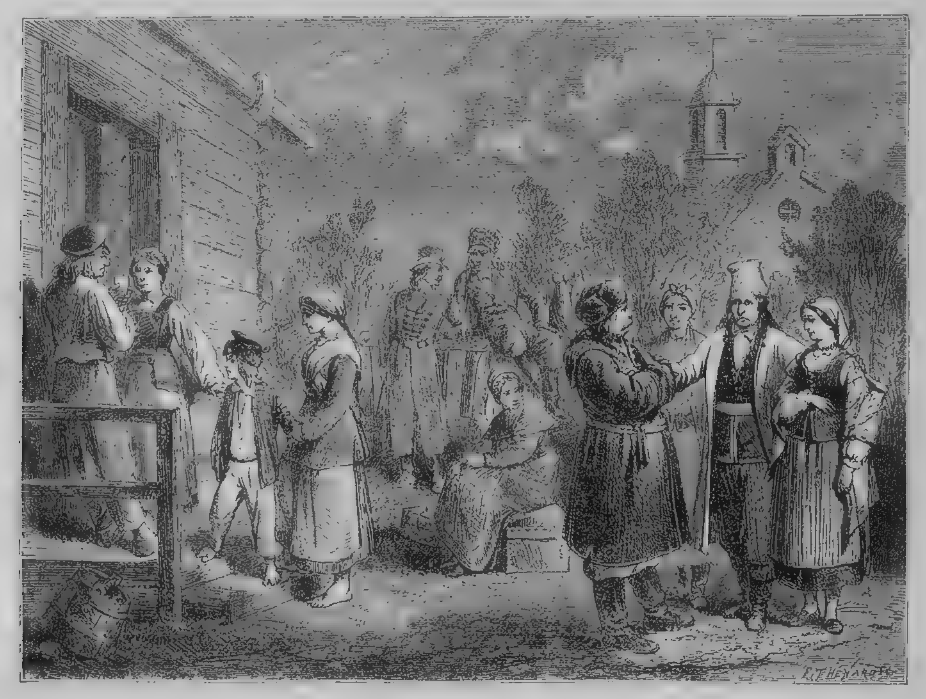
„Какъ цвѣты служатъ украшеніемъ земли и растеній, такъ точно славянскіе привычки и обычаи служатъ украшеніемъ нашей повседневной жизни. Они—наслѣдіе многихъ вѣковъ и память о нашихъ достойныхъ отцахъ и дѣдахъ—память, дорогая для дѣтей, любящихъ свою мать. Привычки и обычаи возникли изъ глубокой народной мысли, которую истинный разумъ заповѣдуетъ хранить и развивать, а не подавлять и пренебрегать ею".

СИГИЗМУНДЪ ГЛОГЕРЪ.

Польскій народъ, въ общемъ своемъ составѣ, какъ одинъ изъ представителей славянскаго племени, раздѣляется на нѣсколько отраслей, отличающихся болѣе или менѣе одна отъ другой языкомъ, или точнѣе произношеніемъ, обычаями и преданіями. Различія эти не нарушаютъ однако національнаго единства, скрѣпленнаго еще болѣе прежнею историческою жизнію Польши, составлявшей въ продолженіе многихъ вѣковъ одинъ политическій союзъ или государство. Колыбелью польскаго народа были въ незапамятную пору прибрежья Вислы, Варты и Одера. Не подлежитъ сомнѣнію, что все народонаселеніе упомянутыхъ мѣстностей, а также и называемые русскимъ лѣтописцемъ Несторомъ поляне, жившіе надъ Днѣпромъ, составляли первоначально одно чисто-славянское племя, раздѣлившееся потомъ на нѣсколько вѣтвей, давшихъ впослѣдствіи отъ себя еще новые, какъ-бы видовые, отпрыски. Вполнѣ самобытная польская жизнь развилась главнымъ образомъ въ Великой и Малой Польшѣ. На окраинахъ этихъ мѣстностей она, до извѣстной степени, измѣнялась подъ чужимъ вліяніемъ, а еще далѣе къ западу, на берегахъ Эльбы и Одера она со временемъ совершенно исчезла подъ наплывомъ нѣмцевъ, и въ силу этого въ Поморьѣ, въ Лужицѣ и въ Силезіи сохранились только слѣды польщизны, которые и до нынѣ проглядываютъ въ народныхъ пѣсняхъ, поговоркахъ и обычаяхъ тамошнихъ жителей, несмотря на всю окружающую ихъ чуждую имъ обстановку и на установившееся господство нѣмецкаго языка.

Изъ мѣста коренной своей селитьбы поляки-мазуры, какъ болѣе промышленные, чѣмъ другія поколѣнія польскаго времени, подвигались на востокъ и тамъ основали новыя поселенія. Такимъ образомъ около велико- и мало-полянъ, а также и мазуровъ, сосредоточивались сродственныя съ ними поколѣнія поморянъ, кашубовъ, добжинаковъ, куявяковъ и ленчичанъ. Къ

мало-польской отрасли принадлежали: краковяки, силезцы, горалы и сандомiряне. Мазуры распространились на востокъ—до Кролевца и Кенигсберга; вмѣстѣ съ тѣмъ они пустили отрасли своего поколѣнія въ Литву и Русь. Къ мало-полякамъ принадлежатъ также и Курпы съ ихъ разновидностями. Понятно, что, при такой распространенности польскаго племени, оно впослѣдствіи должно было разниться въ своихъ отдѣльныхъ отрасляхъ. Поэтому чрезвычайно трудно и даже невозможно представить одну общую картину народнаго быта и нравовъ польскаго племени и указать на нѣкоторыя особенности, отличающія его представителей въ той или другой мѣстности. Эту трудность сознавали и извѣстные польскіе этнографы Бродзинскій, Голембіовскій, Мацѣйевскій, Войцицкій, Сташицъ и другіе. Они или описывали отдѣльныя черты народнаго польскаго быта, или составляли монографіи, касавшіяся той или другой мѣстности, населенной жителями польскаго происхожденія. Вообще же, на недостатокъ въ

Типы мазуровъ.

современной польской литературѣ свѣдѣній объ обычаяхъ, поговоркахъ, пѣсняхъ, обрядностяхъ, плясках и музыкѣ нельзя жаловаться. Источниковъ для ознакомленія со всѣмъ этимъ—достаточно, но, тѣмъ не менѣе, очень трудно сдѣлать общую сводку изъ всего этого богатаго и разнообразнаго матеріала. Составленіе такой сводки необходимо предоставить спеціальнымъ изслѣдователямъ польской народности, изученіе которой имѣетъ особенную важность не только собственно для поляковъ, но и для всего славянства. Мы же, съ своей стороны, ограничимся лишь общимъ очеркомъ польской народности, внося въ него только то, что сохранилось отъ самобытнаго развитія народной польской жизни, подъ вліяніемъ какъ язычества, такъ и христіанства.

При самой внѣшности составныя части польскаго народа отличаются одна отъ другой нѣкоторыми выдающимися чертами. Такъ велико-поляки, особенно же живущіе на сѣверѣ, отличаются бѣлизною кожи, свѣтлыми волосами, флегматическимъ темпераментомъ и протяжною

рѣчью; куявы и калишане, наоборотъ, отличаются большею живостью и служатъ какъ бы переходомъ къ населенію Малой Польши и мазовшанамъ. Поморяне, какъ жители сѣвера, не отличаются подвижностью, — обыкновенно мрачны, понуры, почти никогда не поютъ и не пляшутъ. Они извѣстны своею честностью, трудолюбіемъ и смѣтливостью.

Куявяки и познанскіе великополяне также бѣлолицы и высоки ростомъ. Они разговорчивы, не прочь попѣть, и при томъ довольно складно. Силезцы составляютъ какъ бы переходъ къ малополякамъ; между ними много бѣлокурыхъ, но попадаются и темноволосые. Краковяки и горалы большею частью бѣлокурые, но между ними не мало темноволосыхъ и смуглолицыхъ. Краковяки тѣлосложенія крѣпкаго, подвижны, охотники до пляски, и большіе забіяки. Горалы—стройны станомъ, любознательны, выносливы и чрезвычайно любятъ родныя горы. Хотя на лѣто они и отправляются для заработковъ на низменности, но къ зимѣ стремятся попасть домой. Краковяки средняго роста, горалы — высокаго, худощавы и чрезвычайно сильны. Сандомиряне и люблянс всего ближе подходятъ къ краковякамъ, по наружности и по нраву. но вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ много сходства и съ мазурами. Хотя мазуры и не отличаются такою живостью, какъ краковяки, но проворнѣе и сообразительнѣе краковяковъ. Они большею частью бѣлолицы; смуглые встрѣчаются только на Подлѣсьѣ. Пѣсни мазуровъ оригинальны, танцы красивы и бойки. Говоръ мазовецкій очень своеобразенъ. Мазуры нѣсколько шепелявятъ и употребляютъ буквы s, c, sc вмѣсто горловыхъ sh, sh, scz. Такъ, если написать русскими буквами, какъ они говорятъ по-польски, то выйдетъ: вмѣсто «шедлъ»—«седлъ», вмѣсто «чего» — «цего», вмѣсто «щенсце» — «сценстье». Впрочемъ еще большею своеобразностью выговора отличается произношеніе великополянъ, краковяковъ и гораловъ. Говоря о разныхъ типахъ, мы замѣтимъ, что они сильно выдаются въ наружности мужчинъ и изъ прилагаемыхъ здѣсь рисунковъ, представляющихъ богомольцевъ и нищихъ въ Ченстоховѣ, собирающихся съ разныхъ концовъ Польши, можно до нѣкоторой степени заключить о такомъ разнообразіи.

Краковяки (въ окрестностяхъ Кѣлецкой губ.).

Разница между отдѣльными отраслями польскаго племени проявляется въ общихъ чертахъ и въ одеждѣ. Такъ, понурый кашубъ носитъ длинную одежду, темнаго цвѣта; женщины же

у кашубовъ заботятся въ особенности о чистотѣ бѣлья. Въ Великой Польшѣ, въ Куявахъ въ Мазовіи, носятъ широкую со складками одежду темныхъ цвѣтовъ. Здѣсь по преимуществу господствуютъ цвѣта темно-синій и темно-зеленый, а въ зимнюю пору — сѣрый и сѣроватый. Женщины носятъ юбки со множествомъ продольныхъ складокъ и корсеты (собственно кафтаники или станики) разныхъ цвѣтовъ. У краковяковъ синій цвѣтъ одежды перемѣшивается съ бѣлымъ или съ какимъ нибудь другимъ, яркимъ цвѣтомъ. Простой народъ обыкновенно носитъ въ Польшѣ длинные волосы, подстриженные на лбу, женщины зачесываютъ ихъ различно, но почти всюду покрываютъ головы платками.

Кракусъ.

Польскій народъ различается также и по той пищи, какую употребляетъ онъ въ той или другой мѣстности. У кашубовъ самая употребительная пища — горохъ, каша, картофель: хлѣбъ у нихъ ржаной и черный; изъ мяса всего охотнѣе они ѣдятъ свинину. Куявы предпочитаютъ всему галушки и чернику. Великополяне любятъ похлебку и мясное кушанье; мазуры — борщъ, грубцы, горохъ, пшенную кашу и лепешки: краковяки — кашу и картофель; горалы — сыръ, баранину и овсяный хлѣбъ; любляне и подлѣсяне — гречневую кашу, свиное сало и пироги. До рыбной пищи поляки не охотники.

Весьма замѣтное различіе встрѣчается въ польскомъ народѣ и въ отношеніи жилищъ. Хаты и всякія хозяйственныя постройки чище и удобнѣе у великополяковъ, отчасти и у краковяковъ и у мазуровъ. Бываютъ также хорошія постройки и у гораловъ. Въ восточной части краковскаго и люблинскаго края встрѣчаются еще и теперь курныя хаты, безъ дымовыхъ трубъ и съ соломенными крышами. Садовъ польское простонародье не разводитъ, занимаясь преимущественно хлѣбопашествомъ, но въ южныхъ частяхъ царства Польскаго крестьяне устраиваютъ около хатъ маленькіе палисадники съ яблоневыми и сливовыми деревьями. Польскій народъ искони отличался гостепріимствомъ и радушіемъ.

Женскій и мужской типы куявяковъ.

Типы курповъ.

Если во всѣхъ слояхъ общества праздничная одежда и донынѣ болѣе или менѣе замѣтно отличается отъ будничной, повседневной одежды, то тѣмъ болѣе такая разница была замѣтна вообще въ старину, да и теперь она остается весьма замѣтною среди простонародья всѣхъ странъ, въ томъ числѣ и въ Польшѣ. Кромѣ того, одежда всюду раздѣляется на лѣтнюю и зимнюю. Простой народъ въ Польшѣ старался и донынѣ старается защитить отъ холода больше всего желудокъ и ноги и менѣе всего заботится о головѣ. Этимъ объясняется исконное упо-

Семья кувяка.

Нищіе въ Ченстоховѣ.

требленіе поляками широкихъ поясовъ всякаго рода, сапоговъ съ высокими голенищами и обматываніе ногъ тряпками или кусками шерстяной ткани (онучами). По наблюденіямъ этнографовъ, въ цвѣтахъ народной одежды отражается весьма ясно характеръ народа. Такъ, гдѣ въ употребленіи яркіе цвѣта, бѣлый, красный, свѣтло-голубой, зеленый и синій, тамъ населеніе бываетъ болѣе подвижно, привѣтливѣе, веселѣе и любитъ пляску. Тамъ-же, гдѣ преимущественно употребляются темные цвѣта, жители бываютъ понуры, а если по временамъ и развеселятся, то обыкновенно снимаютъ одежду темныхъ цвѣтовъ и замѣняютъ ее одеждою цвѣтовъ яркихъ. Такое различіе особенно рѣзко бросается въ глаза въ Польшѣ. У краковяковъ, которые любятъ яркіе цвѣта, и пѣсни, и музыка, и пляска отличаются оживленіемъ и веселостью. Въ другихъ же областяхъ, какъ напримѣръ, на Подлѣсьѣ или въ Червонной Руси, гдѣ господствуетъ темный цвѣтъ въ одеждѣ, и пѣніе и музыка заунывны, а пляска лишена всякаго оживленія.

Изъ города съ гостинцемъ.

Самою старинною и общенародною польскою одеждою считается «сукманъ» или «жупанъ». Такъ искони называлась и холопская «сермяга», и нѣкогда составлявшая собственно верхнюю одежду у всѣхъ поляковъ, какъ богатыхъ и бѣдныхъ, какъ знатныхъ, такъ и простолюдиновъ. «Жупанъ» при Ягеллѣ и его сыновьяхъ былъ даже почетною наградою, такъ какъ эти госу-

дари раздавали подбитые мѣхомъ жупаны своимъ царедворцамъ и иностраннымъ посламъ въ знакъ особаго благоволенія. У простаго народа «жупанъ» назывался «самодѣломъ». Лѣтній жупанъ, какъ въ старину, такъ и нынѣ, крестьяне шьютъ изъ выбѣленнаго полотна и на немъ вышиваютъ шерстью различные узоры. Зимній жупанъ шьютъ изъ сукна различнаго цвѣта. Во всей Польшѣ покрой жупана одинаковъ и лишь кое-гдѣ можно встрѣтить какое-нибудь уклоненіе отъ общепринятаго покроя. Большею частью жупанъ доходитъ только до колѣнъ и рѣдко спускается нѣсколько ниже. Онъ бываетъ съ воротникомъ, застегивающимся спереди. Рубашку крестьянинъ имѣетъ всегда изъ бѣлаго полотна, а поясъ изъ шерсти свѣтлаго или темнаго цвѣта. Обувь ихъ составляютъ сапоги съ длинными голенищами выше колѣна, лапти изъ липоваго лыка или кожаные опорки. Ноги обертываютъ сыромятной кожей,

Мельница въ Петрашкахъ близъ Кѣлецъ.

причемъ прикладываютъ къ ногѣ выстроганную изъ дерева подошву. На головѣ соломенная или войлочная шляпа. Простонародная одежда, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, одинакова по покрою, но женщины прибавляютъ еще юбки и передники, носятъ совершенно иные головные уборы; дѣвушки же ходятъ обыкновенно съ непокрытою головою, заплетая волосы въ одну косу. Кромѣ того, рукава рубашки бываютъ у нихъ такъ длинны, что доходятъ до земли и собираются на рукахъ въ складки. Рубашки съ такими рукавами носили и русскія богатыя или достаточныя женщины и дѣвушки еще въ концѣ XVII вѣка.

Въ зимнее время крестьяне и крестьянки надѣваютъ длинные тулупы или «кожухи», которые, вмѣстѣ съ жупанами и составляютъ повсемѣстно общую одежду сельскаго населенія. Кожухи бываютъ короткіе и длинные съ такими же вышивками шерстью, какъ и жупаны.

Теперь мы скажемъ о перемѣнахъ въ одеждѣ поляковъ, о томъ, какимъ образомъ соста-

вился тотъ костюмъ, который нынѣ считается народнымъ польскимъ и подъ этимъ именемъ появляется на театральныхъ сценахъ какъ въ Польшѣ, такъ и внѣ ея.

Въ то время, какъ польское простонародье упорно сохраняло свою одежду, перешедшую къ нему еще отъ временъ Пястовъ, шляхта пожелала отличиться отъ него особенностію одежды, не отрекаясь однако вполнѣ (какъ это произошло уже впослѣдствіи) отъ національнаго одѣянія. Удержавъ хлопскій жупанъ и покрой хлопской или вѣрнѣе сказать, вообще

Сельскій видъ.

старопольской шапки, а также и поясъ, шляхтичъ, по мѣрѣ своихъ денежныхъ средствъ, сталъ заготовлять всю одежду изъ лучшей матеріи изъ тонкаго сукна, бархата и шелковой ткани, прибавляя къ этому дорогія вышивки, изящно сдѣланныя пуговицы и дорогіе мѣха. Вмѣсто простого овчиннаго кожуха, онъ сталъ надѣвать поверхъ жупана «делію» или «делійку», заимствованную у турокъ, которые называли ее «телее». Делійка—широкая верхняя одежда, съ широкими же рукавами, родъ шубы съ мѣховымъ воротникомъ, подбитая и опушенная лисицами, медвѣдями и соболями. Простой шерстяной или кожаный поясъ шляхтичъ

замѣнилъ поясомъ изъ золотистой ткани или парчи, привезенной съ отдаленнаго востока. Такимъ образомъ была введена щегольская одежда, которой простой народъ никогда не носилъ и не могъ носить. Въ давнюю пору жупанъ у шляхтичей доходилъ обыкновенно почти до пятъ, но потомъ они стали болѣе и болѣе укорачивать его. Кунтушъ, который обыкновенно считаютъ народнымъ польскимъ одѣяніемъ вовсе не былъ придуманъ въ Польшѣ, а завезенъ съ востока, и польскій простой народъ никогда его не носилъ и теперь не носитъ. Рукава у кунтуша стали дѣлать разрѣзными, а концы ихъ въ торжественныхъ случаяхъ закладывать на плечи, не продѣвая въ нихъ рукъ. При введеніи кунтуша, жупанъ изъ верхней одежды обратился въ нижнюю. Его стали надѣвать подъ кунтушъ, такъ что видны были только его рукава въ прорѣзахъ кунтуша, если рукава послѣдняго были заброшены на плечи. При этомъ ставилось непремѣннымъ условіемъ, чтобы жупанъ былъ одинаковаго цвѣта съ шапкою. Сапоги носили различныхъ цвѣтовъ, причемъ, съ конца XVI вѣка шляхтичъ сталъ подгонять ихъ цвѣтъ къ цвѣту своего гербовнаго щита. Шапки носили четырехконечныя, съ мѣховой опушкой. Узкій воротъ отъ рубашки раскладывался по воротнику жупана и застегивался у богатыхъ драгоцѣнной запонкой. Исподнее широкое платье въ видѣ шароваръ запрятывалось въ длинныя голенища сапоговъ. Ни галстуховъ, ни шейныхъ платковъ поляки не носили.

Крестьянинъ изъ Вилянова.

На измѣненіе въ Польшѣ старинной народной одежды повліяли сношенія поляковъ съ чужеземцами. Первоначально такого рода измѣненія стали появляться при королевскомъ дворѣ.

Кѣлецкіе типы.

Калишане.

Женитьба польскихъ королей на иностранныхъ принцессахъ была причиною введенія въ Польшѣ нарядовъ испанскихъ, итальянскихъ и французскихъ. Военные же люди, въ память битвъ съ турками, волохами и татарами, усвоивали одежду арабскую, персидскую и черкесскую. Уже съ 1515 года поляки стали носить короткую одежду. Сигизмундъ-Августъ любилъ испанскую

Деревня при Вислѣ.

одежду. Ему стали подражать самыя знатныя особы; менѣе же знатные стали носить одѣяніе татарское, хорватское и далматское. При Стефанѣ Баторіи самой модной одеждой была венгерская и при немъ же появились въ Польшѣ «бекеши». Кардиналъ Коммендони разсказываетъ, что въ его время у поляковъ было чрезвычайное разнообразіе въ одеждѣ, и добавляетъ, что въ ней не было ничего ни постояннаго, ни народнаго. Писатель Старовольскій, жившій во второй половинѣ XVII вѣка, говоритъ, что въ Польшѣ нѣтъ никакой общей для всѣхъ одежды и что всякій наряжается, какъ ему вздумается. Само собою разумѣется, что эти замѣчанія относятся только къ высшимъ и среднимъ классамъ, а также и къ горожанамъ вообще, потому что собственно сельское населеніе во всей Польшѣ оставалось, по прежнему, при прародительской одеждѣ. Особенно же быстро усвоивалъ иноземные наряды женскій полъ.

Сигизмундъ III не любилъ польской одежды и своего старшаго сына не разъ бранилъ и даже сѣкъ за то, что онъ носилъ ее. При немъ появились въ Польшѣ шведскіе уборы. Во время Владислава IV, при королевскомъ дворѣ, стали снова носить польскую одежду, но жена Яна-Казиміра, Людвика Марія, родомъ француженка, старалась ввести французскіе костюмы.

Странствующій адвокатъ.

Король Михаилъ Вишневецкій, ея питомецъ, слѣдовалъ внушеніямъ своей воспитательницы. Онъ одѣвался во французскій кафтанъ, убранный бантами и лентами. На шляпѣ его были страусовыя перья и, вмѣсто тяжелой булавы, онъ носилъ легкую щегольскую трость. При Янѣ III Собѣсскомъ стали снова носить польско-народную одежду. Даже курфирстъ Саксонскій, избранный въ польскіе короли подъ именемъ Августа II, былъ во время своей коронаціи въ польской одеждѣ, но потомъ онъ оставилъ ее и сталъ носить нѣмецкое платье. Магнаты и паны начали подражать королю-чужеземцу. При Станиславѣ-Августѣ Понятовскомъ поляки, видя, что народность ихъ утрачивается, стали было возстановлять старинную польскую одежду, но привычка къ иностранной одеждѣ брала верхъ надъ проявленіемъ народности.

Весьма любопытенъ перечень тѣхъ нарядовъ, которые въ разное время были позаимствованы поляками у другихъ. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ не переводимы по-русски, да и сами поляки, занимавшіеся описаніемъ старинной одежды, не могутъ съ достаточною точностью опредѣлить ихъ значеніе и подробно описать ихъ.

Отъ персовъ поляки заимствовали: атласы, чамары, пояса, ормусскій жемчугъ, адамашекъ

и ткань, называвшуюся «персъ»; изъ Индіи — боядеры, бисеръ и картунъ; отъ китайцевъ — китайку, нанку и крепъ; отъ турокъ и татаръ — бачмаги, альтембасы, бараканы, бавельники, бухалеры, бурки, бурлы, чекманы, деліи, делицеры, дымы, дывдики, дзындзики, фальшуры, фалькуры, габы, ермолки, кафтаны, камшы, кирей, киндяки, махрамы, мешты, мукаиры, мультаны, муслины, мусульбасы, сафьяны, султаны, шали, шаметы, штеметы, байбараки, кофтуры; отъ итальянцевъ — бархатъ, бомбасы, брокады, циндешны, фацолеты, шкарпетки, шамерланы, щаршедроны и т. д.; изъ Испаніи — способъ ношенія усовъ и бороды, домино, кордуанъ, корнуфазъ, козубъ; изъ Франціи — ленты, блонды, батистъ, рюшъ, корсеты и все, что тамъ появлялось новаго въ продолженіе четырехъ столѣтій; новинокъ же этого рода было тамъ неисчислимое множество; отъ англичанъ — спекары и фланели; отъ нѣмцевъ — абцазы, галстуки, гальсбанды, фалбы, фартухи, форштаты, индераки или унтероки, кабаты, кнафле, мантили, момпанцы, оберккухи, орментли, пудермантеле, рантухи, шорцы, швабки и многое другое; отъ шведовъ — ингерпины и шведки; отъ венгровъ — доломаны, магерки, бекеши, венгерки, надраги и т. д. Всѣ эти предметы употреблялись исключительно придворными и шляхтичами.

Пляска флисаковъ на берегу Вислы.

Что касается мѣщанъ, то въ старинной Польшѣ подъ вліяніемъ магдебургскаго права, почти все городское населеніе составилось изъ нѣмецкихъ выходцевъ. Основавшись въ Польшѣ, они, однако, долго сохраняли свой родной языкъ, нравы, обычаи и одежду, вовсе не сходную съ польской, за что ихъ сильно не жаловала шляхта. Впослѣдствіи же эти переселенцы совершенно ополячились, тѣмъ не менѣе не только горожане изъ поляковъ, но и самая шляхта успѣла многое позаимствовать у нихъ, въ томъ числѣ и по части одежды.

Современникъ короля Сигизмунда III, Гройцкій въ сочиненіи своемъ подъ заглавіемъ: «O prawnitstwie majeskim» говоритъ: «не достаточно имѣть польскую одежду, но нужно имѣть еще одежду венгерскую и испанскую, а также и другіе уборы, какъ-то: теплики, освики, тканки, брамки, чепцы моравскіе, старосвѣтскіе, хомле, кендзсіорки, цельпы съ кнафлями, точеня, любки, разные вѣнки, жемчужные фарботы, береты съ понталами и т. д. Въ свою очередь Старовольскій пишетъ: «Кунтуши, отдѣланные жемчугомъ, пестрые жупаны, литые поясы были любимымъ убранствомъ мѣщанъ, а жены имъ наряжались въ канаки, носили на шеѣ разныя побрякушки, а также и въ ушахъ и на лбу. Болѣе же знатныя матроны надѣвали, и зимой и лѣтомъ, шубы или куньи или лисьи. Крестьяне тоже стали перенимать многое отъ мѣщанъ, такъ что иногда по одеждѣ нельзя было уже отличить однихъ отъ другихъ». Тѣмъ не менѣе, — по словамъ того же Старовольскаго, — исконною и неизмѣнною одеждою хлоповъ были: армякъ, гурмана, киндякъ, контрысъ, корманъ, сердакъ, локтуха, гоня льнянка, парцянка, самодѣлъ, сермяга. Женщины-хлопки носили: тисноху, чехель, индеракъ, катанку, кицку, сподницу, а иногда и шубу. На головы надѣвали: чепцы, намитки — замужнія, а дѣвушки — платки, ленты; станъ онѣ обтягивали плахтой изъ серпянки на рандтуху. Кунтушъ,

жупанъ, нижнее платье, сапоги и шапка были обычною выходною одеждою и мѣщанина, и небогатаго шляхтича, съ тою впрочемъ разницею, что шляхтичъ надѣвалъ богатый поясъ по кунтушу, мѣщанинъ же подпоясывался простымъ поясомъ по жупану. На кунтушѣ, по плечамъ, лежалъ толстый шелковый шнурокъ, съ золотыми или серебряными кистями, оба конца котораго завязывались подъ шеей. Мѣщанинъ ходилъ съ палкой, такъ какъ онъ не имѣлъ права носить сабли. Только краковскіе мѣщане и члены познанскаго магистрата пользовались такимъ правомъ. Препоясавшись саблею, шляхтичъ, при выходѣ со двора, бралъ въ руку «обухъ» — дубину, называвшуюся наджакомъ или чаканомъ.

Цвѣтъ ежедневной одежды у шляхтича былъ «кармазинный»—красный. Мѣщане же носили одежду темнокрасноватую, сшитую изъ пеньковой ткани, имѣвшей видъ атласа. Кунтушъ изъ шелковой матеріи уже не носилъ такого названія, а назывался «кубракомъ». Къ упомянутымъ выше женскимъ нарядамъ присоединились еще со временемъ: бленкыты, дзіанки, фальсарухи, факсменты, гречанки, кабаты, карако, кавалерки, казакины, кассвятки, кунтушики, копульки, крымки, кубрачки, лѣтники, португалы, претрены, робы, робдешаны, роброны, сакисмукавицы, шустъ, шамерлюкъ, шольмпра, панта, шарафаны, шамбраны, шамерланы, солтаны, шусльманы, туники, вестелки.

Съ 1570 года, замужнія женщины стали носить шелковыя и мѣховыя шапки, а платья стали вырѣзывать спереди такъ низко, что полгруди было открыто. При Августѣ III знатныя дамы стали надѣвать платья съ длинными шлейфами, которыя носили за ними пажи. Потомъ стали носить «рогувки» (такъ называли и корсеты и фижмы), но ихъ однако дозволялось носить только женщинѣ шляхетскаго званія; если же мѣщанка надѣвала «рогувку», ее тащили въ судъ. При старопольскомъ нарядѣ, шляхтичи любили носить чубы или чупрыны, которые впослѣдствіи были замѣнены париками сперва съ длинными локонами, а потомъ вычесанными вверхъ и напудренными.

Отреченіе отъ національной простой одежды и замѣна ея роскошной иноземной вызывало частыя и рѣзкія обличенія со стороны многихъ польскихъ писателей, какъ-то: Збылитовскаго, Гурницкаго, Старовольскаго, Мясковскаго, Кленовича и Рея. Независимо отъ этого, въ Польшѣ издавались время отъ времени законы противъ роскоши въ одеждѣ, такъ называемые «leges sumptuariae», но такіе законы стѣсняли не столько шляхту, сколько мѣщанъ. Такъ, въ 1776 году, былъ изданъ подобнаго рода законъ, въ которомъ постановлялось, что лица не шляхетскаго происхожденія не имѣютъ права носить ни золота, ни серебра, ни драгоцѣнныхъ камней, ни кружевъ.

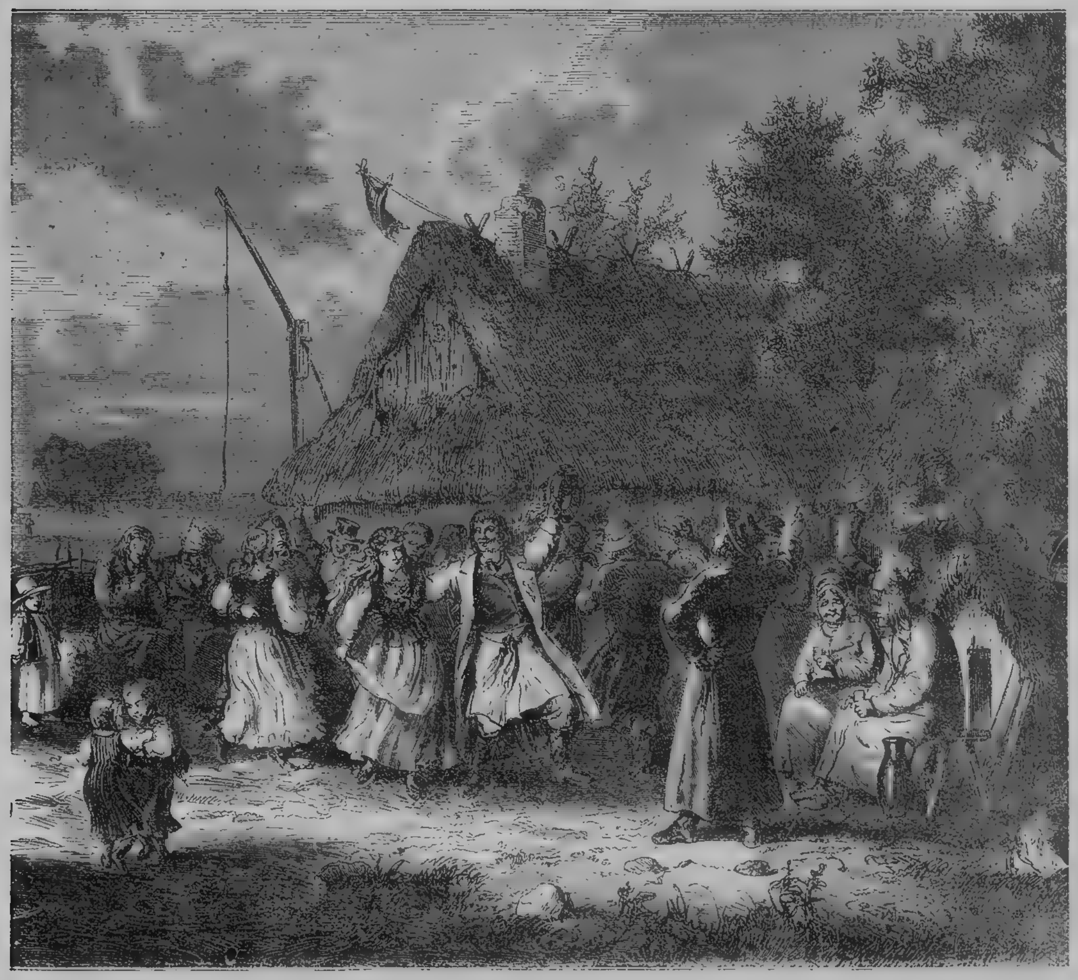
Теперь—остановимся на пляскѣ, какъ на предметѣ, въ которомъ характерно проявляются особенности народнаго характера.

Польская пляска или танцы очень типичны. Если испанцы и итальянцы гордятся своими народными танцами, то и поляки имѣютъ въ этомъ отношеніи такое же право. По мнѣнію Нарушевича, танцы въ Польшѣ, какъ и во многихъ другихъ странахъ, имѣли первоначально религіозное значеніе, составляя часть торжественно-религіозныхъ языческихъ обрядовъ. Для отправленія этихъ обрядовъ юноши, старцы, женщины, дѣвицы и дѣти собирались около городищъ, плясали, причемъ всѣ присутствовавшіе хлопали въ ладоши съ припѣвомъ: «Ладо, Ладо!» Затѣмъ уже приступали къ жертвоприношенію. Такъ называемыя «собуки» были началомъ народныхъ польскихъ плясокъ, которыя первоначально и назывались «пліонси» или «плонси». О танцахъ при дворахъ польскихъ королей и князей упоминается уже въ сказаніяхъ, относящихся ко времени князя Попеля.

Польскіе государи, особенно же королевы, даже въ такой отдаленной древности, когда жили Домбровка, Елизавета и Ядвига, позднѣе же — Марія-Людвика и Марія-Казиміра, были большія охотницы до танцевъ.

Изъ сочиненій упомянутыхъ выше писателей можно составить такую общую картину

старинныхъ польскихъ танцевъ. Въ комнату, предназначенную для танцевъ, входили парами дѣвицы, имѣя въ рукахъ вѣнки. Они дѣлали глубокій поклонъ наиболѣе почетнымъ гостямъ, съ другими же здоровались по-просту. По прошествіи нѣкотораго времени, мужская молодежь предлагала свои услуги дѣвицамъ, и начинала ходить за ними парами нога-въ-ногу, но дѣвицы какъ бы хотѣли уклониться отъ нихъ. Потомъ, однако, онѣ начинали раздавать вѣнки тѣмъ, кого выбирали себѣ для танцевъ. Въ Польшѣ было два танца: «танецъ замужнихъ женщинъ» —

Деревенская пирушка.

важный и торжественный, и «дѣвическій танецъ» — живой, веселый. Оба танца начинались и оканчивались взаимными поклонами. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ ухаживаніе молодежи за дѣвицами, позаимствованное изъ народнаго обычая, было оставлено, и танцы начинались уже прямо съ выбора кавалеровъ.

Есть еще и другая черта польско-народнаго характера, проявляющаяся въ коренныхъ польскихъ танцахъ. Поляки — народъ храбрый, воинственный; эта черта проглядываетъ въ самомъ обыкновенномъ у поляковъ танцѣ — въ «польскомъ», или иначе въ «полонезѣ», кото-

рый собственно ничто иное, какъ торжественный маршъ подъ предводительствомъ первой пары. Вторымъ польско-народнымъ танцемъ слѣдуетъ считать краковякъ, далѣе — мазурку, куявякъ и обертасъ. Едва ли какой либо другой изъ европейскихъ народовъ имѣетъ столько собственныхъ, незаимствованныхъ изъ-чужа танцевъ, какъ поляки. Танцы ихъ замѣчательны, между прочимъ, и тѣмъ еще, что однимъ изъ народныхъ польскихъ танцевъ открываются во всей Европѣ самые торжественные балы, а другимъ, польскимъ же танцемъ, обыкновенно оканчиваются и роскошные балы, и скромныя танцовальныя вечеринки. У народа ко всѣмъ этимъ танцамъ сохранились старинные припѣвы. Иногда танцы эти перемѣшиваются одинъ съ другимъ. Такъ называемый «круглый танецъ» начинается польскимъ, потомъ измѣняется въ мазурку и оканчивается краковякомъ или обертасомъ. Кромѣ этихъ главныхъ танцевъ, есть еще у поляковъ, какъ-бы дополнительные народные танцы, а именно: вырвасъ, орылъ, гуралъ, гайдукъ, завируха, арканъ, думка и т. д. Были въ народѣ еще и другіе, нынѣ совершенно уже забытые, танцы. Такъ, старинные польскіе писатели упоминаютъ о танцѣ, называвшемся «клясканымъ», остатки котораго сохранились еще въ свадебныхъ танцахъ евреекъ, о цеварѣ, гоньонѣ — похожемъ на позднѣйшій галопадъ-ганьотъ, рукованѣ, скочкѣ, дзьолѣ, галубцѣ, сейдакѣ, пженюркѣ. Кромѣ народныхъ танцевъ, въ старинной Польшѣ были еще другіе, перенятые отъ иностранцевъ, какъ-то, галарды, бергамаски, капреоли, сарабанды, алеманды, фанданго и болеро, кадрила, контредансы, гавоты, менуэты, гирлянды, котильоны, вальсы нѣмецкіе и венгерскіе, радовашки, англезы, экосезы, стайеры (штирійскій танецъ), матлоты и черкесскіе танцы.

Первоначально «польскій» (какъ называетъ его и простой народъ въ Польшѣ, безъ прибавленія слова «танецъ») былъ военнымъ танцемъ и его танцовали одни мужчины, потомъ стали танцовать и женщины, но отдѣльно отъ мужчинъ, и только впослѣдствіи его начали исполнять въ томъ видѣ, какъ и въ настоящее время. Кромѣ того, въ народѣ «польскій» носитъ еще различныя дополнительныя названія — «вольный», «большой», «пѣшій» и «малый». Старинные мотивы этого танца сохранились только въ народныхъ пѣсняхъ, у композиторовъ же польскихъ, а тѣмъ болѣе у иностранныхъ, они значительно измѣнились. Лучшими полонезами вполнѣ справедливо считаются полонезы Огинскаго, но и въ нихъ болѣе проявлялось магнатскаго, нежели народнаго отпечатка.

Самымъ любимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ распространеннымъ танцемъ во всей Польшѣ считается краковякъ. Названіе его указываетъ на мѣсто происхожденія. Мелодія его рѣзва и весела. Танцоръ, охвативъ правою рукою за талію танцорку и держа вольно лѣвую руку, вступаетъ въ кругъ танцующихъ плавнымъ шагомъ, а не въ припрыжку. Стоя еще на мѣстѣ, онъ бьетъ тактъ высокими стальными каблуками или побрякиваетъ свободной рукой круглыми мѣдными бляхами, повѣшанными у его пояса. Въ этихъ звукахъ, по толкованію польскаго этнографа Бродзинскаго, выражается воинственный духъ поляковъ, такъ какъ производимыя танцорами звуки напоминаютъ лязгъ оружія. Затѣмъ, подъ звуки музыки и пѣсни, начинается воодушевленная пляска, съ молодецкимъ вскрикиваніемъ. Танецъ этотъ чрезвычайно оживленъ и граціозенъ. По временамъ танцующая дѣвушка убѣгаетъ отъ своего танцора, который догоняетъ ее, показывая при этомъ въ танцѣ свою ловкость, проворство. Послѣ того, дѣвушка гоняется за танцоромъ, стараясь поймать его за плечо. Какъ народная пѣсенка, краковякъ состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ стиховъ, содержаніемъ которыхъ служитъ какой нибудь предметъ или явленіе природы, принаровленныхъ къ настроенію души и сердца человѣка. Такихъ пѣсенокъ, очень миленькихъ и вполнѣ приличныхъ, много у польскаго простонародья.

Другой очень любимый народный польскій танецъ «куявякъ» былъ первоначально—какъ это указываетъ самое его названіе — тоже только мѣстнымъ танцемъ, но потомъ распространился по всей Польшѣ. Танецъ этотъ скорѣе грустный, чѣмъ веселый: въ немъ нѣтъ ни

вскрикиваній, ни притоптыванья. Въ немъ нѣтъ ни той развязности, ни той прыти, какими отличаются краковякъ и «обертасъ». Куявякъ состоитъ въ томъ, что мужчина и женщина берутъ другъ друга за руки и медленно вертятся кругомъ, то влѣво, то вправо. Опредѣленнаго такта для куявяка нѣтъ: тактъ зависитъ отъ играющаго на скрипкѣ, при чемъ обыкновенно оказывается не какой-нибудь общепринятый въ Польшѣ мотивъ, но импровизація самого скрипача.

Какъ бы противоположностью скромному куявяку является третій народный танецъ — «обертасъ», названіе котораго происходитъ отъ испорченнаго въ народномъ говорѣ слова «обертываться». Танецъ этотъ распространенъ въ Польшѣ среди народа еще болѣе, нежели краковякъ. Танцуютъ его или въ одну пару, или разомъ въ нѣсколько паръ, при чемъ всѣми танцующими предводительствуетъ первая пара. Обойдя кругомъ, первая пара быстро «мельницей» поворачиваетъ вправо, иногда же съ пѣсней останавливается передъ музыкой, а иногда, продолжая танцовать, поетъ свои пѣсни. Послѣ того, пара эта быстро оборачивается вправо и отъ этого неожиданнаго поворота всѣ слѣдующія за нею пары приходятъ въ дѣйствительное или въ притворное замѣшательство, вслѣдствіе чего начинается давка, толкотня и тисканье, — что и составляетъ отличительную принадлежность обертаса. Танцы эти разнообразятся еще тѣмъ, что иногда мужчина кружится около женщины, какъ около оси, а иногда, какъ въ вальсѣ, это дѣлается, наоборотъ, но во всякомъ случаѣ ритмъ обертаса значительно разнится отъ ритма нѣмецкаго вальса. Во многихъ мѣстностяхъ Польши, обертасъ — единственный танецъ среди сельскаго населенія съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями и подъ разными названіями. Такъ въ одномъ мѣстѣ его называютъ «вырвасомъ», въ другомъ — «дрыгантомъ», въ третьемъ «круглымъ» и т. д. Пѣсенки, подходящія къ обертасу, чрезвычайно любитъ распѣвать простой польскій людъ; нѣкоторыя изъ нихъ отличаются поэтичностью какъ содержанія, такъ и мелодіи, но большая часть пѣсенокъ остраго и юмористическаго характера. Мотивами обертаса, какъ и мотивами другихъ народныхъ польскихъ танцевъ, не мало воспользовались польскіе и иностранные композиторы.

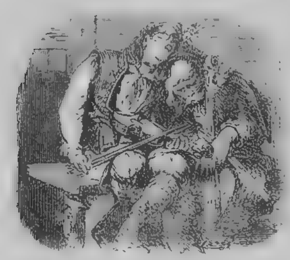
Мы подробно остановились на трехъ народныхъ польскихъ танцахъ: краковякѣ, куявякѣ и обертасѣ, въ виду того, что очень немногимъ изъ русскихъ читателей приходилось видѣть ихъ. Не говоря о томъ, что ихъ чрезвычайно рѣдко исполняютъ на нашихъ театральныхъ сценахъ, самое исполненіе въ этихъ случаяхъ далеко не даетъ понятія о томъ, какъ ихъ танцуетъ народъ. Повидимому, о мазуркѣ или правильнѣе о «мазурѣ» не приходится и говорить, какъ о танцѣ, хорошо извѣстномъ всѣмъ русскимъ, но дѣло въ томъ, что танецъ этотъ исполнялся въ Польшѣ съ такими особенностями, въ которомъ всего болѣе выражались черты народно-польскаго характера. Названіе мазурки указываетъ на мѣсто ея происхожденія среди мазуровъ, т. е., среди жителей Мазовіи, одной изъ самыхъ коренныхъ польскихъ областей. Изъ танца чисто-народнаго мазурка обратилась въ шляхетскій танецъ не ранѣе, полагаютъ, какъ въ царствованіе Сигизмунда III. Со времени перенесенія столицы королевства польскаго изъ Кракова въ Варшаву (въ Мазовію), при королевскомъ дворѣ стало проявляться отраженіе мѣстной народной жизни, въ томъ числѣ появилась и мазурка. Мазурка несомнѣнно возникла изъ стариннаго, обще-славянскаго «кола» или круга, изъ котораго выступали для танцевъ составлявшіе его мужчины и женщины. Мазурка въ простонародьѣ и донынѣ начинается «коломъ», при чемъ всѣ участвующіе въ танцахъ составляютъ изъ себя кругъ, держа другъ друга за руку. Изъ этого круга и выходятъ танцоры и танцорки. Польскій этнографъ Чернявскій полагаетъ, что введенныя нынѣ разныя фигуры въ мазурку были французской прибавкой, сдѣланной при королевахъ-француженкахъ: Маріи Людовики и Маріи-Казиміры. Бальная мазурка утратила еще и въ Польшѣ свою старинную, народную принадлежность — пѣсни, но въ народѣ пѣсня при мазуркѣ удержалась донынѣ и многіе какъ польскіе, такъ и иностранные композиторы писали музыку и пѣсни на мотивъ мазурки, чрезвычайно граціозный.

Въ старинной Польшѣ исполненіе мазурки, кромѣ лихаго и удалаго движенія мужчинъ, сопровождалось колѣнопреклоненіемъ передъ дамою и, по преданію, отстрѣливаніемъ изъ пистолета каблучковъ у дамскихъ башмачковъ. Для танцованія мазурки въ Польшѣ никакого ограниченія по возрасту не полагалось и даже, напротивъ, лучшими мазуристами въ Польшѣ считались паны съ сѣдыми чупрынами и сивыми усами.

Въ тѣсной связи съ танцами всюду находится музыка, а въ Польшѣ—и пѣсня. Объ этой послѣдней мы скажемъ особо, что же касается музыки, то, оставивъ въ сторонѣ польскихъ композиторовъ, такъ какъ ихъ музыка входитъ уже въ область изящныхъ искусствъ, скажемъ лишь о народной музыкѣ, въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Поляки, какъ и вообще всѣ славянскіе народы, надѣлены отъ природы музыкальными способностями. Древность мірскихъ и религіозныхъ напѣвовъ свидѣтельствуетъ, что музыка, если не инструментальная, то вокальная, была извѣстна въ Польшѣ еще въ самыя отдаленныя времена. Первыми ея представителями въ польскомъ народѣ были гусляры, расхаживавшіе по всей Польшѣ, не только въ качествѣ пѣвцовъ и музыкантовъ, но и въ качествѣ врачей и гадальщиковъ. Вслѣдствіе соединенія въ гуслярахъ этихъ профессій, они потеряли то значеніе, какое могли бы имѣть, какъ музыканты; неудачное-же лѣченіе и несбыточность прорицаній вызывала даже презрѣніе къ гуслярамъ.

Трудно сказать, какіе первоначально были въ Польшѣ музыкальные инструменты, такъ какъ относительно ихъ не сохранилось никакихъ памятниковъ, никакихъ письменныхъ извѣстій; но вообще народными польскими инструментами считаются гусли и дуда, дудка, или иначе называемая «кобза». Нынѣ въ каждомъ польскомъ народѣ употребляются и струнные инструменты. Въ тональности пѣнія поляковъ ученые изслѣдователи находятъ слѣды иноземнаго вліянія, а также и слѣды церковной музыки. Съ своей стороны, польскій народъ, помимо всякихъ посторонныхъ вліяній, выработалъ три главные мотива, выражающіеся въ танцахъ: польскомъ, краковякѣ и мазуркѣ. Значительное число обрядовыхъ пѣсней (такъ называемыхъ «календъ»), а также и часть свадебныхъ пѣсенъ, несомнѣнно восходятъ ко временамъ языческимъ. Пѣсни о Ладѣ, Лелѣ, а также при праздновании собутокъ и пѣсни о «Купалѣ» слышались въ Польшѣ еще во времена Длугоша. Такія пѣсни духовенство преслѣдовало, какъ пѣсни языческія, особенно-же преслѣдовали ихъ іезуиты, причемъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ имѣлось въ виду искорененіе не самыхъ пѣсенъ, какъ народныхъ произведеній, но уничтоженіе послѣднихъ слѣдовъ язычества, о которомъ онѣ напоминали даже и послѣ многолѣтняго господства христіанства. Старѣйшею пѣснью въ тональномъ отношеніи считаютъ обыкновенно «Пѣснь Богородицы», слова которой были примѣнены къ издавна уже существовавшему народному мотиву. При такомъ условіи, мотивъ этотъ достигаетъ самой глубокой древности, если принять во вниманіе, что даже слова упомянутой пѣсни, сочиненныя св. Войцѣхомъ, восходятъ къ концу X столѣтія. Необходимо также замѣтить, что сверхъ церковныхъ гимновъ, занесенныхъ въ Польшу вмѣстѣ съ христіанствомъ, на латинскомъ языкѣ, сочинялись въ народѣ религіозные гимны и на польскомъ языкѣ какъ на совершенно новые мотивы, такъ и на передѣлки церковныхъ пѣснопѣній на народный ладъ. Есть у поляковъ народныя пѣсни и историческаго содержанія, въ которыхъ упоминается о татарахъ, шведахъ, о моровомъ повѣтріи и другихъ событіяхъ, а также—о различныхъ бѣдствіяхъ и невзгодахъ, испытанныхъ народомъ. Напѣвы одной и той же пѣсни бываютъ чрезвычайно различны не только по областямъ, но даже по церковнымъ приходамъ. Не мало также находится у поляковъ пѣсенъ, относящихся къ домашнему быту и къ военнымъ событіямъ. Послѣдняго рода пѣсни сочинялись среди шляхты, тогда какъ пѣсни перваго рода составлялись среди поселянъ. На развитіе

Музыканты.

пѣнія въ народѣ имѣли значительное вліяніе прибывшіе въ Польшу монахи бенедиктинскаго ордена: у нихъ были свои пѣснопѣнія, они-же учреждали и школы, въ которыхъ обучали крестьянскихъ мальчиковъ пѣнію и игрѣ на органахъ.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ начались въ польскихъ костелахъ представленія религіозныхъ мистерій и діалоговъ. Представленія эти соединялись съ пѣніемъ и музыкой, такъ что для народа явился новый музыкальный источникъ и притомъ источникъ весьма обильный и довольно разнообразный. Сверхъ того чрезъ краковскую академію стали проникать въ Польшу мотивы голландскихъ композиторовъ. Появились также въ народѣ и пѣсни легендарнаго содер-

Народный пѣвецъ.

жанія. Монахи, пріѣзжавшіе въ Польшу изъ Чехіи, способствовали немало переходу различныхъ, завезенныхъ ими мотивовъ въ народныя пѣсни, не говоря уже о томъ, что они чрезвычайно много содѣйствовали развитію церковной музыки въ итальянскомъ вкусѣ. Въ числѣ старинныхъ польскихъ пѣсень встрѣчаются такъ называемыя «dumki chłopskie». Пѣсни эти, касавшіяся исключительно простонародья, пѣли, между прочимъ, и въ домахъ кастеляновъ и воеводъ. Немало способствовало развитію въ народѣ музыкальнаго чувства и появленіе въ церквахъ хороваго пѣнія всѣхъ присутствовавшихъ богомольцевъ. Примѣру протестантовъ усердно стали подражать и католики, почему около этого времени обычай пѣть всѣмъ нахо-

дившимся въ костелѣ распространился гораздо больше, чѣмъ въ прежнее время. Около этой же поры появились въ Польшѣ «концiоналы» какъ протестантскiе, такъ и католическiе, давшiе народу возможность учавствовать въ церковномъ пѣнiи во время богослуженiя и вообще прiучаться къ церковнымъ напѣвамъ, вслѣдствiе чего среди поляковъ-католиковъ появилось множество распѣваемыхъ народомъ «кантычекъ» и «литанiй». Нѣкоторые изъ церковныхъ напѣвовъ перешли въ народъ въ видѣ тѣхъ рождественскихъ пѣсенъ, которыя стали распѣвать хлопцы, ходившiе въ праздникъ Рождества Христова по домамъ, чтобы славить Христа.

Музыка, какъ художество, испытало въ Польшѣ ту же участь, какую испытала она почти повсюду, польскiе композиторы увлекались иноземными музыкальными произведенiями и старались подражать имъ, не обращая вниманiя на народные мотивы. Только съ недавняго времени поляки затронули этотъ богатый родникъ и начали въ немъ черпать свои вдохновенiя. Подъ влiянiемъ чувства народности, они стали собирать, между прочимъ, и народныя пѣсни, такъ что въ настоящее время по этой части имѣются уже превосходные печатные сборники.

Въ началѣ этого очерка было сказано о польскомъ народѣ вообще; теперь же мы приведемъ нѣсколько особыхъ замѣчанiй, относящихся къ той или другой мѣстности. Мазуры, составляющiе главную часть населенiя нынѣшняго царства Польскаго, носятъ обыкновенно суконный жупанъ темно или свѣтло-синяго цвѣта, у котораго воротникъ и обшлага на рукавахъ изъ краснаго сукна, или же жупанъ, равно воротникъ его и обшлага изъ зеленаго сукна. Шапки у нихъ изъ сѣраго барашка, или круглыя войлочныя, съ прикрѣпленнымъ къ тульѣ павлиньимъ перомъ. Кожаный или шерстяной поясъ дополняетъ этотъ нарядъ. Женщины и дѣвушки носятъ такiе же жупаны, только подлиннѣе. Замужнiя надѣваютъ на голову высокiе чепцы, покрой которыхъ остается неизмѣннымъ, по крайней мѣрѣ, съ XVI ст. Дѣвушки носятъ на головѣ вѣнки или изъ живыхъ, или изъ искусственныхъ цвѣтовъ. Мужчины ходятъ въ сапогахъ съ высокими голенищами, а женщины въ башмакахъ съ очень высокими каблуками. Что касается нравственныхъ качествъ мазуровъ, то изъ нихъ даже самые простые люди чрезвычайно щекотливы въ дѣлахъ чести и скорѣе вынесутъ жестокую боль, чѣмъ словесную обиду, держась мѣстной поговорки: «рана заживетъ, а слова — нѣтъ». Любимый напитокъ мазуровъ—пиво, но не горѣлка. Они чрезвычайно набожны и трудолюбивы, ловки и красивы, въ особенности женщины. Въ сраженiяхъ они всегда отличались храбростью и какъ отличные кавалеристы, и какъ такiе же пѣхотинцы. Изъ старыхъ еще языческихъ обычаевъ они сохранили празднованiе такъ называемой «собутки», а также—хожденiя съ пѣтухомъ въ праздники Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенiя. У нихъ сохранились во всей неприкосновенности старопольскiе свадебные обряды и пѣсни, изъ которыхъ извѣстная пѣсня «о хмелѣ» восходитъ къ самой отдаленной древности. Они же распространили самыя употребительныя въ польскомъ народѣ пѣсни на мотивъ изъ первоначально мѣстнаго танца — мазурки. Сохранилось также среди нихъ множество преданiй и разсказовъ, обнаруживающихъ честное, доброе чувство народа и пылкость его воображенiя.

Храмовой праздникъ въ Черняковѣ (Варшавской губернiи).

Краковяки, сосредоточиваясь преимущественно на пространствѣ отъ Ченстохова до Кѣлецъ, составляютъ также значительную долю кореннаго населенія въ царствѣ Польскомъ. Къ краковякамъ принадлежатъ и весьма мало отличающіеся отъ нихъ сандоміряне или сандомірчики. Краковяки—народъ рослый, крѣпкій, проворный, ловкій. Составлявшіяся изъ нихъ въ прежнее время дружины отличались, какъ лучшая часть польскаго войска. Особенно славятся они своимъ лихимъ наѣздничествомъ; о краковякахъ говорятъ, что онъ и съ коня, и съ козелъ сумѣетъ править одною возжею четверней и пятерней лошадей. Крестьянинъ-краковякъ замѣчательно трудолюбивъ и выносливъ въ работѣ.

Между краковяками встрѣчаются женщины и дѣвушки замѣчательной красоты, которая однако у крестьянъ бываетъ мимолетная, такъ какъ трудная работа дома и въ полѣ, то подъ палящимъ солнцемъ, то въ непогодь, истомляютъ женщину, уничтожая свѣжесть кожи и нѣжность ея членовъ.

Одежда краковяка очень красива: онъ носитъ бѣлую рубашку съ узкимъ воротомъ, завязаннымъ красною ленточкой и подпоясанную широкимъ ременнымъ поясомъ, обыкновенно изъ бѣлой кожи, съ набитыми по нему мѣдными пуговками и навѣшанными на немъ круглыми прорѣзными бляхами изъ желтой мѣди. Къ поясу у него привѣшенъ такъ называемый «козикъ»—складной ножъ, съ которымъ краковякъ никогда не разстается; въ привѣшенномъ тутъ же кожаномъ мѣшечкѣ лежитъ трутъ и огниво; за пазухой или за голенищей трубка съ коротенькимъ чубукомъ. Исподнее платье суконное или полотняное. Сапоги носятъ изъ юфты съ голенищами, доходящими до колѣнъ; вмѣсто каблуковъ придѣлываютъ высокія желѣзныя подковы, очень пригодныя для ходьбы по скользкимъ крутизнамъ и необходимыя при пляскѣ своего роднаго танца, такъ какъ танцоръ пристукиваетъ ими, выбивая тактъ. Шапка съ четырехъ-угольнымъ гладкимъ верхомъ краснаго цвѣта, съ опушкой изъ черной или сѣрой мерлушки. Верхнее платье или изъ краснаго, или изъ синяго сукна. Оно расшито у воротника и по рукавамъ краснымъ шелкомъ. Щеголи надѣваютъ поверхъ рубашки большіе воротники изъ краснаго сукна, вышитые золотыми блестками. Лѣтняя одежда краковяковъ состоитъ изъ такъ называемаго «кителя», т. е. бѣлой полотняной рубашки, вышитой разноцвѣтною шерстью, изъ широкаго полотнянаго исподняго платья, запускаемаго въ сапоги, и низкой шляпы, убранной лентами и павлиньими перьями.

Одежда краковянокъ также нарядна. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ косу и перевиваютъ ее лентою яркаго цвѣта. Женщины надѣваютъ на голову небольшую полотняную шапочку, въ родѣ чепчика, и бѣлый изъ тонкаго полотна платокъ, концы котораго опускаются съ затылка на шею. Женщины и дѣвушки носятъ корсеты или точнѣе кофточки изъ камлота, туго охватывающія станъ. Иногда эти кофточки у богатыхъ крестьянокъ дѣлаются изъ атласа. Сверху платья краковянки набрасываютъ большіе платки изъ тонкаго полотна. Рубашка у женщинъ по воротнику, наплечникамъ и рукавамъ обыкновенно расшита узорами изъ розоваго шелка или нитей такого же цвѣта. Юбка доходитъ до пятъ безъ заранѣе сдѣланныхъ складокъ, которыя впослѣдствіи составляются уже сами собою, во время носки. Обуваются или въ башмаки, или въ небольшіе сапожки на высокихъ каблукахъ. Зимняя ихъ одежда состоитъ изъ мерлушечьяго нагольнаго полушубка; болѣе же зажиточныя покрываютъ эти полушубки сукномъ или носятъ шубки, подбитыя какимъ нибудь мѣхомъ. Шубки эти бываютъ обыкновенно покрыты или синимъ или зеленымъ сукномъ. Въ деревенскіе праздники, дѣвушки надѣваютъ на голову бархатныя съ золотымъ позументомъ шапочки, украшенныя множествомъ лентъ. Самое дорогое и любимое украшеніе краковянокъ — кораллы, которые, какъ замужнія женщины, такъ и дѣвушки носятъ на шеѣ. Кораллы составляютъ главную часть приданаго каждой невѣсты. Это украшеніе считается наслѣдственнымъ, и даже самая бѣдная мать краковянка ни за что не продастъ своихъ коралловъ, если у нея есть незамужняя еще дочь.

Особеннымъ празднествомъ сопровождается жниво. Въ лунную ночь, хозяйка нивы, на

которой созрѣла жатва, ходитъ по деревнѣ съ живущими въ ея хатѣ дѣвушками, которыя несутъ за нею водку и закуску. Она запрашиваетъ къ себѣ на вечеринку сосѣдей и сосѣдокъ, угощая встрѣчающихся ей на дорогѣ мужчинъ. Когда приглашенные соберутся по ея зову,— начинаются пѣсни и пляски; потомъ гости, подкрѣпивъ себя пивомъ и водкой, пирогами, кашей и жаренымъ картофелемъ со свининой, отправляются въ поле пригласившей ихъ хозяйки и усердно принимаются жать. Въ теплую погоду жнецы и жницы, для освѣженія силъ, засыпаютъ въ полѣ и потомъ опять принимаются за работу.

Преданія старины болѣе и болѣе исчезаютъ среди краковяковъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, среди ихъ слышалась столь извѣстная у поляковъ «колендовая» пѣсня о «Турѣ», нынѣ же объ этой пѣснѣ нѣтъ уже и помина. Старинныхъ обычаевъ соблюдается между ними весьма немного. Они справляютъ, напримѣръ, «коленды» на Рождество Христово, ходя съ пучкомъ цвѣтовъ или травъ и пѣтухомъ по дворамъ деревни, а также разсылаютъ къ роднымъ и пріятелямъ по кусочку лепешки (placka), освященной на Свѣтлый праздникъ. Получившіе такіе кусочки заботливо сохраняютъ ихъ до слѣдующаго года, такъ какъ среди крестьянства это считается предохранительнымъ средствомъ отъ несчастій всякаго рода.

Коленда съ «вертепомъ».

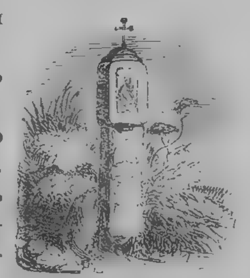
Изъ старинныхъ обрядовъ у краковяковъ уцѣлѣли, какъ было сказано уже, свадебные обряды, но прежніе дудари-музыканты встрѣчаются уже очень рѣдко. Кое-гдѣ на Рождество Христово крестьянскіе подростки ходятъ еще съ «вертепомъ», напоминающимъ рожденнаго въ ясляхъ бѣднаго младенца. «Колендовыхъ» пѣсенъ осталось у краковяковъ немного; они гораздо чаще поютъ «думки», въ которыхъ вспоминаются былыя событія или выражаются отличительныя черты народной жизни и первоначальныхъ нравовъ. Вообще же любовь къ дѣвушкѣ составляетъ, какъ и вездѣ, главный предметъ народныхъ пѣсенъ и думокъ. Нѣкоторыя изъ нихъ чрезвычайно милы. Вотъ, напримѣръ, слѣдующая: «Сосчитай, дѣвчина, звѣздочки на небѣ—столько я шаговъ сдѣлалъ къ тебѣ; столько же разъ я вздохнулъ о тебѣ, и если бы я сдѣлалъ это во имя Божіе, то давно былъ бы на небѣ. Я, впрочемъ, уже почти что былъ тамъ, но какъ увидѣлъ тебя, соскочилъ оттуда къ тебѣ».

Набожность краковяковъ выражается, между прочимъ, въ постановкѣ на дорогахъ мно-

жества большихъ крестовъ, распятій и статуй Спасителя, Богородицы и разныхъ святыхъ. Все это украшается весною и лѣтомъ вѣнками и цвѣтами. Къ понятіямъ, оставшимся отъ временъ языческихъ, слѣдуетъ отнести почитаніе, оказываемое краковяками старымъ деревьямъ, растущимъ въ глухихъ лѣсныхъ дебряхъ. На нѣкоторыхъ изъ такихъ деревьевъ ставятъ иконы или рисуютъ ихъ. Такія деревья и окружающая ихъ мѣстность считаются въ народѣ благословенными, святыми.

Изъ всѣхъ отраслей польскаго племени, живущихъ въ предѣлахъ нынѣшней Польши, у однихъ только краковяковъ, по изысканіямъ польскихъ этнографовъ, сохранились до нынѣшняго времени воспоминанія о Пястѣ, Локеткѣ, Казимирѣ-Великомъ и Ядвигѣ. Могилы Ванды и Кракуса напоминаютъ имъ о возникновеніи нѣкогда славной Рѣчи Посполитой, точно такъ же, какъ холмъ Косцюшки — объ ея разрушеніи...

Куявяки живутъ въ двухъ уѣздахъ Варшавской губерніи, а также и въ герцогствѣ Познанскомъ. Они народъ здоровый, сильный и трудолюбивый. Занимаются исключительно земледѣліемъ и, вообще, люди зажиточные. Рѣдкій изъ нихъ пускается въ какое-нибудь ремесло, но все потребное для домашняго обихода закупаютъ на сторонѣ. Даже женщины пренебрегаютъ обычными въ сельскомъ быту рукодѣліями, а занимаются главнымъ образомъ разведеніемъ домашнихъ птицъ, преимущественно гусей, которыхъ откармливаютъ огромными стаями. Многіе куявяки изъ поколѣнія въ поколѣніе занимаются провозомъ изъ Пруссіи контрабанды, почему они и называются между своими односельчанами «товарниками».

Придорожный крестъ.

Одежду куявяковъ составляютъ: синій сакманъ, длиною до колѣнъ, со стоячимъ воротникомъ. Такой сакманъ застегивается спереди лопастями. Сверхъ сакмана они носятъ «кафтанъ» синяго или темно-зеленаго цвѣта, а иногда и камлотовый, черный, съ рукавами или безъ рукавовъ. Нижнее платье у нихъ или камлотовое или холстинное, заткнутое въ невысокія голенища сапогъ. Только богатые изъ куявяковъ носятъ опойковые сапоги съ высокими голенищами. Поверхъ кафтана они надѣваютъ «киреи» также синяго цвѣта съ мѣшкомъ позади называемымъ: «Богъ заплатитъ». Зимою же ради тепла подпоясываются шерстянымъ поясомъ синяго цвѣта съ пунцовыми разводами. На шеѣ носятъ толсто-свернутые и высокосложенные платки краснаго цвѣта. Шляпы у нихъ съ узкими полями и широкой тульей; зимою же шляпы замѣняетъ баранья шапка съ широкимъ, четырехъ-угольнымъ верхомъ и съ наушниками.

Женщины носятъ юбки и полотняныя «станины» или кофточки. У нѣкоторыхъ станины бываютъ или камлотовые, или изъ какой-нибудь полушелковой матеріи яркихъ цвѣтовъ. Носятъ онѣ также и суконныя синія кофточки съ перелинками, но этотъ нарядъ выходитъ уже изъ употребленія.

Куявянки вообще красивы и стройны. Какъ замужнія, такъ и дѣвушки подрѣзаютъ волосы до шеи. Дѣвушки носятъ на головѣ платки, въ видѣ повязокъ, замужнія же, съ момента брака, надѣваютъ большіе чепцы, называемые «капками».

Куявякъ—хорошій хозяинъ и потому хата его отличается внутри порядкомъ и чистотою. На кровати у него высоко поднимаются перина и подушки; шкапы и сундуки окрашены въ яркіе цвѣта; на полкахъ стоятъ въ порядкѣ тарелки и разнаго рода посуда, содержимая всегда въ большой опрятности. На главной стѣнѣ, внутри хаты, всегда развѣшано много образовъ. Передъ каждымъ большимъ праздникомъ куявяки бѣлятъ снаружи свои хаты; тамъ же, гдѣ есть невѣста, они только обрызгиваютъ стѣны известкой и это служитъ знакомъ для парубковъ, желающихъ вступить въ бракъ, что они могутъ найти тутъ для себя подругу жизни.

Курпы или курпики, составляющіе отрасль мазуровъ, находятся и въ царствѣ Польскомъ

въ окрестностяхъ города Остроленки, приближаясь къ границамъ Литвы. Курпы живутъ въ лѣсистой мѣстности и занимаются разведеніемъ пчелъ, а также и охотой. Около своихъ хатъ разводятъ огороды для посадки различныхъ овощей. Въ былое время, они занимались также разведеніемъ льна, конопли и овецъ. Любимая ихъ пища — гречневые блины, почему въ простонародіи и называютъ ихъ обыкновенно «гречневиками». Они занимаются и продажею гречневыхъ блиновъ. Живя въ лѣсахъ, курпы сперва селились въ одиночку и лишь впослѣдствіи стали составлять небольшіе общіе поселки. Жизнь ихъ отличается замкнутостью и чисто-семейнымъ бытомъ. Они извѣстны чрезвычайною силою и считаются превосходными стрѣлками, такъ что у поляковъ есть даже поговорка: «стрѣляетъ, какъ курпъ». Они мстительны и никогда не прощаютъ никому даже самой ничтожной обиды. Нынѣшнее ихъ названіе стало извѣстно не слишкомъ давно, лишь въ XVI вѣкѣ, когда курпами стали называть жителей лѣсовъ ломжинскаго, скванскаго и остроленскаго уѣздовъ. О давности же ихъ поселенія въ этихъ лѣсахъ свидѣтельствуютъ польскіе законы о пчеловодахъ—«prawo bartnikow». Нѣкоторыя статьи этихъ законовъ замѣчательны по ихъ глубокой древности, такъ какъ первоначальное изданіе ихъ восходитъ ко временамъ Болеслава Великаго. Нынѣшнее польское названіе этой отрасли ляхитскаго племени можно перевести по-русски—«лапотники», такъ какъ «kurpie» означаетъ обувь, сплетенную изъ лыка и прикрѣпленную къ ногамъ ремнями. Курпы для поляковъ замѣчательны тѣмъ, что имѣя постоянный уходъ за дикими пчелами, они выработали особый языкъ по этой части, распространившійся постепенно во всей Польшѣ.

Около костела въ праздничный день.

Какъ сказано уже, курпы считаются лучшими стрѣлками между поляками и такому искусству они обязаны существующимъ обычаямъ. У нихъ существуетъ, напримѣръ, такой обычай. Отецъ кладетъ на верхушку самаго высокаго дуба или самой высокой сосны кусокъ хлѣба и уже семилѣтній голодный ребенокъ долженъ сбить этотъ кусокъ стрѣлою изъ лука, безъ чего малютка не получитъ ѣды и принужденъ будетъ голодать до тѣхъ поръ, пока не добудетъ ея, благодаря мѣткости глаза и своей силѣ. Послѣ того, какъ маленькій курпъ научится хорошо стрѣлять изъ лука, онъ принимается за ружье. Вообще курпы отличаются силою и отвагою. Такія качества ихъ приписывали, между прочимъ, тому, что они, живя въ глухихъ лѣсахъ и часто убивая медвѣдей, питались обыкновенно лапами этихъ звѣрей. Со временемъ же, когда лѣса, въ которыхъ жили курпы, порѣдѣли, они уже не могли такъ изобильно промышлять охотою, и образъ ихъ жизни измѣнился. Курпы перестали отличаться прежнею дикостью, сохранивъ, однако, и донынѣ значительную долю нелюдимости своихъ праотцовъ. Всѣхъ курповъ въ Польшѣ считается нынѣ съ небольшимъ 50.000 душъ обоего пола.

Обыкновенная одежда курпа состоитъ изъ суконнаго сукмана темно-сѣраго цвѣта съ синими клапанами на груди и со стоячимъ воротникомъ. На спинѣ сукмана дѣлаютъ складки, а по бокамъ—карманы. Курпы подпоясываются или краснымъ, или разноцвѣтнымъ данцигскимъ поясомъ, жилетку надѣваютъ только по праздникамъ. Шапка курпа или такъ называемый «kapelusz» бываетъ низенькая съ узкими полями; на нее навѣшиваются мишурные шнурки съ кистями и прикалывается павлинье перо. «Ходацки» или кожаная обувь болѣе и болѣе замѣняетъ прежнюю обувь изъ лыка—стародавніе «курпе». Рубахи курпы носятъ изъ бѣлаго полотна, завязывая ихъ у шеи красной лентой. Нижнее платье у нихъ или суконное или полотняное.

Женщины въ будни носятъ бурые или сѣрые сукманы, такого же точно покроя, какъ и мужчины, и юбки домашняго издѣлія. Голову покрываютъ большими платками, завязанными на затылкѣ. Лѣтомъ онѣ носятъ на ногахъ или курпе, или ходятъ босыми; въ зимнюю же пору надѣваютъ кожанную обувь. Въ воскресенье и въ праздники курпянки принаряживаются. Онѣ надѣваютъ разноцвѣтныя кофточки, ситцевыя юбки яркихъ цвѣтовъ, на головы платки, которые обматываютъ кругомъ головы нѣсколько разъ, на ногахъ въ эти дни чистые нитяные или шерстяные чулки и вязанные или суконные башмаки, большею частью голубаго цвѣта, на высокихъ каблукахъ, рубашки изъ тонкаго полотна, расшитыя у ворота и на рукавахъ красными шнурками. На груди у каждой изъ нихъ обязательно виситъ ладонка съ буквою «М», т. е., съ инициаломъ имени Божiей Матери, а на шеѣ много коралловъ и янтарныхъ бусъ. Иногда, вмѣсто лѣтнихъ кофточекъ, курпянки надѣваютъ суконные кафтанники съ рукавами, синяго или зеленаго цвѣта, съ складками назади и съ пуговками спереди. На голову надѣваютъ чепчики и поверхъ нихъ набрасываютъ платки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ описанный нарядъ измѣняется. Такъ мужчины носятъ короткiе, доходящiе только до колѣна, сукманы изъ грубаго сѣраго сукна съ широкими назади складками и съ карманами у самаго пояса; широкiй ременный или шерстяной поясъ, перкалевыя или красныя съ звѣздочками жилетки, широкое суконное или полотняное исподнее платье бѣлаго цвѣта съ красною или съ зеленою выпушкою и низкая шляпа — дополняютъ нарядъ. Ноги обвертываютъ онучами и на нихъ надѣваютъ или «курпе», или кожанную обувь. Болѣе зажиточные носятъ долгополые сюртуки изъ толстаго сукна синяго цвѣта, и такое же исподнее платье. Шапка съ четырьмя остроконечными углами изъ сѣрой мерлушки.

Внутренность крестьянской избы въ Кѣлецкой губ.

По части искусствъ курпы извѣстны выдѣлкою красивыхъ бездѣлушекъ изъ янтаря.

Изъ народныхъ обрядовъ, совершаемыхъ у курповъ, особенно замѣчателенъ свадебный обрядъ. На другой день послѣ свадьбы сосѣди идутъ поздравлять молодыхъ. При этомъ дружки несутъ шесты съ привязанными къ нимъ, въ видѣ знаменъ, платками, а одинъ изъ поздравляющихъ исполняетъ роль барабанщика: у него на головѣ, вмѣсто шапки, надѣтъ боченокъ, руки же обвязаны соломою. Онъ несетъ перевернутое вверхъ дномъ ведро и барабанитъ по немъ изо всей силы. Гостей радушно принимаютъ во дворѣ молодые; пришедшiе туда другiе гости пляшутъ часа два и, уходя оттуда, благодарятъ хозяевъ такими словами: «просимъ прощенiя, что мы вамъ надѣлали хлопотъ». Возвратившись домой, они гуляютъ нѣсколько дней, смотря по достатку. Если у курповъ молодой парень женится на вдовѣ, или дѣвушка выйдетъ замужъ за вдовца, то какъ мужъ, такъ и жена должны послѣ свадьбы выходить изъ хаты черезъ окно. Это дѣлается на томъ странномъ соображенiи, что если первый мужъ или первая жена, умерши, выходятъ въ двери, то второй мужъ и жена, чтобы не умирать въ скорости, должны вылѣзать изъ окна.

Дома курповъ отличаются не только отъ домовъ другихъ польскихъ крестьянъ, но и отъ домовъ мазуровъ, которые ближе всего подходятъ къ нимъ по своему образу жизни. Курпъ не держитъ въ избѣ ни телятъ, ни поросятъ, ни гусей, помѣщающихся обыкновенно у дру-

гихъ польскихъ крестьянъ вмѣстѣ съ ихъ же ребятами. У курповъ въ хатахъ продѣланы большія окна съ разрисованными наружными ставнями. Хата курпа, состоящая изъ двухъ горницъ—большой и маленькой, всегда чисто содержится: въ ней изразцовая печь; на полкахъ разставлены тарелки и разная кухонная утварь; въ глубинѣ хаты прибранный столъ; у окна ткацкія принадлежности. Въ прежнее время по стѣнамъ хатъ висѣло разное оружіе, а также и торбы изъ барсучьей шкуры.

Курпы извѣстны своею набожностью и справляютъ церковные праздники съ большою торжественностью. Празднованіе воскресенья начинается обыкновенно съ полудня субботы. Праздники же въ честь святыхъ они справляютъ только одинъ день и то лишь до полудня. Въ костелы ходятъ большими «компаніями». Каждая деревня составляетъ у нихъ какъ бы особое церковное братство, у котораго есть своя хоругвь, барабанъ и иконы. Со всѣмъ этимъ они ходятъ въ костелъ торжественною процессіею, распѣвая старинныя священныя пѣсни. Для ношенія хоругви, барабана и иконъ выбираются особенно щегольски-разодѣтые крестьяне. Хоругви носятъ лихіе парубки, одѣтые въ долгополые сукманы, подтянутые краснымъ поясомъ. Образа же носятъ красивыя дѣвушки, одѣтыя въ красные спенсеры и бѣлыя юбки; на плечи онѣ надѣваютъ свернутые въ жгутъ полотняные передники, а на головахъ у нихъ шапочки изъ краснаго или чернаго бархата, убранныя лентами, цвѣтами, мишурой и разными побрякушками. Грохотъ барабана и пѣніе издалека извѣщаютъ о ходѣ процессіи. Если почему либо въ какой-нибудь праздникъ братство не можетъ отправиться въ костелъ, то процессія идетъ или къ поставленному на дорогѣ кресту или къ статуѣ святого. Когда свирѣпствуетъ какая-нибудь повальная болѣзнь или угрожаетъ какое-нибудь бѣдствіе, то процессія отправляется или въ поле, или на дорогу, гдѣ поставленъ крестъ, и тамъ предводитель процессіи, такъ называемый «промоторъ» изъ крестьянъ, читаетъ евангеліе и затѣмъ говоритъ поученіе окружающей его толпѣ. Послѣ того, всѣ присутствующіе кладутъ на это мѣсто или по вѣткѣ, или по камушку, или по какому-нибудь мелкому предмету,—и это называютъ «закапываніемъ евангелія». Такое мѣсто считается освященнымъ, и оно начинаетъ служитъ урочищемъ молитвенной остановки для другихъ торжественно проходящихъ мимо него братско церковныхъ процессій до тѣхъ поръ, пока не появится вблизи новое такое-же мѣсто.

Крестины, свадебные пиры и разныя забавы въ праздничные дни курпы справляютъ въ корчмѣ, съ пѣснями и пляской, съ тою разницею противъ общаго въ Польшѣ обычая, что мужчины и женщины веселятся отдѣльно одни отъ другихъ.

Когда родители задумываютъ женить сына и начинаютъ пріискивать для него невѣсту, то они зовутъ расторопнаго краснобая—свата, называемаго «райемъ», который и отправляется съ женихомъ въ ту деревню, въ которой живетъ намѣченная невѣста и тамъ, оставивъ жениха у кого-нибудь изъ сосѣдей, сватъ идетъ къ родителямъ невѣсты съ просьбою о рукѣ ихъ дочери. Если получается согласіе,—сватъ приводитъ къ нимъ жениха и, послѣ уговора о приданомъ, женихъ и невѣста идутъ въ корчму, гдѣ происходитъ первый пиръ, а второй пиръ бываетъ уже въ домѣ невѣсты. Помолвка ни въ какомъ случаѣ не можетъ разстроиться. Послѣ обрученія вся родня со стороны жениха собирается въ домъ невѣсты на гулянку, во время которой родители обрученныхъ условливаются на счетъ того, гдѣ будетъ жить брачная чета. Въ брачномъ поѣздѣ молодая вмѣстѣ съ своею матерью и будущею тещей ѣдутъ въ первой бричкѣ, а женихъ съ своимъ отцомъ, и отцомъ невѣсты и «райемъ» ѣдутъ въ другой бричкѣ Дружка, подруги молодой и всѣ прочіе поѣзжане размѣщаются въ остальныхъ бричкахъ. Въ костелѣ, во время брачнаго обряда, когда священникъ начинаетъ связывать имъ руки, они вырываютъ ихъ изъ завязки до тѣхъ поръ, пока священникъ не уложитъ ихъ рукъ, при чемъ каждый изъ брачущихся старается, чтобы положить руку сверху, такъ какъ у курповъ существуетъ повѣрье, что тотъ изъ молодыхъ умретъ первымъ, чья рука будетъ подъ низомъ. Послѣ совершенія брачнаго обряда снова начинается пиръ, сперва въ ближайшей корчмѣ, а

потомъ—въ хатѣ, устроенной или отведенной для молодыхъ. Когда приближается время такъ называемыхъ «очепинъ», невѣста изчезаетъ изъ хаты, а женихъ ищетъ ее и когда найдетъ,

Сельскіе жители у креста.

то обязанъ выкупить ее у молодыхъ парней. Послѣ того молодыя женщины сажаютъ ее на кадку съ квашнею, надѣваютъ на нее чепецъ, а рай собираетъ деньги. Свадебныя празднества

бываютъ болѣе или менѣе продолжительны, что зависитъ отъ зажиточности молодыхъ и отъ размѣровъ запаса вина, котораго обыкновенно выпиваютъ у курповъ на каждой крестьянской свадьбѣ отъ 15 до 20 гарнцевъ. Обильною выпивкою сопровождаются также у курповъ и похороны пожилыхъ, но не молодыхъ людей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у курповъ ведется такой обычай: стѣны той хаты, въ которой живетъ невѣста, бѣлятъ известью, а надъ окнами развѣшиваютъ зелень и цвѣты. Кромѣ того, передъ хатой насыпаютъ, въ видѣ разныхъ узоровъ, желтый или бѣлый песокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у курповъ допускается, безъ всякаго опорочиванія, незаконное сожительство дѣвушки съ парубкомъ, но парень, разъ сойдясь съ нею, уже не покидаетъ ее, и такая связь считается столь же прочною, какъ и бракъ, освященный церковнымъ обрядомъ. Если такая дѣвушка измѣнитъ своему «нареченному», онъ отправляется въ ту комнату, гдѣ стоитъ ея постель, выпускаетъ изъ перины пухъ и вытрясаетъ перья. Это считается самымъ позорнымъ наказаніемъ для курпянки: съ тѣхъ поръ она подвергается общему презрѣнію, и уже никто изъ парней не ухаживаетъ за ней. Также строго относятся курпы и къ парню, покинувшему полюбившуюся ему однажды дѣвушку.

Статуя святымъ при дорогѣ.

Особенную страсть имѣютъ курпы къ куренію табаку, такъ что у нихъ уже двѣнадцати-лѣтніе мальчики постоянно ходятъ съ трубкою во рту. Кража—порокъ между ними совершенно неизвѣстный, и потому нагруженные возы остаются въ полѣ безъ всякаго присмотра. Нарѣчіе курповъ отличается раздражительностью выраженія, и почти каждая мысль оттѣняется остроуміемъ.

Въ общей народной жизни всякаго племени особенно важными представляются для изслѣдователей мѣстной народности такіе праздники, въ которыхъ сохранились еще слѣды языческой древности. Праздники эти устанавливались въ ту пору, когда разныя отрасли одного и того же племени не настолько еще распались, чтобы въ мѣстныхъ преданіяхъ изгладились слѣды общаго происхожденія. Главнымъ праздникомъ такого рода въ цѣлой славянщинѣ должно считать канунъ Иванова дня, гдѣ христіанско-церковный праздникъ не только сливается съ исконнымъ языческимъ празднествомъ, но гдѣ донынѣ еще это послѣднее какъ бы преобладаетъ надъ первымъ. Праздникъ этотъ, исчезнувшій вовсе среди образованныхъ слоевъ общества во всѣхъ славянскихъ земляхъ, справляется еще и донынѣ во всемъ западномъ славянскомъ простонародьѣ и извѣстенъ въ западной Руси подъ именемъ «собутки». Едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что первое празднованіе «собутки» началось въ Силезіи, еще въ ту пору, когда тамъ, безъ всякой другой племенной примѣси, жили исключительно одни поляки. Тамъ въ пяти миляхъ отъ Вроцлавля одиноко поднимается высокая гора, называемая Собуткою,

Праздникъ Ивана-Купалы или „Собутки“.

вершина которой, съ незапамятныхъ временъ, считалась почему-то священнымъ мѣстомъ. На эту гору, покрытую въ былое время густымъ лѣсомъ, къ которому никогда не прикасалась сѣкира, собирались толпы народа къ жившимъ здѣсь языческимъ жрецамъ, и здѣсь справлялась ежегодно такъ называемая «собутка», приходившаяся наканунѣ Иванова дня. Совершавшійся на этой горѣ обрядъ зажженія костровъ и прыганья черезъ огонь распространился впослѣдствіи во всей Польшѣ, удержавшись въ простомъ народѣ не только при водзореніи христіанства, но и до настоящаго времени.

Наканунѣ Иванова дня польскіе сельчане собирались и нынѣ еще собираются на пригоркахъ, на широкихъ полянахъ и въ лѣсахъ. Здѣсь молодежь обоего пола устраиваетъ большіе костры изъ полѣньевъ и хворосту, которые и зажигаетъ при захожденіи солнца. Въ это время «дубари» наигрываютъ на своихъ простыхъ дуткахъ мотивы, перешедшіе къ нимъ въ

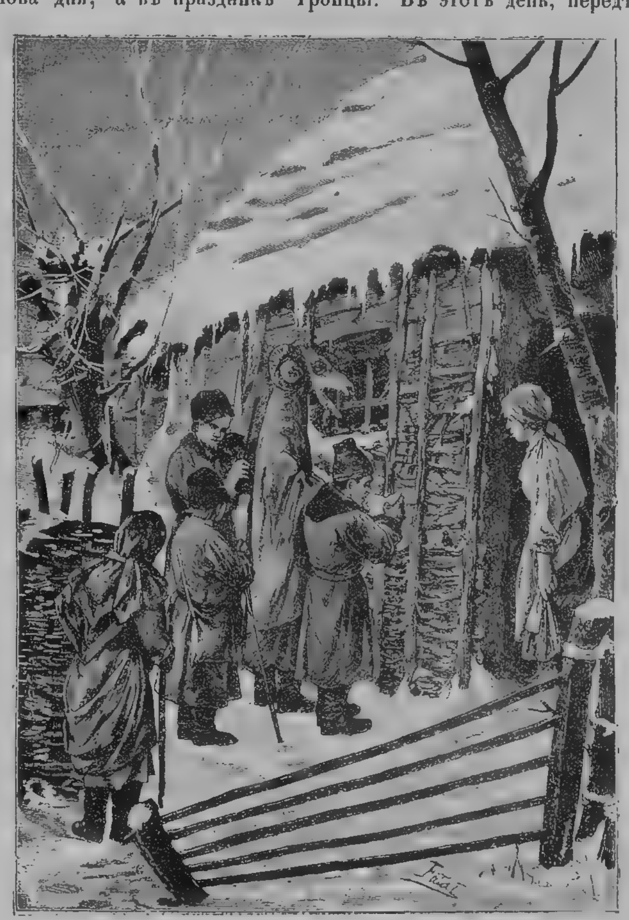
Нынѣшнія «собутки».

продолженіе многихъ вѣковъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ самой отдаленной древности, а дѣвушки заводятъ около пылающихъ костровъ пѣсни и пляски. Каждая изъ дѣвушекъ имѣетъ по два вѣнка, сплетенныхъ изъ травы, называемыхъ по-польски «былица»; одинъ изъ нихъ она надѣваетъ на голову, другой обвиваетъ около себя пониже пояса. Къ поющимъ и пляшущимъ дѣвушкамъ присоединяются деревенскіе парни и пожилые люди, старики же окружаютъ молодежь, глядя на ея забавы. Забавы эти длятся всю ночь, до восхода солнца, когда, наконецъ, всѣ расходятся по домамъ.

Къ такому простому первоначальному празднованію присоединялось впослѣдствіи прыганье черезъ огонь разложенныхъ костровъ, а потомъ, уже во времена Сигизмунда—Августа, прибавилось еще гаданье и ворожба о томъ, женится ли парень и выйдетъ-ли замужъ дѣвушка въ данномъ году. Къ прыганью черезъ огонь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть рѣка или озеро, при-

бавилось купанье, а также и плетеніе вѣнковъ, которые развѣшиваютъ по стѣнамъ хатъ, внутри и снаружи ихъ. Кромѣ того дѣвушки пускаютъ вѣнки также и на воду.

Хотя въ настоящее время польскіе крестьяне и раскладываютъ накапунѣ Иванова дня костры и прыгаютъ через огонь, но здѣсь уже не видно дударей, а также не слышатся старинныя пѣсни, которыя постепенно изгладились изъ народной памяти. Стародавнія пѣсни замѣнились нынѣ въ этомъ случаѣ простыми веселыми возгласами и смѣхомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ измѣнилось даже и самое время празднества, такъ «собутки» справляютъ въ иныхъ мѣстахъ не накапунѣ Иванова дня, а въ праздникъ Троицы. Въ этотъ день, передъ восходомъ солнца, замужнія женщины и дѣвушки ищутъ цвѣтовъ или травъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ этимъ цвѣтамъ прибавляютъ еще полынь, руту, расходникъ. Изъ собранныхъ травъ и цвѣтовъ плетутъ вѣнки и несутъ ихъ въ костелъ для окропленія святою водою, а потомъ окуриваютъ ими, считая это самымъ вѣрнымъ средствомъ для устраненія ударовъ молніи.

Коленда съ «туромъ».

Въ простонародьи замѣтнѣе, чѣмъ въ другихъ слояхъ населенія, отражаются старинные обычаи въ важнѣйшія эпохи жизни каждой отдѣльной личности. Съ языческими обрядами совпадаетъ во всемъ польскомъ народѣ и другой христіанскій праздникъ — Рождество Христово. Онъ совпадаетъ съ языческими «колендами» или русскими «колядами». По разъясненіямъ польскихъ изслѣдователей, въ языческой славянщинѣ этотъ праздникъ былъ днемъ общаго примиренія, когда все шло «къ ладу». Поэтому народъ въ Польшѣ и донынѣ самый праздникъ Рождества Христова называетъ языческимъ именемъ «gody», т. е. лады, миръ, согласіе, а самыя колендовыя или колядовыя пѣсни отличаются радостнымъ примирительнымъ содержаніемъ. Къ народнымъ обычаямъ изъ временъ языческихъ принадлежитъ также празднованіе Рождества Христова съ волкомъ и «туромъ»—дикимъ быкомъ. Во время Рождества по деревнямъ ходятъ (въ прежніе же времена ходили даже и въ самой Варшавѣ) кучки мальчишекъ съ музыкой и пѣснями. Самый ловкій изъ нихъ наряжается волкомъ, медвѣдемъ или журавлемъ съ длиннымъ носомъ, а также туромъ съ рогами и гривой, и выдѣлываетъ движенія, соотвѣтствующія движеніямъ того животнаго, которое онъ представляетъ. Въ прежнее время польскіе крестьяне ходили на Рождествѣ по деревнямъ съ живымъ волкомъ или съ

молодыми волчатами; въ случаѣ же отсутствія этихъ животныхъ. сами наряжались въ волчью шкуру, почему относительно какого нибудь спѣшнаго дѣла и составилась у поляковъ поговорка: «бѣгаетъ съ дѣломъ какъ съ волчьей шкурой во время коляды». Со времени христіанства, установился обычай начинать празднество прежней языческой коленды пѣснею: «лежитъ въ ясляхъ, кто побѣжитъ съ колендой къ маленькому Іисусу Христу, сегодня родившемуся». Только уже послѣ этой христіанской пѣсни начинается празднованіе языческой коляды пѣснями, сохранившими отпечатокъ глубочайшей древности.

Содержаніе одной изъ такихъ пѣсенъ слѣдующее.

Прекрасная госпожа вышла на крылечко и увидѣла въ полѣ тура съ золотыми рожками. Она созвала домочадцевъ и слугъ и приказала осѣдлать коней, чтобы догнать тура. Тура поймали; золотые его рожки прибили въ горницѣ и навѣшали на нихъ мѣха рыси и собольи, а также дорогую одежду и саблю.

Въ самыхъ древнихъ колядовыхъ пѣсняхъ туръ занимаетъ весьма видное мѣсто. Хлопцовъ, ходящихъ съ волкомъ, медвѣдемъ или туромъ, угощаютъ хозяева хатъ, кромѣ того они получаютъ денежную подачку отъ собирающихся зрителей. Собираемые гроши ходаку опускаютъ въ сумку, прикрикивая: «гопъ, коляда»!

Новый годъ польскіе крестьяне встрѣчаютъ обыкновенно такъ называемымъ «богатымъ вечеромъ». Хозяйка той хаты, въ которую собираются гости, печетъ лепешки и пироги, готовитъ мясную пищу — словомъ, ставитъ на столъ все, что только есть въ домѣ. Хлопцы и дѣвушки, странно нарядившись, ходятъ изъ хаты въ хату и собираютъ коляду. Мужчины, нарядившись обыкновенно старцами-нищими, или надѣвъ шубы на выворотъ, представляютъ собою разныхъ животныхъ и тоже собираютъ коляду. Дѣвушки же, войдя въ какую-нибудь хату, бросаютъ въ огонь льняное сѣмя, которое вспыхнувъ лопается съ трескомъ. Если хозяинъ не попотчуетъ ихъ колядой, то пришедшіе къ нему колядовщики и колядчицы сами распорядятся въ его домѣ, съѣдятъ все, что только найдутъ у него, уходя же заберутъ разную домашнюю мелочь, или даже сорвутъ перья съ шапокъ. Обойдя такимъ образомъ деревню, они идутъ въ ту хату, въ которую ихъ заранѣе просили на бесѣду. Тамъ они выбираютъ одну изъ пришедшихъ съ ними дѣвушекъ въ хозяйки, которая и готовитъ имъ ужинъ изъ подачекъ, полученныхъ во время обхода: на собранныя же при этомъ деньги покупаютъ вина и пива. Здѣсь идетъ у нихъ веселая бесѣда; при наигрываніи же одной или двухъ скрипокъ, начинаются пѣсни и пляска, продолжающіяся до глубокой ночи. Колендою въ деревняхъ считается промежутокъ времени отъ Рождества до новаго года. Въ Польшѣ въ это время плебаны производили въ прежнее время перепись жителей. На обязанности пробоща было обходить или объѣзжать наканунѣ Рождества съ причетникомъ и органистомъ ближайшіе дворы и хаты, пѣть принятыя церковью народныя пѣсни, составленныя въ честь наступающаго праздника, и раздавать облатки или календу, которыя вѣрные сыны церкви разламывали на кусочки во время ужина наканунѣ Рождества. Такія поѣздки или обходы плебана съ колокольчикомъ продолжались, впрочемъ, до самыхъ запустовъ, причемъ онъ экзаменовалъ свою паству въ знаніи катехизиса. Когда посѣтившій хату ксендзъ уходитъ изъ нея, то каждая дѣвушка спѣшитъ на его мѣсто въ той увѣренности, что если она сядетъ первою, то первою же и выйдетъ замужъ. Въ деревняхъ, въ видѣ колендоваго подарка даютъ плебану свиное мясо, сыръ, грибы, орѣхи, куръ, овощи и деньги. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ былъ заведенъ обычай давать плебану огромныя колбасы, которыя мѣрили на локти. Длина такихъ колбасъ была обыкновенно въ 20 локтей. Иногда же отъ всей деревни, черезъ «солтыса» (деревенскаго старосту), подносились ксендзу колбасы длиною въ 40, 80 и даже въ 120 локтей.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ память того, что Іисусъ Христосъ родился въ ясляхъ и что пастухи прежде всѣхъ воздали ему честь, богомольцы во время божественной службы, совершаемой въ эту ночь, начинали ржать, мычать, блеять и кудахтать. Такъ какъ по като-

лическому календарю на другой день Рождества приходится память перваго христіанскаго мученика, побитаго камнями, и въ этотъ день святятъ въ церкви овесъ, то до временъ Станислава-Августа у польскихъ крестьянъ существовалъ обычай осыпать овсомъ ксендза, служащаго въ этотъ день обѣдню. Въ этотъ-же день деревенскіе парни съ торбами, повѣшенными черезъ плечо, въ которыхъ находились рожь, овесъ, ячмень и пшеница, бѣгали изъ хаты въ хату и, бросивъ тамъ три раза по горсти бывшихъ у нихъ въ торбахъ зеренъ, приговаривали: «уроди Боже, пшеницу и всякое зерно». По случаю празднованія коленды обыкно-

Хожденіе съ «пѣтухомъ» въ запусты.

венно истощались всѣ наличные припасы, почему у поляковъ и составилась поговорка: «пусто, какъ послѣ коленды».

Въ связи съ установленными католическою церковью постами находятся такъ называемые «запусты», имѣющіе у поляковъ значеніе нашего заговѣнья передъ великимъ постомъ. У простаго народа въ Польшѣ запусты называются «пустыми днями»; такое названіе имѣютъ три послѣднихъ дня мясопуста, въ продолженіе которыхъ народъ веселится, поетъ и пляшетъ съ особымъ увлеченіемъ. Въ деревняхъ, у мазуровъ и преимущественно у куявяковъ, существуетъ въ эти дни особый обычай: хлопцы-подростки, насадивъ на длинный шестъ сдѣланнаго изъ дерева пѣтушка, ходятъ съ нимъ по деревни и съ разными приговорками предлагаютъ хозяйкамъ и дѣвушкамъ купить его, какъ бы живаго пѣтуха, за что и получаютъ отъ нихъ сыръ, масло, яица, свиное сало и колбасы. Продавъ часть этихъ припасовъ, они на вырученныя деньги покупаютъ лакомствъ и справляютъ заговѣнье.

Особеннымъ уваженіемъ среди польскаго крестьянства пользуется праздникъ, соотвѣтствующій нашему «Сошествію св. Духа». Въ этотъ день поселяне одѣваются въ самое лучшее платье, улицы въ деревняхъ обставляютъ молодыми березками, которыя остаются на своихъ мѣстахъ нѣкоторое время и послѣ праздника. Въ нѣкоторыхъ околицахъ съ этого праздника начинаютъ справлять языческіе «собутки», о которыхъ мы уже говорили. Въ иныхъ же мѣстахъ водится обычай выбирать въ этотъ день короля пастуховъ. Такое почетное назначеніе получаетъ тотъ изъ нихъ, который пришелъ первымъ на пастбище со своимъ стадомъ. Въ другихъ мѣстахъ въ этотъ день бываютъ конскія скачки, при чемъ королемъ объявляется тотъ крестьянинъ, который первымъ изъ всѣхъ прискакалъ верхомъ къ назначенному мѣсту. Такому скакуну оказывается крестьянами особый почетъ; наоборотъ тотъ, кто пріѣдетъ по-

Сельская почта.

слѣднимъ, называется «рохвистомъ», служитъ предметомъ шутокъ и насмѣшекъ всего собравшагося люда и обязанъ смѣшить и забавлять присутствующихъ. Нѣкоторые изслѣдователи стараго польскаго быта полагаютъ, что въ упомянутомъ избраніи крестьянами изъ ихъ среды королей выражается память объ избраніи въ польскіе короли Пяста, который по происхожденію былъ простымъ поселяниномъ.

Остатки языческихъ вѣрованій среди польскаго народа отражаются, между прочимъ, и въ понятіяхъ его о нѣкоторыхъ предметахъ растительнаго царства. Еще во времена до-христіанскія у поляковъ или ляховъ были священныя мѣста и дубравы, къ которымъ они питали величайшее благоговѣніе. Иногда это народное чувство распространялось на весь лѣсъ, иногда же оно относилось лишь къ отдѣльнымъ деревьямъ и преимущественно—къ старымъ дубамъ.

Такіе лѣса и дубы у подвислянскихъ поляковъ назывались «божницами»; они пользовались въ народѣ такимъ высокимъ уваженіемъ, что вырубленная изъ священнаго лѣса палка служила знакомъ власти надъ народомъ, а изъ такихъ палокъ дѣлались въ былыя времена гетманскія булавы. Послѣ дуба наибольшимъ уваженіемъ пользовался у поляковъ тополь, какъ бѣлый, такъ и серебристый. Въ народѣ сохранилось повѣрье, будто-бы скрывавшихся въ священныхъ лѣсахъ преступниковъ охраняла какая-то невидимая сила и питала ихъ чудеснымъ образомъ.

Посланецъ.

Въ стародавнихъ письменныхъ польскихъ памятникахъ встрѣчаются извѣстія о лѣсахъ съ воронами. Такъ какъ птицы эти живутъ преимущественно на самыхъ высокихъ деревьяхъ и въ непроходимыхъ дебряхъ, а такія деревья могутъ быть только въ самыхъ старыхъ лѣсахъ, то такія лѣса, по ихъ древности, и пользовались въ народѣ особеннымъ уваженіемъ. Къ числу священныхъ деревьевъ, сверхъ дуба и тополя, причисляли еще: липу, яворъ, лиственницу, сосну и калину. Когда-то въ Польшѣ были сплошные лѣса, состоявшіе изъ такихъ деревьевъ; преданіе о нихъ сохраняется въ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ. Подъ липами, по

народному преданію, сожигали на кострахъ дѣвушекъ, лишившихъ ихъ невинности; подъ яворомъ, какъ вѣритъ народъ, всего вѣрнѣе бываетъ гаданье о будущемъ. Вода, текущая подъ яворомъ, исцѣляетъ болѣзни сердца; скрипка, сдѣланная изъ яворовыхъ дощечекъ, играетъ сама, когда нужно бываетъ открыть какое нибудь преступленіе, остающееся неизвѣстнымъ. Матери могли заклясть яворомъ своихъ дочерей, которыя потомъ медленно начинали сохнуть съ тоски. Дубъ былъ посвященъ Перуну, богу грома; и донынѣ простой народъ въ Польшѣ, находя около дуба продолговатые камешки, полагаетъ, что это—громовыя стрѣлы. Лиственница пользуется въ польскомъ народѣ большимъ почетомъ, такъ какъ изъ нея строили прежде языческія божницы, а потомъ—и христіанскія церкви. Калина считается знакомъ дѣвственности и потому брачный вѣнокъ немыслимъ безъ цвѣтовъ или листьевъ этого дерева. Особенное благоговѣніе сохранялъ народъ къ тѣмъ священнымъ лѣсамъ, въ которыхъ существовали нѣкогда языческія капища, или въ которыхъ водятся орлы и соколы. Ходятъ въ народѣ преданія, что въ священныхъ лѣсахъ росли когда-то золотыя яблоки. Несмотря на водвореніе въ Польшѣ христіанства, тамошній народъ оказывалъ и продолжаетъ оказывать почитаніе священнымъ деревьямъ тѣмъ, что на старыхъ пняхъ сосенъ, лиственницъ и дубовъ прикрѣпляетъ иконы Спасителя, Богородицы и разныхъ святыхъ, и набожные люди ходятъ въ лѣса молиться этимъ иконамъ.

Въ день поминовенія.

Къ общимъ всему польскому народу обычаямъ, въ которыхъ сохранились еще слѣды

языческой древности, нужно причислить еще и поминовеніе усопшихъ. Хотя такое поминовеніе и составляетъ собственно христіанско-религіозный обрядъ, но тѣмъ не менѣе онъ носитъ оттѣнокъ и языческихъ повѣрій. Католическая церковъ установила общее поминовеніе всѣхъ усопшихъ на другой день послѣ праздника Всѣхъ Святыхъ. Въ этотъ день, по окончаніи божественной службы, толпы народа идутъ на кладбище и несутъ съ собою разную пищу, для раздачи ее нищимъ. Кромѣ того, посѣщающіе въ этотъ день кладбище приносятъ туда миски, въ которыхъ находится пирогъ изъ пшеничной или ржаной муки и горячая каша, ячменная или пшенная. Кашу эту дѣвушки ставятъ въ церкви на алтарь. Въ то время, когда священникъ служитъ обѣдню, дѣвушки мѣшаютъ кашу ложками, что бы восходящій изъ каши паръ подкрѣплялъ душу усопшихъ, въ память которыхъ она приносится. Обрядъ этотъ существуетъ съ незапамятныхъ временъ среди польскаго народа. Кромѣ того, въ одинъ изъ дней Свѣтлой недѣли польскіе простолюдины сходятся на кладбищахъ и, сотворивъ заупокойную молитву, кладутъ на могилы разныя кушанья въ память родителей. Послѣ этого дѣвушки собираются въ кружокъ и одна изъ нихъ становится посреди кружка. Тогда начинаютъ пѣть или всѣ разомъ, или одна, стоящая въ срединѣ кружка, остальныя же принимаются плясать. Затѣмъ дѣвушки становятся въ два ряда и стоящая въ первомъ ряду пара, взявшись за руки и поднявъ ихъ, образуетъ родъ воротъ, чрезъ которыя проходятъ другіе ряды дѣвушекъ. Въ это время стоящая посреди круга дѣвушка бьетъ вербою другую дѣвушку, которая хочетъ спрятаться за своихъ подругъ. Послѣ того одна изъ дѣвушекъ становится на скрещенныя руки своихъ подругъ и, стоя такимъ образомъ, дѣлаетъ движенія, подражая пляскѣ, или выдѣлываетъ то, о чемъ упоминается въ распѣваемой въ это время пѣснѣ.

У дорогой могилы.

Для поминовенія самоубійцъ, которые не могли быть похоронены на кладбищѣ, а также для убитыхъ, найденыхъ на дорогѣ и тамъ зарытыхъ, особенно же для стариковъ-нищихъ — установленъ въ польскомъ народѣ особый обычай поминовенія. На насыпанный надъ такими покойниками небольшой бугорокъ каждый проходящій крестьянинъ бросаетъ по вѣткѣ. Когда

же вѣтокъ наберется цѣлый ворохъ, кто нибудь изъ проходящихъ зажигаетъ этотъ костеръ за спасеніе души умершаго и, читая заупокойныя молитвы, остается на мѣстѣ передъ костромъ, пока тотъ не погаснетъ. Дѣлается это въ силу простонароднаго вѣрованія, будто бы душа умершаго, очищаясь через огонь, достигаетъ вѣчнаго покоя.

Къ общераспространеннымъ среди польскаго народа вѣрованіямъ, перешедшимъ отъ временъ язычества принадлежитъ также и вѣрованіе въ чорта или дьявола, несомнѣнно ведущаго свое начало отъ чернобога. Несмотря на общность происхожденія славянскаго чорта, польскій чортъ называемый иначе «лихомъ», «зломъ», «бѣсомъ», «шатаномъ», имѣетъ нѣсколько своихъ отличій и служитъ однимъ изъ главныхъ предметовъ въ суевѣрныхъ разсказахъ, распространенныхъ среди простонародія.

Чорта воображаютъ въ Польшѣ въ такомъ видѣ. Онъ имѣетъ на головѣ рога, прикрытые подходящею къ нимъ, по фасону, шапкою. Современный чортъ носитъ фракъ съ большими пуговицами и длинную жилетку, покрывающую животъ; исподнее же его платье узко, плотно обтянуто и доходитъ до колѣнъ. На ногахъ у него шелковые чулки и башмаки съ пряжками. Несмотря, однако, на такой человѣческій нарядъ нѣмецкаго покроя, дьявола по народному повѣрью въ Польшѣ, можно сейчасъ узнать потому, что у него въ глазахъ только бѣлки безъ зрачковъ; кромѣ того у него изъ одного башмака всегда выглядываетъ коготь большого пальца.

Народные разсказы выставляютъ польскаго чорта не столько злобнымъ существомъ, сколько глуповатымъ простакомъ, котораго смѣтливый, въ противоположность ему, польскій крестьянинъ преспокойно надуваетъ и очень часто дурачитъ, такъ что вообще чорту не легко продѣлать съ крестьяниномъ какую-нибудь злонамѣренную штуку, чтобъ хлопъ такъ или иначе не перехитрилъ его. Чортъ, обыкновенно, домагается купить душу человѣка, но при этомъ сплошь и рядомъ попадается въ просакъ, когда заводитъ подобную торговлю съ крестьяниномъ. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ объ этомъ простонародная молва.

Одинъ крестьянинъ продалъ чорту душу за деньги, съ тѣмъ однако условіемъ, что чортъ можетъ взять ее лишь тогда, когда листья спадутъ съ деревьевъ. Чортъ согласился на такой уговоръ и пришелъ за проданной ему душою въ глубокую зиму; находчивый же крестьянинъ показалъ ему сосну, на которой всегда остается зелень и только посмѣялся надъ чортомъ, какъ надъ недогадливымъ дуракомъ. Другой крестьянинъ, подъ закладъ души, занялъ у чорта деньги золотомъ, мѣрою въ четверикъ, съ обыкновеннымъ глубокимъ дномъ. Когда же пришелъ срокъ разплаты, крестьянинъ сдѣлалъ въ четверикѣ другое дно, чуть не у самаго верхняго края, и отсыпалъ деньги такою плутовской мѣрой; чортъ однако даже и не замѣтилъ этого. Признавъ себя удовлетвореннымъ такою разплатой, чортъ не могъ же требовать души крестьянина, оказавшагося исправнымъ должникомъ. Промахнулся чертъ и въ третій разъ, войдя въ соглашеніе съ хлопомъ. Они условились варить вдвоемъ пиво и потомъ раздѣлить его пополамъ. Хлопъ сварилъ очень вкусное пиво, причемъ чортъ очень усердно помогалъ ему. Когда варка была окончена, чортъ сказалъ крестьянину: «Ну, теперь подѣлимся».— Почему же и не подѣлиться?—отвѣтилъ крестьянинъ. Для себя онъ снялъ верхнюю часть съ пѣною, чорту же оставилъ только дрожжи. Чортъ выпилъ дрожжи, скорчилъ непріятную рожу и, желая поддѣть хлопа, предложилъ ему совмѣстно посѣять и собрать, все что выростетъ отъ общаго ихъ посѣва.—«Хорошо»,—согласился хлопъ и предложилъ чорту посѣять рѣпу. На этотъ разъ чортъ, обманутый уже при варкѣ пива полученнымъ имъ невкуснымъ остаткомъ, захотѣлъ взять свою долю сверху; но и теперь далъ маху, такъ какъ ему достались только листья, а хлопу—самая рѣпа. Чортъ не отставалъ, однако, отъ хлопа и хотѣлъ отомстить ему за свои неудачи.—«Побѣжимъ въ гору—предложилъ онъ крестянину—и посмотримъ, кто сильнѣе изъ насъ»? Чортъ схватилъ хлопа, проволокъ его по песку и потомъ подбросилъ его такъ высоко, что тотъ очутился на трубѣ своей хаты. Хлопъ нѣсколько поблѣднѣлъ отъ такого

полета, но вскорѣ же оправившись, сказалъ чорту: «Теперь мой чередъ». И крѣпко ухвативъ чорта за бока, сталъ пристально смотрѣть вверхъ, на полный мѣсяцъ.—«Чего ты такъ впялилъ туда глаза»?—спросилъ чортъ.—«Да смотрю на мѣсяцъ,—отвѣтилъ крестьянинъ.—Какъ только покажется тамъ мой сродственникъ и я увижу его, — швырну тебя туда къ нему»! Чортъ, испугавшись такого ужаснаго полета, проворно вырвался изъ рукъ хлопа и пустился бѣжать со всѣхъ ногъ. Очевидно, главною цѣлью всѣхъ этихъ разсказовъ служитъ желаніе выставить смѣтливость, которою отличается польскій простолюдинъ, умѣющій управиться даже и съ чортомъ.

Немало сохранилось въ Польшѣ народныхъ преданій о продѣлкахъ чорта то въ той, то въ другой мѣстности. Въ подтвержденіе этого указывается даже и на слѣды его продѣлокъ. Такъ, въ Псковой Скалѣ мѣстные жители разсказываютъ, что одинъ извѣстный тамъ утесъ «Соколъ» чортъ поставилъ основаніемъ вверхъ, а вершиною внизъ. Въ другой мѣстности показываютъ огромные камни, которые будто-бы набросалъ чортъ. Въ Мазовіи песчаные бугры народъ называетъ «чортовымъ танцемъ» объясняя, что когда черти примутся плясать, то они поднимаютъ столбы песку, который потомъ, опадая на землю, и образуетъ бугры.

По народному повѣрью, черти постоянно живутъ въ болотахъ, трясинахъ, лѣсахъ и развалинахъ какъ панскихъ домовъ, такъ и крестьянскихъ хатъ. Но самымъ любимымъ ихъ мѣстопребываніемъ считается старая дуплистая верба или старая печка. Отсюда и произошли польскія поговорки: «влюбился, какъ чортъ въ сухую вербу» и «старую печку чортъ топитъ». Лѣснаго чорта или лѣшаго поляки называютъ вообще «Бурута». По народному преданію, главный изъ нихъ, жившій въ развалинахъ ленчицкаго замка, былъ вынужденъ вслѣдствіе постройки около этого замка костела, оставить свое старое домовище. Тогда онъ отправился гулять по бѣлому свѣту въ видѣ шляхтича. Онъ отлично пилъ, перепивая самыхъ отчаянныхъ пьяницъ, и лихо рубился на сабляхъ. На бѣду его, одинъ изъ шляхтичей догадался и, при схваткѣ съ нимъ, сдѣлалъ саблею крестное знаменіе. Чортъ растерялся, смѣлый же шляхтичъ, воспользовался этимъ, такъ изрубилъ своего противника, что тотъ, искалѣченный, долженъ былъ забраться снова въ развалины ленчицкаго замка и со стыда вовсе пересталъ появляться среди людей.

Самыми опасными чертями суевѣрный полякъ считаетъ тѣхъ изъ нихъ, которые скрываются въ вихрѣ. Въ этомъ отношеніи у польскаго простонародія существуетъ такое-же повѣрье, какъ и у нашего. Говорятъ, что когда несется кружащій вихрь, то нужно бросить новый ножъ въ самую середину завирухи - и этимъ можно пригвоздить чорта къ землѣ. Одинъ польскій крестьянинъ такъ именно сдѣлалъ. Онъ будто-бы самъ видѣлъ, какъ дьяволъ, съ пробитой ножемъ ногой упалъ на землю и, не будучи въ силахъ сойти съ мѣста, покорнымъ голосомъ спрашивалъ хлопа, что онъ прикажетъ дѣлать? Смѣльчакъ потребовалъ отъ чорта бочку водки, нѣсколько окороковъ и четверикъ серебряныхъ денегъ. — «Хорошо, все это я тебѣ дамъ, но только вынь ножъ изъ ноги и отпусти меня». «Нѣтъ, — крикнулъ крестьянинъ:—не пущу я тебя до тѣхъ поръ, пока ты не дашь мнѣ всего, чего я отъ тебя требую». И чортъ покорно исполнилъ предъявленное ему требованіе.

Народъ думаетъ, что чорта можно даже убить, когда онъ кружится въ вихрѣ, но для этого нужно бросить въ самую средину клуба пыли, поднимаемой вихремъ, серебряную пуговицу, прицѣлившись непремѣнно лѣвымъ глазомъ.

Семья польскихъ чертей, по народному повѣрью, очень многочисленна и каждый изъ нихъ имѣетъ свое особое прозваніе. Рокита буянитъ въ лѣсахъ. Искжицкій считается очень способнымъ на должности эконома, но не можетъ получить ее, имѣя на пальцахъ длинные когти. Однажды какъ-то его приняли было на службу, но онъ не долго оставался на мѣстѣ и ушелъ, хотя служилъ вполнѣ исправно до истеченія контракта, который онъ подписалъ, сидя въ печкѣ. Бурута сторожитъ сокровища въ развалинахъ ленчицскаго замка. Чертей, прозывавшихся

Смолкою и Венгликомъ, очень часто выводили въ старинныхъ польскихъ діалогахъ. Объ этихъ двухъ чертяхъ ходитъ преданіе, что они, разсердившись за что-то на смерть, хотѣли убить ее и жестоко избили ее палками; но потомъ опомнились, сообразили, что если убьютъ ее,—имъ не придется пользоваться человѣческими душами, такъ какъ, если не будетъ смерти, люди перестанутъ умирать. Въ этомъ соображеніи они отнесли смерть къ доктору, который и вылѣчилъ ее.

Чортъ по народному повѣрью иногда вселяется въ человѣка, отчего и являются бѣсноватые. Онъ оживляетъ трупы самоубійцъ и людей скоропостижно-умершихъ: тогда тѣ и другіе выходятъ изъ могилъ, на пагубу людей. Черти являются въ разныхъ видахъ. Такъ по преданію, одинъ изъ нихъ, влюбившись по уши въ красавицу—панну, сидѣлъ подъ ея окномъ въ весьма благопристойномъ видѣ и по цѣлымъ днямъ наигрывалъ на флейтѣ, желая музыкою понравиться полюбившейся ему дамѣ. У поляковъ встрѣчается о чортѣ много различныхъ поговорокъ. Простой же народъ, при наступленіи ночи, никогда не вспоминаетъ чорта, замѣняя это общеупотребительное названіе словами: «лихо», «зло».

Что касается «упырей», то вѣрованіе въ ихъ существованіе сильно распространено среди польскихъ крестьянъ. Отличительный признакъ упыря состоитъ въ томъ, что трупъ его сохраняетъ свѣжесть, а лицо яркій румянецъ. Отъ того произошла польская поговорка: «красный, какъ упырь». Другими признаками упыря считаются въ народѣ нетлѣнность его трупа, присутствіе крови и гибкость тѣла. Лежатъ упыри въ могилахъ всегда съ открытыми глазами, ногти и волосы продолжаютъ у нихъ расти, какъ у живыхъ людей. Упыри ходятъ только по ночамъ и чаще всего во время полнолунія. Они нападаютъ на человѣка, хватаютъ его зубами за горло и высасываютъ изъ него кровь. Для умерщвленія упыря и для лишенія его возможности вставать изъ гроба, по народному повѣрью, существуетъ много различныхъ способовъ. Такъ, разсказываютъ въ народѣ, что въ царствованіе Станислава-Августа, въ одной изъ деревень въ Польшѣ появился упырь. Тогда одинъ смѣлый парень сѣлъ на никогда еще неѣзженнаго коня и поѣхалъ на немъ на кладбище, гдѣ конь и остановился у той могилы, въ которой лежалъ упырь. Тогда крестьяне вырыли изъ могилы трупъ упыря, отрубили ему голову, положили ее между колѣнъ и затѣмъ пробивъ упыря коломъ изъ осины, положили въ гробъ звѣзду, сдѣланную изъ такого же дерева. Причетники, органисты и церковные «дяды», для охраненія отъ нападенія упырей, употребляютъ въ Польшѣ такой способъ. Послѣ того какъ упырю отрубятъ голову, они берутъ текущую изъ трупа сукровицу, смѣшиваютъ ее съ водкою, которую и выпиваютъ. Извѣстный польскій писатель Чацкій разсказываетъ, что онъ еще помнитъ то время, когда крестьяне отыскивали упырей, рубили имъ головы сѣчкой, а сердце пробивали осиновымъ коломъ. Вышедшій изъ могилы упырь можетъ итти только по дорогѣ, освѣщаемой мѣсяцемъ. Онъ всегда охотнѣе нападаетъ на молодыхъ парней и на дѣвушекъ, такъ какъ ему особенно нравится кровь ихъ, но не засасываетъ, однако, ихъ до смерти, а попивши крови отпускаетъ ихъ. Ранка, происходящая отъ укушенія упыря, по народному повѣрью совершенно сходна съ той ранкой, какая бываетъ отъ укушенія піявки. Дѣвушки, однако, рѣдко переживаютъ укушеніе упыря, такъ какъ послѣ того съ ними бываетъ сильная горячка, отъ которой онѣ и умираютъ. Существуетъ также въ народѣ повѣрье, будто упырь является иногда изъ могилы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ жилъ на землѣ. Иногда онъ приходитъ въ родительскій домъ или отправляется къ бывшей своей невѣстѣ, уговаривая ее бѣжать съ нимъ. Если она соглашается, онъ уноситъ ее на свою могилу, гдѣ поутру и находятъ ее мертвою.

Упыри по народному повѣрью страшны не только для людей, но также и для домашнихъ животныхъ, производя падежъ скота. Поэтому во многихъ околицахъ Польши, гдѣ открывается падежъ, спѣшатъ на кладбище и тамъ засыпаютъ всѣ ямки и разсѣлины на могилахъ, думая этимъ помѣшать выходу упыря изъ могилы.

Къ суевѣріямъ, распространившимся среди польскаго народа, слѣдуетъ отнести вѣрованіе его въ колдуновъ и чародѣевъ. Въ этомъ вѣрованіи сказываются главнымъ образомъ языческія преданія, хотя до нѣкоторой степени, не чужды ему и позднѣйшія понятія, такъ что чародѣйство, но подъ нѣсколько инымъ видомъ, представляетъ смѣсь этихъ понятій, а также и церковныхъ обрядностей съ языческими преданіями. Теперь такого рода суевѣріе считается исключительною принадлежностію простаго народа, хотя нельзя не замѣтить, что оно далеко не вполнѣ еще искоренено и среди образованныхъ классовъ. Въ былое же время оно было общимъ достояніемъ. Такъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей своего времени, король польскій Сигизмундъ-Августъ приказалъ содержать подъ стражей какую-то «бабу» Ожогу, посланную, по его собственнымъ словамъ, королевою Боною, чтобы дѣлать зло ему и супругѣ его Варварѣ Радзивиллъ. Современникъ же этого короля, Папроцкій, сообщаетъ съ полною достовѣрностью, что татарки умѣли заговаривать ружья и луки такъ, что первыя вовсе не стрѣляли, а у вторыхъ тетива утрачивала свою силу. Извѣстный нѣкогда въ Польшѣ издатель календаря, Дунчевскій, сообщаетъ въ 1759 году о чародѣйствѣ въ Польшѣ слѣдующее.

Надсмотрщикъ за овиномъ.

«Ни у одного народа — писалъ онъ—нѣтъ столько чародѣйства, чародѣевъ и чародѣекъ, какъ у поляковъ, особенно-же въ горахъ въ Руси, въ Литвѣ, Украинѣ и на границѣ Валахіи. Чары бываютъ различныя и для совершенія ихъ употребляютъ разнородные предметы. Такъ при колдованіи по любовной части употребляютъ пироги, кашу, молоко, сыръ, рубашки, волосы и обувь. Чары на тѣло и на разсудокъ наводятъ посредствомъ разныхъ травъ, чаще-же всего — посредствомъ освященной былицы. При чародѣйствѣ употребляютъ также человѣческія кости, пыль, пепелъ, фартуки, снятые со статуй святыхъ, повязки, постромки, веревки съ висѣлицъ, кошачьи мозги, козьи шкуры и многое другое. Если чародѣй или чародѣйка хочетъ куда нибудь ѣхать или побывать на чортовскомъ пиру, то они, вмѣсто того, чтобы сѣсть на лошадь, садятся при помощи дьявола на скамейку, ухватъ, метлу или на сковороду, намазанную жиромъ дѣтей, удушенныхъ еще до крещенія. Если же они хотятъ видѣть во снѣ, что дѣлается гдѣ-нибудь въ отдаленномъ мѣстѣ, то, находясь въ сборищѣ, ложатся на лѣвый бокъ и тогда видятъ все. Если же имъ въ условленный съ чортомъ день нельзя быть на сборищѣ,—они набираютъ въ ротъ густого дыма и, держа его во рту, видятъ все, что тамъ творится».

Обыкновенно народъ думаетъ, что колдуны и чародѣи состоятъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ нечистыми духами, которые благопріятствуютъ имъ, что духи эти или находятся въ перстняхъ, или живутъ въ углахъ хатъ, разговариваютъ со своими пріятелями, сообщаютъ имъ тайны и разныя новости изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ и учатъ ихъ колдо-

вать и вредить кому-либо. Чародѣи и чародѣйки продѣлываютъ всякія шутки и могутъ навести на женщину безплодіе или, наоборотъ, придать ей способность чадорожденія. Но зато люди, занимающіеся колдовствомъ и чародѣйствомъ, запродаютъ свою душу дьяволу и обязываются никогда не ходить къ обѣдни. Они считаются чрезвычайно опасными и въ крестьянскомъ хозяйствѣ, потому что, если имъ не удается повредить набожному и благочестивому человѣку, они могутъ причинить много бѣдъ его домашнему скоту. Такъ они, вбивая колышекъ въ столбъ, находящійся въ хлѣвѣ, могутъ выдаивать у коровъ молоко, а иногда и чортъ, отнимая молоко у сосѣдей, самъ приноситъ его колдунамъ. Чтобы получить чародѣйственную силу, нужно, по вѣрованію простаго народа, отречься отъ Христа, Божіей Матери и ангела-хранителя. Люди, имѣющіе сношеніе съ нечистой силой, молятся только для виду, а въ тайнѣ топчутъ ногами святые дары, дѣлаютъ снадобья изъ тѣла дѣтей, умершихъ прежде крещенія, и, натираясь такимъ составомъ, летаютъ по воздуху. Они просятъ чорта, чтобъ онъ вычеркнулъ ихъ изъ «книги живота» и вписалъ бы въ «книгу смерти». Они продаютъ ему и свое тѣло, давая при этомъ въ залогъ лоскутъ своей одежды. Они приносятъ жертвы чорту, умерщвляя въ честь его наиболѣе любимаго ими человѣка. Колдуны признаютъ чорта богомъ и въ знакъ своего подданства ему, уплачиваютъ ему ежегодную дань, приглашаютъ его на свои пиры и, послѣ пляски, поклонившись ему, поютъ непристойныя пѣсни: чаровницы же, загасивши свѣчи, балуются съ чертями. Для чаръ они употребляютъ причастіе и святое мvро, въ праздникъ же сошествія Святаго Духа дѣлаютъ изъ бумаги голубковъ и сожигаютъ ихъ, произнося богохульственныя рѣчи. Въ день св. Яна они собираютъ росу по той дорогѣ, по которой проходитъ скотъ, и потомъ, при помощи этой росы, отнимаютъ у коровъ удой.

Такія понятія о колдунахъ и колдуньяхъ крѣпко укоренились среди простаго народа по всей Польшѣ, и онъ вѣритъ, что мѣстомъ главнаго сборища колдуній служитъ находящаяся въ Сандомирскомъ уѣздѣ высокая гора, на которой въ новолуніе, по четвергамъ, собираются со всѣхъ концовъ Польши чаровницы, отправлясь туда на лопатахъ и метлахъ. По народному повѣрью, колдунью можно узнать въ костелѣ, если взять съ собою сыру, приготовленнаго въ послѣдній день заговѣнья, запастись такой доской отъ гроба, въ которой была бы дыра отъ выпавшаго сучка. Имѣя то и другое при себѣ, слѣдуетъ стать въ закрытомъ мѣстѣ, около большаго алтаря. Тогда, если начать ѣсть сыръ и смотрѣть въ дыру доски, можно увидѣть всѣхъ находящихся въ костелѣ колдуній. Ихъ легко отличить отъ людей обыкновенныхъ, такъ какъ онѣ сидятъ не лицомъ къ большому алтарю, а задомъ, хотя другимъ и кажется, что онѣ такъ же усердно молятся, какъ и всѣ прочіе. Кромѣ того, на головахъ у нихъ, вмѣсто обыкновеннаго женскаго убора, окажутся миски, горшки, котлы. Колдуньи по мнѣнію крестьянъ могутъ наводить вѣтеръ, бурю, дождь, градъ, грозу, засуху. Въ силу этого вѣрованія, даже въ царствованіе короля Станислава-Августа, польскіе крестьяне во время засухи топили въ рѣкахъ бабъ, заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ. Чацкій разсказываетъ, что одна такая баба выкопала въ лѣсу при дорогѣ яму, положила въ нее гусиныхъ яицъ и разсѣлась надъ этой ямкой, какъ насѣдка, угрожая, что она высидитъ градъ величиной съ гусиное яицо. Жители сосѣднихъ деревень со страхомъ явились къ ней съ разными приношеніями и деньгами, прося ее не исполнять такой угрозы, послѣ чего она смиловалась и сошла со своего гнѣзда.

Главные разсказы поселянъ о колдуньяхъ касаются обыкновенно той порчи, какую онѣ могутъ навести на человѣка. Поляки, какъ и русскіе, признаютъ большія способности къ чародѣйству за женщинами, нежели за мужчинами. Этимъ объясняется, почему въ Польшѣ не былъ сожженъ ни одинъ колдунъ; тогда какъ съ женщинами поступали такимъ образомъ довольно часто. Еще въ 1762 году, напримѣръ, въ Великой Польшѣ, была сожжена палачемъ на кострѣ одна женщина, заподозрѣнная въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Въ 1775 году въ деревнѣ Доруховѣ, въ остжешовскомъ повѣтѣ, было сожжено разомъ 14 такихъ злополучныхъ бабъ.

Само собою разумѣется, что такое суевѣріе среди польскихъ крестьянъ не представляетъ ничего особеннаго, если принять во вниманіе, что около того же времени въ Швеціи, въ далекарлійской провинціи, комиссія, назначенная королемъ для изслѣдованія дѣлъ о чародѣйствѣ, приказала сжечь въ одной только деревнѣ Мора 72 старухъ и 15 дѣвушекъ-подростковъ, обвиненныхъ въ колдовствѣ, а въ Баваріи еще въ 1780 году производились такія же казни. Въ 1776 году въ Польшѣ сеймовою конституціею, наконецъ, было постановлено — не возбуждать уголовныхъ дѣлъ о чародѣйствѣ, волшебствѣ и колдовствѣ.

Между польскими крестьянами-охотниками не мало ходитъ разсказовъ,—конечно столько же правдивыхъ, какъ и всѣ разсказы охотниковъ, — о заговоренныхъ колдунами ружьяхъ и объ обращеніи въ звѣря чорта, за которымъ, будто бы, гонялся самъ охотникъ и который, послѣ выстрѣла, или исчезалъ безслѣдно, или превращался въ кучу навоза. По народной молвѣ, чортъ всего чаще является охотникамъ и полѣсовщикамъ въ видѣ оборотня-волка.

Деревенскія похороны взрослаго.

Старинные обычаи справляютъ польскіе крестьяне при крещеніи, бракѣ и погребеніи. Что касается крещенія младенца, то въ средѣ простаго польскаго народа къ этому обряду примѣшивается весьма мало особыхъ обычаевъ, такъ что оно исполняется только по церковному уставу. Тѣмъ не менѣе и при крещеніи встрѣчается примѣсь такихъ старинныхъ обрядностей, которыя по народному повѣрью могутъ принести новорожденному счастье въ жизни. Въ старинной Польшѣ не только въ магнатскихъ, но и въ шляхетскихъ домахъ, крестины дѣтей сопровождались торжественностью и пышностью. Въ этихъ случаяхъ были пиры, музыка, стрѣльба изъ пушекъ, но собственно народъ отправлялъ крещеніе младенца безъ всякаго празднества. Онъ удержалъ, между прочимъ, стародавній польскій обычай давать крещаемому одно только имя и имѣть только одну пару воспріемниковъ. Шляхта отступила отъ этого обычая только въ началѣ XVI столѣтія, когда въ крестные отцы и въ крестныя матери стали приглашать почетныхъ лицъ, а въ честь ихъ стали давать при крещеніи нѣсколько именъ младенцу. При крещеніи простой народъ заботится о томъ, чтобы, какъ говорятъ поляки, «на младенцѣ не были навѣяны чары». При крестинахъ кумъ даетъ бабкѣ нѣсколько денегъ, а крестнику своему даритъ серебряную монету. Когда же ребенокъ подрастетъ, то крестный отецъ даритъ ему ситцевую рубашку и пеструю шапочку.

Въ языческой Польшѣ существовали такъ называемые «зглища», т. е. кладбища, на которыхъ хоронили сожженныхъ покойниковъ или отдѣльно, или по нѣсколько вмѣстѣ въ глиняныхъ урнахъ. Такія кладбища устраивали или въ глухихъ лѣсахъ, или на песчаныхъ пригоркахъ. На находившіяся тамъ могилы прохожіе набрасывали сучья или вѣтви, которыя потомъ зажигалъ кто-нибудь изъ проходившихъ мимо. Въ могилу клали обыкновенно ножъ, оружіе, огниво, топоръ и другіе предметы, которые необходимы были въ житейскомъ обиходѣ покойника. Обычай сожигать мертвыхъ сохранилъ свою силу и спустя два вѣка по введеніи христіанства.

Въ настоящее время въ польскомъ простонародьѣ существуютъ относительно покойниковъ и погребенія ихъ нѣкоторые особые обычаи, имѣющіе слабую связь съ старинными языческими повѣрьями.

Когда, напримѣръ, человѣкъ кончается, ему даютъ въ руки такъ называемую «громницу»—восковую церковную свѣчку, которая была освящена въ праздникъ Срѣтенія Господня, и окропляютъ его святою водою. Всѣ становятся на колѣни и читаютъ: «Богородице Дѣва», а также—«вѣчный покой подаждь Господи!» Когда же больной умретъ, то для него шьютъ «чахолъ» или саванъ изъ выбѣленнаго полотна, длиною до самыхъ пятъ. Шьютъ саванъ сообща всѣ родственницы покойника или покойницы, и близкія знакомыя. На мертвыхъ надѣваютъ подъ чахолъ обыкновенную бѣлую рубашку, на ноги чулки а иногда и сапоги, а на голову, такъ называемую «duchenka». Покойницу одѣваютъ въ обыкновенное носильное платье: если она была молода, то на шею ей повязываютъ платокъ; если же умершая была пожилой женщиной, платка не повязываютъ. Прибавкою къ погребальной одеждѣ дѣвушкѣ бываетъ передникъ краснаго или какого нибудь другого яркаго цвѣта; на голову же ей кладутъ уборъ невѣсты изъ лентъ и цвѣтовъ розмарина.

Послѣ того, какъ положатъ покойника въ гробъ, солому, на которой онъ находился, или постилаютъ подъ скотъ, или сжигаютъ. Около покойника нѣкоторые проводятъ не спавши всю ночь, безпрестанно молясь. Проведенная такимъ образомъ ночь считается дѣломъ богоугоднымъ и называется «оплаканною ночью». Крестьяне никогда не заколачиваютъ гроба желѣзными гвоздями, но употребляютъ для этого деревянные шипы.

Въ той горницѣ, гдѣ кто-нибудь умеръ, вѣшаютъ на стѣнѣ или полотенце или бѣлый носовой платокъ, а надъ ними ставятъ икону какого нибудь святаго. Дѣлается это съ тою цѣлію, чтобы душа покойника, пока тѣло его стоитъ въ домѣ, могла гдѣ-нибудь спрятаться или куда-нибудь приткнуться. Каждый вечеръ, до самыхъ похоронъ, приходящіе проститься съ покойникомъ поютъ около гроба божественныя пѣсни. Проведенная въ такихъ пѣсняхъ ночь называется «пустою».

Зажиточная крестьянская семья держитъ въ своей хатѣ покойника не долѣе одной ночи. На другой день относятъ или отвозятъ гробъ въ приходскій костелъ и тамъ ставятъ на катафалкѣ, при чемъ около богатыхъ покойниковъ зажигаютъ шесть большихъ свѣчей и двѣ лампады. Очень часто родные покойника просятъ ксендза сказать надъ гробомъ умершаго проповѣдь. Родныхъ и родственниковъ не допускаютъ бросить горсть земли на опускаемый въ могилу гробъ. Если же кто нибудь самъ пожелаетъ сдѣлать это,—то его отведутъ отъ могилы силою, такъ какъ, по народному повѣрью, каждый родственникъ, бросившій горсть земли на гробъ умершаго, пойдетъ слѣдомъ за нимъ въ могилу.

Послѣ похоронъ бываетъ угощеніе провожавшихъ покойника. Въ это время всѣ присутствующіе поютъ старинныя, сохранившіяся въ народѣ, пѣсни, но такихъ пѣсенъ осталось въ памяти крестьянъ уже очень немного. Если умершій крестьянинъ былъ членомъ какого нибудь церковнаго братства, то на братчикахъ лежитъ обязанность устроить погребальное угощеніе, состоящее изъ водки, хлѣба и какой нибудь закуски, при чемъ нищимъ раздаютъ какъ пищу, такъ и деньги. Для родныхъ же и приглашенныхъ сосѣдей приготовляется такъ называемый «божій обѣдъ», за которымъ на столъ ставятъ клецки, капусту, горохъ и проч.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, къ этимъ болѣе общимъ по всей Польшѣ погребальнымъ обычаямъ прибавляются еще и нѣкоторые особенные обычаи, напоминающіе остатки языческихъ обычаевъ. Такъ надъ покойниками говорятъ, какъ у насъ, разныя причитанія, принявшія нынѣ христіанскій оттѣнокъ, но тѣмъ не менѣе выражающія въ сущности языческія понятія о состояніи человѣка послѣ смерти. Сохранилъ также въ Польшѣ простой народъ и языческое повѣрье, что душа умершаго не покидаетъ тѣла, но стоитъ близъ него, пока его не положатъ въ гробъ. По другому повѣрью, сохранившемуся въ одной народной пѣсни, души убитыхъ летаютъ надъ ихъ могилами, въ видѣ бѣлыхъ голубей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тѣ лавки и скамейки, на которыхъ лежалъ покойникъ или стоялъ гробъ, послѣ выноса изъ хаты тѣла, опрокидываютъ вверхъ ногами. Когда покойника несутъ или везутъ на кладбище, то передъ гробомъ идетъ баба съ горшкомъ, наполненнымъ святою водою и на пути кропитъ ею во всѣ стороны. Дѣлается это съ тѣмъ, чтобъ отогнать отъ покойника злого духа, который

Деревенскія похороны младенца.

въ это время препирается съ ангеломъ о душѣ умершаго. Въ этой обрядности этнографы видятъ слѣды языческаго вѣрованія, такъ какъ, во время господства этихъ вѣрованій, отъ покойника отгоняли злыхъ духовъ криками: «бѣгите!» Крестьяне очень заботятся о томъ, чтобы покойникъ не лежалъ съ открытыми глазами и не подсмотрѣлъ бы, кто первый подойдетъ къ его гробу.

Среди крестьянъ существуетъ много примѣтъ, предвѣщающихъ въ домѣ чью-либо скорую смерть. Въ числѣ такихъ примѣтъ считаются разные сны, особенно же, когда снится, что выпалъ зубъ. Къ упомянутымъ примѣтамъ относятъ вытье собаки и крикъ совы, въ которомъ, будто бы, если прислушаться, ясны слова: «иди, иди въ ямку, подъ церковку».

Среди самой разнообразной обстановки и при томъ съ соблюденіемъ старинныхъ обычаевъ совершается у польскаго народа, преимущественно у сельскаго населенія, одно изъ церковныхъ таинствъ, бракъ. Самое названіе по-польски свадьбы—«wesele»—показываетъ, что совер-

шеніе брака должно сопровождаться увеселеніемъ, къ которымъ присоединяются еще и различныя обрядности, оставленныя нынѣ въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ и удержавшіяся въ простомъ народѣ, какъ памятники болѣе или менѣе отдаленной отъ насъ древности. Въ особенности народною стариною отзываются у поляковъ свадебныя пѣсни. Въ пѣсняхъ этихъ смыслъ не измѣнился; въ нихъ исчезли лишь имена тѣхъ славянско-языческихъ божковъ, подъ покровительствомъ которыхъ, до введенія въ Польшу христіанства, должны были находиться новобрачные, а также вошли въ пѣсни и нѣкоторыя христіанскія понятія о бракѣ. Всѣ свадебные обряды, совершаемые нынѣ у польскихъ крестьянъ, дошли къ намъ отъ ихъ отдаленныхъ праотцовъ, и тѣ пѣсни, которыя поютъ у нихъ нынѣ на свадьбахъ, слышались еще въ XV и даже въ XIV столѣтіяхъ, а также и въ домахъ шляхтичей, впослѣдствіи отступившихъ отъ народныхъ преданій.

Мы уже указали на свадебные обряды, исполняемые у курповъ. Обряды эти отличаются большею своеобразностью, чѣмъ у другихъ отраслей польскаго племени. Что же касается болѣе общихъ чертъ этихъ обрядовъ, то онѣ состоятъ въ слѣдующемъ.

Главнѣйшимъ свадебнымъ обрядомъ у польскихъ крестьянъ считаются «очепины», т. е. надѣваніе въ первый разъ на дѣвушку чепца, какъ головнаго убора замужней женщины, которую ожидаютъ важныя обязанности жены, матери и хозяйки. Обрядъ этотъ состоитъ въ томъ, что около полуночи сажаютъ дѣвушку на кадку съ квашнею. Затѣмъ, при пѣніи ея подругами жалобныхъ пѣсенъ, выражающихъ со стороны поющихъ сожалѣніе, что она покидаетъ ихъ,—ей распускаютъ косы, послѣ чего старшая изъ замужнихъ женщинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшая родственница невѣсты надѣваетъ на нее чепецъ. Въ нѣкоторыхъ околицахъ ведется обычай обрѣзать у невѣсты косу, прежде чѣмъ надѣть на нее чепецъ, въ другихъ же мѣстахъ косу не обрѣзаютъ, а просто прячутъ подъ чепецъ волосы невѣсты. Главною пѣснею при этомъ считается мазурская пѣсня «о хмелѣ», которую при «очепинахъ» поютъ во всей Польшѣ.

Въ XVI вѣкѣ шляхта отступила отъ старинныхъ народно-свадебныхъ обычаевъ въ томъ отношеніи, что перестала пѣть свадебныя пѣсни, замѣнивъ ихъ рѣчами, которыя стали произносить сваты, при врученіи молодой подарковъ и при передачѣ ея мужу, какъ дочь, выходящую изъ-подъ родительской опеки. Въ XVII вѣкѣ «калачъ» былъ неизбѣжнымъ обрядовымъ хлѣбомъ, какъ у крестьянъ, такъ и у шляхты, имѣлъ то же значеніе, какъ «коровай» у русскихъ.

Безъ калача—кругловато-продолговатаго хлѣба изъ пшеничной муки—въ Польшѣ не обходится ни одна крестьянская свадьба. Одинъ изъ извѣстныхъ польскихъ поэтовъ Шимоновичъ, описывая въ стихахъ бытъ польскихъ крестьянъ, говоритъ: «калачъ — главное дѣло и можно смѣло сказать, что безъ калача какъ будто бы не было и свадьбы».

Въ прежнюю пору былъ общій обычай: въ то время, какъ ставить на столъ калачъ, плясать и хлопать въ ладоши. Теперь же у крестьянъ, какъ только приносятъ калачъ въ сосѣднюю комнату, объ этомъ извѣщаютъ ударомъ палки о порогъ той комнаты, въ которой собрались гости. Остатки калача раздаютъ дѣтямъ, которыя и заводятъ между собою драку изъ-за каждаго кусочка этой лакомой для нихъ ѣды. Калачами называются въ Польшѣ также и лепешки, переложенныя ломтиками сыру. Относительно значенія калача можно вывести заключеніе изъ слѣдующей польской поговорки: «кто не хочетъ ѣстъ со мною хлѣба, съ тѣмъ я не буду ѣсть калача». Эта поговорка имѣетъ резонное примѣненіе къ супружеской жизни въ томъ смыслѣ, что супруги должны вмѣстѣ дѣлить и радости, и горе.

Свадьбы въ быту польскихъ крестьянъ представляютъ въ той или другой мѣстности тѣ или другія особенности, но въ общихъ чертахъ онѣ происходятъ въ слѣдующемъ порядкѣ и при соблюденіи слѣдующихъ обычаевъ и обрядностей.

Когда деревенскій парень насмотритъ подходящую ему по годамъ невѣсту, онъ сообщаетъ

объ этомъ ея родителямъ, а тѣ приглашаютъ къ себѣ родителей жениха, а также по одному родственнику съ каждой изъ намѣревающихся породниться между собою сторонъ. Въ присутствіи этихъ лицъ женихъ и невѣста объявляютъ о своемъ желаніи вступить въ бракъ. Тогда родители молодой четы начинаютъ говорить объ обязанностяхъ мужа и жены и приводятъ разные поучительные примѣры изъ своей супружеской жизни. Послѣ этого они изъявляютъ свое согласіе на предстоящій бракъ, назначаютъ день свадьбы и соображаютъ, кого слѣдовало бы пригласить на нее. Такое соглашеніе родителей на бракъ ихъ дѣтей называется помолвкою. Обыкновенно это происходитъ въ четвергъ, въ воскресенье же женихъ и невѣста пріобщаются вмѣстѣ и, послѣ обѣда, обходятъ тѣхъ, кого желаютъ пригласить на свадьбу.

Свиданіе у колодца.

При этихъ приглашеніяхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является одинъ изъ молодыхъ парней, обыкновенно самый близкій пріятель жениха, называемый «дружкою». Онъ долженъ быть веселымъ, расторопнымъ парнемъ и лихимъ плясуномъ, а также твердо знать всѣ свадебные обычаи и обрядности.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ четверговъ передъ свадьбою, которая большею частью бываетъ у крестьянъ въ воскресенье, двое дружекъ, разодѣтыхъ какъ можно наряднѣе, съ цвѣтными платками на плечахъ и съ вѣнками на шапкахъ отправляются, верхомъ на прыткихъ коняхъ, созывать гостей на свадьбу. Съ веселыми возгласами подъѣзжаютъ къ дому и, прочитавъ молитву, старшій дружка въ такихъ словахъ дѣлаетъ приглашеніе: «сегодня вечеромъ, въ четвергъ, женихъ и невѣста поздравляютъ васъ и желаютъ добраго вечера».

Тотъ, къ кому бываютъ обращены эти слова, спрашиваетъ: «что значитъ это дѣло, угодное Богу и Матери Божiей?»

Въ отвѣтъ на это, старшiй дружка начинаетъ говорить очень длинную рѣчь, заявляя въ началѣ ея, что онъ извѣщаетъ о свадьбѣ не отъ своего имени; за тѣмъ разсказываетъ исторiю Адама и Евы и добавляетъ, что гость, прiѣхавшiй на свадьбу, войдя въ кухню, отрѣжетъ себѣ разныхъ печенiй, а въ горницѣ — нацѣдитъ для себя пива, что тамъ будутъ скрипки и что тотъ, кто молодъ, пустится въ пляску.

Въ день свадьбы, дружка, разодѣтый съ большимъ щегольствомъ, чѣмъ всѣ прочiе гости, а также и женихъ со своею молодежью прiѣзжаютъ верхомъ въ домъ невѣсты. Когда сюда соберутся всѣ поѣзжане, изъ которыхъ каждый обращается къ жениху и невѣстѣ съ разными

Свадебный кортежъ.

добрыми пожеланiями, старшiй дружка беретъ за руку помолвленныхъ и ведетъ ихъ къ родителямъ, чтобъ, упавъ имъ въ ноги, поблагодарить ихъ за всѣ ихъ попеченiя и заботы. Родители благословляютъ ихъ, а въ это время играютъ на дудѣ и на скрипкѣ, и подъ эту заунывную музыку находящiеся въ горницѣ парни и дѣвушки поютъ пѣсню, начинающуюся словами: «выѣзжаемъ мы, матушка, изъ твоего дома. Кася проливаетъ послѣднiя слезы отъ чистаго сердца. Дай же ей благословенiе и побѣду надъ искушенiемъ, матушка наша».

По окончанiи этой пѣсни, всѣ отправляются въ костелъ. Дружки провожаютъ гостей и сажаютъ невѣсту въ повозку съ нѣсколькими дѣвушками, куда садятся и музыканты. Всѣ прочiе разсаживаются по другимъ повозкамъ; дружки же, молодежь и женихъ ѣдутъ верхомъ. Женихъ находится посрединѣ ихъ. На немъ, по обычаю нѣкоторыхъ мѣстъ, бываетъ надѣто

два верхнихъ платья. Почти всюду у жениха, во время поѣздки къ вѣнцу, бываетъ на головѣ сѣрая мерлушачья шапка съ павлиньими перьями и съ вѣтками розмарина. Онъ самъ управляетъ всѣмъ свадебнымъ поѣздомъ и охраняетъ порядокъ какъ на пути, такъ и въ костелѣ.

Молодая, послѣ свадьбы, возвращается въ повозкѣ съ замужними женщинами, но по бокамъ ея сидятъ двѣ дѣвушки. Молодой ѣдетъ подлѣ этой повозки и поетъ: «мы уже ѣдемъ отъ алтаря и теперь ты моя». Молодая же отвѣчаетъ ему: «пока я еще не твоя, пока я еще вольная между дѣвушками».

Такіе перепѣвы между молодыми продолжаются до самаго пріѣзда въ домъ, гдѣ должны праздновать свадьбу. Поѣзжане, пріѣхавъ туда, находятъ ворота запертыми. Дружка начинаетъ пѣть пѣсню, въ которой проситъ, чтобы отворили ворота и онъ могъ бы отыскать бѣлую

Бракосочетаніе.

голубицу, которая улетѣла. Онъ получаетъ на эту просьбу отрицательный отвѣтъ. Тогда онъ начинаетъ просить, чтобы отворили ворота и накормили гостей. Въ это время нѣсколько парней перелѣзаютъ черезъ заборъ и отпираютъ ворота. Дружка высаживаетъ изъ повозки молодыхъ и, взявъ ихъ за руки, ведетъ въ хату. Въ это время поѣзжане поютъ пѣсни. Передъ обѣдомъ начинается пляска и подъ музыку, и подъ пѣсни. Дружка пляшетъ съ молодой въ первой парѣ и запѣваетъ пѣсню, которую подхватываютъ и музыканты, и гости.

Пляска прерывается обѣдомъ, при чемъ дружкѣ предстоятъ новыя хлопоты. Во время обѣда женатые мужчины и ихъ жены сидятъ за почетнымъ столомъ, вмѣстѣ съ молодыми. За этимъ столомъ прислуживаетъ старшій дружка. Онъ приноситъ кушанья и напитки; ставитъ ихъ на столъ и потчуетъ гостей съ разными болѣе или менѣе остроумными прибаут-

ками. Послѣ обѣда молодежь снова принимается за пляску. За музыку до обѣда платятъ молодые, послѣ же обѣда на уплату музыкантамъ собираютъ между собою деньги пляшущіе парни.

Въ иныхъ мѣстностяхъ между польскими крестьянами соблюдается на свадебномъ пиру еще и такой обычай. При наступленіи вечера замужнія женщины берутъ подъ руки молодую и, какъ бы неожиданно для нея, отводятъ ее въ особую горницу и тамъ, снявъ съ головы вѣнокъ, надѣваютъ на нее чепецъ, при соотвѣтствующихъ этому обряду пѣсняхъ. Въ такомъ головномъ уборѣ ее, плачущую, онѣ выводятъ къ гостямъ и сажаютъ за столъ между собою. Въ это время подходитъ къ ней молодой и проситъ ее плясать съ нимъ; сидящія около нея женщины требуютъ за нее выкупъ. Какъ бы приневоленный этимъ молодой начинаетъ угощать ихъ и затѣмъ хочетъ взять отъ нихъ невѣсту; невѣста же, ссылаясь на то, что она хромая, отказываетъ ему. Тогда дружка проситъ ее плясать съ нимъ. Она соглашается и начинаетъ быстро плясать, припѣвая: «чья я теперь, матушка? Чья я теперь? Я не батюшкина, ни матушкина, я—моего Яси, теперь я—только его».

На эту пѣсню парни хоромъ отвѣчаютъ: «не хотѣла, не хотѣла ходить въ вѣнкѣ; приказала, приказала надѣть на себя чепчикъ».

Сдѣлавъ пять круговъ съ молодою, дружка передаетъ ее мужу; она же, начавъ плясать съ нимъ, притворяется хромою; потомъ снова пляшетъ съ дружкой, какъ слѣдуетъ.

По поводу этого мужъ, какъ бы обиженный, поетъ пѣсню, въ которой высказываетъ молодой, что онъ будетъ смѣяться на ней, когда она будетъ сидѣть съ курами на насѣсти. Она же отвѣчаетъ ему такой пѣсенкой: «а какъ бы я отказала, если онъ такъ хорошо просилъ и при каждомъ пріятномъ словечкѣ снималъ шапку».

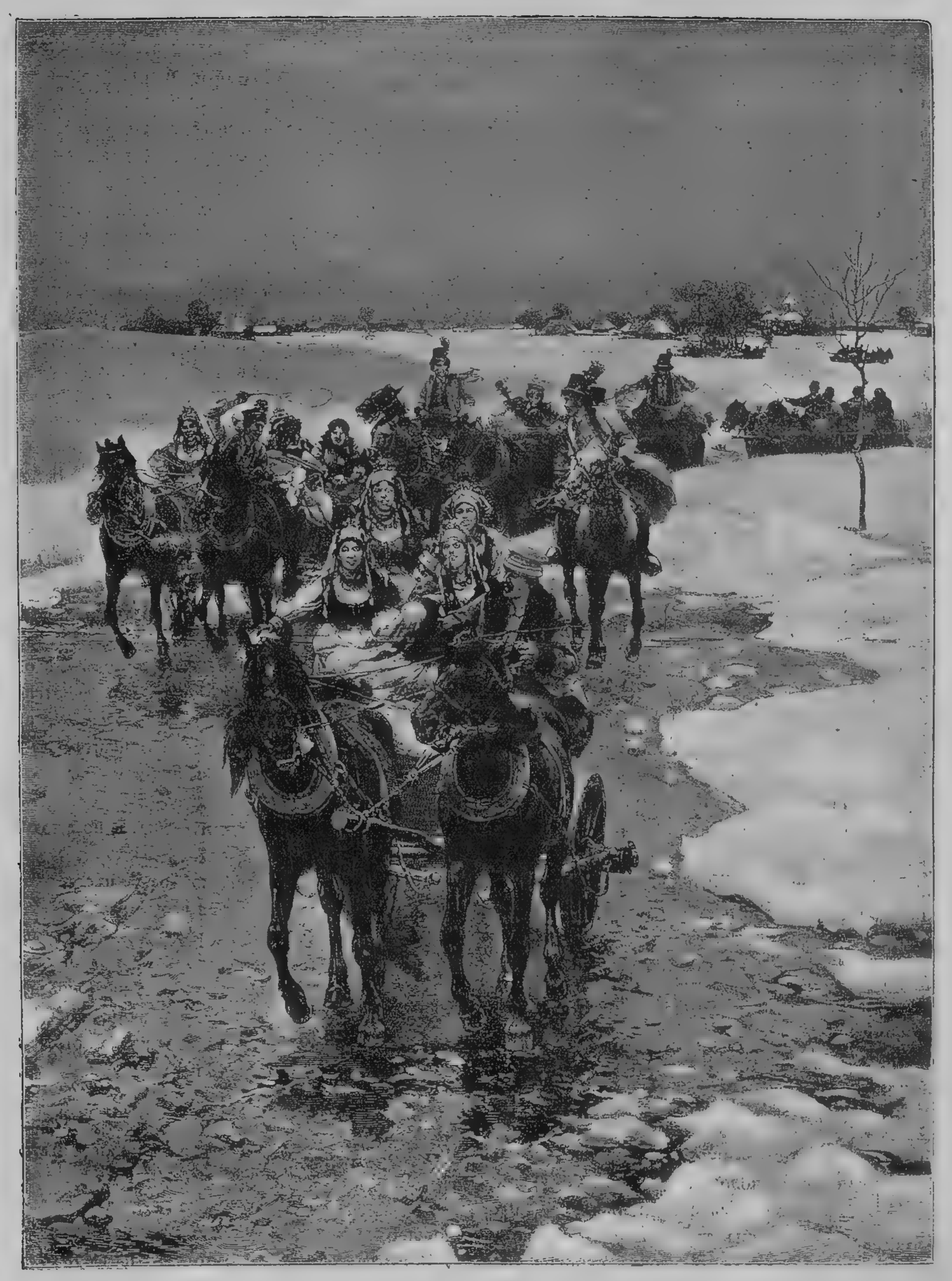
Пѣсня эта продолжается до тѣхъ поръ, пока молодой не скажетъ: «Пойдемъ, жена, со мною!» Тогда молодая подбѣгаетъ къ нему, подаетъ ему руку и начинаетъ плясать малый танецъ. Въ это время молодая поетъ: «что я тебѣ, Яся, обѣщала, то я тебѣ дамъ, дамъ, дамъ. Тотъ левандовой вѣночекъ, что я сняла съ моей головы, я тебѣ его дамъ, дамъ, дамъ, потому что онъ еще у меня».

Этимъ танцемъ оканчивается свадебный пиръ. Но въ прежнее время брачныя пиршества у зажиточныхъ крестьянъ продолжались въ теченіе нѣсколькихъ дней. Въ заключеніе пира, молодой благодаритъ гостей за ихъ посѣщеніе и уводитъ или отвозитъ жену къ себѣ въ домъ.

Такъ справляютъ крестьянскія свадьбы во всей почти Польшѣ, хотя и встрѣчаются при этомъ нѣкоторыя измѣненія въ содержаніи свадебныхъ пѣсенъ. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что старинныя свадебныя пѣсни почти всюду вышли уже изъ употребленія, да и позднѣйшія пѣсни замѣняютъ теперь все чаще и чаще новыми.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по словамъ одного изъ изслѣдователей народнаго польскаго быта, Глогера, существуетъ преимущественно въ зажиточныхъ семьяхъ обычай торговаться о приданомъ, старинное русское «вѣно», и нерѣдко случается, что свадьба разстраивается передъ самымъ обрученіемъ и даже послѣ него, если отецъ невѣсты не въ состояніи представить жениху представить условленной платы. «Вообще,—замѣчаетъ Глогеръ,—ни красота, ни нравственныя качества не имѣютъ среди крестьянства такой важности, какую представляетъ достатокъ невѣсты. Дѣвушкѣ, хотя бы и не красивой, а иногда даже непользующейся доброй славой, но имѣющей корову и хату не приходится долго ждать жениха».

Небольшія уклоненія противъ болѣе общихъ, описанныхъ нами, свадебныхъ обычаевъ заключаются, напримѣръ, въ томъ, что сваты, отправляющіеся къ невѣстѣ, имѣютъ на лѣвомъ плечѣ платки, у дружки же бываетъ два полотенца: одно на плечѣ, а другое замѣняетъ поясъ. Кромѣ того, къ перекинутому черезъ его плечо полотенцу пристегнуты цвѣты и ленты; ленты же располагаются при этомъ такъ, что образуютъ собою вѣнки. У невѣстъ бываютъ свои дружки, называемыя «свахнями». Въ иныхъ мѣстностяхъ дѣйствія дружки, вмѣсто весе-

Сельская свадьба.

лаго и шутливаго оттѣнка, принимаютъ религіозный оттѣнокъ. Такъ, дружка, приглашая собравшихся на свадьбу гостей ѣхать въ костелъ, держитъ въ рукѣ распятіе и въ рѣчи, которую говоритъ при этомъ, упоминаетъ и Христа, и Троицу, и Богородицу, и святыхъ. Послѣ этого, онъ осѣняетъ всѣхъ присутствующихъ крестомъ и окропляетъ ихъ святою водою; затѣмъ уже начинаютси пѣсни и музыка. На пути въ костелъ дружка долженъ объѣхать поѣздъ три раза и передъ каждой повозкой прочитать молитву о томъ, чтобы св. Троица благословила новую брачную чету. Когда поѣздъ подъѣдетъ къ костелу, то дружка останавливается, крестится и объявляетъ, чтобы пріѣхавшіе шли за нимъ въ домъ Господень. Въ костелѣ дружка обводитъ молодыхъ около главнаго алтаря, при чемъ онъ, женихъ и невѣста держатся за концы бѣлыхъ платковъ. По окончаніи свадебнаго обряда въ иныхъ мѣстностяхъ поѣздъ направляется не прямо въ домъ невѣсты, но заѣзжаетъ въ корчму, гдѣ производится угощеніе водкою. Это дѣлается для того, чтобы жители деревни, которыхъ нельзя всѣхъ принять въ хату, могли хоть въ корчмѣ участвовать въ брачномъ пирѣ. Пирушка въ корчмѣ обыкновенно длится обыкновенно около двухъ часовъ. Здѣсь дружка вступаетъ въ свою обычную обязанность: онъ угощаетъ и забавляетъ присутствующихъ. Угощеніе это бываетъ на счетъ дружки, почему, для возмѣщенія своихъ затратъ, онъ, въ концѣ пирушки, разноситъ воду для мытья рукъ и полотенце, чтобъ вытирать ихъ, а ему за это кладутъ на тарелку деньги. Пирушка оканчивается пѣніемъ божественныхъ пѣсенъ.

Мы уже упоминали объ обычаѣ выкупать невѣсту. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обрядъ этотъ исполняется еще болѣе шуточнымъ способомъ. За столъ кромѣ двухъ замужнихъ женщинъ, между которыми сидитъ невѣста, садятся еще женатые мужчины, наряженные жидами, съ нарисованными углемъ усами и бородами. У каждаго изъ нихъ по мѣшку со скорлупою, замѣняющею деньги, и они заводятъ съ женихомъ торгъ о невѣстѣ. Каждый изъ нихъ старается острить, насколько у него хватитъ силъ, и забавляетъ гостей, ведя торгъ о молодой, какъ о телкѣ. При этомъ мать хвалитъ хорошія качества телки, а покупатели, т. е. жиды, стараются указать на ея недостатки; дѣло, однако, кончается тѣмъ, что телочку продаютъ жениху, а евреевъ съ ихъ мѣшками выпроваживаютъ за дверь. Дружка, послѣ покупки, начинаетъ плясать съ невѣстой, но она притворяется хромою, онъ дѣлаетъ видъ, будто сердится и кричитъ, что его обманули при продажѣ.

Но какъ ни разнообразятся свадебныя обрядности въ той или другои мѣстности, но всюду главными ихъ принадлежностями являются пѣсни и пляска.

Въ общемъ очеркѣ невозможно, конечно, перечислить всѣ существующіе у крестьянъ обычаи и обрядности, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ представляются весьма мелочными и соблюдаются только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Къ числу же самыхъ распространенныхъ народныхъ обычаевъ въ Польшѣ, слѣдуетъ отнести такъ называемую «возку колоды» чрезъ всю деревню. Этотъ обычай исполняется въ среду на первой недѣлѣ нашего великаго поста, т. е. съ перваго дня такого же поста у католиковъ. Въ этотъ день женатые и замужнія вытаскиваютъ на улицу колоду или чурбанъ и впрягаютъ въ нее попадающихся имъ на встрѣчу парней, которые не женились въ этомъ году и тѣхъ дѣвушекъ, которыя не вышли замужъ. Тѣ и другіе должны выкупить себя изъ такой запряжки, заплативъ за это деньги. Когда колоду такимъ образомъ дотащатъ до корчмы, то на нее начинаютъ лить воду до тѣхъ поръ, пока содержатель корчмы выкупитъ себя угощеніемъ. Тогда всѣ собравшіеся начинаютъ пѣть и плясать около колоды.

При этомъ поется особая пѣсня, содержаніе слѣдующее: «я ѣду издалека, везу колоду для человѣка, чтобы онъ тащилъ ее въ заговѣнье, чтобы онъ научилъ другихъ, какъ имъ слѣдуетъ поступать: женить своихъ сыновей, а дочерей выдать замужъ. По тому-то намъ и слѣдуетъ тащить колоду, такъ какъ мы не женились. Кромѣ того, для замужнихъ женщинъ есть на этотъ случай особая пѣсня.

Мы уже упоминали о хожденіи мальчугановъ съ пѣтухомъ и «гаикомъ» или пукомъ цвѣтовъ и зелени во время Свѣтлой недѣли и въ такъ называемый «Зеленый праздникъ». «Гаикъ», называемый иначе «маикомъ» (отъ мая мѣсяца), а также и «новымъ лѣтомъ»,—представляетъ собственно поздравленіе съ наступающимъ новымъ лѣтомъ. При хожденіи съ «гаикомъ», мальчики и дѣвочки носятъ большой зеленый сукъ отъ какого нибудь хвойнаго дерева, убранный лентами и разными блестящими побрякушками. На верхушкѣ же этого сука помѣщается кукла, означающая «королеву весны». Дѣти обходятъ съ этимъ праздничнымъ снарядомъ всѣ хаты, поздравляя хозяевъ съ наступленіемъ весны и желая имъ всякаго благополучія. При этомъ они поютъ пѣсенку, въ которой восхваляютъ свой «гайечекъ», упоминая, между про-

Поднесеніе вѣнка хозяину.

чимъ, о томъ, что суровая зима истребила всю травку, но что они все-таки успѣли набрать ея. Въ заключеніе же пѣсни говорится, что хозяйка побрякиваетъ ключами, желая отыскать подарокъ для пришедшихъ къ ней хлопцевъ и дѣвчатъ. Они поютъ эту пѣсню въ сѣняхъ до тѣхъ поръ, пока хозяйка попроситъ ихъ войти въ хату. Никто не отказываетъ въ привѣтѣ поздравляющимъ дѣтямъ, которые получаютъ разныя подачки, а обойдя всѣхъ, они устраиваютъ пирушку въ честь весны.

Намъ остается еще сказать объ исключительно сельскомъ праздникѣ такъ называемыхъ «дожинкахъ» или «окренже». Простой народъ въ Польшѣ, опредѣляя значеніе этого празднества, говоритъ, что въ этотъ день и рабочій, и хозяинъ должны веселиться всего болѣе, поклониться Богу и поблагодарить какъ землю, такъ и людей, приходившихъ на помощь, такъ

какъ въ этотъ день наиболѣе трудолюбивая и исправная изъ жницъ, окруженная своими товарками, подноситъ хозяину нивы вѣнокъ, сплетенный изъ хлѣбныхъ травъ и цвѣтовъ. Вѣнокъ этотъ вѣшаютъ въ сѣняхъ хозяйскаго дома. Подобные же вѣнки, но только меньшихъ размѣровъ бываютъ въ этотъ день надѣты и на головахъ жницъ. Вѣнокъ для хозяина плетутъ сообща всѣ жницы. При этой работѣ старшая жница первая начинаетъ пѣсни, а потомъ поютъ и всѣ другія. Идя полемъ и неся вѣнокъ, жницы продолжаютъ свои пѣсни. Сначала, пѣсни относятся къ работѣ на нивѣ, а потомъ содержатъ въ себѣ похвалы пану. Такъ про него поется, что онъ ѣздитъ какъ воевода, что онъ возвращается съ войны, что подъ нимъ пляшетъ конь, убранный въ золото, что у него цѣлая миса червонцевъ, что у него закромы полны хлѣбомъ, что у него на дворѣ растетъ красная гвоздика, а дѣти у пани—точно соловьи.

Передъ воротами панскаго, или вообще хозяйскаго дома, жницы поютъ особую пѣсню, въ которой просятъ отворить имъ ворота, такъ какъ онѣ несутъ вѣнокъ; приглашаютъ пана выйти на крыльцо и принять отъ дѣвушекъ вѣнокъ изъ калины, пшеницы и ржи, и справить «окренже» при чемъ хозяйку или пани уподобляютъ розѣ.

Хозяинъ же, со всѣмъ своимъ семействомъ, ожидаетъ прихода жницъ на крыльцѣ, беретъ вѣнокъ изъ рукъ принесшей, а взамѣнъ его даетъ ей подарокъ и предлагаетъ угощеніе всѣмъ жницамъ. Послѣ того начинаются пляски, причемъ самая знатная панна не отказывается отъ танцевъ съ наиболѣе почетнымъ хозяиномъ—крестьяниномъ. Танцы эти происходятъ въ комнатѣ, прочія же танцуютъ во дворѣ, при свѣтѣ фонарей. Въ прежнее время такой праздникъ жатвы отличался чрезвычайною веселостью и искреннимъ увлеченіемъ всѣхъ присутствовавшихъ. Въ дни будничные крестьянская жизнь въ Польшѣ, какъ это, впрочемъ и всюду, представляетъ чрезвычайное однообразіе, которое прерывается сборами въ праздничные дни около церкви, а для мужчинъ собственно сходками въ корчмѣ съ поѣздками въ волостное правленіе, гдѣ всегда набираются люди изъ разныхъ сосѣднихъ околицъ.

Если въ преданіяхъ народа отражается до извѣстной степени его историческая жизнь, всегда, впрочемъ, въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ, а въ пѣсняхъ выражаются преимущественно его чувства и игра воображенія, то въ народныхъ сказкахъ господствуетъ преимущественно такая игра и при томъ обыкновенно съ нравственно-поучительнымъ оттѣнкомъ. Народныхъ сказокъ у поляковъ найдется не мало, но особенно замѣчательныхъ въ числѣ ихъ нѣтъ, такъ что сказки или такъ называемыя басни и по поэтическому замыслу, и по изложенію далеко уступаютъ пѣснямъ, которыми смѣло могутъ хвалиться поляки. Кромѣ того, сказки не сохраняются въ своемъ первоначальномъ видѣ, такъ какъ, не имѣя ни стихотворнаго размѣра, ни рифмъ, они произвольно передѣлываются разсказчиками на разные лады. Такое измѣненіе несравненно труднѣе по отношенію къ пѣснямъ, хотя и эти послѣднія обращаются въ народѣ съ болѣе или менѣе существенными варіантами.

Само собою разумѣется, что мы не можемъ приводить здѣсь сказокъ дословно; но, чтобъ дать понятіе объ ихъ сущности,—разскажемъ кратко содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вотъ, напримѣръ, содержаніе одной сказки, имѣющей весьма поучительный для крестьянина смыслъ.

«Одинъ кметокъ, по прозванію Харлакъ, былъ бѣднякъ изъ бѣдняковъ, потому что не только никогда не видалъ въ глаза гроша, но очень часто не имѣлъ и куска хлѣба; о какой же нибудь приправѣ къ хлѣбу и говорить нечего. А тутъ еще, по милости Божіей, или въ наказаніе, у Харлака двѣнадцать человѣкъ дѣтей. Да и самое прозваніе его «харлакомъ» показывало, что житье его было очень ужь горемычно.

Однажды Харлакъ пошелъ пахать въ поле и взялъ съ собою послѣднюю краюшку хлѣба.

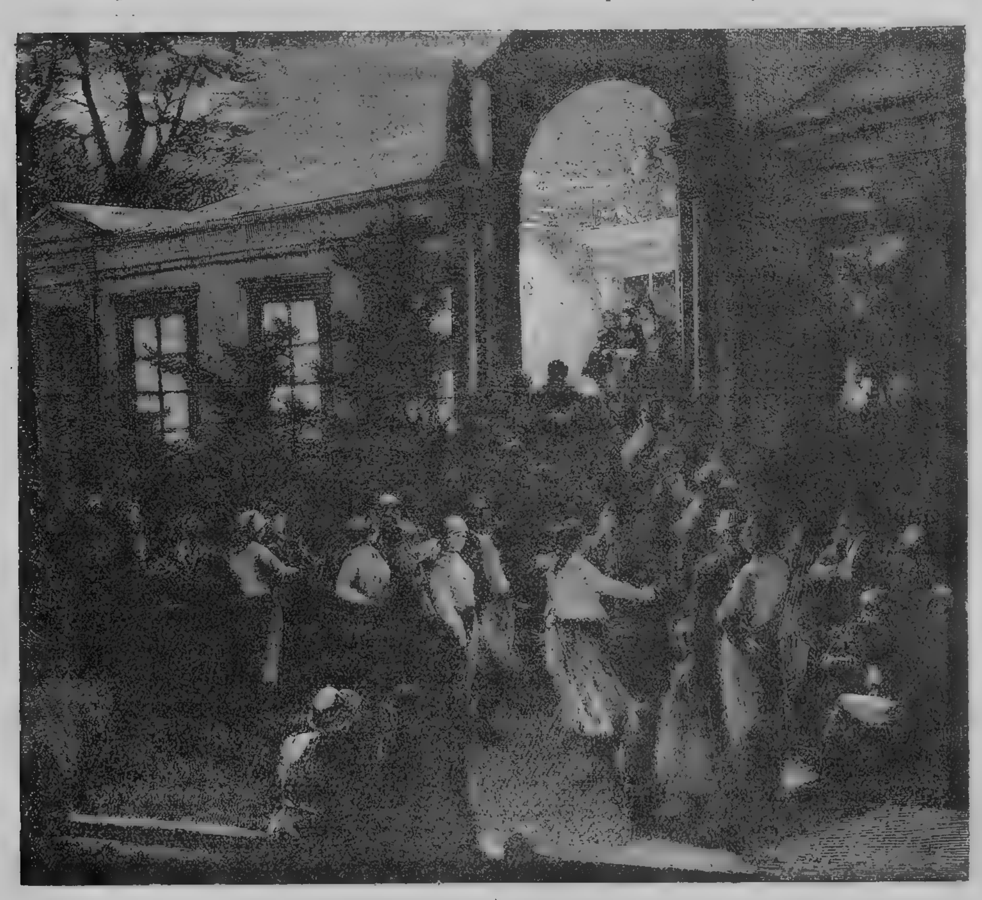
Пахалъ онъ, пахалъ и наступилъ уже полдень. Пустилъ онъ воловъ на траву, а самъ сѣлъ у борозды, взялъ узелокъ, развязалъ его и, увидѣвъ краюшку хлѣба, призадумался. Былъ онъ человѣкъ добрый и отъ всей души любилъ жену и дѣтей. Для нихъ то онъ и работалъ въ потѣ лица своего. Посмотрѣлъ онъ на краюшку хлѣба, вздохнулъ и снова завязалъ узелокъ.

— Потерплю я еще и, быть можетъ, отнесу назадъ хлѣбъ дѣтямъ,—подумалъ онъ.

Въ то время, когда Харлакъ такъ раздумывалъ надъ кускомъ хлѣба, чортъ, невидимый Харлаку, стоялъ около него и думалъ, какую бы штуку продѣлать съ этимъ бѣднягой. Онъ утащилъ хлѣбъ изъ узелка и, сѣвши около борозды, съѣлъ его, а затѣмъ сталъ ожидать, что сдѣлаетъ кметъ, когда не найдетъ украденной у него краюшки.

Долго пересиливалъ Харлакъ мучившій его голодъ. Наконецъ, не вытерпѣлъ, пошелъ къ узелку, взялъ его, развязалъ, а хлѣба не нашелъ.

— Странно, — подумалъ онъ, — никого не было, а краюшка моя пропала. Должно быть,

Дожинки.

ужь слишкомъ голодъ мучилъ того, кто ее укралъ. Пускай ему будетъ на здоровье! Въ одинъ день съ голоду я не умру, а тамъ Богъ милостивъ.

Подумавъ это, онъ перекрестился, прочелъ молитву и побрелъ за плугомъ домой.

— Плохо!— пробормоталъ себѣ подъ носъ дьяволъ, скрежеща зубами.— Укралъ я у него послѣдній кусокъ хлѣба, а онъ, вмѣсто того, чтобъ сердиться и губить свою душу злобою, пожелалъ мнѣ здоровья!

И дьяволъ провалился въ преисподнюю, объявивъ тамъ о случившемся.

— Скверно!—замѣтилъ ему дьяволъ-старшина, и провалившійся дьяволъ за то, что съѣлъ

хлѣбъ —«даръ Божій», былъ приговоренъ каяться въ продолженіе семи лѣтъ. Покаяніе же состояло въ томъ, что провинившійся дьяволъ, въ продолженіе этого срока, долженъ былъ служить Харлаку. Дьяволъ присмирѣлъ, какъ мокрая курица, принялъ на себя видъ странника, пошелъ къ Харлаку и попросился къ нему на службу.

— Куда мнѣ держать батрака!.. Мнѣ и самому ѣсть нечего,—отвѣтилъ ему Харлакъ.

— Я бѣденъ и ты бѣденъ,—возразилъ дьяволъ,—такъ вдвоемъ мы и будемъ горе мыкать; совмѣстно же у насъ работа пойдетъ быстрѣе. Жены и дѣтей у меня нѣтъ, а кожухъ и сермяга у меня еще хороши, лапти я самъ сплету себѣ изъ лыка. По ярмаркамъ шляться не стану, а вдвоемъ, такъ или иначе, а грошъ сколотимъ; будетъ съ меня пока и куска сухаго хлѣба».

Мы привели эту часть сказки дословно съ тѣмъ, чтобы показать складъ самой рѣчи. Сказка эта носитъ чисто народный отпечатокъ, такъ какъ она ограничивается исключительно понятіями польскаго крестьянина и насущными требованіями его сельскаго быта.

Такимъ образомъ бѣсъ уговорилъ Харлака взять его, нечистаго, къ себѣ въ батраки, а то поле, которое запахалъ бѣсъ, разрослось въ густую, зернистую рожь. Всѣ удивились, когда у Харлака оказалось хлѣба вдоволь.

Послѣ того, дьяволъ предложилъ Харлаку запахать и болото, и трясину. Опять-таки, къ удивленію сосѣдей и на этихъ мѣстахъ оказался изобильный урожай. Харлакъ назначилъ жалованье своему батраку, а самъ зажилъ въ полномъ довольствѣ. Засѣялъ послѣ того дьяволъ и горы, и пески. Въ этотъ годъ лѣто было дождливое и потому на низинахъ пропали всѣ посѣвы, тогда какъ на горахъ и пескахъ у Харлака все прекрасно взошло и созрѣло.

— Вотъ теперь то я его поддѣну!—подумалъ дьяволъ. Онъ выдумалъ водку и предложилъ своему хозяину заняться винокуреніемъ, такъ какъ хлѣба у насъ куда какъ много, — объяснялъ дьяволъ.

Развязку предвидѣть не трудно. Дьяволъ вскорѣ споилъ честнаго и трудолюбиваго кметка, который сталъ сильно загуливать и разорился въ конецъ. Съ этихъ поръ, по народному сказанію, появилась на бѣломъ свѣтѣ горѣлка, отъ которой гибнетъ и тѣло и душа крестьянина, какъ отъ дьявольской выдумки.

Другая сказка повѣтствуетъ о судьбѣ одной крестьянской дѣвушки, по имени Галины, которая, разумѣется, была первою красавицею среди своихъ деревенскихъ подругъ, хотя тоже отличавшихся рѣдкою красотою. Разумѣется также, что Галина была дѣвушка бѣдная и, вслѣдствіе этого, дочери зажиточныхъ сельчанъ, конечно, пренебрегали ею, и любили ее только за ея доброту. Въ свою очередь Галина равнодушно поглядывала на деревенскихъ парней, такъ какъ она знала, что они гонялись только за приданымъ. Ворожея, однако, сулила, что еще не минетъ года, какъ Галина выйдетъ замужъ. Всѣ ея гаданья наканунѣ Андреева дня предрекали ей тоже самое. Однажды, когда она съ своими подругами, въ ночь на Ивана, пустила вѣнокъ по рѣкѣ и никто изъ парней не хотѣлъ гоняться и ловить вѣнокъ бѣдной невѣсты, вдругъ явился какой-то молодой витязь, въ блестящихъ доспѣхахъ. Онъ быстро соскочилъ съ коня, схватилъ вѣнокъ Галины, прикрѣпилъ его къ своему плечу и исчезъ, какъ молнія. Только слышался топотъ копытъ его лихаго коня. Галина стояла какъ обезумѣвшая, да и подруги ея долго не могли придти въ себя отъ изумленія. А старый кобзарь сталъ между тѣмъ разсказывать, что пріѣхавшій молодецъ былъ знаменитый рыцарь; что онъ, кобзарь, видѣлъ, какъ этотъ витязь, прежде чѣмъ пустился ловить въ водѣ вѣнокъ Галины, стоялъ, спрятавшись за деревомъ и смотрѣлъ на нее.

Поговоривъ объ этомъ, дѣвушки начали снова рѣзвиться, пѣть пѣсни и плясать около костровъ. Не принимала участія въ этомъ весельи одна только Галина, задумчиво смотря въ ту сторону, гдѣ скрылся витязь.

На другой день народъ, по случаю праздника, потянулся въ костелъ длинной вереницей. Всѣ были нарядно разодѣты, за исключеніемъ одной бѣдной Галины.

Въ это время на широкой полянѣ, растилавшейся передъ костеломъ и усаженной липами, послышался громкій конскій топотъ. Всѣ оглянулись въ ту сторону, откуда онъ несся. Къ костелу подъѣхала богато-убранная позолоченая колымага, а за нею ѣхало множество молодежи верхами. Въ ѣхавшемъ среди нея на бѣломъ конѣ витязѣ узнали того юношу, который наканунѣ поймалъ вѣнокъ Галины. Прочіе же всадники были сыновья сосѣднихъ пановъ и пріѣхали съ нимъ въ качествѣ дружекъ. Дивились, однако, всѣ тому, что въ поѣздѣ не было невѣсты, а у молодаго панича былъ сбоку привѣшанъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Вдругъ сестра его подошла къ Галинѣ и сказала ей: «наклони головку, не бойся; пусть дѣвичій вѣнокъ замѣнитъ тебѣ золотой уборъ». Галина изумилась, не понимая, что могли значить эти слова. Она дрожала, какъ осиновый листъ, а подошедшіе въ это время дружки жениха взяли ее подъ руки и повели на ступени алтаря, гдѣ и поставили ее рядомъ съ ея суженымъ, а старикъ-священникъ объявилъ народу, что сынъ благороднаго и богобоязненнаго пана-старосты женится на той дѣвушкѣ, которую ему указалъ Господь — на бѣдной сироткѣ Галинѣ. Послѣ свадьбы, подруги ея возвращались домой печальныя, пѣшкомъ, а она поѣхала въ золоченой колымагѣ. Въ замкѣ знатнаго старосты справили свадебные пиры, на которые были приглашены односельчане Галины. Пиры кончились, и послѣ нихъ Галина стала, оставаясь въ крестьянскомъ нарядѣ, весело распѣвать деревенскія пѣсенки

Кромѣ такихъ чисто-бытовыхъ, несбыточныхъ, однако, сказокъ, есть въ польскомъ крестьянствѣ и другія сказки, отличающіяся исключительно сильною игрою воображенія. Къ числу такихъ сказокъ принадлежитъ, между прочимъ, сказка о знаменитомъ разбойникѣ Мадайѣ, жившемъ въ лѣсахъ со своей шайкою и наводившемъ ужасъ на всѣ окрестности. Случилось однажды, что какой-то крестьянскій мальчикъ, отецъ котораго, по невѣдѣнію, записалъ чорту его душу, забрелъ какъ-то въ логовище Мадайя. Узнавъ, что этотъ мальчуганъ отправляется въ преисподнюю, Мадай не убилъ его, но только попросилъ посмотрѣть, какая для него, Мадайя, приготовлена на томъ свѣтѣ мука, и возвратившійся мальчикъ сообщилъ, что въ аду для Мадайя приготовлена особая постель, глядя на которую дрожатъ отъ страха сами дьяволы. Разсказъ этотъ такъ напугалъ страшнаго разбойника, что тотъ тутъ же воткнулъ въ землю бывшую у него въ рукахъ палку и сталъ подлѣ нея на колѣни, давъ обѣтъ не вставать съ колѣнъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ разрѣшенія въ своихъ грѣхахъ отъ мальчугана, который объявилъ разбойнику, что онъ хочетъ сдѣлаться ксендзомъ. Прошло не мало годовъ и, наконецъ, прежній мальчуганъ сдѣлался епископомъ. Направляясь однажды въ Ченстохово, епископъ подъѣхалъ къ лѣсу, изъ котораго несся чудный запахъ отъ яблони, и епископъ отправилъ своего маршалка посмотрѣть, гдѣ растетъ такая благоухающая яблоня. Тотъ вскорѣ возвратился и донесъ владыкѣ, что около этой яблони стоитъ на колѣняхъ человѣкъ, ожидающій епископскаго разрѣшенія въ своихъ грѣхахъ. Тогда епископъ вспомнилъ о Мадайѣ и поспѣшилъ къ нему. Епископъ нашелъ бывшаго разбойника стоящимъ на колѣняхъ съ такой длинной сѣдой бородой, которая покрывала всю землю, бывшую подъ яблоней, выросшей изъ палки, поставленной разбойникомъ. Теперь дерево это было покрыто превосходными яблоками. Епископъ сталъ исповѣдывать Мадайя и при каждомъ признаніи разбойника о совершенныхъ имъ когда-то убійствахъ, одно яблоко поднималось въ небо: это была душа убитаго. Оставалось только два яблока, Мадай, наконецъ, признался, что онъ убилъ отца и мать. Епископъ, видя его полное сокрушеніе, отпустилъ ему и этотъ страшный грѣхъ. Тогда оставшіяся на деревѣ яблоки обратились въ двухъ бѣлыхъ голубей, а тѣло разбойника разсыпалось въ прахъ.

Ознакомясь съ главными условіями народнаго быта въ Польшѣ и съ проявленіями умственной жизни польскаго народа, нельзя не признать, что народъ этотъ сохранилъ лучшія основы славянской народности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, развилъ среди себя много самостоятельнаго, выказывающаго хорошія качества ума и сердца. Въ общемъ же, народъ этотъ богато одаренъ отъ природы, талантливъ. Въ силу природной даровитости, польскій народъ, несмотря

на тяжесть общихъ историческихъ условіи, пронесшихся надъ этою страною, несмотря на обдѣленіе его образованіемъ, — тѣмъ не менѣе прямо наперекоръ всевозможнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, самостоятельно, своимъ умомъ добился—какъ мы знаемъ уже—сравнительно культурныхъ условій существованія во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ устройства жилищъ и кончая одеждою, пищею, всѣмъ складомъ собственно народной жизни и бытомъ. Это — самая характерная черта польскаго народа и притомъ—черта весьма даже знаменательная. Очевидно, что народъ этотъ имѣетъ всѣ природные задатки, чтобы безконечно-далеко уйти по пути всяческаго самоусовершенствованія, прогресса и цивилизаціи.

Е. Карновичъ.

ОЧЕРКЪ IX.

ЧЕРТЫ МИНУВШЕЙ ЖИЗНИ.

I. Вѣче.—Роды.—Родоначальники.—Общины.—Земство.—Князь.—Король.—Шляхта.—Владыки.—Сеймъ. — **Liberum veto.** — Элекція.—Стремленіе къ реформамъ.—Преобразованіе государственнаго строя.—Паденіе Польши. — II. Коронація.— Возведеніе въ дворянское достоинство —Обрядъ подчиненія королевской власти вассаловъ.—III. Похороны королей, гетмановъ, вельможъ.—Трауръ. — IV. Гостепріимство.—Пиршества.—Шляхетское угощеніе.—Панскій дворъ.—Посольства къ иностраннымъ государямъ.—Ассистенты.—Ихъ обязанности.—Отеческія наказанія.—Шуты.—V. Дворцы, замки, палаты, дворы.—Ихъ устройство.—Сады, парки, рыбницы.—Иностранные титулы.—Богатства вельможъ.—Маіораты.—Староства и старосты. — Астрологія. — VI. Домъ зажиточнаго шляхтича. — Его обстановка, домашняя жизнь, его средства.—Арендаторы имѣній.—Безземельная и загоновая шляхта. — VII. Религіозныя дѣла. — Инквизиція. — Странствующія братья.—Цензура.—Обрядность.—Анаѳема.—Посты.—Ханжество и кощунство.—Спасающіяся девотки.—VIII. Войска.—Народныя ополченія.—Наемныя войска.—Гетманы.—Воинскіе чины.—Добываніе крѣпостей.—Литейные заводы.—Выдѣлка пороха.—Военная добыча.—Флотъ. — Коммерческія флотиліи.—Гибель польскаго флота.—IX. Ремесленная и мануфактурная дѣятельность.—Выдѣлка оружія.—Суконныя фабрики.—Ювелирное мастерство.—Мѣховая торговля.—Поясы.—Стеклянная фабрика.—Выдѣлка часовъ.—Цехи.—Янтарныя издѣлія.—X. Особенные обряды въ судопроизводствѣ.—Банниты.—Наѣзды.—Положеніе крестьянъ.— Такса за убійства. — XI. Нравственная сторона. — Польская женщина.—Гражданскія супружества.—Городская нравственность. Брачные обряды.—Бани. — XII. Торжества и увеселенія.— Народные барды.—Турниры.—Состязанія на мечахъ.—Скачка черезъ колоды.—Сновидѣнія и предсказанія.—Игра въ кости.—Народныя празднества и зрѣлища.—Силачи.—Травля звѣрей.—Стрѣлецкія общества.—Охота.—Сочельникъ и рождественскіе праздники.—Масленица. — Куликъ.—Веснощная.—Свенцонсе.

„Легче народу присвоить науку, чѣмъ обычаи".

ЛЮБОМИРСКИЙ,

I.

Когда начало слагаться польское государство, въ немъ господствовало общее всѣмъ славянамъ начало—полное подчиненіе родоначальнику. Изъ среды родоначальниковъ избирались старѣйшины на вѣче, которое и рѣшало всѣ общественныя дѣла. Изъ родовъ образовывались общины, общины же положили начало государству. Древне-славянское вѣче было представителемъ государства, въ немъ заключалась главная государственная сила и власть. Какъ родоначальникъ отвѣтственъ былъ передъ выборнымъ начальствомъ общины, такъ и послѣднія были отвѣтственны передъ вѣче. Первоначальная польская гмина, или община, называлась *міромъ,* также какъ и въ новгородской республикѣ. Міръ избиралъ десятниковъ, пятидесятниковъ, сотниковъ и тысячниковъ. Они собственно и составляли общинное начальство, отвѣчали за свой міръ передъ вѣче, какъ верховною властью, отъ рѣшенія которой зависѣли всѣ дѣла.

Такіе именно порядки существовали въ первобытной Польшѣ. Но эта исконная славянская система оказывалась несостоятельною, когда возгорались войны. Ни вѣче, ни общины не могли

руководить войною. Нуженъ былъ одинъ опытный ратный вождь. Его и избирало вѣче; но въ началѣ власть его была подчинена земству, состоявшему изъ двѣнадцати воеводъ, или земскихъ старшинъ, избранныхъ общинами.

Такіе порядки долѣе всего сохранились у балтійскихъ славянъ, тогда какъ въ Польшѣ Пястовъ власть князя скоро стала преобладающею и перешла въ деспотическую. На Поморьѣ древне-славянскій политическій строй существовалъ все время, пока нѣмцы совершенно не поработили этихъ храбрыхъ борцевъ за свободу, тогда какъ въ Польшѣ исконныя, завѣтныя начала самоуправленія были повсемѣстно уже уничтожены княжеско-чиновническими порядками. Хотя родовое общинное владѣніе еще и существовало, но было уже поколеблено въ четырнадцатомъ столѣтіи. Краковскій ученый, докторъ Пѣкосинскій, предполагаетъ, что такой крупный переворотъ могъ послѣдовать только вслѣдствіе чужестраннаго набѣга, лишь временно поработившаго страну и уничтожившаго существовавшіе дотолѣ обычаи внутренняго самоуправленія. Нельзя, однако, не замѣтить, что балтійскіе славяне подвергались неоднократнымъ нападеніямъ и, тѣмъ не менѣе, сохранили свой исконный славянскій строй до конца своего политическаго существованія. Мы думаемъ, что слѣдуетъ искать другой, болѣе серьезной причины этого неразъясненнаго еще многознаменательнаго событія.

Извѣстно, что при Земовитѣ, со введеніемъ христіанства славянскаго обряда, монархическая власть въ Польшѣ стала крѣпнуть; особенно же она усилилась со введеніемъ римско-католическаго обряда, при Мечиславѣ I, подъ конецъ его царствованія, и еще болѣе — при Болеславѣ Храбромъ, на котораго императоръ Оттонъ III, въ Гнѣзнѣ, у гроба св. Войцѣха возложилъ свою корону въ 1000 году. Съ него собственно и начинается рядъ королей польскихъ. Хотя земство номинально еще и существовало, но оно теряло свое значеніе; земскіе старшины принадлежали уже къ королевскому двору и становились орудіемъ въ рукахъ короля. Значеніе міровъ, или общинъ (родовъ), совершенно исчезло и не имѣло никакого вліянія. Члены этихъ родовъ, вполнѣ завися отъ королевскихъ придворныхъ, должны были исполнять всѣ ихъ требованія, замѣняя внутри страны полицейскую, фискальную, отчасти даже судебную власть, въ строго исполнительномъ смыслѣ, не имѣя никакого вліянія на законодательную часть.

При такомъ положеніи дѣлъ, постепенно сила и значеніе привиллегированнаго сословія— шляхты стали возрастать, естественнымъ послѣдствіемъ чего былъ постоянно увеличивающійся гнетъ низшихъ сословій.

Сначала шляхтою назывались только владѣльцы земель; потомъ признавались шляхтою и тѣ, которые, хотя сами не владѣли землею, но происходили отъ земельныхъ владѣльцевъ. Это послѣднее правило сдѣлалось преобладающимъ. Шляхтичемъ могъ быть богатый и бѣдный, какъ владѣющій землею, такъ и не имѣющій недвижимой собственности.

До сихъ поръ не разрѣшенъ вопросъ о значеніи «владыкъ» въ древней Польшѣ. Владыки были извѣстны еще во время языческой Польши. Пѣкосинскій думаетъ, что подъ этимъ названіемъ разумѣли духовныхъ, т. е. языческихъ жрецовъ; Гофманъ же полагаетъ, что владыками именовалась богатая, вліятельная шляхта. Такъ думаетъ и Мацѣевскій, присовокупляя однако, что потомъ знатнѣйшіе вельможи, особенно же состоявшіе въ родствѣ съ королевскимъ домомъ, въ отличіе отъ владыкъ и шляхты стали именоваться панами (магнатами). Значеніе владыкъ уясняется въ послѣдующее время, особенно при Болеславѣ: владыками называлось рыцарское сословіе, владѣющее землею, родовою, по наслѣдству, или полученною за воинскія заслуги. Немногіе изъ нихъ имѣли гербы, а не имѣвшіе считались низшими не только въ отношеніи пановъ, но даже гербовной шляхты. Борьба королей съ панами начинается съ давняго времени. Паны, хотя и называли шляхту своею братіею, но чуждались ея; они ласкали шляхту и привлекали ее къ себѣ только тогда, когда нуждались въ ней, чтобы имѣть своими сторонниками противъ вѣчной оппозиціи королевской власти. Король, понятно, являлся естественнымъ покровителемъ всѣхъ другихъ, нешляхетскихъ сословій; паны же, напротивъ, въ видахъ

собственныхъ интересовъ, стремились къ ослабленію королевской власти. А были короли, которые, въ угоду панамъ, сами способствовали утѣсненію народа и обремененію новыми налогами.

При Болеславѣ Храбромъ мы видимъ, кромѣ пановъ, шляхты, владыкъ, городскихъ жителей, еще большинство населенія изъ людей вольныхъ, владѣльцевъ большихъ и малыхъ участковъ земель, унаслѣдованныхъ отъ предковъ и, наконецъ, рабовъ, или невольныхъ, большею частью изъ военноплѣнныхъ. Число ихъ первоначально не могло быть слишкомъ значительно. Многіе изъ послѣднихъ въ непроходимыхъ лѣсахъ вырубали для себя извѣстное пространство, селились тамъ и такимъ образомъ входили въ составъ общины. Если же такая вырубка производилась въ лѣсахъ владѣльческихъ, то поселенецъ платилъ чиншъ владѣльцу и считался его подданнымъ. Такой обычай существовалъ въ X—XII столѣтіяхъ. Но потомъ, съ теченіемъ времени, при возраставшемъ могуществѣ пановъ, при увеличеніи разныхъ налоговъ, большая часть вольныхъ людей перешла въ разрядъ подданныхъ (крѣпостныхъ).

Подъ конецъ XII столѣтія Длугошъ насчитываетъ семьдесятъ знаменитыхъ панскихъ родовъ, имѣвшихъ большое вліяніе на управленіе краемъ. Число это постепенно возрастало. Шляхта же мельчала, бѣднѣла и поневолѣ должна была выслуживаться передъ панами, вполнѣ завися отъ нихъ. Короли, какъ Болеславъ Смѣлый и въ особенности Казиміръ Великій, умѣли сдерживать самовластіе вельможъ, старались защищать населеніе какъ городское, такъ и сельское, отъ притѣсненій; но и самыя усилія даже такого короля, какъ Казиміръ Великій, не всегда были успѣшны въ виду возрастающаго значенія вельможъ и ихъ неустаннаго стремленія подкапываться подъ королевскую власть.

Казиміръ Великій, слѣдуя древнимъ примѣрамъ, охотно собиралъ высшее духовенство и пановъ для совѣщаній. Въ большинствѣ случаевъ, онъ обуздывалъ заносчивость пановъ. Локетекъ и Казиміръ Великій, несмотря на сопротивленіе со стороны магнатовъ, по собственной волѣ увеличивали даже налоги и заставляли исполнять свою волю. Вообще Казиміръ Великій положилъ довольно прочное основаніе монархической власти въ Польшѣ. Народъ обожалъ его, совѣтовался съ нимъ. Существуетъ легенда, что, когда одинъ крестьянинъ жаловался королю на испытываемыя преслѣдованія со стороны владѣльца, Казиміръ В. сказалъ ему: «добудь огниво, иди въ поле, а тамъ найдешъ кремень; ежели ужь ничто другое, такъ пока это поможетъ». Передавая это извѣстіе Длугошъ присовокупляетъ, что этотъ совѣтъ породилъ въ народѣ обычай поджоговъ владѣльческихъ имѣній. Такъ ли оно было, сказалъ ли это великій король, или нѣтъ, но народъ этому вѣрилъ и вотъ начало польскаго краснаго пѣтуха.

Казиміръ Великій, не имѣя сыновей, назначилъ своимъ наслѣдникомъ племянника своего, Людовика Венгерскаго. Послѣдній, желая привлечь на свою сторону польскихъ пановъ, издалъ въ 1355 году въ Будѣ декретъ, которымъ отказывался отъ всѣхъ, наложенныхъ Локеткомъ и Казиміромъ Великимъ, податей и даней. Это былъ первый случай явнаго потворства и самоуниженія со стороны королевской власти, имѣвшій самыя гибельныя послѣдствія. У Людовика тоже не было потомства въ мужской линіи. Онъ желалъ оставить польскій престолъ дочери своей. И вотъ, чтобы не встрѣтить противодѣйствія со стороны пановъ, понадобились новыя уступки и заискиванія. Въ 1374 году, въ Кошицахъ, Людовикъ, новою грамотою, освободилъ не только отъ новыхъ, но и отъ старыхъ податей и налоговъ, довольствуясь только двумя грошами съ лана, какъ установленіемъ, существовавшимъ съ древнѣйшихъ временъ.

Ягайло, вступивъ на польскій престолъ, былъ въ самыхъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ. Безъ денегъ, безъ средствъ, онъ то и дѣло долженъ былъ обращаться къ великодушію Витовта, который и воспособлялъ ему изъ богатой великокняжеской казны. Но когда наступилъ срокъ уплаты договоренной суммы крестоносцамъ за землю Добржинскую, Ягайло въ 1404 году назначилъ по воеводствамъ съѣзды для выбора пословъ на сеймъ въ Корчинѣ, собственно для распредѣленія платежей по воеводствамъ.

Фактъ этотъ весьма знаменателенъ: это былъ *первый сеймъ* въ Польшѣ, долженствовавшій замѣнить древнія вѣчевыя собранія. Положено было начало польскимъ сеймамъ, безъ всякихъ, впрочемъ, опредѣленныхъ правилъ. Едва въ 1468 году опредѣлено, чтобы каждый уѣздъ избиралъ двухъ пословъ, а въ 1498 году земскіе послы получили болѣе правильную оффиціальную организацію, какъ представители народа на съѣздахъ. Но и теперь еще права пословъ ограничивались исключительно распредѣленіемъ податей. Правильной сеймовой организаціи еще не было. Кромѣ земскихъ пословъ король призывалъ на сеймъ, кого хотѣлъ, и по прежнему оставался неограниченнымъ властителемъ по всѣмъ вопросамъ, подчиняясь только народной волѣ въ отношеніи налоговъ. Но это-то именно обстоятельство и послужило поводомъ къ сеймовымъ неурядицамъ, увеличивало значеніе пословъ, ибо король, оставаясь безъ денегъ, долженъ былъ соглашаться на многія уступки, имѣвшія цѣлію не благо общества, но частные интересы шляхты и въ особенности магнатовъ. О народѣ тогда перестали уже и думать.

Александръ Ягеллонъ *первый* оффиціально наложилъ руку на достоинство и значеніе королевской власти въ Польшѣ. Въ 1505 году онъ подписалъ статутъ, которымъ король лишался права предпринимать что либо безъ общаго согласія сейма, т. е. земскихъ пословъ.

До этого времени, какъ мы уже знаемъ, сеймъ имѣлъ опредѣленное назначеніе распредѣлять подати. Были случаи, когда король вынужденъ былъ своимъ стѣснительнымъ положеніемъ, или по безхарактерности, какъ напр. Ягайло, соглашаться на разныя уступки, но не въ силу права. Теперь же статутъ Александра ставилъ короля въ зависимое положеніе отъ сейма, которому присвоивалось право руководства по всѣмъ дѣламъ и рѣшенія всѣхъ вообще государственныхъ вопросовъ. Главное же несчастіе состояло въ томъ, что представительною властью оставалась исключительно одна только шляхта. Всѣ прочія сословія не имѣли доступа въ сеймъ. Статутъ Александра, предоставляя широкія права земскимъ посламъ, не указалъ такихъ началъ, которыя бы поддерживали достоинство верховной власти, которыя бы заставляли заботиться о благосостояніи другихъ сословій. Еще печальнѣе то, что вся сила сеймовыхъ собраній заключалась въ требованіи единомыслія при разрѣшеніи вопросовъ, а это-то единомысліе и породило извѣстное «liberum veto», открывавшее возможность каждому послу разрушить, или *сорвать* сеймъ, когда ему вздумается. Это «liberum veto» было началомъ всѣхъ бѣдствій, которымъ подвергалась потомъ Польша, и самой ея гибели. Знаменитый польскій патріотъ, Ѳаддей Чацкій, справедливо замѣчаетъ, что сеймъ 1505 года одинаково поразилъ апоплексическимъ ударомъ и короля Александра, и всю Рѣчь Посполитую. Безурядица на сеймахъ началась еще со временъ Ягайлы. Статутъ Александра нельзя даже считать прочною законодательною мѣрою, которая бы ограждала отъ злоупотребленій. И мы видимъ, что сеймовые безпорядки, за нѣкоторыми исключеніями, продолжались въ теченіе всего періода царствованій Ягеллоновъ. Еще въ 1420 г. на сеймѣ въ Ленчицѣ, былъ преданъ суду краковскій епископъ Войцѣхъ Ястржембецъ за то, что подписалъ обидный для Польши договоръ съ императоромъ во Вроцлавѣ, вопреки данной ему инструкціи. Но едва сеймъ приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла, какъ шайка вооруженныхъ сторонниковъ епископа ворвалась въ сеймовый залъ и разогнала пословъ. Самъ король долженъ былъ бѣжать во внутренніе покои. Точно также въ 1459 г. на сеймѣ въ Петрковѣ Гитвянскіе, Тарновскіе, Мельштинскіе произвели страшные безпорядки. И такихъ примѣровъ можно бы привести очень много.

Сеймовыя злоупотребленія, упорное пристрастіе къ «liberum veto», которое называли «золотою вольностію шляхты», происходили собственно отъ преобладанія высшаго сословія, магнатовъ, отъ которыхъ зависѣла мелкая шляхта. Къ чести польскаго народа надобно замѣтить, что, какъ мы увидимъ ниже, во всѣ времена, съ памятнаго 1505 г., были люди, которые громко протестовали противъ этихъ злоупотребленій и требовали уничтоженія «liberum veto»; но борьба была почти не возможна. Такой государственный строй, влагавшій въ руки магнатовъ орудіе для борьбы съ королевскою властію, нравился и иностраннымъ державамъ,

Царская прогулка въ XVIII столѣтіи, — картина Яна Хелминскаго.

какъ весьма пригодный для нихъ; магнаты же то и дѣло прибѣгали къ ихъ помощи, чтобы осуществить свои затаенные замыслы; отсюда подкупы, насилія, безчинства всякаго рода. Какъ пагубно было для страны, для ея будущности это «liberum veto», хорошо сознавали Сигизмундъ Августъ, Баторій, Владиславъ IV, Августъ II; сознавали это и лучшіе люди въ Польшѣ, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, писатели, ученые и нѣкоторые изъ высшихъ сановниковъ. Чѣмъ болѣе созрѣвало въ народѣ сознаніе о грозящей гибели отечеству, чѣмъ болѣе употреблялось усилій къ уничтоженію такого порядка, тѣмъ настойчивѣе становились вмѣшательства сосѣдей. Когда же народъ созрѣлъ настолько, что могъ начать открытую борьбу, могъ согласовать дѣйствительныя свои нужды съ человѣколюбіемъ и упрочить свою будущность на незыблемыхъ основахъ законности, совершенно измѣнивъ отжившій государственный строй, — тѣ-же державы, видя, что интриги и происки болѣе не мыслимы, прибѣгли къ насилію — и поглотили бѣдный народъ.

Пока царствовали Ягеллоны, сеймовыя злоупотребленія, хотя и повторялись часто, все же не были слишкомъ чувствительны для государства. При всей заносчивости и своеволіи польскихъ магнатовъ, короли Ягеллоны всегда находили поддержку въ родной Литвѣ и Руси; Литва съ Русью были богаче, сильнѣе духомъ и твердостью характера, неподкупностью. Умеръ послѣдній Ягеллонъ, и самые завзятые сторонники «liberum veto» содрогнулись, не умѣя ясно опредѣлить своего положенія. Статутъ короля Александра не давалъ никакихъ положительныхъ указаній на счетъ избранія короля. Послѣдующія конституціи ничего не внесли по этому предмету. Смерть Сигизмунда Августа открывала широкое поле дѣятельности иностраннымъ самолюбіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и всякаго рода проискамъ внутри страны. Броженіе умовъ было общее. Никто не зналъ, съ чего начать и что дѣлать. Шляхта стала съѣзжаться по областямъ для совѣщаній: малополяне—въ Краковѣ, великополяне—въ Ловичѣ, галичане—въ Глинянахъ, близъ Львова; литвины и бѣлоруссы—въ Вильнѣ, въ Несвижѣ и другихъ мѣстахъ. Малополяне стали уже хозяйничать; учредили надзоръ надъ королевскими регаліями; постановили отправить войска для обезпеченія границъ отъ непріятельскихъ нападеній и т. д. Мѣры эти были вполнѣ соотвѣтственны въ такое переходное время; но малополяне не имѣли на то никакого права; правителемъ государства, или какъ бы представителемъ королевской власти, во время междуцарствія считался примасъ, архіепископъ гнезненскій, которымъ былъ тогда Уханьскій. Великополяне обидѣлись этими распоряженіями и издали циркуляръ, чтобы шляхта ополчилась и была наготовѣ на случай войны, которая могла возгорѣться внутри страны. На Волыни и Подоліи пошли еще дальше: предписали старостамъ блюсти порядокъ, а нерадивыхъ подвергать смертной казни. Литва сидѣла тихо. Но изъ Литвы ѣздили послы въ Москву, сначала Воропай, а потомъ Гарабурда, и вели переговоры съ Іоанномъ IV о предоставленіи литовскаго престола сыну его Θеодору, на что, какъ извѣстно, Іоаннъ не согласился. Примасъ недоумѣвалъ и не зналъ, что дѣлать, съ чего начать. Такъ прошло шесть мѣсяцевъ.

Наконецъ Литва обратилась къ примасу съ совѣтомъ: оставить эту опасную игру въ междуцарствіе и приступить къ избранію короля. Тогда примасъ созвалъ сеймъ изъ всѣхъ областей въ Варшавѣ. Когда послы съѣхались, прежде всего слѣдовало рѣшить вопросъ, кто будетъ избирать короля: сенатъ, посольская палата или вся шляхта? Послѣ продолжительныхъ споровъ и пререканій, по предложенію Яна Замойскаго, молодого посла, будущаго знаменитаго сподвижника Стефана Баторія, вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу шляхты, т. е., что каждый шляхтичъ имѣетъ право быть избирателемъ. Тогда-же составлены были «pacta conventa» и опредѣлено, что и на будущее время только такимъ образомъ могутъ производиться выборы короля. Близъ Варшавы воздвигли трибуны для сенаторовъ, коло, или амфитеатръ для пословъ, и назначили особое мѣсто для шляхты, которая отовсюду собралась во множествѣ и расположилась лагеремъ (обозомъ). Первая эта «элекція», т. е., выборы короля, прошла спокойно. Поляки сами были поражены этою новостью; каждый шляхтичъ гордился тѣмъ, что онъ изби-

раетъ короля. Самая обстановка этого сейма, подъ открытымъ небомъ, сенатъ, послы, болѣе ста тысячъ шляхты внушали уваженіе къ этому своего рода священнодѣйствію. Генрихъ Валуа избранъ былъ почти единогласно.

Совсѣмъ иначе прошли вторые выборы. Десять мѣсяцевъ продолжалось междуцарствіе, послѣ бѣгства Генриха. Повсюду водворилась страшная анархія. Когда настало время выборовъ, образовались двѣ сильныя партіи: австрійская и Замойскаго, который предлагалъ князя Седмиградскаго. Дѣло дошло до кровавыхъ столкновеній и обѣ партіи избрали себѣ королей: сына императора Максимиліана и Стефана Баторія. Послѣдній предупредилъ своего соперника, пріѣхалъ въ Краковъ и короновался.

Эти выборы открыли всѣмъ глаза. Ясно было, что такой порядокъ продолжаетъ только смуту, открываетъ путь къ подкупамъ, ко всевозможнымъ злоупотребленіямъ. Новый король сознавалъ это лучше всѣхъ и въ первую же минуту рѣшилъ, что необходимо уничтожить такую систему.

Одинъ изъ самыхъ доблестныхъ королей Польши, до сихъ поръ еще недостаточно оцѣненный, Сигизмундъ-Августъ, предчувствовалъ тѣ бѣдствія, какія могутъ произойти отъ избирательной системы. Сигизмунду-Августу долгое время пристрастные историки приписывали жалкую роль, считая его изнѣженнымъ, сластолюбивымъ, неспособнымъ нести бремя правленія. Изъ польскихъ историковъ, первый Іуліанъ Бартошевичъ подвергъ его дѣянія болѣе справедливой исторической критикѣ и нашелъ въ немъ, какъ въ государѣ, такія достоинства, какими отличались весьма немногіе изъ польскихъ королей. Также смотритъ на него съ польской точки зрѣнія профессоръ Шуйскій и свои выводы основываетъ на непреложныхъ данныхъ, какія доставляютъ неизвѣстные прежде дневники сеймовъ и другіе документы, имъ же изданные. Изъ этихъ новыхъ данныхъ легко убѣдиться, сколько необходимо было ума, ловкости, твердости и силы воли, чтобы обуздывать волнующееся шляхетское море, поддерживать достоинство монарха среди людей, открыто возстававшихъ противъ его власти, посягавшихъ даже на семейное счастье своего короля. Этотъ же король, на сеймахъ въ Петроковѣ и потомъ въ Андрушевѣ, предлагалъ обсудить законъ избранія короля и отъ себя предложилъ проектъ новыхъ установленій. Произошелъ страшный скандалъ. Одинъ изъ пословъ, Дрогаевскій, бросился съ тростью на маршала Чарнковскаго; не дослушали даже до конца проекта и отвергли его. Въ 1582 г., Стефанъ Баторій, основываясь на упомянутомъ проектѣ Сигизмунда-Августа поручилъ своимъ министрамъ составить подобный же проектъ законоположенія, а Замойскій прочелъ его въ сеймѣ. Послѣдствія были такія же, какъ и прежде. Послы сочли это посягательствомъ на свои права; произошелъ такой неистовый крикъ, что пришлось прекратить засѣданіе. Баторій не возобновлялъ уже попытки убѣдить пословъ и снискать ихъ согласіе; полагаютъ, что онъ разсчитывалъ впослѣдствіи употребить болѣе серьезныя мѣры, и вѣроятно достигъ бы своей цѣли, еслибы смерть преждевременно не прекратила его дней.

Послѣ смерти Баторія, избраніе Сигизмунда III нельзя назвать иначе, какъ кровавымъ. На выборахъ сторонники Замойскаго и врага его Зборовскаго явились вполнѣ вооруженными, даже съ пушками. Началось кровопролитіе, примасъ и епископъ Куявскій объявили каждый своего кандидата королемъ, наконецъ, партія Сигизмунда III побѣдила и вручила ему окровавленный скипертъ.

Въ 1589 г. тотъ же Замойскій опять представилъ сейму проектъ новыхъ постановленій объ избраніи короля, но и на этотъ разъ успѣха не было, впрочемъ главнымъ образомъ по причинѣ оппозиціи со стороны духовенства, требовавшаго включенія статьи въ законоположеніе, чтобы избранный въ короли непремѣнно былъ прирожденнымъ римскимъ католикомъ, не перешедшимъ въ католицизмъ изъ другого исповѣданія: иновѣрцы, тогда еще многочисленные, воспротивились этому.

Конституція 1607 г. утвердила разъ навсегда выборы королей на прежнихъ основаніяхъ.

Послѣ этого, дѣло реформы, необходимость которой была сознаваема весьма благомыслящими людьми, надолго было оставлено. Есть однако отнованіе предполагать, что Владиславъ IV тоже никогда ни однимъ словомъ не упомянулъ о своихъ планахъ, имѣя твердое намѣреніе ввести реформу хотя бы вооруженною силою. Никогда шляхта такъ не боялась за свои вольности, какъ при этомъ мужественномъ королѣ. Но и онъ не успѣлъ ничего сдѣлать, лишенный на сеймѣ 1646 г. права, безъ соизволенія сейма, заключать договоры, объявлять войну, содержать подъ своею личною командою наемныя войска. Положено было, что у короля можетъ быть только 1200 ч. королевской гвардіи.

Мы уже знаемъ, что всѣ выборы королей были бурны, что на нихъ народъ проливалъ кровь, что буйство и неистовство доходило до крайныхъ предѣловъ; но выборы 1669 г., послѣ отреченія отъ престола Іоанна Казимира, превосходятъ все, когда либо происходившее. Великій гетманъ, Янъ Собѣсскій, желалъ избрать французскаго принца, Конде; шляхта сопротивилась этому. И вотъ на полѣ, гдѣ должны были происходить выборы, является сто тысячъ буйной, разъяренной шляхты, подстрекаемой своими вожаками, подкупленной, пьяной и дерзкой. Никто не въ силахъ были удержать ее, сохранить хоть какой-нибудь порядокъ. Когда сенатъ и посольское коло разсматривали права кандидатовъ, неистовыя толпы атаковали сенаторскую галлерею и посольское коло и разогнали ихъ. Раздались выстрѣлы, пули засвистѣли, попадали мертвые. Множество раненыхъ; всѣ спѣшили укрыться въ городѣ. Такъ закончился первый день выборовъ. На другой день, молодой, блѣдный, тщедушный баричъ, во время литургіи въ костелѣ піаровъ засыпаетъ передъ иконою св. Андрея. Онъ видитъ во снѣ, что св. Андрей возложилъ на него королевскій вѣнецъ. Проснувшись онъ разсказываетъ свой сонъ друзьямъ; тѣ спѣшатъ передать разсказъ толпамъ; толпа бѣжитъ взглянуть на юношу и узнаетъ, что это князь Михаилъ Вишневецкій, сынъ разореннаго казаками гетмана Іереміи, бѣдный юноша, жившій подаяніемъ отъ Людовики Маріи, супруги короля. Толпа схватываетъ его и торжественно ведетъ на избирательное поле: онъ упирается, плачетъ, громко заявляетъ, что не хочетъ быть королемъ, но это не помогаетъ: его ведутъ. А тутъ еще и новое чудо: видятъ голубя, парящаго надъ сенаторскою галлереею, орла надъ посольскимъ коломъ, рой пчелъ надъ Ленчицкимъ воеводствомъ. Чего же болѣе? «Чудо, чудо!—кричитъ толпа. — Да здравствуетъ король Вишневецкій»! Напрасно онъ отказывается, сознавалъ, что не достоинъ королевскаго вѣнца: его везутъ въ Краковъ и коронуютъ. Всѣ планы и надежды первыхъ сановниковъ королевства, даже самаго Собѣскаго, разрушены: буква закона исполнена, король избранъ.

Кто хоть нѣсколько знаетъ исторію Польши, тому извѣстно, какъ грустны, тяжелы были послѣдствія этого избранія. Этотъ случай образумилъ и большинство магнатовъ. Они почувствовали, что такого рода зависимость отъ пьяной, разъяренной и темной толпы можетъ парализовать всѣ ихъ планы. И вотъ на сеймы 1670 г. опять выступаетъ вопросъ объ избраніи королей. Дѣло глубоко обдумывается, принимаются суровыя мѣры, чтобы заручиться успѣхомъ. Всѣ понимали, что совершенно уничтожить пагубное «nie pozwalam» (не согласенъ) еще не время, что невозможно еще ввести правило, чтобы большинство голосовъ рѣшало дѣло; поэтому придумали устроить такъ, чтобы на будущее время «liberum veto» было провозглашаемо только въ сенатѣ, который разсуждалъ, имѣетъ ли оно основаніе, или нѣтъ, а ежели бы даже и имѣло, то во всякомъ случаѣ не могло уничтожить уже одобренныхъ постановленій. Чтобы провести эту реформу, опять таки требовалось единомысліе, а потому всѣ присутствовавшіе принимали присягу, что, при рѣшеніи вопроса о введеніи этихъ реформъ, не произнесутъ разрушительнаго «nie pozwalam». Дѣйствительно, дѣло вполнѣ уладилось: всѣ согласились, составили протоколъ и уже приступили къ подписи, какъ вдругъ одинъ изъ присягнувшихъ, подольскій посолъ, Жабокржицкій, нарушилъ данную клятву, произнесъ роковое слово, «сорвалъ» сеймовое собраніе —и дѣло рухнуло. Жабокржицкій, какъ полагали въ то время, былъ подкупленъ нѣкоторыми изъ магнатовъ, которымъ и такая умѣренная реформа была не на руку.

Къ счастію для короля Михаила, несчастнаго, на тронѣ, несчастнаго въ семейной жизни (онъ былъ женатъ на австрійской принцессѣ), черезъ четыре года онъ умеръ. Богатырь-гетманъ, побѣдитель турокъ, любимецъ народа, Янъ Собѣсскій, единогласно избранный послѣ него на престолъ, казалось, самою исторіею былъ назначенъ, чтобы провести столь желанную реформу престолонаслѣдія. Вышло, однако совсѣмъ иначе. Едва чтимый народомъ гетманъ сталъ королемъ, магнаты и люди самые близкіе отшатнулись отъ него. Происки, зависть, личная вражда не допустили, чтобы и сынъ его, Іаковъ, вполнѣ достойный престола, наслѣдовалъ послѣ отца.

Съ этого времени начались неизбѣжныя вмѣшательства иностранныхъ дворовъ въ избраніе королей. Саксонскій курфирстъ, Фридрихъ Августъ, является на престолѣ подъ именемъ Августа III. Современники считали его посягателемъ на шляхетскія вольности. Такъ это и было въ дѣйствительности, но только въ планахъ, въ предначертаніяхъ; въ дѣйствительности же обстоятельства не дозволили и ему совершить реформы. Опытъ доказалъ, что реформы могутъ быть производимы только посредствомъ государственнаго переворота, конечно насильственнаго, при содѣйствіи войска. У Августа были свои войска, саксонскія. Былъ у него и свой фельдмаршалъ, Флемингъ, человѣкъ необыкновенный энергіи, умный, ловкій дипломатъ. Онъ то и составилъ глубокомысленный проектъ, какъ провести дѣло. Саксонскія войска ненавидѣли въ Польшѣ. Флемингъ потворствовалъ имъ, быть можетъ, даже подговаривалъ къ нѣкоторымъ злоупотребленіямъ. Ему нужно было довести до столкновенія, въ увѣренности, что регулярное войско непремѣнно побѣдитъ. Въ то же время Флемингъ предполагалъ сильно подѣйствовать на шляхту, свалить всю бѣду на магнатовъ и дать дѣлу такой оборотъ, чтобы народъ просилъ у короля защиты. Тогда и могло бы совершиться желанное coup d' etat. Проектъ этотъ найденъ въ тайномъ архивѣ Августа II и напечатанъ въ наше время графомъ Рачинскимъ. Главныя основанія предполагавшихся реформъ заключались въ учрежденіи наслѣдственности престола, въ уничтоженіи «liberum veto», въ рѣшеніи вопросовъ большинствомъ голосовъ и вообще—въ учрежденіи такой конституціонной монархіи, которая, гарантируя права и свободу жителей, не лишала бы и короля самостоятельности. Несомнѣннно, что планъ Флеминга, которому вполнѣ сочувствовалъ Августъ II, могъ быть осуществленъ. Но Августъ II медлилъ, выжидалъ, а тутъ вспыхнула шведская война, явился на сцену Лещинскій. Петръ Великій, являясь защитникомъ Августа, успѣлъ привлечь на свою сторону не только магнатовъ, но и конфедератовъ тарноградскихъ, возставшихъ противъ Августа. Конфедераты обратились къ Петру, прося принять ихъ подъ свою защиту. Петръ,—какъ пишетъ бесѣдовавшая съ нимъ въ Данцигѣ (Гданскѣ) жена великаго гетмана коронпаго, Сѣнявская, — относился къ конфедератамъ весьма неуважительно, называлъ ихъ просто «дураками», тѣмъ не менѣе не отказывалъ имъ въ своемъ покровительствѣ, но въ то же время не прерывалъ добрыхъ отношеній и съ Августомъ II, съ которымъ онъ любилъ въ Биржахъ, въ Гданскѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они съѣзжались покутить, находя въ немъ отличнаго собутыльника. Петръ Великій не хотѣлъ вмѣшиваться въ споры между королемъ и конфедератами, но тѣмъ не менѣе послалъ въ Польшу Долгорукаго съ войскомъ. Король оказался виновнымъ, и ему приказано было отказаться отъ мысли ввести наслѣдственный престолъ, а главное—немедленно вывести изъ Польши саксонскія войска. Сеймъ 1717 г. съ радостью подтвердилъ эти требованія, а въ слѣдующемъ году постановилъ, что «liberum veto» должно быть признаваемо не только на сеймахъ, но даже и во время провинціальныхъ народныхъ собраній (на сеймикахъ). Такъ дѣло реформы и кончилось ничѣмъ. Съ этого-то времени и начинается постоянная опека, постоянное вмѣшательство Россіи въ дѣла Польши, дни которой были уже сочтены.

Сынъ Августа II однако былъ избранъ на польскій престолъ послѣ смерти отца, но именно благодаря поддержкѣ со стороны императора Карла VI и императрицы Анны Іоанновны. Царствованіе Августа III прошло въ постоянной борьбѣ со вновь образовавшейся въ

Польшѣ сильной партіей, прозванною «фамиліей», такъ какъ члены ея, главные дѣятели, Чарторыжскіе и Понятовскіе, состояли между собою въ родствѣ. Фамилія имѣла ту же цѣль, именно, сдѣлать престолъ наслѣдственнымъ, уничтожить въ сеймѣ «liberum veto», поднять достоинство королевской власти и ограничить своеволія магнатовъ. Къ этому не мѣшаетъ прибавить, что Чарторыжскіе, заботясь дѣйствительно о благѣ страны, не исключали однако мысли, чтобы одинъ изъ ихъ членовъ вступилъ на престолъ послѣ смерти Августа III, или даже и при жизни его: такъ какъ стремленіе низвергнуть его съ престола было извѣстно всѣмъ. Какъ при Августѣ II конфедерація тарноградская прибѣгла къ покровительству Петра Великаго, такъ теперь «фамилія» обратилась къ императрицѣ Екатеринѣ II, прося ея покровительства и помощи. Екатерина охотно обѣщала имъ свое покровительство, и сдержала слово. Когда умеръ Августъ III, когда примасъ Лубенскій созвалъ конвокаціонный сеймъ, на которомъ именно и предполагала фамилія предложить къ разрѣшенію составленный проектъ реформы, то на сеймъ обѣ главныя партіи, республиканская и монархическая, прибыли съ значительными отрядами войска; первая имѣла во главѣ великаго гетмана короннаго Браницкаго и войска, состоявшія подъ его начальствомъ; вторая же партія, т.-е. Чарторыжскихъ, находилась подъ прикрытіемъ отряда русскихъ войскъ, ими же приглашенныхъ. Чарторыжскіе воображали, что этимъ средствомъ они достигнутъ своей цѣли. Войска гетмана, видя чужой войско, удалились. Гетманъ протестовалъ противъ такого посягательства на права и свободу Рѣчи Посполитой и самъ уѣхалъ со своими сторонниками. Это развязало руки Чарторыжскимъ. Они и внесли свой проектъ преобразованій, совѣтуясь обо всемъ съ русскимъ посланникомъ Кайзерлингомъ. Необходимо замѣтить, что проектъ заключалъ въ себѣ много полезныхъ и благотворныхъ преобразованій, главное же—огражденіе крестьянъ отъ своеволія и притѣсненій владѣльцевъ; но когда дѣло коснулось уничтоженія «liberum veto»,—посолъ русскій и прускій прямо заявили, что они никогда не допустятъ до этого. Такъ рушилась послѣдняя надежда польскихъ патріотовъ. Екатерина II однако оказала особенную милось фамиліи: при ея покровительствѣ, точнѣе—прямо по ея приказанію, а польскій престолъ былъ избранъ лично и очень близко извѣстный ей, младшій изъ членовъ фамиліи, Станиславъ Августъ Понятовскій, бывшій предъ тѣмъ въ Петербургѣ и пользовавшійся особенными милостями императрицы.

Мы не станемъ говорить о послѣдующихъ сеймахъ. Сеймы и все на нихъ происходившее, хорошее и дурное, не могутъ быть уже отнесены къ непосредственному проявленію народное воли. Сеймы и послы были уже подъ опекою и должны были руководствоваться волею иностранныхъ пословъ, управлявшихъ Польшею и зорко слѣдившихъ, чтобъ не допустить даже и рѣчи объ измѣненіи губившаго Польшу «liberum veto», или порядка престолонаслѣдія. Судьба Польши была уже рѣшена.

Возвратимся еще разъ къ прежнимъ сеймамъ, чтобы привести нѣсколько фактовъ, доказывающихъ, какъ пагубно было для государства безсмысленное «nie pozwalam»

Въ 1652 году, когда на сеймѣ разсматривались дѣла особенной важности и настроеніе пословъ было такъ гармонично, что благопріятное разрѣшеніе дѣлъ казалось несомнѣннымъ, упитскій посолъ, Сицинскій, протестовалъ противъ постановленій сейма и такимъ образомъ сорвалъ сеймъ. Голосъ одного человѣка сразу разрушилъ усилія всей корпораціи, направленныя ко благу страны. Послѣдствія этого братоубійственнаго дѣянія были ужасны: ему собственно приписываютъ пораженіе подъ Батогомъ и отпаденіе казаковъ отъ Польши. Конечно Сицинскій былъ только орудіемъ въ рукахъ лицъ, изъ личныхъ видовъ жертвовавшихъ благомъ отечества.

Оппозиціонная партія, предчувствуя намѣренія Августа II произвести государственный переворотъ, постоянно разрушала сеймы, срывала нѣкоторые даже въ самомъ ихъ началѣ. Въ царствованіе Яна Собѣсскаго сорвано два сейма, при Августѣ III—семь. Въ 1688 посолъ Домбровскій первый далъ примѣръ срывать сеймы, даже до открытія ихъ дѣйствій, т.-е. еще передъ выборомъ маршала.

Если существовало зло, если сильные притѣсняли слабыхъ, если изъ тщеславія перечили самымъ благимъ начинаніямъ верховной власти, то, съ другой стороны, много было и доблестныхъ примѣровъ самоотверженной, пламенной любви къ отечеству. Утѣшительно, наконецъ, что во всѣ вѣка существованія Польши, по воспослѣдованіи столь гибельнаго для нея постановленія о сеймахъ, не одни короли, (Сигизмундъ Августъ, Стефанъ Баторій, Владиславъ IV и Августъ II), но и нѣкоторые изъ вельможъ возставали противъ этой пагубной организаціи, а также были люди, незанимавшіе высокихъ и почетныхъ должностей, писатели, ученые, проповѣдники, которые не стѣснялись клеймить злоупотребленія магнатовъ позоромъ; были и политическіе дѣятели, желавшіе преподать способъ, какъ выдти изъ такого ненормальнаго положенія. Еще въ первой половинѣ XV столѣтія прославился на этомъ поприщѣ Филиппъ Buonocotti, извѣстный болѣе подъ именемъ Каллимака. Итальянецъ родомъ, съ юныхъ лѣтъ жившій въ Польшѣ, сначала на Покутьѣ, у Фанни Свѣнтоховны, потомъ при дворѣ архіепископа Григорія изъ Санока,—онъ снискалъ извѣстность какъ ученый, получилъ мѣсто учителя (вмѣстѣ съ Длугошемъ и Вельсемъ) сыновей Казимира-Ягеллона и, наконецъ, былъ назначенъ секретаремъ при королѣ. Пользуясь особенною милостію короля, несмотря на зависть его окружавшихъ (особенно Длугоша), онъ составилъ совѣты для своего воспитанника королевича Яна Альбрехта, о необходимости разныхъ реформъ въ Рѣчи Посполитой. Каллимакъ совѣтовалъ совсѣмъ уничтожить польское учрежденье—сеймы которые еще недавно,—говоритъ онъ,—созывались для того, чтобы налагать подати, теперь же требуютъ, чтобы все творилось согласно ихъ желанію, а король былъ бы только pro forma. «Не обращай вниманія, когда тебѣ станутъ угрожать, когда будутъ заявлять неудовольствіе, потому что это у поляковъ въ обычаѣ: много говорятъ, и ничего не дѣлаютъ; а ты самъ заботься о томъ, что тебя касается. Привиллегіи короля Людовика уничтожь. Защищай новые статуты, уничтожай все, что противится королевской власти, не допускай самовольныхъ съѣздовъ; защищай убогихъ; уничтожь статутъ о поголовщинѣ, чужіе надъ нимъ насмѣхаются; одну половину доходовъ обращай на уплату жалованья войскамъ, а другую прячь въ свой ларецъ; запрети выборы канониковъ, самъ назначай епископовъ и раздавай инфулы (митры) ученымъ; апелляцій въ Римъ не допускай—будь господиномъ у себя дома». Въ такомъ родѣ были совѣты Каллимака. Брата королевскаго, епископа (потомъ кардинала) совѣтовалъ сдѣлать магистромъ ордена крестоносцевъ; другого брата, Сигизмунда, совѣтовалъ назначить господаремъ волоскимъ; княжество Мазовецкое присоединить къ коронѣ и т. д. Янъ Альбрехтъ оказался вполнѣ понятливымъ ученикомъ; непродолжительное его царствованіе доказывало постоянное стремленіе къ единовластію и онъ не скрывалъ этого. Когда однажды канцлеръ коронный, епископъ Креславъ изъ Курозвенкъ, совѣтовалъ королю, чтобы пріостановилъ походъ на Буковину, Янъ Альбрехтъ ему отвѣтилъ: «мой ксендзъ, смотри ты за костеломъ, а не вмѣшивайся въ войну». Еслибъ я зналъ, что моей рубашкѣ извѣстны мои намѣренія, я бы сжегъ ее. Къ сожалѣнію, при многихъ отличныхъ качествахъ, Янъ Альбрехтъ слишкомъ любилъ женщинъ, отъ чего и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Совѣты Каллимака напечаталъ Вишневскій въ наше время въ своей исторіи польской литературы, (т. III.).

Сенаторъ, кастелянъ познанскій, Янъ Остророгъ, около 1459 года написалъ книгу по-латыни о необходимыхъ реформахъ въ Польшѣ, подъ заглавіемъ: De reformanda Republica. Напечатана она спустя уже почти четыре столѣтія, именно въ 1818 г. Отыскалъ же это замѣчательное сочиненіе, едва ли не первое о реформахъ въ Польшѣ, знаменитый Чацкій. Остророгъ былъ выше своего вѣка, онъ отлично зналъ свой край, видѣлъ злоупотребленія, понималъ духъ времени, и реформы его касаются законовѣдѣнія, частей судебной, военной, административной и экономической. Онъ соглашается съ Григоріемъ изъ Санока, выразившемся, что «тяжбы магнатовъ—это привиллегіи на разбой»; упрекаетъ, что только въ городахъ вводится магдебурское право, т. е. полные, явственные и удобонятные статуты, «какъ будто только одни нѣмцы владѣютъ разумомъ»; требуетъ, чтобы наказанія за преступленія

назначались одинаково для всѣхъ сословій, безъ различія происхожденія. Всѣ предлагаемыя имъ реформы дышатъ благородствомъ, преданностью престолу и глубокомысліемъ. Но что болѣе всего поразительно, это его совѣты по отношенію къ папской куріи. О свѣтской власти папъ, за четыреста лѣтъ до насъ, Остророгъ говорилъ такъ, какъ говорятъ въ наше время противники непогрѣшимости папъ. Прежде всего Остророгъ совѣтуетъ, чтобы государство, повинуясь папѣ, какъ главѣ церкви, отнюдь не допускало вмѣшательства папъ во внутреннія дѣла Польши; требуетъ уничтоженія всѣхъ даней, подъ разными названіями, какія ежегодно, въ значительномъ количествѣ, высылались въ Римъ. «Пусть, говоритъ Остророгъ, церковныя имѣнія, обработываемыя кровавымъ потомъ бѣдными людьми, не служатъ для улучшенія «папскаго стола», или же для обогащенія частныхъ лицъ; но пусть доходы съ этихъ имѣній употребляются на нужды Рѣчи Посполитой; пусть не увеличиваютъ числа монашескихъ орденовъ, отрывающихъ людей отъ земледѣлія, отъ торговли и промысловъ». Мы не можемъ выписывать здѣсь всѣхъ совѣтовъ Остророга; скажемъ только, что они очень дѣльны, справедливы и невольно приводятъ въ удивленіе, что еще въ XV вѣкѣ могли говориться такія вещи, до которыхъ додумались едва въ наше время, да и то не всѣ еще высказываются откровенно.

Въ царствованіе Сигизмунда-Августа однимъ изъ дѣятельныхъ и умныхъ борцевъ за правду является Станиславъ Оржеховскій, каноникъ перемышльскій, извѣстный не только своими сочиненіями и краснорѣчіемъ, но и женитьбою, что вызвало противъ него преслѣдованія со стороны епископовъ. Оржеховскій страшно возстаетъ противъ шляхты за ея самоволіе и злоупотребленія; предсказываетъ, что Польша клонится къ упадку, не имѣя прочнаго правительства. Сеймы онъ называетъ «ярмарками». Указываетъ на подкупы, на взятки пословъ и т. п. Съ горечью онъ восклицаетъ: «все разстраивается, теряется вѣра въ прочность Рѣчи Посполитой.... Чтобы только одно съ нами не послѣдовало: чтобы насъ и эту славную корону (польскую) посторонніе, сосѣди какъ собачьи кишки, не растерзали». Надо запомнить, что это говорилось въ XVI столѣтіи!..

Укажемъ еще на ученаго Андрея Фрига Морджевскаго, много писавшаго въ царствованіе Сигизмунда I. Одно изъ сочиненій («Comentariorum de republica emendanda libri quinque et cetera»— 1551) было переведено на разные языки и пользовалось европейскою извѣстностью. Въ немъ онъ исчисляетъ разныя злоупотребленія и преподаетъ дѣльные совѣты; нѣкоторыми изъ нихъ и воспользовался потомъ Сигизмундъ-Августъ.

Въ концѣ XVI столѣтія четыре человѣка съ необычайною энергіею и разумнымъ направленіемъ ратовали за реформы въ Польшѣ. Это были: священникъ Петръ Грибовскій, знаменитые іезуиты: Петръ Скарга, Христофоръ Варшевицкій и Шимонъ Старовольскій. Всѣ они смѣло высказывали свои взгляды на тогдашнее положеніе Польши и предсказывали ей гибель, если не будутъ предприняты самыя самыя строгія, рѣшительныя и безотлагательныя мѣры къ устраненію тѣхъ золъ, которыя болѣе всего удручали Рѣчь Посполитую. Скарга и Варшевицкій ясно видѣли и прямо высказывали, что для Польши болѣе всего гибельны, во-первыхъ, избираніе королей, во-вторыхъ, самовластіе сеймовъ и, въ третьихъ, гнетъ, которому подвергались крестьяне. Все это—совершенно вѣрно, но Скарга забылъ, что имъ же придуманная унія должна была породить безчисленныя бѣдствія для страны, какъ-то: религіозную борьбу, страшныя насилія въ дѣлахъ совѣсти, возстанія, братоубійственныя войны, отпаденіе казаковъ и, наконецъ, самую гибель Польши.

Въ 1641 г. издано сочиненіе неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: «Разговоръ плебана (приходскаго священника) съ землевладѣльцемъ о дѣйствіяхъ нынѣшней Рѣчи Посполитой и о способѣ собиранія сеймовъ». Анонимъ, повидимому, былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Владиславу IV и зналъ о его планахъ преобразованія сеймовыхъ порядковъ. Авторъ, человѣкъ очень умный и гуманный, дѣлается неумолимымъ, когда говоритъ о сеймовыхъ злоупотреб-

леніяхъ. Онъ, между прочимъ, совѣтуетъ, чтобы каждый, осмѣливающійся изъ личныхъ видовъ, или по подговору и подкупу, расторгнуть сеймъ, былъ немедленно же подвергнутъ самимъ сеймомъ безчестію и изгнанію изъ сеймоваго зданія.

Сначала XVIII столѣтія менѣе появилось сочиненій о сеймовыхъ злоупотребленіяхъ, чѣмъ въ предыдущее время. Шляхетская вольность до такой степени укоренилась въ умахъ большинства шляхты, что каждаго, посягавшаго на эти вольности, считали измѣнникомъ. Къ тому же въ это время господствовала уже опека надъ Польшею иностранныхъ державъ, а съ «опекою», не слишкомъ то разборчивою въ средствахъ, не легко было считаться даже и магнатамъ, не говоря о писателяхъ. Тѣмъ не менѣе нареканія, изыскиваніе способовъ, какъ поправить, не прерывались. Во второй же половинѣ XVIII столѣтія являются на сцену неустрашимые, сильные бойцы, вскорѣ снискавшіе не только общее довѣріе и уваженіе, но и

Царскій выѣздъ.

народную любовь. Несмотря на всѣ преграды, на контролированіе каждаго шага, на ссылки, отчужденіе имѣній, на невольныя эмиграціи изъ края, число дѣятелей, напрягавшихъ послѣднія силы, чтобы спасти погибающее отечество, постепенно возрастало. Этому росту сознания стремленію къ единенію и единомыслію, къ распространенію здравыхъ понятій о гражданственности, о великой силѣ просвѣщенія не могли уже воспрепятствовать продажность измѣнничество магнатовъ,—не могли воспрепятствовать происки и льстивыя обѣщанія тѣхъ, которые обрекли Польшу на гибель. Эти благородные борцы, конечно, пали, погибли; но погибли съ чистою совѣстью, окруженные ореоломъ славы и народной любви.

Какъ бы для проложенія пути борцамъ послѣдняго періода, немного ранѣе появились два нелишенныхъ значенія изданія: одно въ 1730 г., Яна Яблоновскаго, дяди короля Лещинскаго, подъ заглавіемъ «Сомнѣніе внѣ сомнѣнія»; другое—въ 1738 г., напечатанное въ Нанси, самого

короля Станислава Лещинскаго, подъ заглавіемъ: «Независимый голосъ». Яблоновскій указываетъ на недостатки польскаго законоположенія, особенно же возстаетъ противъ продолжавшаго существовать «liberum veto», которому приписываетъ всѣ бѣдствія, претерпѣваемыя краемъ. Король Лещинскій не всегда говоритъ съ полною искренностью, тѣмъ не менѣе преподаетъ много здравыхъ и умныхъ совѣтовъ по части преобразованія администраціи, военныхъ силъ, трибуналовъ. Странно, однако, что на главнѣйшее зло—«liberum veto», на избирательный престолъ онъ смотритъ уклончиво, совѣтуетъ сохранить ихъ, какъ зѣницу ока польской свободы, съ тѣмъ только ограниченіемъ, чтобы, въ случаѣ расторженія сейма, оно распространилось только на этотъ предметъ, котораго непосредственно касается, препятствуя продолженію сеймовыхъ засѣданій и постановленію рѣшеній по другимъ предметамъ. Король Лещинскій не настаиваетъ, чтобы была введена наслѣдственность престола, а только требуетъ, чтобы вся шляхта не собиралась подъ открытымъ небомъ, но чтобы выборы короля производились по провинціямъ на сеймикахъ, а затѣмъ, изъ числа представленныхъ кандидатовъ, сеймъ избиралъ короля, не иначе, прибавляетъ Лещинскій, какъ подъ крышею.

Въ томъ же 1733 году вышло еще сочиненіе, по мнѣнію однихъ написанное вице-канцлеромъ Щуличо, по мнѣнію же другихъ, знаменитымъ преобразователемъ школъ, піаромъ Конарскимъ, подъ заглавіемъ «Бесѣда земледѣльца съ сосѣдомъ о современныхъ обстоятельствахъ». Авторъ исключительно занятъ однимъ только установленіемъ, именно «nie pozwalam». Съ точки историко-юридической, онъ разсматриваетъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, указывая въ подробностяхъ, и весьма добросовѣстно, на всѣ случаи, когда безчестные люди воспользовались произнесеніемъ этого пагубнаго «nie pozwalam» и на то зло, которое происходило отъ этого.

Мы не станемъ приводить нѣсколькихъ другихъ, менѣе важныхъ сочиненій по этому же предмету, но перейдемъ къ эпохѣ второй половины прошлаго столѣтія и начнемъ съ замѣчательнѣйшаго изо всѣхъ изданныхъ доселѣ по этой части трудовъ, именно съ книги, напечатанной въ 1760 году въ четырехъ частяхъ и написанной упомянутымъ нами выше Станиславомъ Конарскимъ, подъ заглавіемъ—«Способъ, чтобы совѣтъ былъ удовлетворителенъ». Когда многіе изъ прежнихъ писателей не рѣшались прямо заявить о необходимости уничтоженія «liberum veto», Конарскій рѣшился безъ всякой затушевки высказаться о безсмысліи сохраненія на будущее время этого глупаго обычая, обратившагося въ законъ и составлявшаго сущность шляхетской вольности. Онъ самъ говоритъ: «я не намѣренъ обрѣзывать только сучки, да листья; я хочу все уничтожить до самаго основанія корня». Сочиненіе Конарскаго произвело неслыханное впечатлѣніе. Онъ собралъ все, что когда либо было написано по поводу этого варварскаго обычая, перечислилъ тринадцать проектовъ смягченія этого установленія и, разсмотрѣвъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности, указалъ также на примѣры разныхъ государствъ, доказалъ самымъ положительнымъ образомъ, какъ безсмысленность «liberum veto», такъ съ другой стороны, безусловную необходимость рѣшенія вопросовъ большинствомъ голосовъ. Книга Конарскаго получила обширное распространеніе. Никто и никогда въ Польшѣ такъ не дѣйствовалъ на массы, какъ Конарскій. Не только Чарторыжскіе и Понятовскіе были благодарны ему, но множество другихъ аристократовъ, явныхъ до сихъ поръ противниковъ провозглашенныхъ имъ идей, теперь смирились. Извѣстны письма къ Конарскому Потоцкихъ, Любомирскихъ, Сапѣгъ, Яблоновскихъ, Браницкихъ, Красинскихъ, епископовъ Залускаго и Солтыка и множества другихъ. Велепольскій самъ сознается, что Конарскій выбилъ ему изъ головы предразсудки. Волловичъ и др. доносили, что цѣлые уѣзды, проникнутые его идеями, начали уже дѣйствовать въ этомъ духѣ и написали инструкціи своимъ посламъ. Великій гетманъ Браницкій въ своемъ меморіалѣ къ французскому правительству свидѣтельствуетъ, что вся шляхта, благодаря книгѣ Конарскаго, подготовлена къ тому, чтобы единодушно дѣйствовать въ пользу уничтоженія «liberum veto» и установить рѣшеніе дѣлъ большинствомъ голо-

совъ. Шляхта, прибавляетъ Браницкій, не имѣетъ никакихъ личныхъ видовъ въ расторженіи сеймовъ; если же и найдутся оппоненты, то развѣ только въ числѣ магнатовъ.

Мы не станемъ приводить другихъ сочиненій, вышедшихъ въ это же время и въ томъ же духѣ; но появилась одна брошюра и противъ Конарскаго. Она напечатана въ Ловичѣ, написана Сѣнницкимъ, подъ вліяніемъ и по желанію примаса Лубенскаго. Послѣдній былъ однимъ изъ тѣхъ, которые восторгались сочиненіемъ Конарскаго; но въ это время диссиденты стали домогаться своихъ правъ и готовились на сеймѣ предложить свои требованія. Лубенскій испугался этого и вотъ, ради пользы католицизма, онъ вдругъ сталъ противникомъ Конарскаго, полагая, что въ настоящемъ положеніи «liberum veto» могло бы еще пригодиться ему. Трудъ Сѣнницкаго, однако, не имѣлъ никакого вліянія на общественное мнѣніе, и не подлежитъ сомнѣнію, что партія Чарторыжскихъ вполнѣ достигла бы своихъ завѣтныхъ цѣлей.

Мы уже знаемъ, что послѣ смерти Августа III вмѣшательство иностранныхъ державъ и воспрещеніе поднимать даже вопросы о наслѣдственности престола и объ уничтоженіи «liberum veto» навсегда разрушило надежды патріотовъ. Несмотря на это, несмотря на послѣдовавшій первый раздѣлъ Польши, изысканіе средствъ спасенія, забота о болѣе правильной организаціи Рѣчи Посполитой, стремленіе непремѣнно уничтожить «liberum veto» и ввести наслѣдственность престола не переставали занимать людей мыслящихъ. Опять появилось много брошюръ и сочиненій по этому предмету. По просьбѣ Віельгорскаго, объ этомъ написали цѣлые трактаты Руссо и Мабли; писалъ и самъ Віельгорскій; писали ученый Станиславъ Сташицъ, Северинъ Ржевускій и др.

Но вотъ выходитъ на сцену геніальный человѣкъ, съ твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ, непреклонною волею, гибкимъ умомъ и основательною ученостью. Въ послѣднее время Польши онъ игралъ такую же видную роль, какъ Косцюшко. Мы говоримъ о Гугонѣ Коллонтаѣ. Какъ въ царствованіе Августа III Конарскому принадлежало первенство въ борьбѣ за идеи, такъ теперь, при Станиславѣ-Августѣ, первенство, руководительство принадлежало Коллонтаю. Онъ написалъ по поводу реформъ нѣсколько сочиненій, изъ коихъ особенно замѣчательны письма къ Малаховскому, «о между-царствіяхъ въ Польшѣ» и др. Кромѣ того, онъ захватилъ въ свои руки публицистику и направлялъ ее, пропагандируя свои взгляды. Коллонтай не стѣснялся ничѣмъ, не боялся ничего, высказывалъ смѣло свои убѣжденія и возставалъ даже противъ сосѣднихъ державъ. Онъ разрушалъ доселѣ существовавшее зданіе и созидалъ новое на совершенно новыхъ началахъ, прочныхъ и вполнѣ согласныхъ съ требованіями вѣка и народными традиціями. Не время было объявлять войну сосѣдямъ,—и Коллонтай хорошо понималъ это, не торопилъ; напротивъ, онъ училъ терпѣнію, самоотверженію, училъ выжидать моментъ, когда новый, прочный законъ упрочитъ существованіе государства въ будущемъ. Понималъ ли Коллонтай дѣйствительное положеніе, предчувствовалъ ли онъ, что никакія уже реформы не спасутъ отечества? На это трудно отвѣтить. Быть можетъ и онъ увлекался со многими своими пособниками, увлекался надеждами, вѣрою въ незыблемость тѣхъ началъ, которыя онъ желалъ положить въ основаніе будущей государственной самодѣятельности. Но мы вовсе не намѣрены приписывать одному Коллонтаю заслугу преобразованій и той благотворной дѣятельности, какая проявлялась на всѣхъ поприщахъ, въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ со дня перваго разгрома.

А эта дѣятельность глубоко-поучительна. Станиславъ-Августъ могъ бы быть отличнымъ министромъ народнаго просвѣщенія. Съ королевскою властью въ то смутное время трудно было совладать и человѣку болѣе энергичному. Не онъ подготовилъ это смутное время. Оно досталось по наслѣдству. Оно было подготовлено внутреннею неурядицею, тщеславіемъ однихъ, корыстолюбіемъ другихъ. Мы лучше безпристранно взглянемъ, что сдѣлано въ Польшѣ въ его царствованіе.

Поляковъ обвиняютъ въ легкомысліи, легковѣріи, своеволіи, корыстолюбіи, продажности,

расточительности и т. п. Въ этомъ видятъ причины ихъ паденія. Другіе приписываютъ полякамъ мечтательность, отсутствіе здравомыслія, безграничное увлеченіе, безтактность, строптивость. Положимъ, все это такъ; всѣ эти пороки, недостатки присущи были большинству поляковъ; но у кого же и гдѣ ихъ не было? Исключительно этимъ недостаткамъ приписывать паденіе Польши, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, не возможно. Большинство конечно часто увлекалось; шляхетская вольность порождала своеволіе; но никакъ нельзя относить этого ко всѣмъ и къ каждому. Напротивъ, много было доблестнаго, благороднаго, даже героическаго въ характерѣ поляковъ. Польша въ XV, XVI и почти до конца XVII столѣтія въ отношеніи просвѣщенія, художественности и вообще культурнаго развитія стояла выше многихъ другихъ государствъ. Мы видѣли, что во всѣ времена являлись личности изъ всѣхъ сословій, которыя ясно сознавали политическое положеніе, видѣли недуги и смѣло высказывали ихъ, преподавая въ то же время умные совѣты, какъ избѣжать зла. Мы знаемъ также, какъ трудно было бороться этимъ избранникамъ съ большинствомъ магнатовъ, которымъ «liberum veto» открывало путь ко всякимъ безобразіямъ. Борьба длилась долго. Времена Сасовъ были какъ будто финаломъ разнузданности, необузданныхъ порывовъ страстей; но уже въ первой половинѣ XVIII столѣтія начался переломъ, открылся прямой путь къ искорененію зла—къ возсозданію отечества. Даже бѣдствія не остановили ни на минуту упорныхъ стремленій людей благомыслящихъ. Борьба, ужасныя преграды и препятствія не только не остановили этихъ стремленій, а напротивъ еще придали имъ особую силу и значеніе. Общественная мысль, общественное сознаніе и довѣріе крѣпли, росли и охватывали весь край. Проявилась уже такая оживленная дѣятельность на всѣхъ поприщахъ, что жутко становится тѣмъ, которые, ради собственныхъ выгодъ, не сочувствовали общему движенію, старались воспрепятствовать осуществленію благихъ начинаній.

Интересно приглядѣться къ этой бодрой, неустанной дѣятельности народа, стоявшаго уже на краю гибели, но стремившагося состязаться съ другими народами на пути просвѣщенія, наукъ, искусствъ, экономическаго преуспѣянія. Въ двадцать, тридцать лѣтъ царствованія Понятовскаго сдѣлано гораздо больше, нежели за все время господства Собѣсскаго и обоихъ Августовъ. Довольно указать здѣсь на эдукаціонную коммиссію, образованную по удаленіи іезуитовъ и принявшую бразды правленія народнымъ просвѣщеніемъ; мы уже имѣли случай говорить о плодотворной дѣятельности этой комиссіи (очеркъ VI), при ней состояло особое общество для изданія элементарныхъ сочиненій. Двѣнадцать человѣкъ, съ высшимъ образованіемъ и преданностью дѣлу, работали въ немъ, какъ напримѣръ: Іоахимъ Литаворъ Хрептовичъ, Игнатій Потоцкій, Коллонтай, Выбицкій, Нарбутъ, Пирамовичъ и др.; объ этомъ обществѣ справедливо замѣтилъ Johann Bernoull's (1780, Reise durch Brandenburg, Polen et cetera), что «такого института не имѣетъ ни одна страна въ Европѣ, что онъ гораздо болѣе полезенъ, нежели всѣ академіи въ цѣломъ мірѣ». Далѣе замѣчательны: главныя школы въ Варшавѣ и Вильнѣ, т. е. высшія университетскія учебныя заведенія; общество естественныхъ знаній, руководимое ученымъ Мошинскимъ; корпуса кадетовъ въ Варшавѣ и Гроднѣ; медицинская школа, обсерваторія, ботаническій садъ, одна изъ богатѣйшихъ въ то время публичныхъ библіотекъ Залускихъ, въ которой считалось до 400,000 томовъ, народный театръ, богатые музеи древностей, естествознанія, картинныя галлереи. Въ это время Варшава обогатилась великолѣпными зданіями; возобновленъ монетный дворъ; незабвенный Тизенгаузъ основалъ множество фабрикъ, на которыхъ работали тысячи людей; его усиліями народная промышленность стала развиваться въ широкихъ размѣрахъ. Все это произошло большею частію по инціативѣ и подъ наблюденіемъ короля; «онъ все оживлялъ, — говоритъ Лелевель, — какъ любитель изящныхъ искусствъ и покровитель наукъ, жаждущій счастія и благоденствія своей отчизны, недостаточно твердый въ дѣлахъ политическихъ, достойный лучшей участи». При Станиславѣ-Августѣ уничтожены пытки, установлена смертная казнь за убійство крестьянина. Приниженный, ли-

щенный человѣческихъ правъ, крестьянинъ начинаетъ пользоваться свободою, мѣстами даже на широкихъ началахъ. Примѣръ этому подаетъ племянникъ короля, Станиславъ Понятовскій, а также канцлеръ Андрей Замойскій, знаменитый Хрептовичъ, референдарій Бржостовскій и многіе др. Замѣчателенъ фактъ, что, по несомнѣннымъ статистическимъ даннымъ, въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне получили свободу, въ Мазовіи населеніе въ десять лѣтъ увеличилось на одну треть (фактъ этотъ, по свидѣтельству П. П. Семенова, повторился послѣ освобожденія крестьянъ (1861) въ нашей Бѣлоруссіи).

Вѣнцомъ благотворной дѣятельности поляковъ въ послѣдніе годы ея существованія было составленіе новаго законоположенія, извѣстнаго подъ названіемъ «Конституціи 3 мая 1791 года». Этотъ новый статутъ уничтожилъ все дряхлое, отжившее свой вѣкъ и породившее такъ много бѣдствій. Основы польскаго статута были прочны, согласны съ духомъ времени и ставили государство въ такое положеніе, которое сулило ему счастливую будущность. Конечно и въ законѣ 3 мая не все еще было досказано, мысли и стремленія реформаторовъ не могли вдругъ выясниться; но это было начало, это былъ удачный переходъ отъ разнузданнаго прошлаго къ лучшему будущему. Реформаторы заботились о главномъ, о низверженіи тѣхъ уставовъ, которые въ теченіе почти трехъ столѣтій удручали Польшу. Польша получила, наконецъ, новое законоположеніе, открывшее ей прямой и широкій путь къ гражданственному развитію.

Главныя основы конттитуціи 3 мая заключались въ томъ, что Польша, вмѣсто шляхетской Рѣчи Посполитой, превращалась въ монархически-конституціонное государство, съ наслѣдственнымъ престоломъ, отвѣтственными министрами и представительствомъ пословъ, рѣшающихъ вопросы большинствомъ голосовъ. Кромѣ шляхты, въ народномъ представительствѣ учавствовало уже и городское сословіе. Мѣщане могли достигать дворянскаго достоинства посредствомъ пріобрѣтенія имѣній, или же занимая соотвѣтственныя дворянскому званію должности, или же пожалованіемъ. Сельское сословіе еще устранялось отъ участія въ сеймахъ, но все же и для него сдѣлано было кое-что, въ соотвѣтствіи съ духомъ времени. Крестьяне были изъяты изъ подъ своевластія и произвола владѣльца; они подлежали общимъ государственнымъ установленіямъ и имѣли покровительство и защиту въ законѣ. Всякаго рода условія, заключенныя между владѣльцемъ и крестьяниномъ, должны были въ точности исполняться обѣими сторонами. Статья эта имѣетъ важное значеніе, если вспомнить, что до того времени и крестьянинъ, и все ему принадлежавшее зависѣли отъ произвола владѣльца, который во всякое время могъ лишить всего и самого крестьянина считалъ вещью. Постоянное войско полагалось въ количествѣ 100,000 человѣкъ; немедленно собрано было 65,000 и тотчасъ же обмундировано 40 тысячъ. Въ случаѣ малолѣтства короля, до достиженія имъ 18 лѣтняго возраста, учреждалось регентство изъ членовъ королевскаго совѣта, королевы-матери, а ежели ея не было, примаса. Такое регентство учреждалось въ случаѣ умопомѣшательства короля или взятія его въ плѣнъ. Для наблюденія за воспитаніемъ королевскихъ сыновей избирался особый надзиратель, который, вмѣстѣ съ королемъ и королевскимъ совѣтомъ, долженъ былъ слѣдить за воспитаніемъ. Королевскій совѣтъ предназначался для наблюденія за исполненіемъ законовъ. Совѣтъ состоялъ изъ примаса королевства, пяти министровъ, а именно: полиціи, внутреннихъ дѣлъ, военнаго, финансовъ и иностранныхъ дѣлъ и двухъ секретарей: одного — для внутреннихъ, другого—для иностранныхъ дѣлъ. Наслѣдникомъ престола, послѣ смерти Станислава-Августа, былъ назначенъ Фридрихъ-Августъ, курфирстъ саксонскій, съ преемствомъ въ мужской линіи. Если бы у него не было сыновей то дочь его Марія-Августа Непомуцена объявлялась польской инфантой, съ тѣмъ, что королемъ будетъ супругъ ея и затѣмъ наслѣдники послѣдняго въ мужской линіи. Господствующею вѣрою признавалась римско-католическая, но при гарантіи полной свободы совѣсти для всѣхъ исповѣданій.

По нынѣшнимъ взглядамъ конституція 3 мая имѣетъ большіе недостатки; но нельзя забывать, что она составлена сто лѣтъ тому назадъ и съ теченіемъ времени, конечно, была бы

дополнена и усовершенствована. Мы не станемъ повторять здѣсь послѣдующихъ событій, извѣстныхъ изъ исторіи. Событія эти не дали возможности упрочиться конституціи и направить государство на новые пути. Судьба Польши была рѣшена. Польскій народъ палъ въ тотъ именно моментъ, когда онъ добился, наконецъ, реформы, обѣщавшей искоренить то зло, которое слишкомъ два столѣтія тяготѣло надъ Польшей.

II.

Изслѣдуя черты минувшей жизни поляковъ, необходимо перейти къ обычаямъ въ высшей правящей сферѣ.

Избранный въ короли или, какъ во времена Ягеллоновъ, наслѣдовавшій престолъ послѣ отца, или брата, прежде всего заботился о торжественномъ погребеніи своего предшественника, на Вавелѣ, въ каѳедральномъ соборѣ въ Краковѣ. Затѣмъ уже слѣдовала коронація въ томъ же соборѣ, въ Краковѣ.

Первый польскій король, Болеславъ Храбрый, коронованъ въ древней столицѣ Польши, въ Гнезнѣ. Обрядъ коронаціи прежнихъ князей польскихъ намъ неизвѣстенъ. Въ Чехіи, до 1228 года существовалъ обычай сажать каждаго новаго короля на каменномъ столѣ и обувать его въ крестьянскія сандаліи. Кажется, подобный обычай существовалъ въ древнее время и въ Польшѣ. Возведеніе на велико-княжескій престолъ великихъ князей литовско-русскихъ въ Вильнѣ, совершалось по древнимъ обычаямъ. На князя епископъ возлагалъ княжескую шапку, украшенную богатыми камнями и изумрудами, и бармы, надѣвалъ на него горностаевый плащъ, а затѣмъ его сажали на престолъ. Епископъ съ духовенствомъ совершали молитвы, маршалъ же во все это время держалъ обнаженный мечъ. По окончаніи молебствія, маршалъ вручалъ ему мечъ, а одинъ изъ бояръ княжескій жезлъ. При этомъ епископъ и маршалъ произносили привѣтственныя рѣчи. Такъ, когда возводили на великокняжескій престолъ Александра Ягеллона (1492), маршалъ Хребтовичъ просилъ его, чтобы онъ управлялъ Литвою не по богемскимъ, или нѣмецкимъ обычаямъ, но по чисто-литовскимъ и Витовтовымъ постановленіямъ. Особенно торжественно возводили на княжескій престолъ Витовта (1392) и Казимира Ягеллона (1440).

Насколько намъ извѣстно изъ краткихъ описаній Стрыйковскаго, Гваньини и др., вѣнчаніе королей польскихъ совершалось въ такомъ порядкѣ. Одни изъ королей исповѣдывались и причащались въ самый день коронованія въ каѳедральномъ соборѣ, другіе наканунѣ торжественно вмѣстѣ съ чинами и духовенствомъ отправлялись въ костелъ св. Станислава на Скалкѣ, гдѣ исповѣдывались. Въ самый день вѣнчанія, всѣ придворные чины и вся знать отправлялись во дворецъ на Вавелѣ и оттуда вели короля въ каѳедральный соборъ, у дверей котораго ожидалъ примасъ королевства и всѣ епископы. Примасъ и краковскій епископъ, по окропленіи св. водою, брали его подъ руки и вводили въ храмъ предъ главный алтарь. Предшествовалъ имъ маршалъ и другіе высшіе чины, неся королевскія регаліи: корону, жезлъ, державу и мечъ. Регаліи эти складывались на самомъ алтарѣ. Король возсѣдалъ на тронѣ, а примасъ съ епископами и духовенствомъ соборне совершали литургію, во время которой король, положивъ руку на евангеліе, давалъ присягу. Затѣмъ примасъ съ епископами и другимъ духовенствомъ становились на колѣни, а король простирался на землѣ. Надъ лежачимъ совершали установленныя молитвы. Послѣ этого король становился на колѣна передъ примасомъ, возсѣдавшимъ на своемъ тронѣ; примасъ же разоблачалъ короля и совершалъ елеопомазаніе на челѣ, на правой рукѣ, на локотьи и между плечами. Вслѣдъ за симъ короля уводили въ часовню св. Іоанна, гдѣ его одѣвали въ сандаліи и священническія ризы. Въ такомъ облаченіи король возвращался передъ главный алтарь. Здѣсь примасъ вручалъ ему мечъ. Король, махнувъ имъ три раза въ воздухѣ и прикоснувшись къ плечу, передавалъ его маршалу, который влагалъ его королю въ ножны, уже препоясанныя примасомъ. По исполненіи этого обряда, маршалъ, обращаясь къ примасу, спрашивалъ, все ли исполнено королемъ, что слѣдуетъ передъ вѣнча-

ніемъ, именно, исполнилъ ли онъ присягу на сохраненіе законовъ, вольностей и свободъ? Когда получался утвердительный отвѣтъ, тогда примасъ, становился передъ королемъ сидящимъ на тронѣ, на колѣніи и, въ сослуженіи епископовъ, возлагалъ на него корону, подавалъ ему въ лѣвую руку державу, въ правую жезлъ. Надобно прибавить два слова о мечѣ, который вручался королю при каждой коронаціи. По преданію, это былъ тотъ самый мечъ, которымъ Болеславъ Храбрый ударилъ въ ворота Кіева, отъ чего на немъ осталась зарубина, почему и самый мечъ назывался «щербецъ».

По возложеніи регалій, король подходилъ къ главному алтарю и приносилъ въ даръ хлѣбъ и вино. Потомъ онъ отпоясывалъ мечъ и причащался. Тогда великій маршалъ возглашалъ троекратно: «да здравствуетъ король!» Музыка и пѣвчіе исполняли «Тебя Бога хвалимъ»; изъ замковыхъ же укрѣпленій производилась пушечная пальба. Въ заключеніе король подносилъ архіепископу золотой подарокъ и лобызался съ первыми чинами. Отпоясанный мечъ вручался особому придворному чину, который несъ его передъ королемъ.

Послѣ причащенія и совершенія помянутыхъ обрядовъ, начинался «великій выходъ». Король, сопровождаемый духовенствомъ и чинами, слѣдовалъ отъ главнаго алтаря внутрь собора, гдѣ передъ гробницею св. Станислава, устроенъ былъ большой престолъ (wielki majestat), на который возводили его примасъ и краковскій епископъ. Наконецъ, примасъ произносилъ рѣчь и интонировалъ гимнъ св. Амвросія, исполняемый всѣмъ духовенствомъ.

Этимъ обрядъ вѣнчанія оканчивался. Нѣкоторые короли, какъ напр., Стефанъ Баторій, тутъ же въ соборѣ жаловали заслуженныхъ краковскихъ мѣщанъ въ дворянское достоинство (pasowat na rycerzy). Впрочемъ, этотъ обычай имѣлъ мѣсто, какъ увидимъ ниже, на другой день.

Всѣ короли польскіе, со временъ Болеслава Храбраго, коронованы въ Краковѣ, за исключеніемъ только Станислава Лещинскаго и Станислава-Августа Понятовскаго, которые коронованы въ Варшавѣ. Супруги королей Владислава Локетка, Казимира Великаго, всѣхъ Ягеллоновъ, Яна III Собѣсскаго, Августа III также были коронованы въ Краковѣ.

На другой день послѣ вѣнчанія происходило необыкновенное торжество на большомъ краковскомъ рынкѣ. Здѣсь, передъ зданіемъ ратуши, воздвигали великолѣпный тронъ. Король изъ замка на Вавелѣ пріѣзжалъ сюда, окруженный высшими духовными, всѣми чинами двора, сенаторами и знатнѣйшими магнатами. Всю площадь рынка наполняли краковскіе обыватели, изъ которыхъ наиболѣе богатые приносили королю въ даръ разные золотые и серебряные сосуды. Старшины же мѣщанъ, цеховъ, и друг. подносили королю ключи отъ городскихъ воротъ и принимали присягу на вѣрность. Съ своей стороны, король подтверждалъ права и привиллегіи краковскихъ гражданъ — и возводилъ болѣе достойныхъ въ дворянское достоинство. Во все продолженіе этого торжества коронный подскарбій бросалъ народу деньги.

На этомъ же рынкѣ происходили еще другого рода торжества, память о которыхъ сохранилась въ народѣ. Мы говоримъ о принесеніи присяги на подданство разными ленными владѣтелями. Особенно памятны присяги княземъ мазовецкимъ Казимиру Великому; княземъ несвижскимъ—Владиславу Варненскому; Альбертомъ, великимъ магистромъ тевтонскаго ордена —Сигизмунду I; наконецъ—многими господарями Валахіи и Молдавіи. Самый обрядъ совершался слѣдующимъ порядкомъ. Напр., Илья, воевода Валахіи, во Львовѣ, въ 1435 г. приносилъ подданство Владиславу Варненскому, обязавшись ежегодно представлять двѣсти штукъ кофтыра (дорогой ткани), четыреста воловъ, двѣсти возовъ визины и всегда быть готовымъ къ войнѣ со ста конными ратниками. Передъ королемъ, возсѣдавшимъ на тронѣ, воевода и весь его дворъ держали въ рукахъ знамена, падали на колѣна и складывали знамена къ королевскимъ ногамъ. Тогда король, поднявъ воеводу, лобызался съ нимъ, знатнѣйшимъ же чинамъ давалъ руку для цѣлованія, а знамена относили въ замокъ. Этимъ и кончался обрядъ. Еще великолѣпнѣе произошелъ такой же обрядъ съ великимъ магистромъ Альбертомъ (увѣковѣченный въ наше время знаменитою картиною, колоссальныхъ размѣровъ, даровитаго Яна

Матейки, къ Краковѣ). Въ 1522 г. Альбертъ сложилъ съ себя званіе великаго магистра и подчинился королю польскому. Сигизмундъ I возсѣдалъ на тронѣ на краковскомъ рынкѣ, окруженный дворомъ и всѣми знатнѣйшими чинами, при многочисленномъ стеченіи народа. Около короля воевода Янъ Костелецкій держалъ на рукахъ малолѣтняго сына Сигизмунда I, королевича Сигизмунда-Августа. Отъ великаго магистра прибыло семь пословъ съ просьбою, чтобы король принялъ Альберта подъ свое покровительство и дозволилъ ему принести обязательство подчиненія. Король согласился. Тогда Альбертъ на великолѣпной лошади подъѣхалъ къ трону, окруженный многочисленною свитою, слѣзъ съ лошади и палъ на колѣна передъ королемъ. Послѣдній велѣлъ ему встать. Альбертъ подалъ Сигизмунду I развернутое красное знамя, на которомъ съ одной стороны изображенъ былъ бѣлый орелъ съ королевскою короною на головѣ, съ другой—черный орелъ, съ вензелевымъ изображеніемъ королевскаго имени на груди орла. Король возвратилъ знамя Альберту, который, держа его въ рукахъ, повторялъ слова присяги, читанной громко архіепископомъ. Послѣ этого король слегка прикоснулся мечемъ къ новому вассалу и затѣмъ возложилъ на него драгоцѣнную золотую цѣпь. Такъ поступилъ Сигизмундъ I и исторія, конечно, никогда не проститъ ему этого излишняго великодушія. Ему легко было тогда присоединить орденскія земли къ Польшѣ и не допустить образованія изъ маркграфства бранденбурскаго прусскаго герцогства, герцогомъ котораго сдѣлался Альбертъ, по волѣ короля, хотя и вассальнымъ.

Когда обрядъ принесенія присяги Альбертомъ былъ оконченъ, схватили нѣсколько мальчиковъ, находившихся въ толпѣ любопытныхъ и тутъ-же ихъ больно высѣкли розгами, чтобы, дескать, помнили и на старость передавали другимъ, какъ первый прусскій герцогъ присягалъ польскому королю.

Любопытно то, что такой обычай—сохранять въ памяти извѣстное событіе посредствомъ розогъ—еще недавно соблюдался въ Галиціи австрійскими землемѣрами. Производя съемку, на возвышеніи, служившемъ тригонометрическимъ пунктомъ, они выкапывали яму, клали въ нее большой камень, на этотъ камень клали перваго встрѣчнаго мальчика и сѣкли розгами, приказывая помнить, что здѣсь произведена съемка. Такими пунктами они избирали по большей части высокіе могильные курганы. При раскопкѣ ихъ намъ случалось находить такіе камни, а разъ встрѣтился даже и старикъ-крестьянинъ, котораго въ юности высѣкли именно на этомъ камнѣ.

III.

Не лишены интереса и подробности о королевскихъ похоронахъ. Гнезненскій архидіаконъ весьма отчетливо описываетъ похороны Казимира Великаго. Длугошъ упоминаетъ о похоронахъ Ягайлы. Бѣльскій описываетъ похороны Сигизмунда I. Изъ современныхъ рукописей извѣстны подробности погребенія Сигизмунда-Августа. Есть и другіе источники описанія похоронъ королей избирательной эпохи, т. е. послѣ Сигизмунда-Августа; но несомнѣнно, что всѣ вообще этого рода похороны совершались по одному традиціонному ритуалу, и измѣненія весьма были не значительны.

Послѣ смерти Казимира Великаго, заупокойное служеніе совершалось въ каѳедральномъ соборѣ на Вавелѣ, въ Краковѣ. Похоронная процессія изъ королевскаго замка слѣдовала въ такомъ порядкѣ: четыре траурныя колесницы, каждая запряженная четырьмя лошадьми; за ними сорокъ латниковъ на лошадяхъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ. Латники везли одинадцать знаменъ съ гербами земель, входившихъ въ составъ Польши, двѣнадцатый же — везъ общее знамя царства Польскаго. Потомъ рыцарь въ латахъ на королевскомъ конѣ, представлявшій особу умершаго монарха. За рыцаремъ—шестьсотъ человѣкъ, по два въ рядъ, съ необыкновенно толстыми, зажженными восковыми свѣчами. За ними — монашествующее духовенство, каждый орденъ особо; далѣе—все наличное свѣтское духовенство. За духовенствомъ

королевская колесница, на которой сложены во множествѣ сукна и богатѣйшія шелковыя ткани. За колесницею слѣдовали штатные придворные служители и прислуга, въ числѣ трехсотъ человѣкъ, въ траурномъ одѣяніи. Послѣдніе громко рыдали и завывали, конечно играя въ этомъ случаѣ роль древнихъ плакальщицъ. Наконецъ, шествовалъ новый король съ архіепископомъ, епископами, князьями и всѣми высшими сановниками и панами. Печальное шествіе проходило по всему городу, останавливаясь передъ костелами Богородицы, францисскановъ и св. Троицы. Всѣмъ этимъ костеламъ приносилось въ даръ по 16 локтей сукна и тканей, а также деньги и очень много восковыхъ свѣчей. Передъ печальной колесницей шелъ одинъ изъ придворныхъ съ двумя ассистентами. Послѣдніе несли мѣшки съ грошами, пригоршнями вынимали изъ нихъ и клали на серебряную чашу, изъ которой придворный бросалъ гроши народу и роздавалъ тѣмъ, которые подходили къ нему.

Обойдя городъ, шествіе вступало въ каѳедральный соборъ на Вавелѣ. Службу совершалъ краковскій епископъ. Въ это время одинъ изъ священниковъ, въ ассистенціи нѣсколькихъ придворныхъ, обходилъ всѣ престолы и на каждомъ клалъ горсть грошей. На главномъ алтарѣ клали значительную сумму, да кромѣ того здѣсь же складывались въ даръ сукна и ткани. Затѣмъ придворные чины ставили на алтарь всѣ серебряные сосуды, бывшіе въ употребленіи покойнаго короля. Такъ коморникъ и подскарбій оставили большой серебряный умывальный тазъ со скатертями и утиральниками; стольникъ и подстолій — четыре большія серебряныя чаши; часникъ съ подчашимъ — разные сосуды для питья. Маршалъ жертвовалъ лучшую лошадь изъ королевской конюшни, а подконюшій—королевскія латы и дорогіе ризы, а также 12 знаменъ, находившихся во время печальной процессіи. По древнему обычаю знамена эти тутъ-же, передъ алтаремъ, уничтожали, всѣ здѣсь присутствовавшіе при этомъ рыдали и вопили. Королевскія регаліи были положены въ гробъ, гдѣ онѣ и были найдены, при случайномъ вскрытіи гроба и возобновленіи саркофага въ 1869 г.

Похороны Владислава Ягайлы происходили такимъ же образомъ; но приношенія за упокой души короля были еще обильнѣе. Не одна лошадь, а нѣсколько были подарены собору и много золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, наполненныхъ деньгами. Одинъ изъ рыцарей принесъ большое знамя съ бѣлымъ орломъ, которое точно также было уничтожено.

Хроникеръ Бѣльскій подробно описываетъ похороны Сигизмунда I. Здѣсь мы видимъ нѣкоторыя только отличія отъ установившихся правилъ и обычаевъ. Предшествовалъ процессіи надворный хорунжій на бѣломъ конѣ, держа короннаго орла и обнаженный мечъ, обращенный остріемъ къ груди. За нимъ шло тридцать траурниковъ и потомъ тридцать лошадей изъ королевской конюшни. Потомъ шли земскіе послы и разные сановники; высшіе чины съ ассистентами несли регаліи: мечъ, державу, жезлъ и корону. Передъ самымъ гробомъ ѣхалъ въ латахъ извѣстный Янъ Тарло, съ обнаженнымъ мечемъ, за нимъ — латникъ, тоже съ мечемъ. Гробъ несли придворные чины. За гробомъ шествовалъ король Сигизмундъ Августъ, поддерживаемый послами императора римскаго; далѣе вдова—королева, Бона Сфорчія; ее поддерживали герцогъ прусскій и маркграфъ бранденбургскій. Когда гробъ поставленъ былъ въ каѳедральномъ соборѣ на катафалкѣ, придворные чины возложили на него королевскія регаліи. Заупокойную службу совершалъ архіепископомъ гнезненскій въ сослуженіи всѣхъ епископовъ; рѣчь говорилъ Самуилъ Мацѣевскій, епископъ краковскій. Послѣ этой рѣчи въ соборъ въѣхалъ на лошади Янъ Тарло вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его латникомъ. У обоихъ, къ шлемамъ и кирасамъ прикрѣплены были зажженныя восковыя свѣчи. Въ это же время придворные чины взяли съ катафалка регаліи и положили ихъ на алтарь. Подошелъ король съ герцогами, сняли регаліи съ алтаря и съ силою бросили ихъ о полъ. Кромѣ того король ударилъ по нимъ шлемомъ, герцогъ прусскій—щитомъ, маркграфъ—мечемъ, князь Цѣшинскій—деревянною рукояткою (отъ знамени); они ударяли съ такою силою, что регаліи были поломаны. Въ ту-же минуту латникъ упалъ съ лошади передъ катафалкомъ; великій канцлеръ и великій подскарбій разломали свои печати.

Весьма торжественно везли останки Сигизмунда Августа изъ Тыкоцина въ Краковъ. На всемъ пути въ печальной процессіи участвовали убогіе (нищіе) въ длинныхъ траурныхъ одѣяніяхъ со свѣчами въ рукахъ. Изъ Тыкоцина вышло ихъ сто человѣкъ, въ Варшавѣ шло уже двѣсти, а въ Краковѣ шестьсотъ. Въ Варшавѣ прахъ короля внесли въ костелъ и здѣсь происходило заупокойное служеніе. Когда печальная колесница прибыла въ Краковъ, сопровождаемая многочисленнымъ духовенствомъ, сенаторами, панами, ихъ дворнею,—въ Флоріанской брамѣ встрѣтили шествіе епископы, иностранные посланники, городскіе цехи, тридцать траурныхъ носилокъ, покрытыхъ дорогою золотомъ шитою тканью, тридцать лошадей, земскіе хорунжіи съ своими отрядами, — всѣ въ траурѣ. Отсюда началось шествіе. Впереди шли воспитанники учебныхъ заведеній, далѣе духовенство монашествующее и свѣтское, шестьсотъ нищихъ въ длинныхъ траурныхъ мантіяхъ съ свѣчами, отряда войскъ съ хурунжіями, которые несли знамена съ гербами земель подвластнымъ Польшѣ, за тѣмъ знамена ленныхъ владеній: прусскаго, поморскаго, волошскаго, инфляндскаго и курляндскаго; наконецъ большое, надворное знамя великаго княжества литовскаго и королевства польскаго. За знаменами ѣхалъ латникъ съ обнаженнымъ мечемъ, остріе котораго было обращено къ землѣ, за нимъ другой латникъ (оруженосецъ) и за нимъ всадникъ въ королевскомъ одѣяніи. Далѣе высшіе чины несли регаліи, а вокругъ ихъ—шестьдесять придворныхъ съ зажженными большимя свѣчами. За гробомъ слѣдовала сестра короля, Анна Ягеллонка (потомъ супруга Стефана Баторія), со своимъ фрауцымеромъ, т.-е. придворными дамами и дѣвицами. Королеву поддерживали иностранные посланники. Въ заключеніе слѣдовалъ краковскій муниципалитетъ, т.-е. городская рада. Гробъ поставили въ каѳедральномъ соборѣ. На другой день опять процессія, но уже безъ королевскихъ останковъ, по цѣлому городу. Процессія вступала въ разные костелы, гдѣ стояли богато украшенные катафалки и гдѣ раздавались деньги бѣднымъ. На третій денъ совершилось погребеніе. Всѣ тѣ же обряды, какіе мы видѣли при погребеніи Сигизмунда I, повторились и теперь. Точно также латникъ упалъ съ лошади въ самомъ соборѣ, также были уничтожены печати канцлерская и подкарбія; но регаліи были положены въ гробъ безъ изуродованія ихъ, какъ на похоронахъ Сигизмунда I.

Сохранилось подробное описаніе одного изъ современниковъ той поры, какъ былъ одѣтъ умершій король. Тѣло Сигизмунда Августа было обернуто клеенкой, или какъ сказано въ рукописи, восковымъ холстомъ; поверхъ надѣта была рубашка изъ фламандскаго холста; потомъ длинная мантія изъ дорогой краснаго цвѣта парчи. По мантіи, вокругъ тѣла, обвязанъ былъ золотой шнуръ. Затѣмъ согласно обычаю, былъ надѣтъ бѣлый китайчатый стихарь (альба) и далматина (верхняя риза) изъ драгоцѣнной шитой золотомъ ткани. Наконецъ, на все это надѣта мантія изъ алтабаса (золотой ткани). На шею надѣли золотую цѣпь, стоившую двѣсти червонныхъ, оканчивавшуюся дорогимъ крестомъ, украшеннымъ алмазами и рубинами, а на палецъ два большихъ перстня: одинъ—смарагдовый (изумрудъ), другой—сапфировый. На рукахъ шелковыя перчатки, а на нихъ еще желѣзныя рукавицы. На ногахъ сапоги изъ золотой парчи съ серебряными позолоченными шпорами. На головѣ красная атласная шапочка и на ней корона. Тутъ же были мечъ въ серебряныхъ ножнахъ, жезлъ и держава. На грудь была положена серебрянная дощечка, позолоченная съ латинскою надписью, кто именно погребенъ. Гробъ внутри былъ устланъ чернымъ бархатомъ.

Еще со временъ кончины Болеслава храбраго установился обычай траура по кончинѣ короля; по кончинѣ королевы трауръ не былъ обязателенъ, а зависѣлъ отъ доброй воли. Трауръ продолжался цѣлый годъ. Никто, даже изъ простого званія, не появлялся на улицѣ безъ траура, главнымъ образомъ заключавшагося въ черномъ платьѣ. Женщины и дѣвушки не носили даже никакихъ украшеній. Танцы, музыка пѣніе были воспрещены. Въ Краковѣ, радная изба въ ратушѣ, даже столы были покрыты чернымъ сукномъ. Траурныя одѣянія отличались длинными воротниками и рукавами. Черныя суконныя мантіи были со шлейфами, въ три-четыре локтя длины.

Похороны гетмановъ, сенаторовъ и вообще богатыхъ пановъ отличались пышностью и богатствомъ: старались подражать королевскимъ похоронамъ. Такъ напр., Яна Тарновскаго въ Тарновѣ (1563 г.) хоронили совершенно по королевскому ритуалу. Съ древнѣйшихъ временъ, вошло въ обычай вести передъ гробомъ любимую лошадь почившаго, ломали копья. Когда умиралъ послѣднiй въ родѣ и съ нимъ пресѣкалась фамилiя въ мужской линiи, надъ покойникомъ ломали мечъ. Похороны Радзивилловъ, особенно Януша, подробно описанныя Лукашевичемъ въ «исторiи костела гельвецкаго», Острожскихъ, нѣкоторыхъ, особенно отличавшихся, великихъ гетмановъ, а въ новѣйшее время—похороны Косцюшки, Iосифа Понятовскаго, превосходили своею пышностью и живымъ сочувствiемъ народныхъ массъ даже королевскiя похороны.

IV.

Поляки, какъ и всѣ славянскiе народы, отличались гостепрiимствомъ. Эта черта всегда была весьма замѣтною во всѣхъ классахъ, у пановъ шляхты, мѣщанъ и даже бѣдныхъ крестьянъ. Наше время реализма и всеобщаго обѣднѣнiя уменьшили размѣры, но старая пословица «гость въ домѣ, Богъ въ домѣ» и теперь еще присуща Полякамъ. Поляковъ XVI и послѣдующихъ столѣтiй обвиняютъ въ излишествѣ, въ обжорствѣ и пьянствѣ. Рей изъ Нагловицъ и другiе современные поэты и писатели страшно преувеличиваютъ эти пороки. Они конечно существовали, но не были всеобщими. Много и тогда было людей умныхъ, трезвыхъ, никогда недоходившихъ до излишествъ. Но каждое время имѣетъ свои обычаи, извѣстную рутину, отставать отъ которой не возможно. XV вѣкъ, на сколько указываютъ сохранившiеся памятники того времени, славился гостепрiимствомъ, его требованiя были гораздо умѣреннѣе; угощали тѣмъ, что было дома; хозяинъ ставилъ гостю жаренаго гуся, да кусокъ говядины или телятины съ разными приправами, давалъ ему хорошаго домашняго пива—и всѣ были довольны. Изъ-за границы мало что привозилось; вина употреблялись только въ особенно торжественныхъ случаяхъ, въ дни именинъ, на крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ, да въ большiе праздники. Совсѣмъ иное въ XVI столѣтiи. Обычай измѣнился: однихъ кушаньевъ считалось тогда уже до трехсотъ, да множество сортовъ заморскихъ винъ. Пьянства, однако не было въ такой степени, какъ оно распространилось при Августахъ саксонскихъ, которые и сами любили выпить и полюбоваться тѣми, которые могли много выпить. Разсказываютъ анекдоты про бернардинскаго квестора, славившагося тѣмъ, что никто больше его не былъ въ состоянiи выпить. Случилось такъ, что когда Августъ II въ пути остановился на постоялом дворѣ, гдѣ для него былъ приготовленъ обѣдъ, проѣздомъ былъ тамъ и прославившiйся бернардинскiй квесторъ.

Костюмы поляковъ въ XVII столѣтiи.

Королю доложили объ этомъ. Тотъ велѣлъ подать самый большой бокалъ (кулявку), т.-е. безъ ножекъ, котораго нельзя было поставить и, призвавъ бернардина, спросилъ: можетъ ли сразу выпить этотъ бакалъ? Бернардинъ, въ присутствіи короля, усомнился въ своихъ силахъ и отвѣчалъ, что не знаетъ. Это раздосадовало короля и онъ отпустилъ его ни съ чѣмъ. Во время обѣда, когда придворные вносили разныя блюда, король замѣтилъ, что бернардинъ каждый разъ заглядывалъ въ двери. Онъ велѣлъ позвать его. Бернардинъ тотчасъ явился и, отвѣсивъ низкій поклонъ, доложилъ королю: «Могу Ваше Величество»!—Что ты можешь?—«Могу выпить сразу тотъ бакалъ». — А отчего же ты тогда прямо не сказалъ, что можешь?—«Я сомнѣвался, изъ такого бокала никогда не пилъ; но теперь попробовалъ. Маршалокъ велѣлъ мнѣ налить полный бокалъ — и я сразу выпилъ, вижу, что могу». — Такъ ты и еще разъ выпьешь?—«Выпью, Ваше Величество, попробовалъ, могу».—Налили, и онъ почти залпомъ выпилъ, т.-е. въ два пріема, больше гарнца, разумѣется, вина очень стараго. Королъ былъ такъ доволенъ, что подарилъ ему десять червонныхъ.

Въ послѣднее время царствованія Станислава Августа мода на пьянство исчезаетъ. Любители пьютъ еще, много пьютъ, но уже не хвастаютъ этимъ; пьютъ больше старики, молодое же поколѣніе почти совсѣмъ перестаетъ пить. Развратъ, значительно развившійся при Августѣ, тоже уменьшается, или покрайней мѣрѣ облекается въ болѣе приличныя формы. Любовныя отношенія нѣсколько облагороживаются, дѣлаются интимными, весьма часты случаи и истинной, безкорыстной любви. Среди цинизма, господствовавшаго въ обществѣ, самодурства магнатовъ, не рѣдки случаи страстной, правдивой, самоотверженной любви. Любовь Щенснаго Потоцкаго къ Маріи Коморовской, описанная такъ поэтически Мальчевскимъ, вовсе не исключительный случай. Если королевская Люли и является въ общество въ шелковомъ узкомъ платьѣ поверхъ одной только тоненькой батистовой рубашки, такъ что всѣ ея прекрасныя формы явственно обозначаются, если необутыя ея ножки (въ сандаліяхъ), пальцы которыхъ украшены богатыми кольцами, привлекаютъ взоры и возбуждаютъ страсть, если Люли и не исключительное явленіе въ женскомъ обществѣ, гдѣ находилось множество подражательницъ въ самыхъ высшихъ сферахъ,—зато Грабовская, морганатическая супруга короля, представляетъ совершенно иной примѣръ: она величественна, добра и умна; у нея въ домѣ все чинно, прилично и вмѣстѣ съ тѣмъ очень весело. Король, дитя своего вѣка, любилъ поволочиться, но онъ любилъ и цѣнилъ науку, искусство; онъ умѣлъ выбирать и окружать себя людьми талантливыми, учеными тружениками. Альбертранди, ученѣйшій мужъ своего времени, былъ у него хранителемъ кабинета древностей и библіотекаремъ собственной его библіотеки. Нарушевичъ, историкъ, подчасъ остроумный юмористъ, Красицкій-поэтъ—оба епископы—были ближайшими друзьями короля. Много было тогда людей, преданныхъ наукѣ и искусству, и каждый изъ нихъ былъ близокъ къ королю, пользовался его благорасположеніемъ, при всякомъ случаѣ могъ разсчитывать на его помощь и содѣйствія. Королевскіе обѣды по четвергамъ славились повсюду. Королю старались подражать министры, вельможи. Пулавы Чарторыжскихъ, Бѣлостокъ Браницкаго, женатаго на сестрѣ короля, Софіювка Потоцкаго — также давали пріютъ поэтамъ и ученымъ. Въ короткое время совершился крупный переворотъ къ лучшему; не подавали уже на столъ десятки блюдъ, но блюда эти были гастрономичнѣе, утонченнѣе; не пили, какъ въ былое время, до одуренія, но пили изысканныя вина, лучшихъ сортовъ. Любовь къ наукамъ, къ искусству, родному языку и литературѣ занимали, интересовали всю лучшую часть общества. Правда, игра въ карты сдѣлала большіе успѣхи; проигрывали подъ часъ все. Какъ описываетъ Генрихъ Ржевускій, одинъ каноникъ въ Варшавѣ, проигравъ все, что при немъ было, поставилъ на карту «обѣдню», которую долженъ былъ отслужить для своихъ компаніоновъ, обобравшихъ его. Обѣдня была проиграна и каноникъ отслужилъ ее торжественно, при многочисленномъ стеченіи публики. Обжорство, пьянство, шулерство, волокитство, разнузданность нравовъ—все это скверно; но гдѣ же и у какого народа этого не было? Между тѣмъ наши хулители припи-

сываютъ все это исключительно полякамъ, забывая, что все это быть можетъ не такъ гласно, не такъ открыто творится до сихъ поръ и у насъ, и въ другихъ цивилизованныхъ странахъ.

Чтобы представить болѣе наглядную жизнь поляковъ, возвратимся еще къ былому, за время съ XVI и до половины XVIII вѣка.

По описанію Рея изъ Нагловицъ на барскомъ столѣ ставили множество блюдъ, до тридцати, даже до пятидесяти. Тутъ были всевозможныя «сапоры», т.-е. соусы, позолоченые бараны, пѣтухи, куры, зайцы, щуки, лососина, фазаны, головы кабановъ, рябчики, тетерева, угри, форели и т. д. до безконечности. Тутъ-же были всевозможныя печенья и сахарныя издѣлія, изображавшія людей, животныхъ, цвѣты и деревья. Вотъ напр. разодѣтая дама, тамъ нагая дѣвушка, далѣе морской фонъ, дельфины, золоченые орлы, дубъ съ желудями, розы, фіалки, разные торты изъ миндалей, хлѣбное пирожное и т. д.; при этомъ подавались вина, «Витна-херъ», «розекеръ», пахнувшій розами, дорогія заграничныя вина, «Ривула», въ родѣ ренвейна, морейская «Малвазія», македонскій «Мускатель», старое полынное вино и старыя венгерскія вина. Во главѣ же всего было токайское, заступавшее тогда мѣсто нашего шампанскаго. Все время играла музыка, по окончаніи же обѣда раздавали каждому гостю дорогіе подарки.

Поляки любили музыку. Въ каждомъ барскомъ домѣ непремѣнно былъ свой оркестръ, составленный конечно изъ крѣпостныхъ. Въ особенности преобладала громкая, шумная музыка, состоявшая изъ трубъ, барабановъ и т. п. Любили также украинскую «кобзу». Обыкновенно оркестръ состоялъ изъ пяти басовъ, двѣнадцати дискантовъ, шести альтовъ, восьми теноровъ, двѣнадцати вагантовъ. Другіе напротивъ любили мелодическую музуку, въ которой главную роль играли флейта, арфа, цитра, испанская гитара и т. д. Народъ любилъ больше сербскія скрипки и дуды. Извѣстна также была «друмля». Вожатые медвѣдей играли на «мультанкахъ», «гайдкахъ» (небольшихъ скрипкахъ); евреи на «цымбалахъ», называвшихся также «гребнями». Цыгане забавляли публику игрою на «джингахъ», инструментѣ съ колокольчиками. Въ нѣкоторыхъ домахъ во время пиршества дѣвушки играли на костяныхъ лютняхъ.

Во время пиршествъ, конечно прислуга была многочисленна. Въ обыкновенное же время, когда было гостей не много, или когда ихъ вовсе не было, за обѣдомъ прислуживали также и дѣвушки. Постоянно двѣ дѣвушки, называвшіяся паннами, наблюдали за порядкомъ, другія двѣ подавали напитки.

Современные писатели XVI и XVII ст., Рей, Збылитовскій и др. возставали противъ этихъ пиршествъ и въ описаніяхъ своихъ старались возбуждать къ нимъ отвращеніе, представляя многое въ каррикатурѣ, преувеличенно, саркастически. Болѣе безстрастный поэтъ, Кленовичъ, хотя и съ нѣкоторымъ паѳосомъ, но болѣе вѣрно описываетъ польскія пиршества (Victoria deorum, cap. XXI и XXXV): «Дѣло закипѣло, — говоритъ онъ, — кухня блеститъ огнями. Вотъ на вертелахъ жарятся тучные тельцы; отъ яркаго пламени льется обильный жиръ и дымится раскаленный уголь. Тамъ, на трещащемъ огнѣ дрожатъ большія сковороды. Кипятокъ не можетъ вмѣститься въ сосудахъ, выливается черезъ край, а въ котлахъ прыгаетъ вареное мясо. Все, что только доставляетъ наше море, земля и воздухъ, выставляется на нашихъ столахъ. Триста (!) кушаньевъ нагружаютъ столъ. Обжорство научило, какъ начинять быковъ и свиней жареными птицами и разными пряностями. Тучная дичь жарится подъ открытымъ небомъ и, подъ ея тяжестью, сгибаются колы, которыми она проткнута. Огромныя, тяжелыя блюда и мисы окружены тарелками. Сколько тутъ лакомствъ для гортани, для изнѣженнаго нёба, а какъ смущаетъ запахъ блюдъ! Какъ только пробудилась жажда,—являются на столѣ пѣнящіеся бокалы, а въ нихъ играетъ доброе, старое вино. Гостепріимство хозяина оживляетъ лицо гостя. А вотъ серебряныя чаши наполнены чистѣйшимъ виномъ; какъ изъ обильнаго источника, льются потоки вина и текутъ свободныя рѣчи. Этотъ большой кувшинъ, этотъ величественный двухъушный сосудъ призрительно смотрятъ съ высокаго стола на низенькія

кружки, а старое вино шипитъ и горитъ въ червонномъ золотѣ. Этотъ огромный бокалъ, сопутствуемый тысячью рюмокъ, гордится ученою рѣзьбою и виднѣющимися на немъ изображеніями».

Вотъ еще описаніе пиршества того же Кленовича, съ поучительнымъ примѣчаніемъ, что «богатства, нажитыя дѣдами и отцами, тратятся на изысканныя явства, испускающія благоуханія». Онъ говоритъ: «столы заставлены; цѣлая стая богато одѣтыхъ слугъ суетится подобно странствующимъ журавлямъ. Густымъ облакомъ подымается паръ отъ многочисленныхъ блюдъ, длиннымъ рядомъ уставленныхъ на столѣ. Вотъ мяса и рѣдчайшія рыбы, шестьсотъ мучныхъ чудовищъ въ тысячѣ образовъ, на подобіе Протея, пекутся и жарятся, возбуждая аппетитъ, щекоча гортань. Омаръ и ракъ прыгаютъ въ кострюлѣ, на блюдахъ (любимое кушанье) бобровые хвосты, свиное вымя, фрикасе, разные соусы и приправы. Множество мисокъ занято разными супами. Какая роскошь и разнообразіе этихъ пировъ! — восклицаетъ Кленовичъ. Продолжительные завтраки и обѣды при постоянномъ излишествѣ смѣняются ужиномъ; потомъ слѣдуютъ дессерты, которыхъ касается розовыми перстами благодѣтельная заря, проникая въ скважины ставень и привѣтствуя гостей своимъ сіяніемъ и блескомъ». Къ числу лакомыхъ блюдъ поэтъ причисляетъ также «frutti di mare» (мелкихъ морскихъ животныхъ, озерныхъ лягушекъ, кривыхъ молюсковъ и черепахъ).

Домашняя жизнь шляхтича отличалась умѣренностью, между тѣмъ, когда гость въ домѣ, шляхтичъ подавалъ все, что имѣлъ. Столъ у шляхтича былъ не изысканный, безъ заморскихъ затѣй, но сытный и здоровый. На столѣ являлись капуста, горохъ, курица, гусь, индѣйка, тетеревъ и разная дичь, а также рыба, въ которой никогда недостатка не было, наконецъ—незатѣйливое пирожное и домашнія овощи. Случалось и такъ, что когда почетные гости занимали первыя мѣста, имъ подавали лучшія блюда, а прочимъ обыденныя. Такъ, напр., когда знатному гостю подавали куропатку, рябчика, тетерева и т. п., остальнымъ подносили говядину съ хрѣномъ и лукомъ, гуся, курицу. Шляхтичъ больше всего питался говядиной, ветчиной, солониной, рисовой кашей съ молокомъ, телятиной, кабаньимъ жаркимъ, поросенкомъ, гусемъ. Рѣдки случаи, когда шляхтичъ подчивалъ своихъ гостей виномъ. У него всегда былъ запасъ меду и пива; если же и подавалось вино, то бутылку ставили только передъ знатнымъ гостемъ. Тосты провозглашались даже пивомъ. Хозяинъ становился на колѣна передъ гостемъ и пилъ за его здоровье изъ полнаго большого кувшина, а потомъ передавалъ его по очереди другимъ, строго соблюдая старшинство. Наилучшимъ считалось мартовское пиво, ченстоховское, опавское, свидницкое. Въ Радомѣ, Равѣ, Гарволинѣ, Самборѣ были большіе пивоваренные заводы и оттуда пиво развозилось по всему краю; но наибольшею славою пользовалось гданское пиво. Превосходный медъ дѣлали въ Литвѣ и на Волыни, откуда поляки выписывали его въ большомъ количествѣ. Впрочемъ, болѣе зажиточная шляхта и у себя дома приготовляла медъ и пиво. Въ Польшѣ были въ употребленіи очень мало настойки, наливки и инаго рода напитки изъ ягодъ и овощей, которыя отлично выдѣлывались въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, замѣняя вино даже у пановъ. Мало было въ Польшѣ и «старыхъ» водокъ, которыми и до сихъ поръ еще кое-гдѣ славится Литва. Пятидесятилѣтняя «старка», или старый липецъ, т. е. медъ дѣланный въ іюлѣ, «дембнякъ» (отъ дуба) и другіе напитки—еще и теперь водятся тамъ; въ Польшѣ же почему то не придавали имъ особеннаго значенія. Здѣсь была въ славѣ гданская водка, французская, разные ликеры. Для домашняго же обихода приготовлялась обыкновенная водка изъ собственной винокурни, но только пережженная, та же, что русская «очищенная». Пьянство и обжорство въ XV и XVI столѣтіи еще усилились въ XVII при Августахъ, но эти пороки далеко не были общи; это были случаи, даже частые случаи — но не составляли общей черты ни у пановъ, ни у шляхты. Были сорванцы, которые любили покушать; было въ духѣ времени много пить, много ѣсть. Вельможи, желая привлечь на свою сторону шляхту, особенно когда ѣхали на сеймъ, или когда предстояли выборы короля, спаи-

вали ее; но тѣ же вельможи, сидя у себя дома, вовсе не думали объ обжорствѣ, или пьянствѣ. У высокихъ сановниковъ Польши, у гетмановъ, воеводъ, кастеляновъ, епископовъ и т. д., барскій столъ ежедневно былъ открытъ для имѣвшихъ къ нимъ доступъ. Каждый день пріѣзжало много постороннихъ лицъ, по дѣламъ, по порученіямъ отъ другихъ вельможъ—и каждый пріѣзжій былъ угощаемъ, какъ гость. Бывали такіе пріѣзжіе, которыхъ хозяинъ и фамиліи забылъ, но они сидѣли по полугоду, все ожидая отвѣта; хозяинъ хорошо зналъ объ этомъ, но въ его интересѣ было медлить. Въ магнатскихъ домахъ жизнь была удобная, пріятная, даже роскошная, но все не такая пьяная и буйная, какъ намъ описываетъ Кленовичъ. То, что онъ описываетъ, дѣйствительно было, но какъ случайность, у людей праздныхъ, разорившихся на угощеніе. Ко всему польскому обществу этого никакъ нельзя отнести. Ежели заглянуть въ архивы бывшихъ польскихъ магнатовъ, — каждаго удивитъ, какая тамъ кипѣла дѣятельность, какая точность, порядокъ въ сохраненіи переписки, разныхъ актовъ, дневника сеймовъ и т. п. Немного уже уцѣлѣло такихъ архивовъ, но гдѣ они есть еще, это настоящая сокровищница для выясненія минувшей жизни польскихъ сановниковъ.

Дворъ польскихъ богатыхъ пановъ составлялся преимущественно изъ молодыхъ людей недостаточной шляхты. Они занимали разныя должности подъ начальствомъ маршала, заправлявшаго всѣмъ. Въ числѣ шляхты, состоявшей при панскихъ дворахъ, бывали и довольно богатые, потому что такой дворъ былъ для нихъ школою жизни, потому что, заручившись расположеніемъ такого пана, сенатора, воеводы, гетмана, они пролагали себѣ путь къ достиженію впослѣдствіи почетныхъ должностей и къ обезпеченію своей будущности. Другіе же получали имѣнія въ арендное содержаніе на продолжительное время. Кромѣ того еще каждый большой панъ содержалъ на свой счетъ постоянное войско, съ которымъ ходилъ и на войну. У воеводы Яблоновскаго было 7,000 дворянъ, слугъ и воиновъ, у Станислава Любомірскаго 6,000. Множество было ихъ у Замойскихъ, Ходкевичей, Потоцкихъ, Ландскронскихъ и другихъ. Многочисленнѣе всѣхъ былъ дворъ князей Острожскихъ и Радзивилловъ. При такихъ панскихъ дворахъ главное мѣсто принадлежало ксендзу капеллану, потомъ лекарю, учителямъ дѣтей, архиваріусу, библіотекарю и секретарямъ. Ихъ было нѣсколько, но старшій, самый близкій къ патрону, пользовавшійся его довѣріемъ, посвященъ былъ въ политическія тайны и игралъ весьма видную роль. Множество другихъ назывались «офиціалистами», исполняя разныя порученія. Конечно, на всѣхъ не хватало дѣла. При каждомъ случаѣ, когда панъ выѣзжалъ по службѣ или для собственнаго удовольствія, весь дворъ сопровождалъ его. Впереди ѣхали «серебряные» казаки, названные такъ отъ ливреи съ серебряными галунами и позументами. За экипажемъ сановника множество домочадцевъ ѣхало верхомъ и въ колымагахъ. За день до отъѣзда, если въ пути приходилось пробыть два или больше дней, отправлялись фургоны съ кухней, съ разными къ ней принадлежностями, съ поварами и служителями. Они заготовляли на постоялыхъ дворахъ или въ обыкновенныхъ корчмахъ завтраки, обѣды и ужины, такъ что вельможа пріѣзжалъ на все готовое.

Епископы точно также содержали большіе дворы, съ многочисленными «дворжанами», служителями и надворнымъ войскомъ. Служба при панскихъ дворахъ, у извѣстныхъ своею знатностью вельможъ, переходила изъ рода въ родъ; сынъ, поступая на службу, гордился тѣмъ, что передъ нимъ служилъ уже здѣсь его отецъ, или даже дѣдъ. Отецъ его и дѣдъ, достигшіе своею службою почетныхъ должностей, нажили имѣнія; сынъ, не нуждаясь въ средствахъ, считалъ долгомъ и честью для себя служить тому же пану. Съ своей стороны и панъ дорожилъ такимъ дворжаниномъ болѣе, чѣмъ поступавшими къ нему лично, безъ родовыхъ заслугъ. Такъ вырабатывался патріархальный обычай; шляхта привязывалась къ своему покровителю и, въ случаѣ надобности, готова была жертвовать для него самою жизнію.

Когда сенаторъ получалъ назначеніе отправиться въ качествѣ посла къ иностранному двору, или когда надобно было ѣхать на коронацію, — польскій магнатъ не жалѣлъ ничего,

чтобы блескомъ и великолѣпіемъ удивить иностранцевъ. И въ самомъ дѣлѣ дивились иностранцы. Кардиналъ князь Юрій Радзивиллъ въѣзжалъ въ Вѣну въ качествѣ королевскаго посланника въ двадцати восьми богатѣйшихъ экипажахъ, двѣсти восемьдесятъ человѣкъ придворныхъ сопровождали его и всѣ были разодѣты въ парчу и бархатъ. Поѣздка Льва Сапѣги въ Москву въ 1600 году стоила два милліона. Христофоръ Радзивиллъ сопутствовалъ Сигизмунду III въ Швецію. Кромѣ королевскаго двора у Радзивилла былъ собственный дворъ, состоявшій изъ тысячи человѣкъ! Шведское правительство, разумѣется, на свой счетъ содержало гостей и шведскій комиссаръ назначилъ на всю свиту Радзивилла по два вола ежедневно. Ему доложили, что этого мало, тогда онъ велѣлъ прибавить къ двумъ воламъ, еше по двѣ козы ежедневно. Про свадьбу Яна Замойскаго съ Гризельдою Баторы сохранились цѣлыя легенды. Сигизмундъ Мышковскій ѣздилъ посланникомъ къ императору Рудольфу въ Прагу. Его сопровождалъ епископъ Шишковскій и много знатныхъ пановъ. Въѣздъ былъ торжественный. Впереди шествія вели арабскихъ и турецкихъ жеребцовъ съ богатѣйшею золоченою, украшенною дорогими каменьями, сбруею. Каждаго жеребца вели два «бусурмана», т. е. два татарина въ богатыхъ національныхъ костюмахъ. За ними слѣдовало тридцать восемь шестимѣстныхъ каретъ съ членами посольства. Потомъ ѣхалъ самъ посолъ съ епископомъ, а въ другомъ экипажѣ—имперскій канцлеръ, встрѣчавшій посла. Триста человѣкъ, на богатѣйшихъ коняхъ, окружали карету посла. Въ 1622 году князь Христофоръ Збоража́скій ѣздилъ посломъ въ Константинополь; его окружала многочисленная свита изъ молодыхъ людей знатныхъ родовъ, а дворъ состоялъ изъ четырехъ сотъ человѣкъ. На самый выкупъ польскихъ плѣнниковъ Зборажскій изъ собственныхъ денегъ пожертвовалъ 80,000 лѣвовъ, не говоря уже о богатыхъ подаркахъ султану и его сановникахъ. Въ Парижѣ польскіе послы всѣхъ превосходили богатствомъ и роскошью (Les personnes, les habits, les chveaux, les carosses des ambassadeurs Polonais eclipserent la splendeur de la cour de France.—(Voltaire siecle de Louis XIV).

Мы сказали уже, что дворъ знатнаго вельможи былъ не только школою для молодыхъ дворянскихъ дѣтей, но вмѣстѣ съ тѣмъ открывалъ имъ путь къ достиженію разныхъ должностей и упроченію своей будущности. Конечно, при такомъ многолюдствѣ, при юношескихъ порывахъ, могли происходить разныя безпутства. Все зависѣло отъ личности магната. Важную роль игралъ и маршалъ двора, главный командиръ этой многочисленной толпы. Были такія личности изъ вельможъ, которыя умѣли узнавать характеръ, оцѣнивать способности молодыхъ людей, и избранные изъ тѣхъ, на которыхъ вельможа обращалъ особенное вниманіе, благодаря покровительству, достигали потомъ высшихъ степеней въ служебной іерархіи и богатства. Въ этомъ отношеніи особенно былъ замѣчателенъ коронный канцлеръ, краковскій епископъ, Самуилъ Мацѣевскій, человѣкъ высокаго, проницательнаго ума, необыкновеннаго трудолюбія и дѣятельности. Распологая большими средствами, какія давало краковское епископство, онъ употреблялъ ихъ на пользу общую. И у него былъ многочисленный дворъ, потому что, по обычаю и духу времени, этого требовало его высокое положеніе въ государствѣ. Даже самая зажиточная шляхта считала для себя за особенное счастье, если могла включить въ число его дворжанъ своего сына. Гурницкій, который самъ служилъ сначала при дворѣ епископа, говоритъ между прочимъ, что «изъ Троянова коня не вышло столько храбрыхъ воиновъ, сколько изъ дома Мацѣевскаго благородныхъ, доблестныхъ способныхъ дѣятелей». Въ числѣ его придворныхъ былъ и извѣстный Пржирембскій, который, благодаря покровительству епископа, изъ простаго придворнаго сдѣланъ былъ потомъ вице-канцлеромъ, достигъ епископства холмскаго и, наконецъ, первенствующаго званія въ государствѣ, именно архіепископа гнезненскаго и примаса королевства. Примасъ же былъ первымъ лицомъ послѣ короля. Въ этомъ высокомъ званіи Пржирембскій заслужилъ общую любовь и уваженіе, собственно потому, что старался подражать во всемъ Мацѣевскому.

Гурницкій такъ описываетъ обязанности дворжанина, по тѣмъ примѣрамъ, которые онъ

почерпнулъ во время службы своей у епископа Мацѣевскаго. Дворжанинъ долженъ держать себя съ достоинствомъ, избѣгать всякихъ крайностей, имѣя постоянно въ виду честь и славу не только самого себя, но и господина, которому онъ служитъ. Онъ долженъ помнить, что онъ не болѣе, какъ слуга, и обязанъ любить и почитать своего господина, стараясь во всемъ угождать ему, исполнять его волю безпрекословно и безъ лести. Чтобы угодить своему господину, онъ долженъ переломить себя, исполняя даже такія приказанія, къ которымъ лично чувствуетъ отвращеніе. Являясь предъ лицо своего господина, онъ долженъ оставить всякую недобрую мысль дома, имѣть лицо веселое; долженъ остерегаться сплетенъ, и если бы даже былъ обиженъ, никогда не говорить ничего дурного о своемъ господинѣ. Долженъ избѣгать разврата, не быть разносителемъ всякихъ новостей, быть осторожнымъ въ разговорѣ, не упорствовать, не спорить, не хвастать, держать себя съ достоинствомъ, скромно. Въ обращеніи съ господиномъ не допускать фамильярности, подобно тѣмъ, которые имѣвъ разъ въ жизни случай говорить съ воеводой, потомъ при встрѣчѣ бѣгутъ къ нему съ ужимками и усмѣшками. Ничего не выпрашивать для себя у господина, не входить даже въ его кабинетъ безъ особаго приказанія, а когда будетъ приглашенъ, не надоѣдать пустою болтовней, но стараться развлечь пріятною бесѣдою.

Портретъ польскаго магната.

Конечно, такого рода нравоученія совсѣмъ не подходятъ подъ нынѣшнія наши понятія. Но тогда было такое ужь время; Гурницкій, Пржирембскій и многіе другіе были именно такими дворжанами и конечно не жалѣли объ этомъ.

Чтобы уяснить характеристику отношеній вельможи къ лицамъ, составлявшимъ его дворъ изъ шляхтичей, мы разскажемъ здѣсь достовѣрный случай, который намъ переданъ въ молодости одною весьма почтенною личностью. Это было въ Несвижѣ, у прославленнаго «Пане Коханку»—князя Карла Радзивилла. Былъ у него кассиромъ честный, испытанной добросовѣстности и преданности Радзивилламъ шляхтичъ. За свои заслуги, онъ получилъ уже запись

довольно значительной суммы, которою могъ воспользоваться во всякое время; но онъ не торопился, служилъ попрежнему, получалъ жалованье и проценты отъ подаренной ему суммы. Осенью, какъ-то случилось, что въ одинъ день было весьма значительное поступленіе денегъ отъ посессоровъ и другихъ лицъ. Въ конторѣ (кассѣ) перебывало много людей. Деньги въ то время большею частью обращались въ червонцахъ, хранимыхъ въ небольшихъ боченкахъ, обитыхъ желѣзными обручами. Такихъ боченковъ стояло много въ конторѣ на полу. Вечеромъ, когда пришлось свести счеты и снести деньги въ кладовую,—хвать,—нѣтъ двухъ боченковъ съ золотомъ! Оторопѣвшій кассиръ, пригласилъ маршалка двора, разсказалъ ему свою бѣду, прибавивъ, что никого постороннихъ въ конторѣ не было, кромѣ лицъ, приносившихъ деньги, да разныхъ официалистовъ, сновавшихъ то за тѣмъ, то за другимъ. Маршалъ обѣщалъ тайкомъ слѣдить за послѣдними, но приказалъ держать дѣло въ тайнѣ, чтобы не обезславить княжескій дворъ, что, дескать, въ числѣ панскихъ ассистентовъ завелись воришки. На другой день кассиръ явился къ князю и цѣлуя его колѣна, подалъ ему дарственную запись, объяснивъ, въ чемъ дѣло, и прибавивъ, что онъ этою записью желаетъ пополнить допущенную по его винѣ растрату, и что на будущее время, послѣ того, что случилось, служить кассиромъ чувствуетъ себя неспособнымъ. Князь хладнокровно выслушалъ разсказъ, возвратилъ ему запись, прибавивъ: «не твоя, пане коханку, вина, что у насъ завелись воры; я тебя не отпущу, служи какъ служилъ, а надобно отыскать воришекъ, но тихо, чтобы никто не узналъ, что у насъ случилось, а то скажутъ, пане коханку, что Радзивиллъ держитъ воришекъ на своемъ столѣ. Стыдно будетъ, пане коханку!»

Тѣмъ дѣло и кончилось. Всѣ усилія открыть виновныхъ не привели ни къ чему. Прошла зима. Въ половинѣ лѣта какъ-то наѣхало много гостей, начался кутежъ, нарѣзались до положенія ризъ. Въ числѣ нарѣзавшихся былъ одинъ изъ старшихъ дворжанъ, человѣкъ положительный и очень честный. Чтобы освѣжиться, а былъ уже вечеръ, онъ вздумалъ выкупаться и пошелъ къ пруду. Засѣвъ въ кустарникахъ, онъ сталъ раздѣваться, какъ вдругъ шагахъ въ ста отъ себя, слышитъ разговоръ двухъ оффиціантовъ, которыхъ узналъ по голосу.—«Считай безошибочно пятьдесятъ шаговъ»,—говорилъ одинъ. Другой отправился въ воду и слѣдуя въ прямомъ направленіи, считалъ шаги. Достигнувъ цѣли, онъ остановился. — «На лѣво, пять шаговъ». Тотъ сдѣлалъ пять шаговъ и опять остановился. «Теперь двадцать пять шаговъ прямо». Когда тотъ дошелъ до мѣста, съ берега послышался голосъ — «теперь семь шаговъ направо—и баста!» Дворжанинъ, слыша это, притаился такъ, что его въ кустахъ нельзя было и замѣтить. Случай этотъ такъ его заинтересовалъ, что у него и хмѣль вышелъ изъ головы. Между тѣмъ оффиціантъ, бывшій въ водѣ, нагнулся и какимъ то желѣзнымъ орудіемъ началъ шарить на днѣ.—«Есть!»—воскликнулъ онъ. «Ну, такъ добывай и неси». Черезъ нѣсколько минутъ, тотъ дѣйствительно добылъ что-то и принесъ на берегъ. Дворжанинъ слышалъ, какъ отсчитали триста червонцевъ; ясно было, что ихъ брали изъ боченка и ему вспомнилась извѣстная исторія съ покражею двухъ боченковъ. Потомъ прошло не мало времени, пока опять задѣлали боченокъ, снесли его на то же мѣсто и укрѣпили на днѣ пруда. Дворжанинъ, выждавъ, пока оба молодца ушли съ берега, отправился къ маршалку и разсказалъ ему все видѣнное имъ. На другой день его позвали въ кабинетъ князя. Тутъ были кассиръ и маршалокъ. Князь взялъ съ нихъ клятву, что они «не обезчестятъ» княжескаго двора и никогда никому не скажутъ объ этомъ ни слова. Потомъ позвали виновныхъ. Князь объяснилъ имъ, что онъ воровъ у себя въ домѣ держать не желаетъ, но что они должны уйти отъ него съ честію, не подавая малѣйшаго повода къ догадкамъ о случившемся. На память же, что дворянину воровать не слѣдуетъ, они получатъ отеческое наказаніе. Дверь заперли, виновныхъ по очереди растянули на коврѣ, кассиръ и маршалъ придерживали, а довѣренный и любимый камердинеръ князя, тоже дворянинъ, отсчиталъ каждому по сотнѣ полновѣсныхъ нагаекъ. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, при всѣхъ маршалокъ доложилъ князю, что такіе-то,

по домашнимъ обстоятельствамъ, просятъ объ увольненіи ихъ отъ службы. «Очень жаль, пане коханку. Ведите себя честно, какъ пристойно дворянину и слугѣ Радзивилла». Молодые люди подошли къ князю, поцѣловали его руку и колѣна. Князь же, обращаясь къ маршалку, прибавилъ: «Дайте имъ, пане коханку, хорошихъ пару лошадей со сбруею, да по пятидесяти дукатовъ на дорогу». Вынутые ими изъ боченка триста дукатовъ были отобраны маршалкомъ; они же сами, въ его присутствіи, на зарѣ, добыли изъ воды оба боченка, но конечно, въ нихъ не было уже всей суммы.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Всѣ сопричастные этому дѣлу вымерли уже; но жилъ еще въ глубокой старости бывшій кассиръ. Никто ничего не зналъ о несвижскомъ происшествіи, и только, когда умеръ послѣдній изъ дѣйствовавшихъ лицъ, кассиръ разсказалъ объ этомъ извѣстному польскому историку Николаю Ивановичу Малиновскому, который любилъ разспрашивать старика о несвижской жизни, о князѣ «пане-коханку» и его прославленныхъ причудахъ. Отъ Малиновскаго и мы узнали объ этомъ. Одинъ изъ похитителей боченковъ, котораго фамиліи кассиръ не сказалъ, сдѣлался честнымъ человѣкомъ, учавствовалъ въ польскихъ легіонахъ и былъ убитъ въ одномъ изъ сраженій. Другой же — былъ Даниловичъ, на котораго отеческое наказаніе не подѣйствовало. Даниловичъ въ 1812 г. былъ редакторомъ «Литовскаго Вѣстника». Онъ всюду бѣгалъ за Наполеономъ и кричалъ «да здравствуетъ!»,— такъ что обратилъ на себя вниманіе императора и былъ приглашенъ во дворецъ. Онъ успѣлъ снискать такое довѣріе Наполеона, что тотъ сдѣлалъ его начальникомъ тайной полиціи, съ предоставленіемъ права высылать всѣхъ подозрительныхъ въ Данцигъ. Даниловичъ сумѣлъ воспользоваться этою привиллегіею и нажилъ значительное состояніе, купилъ имѣніе, женился на родной племянницѣ, былъ предводителемъ дворянства одного изъ уѣздовъ Ковенской губерніи, отличился въ 1831 г. своею преданностью правительству, имѣлъ разные ордена. Громъ убилъ его дочерей, жена умерла; отверженный всѣми, презираемый, умеръ онъ въ глубокой старости.

Костюмы полекъ въ XVI столѣтіи.

Приведенный нами случай былъ не единственный; но каждый такой случай сохранялся въ глубочайшей тайнѣ. Были въ числѣ служащихъ люди, преданные разгулу, своеволію; случались въ ихъ средѣ ссоры и драки; но попадались и люди съ большими достоинствами,

главнѣйшимъ изъ которыхъ считалась безусловная преданность своему вельможѣ, послушаніе и точность въ исполненіи данныхъ порученій. Такіе ассистенты, какъ мы уже знаемъ, выходили въ люди и наживали состояніе, но связь ихъ съ благодѣтелемъ никогда не прекращалась; по первому его зову, они являлись и были усердными дѣятелями по исполненію завѣтныхъ мыслей и стремленій вельможи. Какъ не кажется теперь все это страннымъ, даже дикимъ, но по духу времени, по исключительности положенія вельможъ, для ихъ тщеславія, для ихъ видовъ ассистенты эти были полезны. Ассистенты при панскомъ дворѣ обучались и всему тому, что въ то время считалось необходимымъ для приличнаго молодого шляхтича: отличной верховой ѣздѣ, фехтованью, стрѣльбѣ, гимнастическимъ упражненіямъ, танцамъ и т. п. Другіе занимались науками, или литературою; третьи исключительно посвящали себя военному дѣлу; иные, наконецъ, получили возможность практически изучать законы, уставы, разныя очень сложныя формы веденія тяжбъ. Были и такіе, которые охотнѣе всего занимались земледѣліемъ. Панскій дворъ былъ общею школою для всякаго рода дѣятельности, за исключеніемъ торговли, строго воспрещавшейся шляхтичу, какъ несогласной съ родовымъ его достоинствомъ.

При каждомъ дворѣ, подобно королевскому, непремѣнно состоялъ «шутъ», который забавлялъ своего пана остротами, никого не щадя при этомъ. Никого такъ не боялись, какъ шута: онъ все подмѣчалъ и, прикидываясь дурачкомъ, все выводилъ на чистую воду. Поэтому всѣ у него заискивали, задобривали его, какъ могли. Другіе же сами наводили его на путь, открывая ему закулисныя дѣлишки. Шутъ пользовался этимъ и тайны разоблачались.

Въ предыдущемъ очеркѣ (VIII) почтенный авторъ коснулся одежды поляковъ и представилъ вѣрную картину, какъ разновременно измѣнялись костюмы поляковъ и какое вліяніе имѣли на эти измѣненія царствующія лица. Мы не станемъ повторять подробностей, извѣстныхъ читателю. Прибавимъ лишь нѣсколько словъ отъ себя. Совершенно вѣрно, говоритъ авторъ, что первообразъ польской одежды сохранился и до сихъ поръ въ крестьянской одеждѣ. Такъ одѣвались и всѣ поляки: жупанъ, поясъ, старопольская шапка составляли главныя принадлежности одежды. Богатые поляки отличались тѣмъ, что обыкновенное крестьянское сукно, а зимою кожухъ, замѣняли дорогими матеріалами: тонкимъ сукномъ, бархатомъ, разными тканями, съ прибавкою дорогихъ пуговицъ, разноцвѣтныхъ вышивокъ, поясовъ изъ золотистой ткани и т. п. Покрой, вѣроятно, долгое время былъ такой же, какъ у крестьянъ и у мѣщанъ. Потомъ ужь начались позаимствованія иностранныхъ костюмовъ. Замѣчательно, что усвоивая костюмы разныхъ народовъ, итальянцевъ, венгерцевъ, французовъ, испанцевъ, даже турокъ, валаховъ и татаръ, поляки имѣли отвращеніе къ нѣмецкому костюму и никогда не употребляли его. Есть даже поговорка: «не твори нечистаго грѣха, берегись нѣмецкаго костюма».

Страсть къ богатой, роскошной одеждѣ завелась съ давняго времени. Еще при дворѣ Болеслава Храбраго, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ Мартинъ Галлъ, паны и пани носили дорогія одежды и шубы, крытыя парчею. Мужчины носили на шеѣ тяжелыя золотыя цѣпи, а у пань разныя золотыя украшенія были такъ тяжелы, что ихъ, т. е. пань, надобно было поддерживать, чтобы онѣ не упали. Въ царствованіе Альбрехта и Александра Ягеллона, все еще носили длинныя одежды изъ дорогихъ матерій и употребляли богатые мѣха. Тогда же существовалъ обычай отпускать длинные волосы. Въ началѣ XVI столѣтія, при Сигизмундѣ I, стали уже носить короткіе жупаны. Людовикъ Венгерскій, потомъ Стефанъ Баторій ввели въ моду венгерскій костюмъ. Сигизмундъ-Августъ любилъ одѣваться по-испански; Бона распространяла итальянскіе обычаи; Генрихъ Валуа привезъ съ собою французскую моду. Во второй половинѣ XVI столѣтія богатые паны и шляхта носили дорогія одежды изъ парчи, обшитой жемчугомъ. Жупаны для зимы подбивали собольимъ или куньимъ мѣхомъ, отвороты же вышивались серебромъ и золотомъ. На пальцахъ носили серебряные, позолоченые и золотые перстни съ жемчугомъ. Дорогія персидскія кривыя сабли были въ серебряныхъ и даже золотыхъ ножнахъ: ножны и рукоятки украшались драгоцѣнными камнями. Употребляли еще большущіе

палаши, которые за панами носили слуги. Въ модѣ были кривыя сабли. Носили копья, щиты, надѣвали панцыри и шлемы. Женщины ввели въ моду мужскіе плащи. Дѣвушки ходили съ открытыми головами, украшенными вѣнками изъ цвѣтовъ, а также золотыми, жемчужными и шелковыми повязками; замужнія же носили на головѣ покрывала, кисейныя или газовыя, но потомъ вошли въ употребленіе шелковыя шапочки, отороченныя мѣхами. Шляхтѣ же подражали и богатые мѣщане, особенно краковскіе. Въ это время носили еще длинные волосы, но многіе стали уже ходить съ бритыми, или коротко стриженными головами. Сапоги были подкованы. Когда польскіе послы пріѣхали въ Парижъ къ Генриху Валуа, то, по словамъ де-Ту, французы съ удивленіемъ смотрѣли на такихъ мужественныхъ людей. Ихъ благородный и горделивый взглядъ, ихъ сановитость, длинныя густыя бороды, собольи шапки, мечи, украшенные драгоцѣнными камнями, луки, колчаны, сапоги съ серебряными подковками,—все это удивляло и восхищало французовъ.

Къ стариннымъ польскимъ жупанамъ и кунтушамъ постепенно прибавлялись разныя другія части одѣянія, позаимствованныя изъ-за границы.

Извѣстный Морджевскій страшно огорчается тѣмъ, что поляки стали носить платье, даже короче, чѣмъ иностранцы, «не стыдясь показывать тѣ части тѣла, которыя должны быть закрыты». «Развѣ не мерзко было бы, если бы женщины ходили въ платьяхъ немного ниже шагу?» Поэтому онъ и совѣтуетъ «носить длинное платье, какъ признакъ стыдливости и скромности».

Желаніе Модржеевскаго начало исполняться лишь со времени Яна III Собѣсскаго, когда употребленіе длинной одежды сдѣлалось почти всеобщимъ. Не у однихъ поляковъ, но у всѣхъ вообще цивилизованныхъ народовъ, въ цивилизованныхъ классахъ, одежда измѣнялась подъ вліяніемъ тѣхъ, или другихъ обстоятельствъ, или лучше сказать—мѣнялись нравы и обычаи, и къ нимъ примѣнялась одежда. Простой народъ цѣлыя тысячелѣтія сохранялъ свою одежду, цивилизованные же или высшіе классы мѣняли ее, въ угоду тому или другому царствующему лицу или же просто изъ тщеславія, чтобы не походить на другихъ, брали образцы изъ-за границы, принаравливая ихъ къ своей фантазіи. Такіе, конечно, находили подражателей, а тщеславіе заставляло выдумывать новые образцы, заводить новую моду. Если мы допускаемъ, что природа воздѣйствуетъ на событія, то нельзя не признать, что событія вліяютъ на измѣненіе нравовъ и обычаевъ, а послѣдніе, затѣмъ, измѣняютъ уже и одежду.

Костюмы полекъ въ XVII столѣтіи.

Нигдѣ, можетъ быть, такъ рѣзко не обозначились эти измѣненія, какъ въ Польшѣ, и нигдѣ, можетъ быть, событія такъ сильно не вліяли на постоянные скачки въ костюмахъ.

Силенъ и могучъ былъ великій Болеславъ Храбрый, величественъ былъ и костюмъ какъ его самого, такъ и его придворныхъ и всей знати. Длинныя дорогія шубы, кафтаны и все

прочее ничѣмъ почти не отличалось отъ всеобщей народной польской одежды, какую носили сельскія сословія и мѣщане. Король и вельможи отличались только тѣмъ, что у нихъ была парча вмѣсто простаго сукна, да золотыя, тяжелыя цѣпи на шеѣ. Простоватый, недальновидный Ягайло любилъ и одежду попроще. Ему всего сподручнѣе было въ простомъ кожухѣ, или тулупѣ изъ бараньей шкуры, толстымъ сукномъ покрытомъ. Также скромно было и остальное его одѣяніе: суконный жупанъ или кунтушъ; подъ ними — лосиные панталоны и кафтанъ; сапоги черные, изъ обыкновенной домашней кожи. Королю подражала знать и вошло въ моду одѣваться скромно, но прилично. Сынъ его, Казимиръ Ягеллонъ, артистъ въ душѣ, украшавшій храмы византійскою живописью, даже въ Краковѣ, страстно любившій свою родную Литву, въ одѣяніи былъ болѣе взыскателенъ, умѣя соединить простоту съ изысканностью. Онъ носилъ длинное платье, литовско-польское, изъ лучшихъ, дорогихъ суконъ и матерій, а при случаѣ, когда этого требовало его королевско-княжеское величіе, допускалъ даже роскошь. Бѣльскій говоритъ въ своей лѣтописи, что когда король встрѣчалъ свою супругу Елисавету, въ Цѣшинѣ, на немъ было одѣяніе, которое цѣнили въ сорокъ тысячъ. Въ правленіе Альбрехта и Александра Ягеллоновъ еще болѣе распространилась роскошь въ одеждѣ; носили все еще длинные жупаны изъ дорогихъ матерій, драгоцѣнныя шубы и отпускали длинные волосы. Сигизмундъ I старый любилъ во всемъ солидность, его одѣяніе сохраняло польскій типъ, и если не въ будни, то въ торжественныхъ случаяхъ отличалось роскошью. Владиславъ Варненчикъ, Вячеславъ чешскій, Людовикъ венгерскій первые стали вводить иностранную одежду, но она была только модною и не завладѣла большинствомъ. Хитрая, корыстолюбивая Бона Сфорчія, жена Сигизмунда I, имѣвшая свой особый дворъ, вмѣшивавшаяся во всѣ дѣла, конечно, не могла не имѣть большаго вліянія на введеніе и распространеніе итальянскихъ костюмовъ. Подъ этимъ-то вліяніемъ, сынъ ея, Сигизмундъ-Августъ, съ юныхъ лѣтъ носилъ уже короткое платье. Баторію простительно было вводить свой національный костюмъ. Сигизмундъ III терпѣть не могъ польскаго народнаго костюма; напротивъ сынъ его, Владиславъ IV носилъ и любилъ польское платье; несчастный Янъ Казимиръ и потомъ Михаилъ Вишневецкій, какъ въ жизни, такъ и въ костюмахъ, представляли какое то смѣшеніе. Собѣсскій возстановляетъ народный костюмъ. Даже при Августахъ онъ еще держится въ большинствѣ, хотя придворные, подражая королямъ, придерживаются нѣмецко-саксонскихъ костюмовъ. Станиславъ-Августъ одѣвался со вкусомъ, богато, преимущественно по-французски, но онъ уважалъ народный костюмъ и не чуждался, когда было нужно, польскаго кунтуша. При немъ даже увеличилось значеніе польскаго народнаго костюма, означавшее патріота; только молодые люди любили наряжаться по-французски. Съ паденіемъ Польши кунтуши пріобрѣли особенное значеніе. Ихъ носили во всѣхъ польскихъ провинціяхъ, какъ знаменье народности, носили до тѣхъ поръ, пока это было дозволено, но въ Галиціи, до сихъ поръ кунтушъ — это мундиръ польскаго шляхтича: онъ надѣваетъ его когда является, или привѣтствуетъ императора, надѣваетъ на свадьбу, похороны и вообще во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ.

Что же собственно польскаго осталось отъ древняго народнаго костюма? Почти ничего. Кунтушъ позаимствованъ изъ Турціи; жупанъ происходитъ отъ турецкаго слова «dziibe», «чекменъ»,—тотъ же кунтушъ, но, по татарскому обычаю, имѣетъ бока разрѣзные, связываемые золотыми, или богатыми шелковыми тесьмами; «ферезя» отъ турецкаго слова «feredze» — кафтанъ; даже рубашка называлась у женщинъ «чехло»; можетъ быть, чисто-славянскою осталась «чашка», шапка—отъ чепъ, чепецъ, чепить; едва ли не исключительно исподнее платье «ноговицы», «сподни», «портки»—чисто-славянскіе; отсюда и «портникъ», т. е. портной, да «рукавицы», «ренковицы», «сподницы», т. е. «юбки».

Еще при Сигизмундѣ I носили длинные волосы. Самъ король носилъ такіе длинные волосы, что лѣтомъ ходилъ безъ шляпы, надѣвая вмѣсто нея на голову вѣнецъ изъ розъ. Но

воины со временъ Яна Альбрехта стали высоко подстригать волосы, бритье же головъ, съ остаткомъ волосъ только на макушкѣ, началось едва въ царствованіе Сигизмунда III, т.-е. въ XVII столѣтіи. Извѣстный Гейденштейнъ, описывая сраженіе подъ Бычиной, говоритъ, что когда послѣ битвы считали трупы, то тѣла поляковъ и венгерцевъ отличали отъ нѣмцевъ тѣмъ, что къ первымъ причисляли трупы съ бритыми головами, а ко вторымъ — со стрижеными волосами. Усы и бороды носили всѣ и во всѣ времена, съ тою разницею, что одни подстригали, а другіе оставляли свою бороду неприкосновенною, къ которой никогда ножницы не дотрогивались. Бритье бороды, особенно у военныхъ, началось едва въ XVIII столѣтіи, особенно же при Станиславѣ-Августѣ, но и въ это время весьма немногіе брили усы.

Любимые цвѣта, употреблявшіеся въ Польшѣ, были красный и черный. Но когда послѣдній стали употреблять для траура, красный цвѣтъ очень долго былъ въ общемъ употребленіи. Кромѣ того кунтуши, жупаны и пр. дѣлали изъ голубыхъ, зеленыхъ, желтыхъ и бѣлыхъ суконъ и матерій. Сигизмундъ-Августъ всѣхъ своихъ придворныхъ одѣвалъ въ сѣрый цвѣтъ. Польскіе евреи любили желтый цвѣтъ, армяне голубой, магометане бѣлый.

Любимыми мѣхами въ Польшѣ были лисицы, куницы, бобры и соболи. За мѣха платили большія суммы. Имѣть дорогую шубу, хотя бы и лисью, но съ дорогимъ бобровымъ воротникомъ, считалось необходимымъ каждому магнату. Соболя преимущественно носили женщины. Шапки употребляли дорогія, высокія, бобровыя или собольи. Шляхта носила шубы изъ куницъ, не пренебрегая и волчьимъ мѣхомъ. Ливрейныхъ лакеевъ, кучеровъ и вообще дворню наряжали въ волчьи или обыкновенныя бараньи шубы, но непремѣнно съ лисьими воротниками.

Замокъ князей Мазовецкихъ въ Плоцкѣ.

Естественно, что поляки, любя роскошь въ устройствѣ жилищъ, одеждѣ и образѣ жизни, не пренебрегали и богатыми экипажами; лошадь во всѣ вѣка была страстью поляковъ. Въ этомъ отношеніи они всегда славились многочисленнымъ и превосходнымъ выборомъ лошадей, какъ верховыхъ, такъ и для ѣзды въ экипажахъ. Экипажи были весьма различны. Древнѣйшими считаются «колебки»—колыбели (люльки), «кораби»—большіе экипажи, «рыдваны»—крытые экипажи. Потомъ въ XVI столѣтіи къ нимъ прибавились «кочи»—коляски, дрожки, т. е. небольшіе кочи, и кареты. Колебки или колыбели были открытые экипажи, вмѣсто рессоръ, которыхъ употребленіе въ то время еще было неизвѣстно, висѣли на цѣпяхъ или ремняхъ. Зимою употреблялись сани, тоже открытыя и закрытыя. Всѣ вообще экипажи были украшены до нельзя. Ихъ обивали баркатомъ и атласомъ; ковры вывѣшивались сзади и спереди; подушки, набитыя шерстью, были покрыты золотою парчею или атласомъ. Покрывала для ногъ были изъ краснаго атласа. Вообще, всѣ экипажи снаружи обивались разноцвѣтнымъ атласомъ, а внутри серебряною или золотою парчею. Кромѣ того золоченые львы и другія украшенія виднѣлись со всѣхъ сторонъ. Ѣздили обыкновенно шестерикомъ съ форейторомъ. Лошади зимою были прикрыты медвѣжьими шкурами. Сбруя и вобще упряжь были весьма цѣнны. Лошадей украшали серебряными и даже золотыми бляхами; головы и хвосты тоже украшались драгоцѣнными камнями. Былъ обычай красить лошадей въ различные цвѣта.

Особенно же изысканная роскошь была въ убранствѣ верховой лошади. Стремена иногда были золотыя. Сѣдло и прочее вычурное убранство лошади состояли изъ страусовыхъ перьевъ, золота, серебра, жемчуга, дорогихъ камней. Въ экипажахъ ѣздили преимущественно дамы. Мужчины большею частью ѣздили верхомъ. Сигизмундъ-Августъ, когда сопровождалъ прахъ любимой своей супруги, прекрасной Варвары (рожденной Радзивиллъ), всю дорогу, отъ Кракова до Вильно, ѣхалъ верхомъ.

Поляки разводили у себя заграничныя породы лошадей: арабскую, турецкую, татарскую (бахматъ), седмиградскую (секель), испанскую (дзянетъ), нѣмецкую (фризъ), англійскую и неаполитанскую. За отборныхъ лошадей для заводовъ платили очень дорого, особенно за турецкихъ и арабскихъ жеребцовъ отъ 200 до 1,000 злотыхъ польскихъ (тогдашній злотый въ XVII столѣтіи стоилъ 10 нынѣшнихъ, т. е. 1 р. 50 к.). Существовала пословица: «Самое лучшее въ жизни: конь—турокъ, крестьянинъ—мазуръ, шапка—магерка, сабля—венгерка».

Какъ сказано уже, мѣщане въ городахъ и нѣкоторые ремесленники, особенно золотыхъ дѣлъ мастера, старались подражать шляхтѣ въ роскоши и излишествахъ. Шляхта была этимъ не довольна, конечно не изъ экономіи, но потому, что богатое платье и дорогія украшенія мѣщанокъ нѣкоторымъ образомъ сближали ихъ съ панями, а иногда даже и превосходили богатствомъ. Поэтому нѣсколько разъ этотъ вопросъ поднимался на сеймахъ, но безуспѣшно. Наконецъ, въ 1613 г. состоялось постановленіе, воспрещающее мѣщанину и вообще человѣку низшаго сословія, за исключеніемъ членовъ магистратовъ, носить шелковое платье, дорогіе мѣха, кромѣ лисьихъ и другихъ по дешевле, подъ опасеніемъ штрафа 14 гривенъ. Сеймъ 1620 года подтвердилъ это постановленіе и увеличилъ штрафъ до ста гривенъ. Но послѣдствія этихъ постановленій не принесли никакой пользы, такъ какъ черезъ девять лѣтъ, на сеймѣ же постановлено, что низшія сословія, не желающія подчиниться этому закону и носить платье по своему усмотрѣнію, ежегодно должны вносить въ казну съ каждаго члена своего семейства по одному золотому.

V.

Послѣ того, что было сказано уже о многолюдствѣ магнатскихъ дворовъ, легко представить себѣ, какъ велики были жилыя строенія и палаты вельможъ, въ которыхъ помѣщались сотни гостей, постоянно жили такъ называемые «дворжане» и разныя лица, къ панскому двору принадлежавшія, наконецъ—многочисленная прислуга.

Королевскій дворецъ, называемый замкомъ, въ Краковѣ, на горѣ Вавель, нѣсколько разъ перестраиваемый и расширяемый, отличался великолѣпіемъ и богатствомъ. Сигизмунду III захотѣлось жить поближе къ Швеціи и онъ перенесъ столицу въ Варшаву, гдѣ, въ 1599 году начата постройка замка на берегу Вислы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ деревянный замокъ князей мазовецкихъ. Въ 1610 г. замокъ этотъ былъ расширенъ и въ томъ же году король поселился въ немъ.

Богатствомъ, великолѣпіемъ и величиною особенно отличались жилища магнатовъ и сенаторовъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Жилища эти подраздѣлялись на замки, палаты или «палацы» и обыкновенные дома или «дворы». Замки строились на возвышенныхъ холмахъ, окружались валами и рвами. Палацомъ назывался большой домъ, съ флигелями и многочисленными постройками. Дворомъ назывался обыкновенный домъ, одноэтажный, и почти всегда деревянный, тогда какъ замки и палацы строились изъ прочнаго камня и имѣли два, часто и три этажа. Мы укажемъ здѣсь на нѣкоторыя болѣе замѣчательныя жилища польскихъ пановъ, какъ напр., замки въ Замостьѣ вел. канцлера Яна Замойскаго; въ Пѣсковой скалѣ—сандомирскаго воеводы Станислава Шафранца; въ Покрживнѣ — воеводы Людовика Мортенскаго; въ Любовли — два замка, построенные на счетъ государства; въ Жолкви—гетмана Жолкѣвскаго; въ Кржепицахъ—Николая Вольскаго, великаго маршала короннаго; въ Хенцинахъ—Станислава Браницкаго; въ

Тилицѣ—кастелана куявскаго Тылицкаго; въ Бржезанахъ—Николая Сѣнявскаго; въ Даньковѣ—Станислава Варшицкаго, воеводы мазовецкаго; въ Збоншинѣ—Авраама Цисвинскаго и много другихъ. Палацы: въ Конопатахъ — Матвѣя Конопацкаго, епископа холмскаго; въ Залинѣ — кастелана Залинскаго; въ Чемѣрникахъ—Генриха Фирлея, епископа плоцкаго; въ Лышковицахъ, Унѣевѣ, Хрослинѣ—примаса Барановскаго; въ Вольборѣ—епископа плоцкаго Липскаго и мн. др. Мы не указываемъ здѣсь многихъ замковъ и палацовъ, существовавшихъ въ Литвѣ, въ нынѣшнихъ южныхъ губерніяхъ, въ Галиціи и другихъ мѣстахъ. Но изъ всѣхъ великолѣпныхъ жилищъ польскихъ пановъ ни одно не могло соперничать съ колоссальными палатами, заклю-

Дворецъ въ Виллановѣ.

чавшими въ себѣ несмѣтныя богатства, какія находились напр. въ Литвѣ въ Несвижѣ у князей Радзивилловъ, въ Деречинѣ у князей Сапѣговъ, въ Езнѣ у Пацовъ, или въ Острогѣ, на Волыни у князей Острожскихъ. Къ великолѣпнымъ жилищамъ въ Польшѣ надобно причислить Пулавы Чарторыжскихъ и Виляновъ, близъ Варшавы.

Фасады замковъ и палацовъ всегда были украшены гербами и вензелями владѣльца. Передъ палацомъ всегда былъ просторный дворъ, а съ противоположной стороны—садъ и паркъ. Фронтонъ поддерживали колонны. Очень часто все зданіе окружено было галлереею, а надъ нею — баллюстрады и балконы. По угламъ были барьеры, крыльцо со столбами. Не только

надъ замками, но и надъ палацами были высокія башни, съ разнообразными флюгерами. На одной изъ башенъ устроивались часы. Шпицы башенъ были металлическіе, часто золоченые. Принадлежностями, какъ замка, такъ и палаца, были каплицы (часовни), многочисленныя службы, кордегарда (тоже, что гауптвахта), при ней «коза», т. е. карцеръ. Посрединѣ большого двора былъ прудъ съ бьющимъ фонтаномъ. Въ нижнихъ этажахъ (партеръ) окна были снабжены желѣзными рѣшетками. Внутреннее устройство палацовъ болѣе или менѣе было одинаково. Большія сѣни вели въ переднюю, изъ которой шла цѣлая амфилада обширныхъ покоевъ (комнатъ). Самая большая зала была столовою. Каждая изъ залъ имѣла особое названіе и назначеніе. Стекла въ окнахъ большею частью круглыя, зеленыя, иногда венеціанскія. Высокія двери покрывались дорогими портьерами. Двери, окна и потолокъ украшались лѣпною работою или были расписаны красками и золотомъ. Всѣ стѣны покрывались богатыми турецкими коврами, или «опонами», т. е. занавѣсями, шитыми жемчугомъ и золотомъ съ разными изображеніями. Нѣкоторыя залы были расписаны аллегорическими картинами и арабесками. Самыя парадныя комнаты покрывались дорогими гобеленами, парчею, атласомъ и бархатомъ. На стѣнахъ висѣло много зеркалъ, какъ металлическихъ, сохранившихся съ давняго времени, такъ и стеклянныхъ. Особая зала, чаще всего столовая, предназначалась для портретовъ королей и предковъ владѣльцевъ и владѣтельницъ замка, или палаца. Конечно употреблялись усилія, чтобы добыть портреты самые старые, какъ бы въ доказательство, что предки происходили чуть не отъ римлянъ, что родъ существуетъ цѣлыя тысячелѣтія. Образцы тогдашней мебели сохранились до сихъ поръ во многихъ домахъ и въ музеяхъ. Она отличается превосходною рѣзьбою и ей нельзя отказать въ изяществѣ. Аптечки, буфеты, шкапы, секретари (столы для письма), комоды—особенно отличались рѣзьбою, украшались эмалью, старою бронзою и теперь высоко цѣнимою знатоками. Остальную мебель составляли большіе столы по срединѣ зала, лавки во всю длину стѣнъ, кресла, стулья, низкіе турецкіе диваны, множество полокъ (этажерокъ), заставленныхъ дорогими издѣліями изъ золота, серебра, бронзы, янтаря, слоновой кости. Стулья и кресла были обиты или матеріею подъ цвѣтъ обоевъ, или чаще всего кожею съ разными узорами, выдѣлкою которой занимались преимущественно въ Гданскѣ, который уже въ XVI столѣтіи славился этого рода издѣліями. Столы и полы покрывались драгоцѣнными коврами, преимущественно персидскими и турецкими. Верхніе этажи, куда вела обыкновенно широкая лѣстница, устланная тоже коврами, предназначены были собственно для житья, спальни, кабинета, уборной и т. д. Здѣсь было лишь необходимое изъ мебели и ничего затѣйливаго, роскошнаго. Зато въ залахъ, на полкахъ, въ шкафахъ со стеклами—помѣщались самые изящные и дорогіе предметы искусствъ. Вотъ напр. большая чаша, изображающая дракона изъ чистой ляписъ-лазури, оправленной въ золото. Тамъ золотой быкъ — это кубокъ; далѣе золотой олень, съ рогами, убранными дорогими камнями; въ другомъ углу стоитъ золотой корабликъ съ мачтами и парусами изъ серебра, а на золотой цѣпочкѣ прикрѣплена лодка; тамъ павлинъ съ распущеннымъ хвостомъ, или баба птица, т. е. пеликанъ. На мраморномъ каминѣ бронзовые часы съ музыкою, трубами, бубнами. По угламъ — колонны, а на нихъ разныя бронзовыя издѣлія, или же дорогія вазы. Въ комнатахъ, предназначенныхъ собственно для жилья, только спальня была богато убрана, съ желѣзными складными кроватями и множествомъ шелковыхъ и парчевыхъ занавѣсей, одѣялъ. Полъ былъ устланъ коврами. Посрединѣ стоялъ большой столъ, заставленный разными металлическими и фарфоровыми сосудами. Тутъ же лежали какія-то французскія очки, которыя въ минуты, свободныя отъ занятій, надѣвали для поправленія зрѣнія.

Едва ли не въ каждомъ магнатскомъ домѣ, кромѣ фамильнаго архива, тщательно и въ большомъ порядкѣ содержимаго, была библіотека, состоявшая большею частью изъ латинскихъ книгъ, но были и польскія, французскія и т. д. Въ XVI, XVII столѣтіяхъ господствующею страстью богатыхъ владѣльцевъ было собирать рѣдкія монеты. Нѣкоторыя нумизматическія

коллекціи были довольно значительны. На устройство картинныхъ галлерей, и на собраніе скульптурныхъ произведеній магнаты тратили очень много, выписывая ихъ преимущественно изъ Италіи. Наконецъ были еще такъ называемые кабинеты рѣдкостей, въ которыхъ первое мѣсто принадлежало дорогому, высоко цѣнимому оружію, особенно турецкому и татарскому. Оружія этого не надобно смѣшивать съ «оружейнями», находившимися въ каждомъ домѣ, даже шляхетскомъ. Это были домашніе арсеналы, въ которыхъ, на случай войны, всегда можно было найти столько оружія, сколько владѣлецъ по обязательству, или по доброй волѣ, могъ поставить вполнѣ снаряженныхъ и вооруженныхъ воиновъ. Въ этихъ кабинетахъ хранились также разные

Зданіе картинной галлереи въ Вилановѣ.

предметы изящныхъ искусствъ, нерѣдко многоцѣнныя издѣлія изъ дорогихъ металловъ, янтаря, слоновой кости и т. п.

Въ болѣе отдаленное время вокругъ дома было разбросано нѣсколько небольшихъ садиковъ, называвшихся «wirydarze», въ которыхъ росли различныя лѣкарственныя травы и растенія и самые обыкновенные цвѣты. Но потомъ, въ XVI и въ XVII столѣтіи, вмѣсто «wirydarzej» разведены были большіе сады, уже съ самыми рѣдкими заграничными цвѣтами и растеніями. Сады и примыкавшіе къ нимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ парки украшались фонтанами, каскадами, кіосками, гротами, искусственными развалинами. Овощные и фруктовые сады были

обыкновенно отдѣлены отъ цвѣточныхъ. Паркъ почти всегда былъ въ то же время и звѣринцемъ, но въ немъ не было дикихъ звѣрей, а зайцы, серны, олени, кролики и т. п. На высокихъ липахъ висѣли клѣтки съ соловьями, чижиками и т. д. Внизу деревъ устраивались помѣщенія для храненія разной дичи. Въ паркѣ были сажалки, рыбницы, наполненныя разными сортами рыбъ. Въ садахъ у богатыхъ вельможъ было нѣсколько бесѣдокъ, разукрашенныхъ, если не всегда со вкусомъ, то съ большою роскошью. Онѣ украшались рѣзными изображеніями изъ кипариса и даже слоновой кости. Мебель—самая вычурная, очень дорогая, съ мозаикою, украшенная камнями и жемчугомъ. По стѣнамъ—шпалеры съ изображеніемъ разныхъ миѳологическихъ личностей, какъ напр. Улисса, Пріама, Язона, прекрасной Елены и др.

Сигизмундъ III много содѣйствовалъ разведенію садовъ, по итальянской системѣ. Въ Лобзовѣ, близъ Кракова, онъ самъ разводилъ сады и заботился объ ихъ украшеніи. Имъ же устроенъ былъ образцовый итальянскій садъ въ Непорентѣ, близъ Варшавы, гдѣ былъ большой деревянный домъ для лѣтней резиденціи короля съ цѣлымъ дворомъ. Въ Кржепицахъ, въ Сѣрадзкѣ, гдѣ въ прекрасномъ замкѣ проживалъ иногда Владиславъ IV, былъ великолѣпный большой садъ и паркъ, въ которомъ однихъ оленей было 1600 штукъ. По устройству и богатству славились также сады въ Рембелицахъ воеводы Варшицкаго, въ Данковѣ, въ Талентахъ близъ Варшавы. Но нигдѣ въ царствѣ польскомъ не было такихъ прекрасныхъ садовъ, какъ въ Литвѣ, особенно у Радзивилловъ въ Несвижѣ, въ Бѣлой на Подлѣсьи, гдѣ въ паркѣ содержались лоси, олени до тысячи штукъ. Такого богатства, роскоши и изящества, какъ въ Несвижѣ, трудно было найти гдѣ-либо и за границей. Роскошная жизнь, богатство и великолѣпіе жилищъ, многочисленность дворовъ и служителей, излишества во время пиршествъ, дорогая одежда, дорогія лошади и вся вообще обстановка жизни польскаго вельможи, описанная нами выше, понятно, была доступна немногимъ знатнѣйшимъ польскимъ родамъ, славившимся своимъ богатствомъ и значеніемъ въ государствѣ. Такъ могли жить только Остророги, Тенчинскіе, Гурки, Фирлеи, Косцелецкіе, Мышковскіе, Одровонжи, Боженскіе, Гербурты, Мнишхи, Зборовскіе, Замойскіе, Лещинскіе, Конецпольскіе, Тарновскіе, Шидловецкіе, Любранскіе, Грановскіе, Розражевскіе и немногіе другіе. Мы не касаемся Литвы съ Бѣлоруссіею и юго-западными губерніями, гдѣ были вельможи гораздо богаче коронныхъ, т. е. собственной Польши. Да и изъ числа указанныхъ нами польскихъ вельможъ не всѣмъ хватало на такое излишество, на такую расточительную жизнь. Нѣкоторые, для поддержанія своего достоинства, тянулись изъ послѣдняго и разорялись. Но польскій панъ видѣлъ въ этой жизни все; онъ не могъ снизойти до шляхетскаго положенія, старался во всемъ подражать сосѣду, равному себѣ магнату. Въ этомъ и заключались его гордость, его сила и значеніе. Польское равенство, польская свобода, не допускавшія ни орденовъ, ни титуловъ, заставляли магнатовъ тѣмъ только и тѣшиться, что могли такъ именно жить, и въ случаѣ надобности приносить громадныя жертвы отечеству, укрѣпленіемъ или новою постройкою сильно укрѣпленныхъ замковъ, содержаніемъ значительнаго числа войскъ и т. п.

Въ Литвѣ и на Руси были знаменитые роды князей, Рюриковичей и Гедиминовичей. Въ Польшѣ не было ни князей, ни графовъ, и шляхта неохотно одобряла, ежели кто добывалъ себѣ графскій или баронскій титулъ; сеймы же большею частью не дозволяли принимать этихъ титуловъ. Съ давняго времени пользовались графскими титулами Остророги, Гурки, Тенчинскіе, Тарновскіе, Висницкіе, Шидловецкіе; но когда дѣло доходило до сейма, послѣдній не признавалъ ихъ правъ. Андрей Тенчинскій, воевода краковскій, въ послѣдующее время получилъ графскій титулъ отъ Карла V въ 1527 г. и потомъ въ 1561 г. отъ императора Фердинанда. Тенчинскіе, однако, этими грамотами могли украшать только свои семейные архивы, но не пользоваться въ общежитіи титулами: никто ихъ графами не называлъ и сами они не подписывались графами. Даже Янъ Грановскій изъ Пилицы, сынъ супруги короля Ягайлы, получившій отъ послѣдняго въ 1416 году титулъ графа на Ярославлѣ, не былъ признанъ въ этомъ

достоинствѣ. Розражевскіе доказывали грамотами, что еще во времена Болеслава князя Великопольскаго, въ 1270 г., были именуемы «Comites», а потомъ отъ Стефана Баторія, папъ Григорія XIII и Климентія VIII, отъ императоровъ Фердинанда, Максимиліана и Рудольфа получили подтвержденіе правъ на этотъ титулъ, но сеймъ не призналъ этого. Александръ Конецпольскій, воевода сандомирскій и Юрій Оссолинскій, великій канцлеръ, получили княжескій титулъ отъ императора Фердинанда, но никогда однако не смѣли именоваться князьями. Великій маршалъ коронный, Сигизмундъ Мышковскій, будучи посломъ въ Италіи, получилъ отъ мантуанскаго герцога Гонзага право именоваться Гонзагою съ герцогскимъ гербомъ, а папа Климентій VIII утвердилъ его въ достоинствѣ маркграфовъ Гонзага, но сеймъ не дозволилъ ему именоваться маркграфомъ. Великій гетманъ, знаменитый Янъ Замойскій, на сеймѣ 1605 г. публично заявилъ, что король испанскій прислалъ ему орденъ Золотого Руна и грамату на княжескій титулъ; но онъ не принялъ ни того, ни другого, заявивъ испанскому послу: «мой король и мое отечество имѣютъ много средствъ награждать меня и моихъ потомковъ, если этого достоинъ. Принимать же чужеземныя награды считаю несоотвѣтственнымъ достоинству моего короля и противнымъ отечественному законоположенію». Наконецъ, сеймъ 1638 года окончательно воспретилъ польской шляхтѣ, какъ употребленіе прежде данныхъ титуловъ, такъ и испрашиваніе новыхъ, съ тѣмъ, чтобы никто и ни въ какомъ случаѣ не смѣлъ именоваться этими титулами, за исключеніемъ только тѣхъ, которые были подтверждены уніею съ Литвою, т. е. родовыхъ княжескихъ титуловъ, да изъ частныхъ лицъ,—одному роду Радзивилловъ. Любомирскіе получили княжескій титулъ въ XVII ст. отъ императора Фердинанда. Одровонжи, Шидловецкіе отъ Карла V получили княжеское достоинство, а Костелецкіе — графское; но никто изъ нихъ не воспользовался этимъ пожалованіемъ. Бонары и Фирлеи отказались принять титулы бароновъ, пожалованные имъ императоромъ Фердинандомъ. Въ XVIII столѣтіи сеймы однако милостивѣе смотрѣли на иностранные титулы. Сулковскіе въ 1733 г. получили графскій, а въ 1752 г. княжескій титулъ. Въ это же время и Яблоновскіе стали именоваться князьями. Сапѣгамъ сеймъ 1768 г. дозволилъ именоваться князьями, точно также Понинскимъ въ 1775 г. Сеймовая конфедерація признала за братьями короля Понятовскаго княжескій титулъ.

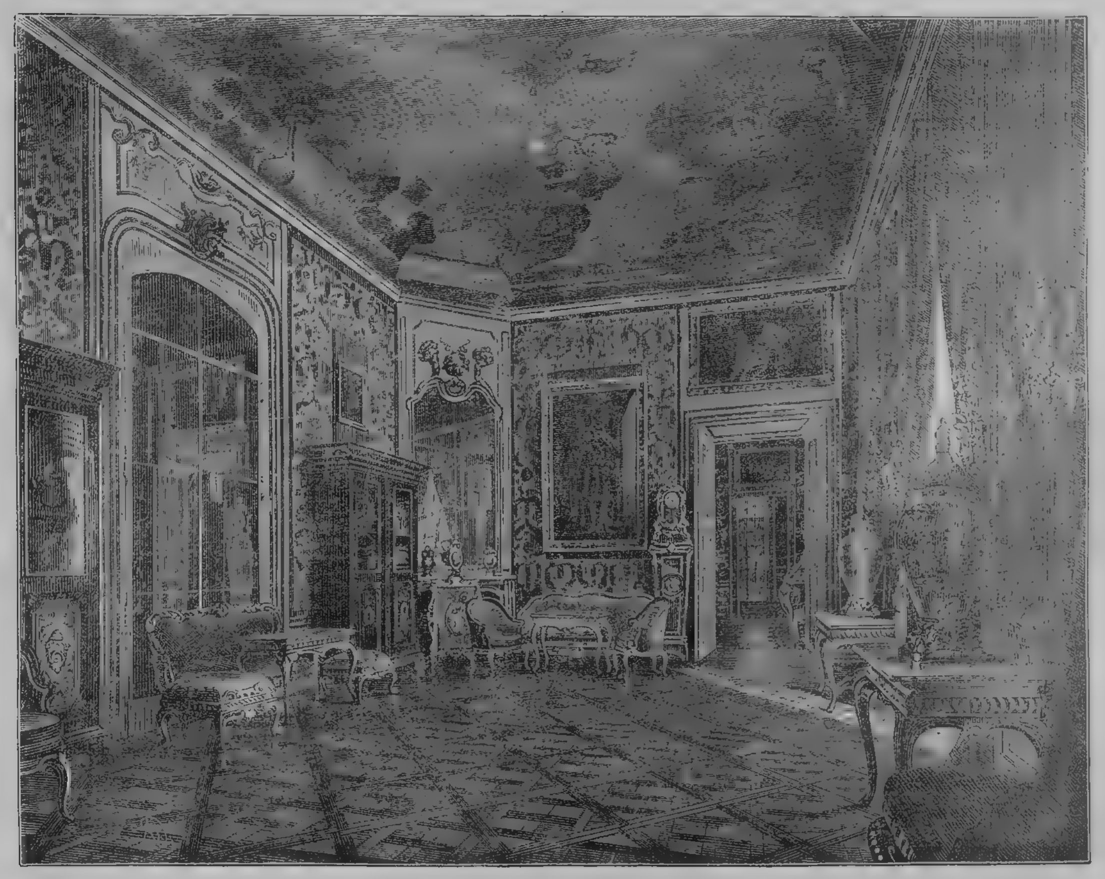
При такихъ взглядахъ на шляхетскую вольность, понятно, что высшіе сановники, сенаторы и вельможи соперничали между собою въ образѣ жизни, въ роскоши и всякаго рода излишествахъ. Но откуда хватало средствъ на такую жизнь? Мы уже замѣтили, что описанный образъ жизни усвоивался только дѣйствительно богатыми людьми. Разсказываютъ, что когда Остророгъ ѣхалъ изъ Великой Польши въ Краковъ, то всѣ его ночлеги, дневныя пріостановки для обѣда и отдыха происходили въ «собственныхъ его имѣніяхъ»! То же можно бы сказать о краковскомъ епископѣ, который могъ проѣхать весьма значительное пространство исключительно епископскими владѣніями. У богатыхъ людей въ коронной Польшѣ бывало по 200—300 деревень, до 20—30 мѣстечекъ. Во время войны польскіе вельможи на свой счетъ содержали отъ трехъ до четырехъ тысячъ войска, пѣхоты, легкой кавалеріи, драгуновъ и казаковъ. Нѣкоторые роды уже въ то время заботились о сохраненіи въ родѣ значительныхъ имѣній и обезпеченіи будущности своего потомства, которое чрезъ раздробленіе вотчинныхъ владѣній могло современемъ войти въ разрядъ обыкновенной шляхты. Первый примѣръ учрежденія маіоратства (ординаціи) дали въ Литвѣ Радзивиллы установленіемъ маіоратствъ въ Олыкѣ, Несвижѣ, Клецкѣ, Мирѣ и Давидъ-городкѣ, причисливъ къ нимъ много другихъ имѣній. Установленіе это было утверждено сеймомъ въ 1589 году. Гораздо раньше, въ Малой Польшѣ, именно въ 1470 г., Рафаилъ Ярославскій учредилъ ординацію въ Пржеворенѣ съ утвержденія короля Казимира; но потомъ наслѣдники ихъ, Тарновскіе, съ согласія Сигизмунда I, разрушили ее. Были и другіе примѣры въ этомъ родѣ, но ни одно маіоратство не сохранилось. Наконецъ, въ 1604 году великій канцлеръ Янъ Замойскій учредилъ маіоратство въ Замостьѣ, къ которому

было причислено 12 городовъ и мѣстечекъ и 230 деревень. Одновременно маркграфы Мышковскіе учредили ординацію или маіоратство въ Пинчовѣ. Любопытно то, что статутомъ, утвержденнымъ на сеймѣ, ординаты обязывались ежегодно для увеличенія числа имѣній, входившихъ въ составъ маіоратства, прикупать новыя имѣнія не менѣе какъ на 30,000 злотыхъ. Если бы это условіе исполнялось, то въ настоящее время, т. е. спустя 282 года, стоимость пинчовскаго маіоратства увеличилась бы на сумму 8,460,000 злотыхъ, что въ переводѣ на нынѣшній курсъ составило-бы сумму около 1·2 мил. руб. сер.!

Во владѣніи государства находилось очень много «староствъ», т. е. казенныхъ имѣній, состоявшихъ въ распоряженіи короля, который раздавалъ ихъ въ пользованіе людямъ заслуженнымъ, занимавшимъ государственныя должности и недостаточно обезпеченнымъ собственными средствами. Понятно, что всегда находилось много охотниковъ получить то или другое староство. Они угождали, заискивали у короля, чтобы добиться желаемаго. Раздача староствъ являлась могучимъ средствомъ въ рукахъ короля привлекать на свою сторону нужныхъ ему лицъ, и не всегда конечно по заслугамъ раздавались они. Въ царствованіе Ягеллоновъ наиболѣе соблюдалась справедливость. Сигизмундъ же III въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ совершенно произвольно, имѣя въ виду главнымъ образомъ не государственныя заслуги, а преимущественно религіозную борьбу, награждая только тѣхъ, которые переходили въ католичество, или содѣйствовали распространенію уніи. Поэтому многіе, дѣйствительно заслуженные, не получали ни одного староства, тогда какъ другіе владѣли нѣсколькими. Такъ, напр., Казановскіе владѣли 15 староствами, Мышковскіе 16, Зборовскіе 12, Янъ Замойскій 10, Вольскій Николай 10, Вишневецкій 8, Тенчинскій 11, Даниловичъ 9, Станиславъ Понятовскій 10, Станиславъ Любомирскій 10, Лукашъ Опалинскій 15, Юрій Оссолинскій 11. Чтобы составить себѣ понятіе, какъ значительны были доходы съ этихъ староствъ, мы укажемъ на исчисленіе, сдѣланное черезъ 150 лѣтъ послѣ того, именно въ 1765 году, сколько въ предѣлахъ коронныхъ владѣній царства Польскаго казна получала дохода со староствъ, считая только одну четвертую часть всего дѣйствительнаго дохода. Такъ, Велепольскіе платили со староствъ 280,000 злотыхъ; Мнишхи 807,000; князья Любомирскіе 509,000; Малаховскіе 243,000; Потоцкіе 816,000; князья Чарторыскіе 250,000; Яблоновскіе 272,000; Ржевускіе 448,000; князь Казимиръ Понятовскій 335,000; Якса Браницкій 297,000; Юрій Мнишехъ 552,000; Вацлавъ Ржевусскій, воевода краковскій 199,000; Ксаверій Браницкій 97,000, да еще со староства Бѣлая Церковь 293,000. Когда же потомъ это староство поступило въ его собственность, то по приблизительному исчисленію въ 1789 г. годовой доходъ составлялъ 649,000, т. е. почти втрое противъ исчисленія 1765 г. Точно также и всѣ предыдущія цифры могли бы быть увеличены втрое.

Цифры эти краснорѣчиво говорятъ, какими громадными средствами располагали польскіе магнаты, тогда какъ сотни и тысячи шляхты, въ числѣ которыхъ были люди весьма достойные, лишены были средствъ къ жизни. Шляхты считалось въ Польшѣ около милліона, большая часть которой была совершенно бѣдна. Не удивительно поэтому, что шляхта тѣснилась ко двору вельможи, заискивала у него, раболѣпствовала и всегда была готова на всякія услуги. «Wielki pan», т. е. большой баринъ, хорошо понималъ свое положеніе и хотя презиралъ шляхту, считая ее гораздо ниже себя, но, при рѣшеніи общественныхъ и государственныхъ дѣлъ, при выборахъ на сеймъ, при каждомъ избраніи новаго короля, панъ нуждался въ шляхтѣ и самъ у нея заискивалъ. Отношенія являлись странныя: панъ презиралъ шляхту; шляхта презирала мѣщанина; мѣщанинъ ненавидѣлъ шляхтича за то, что онъ выше его, но считалъ себя гораздо выше крестьянина, на котораго, впрочемъ, никто и вниманія не обращалъ. Даже поэты того времени не всегда считали его человѣкомъ. Такъ все это бродило въ хаотическомъ морѣ польской жизни, — бродило, пока не прорвалась шляхетская плотина и не образовалась течь, съ которою и унесло бурную жизнь магната. Все измѣнилось, одно—къ лучшему, другое —къ худшему...

Необходимо прибавить еще, что къ любимымъ занятіямъ поляковъ со временъ Ягайлы и почти до конца XVII столѣтія принадлежала «астрологія». Суевѣрный Ягайло выписалъ изъ Чехіи астрономовъ и астрологовъ. Извѣстно, что въ то время эти два знанія смѣшивались и значили почти одно и то же. Астрономія однако скоро отдѣлилась отъ астрологіи и въ краковской академіи многіе прославились своими глубокими познаніями въ математикѣ и астрономіи. Извѣстно, что въ Польшѣ еще въ XIII ст. снискалъ общую извѣстность Вителіонъ, первый положившій основаніе оптикѣ. Затѣмъ пользовались громкою славою Іоаннъ изъ Глогова, учитель Альбрехта изъ Бруджева (Бруджевскій) родомъ изъ Великой Польши; онъ же былъ и учи-

Залъ во дворцѣ виллановскомъ.

телемъ великаго Николая Коперника (1473—1544). Кромѣ того пользовались извѣстностью: Бернардъ Вановскій, Іаковъ изъ Кобылина, Матвѣй Шамотульскій, Николай Прокоповичъ изъ Шавля, ректоръ краковской академіи Мартинъ изъ Олькуша, Брожекъ, Гевеліусъ и др. Астрологи же избрали болѣе легкій путь предсказывать будущее по положенію небесныхъ свѣтилъ. Примѣру Ягайлы стали подражать знатные вельможи, и астрологія охватила весь край. Чехъ-астрологъ ставилъ гороскопъ въ минуту рожденія сына Ягайлы, Казиміра, въ 1427 году и предсказалъ его судьбу. Астрологія раздѣлялась на четыре степени: первая предсказывала событія въ теченіе цѣлаго года на небѣ и на землѣ; вторая предсказывала судьбы человѣка на

всю его жизнь; третья учила, когда и что слѣдуетъ начинать и когда слѣдуетъ пріостановить то или другое дѣяніе; наконецъ, четвертая, наиболѣе любимая и распространенная, узнавать посредствомъ гороскоповъ судьбы людей и государствъ. Къ этой же категоріи относятся разныя гаданья, сохранившіяся отчасти и до сихъ поръ, напр.: выливаніе изъ воска разныхъ фигуръ и угадываніе по нимъ событій. Особенно прославились астрологи Янъ Лятошъ, докторъ Яничи, Мартинъ Познанчикъ и др. Въ каждомъ несчастіи, или передъ началомъ чего-нибудь важнаго, отъ короля до мѣщанина, всѣ обращались къ астрологамъ, прося указанія и разъясненія. Даже въ случаѣ воровства обращались къ астрологу, чтобы указалъ вора. Однимъ изъ главнѣйшихъ занятій астрологовъ было изданіе календарей, въ которыхъ не только предсказывались перемѣны погоды, но и давались разныя объясненія: какіе дни опасны для здоровья, какъ слѣдуетъ поступать въ извѣстныхъ случаяхъ, избѣгать несчастія и проч. И всему этому вѣрили. Николай изъ Тулишкова уже въ началѣ XVI столѣтія сочинялъ и издавалъ календари въ Краковѣ со множествомъ разныхъ предсказаній. Съ этого времени краковскіе календари издавались ежегодно и пользовались большею славою не только въ Польшѣ, но и въ Венгріи. Въ ту пору казалось, что безъ такого календаря и жить не возможно: онъ указывалъ, когда будетъ дождь, снѣгъ, морозъ, ясное солнце, когда и въ какіе именно дни можно что-нибудь предпринять, а какихъ надобно остерегаться, и т. д. до малѣйшихъ подробностей.

VI.

Познакомившись съ домашнею жизнью и обстановкою богатыхъ вельможъ, перейдемъ къ болѣе скромной жизни шляхты, владѣвшей небольшими населенными имѣніями.

Извѣстный Рей изъ Нагловицъ такъ описываетъ жилище зажиточнаго польскаго шляхтича: «Домъ шляхтича огороженъ; за заборомъ насажены деревья — каштаны, фиги, померанцы, сливы, персики и т. п. Посреди нихъ виднѣются бѣлыя и красныя розы. Невдалекѣ вы встрѣчаете огурцы, арбузы, разныхъ сортовъ ягоды. По срединѣ двора проведенъ ручей; его окаймляетъ зеленая трава. По деревьямъ порхаютъ фазаны, а подъ ними, какъ муравьи, копошатся цыплята, прыгаютъ кролики, скачутъ зайцы. Далѣе течетъ красавица—рѣка, золотою струею переливаясь по камнямъ. Въ ней плаваютъ рыбки, гоняясь за червяками и подпрыгивая на береговые зеленые кустарники. Вы входите въ домъ: здѣсь всего полно, вездѣ чистота. Вотъ стоитъ кровать, покрытая одѣяломъ, въ головахъ стоитъ «lilium convalium». На столѣ лежатъ молитвенники, стоятъ часы.

Конечно здѣсь рѣчь идетъ о зажиточномъ шляхтичѣ, какіе дѣйствительно были. На столѣ вообще стояли у шляхтича не обыкновенные часы дорого стоившіе, но «клепсидры», т.-е. песочные часы. Водяныхъ, кажется, вовсе не знали. Шляхетскіе дома были большею частью изъ дерева, одноэтажные, иногда только съ пристройкою посрединѣ. Рѣдко въ домѣ было больше двухъ комнатъ (izb): одна большая, другая поменьше. Посрединѣ—большія сѣни, служившія лѣтомъ столовою. Передъ домомъ крыльцо со скамьями, на которыхъ просиживала вся семья, особенно въ ненастное время. Вокругъ большой комнаты стояли незатѣйливыя лавки или скамейки, покрытыя кожею. Посрединѣ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, на немъ неизбѣжная клепсидра; вокругъ простые крашеные стулья. Окна со ставнями устраивались такъ, что хозяинъ всегда могъ видѣть овинъ, скотный дворъ, конюшни, расположенные вблизи дома; у хозяйки же всегда были передъ глазами кухня, ледникъ, кладовая, если она не помѣщалась въ самомъ домѣ. На окнахъ стояли горшки съ розами, лиліями, конваліей. Чисто вымытые полы посыпаны пахучими травами. На стѣнахъ было развѣшено платье, въ почетномъ углу иконы и оружіе, далѣе картинки. Почти во всѣхъ шляхетскихъ домахъ можно было видѣть гравюру, изображавшую мужа и жену, держащихся за руки. Подъ ними была надпись—«любовь»; надъ головою мужа—«честь»; надъ головою жены — «правда». На подоконникѣ висѣлъ календарь, изъ котораго хозяинъ почерпалъ житейскую мудрость; или-же

узнавалъ время разныхъ занятій по хозяйству. Домъ освѣщался сальными свѣчами, которыя выдѣлывались дома. По угламъ стояли большіе окованные сундуки, на неуклюжихъ подставкахъ.

Вотъ картина домашней жизни шляхтича, какъ ее описываютъ современные писатели. Не великъ былъ домъ, но когда гость пріѣзжалъ, по пословицѣ «стѣны раздвигались» и для всѣхъ находилось мѣсто. Шляхтичъ принималъ гостя искренно, радостно. Кормилъ его, поилъ пивомъ; когда же гость уѣзжалъ, — заботился о немъ, чтобы и въ дорогѣ у него была закуска.

Гостепріимство и радушіе польскаго шляхтича и теперь ему присущи. Странствуя по разнымъ частямъ древней Польши для археологическихъ изслѣдованій, мы не разъ испытали это.

Шляхетскій дворъ.

Хозяева такъ искренно, такъ радушно заботятся о васъ, угощаютъ всѣмъ, что есть въ домѣ, кажется, желаютъ даже угадать затаенныя ваши желанія. И все это такъ просто, безъ затѣй, такъ задушевно, что не разъ потомъ вспомните о такомъ задушевномъ пріемѣ и въ барскихъ хоромахъ, гдѣ вамъ все предложатъ къ услугамъ, кромѣ искренности, задушевности.

Положеніе мелкопомѣстнаго шляхтича въ былое время въ Польшѣ было довольно сносное. Не много у него было крестьянъ, тѣмъ болѣе онъ заботился о нихъ, если даже не по душевнымъ побужденіямъ, то изъ опасенія, чтобъ не разбѣжались, чтобъ не лишиться рабочихъ рукъ. Вобще положеніе крестьянъ у шляхтича было несравненно лучше, чѣмъ у пана, который ничѣмъ самъ не занимался, да и не зналъ почти, что у него творится въ имѣніяхъ,

гдѣ всѣмъ завѣдывали камиссары, экономы, войты или солтысы, незабывавшіе никогда и о своемъ карманѣ.

Шляхтичъ не затрачивалъ, какъ панъ, баснословныхъ суммъ на дорогія заморскія вина, на дорогія украшенія своихъ палаццо, на одежду для себя и семейства, на содержаніе многочисленной свиты и т. п. Шляхтичъ довольствовался пивомъ, да у себя дома заготовленными съѣстными припасами. У него были свои кабаны, изъ которыхъ на весь годъ выдѣлывались шинки, кумпе, колбасы, полендвицы, главизны, сальцесоны и т. д. Были гуси, изъ которыхъ дѣлались превкусныя пулгенски, утки, цыплята, индюки, и т. д. Говядина покупалась въ рѣдкихъ, особенныхъ случаяхъ. Была у него и дичь своя, изъ своего лѣса, своихъ болотъ; лѣсъ же былъ у каждаго, хоть и не въ большомъ количествѣ. Была въ изобиліи своя рыба, свои пчельники и свой медъ: многіе у себя дома изготовляли медъ и пиво, разныя настойки и наливки. У нѣкоторыхъ были небольшія собственныя винокурни. При бережливости и расчётливомъ веденіи своихъ дѣлъ, шляхтичъ могъ даже сколотить копѣйку на черный день. Доходы его состояли отъ продажи ржи и яровыхъ хлѣбовъ, шерсти, конопли, льна, меду, кожъ, сала, коровьяго масла, сыра и молока; онъ продавалъ грибы, ягоды и много другихъ предметовъ домашняго хозяйства, въ урожайный годъ приносившихъ весьма изрядный доходъ. Подъ городомъ даже сады и огороды приносили ему значительную пользу. Садоводство, огородничество, пчеловодство, рыболовство процвѣтало во всей Польшѣ. Въ саду водились даже общеупотребительныя лѣкарственныя травы и продавались очень выгодно. Не было почти ни одного шляхетскаго двора, гдѣ бы не было рыбнаго пруда, естественнаго или искусственнаго. Были даже особые мастера, исключительно занимавшіеся устройствомъ такихъ прудовъ. Шляхтичъ расчетливостью и бережливостью изъ всего умѣлъ извлекать пользу. Подъ Гданскомъ, напр., за одно молоко каждая корова приносила ему дохода тридцать злотыхъ. За пару овецъ шляхтичъ платилъ полъ-гривны, а осенью за одного только ягненка бралъ столько-же. Стараго вола измученнаго, исхудалаго покупалъ за двѣ копы, а откормивъ его бралъ четыре копы. Жеребца покупалъ за десять злотыхъ и потомъ продавалъ за 30 — 40. Современныя брошюры указываютъ намъ много и другихъ примѣровъ, какъ успѣшно шляхтичъ велъ свое хозяйство.

Современные писатели, глумясь надъ панами и отыскивая у нихъ разные пороки, весьма благосклонно относятся къ шляхтѣ, описывая ихъ добродѣтели, ихъ любовь къ отечеству, готовность на всякія жертвы, ихъ тихую, но трудовую жизнь, вполнѣ обезпечивавшую ихъ бытъ и доставлявшую имъ много удовольствій, не отъ пиршества и попоекъ, а отъ семейныхъ радостей. Шляхтичъ былъ честенъ, правдивъ, глубоко нравственъ, религіозенъ, храбръ и отваженъ до самоотверженія. Шляхтичъ не былъ ученъ, не занимался науками, но былъ образованъ настолько, что въ общественной жизни никогда не попадалъ лицомъ въ грязь. Много было въ средѣ шляхты остряковъ, снискавшихъ даже общую извѣстность. Въ одной старинной брошюрѣ такъ описывается безмятежная жизнь шляхтича: «онъ доволенъ тѣмъ, что живетъ какъ шляхтичъ; довольствуется тѣмъ, что имѣетъ, не желая чужого; не завидуетъ тому, кто носитъ парчу и соболи; для него достаточно, что и онъ пріодѣтъ; какое ему дѣло, что тотъ разъѣзжаетъ въ турецкихъ экипажахъ, когда и онъ не идетъ пѣшкомъ; а пусть его расхаживаетъ даже въ золотыхъ «черевикахъ», для него достаточно, что и онъ не ходитъ босикомъ».

Въ Польшѣ даже до послѣдняго времени всегда быль многочиленный классъ шляхтичей-арендаторовъ. Во времена Польши почти всѣ большія имѣнія раздроблялись на участки, составлявшіе фольварки, которые сдавались въ аренду на продолжительные сроки. Большая часть арендаторовъ состояла изъ бѣдныхъ дворянъ, находившихся у большихъ пановъ на послугахъ и получившихъ въ награду фольварокъ, или и два, въ аренду на весьма выгодныхъ условіяхъ. Были между ними люди экономные, трудолюбивые, наживавшіе на арендѣ значительное состояніе и пріобрѣтавшіе потомъ собственныя имѣнія. Изъ этихъ-то арендаторовъ, да изъ бывшихъ

экономовъ, обкрадывавшихъ своего довѣрителя и накупавшихъ, часто отъ него же самого, въ собственность имѣнія, образовалась новая аристократія, нерѣдко даже съ графскими титулами. Древніе и знаменитые роды вымирали или окончательно разорялись, а ихъ экономы, нерѣдко даже простые слуги, засѣдали въ ихъ имѣніяхъ, да еще графами.

Нравственность арендаторовъ, служившихъ прежде при дворахъ вельможъ, не всегда была безупречна. Они во всемъ отличались отъ столбового шляхтича, родившагося и проживавшаго на собственномъ клочкѣ земли. Находясь долгое время при дворѣ, насмотрѣвшись на разные примѣры, эти люди иначе смотрѣли на жизнь и на нравственность; привыкнувъ къ роскоши,

Архіепископъ варшавскій Попель. Архіепископъ кѣлецкій Кулинскій. Архіепископъ калишскій Бересневичъ.

Архіепископъ плоцкій Боровскій. Архіепископъ сандомірскій Сотковичъ. Архіепископъ люблинскій Вноровскій.

они не всегда умѣли сводить концы съ концами, не всегда умѣли и добывать средства: для этого у нихъ не было ни навыка, ни предпріимчивости, ни терпѣнія. Конечно, и въ этой средѣ попадались люди честные, отличные хозяева, но, въ общемъ, къ нимъ нельзя отнестись съ такою похвалою, какъ къ собственникамъ-шляхтичамъ.

Гораздо плачевнѣе было положеніе многотысячной безземельной или «загоновой» шляхты, т.-е., владѣвшей почти одною усадебною землею. Она-то преимущественно и служила для потѣхи пановъ. Изъ нея набиралась сеймовая рать, когда панъ ѣхалъ на выборы короля. Грубая, оборванная, безнравственная, безъ всякаго образованія шляхта этой категоріи почти исключи-

тельно жила милостями вельможъ. Были цѣлыя деревни, называвшіяся «околицами», исключительно населенныя этой шляхтой, владѣвшей клочками земли, или даже вовсе безъ земли, а лишь съ однимъ полуразвалившимся домикомъ. Такой «околичный» шляхтичъ, хотя ему не разъ приходилось наниматься на работы, былъ гордъ своимъ шляхетскимъ гербомъ, заносчивъ, развратенъ, пьяница, часто буйствовалъ и большею частью велъ тунеядническую жизнь. Но нѣкоторые изъ нихъ поступали на службу къ панамъ и потомъ пролагали себѣ дорогу; одни записывались въ военную службу, другіе поступали въ монастыри и дѣлались ксендзами. Этотъ несчастный классъ, какъ бы предумышленно лишенный средствъ честнаго существованія и соотвѣтственныхъ своему званію занятій, былъ рабомъ «великихъ пановъ» и дѣлалъ все, что они прикажутъ.

Изъ «околичной» шляхты въ наше время возникли два отдѣльныя сословія: «однодворцы» и «граждане». Въ первые зачислены всѣ шляхтичи, не успѣвшіе доказать своихъ дворянскихъ правъ и живущіе по деревнямъ, на земляхъ казенныхъ, владѣльческихъ, или же и собственныхъ. Ко вторымъ причислены тѣ изъ бывшей шляхты, которые живутъ въ городахъ. Усиленные рекрутскіе наборы значительно уменьшили ихъ число. Въ числѣ «однодворцевъ» и «гражданъ» было много дѣйствительныхъ дворянъ, даже изъ древнихъ родовъ, у которыхъ сохранились граматы и привиллегіи, несомнѣнно доказывающія дворянское ихъ происхожденіе; но недостатокъ средствъ и необразованность не дозволили имъ воспользоваться своими правами.

Бывшій архіеп. варшавск. Фіялковскій.

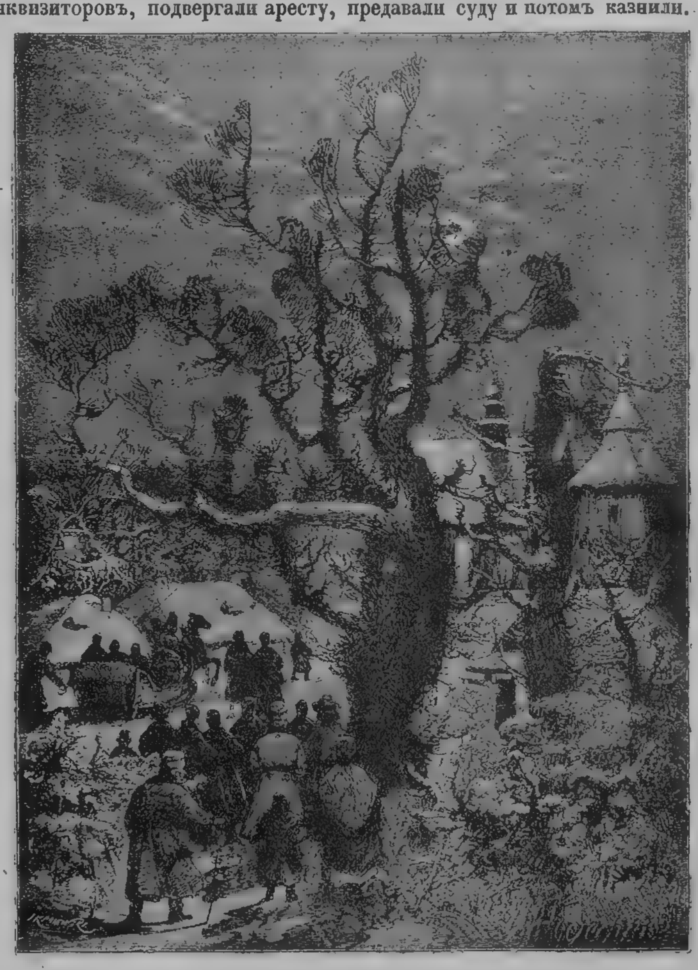
VII.

Религіозное чувство всегда было свойственно всѣмъ классамъ поляковъ во всѣ времена. Переломъ совершился въ XVI столѣтіи, когда въ краѣ стали распространяться реформатскія ученія. Многіе изъ высшихъ сословій принимали Кальвиново ученіе; по городамъ вводилось лютеранство. Валентинъ Гентилисъ, явившись въ Польшѣ около 1563 г., успѣлъ весьма многихъ склонить къ принятію аріанскаго ученія, главные притоны котораго были въ Раковѣ и Куявахъ, почему ихъ и называли Раковянами и Куявянами. Но, кромѣ того, распространились еще и другія секты аріанства, какъ меннониты, эбіонисты, унитаріи, антитринитаріи, анабаптисты, новокрещенцы, нурки и др. Социніане находили послѣдователей даже между лютеранскими пасторами и кальвинскими министрами. Впрочемъ, социніанизмъ сильно былъ распространенъ преимущественно въ литовскихъ областяхъ. Господство реформаціи въ Польшѣ продолжалось однако недолго. Іезуиты, водворившись въ Литвѣ и Польшѣ, подъ конецъ царствованія Сигизмунда Августа, начали сильную борьбу съ протестантами; въ царствованіе же Сигизмунда III, въ которомъ они нашли усерднаго и ревностнаго покровителя, поддававшагося ихъ вліянію и всѣми силами содѣйствовавшаго имъ въ возстановленіи и упроченіи латинизма, успѣли возвратить на лоно римско-католической вѣры почти всѣхъ тѣхъ, которые отпали отъ нея и приняли одно изъ реформатскихъ ученій. Успѣхи іезуитовъ удивительны, но, понятно, никогда они не достигли бы ихъ въ такой степени, если бы не покровительство короля. Сила и значеніе іезуитовъ при Сигизмундѣ III были такъ велики, что для дѣятельности особыхъ инквизиторовъ не оставалось уже мѣста, и самая инквизиція въ Польшѣ была уничтожена.

Инквизиція введена въ Польшу папою Іоанномъ XXII около 1326 года и предоставлена была монахамъ доминиканскаго ордена. Къ чести, однако, поляковъ необходимо замѣтить, что

инквизиція въ Польшѣ никогда не достигала такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ это было въ другихъ католическихъ государствахъ, особенно же въ Испаніи. Всѣхъ очередныхъ инквизиторовъ въ Польшѣ считаютъ тридцать пять. Послѣднимъ былъ доминиканецъ Мельхіоръ, отличавшійся особеннымъ усердіемъ, имѣвшій непосредственныя сношенія съ Римомъ.

Инквизиторы въ Польшѣ обязаны были противодѣйствовать распространенію ереси и содѣйствовать расширенію католицизма. Виновныхъ или подозрѣваемыхъ въ святотатствѣ и богохульствѣ, по донесеніямъ инквизиторовъ, подвергали аресту, предавали суду и потомъ казнили. Такихъ случаевъ, однако, сравнительно съ другими государствами было не особенно много. Инквизиторы преимущественно занимались преслѣдованіемъ «чаровницъ», а также евреевъ, по обвиненіямъ послѣднихъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей на праздникъ Пасхи. Въ царствованіе Сигизмунда I, шляхтичъ Петръ изъ Папанова былъ осужденъ за волшебство и казненъ въ 1521 году. Лаврентій Градовскій, шляхтичъ изъ Сохачева, былъ обвиненъ въ занятіи чарами, посредствомъ коихъ онъ, будто бы, намѣревался извести короля Стефана Баторія. Его посадили въ тюрьму и тамъ отравили. При дворѣ Боны Сфорціи, супруги Сигизмунда I, воспитывалась красавица Мальхра, незаконнорожденная дочь Катерины, состоявшей въ интимной связи съ королемъ Сигизмундомъ, а потомъ выданной за кастелана Костелецкаго. Думаютъ, что эта Мальхра была дочерью Сигизмунда I. Она была въ замужествѣ за Вогелемъ, краковскимъ бургомистромъ. Будучи уже вдовою, восьмидесятилѣтнею старухой, подъ конецъ XVI столѣтія, она стала осуждать высшее духовенство и разсказывать объ ихъ преступленіяхъ. Инквизиторъ узналъ объ этомъ и донесъ епископу. Послѣдній потребовалъ ее въ свои палаты и здѣсь богословы стали ей задавать разные догматическіе вопросы, на которые, разумѣется, она не умѣла отвѣчать. Тогда ее посадили въ темницу, обвинили, что она перешла въ іудейство, приговорили къ смерти и торжественно сожгли въ Краковѣ.

На пути въ костелъ.

Въ 1598 году, на Подлѣсьѣ разыгралась печальная исторія по возведенному на евреевъ

обвиненію въ убійствѣ христіанскаго мальчика. Что евреи будто бы непремѣнно требовали христіанской крови для своей пасхальной мацы, вѣрили всѣ въ то время и достаточно было самаго неосновательнаго подозрѣнія, чтобы осудить несчастныхъ. Такъ обвинили нѣкоего еврея Аарона Громека въ томъ, что онъ поймалъ христіанскаго мальчика Вонташко и доставилъ его въ Мендзыржече къ раввинамъ Моисею и Зельману. Содѣйствовалъ ему нѣкто еврей Марко, корчмарь. Какая-то дѣвушка Настка случайно будто бы видѣла, какъ раввины ножами прорѣзали бока ребенку и въ особые сосуды источили изъ него кровь. Настка донесла о видѣнномъ владѣльцу мѣстности, гдѣ произошло событіе, венгерскому барону Истрану Петтице Герсе, женатому на Аннѣ Кишка, дочери воеводы Кишки. Этого обвиненія было достаточно. Ихъ схватили и предали суду люблинскаго трибунала. Послѣдній приговорилъ къ казни Аарона Громека, Исаака Гайзика съ женою и корчмаря Марка съ женою. Всѣхъ ихъ казнили. Въ день шабаша, т. е. въ субботу, передъ синагогою, палачъ разрубилъ Марка на четыре части, которыя потомъ прибилъ гвоздями къ четыремъ кольямъ. Громекъ самъ удавился, несмотря на то, трупъ его былъ повѣшенъ. Жены Марка и Гайзика четвертованы. Раввины успѣли убѣжать.

У кропильницы.

Іезуиты придавали событіямъ такого рода другой колоритъ. Каждымъ подобнымъ событіемъ они пользовались, чтобы всенародно заявить свое великодушіе, въ то же время разыграть траги-комедію въ религіозномъ духѣ. Былъ, напр., такой случай. Въ Люблинѣ, еврей Моисей нанялъ квартиру въ домѣ христіанина Любомейскаго. Въ этой квартирѣ, на одной изъ стѣнъ, вѣроятно прежнимъ владѣльцемъ, написано было имя «Іисусъ». Моисей соскоблилъ эту надпись. Іезуиты провѣдали объ этомъ и обвинили еврея въ святотатствѣ. Его тотчасъ арестовали и посадили въ тюрьму. Судъ приговорилъ Моисея къ смертной казни. Тогда іезуиты явились заступниками и покровителями еврея. Они стали хлопотать о прощеніи, которое и послѣдовало. Моисея отдали на руки іезуитамъ, для отеческаго наказанія, по ихъ духовному усмотрѣнію. Іезуиты устроили торжественное шествіе: впереди кортежа шелъ трубачъ; за нимъ несли большое знамя, на которомъ серебромъ вышито было имя «Іисусъ». Потомъ слѣдовали іезуиты, имѣя во главѣ извѣстнаго того времени проповѣдника, іезуита Пясецкаго. Наконецъ, подъ сильнымъ конвоемъ вели Моисея, одѣтаго въ длинную рясу изъ толстаго холста, перепоясанную на-крестъ; въ рукахъ онъ держалъ зажженную, предлинную, въ нѣсколько локтей, свѣчу. Кортежъ проходилъ по цѣлому городу и останавливался передъ каждымъ костеломъ, гдѣ объясняли

публикѣ страшное его преступленіе и великодушіе іезуитовъ, вымолившихъ для него прощеніе. Такъ дошли до дома, гдѣ совершено было преступленіе. Здѣсь его публично высѣкли и затѣмъ отпустили. Этимъ зрѣлище закончилось. Всѣ были довольны и восхваляли мудрость и сердоболіе іезуитовъ.

Много хлопотъ было съ аріанами. Они не допускали трехъ лицъ въ Божествѣ. Поэтому не могли приносить и присяги, начинающейся словами: «клянусь Господу Богу, во св. Троицѣ единому». Суды были снисходительны къ заявленіямъ аріанъ о нежеланіи присягать и не признавали этого богохульствомъ или святотатствомъ. Случилось, однако, что когда какой-то аріанинъ Тисковиціусъ (вѣроятно Тышкевичъ или Тышовецкій) отказался отъ присяги и судъ освободилъ его отъ нея, благочестивая Констанція, супруга Сигизмунда III, провѣдала объ этомъ: она не могла проститъ подобнаго поруганія и чрезъ посредство іезуитовъ отъ своего имени обвинила въ судѣ Тисковиціуса. Несчастнаго казнили въ 1612 году въ Бѣльскѣ.

Инквизиторы, а потомъ замѣнившіе ихъ іезуиты, всегда являлись только обличителями и преслѣдователями, но самые приговоры исполнялись по рѣшеніямъ свѣтскихъ судовъ.

Кромѣ инквизиторовъ, существовало еще общество «странствующихъ братьевъ» (societas fratrum peregrinatium), основанное папою Піемъ II въ 1464 году и состоявшее изъ монаховъ францисканскаго и доминиканскаго орденовъ. Братчики носили береты, поясы и обувь краснаго цвѣта, въ знакъ того, что готовы всегда принять мученичество за вѣру. Обязанность ихъ состояла главнымъ образомъ въ совращеніи иновѣрцевъ въ католичество, для чего они, въ случаѣ надобности, имѣли право учреждать инквизицію. Дѣятельность этого братства особенно отличалась въ Червонной Руси (Галиціи). Братство не признавало надъ собою ничьей власти и подчинялось непосредственно только папѣ. Когда умеръ послѣдній инквизиторъ Мельхіоръ (1591) и всѣ дѣла по этой части сосредоточились въ рукахъ іезуитовъ, такое независимое общество могло только препятствовать ихъ дѣятельности. Поэтому папа Павелъ V, буллою 22 мая 1605 года, уничтожилъ общество «странствующихъ братьевъ».

На обязанности инквизиторовъ лежала цензура печатавшихся книгъ богословскаго содержанія. Книги же свѣтскаго содержанія, равно какъ и печатавшіяся въ собственныхъ типографіяхъ вельможъ, не подлежали цензурѣ. Съ уничтоженіемъ инквизиторовъ, обязанность эта перешла къ епископамъ. Со временъ Сигизмунда III явились уже надписи на книгахъ: «съ одобренія старшинъ», или «съ дозволенія духовной власти». Цензорами были іезуиты. Даже извѣстная хроника Мартина Бѣльскаго была запрещена только потому, что авторъ ея былъ протестантомъ. Въ 1606 году іезуиты составили списокъ запрещенныхъ книгъ, обнародованный потомъ епископомъ Мацѣевскимъ. Въ 1622 году, въ Варшавѣ, по распоряженію епископа, въ четырехъ частяхъ города, палачи сожигали брошюры и книги, преимущественно такія, въ которыхъ заключались обличенія іезуитовъ. Такъ, напр., подверглось сожженію стихотвореніе знаменитаго поэта Кленовича, «Victoria Deorum» за то, что въ немъ выставлялись дѣянія іезуитовъ въ неблагопріятномъ для нихъ свѣтѣ. Сожигались не только печатныя, но и рукописныя народныя пѣсни, басни, легенды и т. п. Этнографія много пострадала отъ этого. Впрочемъ, эти цензурныя стѣсненія не долго продолжались. Со смертью Сигизмунда III и съ уменьшеніемъ преобладающаго значенія іезуитовъ, печать стала совершенно свободною.

Съ самаго начала введенія христіанства, духовенство внушало народу необходимость религіозной обрядности, молитвы и поста. Все это вкоренилось въ народѣ и держалось въ немъ цѣлыя столѣтія. Обрядность была самая разнообразная, дѣйствовавшая на массы, такъ сказать, чувственно. Музыка, пѣніе, крестные ходы привлекали множество молящихся. Молитва направлялась, подъ вліяніемъ духовенства къ той, или другой иконѣ, къ тому, или другому святому, или святой. У каждаго были свои «патронъ» или «патронесса». Но народъ видѣлъ въ нѣкоторыхъ святыхъ особыхъ спеціалистовъ отъ той или другой злобы. Такъ, если случалась покража, молились св. Николаю; если появлялся вередъ,—св. Роху; если болѣли глаза

или зубы—обращались къ св. Аполоніи и св. Отыліи; нуженъ былъ дождь, или погода, молили св. Севастіана и святую Агату; нищіе прибѣгали къ св. Яну; св. Яцекъ и Станиславъ были главными патронами Малой Польши; св. Ленартъ былъ патрономъ лошадей; св. Антоній — скота; но главнымъ покровителемъ всякой скотины былъ св. Николай. Значеніе духовенства и вліяніе не только на народъ, но и на вельможъ, даже на королей, было громадное. Провинившіеся противъ духовной власти должны были на колѣняхъ испрашивать прощеніе. Вроцлавскій магистратъ разсорился съ епископомъ. Епископъ пригрозилъ анаѳемой. И магистратъ съ жителями униженно явились къ епископу, прося прощенія. Анаѳема въ то время была страшнымъ орудіемъ въ рукахъ духовенства. И, дѣйствительно, положеніе преданнаго анаѳемѣ было ужасно. Когда онъ проходилъ мимо костела, костелъ тотчасъ же запирался; если случайно входилъ въ храмъ во время богослуженія — оно тотчасъ же прекращалось. Съ нимъ никто не смѣлъ говорить, никто ему ничего не продавалъ, никто руки не подавалъ. Поневолѣ приходилось или бѣжать или покоряться. Предавали анаѳемѣ за что попало, напримѣръ, за несоблюденіе поста. Дитмаръ свидѣтельствуетъ, что кто ѣлъ мясное въ постные дни, тому клещами вырывали зубы. Пока богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ и вообще соблюдалась восточная обрядность, до 1244 года (Длугошъ), — посты у поляковъ соблюдались также, какъ и у православныхъ. Только въ XIII столѣтіи папа разрѣшилъ во время великаго поста употреблять молочное. Потомъ разрѣшено было ѣсть мясо во время масленицы. Поляки постились три дня въ недѣлю: въ среду, пятницу и субботу.

Посты, частыя исповѣди, молитвы, крестные ходы и т. д. были обязательны и исполнялись строго. Но дѣло доходило нерѣдко и до ханжества. Были носившіе «вериги», были «бичевники», на исповѣди бичевавшіе себя плетью. Св. Ядвига, супруга Генриха Бородатаго, цѣловала свое тѣло, а потомъ приказывала жестоко сѣчь розгами.

Примѣровъ такого фанатизма очень много. Это прямое послѣдствіе обрядности, безъ внутренняго содержанія. Духовенство развивало и усиливало ханжество до крайнихъ размѣровъ, потому что для него это было выгодно. Съ теченіемъ времени, однако, мало-по-малу вліяніе духовенства—уменьшилось; обрядность уступила мѣсто разсудочному отношенію. Когда же въ XVI столѣтіи подоспѣла реформація и усиленно нахлынула на Польшу,—всѣ прежніе порядки моментально исчезли: не было и помину, ни о постахъ, ни о преданіи анаѳемѣ и т. п.

Честь возстановленія прежнихъ порядковъ, порабощенія протестантизма, безспорно принадлежитъ іезуитамъ, въ царствованіе Сигизмунда III. Но и въ этомъ случаѣ была большая разница. Въ числѣ іезуитовъ того времени много было не только высокообразованныхъ, геніальныхъ проповѣдниковъ, самоотверженныхъ борцевъ за вѣру, но и людей чистыхъ, истинныхъ вѣщателей любви и правды. Такіе люди дѣйствовали съ неотразимою силою на убѣжденіе человѣка и вотъ гдѣ, едва ли не прежде всего, надобно искать разъясненія ихъ успѣховъ въ дѣлѣ возстановленія и закрѣпленія глубоко потрясеннаго католицизма въ Польшѣ. Но время величія и славы іезуитовъ въ Польшѣ скоро прошло. Не было уже такихъ колоссовъ, какъ Скарга, Варшевицкій и др. Наслѣдники ихъ не отличались ни геніальностью, ни усердіемъ; стремленія и дѣянія ихъ не всегда были чистыми. Въ XVIII столѣтіи іезуиты больше всего заботятся объ увеличеніи своихъ имуществъ. И прежде іезуиты заботились о пріобрѣтеніи благъ земныхъ, какъ главнаго средства, открывавшаго имъ возможность свободно и широко дѣйствовать на избранномъ поприщѣ; но тогда громадныя средства пріобрѣтались ими другимъ путемъ—путемъ королевскихъ милостей, значительными пожертвованіями вельможъ; теперь же, для увеличенія своихъ средствъ, іезуитамъ приходилось иногда прибѣгать къ такимъ пріемамъ, которые допускаются извѣстною ихъ же аксіомою: «цѣль оправдываетъ средства».

Какъ достигали іезуиты завѣтной цѣли, какіе употребляли пріемы, лучше всего объяснятъ два случая, дѣйствительности которыхъ трудно было бы даже вѣрить, если бы ихъ передавала

не такая высоко уважаемая личность, какъ Гуго Коллонтай, о которомъ мы уже имѣли случай упомянуть.

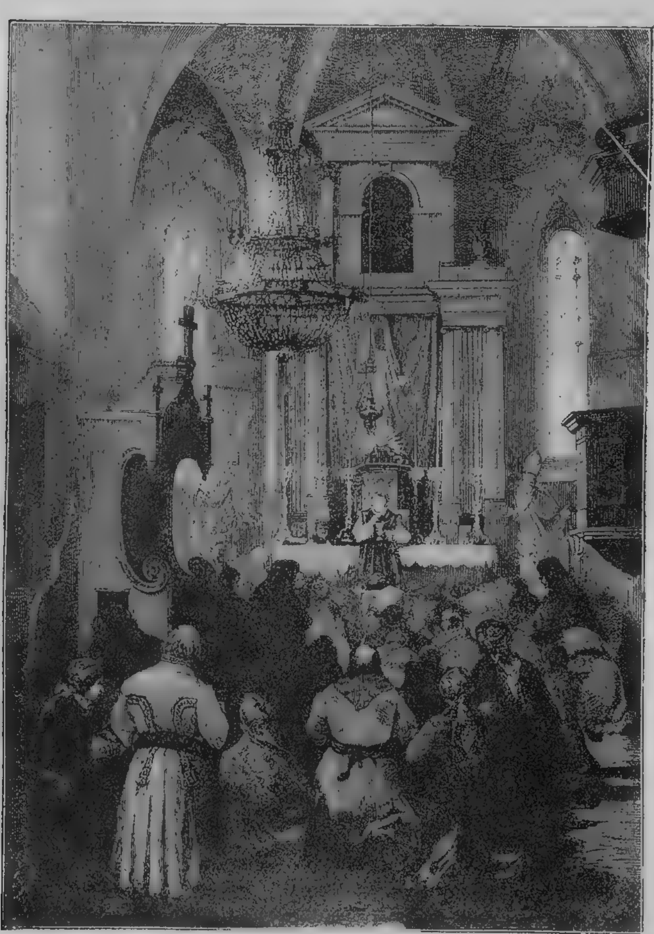
Сообщеніе Коллонтая относится къ началу второй половины XVIII столѣтія, въ царствованіе Августа III. «Іезуиты,—говоритъ Коллонтай,—отличались особенною способностью овладѣвать слабыми умами, особенно же «девотками» (ханжами). Въ этомъ отношеніи ни одинъ орденъ не могъ соперничать съ ними. Они умѣли выбрать соотвѣтствующее время, исключительныя обстоятельства, способствующія такому настроенію; умѣли избрать такую личность, которая вполнѣ соотвѣтствовала характеру ханжи; опутывали слабую душу почти непостижимыми путями; концомъ же всѣхъ этихъ заискиваній былъ тотъ, что тотъ или другой коллегіумъ обогащался, или же составлялось духовное завѣщаніе съ богатою добычею, по поводу котораго въ судахъ и трибуналахъ нерѣдко происходили предосудительныя тяжбы».

«Въ попелецъ».

Далѣе Коллонтай разсказываетъ слѣдующіе два случая: одинъ — съ Анной Фирлеевой, рожденнойТенчинской, супругой сандомирскаго воеводы; другой — съ Катериной Шембекъ, рожденной Опалинской, супругой короннаго канцлера. Фирлеева жила въ замкѣ, въ Тенчинѣ, въ трехъ миляхъ отъ Кракова. Ей принадлежало цѣлое графство тенчинское, составлявшее одно изъ богатѣйшихъ имѣній. Въ замкѣ была каплица (часовня), обширное барское помѣщеніе, окруженное каменною стѣною. Іезуиты проникли за эту стѣну, сначала завладѣли ея совѣстью, потомъ стали распорядителями ея имѣній и значительныхъ доходовъ. Фирлеева жила уединенно, никого, кромѣ іезуитовъ не принимала, совершенно посвятивъ себя Богу и благодарная іезуитамъ, что онѣ приняли на себя всѣ хлопоты. Одинъ іезуитъ состоялъ при ней постояннымъ духовникомъ и сулилъ ей надежду, что, ведя такой образъ жизни, она наконецъ достигнетъ такого блаженства, которое осѣнитъ ее небесными видѣніями и бесѣдою со святыми, которые снизойдутъ къ ней съ небесъ. Другой іезуитъ былъ главноуправляющимъ имѣніями, третій—повѣреннымъ по дѣламъ и т. д. Наконецъ, одинъ изъ іезуитовъ жилъ въ особомъ домикѣ, при которомъ былъ устроенъ сводный мостъ чрезъ замковые рвы. Безъ его вѣдома никто, ни подъ какимъ предлогомъ, не могъ проникнуть внутрь замка. Ведя такую благочестивую жизнь, предаваясь только молитвамъ и размышленіямъ о будущей жизни, Фирлеева дождалась, наконецъ, общенія со св. Алоизіемъ, потомъ со св. Станиславомъ Косткой. Они являлись къ ней изрѣдка, утѣшали ее, поддерживали въ ней вѣру въ святость той жизни, которую она

вела. Потомъ ночныя появленія стали чаще; они уже удостоивали бесѣдовать съ нею въ присутствіи іезуитовъ и дѣвицъ, составлявшихъ придворный штатъ Фирлеевой. При этомъ неожиданно раздавались звуки неземной музыки, очаровывавшіе присутствовавшихъ. Дѣло дошло до того, что святые пришельцы съ небесъ удостоивали даже съ нею благочестивую даму танцевать подъ звуки той же чарующей небесной мелодіи. Фирлеева вѣрила, что все это происходило по велѣнію Господнему, въ награду за ея примѣрную и святую жизнь. Ни о чемъ уже земномъ не думая, она предоставила всѣ житейскія дрязги своимъ духовнымъ спасителямъ. Такъ дѣла шли многіе годы. Но въ дѣло вмѣшалась зависть. Несмотря на глубочайшую тайну, въ которую была облечена жизнь Фирлеевой, глухая вѣсть однако стала распространяться, что съ затворницей совершается что-то не доброе. Роптали ея родные, лишенные всякаго къ ней доступа и безпокоившіеся о наслѣдствѣ, видя, что громадные доходы съ имѣній уходятъ неизвѣстно куда, роптали бывшіе дворскіе, служители и др. Краковскіе монахи, кармелиты, рѣшились вмѣшаться въ это дѣло и вырвать Фирлееву изъ затворнической жизни. Для этого надобно было прежде всего разоблачить всѣ тайны, разузнать фактически, что дѣлается въ недоступномъ замкѣ. У кармелитовъ былъ послушникъ, квесторъ, ѣздившій по господскимъ дворамъ и собиравшій подаянія въ пользу монастыря. Это былъ человѣкъ опытный, льстецъ отъявленный, смѣлый, рѣшительный, вполнѣ пригодный къ дѣлу. Ему и поручили разъяснить во время причастія щекотливый вопросъ.

Во время причастія.

Квесторъ отправился въ замокъ, прикинулся такимъ бѣднякомъ, такимъ простенькимъ человѣчкомъ, ни о чемъ не заботившемся, кромѣ подаянія. Привратнику онъ понравился,—по докладу распорядителя, квестора впустили въ замокъ. Низкопоклонствомъ, лестью онъ сумѣлъ задобрить распорядителя. Его напоили виномъ, дали милостыню и отпустили, причемъ распорядитель поручилъ привратнику пустить его и во второй разъ, когда ему случится заѣхать. Спустя нѣкоторое время онъ и заѣхалъ, успѣвъ еще болѣе снискать благорасположеніе іезуитовъ. Потомъ, какъ бы случайно, заѣхалъ поздно вечеромъ и просилъ позволенія переночевать. И это позволили. Квесторъ за стаканомъ вина, въ дружеской бесѣдѣ съ привратникомъ успѣлъ кое-что вывѣдать; успѣлъ познакомиться съ нѣкоторыми офиціантами и служителями, недо-

вольными существовавшими въ замкѣ порядками и отъ нихъ узналъ гораздо больше. Узналъ и о ночныхъ посѣщеніяхъ святыхъ. Уѣзжая, онъ предупредилъ привратника, съ которымъ они сошлись, что, если его застигнетъ въ дорогѣ ночь, онъ опять когда-нибудь заѣдетъ. Возвратясь въ Краковъ онъ объявилъ обо всемъ, что узналъ, настоятелю монастыря, а также роднымъ Фирлеевой. Составленъ былъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Его снабдили средствами. Онъ заказалъ себѣ два большущихъ ключа, которые велѣлъ вызолотить; заказалъ соотвѣтственную плану мантію и, спустя значительное время, чтобы не возбудить никакихъ подо-

Процессія «Божьяго тѣла» въ провинціи.

зрѣній, отправился въ замокъ, но уже не одинъ, а съ переодѣтымъ консисторскимъ курсоромъ, чтобы тотъ былъ свидѣтелемъ. Привратникъ впустилъ ихъ и дозволилъ переночевать, никому о томъ не докладывая. Привратникъ и нѣкоторые изъ служителей были посвящены въ тайну. Ихъ провели въ залы, откуда можно было видѣть все происходившее во внутреннихъ покояхъ. Фирлеева молилась стоя на колѣнахъ. Потомъ явился св. Станиславъ Костка. Ужинъ, самый изысканный, уже былъ приготовленъ. Явились всѣ домашніе іезуиты и весь женскій фрауенцымеръ, т. е. состоявшія при ней дамы и дѣвицы. Всѣ сѣли за столъ и долго пировали. Конечно, св. Станиславъ сидѣлъ рядомъ съ хозяйкой, которая сама накладывала ему лакомые

кусочки. Около полуночи послышалась небесная музыка, св. Станиславъ взявъ за руку хозяйку и пошелъ съ нею въ первой парѣ полонеза, за нимъ всѣ остальные іезуиты съ остальными дамами и дѣвицами. Вдругъ, въ отдаленныхъ залахъ замка послышался какой-то грохотъ, трескъ, застучали двери и ставни, повѣялъ вѣтеръ. Всѣ невольно вздрогнули и остолбенѣли, когда въ дверяхъ появился св. Петръ, съ большой лысиной, въ длинной голубой мантіи, съ большими золотыми ключами. Привратникъ и служители, посвященные въ тайну, пали передъ нимъ ницъ, а между тѣмъ св. Петръ величественно направился прямо къ св. Станиславу и громовымъ голосомъ закричалъ ему: «Такъ-то, ты здѣсь танцуешь, а я всю ночь долженъ поджидать тебя съ ключами и не могу затворить неба? Такъ вотъ же тебѣ!» — и при этомъ давай его бить ключами. Билъ такъ сильно, что бѣдный св. Станиславъ разрыдался. Тогда св. Петръ сказалъ ему: «Сознайся передъ этой добродѣтельной дамой, кто ты, а не то еще буду бить». Конечно св. Станиславъ сознался во всемъ, объявивъ, кто онъ и откуда. Тогда и квесторъ объявилъ, кто онъ и зачѣмъ явился; а тутъ предсталъ предъ публикой и консисторскій курсоръ, какъ оффиціальный свидѣтель всего происходившаго. Легко вообразить положеніе такъ долго обманываемой женщины. Она въ своемъ замкѣ привыкла уже такъ долго наслаждаться всѣми небесными благами, и вдругъ все это—ложь, обманъ! Въ ту же ночь она прогнала изъ замка всѣхъ іезуитовъ. Остался только квесторъ. На другой день пріѣхало еще нѣсколько кармелитовъ, которые болѣе раціонально прокладывали ей путь къ спасенію. Она воздвигла великолѣпный костелъ и монастырь для кармелитовъ въ одной изъ самыхъ очаровательныхъ окрестностей вблизи Кржешовицъ, недалеко отъ Кракова, гдѣ она и похоронена.

О Шембековой, вдовѣ короннаго канцлера, разсказываетъ Коллонтай слѣдующій курьезъ. Жила она въ Бабицахъ, въ двухъ миляхъ отъ Варшавы, тоже окруженная іезуитами и вполнѣ имъ преданная. Духовникъ ея внушилъ ей мысль отправиться пѣшкомъ въ Іерусалимъ. Провинціалъ іезуитовъ сообразилъ однако, что такое путешествіе для пожилой уже женщины опасно и неудобно, да и для іезуитовъ не выгодно. Поэтому онъ исходатайствовалъ у папы отмѣну обѣта и разрѣшеніе совершить путешествіе въ Іерусалимъ, на мѣстѣ, въ Бабицахъ, съ тѣмъ, чтобы громадныя издержки, какія повлекло бы за собою это путешествіе, были розданы бѣднымъ. Все такъ и исполено. Сосчитаны были даже шаги отъ Бабицъ до Іерусалима. Оказалось, что вся дорога заняла бы пять лѣтъ времени. Поэтому, суммы исчисленныя на путешествіе, вручены были іезуитамъ для распредѣленія на ихъ усмотрѣніе; всѣ свои имѣнія на означенный пятилѣтній срокъ передала она въ управленіе іезуитовъ, а сама, сопутствуемая четырьмя іезуитами отправилась въ путь изъ Бабицъ въ Іерусалимъ, каковой благополучно и совершила въ опредѣленный пятилѣтній срокъ, ни разу не выйдя за предѣлы Бабицъ. Ежедневно, испросивъ благословеніе на дорогу, и совершивъ опредѣленныя молитвы, она, въ нарочно приспособленномъ пилигримскомъ платьѣ, отправлялась въ путь, сопровождаемая своими ассистентами, и по нарочно устроеннымъ дорожкамъ, въ хорошую погоду, совершала исчисленное число шаговъ, а въ пять лѣтъ достигла такимъ образомъ Іерусалима. И она вѣрила, она была убѣждена, что дѣйствительно совершила этотъ путь...

VIII.

Въ Польшѣ каждый шляхтичъ былъ воиномъ. Постояннаго войска не было. Король содержалъ на свой счетъ отрядъ тѣлохранителей или гвардію, въ которой число воиновъ рѣдко превышало двѣ тысячи человѣкъ, такъ что надворное войско многихъ изъ пановъ превышало это число. Личная отвага, храбрость постоянно отличали польскія войска и вознаграждали недостатокъ знаній воинскаго искусства. Кромѣ королевской гвардіи, войска составлялись высшими сановниками государства, лицами, владѣвшими староствами, т. е. королевскими или государственными имѣніями, съ обязательствомъ доставлять опредѣленное число воиновъ, городами, владѣльцами имѣній и, наконецъ, изъ безземельной шляхты, пользовавшейся рыцарскими

привиллегіями. Послѣднихъ болѣе всего было въ Мазовіи, такъ что одна эта область доставляла тридцать отрядовъ. Отряды получали названія отъ знаменъ, подъ которыми служили. Такъ были знамена: надворное, воеводское, городское, (напр., Краковское, Гнезненское и т. п.). Въ прежнее время кавалеріи было не много; Болеславъ Храбрый, лично предводившій войсками, дѣйствовалъ преимущественно пѣхотою. Все земское рыцарство носило тяжелые латы и щиты. Мечи, копья, стрѣлы, впослѣдствіи—ружья, пистолеты, составляли оружіе поляковъ. Еще во времена Болеслава Кривоустаго стрѣлы напитывались ядомъ. Чрезъ рѣки переправлялись вплавь, отчего много гибло, такъ что во времена Болеслава Смѣлаго, при переправѣ черезъ рѣку, бросали панцыри. Первый мостъ устроенъ былъ при Владиславѣ Ягайлѣ, на Вислѣ, когда войска шли на войну съ крестоносцами. Музыка первоначально состояла изъ трубъ, котловъ (литавровъ) и барабановъ.

Начальникъ отряда.

Панскія войска отличались богатою одеждою и отборнымъ оружіемъ. Панъ велъ свой отрядъ на войну, а въ мирное же время этотъ отрядъ иногда въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, отбывалъ въ панскомъ замкѣ караулъ, сопровождалъ своего пана во время торжественныхъ выходовъ, или въѣздовъ. Бывали и военные парады, въ которыхъ воины щеголяли своимъ убранствомъ. «Если ты былъ когда-нибудь на военномъ парадѣ,—говоритъ одинъ изъ писателей XVI вѣка, Збылитовскій,—то видѣлъ, какъ каждый ротмистръ показываетъ свою роту, какъ каждый товарищъ (подпоручикъ) выводитъ свой взводъ, какъ каждый красиво сидитъ на своемъ конѣ. Сбруя блеститъ золотомъ, серебромъ и дорогими камнями. Виднѣются бѣлые бунчуки. Одинъ накинулъ на плечи дорогую леопардовую шкуру, другой шелковый плащъ. На одномъ дорогой телей, на другомъ чудно вышитая делюра (тоже, что делія малиноваго цвѣта). У ногъ блестящій палашъ, литая сабля».

Когда Генрихъ Валуа въѣзжалъ въ Краковъ, его, по современнымъ описаніямъ, встрѣчали

польскіе вельможи съ отрядами своихъ войскъ. Всѣхъ отрядовъ было 32, а въ каждомъ отрядѣ было до 300 воиновъ. Вооруженіе составляли шлемъ, кольчуга, щитъ, копья съ длинными значками. Лошади покрыты медвѣжьею или иной звѣриною шкурою. У гусаръ были прикрѣплены орлиныя крылья, расписанныя золотомъ.

Не только свѣтскіе паны, но и духовныя лица (примасъ, епископы) тоже содержали надворное войско, которое, въ случаѣ надобности, посылали на войну. При встрѣчѣ, напр., Генриха Валуа у примаса было 200 гусаръ, у епископа Красинскаго 200 всадниковъ въ атласныхъ одеждахъ. При этой же встрѣчѣ у кастелана Коморовскаго было около тысячи человѣкъ собственной пѣхоты, а у русскаго воеводы Юрія Язловецкаго пятьсотъ человѣкъ казаковъ.

Крылатый гусаръ.

Въ древнѣйшія времена, когда предстояла война, король посылалъ особыхъ чиновниковъ для объявленія всѣмъ жителямъ, способнымъ носить оружіе, чтобы явились въ назначенное мѣсто и въ опредѣленный срокъ. Эти посланные являлись повсюду съ большою вѣтвью, предупреждая каждаго, что кто не явится, будетъ висѣть на этой вѣтви. Потомъ призывъ на войну отъ имени короля объявлялся особыми граматами; но для сохраненія народнаго обычая граматы эти разносились на вѣтвяхъ. Призывъ на войну объявлялся троекратно, каждое воскресенье. Были исключенія, когда по первому призыву всѣ должны были являться, на что требовалось согласіе сейма. Такой порядокъ собиранія войска назывался «народнымъ ополченіемъ или милиціей».

Каждый пользовавшійся рыцарскими правами обязанъ былъ явиться на войну или представить вмѣсто себя охотника, или же внести опредѣленную сеймовымъ постановленіемъ сумму. Такъ, въ 1459 г. за сто гривенъ чинша слѣдовало поставить трехъ всадниковъ, а въ городахъ пѣшихъ. Въ царствованіе Сигизмунда I крестьяне платили на воинскія надобности по 12 грошей съ лана, шляхта же, не владѣвшая крестьянами, платила вчетверо больше; но если шляхтичъ лично отправлялся на войну, ничего не платилъ ни за себя, ни за своихъ крестьянъ. Общее число милиціи не превышало 150,000, не считая разнаго рода слугъ, которые окружали каждаго шляхтича. Во всѣ эпохи жизни Польши опытъ достаточно убѣждалъ, что на милицію

никогда нельзя было вполнѣ полагаться. Отсутствіе воинской дисциплины, совершенное незнаніе воинскихъ пріемовъ, недостаточное или негодное вооруженіе дѣлали это войско неспособнымъ бороться съ сильнымъ противникомъ. Правда, отвага, храбрость дѣлали иногда чудеса и нерѣдко покоряли непріятеля, владѣвшаго болѣе значительными силами, но не возможно же опытному полководцу разсчитывать талько на храбрость, хотя и неиспытанную. Поэтому, почти всегда, когда загоралась война, приходилось содержать наемныя войска. Такъ, напр., въ 1590 году, на предстоявшую войну съ турками собрано было наемныхъ войскъ венгерскихъ, нѣмецкихъ и казаковъ до 110,000. Готовясь къ славной битвѣ подъ Хотимомъ. Собѣсскій обучилъ 34,987 человѣкъ солдатъ изъ венгерцевъ, нѣмцевъ и поляковъ, да сверхъ

Польскіе воины съ провіантомъ.

того 30,000 запорожскихъ казаковъ. Казна въ 1621 г. должна была сполна уплатить этимъ наемникамъ слѣдуемыя имъ деньги.

Цѣна наемщиковъ была различна, но всегда довольно значительная. Сигизмундъ Августъ въ 1562 году завелъ постоянное войско, называвшееся «kwarciane», отъ кварты, такъ какъ на содержаніе его онъ опредѣлилъ «кварту», т.-е. четвертую часть дохода съ королевскихъ имѣній. Войска этого было не много, въ началѣ едва 2000 человѣкъ. Въ послѣдствіи число ихъ то увеличивалось, то уменьшалось. Квартовое войско почти постоянно находилось на Украйнѣ для защиты границъ отъ нападенія турокъ; на однаго рядового отпускалось 20 злотыхъ въ годъ, за которые онъ долженъ былъ и одѣваться, и кормиться. Понятно, какою

тяжестью было это войско для мѣстныхъ жителей. Въ народномъ ополченіи, или въ милиціи никто не получалъ содержанія, но только пока находился въ предѣлахъ государства; если же выступалъ за границу,—получалъ столько же, какъ и наемный.

Главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ считался король и отъ себя назначалъ гетмановъ, или главнокомандующихъ. Должность гетмана была временною, пока продолжалась война, а потомъ онъ зависѣлъ отъ распоряженій короля. Первый Янъ Тарновскій получилъ отъ Сигизмунда I болѣе широкія права, какъ гетманъ, а въ 1580 году Стефанъ Баторій предоставилъ особыя привиллегіи гетману Яну Замойскому. Сигизмундъ III первый установилъ пожизненное гетманство. Потомъ, во время войны съ турками и татарами, власть гетмана сдѣлалась почти неограниченною. Ему предоставлялось право въ особенныхъ случаяхъ даже безъ вѣдома короля заключать договоры, а въ 1601 году гетманъ могъ уже наказывать смертью виновныхъ. Онъ учреждалъ военные суды, раздавалъ награды, опредѣлялъ мѣста для постоевъ и т. д.; во время войны власть его ни въ чемъ не уступала королевской, даже превышала ее, потому что гетманъ не обязанъ былъ соображаться съ сеймовыми постановленіями. Знакомъ достоинства гетмана была «булава». Въ Польшѣ и въ Литвѣ вообще четыре гетмана: великій гетманъ коронный и великій гетманъ литовскій; у того и другого были еще помощники, гетманы польные, преимущественно завѣдывавшіе артиллеріею. Вообще въ польской арміи были слѣдующія воинскія степени: рядовой, товарищъ, тоже, что подпоручикъ, поручикъ, ротмистръ, или капитанъ, полковникъ, соотвѣтствовавшій нынѣшнимъ маіорамъ, региментарій, тоже что нынѣшній полковникъ или бригадиръ, наконецъ, гетманъ, т.-е. генералъ. Великій гетманъ вполнѣ соотвѣтствовалъ нынѣшнему генералъ-фельдмаршалу.

Военное искусство въ Польшѣ основывалось преимущественно на быстротѣ и ловкости, не говоря ужъ о мужествѣ, храбрости и готовности къ самопожертвованію, что всегда признавалось за польскими войсками. То, что называется стратегикой, въ Польшѣ было почти не извѣстно. Стратегиками были Стефанъ-Баторій, Іоаннъ Собѣсскій, и немногіе изъ гетмановъ, да и то лишь въ нѣкоторой степени, какъ то: Тарновскій, Замойскій, Жолкѣвскій, Чарнецкій. Въ Литвѣ была особая школа военнаго искусства, которой прочное основаніе положилъ великій Витовтъ и послѣдователей которой видимъ въ XVI и даже XVII столѣтіяхъ. Довольно вспомнить здѣсь Острожскихъ, отца и сына, Романа Сангушко и многихъ другихъ. Но литовская система не всегда была пригодна полякамъ. Постоянная борьба съ турками и татарами выработала совсѣмъ другіе пріемы. Не даромъ эти пріемы прозвали «татарскимъ танцемъ». Явиться неожиданно тамъ, гдѣ непріятель вовсе не ожидалъ, невзначай, съ особенною силою и ожесточеніемъ напасть врасплохъ на врага, нанести ему ударъ, а когда онъ опомнится и станетъ храбро отражать нападеніе, также неожиданно бѣжать, разсыпаться во всѣ стороны; когда же обманутый непріятель погонится за частью бѣжавшихъ, съ необыкновенною поспѣшностью сомкнуться и ударить на него въ тылъ. Вотъ это и называлось «татарскимъ танцемъ». Такими пріемами не разъ удавалось побѣдить вдвое сильнѣйшаго непріятеля. Мастера были также поляки устраивать сомкнутые «четыреугольники». Подъ Хотимомъ четыре раза напирали турки на такой четыреугольникъ и не могли пробить. Отлично устраивали также такъ называемые «таборы». Окружить мѣсто стоянки возами, соединенными и прикрѣпленными одинъ къ другому дышлами, обвести валами—было минутнымъ дѣломъ. Средневѣковые, рыцарскіе пріемы примѣнялись въ Польшѣ очень долго и часто съ большимъ успѣхомъ. Очень интересны описанія современниковъ, какимъ образомъ осаждали и брали крѣпости. Строили высокія деревянныя башни на колесахъ, которыя придвигались какъ можно ближе къ каменной стѣнѣ, окружавшей замокъ. Въ XIV столѣтіи умѣли уже дѣлать подкопы или, приблизившись къ замку днемъ, окружали его со всѣхъ сторонъ, ночью же вбивали колья и надѣвали на нихъ чучела. Осажденные вдавались въ обманъ и стрѣляли въ чучела, настоящее же войско нападало съ другой стороны, гдѣ его вовсе не ожидали. На большіе возы накладывали цѣлую гору

земли, руками подвигали эти возы къ самому замку, а войско слѣдовало за ними въ безопасности. Къ этимъ же возамъ прикрѣпляли кожаные мосты, другой конецъ которыхъ старались перебросить на стѣну замка и укрѣпить, чтобы войска могли свободно пройти по нимъ. Былъ еще отвратительный способъ взятія замковъ. Если штурмъ не удавался,—всѣхъ убитыхъ сбрасывали въ рвы; туда-же бросали всякую падаль, навозъ, словомъ все, что могло заразить воздухъ и породить болѣзни между осажденными. Такимъ образомъ въ 1422 году завладѣлъ замкомъ Карловыйтынъ (Карыштейнъ) князь Корыбутъ, которому Чехи предложили королевскій престолъ. Этотъ способъ назывался: «вѣтромъ добыть замокъ».

Вскорѣ послѣ изобрѣтенія пороха, именно, уже въ 1438 году, видимъ огнестрѣльное оружіе въ Польшѣ. Литейные заводы устроены были при Сигизмундѣ I въ Краковѣ, во Львовѣ, въ Вильнѣ. Начальникомъ артиллеріи въ то время былъ Сташковскій, герба Богорія На этихъ заводахъ отливались одиночныя орудія и такъ называемые «органы», т.-е. нѣсколько орудій, соединенныхъ вмѣстѣ, что имъ придавало видъ органовъ. Каждое орудіе имѣло свое прозвище отъ знака, который былъ на немъ изображенъ, напр.: ящерица, драконъ (смокъ), левъ, лебедь, василискъ, панна, соколъ, кобза и т. д.

Порохъ выдѣлывали монахи въ монастыряхъ. Въ Гданскѣ (Данцигъ) къ пороху примѣшивали ядъ, такъ что на кого падала хоть одна искра, — тотчасъ умиралъ. Монахи также выдѣлывали пули и ядра. Заряжая орудіе сыпали туда немного и янтаря. Баторій клалъ въ орудія раскаленныя на огнѣ ядра. Стрѣляли и каменными ядрами.

Послѣ одержанной побѣды вождь, король или гетманъ имѣли торжественные въѣзды въ Краковъ. Такъ Ягайло, послѣ Грунвальдской битвы, въѣхалъ въ городъ сопровождаемый всѣми жителями, пѣшкомъ ходилъ изъ одного костела въ другой и, наконецъ, въ каѳедральномъ соборѣ, на Вавелѣ, велѣлъ повѣсить знамена, отнятыя у непріятеля. Великолѣпный пріемъ сдѣланъ былъ Яну Тарновскому, побѣдителю въ обертинскомъ сраженіи. Сеймъ въ награду опредѣлилъ ему по два гроша съ лана въ цѣломъ государствѣ. Король награждалъ побѣдителей золотою цѣпью, дорогою саблею, давалъ имъ староства, или высшія должности. Солдаты никакихъ особыхъ наградъ не получали, за исключеніемъ особыхъ отличій. Въ такихъ случаяхъ были примѣры возведенія въ дворянское достоинство.

Военная добыча доставалась войску и вожди сами наблюдали, чтобы дѣлежъ былъ справедливъ. Трусовъ не было въ арміи; если кто хоть немного колебался и проявлялъ боязнь,—ему посылали въ награду заячью шкуру или веретено. Это считалось ужаснѣйшимъ наказаніемъ.

Жены могли слѣдовать за войсками, но постороннимъ женщинамъ строго воспрещалось находиться при войскахъ. Особенно преслѣдовались разгульныя женщины, всегда сопровождавшія ихъ хоть издали. Называли ихъ «малпами» и «вильчицами», т.-е. обезьянами и волчицами. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Краковѣ и до сихъ поръ этого рода женщины называются обезьянами. Бывали случаи, что упорныхъ даже топили при переправахъ черезъ рѣки.

Ополченцы, отправляясь на войну, снабжались съѣстными припасами, преимущественно сухарями, солониной, сыромъ. Останавливаясь на ночлегъ въ деревнѣ, забирали что попало у крестьянъ. Для послѣднихъ эти ночлеги и вообще переходы войскъ были большою тягостью: деревни совершенно опустошались; грабили ветчину, гусей и проч. Если войско распредѣлялось по деревнямъ на постоянную стоянку зимой, — устанавливались цѣны на съѣстные припасы; но эти цѣны были такъ низки, что окончательно разоряли крестьянъ. Такъ, напр., за корову платили одинъ злотый, за гуся одинъ грошъ, за одноконный возъ сѣна тоже грошъ.

Духовенство не участвовало лично въ военной службѣ; но когда былъ призывъ къ народному ополченію, каждый приходскій священникъ, или настоятель монастыря, обязанъ былъ выслать вмѣсто себя наемника. Высылались обыкновенно служители (kelchy), которымъ ксендзъ покупалъ лошадь, стоимостью по крайней мѣрѣ въ четырнадцать злотыхъ, и снабжалъ ихъ

провіантомъ, состоявшимъ почти всегда изъ рѣпы копченой, разнаго сорта крупъ, капусты и сала. Такому наемщику платили по одиннадцати злотыхъ, да сверхъ того на дорогу давалось по пяти злотыхъ.

Офицеры, ротмистры, товарищи и другіе щеголяли своимъ костюмомъ, особенно же крылатые гусары. Экипировка и вооруженіе на одного человѣка съ прекрасною лошадью стоили иногда до пяти и болѣе тысячъ злотыхъ. При офицерахъ всегда было много служителей, тоже хорошо одѣтыхъ. Военная добыча, конечно, съ лихвою вознаграждала эти издержки, въ случаѣ же неудачи, офицеръ, спустивъ все свое имущество, возвращался съ войны почти нищимъ.

Шляхта, отправляясь на войну, по призыву къ ополченію, сгоняла своихъ крестьянъ и вооружала ихъ палками, отчего они и назывались «кіяками». Это было еще до Ягайлы. При Ягайлѣ въ первый разъ является правильно организованная пѣхота, состоявшая изъ наемныхъ валаховъ. При Владиславѣ Варненскомъ было уже много пѣхоты, сильно вооруженной копьями, мечами и щитами. Сомкнутые щиты представляли прочную стѣну, которой не могла пробить кавалерія. У Стефана Баторія была отличная пѣхота изъ словаковъ и словенцевъ, отличавшихся необыкновеннымъ мужествомъ. Была наемная нѣмецкая пѣхота и даже шотландская. При Баторіи особенно прославился пѣхотный ротмистръ Лука Серный изъ Сандомира, котораго Баторій возвелъ въ дворянское достоинство.

Шляхтичъ, особенно зажиточный, отправляясь на войну, забиралъ съ собою цѣлый обозъ, наполненный съѣстными припасами и множествомъ вещей, совершенно непригодныхъ для войны. Въ нѣкоторыхъ старинныхъ календаряхъ XVIII столѣтія, на приложенныхъ къ нимъ чистыхъ страницахъ, сохранились замѣтки, что именно заключалось въ обозѣ. Такъ, изъ одной такой замѣтки узнаемъ, что шляхтичъ, отправляясь на войну, везъ съ собою четыре пуховика, шесть подушекъ, шесть «яськовъ» (такъ называемыхъ маленькихъ подушекъ), четыре одѣяла, множество разной одежды, бѣлья, кухонной и столовой посуды, серебра, старинное фамильное оружіе, иконы и т. д., какъ будто онъ совсѣмъ переселялся изъ одного имѣнія въ другое. А въ концѣ замѣтки прибавлено: «всего этого я лишился въ битвѣ подъ Ольке-никами» (1700).

До времени Станислава Августа, основавшаго кадетскій корпусъ, въ Польшѣ никогда не было ни одной военной школы. Сигизмундъ III сознавалъ потребность такого учрежденія, намѣтилъ даже средство для содержанія его, но не успѣлъ осуществить своей мысли. Люди зажиточные посылали своихъ сыновей за границу учиться военному дѣлу. Многіе получили и практическое военное воспитаніе, служа въ иностранныхъ арміяхъ. Съ XVI столѣтія извѣстны географическія карты и планы, работы поляковъ. Такъ напр., Станиславъ Пахомовичъ составилъ карту похода Стефана Баторія на Полоцкъ; Вацлавъ Гродецкій составилъ карту Польши и сосѣднихъ съ нею государствъ; Флоріанъ Полякъ карту Сарматіи и Венгріи (1528); Андрей Погробскій карту Польши и Венеціи (1569) и др. Выходили даже сочиненія съ планами и подробными описаніями знаменитѣйшихъ сраженій, какъ напр. подъ Домбровой, Обертынемъ, Оршей и др.

Польша владѣла берегами Балтійского моря на протяженіи пятидесяти миль и имѣла нѣсколько гаваней, какъ-то: въ Ригѣ, Либавѣ, Мемелѣ, Пиловѣ, Королевцѣ (Кенигсбергѣ), Гданскѣ, Пуцкѣ, но флота у ней совершенно не было. Гданскъ и другіе ганзейскіе города на побережьи Балтійского моря, принадлежавшіе Польшѣ, содержали коммерческія флотиліи. Сигизмундъ Августъ сильно поддерживалъ эти флотиліи и оказывалъ имъ постоянную помощь. На корабляхъ вывѣшивали королевскій флагъ. При избраніи Сигизмунда III на польскій престолъ, шведскіе послы отъ его имени обѣщали, что онъ на свой счетъ устроитъ и будетъ содержать военный флотъ на Балтійскомъ морѣ. Условіе это было даже включено въ «Pacta Conventa». Послѣ продолжительныхъ настаиваній Яна Замойскаго, а равно сейма 1607 г., ко-

роль успѣлъ построить десять кораблей съ полнымъ вооруженіемъ и приспособленіемъ. Корабли эти заняли Гданскую гавань. Адмираломъ назначенъ былъ Апельманъ. Данія и Швеція были сильно встревожены этимъ. Двадцать шведскихъ кораблей явились подъ Данцигомъ. Въ 1625 г. произошло сраженіе и Апельманъ остался побѣдителемъ. Въ слѣдующемъ году произошла новая битва; поляки захватили два шведскихъ корабля, одинъ затопили, другіе разогнали, причемъ былъ убитъ шведскій адмиралъ Гершильдъ и много людей погибло. Дѣйствія Апельмана были вполнѣ успѣшны, но онъ нуждался въ деньгахъ на содержаніе флота; у короля ихъ не было, а Рѣчь Посполитая отказала въ помощи. Между тѣмъ и Данія пристала къ Швеціи. Обѣ эти державы считали себя полновластными владѣтелями Балтійскаго моря. Съ другой стороны императоръ Фердинандъ II и король испанскій обѣщали Сигизмунду свою помощь Понадѣявшись на нихъ, Сигизмундъ велѣлъ Апельману выдти въ море противъ датчанъ. Тотъ, конечно, послушался и попалъ въ западню: обѣщанная помощь не подоспѣла и весь польскій флотъ съ 120 орудіями былъ уничтоженъ. Этимъ и оканчивается исторія польскаго флота. Въ послѣдующія царствованія объ этомъ не было уже и помина.

Къ этому краткому очерку о воинскихъ силахъ Польши, мы должны еще прибавить, что военноплѣнные были собственностью гетмановъ и другихъ начальниковъ разныхъ отдѣловъ. Выкупъ поступалъ въ ихъ пользу. Стефанъ Баторій, который самъ былъ гетманомъ и лично предводительствовалъ, обращалъ эти выкупы въ свою пользу. Такъ послѣ его смерти въ его кассѣ найдено было сто тысячъ злотыхъ (на нынѣшнія деньги почти милліонъ), поступившихъ собственно за выкупы военноплѣнныхъ. Всякая добыча, найденная при покойникахъ послѣ битвы, принадлежала тому, кто ихъ грабилъ. Но въ случаѣ особенно значительной добычи, часть ея отдавалась въ пользу гетмана, для чего были при войскахъ особые присяжные, которые наблюдали за этимъ.

IX.

Мы уже упомянули, что въ городахъ мѣщанство было богато, и многіе старались подражать вельможамъ въ роскоши. Въ странѣ много было городовъ, много и великолѣпныхъ храмовъ. Генрихъ Бородатый нѣкоторые города обратилъ въ крѣпости, сооруливъ сильно укрѣпленные замки. Въ другихъ, особенно же надъ Эльбой въ древнѣйшихъ поселеніяхъ ляховъ, а потомъ и надъ Вислой въ самое отдаленное время были уже торги или ярмарки, гдѣ производилась значительная обмѣнная торговля. Болѣе другихъ основалъ городовъ и мѣстечекъ Казимиръ Великій; онъ же положилъ прочное основаніе ихъ преуспѣянію. Въ непроходимыхъ до того лѣсахъ производились расчистки, прокладывались новые пути, строились заѣзжіе дома. Архидіаконъ Гнезненскій говоритъ, что любо было смотрѣть на города временъ Казимира Великаго. Уже и тогда громадныя зданія, высокія башни, величественные замки приводили въ удивленіе пріѣзжаго. Особенно же отличались Гнезно и Краковъ. Гнезненскій каѳедральный костелъ отличался своею громадностью и украшеніями. Архіепископъ Янъ Сухывилькъ (Сухой-волкъ) украсилъ его внутри фламандскою рѣзьбою и барельефами. Краковъ еще въ XII ст. былъ застроенъ деревянными домами. Казимиръ Великій сталъ воздвигать большія каменныя зданія и другихъ поощрять къ этому. Колоссальныхъ размѣровъ костелъ Богородицы (въ рынкѣ), уже въ началѣ XIII ст. считался лучшимъ изъ всѣхъ въ Польшѣ. Казимиръ Великій расширилъ и украсилъ каѳедральный соборъ на Вавелѣ, покрывъ его свинцомъ. Королевскій замокъ обязанъ ему прекраснымъ устройствомъ.

Съ теченіемъ времени, появлялись и другіе города. Роскошь и излишества, увеличивавшіяся въ странѣ, содѣйствовали процвѣтанію городовъ, въ которыхъ мануфактурное и ремесленное производства постепенно развивались и совершенствовались. Въ XV столѣтіи бѣжало въ Польшу много гусситовъ. Они очень скоро совсѣмъ ополячились и своимъ искусствомъ, трудолюбіемъ, воздержною жизнью много содѣйствовали процвѣтанію не только ремеслъ. но и искусствъ.

Извѣстно, что нѣмцы, а со временъ Казимира Великаго, и евреи въ значительномъ числѣ заселяли польскіе города и были главными двигателями усиленной торгово-промышленной дѣятельности.

Сеймы 1607, 1611 и 1613 годовъ, имѣя въ виду, что въ Мазовіи очень мало ремесленниковъ, особенно, для выдѣлки разныхъ воинскихъ принадлежностей, предоставили разныя льготы и преимущества Варшавѣ, Люблину, Ломжѣ и нѣкоторымъ другимъ, съ условіемъ, чтобы онѣ позаботились распространеніемъ ремеслъ. Тогда нахлынули туда въ большомъ числѣ нѣмцы, одни переселившіеся изъ Кракова, другіе изъ-за границы. Вскорѣ эти города стали отлично выдѣлывать разнаго рода оружіе, шлемы, панцыри. Доспѣхи и разнаго рода оружіе выдѣлывали въ Самсоновѣ, Корчинѣ, Свіонтникахъ близъ Кракова, гдѣ и теперь много хорошихъ слесарей.

Краковъ издавна славился превосходною выдѣлкою суконъ. Съ теченіемъ времени суконныя фабрики были заведены по всему краю и доставляли большую прибыль. Въ особенности же славились суконныя фабрики въ Сандомирѣ, въ Варшавѣ, Луковѣ, Радомѣ, Корчинѣ, Калишѣ, Ловичѣ, Люблинѣ. Нѣкоторые монастыри сами выдѣлывали для своихъ нуждъ сукна.

Ювелирное мастерство славилось въ Польшѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ. Оно усилилось и значительно усовершенствовалось въ XVII столѣтіи, потому что самъ Сигизмундъ III съ любовію занимался этимъ мастерствомъ. При содѣйствіи опытнаго въ этомъ дѣлѣ венеціанца Редуры, онъ собственноручно выдѣлывалъ дарохранительницы, чаши, дискосы, лампады, дорогіе подсвѣчники и т. п., которые дарилъ разнымъ костеламъ. Богатыя золотыя цѣпи, золотыя пуговицы, оправы на оружіе въ золото и серебро съ дорогими камнями, безчисленныя женскія украшенія нисколько не уступали по выдѣлкѣ лучшимъ заграничнымъ издѣліямъ этого рода.

Торговля мѣхами была очень распространена. Каждый вельможа требовалъ много мѣховъ, самыхъ отборныхъ и дорогихъ, не только для себя, но и для многочисленныхъ своихъ офиціалистовъ. Соболи продавались чуть не на вѣсъ золота. Изъ Польши отправляли мѣха за границу: въ Германію, во Францію, въ Турцію. Въ Краковѣ на большемъ рынкѣ было особое заведеніе, называвшееся «сматнижъ» или «сматрузы», въ которомъ было много дорогихъ и цѣнныхъ мѣховъ. Продавцы мѣховъ, также какъ и ювелиры, получали большую прибыль.

Отъ персовъ и турокъ въ XVI столѣтіи вошло въ моду носить богатые, шитые золотомъ и серебромъ, пояса. Фабрики поясовъ находились въ Пржеворскѣ, Држевицахъ, Липковѣ подъ Варшавой, въ Краковѣ (Хмѣлевскій, Масловскій); но самые лучшіе и дорогіе пояса выдѣлывались въ Слуцкѣ, резиденціи Радзивилловъ, а потомъ, въ XVIII столѣтіи въ Гроднѣ

Въ Мысленицахъ была стекольная фабрика, на которой выдѣлывались разнаго сорта стаканы, рюмки, чаши, большіе кубки и бокалы для вина всевозможныхъ видовъ. Въ музеяхъ и теперь хранится много такихъ кубковъ, съ гербами, надписями, разными затѣйливыми украшеніями. Есть такіе, въ которые входило полгарнца и болѣе вина. Были высокіе, внизу узкіе и потомъ постепенно расширяющіеся бокалы, въ которыхъ на самомъ днѣ было изображеніе Распятія. Пившій долженъ былъ выпить до дна, чтобы могъ увидѣть «стопы Іисуса Христа». Были страшныхъ размѣровъ кубки, называвшіеся «kulawka», т. е. хромые, такъ какъ заканчивались круто, безъ ножки и поставить ихъ нельзя было. На однихъ былъ изображенъ переходъ евреевъ черезъ Красное море, или агнецъ и разныя сцены духовнаго характера, на другихъ красовались Діана, Венера, Елена и т. п. Нѣсколько было такихъ фабрикъ, но Мысленицкая славилась болѣе другихъ.

Въ музеяхъ и теперь хранятся еще «получасы» и «часы»; первые показывали двѣнадцать часовъ, а вторые всѣ двадцать четыре. Часы эти выдѣлывались въ Краковѣ, въ Вильнѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Въ XVII столѣтіи всѣхъ вообще цеховъ въ Краковѣ считалось 63, изъ коихъ каждый занимался особымъ ремесломъ. Нѣкоторые были особенно прибыльны; сохранившіяся же до

сихъ поръ издѣлія ихъ въ ризницахъ и музеяхъ доказываютъ, до какой высокой степени доведено было искусство тогдашнихъ мастеровыхъ. Есть разныя издѣлія еще съ XVI и XV ст., даже съ XIV, напр. ризы и разныя церковныя облаченія, епископскія митры, посохи и мн. др., приводящія въ удивленіе своею красивою, превосходною отдѣлкою и необыкновенною прочностью.

Къ богатѣйшимъ цехамъ принадлежалъ цехъ, называвшійся «Pasamoniczy» (названіе непереводимое), но состоявшій изъ позументщиковъ, золотошвеевъ и другихъ артистовъ-ремесленниковъ, выдѣлывавшихъ разныя издѣлія, шитыя серебромъ и золотомъ, составлявшія принадлежность и украшеніе мужского и женскаго убранства. Важную также роль игралъ цехъ «рингмацлеровъ», нынѣ по роду занятій принадлежащій къ ювелирамъ, но въ Польшѣ составлявшій особый цехъ, исключительно занимавшійся оправою дорогихъ камней, а также шлифовкою и отдѣлкою ихъ. Ювелиръ, напр., дѣлалъ кольцо, булавку, серьги, ожерелье и т. п., а рингмацлеръ вдѣлывалъ въ эти издѣлія дорогіе камни.

Сапожный цехъ тоже отличался и даже продавалъ за границу свои работы. Еще въ XIV столѣтіи въ Краковѣ шили башмаки съ острыми носами, которые попали даже въ Англію, гдѣ ихъ называли «Cracowes» (Otte Wörterb. 210).

До перенесенія столицы въ Варшаву въ царствованіе Сигизмунда III, Краковъ считался первымъ городомъ, хотя въ торговомъ и промышленномъ отношеніи долго еще и послѣ того игралъ первенствующую роль.

Въ этомъ отношеніи важную роль игралъ Данцигъ, а отчасти и Торнъ (Торунь). Въ Данцигѣ производилась весьма значительная и превосходная отдѣлка янтарныхъ издѣлій, высоко цѣнимыхъ во всѣхъ государствахъ. Нѣкоторые предметы изъ рѣдкаго, бѣлаго янтаря короли посылали въ даръ папѣ и иностраннымъ государямъ. Въ Римъ посылались янтарныя распятія, и разныя церковныя издѣлія, иностраннымъ государямъ большія зеркала въ янтарныхъ рамахъ, тазы, умывальники, кувшины и т. д.

Были въ Польшѣ хорошіе скульпторы и живописцы. Въ началѣ XVII столѣтія прославился талантливый живописецъ, Лексицкій, монахъ ордена бернардиновъ. Иконы его кисти сохранились и до сихъ поръ.

X.

Въ польскомъ законодательствѣ до XV столѣтія существовали нѣкоторые древніе обычаи, свято исполняемые. Мы укажемъ на нѣкоторые, болѣе любопытные. Такъ, существовалъ обычай присуждать клеветника, или лживаго доносителя къ странному наказанію: онъ долженъ былъ подъ столомъ «отбрехать» ложь, выдуманную имъ. Такая мѣра возмездія обиженному вошла даже въ малопольскій статутъ; она присуждалась судомъ и въ судѣ должна была исполняться. Были случаи, когда обычай этотъ примѣнялся къ обвиняемымъ въ оклеветаніи даже лицъ королевскаго семейства. Въ царствованіе Ягайлы, одинъ изъ его придворныхъ, Гневошъ, взвелъ на королеву, супругу Ягайлы, подозрѣніе въ нарушеніи супружеской вѣрности. Тогда двѣнадцать рыцарей, съ мечами въ рукахъ, явились, чтобы опровергнуть эту клевету, заявивъ притомъ, что они готовы въ доказательство истины своихъ словъ, подвергнуться испытанію судомъ Божіимъ и что каждый изъ нихъ готовъ сразиться съ клеветникомъ, чтобы доказать невинность королевы. Гневошъ не могъ представить никакихъ доказательствъ, подтверждающихъ взведенное имъ обвиненіе, и судъ присудилъ его къ «отбреханію» клеветы. Въ присутствіи суда, Гневошъ заползъ подъ столъ, съежился и оттуда подражалъ лаю собакъ.

Другой обычай, тоже вошедшій въ составъ малопольскаго статута. Обвиненный по суду въ тяжкомъ преступленіи, ежели считалъ произнесенный надъ собою приговоръ несправедливымъ, могъ обратиться къ королю, или королевскому намѣстнику съ просьбою о дозволеніи ему доказать свою невинность. Но если разрѣшенія на это не послѣдовало, тогда обвиненному

ничего не оставалось, какъ бѣжать за границу. Въ этихъ случаяхъ онъ могъ прибѣгнуть къ покровительству епископа или воеводы. Епископъ и воевода имѣли право въ теченіе двухъ мѣсяцевъ оставить его у себя въ домѣ и затѣмъ возобновить ходатайство передъ королемъ. Если послѣ этого король отказывалъ, воевода или епископъ мирно выпроваживалъ обвиненнаго за предѣлы государства, откуда онъ черезъ годъ имѣлъ право опять просить короля. Въ продолженіе всего этого времени имѣніе его оставалось свободнымъ, подъ управленіемъ его родныхъ. Если же, какъ это часто случалось, находясь за границею, онъ дѣлалъ оттуда нападенія на своихъ враговъ, то имѣніе отбиралось въ казну, въ пользу же жены оставалось только ея приданое.

Въ случаѣ неумышленнаго убійства, виновный могъ умилостивить родныхъ убитаго и тогда освобождался отъ суда и наказанія. Въ такихъ случаяхъ, по древнему обычаю, совершался публичный обрядъ испрошенія прощенія. Обѣ стороны, т. е. убійца и родные убитаго собирались въ своими друзьями въ костелѣ. Здѣсь убійца, послѣ выслушанія литургіи, снималъ верхнее платье, отпоясывалъ саблю и съ обнаженнымъ мечемъ, окруженный своими пріятелями, приближался къ роднымъ убитаго и просилъ прощенія. Тѣ отвѣчали: «Богъ тебя да проститъ за невинно пролитую кровь». Но этимъ дѣло не оканчивалось. Прощенный обязанъ былъ уплатить «поголовщину», т. е. условленную сумму за голову убитаго, да еще, ради покаянія, давалъ обѣтъ сходить въ одно изъ святыхъ мѣстъ, напр. ко святому кресту на Лысой горѣ, или же ко святынямъ въ Гнѣзно, или Познань. Костелу, въ которомъ совершался обрядъ, прощенный дарилъ воскъ на свѣчи, или денежную сумму. Обычай этотъ въ Мазовецкомъ статутѣ называется «покорой» (самоуниженіемъ).

Можно бы привести множество примѣровъ своеволія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и жестокосердія магнатовъ. Сохранилось преданіе о Люткѣ изъ Силезіи, который, пылая местью къ Генриху, князю Вроцлавскому, захватилъ его и передалъ страшному врагу его, Конраду князю Глоговскому. Послѣдній велѣлъ заключить его въ бочку съ двумя небольшими отверстіями: чрезъ одно онъ принималъ пищу, другое служило отхожимъ мѣстомъ. Послѣ продолжительнаго заключенія, князь Генрихъ былъ выпущенъ на свободу, но здоровье и силы его навсегда были разрушены. Извѣстенъ страшный извергъ, грабитель и убійца Мацѣкъ Борковичъ изъ Великой Польши. Тамъ же отличался своимъ звѣрствомъ и жестокостями Бартошъ изъ Хоцѣля. Къ самоуправству, продолжавшемуся даже и въ XVIII столѣтіи, принадлежали также «наѣзды», т. е. нападенія врасплохъ. Панъ, разсердившись на сосѣда, нападалъ на него со своею дворнею и шляхтою, которую онъ приглашалъ для этой цѣли, и разорялъ его домъ. Судъ былъ безсиленъ въ такихъ случаяхъ, потому что виновнымъ былъ или самъ магнатъ, или лицо, покровительствуемое имъ. Въ рукахъ суда было страшное орудіе возмездія: осужденіе на «баннитію», т. е. изгнаніе изъ края. По закону «баннита» лишался чести и каждый могъ безнаказанно убить его. Но и съ баннитами нельзя было справиться: родственники, друзья, особенно же, когда онъ принадлежалъ къ знатному роду, держали его у себя по цѣлымъ годамъ, пока не получали прощенія отъ короля. Въ царствованіе Баторія, попавшійся въ руки правосудія баннита, Самуилъ Зборовскій, по приговору краковскаго старосты Яна Замойскаго, былъ казненъ въ Краковѣ. Даже въ XVIII столѣтіи молодой Мартинъ Любомирскій, осужденный на изгнаніе, набралъ шайку за границею и съ нею нападалъ на дома пограничные, не изъ корысти, не для грабежа, а ради удальства. По приговору военнаго (польскаго) суда, его заключили въ одной изъ венгерскихъ крѣпостей, гдѣ онъ женился на дочери коменданта, австрійскаго генерала. Наѣзды дѣлали даже уніатскіе епископы. Такъ, напр., Ѳеодосій Лазовскій, епископъ холмскій, потомъ владимірскій, велъ открытую войну съ Василіемъ Борзобогатымъ-Красенскимъ, епископомъ владимірскимъ, приступомъ взялъ замокъ, выгналъ Василія и занялъ епископскую каѳедру. Укрѣпившись же на каѳедрѣ, велъ широкую, буйную жизнь, давалъ пиры, обѣды и продолжалъ «наѣзды» на сосѣдей.

Но изъ всѣхъ произвольныхъ дѣйствій и всякаго рода беззаконій, самое страшное было угнетеніе крестьянъ. Знаменитый Скарга, да и всѣ лучшіе и безпристрастные писатели во всѣ эпохи существованія Польши постоянно возставали противъ угнетенія крестьянъ. Доблестный сенаторъ временъ Сигизмунда III, Опалинскій, говоритъ между прочимъ: «Господь ни за что такъ не караетъ Польшу, какъ за жестокое обращеніе съ крестьянами. При одной мысли объ этой неволѣ, сердце ноетъ, дрожь пробираетъ, ибо эта неволя хуже всякой языческой». Онъ же говоритъ: «Несчастныхъ старухъ подвергаютъ страшнымъ истязаніямъ за мнимое колдовство. Экономъ вѣшаетъ мужика даже безъ вѣдома владѣльца, бьетъ и грабитъ, сколько хочетъ».

У волостного правленія.

Чаровницъ топили въ прудахъ и рѣкахъ: которыя тонули,—значитъ, были невинны; которыя же спаслись,—значитъ были виновны, и ихъ сжигали или вѣшали.

Что же касается убійства крестьянина, — любопытенъ взглядъ на это дѣло законодателя, хотя и нѣтъ прямого разрѣшенія въ законѣ, дозволявшаго убивать крестьянъ. Законъ 1588 года постановилъ: если шляхтичъ убьетъ шляхтича рукопашнымъ оружіемъ, — долженъ уплатить штрафа 240 гривенъ; если изъ огнестрѣльнаго, — вдвое, т. е. 480 гривенъ. Въ обоихъ случаяхъ убійца подвергается заключенію на годъ и 6 недѣль, или «баннитіи», т. е. изгнанію изъ края. За раны до крови уплачивалось 20 гривенъ, за побои 6 гривенъ. Если шляхтичъ

шляхтичу отрубитъ палецъ,—платитъ 30 гривенъ, вышибетъ зубъ—20 гривенъ; если же сломаетъ ногу или руку, выбьетъ глазъ, отрѣжетъ носъ, — платитъ какъ за половину головы, т. е. 120 или 240 гривенъ, смотря по тому, какимъ оружіемъ нанесено увѣчье. Голова же «нешляхетская», на основаніи постановленія 1631 года, стоила всего 100 гривенъ. Слѣдовательно, одинъ шляхетскій носъ стоилъ дороже всего человѣка—нешляхтича! За пять зубовъ шляхтича платилось столько же, сколько за жизнь нешляхтича.

XI.

Указавъ на дурныя стороны жизни поляковъ, нельзя умолчать о многихъ благородныхъ ихъ чертахъ и прекрасныхъ качествахъ. Жестокосердые грабители, своевольные разорители чужой собственности, безпутные кутилы, пропивавшіе и прогуливавшіе отцовское наслѣдство, безнравственные посягатели на честь и доброе имя женщины, женщины развратнаго поведенія — все это, конечно, было меньшинствомъ. У большинства же поляковъ можно найти много примѣровъ высокой нравственности, благороднаго, рыцарскаго сознанія гражданскаго достоинства, безпредѣльной и самоотверженной любви къ отчизнѣ. Польская женщина всегда была идеаломъ дочери, жены, матери, гражданки. Польская женщина во всѣ вѣка славилась не одною только красотою, но и такими высоконравственными качествами, которыя у другихъ народовъ составляли исключеніе. Самыя обязанности польскихъ женщинъ были труднѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Мужъ проводилъ большую часть времени на войнѣ, на сеймѣ, на общественныхъ собраніяхъ. Жена оставалась дома, всѣмъ заправляла, заботилась о воспитаніи дѣтей. Нерѣдко она же должна была являться героиней и защищать свой домъ, имущество, дѣтей отъ нападеній лютаго врага. Да и въ домашней жизни не всѣ же мужья были идеальными. Были самодуры, кутилы, самоуправцы. Женѣ нужно было много такта, умѣнья, терпѣнія, выдержки, чтобы все перенести, направить своего благовѣрнаго на другой путь, отвратить тѣ случаи и поводы, которые могли повести за собою непріятныя, даже несчастныя послѣдствія. Не легка была жизнь польской женщины. Надобно было много выстрадать, перенести, всегда владѣть собою, всегда быть утѣшеніемъ, радостью, во многихъ случаяхъ наставницею всѣхъ своихъ домашнихъ: надобно было мирить, отвращать разныя непріятныя столкновенія съ сосѣдями. Сама судьба указала полькѣ именно такую роль—и она выдержала ее съ честью, съ достоинствомъ. Такія качества польской женщины и эти ея достоинства признавались всѣми безпристрастными писателями, во всѣ эпохи. Достоинства эти были удѣломъ не нѣкоторыхъ, но большинства. Исключенія могли имѣть мѣсто только въ средѣ аристократіи и то въ позднѣйшее время, въ XVIII столѣтіи.

Въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе играло важную роль. Добродѣтельную женщину высоко вѣнили, малѣйшее же колебаніе вызывало суровые приговоры. Конечно, во второй половинѣ XVIII столѣтія нравы измѣнились, но прежде, женщину, не то что легкаго поведенія, но хотя бы только подававшую поводъ къ толкамъ,—ее ожидало совершенное отчужденіе отъ общества. Если въ гостиницѣ, или гдѣ бы то ни было случилось сѣсть за столъ, за которымъ уже сидѣла женщина подозрительной нравственности, ей досаждали до тѣхъ поръ, пока она не удалялась изъ комнаты. Для этого прибѣгали даже къ средствамъ довольно страннымъ. Передъ нею, напр., ножомъ разрѣзали скатерть, вилкою кололи тарелку и т. п. Папроцкій говоритъ, что у поляковъ выработалось убѣжденіе, что Господь Богъ украсилъ небо солнцемъ, а домъ добродѣтельною женою; что добрая жена—это винный гроздій, сулящій сочныя ягоды. Рей, Клёновичъ, Збылитовскій и др. радужными красками рисуютъ намъ добродѣтельную жизнь счастливаго супружества.

Всѣ лѣтописцы говорятъ о необыкновенной покорности женъ передъ мужьями. Добродѣтельная жена Болеслава Храбраго падала ему въ ноги, если желала выпросить прощеніе осужденному на смерть. Но за то горе супругу, если онъ оказывался несостоятельнымъ по супру-

Охота на волка.—Картина А. Вierушъ-Ковальскаго.

жеской части. Длугошъ разсказываетъ, что Грифина, супруга Лешка Чернаго, передъ собраніемъ первыхъ вельможъ и ихъ женъ, откровенно заявила, что хотя она уже нѣсколько лѣтъ замужемъ, но все еще остается дѣвицей. Послѣ этого она надѣла на голову дѣвичій вѣнокъ, бросила мужа и ушла въ монастырь. Пристыженный Лешекъ не могъ этому воспротивиться.

Въ прежнее время, кажется даже до XVI столѣтія, бывали супружества гражданскія, т. е. безъ церковнаго брака. Рей говоритъ, что были супружества «законныя» и «вольныя». Разница была та, что въ вольномъ супружествѣ узы, связывающія супруговъ, могли быть во всякое время расторгнуты, чего однако почти никогда не случалось.

Съ усиленіемъ власти и вліянія духовенства во второй половинѣ XVI столѣтія такія сожительства были уже не мыслимы.

Нерѣдко дѣвушки четырнадцати лѣтъ уже выходили замужъ; напротивъ мужчины не спѣшили съ женитьбою. Человѣкъ, который уже пожилъ на свѣтѣ, побывалъ на войнѣ, пріобрѣлъ опытность, въ качествѣ жениха имѣлъ всегда преимущество передъ юношей, который еще не понюхалъ пороху.

Все сказанное нами относится преимущественно къ сельскимъ жителямъ. Въ городахъ существовали другіе нравы и обычаи и нравственность здѣсь не отличалась такою строгостью. Все, что творилось въ городахъ по части любовной, какъ съ замужними, такъ и дѣвицами, сохранялось въ величайшей тайнѣ. Всякій скандалъ, выходящій наружу, былъ сурово наказываемъ мѣстными магистратами. Сталошъ, краковскій шляхтичъ, былъ казненъ только за то, что силою хотѣлъ вломиться въ гостиницѣ въ комнаты, гдѣ жили пріѣзжія женщины, изъ которыхъ одна ему очень понравилась. Лѣтописецъ разсказываетъ, что Ягайло любилъ иногда выпить лишнюю рюмку, но не иначе, какъ на ночь, чтобы никто объ этомъ не зналъ. Какой-то австрійскій герцогъ былъ въ гостяхъ у Ягайлы; зная его ночное поползновеніе къ рюмкѣ, сталъ упрашивать, чтобы онъ оставилъ въ замкѣ свое королевское достоинство, а отправился съ нимъ въ гостиницу, гдѣ онъ жилъ въ городѣ, и принялъ отъ него угощеніе. Король разсердился и отвѣчалъ герцогу: «надобно тебѣ знать, герцогъ, что когда пѣвень запоетъ и утро наступитъ, я снова буду королемъ». Со второй половины XVI столѣтія древніе патріархальные обычаи во многомъ измѣнились, особенно въ городахъ. Распущенность и своеволіе сильно распространились. Гурницкій разсказываетъ, что были не рѣдки примѣры браковъ двоюродныхъ братьевъ со своими сестрами, вѣнчанья съ чужими женами, обмѣнъ женами, нападенія на богатыхъ вдовъ и насильственнаго вѣнчанья съ ними и много другихъ подобныхъ безчинствъ. Извѣстно, что городскія сословія преимущественно состояли изъ нѣмцевъ; нѣмки любили наряжаться, подражать въ платьѣ и дорогихъ украшеніяхъ знатнымъ паннамъ. Средства мужей не всегда позволяли это, а на сторонѣ всегда можно было найти волокиту, не жалѣвшаго денегъ. Такимъ образомъ пролагался путь къ разврату. Нѣмецкія Гертруды насмѣхались надъ своими тучными нѣмцами, называя ихъ «солониной» и льнули къ красивымъ польскимъ паничамъ; паничамъ же нравилось, что доступъ къ красавицамъ нѣмкамъ былъ такъ легокъ.

Если мѣщанка была богата и образована, — разорившійся шляхтичъ не прочь былъ жениться на ней, но потомъ каялся всю жизнь: отъ нея всѣ бѣгали, никто изъ шляхты съ нею не заговаривалъ, и она поневолѣ должна была жить затворницей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что большая часть свадебныхъ народныхъ обрядовъ, сохранившихся до нашего времени, точно также соблюдалась и въ высшихъ слояхъ общества. Тотъ же «калачъ» былъ необходимою принадлежностью каждой свадьбы магната, шляхтича и крестьянина. Шимоновичъ говоритъ, что безъ калача не могло быть свадьбы. Передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ костелъ, женихъ и невѣста падали въ ноги родителямъ, прося благословенія, что и до сихъ поръ еще соблюдается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Позднею ночью, когда пиршество оканчивалось, молодую торжественно провожали съ музыкою и факелами въ домъ ея мужа. Здѣсь ихъ сажали рядомъ на кровати, подносили имъ разныя сласти, говорили рѣчи, а когда всѣ

уходили, дружки заботились о платьѣ новобрачныхъ, которое вѣшали надъ кроватью. Платье, въ которомъ вѣнчались, хранилось всю жизнь: оно должно было напоминать супругамъ взаимныя клятвы вѣчной любви. Накануне бракосочетанія, передъ дѣвичьимъ вечеромъ, женихъ и невѣста, со своими родными и друзьями, ходили въ баню.

Баня у поляковъ играла важную роль до конца XVI столѣтія. Не только въ городахъ и мѣстечкахъ, но и въ каждомъ селеніи непремѣнно была баня. Кажется даже, что съ баней, также какъ и у другихъ славянъ, особенно же у бѣлоруссовъ, связано было поклоненіе Ладѣ, или Купалѣ; у бѣлоруссовъ—Сопухѣ, чествованіе которой происходило именно въ банѣ. Бѣлорусская пѣсня, уже временъ начала христіанства, указываетъ на это:

Середзь села Волчковскаго,
Туту стояла лазня (баня) дубовая;
А ходзили дзѣцюшки (парни) богу молиться:
Стоубъ обнимали, печку цаловали,
Передъ Сопухой крыжомъ ляжали;
Яны думали: прячистая,
Аножъ Сопуха нячистая.

Ягайло акуратно черезъ день ходилъ въ баню. Казимиръ Ягеллонъ, доживиій до глубокой старости, каждый день парился. Сигизмундъ I и Сигизмундъ-Августъ тоже часто ходили въ баню. Этимъ и оканчиваются историческія указанія на банныя привычки королей. Еще при Сигизмундѣ-Августѣ были особые чиновники для наблюденія за банями; въ придворномъ бюджетѣ назначались особые суммы на ихъ содержаніе. Публичныя бани какъ въ городахъ, такъ и селеніяхъ приносили значительный доходъ ихъ владѣльцамъ. Бани большею частью отдавались въ арендное содержаніе фельдшерамъ. Въ Пинчовѣ (Велепольскихъ) была особенно роскошная баня, описанная въ особой брошюрѣ Лѣтописи упоминаютъ также о прекрасныхъ баняхъ, преимущественно изъ дубоваго дерева, Болеслава Храбраго. Кажется первый Генрихъ Валуа нанесъ ударъ банямъ. Баторій тоже обходился безъ нихъ. Съ этого времени о баняхъ почти уже и помину нѣтъ. Странно, что если вельможи, подражая королямъ, отвыкли отъ бань, какъ могъ отстать отъ этого полезнаго обычая простой народъ? Между тѣмъ, какъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи бани повсюду составляютъ необходимую потребность всѣхъ классовъ жителей, въ Польшѣ баня составляетъ рѣдкость, а въ Галиціи, какъ Западной, такъ и въ Восточной—даже понятія не имѣютъ о бани. Лѣтъ десять тому назадъ, въ Краковѣ не было ни одной бани. Публичныхъ бань для народа нигдѣ нѣтъ.

XII.

Поляки любили и умѣли веселиться. Съ каждымъ временемъ года, съ каждымъ большимъ праздникомъ, не говоря уже про семейныя торжества, годовщины брака, рожденія, именины и т. п., соединялось неизбѣжное празднованіе и сообразное съ обычаемъ увеселеніе. Многіе изъ этихъ обычаевъ вели свое начало еще изъ временъ языческихъ и часто безсознательно повторялись цѣлыя столѣтія, нѣкоторые же уцѣлѣли и до нашихъ дней. Мы уже упомянули о торжественныхъ въѣздахъ королей и гетмановъ послѣ одержанія побѣдъ надъ непріятелемъ польскими войсками. Но независимо отъ этого каждый участникъ на войнѣ, или долго находившійся въ отсутствіи изъ своего дома, когда возвращался, былъ принимаемъ какъ тріумфаторъ, съ музыкою и стрѣльбою, и ѣхалъ на конѣ, съ обнаженнымъ мечемъ. Музыка была принадлежностью каждаго даже семейнаго торжества. Съ музыкою встрѣчали жениха, провожали новобрачныхъ. Другошъ разсказываетъ, что когда супруга Казимира Великаго, Анна Гедиминовна, отправлялась пѣшкомъ гулять, передъ нею шелъ оркестръ и игралъ любимыя ея пьесы. Въ древнѣйшій періодъ польской исторіи, во время стола бардъ пѣлъ народныя пѣсни. Бардовъ съ хорошимъ голосомъ любили и высоко цѣнили. Прославился какой-то пѣвецъ Юрекъ, которому Владиславъ, князь великопольскій подарилъ значительныя

имѣнія. Барду вторили иногда присутствующіе и акомпанировали на лютняхъ. Длугошъ прибавляетъ, что никакое семейное торжество не могло обойтись безъ пѣнія, музыки и танцевъ. Бывали и турниры въ отдаленное время, но подробностей о нихъ мы не знаемъ. Послѣ обѣда любимымъ развлеченіемъ было состязаніе мечами, или саблями, въ чемъ прославился Мечиславъ, князь ратоборскій и опольскій. Князь Бернардъ, сынъ Болеслава Лысаго, князя силезскаго, ввелъ въ моду прыганье черезъ колоды. Ставили въ рядъ въ залѣ по четырнадцати большихъ дубовыхъ пней и скакали черезъ нихъ.

Въ разговорахъ и разсказахъ важную роль играли сновидѣнія и разныя предсказанія. Такъ, напр., надѣлало шуму въ Польшѣ сновидѣніе Богухвалы, епископа познанскаго, которому во снѣ явился какой-то монахъ и предсказалъ, что черезъ двадцать пять лѣтъ измѣнится положеніе Польши и апостольской (папской) столицы. Сонъ вполнѣ оправдался: въ Польшѣ воцарился Казимиръ Великій и измѣнилъ къ лучшему положеніе Польши. Появился Іоаннъ Гуссъ и надѣлалъ папѣ много хлопотъ. Въ цѣлой Польшѣ повторяли слухи, что къ Ядвигѣ (святой), супругѣ Генриха Бородатаго, черти влѣзли черезъ окошко и до полусмерти приколотили ее. Зато тотчасъ же къ ней явилась Марія Магдалина, Екатерина, Ѳекла и Урсула, чтобы утѣшить ее. Длугошъ, архидіаконъ гнезненскій и др. приводятъ много подобныхъ разсказовъ, знакомящихъ насъ съ духомъ времени и умственнымъ настроеніемъ.

Въ кости играли не только большіе господа, но и мѣщане, и крестьяне. Бѣдная безпомѣстная шляхта часто пьянствовала и играла въ кости съ мужиками въ корчмахъ. Поэтому законъ опредѣлилъ, что, если въ такихъ случаяхъ мужики приколотятъ шляхтича, послѣдній не имѣетъ права жаловаться.

Во времена Сигизмундовъ (т. е. перваго, или стараго и Сигизмунда-Августа) вошли въ моду народныя празднества, состязанія оружіемъ, разныя эволюціи на лошадяхъ и т. п. Въ этихъ развлеченіяхъ могли принимать участіе не только придворные, но и вообще шляхта. Сидя на лошадяхъ, бросали одинъ другому мячи изъ глины, которые требовалось не допускать упасть на землю. Турниры совершались пѣшкомъ и на лошадяхъ. Каждый принимавшій въ нихъ участіе долженъ былъ согласоваться съ составленными для того правилами. Побѣдителю дамы раздавали награды, состоявшія изъ дорогихъ украшеній, напр., золотой цѣпи, перстня и т. п. Любимою забавою было также срываніе кольца. Кольцо вѣшали высоко и всадникъ на всемъ бѣгу, не останавливая лошади, долженъ былъ сорвать его. Если въ это время нога выскользала изъ стремени, дѣло считалось проиграннымъ.

Современники оставили намъ свѣдѣнія о необыкновенныхъ силачахъ, которые любили отличаться своею силою и искусствомъ пользоваться ею на народныхъ празднествахъ. Такъ великій маршалъ литовскій, Христофоръ Веселовскій, въ состояніи былъ остановить экипажъ, запряженный шестерикомъ. Для этого онъ ловко схватывалъ за заднія колеса и лошади—ни съ мѣста. Сидя на лошади верхомъ, онъ, находясь въ воротахъ, хватался руками за ушаки, ногами же схватывалъ лошадь—и съ нею повисалъ въ воздухѣ. Добржинскій Чешникъ, Войтѣхъ Лохоцкій, въ латахъ и полномъ вооруженіи перескакивалъ черезъ лошадь. Необыкновенный силачъ былъ нѣкто Радзиминскій; этотъ, схвативъ мужика, бросалъ его во всѣ стороны, какъ мячикъ. Любимой забавой была также травля дикихъ звѣрей, кабана или медвѣдя. Такія зрѣлища были публичны. Въ это время извѣстны уже были фейерверки и иллюминаціи.

Въ городахъ съ 1537 года стали образовываться стрѣлковыя общества, имѣвшія цѣлію обученіе мѣткой стрѣльбѣ. Стрѣляли обыкновенно въ деревяннаго пѣтуха. Сигизмундъ-Августъ, утвердивъ статутъ краковскаго стрѣлецкаго общества, подарилъ ему серебрянаго пѣтуха, носимаго ежегодно избираемымъ королемъ на груди (на цѣпи). Въ Галиціи и въ Пруссіи въ польскихъ городахъ общества эти существуютъ и до сихъ поръ; въ Краковѣ же недавно стрѣлковое общество въ своемъ саду воздвигло памятникъ Сигизмунду-Августу, работы извѣстнаго скульптора Гадомскаго.

У поляковъ охота, конечно, играла важную роль. Вельможи содержали множество отборныхъ породъ охотничьихъ собакъ, соколовъ, голубятниковъ и цѣлый штатъ ототниковъ съ сокольничимъ во главѣ. Охотились съ соколами или крогульцами на птицъ. Это предоставлялось всѣмъ классамъ шляхетскаго сословія и гдѣ угодно; съ собаками—на зайцевъ, лисицъ и т. п., тоже безъ ограниченія. Такъ, напр., каждый могъ охотиться и на чужой землѣ, въ лѣсахъ, не принадлежащихъ ему, и никто не могъ воспрепятствовать. Наконецъ, облавы на дикаго

На охоту.

звѣря могли совершаться только на собственной землѣ; но, конечно, владѣльцы лѣсовъ приглашали всѣхъ сосѣдей, когда предстояла облава на кабана, медвѣдя и т. д. Замѣчательно, что уже въ XVI столѣтіи оказывался недостатокъ въ медвѣдяхъ и Сигизмундъ I долженъ былъ выписывать ихъ изъ Литвы. Медвѣдей привозили въ большихъ ящикахъ и потомъ пускали въ Неполомицкую пущу.

Скажемъ теперь объ обычаяхъ, соединенныхъ съ главнѣйшими праздниками въ цѣломъ году, по крайней мѣрѣ, въ болѣе выдающихся чертахъ.

Праздникъ «Коляды», т. е. Рождества Христова, особенно торжественно справляется у поляковъ, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ слояхъ. Въ сочельникъ наканунѣ Рождества, во всѣхъ слояхъ общества, съ закатомъ солнца ѣдятъ кутью на столѣ, устланномъ сѣномъ и покрытомъ скатертью. По угламъ ставятъ снопы ржи, или яроваго хлѣба. На особыхъ блюдахъ, на столѣ, стоятъ кушанья, приготовленныя изъ разныхъ сортовъ зеренъ или крупъ, ячменныхъ, пшеничныхъ, гречневыхъ, гороху и т. д. Каждое такое блюдо прикрыто опрѣснокомъ съ изображеніемъ разныхъ символическихъ религіозныхъ знаковъ. Передъ тѣмъ, какъ

Передъ «пастеркою».

садиться за столъ, хозяйка подходитъ къ каждому изъ присутствующихъ и ломаетъ съ нимъ оплатку. Каждый долженъ съѣсть кусочекъ ея. Это, разумѣется, сопровождается поздравленіями съ праздникомъ и взаимными пожеланіями. Послѣ обѣда подаютъ блюда изъ зеренъ и къ нимъ медовое сыто. Затѣмъ, хозяйка, или дочь ея, садится за фортепіано, играетъ и поетъ разныя духовныя пѣсни, самыя старыя и со старинною музыкою. Обычай этотъ общій, во всѣхъ слояхъ общества, не исключая и самаго высшаго. Въ это же время для дѣтей зажигаютъ елку. Въ полночь всѣ спѣшатъ въ костелы на пастырское богослуженіе, только этому дню при-

Поклоненіе гробу Спасителя.

своенное. Можно быть невѣрующимъ, можно не сочувствовать старымъ обрядамъ, тѣмъ не менѣе день сочельника въ Польшѣ производитъ глубокое впечатлѣніе.

Къ рождественскимъ праздникамъ обыкновенно убиваютъ откормленныхъ боровов или кабановъ, во всѣ дни праздника подаются колбасы.

Итальянка Бона Сфорчія принесла въ Польшу обычай переодѣванья — маскарадовъ. Собственно переодѣванье относится къ масленицѣ, къ карнавалу, но маскарады такъ понравились полякамъ, что служили имъ забавой и въ другія времена года. Маскарады совпали съ весьма древнимъ польскимъ обычаемъ ѣздить «куликомъ», или «кулигомъ». Обычай этотъ относится еще къ языческимъ временамъ; досужіе этнографы увѣряютъ, что будто бы легендарный Попель ѣздилъ кулигомъ. Ѣхать «куликомъ», или «кулигомъ» —тоже, что ѣхать гуськомъ, тянуться вереницею. Такъ это и было. Общество собиралось въ условленномъ домѣ или мѣстѣ, переряжалось во всевозможные костюмы и отправлялось къ сосѣдямъ, отъ одного къ другому, нигдѣ долго не засиживаясь, пока не попадало въ условленное мѣсто, гдѣ его ожидали и гдѣ затѣмъ всю ночь шелъ пиръ горою. Ѣхали именно вереницею, одинъ за другимъ, въ маленькихъ саночкахъ, обыкновенно мужчина съ дамой, обожатель съ обожаемой, опрокидывались не разъ въ сугробы снѣга, отсюда смѣхъ, крикъ, потѣха. Такъ проходили всѣ три дня масленицы. Прекрасно описываетъ это веселье польскій поэтъ, Антоній Мальчевскій въ своей многострадательной «Маріи»: «Мы себѣ ѣдемъ куликомъ (вереницей), днемъ и ночью веселье бѣшеное. Маска отлично скрываетъ насъ. Если кто хочетъ узнать, кто мы и откуда,— тому отвѣтимъ смѣхомъ и крикомъ...» «Летимъ въ саняхъ, а съ нами смятенье и смѣхъ пустой... Знаешь ли ты теперь польскія запусты (масленицу)?»

Вербы.

Наряжались различно, съ единственною цѣлью, чтобы костюмъ былъ смѣшной, замысловатый, забавляющій публику. Одинъ шилъ себѣ мантію изъ ста и болѣе лоскутковъ, всевоз-

ложныхъ цвѣтовъ; другой наряжался паяцомъ; третій принималъ видъ степеннаго старца и т. д. Наряжались даже въ одежды духовныхъ лицъ, что очень не нравилось послѣднимъ. Памятны въ народѣ маскарады при королевскомъ дворѣ. Сигизмундъ-Августъ, по случаю свадьбы своей съ герцогиней Мантуанскою, былъ въ маскѣ, какъ и всѣ высшіе чины двора и вельможи. Стефанъ Баторій, по окончаніи войны съ Іоанномъ Грознымъ, когда выдавалъ племянницу свою Гризельду за Яна Замойскаго, въ числѣ разныхъ увеселеній и пиршествъ по этому случаю, далъ и великолѣпный маскарадъ, придавъ ему историческое значеніе, съ разными аллегорическими фигурами. Вотъ, напр., во главѣ маскараднаго кулика, ѣдетъ коронный мечникъ, Николай Вольскій, переодѣтый арабомъ и окруженный цѣлою дружиною арабовъ, а среди нихъ— громадный слонъ съ высокою башнею на спинѣ, изъ которой вылетаютъ ракеты. За нимъ ѣдетъ «время»: на большой колесницѣ сидитъ Сатурнъ съ сѣдою бородою и косою въ рукѣ; передъ нимъ сидитъ время, съ часами на головѣ и погоняетъ везущихъ колесницу; везутъ же ее двѣнадцать отроковъ, изображающихъ часы—дневные часы (бѣлые) и ночные (черные). Отроки усѣяны звѣздами. За колесницей слѣдовали солнце и мѣсяцъ. Роль Сатурна исполнялъ знатнѣйшій вельможа Николай Зебржидовскій. Далѣе орлы несутъ небесную твердь; среди облаковъ, на тверди, сидитъ громовержецъ Юпитеръ и мечетъ во всѣ стороны огненныя стрѣлы. Разсвирѣпѣвшій громовержецъ такъ усердно металъ огонь, что вспыхнули облака, отъ нихъ загорѣлась и самая твердь небесная, такъ что самому Сатурну пришлось спасаться бѣгствомъ. Пожаръ скоро потушили и появились тріумфальныя ворота, черезъ которыя проходили ротмистры со своими отрядами, съ музыкою и знаменами. Потомъ опять колесница, на которой были изображенія покоренныхъ земель. Высокая стройная женщина изображала Инфлянтовъ, изъ-за которыхъ и война происходила. Потомъ гетманы, рыцари и народъ окружали врага, скованнаго въ цѣпи, а далѣе множество женщинъ съ зажженными факелами, издававшими благоуханія. Четвертымъ отдѣломъ предводительствовалъ Станиславъ Жолкевскій съ Діаною, со всѣми принадлежностями охоты. Это значило, что польскіе воины, по одержаніи побѣды, отдыхаютъ и предаются мирнымъ развлеченіямъ. Наконецъ, послѣдній, пятый отдѣлъ, руководимый старостою Оцѣскимъ, представлялъ амура, окруженнаго пѣсенниками, за нимъ киты тащили колесницу, на которой возсѣдала Венера, влачившая за собою скованнаго въ цѣпяхъ Париса. Во все время этого шествія народу бросали серебряные талеры.

«Свецоносе».

Во время масленицы поляки обыкновенно веселились такъ, какъ веселятся развѣ только въ Римѣ. Веселились и въ деревняхъ, и въ селахъ, и въ городахъ, и мѣстечкахъ. Веселились магнаты, шляхта, мѣщане и крестьяне. Въ городахъ дѣло доходило до бѣшеной оргіи. Пьянствовали страшно, и понятно, дѣло доходило до дракъ и всякихъ неистовствъ. Волокиты тоже пользовались счучаемъ, улучали минуты и находили удобныя мѣста для тайныхъ свиданій съ возлюбленными. Дни и ночи проводили на улицѣ, на площадяхъ, въ садахъ, въ гостиницахъ, подъ «зеленой вѣхой», т. е. въ корчмахъ. Бѣдная шляхта, которой дома негдѣ было развернуться, спѣшила на масленицу въ городъ и здѣсь кутила, буйствовала. Всякое сумасбродство, нахальство, за которое въ обыкновенное время потянули бы въ ратушу, теперь проходило безнаказанно.

Польская масленица продолжается также, какъ и въ цѣлой Европѣ, до двѣнадцати часовъ ночи во вторникъ. Пробило двѣнадцать—и въ ту же минуту, въ домахъ, гдѣ происходило веселье, трубятъ въ трубы, во всѣхъ костелахъ раздается колокольный звонъ, «звонятъ для глухихъ». Все умолкаетъ и всѣ спѣшатъ домой. На другой день, т. е. въ среду—«попелецъ», всѣ идутъ въ костелъ, гдѣ ксендзъ посыпаетъ головы пепломъ, — и настаетъ великій постъ, какъ мы уже упомянули выше, строго соблюдавшійся.

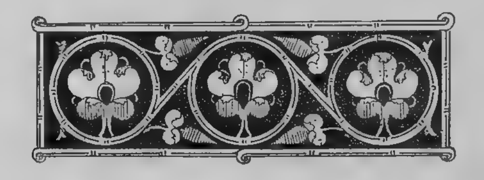
Немного уже сохранилось отъ прежней буйной, залихватской польской масленицы. Коечто сохранилось по преданію, по обычаю, но самое веселье, забавы теперь скорѣе наводятъ тоску.

Послѣдняя недѣля великаго поста въ цѣлой Польшѣ проходила въ молитвѣ, въ говѣньѣ. Въ четвергъ — высокоторжественная служба, особенно въ городахъ, гдѣ былъ епископъ, съ освященіемъ даровъ, съ умовеніемъ ногъ. Все населеніе спѣшило въ костелы. Въ пятницу и субботу—опять всѣ въ костелахъ, для поклоненія гробу Спасителя (плащаницѣ). Во всѣ времена былъ обычай, сохранившійся и до сихъ поръ, какъ можно тщательнѣе и богаче убирать гробъ Господень. Соперничали между собою костелы и монастыри, да и теперь еще стараются перещеголять другъ друга. Вывѣшиваются всякаго рода декораціи, устраиваются фонтаны, передвижныя картинки, изображающія страданія Спасителя и т. д.

Въ восемь часовъ вечера начинаются всенощныя. Въ городахъ, гдѣ много костеловъ, устраивается такъ, что въ продолженіе цѣлой ночи до самаго утра, происходитъ богослуженіе, такъ что въ одномъ костелѣ оканчивается, въ другомъ начинается. Въ деревняхъ богослуженіе обыкновенно происходитъ въ полночь, или даже къ утру.

Древнѣйшій обычай разговѣнья яйцомъ сохранился и до сихъ поръ, точно также какъ и самое «свенцоное», которымъ заставленъ столъ во всѣ три дня Свѣтлаго Христова Воскресенія, а иногда и цѣлую недѣлю. Свенцоное, кромѣ пасхи и многочисленныхъ куличей, состоитъ изъ мясныхъ холодныхъ блюдъ, какъ-то: колбасъ, ветчины, поросенка, индюка, всякаго рода пирожнаго, въ числѣ котораго важную роль играетъ такъ называемая баба. По срединѣ стола всегда ставятъ «агнца», выдѣланнаго изъ коровьяго масла, или сахара, а нерѣдко фарфороваго и при немъ маленькое знамя.

А. К. Киркоръ

ОЧЕРКЪ X.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ ПОЛЬШИ.

а) ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Разные фазисы народно-хозяйственной дѣятельности въ Польшѣ. — Время до упадка политической самостоятельности. — Отъ раздѣла до возстановленія царства Польскаго. — «Золотая благотворная эпоха». — Экономическій застой. — Торгово-промышленная дѣятельность позднѣйшаго времени.

Въ мірѣ что ни дѣйся —
Смертный все надѣйся!
Солнце не однажды сызнова взойдетъ;
Послѣ непогоды ярче день блеснетъ.

КОХАНОВСКІЙ.

Экономическое благосостояніе государствъ, къ которому стремятся всѣ культурные народы, можетъ быть достигнуто только трудолюбіемъ, бережливостью и умственнымъ развитіемъ населенія, если все это гармонически организовано и способствуетъ воспользованію дарами природы въ данной мѣстности.

Этотъ политико-экономическій тезисъ, обязательный для каждой цивилизованной страны, заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія при обсужденіи народно-хозяйственнаго положенія Польши, такъ какъ, несмотря на рядъ вѣковыхъ событій, препятствовавшихъ ея преуспѣянію, край этотъ достигъ въ послѣднее время, довольно удовлетворительныхъ результатовъ въ матеріальномъ отношеніи. Для выясненія условій, благопріятствовавшимъ такому результату, укажемъ на историческія событія, прямо или косвенно, положительно или отрицательно, вліявшія на ходъ экономической жизни Польши.

Въ этихъ видахъ, мы распредѣлимъ этотъ очеркъ на пять періодовъ, обнимающихъ болѣе выдающіяся событія народно-хозяйственной дѣятельности.

Первый періодъ обнимаетъ все время до упадка политической самостоятельности.

Второй періодъ продолжается отъ раздѣла до 1815 года, т. е. эпохи возстановленія царства Польскаго.

Третій періодъ обнимаетъ время съ 1815 по 1830 г.г. и называется «золотой благотворной эпохой».

Четвертый періодъ, съ 1830 по 1864 годъ, есть время экономическаго застоя.

Пятый періодъ, съ 1864 по настоящее время, представляетъ наибольшее проявленіе экономической дѣятельности въ краѣ.

Обратимся къ разсмотрѣнію каждаго изъ этихъ періодовъ въ отдѣльности.

Лѣтописи древнихъ временъ имѣютъ слишкомъ мало данныхъ хотя бы для приблизительнаго выясненія экономическаго строя Польши. Извѣстно только, что населеніе, пользуясь умѣренными климатическими условіями, хорошимъ качествомъ почвы и богатствомъ лѣсовъ, патріархальнымъ образомъ занималось хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ для собственнаго пропитанія, не заботясь о мѣновой торговлѣ съ сосѣдями. Тѣмъ не менѣе такая торговля существовала, такъ какъ достовѣрно извѣстно, что римскіе и греческіе торговцы вывозили изъ Польши янтарь въ сыромъ видѣ, для выдѣлки женскихъ украшеній.

Съ водвореніемъ государственной организаціи въ Польшѣ, привиллегіи и льготы, какими пользовались магнаты, владѣвшіе громадными пространствами земель, со всѣми находившимися на нихъ помѣстьями, съ населеніемъ всецѣло зависѣвшимъ отъ вотчинниковъ, безъ права вмѣшательства со стороны правительственныхъ властей, не исключая даже и монаха,— не могли благопріятствовать экономическому росту. Магнаты не только вовсе не заботились о преуспѣяніи государственныхъ экономическихъ интересовъ, но, кромѣ того, вели постоянную борьбу съ монархическою властью, когда возникъ вопросъ о поддержаніи торговли и ремеслъ въ мѣстечкахъ и городахъ, считавшихся собственностью магнатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянныя нападенія на окраины Польши татаръ и другихъ враговъ, а также и завоевательныя стремленія самой Польши и частые военные походы ея въ далекіе края отвлекали населеніе отъ производительныхъ сельско-хозяйственныхъ занятій и тормозили культурное развитіе.

Короли польскіе и ихъ правительства ясно понимали, что борьба съ магнатами изъ-за экономической производительности въ странѣ не достигнетъ желаемой цѣли, пока не будетъ созданъ новый, независимый отъ магнатовъ, мѣщанскій элементъ населенія, который свободно занимался бы торговлею и ремеслами. Руководясь этимъ, въ Польшѣ, еще въ XII столѣтіи приняли евреевъ, изгнанныхъ изъ Германіи и приславшихъ свою депутацію Казимиру Великому.

Магнаты на созванномъ по этому поводу сеймѣ, разсчитывая на разные налоги и подати съ евреевъ въ свою пользу, сразу согласились на принятіе евреевъ, ошибшись въ разсчетѣ на такое же подчиненіе себѣ евреевъ, въ какой были уже крестьяне, такъ какъ правительство оберегало всѣ права евреевъ, при переселеніи ихъ въ Польшу.

Со вступленіемъ на престолъ Казимира Великаго, экономическія условія края, благодаря покровительству трудолюбію и трудящемуся народу, стали было замѣтно улучшаться. Желая дать соотвѣтсвенное направленіе производительности страны, этотъ мудрый монархъ отнялъ нѣкоторыя привиллегіи у помѣщиковъ въ отношеніи къ крестьянамъ, ограничивая произвольное распоряженіе поселянами, призналъ за евреями право безпрепятственно заниматься денежными операціями, внутреннею торговлею и ремеслами; привиллегію же внѣшней торговли, которая по отпуску хлѣбовъ и лѣсовъ, сплавляемыхъ по рѣкѣ Вислѣ къ Данцигскому порту, принимала болѣе и болѣе обширные размѣры,—оставилъ исключительно за помѣщиками.

Народъ справедливо назвалъ Казимира Великаго «королемъ хлоповъ и евреевъ»,—исторія санкціонировала за нимъ этотъ почетный титулъ. Во время его царствованія, Польша сдѣлала значительный шагъ къ культурномъ отношеніи. Казимиръ, кромѣ того, призвалъ въ страну иностранныхъ коммерческихъ дѣятелей, которые, поселившись въ большихъ городахъ, главнымъ образомъ въ Краковѣ и Данцигѣ, посредничали въ мѣновой торговлѣ, какъ сельскими продуктами, такъ и привозными колоніальными товарами. Польскія произведенія стали извѣстны не только въ Германіи, но и въ Англіи и Голландіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ положено было начало привиллегіямъ для купеческихъ и ремесленныхъ обществъ во всѣхъ главныхъ городахъ края. Статуты по этому предмету, хоругви и другіе спеціальные знаки свято хранятся въ цеховыхъ обществахъ Варшавы, Кракова, Львова, Данцига, Торна и пр.

Наконецъ, Казимиръ Великій, желая перенести центръ экономической тяжести въ провинціальные города, расположенные по теченію Вислы, выстроилъ себѣ дворецъ въ городѣ Казимирѣ, какъ главномъ пунктѣ груженія хлѣбовъ. На фундаментѣ и остаткахъ этого древняго зданія выстроенъ теперь хлѣбный амбаръ, изображенный на нашемъ рисункѣ.

Еще до XII столѣтія ископаемое богатство было извѣстно въ Польшѣ, главнымъ же образомъ соль въ Величкѣ и Боркѣ, а также разные металлы, какъ то: олькушское серебро, мѣдь въ Кѣлецкихъ копяхъ, цинкъ и желѣзо въ Силезіи около рѣки Пржемши. Король Болеславъ Храбрый предоставилъ право на горное производство во всей странѣ католическому духовенству. Казимиръ же, обративъ вниманіе на этотъ источникъ богатства, сталъ мало-по-малу отнимать изъ рукъ духовенства эту отрасль промышленности, особенно послѣ того, какъ многія копи серебра во время войны со шведами были затоплены ими и оставлены духовенствомъ. Казимиръ присоединилъ ихъ къ королевскимъ регаліямъ.

Словомъ, во время царствованія Казимира, ни одна экономическая отрасль не осталась въ пренебреженіи; во всѣхъ его дѣйствіяхъ видно было стремленіе къ водворенію народнаго благосостоянія. Получивъ такимъ образомъ первый толчекъ, народное хозяйство впослѣдствіи болѣе и болѣе развилось, особенно-же преуспѣвала внѣшняя торговля по отпуску избытковъ сельскихъ произведеній и по привозу иностранныхъ товаровъ и,—находясь въ рукахъ зажиточныхъ пановъ и благодаря удобнымъ водянымъ сообщеніямъ по всѣмъ рѣкамъ къ портамъ Балтійскаго моря, начиная съ Риги сплошь по Штетинъ, — давала предпринимателямъ громадные доходы. На всемъ пространствѣ Рѣчи Посполитой товарное движеніе не подвергалось никакой опасности. Въ видахъ же огражденія безопасности отъ грабежа грузовъ внѣ Польши, главные торговые центры заключили въ 1430 году союзъ съ Ганзой, въ томъ числѣ Краковъ, Холмъ Куявскій, Гданскъ (Данцигъ), Эльблонгъ, Торунь, Рига, Крулевецъ (Кенигсбергъ) и Броды.

Хлѣбный амбаръ въ городѣ Казимирѣ.

Доказательствомъ торговаго развитія могутъ служить слѣдующія статистическія данныя, собранныя (по указанію Чацкаго въ сочиненіи его «Статутъ Польскій и Литовскій» т. II стр. 244) извѣстнымъ экономистомъ Лойко за 150 лѣтъ. Черезъ гданскій портъ изъ Польши вывезено было въ 1649 г. 12,435 ластовъ пшеницы 39,984 ластовъ ржи 1,478 ластовъ ячменя.

Въ теченіе десяти лѣтъ круглымъ числомъ:

по 1659 г.	35,000	ластовъ	пшеницы	130,000	ластовъ	ржи	3,600	ластовъ	ячменя		
» 1669 »	36,000	»	»	154,000	»	»	6,300	»	»	315	ластовъ овса
» 1679 »	88,000	»	»	190,000	»	»	24,000	»	»	1,100	» »
» 1689 »	142,000	»	»	285,000	»	»	17,600	»	»	1,900	» »
» 1799 »	107,000	»	»	158,000	»	»	—	»	»	—	» »

Вообще же цифра вывоза за 150 лѣтъ съ 1649 по 1799 г.г. составляла въ общемъ: 1.450,000 ластовъ пшеницы, 2.500,000 ластовъ ржи, 166,000 ластовъ ячменя, 48,000 ластовъ овса.

Такъ какъ цѣны опредѣлялись по свидѣтельству того же Лойко, въ сложности между 100

и 1,050 голландскихъ злотыхъ (въ 1799 г.) за л. пшеницы, 58 и 575,—за л. ржи, 80 и 380—за л. ячменя, 60 и 240—за л. овса, (въ зависимости отъ урожая, спроса и политическаго настроенія), то, очевидно, что средняя выручка ежегодно давала странѣ милліонные доходы. Польскіе хлѣба въ Англіи и Голландіи, куда производился вывозъ, получили большую извѣстность, такъ что до сихъ поръ еще польская пшеница подъ именемъ «сандомірки» цѣнится выше всѣхъ другихъ сортовъ.

Вниманіе могущественныхъ пановъ и мелкой шляхты было обращено на эксплуатацію хлѣбопашескаго и лѣсопромышленнаго крестьянскаго труда; внутренняя же торговля, ремесла и фабрично-заводская промышленность предоставлены была мѣщанамъ, не владѣвшимъ большими средствами, чтобы значительно поднять эти промыслы, которые, поэтому и остались въ застоѣ до конца прошлаго столѣтія.

Для шляхтича считалось недостойнымъ коснуться промысла. Этимъ предразсудкомъ объясняется также и фактъ, почему торговля, мелкая промышленность и ремесла въ польскихъ провинціяхъ до послѣдняго времени находились почти исключительно въ рукахъ евреевъ.

Въ такомъ положеніи находилось народное хозяйство въ Польшѣ, когда во второй половинѣ прошлаго столѣтія началась борьба изъ-за польскаго государственнаго быта. Распаденіе началось съ 1763 г. при распряхъ и спорахъ магнатовъ и шляхты между собою и съ королевскимъ дворомъ; послѣдствіемъ было общее обѣднѣніе народа, совершенное истощеніе казны затратами на военныя цѣли. Въ 1789 году сеймъ разрѣшилъ заключить внутренній заемъ на 6 милліоновъ злотыхъ. Но этой суммы оказалось недостаточно и правительство, съ согласія сейма, сдѣлало первый внѣшній 6% заемъ въ Голландіи на сумму 10.450,000 злотыхъ, подъ условіемъ погашенія въ теченіе 15 лѣтъ. Этотъ заемъ, при ликвидаціи долговъ Польши въ 1797 г., приняли на себя: Россія въ размѣрѣ 30%, Пруссія—30% и Австрія—40%.

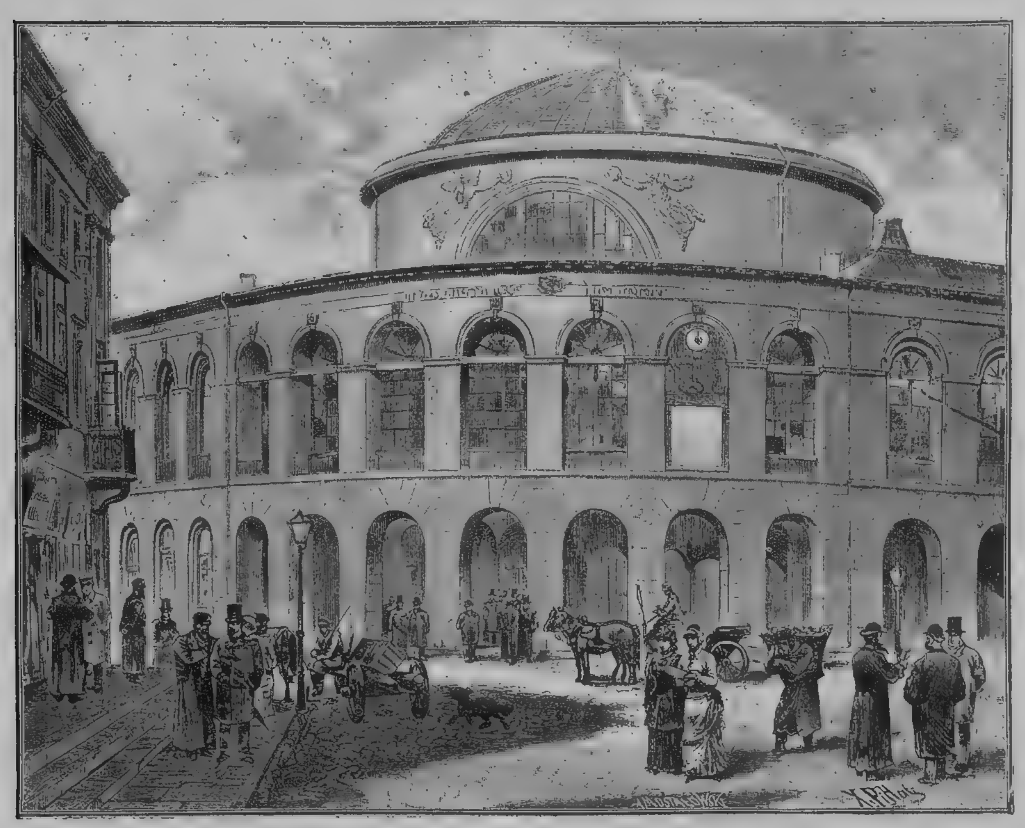
Вслѣдствіе раздѣла Польши, каждая изъ трехъ ея частей подверглась новымъ законоположеніямъ, существенно отличнымъ отъ прежнихъ.

Самыми характерными оказались мѣропріятія, принятыя Пруссіею. Король Фридрихъ сталъ дѣйствовать на самую слабую сторону польскихъ помѣщиковъ. Зная страсть шляхты къ мотовству, онъ предоставилъ ей кредитъ подъ земли на самыхъ широкихъ и льготныхъ условіяхъ. Операціи этого рода открылъ учрежденный Фридрихомъ II въ 1762 г. банкъ подъ фирмой «Морская Компанія» (See Handlung). Этотъ банкъ немедленно открылъ свои пагубныя дѣйствія въ Варшавѣ и другихъ воеводствахъ; за нимъ хлынули въ Польшу другія болѣе или менѣе солидныя коммерческія конторы. Дѣятельность этихъ банковъ по части ссудъ была такъ непринужденна и обширна, что въ непродолжительномъ времени успѣли роздать разнымъ помѣщикамъ ссуды подъ закладъ имѣній, только въ Познанскомъ и Калишскомъ воеводствахъ, до 60 миліоновъ талеровъ.

Понятно, деньги, полученныя въ ссуду помѣщиками, были обращены ими на роскошь, вообще на затраты, неимѣвшія ничего общаго съ улучшеніемъ сельскаго хозяйства. И такъ какъ, пользовавшіеся льготами со стороны правительства, прибывшіе въ Польшу прусскіе купцы содѣйствовали развитію роскоши доставленіемъ разныхъ предметовъ иностраннаго производства, то занятыя помѣщиками деньги скоро очутились въ рукахъ этихъ торговцевъ, дѣла которыхъ сильно процвѣтали. Блестящее положеніе пришлыхъ торговцевъ вызвало подражаніе среди нѣкоторыхъ магнатовъ и зажиточныхъ горожанъ, гнавшихся не столько за наживой, сколько за отстраненіемъ торговцевъ-иностранцевъ. Въ разныхъ торговыхъ центрахъ стали учреждать банкирскіе и торговые дома съ громкими панскими фирмами, какъ-то: графовъ Лубенскихъ, Потоцкихъ и проч.

Этотъ починъ могъ бы принести большую пользу, еслибы при этомъ было знаніе коммерческихъ дѣлъ, еслибы капиталы, довѣренные этимъ домамъ, обращались дѣйствительно въ пользу экономической жизни. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго не было. Политическія событія,

вызванныя французской революціей 1789 г., а также предосудительная роскошь большей части банкировъ и владѣльцевъ этихъ торговыхъ домовъ, мѣшали правильному ходу дѣлъ и поглощали не только всѣ доходы, но также основные капиталы и даже вклады, довѣряемые публикою банкамъ. Когда въ 1792 и 1793 г.г. вкладчики потребовали обратно свои суммы,— обнаружилась полнѣйшая несостоятельность. Кризисъ былъ ужасный. Исчезло довѣріе и народъ, раздраженный прежнею пышной жизнью банкротовъ, сталъ грабить кассы. Наконецъ, муниципалитетъ Варшавы, чтобы прекратить анархію, принужденъ былъ дать пособіе банкирамъ. Правительство, съ своей стороны, чтобы успокоить край отъ вызванной этими событіями

Внѣшній видъ зданія бывшаго «Польскаго банка», нынѣ отдѣленія государственнаго банка.

сумятицы, назначило особую комиссію для ликвидаціи дѣлъ обанкротившихся банковъ, разорившихся пановъ, а также и массы долговъ бывшаго короля Станислава-Августа.

Въ то же время начались наполеоновскія военныя движенія противъ Пруссіи. Къ нимъ примкнула и Польша, хотя государственныя финансовыя дѣла вовсе не позволяли ей этого, но французская республика обѣщала принять на себя всѣ расходы. Пруссія, угрожаемая съ обѣихъ сторонъ, принуждена была оставить край, забравъ всѣ кассы, какъ правительственныя, такъ и общественныя, которыя и были переведены въ Кенигсбергъ.

Побѣдоносный походъ Наполеона окончился уничтоженіемъ могущества Пруссіи и заключеніемъ тильзитскаго трактата въ 1797 г., въ силу котораго Польша преобразована въ герцогство Варшавское почти въ тѣхъ же границахъ, въ какихъ она была во время царствованія саксонскаго короля. Но Польша была совершенно разорена въ финансовомъ и экономическомъ

отношеніяхъ, вслѣдствіе понесенныхъ, преимущественно ради выгоды Наполеона, моральныхъ и матеріальныхъ жертвъ. Означеннымъ трактатомъ обѣщано было, что Польша получитъ удовлетвореніе при ликвидаціи взаимныхъ претензій по баіонской конвенціи. Что же касается взаим-

Внутренній видъ биржевой залы бывшаго «Польскаго банка», нынѣ отдѣленія государственнаго банка.

ныхъ разсчетовъ между Польшей и Пруссіей, то съ этой цѣлью назначена была въ 1798 г. ликвидаціонная комиссія, на которую и возложили задачу окончанія конкурсовъ несостоятельныхъ лицъ и банковъ, общій итогъ которыхъ составлялъ 250 милліоновъ злотыхъ, и

сверхъ того окончательное установленіе цифры забранныхъ прусскими чиновниками общественныхъ кассъ, а также ссудъ, выданныхъ «Морской Компаніей» и другими прусскими банкирскими домами подъ имѣнія поляковъ.

Въ такомъ незавидномъ положеніи находилась Польша къ концу прошлаго и началу нынѣшняго столѣтія. Чтобы возстановить общественный порядокъ въ странѣ, назначены были разныя комиссіи, руководствовавшіяся указаніями изъ Дрездена и Франціи. Послѣ такого сильнаго потрясенія всѣхъ народныхъ основъ, понятно, не скоро могли возстановиться экономическія условія, тѣмъ болѣе, что казна находилась въ крайне бѣдственномъ положеніи. Подати и налоги неисправно вносились. Недоимки все болѣе возрастали. Государственный заемъ въ 20.000,000 злотыхъ, заключенный съ парижскимъ домомъ Периго Лафитъ и лейпцигскимъ Дифуа, подъ гарантіей французскаго правительства, едва удовлетворилъ текущіе государственные расходы. Поэтому министерство финансовъ стало выпускать кредитные билеты, курсъ которыхъ едва могъ удержаться на уровнѣ около 75%, благодаря лишь тому, что правительство

Въ городъ на торгъ.—Картина А. В. Ковальскаго.

принимало ихъ по нарицательной стоимости, въ уплату по покупкамъ казенныхъ имѣній продаваемыхъ усиленнымъ образомъ.

Мало-по-малу, благодаря ряду реформъ, земледѣльческая промышленность и торговля вновь стали оживать, особенно же благодаря введенію въ 1807 и 1808 г. французскаго гражданскаго закона (Codes Napoleon) съ примѣненіемъ его къ мѣстнымъ обычаямъ и правамъ. Въ силу этихъ законоположеній, всѣ сословія были уравнены передъ закономъ и старинныя привиллегіи шляхты сравнительно съ крестьянами и мѣщанами были отмѣнены; личность крестьянина, его трудъ и состояніе стали независимы отъ произвола землевладѣльца за исключеніемъ сервитутовъ—по добровольному соглашенію между договаривающимися сторонами. Съ другой стороны личный коммерческій кредитъ находилъ должную опору въ торговомъ законѣ (Code de Commerce). Наконецъ, правосудіе было водворено во всѣхъ отношеніяхъ.

Къ несчастію, однако, новыя политическія событія вновь затормозили народно-хозяйственное развитіе страны. Походъ Наполеона въ 1812 г., печальный исходъ котораго общеизвѣстенъ, привлекъ на Польшу, неоправившуюся еще отъ прежнихъ бѣдствій, новыя смуты. Польша вынуждена была къ войнѣ противъ Россіи. Кромѣ громадныхъ матеріальныхъ потерь (хлѣбныхъ и другихъ запасовъ, забранныхъ способомъ реквизицій для соединенной арміи),

погибли еще и лучшія силы народа. Край пришелъ въ полное разореніе. Земледѣльческая промышленность, всюду пренебрегаемая по недостатку трудовыхъ силъ и денежныхъ средствъ, пришла въ невообразимый застой. Торговые дома обанкротились. Словомъ картина экономической жизни, къ концу 1814 года, во всѣхъ отношеніяхъ представлялась въ высшей степени плачевной. Неудачная же вспышка Наполеона во время стодневнаго его вторичнаго царство-

На пути въ городъ.

ванія во Франціи, вслѣдствіе оказанныхъ ему геройскихъ подвиговъ остатками польской арміи, поставила участь Польши въ зависимость отъ усмотрѣній международной дипломатіи.

Чувство справедливости и благородный характеръ великодушнаго монарха Александра I спасли Польшу отъ совершенной гибели. Благодаря его авторитетному вліянію, царство Польское, подъ его скипетромъ, въ силу международнаго трактата, заключеннаго въ Вѣнѣ въ маѣ 1815 г., было возстановлено на конституціонныхъ началахъ, хоть и въ крайне уменьшен-

ныхъ размѣрахъ. Съ этого времени началась новая жизнь. Сеймъ, созванный по выборамъ отъ всѣхъ классовъ населенія, вдохновленный желаніемъ коренныхъ преобразованій въ экономической жизни, усердно и съ сознаніемъ долга принялся за дѣло. Руководствуясь указаніемъ великаго монарха, при содѣйствіи дѣльныхъ министровъ, какими были Сташицъ, Любецкій и другіе честные государственные люди и умные патріоты, сеймъ далъ странѣ учрежденія, законоположенія и нововведенія, подъ вліяніемъ которыхъ экономическое положеніе края, въ относительно короткій промежутокъ времени, начало процвѣтать, и водворилось благосостояніе. Вліяніе этихъ мѣръ было настолько прочно, что даже впослѣдствіи значеніе ихъ имѣло, несмотря на рядъ разныхъ новыхъ бѣдствій и смутъ, благотворное вліяніе на экономическую и торгово-промышленную дѣятельность Польши, прогрессивно обогащая страну. Въ виду этого, остановимся на самыхъ мѣропріятіяхъ.

Польша преимущественно страна сельско-хозяйственная и благосостояніе ея исключительно зависитъ отъ развитія этой именно отрасли промышленности. И такъ какъ, вслѣдствіе задолженности, имѣнія землевладѣльцевъ продавались судебнымъ порядкомъ за безцѣнокъ, не находя

Видъ Згержа съ восточной стороны.

притомъ покупателей, то сеймъ издалъ въ 1817 г. законъ, установлявшій извѣстныя формальности и затруднявшій судопроизводство въ случаѣ принужденной продажи имѣній за долги. Кромѣ того, чтобы возстановить землевладѣльческій кредитъ, пользуясь введеннымъ кадастровымъ регламентомъ во время прусскаго владѣнія краемъ, сеймъ выработалъ въ 1818 г. ипотечный для недвижимаго имущества законъ, который и до сихъ поръ считается образцомъ во всемірномъ ипотечномъ законодательствѣ.

Подъ вліяніемъ этихъ мѣръ, цѣнность недвижимаго имущества, вслѣдствіе возстановленія довѣрія и имущественнаго кредита, постепенно усилилась, земледѣльцы же однако, все еще бѣдствовали подъ гнетомъ дороговизны кредита, необходимаго для сельско-хозяйственнаго труда, и общаго безденежья. Сознавая, что этому помочь возможно лишь при посредствѣ кредитнаго учрежденія, сеймъ, согласно Высочайшей волѣ основалъ въ 1825 г. земское кредитное общество на началахъ взаимной поруки заемщиковъ, которому предоставлено было выдавать ссуды въ 4% закладныхъ листахъ, подъ ипотечный залогъ имѣній, въ размѣрѣ умноженія на сто той подати, называемой «офярою», которая во время войны была взимаема со всѣхъ имѣній, составляя десятую долю ежегодныхъ доходовъ. И такъ какъ эта оцѣнка производилась въ свое

время обывательскими комитетами въ патріотическихъ видахъ, то и оказалось, что указанная норма была совершенно вѣрна.

Чтобы придать выпускаемымъ закладнымъ листамъ хорошій курсъ, министерство финансовъ обязано было принимать ихъ по нарицательной цѣнѣ въ уплату казенныхъ долговъ, имѣвшихся на частныхъ имѣніяхъ, а также за аренду и въ уплату за казенныя имѣнія. Такимъ образомъ бумага эта вскорѣ сдѣлалась популярной, излюбленнымъ помѣщеніемъ сбереженій у однихъ только крупныхъ капиталистовъ: мелкія сбереженія также охотно обращались въ листы 200—злотовые (30 руб.). Благодаря же тому, что на иностранныхъ биржахъ польскіе закладные листы тоже принимались,—курсъ доходилъ до al pari.

Землевладѣльцы не только получили такимъ образомъ возможность погасить свои долги, но у нихъ получался еще нѣкоторый остатокъ на хозяйственныя улучшенія. Сельское хозяйство вновь стало процвѣтать, способствуя къ оживленію торговли и промышленности какъ внутри страны, такъ и внѣ ея.

Относительно фабричной промышленности, сеймъ и правительство пришли къ сознанію необходимости создать таковую, вмѣсто существовавшихъ мелкихъ мѣщанскихъ мастерскихъ и сельскихъ кустарныхъ заведеній, производившихъ полотно и сукно средняго и грубаго качества. Но ни шляхта, ни капиталисты не проявляли ни малѣйшаго желанія заниматься фабрично-заводскимъ дѣломъ. Въ виду этого сеймъ и правительство рѣшились привлечь иностранныхъ техниковъ и фабрикантовъ, даровавъ имъ льготы, по учрежденію заводовъ въ Польшѣ. Крупные землевладѣльцы, въ свою очередь, способствовали этому безвозмездною уступкою земель и зданій во владѣемыхъ ими мѣстечкахъ. Благодаря этому, вскорѣ закипѣла фабричная дѣятельность. Прежде всего возникли суконныя фабрики въ Калишѣ, Опатовкѣ, Озорковѣ, Згержѣ, Томашовѣ и проч. Затѣмъ открыли свою дѣятельность полотняныя фабрики въ Августовской губ., а также въ Турскѣ и Лодзи. Наконецъ, открылись хлопчатобумажныя прядильни въ Озорковѣ и ситцевыя фабрики въ Лодзи, Пабяницахъ и Здункой-Волп.

Въ двадцатыхъ годахъ суконныя фабрики Згержа были сильно развиты. Опытъ сбыта суконъ въ Россію вскорѣ обогатилъ и городъ, и фабрикантовъ. Спросъ былъ такъ великъ, что иногда московскіе коммиссіонеры по цѣлымъ мѣсяцамъ вынуждены были ожидать товаровъ, полностью оплаченыхъ уже.

Правительство очень сочувственно относилось къ преуспѣянію польской фабричной производительности, не останавливаясь даже передъ денежными затратами. Такъ оно назначило премію въ 100,000 злотыхъ за изобрѣтеніе новой машины для льняной пряжи и тканья. По конкурсу премію получилъ извѣстный французскій инженеръ Жирардъ, которому кромѣ того казна и владѣлецъ имѣнія Гузовъ способствовали капиталомъ и даровою землею при сооруженіи имъ полотняной фабрики, названной въ честь его «жирардовскою» и въ настоящее время имѣющей всемірную извѣстность.

Правительство вмѣстѣ съ тѣмъ обратило серіозное вниманіе и на ископаемое богатство. Польши, которое хотя пользовалось уже вѣковою извѣстностью, но, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ, пришло въ совершенный упадокъ. Подъ руководствомъ наиболѣе извѣстныхъ въ Европѣ горныхъ инженеровъ, приглашенныхъ правительствомъ, западный горно-промышленной бассейнъ открылъ новую дѣятельность, по добыванію чугуна, желѣза, угля и другихъ минераловъ.

Цѣлый рядъ горнорабочихъ колоній былъ созданъ въ Домбровѣ, Нивкахъ, и т. д. Оживилась горнопромышленность и въ Келецкой губерніи. Изданный въ это время правительствомъ, горный уставъ узаконилъ весьма цѣлесообразныя привиллегіи для горныхъ рабочихъ. Были открыты школы для штейгеровъ и для дѣтей рабочихъ.

Благотворная преобразовательная дѣятельность сейма и правительства обратила вниманіе также и на ремесленную промышленость. Еще въ 1817 г. былъ утвержденъ ремесленный

уставъ. Соотвѣтственно тогдашнимъ потребностямъ было принято цеховое устройство, замкнутое по общиннымъ ремесленнымъ отраслямъ: оно ограждало работодателей отъ столь часто повторяющихся въ настоящее время забастовокъ. Ремесленникъ прежде, чѣмъ объявиться мастеромъ или подмастерьемъ, долженъ былъ дѣйствительно изучить свое ремесло. Въ случаѣ дряхлости или увѣчья, ремесленники находили поддержку въ кассѣ общины.

Въ отношеніи торговли былъ изданъ въ 1817 г. довольно либеральный уставъ, имѣвшій цѣлію организовать купечество. Администрація избѣгала обложенія промышленнаго и торговаго труда какимъ либо налогомъ въ пользу казны или городовъ.

Сверхъ того, были заключены торговые договоры съ сосѣдними государствами: съ Россіей по взаимному уменьшонному пошлинному тарифу; съ Пруссіей и Австріей—для обезпеченія

На ярмарку.

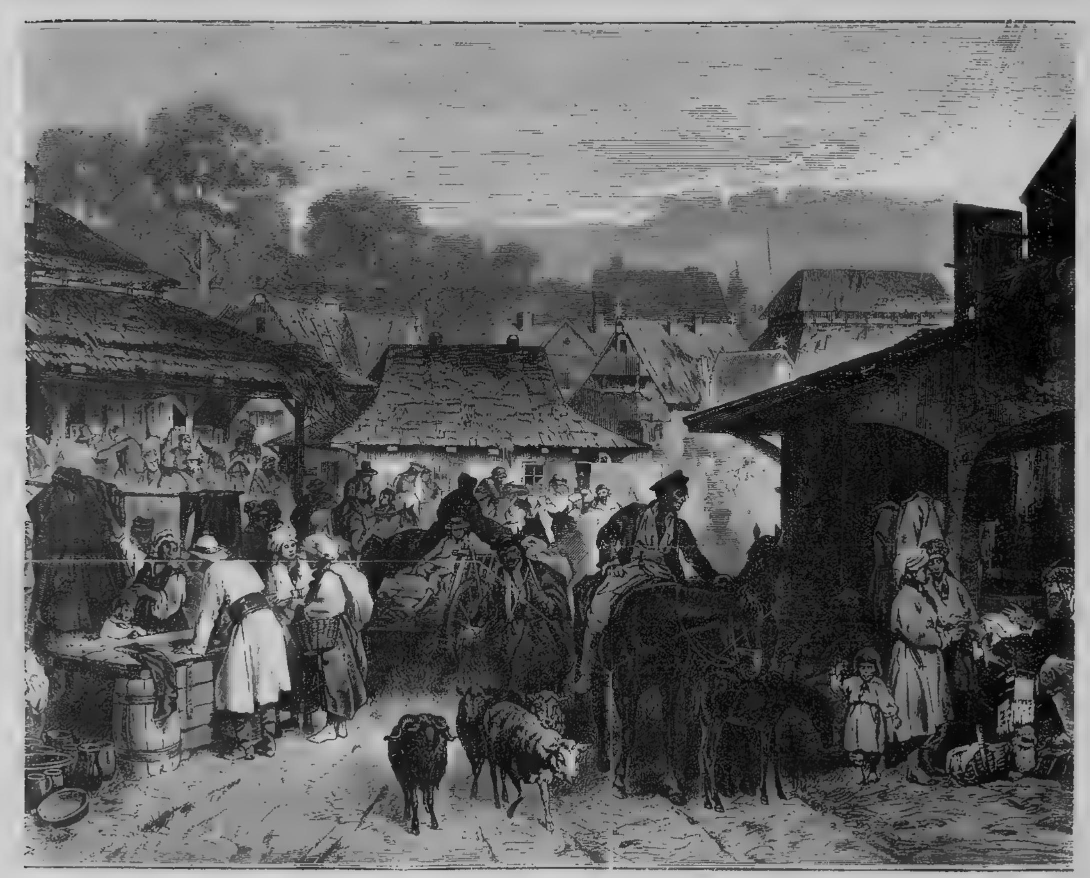
свободнаго воднаго сообщенія по всѣмъ рѣкамъ, прорѣзывающимъ Польшу въ прежнихъ ея границахъ, т.-е. до раздѣла. Для сношенія же жителей пограничныхъ провинцій были допущены извѣстныя паспортныя льготы.

Вообще заботливость правительства была чрезвычайно велика. Сознавая, напримѣръ, что для преуспѣянія экономической жизни необходимы удобные пути сообщенія, оно одновременно принялось за устройство шоссейныхъ дорогъ во всѣхъ главнѣйшихъ направленіяхъ, какъ въ отношеніи внутреннихъ торговыхъ центровъ, такъ и сосѣднихъ государствъ. Такимъ образомъ построены были дороги на тысячи верстъ отъ Варшавы къ Кракову, Ковно и Бресту литовскому. Вмѣстѣ съ тѣмъ на очереди были уже и второстепенныя.

Въ этотъ же періодъ времени были приняты работы по упорядоченію Вислы, какъ глав-

наго воднаго пути, составляющаго въ Польшѣ единственное дешевое товарное сообщеніе съ Данцигомъ, для хлѣбной и лѣсной отпускной торговли. Для соединенія же Вислы съ западными губерніями имперіи и рѣкой Нѣманомъ выстроенъ былъ Августовскій каналъ.

Такая усиленная дѣятельность не могла не имѣть благотворнаго вліянія на оживленіе всей предпріимчивости. Города, мѣстечки и села застраивались. Вездѣ кипѣла работа. Казна вслѣдствіе постояннаго увеличенія государственныхъ доходовъ, въ состояніи была выстроить разныя зданія для общественной пользы, въ томъ числѣ, напримѣръ, великолѣпные дворцы для министра и министерства финансовъ въ Варшавѣ. Грязный древній базаръ, находившійся въ

Ярмарка въ городкѣ.

самомъ центрѣ Варшавы, называвшійся «Марысинскимъ» отъ имени королевы «Марысиньки» Собѣсской, былъ упраздненъ, а вмѣсто него выстроено новое красивое архитектурное зданіе въ изящномъ итальянскомъ стилѣ, въ которомъ помѣщаются большой и малый театры.

Художества, искусства и науки усердно поощрялись и правительствомъ, и частными лицами (меценатами). Возникло, напримѣръ, общество друзей наукъ, которое будучи поддержано матеріальными средствами, выстроило для научныхъ занятій прелестное зданіе, а передъ нимъ былъ воздвигнутъ на частныя пожертвованія памятникъ всемірной извѣстности польскому астроному Копернику, работы скульптора Торвальдсена.

Для большей наглядности, приводимъ офиціальныя данныя о государственномъ бюджетѣ доходовъ и расходовъ царства Польскаго съ 1817 по 1830 г.

	предположено,	поступило,	израсходовано,	разность.
въ 1817 году рублей .	6.802,277	7.973,739	7.293,526	+ 680,213
» 1818 » »	6 100,707	9.018,177	9.503,083	— 484,905
» 1819 » »	7.542,832	8.633,133	9.589,452	— 958,319
» 1820 » »	8.043,541	9.110,897	9.031,160	+ 79,736
» 1821 » »	7.737,584	8,916,652	9.053,487	— 136,834
» 1822 » »	9.627,093	11.148,404	10.073,265	+ 1.075,139
» 1823 » »	9.986,963	10.369,546	9.799,833	+ 570,712
» 1824 » »	10.147,493	10.996,078	9.864,055	+ 1.132,023
» 1825 » »	10.558,176	10.679,248	10.384,104	+ 345,144
» 1826 » »	10.726,869	11.224,776	10.739,152	+ 485,624
» 1827 » »	10.798,215	11.878,755	11.038,856	+ 839,899
» 1828 » »	10.965,831	12.075,011	12.385,662	— 310,659
» 1829 » »	11.278,525	13.283,744	12.991,926	+ 291,818
» 1830 » »	11.804,123	12.616,423	12.669,166	— 52,743

Напомнимъ, что 29 наября 1830 года возникла революція, которая нашла наличныхъ денегъ въ казнѣ около 20 милліоновъ злотыхъ, т.-е. 3.000.000 руб.

Въ 1828 г. сеймъ и правительство, въ виду сильнаго развитія торговли и промышленности, чтобы поставить въ странѣ кредитъ на твердую почву, признали необходимымъ основать польскій банкъ. Для снабженія же этого учрежденія основнымъ капиталомъ, былъ сдѣланъ выпускъ 5% внутренняго займа съ преміями на сумму 6.720,000 рублей, обезпеченный доходами отъ соляной монополіи. Въ виду блестящаго состоянія, и прочнаго упорядоченія государственныхъ финансовъ, выпускъ какъ въ странѣ такъ и на иностранныхъ биржахъ былъ быстро покрытъ. Правительство назначило въ основной капиталъ банка 3.000,000 р., предоставивъ ему право выпуска банкнотовъ, размѣняемыхъ на звонкую монету по предъявленію. Чтобы облегчить банку денежное обращеніе, ему предоставлено было чеканить серебряную монету на собственный свой счетъ на варшавскомъ монетномъ дворѣ.

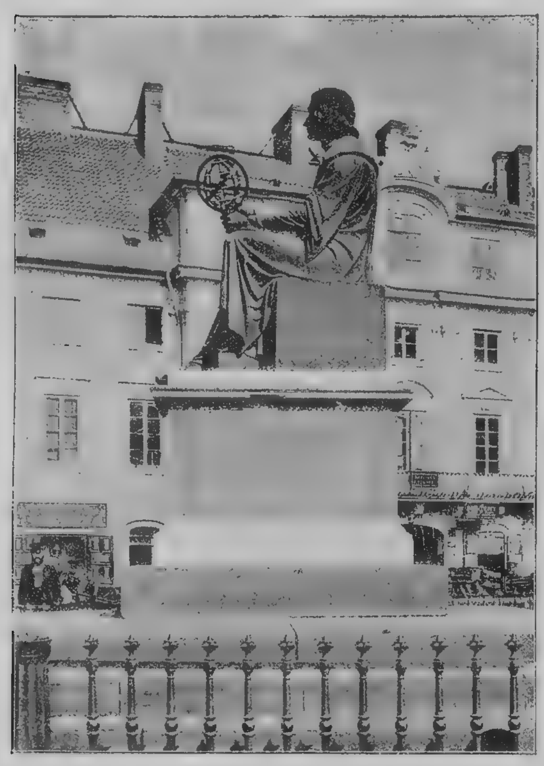
Въ силу устава банкъ имѣлъ весьма обширную дѣятельность, вполнѣ соотвѣтствовавшую тогдашнимъ потребностямъ и нуждамъ страны. Въ отношеніи комерческаго и промышленнаго кредита, взимаемый имъ учетный процентъ былъ ограниченъ 6% годовыхъ. Банкъ не только занимался учетомъ векселей, но и выдавалъ авансы на сельско-хозяйственныя и фабрично-заводскія произведенія; снабжалъ оборотнымъ капиталомъ, машинами и полуобработанными матеріалами, какъ горнопромышленные, такъ и мануфактурные заводы, подъ ипотечнымъ обезпеченіемъ, на условіяхъ срочнаго или долголѣтняго погашенія; земледѣльцамъ же доставлялъ въ кредитъ орудія и племенной скотъ.

Такова сущность дѣятельности золотой эпохи экономической жизни царства Польскаго. Въ теченіе этого пятнадцати-лѣтняго періода была положена основа для всей послѣдующей торгово-промышленной дѣятельности края. Къ несчастію, Польшѣ не суждено было въ полной мѣрѣ воспользоваться столь разумною экономическою системою. Возникшія въ 1830 г. смуты вновь подорвали благосостояніе страны, оказавъ самое пагубное вліяніе на развитіе экономическихъ ея силъ.

Послѣ жестокихъ военныхъ событій, продолжавшихся около года, въ сентябрѣ 1831 г. порядокъ былъ, наконецъ, возстановленъ. Все управленіе краемъ перешло въ руки военныхъ властей. Экономическая дѣятельность пріостановилась на долгое время: ее замѣнили совершенно иные порядки и мѣры, не имѣвшіе ничего общаго съ экономическою дѣятельностью. Край

началъ бѣднѣть морально и матеріально. На немъ лежало бремя военныхъ контрибуцій и новыхъ податей, предназначенныхъ, кромѣ удовлетворенія государственныхъ расходовъ, еще и на содержаніе громадныхъ военныхъ силъ, на новыя работы по укрѣпленіямъ и прочія затраты, вызванныя политическими взглядами правительства.

Для временнаго покрытія необходимыхъ расходовъ разрѣшенъ былъ выпускъ 5% облигацій казначейства въ 1834 г. на 10.000,000 злотыхъ, на пополненіе недоимокъ и для пособія польскому банку. Въ 1835 г. правительство заключило новый 5% заемъ на 22.500,000 руб., всецѣло предназначенный на возведеніе военныхъ построекъ. Для оплаты возложенной на Варшаву контрибуціи городъ сдѣлалъ въ 1834 г. заемъ у польскаго банка на 15.000,000 злотыхъ, съ погашеніемъ посредствомъ новаго городскаго сбора съ населенія въ теченіе 96 лѣтъ.

Памятникъ Копернику.

Земледѣльческая промышленность пришла послѣ 1831 г. въ окончательный упадокъ. Помѣщикамъ, имѣвшимъ земли въ залогѣ въ земскомъ кредитномъ обществѣ, поневолѣ допускались недоимки по выданнымъ имъ ссудамъ. Кромѣ этого помѣщеніе закладныхъ листовъ стало крайне затруднительно. Въ виду этого правительство разрѣшило польскому банку принять въ залогъ на 6.000,000 злотыхъ закладныхъ листовъ, подъ которые были выданы болѣе легко покупаемыя публикою краткосрочныя обязательства.

Несмотря на ненормальное положеніе страны, правительство тѣмъ не менѣе давало занятіе рабочему люду, продолжая сооруженіе сѣти шоссейныхъ дорогъ и канала, начатыхъ съ такою энергіей еще до 1830 г. Горное дѣло также не оставалось въ пренебреженіи тѣмъ болѣе, что оно уже дало нѣкоторый доходъ, будучи передано въ администрацію польскаго банка. Въ концѣ же концовъ, накопился громадный долгъ за казною, тѣмъ болѣе вредно вліявшій на возстановленіе частной предпріимчивости, что банкъ не въ состояніи былъ выполнить своей задачи въ отношеніи частнаго кредита, вслѣдствіе недостатка денегъ, поглащаемыхъ правительственными предпріятіями. О размѣрѣ этихъ послѣднихъ можно судить потому, что, при ликвидаціи счетовъ банка съ казною въ 1837 году, общая сумма опредѣлилась въ 94.600,000 р.

Въ счетъ этого долга правительство передало банку для реализаціи новыя 5% облигаціи на 35.000,000 злотыхъ; затѣмъ, въ 1841 г., новую серію такихъ же облигацій на 90.000,000 злотыхъ; наконецъ, въ 1841 г., казна вновь здѣлала заемъ. Тогда всѣ три прежнія серіи были конвертированы и, вмѣсто 5%, выпущенъ былъ заемъ 4% на общую сумму 28.636,500 руб. Благодаря нѣсколько улучшившемуся экономическому положенію, заемъ этотъ былъ довольно удачно помѣщенъ какъ внутри страны, такъ и за границей.

Промышленность и торговля въ продолженіе почти 15 лѣтъ, т.-е. до 1845 г., хромали,

не могли достигнуть той степени развитія, на которой находились до 1830 г. Казенное горное производство упало, вслѣдствіе быстрыхъ перемѣнъ въ администраціи, и неудачнаго контракта, заключеннаго съ комисіонерами для продажи желѣза и цинка. Не развивались также частные

Съ ярмарки.

горнопромышленные заводы, вслѣдствіе отсутствія кредита, равно какъ и мануфактурная промышленность, утратившая отчасти русскій и китайскій рынки сбыта для своихъ издѣлій.

Нельзя не замѣтить, что единственнымъ въ это время энергическимъ предпринимателемъ на общемъ экономическомъ поприщѣ былъ варшавскій банкиръ Штейнкеллеръ, неутомимо работавшій и стремившійся оживить промышленность. Ему удалось основать нѣсколько фабрикъ и заводовъ металлическихъ издѣлій, а также паровыхъ мельницъ, дилижансовъ и почтовыхъ

фургоновъ, названныхъ по его имени. Кромѣ того въ 1842 году онъ получилъ концессію на сооруженіе перваго желѣзнодорожнаго сообщенія, по варшавско-вѣнской линіи, открытіе которой послѣдовало въ 1844 г. Наконецъ, по почину этого дѣльнаго практика по промышленной и торговой части, въ Польшѣ возникло свекло-сахарное производство.

Немаловажное значеніе для упорядоченія отношеній между землевладѣльцами и крестьянами, имѣлъ законъ 1835 г., объ обязательномъ очиншованіи маіоратныхъ имѣній, которыхъ въ Польшѣ было немало. Указанной цѣли содѣйствовалъ и указъ 1846 г., которымъ, впредь до изданія общаго закона объ устройствѣ поселянъ, обезпечивалось помѣщичьимъ крестьянамъ прочное пользованіе обрабатываемою ими землею.

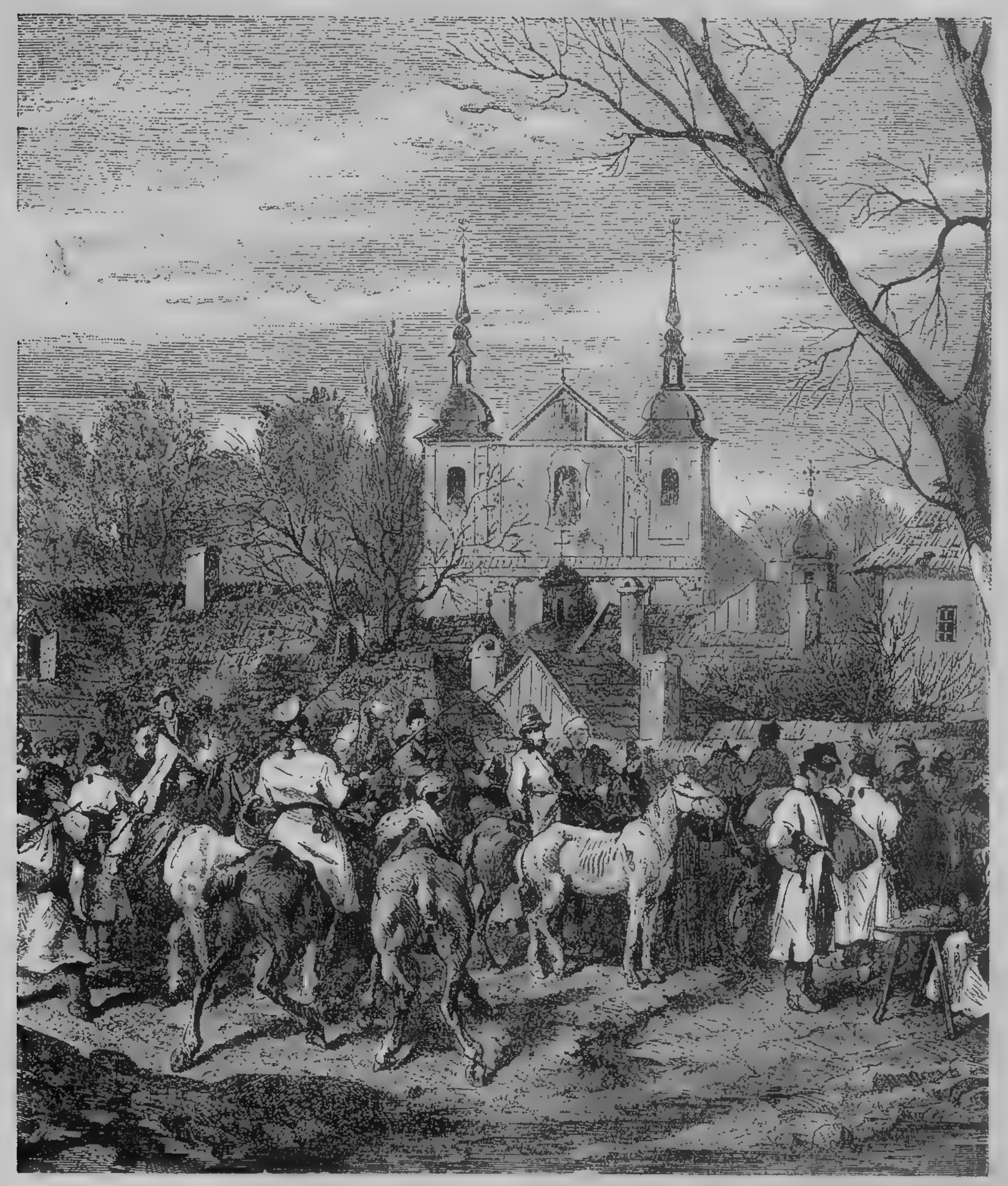
Въ отношеніи торговли слѣдуетъ замѣтить, что отпускъ сельскихъ и лѣсныхъ продуктовъ за границу подъ вліяніемъ хорошихъ урожаевъ, поддерживалъ сношенія съ иностранными, главнымъ образомъ данцигскими фирмами, что въ свою очередь благопріятно вліяло на денежный рынокъ, такъ что курсъ польской валюты постоянно держался на уровнѣ al pari. Съ другой стороны и внутренняя торговля, особенно по ярмаркамъ, число которыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ края доходило до 2,000 въ годъ, шла довольно хорошо. До развитія желѣзнодорожныхъ путей сообщенія, ярмарки играли серьезную роль. На нихъ сталкивались дѣйствительный спросъ и предложеніе по всѣмъ отраслямъ народнаго хозяйства, туда явились всѣ сословія мѣстнаго населенія и иностранцы. Хотя суммы торговыхъ оборотовъ не достигали такихъ итоговъ, какіе встрѣчаются въ имперіи, тѣмъ не меннѣе ярмарки эти, съ давнихъ временъ, составляли событіе въ жизни сельскаго и городскаго населенія.

Такимъ образомъ несмотря даже на то, что раны, причиненныя событіями 1830 года далеко еще не исцѣлились, замѣтны, были нѣкоторыя экономическія улучшенія страны. Вновь начавшееся полититическое движеніе въ 1846 г. въ Краковѣ, Галиціи и Познани, отразилось и въ царствѣ Польскомъ, въ формѣ строгихъ мѣропріятій со стороны мѣстныхъ властей. Возникшія революціонныя движенія въ 1848 г. почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ, хотя не имѣли неприкосновеннаго отношенія Польшѣ, вызвали, однако, военныя мѣры предосторожности, стѣснявшія, конечно, свободу экономической дѣятельности.

Походъ русской арміи въ Венгрію, черезъ Польшу въ 1849 г. нѣсколько оживилъ внутреннюю торговлю подрядами на поставки для арміи и денежный рынокъ сталъ довольно обильнымъ. Показались въ обращеніи русскіе кредитные рубли. Но такъ какъ финансовая и денежная часть въ Польшѣ была совершенно отдѣлена отъ имперіи, то русскіе денежные знаки отказались принимать по нарицательной цѣнѣ: курсъ же ихъ подвергался такимъ колебаніямъ, что армія была затруднена въ своихъ распоряженіяхъ. Для устраненія этихъ препятствій, было приказано польскому банку и земскому кредитному обществу принимать русскіе кредитные рубли наравнѣ съ мѣстной монетой. Такимъ образомъ положено начало введенію въ Польшѣ русской валюты. Это привело впослѣдствіи къ совершенной замѣнѣ польской денежной системы и польской денежной единицы русскою.

Въ 1850 году таможенная граница между имперіею и царствомъ Польскимъ, а также и русско-польскій таможенный тарифъ были упразднены, съ установленіемъ одного общаго, имѣвшаго характеръ системы свободной торговли, такъ какъ тарифомъ 1850 года были уничтожены всѣ запрещенія, которыми отличался русскій пошлинный тарифъ съ 1841 г. Благодаря этому, а также открытому въ 1844 г. желѣзнодорожному сообщенію по варшавско-вѣнской линіи, бывшей тогда единственной для перевозки грузовъ въ имперію изъ-за границы и обратно, торговыя сношенія между имперіей и Польшей болѣе и болѣе усиливались, такъ какъ послѣдняя получила значеніе передаточно-транзитнаго пути для имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и польскія фабричныя произведенія получили сбытъ въ имперіи; русскіе же продукты стали служить предметомъ обширной торговли съ заграницею, такъ что въ 1851, 1852 и 1853 годахъ въ Варшавѣ возникли многочисленныя торговыя конторы. Торговыя сношенія эти достигли, можно сказать,

своего апогея, когда, вслѣдствіе возникшей въ 1854 г. крымской войны, всѣ русскіе порты были блокированы и Варшава сдѣлалась центромъ для всей русской привозной и отпускной

Продажа лошадей на ярмаркѣ.

торговли. Со всѣхъ сторонъ имперіи тянулись въ Польшу фургоны и кибитки съ разными продуктами. По недостатку мѣста и складовъ, улицы и дороги были завалены товарами, ожидая

цѣлыми мѣсяцами очереди для нагрузки въ вагоны желѣзной дороги. Край быстро обогатился. Не было ни одного класса, въ которомъ не отразилось бы благосостояніе, какъ въ городскомъ, такъ и въ сельскомъ населеніи.

Окончаніе крымской войны въ 1856 г. и восшествіе на престолъ въ Бозѣ почившаго Александра II совпали до нѣкоторой степени съ поворотомъ въ умахъ польской шляхты относительно торговыхъ занятій, отъ которыхъ прежде они отстранялись. Начиная съ 1856 г., помѣщики стали учреждать во всѣхъ губерніяхъ Польши товарищества на вѣрѣ, для земледѣльческаго кредита. Учрежденія эти стали принимать видъ лихорадочной спекуляціи. Въ виду этого, правительство издало нормальный уставъ для означенныхъ конторъ, ограничивъ складочный капиталъ до 150,000 руб. для каждой изъ нихъ и предоставивъ имъ возможность кредитоваться въ польскомъ банкѣ.

Учрежденія эти дѣйствительно могли бы благотворно дѣйствовать для сельскаго хозяйства и съ пользою для ихъ учредителей, если бы послѣдніе строго придерживались первоначальной программы и избѣгали бы мелкой торговли, состоявшей въ открытіи по мѣстечкамъ лавочекъ для продажи разнородныхъ продуктовъ, съ цѣлію подорвать еврейскую монополію. Въ результатѣ же оказалось, что штатъ многочисленныхъ, неопытныхъ и недобросовѣстныхъ прикащиковъ стоилъ болѣе, чѣмъ можно было заработать даже при лучшихъ условіяхъ. Убытки поглощали основные капиталы, и торговые дома, водворяемые съ такою опрометчивостью, погибли одинъ за другимъ.

Независимо отъ этого, многіе изъ польскихъ коммерческихъ домовъ и банкировъ, вошедшихъ во время крымской войны въ обширныя торговыя и кредитныя сношенія съ иностранными домами, сдѣлались несостоятельными въ 1857 и 1858 г., вслѣдствіе потерь, понесенныхъ ими отъ возникшаго во второй половинѣ 1857 г. сильнаго торговаго кризиса въ Соединенныхъ штатахъ Америки, отразившагося вскорѣ въ Англіи, а затѣмъ и на материкѣ Европы. Послѣдствія этого общаго кризиса нѣсколько лѣтъ тяготѣли на ходѣ дѣлъ въ Польшѣ. Потери долго не могли возстановиться, вслѣдствіе возникновенія въ 1859 г. франко-австрійской войны, имѣвшей цѣлію освобожденіе Италіи. Война эта, хотя непосредственно и не коснулась политическихъ интересовъ Польши, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе развитія международныхъ торговыхъ сношеній съ заграницею, не могла не повліять пагубно на возстановленіе кредита. Въ виду этого, промышленность и торговля не могли развиваться, тѣмъ болѣе что русскій рынокъ не представлялъ уже выгодныхъ условій сбыта, такъ какъ, подъ вліяніемъ крымской войны, въ Россіи проявилась самостоятельная экономическая дѣятельность и непосредственныя, безъ участія Польши, торговыя сношенія съ заграницею.

Правительство, стремясь къ упорядоченію отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, на началахъ взаимнаго соглашенія, организовало въ 1859 г. во всѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ Польши, по образцу существующихъ въ имперіи, сословное дворянское управленіе. Кромѣ того, созванъ былъ съѣздъ въ Варшавѣ, подъ названіемъ «Земледѣльческаго Общества», въ которомъ участвовали не только землевладѣльцы, но и выборные отъ крестьянскаго сословія, для обсужденія нуждъ сельскаго хозяйства, мѣръ къ ихъ устраненію и основаній выкупа крестьянскихъ земель. На этихъ собраніяхъ, продолжавшихся и въ 1861 году, не выработано ничего практичнаго.

Между тѣмъ стали появляться уличныя демонстраціи политическаго характера, которыя съ другой стороны вызвали репрессивныя мѣры. Въ концѣ концовъ разразились плачевныя событія 1864 года, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полный застой въ промышленности и торговлѣ. Все это повлекло за собою совершенную перемѣну въ политическомъ и экономическомъ положеніи Польши.

Въ 1864 году, при объявленіи края на военномъ положеніи, администрація перешла въ руки учредительнаго комитета, задачей котораго было введеніе во всѣхъ отрасляхъ управленія узаконеній, общихъ въ имперіи. Остановимся лишь на тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя имѣли непосредственное отношеніе къ экономической жизни Польши.

Конская ярмарка въ Польшѣ. — Картина Яна Хелминскаго.

Въ ряду ихъ наиболѣе выдающимся является указъ 19 февраля 1864 г., въ силу котораго земли, состоявшія въ пользованіи крестьянъ, во всѣхъ безъ исключенія имѣніяхъ, поступили въ полную собственность крестьянъ, при освобожденіи ихъ отъ всякихъ повинностей въ пользу владѣльцевъ имѣній, но съ обязательствомъ вносить въ казну опредѣленный земельный налогъ. За отошедшую же отъ землевладѣльцевъ землю послѣднимъ выдавались 4% листы, погашаемые въ теченіе 42 лѣтъ, при оцѣнкѣ морга отъ 90 коп. до 1 р. 20 коп.

Къ числу земельныхъ реформъ необходимо отнести и слѣдующія: указы 27 октября и 14 декабря 1864 года, въ силу которыхъ имущество духовенства поступило въ вѣдѣніе казны, и указъ 13 іюня 1869 г. о переименованіи мѣстечекъ, неимѣвшихъ характера городовъ, въ посады.

При изданіи этого указа, вотчинное положеніе въ Польшѣ представлялось въ такомъ видѣ. Общая поверхность 11.551,469 десятинъ; общая цифра населенія 4.972,193 души (1862 г.), въ томъ числѣ городскихъ жителей 1.216,285 д. сельскихъ—3.755,908 д. Городовъ числилось 452, изъ нихъ 223 государственныхъ и 229 владѣльческихъ.

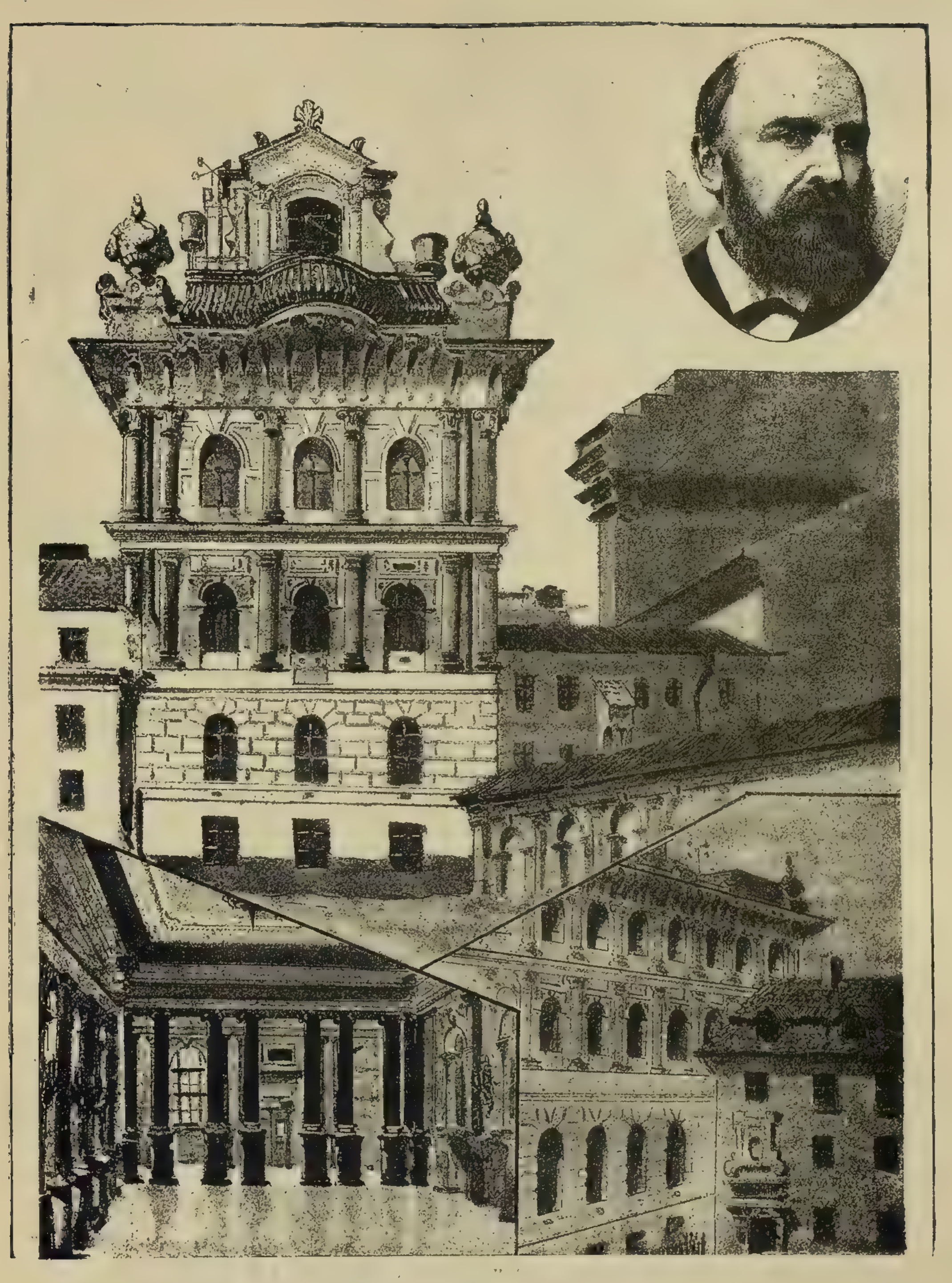
Поселянъ, надѣленныхъ землею.	1.995,304	душъ	(54,8%)
» безземельныхъ . . .	1.339,210	»	(36,7%)
Другихъ сословій	66,345	»	(2,5%)
Всего	3.639,387	душъ	(100)

Послѣ окончанія ликвидаціи по выкупу крестьянскихъ земель, оказалось, что выкупъ составлялъ къ 1872 г. 2.728,625 десятинъ съ 424,735 жителей, за что дано вознагражденіе 4% ликвидаціонными листами на сумму 64.014, 520 руб., что составляетъ среднимъ числомъ по 23 р. 46 коп. за десятину, сообща съ дымомъ. На оплату процентовъ и погашенія казна взимала болѣе, чѣмъ слѣдовало, а именно въ 1876 г. 7.505,122 руб. и прогрессивно въ послѣдующіе годы.

Другой важный актъ — указъ 1866 г. о присоединеніи финансовъ царства Польскаго къ общегосударственнымъ финансамъ. Послѣдній самостоятельный бюджетъ Польши на 1865 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Доходы.			Расходы.		
Подати	3.579,000	руб.	Государственные долги . .	3.909,000	руб.
Добавочныя	733,000	»	Въ распоряженіе министерства финансовъ имперіи .	3.150,000	»
Вознагражденіе за таможенныя пошлины	1.339,000	»	Коронные	285,000	»
Консумція	200,000	»	Высшія вѣдомства	1.339,000	»
Акцизъ	1.500,000	»	Народное просвѣщеніе . .	1.426,000	»
Гербовый сборъ	818,000	»	Минист. внутреннихъ дѣлъ .	1.774,000	»
Соляной доходъ.	2.251,000	»	Юстиціи	752,000	»
Изъ казны имперіи . . .	2.199,000	»	Финансовое управленіе . .	4.276,000	»
Табачный	675,000	»	Пути сообщенія	748,000	»
Почтовый	161,000	»	Военное вѣдомство	3.370,000	»
Разный	435,000	»	Спеціальн. кассы	1.724,000	»
Государств. имуществъ . .	1.316,000	»	Разные расходы	11,000	»
Изъ побочн. источниковъ .	2.036,000	»			
Спеціальныхъ кассъ . . .	1.721,000	»			
Всего . .	22.769,000	руб.	Всего . .	22.769,000	руб.

По выводамъ же, произведеннымъ авторомъ этого очерка (въ сочиненіи его «О произво-

ВАРШАВСКІЙ МУЗЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Внѣшній видъ музея. — Портретъ гр. Л. Красинскаго, президента комитета музея. — Зало для публичныхъ лекцій. — Видъ музея со двора, съ восточной стороны.

дительныхъ силахъ Польши». Спб. 1878), изъ отчетовъ государственнаго контроля, бюджетъ по царству Польскому составлялъ

	въ 1874 г.	1875 г.	1876 г.
доходы . .	44.300.712 р.	45.782,917 р.	48.877,569 р.
расходы .	41.849,288 »	41.889,691 »	44.608,919 »

Получилось увеличеніе на 100% въ десятилѣтній промежутокъ времени.

Вслѣдствіе австро-прусской войны, Польша, по сосѣдству съ воюющими государствами, много выиграла, такъ какъ арміи снабжались жизненными припасами изъ Польши. Кромѣ того, транзитная торговля изъ Австріи въ восточную Пруссію и обратно никогда еще не доходила до такой громадной цифры (свыше 12.000,000 руб.), какъ въ этомъ году.

Перемѣна въ условіяхъ землевладѣнія, произведенная крестьянскою реформою, поставила помѣщиковъ въ совершенно иныя условія. Молодое поколѣніе изъ шляхты и крупные капиталисты изъ помѣщиковъ стали интересоваться торговлей и промышленностью, которыхъ прежде избѣгали. Точно также и крестьяне, не ограничиваясь улучшеніемъ пріемовъ и способовъ обработки земли, стали работать на фабрикахъ и заводахъ, обращая заработанныя деньги на пріобрѣтеніе земель и увеличеніе своего имущества.

Толчокъ, данный промышленности крупными капиталистами изъ помѣщиковъ, вызвалъ подражаніе и въ другихъ состоятельныхъ сословіяхъ. Въ виду этого, съ семидесятыхъ годовъ замѣчается стремленіе къ учрежденію фабрикъ и заводовъ, какъ товариществами и компаніями на акціяхъ, такъ и отдѣльными капиталистами, по разнымъ отраслямъ промышленности, главнымъ же образомъ горнозаводской, машинной и мануфактурной. Произведенія эти, благодаря развитію желѣзнодорожнаго сообщенія и громадной потребительной силѣ столь обширнаго рынка сбыта, какимъ представляется Имперія, нашли себѣ быстрый и выгодный сбытъ; а потому заводско-фабричная предпріимчивость все болѣе возрастала.

Въ такомъ положеніи находилась промышленность Польши, когда въ концѣ 1875 г. возникъ восточный вопросъ. Это сразу вызвало затишье въ торговлѣ, недовѣріе, осложненіе кредита, и сокращеніе работъ на фабрикахъ. Кризисъ еще болѣе обострился въ 1876 г., когда вексельный курсъ, не смотря на искусственное поддержаніе его со стороны правительства падалъ и сдѣлалъ невозможнымъ пріобрѣтеніе изъ за границы фабричныхъ матеріаловъ, безъ которыхъ нѣкоторыя отрасли промышленности, особенно хлопчатобумажныя, не могутъ существовать. Указанный годъ въ исторіи развитія промышленности какъ въ имперіи, такъ и въ Польшѣ, былъ, можно сказать, отрицательнымъ.

Въ концѣ 1876 года правительство постановило ввести, начиная съ 1877 г., оплату пошлины по привозной торговлѣ золотой монетой; эта мѣра сразу подняла таможенный тарифъ, по курсу русской бумажной валюты, на 50%. Дальнѣйшее же поддержаніе курса посредствомъ выпуска золота изъ металлическаго фонда Государственнаго Банка оказалось нецѣлесообразнымъ, и правительство прекратило эту операцію. Это, однако, вызвало значительный упадокъ цѣны кредитнаго рубля (до 24 пенс. на Лондонъ).

Оба эти обстоятельства сдѣлали невозможной конкурренцію иностранныхъ издѣлій съ туземными, что впослѣдствіи оказалось какъ нельзя болѣе «*поощрительнымъ*» для внутренней промышленности. Воспользоваться, однако, сразу этою громадною выгодою туземные заводчики и фабриканты не могли, въ виду наступившаго въ апрѣлѣ 1877 г. объявленія войны; зато они пожали обильные плоды въ 1878 г., когда истощились прежніе запасы товаровъ, а привозъ новыхъ изъ заграницы сократился до небывалыхъ прежде размѣровъ.

Вывозъ же сельскихъ продуктовъ за границу, благодаря именно низкому курсу русской валюты, въ этомъ же 1877 году чрезвычайно возросъ, такъ что русскій торговый международный балансъ достигъ 350.000,000 руб. А такъ какъ порты на югѣ были блокированы, то почти половина всего вывоза производилась черезъ Польшу. Кромѣ того, хорошій урожай,

бывшій въ 1877 и 1878 гг. способствовалъ также къ увеличенію вывоза изъ Польши. Наконецъ, явился спросъ изъ Пруссіи на полотно и другіе мануфактурные товары, такъ какъ низкій курсъ сдѣлалъ возможнымъ конкурренцію съ цѣнами тамошнихъ издѣлій. Все это вмѣстѣ доставило Польшѣ громадныя выгоды и подняло экономическое ея благосостояніе.

Ободренные такими блестящими результатами, мѣстные фабриканты и иностранные капиталисты увеличили свое производство и даже построили новые громадные заводы. Въ 1878 г. заказы изъ имперіи такъ усилились, что работы всюду производились и днемъ, и ночью, но тѣмъ не менѣе невозможно было удовлетворить спроса на товары. Къ сожалѣнію, однако, нѣкоторые мануфактуристы доставляли товаръ негодный, чѣмъ и уронили репутацію польскихъ издѣлій, повредивъ правильному ходу торговыхъ отношеній между имперіей и Польшей. Товаровъ не стали принимать, чтобы избѣжать расходовъ на обратный провозъ. Многіе предпочитали съ большой уступкой продать ихъ на мѣстѣ, въ кредитъ, даже неблагонадежнымъ купцамъ. Векселя, конечно, не были оплачены въ срокъ. Вслѣдствіе этого между мелкими фабрикантами и торговцами произошелъ кризисъ въ 1879 г., имѣвшій очень вредныя послѣдствія.

Какъ бы ни было, однако, Польша достигла въ послѣдніе годы блестящихъ результатовъ въ фабрично-заводскомъ развитіи. Въ подтвержденіе этого, приводимъ слѣдующія статистическія данныя за два рѣзко различныхъ между собою періода: за 1876 годъ, характеризующій положеніе до введенія системы оплаты пошлинъ золотомъ, и за 1880 годъ. Вотъ сравнительная таблица производительности.

I. ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО:

	1876 годъ. посѣвъ (четвертей)	1876 годъ. сборъ (четвертей)	приблизит. цѣнность въ рубляхъ	1880 годъ. посѣвъ (четвертей)	1880 годъ. сборъ (четвертей)	приблизит. цѣнность въ рубляхъ
Пшеница	496,880	2.335,334	—	595,718	3.070,511	55.000,000
Рожь	1.805,000	7.581,190	—	1.865,484	7.771,548	75.000,000
Овесъ	1.410,070	6.768,342	—	1.483,008	6.619,180	36.000,000
Яровые хлѣба	1.103,500	5.081,280	—	1.047,272	5.090,643	62.000,000
Всего	4.825,450	21.766,146	214.468,000	4.971,482	22.551,852	228.000,000
Картофель	3.476,925	20.861,553	20.000,000	4.108,511	20.132,222	21.000,000
Итого			234.468,000	—	—	249.000,000
Разность въ пользу 1880 года						14.532,000
Свекловица		2.787,200 берк.	3.588,000		4.208,162 берк.	7.000,000
Переработано		1.794,027 »			2.460,189 »	
Сѣна		67.000,000 пуд.	2.680,000		75.000.000 пуд.	3.500,000
Вообще по земледѣлію			240.736,000			259.500,000
Разность въ пользу 1880 года						18.800,000
По скотоводству и молочному хозяйству		(при 11.230,700 головъ)	126.059,000		(при 12.500,000 гол.)	130.000,000
По лѣсной промышленности			21.900,000			21.900,000
Всего по сельскому хозяйству			388.695,000			411.400,000
Общая разность въ пользу 1880 года						22.700,000

II. ГОРНО-ЗАВОДСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО:

	пудовъ	цѣнность		пудовъ	цѣнность
Каменнаго угля	27.387,640	2.191,111 руб.		78.448,947	7.800,000 руб.
Цинка	306,210	941,667 »		267,800	850,000 »
Чугуна, желѣза, стали и пр.	3.316,570	4.174,157 »	Чугуна	2.677,800	11.000,000 »
			Желѣза и стали	5.662,250	
Мѣди	14,761	191,893 »			?
Серебро-свинцовыхъ рудъ	243,480	73,044 »			?
Сѣра и мраморъ	—	15,870 »			?
Итого		7.084,742 руб.			19.650,000 руб.
Разность въ пользу 1880 года					12.000,000 руб.

III. ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ:

а) питательные предметы:

	1876 г.			1880 г.		
	заводовъ	рабочихъ	цѣнность	заводовъ	рабочихъ	цѣнность
Перемолъ:						
паровыхъ мельницъ	76	8,381	22.661,343 руб.	84	8,530	26.580,000 руб.
прочія мельницы	5,915			5,968		
Винокуренные	618	3,701	—	464	2,382	—
градусовъ спирта	184.927,812		15.819,988 »	209.643,200		31.900,000 »
Пиво и медоваренные	485	1,676	3.359,251 »	440	1,720	4.200,000 »
Маслобойни	376	785	570,795 »	257	527	293,000 »
Свеклосахарное	40	14,621	7.702,485 »	41	15,100	8.745,000 »
Разные другіе	123	354	500,500 »	158	740	2,300,000 »
Табачное	15	3,220	3.483,600 »	22	4,100	4.800,000 »
Водочные	76	371	3.582,966 »	75	520	4.605,000 »

б) деревянное производство:

	1876 г.			1880 г.		
	заводовъ	рабочихъ	цѣнность	заводовъ	рабочихъ	цѣнность
Столярное и плотничное	20	596	693,980 руб.	263	2,251	2.513,000 руб.
Разныя другія	4	92	151,000 »	70	209	353,000

в) волокнистыя мануфактуры:

	1876 г.			1880 г.		
	заводовъ	рабочихъ	цѣнность	заводовъ	рабочихъ	цѣнность
Хлопчатобумажныя:						
прядильни и ткацкія	9,173	20,615	11.507,430 руб.	9,343	21,750	27,500,000 руб.
Льняныя и конопляныя	12	3,570	4.640,753 »	12	6,900	5,294,000 »
Писчебумажныя и обойныя	38	1,425	1.304,800 »	47	1,643	1,590,000 »
Шерстяныя	317	6,620	8,788,915 »	394	12,715	26.850,000 »

г) металлическія издѣлія:

	1876 г.			1880 г.		
	заводовъ	рабочихъ	цѣнность	заводовъ	рабочихъ	цѣнность
Машины, металлическія орудія и инструменты	187	3,550	8.950,000 руб.	239	7,120	25.400,000 руб.
Драгоцѣнныя издѣлія, мѣдныя, бронзовыя, наклад. серебра	36	1,118	2.407,800 »	39	1,580	3.150,000 »

д) керамитное производство:

	1876 г.			1880 г.		
	заводовъ	рабочихъ	цѣнность	заводовъ	рабочихъ	цѣнность
Стекольныя, фарфоровыя, фаянсовыя, горшечныя изд.	1,051	5,977	4.758,000 руб.	1,267	7,100	6.469,000 руб.

е) производство изъ животныхъ веществъ:

	1876 г.			1880 г.		
	заводовъ	рабочихъ	цѣнность	заводовъ	рабочихъ	цѣнность
Кожевенное и сыромятное	431	1,882	3.934.169 руб.	456	2,483	6.317,000 руб.
Свѣчное, мыловарное и прочее	127	526	1.587,000 »	135	707	3.178,000 »

ж) химическое и разное иное производство:

	1876 г.			1880 г.		
	заводовъ	рабочихъ	цѣнность	заводовъ	рабочихъ	цѣнность
По разнымъ отраслямъ промышл.	124	956	1.200,000 руб.	136	1,003	1.948,000 руб.

Всего было:	въ 1876 г.	въ 1880 г.
Заводовъ	19,224	19,800
Рабочихъ	77,037	99,080
Стоимость производства	107.605,785 руб.	203,985,000 руб.

Слѣдовательно по фабрично-заводской промышленности разность въ пользу 1880 года составляетъ:

по числу заводовъ 676
» » рабочихъ 22,043
» цѣнности производства . . 96.380,000 руб. круглымъ числомъ.

IV. РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

Немаловажную роль въ экономической жизни Польши играетъ ремесленное производство, которое, особенно же въ городѣ Варшавѣ, славится своею доброкачественностью и изяществомъ, а потому и имѣетъ хорошій сбытъ. Не касаясь провинціальныхъ ремесленныхъ издѣлій, замѣтимъ, что въ Варшавѣ въ 1876 г. было 3,122 заведенія по разнымъ ремесленнымъ отраслямъ; въ нихъ работало 14,796 подмастерьевъ и учениковъ; издѣлія же оцѣнены были въ 19.882,398 рублей. Какъ видно изъ статистики варшавскаго магистрата, въ 1880 году въ Варшавѣ было 4,563 ремесленныхъ заведенія съ 28,176 рабочими и съ цѣнностью произведеній до 31.184,490 руб.

Слѣдовательно и по этой группѣ оказывается приростъ на 1,441 заведеніе, 13,380 рабочихъ и на 11.302,092 рубля по стоимости производства.

Изъ приведенныхъ данныхъ очевидно, что экономическая дѣятельность Польши по всѣмъ

Маіоликовая фабрика въ Неборовѣ.

отраслямъ народнаго хозяйства, въ теченіе указаннаго пятилѣтія (съ 1876 по 1880 г.) чрезвычайно быстро и прочно развилась, такъ какъ приблизительное увеличеніе цѣнности производствъ разсмотрѣнныхъ выше четырехъ группъ составляетъ около 141.341,000 руб.

Этотъ благопріятный результатъ имѣлъ мѣсто и въ послѣдующіе годы. Обусловливается это тѣмъ, что, съ одной стороны, крестьяне пріобрѣтая земли въ собственность увеличиваютъ мелкое землевладѣніе и расширяютъ хлѣбопашное производство; съ другой — прибываютъ по мануфактурной и горнопромышленной, а также свеклосахарной производительности, новые заводы и фабрики, учреждаемые какъ мѣстными, такъ и иностранными капиталистами.

Замѣтимъ, наконецъ, что народонаселеніе Польши составлявшее въ 1876 г. 6.769,185 душъ, къ 1883 г. возросло до 7.350,000 душъ. Изъ общаго пространства края въ 11.188,812 десятинъ, вмѣсто 5.775,313 десятинъ, бывшихъ подъ пахатою, въ 1883 году распахивалось 5.900,000 дес.; подъ лугами прежде было 985,232 десятины, въ 1883 году луга разведены на пространствѣ 1.050,000 дес., лѣса—на 3.050,000 дес.

Нынѣ-же всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ привислинскомъ краѣ 2,916, не считая мелкихъ промышленныхъ заведеній и горныхъ заводовъ, годовая производительность которыхъ ниже 2,000 р. Число рабочихъ на этихъ фабрикахъ и заводахъ достигаетъ 130,000 чел., а годовая производительность 205.000,000 р. Главнѣйшія мѣста среди производствъ принадлежатъ въ привислинскомъ краѣ: свеклосахарному, винокуренному, хлопчато-бумажному, шерстяному и металлическихъ издѣлій. Свеклосахарныхъ заводовъ 41, изъ нихъ 20 въ Варшавской губ.; винокуренныхъ свыше 350, а пивоваренныхъ около 230. Фабрикъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій 117 съ годовымъ производствомъ на 36.914,000 и съ 23,116 рабочими. Центръ хлопчато-бумажныхъ производствъ — Лодзь съ окрестностями. Извѣстная хлопчато-бумажная Жирардовская мануфактура находится въ пос. Жирардовъ, Блонскаго уѣзда, Варшавской г. Жирардовская мануфактура производитъ въ годъ на 5.000,000 рублей товара и на ней работаетъ 8,500 рабочихъ. Изъ лодзинскихъ фабрикъ самыя крупныя: Шейблера, Познанскаго, Куницера. Фабрикъ шерстяныхъ издѣлій 359 съ годовымъ производствомъ на 44.754,000 р. и съ 27,769 рабочими. Средняя годовая производительность фабрикъ шерстяныхъ издѣлій составляетъ въ привислинскомъ краѣ 124,663 р. на каждую фабрику, а средняя годовая производительность хлопчато-бумажныхъ фабрикъ достигаетъ 315,550 р. Въ центральной Россіи средняя годовая производительность фабрикъ по обработкѣ шерсти меньше: тамъ она составляетъ 96,090 р.; а для вторыхъ, для фабрикъ по обработкѣ хлопка,—больше. Заводовъ, обработывающихъ металлы въ привислинскихъ губерніяхъ 240, съ годовой производительностью въ 15.378,000 р. и 13,463 рабочими. Центръ металлическаго производства въ краѣ—Варшава. Всѣхъ заводовъ по обработкѣ металловъ, въ томъ числѣ и машиностроительныхъ въ Варшавѣ, 108 съ годовымъ производствомъ на 15.915,226 руб. и съ 9,968 рабочими. Варшава является также центромъ галантерейнаго производства. Въ городѣ очень много мелкихъ галантерейныхъ фабрикъ и мастерскихъ. Значительнаго развитія въ привислинскомъ краѣ достигло также цементное производство. Средняя производительность рабочаго въ привислинскомъ краѣ ниже, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ Россіи: здѣсь она составляетъ 1,576 р., а тамъ 1,713 р. Изъ числа управляющихъ фабриками и завѣдывающихъ техническою частью на фабрикахъ и заводахъ привислинскаго края только 10% обладаетъ техническимъ образованіемъ.

Обращаясь къ привислинскимъ горнымъ заводамъ, мы видимъ, что они находятся въ юго-западномъ углу края — въ южныхъ уѣздахъ Петроковской, Кѣлецкой и Радомской губ. Тутъ сосредоточена вся русская цинковая промышленность, хотя мѣсторожденія цинковыхъ рудъ извѣстны и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, но тамъ эта руда не обработывается. Часть добываемаго здѣсь цинка высылается внутрь Россіи, а остальное количество переработывается на мѣстѣ. Ежегодно вытопляется здѣсь цинка свыше 230,000 пуд. Изъ добываемыхъ въ Петроковской, Кѣлецкой и Радомской губ. бурыхъ желѣзняковъ и глинистыхъ сферосидеритовъ приготовляются чугунъ, желѣзо и сталь; причемъ нужно замѣтить, что здѣшніе плавильные заводы переработываютъ не только мѣстную, но и привозную руду. Добыча каменнаго угля производится въ Бендинскомъ уѣздѣ, Петроковской губ. и Олькушскомъ, Кѣлецкой губ. Здѣшній каменноугольный бассейнъ обнимаетъ 800 кв. верстъ. Всѣхъ каменноугольныхъ копей—20, съ годовой производительностью свыше 150.800,000 пуд. Соль добывается въ пос. Цѣхоцинокъ, Варшавской губ. (на 72,000 руб. въ годъ). Мѣсторожденія сѣры извѣстны въ нѣсколькихъ мѣстахъ Кѣлецкой губ., но вытопки сѣры въ настоящее время здѣсь не производится. Въ окрестностяхъ гор. Кѣлецъ и Хенцинъ находятся мѣсторожденія мрамора разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ. Кромѣ того въ привислинскомъ краѣ добываются въ небольшомъ количествѣ: жерновой песчаникъ, гипсъ и огнеупорная глина.

Кустарная промышленность развита въ привислинскомъ краѣ слабо. Въ южныхъ уѣздахъ Кѣлецкой, Петроковской и Радомской губ. крестьяне добываютъ безъ посредства паровыхъ машинъ желѣзную руду. Въ Калишской губ. и въ Равскомъ и Лодзинскомъ уѣздахъ крестьяне

анимаются ткачествомъ. Холста привислинскіе крестьяне выдѣлываютъ немного: лишь на покрытіе собственныхъ потребностей. Въ Бѣлгорайскомъ уѣздѣ, Люблинской губ., развито среди зкрестьянъ производство ситъ и рѣшетъ.

Какъ видно, привислинскій край издавна ведетъ значительную торговлю хлѣбомъ съ заграницею. Во внутреннія губерніи Россіи и на восточныя окраины изъ привислинскаго края высылается преимущественно мануфактурный товаръ, галантерейный, ламповый, косметическій, а въ послѣдніе годы также въ значительномъ количествѣ металлическія издѣлія, вагоны и разнаго рода машины. Изъ внутреннихъ губерній Россіи получаются главнымъ образомъ: зерновой хлѣбъ, московскіе мануфактурные товары, вина. Изъ ярмарокъ, бывающихъ въ привислинскомъ краѣ, заслуживаютъ вниманія: варшавскія — шерстяная (въ іюнѣ) и хмѣлевая (въ сентябрѣ), а также осенняя конская ярмарка въ г. Ловичѣ. Въ краѣ сильно развита мелкая торговля, находящаяся въ рукахъ евреевъ. Всѣхъ торговыхъ заведеній въ краѣ до 40,000, съ

Маіоликовыя издѣлія неборовской фабрики.

годовымъ оборотомъ въ 416.748,000 руб., не считая торговли спиртомъ и пивомъ, а вмѣстѣ съ нею годовой оборотъ достигаетъ 436.600,000 рублей.

Въ конечномъ же результатѣ, Привислинскій край, въ отношеніи общаго развитія промышленности, представляетъ довольно поучительный примѣръ. Именно на примѣрѣ этого края мы видимъ подтвержденіе мудраго экономическаго правила, что «развитіе сельско-хозяйственной промышленности неизбѣжно вызываетъ собою и развитіе обработывающей промышленности».

Какъ мы знаемъ уже, на развитіе сельско-хозяйственной промышленности въ Привислинскомъ краѣ имѣло весьма благотворное вліяніе учрежденіе тамъ «меліораціоннаго кредита». Благодаря этому, именно, началось постепенное улучшеніе сельско-хозяйственной промышленности, нынѣшнее положеніе которой можно назвать даже, сравнительно, довольно культурнымъ. А такъ какъ сельско-хозяйственная промышленность, постепенно развиваясь и улучшаясь, давала все

болѣе и болѣе значительный матеріалъ для обработывающей промышленности, то естественно росла и послѣдняя.

Этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, именно, въ наше время, когда, напримѣръ, у нас, въ Россіи, ведется горячій споръ,—чему необходимо давать предпочтеніе въ общей промышленной дѣятельности государства: сельскому-ли хозяйству, или обработывающей промышленности?

Какъ извѣстно, наперекоръ здравому смыслу, у насъ находится немало людей, отстаивающихъ преобладающее право въ государствѣ обработывающей промышленности и довольно скептически относящихся къ землевладѣльческой промышленности, которая, однако, несомнѣнно является основою для всей обработывающей промышленности.

Именно, примѣръ Привислинскаго края поучаетъ насъ во-очію, какимъ благодѣяніемъ вообще для всей промышленности оказывается всякая матеріальная поддержка, особенно для сельско-хозяйственной промышленности. Все прошлое промышленности Привислинскаго края самымъ несомнѣннымъ образомъ доказываетъ, что не можетъ быть болѣе надежнаго воздѣйствія на общій ходъ промышленности въ краѣ, какъ именно всевозможное матеріальное содѣйствіе развитію и росту сельско-хозяйственной промышленности — этому корню и первоисточнику общаго благополучія и благосостоянія во всей странѣ, для всего населенія.

Іосифъ Познанскій.

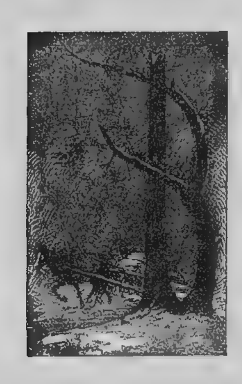

б) ГОРНОЕ ДѢЛО.

Давность горнаго дѣла въ Польшѣ. — Развитіе его въ XVI и XVII столѣтіяхъ. — Причина упадка въ XVIII столѣтіи. — Восточный и западный горные округа. — Каменно-угольное богатство. — Добываніе желѣза, цинка и другихъ минераловъ.

Найдешь «бездѣлки» здѣсь, мой другъ, ты всякой масти,
Что кладка въ крѣпостяхъ: гранитъ въ передней части,
Которая слыветъ у техниковъ редутъ;
А далѣе—кирпичъ съ булыжникомъ кладутъ;
Въ середкѣ-жъ, по валамъ—тамъ мало-ль что кладется:
Песчаникъ, известнякъ и мусоръ—что придется...

КОХАНОВСКІЙ.

ъ старинныхъ лѣтописяхъ польскаго историка Длугоша находатся указанія, что уже въ XI-мъ столѣтіи горная промышленность существовала въ древней Польшѣ, многочисленные же археологическіе предметы того времени, какъ-то: сбруя, орудія, различныя украшенія и проч.,— свидѣтельствуютъ о сравнительно высокомъ ея развитіи.

Уже въ началѣ XI-го столѣтія, польскій король Болеславъ Храбрый предоставилъ духовенству право разработки, на принадлежащихъ ему земляхъ, минеральныхъ ископаемыхъ: желѣза, свинца, серебра, мѣди, соли и др., за исключеніемъ лишь золота. Въ періодъ царствованія Мечислава Стараго (1173—1202) былъ уже изданъ законъ, наказывавшій за извѣстныя преступленія ссылкою на работы въ рудники. Изъ этого несомнѣнно можно заключить, что начало горнаго промысла въ Польшѣ относится къ глубокой древности.

Въ эти отдаленные вѣка, германскія племена, какъ еще ниже стоявшія въ культурномъ отношеніи, были только учениками славянъ въ горномъ дѣлѣ. Убѣждаетъ насъ въ этомъ, между прочимъ, и нѣмецкая горная терминологія, въ которой встрѣчаемъ весьма много словъ чисто-славянскаго корня.

Горныя выработки въ славянскихъ земляхъ Мейссена, Богеміи, Силезіи несомнѣнно возникли раньше IX-го столѣтія, тогда какъ начало первыхъ рудниковъ на Гарцѣ нѣмецкія лѣтописи относятъ только къ слѣдующему, т. е. X-му вѣку.

Въ періодъ царствованія польскихъ королей изъ династій Пястовъ и Ягеллоновъ право добычи минеральныхъ ископаемыхъ принадлежало исключительно коронѣ. Со временемъ, однако, въ видѣ особой милости или для вознагражденія заслугъ, оно было предоставляемо и частнымъ лицамъ съ условіемъ уплаты, въ пользу короля, нѣкоторой отдѣльной подати, называемой ольбарой. Лица, пріобрѣвшія такія право, назывались гварками и нерѣдко образовывали особыя компаніи и общества, составленныя съ цѣлью разработки рудъ и полезныхъ минераловъ.

Благодаря такимъ обществамъ, много рудниковъ возникло тогда въ Польшѣ, какъ, напр., въ Олькушѣ, Хенцинахъ, Новоторѣ и др., начало основанія которыхъ трудно теперь съ точ-

ностью опредѣлить. Кромѣ разработки извѣстныхъ уже рудниковъ, велись также горныя развѣдки для отысканія новыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ. Участіе въ такихъ горныхъ компаніяхъ и работахъ принимали даже самыя знатныя лица въ краѣ, получившія на то разрѣшеніе короля.

По мѣрѣ развитія горнаго дѣла, скоро оказалась надобность и въ соотвѣтственныхъ законахъ. Первые горные законы въ Польшѣ были изданы въ 1368 году, королемъ Казимиромъ Великимъ, въ видѣ общаго горнаго устава, а затѣмъ Владиславомъ Ягелло—отдѣльные законы, касающіеся соляныхъ рудниковъ въ Бохніи и Величкѣ; тогда же были установлены и отдѣльные горные суды. Суровый законъ наблюдалъ въ то время за исполненіемъ принятыхъ на себя гварками обязанностей и, если горные работы были остановлены въ теченіе четырехъ недѣль по собственной ихъ винѣ, то право дальнѣйшей разработки мѣсторожденія переходило въ другія руки.

Какъ быстро развивалась горная промышленность въ Польшѣ—видно изъ того, что уже въ началѣ XIV-го столѣтія извѣстныя копи въ Бохніи и Величкѣ были вполнѣ устроены и давали большое количество соли не только для внутренняго потребленія страны, но также и для внѣшней ея торговли. Богатыя мѣсторожденія, близъ городовъ Хенцинъ и Олькуша, мѣдныхъ, серебристо-свинцовыхъ и желѣзныхъ рудъ разрабатывались весьма успѣшно, такъ что въ періодъ двухъ столѣтій XV-го и XVI-го добывалось въ Польшѣ больше свинца, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ государствѣ Европы. Процвѣтаніе горной промышленности вблизи Славкова и Олькуша способствовало развитію самыхъ городовъ, доказательства чего имѣются въ городскихъ архивахъ, а также въ обширныхъ развалинахъ, разбросанныхъ въ окрестностяхъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о прежнемъ значеніи и благосостояніи этого края.

Лѣтописецъ Кромеръ, описывая производившіяся горныя работы въ XVI-омъ столѣтіи, подробно указываетъ на многія, давно уже извѣстныя, мѣсторожденія рудъ и полезныхъ минераловъ въ Польшѣ, какъ то: каменной соли въ Величкѣ и Бохніи, свинца и серебра около Олькуша, Славкова, Хржанова близъ Силезской границы, ртути около Тустана въ Галиціи, мѣди и свинца около Хенцинъ и Кѣльцъ, самородной сѣры въ Свошовицахъ и Чарковой.

Основаніемъ, однако, всему горному промыслу служило несомнѣнно желѣзо, выдѣлывавшееся въ Польшѣ съ незапамятныхъ временъ изъ богатыхъ желѣзныхъ рудъ, находящихся въ изобиліи въ очень многихъ мѣстностяхъ. Строительные матеріалы, какъ-то: песчаники, известняки, особенно же извѣстныя мѣсторожденія мрамора близъ Хенцинъ и Олькуша самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и рисунковъ, добывались уже въ XVI-омъ столѣтіи и до настоящаго времени продолжаютъ служить украшеніемъ многихъ церквей и дворцовъ. Различные цѣнные минералы, какъ-то: малахитъ, ляписъ-лазури, гранатъ, аметистъ, давно извѣстны въ Кѣлецкихъ горахъ, равно какъ прекрасные янтари, находящіеся въ изобиліи въ окрестностяхъ города Остроленки, въ Ломжинской губерніи.

Наконецъ, соляные ключи, вытекающіе близъ гор. Буска, Сольца и Цѣхоцинка, служили не только для выварки соли, но также и какъ цѣлебныя минеральныя воды, пользующіяся и въ настоящее время громкою извѣстностью.

Для усовершенствованія въ своихъ знаніяхъ, уже въ XV-омъ столѣтіи польскіе горные техники предпринимали путешествія заграницу — въ Богемію, Германію и даже во Францію, хотя тамъ горное дѣло находилось тогда еще сравнительно на невысокомъ уровнѣ. При составленіи горныхъ законовъ во Франціи въ 1471 году, при Людовикѣ XI, были приняты въ соображеніе также законы, давно существовавшіе въ Польшѣ. Со временемъ, по мѣрѣ развитія горнаго дѣла, различные сановники и дворяне, какъ владѣльцы земель, въ нѣдрахъ которыхъ встрѣчались полезныя ископаемыя, испрашивали себѣ отдѣльныя разрѣшенія на право ихъ добычи; это можно усмотрѣть изъ цѣлаго ряда документовъ, указываемыхъ лѣтописцами Длугошемъ, Бандке, Лабенцкимъ и др. Наконецъ, въ 1576 году Стефанъ Баторій вступая на

польскій престолъ, для поощренія горнаго промысла утвердилъ новый общій законъ, на основаніи котораго нѣдра земли должны были составлять исключительную собственность владѣльцевъ поверхности. Такимъ образомъ, вознагражденіе за разработку рудныхъ мѣсторожденій на земляхъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, должно было уже поступать не въ пользу короля, а въ пользу владѣльца земли.

Этотъ законъ, однако, повидимому, не оказалъ тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, какихъ слѣдовало бы отъ него ожидать въ горной промышленности. Польская шляхта, предпочитавшая въ эти времена военную службу или же сельско-хозяйственныя занятія промышленнымъ предпріятіямъ не только сама мало занималась горнымъ дѣломъ, но часто неохотно дозволяла и другимъ лицамъ производить подобныя работы на своихъ земляхъ

Одновременно съ развитіемъ горнаго дѣла и разработкою рудныхъ мѣсторожденій, въ разныхъ мѣстахъ края развивалась также и заводская производительность. Тогдашнія металлургическія приспособленія ограничивались, конечно, весьма простыми устройствами, но тѣмъ не менѣе они были извѣстны въ Польшѣ уже съ древнихъ временъ. Лѣтописи упоминаютъ, что уже въ 1222 году краковскій епископъ построилъ заводъ, на которомъ выдѣлывалось желѣзо. Въ слѣдующемъ, XIV столѣтіи, мы встрѣчаемъ въ Польшѣ уже фабрики и заводы, занимающіеся выплавкой желѣза, свинца и мѣди.

г. Хенцины, Кѣлецкой губ.

Когда началась чеканка польской монеты—съ точностью неизвѣстно, но уже при королѣ Стефанѣ Баторіи (1575—1586) монетный дворъ въ Олькушѣ былъ въ полномъ ходу.

Самаго большаго развитія горная промышленность въ Польшѣ достигла въ періодъ XVI до половины XVII столѣтія. Послѣдовавшее, однако, затѣмъ бурное время частыхъ войнъ неминуемо должно было оказать плохое вліяніе на благосостояніе страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на горную промышленность, которая, начиная съ конца XVIII-го столѣтія, значительно упала. Многіе рудники и заводы, особенно на югѣ Польши, такъ часто бывшемъ театромъ войны, не могли возобновить своихъ работъ, несмотря даже на неоднократныя старанія правительства. По этимъ причинамъ, горное дѣло въ Польшѣ въ періодъ XVIII-го столѣтія представляется въ большомъ упадкѣ

Открытіе богатыхъ залежей каменнаго угля въ окрестностяхъ Домбровы, послѣдовавшее въ концѣ XVIII-го вѣка, имѣло очень важное значеніе для края, особенно въ виду истощавшихся уже лѣсовъ въ районахъ горныхъ заводовъ. Къ сожалѣнію, частые политическіе перевороты, происходившіе тогда въ Польшѣ, задерживали развитіе ея промышленности. Только послѣ образованія царства Польскаго, въ 1815 году, мы видимъ нѣкоторое улучшеніе въ этомъ отношеніи. Управленіе горными дѣлами было тогда передано горной дирекціи, основанной въ 1816 году въ Кѣльцахъ, какъ центрѣ горной промышленности края; для подготовленія же знающихъ спеціалистовъ тамъ же была открыта горная школа, которая впослѣдствіи дала много свѣдущихъ и дѣльныхъ горныхъ техниковъ. Горная дирекція находилась въ зависимости отъ директора департамента промышленности и искусствъ правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи. Сташица, извѣстнаго польскаго ученаго и дѣятеля. Благодаря его стараніямъ

и энергіи, состояніе горнаго дѣла въ Польшѣ за это время значительно улучшилось: открывались новые рудники и заводы съ соотвѣтственными лѣсными надѣлами, устанавливались хорошіе административные порядки, поощрялась частная промышленность и т. п.

Послѣ смерти Сташица, въ 1826 году, горная дирекція была упразднена, и горныя дѣла перешли въ управленіе горнаго департамента, находившагося тогда въ вѣдѣніи министра финансовъ Царства Польскаго, князя Друцкаго-Любецкаго. Новое управленіе горячо принялось за исполненіе проектовъ, задуманныхъ еще Сташицемъ и имѣвшихъ цѣлью развить обширный горный промыселъ въ окрестностяхъ городовъ Кѣльца и Олькуша, какъ весьма богатыхъ различными рудами и изобиловавшихъ тогда лѣсами.

Только-что введенное тогда въ Европѣ употребленіе цинка представляло для Польши большой интересъ въ виду громадныхъ залежей цинковыхъ рудъ, находящихся около горо-

Сухедневъ.

довъ Олькуша, Славкова и др. Быстро возникали казенные и частные заводы, особенно въ окрестностяхъ Домбровы и Бендзина, вблизи источниковъ каменнаго угля, употребляемаго какъ топливо при металлургическихъ операціяхъ. Къ сожалѣнію, возстаніе въ 1830 году не дозволило окончить всѣхъ начатыхъ работъ и проектовъ.

Въ 1832 году казенные горные заводы были переданы въ завѣдываніе польскаго банка, чтобы придать имъ болѣе коммерческій характеръ при ихъ эксплоатаціи и сдачѣ въ арендное содержаніе, для пополненія значительныхъ расходовъ, произведенныхъ для возобновленія ихъ и постройки. Несмотря на весьма трудныя въ то время обстоятельства, польскій банкъ много также способствовалъ дальнѣйшему развитію горнаго дѣла, особенно благодаря энергичной дѣятельности предсѣдателя, графа Лубенскаго.

Съ самаго начала была предпринята полная реорганизація службы съ раздѣленіемъ всѣхъ

казенныхъ рудниковъ и заводовъ въ царствѣ Польскомъ, согласно мѣстоположенію, на два округа: восточный — съ главнымъ управленіемъ въ Сухедневѣ, и западный — въ Домбровѣ. Заводы, принадлежавшіе восточному округу (находившіеся въ Радомской и Кѣлецкой губ.), работали на древесномъ горючемъ матеріалѣ, съ помощью гидравлическихъ колесъ; въ западномъ же округѣ (Петроковской губ.) они пользовались предпочтительно каменнымъ углемъ и силою паровыхъ машинъ.

Быстро возраставшая тогда въ Европѣ желѣзная производительность нашла и здѣсь удобную почву, благодаря обилію горючаго матеріала и хорошихъ желѣзныхъ рудъ. Открывались новые рудники, возникали новые горные заводы, какъ-то: въ Нивкѣ, Реевѣ, Самсоновѣ, Мрочковѣ, Староховицахъ, Михаловѣ, Нетулискахъ, Сельпи, Бродахъ и др. мѣстахъ. Въ 1834 году была предпринята постройка большого завода въ Домбровѣ, названнаго Гута Банковая, въ которомъ, кромѣ выплавки чугуна на каменномъ углѣ, былъ примѣненъ новый способъ полученія желѣза, недавно еще введенный въ Европѣ, посредствомъ пудлингованія, и устроены прокатныя и механическія фабрики.

Вслѣдствіе такихъ стараній польскаго банка, горные казенные заводы были приведены въ удовлетворительное состояніе, причемъ для пополненія большихъ, сдѣланныхъ на это, затратъ значительная ихъ часть въ 1837 году была сдана въ аренду въ частныя руки; заключенный, однако, контрактъ скоро былъ уничтоженъ, за несостоятельностью компаніи.

Въ 1842 году управленіе казенными горными заводами и рудниками въ царствѣ Польскомъ перешло изъ польскаго банка въ горный департаментъ, образованный при комиссіи финансовъ, существовавшей тогда въ Варшавѣ. Горная промышленность не останавливалась и въ этотъ періодъ времени не только на казенныхъ, но и на частныхъ заводахъ, что ясно выразилось въ возрастающей производительности чугуна и желѣза, цинка, каменнаго угля, сѣры и выварки соли.

Въ 1870 году завѣдываніе всѣми горными дѣлами въ царствѣ Польскомъ было передано въ Петербургъ, въ горный департаментъ, для чего въ немъ было образовано особое отдѣленіе заводовъ царства Польскаго, причемъ значительная часть казенныхъ заводовъ восточнаго округа была продана, вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ рудниками и лѣсами, частнымъ лицамъ. Случившіеся тогда пожары въ каменноугольныхъ копяхъ въ Домбровѣ вызвали рѣшительную мѣру—залитіе ихъ водою и пріостановку работъ на заводахъ Гута Банковая, которые, наконецъ, въ 1876 г., вмѣстѣ съ тремя каменно-угольными копями, были также проданы въ частныя руки.

Вслѣдствіе этихъ и нѣкоторыхъ другихъ причинъ, производительность на горныхъ казенныхъ заводахъ значительно уменьшилась, между тѣмъ, какъ напротивъ, въ частной горной промышленности замѣчался постоянный прогрессъ, какъ это видно изъ слѣдующаго сравненія результатовъ общей производительности края (главнѣйшихъ ея продуктовъ въ пудахъ) за указанный періодъ времени:

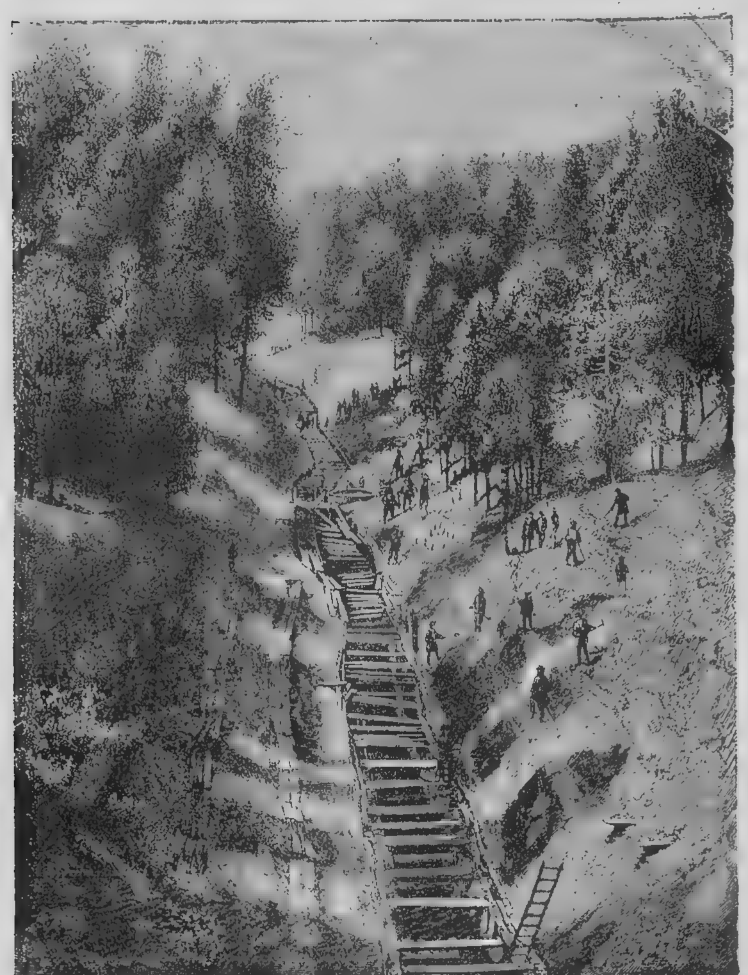
	Въ 1864 г.	Въ 1870 г.	Въ 1878 г.	Въ 1881 г.
Камен. угля .	13.736,000	20,079,000	55.321,000	85.774,700
Чугуна . . .	1.569,000	1.734,000	2.158,000	2.939,470
Желѣза. . .	845,700	752,400	1.365,000	1.502,360
Цинка . . .	179,240	230,770	283,400	277,640

Вообще горная промышленность въ послѣднее время въ царствѣ Польскомъ, благодаря различнымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, развивается весьма успѣшно, хотя нужно сказать, что, къ сожалѣнію, значительную долю въ этомъ принимаютъ иностранные силы и капиталы.

Въ числѣ новѣйшихъ распоряженій правительства, имѣющихъ вліяніе на развитіе горнаго дѣла въ Польшѣ, существенное значеніе имѣло изданное въ 1870 году «Положеніе» о развѣд-

кахъ и отводахъ для горной добычи минеральныхъ ископаемыхъ, составленное по образцу прусскаго горнаго закона, дозволяющее каждому заниматься горнымъ промысломъ не только на собственныхъ, но и на чужихъ земляхъ, причемъ нѣдра земли должны отчуждаться изъ вѣдѣнія владѣльцевъ поверхности ея.

Въ силу такого закона, скоро оживилась частная предпріимчивость, выразившаяся множествомъ заявленныхъ площадей для добычи каменнаго угля, цинка, желѣзныхъ рудъ и другихъ полезныхъ ископаемыхъ, особенно въ юго-западной части царства Польскаго, близъ прусской и австрійской границѣ.

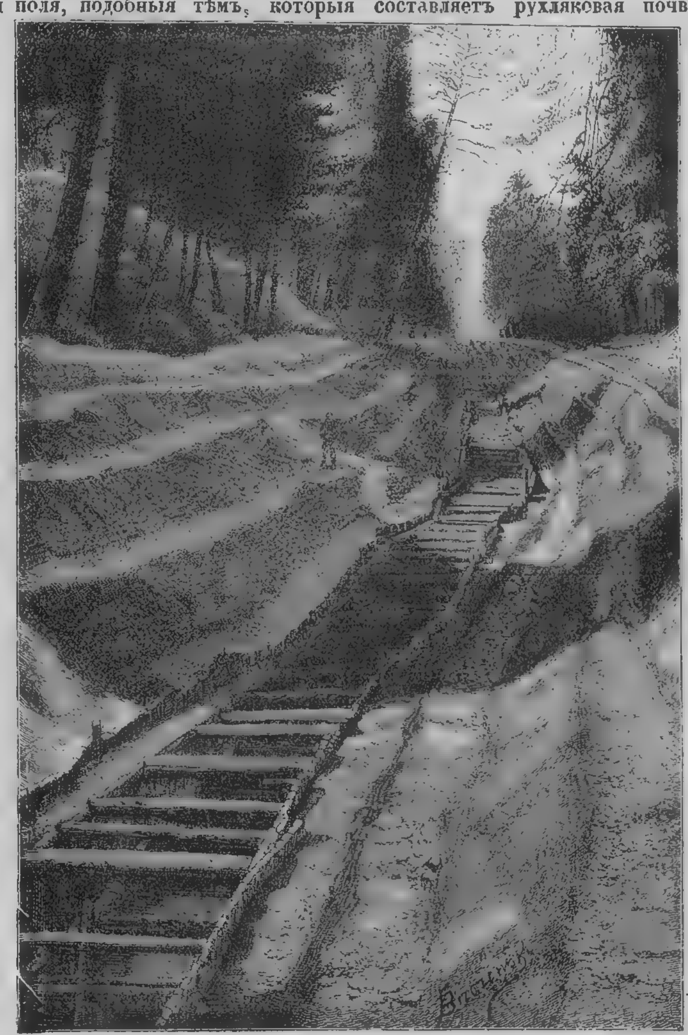
Поииковская штольня въ Олькушской копи.

Первыя изслѣдованія поверхности и нѣдръ земли въ Польшѣ относятся, какъ было сказано, къ весьма отдаленному прошлому. Нѣкоторые документы, сохранившіеся до нашихъ дней, указываютъ, что уже въ XV столѣтіи производились горныя развѣдки, хотя, конечно, исключительно съ утилитарною цѣлью, для открытія различныхъ рудъ и полезныхъ минераловъ. Къ послѣднимъ изслѣдованіямъ, производившимся уже въ наше время и имѣющимъ вмѣстѣ съ тѣмъ строго-научный характеръ, принадлежатъ труды ученыхъ: Цейшнера, Пуша, Ремера, Косинскаго, Гемпеля, Михальскаго и многихъ другихъ, опредѣлившихъ отчасти геологическое строеніе края. Здѣсь, на небольшой сравнительно территоріи, занимающей едва 2,312 квадр. миль, встрѣчаются почти всѣ стадіи образованія земной коры.

Обширныя равнины, по-преимуществу характеризующія этотъ край, далеко протягиваются, особенно къ востоку, за предѣлы страны, гдѣ онѣ сливаются дальше съ равнинами центральной Россіи и необозримыми степями Чернаго и Азовскаго морей. Подвигаясь къ югу, ровная поверхность земли начинаетъ нѣсколько измѣняться. Почва принимаетъ постепенно иной, болѣе гористый характеръ, плоскія возвышенности и ряды болѣе или менѣе высокихъ холмовъ

встрѣчаются чаще и чаще, оканчиваясь уже въ Галиціи Карпатскими горами. Плодородные наносы, покрывающіе Польшу, принадлежатъ по-преимуществу къ новѣйшимъ образованіямъ и по характеру своему состоятъ изъ чернозема, различныхъ глинъ, мергелей и песку.

Черноземная почва развита наиболѣе въ Люблинской губерніи, въ Грубешевскомъ уѣздѣ. Она попадается также небольшими клочками и въ другихъ губерніяхъ царства Польскаго, образуя самыя плодородныя поля, подобныя тѣмъ, которыя составляетъ рухляковая почва Стопницкаго, Мѣховскаго и Андреевскаго уѣздовъ Кѣлецкой губерніи.

Поняковская штольня послѣ выработки.

Наиболѣе, однако, распространена на поверхности въ царствѣ Польскомъ известково-песчанистая глина или, такъ называемый, лёсъ. Почва эта также весьма плодородна; она-то именно и даетъ тѣ богатые урожаи пшеницы, которыми особенно славится Сандомирскій, Опатовскій, Мѣховскій и Стопницкій уѣзды Радомской и Кѣлецкой губерній. Кромѣ этихъ главныхъ видоизмѣненій почвы, находится во многихъ мѣстахъ, особенно въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, легкая глинисто-песчанистая почва, мѣстами переходящая въ неплодородный, чистый песокъ. Такими песками извѣстны, напримѣръ, окрестности Ловича, Олькуша и др. городовъ. Почти всѣ эти наносы, образующіе поверхность здѣшняго края, весьма часто заключаютъ въ себѣ всѣмъ знакомые обломки финляндскихъ и шведскихъ породъ или такъ называемые эрратическіе валуны, нанесенные ледниками во время ледянаго періода и состоящіе преимущественно изъ гранита, гнейса, діорита, порфира, полеваго шпата, кварцита и др. породъ. Эти камни составляютъ неисчерпаемый источникъ отличнаго матеріала для постройки уличныхъ мостовыхъ и шоссейныхъ дорогъ.

Всѣ горы и холмы, всѣ равнины и долины въ царствѣ Польскомъ состоятъ изъ минеральныхъ образованій, осѣвшихъ изъ воды. Исключеніе составляетъ только одна мѣстность въ Бендзинскомъ уѣздѣ, на востокъ отъ села Голоногъ, у самаго полотна варшавско-вѣнской

желѣзной дороги, гдѣ среди песковъ выступаютъ породы огненнаго происхожденія въ видѣ фельзитоваго порфира. На всемъ остальномъ пространствѣ края встрѣчаются только осадочныя породы, въ составъ которыхъ вошли почти всѣ извѣстныя геологическія системы, дозволяющія весьма удобно прослѣдить періоды развитія земного шара.

Древнѣйшія образованія осадочныхъ породъ въ Польшѣ принадлежатъ силлурійской и девонской эпохамъ и встрѣчаются въ ряду возвышенностей, тянущихся отъ Кѣлецъ до Сандомира, толщи которыхъ состоятъ изъ различнаго рода известняковъ, доломитовъ, песчаниковъ и сланцевъ съ отлично сохраненными внутри окаменѣлостями животныхъ самой низшей организаціи. Рядъ этихъ возвышенностей и скалъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Кѣлецкихъ горъ, образуетъ самыя высокія земныя поднятія въ царствѣ Польскомъ. Средняя ихъ часть, начиная отъ деревни Загданьска, близъ Кѣлецъ, по направленію къ городу Опатову, получила названіе

Новый Слупъ (подъ Лысою горою).

Лысыхъ горъ, по причинѣ отсутствія растительности на ихъ вершинахъ. Наибольшей высоты онѣ достигаютъ около городовъ Бодзентына и Новой Слупіи, гдѣ поднимаются двѣ извѣстныя горы—Лисица и Лысая, возвышающіяся надъ уровнемъ Балтійскаго моря — первая на 2,006, а вторая на 1,908 футовъ. Лысая гора покрыта у подножія густымъ лѣсомъ, среди котораго выступаютъ огромные, темные утесы скалъ, отличающіеся необыкновенно дикою наружностью, вслѣдствіе чего они давно уже пріобрѣли у мѣстнаго населенія какое-то фантастическое значеніе, какъ мѣста пребыванія вѣдьмъ и лѣшихъ.

По характеру своему сюда относятся и небольшія возвышенности, состоящія изъ сѣроваккoвыхъ сланцевъ, вблизи гор. Сандомира, извѣстныя подъ названіемъ Пепржевыхъ горъ. Черныя ихъ скалы, какъ-бы обгорѣвшія, безъ всякой растительности, круто опускаются въ мутныя воды р. Вислы. Объ нихъ тоже ходятъ между простонародьемъ многія преданія. По

направленію къ сѣверу и къ югу Кѣлецкія горы составляютъ водораздѣлъ для многихъ рѣчекъ той мѣстности и вмѣстѣ съ тѣмъ обусловливаютъ довольно рѣзкія различія въ климатическомъ отношеніи. Здѣсь, въ тѣни густыхъ лѣсовъ живутъ разнообразныя дикія животныя, а среди богатой флоры встрѣчаются растенія, свойственныя только этимъ горамъ. Онѣ замѣчательны и въ геологическомъ отношеніи. Попадающіяся на всякомъ шагу огромныя глыбы и цѣлыя груды разрушенныхъ скалъ дали поводъ къ предположенію, что эти горы въ прежнія времена были значительно выше и только вслѣдствіе вулканическихъ сотрясеній обрушились и приняли настоящій видъ; но болѣе вѣроятно, что разрушительнымъ элементомъ явилось здѣсь, какъ обыкновенно, только вліяніе атмосферы въ теченіе многихъ вѣковъ.

Девонскія образованія въ окрестностяхъ Хенцинъ и Кѣлецъ имѣли уже издавна большое значеніе въ исторіи развитія горнаго дѣла въ Польшѣ. Здѣсь во многихъ мѣстахъ находятся

Ступія (подъ Лысой горою).

различныя руды, какъ-то: желѣзныя, марганцовыя, свинцовыя, серебряныя и мѣдныя, среди которыхъ нерѣдко попадаются прекрасные образцы нѣкоторыхъ минераловъ, какъ-то: малахита, лаписъ-лазури, аметистовъ, гранатовъ и проч. Богатыя ломки мрамора, находящіяся около Хенцинъ, извѣстны также съ очень давнихъ временъ.

Еще большее значеніе въ промышленномъ отношеніи имѣетъ каменно-угольная формація, благодаря находящимся здѣсь неисчерпаемымъ залежамъ каменнаго угля, обезпечивающаго на много вѣковъ процвѣтаніе горнаго дѣла въ краѣ. Она занимаетъ юго-западный уголъ царства Польскаго и тянется полосой вдоль прусской и австрійской границы, въ Бендзинскомъ и Олькушскомъ уѣздахъ Петроковской губерніи, образуя извѣстный каменно-угольный бассейнъ, разрабатываемый во многихъ мѣстахъ около Домбровы. Здѣсь же находятся и желѣзныя руды въ видѣ сферосидеритовъ, отличающихся чистотою и легкоплавкостью.

Съ сѣверо-восточной стороны этихъ богатыхъ каменно-угольныхъ образованій тянутся осадки пермской системы, развитые вообще очень слабо и не содержащіе въ себѣ никакихъ полезныхъ ископаемыхъ.

Слѣдующая затѣмъ тріасовая система, изобилующая различными богатыми рудами, занимаетъ значительную часть юга Польши—въ Конскомъ, Кѣлецкомъ, Опатовскомъ и Стопницкомъ уѣздахъ. Она имѣетъ большое значеніе для горно-заводской промышленности края, особенно же средній ея ярусъ, характеризующійся раковистыми известняками и доломитами, которые изобилуютъ весьма богатыми мѣсторожденіями серебристо-свинцовыхъ, цинковыхъ и

Замокъ, «Палица Геркулеса» и другія достопримѣчательности Ойцова.

желѣзныхъ рудъ, разрабатываемыхъ съ древнихъ временъ. Эти образованія встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Олькушскаго и Бендзинскаго уѣздовъ; кромѣ того, они же окружаютъ болѣе древніе осадки Кѣлецкихъ горъ. Верхній ярусъ тріасовой системы, называемый въ геологіи кейперомъ, характеризующійся отложеніями бѣлаго песчаника, мергелей, сланцевъ и бураго угля, распространенъ преимущественно въ южной части края, именно въ Опочинкомъ, Конскомъ, Илжецкомъ, Опатовскомъ уѣздахъ Радомской губерніи. Обширныя пространства этой земли, покрытыя еще по большей части густыми лѣсами, представляютъ вообще мало-плодородную почву, которая, однако, въ техническомъ отношеніи возбуждаетъ интересъ, такъ какъ

Видъ съ Замковой горы въ Ойцовѣ

она заключаетъ запасы хорошихъ желѣзныхъ рудъ, въ видѣ плотныхъ бурыхъ желѣзняковъ и сферосидеритовъ, а также и марганцовыхъ рудъ. Этими мѣсторожденiями промышляютъ окрестные казенные и частные заводы, доставляющiе около половины всего количества выплавляемаго въ краѣ чугуна.

Пласты юрской системы развиты главнымъ образомъ въ юго-западной части края, гдѣ они широкою полосой тянутся въ Олькушскомъ, Бендзинскомъ, Ченстоховскомъ и Вельюнскомъ уѣздахъ. Въ окрестностяхъ Олькуша юрская система выступаетъ въ видѣ бѣлыхъ, плотныхъ

«Дѣвичьи скалы» въ Ойцовѣ.

известняковъ и образуетъ чрезвычайно живописныя мѣстности, часто посѣщаемыя туристами, какъ, напр., Ойцово, Пескова скала, Ольштынъ. Наиболѣе интересная между ними — это деревня Ойцово, съ своей прекрасной долиной, окруженной гигантскими утесами темныхъ скалъ, на вершинахъ которыхъ шумятъ густые лѣса, а невдалекѣ рѣчка Прондникъ, въ родѣ горнаго потока, быстро несетъ свои воды среди длиннаго ряда живописныхъ ущелiй. Богатая растительность этихъ мѣстъ имѣетъ даже отдѣльные, только ей свойственные, виды, какъ напр.: betula Ojcoviensis—родъ березы, только здѣсь растущей.

Многiя скалы, окружающiя Ойцово, заключаютъ огромныя, различной формы пещеры,

часто соединяющіяся между собою, образуя такимъ образомъ родъ лабиринтовъ, украшенныхъ великолѣпными известковыми сталактитами. Деревня эта, основанная еще въ XIII вѣкѣ, была свидѣтелемъ бурныхъ политическихъ приключеній. Здѣсь еще король польскій Владиславъ Локетекъ искалъ убѣжища въ войнѣ съ чехами, въ память чего сынъ его, Казимиръ Великій, построилъ на высокой скалѣ замокъ и мѣстность эту въ честь своего отца назвалъ Ойцовомъ. Въ настоящее время видны только остатки развалинъ этого грандіознаго строенія, служившаго когда-то вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпостью.

Самую большую, однако, площадь между разсматриваемыми до сихъ поръ геологическими

Гидротерапическое заведеніе въ Ойцовѣ.

образованіями занимаетъ мѣловая система. Она составляетъ часть большой балтійской мѣловой котловины и проявляется во многихъ мѣстахъ Петроковской, Кѣлецкой и Радомской губерній.

Относительно рудныхъ мѣсторожденій мѣловыя образованія весьма бѣдны, а потому до настоящаго времени они возбуждаютъ интересъ только въ земледѣльческомъ отношеніи, какъ представляющія плодороднѣйшую почву, которою славятся Андреевскій и Мѣховскій уѣзды.

Олигоценовая система встрѣчается въ сѣверной и западной части царства. На правомъ берегу рѣки Вислы, близъ городовъ Плоцка, Влоцлавка, а также по берегамъ р. Варты около гор. Кола и дальше, встрѣчаются пласты глинистаго ила, песку и рыхлыхъ песчаниковъ этой

системы, между которыми часто заключаются пласты бураго угля. Здѣсь же попадаются также цѣлыя гнѣзда прекраснаго янтаря, которымъ славятся окрестности города Остоженки, Ломжинской губерніи.

Слѣдующая затѣмъ міоценовая система сильно развита на югѣ Польши, особенно въ Пинчовскомъ, Стопницкомъ, Сандомирскомъ, Яновскомъ и другихъ уѣздахъ царства. Здѣшнія міоценовыя образованія совершенно похожи на такіе же осадки въ Галиціи, гдѣ какъ извѣстно, они заключаютъ неисчерпаемыя залежи каменной соли въ Величкѣ и Бохніи, обильные источники нефти и озокерита около Бориславля и Дрогобычи, богатые пласты сѣры въ Свотовицахъ близъ Кракова и проч. Въ предѣлахъ царства Польскаго образованія міоценовой системы не столь богаты. Обильные соляные источники близъ городовъ Буска, Сольца и Цѣхоцинка теперь служатъ только какъ цѣлебныя минеральныя воды; вкрапленная же въ известнякахъ и мергеляхъ сѣра близъ деревни Чарковой, въ Пинчовскомъ уѣздѣ, разрабатывается въ довольно ограниченныхъ размѣрахъ.

Древнѣйшія указанія въ лѣтописяхъ о горныхъ работахъ въ Польшѣ относятся къ разработкѣ соляныхъ рудниковъ въ Бохніи и Величкѣ и восходятъ къ XII столѣтію, хотя начало ихъ, безъ сомнѣнія, гораздо древнѣе. Хотя эти рудники, находящіеся, какъ извѣстно, недалеко отъ города Кракова въ Галиціи, и не входятъ въ составъ царства Польскаго, тѣмъ не менѣе, они возбуждаютъ весьма много интереса, какъ представляющіе начало рудничнаго дѣла въ Польшѣ, а также и въ геологическомъ отношеніи, указывающемъ на аналогію залеганія соли при производимыхъ на нее поискахъ въ предѣлахъ царства. Добыча соли въ Бохніи и Величкѣ, какъ вообще и всѣхъ другихъ минеральныхъ ископаемыхъ, находимыхъ въ Польшѣ, представляла въ то время собственность короля и завѣдывалась назначенными для этого имъ горными людьми. Нерѣдко, въ видѣ особой милости или въ вознагражденіе важныхъ заслугъ, польскіе короли дарили частнымъ лицамъ и духовенству право на добычу ежегодно извѣстнаго количества соли, или же просто назначали для нихъ часть дохода изъ этихъ копей.

Богатое мѣсторожденіе Велички, занимающее значительное пространство, въ видѣ громаднѣйшихъ соляныхъ штоковъ, издавна эксплоатировалось весьма успѣшно. Еще въ XV столѣтіи добывали здѣсь больше милліона пудовъ соли въ годъ.

Благодаря мощности соляныхъ залежей, рудники были раздѣлены на нѣсколько этажей просторными штреками и ходами, удобными для движенія рабочихъ. По мѣрѣ выработки соли образовались подъ землею большія пустыя пространства, въ видѣ громадныхъ камеръ, высота которыхъ доходила иногда до 50 и болѣе саженей. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ камеръ устроены впослѣдствіи часовни, въ которыхъ въ извѣстные дни горныхъ праздниковъ служатъ молебны. Другія камеры, снабженныя хорошихъ поломъ, стульями, буфетомъ, оркестромъ, люстрами изъ кристаллической соли и прочими украшеніями, получили назначеніе—какъ великолѣпныя залы для пріема многочисленныхъ гостей-туристовъ. Иныя камеры служатъ мѣстомъ для склада соли, какъ магазины, или же въ нихъ устроены конюшни и жилье для рабочихъ. Словомъ, это—цѣлый подземный городъ съ многочисленными улицами и площадями, въ нѣсколько этажей, въ которомъ, благодаря его обширности и хорошей естественной вентиляціи, имѣется весьма пріятный и свѣжій воздухъ съ постоянною температурою зимою и лѣтомъ около 9° R. Здѣсь находятся также и довольно большіе подземные пруды, одинъ изъ которыхъ (Пржикосъ) имѣетъ до 30 саженей длины и до 14 саж. ширины, прикрытый огромнымъ сводомъ величайшей камеры. Часто посѣщающіе эти замѣчательныя копи многочисленные туристы изъ различныхъ, даже весьма отдаленныхъ странъ, съ удовольствіемъ катаются на лодкѣ по этому пруду, освѣщаемому тогда обыкновенно разноцвѣтными бенгальскими огнями, при звукахъ отличнаго оркестра, составленнаго изъ мѣстныхъ горнорабочихъ.

Количество добываемой соли изъ рудниковъ въ Величкѣ постоянно возрастало сообразно надобности, такъ что, при переходѣ въ 1775 году этой части Польши въ число австрійскихъ

владѣній, оно доходило до трехъ милліоновъ пудовъ. Соляныя копи въ Бохніи, находящіяся въ разстояніи всего трехъ миль на востокъ отъ Велички, нѣсколько менѣе богаты, но онѣ также разработываются безостановочно съ очень давнихъ временъ и составляютъ вмѣстѣ съ Величкой источникъ неисчерпаемыхъ богатствъ. Въ геологическомъ отношеніи оба эти соляныя мѣсторожденія принадлежатъ къ міоценовымъ образованіямъ.

Въ предѣлахъ царства Польскаго нахожденіе мѣсторожденій кристаллической соли до сихъ поръ еще не открыто. Правда, давно уже извѣстны обильные соляные ключи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Царства, особенно же въ южной его части, по лѣвому берегу р. Вислы. Уже въ XIV столѣтіи встрѣчаются свѣдѣнія объ этихъ ключахъ близъ деревень Буска и Сольца, находящихся въ Кѣлецкой губерніи и служившихъ тогда для выварки соли.

На эти мѣстности было обращено большое вниманіе, особенно послѣ того, какъ богатыя соляныя копи Велички и Бохніи отошли отъ Польши къ Австріи. Еще въ 1783 году, стараніями короля Станислава-Августа были произведены здѣсь горныя развѣдки, съ цѣлью отысканія вѣроятныхъ залежей кристаллической соли. Затѣмъ, послѣ образованія царства Польскаго, эти поиски нѣсколько разъ возобновлялись, но, къ сожалѣнію, всегда безуспѣшно.

Свинцовый заводъ въ Бендинѣ.

Соляные источники около гор. Буска пріобрѣли со временемъ громкую извѣстность, какъ цѣлебныя минеральныя воды, особенно полезныя противъ золотушныхъ болѣзней. Въ 1832 г. здѣсь было устроено заведеніе минеральныхъ водъ и купальни, вода которыхъ, по химическому анализу, кромѣ поваренной соли, заключаетъ много другихъ веществъ, какъ-то: известь, магнезію, сѣру, бромъ и іодъ.

Не менѣе извѣстны тоже соляные ключи, вытекающіе въ Варшавской губерніи вблизи мѣстечка Цѣхоцинка, находящагося у самаго устья р. Вислы. Первыя горныя изслѣдованія этой мѣстности относятся къ концу прошлаго столѣтія. Въ 1824 году эта мѣстность была пріобрѣтена казною, а затѣмъ здѣсь былъ выстроенъ солеваренный заводъ, который существовалъ до 1870 года, но по невыгодности соляной операціи былъ закрытъ.

Соляные ключи въ Цѣхоцинкѣ, по химическому составу своему, похожи на источники въ Платъ Бускѣ, но они болѣе богаты поваренною солью, которой здѣсь имѣется до 4%; кромѣ того они заключаютъ хромистыя и бромистыя соединенія извести и магнезіи, а также нѣсколько сѣры и желѣза. Цѣхоцинекъ отличается чрезвычайно здоровою мѣстностью, свободною отъ всякихъ эпидемическихъ болѣзней. Здѣшнія купальни и минеральныя воды, устроенныя съ большимъ комфортомъ, посѣщаются ежегодно множествомъ больныхъ, желающихъ излѣчиться отъ ревматическихъ и золотушныхъ болѣзней.

Открытіе, въ началѣ 70-хъ годовъ, обширныхъ залежей каменной соли около Иноврацлавля въ великомъ княжествѣ Познанскомъ, въ разстояніи 21 версты отъ границы царства Польскаго и почти въ 42 верстахъ отъ Цѣхоцинка, склонило правительство къ назначенію въ 1872 году комиссіи, съ цѣлью опредѣленія мѣстъ, въ которыхъ слѣдуетъ производить горныя

развѣдки, для поисковъ каменной соли. Несмотря однако на это, произведенныя затѣмъ изслѣдованія почвы посредствомъ буренія, не привели къ желаннымъ результатамъ; вмѣсто соли были открыты новые, болѣе обильные соляные источники.

Тѣмъ не менѣе, надежду на открытіе, со временемъ, мѣсторожденій каменной соли въ царствѣ Польскомъ никакъ еще не слѣдуетъ считать потерянною. Напротивъ многочисленные соляные источники, встрѣчаемые въ разныхъ мѣстахъ края, прямо указываютъ на ея присутствіе. Одна изъ главныхъ причинъ, затрудняющихъ нахожденіе здѣсь этого полезнаго ископаемаго, вѣроятно, заключается также въ самомъ характерѣ залеганія соли, въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ, отдѣльныхъ штоковъ, довольно глубоко укрывающихся подъ поверхностью земли. Открытіе въ такихъ случаяхъ соли прямо зависитъ отъ счастливаго выбора мѣста для производства поисковъ. Нагляднымъ примѣромъ этому можетъ служитъ открытіе богатыхъ соляныхъ мѣсторожденій въ окрестностяхъ Иновроцлавля, гдѣ буровая скважина, опущенная до глубины 750 футовъ, скоро была заброшена, какъ недающая никакихъ результатовъ, кромѣ значительныхъ убытковъ; между тѣмъ, другой скважиной, заложенной въ разстояніи только одной версты отъ первой, открытъ на глубинѣ 415 футовъ, слой каменной соли, толщиною въ 585 футовъ. Поэтому, отрицательные результаты произведенныхъ до сихъ поръ развѣдокъ, съ цѣлью отысканія въ царствѣ Польскомъ залежей каменной соли, скорѣе слѣдуетъ приписать неудачному выбору мѣстъ, чѣмъ отсутствію ея мѣсторожденій. Большое развитіе третичныхъ образованій во многихъ мѣстахъ края представляетъ обширное поле для будущей дѣятельности въ этомъ направленіи.

Какъ основаніе соляныхъ копей въ Бохніи и Величкѣ теряется въ дали вѣковъ, точно также и начало разработки свинцовыхъ рудъ въ Польшѣ трудно опредѣлить съ точностью. Лѣтописецъ Длугошъ говоритъ, что король Казимиръ Великій (1333—1370) отстроилъ сгорѣвшій городъ Олькушъ и окружилъ его каменной стѣною; городъ же этотъ, по своему положенію въ крайне неплодородной мѣстности, не могъ заслуживать вниманія ничѣмъ инымъ, кромѣ своихъ минеральныхъ богатствъ; поэтому слѣдуетъ предполагать, что таковыя были уже въ то время не только извѣстны, но и высоко цѣнимы. Самый древній историческій документъ, свидѣтельствующій объ этомъ, относится къ 1374 году и заключаетъ въ себѣ королевское разрѣшеніе добычи и выплавки свинцовыхъ рудъ, находящихся въ районѣ одной мили вокругъ гор. Олькуша, всякому лицу, въ продолженіе 6 лѣтъ, съ условіемъ уплаты извѣстной горной подати или ольбары, сообразно раньше принятымъ здѣсь правиламъ. Содержаніе этого документа также ясно указываетъ на древнее существованіе въ этихъ мѣстахъ свинцоваго промысла. Вслѣдствіе указаннаго разрѣшенія, скоро возникло тогда въ окрестностяхъ гор. Олькуша много рудниковъ и металлургическихъ печей. Доказательствомъ тому можетъ служить и то, что въ 1455 году, во время войны съ пруссаками, изъ этихъ копей было уведено до 800 лошадей, которыя употреблялись исключительно для отливки воды изъ рудниковъ.

Открытіе присутствія серебра въ свинцовыхъ рудахъ произошло, вѣроятно, также давно, такъ какъ въ началѣ XVI столѣтія монетный дворъ въ гор. Олькушѣ былъ уже въ полномъ дѣйствіи и составлялъ одну изъ наиболѣе доходныхъ статей короны.

Добычѣ здѣшнихъ рудъ издавна препятствовало большое скопленіе рудничной воды и часто встрѣчаемые плывучіе пески, въ высшей степени затрудняющіе горныя выработки. Рудоносные доломитовые пласты, залегающіе подъ самымъ гор. Олькушемъ, тянутся широкою полосою на протяженіи 4-хъ верстъ къ востоку, образуя плоскую возвышенность. Съ восточной и южной стороны въ долинѣ, наполненной наносами новѣйшихъ образованій, течетъ небольшая рѣчка Баба. Эта ничтожная рѣченка постепенно теряется въ окружающихъ ее пескахъ, но часто принимаетъ, особенно во время сильныхъ дождей, большое количество воды съ окрестныхъ возвышенностей и, проникая сквозь пески подъ землю, причиняетъ много бѣдъ здѣшнимъ рудникамъ. Для откачиванія изъ олькушскихъ копей постоянно протекавшей воды были упо-

требляемы первоначально конные воротни, но, по мѣрѣ расширенія работъ, эта мѣра оказалась недостаточной, и тогда было приступлено къ устройству штольны или подземнаго канала, непосредственнаго отводящаго воду изъ рудника наружу, въ болѣе низменныя мѣста. Первыя указанія по этому поводу относятся еще къ 1517 году. Въ 1549 году была предпринята постройка второй штольны; но, несмотря на эти предохранительныя работы, притокъ подземной воды сдѣлался такъ великъ, что въ 1551 году всѣ рудники были затоплены водою и работы пріостановлены. Вслѣдствіе этого, король Сигизмундъ-Августъ разрѣшилъ въ 1564 году постройку новой штольны, названной Пониковской. Штольна эта, длиною до 2,300 саженей, оканчивалась открытымъ каналомъ въ 650 саженей и была исполнена въ періодѣ времени съ 1564 по 1588 годъ. Работы эти свидѣтельствуютъ объ огромной предпріимчивости тогдашнихъ рудокоповъ, особенно если принять во вниманіе, что въ тѣ времена при горныхъ работахъ не было еще въ употребленіи пороха, и вся штольна въ нѣсколько верстъ длины, проходящая по твердымъ породамъ, была проведена только при помощи кирки и молотка. Постройка Пониковской штольны стоила огромной, особенно для того времени, суммы, превосходившей полмилліона рублей, и принесла прекрасные результаты. Не менѣе пользы принесла построеная въ 1577 г. новая Пилецкая штольня. Слѣды этихъ штоленъ сохранились до настоящаго времени.

Самая большая дѣятельность олькушскихъ копей происходила въ періодъ XVI-го до половины XVII-го столѣтія. Еще въ 1658 году изъ рудъ, добытыхъ въ олькушскихъ рудникахъ, получено серебра 13,170 гривенъ, что составитъ, принимая во вниманіе стоимость тогдашней гривны, около 160,000 рублей; кромѣ того получено до 42,000 пудовъ свинца.

Со временемъ, вслѣдствіе различныхъ внѣшнихъ причинъ, особенно же частыхъ войнъ, опустошавшихъ нѣсколько разъ этотъ край, производительность олькушскихъ копей начала уменьшаться. Кровавая шестилѣтняя война шведскаго корроля Густава съ Яномъ-Казимиромъ, окончившаяся въ 1660 году, произвела непомѣрныя опустошенія и отразилась весьма невыгодно на всѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Главнымъ образомъ потерпѣли при этомъ олькушскіе рудники, изъ которыхъ шведы взяли въ плѣнъ множество горнорабочихъ вмѣстѣ съ инструментами и увели всѣхъ лошадей. При такихъ обстоятельствахъ, горныя работы не могли уже вестись правильно, съ надлежащимъ вниманіемъ къ ремонту копей и водоотливныхъ штоленъ, отчего эти послѣднія пришли въ негодность, и вода опять затопила всѣ подземныя выработки, такъ что въ началѣ XVIII-го столѣтія здѣсь всякія работы прекратились. Неоднократныя затѣмъ попытки польскихъ властителей — возобновить горное дѣло и прежнюю дѣятельность въ олькушскихъ рудникахъ не принесли существенныхъ результатовъ. Впослѣдствіи олькушкія копи вмѣстѣ съ этой частью Польши переходили отъ Пруссіи къ Австріи, не выходя однако изъ своего бездѣйствія.

Послѣ образованія царства Польскаго, въ 1815 году, богатства здѣшнихъ рудниковъ опять обратили на себя должное вниманіе, особенно вслѣдствіе увеличившагося спроса на цинкъ, богатыя руды котораго также находятся здѣсь въ большомъ изобиліи. Составленные, однако, проекты предполагаемыхъ работъ, по причинѣ недостатка средствъ, не были приведены въ исполненіе.

Въ 1833 году горная часть Польши перешла въ управленіе польскаго банка, который предпринялъ осушеніе олькушскихъ копей посредствомъ паровыхъ насосовъ. Для этого нужно было очистить устье Пониковской штольны, чтобы ею можно было отводить больше воды затѣмъ остальное количество воды предполагалось отливать паровою машиною въ сто силъ установленною въ особой эллиптической шахтѣ. Скоро принялись за исполненіе этихъ работъ. Послѣ очистки штольны, вблизи ея устья пробито было нѣсколько буровыхъ скважинъ, изъ которыхъ вода выбрасывалась, какъ изъ артезіанскихъ колодцевъ. Въ устроенной здѣсь же шахтѣ была установлена стосильная водоотливная машина, построенная на частномъ заводѣ Штейнкеллера въ гор. Жаркахъ (Бендзинскаго уѣзда).

Всѣ эти работы были окончены въ 1842 году; произведенные, однако, затѣмъ опыты показали, что машина была въ состояніи выкачивать притокъ воды изъ шахты только при безостановочномъ ея дѣйствіи; при малѣйшей же остановкѣ, шахта опять наполнялась водою; въ то же время дѣйствіе машины не имѣло никакого вліянія на горизонтъ воды въ другихъ шахтахъ рудника Эта неудача ясно показала, что осушеніе олькушскихъ копей посредствомъ паровыхъ машинъ почти невозможно.

Впослѣдствіи было составлено нѣсколько проектовъ отвода воды изъ олькушскихъ рудниковъ при помощи штоленъ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ приведенъ въ исполненіе, по причинѣ значительныхъ расходовъ. Наконецъ въ 1873 году былъ представленъ извѣстнымъ горнымъ инженеромъ Косинскимъ проектъ осушенія олькушскихъ копей посредствомъ возобновленія старой Пониковской штольны, для чего испрашивалось только 68,000 рублей.

Проектъ этотъ, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія въ горномъ департаментѣ ученымъ комитетомъ, получилъ надлежащее утвержденіе, вслѣдствіе чего, въ 1880 году, было приступлено къ его осуществленію. Въ настоящее время значительная часть работъ, а именно постройка глубокой водоотводной канавы на протяженіи болѣе чѣмъ полторы версты—уже вполнѣ окончена. Предстоитъ еще только продолженіе этой канавы подземнымъ коридоромъ въ 300 саженей длины, т. е. собственно возобновленіе самой Пониковской штольны, которая продолжается подъ самымъ городомъ. Послѣ окончанія этихъ работъ горизонтъ воды въ рудникахъ долженъ понизиться на $7\frac{1}{2}$ саженей. Тогда опять откроется свободный доступъ къ богатымъ залежамъ галмея и серебристо-свинцовыхъ рудъ, столько лѣтъ остававшихся залитыми водою, —и опять въ олькушскихъ рудникахъ, въ которыхъ такъ долго царила мертвая тишина, будутъ раздаваться удары кирки и человѣческіе голоса, воскреснетъ прежняя жизнь и дѣятельность. Къ сожалѣнію, не дождался этого отраднаго момента, т. е. окончанія начатаго дѣла, почтенный авторъ проекта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главный производитель всѣхъ работъ, Викентій Косинскій, преждевременно скончавшійся въ концѣ 1883 года.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о предполагаемыхъ здѣсь минеральныхъ богатствахъ, достаточно сдѣлать хотя приблизительный разсчетъ объема полезныхъ ископаемыхъ, находящихся въ землѣ. Порядокъ напластованія представляется здѣсь такой. На неровной поверхности известковыхъ пластовъ, залегаетъ пластъ весьма богатаго галмея, толщиною отъ одного до трехъ футовъ, а затѣмъ идетъ пластъ свинцоваго блеска отъ двухъ до десяти футовъ толщиною, покрытый доломитомъ. Допуская, что простираніе этого мѣсторожденія имѣетъ только четыре квадр. версты поверхности, при средней толщинѣ пластовъ серебристо-свинцоваго блеска въ два фута,—количество его будетъ по крайней мѣрѣ 50 милліоновъ куб. футовъ руды, изъ которой можно выплавить до 200 милліоновъ центнеровъ свинца и до 12 милліоновъ фунтовъ серебра, общей стоимости до 1,354 милліоновъ рублей. Затѣмъ остаются еще огромныя залежи галмея, почти не тронутыя до сихъ поръ.

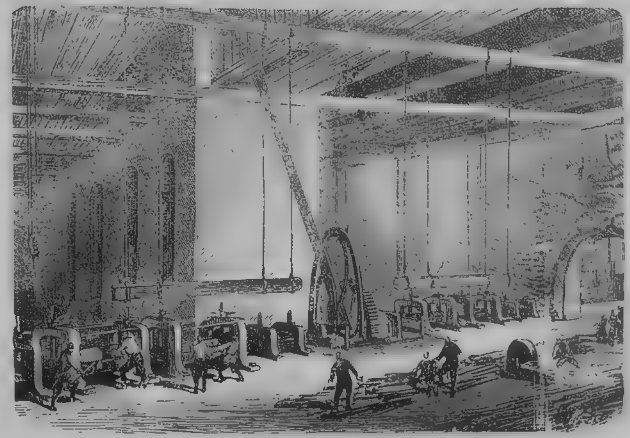
Кромѣ вышеописаннаго мѣсторожденія свинцовыхъ рудъ, онѣ встрѣчаются еще около городовъ Славкова и Болеслава, находящихся близъ Олькуша, въ Кѣлецкой губерніи. Свинцовый блескъ въ настоящее время добывается здѣсь только попутно съ галмеемъ и то сравнительно въ незначительномъ количествѣ. Въ 1878 году его было добыто только 2,350 пудовъ. Наконецъ, близъ городовъ Кѣльцы и Хенцины давно уже извѣстны залеганія свинцовыхъ рудъ, которыя являются въ видѣ жилъ, прорѣзывающихъ кварциты девонской формаціи, хотя онѣ не столь богаты, какъ мѣсторожденія около Олькуша. Время разработки этихъ мѣсторожденій восходитъ къ XV-ому столѣтію и долго продолжалось съ различными перемѣнами, такъ что еще въ началѣ текущаго столѣтія изъ нихъ добывалось до трехъ тысячъ пудовъ чистаго свинца. Какъ воспоминаніе прошлой дѣятельности въ этихъ мѣстахъ, осталось между прочимъ въ Карчовнѣ (близъ Кѣльцъ) изображеніе св. Варвары, покровительницы рудокоповъ, въ видѣ фигуры въ 3 фута вышиною, выдѣланной въ XVII столѣтіи изъ одного куска свинцоваго блеска.

Девонскія образованія въ окрестностяхъ Хенцинъ и Кѣльцъ съиздавна уже имѣли большое значеніе въ исторіи развитія горнаго дѣла въ Польшѣ. Здѣсь во многихъ мѣстахъ находятся, кромѣ свинцово-серебристыхъ, различныя другія руды, какъ-то: мѣдныя, марганцовыя, желѣзныя и камнеломни разноцвѣтныхъ мраморовъ. Среди нихъ встрѣчаются прекрасные образцы малахита и самородной мѣди, а также кристаллы различныхъ минераловъ, какъ напр., горнаго хрусталя, аметиста, граната и другихъ. Лѣтописи упоминаютъ даже о нахожденіи здѣсь золота, хотя позднѣйшія изслѣдованія не подтвердили этого факта.

Среди такихъ богатствъ и живописныхъ горъ лежитъ городъ Хенцины, извѣстный уже давно, какъ одинъ изъ главныхъ центровъ горной дѣятельности въ Польшѣ. Уже въ XIV-омъ столѣтіи король Казимиръ Великій выстроилъ здѣсь на высокой мраморной скалѣ замовъ, который послѣ, въ бурныя времена различныхъ нашествій непріятеля, служилъ крѣпостью. Нынѣ остались отъ него только высокая башня и живописныя развалины, среди которыхъ, какъ гласитъ преданіе, лежатъ сокровища, зарытыя здѣсь королевой Боной.

Городъ Хенцины и многіе рудники, находящіеся въ окрестностяхъ, сильно пострадали особенно въ 1656 г. во время войны со шведами, опустошившими эту часть Польши.

Одновременно съ разработкою свинцовыхъ рудъ, развивалось въ этихъ мѣстахъ и мѣдное дѣло, благодаря часто встрѣчаемымъ здѣсь богатымъ мѣднымъ рудамъ, состоявшимъ преимущественно изъ малахита и мѣдной зелени.

Внутренность Бендзинскаго свинцоваго завода.

Названія многихъ здѣшнихъ мѣстностей, какъ-то: Мѣдзяна гура, Мѣдзянка, Карчевка, Оловячка и др.,—указываютъ уже на прежнее значеніе этихъ мѣстъ въ горномъ отношеніи.

Характернымъ свойствомъ этихъ мѣсторожденій является то, что рудники, находящіеся въ окрестностяхъ Кѣльцъ, гораздо болѣе богаты мѣдью, чѣмъ свинцомъ, тогда какъ въ рудникахъ, лежащихъ ближе Хенцинъ, преобладаютъ свинцовыя руды. Присутствіе, однако, серебра замѣчается во всемъ этомъ мѣсторожденіи, какъ въ мѣдныхъ, такъ и въ свинцовыхъ рудахъ.

Извѣстный польскій ученый, Сташицъ, описывая здѣшнія руды, указываетъ на большое содержаніе въ нихъ мѣди (до 50%), причемъ, въ ста фунтахъ мѣди заключалось до двухъ лотовъ серебра. Разработываемыя впослѣдствіи руды заключали въ себѣ однако только 10% мѣди.

Горный промыселъ около Кѣльцъ, возникшій, вѣроятно, одновременно съ разработкою хенцинскихъ свинцовыхъ рудниковъ, безъ сомнѣнія, относится къ далекому прошлому. Мѣдное дѣло въ Польшѣ давно уже получило большое развитіе, такъ какъ уже въ 1511 году значится въ лѣтописяхъ объ отправкѣ нѣмецкими купцами по р. Вислѣ, въ Балтійское море, 68 барокъ, нагруженныхъ мѣдью и другимъ товаромъ изъ окрестностей Кракова, что безъ сомнѣнія указываетъ на гор. Кѣльцы. Въ XV столѣтіи были здѣсь приглашены опытные рудокопы изъ Олькуша, для правильнаго веденія горныхъ работъ.

Въ общемъ процвѣтаніи горнаго дѣла въ Польшѣ, въ періодъ времени XV-го и XVI-го столѣтій, описываемые рудники играли немаловажную роль. Изъ выплавленнаго серебра и

мѣди приготовлялась монета, остальная же часть ея и свинецъ шли въ продажу внутри края и за границу. Приготовленною здѣсь листовою мѣдью были покрыты въ 1595 году крыши королевскаго замка въ Краковѣ.

Общія причины, о которыхъ мы говорили раньше, вызвавшія потомъ паденіе горной промышленности въ Польшѣ, неблагопріятно отозвались и на Кѣлецкихъ рудникахъ, которые подъ конецъ XVII-го столѣтія почти прекратили свое дѣйствіе. Только въ слѣдующемъ XVIII-омъ столѣтіи здѣшнія выработки были возобновлены для выдѣлки мѣди на мелкую монету.

Наконецъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія послѣ образованія горнаго управленія въ Кѣльцахъ, здѣшніе рудники опять обратили на себя вниманіе. Для отливки воды была установлена на рудникѣ Мѣдзяна-гура паровая машина и въ періодъ времени отъ 1816 до 1826 года добыто около 202 тысячъ пудовъ мѣдныхъ рудъ, изъ коихъ было получено 17 тысячъ пудовъ мѣди и $2^1/_2$ тысячи пудовъ свинца. Впослѣдствіи однако, по причинѣ недостатка средствъ и необращенія должнаго вниманія на необходимыя мѣры для удаленія воды, скопляющейся въ большомъ количествѣ, по мѣрѣ углубленія рудниковъ,—добыча мѣдныхъ рудъ прекратилась, хотя можно положительно сказать, что мѣсторожденія эти далеко еще не всѣ выработаны.

Тріясовая формація раковистаго известняка, обилующая въ южной части Польши, а именно: около городовъ Олькуша, Славкова, Болеслава, различными минеральными богатствами, заключаетъ также, какъ мы уже видѣли раньше, огромныя залежи цинковыхъ рудъ.

Цинкъ, какъ металлъ, находящій въ настоящее время столь разнообразныя примѣненія, сравнительно лишь недавно вошелъ въ общее употребленіе. Раньше онъ былъ знакомъ въ Европѣ только какъ составная часть сплава, всѣмъ хорошо извѣстнаго подъ названіемъ латуни. По этому предмету имѣются свѣдѣнія, что уже въ 1624 году въ Старчиновѣ близъ г. Олькуша была открыта фабрика проволоки и листовой латуни. Настоящее значеніе цинковая руда пріобрѣла однако только въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда цинковый промыселъ, давно существующій уже въ Китаѣ и Индіи, проникъ наконецъ въ Европу. Съ тѣхъ поръ производство цинка стало чрезвычайно быстро увеличиваться, особенно въ Польшѣ, благодаря богатымъ залежамъ галмея, который по составу своему представляетъ смѣсь углекислаго и кремнекислаго цинка. Замѣчательный своими минеральными богатствами юго-западный уголъ царства Польскаго—а именно Бендзинскій и Олькушскій уѣзды—славится тоже давно своими многочисленными мѣсторожденіями галмея. Эти мѣсторожденія, направляясь изъ Верхней Силезіи, входятъ въ предѣлы царства Польскаго и тянутся чрезъ посады Жицице, Гзиховъ, Рогозникъ, Грозденъ, и опять идутъ отъ посада Севежъ чрезъ Стржемешице, Славковъ, Старчиновъ до уѣзднаго города Олькуша, въ окрестностяхъ котораго расположены главные галмейные рудники.

Во всѣхъ этихъ мѣсторожденіяхъ галмей является въ видѣ различной величины гнѣздъ и штоковъ, часто соединяющихся между собою толстыми жилами, образующими настоящіе рудные пласты среди известковыхъ и доломитовыхъ породъ.

Уже въ 1814 году начались разработки нѣкоторыхъ изъ вышеупомянутыхъ мѣсторожденій, между которыми замѣчательны по своему богатству Жицице, гдѣ былъ заложенъ казенный рудникъ Варвара. Залежи галмейныхъ рудъ доходятъ здѣсь до огромной толщины, какъ напримѣръ, между Славковомъ и Олькушемъ—до 8 саженей, а въ окрестностяхъ Олькуша еще болѣе.

Кромѣ казенныхъ рудниковъ, здѣсь открывались и частныя выработки, быстро развивающіяся, по мѣрѣ увеличивающагося спроса на цинкъ на европейскихъ рынкахъ. Уже въ 1820 г. большія партіи этого металла отправлялись въ продажу во внутрь имперіи, за границу и даже на дальній востокъ — въ Китай и Остъ-Индію. Въ 1837 году выплавлено около 200 тысячъ пудовъ цинка.

Впослѣдствіи, однако, производительность его нѣсколько уменьшилась, какъ по причинѣ уменьшенія спроса на этотъ металлъ, такъ и по общимъ причинамъ, неблагопріятствовавшимъ

развитію горнаго промысла. Эксплоатація цинковыхъ рудъ въ Польшѣ производилась разносными работами или же небольшими шахтами и штреками, расширяющимися нерѣдко въ настоящія камеры.

Залеганіе галмея бываетъ обыкновенно неглубокое, а во многихъ мѣстахъ онъ выступаетъ прямо на поверхность; съ углубленіемъ горныхъ выработокъ процентное содержаніе въ немъ металла обыкновенно увеличивается; но, къ сожалѣнію, по причинѣ значительнаго притока воды, разработка его производится въ большинствѣ случаевъ только въ верхнихъ горизонтахъ мѣсторожденій.

Кромѣ такихъ казенныхъ разработокъ, галмей добывается также и въ окрестностяхъ Олькуша изъ обширныхъ отваловъ, оставшихся отъ старыхъ работъ послѣ добычи серебристо-свинцоваго блеска, происходившей здѣсь въ древнія времена въ весьма солидныхъ размѣрахъ.

Древнѣйшій дубъ въ Гузовѣ.

Тогда галмей считался негодной, пустой породой и отбрасывался въ отвалы. Содержаніе металла въ галмеѣ довольно непостоянное, оно мѣняется отъ 9% до 25%, смотря по различнымъ мѣсторожденіямъ и глубинѣ выработокъ.

Добываемый изъ рудниковъ галмей обыкновенно бываетъ перемѣшанъ съ различными землистыми породами, какъ-то: глиной, пескомъ и т. п., затрудняющими впослѣдствіи выплавку металла. По этой причинѣ, получаемая въ такомъ видѣ руда обыкновенно подвергается первоначально промывкѣ водою ручнымъ способомъ или же посредствомъ особыхъ механическихъ приспособленій.

Замѣчательныя устройства въ этомъ отношеніи можно видѣть на частныхъ галмейныхъ рудникахъ, принадлежащихъ г. Крамсту и находящихся недалеко отъ Славкова.

Одновременно съ открываніемъ галмейныхъ рудниковъ устраивались тоже и металлурги-

ческіе заводы для выплавки цинка. Уже въ 1816 году было поставлено казною близъ Домбровы, у самой каменноугольной копи Роденъ, нѣсколько печей, назначенныхъ для обжига и выплавки этого металла. Вскорѣ количество ихъ значительно увеличилось и въ 1823 году дѣйствовала уже здѣсь 51 печь съ 500 муфелями. Возникшія при этомъ другія постройки и жилые дома образовали впослѣдствіи цѣлую горную колонію. Годичная производительность этого завода достигла 100 тысячъ пудовъ цинка.

Вслѣдствіе быстраго возрастанія цинковой промышленности, въ 1826 году оказалась надобность въ постройкѣ еще новыхъ печей около Бендзина, тоже на 500 муфелей. Выплавляемый на заводахъ цинкъ отправлялся въ продажу въ формѣ небольшихъ плитокъ, часть же его передѣлывалась въ листы на казенной листо-катальной фабрикѣ около города Славкова, построенной въ 1825 г. Фабрика эта, существующая въ настоящее время, была затѣмъ увеличена и приспособлена тоже для прокатки листоваго желѣза.

Большія выгоды, получаемыя въ то время отъ цинковаго производства, побудили и частную предпріимчивость къ устройству цинковыхъ рудниковъ и заводовъ, какъ-то: въ Нѣмцахъ, Миловицахъ, Загоржѣ, Сельцахъ, Болеславѣ и др., хотя со временемъ, вслѣдствіе паденія цѣнъ на этотъ металлъ и нѣкоторыхъ другихъ причинъ, многіе изъ нихъ были закрыты.

Въ 1878 г. на разрабатывавшихся рудникахъ въ царствѣ Польскомъ добыто больше 5 милліоновъ пудовъ галмея, изъ котораго выплавлено около 300 тысячъ пудовъ цинка общею стоимостью около милліона рублей.

Громадные запасы цинковыхъ рудъ, находящіеся въ Польшѣ, особенно послѣ производимаго нынѣ осушенія олькушскихъ копей и окончанія постройки Ивангородо-Домбровской желѣзной дороги, пріобрѣтаютъ большое промышленное значеніе, особенно въ виду сильнаго уже истощенія подобныхъ рудниковъ въ Верхней Силезіи. Постоянно возрастающій спросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣна на цинкъ на европейскихъ рынкахъ, безъ сомнѣнія, вновь усилятъ эту важную отрасль промышленности въ краѣ.

Желѣзныя руды хотя не образуютъ въ Польшѣ такихъ громадныхъ, отдѣльныхъ залежей, какъ напр., каменный уголь, тѣмъ не менѣе, онѣ встрѣчаются въ большомъ количествѣ во многихъ мѣстахъ края, въ различныхъ геологическихъ системахъ.

Начиная уже съ древнихъ, девонскихъ образованій, желѣзныя руды часто попадаются въ видѣ гнѣздъ бурыхъ желѣзняковъ, заключенныхъ въ пластахъ пестрыхъ глинъ, залегающихъ среди кварцитовъ и известняковъ. Эти отложенія тянутся на 60 верстъ въ длину, по направленію Лысыхъ горъ, между городами Кѣльцы и Хенцины, занимая значительное пространство около 200 квадр. верстъ. Главнѣйшія рудныя выработки находятся здѣсь близъ посада Далешицы, расположеннаго въ десяти верстахъ отъ гор. Кѣльцы, а также въ окрестностяхъ Лагова, Невахлева и др.

Не менѣе важны залежи сферосидеритовъ, сопутствующихъ каменноугольные пласты въ Бендзинскомъ уѣздѣ, особенно съ восточной стороны Домбровы, какъ доставляющія довольно чистую и легкоплавкую руду. Окрестности Бендзина, Сѣвежа, Славкова, Челядзи и др., давно извѣстныя различными минеральными богатствами, имѣютъ тоже и желѣзныя руды въ видѣ бурыхъ желѣзняковъ, образующихъ гнѣзда, доходящія иногда до 8 саженей толщины. Онѣ залегаютъ преимущественно въ глинахъ красноватаго цвѣта, нерѣдко вмѣстѣ съ галмеемъ.

Еще болѣе богаты въ Польшѣ мѣсторожденія желѣзняковъ и сферосидеритовъ, находящихся въ тріясовыхъ образованіяхъ, особенно близъ границъ формаціи кейпера и раковистаго известняка. Большая площадь, имѣющая около 1,200 квадр. верстъ, въ Опатовскомъ, Илжецкомъ, Конскомъ и Опочинскомъ уѣздахъ Радомской губерніи, обильна желѣзными рудами, которыя здѣсь встрѣчаются на пространствѣ начиная отъ г. Бодзекова черезъ Староховецъ, Реевъ, Бзинъ, Конскъ и Руда-Маленецка до Махоры. Руды, залегающія по окраинамъ этого бассейна, отличаются, обыкновенно, мощностью пластовъ и богатымъ содержаніемъ желѣза,

но за то онѣ часто не свободны отъ вредныхъ примѣсей: сѣры и фосфора; удаляясь же болѣе къ центру бассейна, руды становятся чище, хотя толщина пластовъ уменьшается, какъ напр., въ окрестностяхъ Хлевискъ, Нѣкляни, Борковицъ и др. Съ увеличеніемъ глубины выработокъ быстро усиливается притокъ грунтовой воды, требующій постояннаго дѣйствія паровыхъ насосовъ, которые и имѣются почти вездѣ на здѣшнихъ желѣзныхъ рудникахъ. Подвигаясь къ сѣверу, къ юрскимъ образованіямъ, руды опять нѣсколько теряютъ свои высокія качества. Изъ двухъ видоизмѣненій встрѣчаемыхъ здѣсь рудъ, пласты глинистыхъ сферосидеритовъ развиты гораздо болѣе бурыхъ желѣзняковъ. Они залегаютъ повсемѣстно въ сѣрыхъ сланцахъ, перемежающихся съ пластами песчаниковъ различной мощности. Нижній предѣлъ этихъ образованій еще неизвѣстенъ: изслѣдованія, произведенныя посредствомъ буровыхъ скважинъ, доказали даже на глубинѣ 60 саженей и болѣе существованіе нѣсколькихъ ярусовъ рудныхъ залежей съ пропластками песчаника. Вообще, здѣшніе запасы желѣзныхъ рудъ чрезвычайно богаты, почти неисчерпаемы. Они разрабатываются въ настоящее время во многихъ мѣстахъ бассейна и питаютъ казенные и частные чугуноплавильные заводы восточнаго горнаго округа.

Церковь въ Бендзинѣ.

Въ западной сторонѣ царства Польскаго также извѣстны образованія кейперовой формаціи, повсемѣстно содержащія желѣзныя руды, богатыя залежи которыхъ находятся въ окрестностяхъ Ченстохова, Велюня, казеннаго завода Панки и др., откуда онѣ, направляясь къ западу, уходятъ въ предѣлы Верхней Силезіи. Значительное содержаніе фосфора въ нѣкоторыхъ изъ рудъ этихъ образованій, особенно въ мѣсторожденіяхъ, выдвинутыхъ къ сѣверу, дѣлаетъ ихъ однако малопригодными для выдѣлки желѣза, но за то онѣ даютъ чугунъ превосходный для самыхъ тонкихъ отливокъ. Наконецъ, къ кейперовымъ осадкамъ должны быть отнесены также сферосидериты, залегающіе въ синихъ глинахъ, въ окрестностяхъ Кромолова, Порембы, Міячева, Влодовицъ, Жарокъ и другихъ мѣстъ Петроковской и Кѣлецкой губерній.

По мнѣнію геолога Пуша, изслѣдовавшаго Польшу въ 30-хъ годахъ, количество желѣзныхъ рудъ, заключающихся въ здѣшнихъ кейперовыхъ образованіяхъ, столь велико, что почти на каждомъ шагу въ этой формаціи можно найти желѣзныя руды. Изъ этого видно, какъ обиленъ этотъ край желѣзными рудами, такъ что общая сумма площадей вышеуказанныхъ рудныхъ бассейновъ въ южныхъ губерніяхъ царства простирается до 2,400 квадр. верстъ. Правда, что во всѣхъ этихъ бассейнахъ рудоносныя залежи не залегаютъ сплошь, но онѣ разсѣяны такъ густо, что вполнѣ могутъ обезпечить развитіе желѣзной промышленности въ краѣ, тѣмъ болѣе, что не всѣ эти бассейны достаточно изслѣдованы и, по всей вѣроятности, еще значительныя рудныя богатства лежатъ здѣсь неизвѣстными и непочатыми.

Самую значительную часть проплавляемыхъ въ царствѣ Польскомъ желѣзныхъ рудъ составляютъ глинистые сферосидериты, мѣсторожденія которыхъ вообще гораздо многочисленнѣе мѣсторожденій бурыхъ желѣзняковъ. Эти послѣдніе часто сопровождаются марганцовыми рудами и даютъ при плавкѣ отъ 35 до 45% чугуна, тогда какъ сферосидериты только 27 до 35%.

Вслѣдствіе неглубокаго вообще залеганія въ землѣ желѣзныхъ рудныхъ мѣсторожденій, разработки ихъ производятся здѣсь въ большинствѣ случаевъ, самыми простыми способами: открытыми разносами, или же небольшими шахтами, причемъ каждою изъ шахтъ разрабатывается обыкновенно отдѣльное, весьма небольшое поле мѣсторожденія, послѣ выработки котораго шахта оставляется и закладывается вблизи новая.

Многія изъ вышеуказанныхъ мѣсторожденій были, вѣроятно, извѣстны и въ древнія времена существованія Польши, такъ какъ приготовленіе желѣза было, безъ сомнѣнія, знакомо раньше другихъ горныхъ промысловъ. Въ лѣтописяхъ упоминается о дарственныхъ королевскихъ грамотахъ, касающихся выдѣлки желѣза въ Польшѣ еще въ XI вѣкѣ, хотя, болѣе положительныя объ этомъ свѣдѣнія восходятъ только къ XIII столѣтію. Основаніе перваго, болѣе правильнаго, желѣзнаго завода относятъ къ 1364 году, гдѣ-то въ окрестностяхъ нынѣ существующаго казеннаго завода Панки. Затѣмъ, въ періодъ царствованія королей изъ династіи Ягеллоновъ, постепенно возникали новые заводы въ различныхъ мѣстахъ края. Для приготовленія желѣза употреблялись тогда печи самой простой конструкціи, такъ называемыя дымарки, состоявшія изъ глубокихъ открытыхъ горновъ, куда забрасывалась измельченная руда на раскаленные угли, раздуваемые воздухомъ, постоянно вдуваемымъ помощію кожаныхъ мѣховъ. Полученное желѣзо подвергалось затѣмъ еще очисткѣ въ кузнечныхъ горнахъ и перековкѣ подъ молотомъ. Такія печи были въ состояніи обработывать, конечно, только самые легкоплавкіе сорта рудъ, и то въ небольшомъ количествѣ; тѣмъ не менѣе, онѣ долго удерживались не только въ Польшѣ, но и въ другихъ странахъ Европы.

Въ царствованіе Владислава IV (1632—1648) и Яна-Казимира (1648—1668) основано было также нѣсколько новыхъ заводовъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ Ломжинской, Петроковской, Кѣлецкой, Люблинской и Сувалкской.

Первыя доменныя печи начали строиться въ Польшѣ въ концѣ XVII столѣтія, въ періодъ царствованія Яна III Собѣсскаго; затѣмъ число ихъ постепенно стало увеличиваться. Въ документахъ, оставшихся съ того времени, упоминается о постройкѣ, частными лицами, доменныхъ печей въ Бзинѣ, Зомбковицахъ и Стефановкѣ. Канцлеръ коронный, Малаховскій, выстроилъ въ 1738 году нѣсколько доменныхъ печей въ имѣніяхъ своихъ, находившихся близъ гор. Конска (Радомской губ.). Необходимые для этого строительные матеріалы были привезены изъ Саксоніи, хотя послѣ убѣдились, что и въ окрестныхъ горахъ находятся мѣсторожденія отличныхъ огнеупорныхъ камней, ничѣмъ неуступающихъ заграничнымъ. Въ 1756 году была построена каменная печь въ Мосткахъ съ ящичными воздуходувками и нѣсколько кричныхъ горновъ для передѣлки получаемаго чугуна въ желѣзо.

Кромѣ вышеуказанныхъ печей, возникали и въ другихъ мѣстахъ края доменные заводы, хотя общій промышленный застой, характеризующій XVIII столѣтіе въ Польшѣ, мало способствовалъ развитію желѣзнаго промысла.

Послѣ раздѣла Польши, въ 1796 году, прусское правительство, на пріобрѣтенной, обильной минеральными богатствами, польской территоріи, довольно усердно принялось за горное дѣло. Тогда былъ основанъ желѣзный рудникъ Костржынъ—построены кричные горны въ Цыганкѣ, Пращикахъ и доменная печь въ Панкахъ (Петроковской губ.). Между тѣмъ желѣзные заводы, находящіеся въ окрестностяхъ гор. Кѣльцы, какъ-то: Паршовъ, Мостки, Самсоновъ, Шаласъ, Сухедневъ, Островецъ, Ендровъ и др., перешли въ австрійское владѣніе. По свидѣтельству Осинскаго, въ концѣ того вѣка находилось больше 30 доменныхъ печей и около 40 дымарокъ въ различныхъ мѣстахъ края, хотя вообще онѣ отличались малыми размѣрами и незначительною производительностью.

Состояніе желѣзныхъ заводовъ въ Польшѣ немногимъ измѣнилось тоже и во время герцогства Варшавскаго. Сташицъ приводитъ слѣдующія данныя относительно ихъ численности въ 1814 году, а именно: 46 доменныхъ печей, 120 кричныхъ горновъ, 6 фабрикъ выплав-

ляющихъ сталь, 12 листопрокатныхъ, 27 фабрикъ приготовляющихъ косы, сабли, топоры, ножи и тому подобные предметы, 46 кузницъ, въ которыхъ выдѣлывались плуги, сохи и т. д.

Когда нѣсколько притихло бурное время войнъ и политическихъ неурядицъ, послѣ образованія царства Польскаго въ 1815 году, горное дѣло, а особенно желѣзная промышленность быстро начали подниматься. Управленіе казенными рудниками и заводами было передано тогда горной дирекціи въ гор. Кѣльцы, состоящей въ вѣдѣніи департамента промышленности и искусствъ, директоромъ которой, какъ извѣстно, уже былъ тогда знаменитый Сташицъ.

Благодаря его стараніямъ, многіе заводы, пришедшіе во время частыхъ политическихъ смутъ въ упадокъ и остановившіе свои работы, опять были призваны къ жизни. Ремонтировались и строились новыя печи и фабрики, какъ, напр., въ Бзинѣ, Стараховицахъ, Бродахъ, Самсоновѣ, Панкахъ и въ другихъ мѣстахъ. Тогда тоже перешли въ собственность казны нѣкоторыя монастырскія и частныя горнозаводскія земли, вмѣстѣ съ рудниками и большими лѣсными дачами, какъ напр., желѣзные заводы въ Кролевцѣ, Малаховѣ, Адамовѣ и др. Вообще горная дирекція ввела здѣсь порядокъ и дѣятельность, которые возродили клонившійся къ упадку желѣзный промыселъ въ Польшѣ.

Послѣ упраздненія въ 1826 году горной дирекціи въ Кѣльцахъ, управленіе горною частью перешло въ установленный тогда въ Варшавѣ горный департаментъ, который принялся за исполненіе проектовъ, начатыхъ еще Сташицемъ и имѣвшихъ цѣлью развить обширный желѣзный промыселъ въ окрестностяхъ городовъ: Кѣльцы, Конскихъ, Вонхоцка и Куноза, какъ весьма богатыхъ рудами и лѣсами. Не менѣе важнымъ представлялся вопросъ устройства надлежащихъ механическихъ фабрикъ, которыя могли бы доставлять различныя машины и орудія, необходимыя въ заводскомъ и рудничномъ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого, тогда же, а именно, въ 1827 году, была предпринята перестройка раньше существовавшаго мѣдеплавильнаго завода въ Бялогонѣ, близъ гор. Кѣльцы, въ механическую фабрику, которая впослѣдствіи, по своему устройству и производительности, въ свое время не уступала хорошимъ заграничнымъ машиностроительнымъ заведеніямъ. Въ этотъ періодъ времени была основана также казенная механическая фабрика на Сольцѣ въ Варшавѣ (нынѣ Лильпопа и Рау), и построены механическія мастерскія при варшавскомъ монетномъ дворѣ и при болѣе значительныхъ казенныхъ желѣзныхъ заводахъ, какъ-то: въ Сухедневѣ, Домбровѣ и другихъ.

Значительныя суммы, затраченныя за все это время на устройство казенныхъ заводовъ, образовали большіе долги, для покрытія которыхъ, а также для того, чтобы войти въ сношенія относительно сдачи горныхъ заводовъ въ арендное содержаніе, управленіе горною частью въ Польшѣ было передано, 1833 году, польскому банку. Первою необходимостью, однако, при этомъ явилось приведеніе ихъ въ надлежащее состояніе, тѣмъ болѣе, что быстро возрастающая желѣзная промышленность за границею, благодаря многимъ усовершенствованіямъ, сдѣланнымъ въ металлургическомъ дѣлѣ, сильно затрудняла конкуренцію. Между тѣмъ, случившіяся вскорѣ необыкновенныя засухи, обмеленія рѣкъ и заводскихъ прудовъ — остановили дѣйствіе гидравлическихъ движителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и работы на многихъ заводахъ; кромѣ того, страшные лѣсные пожары истребили огромное количество заводскихъ лѣсовъ. Возстановленіе при такихъ обстоятельствахъ надлежащаго дѣйствія на горныхъ заводахъ представляло нелегкую задачу.

Сначала польскій банкъ принялся за преобразованіе горной администраціи, причемъ всѣ казенные заводы и рудники, какъ мы это раньше видѣли, были раздѣлены на два округа: восточный и западный. Въ составъ восточнаго округа вошли чугунноплавильные заводы: Стараховице, Реевъ, Бзинъ, Мостки, Паршовъ, Кролевецъ, Мрочковъ и Самсоновъ, — желѣзодѣлательные заводы; Броды, Михаловъ, Сельпи и Нетулискъ,—нѣсколько кричныхъ фабрикъ,— сталелитейный Сероцкій и машиностроительный Бялогонскій заводъ. Всѣ эти фабрики и заводы, какъ находящіеся въ мѣстностяхъ еще довольно богатыхъ лѣсами, могли пользоваться

древеснымъ горючимъ матеріаломъ и силою гидравлическихъ движителей, тогда какъ западный округъ, концентрирующійся около Домбровы, долженъ былъ работать на каменномъ углѣ при помощи паровыхъ машинъ.

Исполненіе, однако, всѣхъ обширныхъ проектовъ, начатыхъ раньше еще горнымъ департаментомъ царства Польскаго, оказалось невозможнымъ, вслѣдствіе сдѣлавшихся необходимыми сокращеній въ расходахъ. Для сбереженія горючихъ матеріаловъ немедленно были предприняты опыты надъ введеніемъ новаго, въ то время, еще способа полученія желѣза посредствомъ пудлингованія, какъ болѣе экономическаго чѣмъ кричный, практиковавшійся исключительно тогда на польскихъ заводахъ.

Не менѣе важнымъ представлялся вопросъ о примѣненіи минеральнаго топлива при металлургическихъ операціяхъ, огромные запасы котораго давно уже были извѣстны въ юго-западной части царства Польскаго. Поэтому, въ 1834 году было приступлено къ постройкѣ обширнаго чугуноплавильнаго и желѣзодѣлательнаго завода «Гута Банкова» въ Домбровѣ, вблизи каменноугольныхъ копей Реденъ и Ксаверій. Заводъ этотъ разсчитанъ на годичную производительность 500 тысячъ пудовъ чугуна и долженъ былъ состоять изъ 6 доменныхъ, 18 пудлинговыхъ и 6 сварочныхъ печей, съ соотвѣтственными устройствами воздуходувныхъ машинъ, прокатныхъ валковъ и паровыхъ молотовъ Движущая сила заключалась въ восьми паровыхъ машинахъ, представляющихъ вмѣстѣ 460 лошадиныхъ силъ, причемъ общій расходъ каменнаго угля на заводѣ предполагался до одного милліона пудовъ въ годъ.

Въ это же время была предпринята частной компаніей постройка подобнаго же завода «Генриховъ», близъ дер. Нивка, находящейся въ разстояніи всего 10 верстъ отъ Домбровы, въ мѣстности обилующей не только желѣзными рудами и каменнымъ углемъ, но кромѣ того еще весьма удобной для образованія заводскихъ прудовъ изъ соединяющихся здѣсь рѣкъ Черной и Бѣлой Пшемши, доставляющихъ до 800 лошадиныхъ силъ работы. Однако, вслѣдствіе сдѣланныхъ на постройку займовъ и несостоятельности компаніи, заводъ этотъ въ 1837 году перешелъ въ собственность казны подъ управленіемъ польскаго банка.

Кромѣ этихъ двухъ новыхъ заводовъ въ Домбровѣ и Нивкѣ, банкъ польскій вскорѣ приступилъ къ расширенію чугуноплавильныхъ заводовъ въ Панкахъ, Бляховнѣ и Прадлахъ, приготовляющихъ чугунъ на древесномъ углѣ, употребляемый какъ примѣсь къ коксовому чугуну при выдѣлкѣ желѣза.

Вмѣстѣ съ вышеописанными работами производилось возобновленіе заводовъ въ восточномъ горномъ округѣ. Тогда были построены новыя доменныя печи въ Стараховицахъ, Реевѣ и Бзинѣ, установлены воздухонагрѣвательные аппараты при домнахъ въ Самсоновѣ и Кролевцѣ, поставлены новыя воздуходувныя машины въ Мосткахъ и Мрочковѣ и т. д.

При этомъ предположено было замѣнить кричный способъ выдѣлки желѣза—пудлинговымъ, для чего были устроены пудлинговыя фабрики въ Стараховицахъ, Сельпи, Михаловѣ, Бродахъ и Нетулискѣ.

Такимъ образомъ, казенные горные заводы въ царствѣ Польскомъ были опять приведены въ надлежащее состояніе. Они могли выплавлять больше милліона пудовъ чугуна и приготовлять около половины того желѣза въ годъ. При такомъ положеніи дѣла, банкъ объявилъ въ началѣ 1837 года торги на взятіе въ арендное содержаніе казенныхъ желѣзныхъ заводовъ, срокомъ на 25 лѣтъ. На торгахъ заводы остались за французскимъ промышленникомъ и капиталистомъ г. Коніяромъ; заключенный однако контрактъ черезъ нѣсколько лѣтъ былъ расторгнутъ, причемъ казенные горные заводы были переданы въ управленіе вновь учрежденнаго въ Варшавѣ въ 1842 году горнаго департамента, при правительственной комиссіи финансовъ царства Польскаго. Наконецъ, въ 1870 году они перешли въ вѣдѣніе горнаго департамента министерства финансовъ въ Петербургѣ.

Одновременно съ казенными развивались также и частные желѣзные заводы въ различныхъ

мѣстахъ края, особенно въ Радомской, Кѣлецкой и Петроковской губерніяхъ. Къ болѣе замѣчательнымъ принадлежали тогда заводы: Островецкіе гр. Лубенскаго, Хлевискіе гр. Солтыка, Држевицкіе бар. Райскаго, Маленецкіе г. Бохенскаго, Конскіе гр. Малаховскаго, Красна гр. Вельегорскаго, Махоры г. Ляскаго, Мниховъ г. Новосельскаго, Скомне г. Липскаго и др. Такъ что общая производительность чугуна въ 40-хъ годахъ на казенныхъ и частныхъ заводахъ царства Польскаго достигала до двухъ милліоновъ пудовъ въ годъ.

По мѣрѣ развитія желѣзнаго дѣла возникали также и частныя механическія фабрики, приготовляющія различныя сельско-хозяйственныя орудія, гидравлическія и паровыя машины, паровые котлы, мельницы и т. п. предметы. Между ними особеннаго вниманія заслуживалъ, въ свое время, замѣчательный машино-строительный заводъ въ Жаркахъ (Петроковской губ., Бендзинскаго уѣзда), построенный въ 1833 году извѣстнымъ промышленникомъ и строителемъ, знаменитымъ Штейнкеллеромъ. Заводъ этотъ принесъ чрезвычайно большую пользу, такъ какъ на немъ строились всевозможные механизмы, необходимые для возникавшихъ въ это время казенныхъ и частныхъ рудниковъ. Онъ служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы практическою школою для многихъ молодыхъ техниковъ.

Кромѣ того, тогда же были открыты графомъ Замойскимъ механическія мастерскія и верфи для постройки пароходовъ на р. Вислѣ, механическія заведенія братьевъ Ивенсъ въ Варшавѣ и проч.

Хотя частные горные заводы, въ большинствѣ случаевъ, отличались небольшими размѣрами, однако они постоянно улучшались и увеличивали свою производительность. Въ 1860 году только на однихъ частныхъ горныхъ заводахъ царства Польскаго выплавлено до $1^1/_2$ милліона пудовъ чугуна и выдѣлано больше половины этого количества желѣза. Вообще, дѣйствіе горныхъ заводовъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, за это время до 1863 года, т. е. до послѣдовавшихъ въ царствѣ Польскомъ смутъ, представляется чрезвычайно успѣшнымъ. Затѣмъ, вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, казенные горные заводы опять должны были постепенно сократить и даже вполнѣ остановить свои работы. Въ періодъ времени съ 1868 по 1879 годъ была продана въ частныя руки значительная часть казенныхъ фабрикъ восточнаго горнаго округа, а также цѣлая группа Стараховицкихъ желѣзныхъ заводовъ бар. Френкелю, въ составъ которой вошли заводы: Староховице, Броды, Михаловъ и Нетулискъ съ принадлежащими къ нимъ рудниками и лѣсами. Около того времени были закрыты казенные чугуноплавильные заводы въ Самсоновѣ и Мосткахъ и остановленъ сталелитейный заводъ въ Сероцкѣ. Дѣйствіе чугуноплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ Гута Банкова въ Домбровѣ было также пріостановлено въ началѣ 1872 года, а затѣмъ, по причинѣ возникшихъ рудничныхъ пожаровъ, заводы эти, вмѣстѣ съ тремя каменноугольными копями, были отчуждены въ 1876 году частной компаніи гг. Племянникова и Ризенкампфа

Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, производительность казенныхъ желѣзныхъ заводовъ вскорѣ значительно уменьшилась, между тѣмъ, какъ возрастающая постоянно частная горнозаводская промышленность въ Польшѣ выразилась значительнымъ развитіемъ, особенно желѣзнаго производства. Въ 1878 году дѣйствовало до 38 доменныхъ печей и 73 желѣзныхъ рудниковъ.

Въ виду того, что выплавка чугуна на заводахъ въ царствѣ Польскомъ ведется и до сихъ поръ еще, почти исключительно на древесномъ углѣ, заводовладѣльцы, для сбереженія истощающихся лѣсовъ, стали обращать большое вниманіе на экономію горючихъ матеріаловъ. Съ этою цѣлью, на многихъ частныхъ заводахъ были введены различныя усовершенствованія, какъ, напр., утилизація доменныхъ газовъ, употребленіе нагрѣтаго дутья и т. п.

Замѣна древеснаго горючаго матеріала, при металлургическихъ операціяхъ, минеральнымъ топливомъ представляется для заводовъ царства Польскаго чрезвычайно важнымъ вопросомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ многіе изъ нихъ должны будутъ перейти на минеральное

топливо, по причинѣ постоянно возвышающихся цѣнъ на дрова. Впрочемъ, явленіе это повторялось, послѣдовательно, во всѣхъ развивающихъ свою промышленность горныхъ округахъ Европы, по мѣрѣ исчезновенія лѣсовъ.

Построенная въ 1880 году, на заводахъ Гута Банкова, доменная печь весьма большихъ размѣровъ, дѣйствующая на коксѣ, значительно увеличила общую производительность чугуна въ краѣ. На ней ежедневно выплавляется теперь до 3,500 пудовъ чугуна, такъ что она представляетъ собою до сихъ поръ наиболѣе производительную изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи доменныхъ печей.

Количество выплавляемаго въ настоящее время всего чугуна, на заводахъ въ царствѣ Польскомъ, доходитъ до $3^1/_2$ милліоновъ пудовъ, тѣмъ не менѣе, оно далеко не отвѣчаетъ его промышленной потребности, такъ какъ ежегодно привозится еще около четырехъ милліоновъ пудовъ чугуна изъ-за границы. Такое ненормальное положеніе дѣла, при извѣстномъ обиліи желѣзныхъ рудъ и горючихъ матеріаловъ въ царствѣ Польскомъ, обусловливается отчасти отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, дозволяющихъ устройство крупныхъ заводовъ съ обширными районами потребленія сырыхъ матеріаловъ и сбыта своихъ продуктовъ. Съ окончаніемъ строющейся нынѣ Ивангородо-Домбровской желѣзной дороги, эти обстоятельства несомнѣнно подвергнутся существеннымъ измѣненіямъ. Тогда будетъ возможно воздвигать, вблизи ея, крупные чугуноплавильные заводы, получающіе дешево горючій матеріалъ и руду, хотя и съ болѣе отдаленныхъ пунктовъ края, и успѣшно выдерживать заграничную конкуренцію. Кромѣ того, на повышеніе мѣстной производительности чугуна повліяетъ еще безъ сомнѣнія, предполагаемое увеличеніе пошлины на заграничный чугунъ, особенно если притомъ опять вопросъ о безпошлинномъ ввозѣ кокса необходимаго для доменной плавки, будетъ разрѣшенъ благопріятно.

Передѣлка чугуна въ желѣзо на заводахъ царства Польскаго производится въ настоящее время преимущественно въ пудлинговыхъ печахъ, хотя во многихъ мѣстахъ удерживается еще и старинный способъ, особенно на заводахъ восточнаго округа, все еще перерабатывающихъ мѣстный чугунъ на древесномъ горючемъ матеріалѣ. Большинство изъ нихъ отличается весьма незначительною производительностью. Къ болѣе крупнымъ, принадлежатъ желѣзодѣлательные заводы: Стараховицкіе, Хлевискіе и Иренскіе, Радомской и Люблинской губерній.

Между тѣмъ, возникающіе вновь частные пудлинговые заводы выдѣлываютъ желѣзо на минеральномъ топливѣ, но къ сожалѣнію, преимущественно, изъ заграничныхъ чугуновъ. Такъ напр., открытый въ 1880 году большой пудлинговый и желѣзопрокатный заводъ на Кошикахъ, въ Варшавѣ, передѣлываетъ, кромѣ здѣшнихъ, значительное количество англійскихъ чугуновъ, а также старые рельсы и желѣзный ломъ, на силезскомъ каменномъ углѣ.

Построенный въ прошломъ году, въ Сѣльцахъ около Домбровы, нѣмецкимъ акціонернымъ обществомъ, большой пудлинговый, прокатный и литейный заводъ, предназначенъ только для передѣлки на каменномъ углѣ заграничнаго силезскаго чугуна въ желѣзо. Заводъ этотъ разсчитанъ по проекту на производительность до полумилліона пудовъ въ годъ различныхъ сортовъ желѣза; онъ приспособленъ также и для исполненія крупныхъ чугунныхъ отливокъ. Въ 1881 году, при доменномъ заводѣ Гута Банкова въ Домбровѣ былъ построенъ обширный пудлинговый и прокатный заводъ, передѣлывающій мѣстные чугуны на собственномъ каменномъ углѣ.

Изъ этого мы видимъ, какъ быстро возникали, особенно въ послѣдніе годы, въ царствѣ Польскомъ желѣзные заводы съ крупною производительностью, отвѣчающіе притомъ новѣйшимъ требованіямъ техники. Такому быстрому возростанію желѣзнаго производства много способствовало постепенное поднятіе пошлины на привозное изъ заграницы желѣзо, тѣмъ болѣе, что существующіе польскіе желѣзодѣлательные заводы, далеко не удовлетворяли всей промышленной потребности края. Въ 1880 году приготовлено было, на заводахъ царства Польскаго,

желѣза, различныхъ сортовъ, до $1^1/_2$ милліоновъ пудовъ, привезено же изъ заграницы слишкомъ $3^1/_2$ милліона пудовъ. Въ настоящее время производительность желѣза въ Польшѣ значительно уже увеличилась. Въ 1883 году она достигла уже двухъ милліоновъ пудовъ.

Выдѣлка стали въ Польшѣ, какъ было уже сказано, существуетъ съ давнихъ поръ, но она ограничивалась, тогдашнимъ способомъ, приготовленіемъ только небольшихъ количествъ ея, да притомъ часто сталь не имѣла надлежащей однородности и крѣпости. Только въ половинѣ нынѣшняго вѣка, благодаря геніальнымъ изобрѣтеніямъ Сименса, Бессемера, Мартэна и др., сдѣлалось возможнымъ получать сталь высокаго достоинства и въ большихъ массахъ. Съ тѣхъ поръ, примѣненіе ея въ промышленности стало чрезвычайно скоро увеличиваться, вытѣсняя вездѣ употребленіе желѣза и другихъ металловъ, гдѣ только требовалась большая прочность или же твердость металла. Быстрому развитію стального дѣла особенно способствовала продолжающаяся постройка и ремонтъ желѣзныхъ дорогъ, требующихъ очень много стали для изготовленія рельсовъ, мостовъ и другихъ принадлежностей.

Приготовленіе стали по способу Бессемера представляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ самыхъ остроумныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ эффектныхъ металлургическихъ операцій.

Расплавленный предварительно чугунъ вливается въ подвѣшенныя на цапфахъ огромныя, желѣзныя реторты, черезъ дно которыхъ, сквозь множество небольшихъ отверстій, пускается сильная струя воздуха.

Вслѣдствіе горѣнія содержащихся въ чугунѣ кремня и углерода температура расплавленнаго чугуна повышается на столько, что онъ приходитъ въ состояніе сильнаго кипѣнія, выбрасывая наружу милліоны искръ въ родѣ прекраснаго фейерверка. Частички кремня и углерода, находящіяся въ чугунѣ, быстро сгораютъ, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ получается расплавленная сталь, которую выливаютъ въ приготовленныя для этого формы.

Фабрикація стали по способу Сименса-Мартэна производится въ закрытыхъ, регенераторныхъ печахъ, нѣсколько похожихъ, снаружи, на обыкновенныя пудлинговыя печи. Она представляетъ передъ предыдущимъ способомъ нѣкоторое преимущество, такъ какъ при ней возможно переплавлять въ сталь, кромѣ чугуна, различный, никуда уже негодный желѣзный ломъ и т. п. заводскіе отброски.

Въ настоящее время въ царствѣ Польскомъ имѣются два большіе завода, приготовляющіе сталь вышеописаннымъ способомъ.

Открытый въ 1879 году въ Новой Прагѣ (предмѣстье Варшавы) акціонернымъ обществомъ, варшавскій сталелитейный и рельсовый заводъ приготовляетъ сталь по способу Бессемера, преимущественно изъ заграничныхъ англійскихъ и нѣмецкихъ чугуновъ. Этотъ обширный заводъ, прекрасно устроенный въ техническомъ отношеніи, раздѣляется на нѣсколько отдѣленій, а именно: сталелитейное, паровыхъ молотовъ, рельсопрокатное, бандажное, и др.; кромѣ того, онъ имѣетъ вспомогательныя мастерскія, какъ-то, чугунолитейную, механическую, котельную, и проч. На заводѣ работаютъ постоянно до 1250 человѣкъ и 42 паровыя машины, представляющія около 2300 лошадиныхъ силъ.

Въ сталелитейномъ отдѣленіи находятся 4 бессемеровскія реторты, каждая по 7 тоннъ вмѣстимостью. Плавка чугуна производится въ десяти вагранкахъ.

Методъ обезфосфориванія стали по способу Томаса, введенный впервые въ Россіи на варшавскомъ сталелитейномъ заводѣ, далъ возможность примѣнить бессемерованіе къ обработкѣ фосфористыхъ чугуновъ, считавшихся до тѣхъ поръ непригодными для этой цѣли. Производительность стали достигаетъ $5^1/_2$ милліоновъ пудовъ въ годъ.

Всѣ отлитыя стальныя болванки, для увеличенія въ нихъ плотности и вязкости, подвергаются проковкѣ подъ паровыми молотами, которыхъ на заводѣ имѣется 5 штукъ, вѣсомъ отъ 5 до 15 тоннъ. Прокованныя болванки, послѣ вторичнаго ихъ нагрѣванія, поступаютъ въ

рельсопрокатный станъ, приводимый въ движеніе 800 сильною паровою машиною. Такимъ способомъ приготовляется до 1000 штукъ рельсовъ въ сутки, слѣдовательно, годичная производительность завода опредѣляется, по меньшей мѣрѣ, въ 3 милліона пудовъ стальныхъ рельсовъ.

Суточная производительность прокатнаго стана, выдѣлывающаго колесные бандажи для локомотивовъ и вагоновъ, достигаетъ, среднимъ числомъ, 125 штукъ бандажей, что составляетъ до 400 тысячъ пудовъ въ годъ. Кромѣ того, на заводѣ приготовляются еще паровозныя и вагонныя оси, рессорная сталь, листовое, кровельное и брусковое желѣзо, желѣзныя шпалы, различныя машинныя части, проволока для телеграфовъ и проч.

Вслѣдствіе расположенія завода при соединеніи двухъ желѣзныхъ дорогъ: варшавско-петербургской и обводной, нагрузка издѣлій въ вагоны и выгрузка матеріаловъ производится непосредственно на заводѣ. Три заводскихъ локомотива служатъ для передвиженія вагоновъ по заводскимъ путямъ и на товарную станцію Прага.

Не менѣе замѣчателенъ и другой сталедѣлательный заводъ, построенный въ 1878 году анонимнымъ акціонернымъ обществомъ, на територіи бывшаго казеннаго завода Гута Банкова въ Домбровѣ.

Приготовленіе стали исполняется въ восьми печахъ Сименса-Мартэна, преимущественно изъ мѣстнаго чугуна, выплавляемаго въ доменной печи, принадлежащей заводу, и изъ различнаго негоднаго желѣзнаго лома. Въ 1880 году, на этомъ заводѣ, выплавлено до $1^1/_2$ милліона пудовъ стали и прокатано около милліона пудовъ стальныхъ рельсовъ.

Кромѣ этихъ двухъ крупныхъ, сталелитейныхъ заводовъ, существуетъ еще, въ окрестностяхъ Варшавы, основанная въ 1879 году, небольшая фабрика тигельной стали «Циклопъ». Эта сталь употребляется, главнымъ образомъ на выдѣлку инструментовъ.

Изъ вышеуказаннаго видно, что сталелитейное дѣло и связанная съ нимъ фабрикація рельсовъ развилась въ Польшѣ очень быстро и достигла весьма крупной производительности, особенно, въ сравненіи съ остальными отраслями желѣзной промышленности въ краѣ. Причину этого надо искать въ быстромъ развитіи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и, слѣдовательно, въ большомъ спросѣ на стальные рельсы. Съ другой стороны, выдаваемыя правительствомъ вновь возникающимъ рельсовымъ заводамъ преміи съ каждаго пуда приготовленныхъ рельсовъ представляютъ для предпринимателей большія выгоды.

Возрастаніе желѣзной промышленности въ послѣднее время въ царствѣ Польскомъ выразилось также развитіемъ многихъ заводовъ, занимающихся обработкою сырыхъ желѣзныхъ продуктовъ. Сюда относятся разнородныя фабрики, какъ-то: литейныя, механическія, вагонныя, котельныя, гвоздильныя, инструментальныя и проч., въ которыхъ приготовляются всевозможныя чугунныя и другія отливки, паровыя и гидравлическія машины, земледѣльческія орудія, мельницы, насосы, всякія желѣзнодорожныя принадлежности, вагоны, мосты, паровые котлы, аппараты для свеклосахарныхъ, винокуренныхъ и т. п. заводовъ, несгараемые шкафы, желѣзная мебель и посуда, ружья, хирургическіе, оптическіе и др. инструменты и т. д.

Однихъ механическихъ фабрикъ въ 1880 году насчитывалось въ царствѣ Польскомъ больше 70, съ общею производительностью на сумму около 6 милліоновъ рублей въ годъ. Преобладающее значеніе между ними имѣютъ, безъ сомнѣнія, фабрики земледѣльческихъ машинъ и орудій, которыя, не смотря на отсутствіе всякой пошлины на привозныя изъ заграницы того рода издѣлія, успѣшно выдерживаютъ конкуренцію и постоянно увеличиваютъ еще свою производительность. Продукты польскихъ механическихъ заводовъ, преимущественно же земледѣльческія машины, паровые двигатели, паровые котлы и аппараты, рельсы, мосты, вагоны и всякія желѣзнодорожныя принадлежности въ значительной части вывозятся въ глубь Имперіи. Нѣкоторыя изъ здѣшнихъ крупныхъ фабрикъ устроили даже постоянные склады своихъ издѣлій въ болѣе значительныхъ городахъ Россіи

Несмотря на это, царство Польское потребляетъ еще значительное количество заграничныхъ машинъ и разнаго желѣзнаго товара.

Одна Германія доставила въ Польшу въ 1881 году, или перевезла черезъ нее транзитомъ предметовъ этого рода на сумму болѣе 12 милліоновъ рублей. Если примемъ еще во вниманіе ввозъ изъ другихъ странъ Европы, какъ-то изъ Англіи, Бельгіи, Франціи и др., и сравнимъ съ производительностью царства Польскаго, то не трудно понять, что прогрессивному развитію механическаго дѣла въ Польшѣ представляется еще весьма обширное поле.

Въ настоящее время, въ числѣ мѣстныхъ механическихъ заводовъ, первое мѣсто, по своей производительности, занимаетъ заводъ промышленнаго общества Лильпопъ, Рау и Левенштейнъ, устроенный въ Варшавѣ, на Сольцѣ, вмѣсто прежде существовавшихъ здѣсь казенныхъ машиностроительныхъ мастерскихъ, основанныхъ еще въ 1827 году. Онъ представляетъ сгруппированіе нѣсколькихъ прекрасно устроенныхъ фабрикъ, какъ-то: механической, литейной, котельной, вагонной и проч. Заводъ исполняетъ заказы на всевозможныя принадлежности, касающіяся желѣзныхъ дорогъ, водопроводовъ, фабричной, сельско-хозяйственной и др. отраслей промышленности. Для сборки желѣзнодорожныхъ мостовъ, въ послѣднее время устроены отдѣльныя мастерскія на Новой Прагѣ, соединенныя рельсовымъ путемъ съ Привислинскою желѣзною дорогою.

На сколько вообще велика производительность разсматриваемаго завода, можно отчасти судить потому, что однихъ вагоновъ, товарныхъ и пассажирскихъ, приготовлено здѣсь уже около 15 тысячъ штукъ.

Изъ другихъ этого рода заводовъ болѣе замѣчательны механическія, литейныя и котельныя фабрики Рудзскій и Комп., Оргивайнъ, Марковскій и Карасинскій, Рудницкій, Кучинскій, Шольце, Репханъ и другія.

Начало употребленія каменнаго угля въ Европѣ, какъ горючаго матеріала, относится къ довольно отдаленнымъ временамъ. Починъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ Англіи, гдѣ первые каменноугольные рудники начали разрабатывать въ окрестностяхъ Ньюкастеля, въ началѣ XIV вѣка. Не смотря на многія препятствія и предубѣжденія современниковъ, употребленіе каменнаго угля постепенно распространилось не только въ домашнемъ быту, но и въ заводской промышленности. Между тѣмъ какъ Польша, еще изобиловавшая тогда богатыми лѣсами, долго не нуждалась въ этомъ минеральномъ топливѣ; только въ половинѣ прошлаго столѣтія начали тамъ вводить его въ употребленіе.

Каменноугольная система, простирающаяся въ юговосточномъ направленіи, изъ Верхней Силезіи въ Галицію, входитъ въ предѣлы царства Польскаго въ видѣ широкой полосы, идущей вдоль австрійской и прусской границъ, въ Бендзинскомъ и Олькушскомъ уѣздахъ, Петроковской губерніи. На этомъ протяженіи она покрыта во многихъ мѣстахъ болѣе новыми осадками, преимущественно тріасовыхъ образованій, и состоитъ изъ напластованій песчаниковъ, сланцевъ, сланцевыхъ глинъ и другихъ породъ, образуя два яруса, изъ которыхъ верхній — такъ называемый, продуктивный ярусъ—заключаетъ огромные запасы каменнаго угля, между тѣмъ какъ нижній, называемый кульмомъ, не имѣетъ этого горючаго матеріала.

Польско-силезскій каменноугольный бассейнъ состоитъ изъ пластовъ, которые часто, изгибаясь въ видѣ складокъ и углубленій, образуютъ какъ бы отдѣльныя каменноугольныя котловины. Онъ переходитъ отъ мѣстечка Зобрже въ Верхней Силезіи, черезъ Кенигсгютте, Каттовице, Мысловице, въ царство Польское и является, главнѣйшимъ образомъ, въ окрестностяхъ селеній Миловице, Сельце, Нивка, Челядзь, Домброва. Онъ слѣдуетъ дальше къ востоку къ дер. Нѣмце и пос. Славковъ надъ рѣкою Бѣлою-Пшемшею, по направленію къ городу Олькушу, гдѣ уходитъ уже за предѣлы царства Польскаго.

Обширная каменноугольная котловина, у сѣверовосточной окраины которой лежитъ пос. Домброва, выполнена въ серединѣ тріасовыми отложеніями раковистаго известняка. Восходы

каменнаго угля, тянущіеся здѣсь съ востока на западъ, по окраинамъ мѣсторожденія, принадлежатъ какъ-бы одному общему пласту, который, прорываясь мѣстами иногда на значительное разстояніе, вслѣдствіе сдвиганія породъ, образуетъ отдѣльные пласты, извѣстные подъ названіями: Реденъ, Ксаверій, Лабенцкій, Цѣшковскій и др. Всѣ они отличаются большою мощностью. Такъ, напр., пластъ Реденъ имѣетъ около 4 саж. толщины; пластъ Ксаверій, залегающій въ западной сторонѣ котловины, имѣетъ, при небольшомъ уклонѣ къ горизонту, среднюю толщину до 6 саженъ. Подвигаясь къ востоку, мощность пластовъ еще увеличивается вмѣстѣ съ ихъ паденіемъ, такъ что въ пластѣ Цѣшковскій, толщина угля доходитъ почти до 10 саж., а паденіе до 50°. Независимо отъ этихъ пластовъ, еще извѣстно довольно много другихъ, хотя и не столь толстыхъ слоевъ каменнаго угля, какъ-то: Шуманъ, Геронимъ, Сташицъ, Казиміръ, Викторъ и проч. Большинство изъ нихъ, особенно же залегающіе въ срединѣ и въ югозападной части котловины, представляютъ сплошныя массы каменнаго угля, почти безъ всякихъ прослойковъ, пустыхъ породъ. Напротивъ, количество ихъ увеличивается въ юговосточной части: въ копи Феликсъ каменный уголь раздѣленъ многочисленными пластами песчаника на отдѣльные слои различной толщины.

Главнымъ горнопромышленнымъ центромъ этого знаменитаго каменноугольнаго мѣсторожденія служитъ извѣстный горный посадъ Домброва, расположенный надъ рѣкою Черною-Пшемшею, въ Бендзинскомъ уѣздѣ, Петроковской губерніи, близъ самой линіи варшавско-вѣнской желѣзной дороги. Открытіе въ этихъ мѣстахъ каменнаго угля относится еще къ 1785 году, когда пастухи, присматривавшіе за скотомъ, на поляхъ между городомъ Бендзиномъ и деревнями Домбровою и Голоногомъ, случайно вырыли яму на выходахъ каменноугольнаго пласта. Послѣ перехода этой части Польши въ прусское владѣніе, устроенная здѣсь копь получила, вмѣстѣ съ пластомъ, названіе «Реденъ», отъ имени завѣдывавшаго тогда прусскаго горнаго директора, гр. Редена. Затѣмъ, съ образованіемъ варшавскаго княжества, согласно Тильзитскому договору, мѣсторожденіе это, подобно всѣмъ другимъ землямъ, составлявшимъ прежде Сѣвежское княжество, было отдано въ пользованіе французскому маршалу Ланну, князю Монтебелло. Наконецъ, послѣ установленія царства Польскаго, оно перешло въ 1816 году въ казенное управленіе существовавшей тогда горной дирекціи въ Кѣльцахъ.

Огромная толщина пласта въ копи Реденъ, при незначительномъ его паденіи и глубинѣ залеганія, дозволяла вести сначала горныя работы «разносомъ», при чемъ, какъ извѣстно, вся вышележащая земля и другія пустыя породы снимаются до обнаженія каменноугольнаго слоя. Съ углубленіемъ, однако, выработокъ, нужно было приступить къ устройству подземныхъ ходовъ, съ надлежащими укрѣпленіями стѣнъ; для дальнѣйшей же добычи угля была примѣнена система выемки отдѣльныхъ частей каменноугольнаго пласта, такъ называемая «столбовая, съ обрушеніемъ кровли», практиковавшаяся уже раньше въ рудникахъ Верхней Силезіи. Способъ этотъ удерживается еще и до сихъ поръ на многихъ каменноугольныхъ копяхъ въ Польшѣ и въ Силезіи, хотя, строго говоря, онъ нераціоналенъ, въ виду того, что при немъ всегда пропадаетъ довольно значительная часть угля, который, оставаясь въ выработкахъ, способствуетъ только возникновенію рудничныхъ пожаровъ. Кромѣ того, при этомъ способѣ, весьма часто подвергается большой опасности жизнь рабочихъ. Много можно было бы насчитать несчастныхъ случаевъ, при которыхъ рабочіе гибли внутри здѣшнихъ рудниковъ, живьемъ засыпанные обвалившимся потолкомъ подземныхъ выработокъ. Такъ, напр., въ 1836 году, обвалъ происшедшій въ рудникѣ Реденъ, засыпалъ нѣсколькихъ рабочихъ, неуспѣвшихъ во время убѣжать. Наконецъ, обрушивающіяся выше лежащія породы въ пустыя пространства рудника образуютъ на поверхности земли большіе провалы и впадины, обезображивающія ея наружность.

Въ настоящее время, на нѣкоторыхъ лучшихъ каменноугольныхъ копяхъ, способъ этотъ замѣняется уже другимъ, болѣе раціональнымъ, а именно—«выемкой угля съ закладкой пустой породой». Онъ состоитъ въ томъ, что остающіяся подъ землею пустыя пространства, послѣ

добычи угля, закладываются камнями и различными негодными породами (песчаникомъ, глинистымъ сланцемъ, пескомъ и др.), имѣющимися въ рудникѣ или доставляемыми туда съ поверхности земли. Хотя этотъ способъ нѣсколько хлопотливѣе прежняго и дороже обходится владѣльцамъ копей, но за то, съ постройкой цинковыхъ печей около гор. Бендзина и желѣзнаго завода Гута Банкова въ Домбровѣ, каменноугольная копь Реденъ получила еще больше значенія. Построенныя при копи жилыя помѣщенія для рабочихъ успѣли уже образовать довольно большую горную колонію, составляющую нынѣ часть посада Домбровы. Часто случающіеся однако здѣсь подземные пожары каменнаго угля, сильно препятствуютъ дальнѣйшему развитію работъ. Начавшійся въ концѣ 40-хъ годовъ пожаръ въ копи Реденъ, долго продолжался съ различными перерывами и достигъ, наконецъ, такого развитія, что, для спасенія остальнаго, не занятаго еще огнемъ мѣсторожденія каменнаго угля, копь эта, въ 1865 году, была залита водою. Съ того времени она до сихъ поръ находится въ бездѣйствіи.

Постоянно возрастающее значеніе каменнаго угля скоро однако побудило къ новымъ поискамъ этого полезнаго ископаемаго. Частые выходы каменноугольныхъ пластовъ на пространствѣ между Домбровой и Бендзиномъ служили вѣрнымъ для этого указаніемъ; устроенная здѣсь въ 1824 году каменноугольная копь получила названіе «Ксаверій»—въ честь тогдашняго министра финансовъ въ царствѣ Польскомъ князя Любецкаго. Вслѣдствіе неглубокаго залеганія и незначительнаго паденія (10°) открытаго пласта, добыча угля долгое время производилась «разносомъ», вода же отливалась посредствомъ штольны, и только съ углубленіемъ работъ и увеличеніемъ производства была устроена шахта съ углеподъемною и водоотливною паровыми машинами. Эксплоатація угля изъ этой копи достигла еще большихъ размѣровъ, чѣмъ изъ копи Реденъ; еще въ 40-хъ годахъ копь Ксаверій давала больше милліона пудовъ каменнаго угля въ годъ. Но и здѣсь тоже рудничные пожары были причиною, что въ 1860 году дѣйствіе копи было на время остановлено. Происшедшій затѣмъ въ концѣ 1871 года большой пожаръ скоро достигъ такого угрожающаго развитія, что вынудилъ къ принятію самыхъ энергическихъ мѣръ,—и каменноугольная копь Ксаверій въ 1872 году была затоплена водою. Послѣ осушенія копи въ 1874 году добыча изъ нея угля начала опять быстро увеличиваться

Подобные подземные пожары каменноугольныхъ копей, причиняющіе огромные убытки, почти не прекращаются до сихъ поръ, не только въ Польшѣ, но и въ Прусской Силезіи, несмотря на принимаемыя противъ нихъ мѣры предосторожности.

Присущее нѣкоторымъ сортамъ каменнаго угля свойство самовозгоранія, при извѣстныхъ условіяхъ, представляетъ одно изъ самыхъ большихъ затрудненій горной техники. Вслѣдствіе химическихъ реакцій, происходящихъ въ каменномъ углѣ, особенно же въ сортахъ болѣе богатыхъ сѣрнымъ колчеданомъ, при участіи неизбѣжной въ рудникахъ влажности, температура повышается на столько, что нерѣдко уголь самопроизвольно вспыхиваетъ пламенемъ. Въ такихъ случаяхъ, огонь обыкновенно быстро переходитъ и въ другія мѣста, производя пожаръ всей копи.

Ужасное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грандіозное, впечатлѣніе производитъ горящая копь! Это настоящій адъ подземный, пылающій огнемъ и дымомъ. Доступъ для человѣка въ охваченную пожаромъ копь почти невозможенъ.

Рудничные пожары часто распространяются на значительныя пространства, а раскаленная почва скоро даетъ трещины, служащія отдушинами и трубами для этой подземной гигантской печи. Насколько трудна борьба человѣка съ этой грозной стихіей, можно судить по тому, что на нѣкоторыхъ каменноугольныхъ копяхъ существуютъ пожары, продолжающіеся многіе десятки лѣтъ безъ остановки. Самый простой на первый взглядъ способъ — тушеніе огня водою — не всегда здѣсь бываетъ цѣлесообразнымъ: часто случается, что освобожденная впослѣдствіи отъ воды копь, сама опять возгарается, съ еще большею силою. Чаще, особенно вначалѣ возникновенія пожара, отдѣляютъ горящую часть копи посредствомъ толстыхъ огненепроницаемыхъ стѣнъ, или такъ называемыхъ брандмауеровъ.

Кромѣ описанныхъ уже выработокъ каменноугольныхъ пластовъ, современемъ открывались здѣсь новыя копи, какъ-то: Цѣшковскій, Лабенцкій, Новая, и др. Пластъ Цѣшковскій началъ разрабатываться въ 1858 г. сперва разносомъ, а потомъ подземными работами; но къ сожалѣнію, онъ скоро подвергся такой-же участи, какъ и предыдущіе каменноугольные рудники. Возникшій здѣсь въ началѣ 1873 г. большой пожаръ вынудилъ къ принятію такой-же мѣры, какъ и на копи Ксаверій, такъ что всѣ выработки въ апрѣлѣ 1873 г. были затоплены водою. Въ 1865 г. были открыты горныя работы на копи Лабенцкій, а въ слѣдующемъ—на копи Новая. Всѣ эти каменноугольныя копи, какъ и многія другія, находившіяся въ этомъ мѣсторожденіи, первоначально принадлежали казнѣ, но часто повторявшіеся рудничные пожары и прочія неблагопріятныя обстоятельства мѣшали надлежащему ихъ развитію, вслѣдствіе чего правительство рѣшило передать ихъ въ частныя руки. Такимъ образомъ главнѣйшія изъ нихъ, какъ-то: копь Ксаверій, Цѣшковскій, Лабенецкій, вмѣстѣ съ чугунноплавильнымъ и желѣзодѣлательнымъ заводомъ Гута Банкова были проданы казною въ 1876 г. частной компаніи: гг. Племянникову и Ризенкампфу, которые, въ свою очередь, передали ихъ опять въ аренду французско-итальянскому обществу.

Послѣ перехода этихъ копей въ новое управленіе, дѣятельность ихъ значительно оживилась, хотя и до сихъ поръ есть еще мѣста, занятыя огнемъ, но зато отдѣленныя брандмауерами отъ остальныхъ частей рудника. Добыча каменнаго угля производится здѣсь теперь описаннымъ выше способомъ, т. е. съ закладкой выработанныхъ мѣстъ пустой породой, и вообще отвѣчаетъ всѣмъ существеннымъ условіямъ правильной эксплоатаціи каменноугольныхъ рудниковъ. Отливъ воды изъ копей и доставка на поверхность земли угля исполняется посредствомъ паровыхъ машинъ, представляющихъ въ общемъ 1300 лошадиныхъ силъ. Въ настоящее время годичная производительность копей доходитъ до 24 мильоновъ пудовъ каменнаго угля, при чемъ занято около 1500 человѣкъ рабочихъ. Простирающіеся дальшѣ къ юговостоку каменноугольные пласты, залегающіе подъ землею уже на довольно значительной глубинѣ, были открыты, случайно, въ 1814 году, при рытьѣ колодца для воды въ окрестности дер. Нѣмце, находящейся въ разстояніи 8 верстъ отъ Домбровы. Близость галмейныхъ рудниковъ и развивавшаяся тогда цинковая промышленность въ Польшѣ побудили даже къ устройству здѣсь, въ 1822 году, цинкоплавильнаго завода, употреблявшаго здѣшній каменный уголь. Къ сожалѣнію, возникшій вскорѣ подземный пожаръ угля привелъ опять къ затопленію копи и къ остановкѣ металлургическихъ операцій. Произведенныя затѣмъ горныя развѣдки, посредствомъ буренія, указали въ другомъ мѣстѣ, близъ той-же самой деревни, новыя залежи угля, гдѣ устроенная копь получила названіе «Феликсъ». Каменный уголь въ этой копи раздѣленъ многими пропластками пустой породы на отдѣльные слои, при чемъ общая мощность угольнаго пласта измѣняется отъ 3½ до 6 саженей при среднемъ паденіи въ 32°.

При передачѣ казною варшавско-вѣнской желѣзной дороги въ частныя руки, была уступлена также и каменноугольная копь «Феликсъ» вмѣстѣ съ принадлежащими къ ней двумя отводными площадями, съ обязательствомъ уплаты въ казну опредѣленнаго вознагражденія за добываемый уголь. Послѣ перехода этой копи въ 1876 году въ управленіе компаніи варшавскаго общества, эксплоатація въ ней каменнаго угля значительно увеличилась. Въ настоящее время на копи «Феликсъ», кромѣ двухъ шахтъ, каждая глубиною до 70 саженей, служащихъ только для подъема на верхъ угля, имѣются еще двѣ другія — для отлива воды изъ рудника. Общая сила дѣйствующихъ машинъ доходитъ до 1000 лошадиныхъ силъ, а число горно-рабочихъ до 900 человѣкъ, которые живутъ частью въ окрестныхъ селеніяхъ, частью же въ домахъ, построенныхъ администраціей рудника. Работы ведутся такимъ образомъ, что вынимается сначала нижняя половина пласта съ закладкою пустою породою, а потомъ верхняя — съ обрушеніемъ кровли; на пространствѣ же, гдѣ каменноугольный пластъ является болѣе тонкимъ, употребляется только этотъ послѣдній способъ. Въ настоящее время изъ копи «Феликсъ» добывается болѣе 10 мильоновъ пудовъ каменнаго угля.

Часть каменноугольнаго бассейна въ царствѣ Польскомъ, отдѣленная отъ Силезской границы рѣками Брюницею и Черною Пшемшею и простирающаяся отъ дер. Модржеевъ и Сельце по направленію къ Бендзину, составляетъ опять какъ-бы отдѣльную каменноугольную котловину, богатую многочисленными залежами этого горючаго матеріала. Разработка здѣшнихъ мѣсторожденій началась уже въ первой четверти нынѣшняго вѣка, преимущественно на частныя средства, и достигла въ настоящее время большихъ размѣровъ, какъ напр. въ окрестностяхъ деревень Сельце, Нивка, Миловице и др. Каменноугольныя копи, находящіяся близъ дер. Нивка, состоятъ изъ цѣлой свиты каменноугольныхъ, полого-падающихъ пластовъ и принадлежатъ наслѣдникамъ г. Крамсты. На копяхъ имѣется 5 углеподъемныхъ и 8 водоотливныхъ машинъ, развивающихъ въ общей сложности до $1^{1}/_{2}$ тысячи силъ; кромѣ того занято больше тысячи человѣкъ горнорабочихъ. Выемка угля, къ сожалѣнію, производится исключительно старымъ способомъ — съ обрушеніемъ кровли, который, какъ извѣстно, нельзя признать раціональнымъ.

Неподалеку отсюда, около дер. Сельце, близъ пограничной станціи варшавско-вѣнской желѣзной дороги Сосновице, находятся опять большія каменноугольныя копи, принадлежащія гр. Ренарду. Добыча угля производится здѣсь изъ двухъ пластовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ около 4 саженей толщины; она, однако, часто сопряжена съ значительными затрудненіями, вслѣдствіе обильнаго притока воды. Причиною этого бываютъ большія скопленія подъ землею воды, которая, просачиваясь сквозь трещиноватыя и рыхлыя породы, иногда сразу прорываетъ ихъ и попадаетъ въ рудникъ большими массами. При проводѣ подземныхъ ходовъ въ рудникахъ, нерѣдко случается встрѣтить неожиданно такое злополучное мѣсто, откуда внезапно хлынувшая вода затопляетъ не только нижнія выработки, но часто и цѣлую копь!

Исторія развитія горнаго дѣла упоминаетъ много такихъ случаевъ, когда несчастные рабочіе, настигнутые этимъ страшнымъ врагомъ, гибли отъ затопленія въ рудникѣ. Такъ, напр., въ вышеупомянутой копи Ренарда, въ 1876 году, произошелъ большой обвалъ породъ, при которомъ хлынула вода, залившая значительную часть выработокъ.

То-же самое случилось здѣсь еще и въ 1880 году, причемъ погибло 16 человѣкъ рабочихъ. Одинъ изъ очевидцевъ этого печальнаго происшествія разсказываетъ, что рудокопы, занятые добычею каменнаго угля на глубинѣ около 30 саженей подъ землею, внезапно услышали какой-то странный шумъ, а вслѣдъ затѣмъ изъ прорвавшейся стѣны одного изъ штрековъ, гдѣ именно производились работы, быстро полилась вода, затапливая главный проходъ къ шахтѣ, составляющій единственный выходъ изъ рудника. Вмѣстѣ съ водою появились мелкій илъ и песокъ, образовавшіе липкую массу. Въ рудникѣ стало душно, и всѣ лампы вскорѣ погасли, такъ что рабочіе очутились въ совершенной темнотѣ. Изъ 40 человѣкъ, бывшихъ тамъ, 24 работника, находившіеся на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, кое-какъ успѣли пробраться къ углубленію, образовавшемуся послѣ выемки каменнаго угля, и стать въ болѣе безопасное мѣсто, хотя имъ и пришлось стоять тамъ по поясъ въ водѣ; остальные-же 16 человѣкъ, блуждая впотьмахъ еще нѣкоторое время и отчаянно взывая о помощи, которой никто не могъ имъ оказать, скоро затихли, залитые водою и иломъ. Благодаря энергическому отливу воды, для чего были пущены въ ходъ всѣ водоотливныя паровыя машины, имѣющіяся на копяхъ, вода стала постепенно убывать. Тогда директоръ копей, вмѣстѣ съ 11-ю работниками-охотниками, спустился въ шахту, на днѣ которой представилась имъ ужасная картина. При входѣ въ главный штрекъ лежали два трупа работниковъ, совершенно окоченѣлые и покрытые иломъ, какъ-бы цементомъ. Илъ съ пескомъ покрывалъ всю поверхность рудника толстымъ слоемъ, такъ что очень затруднительно было двигаться. По пути встрѣчались новые трупы. Наконецъ, вдали послышались голоса заживо погребенныхъ. Оказалось, что тамъ было 24 работника, выбившихся изъ силъ въ борьбѣ между жизнью и смертью, пробывшихъ въ водѣ, безъ пищи и сна, около 36 часовъ. Ихъ вытащили изъ рудника еле живыми. Трупы остальныхъ работниковъ

были найдены послѣ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Очевидно, они долго еще боролись со смертью!

Въ заключеніе нашего обзора мѣсторожденій каменнаго угля въ Польшѣ, укажемъ еще, что залеганія его встрѣчаются также и въ другихъ мѣстахъ, расположенныхъ нѣсколько сѣвернѣе предыдущихъ, а именно на пространствѣ между городами Сѣвержемъ и Бендзиномъ, гдѣ въ окрестностяхъ дер. Стрижовицы и Псары производилась добыча угля еще въ 1789 году.

Во время прусскаго владѣнія этою частью края, была устроена около д. Псары каменноугольная копь, названная «Гоимъ», доставляющая болѣе 100 тысячъ пудовъ угля въ годъ. Возобновленныя впослѣдствіи, подъ управленіемъ горной дирекціи въ царствѣ Польскомъ, каменноугольныя выработки, находящіяся близъ дер. Стрижовице, получили названіе «Тадеушъ» въ честь тогдашняго министра финансовъ гр. Мостовскаго. Эксплоатація каменнаго угля изъ этой копи долгое время продолжалась весьма успѣшно, и только въ 1867 году, вслѣдствіе значительнаго притока воды, дѣйствіе ея прекращено.

Каменноугольные слои, залегающіе въ этихъ мѣстахъ, какъ-бы полукругомъ, образуя отдѣльную котловину, среди пластовъ глинистаго сланца и песчаника, составляютъ сѣверозападную окраину польскаго каменноугольнаго бассейна. Они подвигаются къ югу, по направленію къ дер. Гродзецъ и Лагише, но вообще не отличаются большою мощностью, что, при пологомъ ихъ паденіи, много затрудняетъ подземныя выработки, особенно же въ виду большого притока рудничной воды. Въ новѣйшее время, развѣдками, произведенными къ западу отъ дер. Псары, обнаружено, близъ дер. Семонія, нѣсколько новыхъ пластовъ каменнаго угля.

Въ царствѣ Польскомъ имѣются въ настоящее время обширныя каменноугольныя копи, принадлежащія частнымъ компаніямъ или же отдѣльнымъ лицамъ, годичная производительность которыхъ составляетъ нѣсколько милліоновъ. Вообще, добыча угля въ царствѣ Польскомъ съ каждымъ годомъ быстро возрастаетъ, такъ что въ 1881 году она достигала уже почти 86 милліоновъ пудовъ.

На сколько богато еще царство Польское каменнымъ углемъ—можно судить по слѣдующему, приблизительному разсчету, основанному на научныхъ изслѣдованіяхъ залежей этого горючаго матеріала. Извѣстно, что на всемъ пространствѣ, занимающемъ, по крайней мѣрѣ, 11 квадр. миль каменноугольнаго бассейна, покоятся пласты каменнаго угля, общая толщина которыхъ въ южной половинѣ, по самымъ умѣреннымъ предположеніямъ, составляетъ болѣе 7 саженей, въ сѣверной же—почти 2 сажени, значитъ средняя толщина—$4^1/_2$ сажени. Такъ какъ 11 квадр. миль равняются 134 милліонамъ квадр. саженей, то объемъ всей массы угля составляетъ 606 милліоновъ куб. саженей или приблизительно 363 милліарда пудовъ каменнаго угля. Въ настоящее время вся добыча его въ каменноугольномъ бассейнѣ царства Польскаго не превосходитъ 90 милліоновъ пудовъ. Допустивъ даже, что, съ развитіемъ промышленности, добыча его удвоится, все-же запаса каменнаго угля въ Польшѣ хватитъ слишкомъ на 2000 лѣтъ!

Кромѣ большихъ запасовъ каменнаго угля, въ различныхъ мѣстахъ царства Польскаго находится еще другой горючій минеральный матеріалъ, а именно — бурый уголь или лигнитъ. Онъ представляетъ собою, какъ извѣстно, меньшую степень измѣненія растительныхъ остатковъ, чѣмъ первый, вслѣдствіе чего, при меньшемъ содержаніи углерода, заключаетъ въ себѣ значительное количество летучихъ веществъ. Онъ быстро воспламеняется, отдѣляя при этомъ большое количество дыма, даетъ меньше жару и не можетъ давать хорошаго кокса. Бурый уголь бываетъ обыкновенно довольно плотный, темно-бураго цвѣта, отчего и получилъ свое названіе. Оставаясь на воздухѣ продолжительное время, онъ вывѣтривается и распадается на мелкіе куски.

Нерѣдко бурый уголь сохраняетъ волокнистое сложеніе дерева, изъ котораго образовался; встрѣчаются даже цѣлые стволы, которые удобно раскалывать, распиливать, полировать, тогда какъ другіе виды его представляютъ землистую порошковидную массу.

Наконецъ, бываютъ также сорты бураго угля совершенно плотные, черные, съ раковистымъ изломомъ, очень похожіе на смолистый каменный уголь.

Въ царствѣ Польскомъ бурый уголь находится, главнымъ образомъ, въ осадкахъ кейпера, тріасовой системы, и залегаетъ среди пластовъ разноцвѣтныхъ мергелей, песковъ и конгломератовъ, въ видѣ пологопадающихъ пластовъ, средней толщиной около 6 футовъ. Во многихъ мѣстахъ въ долинахъ рѣкъ Варты, Пилицы и Черной Пшемши, особенно около селеній Кромолова и Козегловы, посада Сѣвежа, въ Бендзинскомъ и Олькушскомъ уѣздахъ, Петроковской губ., извѣстны богатыя мѣсторожденія бураго угля. Онъ встрѣчается и нѣсколько сѣвернѣе, въ окрестностяхъ городовъ Ченстохова, Велюня и казеннаго завода Панки.

Первые поиски бураго угля въ Польшѣ начались еще въ концѣ прошлаго столѣтія, и многія изъ вышеуказанныхъ мѣсторожденій разрабатывались, болѣе или менѣе продолжительное время, частными лицами, хотя сильный притокъ воды нерѣдко препятствовалъ работамъ, дозволяя производить добычу угля только на незначительныхъ глубинахъ.

Между городами Сандоміромъ и Опатовомъ въ Радомской губ., въ юрской системѣ, тоже извѣстны залежи бураго угля. Затѣмъ, онѣ часто встрѣчаются въ третичныхъ образованіяхъ, въ разныхъ мѣстахъ по берегамъ р. Вислы, особенно около устья р. Ниды, и дальше въ окрестностяхъ гор. Плоцка, Добржиня, Влоцлавска, гдѣ, начиная съ 1816 года, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, производилась добыча бураго угля для казеннаго солевареннаго завода въ Цѣхоцинкѣ. Наконецъ, не такъ давно были открыты довольно богатыя мѣсторожденія бураго угля между городами Коло, Кониномъ и Слупцою, толщина пластовъ котораго отъ 1 до 4 саженей.

Въ большинствѣ изъ указанныхъ мѣсторожденій уголь не разрабатывается по различнымъ причинамъ, такъ что эксплоатація бураго угля въ Польшѣ нынѣ весьма незначительна и едва достигаетъ одного милліона пудовъ въ годъ.

Къ категоріи ископаемыхъ горныхъ матеріаловъ принадлежитъ также и торфъ, мѣсторожденія котораго весьма распространены въ новѣйшихъ осадочныхъ образованіяхъ Польши.

Окрестности пос. Олесницы, Корчина, Вислицы и Вольброма въ Кѣлецкой губ., многія мѣста, лежащія въ долинѣ рѣки Варты, въ Калишской губ., окрестности гор. Варшавы, Радзымина и друг.—давно извѣстны богатыми залежами торфа. Обширныя болота, тянущіяся на нѣсколько квадратныхъ миль близъ прусской границы, между озеромъ Гопло и городомъ Брестъ-Куявскимъ въ Варшавской губ., а также многія низменныя мѣста Плоцкой, Ломжинской и Сувалкской губ., особенно же въ Сейненскомъ, Маріампольскомъ и Кальварійскомъ уѣздахъ,—на большомъ протяженіи покрыты толстыми слоями торфа.

Несмотря на это, употребленіе его въ Польшѣ долгое время было весьма ограничено, но, по мѣрѣ возрастанія цѣнъ на горючіе матеріалы, эксплоатація торфа пріобрѣла надлежащее значеніе. Торфъ, какъ ископаемый горючій матеріалъ, представляетъ первую стадію минерализаціи различныхъ растительныхъ остатковъ, непрерывно продолжающуюся и въ настоящее время. Многія болота, мелкія озера и пруды, съ перегнивающею въ нихъ скудною растительностью, составляютъ какъ-бы лабораторію, постоянно заготовляющую новые запасы торфа. Высушенный торфъ легко загорается длиннымъ пламенемъ, оставляя довольно много золы. Разнообразныя примѣненія торфа, который весьма удобно можетъ служить не только для отопленія жилыхъ помѣщеній, но и для другихъ цѣлей въ фабричной и заводской промышленности, дѣлаютъ разработку многочисленныхъ торфяниковъ въ краѣ весьма важнымъ экономическимъ вопросомъ, особенно въ виду сбереженія быстро исчезающихъ лѣсовъ, которыми когда-то славилась Польша.

Въ этихъ же самыхъ третичныхъ образованіяхъ, заключающихъ въ себѣ залежи бураго угля и простирающихся длинной полосой, съ правой стороны р. Вислы, въ Плоцкой и дальше въ Ломжинской и Сувалкской губерніяхъ, нерѣдко встрѣчаются мѣсторожденія различныхъ ископаемыхъ смолъ, извѣстныхъ вообще подъ названіемъ янтаря.

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія производилась добыча его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пржасныскаго и Августовскаго уѣздовъ, но наибольшею извѣстностью пользуются богатыя мѣсторожденія янтаря, находящіяся въ окрестностяхъ города Остроленки въ Ломжинской губ., особенно близъ деревни Волково, открытыя еще въ 1796 году.

Образцы янтаря изъ этихъ мѣстностей отличаются не только крупными отдѣльными экземплярами и прекрасными внутренними рисунками, но также плотностью и твердостью, столь цѣнимою при выдѣлкѣ изъ него различныхъ украшеній. Вообще же онъ встрѣчается обыкновенно въ неправильныхъ, небольшихъ кускахъ съ округленными ребрами, или же въ натечномъ видѣ — въ видѣ зеренъ, вросшихъ въ отдѣльные куски лигнита, или смолистаго дерева, что прямо указываетъ на его органическое происхожденіе, какъ смолы давно исчезнувшихъ растеній третичной эпохи изъ семейства хвойныхъ—Pinites succinifera.

Внутри янтаря часто попадаются частички растеній и различныя насѣкомыя, погребенныя многія тысячелѣтія тому назадъ и вполнѣ сохранившія всю свою форму и свѣжесть, какъ-будто только вчера еще они простились съ жизнью.

Въ каменноугольныхъ геологическихъ отложеніяхъ, простирающихся изъ Верхней Силезіи въ царство Польское и въ Галицію и покрытыхъ во многихъ мѣстахъ болѣе новыми образованіями, встрѣчаются на небольшой глубинѣ пласты известняковъ (между селами Свошовице и Крешовице, близъ г. Кракова), заключающіе самородную сѣру. Историческія свѣдѣнія объ этихъ мѣсторожденіяхъ относятся еще къ XVI столѣтію. Въ 1598 году король Сигизмундъ III разрѣшилъ добычу въ этихъ мѣстахъ сѣры частнымъ лицамъ. Работы здѣсь велись такъ успѣшно, что уже въ 1802 году, на устроенномъ въ Свошовицахъ сѣрномъ рудникѣ, была установлена паровая машина, для отливанія воды. Впослѣдствіи копи эти перешли къ Австріи и хорошо дѣйствуютъ до настоящаго времени.

Не менѣе тоже извѣстны мѣсторожденія самородной сѣры въ селеніи Чарковы, расположенной неподалеку отъ австрійской границы, близъ впаденія рѣки Ниды въ Вислу, въ Пинчевскомъ уѣздѣ Кѣлецкой губерніи.

Сѣра является здѣсь вкрапленною въ міоценовыхъ мергеляхъ, залегающихъ на мѣловыхъ сланцахъ подъ толстымъ покровомъ гипса.

Частички гипса, растворившись въ просачивающейся почвенной водѣ, разлагаясь подъ вліяніемъ химическихъ реакцій, осаждали сѣру въ порахъ и трещинахъ породъ, которыя встрѣчали на своемъ пути.

Толщина мергельнаго слоя, содержащаго зерна самородной сѣры, при наклонѣ его въ 35° на сѣверъ, бываетъ различна, измѣняясь отъ одной до 10 саженей. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самое распредѣленіе сѣры въ пластѣ крайне не постоянно: оно увеличивается по мѣрѣ углубленія и доходитъ въ нижнихъ горизонтахъ даже до 70% чистой сѣры.

Деревня Чарковы, нѣкогда собственность Морштыновъ, затѣмъ Радзивилловъ, въ настоящее время принадлежитъ гр. Пусловскимъ. Первыя выработки въ этой мѣстности относятся къ началу нынѣшняго вѣка, когда земли эти находились еще подъ австрійскимъ владѣніемъ. Впослѣдствіи здѣсь были устроены соотвѣтственныя печи, котлы и другія приспособленія, для выплавки сѣры изъ рудъ посредствомъ перегрѣтаго пара. Дѣйствіе этого завода, однако, долгое время было незначительное. Для увеличенія его производительности, была сдѣлана въ 1875 году коренная перестройка, причемъ, по примѣру сѣрнаго завода въ Свошовицахъ, было рѣшено и здѣсь получать сѣру изъ рудъ посредствомъ растворенія ея въ двусѣрнистомъ углеродѣ, для чего были устроены надлежащіе аппараты и другія приспособленія. Въ настоящее время получается на заводѣ до 40 тысячъ пудовъ сѣры.

Богатство самородной сѣры, заключающееся въ Чарковскомъ мѣсторожденіи, согласно произведеннымъ до сихъ поръ изысканіямъ, опредѣляется, по крайней мѣрѣ, до четырехъ милліоновъ пудовъ. Кромѣ того, имѣются многіе (напр. сѣрные ключи, выходы гипсовъ и пр.),

указывающіе на возможность нахожденія сѣры еще и въ другихъ мѣстахъ, прилегающихъ къ устью р. Ниды.

Изъ этого легко заключить, что производительность существующаго здѣсь сѣрнаго рудника и завода можетъ быть еще значительно увеличена.

Предпринятыми лѣтомъ въ 1880 году геогностическими изслѣдованіями въ южной части Пинчевскаго уѣзда открыто еще новое мѣсторожденіе самородной сѣры, но пока еще подробно неразвѣданное.

Небезынтересно здѣсь также указать на возможность нахожденія въ царствѣ Польскомъ источниковъ нефти. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Стопницкаго уѣзда, Кѣлецкой губерніи (напр., въ окрестностяхъ дер. Вуйча), давно уже замѣчалась на поверхности болотъ, находящихся недалеко отъ берега р. Вислы, выступающая маслообразная темная жидкость, которая, послѣ

Вонхоцкъ.

ближайшаго осмотра, оказалась нефтью. Мѣстные жители собираютъ ее для смазки колесъ и для освѣщенія.

Произведенныя не такъ давно владѣльцемъ имѣнія изслѣдованія въ этихъ мѣстахъ, посредствомъ колодцевъ, не привели однако къ желаемымъ результатамъ. При рытьѣ колодцевъ пришлось уже на небольшой глубинѣ бороться съ обильнымъ притокомъ грунтовой воды. Кромѣ того, встрѣченная на глубинѣ 90 футовъ твердая известковая порода требовала, при дальнѣйшемъ углубленіи колодцевъ, значительныхъ издержекъ, вслѣдствіе чего работы были остановлены.

Тѣмъ не менѣе, возможность нахожденія въ указанной мѣстности нефти подтверждается и характеромъ встрѣчаемыхъ здѣсь породъ, совершенно аналогичныхъ съ породами нефтяныхъ мѣсторожденій въ Галиціи. Онѣ состоятъ преимущественно изъ слоистыхъ мергелей, пропитанныхъ сплошь нефтью, которая заполняетъ также всѣ пустоты и трещины, въ нихъ нахо-

дящіяся. Въ оставшихся послѣ изслѣдованій вышеупомянутыхъ колодцахъ, наполнившихся со временемъ до верху водою, нефть постоянно выдѣляется и всплываетъ на поверхность воды, гдѣ образуетъ довольно толстый слой.

Быть можетъ, что при тщательномъ изслѣдованіи мѣстности окажется, что нефтеносныхъ пластовъ слѣдуетъ искать на болѣе значительной глубинѣ, подъ покровомъ встрѣченныхъ известняковъ, препятствующихъ свободному вытеканію наружу нефти. Подтвержденіе этого предположенія можно отчасти найти во многихъ примѣрахъ поисковъ нефти на Кавказѣ и въ Пенсильваніи, гдѣ буровыя скважины достигаютъ иногда огромной глубины и проходятъ по самымъ разнообразнымъ осадочнымъ породамъ.

Вообще, возможность нахожденія нефтяныхъ источниковъ въ царствѣ Польскомъ представляетъ весьма много вѣроятности, судя по всѣмъ наружнымъ признакамъ, встрѣчаемымъ въ вышеуказанныхъ мѣстностяхъ. Рѣшеніе этого чрезвычайно интереснаго и важнаго вопроса принадлежитъ будущему.

Кромѣ металлическихъ рудъ и минеральныхъ горючихъ матеріаловъ немаловажную роль играютъ тоже въ горнозаводской промышленности и матеріалы, служащіе для производства различныхъ заводскихъ построекъ, жилыхъ домовъ и другихъ сооруженій.

Въ царствѣ Польскомъ и въ этомъ отношеніи не имѣется недостатка. Во многихъ мѣстахъ края находятся различные строительные матеріалы, какъ, напр., мраморы, известняки, брекчіи, песчаники, сланцы, глины и пр. Многіе изъ нихъ представляютъ отличные огнеупорные матеріалы, пригодные для постройки металлургическихъ печей. Наконецъ, жерновые песчаники встрѣчаются также во многихъ мѣстахъ края.

Кѣлецкія горы и другія возвышенности въ Польшѣ давно уже извѣстны богатыми мѣсторожденіями строительныхъ камней, особенно въ окрестностяхъ Хенцинъ, Кѣльце, Вонхоцка, Инжи, Олькуша и др. мѣстъ, лежащихъ въ Кѣлецкой и Радомской губ.

Еще въ XVI столѣтіи, одновременно съ эксплоатаціей серебристо-мѣдныхъ, свинцовыхъ и др. рудъ, находящихся вблизи городовъ Кѣльце и Хенцины,—производилась также и добыча мраморовъ. Здѣшніе мраморы отличаются большимъ разнообразіемъ цвѣтовъ и рисунковъ; они замѣчательны своею плотностью, доказательствомъ чему можетъ служить находящійся еще до сихъ поръ въ Варшавѣ монументъ польскаго короля Сигизмунда III, воздвигнутый сыномъ его Владиславомъ IV, въ 1643 году. Колонна, поддерживающая фигуру, сдѣланная изъ цѣльнаго куска разноцвѣтнаго мрамора, имѣетъ 38 футовъ высоты.

Впослѣдствіи, однако, добыча мраморовъ изъ Хенцинскихъ мѣсторожденій неоднократно останавливалась по разнымъ обстоятельствамъ. Особенное вниманіе на эти каменоломни обратилъ Станиславъ-Августъ, нарочно выписавшій для поднятія искусства скульптурныхъ мастеровъ изъ Италіи, которые начали выдѣлывать изъ здѣшнихъ мраморовъ различныя украшенія, какъ-то: вазы, рамы, столы и т. п. предметы.

Мѣсторожденія хенцинскихъ мраморовъ тянутся по направленію къ гор. Кѣльцы и дальше на востокъ къ гор. Кунову, представляя при этомъ всевозможныя разновидности отдѣльныхъ и смѣшанныхъ цвѣтовъ: чернаго, бѣлаго, желтаго, краснаго, зеленаго и др. Устроенная въ 1817 году въ Хенцинахъ казенная фабрика мраморныхъ издѣлій дѣйствовала весьма успѣшно до 1830 года.

Въ окрестностяхъ Олькуша и дальше, по направленію къ Кракову, давно также извѣстны мѣсторожденія черныхъ мраморовъ. Еще въ 1640 году изъ нихъ былъ сдѣланъ большой иконостасъ, до сихъ поръ украшающій соборъ св. Стефана въ Вѣнѣ.

М. Ф. Митте.

ОЧЕРКЪ XI.

ИСКУССТВО ВЪ ПОЛЬШѢ.

Происхожденіе разнаго рода искусствъ и ихъ развитіе. — Наиболѣе заслуженые дѣятели въ области искусства.

Надъ вольной мыслью Богу не угодны
Насиліе и гнетъ.
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ.

ГРАФЪ А. ТОЛСТОЙ.

зящныя искусства несомнѣнно существовали и служили украшеніемъ домашняго быта поляковъ еще въ эпоху, предшествовавшую христіанству. Объ этомъ свидѣтельствуютъ самые древніе лѣтописцы, какъ польскіе, такъ и другихъ народовъ. Какъ видно изъ ихъ описаній во времена язычества рѣзьба и живопись украшали собою какъ капища, такъ и утварь, употреблявшуюся при богослуженіяхъ и пиршествахъ, равно какъ и разныя орудія изъ камня, глины, желѣза, бронзы, золота и серебра. Подобнаго рода предметы находили и понынѣ находятъ въ древнихъ могилахъ. Въ женскихъ же саркофагахъ попадаются разнаго рода предметы, служившіе женскими украшеніями, какъ-то: кольца, браслеты, запонки и серьги, между которыми встрѣчаются иногда дѣйствительно поразительныя вещи какъ по формѣ, такъ и по исполненію. Предметы этого рода доказываютъ, что въ странѣ съ давнихъ уже поръ существовали промышленность и искусство. Съ введеніемъ же христіанства первыми выдающимися сооруженіями явились храмы. Въ тѣ времена служители алтаря, особенно же высшее духовенство и монахи, были вмѣстѣ съ тѣмъ и зодчими. Такъ какъ Польша изобиловала лѣсами, то въ постройкахъ всякаго рода, лѣсу отдавали предпочтеніе. Поэтому въ Польшѣ, въ первые вѣка христіанства, за весьма немногими исключеніями, храмы строили изъ дерева.

Архитектура древнихъ «костеловъ» — древнѣйшій памятникъ прежняго архитектурнаго искусства Польши. Польскіе костелы строились изъ лиственнаго лѣса, съ остроконечной крышей и помѣщавшимся по серединѣ колоколомъ. Стиль этихъ маленькихъ деревенскихъ костеловъ называютъ «переходнымъ» отъ романскаго къ готическому. Деревенскіе деревянные храмы встрѣчаются кромѣ Скандинавіи еще въ Чехіи, Россіи и Польшѣ въ формахъ, совершенно сходныхъ между собою. Они названы въ наукѣ памятниками «деревянной архитектуры Сѣвера». Изъ этого типа деревянныхъ костеловъ выработались затѣмъ каменные и кирпичные храмы готическаго стиля съ характерными особенностями, въ силу которыхъ современная наука дала

имъ названіе «Привислинско-балтійскаго свода», обозначая этимъ мѣстность, гдѣ господствовалъ этотъ стиль.

Въ большихъ городахъ воздвигались костелы кафедральные, коллегіальные и монастырскіе, съ обителями. Это были, по большей части постройки небольшихъ размѣровъ, состоявшія только изъ помѣщенія для алтаря, «presbiterium», гдѣ священникъ совершалъ обѣдню и гдѣ находилось нѣсколько скамеекъ для болѣе знатныхъ лицъ; остальная же часть молящихся должна была слушать обѣдню внѣ церкви,—въ церковной оградѣ, черезъ большую дверь, устроенную противъ большого алтаря. Въ позднѣйшее время къ этому помѣщенію для алтаря начали дѣлать разнаго рода пристройки, какъ, напримѣръ, «меньшіе хоры», придѣлы, ложи, ризницы и т. д. Число такихъ костеловъ никогда не было значительнымъ, а время, событія и нерадѣніе сократили ихъ еще болѣе, такъ что сохранившіеся до нашего времени являются

Старинный костелъ въ Хохоловѣ, Варшавской губ., Кутновскаго уѣзда.

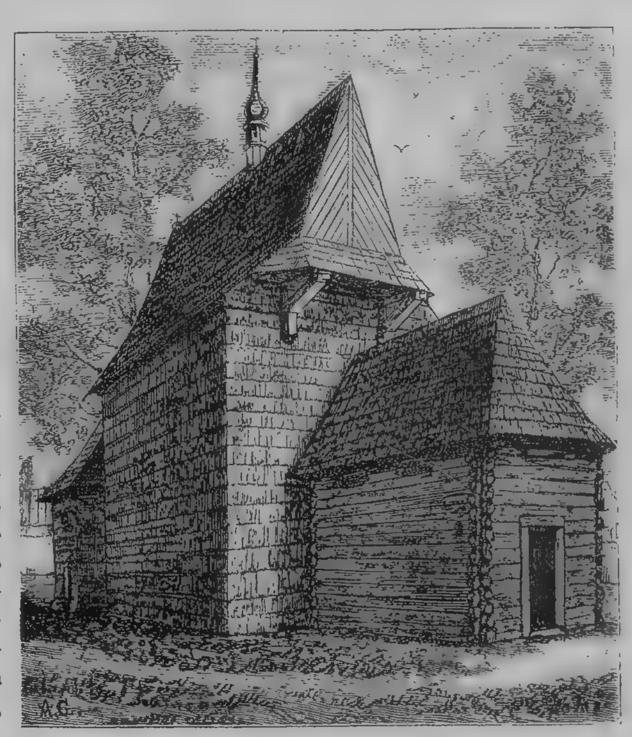
рѣдкостью и относятся не ранѣе, какъ къ XI и XII столѣтіямъ. Характерной чертой церковной архитектуры XII вѣка въ Польшѣ служатъ постройки храмовъ изъ тесаннаго булыжника, чѣмъ и отличаются такъ называемыя дуниновскія постройки, приписываемыя извѣстному Петру Дунину, сановнику Болеслава Кривоуста, который, по преданіямъ, выстроилъ до 77 костеловъ. Костелы эти всѣ построены въ романскомъ стилѣ: двери и окна низкія, но широкія, вверху закругленныя; «presbiterium» устроенъ полукругомъ; всюду преобладаетъ полукруглый сводъ.

Въ началѣ XIII столѣтія въ Польшѣ замѣчается уже появленіе готическаго стиля. Первые его слѣды встрѣчаются въ костелахъ такъ называемыхъ «Іоанновскихъ», т.-е., построенныхъ Іоанномъ, епископомъ краковскимъ, между 1219 и 1229 годами. Костелы эти строились въ стилѣ переходномъ отъ романскаго къ готическому. Когда на западѣ готическій стиль достигъ самаго высокаго развитія, суровый климатъ Польши и снѣжные заносы не дали возможности вполнѣ развиться тамъ этому стилю, такъ какъ присущія ему тонкія кружевныя украшенія и

остроконечныя части не могли долго сохраняться въ Польшѣ. Поэтому самый опытъ указалъ на постройку стѣнъ изъ шлифованнаго кирпича безъ штукатурки, а равно — и всѣхъ украшеній. Такъ возникъ особый оттѣнокъ готическаго стиля, свойственный исключительно Польшѣ и развившійся преимущественно въ царствованіе Казимира Великаго, который, какъ извѣстно, построилъ такую массу зданій, что превзошелъ въ этомъ отношеніи всѣхъ польскихъ монарховъ.

Однако, не вездѣ сохранился этотъ оттѣнокъ готическаго стиля. Въ провинціяхъ, напримѣръ, граничившихъ съ Пруссіею, и нѣкогда находящихся подъ властью тевтонскихъ рыцарей, усвоенъ былъ и ихъ способъ постройки. А потому въ костелахъ этихъ провинцій замѣтны слѣды такъ называемаго «готическо-тевтонскаго стиля». Эти костелы строились въ формѣ креста и обыкновенно большимъ алтаремъ были обращены на востокъ.

Прекрасно развившійся готическій стиль въ XIV и XV столѣтіяхъ, въ началѣ XVI столѣтія началъ постепенно исчезать, такъ какъ стиль «возрожденія» началъ проникать и вскорѣ вытѣснилъ всѣ остальные. Этотъ стиль «возрожденія» и слѣдующій за нимъ «бароко» замѣнили двускатныя крыши — плоскими, а самыя постройки покрыли известковой штукатуркой и орнаментами изъ гипса, которые, при малѣйшей вьюгѣ или осеннемъ дождѣ обваливались. Стиль возрожденія началъ процвѣтать со временъ Сигизмунда I, породнившагося съ княжескими родами Италіи, посредствомъ брака своего съ Боной Сфорца. Онъ страстно любилъ искусство и былъ прекраснымъ его знатокомъ, отдавая наиболѣе предпочтеніе зодчеству. Фамильная страсть къ изящнымъ искусствамъ Боны извѣстна изъ исторіи, а равно—и ея заботы, чтобы привлечь въ Польшу итальянскихъ мастеровъ, при помощи которыхъ она вновь выстроила и реставрировала въ Польшѣ массу костеловъ, замковъ и дворцовъ. Съ этихъ поръ итальянскій вкусъ, совмѣстно съ итальянскимъ же языкомъ, принятымъ при дворѣ, началъ болѣе и болѣе распространяться въ краѣ. Съ этихъ поръ монастыри, костелы и дворцы именитыхъ баръ, дворянскіе дома и городскія зданія начали строиться въ итальянскомъ вкусѣ.

Старинный костелъ парафиновъ.

Послѣ смерти Сигизмунда III, архитектура, а равно и другія искусства, утративъ въ его лицѣ своего покровителя, начали приходить въ упадокъ. Наступила эпоха, отличавшаяся уничтоженіемъ древнихъ памятниковъ, увеличеніемъ числа развалинъ и весьма рѣдкими примѣрами новыхъ сооруженій. Послѣ XVI, точнѣе—съ половины XVII столѣтія, въ Польшѣ не только никакое искусство, никакой родъ промышленности не имѣли возможности вновь развиться, но даже и развившіяся уже съ давнихъ временъ обязательно должны были придти въ упадокъ, потому что рѣшительно некому было заботиться объ этомъ.

Свѣтская архитектура развивалась рука объ руку съ церковной и находилась подъ сильнымъ ея вліяніемъ, такъ какъ, по мѣрѣ постепеннаго распространенія христіанства, тамъ, гдѣ строились костелы, возникали также и города, если ихъ не было ранѣе. Каѳедральные же костелы всегда почти помѣщались или возлѣ замковъ, или составляли съ ними нераздѣльное цѣлое.

Этотъ родъ архитектуры можно раздѣлить въ Польшѣ, начиная уже съ X вѣка, на деревенскій, господскій и магнатовъ. Конечно, деревенскіе дома измѣнились менѣе всего, потому что въ деревнѣ, какъ всегда и вездѣ, не такъ легко что-либо измѣняется. Быть можетъ, это —даже единственная мѣстная архитектура страны. Особенно красивые образцы построекъ этого рода встрѣчаются въ разныхъ мѣстностяхъ въ Старой Польшѣ. Эти избушки, типъ которыхъ можно считать на столько же древнимъ, какъ и самый народъ, ничѣмъ не отличались отъ

Древній каменный храмъ въ Печишкахъ (Варшавской губ)..

домовъ бѣднѣйшаго дворянства, кромѣ того, что у этихъ послѣднихъ были окна немного побольше, большія ворота и дворъ, огороженный, по крайней мѣрѣ, изгородью.

Замки обыкновенно помѣщались въ мѣстахъ недоступныхъ: на высокой горѣ, скалѣ, либо возвышенности, спеціально для этой цѣли насыпанной, на равнинѣ, окруженной болотами либо водой. Хотя постройки того времени были деревянныя, тѣмъ не менѣе встрѣчались на половину и каменныя, окруженныя валомъ либо рвомъ, наполненнымъ водою. Въ этомъ случаѣ, замокъ считался оборонительнымъ укрѣпленіемъ и служилъ достаточнымъ оплотомъ противъ нападеній. Внутри этихъ укрѣпленій помѣщались костелы, арсеналы, жили священники и мѣстныя власти. Впослѣдствіи они строились со спеціальною цѣлію обороны, а такъ какъ строенія были деревянныя, то ограждались стѣной съ башнями. Башни эти строились первоначально для наблюденія, чтобы непріятель не могъ подкрасться къ замку. Замки, находив-

шіеся у моря или рѣки, впослѣдствіи снабжались такъ называемыми «каганцами» (свѣтильнями, въ видѣ большихъ плошекъ) для ночного освѣщенія прилегающей окрестности, служа такимъ образомъ нуждамъ окрестнаго населенія и навигаціи. Впослѣдствіи башни сдѣлались болѣе предметомъ украшенія, нежели необходимости.

Можно предполагать, что прочія постройки въ городахъ первоначально весьма мало отличались отъ деревенскихъ, и только послѣ принятія христіанства развившаяся наклонность къ путешествіямъ за предѣлы страны, военные походы, наплывъ ученаго духовенства, оказав-

Старинный денежный сундукъ въ Печишкахъ.

шагося весьма опытнымъ въ дѣлѣ постройки, наконецъ, сношенія съ цивилизованными странами—все это несомнѣнно повліяло на перемѣну нравовъ. Когда богатые вельможи, вернувшись изъ путешествія, начали строить себѣ дома на подобіе видѣнныхъ въ чужихъ странахъ, торговля въ городахъ стала развиваться, благодаря наплыву новыхъ элементовъ, деревни начали заселяться колонистами разныхъ народностей. Измѣненіе прежняго типа домовъ значительно подвинулось впередъ. Переселенцы первые начали строить дома изъ кирпича, жители же городовъ быстро стали подражать имъ. Несмотря на то, что примѣръ былъ очевиденъ и польза каменныхъ строеній извѣстна давнымъ-давно, но обычаи и народный нравъ коренныхъ жителей, мало заботившихся о будущемъ, все-же имѣли перевѣсъ.

Болеславъ Храбрый строилъ много замковъ деревянныхъ и каменныхъ, обнесенныхъ большими широкими рвами и прочнымъ частоколомъ; нѣкоторые были построены просто изъ бревенъ: тѣмъ не менѣе какъ тѣ, такъ и другіе, были уничтожены временемъ, оставивъ едва замѣтные слѣды. Вообще всѣ каменныя зданія, въ концѣ XIII вѣка, носятъ слѣды затраченнаго на нихъ труда и большихъ средствъ. Въ царствованіе же Казимира Великаго у поляковъ начинаетъ развиваться склонность къ каменнымъ постройкамъ. Извѣстно, что этотъ монархъ много сдѣлалъ для городовъ разоренныхъ прежними войнами и разными другими невзгодами. Болѣе семидесяти городовъ онъ вновь построилъ, много возобновилъ старыхъ; заселилъ и укрѣпилъ ихъ, воздвигая сильные замки и другія громадныя зданія, окружая города глубокими рвами и крѣпкими стѣнами, остатки которыхъ, сохранившіеся кое-гдѣ до настоящаго времени, поражаютъ своею грандіозностью и искусствомъ, доведеннымъ почти до совершенства. Въ этомъ не мало помогалъ ему повсемѣстный въ Польшѣ голодъ въ 1362 году. Казимиръ, имѣвшій у себя переполненныя житницы зерномъ отъ прежнихъ урожаевъ, отпускалъ за незначительную плату хлѣбъ; кто же не имѣлъ возможности платить,—долженъ былъ отработывать.

Входная дверь въ костелѣ парафиповъ въ Хехлѣ.

Всѣ европейскіе города строились сообразно военнымъ требованіямъ того времени, въ видѣ крѣпостей, гдѣ могли бы защищаться, во время нападенія непріятеля, горожане, совмѣстно со своимъ горнизономъ, который содержали на свои средства. По этой причинѣ въ Польшѣ такихъ укрѣпленныхъ городовъ было достаточное количество. При измѣнившемся образѣ веденія войны, въ подобныхъ укрѣпленіяхъ не оказалось болѣе надобности, а потому одни изъ нихъ были снесены, другія сами разрушились.

Эпоха современной архитектуры особенно развилась въ постройкахъ свѣтскихъ. Въ историческихъ источникахъ о Польшѣ встрѣчаются обширныя описанія жилищъ магнатовъ, помѣщавшихся въ роскошныхъ дворцахъ, прекрасныхъ замкахъ и обширныхъ, изящныхъ домахъ, какъ по формѣ такъ и украшеніямъ, не уступающихъ заграничнымъ. Они строились по планамъ Виніоли, Палладія, Михаила Ангела и Скамоцци. Эта роскошь сильно вкоренилась, хотя неоднократно вызывала нападки со стороны моралистовъ. Дворцы вообще строились двухъэтажные, все-

Алтарная дверь костела въ Хехлѣ.

возможнаго вида и величины, съ обширнымъ дворомъ, окруженные болѣе низкими зданіями. Вблизи дворца, или главномъ его павильонѣ, помѣщалась домашняя церковь, тутъ же въ сторонѣ — флигель для кухни, съ помѣщеніемъ для управляющаго, и флигель для гостей, дальше кладовая либо сокровищница, затѣмъ — конюшни и сараи. Ворота обыкновенно дѣлались монументальныя съ балкономъ для капеллы; въ нихъ большая калитка съ рѣшеткой и арочный или подъемный мостъ. Все это было окружено рвомъ, или рѣшеткой. По серединѣ двора находился компасъ, или прудъ, фонарь, фонтанъ и столбъ для привязи лошадей. Фасадъ дворца украшался фронтономъ, на которомъ помѣщался гербъ и вензель владѣльца и его супруги. Крыльцо подпиралось колоннами. Дверь была украшена карнизомъ, который шелъ вокругъ всего зданія. Эти дворцы отличались иногда нѣкоторыми особенностями. Такъ, напримѣръ, они строились съ башеньками, на которыхъ помѣщались часы, или позолоченные шары, флюгера, жестяные флаги въ видѣ журавлей, пѣтуховъ или черноголовокъ. Отъ середины шла галлерея, въ углахъ же зданія помѣщались комнаты для дѣвицъ. На углахъ иногда строились и подъѣзды. Въѣзды украшались столбами и цѣпями. Отъ дворца къ главнѣйшимъ флигелямъ шли тротуары или корридоры.

Старинная желѣзная дверь въ костелѣ.

Внѣшнему виду соотвѣтствовало внутреннее устройство. Прежде всего сѣни, затѣмъ слѣдовала первая комната, носившая названіе «антикамеры», взятое съ итальянскаго языка, гдѣ помѣщалась комнатная прислуга; далѣе шли разныя комнаты и апартаменты, предназначавшіеся для пріема гостей. Потомъ слѣдовали жилыя помѣщенія, «ораторія» и кабинеты, увѣшанные оружіемъ и картинами; наконецъ, нѣсколько спаленъ, предназначенныхъ отчасти исключительно для женщинъ. Спальни были двоякаго рода: холодныя—лѣтнія и теплыя — зимнія. Столовыя же были большихъ размѣровъ, занимали въ домѣ первое мѣсто, а потому роскошнѣе украшались, имѣли веселый видъ и вообще своимъ устройствомъ говорили о желаніи хозяина блеснуть ими передъ посѣтителями. Они имѣли съ трехъ сторонъ большія окна и высокій потолокъ, украшенный деревянной рѣзьбой. При нихъ находились умывальная комната, купальная и комната для птицъ. Полы были каменные, мраморные, узорчатые, или деревянные дубовые, наиболѣе практичные для обуви съ подковами. Стѣны комнатъ украшались изящной рѣзьбой и панелями, круглыми и плоскими колоннами, въ свою очередь украшенными скульптурной или рѣзной работой, стѣны покрывались обоями или коврами персидской и цареградской работы, или особаго рода покровами, по которымъ были расшиты разныя изображенія золотомъ, бисеромъ, шелкомъ и проч. Иногда стѣны штукатурились и украшались дорогими красками, либо позолотою. Наличники у дверей, камины и основанія печей украшались рѣзьбой изъ мрамора или дерева. Деревянные потолки украшались удивительно мелкой рѣзной работой, позолотой и красками. Обыкновенные же жилые дома, какъ

каменные такъ, и деревянные, были одноэтажные, при чемъ деревянные строились преимущественно изъ смолистаго еловаго или лиственнаго лѣса, на фундаментѣ съ дубовымъ основаніемъ и на столько высокими окнами, что трудно было проникнуть въ нихъ. Дома покрывали гонтомъ или хорошо обожженной черепицей.

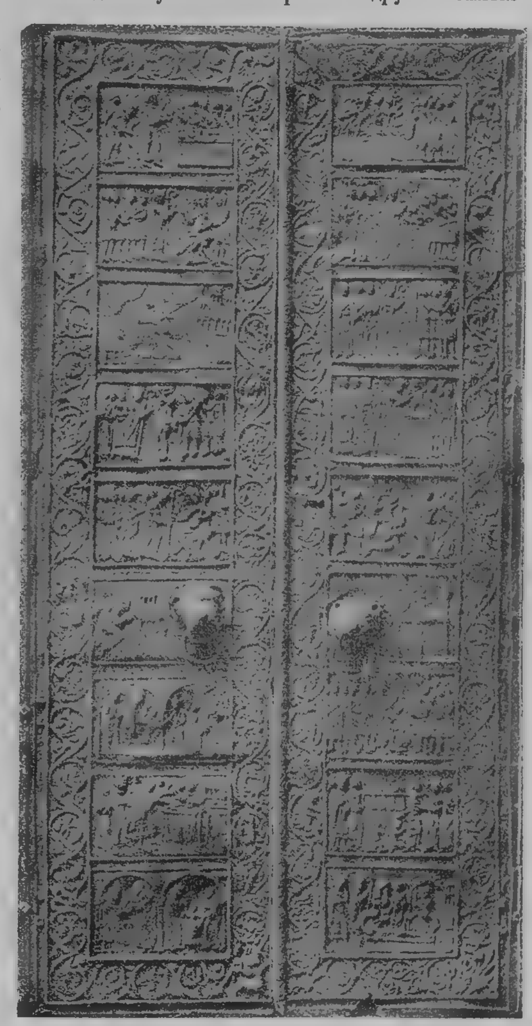

Древнія польскія издѣлія изъ металла.

Какъ въ церковной, такъ и свѣтской, архитектурѣ постройка самыхъ замѣчательныхъ зданій принадлежитъ итальянскимъ архитекторамъ, которые въ большомъ количествѣ призывались въ Польшу ко дворамъ королей, вельможъ и епископовъ. Итальянскій стиль въ свѣтской архитектурѣ достигъ крайняго развитія въ царствованіе Сигизмунда III, такъ какъ этотъ

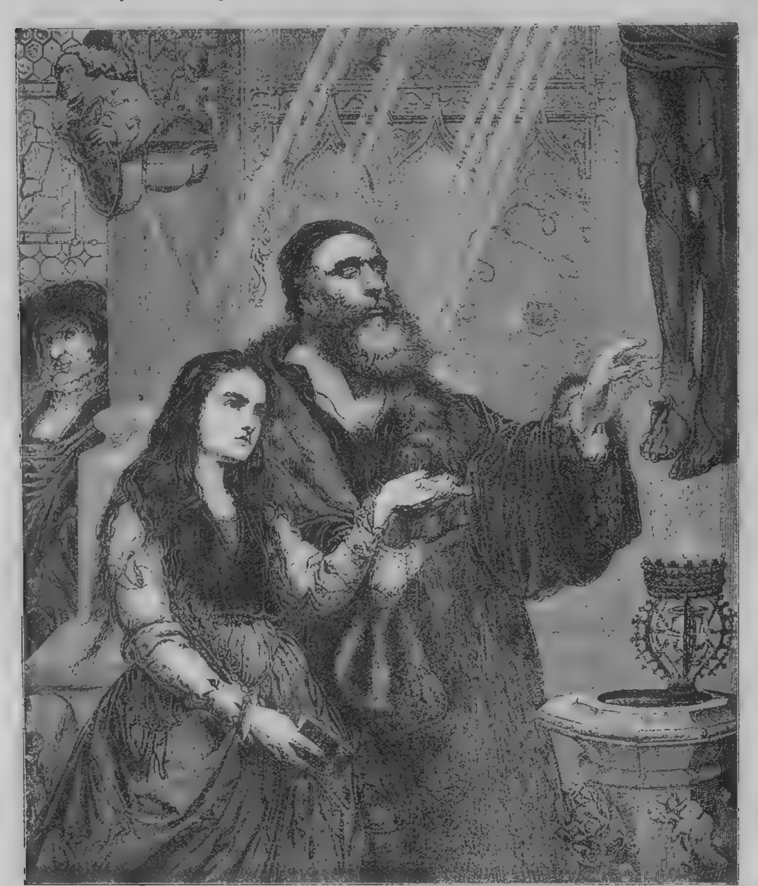
король воздвигалъ много дворцовъ и замковъ; богатые же вельможи, и даже менѣе состоятельное дворянство наперерывъ старались, подражать ему.

Начиная съ половины XVII столѣтія итальянскій вкусъ мало по-малу сталъ исчезать, а на его мѣстѣ появился французскій. Поводомъ къ этому послужилъ распространившійся обычай путешествованій за границу. Еще болѣе имѣлъ на это вліяніе дворъ Станислава Лещинскаго, царствовавшаго въ Лотарингіи, откуда польская молодежь увозила совершенно другія понятія о цивилизаціи. Это было время, когда въ Польшѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, распространялись французскій вкусъ и мода, отразившіеся преимущественно въ архитектурѣ. Польскіе вельможи увлеклись всѣмъ иностраннымъ, начали разрушать и передѣлывать унаслѣдованные отъ предковъ и уцѣлѣвшіе послѣ войнъ замки, дворцы и дворы и сооружать новые, на подобіе французскихъ. При постройкѣ этихъ новомодныхъ дворцовъ видно желаніе подражать вкусу Людовика XIV. Это стремленіе ко всему французскому въ Польшѣ такъ сильно уже вкоренилось, что могло бы съ основанія изгладить слѣды памятниковъ лучшаго вкуса, если бы не царствованіе Станислава Августа. Онъ первый взялъ подъ свое покровительство искусство. Усилія его въ этомъ отношеніи достойны тѣмъ большаго удивленія, что, несмотря на недостатокъ и скудность собственныхъ средствъ, онъ не переставалъ тратить суммы на устройство ради общей пользы разнаго рода фабрикъ, сооруженій и зданій, которыя приносили бы пользу и служили бы украшеніемъ для страны. Станиславъ Августъ болѣе всѣго интересовался свѣтской архитектурой. Онъ призвалъ изъ Италіи лучшихъ знатаковъ этого искусства и украшалъ Варшаву, реставрируя прежніе или воздвигая новыя великолѣпныя зданія, которыя служатъ и по настоящее время доказательствомъ прекраснаго вкуса и необыкновеннаго пониманія архитектуры.

Створы дверей въ гнѣзненскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Подобно архитектурѣ, и христіанское художество возникло непосредственно изъ древнихъ языческихъ образцовъ, но впослѣдствіи отклонилось отъ своего первоначальнаго типа. Рѣзьба, преимущественно же скульптура, въ христіанскомъ мірѣ и въ языческой Греціи, развивались подъ вліяніемъ совершенно различныхъ побудительныхъ причинъ. Языческое ученіе, основанное всецѣло на впечатлѣніяхъ внѣшнихъ формъ, сильно способствовало развитію этого рода искуства; напротивъ, христіанское ученье, руководясь преимущественно нравственной идеей и дѣйствуя исключительно на душу, въ первое время избѣгало даже всякаго подобія языческихъ идоловъ, находя что изваянія, напоминая языческія времена, не соотвѣтствовали

христіанскому ученію. Поэтому художество въ первые вѣка христіанства исключительно стремилось къ живописи. Пластика же перешла въ орнаментику и получила назначеніе преимущественно декоративное и оставалась въ такомъ состояніи довольно продолжительное время, довольствуясь примитивными формами, тогда какъ живопись, напротивъ, широко развивалась и совершенствовалась. Тѣмъ не менѣе христіанскіе храмы, даже и въ эпоху первоначальнаго ихъ появленія, не могли остаться совершенно чуждыми искусству въ полномъ смыслѣ слова. Алтари, напримѣръ, не обходились безъ скульптурныхъ украшеній и иконъ; кафедры и епископскія кресла покрывались орнаментикой, символическими изображеніями, вообще всякаго рода украшеніями, которыхъ было весьма много, хоть и безвкусныхъ. Поэтому въ первоначальныхъ произведеніяхъ этого рода искуства, весьма уже рѣдкихъ въ настоящее время, напрасно было бы искать пониманія красоты. Такъ какъ на древніе образцы не обращалось вниманія, то эти позднѣйшія произведенія были еще грубѣе и суше прежнихъ. Зачастую цѣнности матеріала придавалось больше значенія, чѣмъ художественному исполненію работы.

Витъ Ствошъ (слѣпой художникъ), картина Матейко.

Такимъ образомъ ваяніе стало развиваться самостоятельно гораздо позже и медленно прогрессировало. Съ паденіемъ язычества въ Западной Европѣ, ваяніе было совершенно заброшено и забыто весьма на продолжительное время; въ Византіи же имъ занимались только по традиціи, а потому здѣшнія произведенія все-таки напоминали прежнюю технику. Современемъ эти произведенія стали появляться на Западѣ и впослѣдствіи имъ начали подражать. Извѣстно, что византійскій стиль въ изваяніяхъ на Западѣ сохранялся весьма долго даже въ то время, когда архитектура уже успѣла отрѣшиться отъ него. Причиною тому было, прежде всего, болѣе высокое развитіе Византіи, затѣмъ сношенія со временъ Карла Великаго, когда сообщенія между столицами сдѣлались болѣе частыми; наконецъ присоединились и родственныя связи нѣмецкаго царствующаго дома съ греческимъ дворомъ. Греческая мода была господствующею почти во всей Европѣ, а произведенія грековъ почитались образцовыми. Не

удивительно поэтому, что въ самыхъ древнихъ памятникахъ этого искусства, относящихся почти къ концу XIII вѣка, мы повсюду встрѣчаемъ характеръ этихъ произведеній.

Такимъ именно путемъ греческій вкусъ проникъ и въ Польшу. Войны, а также родство съ Россіею, съ давнихъ уже поръ связанною вѣроисповѣданіемъ и сношеніями съ Греціею, содѣйствовали тому, что искусства отъ грековъ перешли въ Россію, а оттуда и въ Польшу.

Привѣтствіе Ангеловъ, рѣзьба Вита Ствоша.

Впослѣдствіи однако нѣмецкій стиль восторжествовалъ надъ господствомъ византійскаго вкуса. Это случилось въ началѣ XIV столѣтія, когда въ архитектурѣ готическій стиль достигъ наивысшаго развитія. Онъ совершено завладѣлъ художествомъ, придалъ ему больше жизни, надѣлилъ богатыми идеями, указалъ способъ тончайшей отдѣлки, и принудилъ къ тщательному исполненію. Все, что только возможно было сдѣлать при воображеніи того времени, при

трудѣ, усидчивости и непомѣрномъ терпѣніи,—все было сдѣлано, и даже въ настоящее время приходится удивляться мелкой, тончайшей отдѣлкѣ и рѣзьбѣ по металламъ, камню и дереву.

Въ такомъ положеніи находилось художество до конца XV столѣтія, когда итальянскій вкусъ задержалъ дальнѣйшее развитіе въ указанномъ направленіи. Въ XVI столѣтіи всѣ извѣстныя въ то время искуства достигли полнаго развитія и процвѣтали во многихъ мѣстахъ. Къ этому времени относится появленіе Лаокоона и Аполлона Бельведерскаго. Въ то время, слѣдуя примѣру Козьмы и Лаврентія Медичи, начали собирать коллекціи древнихъ статуй. Открылись глаза выдающихся художниковъ XVI столѣтія, и изслѣдованія прелестей идейной красоты указали имъ неизвѣстный путь иного рода, для усовершенствованія искусства. Эта была одна изъ самыхъ существенныхъ причинъ, руководясь которой геній творилъ почти чудеса. Вмѣсто боязни и сухости исполненія появились свобода и легкость, а вмѣсто принужденности — привлекательность.

Семенъ Чеховичъ.

Если скульптура и живопись до половины XVI столѣтія слѣдовали по пути своего развитія съ одинаковой скоростью, и если случаи открытія замѣчательныхъ древнихъ образцовъ болѣе благопріятствовали скульптурѣ, чѣмъ живописи, — невольно является вопросъ: почему живопись восторжествовала надъ скульптурою и заняла первое мѣсто между искусствами новаго времени? Въ основѣ этого явленія лежатъ общественныя условія новаго времени, обычаи и привычки, совершенно различные съ прежними, главнымъ же образомъ—перемѣна религіи, какъ на это указано выше.

Вообще, послѣ Микель Анджелло, высшая скульптура, за весьма малыми исключеніями, пришла почти вездѣ въ упадокъ; стиль ея снова сталъ сухимъ и жесткимъ. Зато болѣе мелкая рѣзьба, принадлежавшая преимущественно къ украшенію, и барельефы въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII столѣтій, достигла самаго высокаго развитія и утонченной обработки. Къ тому времени относится пристрастіе къ издѣліямъ изъ слоновой кости. Появились въ большомъ количествѣ весьма дорогія работы распятій и вещей домашняго обихода, въ которыхъ мелочная, но полная жизни, изысканность, точность и чистота рисунка вполнѣ достойны вниманія. Равнымъ образомъ дѣлались весьма изящные предметы изъ дерева и рога, какъ, напр., кубки, бокалы, охотничьи рога, женскіе туалеты, ящики и т. д. Не мало также разныхъ издѣлій доставляли плавильщики изъ металла, какъ, напр., всякаго рода оружіе, покрытое превосходною чеканкою, съ серебряною и золотою отдѣлкою, разукрашенное эмалью и дорогими камнями.

Самаго обширнаго артистическаго развитія достигли издѣлія, служившія для внутренняго украшенія храмовъ, для исполненія религіозныхъ обрядовъ и для костельной обстановки. На Западѣ утварь и украшенія этого рода во всемъ христіанскомъ мірѣ были доведены до высокаго развитія и цѣнности уже въ XI столѣтіи. Набожные монархи и богачи не жалѣли денегъ для пріобрѣтенія этихъ издѣлій, а также не упускали случая вывозить изъ завоеванныхъ странъ разныя вещи, служившія для украшенія, какъ это дѣлалъ Болеславъ Храбрый для костела въ

Гнѣзнѣ и другихъ. Къ самымъ давнимъ этого рода предметамъ, сохранившимся до настоящаго времени, принадлежатъ створы дверей каѳедральнаго костела въ Гнѣзнѣ. Это—весьма цѣнный памятникъ XII столѣтія, литой работы, который, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, оказался работою поляка въ царствованіе Кривоуста. На створахъ помѣщены изображенія двумя рядами: одинъ рядъ представляетъ нѣсколько событій изъ жизни святого Войцѣха, которыя указываютъ на душевное его состояніе, когда онъ стремился къ монашеской жизни; на другомъ же рядѣ изображены эпизоды подвижнической его жизни, доведшей до могилы. Эти створы находятся при входѣ въ притворъ съ южной стороны. Высота ихъ 5 локтей и 4 дюйма (или $9^{5}/_{12}$ парижскаго фута); ширина каждаго—1 локоть и 8 дюймовъ. Толщина же, вмѣстѣ съ выпуклостями, въ среднемъ представляетъ почти 1 дюймъ. Львиныя головы съ кольцами служили ранѣе для закрыванія створовъ.

Это—первый образецъ литой работы, отдѣланной руками. Кромѣ этихъ дверей, самые древніе изъ сохранившихся до настоящаго времени литыхъ предметовъ—купели, которыя находятся во многихъ костелахъ. Они служатъ образцами искусства первыхъ вѣковъ послѣ принятія христіанства.

Францъ Смуглевичъ.

Рѣзьба на камнѣ и мраморѣ, относящаяся къ XII-му столѣтію, встрѣчаются весьма рѣдко во всей Европѣ. Начиная же съ того времени, когда архитектура начала болѣе и болѣе развиваться, мраморныя и каменныя издѣлія неотступно сопутствовали въ развитіи этому искусству, и одновременно съ ней достигли совершенства. Особенно же благопріятствовала имъ готическая архитектура, такъ какъ костелы и замки, постройка которыхъ относится къ этой эпохѣ, украшались снаружи статуями. Внутри же костеловъ косяки у дверей, притворы, окна, колонны, хоры — украшались статуями, изображающими святыхъ или основателей костела, и иными украшеніями. Барельефы, находящіеся внутри или извнѣ построекъ, изображаютъ колѣнопреклоненныхъ основателей, въ свойственномъ ихъ званія одѣяніи, приносящихъ въ жертву костелъ Пресвятой Дѣвѣ, или какому-нибудь святому. Эти барельефы покрывались иногда соотвѣтственными красками и нѣкоторые изъ нихъ въ художественномъ отношеніи сдѣланы очень хорошо. Въ городскихъ каменныхъ зданіяхъ помѣщали, въ спеціально для этой цѣли устроенныхъ нишахъ статуи, изображающія святыхъ, или статуи Іисуса Христа, либо Пресвятой Богородицы. Въ нѣкоторыхъ костелахъ надгробные памятники дѣлались весьми красиво изъ камня и мрамора. Въ настоящее время самый древній изъ подобныхъ памятниковъ находится въ ленчицкомъ храмѣ. Онъ поставленъ въ XII столѣтіи изъ гранита, но неизвѣстно кому воздвигнутъ. Нѣкоторые изъ памятниковъ, относящіеся къ XIV и XV столѣтіямъ сохранились въ большемъ количествѣ. Изъ этихъ послѣднихъ самый изысканный—гробница Казимира Ягеллона, работы Вита Ствоша, великаго художника XVI вѣка.

Рѣзьба на деревѣ въ средніе вѣка занимала первое мѣсто. Этого рода издѣліями украшали въ костелахъ алтари, амвоны и т. п. Особеннаго же совершенства достигла работа алтарей. Дѣлались они въ формѣ складного шкапа и украшались рѣзными изображеніями разныхъ эпизодовъ исторіи Новаго Завѣта или Церкви, а именно: съ наружной стороны—выпуклою рѣзьбою, съ внутренней—цѣльными фигурами во весь ростъ. Издѣлія эти, разукрашенныя соотвѣтствен-

ными красками и позолотою, исполненныя съ большою тщательностью и вкусомъ, производятъ пріятное впечатлѣніе и имѣютъ эффектный видъ. Соединяя, такимъ образомъ, въ одно рѣзьбу и живопись, этотъ пріемъ хотя не согласуется съ принципами современнаго искусства, тѣмъ не менѣе, въ свое время пользовался большимъ успѣхомъ, такъ какъ имѣлъ за собою то преимущество, что изображаемымъ предметамъ придавалъ больше жизни и они имѣли гораздо болѣе сходства съ дѣйствительными предметами, чѣмъ сдѣланные изъ дерева или мрамора, безъ красокъ. Но не много такихъ издѣлій сохранилось до настоящаго времени, такъ какъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени ими пренебрегали, и они скоро испортились. Наконецъ, въ настоящее время вполнѣ ихъ оцѣнили.

Искусство этого рода было, очевидно, хорошо извѣстно въ Польшѣ, и владѣли имъ здѣсь едва ли не съ большимъ умѣніемъ, чѣмъ въ другихъ странахъ; доказательствомъ тому можетъ служить большой алтарь въ костелѣ Пресвятой Богородицы въ Краковѣ, который считается образцовымъ произведеніемъ этого рода искусства, замѣчательной работы Вита Ствоша. Деревянные, закрывающіеся алтари дѣлались въ Германіи и Польшѣ даже въ первой половинѣ XVI столѣтія и отличались великолѣпной работой. Въ половинѣ XVI столѣтія итальянскій стиль возрожденія завладѣлъ совершенно и повсемѣстно изящными искусствами въ Германіи, Польшѣ и Нидерландахъ, но принялъ довольно оригинальный видъ, благодаря особенностямъ воззрѣній художниковъ этихъ странъ. Стиль возрожденія особенно былъ благопріятенъ для декоративныхъ украшеній, а поэтому художникамъ этой эпохи представлялось обширное поле для развитія декоративнаго искусства. Чистота отдѣлки формъ, изящество были доведены до совершенства. Художники съ любовью украшали тѣ или другіе предметы различными арабесками, фестонами изъ цвѣтовъ и фруктовъ, гирляндами, кустарниками, фигурами людей и животныхъ. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, художники этого рода издѣлій слѣдовали вообще требованіямъ и вкусу того времени. Такимъ образомъ, видимъ въ началѣ XVII столѣтія господство фламандской школы, которая по причинѣ успѣха Рубенса и его послѣдователей произвела такое дѣйствіе, что изысканность и идеализація итальянскаго стиля совершенно были вытѣснены натурализмомъ, зачастую доходившимъ даже до злоупотребленія. Такъ равно и въ XVIII столѣтіи благородный стиль рѣзьбы совершенно пропалъ подъ бременемъ орнаментальныхъ арабесковъ.

Марцелъ Бачіарелли.

Издѣліями изъ слоновой кости, имѣвшими въ средніе вѣка большой успѣхъ, а потомъ остававшимися въ забытьи, начали интересоваться и снова заниматься только въ теченіе XVI столѣтія, преимущественно въ Италіи. Однако, нигдѣ они не достигли такого совершенства, какъ въ Нидерландахъ и Германіи. Въ половинѣ XVIII столѣтія стали появляться маленькія статуетки, сдѣланныя замѣчательно вѣрно. Костельная и домашняя обстановка, какъ-то, родъ налоевъ, употребляющихся въ католическомъ мірѣ для моленія на колѣняхъ, стулья, столы, шкапы и т. д. дѣлались изъ разнаго дерева, но почти до первой половины XVIII столѣтія украшались рѣзьбою изъ слоновой кости, краснаго и чернаго дерева, серебра, золота, съ добавленіемъ перламутровыхъ украшеній. Во второй половинѣ XVII столѣтія, когда любовь къ

роскоши разрослась,—вмѣсто прежнихъ украшеній, стали дѣлать инкрустаціи изъ олова и цинка, украшенныя рисунками. Позолоченная или бронзированная рѣзьба на деревѣ довершала украшенія предметовъ. Хотя подобнаго рода орнаменты были черезчуръ богаты и блистательны, тѣмъ не менѣе, они уступали въ художественномъ исполненіи издѣліямъ прежнихъ временъ.

Въ старинныхъ польскихъ костелахъ осталось еще весьма много различнаго рода предметовъ, служащихъ памятниками рѣзьбы на деревѣ. Укажемъ, напримѣръ, на нѣкоторые выдающіеся алтари, а именно: въ костелѣ св. Іоанна въ Варшавѣ, св. Николая въ Калишѣ, въ Шидловцѣ, въ Ломжѣ, въ Вильнѣ, въ каѳедральномъ костелѣ въ Полоцкѣ, въ Ченстоховѣ, Ясной горѣ, главный алтарь передъ чудотворной иконой Пресвятой Богородицы, сдѣланный изъ чернаго дерева съ серебрянными украшеніями; такой же точно алтарь въ Вроцлавскѣ и т. д.

По обычаю, исходящему еще отъ среднихъ вѣковъ, потолки въ комнатахъ замковъ и дворцовъ украшались въ большомъ количествѣ и большою пышною рѣзьбою. Потолки были почти всегда деревянные. Для предохраненія отъ сырости и всевозможныхъ насѣкомыхъ,

Януарій Суходольскій.

Александръ Орловскій.

ихъ покрывали масляной краской, расписывали красками разныхъ цвѣтовъ и позолотой. Слѣды такихъ потолковъ остались еще до настоящаго времени въ краковскомъ замкѣ и въ епископскомъ дворцѣ въ Кѣльцахъ.

Янтарными издѣліями особенно славился Гданьскъ, и они цѣнились очень высоко. Сигизмундъ-Августъ, Сигизмундъ III и ихъ преемники закупали эти издѣлія для дворовъ, а преимущественно для подарковъ монархамъ и иностраннымъ сановникамъ. Поэтому въ различныхъ музеяхъ и собраніяхъ рѣдкостей, во многихъ заграничныхъ большихъ городахъ, а преимущественно въ Берлинѣ и Вѣнѣ въ большомъ количествѣ можно встрѣтить издѣлія, которыя носятъ на себѣ слѣды польскаго происхожденіи. Въ Швеціи, въ Коклестерѣ, хранится до настоящаго времени масса вывезенныхъ изъ Польши, въ царствованіе Яна-Казиміра, шкаповъ чернаго дерева, и разной утвари изъ слоновой кости, янтаря и другихъ цѣнностей замѣчательно изящной работы. Въ ченстоховскомъ хранилищѣ находится до настоящаго времени пожертвованная костелу еще въ 1611 году статуя Пресвятой Дѣвы, прекраснѣйшей работы изъ янтаря.

Въ средніе вѣка и даже въ эпоху Возрожденія позолота вовсе не была ремесломъ. Позо-

лотчикъ былъ въ полномъ смыслѣ слова «художникомъ»; онъ рисовалъ, вырѣзывалъ, выливалъ, украшалъ драгоцѣнными камнями и даже писалъ красками на своихъ произведеніяхъ, которыя, въ настоящее время повсемѣстно считаются образцами искусства, отличающимися терпѣливой и старательной отдѣлкой. Для этого рода издѣлій употреблялось не одно только золото; позолотчики того времени выливали статуи, вырѣзывали барельефы, дѣлали вазы и ювелирныя украшенія, ковчежцы для мощей, потиры, чаши и т. д. — не только изъ золота, но даже изъ мѣди, бронзы, олова и цинка, которые затѣмъ покрывались позолотой, серебрились или раскрашивались. Издѣлія такихъ позолотчиковъ съ давнихъ поръ употреблялись для украшенія костеловъ, гдѣ подобныхъ вещей всегда было большое изобиліе.

Рѣзьба на твердыхъ и дорогихъ камняхъ углубленная (gemmy), или выпуклая (kamee),— для которой обыкновенно употреблялись горный хрусталь, яшма, халцедонъ, карніолъ, рубинъ, агатъ, преимущественно же, ониксъ,—были извѣстны еще древнимъ. Затѣмъ рѣзьбу забросили и она появилась снова въ Италіи. Упадокъ Константинополя и эмиграція греческихъ художниковъ послужили главнымъ образомъ причиною къ возрожденію этого рода искусства въ Европѣ. Эти художники-эмигранты первые указали на тѣ пріемы, которые употреблялись при работахъ подобнаго рода, и которые затѣмъ были значительно усовершенствованы итальянскими художниками.

Даніилъ-Николай Ходовецкій.

Разсмотрѣнныя искусства были развиты въ древней Польшѣ въ обширнѣйшемъ размѣрѣ. Мастера золотыхъ издѣлій во всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся городахъ находились подъ особеннымъ попеченіемъ административныхъ властей Польши и подъ вѣдѣніемъ государственной казны. Польскіе золотыхъ дѣлъ мастера находились въ полномъ достаткѣ, пользовались большимъ вниманіемъ, а произведенія ихъ имѣли такой большой успѣхъ, что даже и въ настоящее время еще не потеряли своей славы. Какъ мѣстные такъ и заграничные мастера имѣли достаточно работы, а болѣе выдающіеся и извѣстные художники почти постоянно работали при дворахъ богатыхъ польскихъ аристократовъ и магнатовъ. Эмальированныя и финифтяныя плавильныя) работы оплачивались гораздо дороже другихъ. Занятіе этимъ искусствомъ было весьма доходное и выгодное, такъ какъ относилось къ предметамъ роскоши. Сохранившіяся до настоящаго времени старинныя издѣлія золотыхъ дѣлъ мастеровъ свидѣтельствуютъ, что это производство въ Польшѣ стояло въ прежнее время значительно выше, чѣмъ теперь. Въ кладовыхъ предковъ хранились замѣчательные сервизы, драгоцѣнныя вещи какъ женскаго, такъ и мужскаго наряда; но все это потомки обратили въ деньги и настолько преуспѣли въ этомъ, что отъ работъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ свѣтскаго характера не осталось почти и слѣда.

Памятниковъ золотыхъ издѣлій XIV и XV столѣтій имѣется весьма достаточное количество. Къ нимъ, напримѣръ, относятся ковчежецъ для мощей—головы св. Сигизмунда въ Полоцкѣ, и ковчежецъ для мощей Маріи Магдалины въ Стобницѣ. Оба они составляютъ приношеніе Казимира Великаго, въ ряду съ другими приношеніями этого монарха, какъ-то, чашами, крестами и т. д. Между памятниками XVI столѣтія первое мѣсто занимаетъ алтарь, находящійся въ Сигизмундовской часовнѣ, въ Краковѣ, который весь сдѣланъ изъ серебра въ 1538 г. и былъ нѣкогда походнымъ Сигизмунда I. Тамъ же находится оправа для головы св. Станислава, прекраснѣйшей работы изъ чистаго золота, артистической отдѣлки.

Обратимся теперь къ живописи. Это искусство въ языческую эпоху не представляло пи-

Ходовецкій въ своей мастерской.

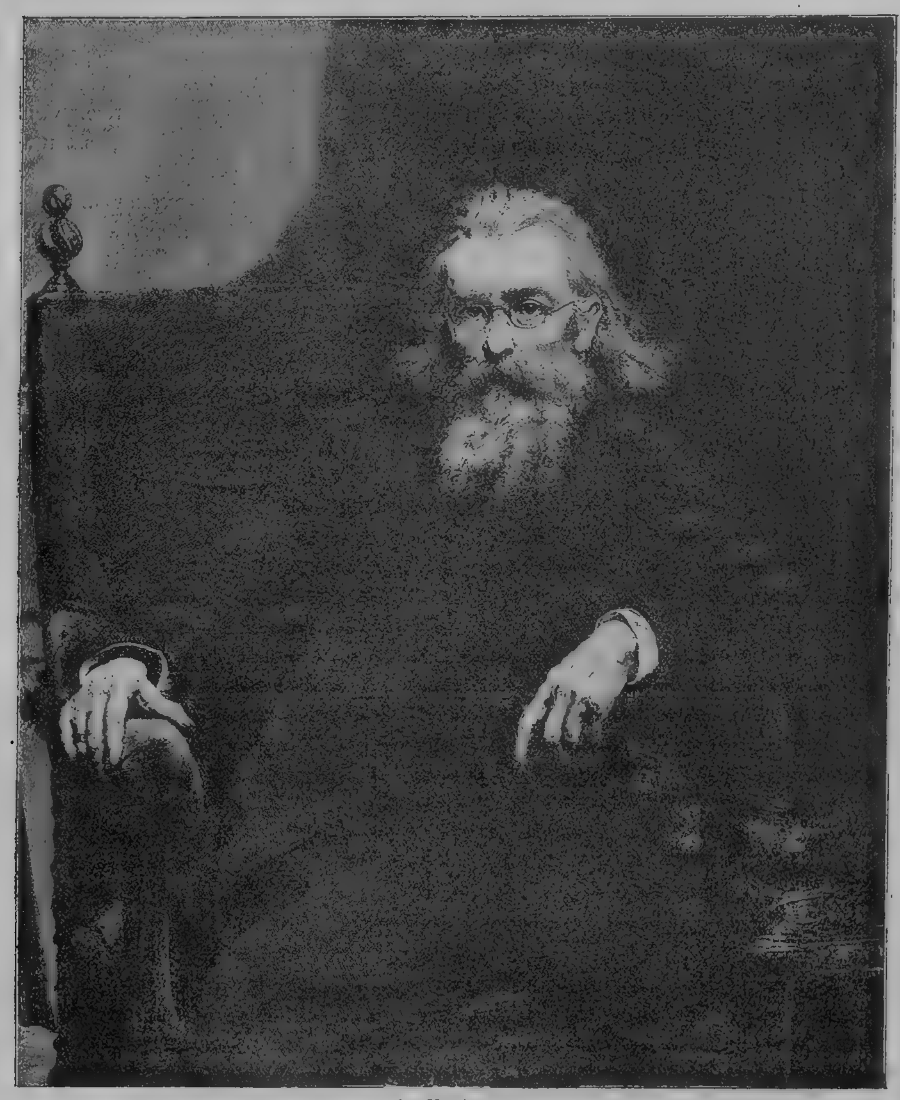
чего особеннаго, а потому нечего и говорить о немъ. Только начиная съ того времени, когда Константинъ Великій ученіе Христа сдѣлалъ господствующею религіею и перенесъ столицу въ Византію, живопись, совмѣстно съ другими искусствами, значительно возвысилась, такъ какъ этотъ монархъ ничего не жалѣлъ для украшенія новаго города. Окруживъ себя художниками и мастерами, онъ строилъ храмы, дворцы и другія зданія, украшалъ ихъ живописью. Однако въ самомъ началѣ своего развитія живопись подверглась страшному гоненію, по причинѣ всевозможныхъ теологическихъ споровъ и борьбы разныхъ сектъ. Гоненіе это продолжалось довольно долго и нанесло громадный ущербъ правильному развитію этого искусства. Самое большое бѣдствіе испытала живопись въ IV и V вѣкѣ послѣ Рождества Христова, отъ секты иконоборцевъ, которые считали всякаго рода образа слѣдами язычества, вредившими христіанству, и яростно уничтожали ихъ. Гоненіе это было доведено до самыхъ большихъ размѣровъ на Востокѣ, на Западѣ же секты эти хотя также имѣли своихъ приверженцевъ, но здѣсь они были не на столько сильны. Въ Италіи только королю готтовъ Теодориху удалось предотвратить окончательный упадокъ изящныхъ искусствъ, — и все изъ живописи, что сохранилось до слѣдующей послѣ иконоборства эпохи, обязано своимъ спасеніемъ исключительно его покровительству. Въ концѣ V вѣка секта несторіановъ возымѣла особенную любовь къ Богоматери и, воздавая Ей всевозможныя почести, ввела также въ употребленіе и изображенія Божьей матери, писанныя красками. Эти иконы писались на кипарисовомъ деревѣ и представляли сидящую Богородицу съ младенцемъ Іисусомъ на рукахъ; изображеніе же одного Спасителя и другихъ святыхъ весьма рѣдко можно было встрѣтить.

Мастерская Ходовецкаго.

Живопись была весьма слабая; понятія о красотѣ и выраженіи чувства очевидно были мало доступны художникамъ той поры. Живопись тогда составляла занятіе исключительно духовенства, которое занималось ею тайно, чтобы не подвергнуться гоненію. Это обстоятельство главнымъ образомъ послужило причиной тому, что иконы, писанныя духовенствомъ, во мнѣніи народа, считались произведеніями ангеловъ или особо посланныхъ на то духовъ. Когда живопись на Востокѣ, подвергаясь преслѣдованію, находилась въ такомъ печальномъ положеніи, въ Западной церкви почитаніе иконъ постепенно возрастало съ большою силою, и художники, изгоняемые на Востокѣ, находили здѣсь пріютъ. Этимъ именно обстоятельствомъ и объясняется, почему храмы римской церкви украшались греческою живописью. Подобное явленіе замѣчается и во Франціи, въ царствованіе династіи маровинговъ. Такимъ образомъ греки приготовили почву для возрожденія живописи въ Европѣ,— дали намъ первые образцы произведеній живо-

писи и первыхъ учителей-художниковъ. Въ XI столѣтіи, когда, благодаря крестовымъ походамъ, обогатились города и развилась торговля, возникла одновременно также надобность въ изящныхъ искусствахъ и любовь къ нимъ. Храмы, одаренные богатыми вкладами и пожертвованіями, начали постепенно перестраиваться и принимать болѣе грандіозныя размѣры; вну-

Янъ Матейко.

тренняя же сторона ихъ, преимущественно алтари, украшались съ большою пышностью, предоставляя такимъ образомъ широкое поприще художникамъ для развитія таланта. Несмотря однако на это, въ теченіе первыхъ девяти вѣковъ христіанства, живопись за исключеніемъ весьма малого числа образовъ, приписываемыхъ евангелисту Лукѣ, въ общемъ ограничилась

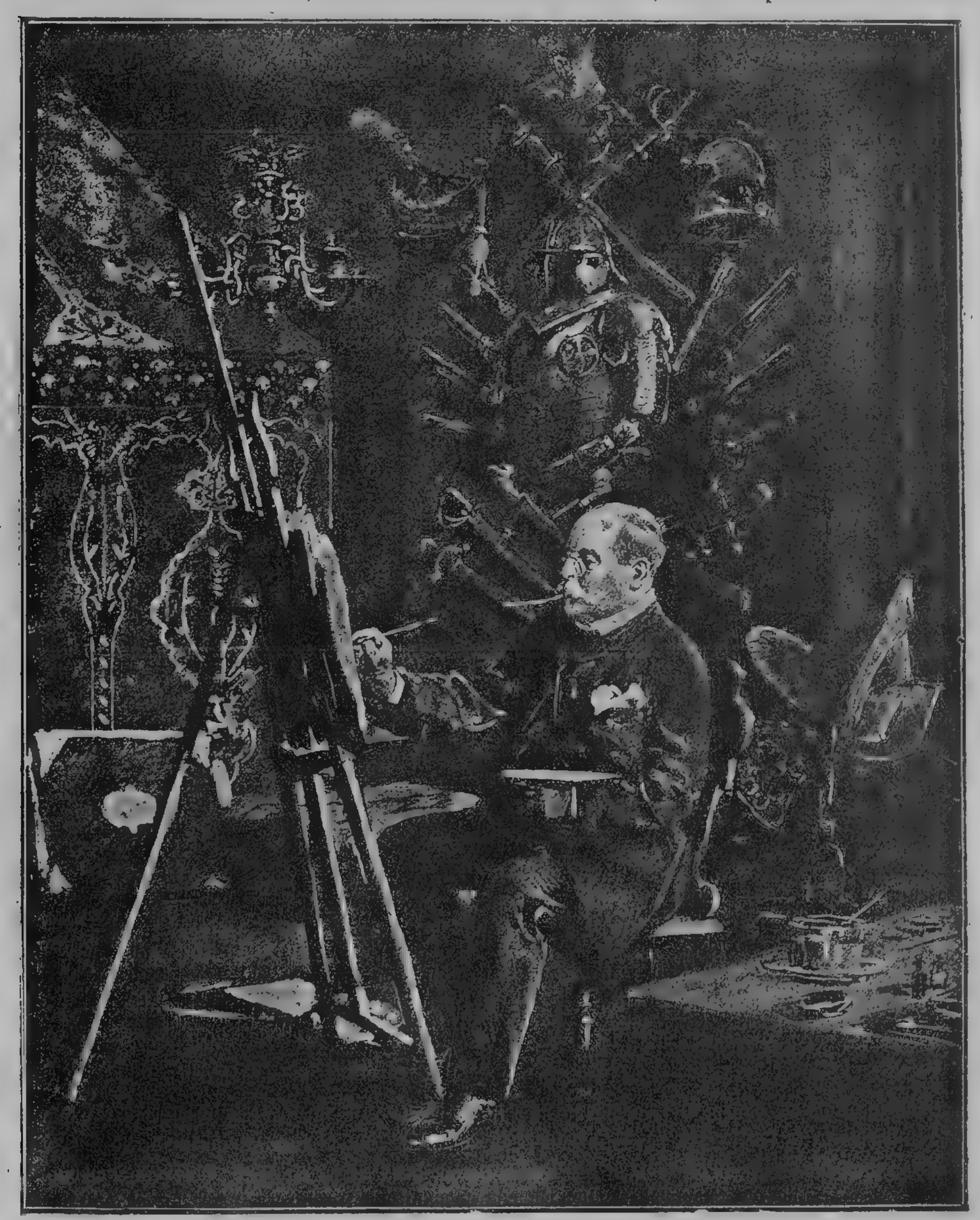
только изображеніями «альфреско», т. е. на свѣжей извести, а также мозаикою. Такъ именно украшались катакомбы и храмы въ Константинополѣ и Римѣ.

Въ началѣ XIV вѣка, живопись начинаетъ мало-по-малу выходить изъ тѣсной своей рамки и шереховатости прежней школы; но для того, чтобы окончательно освободиться отъ всѣхъ заблужденій и недостатковъ, ей не хватало еще весьма многаго. Характеръ этой новой школы вообще былъ сухъ и безжизненъ, драпировка тяжелая, наброшенная безъ всякаго плана и соразмѣрности; руки и ноги рисовались весьма грубо, безъ всякой пропорціи; черты были остры, группы вытягивались въ одну линію. Почти всѣ образа дѣлались на деревѣ, покрытомъ предварительно мѣломъ или другою какою-либо основою, а также и позолотою. Основы эти дѣлались различными узорами на подобіе ковра. Только въ изображеніяхъ головъ и лицъ проявляется правильность формъ, а иногда даже выраженіе и мысль. Словомъ, художники еще никакъ не могли отстать отъ пріемовъ, укоренившихся вѣками. Образа и святыни имѣютъ характеръ той грандіозной готической архитектуры, громадной и въ то же время мелочной, которая одновременно и пугаетъ, и удивляетъ насъ.

Такъ стало развиваться художество въ Германіи. Въ Силезіи же и Моравіи, въ концѣ IX вѣка, святой Меѳодій, одинъ изъ первыхъ апостоловъ у славянъ, былъ также выдающимся художникомъ, и этому искусству научалъ въ разныхъ монастыряхъ и другихъ монаховъ. Во Вроцлавѣ уже въ X столѣтіи, а въ Кёльнѣ отъ 1150 до 1350 года существовали школы живописи. Въ Чехіи живопись находилась въ цвѣтущемъ состояніи уже во второй половинѣ XI столѣтія; въ половинѣ же XIV она была доведена до такого высокаго развитія, что въ Прагу стремились всѣ европейскіе художники, какъ въ послѣднее время они стремятся въ Римъ. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что Польша, принявъ христіанство отъ Чехіи и поддерживая съ нею постоянныя политическія сношенія, приняла отъ нея также и живопись. Извѣстно, что въ Польшѣ съ давнихъ временъ существовалъ обычай подражать всему, что было чешскаго; на это обстоятельство сѣтовали еще въ XVI столѣтіи. Можно предположить, однако, что живопись въ Польшѣ была извѣстна и раньше, а изъ Чехіи были позаимствованы только новые способы изображеній. Это предположеніе подтверждаютъ какъ дошедшія до насъ преданія, такъ равно и нѣкоторые, сохранившіеся до настоящаго времени, весьма рѣдкіе памятники. Нѣкоторые считаютъ въ Польшѣ самыми древними памятниками живописи чудотворныя иконы, изъ коихъ безъ сомнѣнія первое мѣсто занимаетъ извѣстная чудотворная икона Пресвятой Богородицы Ченстоховской, въ отношеніи которой есть папская булла, удостовѣряющая, что икона эта написана въ Іерусалимѣ рукою евангелиста Луки. Судя по облику, а равно и черезчуръ темному колориту, образъ этотъ дѣйствительно можетъ быть отнесенъ къ старинной греческой работѣ. Такія же древнія иконы находятся во Львовѣ, Хелмѣ, Вильнѣ и т. д. Къ весьма древней живописи относятся также иконы, изображающія святого Войцѣха и святого Станислава, которыя въ настоящее время можно встрѣтить въ краковскихъ и нѣкоторыхъ другихъ костелахъ. Изъ старинныхъ иконъ, самое большое число ихъ дошло до насъ работы XV столѣтія. Изъ нихъ замѣчательны: въ Шидловцѣ—икона поклоненія Волхвовъ; въ Кельцахъ и въ Петравинѣ—святого Станислава; въ Пултускѣ—Снятіе съ креста Спасителя; восемь иконъ въ Сѣннѣ; Успеніе Пресвятой Богородицы—въ Вардѣ; эпизоды изъ жизни Пресвятой Дѣвы Маріи—въ Шанцѣ и въ Бодзентынѣ и нѣсколько другихъ. Всѣ они очень интересны, писаны на деревѣ по мѣловому позолоченному фону.

На основаніи нѣкоторыхъ наблюденій, полагаютъ, что въ началѣ XIV столѣтія въ Польшѣ уже существовали художественныя общества (цехи), къ которымъ, какъ и въ Западной Европѣ, причислялись также и такъ называемые «стекольщики», т. е. писавшіе красками по стеклу, ваятели и столяры. Въ прежнее время художникъ, не отдавался всецѣло какой либо одной отрасли искусства, напротивъ, понятіе «художникъ» совмѣщало въ себѣ всѣ отрасли его; онъ былъ живописецъ, скульпторъ и въ то же время архитекторъ. Въ архивахъ попа-

дались акты, въ которыхъ весьма часто упоминалось о живописцахъ въ Польшѣ. Между памятниками стѣнной живописи, исполненной на свѣжей извести, самыми древними въ Польшѣ

Юлій Коссакъ въ своей мастерской.

считаются остатки фресковъ въ бывшемъ Цистерскомъ монастырѣ, въ Копшивницѣ, которыя относятся къ XIII столѣтію; затѣмъ фрески въ часовнѣ и бывшемъ Цистерскомъ монастырѣ въ Лендзѣ, можно отнести по крайней мѣрѣ къ XIV столѣтію. Къ XV столѣтію относится

живопись на потолкѣ въ приходскомъ костелѣ въ Колѣ, Радомской губерніи и т. д. Затѣмъ, обычай украшать стѣны живописью прекращается и возобновляется лишь не ранѣе, какъ въ концѣ XVII столѣтія. А въ XVIII столѣтіи стѣнная живопись уже достигаетъ наибольшаго своего развитія.

Стѣнная живопись во внутреннихъ частяхъ храмовъ, строившихся въ XVIII столѣтіи, встрѣчается въ изобиліи, какъ, напримѣръ: въ костелѣ, оставшемся отъ іезуитовъ, а въ настоящее время кафедральномъ въ Люблинѣ и такомъ же въ Петроковѣ: въ костелахъ, оставшихся отъ піяровъ въ Ополѣ и Хелмѣ; въ оставшихся отъ бернардиновъ—въ Варшавѣ, Варцѣ, Калишѣ, Скемпѣ, Остроленкѣ и Петроковѣ.

Искусство украшать миніатюрами рукописи, въ настоящее время совершенно заброшенное, прежде было настолько употребительно, что превзошло даже прочіе виды живописи, особенно же иконопись. Гоненіе на иконы и уничтоженіе ихъ въ VIII столѣтіи сильно способствовало къ распространенію миніатюръ, такъ какъ ихъ удобно было скрывать. Онѣ замѣняли на-

Алхимикъ, съ картины Матейко.

божнымъ иконопочитателямъ прежніе образа, такъ какъ въ украшенныхъ миніатюрами молитвенникахъ находилось изображеніе алтаря въ честь разныхъ святыхъ. Употребленіе въ молитвенникахъ миніатюръ, вызванное необходимостью въ время иконоборства, вошло въ обычай и сохранилось и послѣ прекращенія иконоборства. Но подобнаго рода молитвенники были доступны только людямъ богатымъ, такъ какъ художникъ, работавшій долгое время, требовалъ себѣ и соотвѣтственнаго вознагражденія, а потому стоимость ихъ была велика и недоступна менѣе состоятельнымъ людямъ. Съ этихъ поръ, вплоть до XVI столѣтія, непрерывный рядъ рукописей, украшенныхъ миніатюрами, свидѣтельствуетъ о томъ, что, несмотря на весьма печальное положеніе всѣхъ изящныхъ искусствъ, развитіе живописи поддерживалось этимъ путемъ. Въ греческихъ монастыряхъ особенно усердно занимались этимъ дѣломъ и съ большимъ искусствомъ. Отъ греческихъ же монаховъ переняли это искусство и западные. Въ XI и XII столѣтіяхъ, когда начались особенно частыя сношенія съ западомъ, украшенныя картинками рукописи, особенно размножились въ Европѣ. Это именно время и было эпохой самаго большого

Сказочникъ-пѣвецъ, съ картины Матейко

прогресса этого искусства въ Германіи и Франціи. Монахи, проходя по этимъ странамъ, восхищенные святостью раскрашенныхъ рукописей, по возвращеніи къ себѣ, начали украшать подобнымъ образомъ и свои сочиненія религіознаго содержанія. Во всѣхъ всѣхъ почти монастыряхъ, съ XII по XIV вѣкъ, усердно занимались этимъ искусствомъ. Было между прочимъ въ обычаѣ этою работою наказывать монаховъ. За какія либо провинности монахъ долженъ былъ раскрасить какую либо часть рукописи и ему не давалось прощенія до тѣхъ поръ, пока онъ не представлялъ законченной работы. Поэтому работы этого рода, сохранившіяся до настоящаго времени, служатъ образцами изумительнаго терпѣнія, поразительнаго трудолюбія и ловкости, но лишены, однако, вдохновенія и идеи. Обыкновенно поля каждой страницы рукописи, заглавія произведенія и его отдѣловъ, отдѣльныя слова и буквы украшались маленькими фигурками, исполненными такими превосходными красками, что даже длинный рядъ вѣковъ не могъ причинить имъ никакой порчи. Разнообразіе арабесковъ и орнаментовъ, украшающихъ эти рукописи, изумительно. Въ настоящее время не хватило бы самой продолжительной жизни художника, чтобы придумать всѣ эти украшенія. Такимъ образомъ украшались требники, псалтыри, служебники, молитвенники и разныя другія книги. Много имѣется доказательствъ, что работа миніатюровъ была извѣстна славянамъ съ давнихъ поръ, чему подтвержденіемъ служатъ также и сохранившіеся до настоящаго времени памятники этихъ издѣлій. Весьма правдоподобно, что Русь, находясь въ сосѣдствѣ съ греками и поддерживая съ ними постоянно самыя тѣсныя сношенія, позаимствовала отъ нихъ и это искусство весьма рано. Нѣкоторые изъ сохранившихся въ Россіи памятниковъ подтверждаютъ, какъ вліяніе греческой школы, такъ и обычай украшать подобнымъ образомъ религіозныя книги и другіе предметы. Весьма давно также была извѣстна живопись миніатюрная и въ Польшѣ, какъ въ этомъ удостовѣряютъ сохранившіяся до сихъ поръ рукописи. Всѣ они большею частью работы бенедиктиновъ или принадлежатъ бенедиктинскимъ монастырямъ. Извѣстно нѣсколько именъ художниковъ, занимавшихся этимъ искусствомъ въ Польшѣ, какъ, напримѣръ, Станиславъ Русекъ изъ Бодзева (1459 г.), Іоаннъ изъ Костяны (1460 г.), Станиславъ изъ Кракова (1505 г.) и друг.

По мнѣнію ученыхъ, писавшихъ о свободныхъ искусствахъ, мозаичныя работы, извѣстныя и усовершенствованныя еще въ глубокой древности, послужили поводомъ къ изобрѣтенію искусства писать красками на стеклѣ, которымъ украшались окна въ костелахъ, замкахъ и другихъ зданіяхъ. Въ составъ мозаики, какъ извѣстно, входятъ куски эмалированнаго стекла, мелкіе камни и разныя части мрамора, которые, размѣщаясь совмѣстно въ различной комбинаціи въ массѣ или извести, даютъ всевозможныя желаемыя изображенія. Такимъ же образомъ первоначально дѣлались и крашенныя окна. Онѣ состояли изъ мягкихъ кусочковъ цвѣтного стекла, соединенныхъ или спаянныхъ между собою оловомъ, совершенно похожихъ по виду на камни въ мозаикѣ. Употребленіе раскрашенныхъ и цвѣтныхъ оконъ, въ храмахъ, строившихся въ средніе вѣка, являлось необходимымъ главнымъ образомъ для того, чтобы придать больше мистической торжественности, таинственности.

Живопись на стеклѣ до XIV столѣтія состояла исключительно изъ окраски стеколъ, безъ изображенія предметовъ. Впослѣдствіи же искусство это значительно подвинулось впередъ, произведенія его отличаются чистотой изображеній, большимъ разнообразіемъ изображаемыхъ предметовъ, изобиліемъ различныхъ къ нимъ дополненій, терпѣливымъ исполненіемъ, легкостью и вдохновеніемъ, а равно—и большимъ вкусомъ въ украшеніи арабесками. Нѣмецкая школа, преимущественно же кельнская, стояла въ этомъ отношеніи выше другихъ. Доказательствомъ этого служатъ окна въ кельнскомъ каѳедральномъ соборѣ. Въ XV вѣкѣ техническое усовершенствованіе значительно подвинуло это искусство впередъ. Въ XVI вѣкѣ, считающемся эпохою самаго высокаго развитія для всѣхъ искусствъ, живопись на стеклѣ, вошедшая во всеобщее употребленіе, также достигла своего апогея. Въ Польшѣ это искусство развивалось одновре-

менно съ развитіемъ его во всей Европѣ. Общество этого рода художниковъ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ уставы цеховъ краковскихъ, варшавскихъ и друг., было связано съ обществомъ живописцевъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ подобной живописи въ цѣломъ видѣ сохранились окна въ костелѣ Пресвятой Дѣвы Маріи въ Краковѣ, которыя считаются пожертвованіемъ Казимира Великаго и въ каѳедральномъ костелѣ во Влоцлавкѣ, обломки оконъ въ Олькушѣ, въ костелѣ святой Екатерины близъ Лысой горы.

Въ указанную эпоху въ Италіи были сдѣланы такіе громадные успѣхи, что почти всѣ одновременно появлявшіеся тамъ художники стали основателями отдѣльныхъ школъ, отличавшихся другъ отъ друга болѣе или менѣе различными направленіями. Въ это время возобнов-

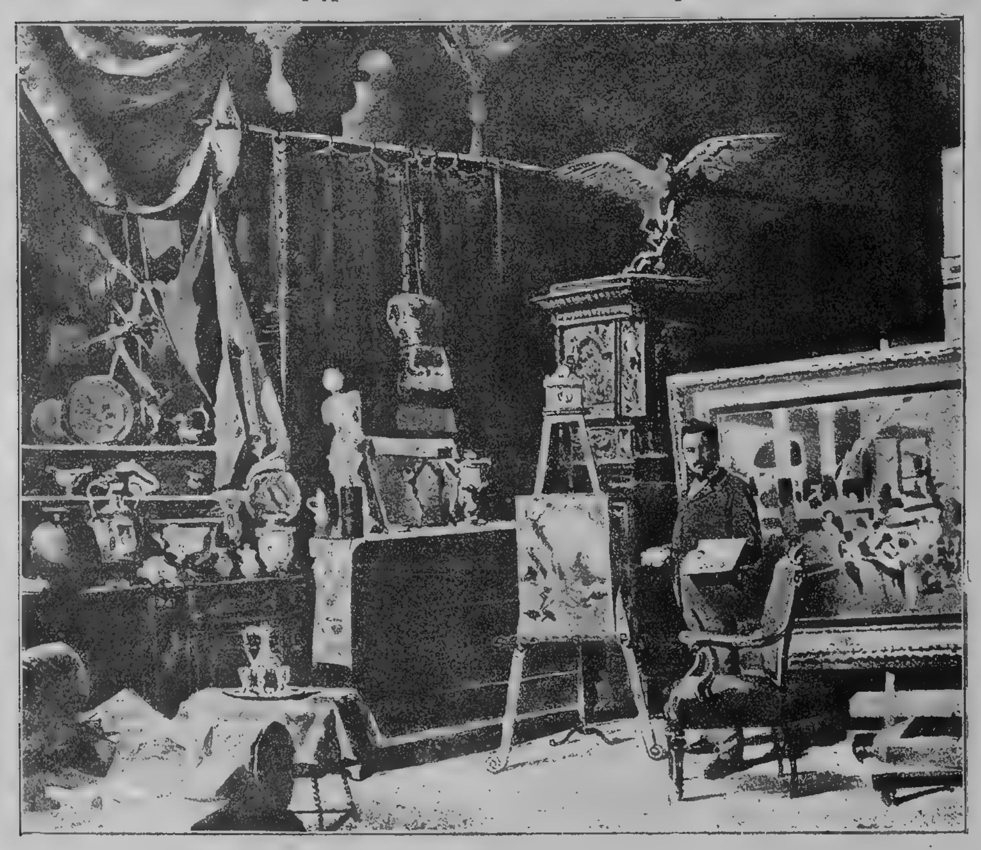
Шутъ, съ картины Матейко.

ленная живопись масляными красками вошла во всеобщее употребленіе, а работа на деревѣ была совершенно заброшена. Появились учителя живописи, воспитавшіе знаменитыхъ художниковъ, напримѣръ, Перучино воспиталъ Рафаэля, Джирландіо (Ghirlandgjo) — Микель-Анджелло, Беллини—Тиціана. Эти же, въ свою очередь, довели искусство до такого совершенства, которому преемники ихъ въ силахъ были только подражать.

Вообще итальянская живопись была господствующею и оказывала вліяніе на живопись всей Европы. Искусство освободилось отъ суровыхъ аскетическихъ правилъ; свѣтскіе же предметы и подражаніе стариннымъ образцамъ направляли на путь изображенія явленій дѣйствительной жизни. Художественныя братства, скрывавшіяся все время въ монастырскихъ стѣнахъ и церквахъ, перешли во дворцы монарховъ, князей и большихъ вельможъ. Искусство стало

постепенно принимать свѣтскій характеръ, и труды — художниковъ стали уже необходимыми для украшеній барскихъ хоромъ, какъ предметы роскоши.

Послѣ XVI столѣтія, итальянская живопись, достигнувъ высшей степени развитія, долгое время продолжала существовать только подражаніемъ, а затѣмъ начала клониться все болѣе и болѣе къ упадку. Не лучше того шли дѣла и въ Германіи, гдѣ прогрессъ всѣхъ искусствъ былъ задержанъ на довольно продолжительное время внутренними междоусобицами. Выдающееся же мѣсто заняли школы: голландская, фламандская, испанская и французская, отъ которыхъ живопись и получила нынѣшній свой характеръ и направленіе, т. е. иначе—отзывчивость къ жизни, умѣнье отражать всѣ ея стороны. Самое же рѣшительное вліяніе на живопись, въ смыслѣ окончательнаго пріуроченія ея къ потребностямъ современной жизни, имѣла французская революція, давшая художникамъ безконечное разнообразіе совершенно новыхъ ощущеній и мотивовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно новое направленіе для художественнаго вдохновенія и творчества.

Генрихъ Семирадскій въ своей мастерской.

Пока, такимъ образомъ, живопись слѣдовала по историческому пути, подвергаясь въ разныя эпохи и въ различныхъ странахъ указаннымъ выше измѣненіямъ, Польша тоже не оставалась безучастною къ этимъ метаморфозамъ. Въ Польшу неоднократно проникали новыя произведенія разныхъ временъ, а иногда даже и проживали болѣе или менѣе продолжительное время знаменитые художники разныхъ странъ и школъ. Извѣстно, напримѣръ, что въ цар-

ствованіе Сигизмунда I проживалъ и работалъ въ Польшѣ Рафаэль въ 1513 и 1514 годахъ. При дворѣ этого монарха состоялъ живописцемъ Иванъ Дюреръ, братъ знаменитаго нѣмецкаго художника Альберта Дюрера. Владиславъ Ягелло имѣлъ при своемъ дворѣ живописца Якова Венжика. Казимиру Ягеллону работалъ излюбленный имъ Иванъ изъ Ниццы. Въ его царствованіе проживалъ и работалъ въ Краковѣ извѣстный скульпторъ, граверъ и живописецъ Витъ Створшъ. Въ это время давно существовавшій въ Краковѣ художественный цехъ получилъ устройство и уставъ по образцу заграничныхъ институтовъ подобнаго рода. На сколько Сигизмундъ–Августъ покровительствовалъ живописи, можетъ служить доказательствомъ «привиллегія», данная имъ въ 1570 году польскимъ художникомъ. Чтобы наплывъ иностранныхъ живописцевъ не подрывалъ заработка польскихъ художниковъ, строго воспрещался ввозъ постороннихъ произведеній и приглашеніе иностранныхъ художниковъ. Это во-первыхъ, подтверждаетъ предположеніе, что польскіе художники считали вполнѣ возможнымъ самостоятельное удовлетвореніе нуждъ края; во-вторыхъ, что число мѣстныхъ художниковъ должно было быть внушительнымъ, если король согласился сдѣлать подобныя ограниченія. Эту привиллегію утвердилъ также въ 1581 году и Стефанъ Баторій. Странно однако, что работы этихъ художниковъ равно какъ и ихъ имена остались для насъ мало извѣстны. Въ царствованіе Сигизмунда I въ Польшѣ уже существовалъ обычай украшать комнаты мѣстными и заграничными картинами. Въ королевскихъ расходныхъ реестрахъ 1536 г. весьма часто встрѣчаются записи расходовъ на покупку фламандскихъ и итальянскихъ картинъ. Вазарій въ жизнеописаніи итальянскихъ художниковъ упоминаетъ о полякѣ Спыткѣ Іорданѣ, который, въ началѣ XIV вѣка, покупалъ для Польши картины въ Италіи. Почти въ каждомъ болѣе или менѣе знатномъ домѣ находились особые залы, увѣшанные изображеніями польскихъ монарховъ и своихъ предковъ; нѣкоторыя изъ нихъ весьма хорошей работы сохранились до настоящаго времени. Подобнымъ образомъ въ монастырскихъ трапезныхъ и галлереяхъ вѣшались изображенія святыхъ даннаго ордена, или историческихъ событій монастыря, часто представлявшія лицъ высшаго духовенства въ полномъ составѣ, благотворителей и ктиторовъ. Это были въ нѣкоторомъ родѣ кар-

Укрощеніе бури Христомъ, съ картины Семирадскаго.

тинныя галлереи, между которыми многимъ изъ знатоковъ искусства удалось найти работы выдающихся европейскихъ знаменитостей. Между этими последними всегда преобладали работы итальянской школы; голландская же, фламандская и французская живопись всегда имѣла меньше поклонниковъ. Несмотря на продолжительное царствованіе Сигизмунда III, который особенно любилъ живопись и былъ большимъ ея знатокомъ, щедро платилъ за работы и призывалъ ко двору массу заграничныхъ художниковъ, — тѣмъ не менѣе его заботы въ этомъ отношеніи не имѣли большого вліянія на развитіе искусства, призванные же имъ иностранцы почти ничего не сдѣлали для польскаго искусства.

Въ царствованіе Владислава IV и Іоанна-Казимира положеніе Польши для развитія изящныхъ искусствъ было весьма неблагопріятно и замѣчается полнѣйшій упадокъ вкуса. Однако

Христосъ у Маріи и Мареы, съ картины Семирадскаго.

Владиславъ утвердилъ привиллегіи живописцевъ въ 1638 г. и при дворѣ имѣлъ двухъ художниковъ школы Рубенса.

Одновременно съ тѣмъ, какъ въ Польшѣ работали иностранные художники, болѣе и болѣе выдвигались и отечественные ея таланты, такъ что былъ даже моментъ, когда и за предѣлами Польши пользовались извѣстностью цѣлыя семьи ея художниковъ, какъ напримѣръ, семья Лишевскихъ, Ходовецкихъ, Франца Офелье изъ Познани и друг.

Особенную пользу принесло живописи царствованіе Сигизмунда-Августа. Король этотъ тратилъ большія деньги на пріобрѣтеніе самыхъ выдающихся произведеній живописи, выписалъ изъ Италіи знаменитыхъ художниковъ и открылъ школу. Словомъ, онъ всѣми способами старался привить въ странѣ любовь къ этому искусству. Прибывшіе, по его приглашенію, художники, почти всѣ навсегда остались уже въ Польшѣ и оказали не малыя услуги, какъ на поприщѣ

воспитанія польской молодежи, изучавшей искусство, такъ равно—и своими образцовыми произведеніями, вообще способствовавшими развитію хорошаго вкуса.

Тѣмъ не менѣе, въ концѣ этого царствованія событія задержали дальнѣйшее развитіе искусства. Но все-таки нашлись художники, которые даже и въ это печальное для искусства время успѣли прославить свое имя, какъ-то: Михаилъ Стаховичъ и Іосифъ Пешко, оба изъ Кракова. Послѣднимъ изъ знаменитыхъ художниковъ царствованія Станислава-Августа былъ Александръ Орловскій, прекрасно писавшій лошадей и картины изъ народнаго быта, которыя имѣютъ высокую цѣну и до настоящаго времени.

Признаніе, съ картины Семирадскаго.

Въ тѣсной связи съ живописью находятся и гравюры. Хотя первоначальное появленіе этого искусства относится къ весьма древнимъ временамъ, такъ какъ имѣются достаточныя доказательства, что оно было извѣстно китайцамъ, египтянамъ, грекамъ, этрускамъ и славянамъ, изображавшимъ свои письмена (руны) посредствомъ вырѣзыванія ихъ на деревѣ, однако, искусство это оставалось безъ дальнѣйшаго усовершенствованія. Только изобрѣтеніе игральныхъ картъ послужило поводомъ къ болѣе широкому примѣненію граверннаго искусства. Игральныя карты появились въ 1240 г., съ Востока, и первоначально дѣлались только во Франціи, а затѣмъ—и во всей Европѣ. Въ концѣ XV ст. появилась въ Польшѣ первая карточная фабрика. Современемъ стараніемъ духовенства изображенія на картахъ стали дѣлаться религіознаго содержанія. Съ этого времени на работу картъ начали обращать большее вниманіе

и предъявлять болѣе серьезныя требованія къ карточнымъ изображеніямъ. Появилось много мастеровъ, занимающихся издѣліемъ картъ. Карточные сюжеты религіознаго содержанія мало-по-мало стали появляться отдѣльными оттисками, подъ именемъ «образковъ»; затѣмъ къ этимъ «образкамъ» придавались надписи, которыя и положили собственно начало ксилографіи, замѣнившей прежній способъ рукописи. Но имъ пользовались весьма недолго, такъ какъ вскорѣ Гуттенбергъ нашелъ для этой цѣли болѣе удобный способъ передвижной азбуки, которая окончательно погубила ксилографію.

Но граверному искусству изобрѣтеніе Гуттенберга нисколько не повредило, такъ какъ типографщики прямо-таки привлекли граверовъ къ непосредственном участію въ печатномъ дѣлѣ. Поэтому, въ печатныхъ произведеніяхъ конца XV и въ XVI столѣтіи встрѣчается уже масса гравюръ. Въ нѣмецкихъ и французскихъ изданіяхъ, относящихся къ XVI столѣтію, почти всѣ помѣщенныя гравюры отличаются особенно деликатностью и легкостью рѣзца, равно какъ и прекрасными рисунками.

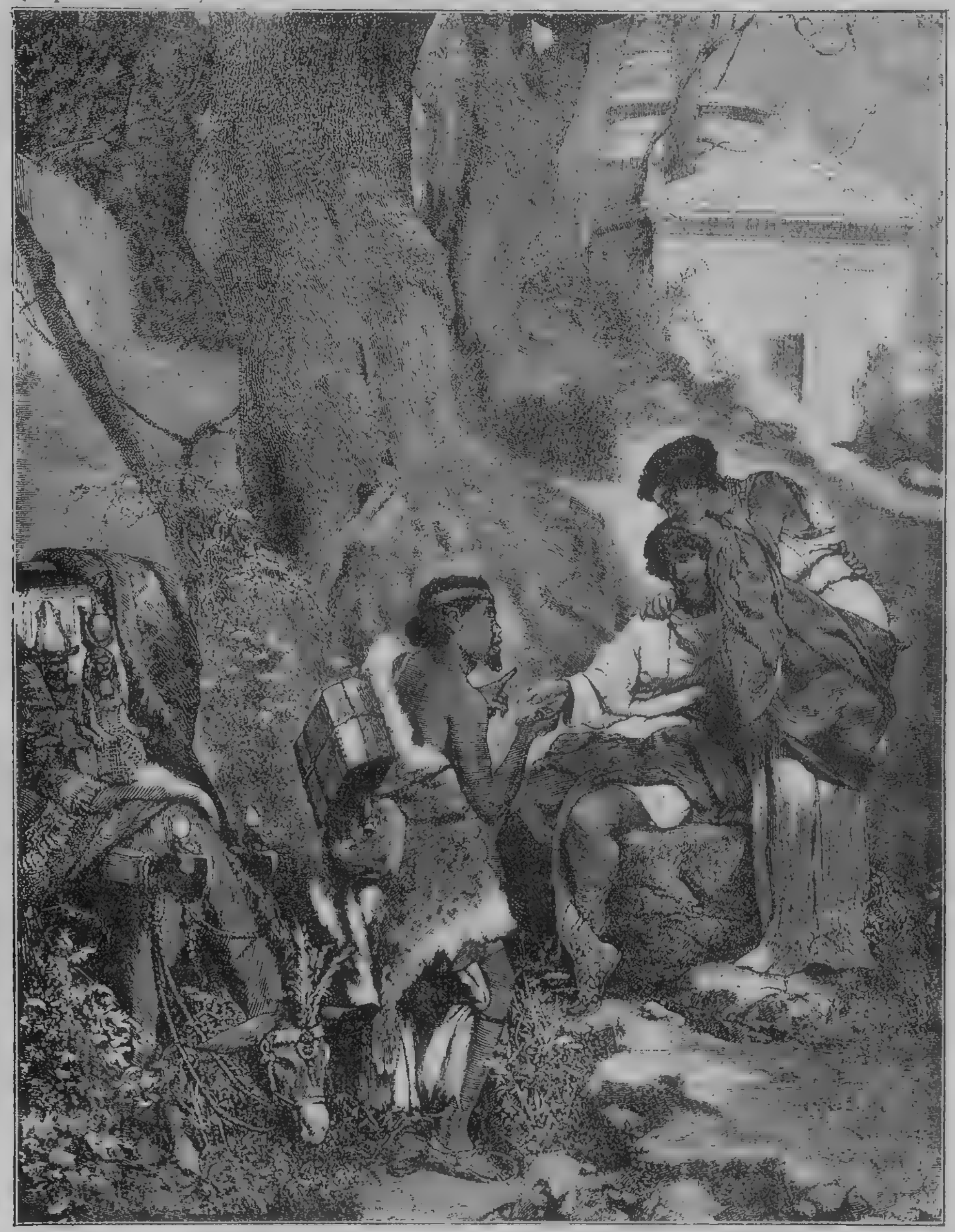
Когда книгопечатаніе изъ Германіи перешло въ Польшу, одновременно съ нимъ вошли въ употребленіе и гравюры, такъ что книгопечатаніе и граверное дѣло развивались совмѣстно, одновременно Такимъ образомъ стали выходить въ свѣтъ одна за другой книги, украшенныя гравюрами, а также и появились замѣчательные граверы Въ XVI-омъ, напримѣръ, вѣкѣ вышла въ свѣтъ Библія на польскомъ языкѣ, иллюстрированная гравюрами.

Послѣдними польскими типографами, прилагавшими старанія, чтобы имѣть хорошія гравюры при помощи деревянныхъ клише, были Петрковчики, владѣвшіе типографіей отъ 1570 до 1673 г. Послѣднимъ польскимъ художникомъ въ XVIII столѣтіи, занимавшимся рѣзьбой деревянныхъ клише для гравюръ былъ Янъ ..перль, родомъ изъ Варшавы, гравюры котораго почти всѣ были весьма удачны.

Кому именно обязаны мы изобрѣтеніемъ гравировки на мѣди,—это неизвѣстно въ точности. Собственно изобрѣтеніе этого искусства (т е металлическихъ клише возникло въ XV-мъ столѣтіи; но усовершенствованіе послѣдовало лишь въ XVI столѣтіи, т. е. со времени появленія работъ Марка-Антона Раймонди, который, подъ руководствомъ Рафаэля и его произведеній, сумѣлъ достойно и вѣрно передать рѣзцомъ великія мысли этого великаго художника. Начиная съ XVI столѣтія, печатаніе гравюръ съ металлическихъ клише развивалось въ различныхъ мѣстностяхъ почти съ одинаковымъ спѣхомъ.

Есть основаніе предполагать, что печатаніе гравированныхъ картинъ сдѣлалось извѣстно въ Польшѣ, какъ и въ Германіи, одновременно; самыя же давнія польскія гравюры относятся ко второй половинѣ XV столѣтія. Ихъ гравировалъ знаменитый польскій художникъ Витъ Ствошъ. Послѣ него наступилъ весьма продолжительный въ польской исторіи этого искусства перерывъ или пробѣлъ; но, начиная съ XVI столѣтія, видимъ цѣлый рядъ недюжинныхъ польскихъ мастеровъ-художниковъ граверпаго искусства, каковы, напримѣръ: Ѳома Трестеръ (1550—1610 г); Янъ Зярнко, получившій образованіе въ Италіи въ концѣ XVI столѣтія, жившій лѣтъ 20 въ Парижѣ, онъ выдѣлялся и живописью, и гравюрами; Ѳома Маковскій, отличавшійся своими картинами историческаго содержанія и жанровыми. Тѣмъ не менѣе, когда во второй половинѣ XVIII столѣтія граверное искусство почти вездѣ было въ цвѣтущемъ состояніи, въ Польшѣ оно находилось въ самомъ печальномъ состояніи. Испорченный вкусъ и исковерканное воображеніе сильно отражалось во всемъ. Начиная съ 1764 года, т е. со времени вступленія на престолъ Станислава-Августа, искусство гравированныхъ изображеній опять значительно возвысилось въ Польшѣ. Король, будучи самъ большимъ любителемъ этого искусства, жертвовалъ громадныя средства на собраніе картинъ и учрежденіе большой картинной галлереи, имѣвшей болѣе 70,000 экземпляровъ картинъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заботился о развитіи въ отечествѣ среди народа любви и вкуса къ этому искусству. Съ этой цѣлью были призваны въ Варшаву художники, которые должны были руководить живописью и учить граверному искусству, какъ

напр., изъ Парижа — Іоаннъ Норблинъ и итальянецъ Бернардъ Беллото, а изъ Германіи — Фридрихъ Іонъ и проч.

Жрецъ Изиды, съ картины Семирадскаго.

Произведенія этихъ художниковъ и ихъ труды въ области просвѣщенія оказали весьма большое вліяніе на современное положеніе гравировальнаго искусства въ странѣ, доказатель-

ствомъ чему служатъ работы Прикснера—во Львовѣ, Антона Шиндлера—въ Варшавѣ, Ивана Маршталлера, весьма хорошаго гравера, родомъ изъ Варшавы, Ѳомы Корнаховскаго, Іоанна Михаила Лоомана изъ Пшемысла; прекраснаго гравера Карла Грелля и мног. друг. Перечень этотъ можно завершить весьма даровитымъ художникомъ Михаиломъ Плонскимъ, работы котораго и до настоящаго времени имѣютъ большую цѣну за границей.

Изъ выдающихся художниковъ-поляковъ, большую пользу принесли Семенъ Чеховичъ (ум. въ 1774 г., въ Варшавѣ) и Францъ Смуглевичъ (род. 1745 г.). Первый посвятилъ себя исключительно живописи религіознаго характера, подражая образцамъ итальянской живописи, и основалъ первую школу живописи. Другой же, кромѣ живописи религіознаго характера,

Изъ древне-греческой жизни, съ картины Семирадскаго.

занимался еще и живописью на историческія темы, написавъ весьма много картинъ этого рода, изъ которыхъ наиболѣе выдающіяся: «Присяга на рынкѣ», «Смерть Якова Ясинскаго» и др. Какъ профессоръ Виленскаго университета, онъ принесъ искусству большую пользу тѣмъ, что развилъ въ молодомъ поколѣніи любовь къ живописи и эстетическій вкусъ.

Несмотря на большой талантъ, указанные художники были все-таки только учениками заграничныхъ школъ, съ незначительною долею оригинальности. Въ произведеніяхъ, какъ религіознаго такъ и историческаго характера, весьма рѣдко руководствовались вдохновеніемъ, въ большинствѣ же случаевъ работали только для исполненія заказовъ. Поэтому и вкусъ, и фантазію свои должны были подчинять требованіямъ заказчиковъ, что несомнѣнно еще болѣе вредило художественности ихъ произведеній.

Весьма талантливымъ жанристомъ, декораторомъ и исполнителемъ историческихъ картинъ былъ Марцелъ Бачіарелли (Marceli Bacciarelli; род. 1731 г. въ Римѣ, ум. въ 1818 году, въ Варшавѣ). Будучи итальянцемъ по рожденію, но, пользуясь покровительствомъ Станислава-Августа Понятовскаго, онъ получилъ въ Польшѣ дворянское званіе и такъ сроднился съ новымъ отечествомъ, что даже перешелъ на поприще исторической живописи. Портреты же его въ свое время весьма высоко цѣнили.

Что касается историческихъ картинъ прежнихъ художниковъ, то значеніе и достоинство ихъ весьма мѣтко оцѣнены однимъ изъ знатоковъ слѣдующими словами: «Все это какія-то коронаціи, битвы, обрядности, встрѣчи съ церемоніей; всѣ они наполнены ферезіями (верхнее платье въ родѣ казакина), усами и бритыми головами. Всѣ они имѣютъ характеръ, такъ сказать, общихъ очерковъ, изображенныхъ на полотнѣ, въ исполненіи которыхъ чувствуется холодность». Вообще же въ очеркѣ, изъ котораго мы только что привели цитату, взглядъ на

Весенняя идиллія, съ картины Семирадскаго.

художество весьма пессимистиченъ. Генрихъ Ржевускій положительно утверждалъ, что польское изящное искусство и даже славянское — прямо-таки нелѣпость, потому что искусство будто-бы прямо противоположно настроенію и характеру поляковъ. По мнѣнію Ржевускаго, разсчитывать на прогрессъ художества въ Польшѣ такъ же нелѣпо, какъ требовать развитія политической экономіи въ Венгріи, или эпической поэзіи — у голландцевъ. Но въ то именно время, когда о судьбѣ польской живописи шелъ этотъ теоретическій споръ, въ Польшѣ былъ уже художникъ съ весьма сильнымъ и всестороннимъ талантомъ — Януарій Суходольскій (1796—1875).

Онъ, какъ художникъ-дилетантъ, изучилъ систематически живопись въ Римѣ. Первоначально посвятилъ себя письму военныхъ и бивуачныхъ сюжетовъ, впослѣдствіи же талантъ его развился всесторонне. Онъ, однако, относится уже къ другой эпохѣ. Среди польскихъ художниковъ этой новой эпохи самой большой популярности достигъ Александръ Орловскій (род.

въ Варшавѣ 1777 г., умеръ 1882 г. Онъ—сынъ корчмаря въ г. Сѣльцахъ. При содѣйствіи Чарторыжскихъ, воспитывался первоначально въ Варшавѣ въ школѣ Норблина, гдѣ проявилъ уже большія способности. Въ концѣ прошлаго столѣтія онъ проводилъ нѣкоторое время въ Яблонной и Неборовѣ, гдѣ оставилъ много своихъ произведеній. Съ 1802 поселился въ Петербургѣ, гдѣ и оставался уже до конца жизни. Труды его,— говоритъ Ростовецкій, — были неисчислимы; писалъ онъ и масляными красками, но немного и не съ особеннымъ успѣхомъ, но за то считался первоклассным художникомъ по работамъ акварелью, перомъ, мѣлкомъ, карандашемъ, японской тушью и т. д. Съ неимовѣрною легкостью и богатымъ воображеніемъ писалъ онъ историческія картины, битвы, статуи, головы, портреты и т. д. Воины, казаки, башкиры, поселяне, разбойники, рыцари, лошади, карикатуры,—все это выходило у него весьма удачно, было полно жизни, дѣйствительности, выраженія и оригинальности. Онъ умѣлъ быстро изображать смѣлыми и рѣзкими контурами выраженіе лицъ всякихъ сословій, профессій и народностей; онъ обладавъ способностью уловлять въ этихъ лицахъ удачный моментъ, вполнѣ выражающій ихъ недостатки, пороки, смѣшныя стороны и пр. Его картины военнаго характера отличаются именно воинственностью, лошади же и люди представлены поистинѣ мастерски.

Альфредъ-Верушъ Ковальскій.

Почти всѣ картины его, писанныя масляными красками, находятся въ Англіи. Въ картинной галлереѣ Академіи Художествъ, въ Петербургѣ, находится одна изъ лучшихъ его картинъ—«Переходъ казацкаго табора черезъ лѣсную прогалину».

Среди художниковъ-граверовъ выдѣлялся своими способностями Даніилъ-Николай Ходовецкій (1726—1801), который одновременно былъ миніатюристомъ и писалъ картины масляными красками. Такъ какъ онъ жилъ въ Берлинѣ, то многіе считали его нѣмцемъ, но онъ самъ опровергалъ это ошибочное мнѣніе и всецѣло признавалъ себя полякомъ. Количество его произведеній доходитъ до 300 номеровъ, изъ которыхъ большинство находится въ картинной галлереѣ г.г. Павликовскихъ, въ Медикѣ. Нѣкоторыя изъ картинъ, писанныхъ масляными красками, отличаются замѣчательною законченностю, равно какъ и работы миніатюръ на темы изъ жизни Іисуса Христа. Прилагаемая при семъ гравюра даетъ намъ понятіе о рабочей комнатѣ этого художника.

Выше было уже указано на недостатки польской исторической живописи, которой, вообще говоря, недоставало чувства и духа той эпохи, къ которой относилась та или другая картина. Художникомъ переходной эпохи на поприщѣ исторической живописи, преобразованной именно геніемъ Матейко, былъ Януарій Суходольскій, портретъ котораго помѣщенъ выше. Онъ былъ ученикомъ Вернета и сохранилъ навсегда любовь къ лошадямъ, битвамъ и военнымъ сюжетамъ, что и проявляется во всѣхъ его произведеніяхъ.

Весьма большою извѣстностью пользовался Александръ Лессеръ (род. 1814 г.), учившійся подъ руководствомъ Корнеліуса и Шнорра. Большой популярностью пользовались его «Открытіе останковъ Ванды», «Болеславъ Кривоустый», «Оборона Трембовли» и др. Но онъ писалъ

Снимки съ картинъ Ковальскаго.

историческія картины преимущественно потому, что ихъ рисовали знаменитые художники; касался великихъ темъ потому, что онѣ были въ модѣ, но мало понималъ духъ изображаемаго времени и не умѣлъ вполнѣ ихъ передать. Историческія темы были у него всегда эффектны, но вынужденны и вычурны. Онъ любилъ писать красивыя формы тѣла и гармоническія тѣлодвиженія, какъ, напр., въ «Открытіи останковъ Ванды», при чемъ воспроизвелъ типы совершенно произвольные, неславянскіе и допустилъ театральную группировку лицъ. Вообще, онъ былъ приверженцемъ классическаго стиля, съ оттѣнкомъ нѣмецкаго идеализма. «Оборона Трембовли», напримѣръ, совершенно не имѣетъ польскаго характера. Въ постановкѣ сценъ господствуетъ

Въ мастерской Ковальскаго.

весьма часто мелодраматизмъ. Изображаемыя имъ историческія лица имѣютъ историческія имена, но въ нихъ не отражается исторія.

Слѣдуетъ сказать также нѣсколько словъ и объ Іосифѣ Симлерѣ (1823 — 1868 г.г.), котораго вмѣстѣ съ Суходольскимъ можно причислить къ праотцамъ исторической живописи. Онъ сначала пробовалъ писать портреты, но болѣе удачны историческіе его труды. Къ такимъ можно причислить «Смерть Варвары Радзивиллъ». Картина написана весьма правдоподобно, отличается хорошимъ исполненіемъ и колоритомъ. Хотя и нѣтъ того богатства и пластики, какъ у Матейко, тѣмъ не менѣе настроеніе минуты передано умѣло.

Живопись религіознаго характера имѣла много представителей, но все это были люди не весьма высокаго религіознаго духа. Кромѣ того, это были запоздалые подражатели итальянской, французской и германской религіозной живописи. Въ то время началось уже увле-

ченіе реализмомъ, то есть начали смотрѣть на природу и людей дѣйствительными глазами. Искусство начало переходить на поприще болѣе широкое, болѣе реальное, болѣе соотвѣтствующее импульсамъ будничной жизни, т.-е. иначе — популяризировалось. Въ связи съ этой живописью находится и развитіе живописи пейзажной и жанровъ.

На этомъ поприщѣ ознаменовалъ себя Михаилъ Кулеша. Онъ всецѣло отдался изображеніямъ мѣстнаго неба, солнца, природы и умѣлъ придать имъ много тепла и души. Быть можетъ, причиной этому и было то обстоятельство, что онъ воспитывался преимущественно въ родномъ краѣ, а потому ни одна изъ выдающихся заграничныхъ знаменитостей не могла привлечь его на путь подражанія. «Видъ церкви на Коложѣ въ Гроднѣ» представляетъ въ общемъ весьма удачную картину относительно ея колорита. На фонѣ яркаго лѣтняго дня и отдаленныхъ горныхъ вершинъ, покрытыхъ дымкой, надъ обрывистымъ берегомъ Нѣмана, на холмѣ стоитъ церковь. Унылый, до нѣкоторой степени, общій колоритъ картины, удачно схваченный тонъ неба и воды, далекая перспектива, придаютъ оттѣнокъ грустный и симпатичный. Подобными же чертами отличаются произведенія его: «Пинскъ со стороны рѣки» и «Троки».

Андріолли.

Антонъ Ланге, преждевременно скончавшійся (умеръ въ 1844 году), былъ оцѣненъ только послѣ смерти. Онъ пользовался славой первенства, преимущественно, въ изображеніи гористыхъ видовъ. Онъ обладалъ особенною способностью уловить таинственность нашей природы, особенно-же гористой, прекрасно передавалъ ея холодный колоритъ и зимній свѣтъ. Туманы при темныхъ скалахъ, блѣдномъ небѣ, черныхъ лѣсахъ и синихъ горахъ, имѣютъ особенную мрачность и угрюмость. Недостатокъ блеска въ колоритѣ нашей природы дѣлаетъ картины его весьма похожими на итальянскія, изображенныя при лунномъ свѣтѣ либо пасмурномъ днѣ.

Такимъ-же выразительнымъ пейзажистомъ былъ Янъ Главацкій (1802—1847 г.), который подобно Ланге имѣлъ преимущество въ гористыхъ пейзажахъ. Въ произведеніяхъ этихъ двухъ художниковъ весьма ощутительно уже проявился поворотъ къ реальному взгляду на природу, который началъ проникать во всѣ отрасли искуства съ одинаковою силою и успѣхомъ.

На поприщѣ жанровъ весьма заслуженно пользовался извѣстностью Юлій Коссакъ. Знаменитый акварелистъ и руководитель художественной стороны журнала «Tygodnik ilustrowany» онъ вполнѣ заслужилъ извѣстность, которой пользуется и въ настоящее время. Онъ никогда не брался за высокія темы, за копіи прежнихъ памятниковъ, не стремился къ недосягаемой высотѣ, но посвятилъ свою кисть для изображенія обыденныхъ явленій жизни и людей. Особенно онъ оказался искуснымъ въ изображеніи лошадей. Проникнутый всецѣло реализмомъ, онъ умѣлъ прекрасно уловить основной тонъ картины, изобразить обыденную жизнь съ фантазіей, иногда даже съ бравурностью, но всегда—реально.

Къ числу замѣчательно даровитыхъ, можно даже сказать — геніальныхъ, художниковъ принадлежитъ Артуръ Гроттгеръ (род. 1837 г., ум. 1867 г.). Его работы, писанныя

красками, не пользуются особенною извѣстностью; зато работы карандашемъ и тушью — неподражаемы. Одаренный богатою артистическою фантазіею и творческою силою, глубокимъ и благороднымъ чувствомъ, онъ, въ теченіе короткаго времени, успѣлъ написать нѣсколько картинъ потрясающей силы, которые разошлись по свѣту въ копіяхъ. Никто изъ его предшественниковъ не высказалъ въ своихъ произведеніяхъ столько мысли, поэзіи и чувства, и смѣло можно сказать, что среди польскихъ художниковъ нѣтъ ему равныхъ по драматической силѣ. Это былъ талантъ реальный, но не увлекающійся обыденной дѣйствительностью, не оправдывающійся тѣмъ, что для карандаша и кисти нѣтъ грязной темы.

Изъ числа выдающихся граверовъ, которые стяжали себѣ европейскую извѣстность, слѣдуетъ упомянуть Антона Олещинскаго, произведенія котораго «Богданъ Хмельницкій», «Янъ Килинскій», «Коперникъ», «Германцы, просящіе помощи у Яна Собѣсскаго» и много другихъ извѣстны по воспроизведеніямъ.

Михаилъ Грабовскій весьма справедливо утверждалъ, что до тѣхъ поръ не будетъ прогресса въ польской живописи, пока художники польскіе не отдадуться изслѣдованію и изученію родной природы. «Мы должны учиться у другихъ техникѣ—говорилъ онъ—должны воспитываться, разсматривая ихъ произведенія, но не должны искать у нихъ того, чего они намъ дать не могутъ, т. е., пониманія нашего духа и свойственныхъ только намъ обычаевъ». Этотъ переходъ на путь изученія и изслѣдованія жизни, природы людей, совмѣстно съ изученіемъ исключительныхъ особенностей національнаго характера и темперамента, придалъ польской живописи кое-какія индивидуальныя самостоятельныя черты, выражающіяся также, между прочимъ, въ нѣкоторыхъ колорита особенностяхъ.

Какъ-бы на рубежѣ двухъ направленій, двухъ эпохъ стоитъ Войцехъ Герсонъ. Превосходный художникъ и выдающійся пейзажистъ онъ отдался однако живописи исторической. Его картины, отличающійся правильностью и точностью, имѣютъ нѣкоторую погрѣшность въ колоритѣ, недостатокъ выразительности и лишнюю театральность въ постановкѣ лицъ и самой темы.

Настоящимъ же корифеемъ оказался только Янъ Матейко. Его «Проповѣдь Скарги» (1865 г.), «Битва подъ Грюнвальдомъ (1878 г.), «Собесскій подъ Вѣной» (1883 г.), «Орлеанская Дѣва» (1886 г.), равно какъ и картины, воспроизведенныя здѣсь, возбуждали восторгъ и восхищеніе. Несмотря на погрѣшности перспективы, его картины производятъ огромное впечатлѣніе, благодаря выдающемуся таланту, при помощи котораго онъ придаетъ всевозможныя впечатлѣнія и выраженія изображаемымъ лицамъ и фигурамъ. Будучи реалистомъ до мозга костей, онъ не сумѣлъ придать ангеламъ духовную силу. Онъ увлекался яркими красками, но умѣлъ ихъ изобразить во всемъ блескѣ и богатствѣ. Колоритъ его картинъ иногда имѣлъ погрѣшность въ излишнемъ употребленіи красной краски, но въ общихъ чертахъ картины его отличались всегда силой и жизнью. Темою для своихъ произведеній онъ бралъ самые выдающіеся моменты изъ исторіи. Всею же своею художественною дѣятельностью онъ положилъ въ Краковѣ основаніе для перваго очага польскаго искусства. Ставъ во главѣ школы живописи, онъ много потрудился для воспитанія цѣлаго поколѣнія молодыхъ талантовъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, слѣдуя путемъ наставника, но не обладая его силой творчества и генія, пріобрѣтали зачастую послѣ продолжительной и упорной борьбы нѣкоторую своеобразную манеру и самостоятельность.

Художникомъ украинскихъ степей и битвъ справедливо считается Іосифъ Брандтъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, обратившихъ вниманіе на богатства природы, особенность культуры и народныхъ типовъ этой полудикой страны, еще недавно служившей театромъ для татарскихъ и казацкихъ схватокъ. Брандтъ сумѣлъ съ большимъ реализмомъ представить характерныя черты этого міра и жизни. Онъ удивилъ всѣхъ новизною темы, свѣжестью и правдивостью передаваемыхъ сюжетовъ. «Эпизодъ изъ тридцатилѣтней войны», «Осада Вѣны»

и многія другія его произведенія, касающіяся украинской природы и жизни, служатъ доказательствомъ превосходной наблюдательности и таланта. Юлій Коссакъ и Войцехъ Коссакъ, Шернеръ, а изъ новѣйшаго поколѣнія — Павлишакъ, — имѣютъ весьма много общаго съ Брандтомъ.

Къ числу наиболѣе выдающихся художниковъ принадлежитъ Генрихъ Семирадскій. «Укрощеніе бури Христомъ», «Свѣточи Христіанства», «Христосъ, Марія и Марфа», «Признаніе», «Жрецъ Изиды», «Древній танецъ среди мечей», «Изъ древне-греческой жизни», «У фонтана» и т. под.—пользуются всемірною извѣстностью. Семирадскій, беря темы изъ классическаго міра, понимаетъ духъ его, умѣетъ передать этотъ міръ точно и правдиво, такъ что чувствуется дыханіе жизни, отошедшей въ міръ преданій. Помимо законченности всѣхъ деталей

Разсказъ о далекой странѣ, съ картины Эйсмонда.

съ большою тщательностью, работы его поражаютъ зрителя общимъ видомъ и гармоніею красокъ, превосходною общею постановкою и любовью въ изображеніи цвѣтовъ, золота, мрамора, всевозможныхъ тканей и проч. Идеи исполненія художника вполнѣ гармонируютъ между собою. Это въ полномъ смыслѣ классическій художникъ.

Л. Веселовскій, Бакаловичъ и др. тоже увлеклись классическими темами; но первый придавалъ имъ отпечатокъ сантиментальности, другой-же слишкомъ ужъ вдается въ детали.

Весьма выдающійся въ своемъ родѣ талантъ, Альфредъ Верушъ-Ковальскій, какъ это можно видѣть изъ воспроизведенныхъ здѣсь его картинъ, — художественный изобразитель лошадей, охотничьихъ и народныхъ сценъ и т. п.

Весьма разностороння и плодотворна художественная дѣятельность Андріолли, хорошо

извѣстнаго, какъ илюстратора и какъ художника. Его иллюстраціи къ «Пану Тадеушу» и «Конраду Валенроду» Мицкевича, къ «Женщинамъ русскихъ писателей», равно какъ и большія его картины изъ прошлаго, сдѣлали его имя извѣстнымъ и симпатичнымъ.

Изъ новѣйшаго поколѣнія иллюстраторовъ выдающимся талантомъ, легкостью рисунка и привлекательностью отличаются Петръ Стахевичъ, Чеславъ Янковскій и нѣкоторые другіе. Изъ портретистовъ выдающимся считается Родаковскій. Кромѣ того слѣдуетъ назвать Похвальскаго, Гаймана, Билинскую, Ціоглинскаго и Чахурскаго.

Однимъ изъ даровитѣйшихъ и какъ болѣе оригинальныхъ новѣйшихъ польскихъ художниковъ несомнѣнно считается Іосифъ Хелмонскій. Онъ пріобрѣлъ большую извѣстность заграницей изображеніемъ лошадей, охотничьихъ сценъ и т. п. картинъ. Въ его картинахъ, относящихся къ первому періоду дѣятельности — весьма много силы, горячности, энергіи, но мало правды. Второй періодъ начался съ возвращенія Хелмонскаго на родину. Онъ совершенно предался изображенію пейзажей и жанровъ сельскаго характера и написалъ нѣсколько образцовыхъ произведеній.

Мы не имѣемъ возможности остановиться на характеристикѣ даже самой краткой, большей части выдающихся изъ новѣйшихъ художниковъ, въ искуствѣ. Въ видѣ примѣра, назовемъ лишъ гг. Рыскевича, Ясинскаго, Андрыхевича, Эйсмонда, Кохановскаго Милоша Котарбинскаго и Ѳ. Дмоховскаго.

Скульптурное искуство подвинулось впередъ значительно въ меньшей степени, нежели живопись, хотя имена гг. Веленскаго, Ріегера, Бродскаго и др. иввѣстны даже въ Европѣ. Въ послѣднее время въ этой отрасли искуства выдвинулись впередъ два выдающіеся молодые таланта: Кужава и Войдыга. Первый обратилъ на себя вниманіе проектомъ памятника Мицкевичу; второй-же — статуей Жолковскаго, предназначавшейся для фойе Большого театра въ Варшавѣ, и удостоенный на конкурсѣ первой награды.

Нѣкоторыя отрасли искуства, какъ, напр., гравюры на стальныхъ и мѣдныхъ клише почти окончательно пали, но вмѣсто этого развились гравюры на деревянныхъ клише, чѣмъ занимались такіе художники, какъ Регульскій, Іосифъ Голевинскій, Андрей Зайковскій, Эдуардъ Гораздовскій, І. Лоскочинскій, Эд. Ничъ, Вл. Клейнъ и нѣкоторые другіе.

ОЧЕРКЪ XII.

МУЗЫКА И ТЕАТРЪ.

Историческій очеркъ развитія музыки въ Польшѣ.—Возникновеніе въ Польшѣ театра и его развитіе.

„Музыка поляковъ происходитъ изъ древнихъ славянскихъ пѣсенъ; характеръ ея—меланхолически-веселый. Древнѣйшій памятникъ польской музыки и, быть можетъ, древнѣйшая—изъ народныхъ мелодій, есть гимнъ Св. Войцеха“.

Изъ «Исторіи музыки» г. Фетиса.

Поляки, подобно всѣмъ другимъ славянскимъ народностямъ, съ давнихъ временъ имѣли большую склонность къ музыкѣ и пляскѣ. Это подтверждается не только сказаніями лѣтописцевъ, историковъ и многихъ другихъ древнихъ писателей, но также и живущею до настоящаго времени древнею народною пѣснею, какъ религіознаго такъ и свѣтскаго характера. Не меньшимъ доказательствомъ служатъ также шумныя, веселыя пляски подъ музыку и пѣсню, изстари устраивавшіяся въ постоялыхъ дворахъ. Наконецъ, есть не мало и другихъ доказательствъ врожденной народной склонности къ этимъ удовольствіямъ.

Музыка, называемая въ древніе времена въ Польшѣ «гендзьба», сильно и быстро пускала тамъ корни съ давнихъ временъ, какъ среди простого народа, такъ равно и среди высшаго слоя. Представителями ея въ первое время были гусляры, странствующіе музыканты, которыхъ считали вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣкарями, гадальщиками, колдунами, ворожеями, вѣщунами, прорицателями. Ихъ весьма боялись и почитали. Они же впослѣдствіи сдѣлались отчасти и фокусниками, а потому прежнее уваженіе къ нимъ и страхъ перешли въ презрѣніе. Тѣмъ не менѣе совѣтами ихъ иногда пользовались, равно какъ и заговорами, которые и называли «гуслями». Какова въ началѣ была эта музыка у поляковъ и вообще у славянъ, трудно угадать, такъ какъ, помимо указаній на ея существованіе, нѣтъ данныхъ для изслѣдованія. Однако, въ силу взаимнаго вліянія, которое лежитъ въ принципѣ всѣхъ международныхъ отношеній и въ натурѣ всякаго человѣка, можно предположить, что на дикій и воинственный народъ скифовъ и сарматовъ, въ составъ которыхъ входили также и славяне, производила нѣкоторое вліяніе общая образованность древнихъ грековъ, а кромѣ того вмѣстѣ съ тѣмъ—и ихъ музыка. Кромѣ того не оставались безъ воздѣйствія на нихъ и нѣкоторыя другія племена, каковы, напримѣръ, кавказское и чудское, съ которыми они должны были не только вести войну, но и находиться въ комерческихъ и мирныхъ сношеніяхъ.

Въ «тональности» нѣкоторыхъ польскихъ и славянскихъ народныхъ пѣсенъ слышны еще до настоящаго времени слѣды этихъ сношеній, ровно какъ — и слѣды новыхъ напѣвовъ, пріобрѣвшихъ всемірное распространеніе. Быть можетъ со временемъ удастся разъяснить то, что проникло въ эти пѣсни посторонняго и что составляетъ чисто славянскую особенность, когда тщательно собираемые повсюду матеріалы славянскихъ мотивовъ въ одно цѣлое дадутъ возможность основательнѣе разсмотрѣть этотъ музыкально-поэтическій запасъ. Но, пока несомнѣнно, что народная музыка въ Польшѣ, съ теченіемъ времени, самостоятельно выработала три выдающіяся ритмическія формы: полонезъ, краковякъ и мазурку, одновременно примѣнявшіяся въ танцахъ и пѣніи, представляющія самое очевидное доказательство неразрывной связи этихъ двухъ родовъ искусства. Большое число обрядныхъ пѣсенъ, особенно-же колядныхъ, а также—и часть свадебныхъ, несомнѣнно относятся къ языческому періоду Польши. Пѣсни же миѳологическія о Ладѣ, Лелѣ, а равно и обрядныя, распѣваемыя при такъ называемыхъ «собуткахъ», «купалѣ», и т. п., сохранились еще въ устахъ народа, но, вѣроятно, въ искаженномъ видѣ. И въ настоящее время можно услышать иногда довольно много отрывковъ этихъ пѣсенъ, разсѣянныхъ по всей странѣ. Ихъ искореняло духовенство, особенно-же іезуиты. Время, въ свою очередь, не одну изъ нихъ видоизмѣнило или даже совершенно изгладило изъ народной памяти. «Тональность» ихъ весьма древняя и совершенно не похожа на «тональность» мотивовъ позднѣйшихъ временъ, а тѣмъ болѣе — настоящаго времени. Ее мы встрѣчаемъ во многихъ духовныхъ пѣсняхъ, преимущественно-же—въ старой пѣснѣ въ честь Богородицы, первоначальный мотивъ которой, по всей вѣроятности, былъ гораздо древнѣе словъ.

Мотивъ этотъ, которому даны были слова религіознаго характера святымъ Войцѣхомъ около 995 года, представляетъ прекрасный памятникъ древней польско-славянской музыки, хотя и измѣненный вѣками. Какъ дорогое наслѣдіе отдаленныхъ вѣковъ, онъ не затерялся и не изглаживается въ памяти потомства — и до настоящаго времени звучитъ гимномъ въ устахъ духовенства въ Гнѣзнѣ.

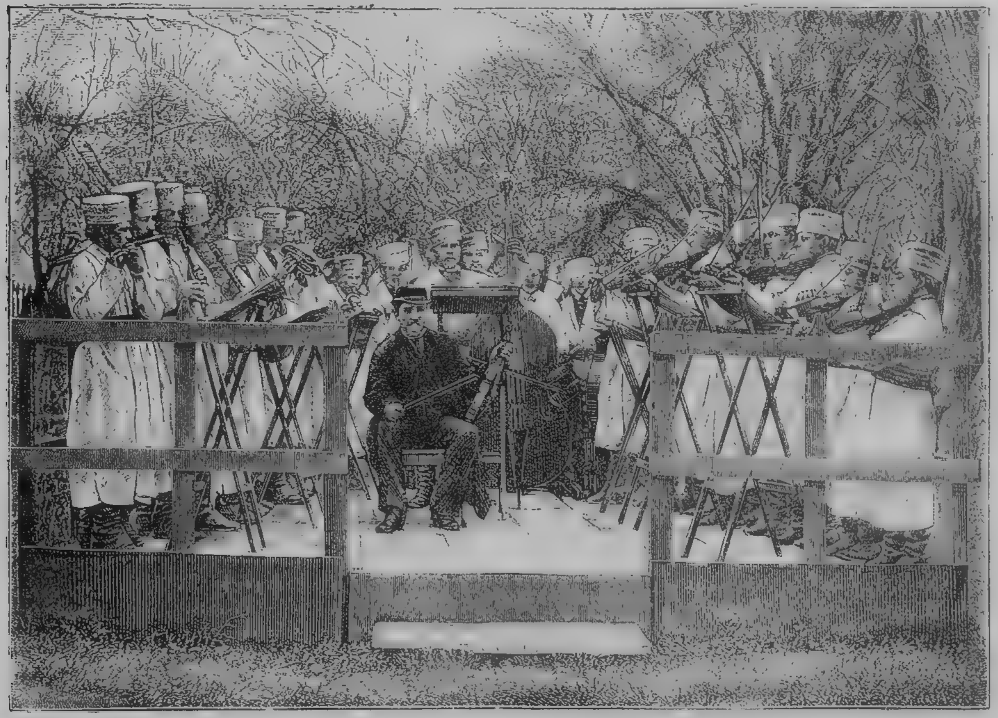
Христіанскіе богослужебные гимны, совмѣстно съ существующими въ нихъ церковными мотивами, изъ которыхъ одни относятся къ первымъ вѣкамъ христіанства, другіе же ведутъ начало отъ временъ Григорія Великаго (VI стол.) и болѣе позднихъ, перешли въ Польшу вмѣстѣ съ христіанской религіей. Они пѣлись первоначально по-латыни, а въ послѣднее время и по-польски.

Непосредственно изъ гимнологіи и музыки церковной составились и самобытныя народныя пѣсни религіознаго содержанія, отличавшіяся искреннымъ религіознымъ чувствомъ и дѣтскою покорностью, принимавшія иногда окраску легендарную или историческую. Въ царствованіе Владислава Локетка, ксендзъ Витовскій, а, немного спустя, и епископъ познанскій Іоаннъ писали этого рода пѣсни. Въ различныхъ сборникахъ религіозныхъ пѣсенъ находятся пѣсни о Божьей Матери Ченстоховской, Почаевской, Бердичевской и друг., въ которыхъ упоминается о татарахъ, шведахъ, моровомъ повѣтріи, о всевозможныхъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, особенно запечатлѣвшихся въ народной памяти.

Литургическіе гимны подверглись, подобно духовнымъ и свѣтскимъ пѣснямъ, различнымъ измѣненіямъ, смотря по мѣстности. Наравнѣ съ этими гимнами распѣвались народомъ также и свѣтскія пѣсни, для которыхъ бралось содержаніе: или изъ домашней и семейной жизни, или изъ историческихъ событій. Эти послѣднія сочинялись высшимъ сословіемъ, отвлекаемымъ постоянно отъ семейнаго очага къ дѣламъ общественнымъ и государственнымъ; между тѣмъ какъ пѣсни домашней и семейной жизни звучали въ устахъ крестьянъ, кругозоръ которыхъ въ рѣдкихъ случаяхъ переходилъ поле и ниву, для которой по ихъ мнѣнію, они собственно и родились и которая замѣняла для нихъ всю вселенную. Лѣтописцы оставили намъ не только воспоминанія, но даже и отрывки изъ нѣкоторыхъ историческихъ пѣсенъ. Такъ, напримѣръ, упоминается въ одной пѣсни о смерти Болеслава Храбраго; въ другой пѣсни—по поводу воз-

вращенія на родину Казимира, называемаго Монахомъ о воинѣ, который въ битвѣ спасалъ этого короля. Существовали также пѣсни временъ Болеслава Кривоустаго, о геройствѣ древнихъ поляковъ и современниковъ царствованія Болеслава Кривоуста. Изъ нихъ замѣчательны: пѣсня о самомъ-же Болеславѣ, оскорбительная для нѣмцевъ и потому запрещенная въ лагерѣ Генриха V; грустныя пѣсни о бѣдствіи поляковъ, которые они претерпѣли отъ пруссаковъ въ царствованіе Болеслава Кудряваго; пѣсня объ убійствѣ, по повелѣнію Пшемысла, его жены Людгарды; пѣснь о побѣдѣ Владислава Ягайла надъ рыцарями Тевтонскаго ордена, подъ Грюнвальдомъ, и т. п.

Лѣтописцы весьма древнихъ временъ упоминаютъ также и о придворныхъ торжествахъ, свадьбахъ и пляскахъ съ музыкой, которую содержали зажиточные люди, затѣмъ являвшееся съ запада и съ юга въ Польшу духовенство, преимущественно-же бенедиктинцы, которые за-

Крестьянскій оркестръ въ Польшѣ.

водили школы и имѣли своихъ церковныхъ пѣвчихъ. Научая такимъ образомъ поляковъ игрѣ на органѣ и пѣнію, они зарождали среди народа вкусъ къ музыкѣ вообще, и къ церковнымъ мотивамъ—въ частности. Этотъ новый духовный элементъ, совмѣстно съ обрядами, постепенно становился дѣломъ обыденнымъ. Разсадникомъ такихъ учителей была преимущественно краковская школа. Что-же касается свѣтскихъ пѣсенъ, то изъ исторіи извѣстно, что Чешка Домбровка не могла жить безъ забавъ, а слѣдовательно и безъ музыки. Во время въѣзда Збигнева, для посѣщенія своего отца, въ 1096 году, ему сопутствовали барабанщики, музыканты и пѣвцы. Послѣ окончанія удачнаго военнаго дѣла, толпа льстецовъ и удачниковъ, съ трубачами, пѣвцами и барабанщиками впереди окружала того же Збигнева, пріѣзжавшаго къ Болеславу Кривоустому въ 1116 году. Владиславъ Германъ, въ 1102 году, среди трубачей и пѣвцовъ «былъ весьма веселъ». Ядвига вѣроятно любила и музыку, такъ какъ

считалась большою любительницею танцевъ. Александръ Ягеллончикъ имѣлъ большую любовь къ музыкѣ.

Въ XIV и XV вѣкахъ начали входить въ обычай устраиваемыя въ костелахъ драматическо-религіозныя представленія, перенесенныя въ Польшу съ запада, подъ названіемъ мистерій и діалоговъ (главнымъ образомъ изображавшія Рождество Христово), которыя тоже вѣроятно не обходились безъ музыки. Краковская-же академія ознакомилась съ произведеніями и изяществомъ нидерландскихъ артистовъ. Существовали тоже въ монастыряхъ и капеллы. Такъ, напримѣръ, «Tynecia» Щигельскаго свидѣтельствуетъ, что монастырь въ Тынцѣ имѣлъ музыку со временъ царствованія Казимира Великаго. Болѣе популярною сдѣлалась музыка только въ царствованіе Сигизмунда I, который, при своемъ дворѣ, содержалъ лютнистовъ, трубачей, пищальниковъ и барабанщиковъ. Будучи же женатымъ на итальянкѣ, онъ, начиная съ 1523 года, содержалъ у себя итальянскую капеллу. Въ 1543 году, при кафедральномъ костелѣ, въ придѣлѣ, названномъ Сигизмундовскимъ, этотъ король установилъ коллегіатъ роратистовъ *), т. е иначе — пѣвческій хоръ, который состоялъ изъ стараго приходскаго священника и девяти пребендаріевъ **), музыкантовъ-артистовъ и одного клерика, съ обязательствомъ ежедневно пѣть во время «роратной мессы». Въ архивахъ этой коллегіи находятся весьма оригинальныя привиллегіи, которыми она пользовалась, начиная съ царствованія Сигизмунда Перваго и кончая царствованіемъ Станислава-Августа. Первымъ пробощомъ ***), т.-е. настоятелемъ костела, вмѣстѣ и регентомъ пѣвчихъ былъ ксендзъ Николай Чехъ, родомъ изъ Познани, который писалъ «партесы» (т.-е. партитуры), фуги, псалмы, обѣдни и т. п. Послѣ него управляли коллегіей почти до конца XVIII столѣтія, по очереди, 17-ть пробощей-регентовъ, и всѣ изъ поляковъ. Нѣкоторые изъ нихъ были композиторами. По образцу этого коллегіата, возникли и другія подобные ему «музыкальныя братства» во Львовѣ, Живцѣ, Познани и т. д. Кромѣ того, кафедральный костелъ на Вавелѣ имѣлъ свою капеллу, равно какъ и другіе краковскіе костелы владѣли капеллами не хуже выше-поименованной.

Свѣтская музыка въ Польшѣ также не была въ забвеніи. Напримѣръ Рей хвалитъ красивыя и тихія небольшія музыкальныя произведенія. О самомъ-же Реѣ извѣстно, что онъ такъ былъ преданъ музыкѣ и обладалъ такими природными способностями къ музыкѣ, что предавался изученію ея съ усердіемъ на всѣхъ инструментахъ. Несчастный князь Самуилъ Корецкій, когда былъ взятъ въ плѣнъ (послѣ битвы подъ Цецорой) и отправленъ вмѣстѣ съ другими плѣнниками въ Стамбулъ, то дорогой утѣшалъ себя и другихъ игрой на кобзѣ. Музыку также любили и ученые, какъ, напр., Сарбевскій; весьма часто о ней вспоминаютъ Кохановскій, Кленовичъ, Гурницкій, Бѣльскій, Боплянъ. Обитателей разныхъ усадьбъ и дворовъ забавлялъ музыкой прибывшій изъ Венгріи (Семиграда) лютнистъ Бекваркъ. У Сигизмунда Августа были органисты Собекъ и Павелъ; на цитрѣ игралъ Матвѣй (Мацiекъ) на арфѣ—итальянецъ; кромѣ того—семь трубачей, и пять человѣкъ, игравшихъ на пищальяхъ, два барабанщика и пѣвцы. Они носили присвоенные имъ костюмы, напримѣръ органистъ Собекъ имѣлъ зеленое платье изъ камки. И впослѣдствіи музыканты носили польскій костюмъ, но безъ сабли.

Такихъ музыкантовъ имѣли у себя краковскій и познанскій кастеляны, архіепископъ гнѣзненскій, епископъ краковскій и троцкій воевода. При дворѣ послѣдняго былъ нѣкій Андрей, прославившійся пѣніемъ «крестьянскихъ думокъ». Зиморовичъ хвалитъ кобзаря Даніила; Опалинскій восторгается пѣвцомъ Бальцеркомъ; у Христофора Зборовскаго былъ бандуристомъ Войташекъ.

---

*) Отъ слова «Roraty» (рораты); т. е. заутреня или торжественная церковная служба, совершаемая въ католической церкви до восхода солнца во время рождественскаго поста.

**) Пребендаріями назывались всѣ тѣ, кто пользовался приходскимъ доходомъ («пребендою», что означаетъ приходскій доходъ).

*) «Пробощомъ» называется настоятель костела.

Все это служитъ доказательствомъ, что многіе изъ польскаго дворянства интересовались музыкою. На болѣе серьезную музыку тоже было обращено надлежащее вниманіе. Намъ

Іосифъ Эльснеръ.

М. Каминскій.

извѣстны, напримѣръ, имена львовскаго архіепископа Григорія Санока, капельмейстера и композитора при дворѣ Сигизмунда-Августа, Вацлава, также воспитанника Гербуртовъ, ученика

Домъ, въ которомъ родился Шопенъ, въ деревнѣ Желязова Воля, подъ Сохачевымъ.

краковской академіи Севастьяна Фельштина, Якова Любельчика, Мартына, родомъ изъ Львова (умеръ въ 1589 г.), который былъ ученикомъ Севастьяна Фельштина и органистомъ короля Си-

гизмунда-Августа. Онъ обучался музыкѣ въ Польшѣ, между тѣмъ другіе современные ему артисты (Христофоръ Кикеръ, Адамъ Варка и органистъ Адамъ Мосіонжекъ) воспитывались въ Римѣ и, кажется, изобрѣли даже новые музыкальные инструменты.

Фридерикъ-Франсуа Шопенъ.

Что касается теоріи музыки, то весьма много этого рода сочиненій писали Мартынъ Кромеръ, Броціусъ, иначе—Брожекъ, профессоръ краковской академіи Георгій Либанъ, родомъ изъ Лигницы, и Іоаннъ Шпангенбергъ. Но самой обширной извѣстностью пользовался Николай Гомолка, который сочинилъ и издалъ въ Краковѣ мелодіи на «псалтырь» Яна Кохановскаго, въ 1580 году. Это важное и единственное печатное въ Польшѣ музыкальное произведеніе того времени, написанное на четыре голоса, ставитъ этого автора наряду съ весьма знаменитыми современными ему контрапунктистами. Кромѣ него, какъ композиторы, славились еще ксендзъ Станиславъ Заяцъ, родомъ изъ Побіяницъ (отъ 1571 до 1602 г.) и ксендзъ каноникъ Войцехъ Варка (до 1619 года), которые оба были директорами коллегіи роратистовъ въ Краковѣ. Подражая королямъ, богатые вельможи тоже устраивали собственныя капеллы. Такъ, напримѣръ, домъ познанскаго воеводы Станислава (родомъ изъ Горки, умеръ въ 1593 году) называли въ то время «домомъ торжества и музыки»; музыкой же управлялъ Германъ Финкъ. Янъ Замойскій держалъ весьма большую капеллу, равно какъ и великій коронный маршалъ Сигизмундъ Мыш-

Фридерикъ Шопенъ, играющій въ домѣ кн. Радзивилла.

ковскій, и побѣдитель турокъ (въ 1621 году) Станиславъ Любомірскій, у котораго хоромъ музыки управлялъ итальянецъ Марчетти.

Нѣкто Христофоръ Клабанъ, служившій при дворѣ Стефана Баторія, пѣлъ на свадьбѣ Яна Замойскаго въ 1583 году и на многихъ другихъ торжествахъ латинскіе стихи Кохановскаго «Epinicion». Мѣщане, преимущественно краковскіе, со своей стороны тоже не упускали случая услаждаться музыкою. Помимо костельной, духовной музыки, весьма часто слышался съ городской башни оркестръ свѣтской музыки передъ какимъ-либо торжествомъ, или на зарѣ будилъ по домамъ именинницъ. Такой оркестръ обыкновенно обходилъ городъ также съ поздравленіями и пожеланіями, на Рождество Христово и на новый годъ, вслѣдъ за поздравляющими пѣвцами-колядниками. Свадьбы также не обходились безъ музыки, равно какъ и похороны. Пиры, на которыхъ пѣлись застольныя пѣсни, сопровождались музыкальными тушами въ то

Послѣдніе минуты жизни Фридерика Шопена.

время, когда шли круговыя чаши. Въ 1600 году, въ Краковѣ, во главѣ мѣстныхъ артистовъ музыкальнаго цеха (лютнистовъ) стоялъ Яковъ Нидерландъ. Было въ обыкновеніи играть на лютняхъ, цитрахъ, свирѣляхъ, а въ общественныхъ мѣстахъ можно было услышать даже сурны, трубы и барабаны. Когда итальянская музыка сдѣлалась болѣе популярною и распространилась въ краѣ, появилось большое число разнообразныхъ инструментовъ. Въ инвентарѣ же, оставшемся послѣ короля Стефана-Баторія, при дворѣ котораго капельмейстеромъ былъ Лука Маренціо, находятся регалъ, клавицимбалъ или унисонъ, скрипки, саламайки, свирели, серпенты, корнеты большіе и малые.

Протестантизмъ, какъ въ литературѣ такъ и въ музыкѣ, далъ новый толчекъ. Принимая болѣе и болѣе широкіе размѣры въ Польшѣ, ученіе это не придерживалось прежнихъ духовныхъ пѣсенъ и псалмовъ, и, предписывая своимъ послѣдователямъ хоровое пѣніе въ костелахъ и выпуская сборники духовныхъ пѣсенъ, не только развило у себя хоровое пѣніе, но

также побуждало и католиковъ къ большему ихъ употребленію въ своихъ костелахъ. Красивыя, напримѣръ, мелодіи находились въ псалтырѣ, изданномъ въ Раковѣ. Весьма извѣстнымъ считается сборникъ пѣсенъ ксендза Валентина изъ Березова, краковскаго изданія 1554 года, а затѣмъ—Артамона, родомъ изъ Гродзиска, 1601 года, Рейснера и т. д. Кромѣ того извѣстны евангелическіе сборники духовныхъ пѣсенъ, издававшіеся въ Силезіи и на Литвѣ, равно какъ и реформатскіе—Рубинскаго, Грущинскаго, Краинскаго (въ Раковѣ 1624 года). Таковъ же и сборникъ чешской братіи (1554 года), а равно и сборники социніанскіе.

Во всѣхъ древнихъ сборникахъ передъ словами пѣсни напечатаны также и мелодіи для этихъ словъ, нерѣдко весьма оригинальныя, такъ какъ сохраняютъ слѣды народнаго ритма. Для сборника Артамона мелодіи писали Фрейтагъ и Фризіусъ. Лучшимъ изъ католическихъ сборниковъ съ нотами считался сборникъ Лазаря Андрисовича, изданный въ Краковѣ въ 1556 году и заключающій въ себѣ гимны, духовныя пѣсни, коляды и т. под. Подобные сборники, относящіеся къ столь отдаленному времени, теперь весьма рѣдки, такъ какъ ихъ упорно преслѣдовали и уничтожали іезуиты, распространяя свои такъ называемыя «кантычки».

Итальянская капелла Сигизмунда III въ Варшавѣ была довольно многочисленна и хорошо

Иванъ Каминскій, драм. писатель

Аполлинарій Контскій.

Владиславъ Зеленскій.

подобрана, а потому содержаніе ея обходилось очень дорого. Управлялъ же ею Пацелли. Изъ композиторовъ того времени Семенъ Старовольскій упоминаетъ Палигоніуса, Зеленскаго, Брандта, іезуитскаго теолога Познаньчика, пѣвца Ивана — родомъ изъ Вирбковицъ, и Ѳому — родомъ изъ Сандоміра, который отличался трогательнымъ пѣніемъ «Плача Іереміи». Изъ капеллы Сигизмунда III извѣстны были пѣвецъ Адесъ, Діомедесъ, Катонъ Венета, сочинявшій пѣсни и танцы, а потому, въ качествѣ пѣвца, приглашавшійся обыкновенно на всѣ свадьбы. Доказательствомъ того, что музыка свѣтская и народная широко пустила корни въ обычаяхъ того времени, несмотря на сильныя противодѣйствія этому со стороны многихъ теологовъ, можетъ служить брошюра Бартояновича, ожесточеннаго врага музыки, который не давалъ спуску даже самому Гомолкѣ (въ то время уже десять лѣтъ какъ умершему). Но свѣтская музыка того времени могла служить только акомпаниментомъ для діалоговъ, бывшихъ въ большомъ употребленіи (даже въ монастыряхъ) и представляемыхъ съ музыкой и танцами. Тѣ изъ нихъ, которые были непристойны, были впослѣдствіи изгнаны изъ монастырей, хотя іезуиты долгое время еще представляли ихъ въ своихъ коллегіяхъ съ весьма большою изысканностью и великолѣпіемъ, замѣняя ими недостатокъ настоящей драмы. Слабымъ намекомъ

на эти «діалоги» могутъ служить существующія до настоящаго времени во многихъ городахъ и селеніяхъ такъ называемые «вертепы» или «ясли», обносимые по домамъ мальчиками.

Владиславъ IV имѣлъ капеллу, которая устраивала для него концерты. Современники разсказываютъ объ этой капеллѣ, между прочимъ, слѣдующее: «На спектакляхъ въ замкѣ прекрасно поютъ плавающія по морю сирены, вдругъ раскрывается дерево, и изъ него выскакиваетъ вся въ драгоцѣнностяхъ съ распущенными и завитыми волосами женщина и поетъ, какъ ангелъ. Прыгаютъ и трясутъ ногами по-итальянски, при чемъ играетъ музыка и клавицимбалы. Когда же старшій надъ музыкой дастъ знакъ, — моментально начинаютъ играть на скрипкахъ и продолжаютъ такъ играть до тѣхъ поръ, пока не кончится комедія». Иначе говоря, все описанное представляютъ собою оперу съ балетомъ.

Владиславъ IV имѣлъ придворнаго поэта Пуцителли, и капельмейстера Марка Скацхи родомъ изъ Рима. Въ числѣ придворныхъ музыкантовъ находился и Яржембскій (авторъ «Описанія Варшавы»). Почти такія же капеллы были у Альбрехта Радзивилла, Казановскаго и др.

Богуславскій.

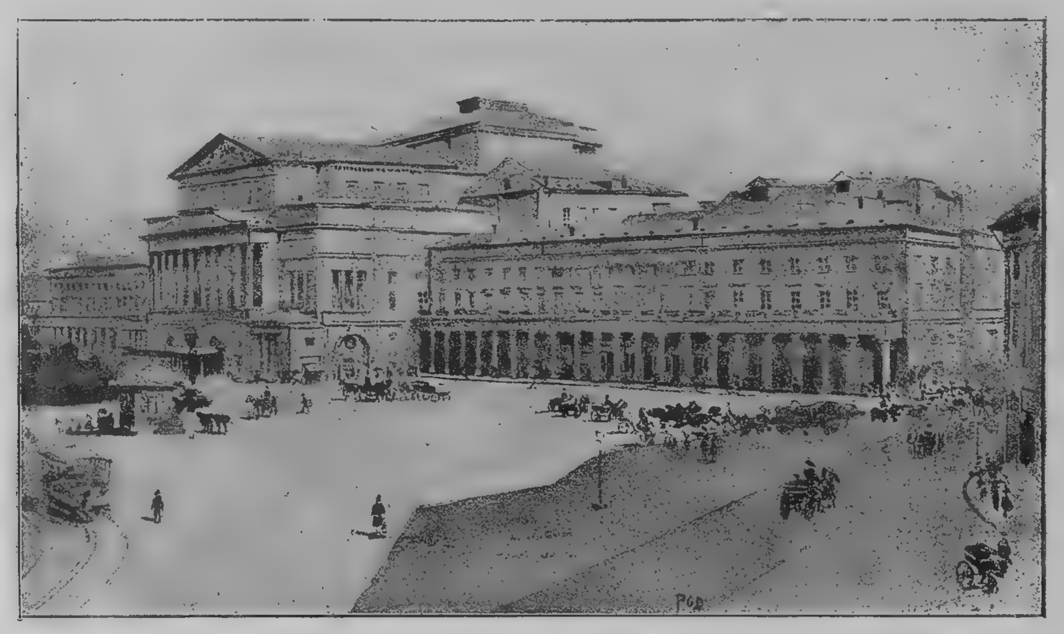
Станиславъ Монюшко.

Въ то время употреблялись слѣдующіе инструменты: арфы, лютни, бандуры, волынки, гобои, свирели, сурны, поморты, мотеты, серпенты, сербскія скрипки, регалы и проч.

Время царствованія Іоанна-Казимира и послѣдующее изобиловали всевозможными народными бѣдствіями; войны, пожары и другія несчастія рѣшительно неблагопріятствовали изящнымъ удовольствіямъ, причемъ даже много памятниковъ этого рода совершенно затеряны. Іоаннъ-Казимиръ, заключенный въ тюрьмѣ во Франціи, имѣлъ при себѣ бандуриста, который игрою своею услаждалъ ему тяжелыя минуты заключенія. Вольные музыканты или цеховые во многихъ городахъ играли въ костелахъ во время богослуженія безвозмездно, только изъ-за угощенія у духовенства послѣ богослуженія. Кромѣ того, были еще и другіе музыканты, какъ напримѣръ: «файферъ» или свирельщикъ, гобоистъ, литаврщикъ (бьющій въ литавры), сурнистъ, дудочникъ и скоморохъ (дудочникъ при вожакѣ съ медвѣдемъ), барабанщикъ, трубачъ, казачекъ бандуристъ, и т. д. Затѣмъ появилась и янычарская музыка: тулумбасы, литавры, варганы, бряцалки, звонки и т. д. Упадокъ королевства, а затѣмъ войны помѣшали заниматься музыкой, особенно-же серьезной. Іоаннъ Горчинъ издалъ въ 1647 году «Тубулятуру».

Завладѣвъ воспитаніемъ юношества, іезуиты занимались и музыкой, а Семенъ Берентъ и Ляуксминъ (іезуиты) писали сочиненія о музыкѣ (1649 и 1667). Фолькоръ въ своей «Исторіи музыки» упоминаетъ о музыкальномъ сочиненіи Альберта Тульковскаго (1669 г.). Въ Варшавѣ управлялъ капеллой Яковъ Ружицкій; въ капеллѣ же находилась и пѣвица Кочаровская Марія-Казимира, получившая въ подарокъ отъ нѣмецкой королевы, послѣ обороны Вѣны, клавикордъ, на верхней доскѣ котораго былъ изображенъ Парнасъ.

Среди мелкаго дворянства были распространены пѣсни о польскихъ вождяхъ, герояхъ подъ Вѣной и Хотиномъ, о казачьихъ походахъ, а впослѣдствіи — о благодатныхъ временахъ царствованія Саксовъ. Августъ II имѣлъ многочисленную придворную капеллу, равно какъ и Августъ III, который какъ въ Дрезденѣ, такъ и въ Варшавѣ, слушалъ оперы Гассе и пѣвицу Фаустину Бордони. Радзивиллъ Несвижскій, на балъ, который онъ давалъ въ Вильнѣ, въ 1730 году, кромѣ придворныхъ своихъ музыкантовъ-итальянцевъ, выписалъ еще артистовъ

Театральная площадь и зданіе театра въ Варшавѣ.

изъ Риги и Кролевца. Изъ учителей на клавикордѣ въ Варшавѣ первыми были въ царствованіе Августа III Заньчикъ (который одѣвался всегда по-французски) и Краска (носившій польскіе костюмы). Первымъ же фабрикантомъ клавицимбаловъ былъ въ Варшавѣ Станиславъ Корыцкій. Въ Краковѣ «коллегія роратистовъ» оказала довольно значительные успѣхи. Въ этой коллегіи, во время директорства ксендза Іоанна Порембскаго, жилъ и писалъ музыкальныя вещи религіознаго содержанія ксендзъ Григорій Горчицкій, который былъ капельмейстеромъ каѳедральной оркестровой музыки. Послѣ Порембскаго музыкою роратистовъ управляли ксендзы Масилевичъ, Пенкальскій и Битнеръ. Въ это же время жилъ композиторъ Голомбекъ. Въ 1791 году Битнеръ свою должность передалъ ксендзу Подгурскому, которая была затѣмъ соединена съ должностью директора каѳедральной капеллы, и по ходатайству Кустоша Севастьяна Сѣраковскаго перешла къ Ф. К. Кратчеру. Этотъ послѣдній, при содѣйствіи ксендза-епископа Солтыка и Вацлава Сѣраковскаго, учредилъ школу пѣнія, изъ которой вышелъ впослѣдствіи пѣвецъ Щуровскій.

Такія же оркестровыя музыки имѣли каѳедральный костелъ въ Вильнѣ и конвентскіе монастыри въ Червинскѣ, Ченстоховѣ, Лежайскѣ, Сокалѣ, Почаевѣ, Бердичевѣ и т. д. Въ Варшавѣ же, немного спустя, существовали костельныя музыки у бернардиновъ, беноновъ, августіановъ и піаровъ. Въ царствованіе Станислава-Августа, съ возрожденіемъ наукъ и литературы, началась новая эра также и для музыки. Между тѣмъ въ олигархической республикѣ, отдѣльные могущестенные вельможи, какъ, напр., Радзивиллы, Чарторыжскіе, Сапѣги, Любомирскіе (въ Ровнѣ), Ржевускіе, Вельегорскіе, Браницкіе, Огинскіе, Сулковскіе, Пининскіе, Тызенгаузы и т. д. — содержали при своихъ дворахъ собственныя капеллы. На Волыни-же и Украинѣ у нѣкоторыхъ «пановъ» существовалъ обычай держать искусныхъ и красиво одѣтыхъ

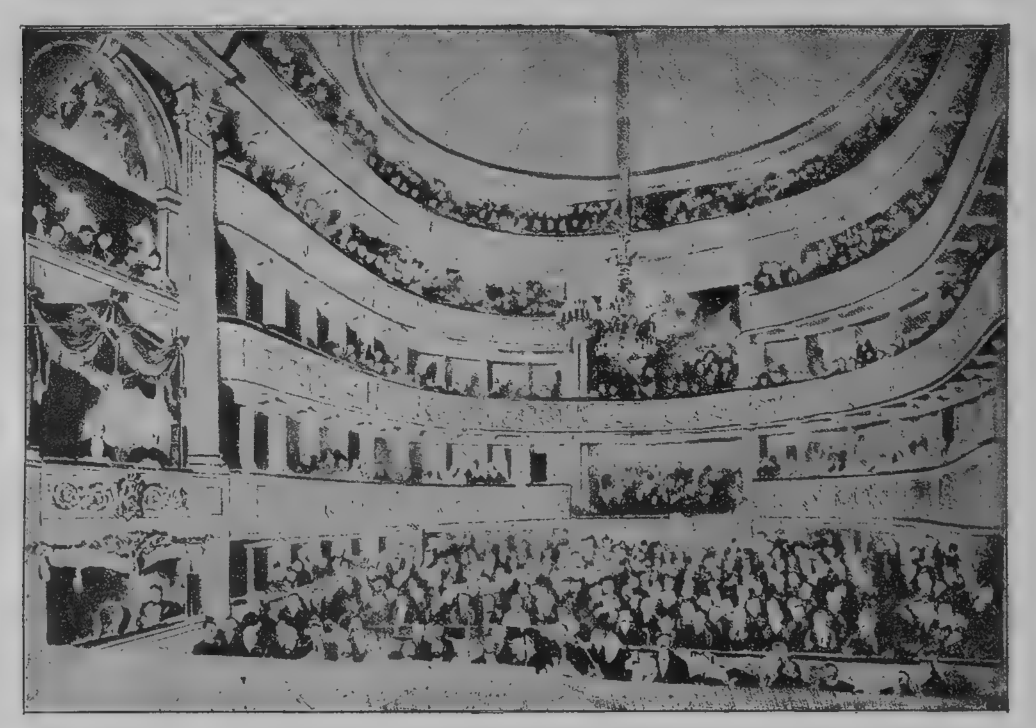

Главный подъѣздъ Большого театра въ Варшавѣ.

казачковъ-бандуристовъ, которыхъ пѣніе и пляска услаждали часы досуга хозяина и его гостей.

Король, заботившійся о распространеніи образованія въ краѣ, обратилъ серьезное вниманіе также и на развитіе театральнаго искусства. Слѣдомъ за развитіемъ польскаго драматическаго искусства, какъ сестра его, естественно должна была возвыситься также и музыка. Опера въ то время пользовалась уже весьма почетнымъ положеніемъ во всей Европѣ. Первыя заботы объ этой послѣдней, строго говоря, принадлежатъ еще Августу III, который стремился къ тому, чтобы возбудить интересъ и любовь у поляковъ къ изящнымъ заграничнымъ общественнымъ зрѣлищамъ, преимущественно же — къ итальянской оперѣ. Для этой цѣли онъ устроилъ временной театръ въ дворцовомъ манежѣ при Саксонскомъ саду. Но, вслѣдствіе-ли односторонности затѣи, или по причинѣ слишкомъ низкаго развитія общества, его старанія остались тщетными. Только въ царствованіе его преемника возникла въ Польшѣ

опера, которая хотя весьма робко выступила и въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, тѣмъ не менѣе, будучи для всякаго понятной и ясной, сумѣла заинтересовать публику и заставить ее стремиться въ театръ на зрѣлища. Первой поставленной оперой, въ 1778 году, въ Польшѣ была «Осчастливленная нищета». Авторомъ же ея музыки считается М. Каминскій, родомъ словакъ. Несмотря на то, что, по причинѣ интригъ иностранныхъ антрепренеровъ, она была дана только два раза, успѣхъ ея поощрилъ автора къ дальнѣйшему труду, результатомъ котораго явилась вторая его опера: «Зоська», которая понравилась публикѣ еще болѣе первой и пріобрѣла большую популярность. Послѣ него писали оперы для польской сцены, которая пріобрѣтала себѣ все большій и большій кругъ приверженцевъ, Вейнертъ, Стефани, Эльснеръ и Курпинскій. Первые трое — родомъ изъ славянскихъ земель, т. е. иностранцы. Хотя они и пользовались въ Польшѣ правомъ коренныхъ жителей, но, въ дѣйствительности, не совсѣмъ

Большой театръ въ Варшавѣ до перестройки.

твердо владѣли языкомъ и плохо справлялись со стихотворнымъ размѣромъ. Курпинскій же, какъ природный полякъ, хорошо зналъ польскій языкъ и писалъ вполнѣ правильно.

Стефани въ своей оперѣ «Краковяки и горцы» прекрасно уловилъ народныя черты. Опера эта (1794 г.), весьма часто возобновлявшаяся на сценѣ польскаго театра, доставила много мотивовъ для излюбленнаго и въ настоящее время балета «Свадьба въ Ойцовѣ», написаннаго его сыномъ Іосифомъ Стефани.

Наряду съ польскими пьесами, переводились и ставились также и иностранныя. Въ подражаніе столичнымъ городамъ появились также и провинціальныя сцены, которыя тоже не могли обойтись безъ музыки и танцевъ и находили себѣ музыкантовъ и танцовщицъ, болѣе доступныхъ ихъ скуднымъ средствамъ. Такимъ путемъ въ краѣ распространялись болѣе легкіе мотивы и танцы, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивался интересъ къ театральному дѣлу у провин-

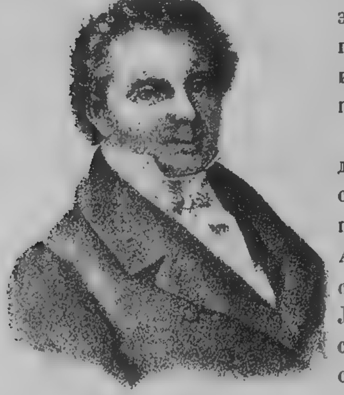

Иванъ Круликовскій. Леонтина Гальпертъ. Викторія Бакаловичъ. Елена Морджеевская. Марія Дерингъ. Алоизій Жулковскій. Романія Попель. Іосифъ Рихтеръ.

Корифеи варшавскаго театра по части драмы и комедіи.

ціальной публики. Развитіе театральнаго дѣла пошло еще успѣшнѣе, когда любовь къ музыкѣ стала возрастать въ высшихъ слояхъ общества, когда въ гостиныхъ многихъ дворянскихъ домовъ можно было услышать романсы Красинскаго, Княжнина и другихъ композиторовъ,

совмѣстно съ самородной пѣсенкой заурядныхъ мѣстныхъ музыкантовъ, имена которыхъ, равно какъ и ихъ произведенія, въ настоящее время уже совсѣмъ забыты. Музыка послѣдняго рода имѣла характеръ такъ-сказать «національно-дворянскій». Образцомъ этой музыки считаются, напримѣръ, извѣстные въ цѣлой Польшѣ полонезы Михаила Клеофоса Огинскаго, полные то тоскливаго и трогательнаго народнаго чувства, то вялые и изнѣженные, подобно тому, какъ было изнѣжено почти все высшее сословіе.

Алоизій Жулковскій (отецъ).

Бонавентурій Кудличъ

Михаилъ Хоминскій.

Несмотря на бѣдствія, какія со всѣхъ сторонъ съ каждымъ днемъ обрушивались на край, существовали еще дома, на столько состоятельные, что могли содержать у себя зрѣлища и капеллы. Такими были, напримѣръ, дома Радзивилловъ (князь Антонъ Радзвиллъ написалъ музыку къ «Фаусту»), Чарторыскаго въ Пулавахъ, гдѣ трудился староста Поляновскій, Фр. Лесселя, у котораго находился одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ скрипачей Карлъ Липинскій, Ледуховскаго, графа Мельжинскаго, князя Франца Сулковскаго во Влошаковицахъ, откуда вышелъ К. Курпинскій; князя Любецкаго, у котораго управлялъ музыкою Іосифъ Голенбевскій; графа Ильинскаго, у котораго завѣдывалъ музыкою Добржинскій и проч.

О костельной музыкѣ тоже заботились немало: почти всѣ театральные композиторы писали одновременно и произведенія духовныя, религіозныя. Весьма много на этомъ поприщѣ поработали Эльснеръ и Іосифъ Стефани; большой извѣстностью пользовалось нѣкогда «Requium» Козловскаго. Въ войскахъ появилась полковая музыка. Во многихъ домахъ начали устраивать струнные квартеты, а въ большихъ городахъ были публичные концерты виртуозовъ, какъ иностранныхъ такъ и своихъ, какими были, напримѣръ, Липинскій, Шимановская и др. Варшавскій театральный оркестръ, вначалѣ весьма незначительный, постепенно увеличивался и пріобрѣталъ все большую полноту. Такъ, напримѣръ, при Стефани оркестръ состоялъ не болѣе, какъ изъ 20-ти музыкантовъ; при Карпинскомъ ихъ было уже 32; позднѣе-же число ихъ увеличилось почти вдвое. Распространенію музыки особенно способствовали при театрахъ спеціальныя школы пѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено вниманіе на пѣніе при открытіи другихъ учебныхъ заведеній. При нѣкоторыхъ семинаріяхъ были устроены маленькія школы для желающихъ изучать игру на органѣ, для подготовки органистовъ, недостатокъ которыхъ былъ весьма ощутителенъ въ деревенскихъ костелахъ. Въ 1820 году стараніями Станислава Сташица открыта была въ Варшавѣ консерваторія подъ дирекціей Эльснера, которая въ первый десятилѣтній періодъ своего существованія (т.-е. до 1831 г.) много потрудилась для музыкальнаго искуства, давъ воспитаніе весьма многимъ талантамъ, которыми впослѣдствіи гордились, какъ мѣстными знаменитостями. Изъ этихъ послѣднихъ болѣе выдающимися были Солива (пѣвецъ), Вюрфель, Явуренъ, Ленчъ, Бѣлявскій, Жилинскій и т. д. Въ литературѣ въ это время наступила эпоха рамантизма, и музыка не замедлила послѣдовать по тому-же пути за свою сестрою, поэзией·

Къ этой же эпохѣ относится и появленіе знаменитаго Шопена, корифея музыкальнаго искусства. Вдохновляясь тѣми же идеями, которыми жила тогда поэзія, Шопенъ и думалъ и чувствовалъ однородно съ современными ему поэтами, которые, настроивая его въ извѣстномъ направленіи, тѣмъ самымъ давали ему возможность быть выразителемъ духа той эпохи посредствомъ музыкальныхъ піесъ, въ которыхъ Шопенъ высказалъ настроеніе всецѣло своей души. Ему стали подражать другіе таланты. Многихъ изъ нихъ разсыпали по свѣту происшествія 1831 года. Орловскій, Клемчинскій, Орда, Фонтанъ и т. д. отправились заработывать насущный хлѣбъ во Францію, куда раньше ихъ переселился Совинскій, а немного послѣ за нимъ послѣдовали Вольфъ, Конскій и другіе. Иные же странствовали по Европѣ и давали концерты, какъ напр., гитаристы Бобровичъ, Щепановскій, Соколовскій, а также — многіе піанисты и скрипачи, кларнетистъ Тропянскій, цимбалистъ Гузиковъ и т. д. Нѣкоторые работали въ Польшѣ, какъ композиторы, исполнители или учителя, преимущественно же въ Варшавѣ, какъ напр., Добжинскій, Высоцкій, Бржовскій, Новаковскій, Крогульскій, Нидецкій, Непили, Барановскій, Вельгорскій Іосифъ, Дитрихъ, Каня, Стевихъ, Прохазка, Лодвиговскій, Корасовскій и т. д., а также много пѣвцовъ и пѣвицъ: Волковъ, Гладковская, Рывацкая, Лескевичъ, Добрскій, Трошель, Матушинскій, впослѣдствіи Риволи, Довяковская, Миллеръ, Келлеръ и другіе.

Игнатій Веровскій.

Въ теченіе тридцати лѣтъ наука музыки, лишенная высшей школы, шла въ Польшѣ произвольно. Молодежь получала музыкальное образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ заграницей, преимущественно въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Лейпцигѣ. Изъ парижской консерваторіи вышли Контскій, Венявскій, Недзѣльскій, Таборовскій, Микули, Верникъ, Яницкій, Бернацкій, Крыжановскій, Германъ, Лотто, Лада, и много другихъ. Частные учителя, какъ поляки такъ и иностранцы, поддерживали развитіе музыкальнаго искусства и въ другихъ большихъ городахъ, а литература и періодическая пресса начали возбуждать вопросы музыкальной критики. Во Львовѣ пріобрѣли извѣстность братья Допплеръ, Сервачинскій, Микули и т. д.; въ Краковѣ — Кротчеры, Студинскіе, Крыжановскій и т. д.; въ Вильнѣ — Монюшко, Кажинскій, Милодовскій и т. д. Началось также усиленное собираніе точныхъ и выразительныхъ народныхъ мелодій, разсѣянныхъ по всей Польшѣ, и въ этомъ обильномъ, родномъ источникѣ стали черпать вдохновеніе. Пѣсни религіознаго содержанія тоже не были забыты. Собраніемъ ихъ занялись Медіошевскій, Денбинскій, Кленовскій, Рашекъ, ксендзъ Ярмушевичъ, Нахбаръ, и вновь обработалъ ихъ Р. Зентарскій. Отдѣлъ романсовъ

Иванъ Крулнковскій.

пополнялся трудами Комаровскаго, Войковскаго, Монюшко, Тейхмана, Трошеля, Мадейскаго, Дунецкаго, Зеленскаго и др.

Въ самой Варшавѣ давались въ переводѣ оперы итальянскія или другихъ національностей. Нѣсколько разъ съѣзжалась масса итальянскихъ артистовъ и публика ознакомилась съ такими пѣвицами, какъ Ассандри, Ортоляни, Голосси, Берини и Требелли. Польская опера, послѣ тридцатилѣтняго летаргическаго сна, поднялась, наконецъ, на большую высоту съ появленіемъ Монюшко, «Галька» котораго дана была въ 1858 г., и сразу пріобрѣла расположеніе публики. Послѣ нея этотъ же композиторъ поставилъ на сценѣ еще нѣсколько драматическихъ произведеній, которыя тоже имѣли большой успѣхъ. Въ то же время Монюшко не переставалъ работать надъ религіозной и салонной музыкой.

Равнымъ образомъ на драматическомъ поприщѣ появился въ 1863 году Добржинскій съ красивой и извѣстной уже въ отрывкахъ своей оперой «Флибустьеры», а съ 1864 года — Мюнхгеймеръ, Мартенъ, Миладовскій, Ясинскій (Дорошенко) и другіе. Странствующіе оркестры знакомили публику съ прежними и новыми музыкальными произведеніями болѣе выдающихся композиторовъ. Въ этомъ отношеніи громадную пользу принесъ Варшавѣ прекрасный оркестръ Бильзе изъ Лигницы. Танцовальная музыка, постоянно имѣвшая въ Польшѣ большой успѣхъ, пополняемая прежде произведеніями своихъ писателей Курпинскаго, Солтыка, Кужонтковскаго, Новаковскаго и многихъ другихъ, имѣла также въ Варшавѣ извѣстные бальные оркестры Штурма, Кужонтковскаго, Кубелки, Хойнацкаго, Райчака и т. д.

Въ виду возраставшей любви къ музыкѣ, и постепеннаго ея распространенія и развитія въ Польшѣ, равно какъ и для полезнаго развитія театральнаго искусства, явилась надобность поддерживать и воспитывать эту общую любовь и часто попадавшіеся таланты. Словомъ, назрѣла надобность въ хорошей музыкальной школѣ. Поэтому, послѣ продолжительныхъ хлопотъ нѣкоторыхъ варшавскихъ артистовъ, а равно и ходатайствъ ихъ у административныхъ лицъ, затѣя ихъ, наконецъ, увѣнчалась успѣхомъ. Съ разрѣшенія правительства, въ 1861 году въ Варшавѣ былъ открытъ музыкальный институтъ, слѣдить за методой преподаванія котораго правительство поручило Аполлинарію Контскому. Школа эта имѣла отдѣлы теоретическій и практическій. Предметы занятій теоретическаго отдѣла составляли элементарная теорія музыки, гармонія и контрапунктъ; практическій отдѣлъ раздѣлялся на вокальную часть и инструментальную, число же всѣхъ преподавателей въ первое время было 10 человѣкъ.

По мѣрѣ того, какъ развивалось въ Польшѣ музыкальное искусство, выростала также и собственно драматическая часть театральнаго дѣла. На этомъ поприщѣ успѣло выдвинуться значительное количество высоко-даровитыхъ людей, какъ въ области комедіи и драмы, такъ и во всѣхъ другихъ спеціальностяхъ сценическаго дѣла. Въ видѣ примѣра, назовемъ Игнатія Веровскаго и Бонавентурія Кудлича, какъ талантливыхъ актеровъ нѣсколько отдаленной уже эпохи. Къ нимъ нужно причислить также и извѣстнаго въ свое время комика Жулковскаго. Изъ актеровъ-же новѣйшей эпохи особенно громкую извѣстность пріобрѣли Иванъ Круликовскій, какъ даровитый трагикъ, Жулковскій-сынъ и Михаилъ Хоминскій—замѣчательные комики, артистки Моржджеевская, Попель, Бакаловичъ и мн. др.

Вообще-же, въ области музыки и театра, поляки очень характерно и внушительно заявили о своей даровитости, проявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ большую долю самостоятельности въ разработкѣ всего того, что они получили и продолжаютъ получать отъ своихъ западно-европейскихъ учителей въ этомъ отношеніи.

ТОМА IV-го.

ЧАСТЬ I.

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ.

ТОВАРИЩЕСТВО М.О. ВОЛЬФЪ

1853
ТОВАРИЩЕСТВО М О
1883

БЕЗПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЖУРНАЛУ «НОВЬ» НА 1896 ГОДЪ
№ 1-6. НОЯБРЬ ПО АПРѢЛЬ
ПАРОВАЯ ПЕРЕПЛЕТНАЯ ТОВАРИЩЕСТВА М.О. ВОЛЬФА